

ISSN 2713-2021
Научный журнал

**Материалы по археологии и истории
античного и средневекового Причерноморья**

**Proceedings in Archaeology and History
of Ancient and Medieval Black Sea Region**

**2021
№ 13**

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ 13

Нижневартовск
2021

Редакция

- С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор античного раздела
 А.Г. Еманов — доктор исторических наук, профессор, ТюмГУ, главный редактор средневекового раздела
 М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
 В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
 Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
 А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
 М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
 А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
 Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
 Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
 В.Б. Панковский — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАН Украины
 М.М. Чореф — кандидат исторических наук, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, редактор-составитель, ответственный секретарь

Редакционный совет

- А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
 М.Д. Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель Центра истории древнего Востока ИВИ РАН, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
 М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН
 Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
 Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, директор Археологического музея (г. Силистра, Болгария)
 А.Н. Балаш — доктор культурологии, профессор, СПбГИК
 Я.А. Бодзек — Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
 Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
 Н.А. Гаврилюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии ИА НАН Украины
 П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
 В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
 И.В. Зайцев — доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН
 Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
 Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
 А.К. Кушкumbaев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
 Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
 С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
 И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», президент Ассоциации болгарских музеев
 Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
 Д.В. Сень — доктор исторических наук, профессор, ЮФУ
 С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, ИА НАН Украины
 С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
 И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
 С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
 С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
 Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
 С.С. Филипова — доктор истории, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
 П.Н. Петров — кандидат исторических наук, Центральный государственный музей Республики Казахстан
 Л. Пуббличчи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
 К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
 А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
 М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
 Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
 М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия 628602
 Тел./факс: +7 (964) 170-96-41, E-mail: choref@yandex.ru, Site: maiask.ru

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. 13

**Nizhnevartovsk
2021**

Editorials Board

S.Yu. Saprykin	—	Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief of the Ancient Section
A.G. Emanov	—	Dr. habil. (History), Professor, Tyumen State University, Editor-in-Chief of the Medieval Section
Michel Kazanski	—	Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), Deputy Chief Editor
Basil Lourié	—	Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund	—	Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha	—	Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
M.Ju. Treister	—	Dr. phil. Habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
Attila Antal Türk	—	Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova	—	Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
N.P. Telnov	—	PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
V.B. Pankowski	—	PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
M.M. Choref	—	PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Editor-in-Charge, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik	—	Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.D. Bukharin	—	Dr. habil. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for the History of the Ancient East of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
M.G. Abramzon	—	Dr. habil. (History), Professor, Leading researcher of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Stefan Albrecht	—	Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
G.G. Atanasov	—	Dr. habil. (History), Professor, Director of Museum of Archaeology (Silistra, Bulgaria)
A.N. Balash	—	Dr. habil. (Cultural Studies), Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture
Jaroslav Artur Bodzek	—	Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Yu.A. Vinogradov	—	Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
N.A. Gavriljuk	—	Dr. habil. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Archaeology of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
Peter Benjamin Golden	—	Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev	—	Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
Ljubica Jovanovic	—	Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
I.V. Zaytsev	—	Dr. habil. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
François de Callataÿ	—	Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
E.A. Molev	—	Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
S.Yu. Monakhov	—	Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
I.S. Prokopov	—	Dr. habil. (History), Professor, South-West University, President of the Bulgarian Museum Association
N.D. Russev	—	Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
D.V. Sen’	—	Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University
S.A. Skoryi	—	Dr. habil. (History), Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan	—	Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub	—	Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.V. Yartsev	—	Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko	—	Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova	—	Doctor of History, Regional Historical Museum “Academician Yordan Ivanov”, Kyustendil
R.A. Rabinovich	—	Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov	—	PhD (History), Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici	—	PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Kutluay Erk	—	PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin	—	PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Mahmoud Ahmad Zarazir	—	PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva	—	PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky	—	PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 38 Omskaya Street, of. 187, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Russia 628602
Tel./fax: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

М.Н. Дараган (Киев, Украина), С.В. Полин (Киев, Украина), Ю.М. Свойский (Москва, Россия). Хронологическая последовательность мегалитических погребальных комплексов энеолита в кургане у пгт. Великая Александровка	13
В.А. Дергачев (Кишинев, Молдова). Буджакская «культура» сквозь призму картографического метода	99
И.Ж. Тутаева (Санкт-Петербург, Россия). Металлические изделия эпохи поздней бронзы из с. Сосновка	145
С.Д. Лысенко (Киев, Украина), С.Н. Разумов (Тирасполь, Молдова), С.С. Лысенко (Киев, Украина), В.С. Синика (Тирасполь, Молдова), Н.П. Тельнов (Тирасполь, Молдова). Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп «ДОТ», «Сад», «Водовод» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра	164
С.А. Фидельский (Тирасполь, Молдова). Клад с городища Строенцы на левобережье Среднего Днестра	202
Д.Е. Чистов (Санкт-Петербург, Россия). Градостроительные планы архаических греческих апоекий Северного Причерноморья: «идеальные» и реальные	219
С.В. Полин (Киев, Украина), М.Н. Дараган (Киев, Украина). Скифские катакомбы с двумя входными ямами. Ч. 1. Ритуальные катакомбы	254
В.С. Синика (Тирасполь, Молдова), С.Д. Лысенко (Киев, Украина), С.Н. Разумов (Тирасполь, Молдова), О.А. Закордонец (Тирасполь, Молдова). Скифские погребения кургана 14 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье	343
М.Ю. Трейстер (Бонн, Германия). Македонская (фракийская ?) бронзовая патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону	380
И.Г. Равич (Москва, Россия), М.Ю. Трейстер (Бонн, Германия). Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э. — первых веков н.э.: типология, хронология, распределение и технология их изготовления	404
P.I. Shulga (Novosibirsk, Russia), D.P. Shulga (Novosibirsk, Russia). New materials on sacrificial animals in Yanglang Culture burials of the 5th — 3rd cc. BCE (China)	453
Ю.А. Прокопенко (Ставрополь, Россия). Налобные и нашечные пластины конского убора IV — начала II вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности	467
С.С. Лысенко (Киев, Украина). Гальштатско-латенские и позднеантичные браслеты с выступами	483
Ю.К. Гугуев (Ростов-на-Дону, Россия), С.А. Науменко (Ростов-на-Дону, Россия). Подвал II в. н.э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX)	535
С.В. Ярцев (Тула, Россия), В.Г. Зубарев (Тула, Россия), Е.В. Шушунова (Тула, Россия). Особенности культа предков в Северном Причерноморье позднеантичного времени (по материалам городища «Белинское»)	578
М.В. Квитницкий (Тирасполь, Молдова), Н.П. Тельнов (Тирасполь, Молдова), А. Тюрк (Пилишчаба, Венгрия). Ранневенгерское погребение с декоративными обувными накладками у с. Глиное	603
М.С. Гаджиев (Махачкала, Россия), А.Л. Будайчиев (Махачкала, Россия), А.М. Абдулаев (Махачкала, Россия), Р.Х. Мамаев (Грозный, Россия). Навершие булавы—шестопера из Дербента	619

И.Б. Тесленко (Киев, Украина). Керамические комплексы замка Фуна в Южном Крыму: коллекция посуды из выгребных ям	642
В.Б. Панковский (Киев, Украина). Археосфера Земли (археологическая концепция археосферы)	666

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

А.Е. Негин (Нижний Новгород, Россия). Императорский оруженосец: к интерпретации фигуры с рельефа «Большого Траяновского фриза»	689
---	------------

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

И.Ю. Шауб (Санкт-Петербург, Россия). Горгона в религии меотов	701
Н.И. Суворова (Азов, Россия). К вопросу о распространении понтийского синкретического культа Мена—Митры—Аттиса на Боспоре	715

ИСТОРИЯ

С.А. Яценко (Москва, Россия), Рогожинский А.Е. (Алматы, Казахстан). Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей	733
Р.Ю. Почекаев (Москва, Россия). Кого могли и кого не могли судить Гирей? К истории суда и процесса в Крымском ханстве	768
Н.В. Белов (Санкт-Петербург, Россия), А.Б. Белова (Санкт-Петербург, Россия). Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре 1565 г.	779
В.Н. Филас (Запорожье, Украина). Северное Причерноморье на картушах географических карт XVI — начала XVIII вв.: особенности европейского восприятия	805
В.Г. Ананьев (Санкт-Петербург, Россия), М.Д. Бухарин (Москва, Россия). О выдвижении Ф.И. Шмита в действительные члены Академии наук СССР	819

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Paul David Buell (Dahlonge, USA), Kutluay Erk (Bornova/İzmir, Turkey). Some Notes on Proper Names and Official Titles in the Mongyol-un niyuca tobčiyan: inal/inanča/inaq	841
--	------------

НУМИЗМАТИКА

В. Zlateva (Sofia, Bulgaria), М. Doychinova (Sofia, Bulgaria), I. Prokopov (Blagoevgrad, Bulgaria). XRF analyses of electrum coins of 7th — 4th cc. BCE: coin hoard (hoards?) or several groups of coins	855
Д.В. Андриевский (Санкт-Петербург, Россия), М.М. Чореф (Нижний Новгород, Россия). Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник	875
М.М. Чореф (Нижний Новгород, Россия). Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации	882
П.Н. Петров (Алматы, Казахстан). Влияние традиции на денежное обращение на примере клада 2014 г. чагатаидских дирхамов XIII—XIV вв. из Присырдарьинского Бозока	903

ЭПИГРАФИКА

Natia Phiphia (<i>Tbilisi, Georgia</i>), Ekaterine Kobakhidze (<i>Tbilisi, Georgia</i>). To the question of the identifying king Amazasp of Iberia, queen Dracontis and a royal official Anagranes mentioned in three Greek inscriptions found in Mtskheta	925
Д.П. Шульга (<i>Новосибирск, Россия</i>). Несторианское христианство в Танском Китае (по материалам эпитафии Ми Цифэня)	934
М.С. Гаджиев (<i>Махачкала, Россия</i>), М.А. Гасанов (<i>Махачкала, Россия</i>). Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической надписью мусульманского некрополя Дербента XI—XII вв.	942
Michael Nosonovsky (<i>Milwaukee, USA</i>). Hebrew gravestone inscriptions from Jewish cemeteries in the <i>Raysn</i> region (Belarus and Ukraine)	954

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

М.М. Маммаев (<i>Махачкала, Россия</i>). Стела XVI в. из с. Кумух — высокохудожественное произведение исламского искусства	973
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

Kutluay Erk (<i>Bornova/Izmir, Turkey</i>). Book review: Apatóczy, Á.B., Atwood, Ch.P. (eds.), Kempf, B. (g.-ed.). 2018. <i>Philology of the Grasslands: Essays in Mongolic, Turkic, and Tungusic Studies</i> . Leiden; Boston: Brill (The languages of Asia. Vol. 17)	985
Список сокращений	991
Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»	999

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

M.N. Daragan (Kyiv, Ukraine), S.V. Polin (Kyiv, Ukraine), Yu.M. Svoyski (Moscow, Russia). Chronological sequence of megalithic burial complexes of the Eneolithic in the Velikaya Aleksandrovka burial mound	13
Valentin Dergaciov (Kishinev, Moldova). The Budjak “culture” through the prism of mapping analysis	99
I.Zh. Tutaeva (Saint Petersburg, Russia). Metal tools of the Late Bronze Age from Sosnovka village	145
S.D. Lysenko (Kyiv, Ukraine), S.N. Razumov (Tiraspol, Moldova), S.S. Lysenko (Kyiv, Ukraine), V.S. Sinika (Tiraspol, Moldova), N.P. Telnov (Tiraspol, Moldova). Burials of the Late Bronze Age from the barrows of the “DOT”, “Garden”, “Sluiceway” groups near the Glinoye village on the left bank of the Lower Dniester	164
S.A. Fidelski (Tiraspol, Moldova). The hoard from the Stroentsy fortified settlement on the left bank of the Middle Dniester	202
D.E. Chistov (Saint Petersburg, Russia). Urban plans of the archaic Greek apoikiai of the Northern Black Sea region: “imaginary” and real ones	219
S.V. Polin (Kyiv, Ukraine), M.N. Daragan (Kyiv, Ukraine). Scythian catacombs with two entrance pits. Pt. 1. Ritual catacombs	254
V.S. Sinika (Tiraspol, Moldova), S.D. Lysenko (Kyiv, Ukraine), S.N. Razumov (Tiraspol, Moldova), O.A. Zakordonets (Tiraspol, Moldova). Scythian graves of barrow 14 of the “Sluiceway” group in the Lower Dniester region	343
Mikhail Treister (Bonn, Germany). A Macedonian (Thracian?) bronze patera from the Burial-mound no. 1/1910 of the Chastye kurgany-group in the Middle Don Region	380
Irina Ravich (Moscow, Russia), Mikhail Treister (Bonn, Germany). Chinese mirrors from the burials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the 1st millennium BCE — first centuries CE: typology, chronology, distribution and technology of manufacture	404
P.I. Shulga (Novosibirsk, Russia), D.P. Shulga (Novosibirsk, Russia). New materials on sacrificial animals in Yanglang Culture burials of the 5th — 3rd cc. BCE (China)	453
Yu.A. Prokopenko (Stavropol, Russia). Horse frontlets and cheek-guards of the 4th — early 2nd centuries BCE from monuments of Stavropol Upland	467
S.S. Lysenko (Kyiv, Ukraine). Hallstatt — La Tène and late Classical bracelets with projections	483
Yu.K. Guguev (Rostov-on-Don, Russia), S.A. Naumenko (Rostov-on-Don, Russia). The basement of the 2nd c. CE in city square area of Tanais (excavation unit XIX)	535
S.V. Yartsev (Tula, Russia), V.G. Zubarev (Tula, Russia), E.V. Shushunova (Tula, Russia). Features of the Cult of Ancestors in the Northern Black Sea region of the late Classical time (based on the materials of the settlement “Belinskoye”)	578
M.V. Kvitnytskyi (Tiraspol, Moldova), N.P. Telnov (Tiraspol, Moldova), A. Türk (Piliscsaba, Hungary). Early Hungarian grave with decorative shoe soles near the Glinoe village	603
M.S. Gadjeiev (Makhachkala, Russia), A.L. Budaychiev (Makhachkala, Russia), A.M. Abdulaev (Makhachkala, Russia), R.H. Mamaev (Grozny, Russia). Head of mace-sheshper from Derbent	619

I.B. Teslenko (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Ceramic assemblages of the Funa Castle in the Southern Crimea: collection of vessels from cesspools	642
V.B. Pankowski (<i>Kyiv, Ukraine</i>). The Archaeosphere of Earth (An Archaeological Conception of Archaeosphere)	666

MILITARY HISTORY AND ARCHAEOLOGY

A.E. Negin (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). The Emperor's armour-bearer: to the interpretation of the figure from relief of the Great Trajanic Frieze	689
--	------------

RELIGIOUS STUDIES

I.Yu. Schaub (<i>Saint Petersburg, Russia</i>). Gorgon in the religion of Maeotes	701
N.I. Suvorova (<i>Azov, Russia</i>). To the question of expansion of the pontic syncretic cult of Mēn—Mithra—Attis in Bosphorus	715

HISTORY

S.A. Yatsenko (<i>Moscow, Russia</i>), A.E. Rogozhinskii (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Some notes on the tamga-signs of Sarmatians and their neighbours	733
R.Yu. Pochekaev (<i>Moscow, Russia</i>). Who could be and who could not be judged by Girays: on court and trial in the Khanate of Crimea	768
N.V. Belov (<i>Saint Petersburg, Russia</i>), A.B. Belova (<i>Saint Petersburg, Russia</i>). The Campaign of Devlet Giray I to the Russian lands and the defense of Bolkhov in October 1565	779
Viktor Filas (<i>Zaporizhzhia, Ukraine</i>). Northern Black Sea region on cartouches of geographical maps of the 16th — early 18th cc.: features of European perception	805
V.G. Ananiev (<i>Saint Petersburg, Russia</i>), M.D. Bukharin (<i>Moscow, Russia</i>). On the proposal of the candidature of F.I. Schmit to the Academy of Sciences of the USSR	819

HISTORICAL PHILOLOGY

Paul David Buell (<i>Dahlonge, USA</i>), Kutluay Erk (<i>Bornova/Izmir, Turkey</i>). Some Notes on Proper Names and Official Titles in the Mongyol-un niyuca tobčiyān: inal/inanča/inaq	841
--	------------

NUMISMATICS

B. Zlateva (<i>Sofia, Bulgaria</i>), M. Doychinova (<i>Sofia, Bulgaria</i>), I. Prokopov (<i>Blagoevgrad, Bulgaria</i>). XRF analyses of electrum coins of 7th — 4th cc. BCE: coin hoard (hoards?) or several groups of coins	855
D.V. Andriyevskiy (<i>Saint Petersburg, Russia</i>), M.M. Choref (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). Imported Hellenistic coins found near Partizanskoe village (Southwest Crimea) as a historical source	875
M.M. Choref (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). Bronzes of Sauromates II with Aphrodite sitting on a throne on reverse as source of historical information	882
P.N. Petrov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). The influence of tradition on monetary circulation on the example of the treasure of Chaghatayid dirhams (2014) of the 13th — 14th centuries from the Prisyrdarya Bozok	903

EPIGRAPHY

Natia Phiphia (<i>Tbilisi, Georgia</i>), Ekaterine Kobakhidze (<i>Tbilisi, Georgia</i>). To the question of the identifying king Amazasp of Iberia, queen Dracontis and a royal official Anagranes mentioned in three Greek inscriptions found in Mtskheta	925
D.P. Shulga (<i>Novosibirsk, Russia</i>). Nestorian Christianity in Tang China (according to the Epitaph of Mi Jifen)	934
M.S. Gadjiev (<i>Makhachkala, Russia</i>), M.A. Gasanov (<i>Makhachkala, Russia</i>). Sarcophagous tombstone with Kufic inscription of the Derbent muslim necropolis of the 11 th — 12 th cc.	942
Michael Nosonovsky (<i>Milwaukee, USA</i>). Hebrew gravestone inscriptions from Jewish cemeteries in the Raysn region (Belarus and Ukraine)	954

ART HISTORY

M.M. Mammaev (<i>Makhachkala, Russia</i>). Stele of the 16 th c. from Kumukh village — a highly artistic work of Islamic art	973
--	-----

REVIEWS

Kutluay Erk (<i>Bornova/Izmir, Turkey</i>). Book review: Apatóczy, Á.B., Atwood, Ch.P. (eds.), Kempf, B. (g.-ed.). 2018. Philology of the Grasslands: Essays in Mongolic, Turkic, and Tungusic Studies. Leiden; Boston: Brill (The languages of Asia. Vol. 17)	985
Abbreviations	991
Submissions	999

Археология

Archaeology

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.49.36.001

М.Н. Дараган, С.В. Полин, Ю.М. Свойский

**ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ
МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭНЕОЛИТА
В КУРГАНЕ У ПГТ. ВЕЛИКАЯ АЛЕКСАНДРОВКА***

Появление первых курганов в степях Северного Причерноморья в энеолите (3900/3800—3500/3400 BCE) сопровождалось строительством первых мегалитических сооружений — кромлехов, представлявших собой кольцевые сооружения из вертикально установленных каменных плит в сочетании с погребениями в каменных ящиках, цистах или в ямах, в том числе с каменным перекрытием. Такие конструкции продолжали сооружаться и в ямное время, однако длительность их использования и связь с типами погребальных конструкций всё ещё остаются слабо изученными. Все эти мегалитические конструкции ныне не наблюдаются на местности. Во всех случаях они перекрыты более поздними грунтовыми конструкциями, сооруженными над погребениями ямной культуры. Последовательная реконструкция подобных мегалитов является одним из наиболее эффективных способов изучения культурного генезиса различных погребальных традиций на определенной территории. Среди множества различных погребальных сооружений, выявленных в степной зоне Северного Причерноморья, одну из особых позиций занимают древнейшие погребения, исследованные в кургане 1 у пгт. Великая Александровка. Рассмотрена группа древнейших погребений Великоалександровского кургана (22, 23, 24, 7) и связанные с ними каменные сооружения — кромлехи 1 и 2. На двух плитах первого кромлеха имеются выбитые зооморфные фигуры, интерпретируемые как изображение тура и сцена преследования кабана собаками. Публикуются энеолитические погребения кургана, графическая реконструкция облика связанных с ними кромлехов, а также результаты морфометрического анализа изображений на плитах кромлеха. Подробно рассмотрена культурно-хронологическая атрибуция захоронений. Особое внимание уделено позиции каменных ящиков в стратиграфии ямных курганов и их связи с кромлехами. Рассматриваются: энеолитические кромлехи и кромлехи, сооруженные вокруг погребений ямной культуры; кромлехи, сооруженные вокруг погребений эпохи энеолита и ямной культуры в каменных ящиках; погребения в каменных ящиках, сооруженных на вершинах энеолитических насыпей; каменные ящики, впущенные в энеолитическую насыпь; основные погребения в орнаментированных каменных ящиках без кромлехов; погребения в каменных ящиках, осуществленные на поверхности ямной насыпи; каменные ящики, впущенные в насыпь ямной культуры.

Ключевые слова: энеолит, ранняя бронза, ямная культура, мегалитические сооружения, кромлех, каменный ящик, зооморфные изображения, трехмерное моделирование, морфометрический анализ, реконструкция, курган.

Сведения об авторах: Дараган Марина Николаевна¹, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Полин Сергей Васильевич², кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Свойский Юрий Михайлович³, инженер Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, сотрудник лаборатории RSSDA.

Контактная информация: ^{1,2}04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: ¹darmar@ukr.net; ²polin-archeo@ukr.net; ³105066, Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., 21/4, Лаборатория RSSDA; 129323, Россия, г. Москва, Снежная улица, 17, НИУ ВШЭ; e-mail: rutil28@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 14 декабря 2021 г.
Принята к печати 29 декабря 2021 г.

M.N. Daragan, S.V. Polin, Yu.M. Svoyski

CHRONOLOGICAL SEQUENCE OF MEGALITHIC BURIAL COMPLEXES OF THE ENEOLITHIC IN THE VELIKAYA ALEKSANDROVKA BURIAL MOUND

The emergence of the earliest burial mounds in the Eneolithic of the North Pontic steppes (3900/3800—3500/3400 BCE) was accompanied by the construction of the earliest megalithic structures — cromlechs, the circular structures of which consisted of vertically installed stone slabs combined with stone chamber burials, cist burials, and pit burials covered with stones. Similar structures continued to be built in the Pit Graves (*Yamnaya*) Culture period; but for how long they were used back then and what were the burial structure types they related with are the issues so poorly understood to date. Currently, all these megalithic structures are not visible on the surface of the burial mounds, since they are hidden from view beneath later earth structures built above Pit Graves Culture burials. When studying how such megaliths were built, stage by stage, one has the most effective tool at one's disposal to reveal the cultural genesis of various burial traditions as they have emerged in a particular area. Among various burial structures ever discovered in the steppe zone of the Northern Black Sea region, the earliest burials explored in the burial mound No.1 near Velikaya Alexandrovka are of special significance. Here, the earliest burials of the Velikaya Alexandrovka Mound (No.22-24, and No.7) with associated megalithic structures (stone circles No.1 & No.2) are discussed. Also, zoomorphic images representing an aurochs and a scene with dogs chasing a wild boar were found engraved on two slabs from the cromlech No.1. The article introduces Eneolithic burials recovered in the mound, a graphic reconstruction of the appearance of the cromlechs associated with them, and the results of morphometric analysis of images engraved on cromlech slabs. The cultural and chronological attribution of the burials is considered in detail. Particular attention is paid to the position cist burials have held within the stratigraphy of the Pit Graves burial mounds as well as to the patterns by which cist burials and cromlechs were associated. The following data are considered: (1) cromlech structures of the Eneolithic and those encircling Pit Graves Culture burials; (2) cromlechs enclosing Eneolithic burials and Pit Graves Culture cists together; (3) cist burials located on the tops of Eneolithic burial mounds; (4) cist burials introduced into Eneolithic mounds; (5) chief burials in ornamented cists with no stone structures encircling them; (6) cist burials made on the surface of mounds of the Pit Graves Culture period, and (7) cist burials introduced into Pit Graves Culture mounds.

Key words: Eneolithic, Early Bronze Age, Yamnaya culture, megalithic structures, cromlech, stone cist graves, animalistic images, 3D modeling, reconstruction, mound.

About the authors: Daragan Marina Nikolaevna¹, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Polin Sergei Vasilyevich², PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Svoyski Yuri Mikhaylovich³, engineer of Centre of Classical and Oriental Archaeology, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE, co-founder of RSSDA Laboratory.

Contact information: ^{1,2}04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: ¹darmar@ukr.net; ²polin-archeo@ukr.net; ³105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya Ulitsa, 21/4, str. 3, RSSDA Laboratory; 129323, Russia, Moscow, 17 Snezhnaya Str., HSE Institute for Oriental and Classical Studies (IOCS); e-mail: rutil28@gmail.com.

Введение

Появление первых курганов в степной зоне Северного Причерноморья в эпоху энеолита (3900/3800—3500/3400 BCE) сопровождалось и строительством первых мегалитических сооружений — кромлехов, состоящих из рванного необработанного или условно обработанного камня или из обработанных каменных плит, которым по возможности придавалась более-менее правильная геометрическая форма. Самые ранние кромлехи простые — скорее, это даже просто небольшие насыпи, обложенные по основанию камнями. Более сложные кромлехи появляются на этапе среднего энеолита и представляют собой выставленные по кругу вкопанные и плотно подогнанные друг к другу вертикальные

обработанные плиты, иногда скрепленные сверху горизонтально уложенными камнями. Высота таких кромлехов от 0,5 до 1,5 м, и даже до 2,5 м, как, например, кромлех, исследованный в кургане 5 у с. Тимофеевка (Шапошникова 1973: 169—170; 1985: 329). Одновременно с кромлехами в энеолите появляются и погребения в каменных ящиках, цистах или в ямах с каменным перекрытием. Такие же конструкции продолжали сооружаться и в ямное время (Пиоро 1999; Ковалева и др. 2003: 26; Rassamakin 2004a; 2004b; Мозолевский, Полин 2005: 196—203; Тесленко 2007: 79—83; Рассамакин, Евдокимов 2011 и др.), но длительность их существования на этапе ямной культуры и взаимосвязь типов погребений с кромлехами к настоящему времени остается слабо изученной.

Все эти мегалитические конструкции абсолютно во всех случаях перекрыты последующими насыпями и досыпками, сооруженными над погребениями ямной культуры, и ныне не наблюдаются на местности. Варианты соотношения погребальных конструкций эпохи энеолита (погребения в простых неглубоких ямах, погребения в каменных ящиках, погребения с кромлехами, а также с кромлехами и сопутствующими им столбовыми святилищами) и ямной культуры (погребения в простых ямах, погребения с кромлехами, погребения в каменных ящиках) различны. Их последовательная реконструкция является одним из наиболее эффективных способов изучения культурного генезиса различных погребальных традиций на определенной территории. Такие реконструкции могли бы стать основой для создания свода эталонных сооружений в рамках каждой культурной традиции (Субботин, Петренко 1986: 26—27; Андросов, Мельник 1991: 35; Дараган 2015).

Среди множества различных погребальных сооружений, исследованных в степях Северного Причерноморья, одну из особых позиций занимают древнейшие погребения в кургане 1 у пгт. Великая Александровка, исследованного в 1981 г. Речь идет о древнейших в кургане энеолитических погребениях, заключенных в кромлехи. Здесь представлены три стратиграфически последовательных погребения, отражающие разные погребальные традиции эпохи энеолита. На двух плитах одного из кромлехов зафиксированы зооморфные изображения.

Несмотря на уникальность великоалександровского комплекса, в литературе он освещен весьма скупо и известен только по схематичной прорисовке, отражающей установленную при раскопках последовательность погребальных сооружений (Шилов 1988: 5—8, рис. 1—2). Целью нашей работы является подробная публикация наиболее ранних погребений этого замечательного кургана, показать их во всей полноте с помощью графических реконструкций облика связанных с ними древнейших сооружений, а также рассмотреть изображений на плитах из кромлеха.

Курган у пгт. Великая Александровка (Великоалександровский район, Херсонская область, Украина) и его погребения

Курган находился на юго-восточной окраине поселка, на территории районной больницы. Необходимость его раскопок возникла в связи с намечавшимся строительством нового лечебного корпуса, чему курган препятствовал. Раскопки проводились в апреле — мае 1981 г. Херсонской археологической экспедицией Института археологии АН УССР (начальник экспедиции — А.И. Кубышев) под руководством Ю.А. Шилова и С.В. Полина (Кубышев и др. 1981: 10—39).

Курган построен на левом берегу р. Ингулец, в самом центре высокого берегового мыса в большой излучине этой реки (рис. 1). Особенностью именно этого микрорегиона является концентрация больших курганов эпохи бронзы, в том числе и высотой 9—12 м (Черных,

Дараган 2014: карта 32). В 12 км к северо-востоку от этого кургана были исследованы знаменитые Старосельские курганы (Шилов 1972; 1977; 2000; Кубышев и др. 1981: 40—58), далее к северу по течению Ингульца раскопаны курганы у с. Зеленый Гай (Ковалева и др. 2003) и г. Кривой Рог (Мельник, Стеблина 2012), в 3 км к югу — курганы у с. Малая Александровка (Евдокимов и др. 1989; Рассамакин, Евдокимов 2001) и с. Баратовка (Петренко, Елагина 1968), восточнее, ближе к Днепру, — курганы у с. Золотая Балка (Кубышев и др. 1978; 1979), западнее — у с. Висунск (Шапошникова и др. 1977). Это в основном стратифицированные курганы высотой от 3 до 10 м, что делает возможным создание стратиграфических и культурных колонок по отдельным курганам с их последующей синхронизацией между собой.

Высота Великоалександровского кургана к моменту раскопок составляла 4,5 м от древнего горизонта, диаметр — около 50 м. Кургана никогда не распахивался. Его верхние слои на глубину до 2,0 м были прорезаны многочисленными захоронениями времени заселения края в конце XVIII в. (около 60)¹. Кургана имел плоскую вершину диаметром около 10 м. Северный склон был наиболее крутым, южный — наиболее пологий. Кургана раскопан на снос с оставлением семи бровок, ориентированных в направлении ВСВ—ЗЮЗ. Направление и отклонение бровок от широтной оси в 10° было обусловлено расположением кургана относительно близлежащих корпусов больницы и наличием свободного пространства для складирования грунта. Разрезы насыпи графически зафиксированы на 13 профилях².

Всего в Великоалександровском кургане выявлено 24 древних погребения: 4 энеолитических (7, 22, 23, 24), 10 ямной культуры (3, 4, 6, 12, 14, 16, 17, 19—21), 9 катакомбной культуры (2, 5, 8, 9—11, 13, 15, 18), 1 — черногоровское (1). Кроме того, обнаружено 4 культовых ямы и одна незавершенная могила (Шилов 1988; Кубышев, Черняков, Полин 1985). Из 24 погребений 16 попали в профили кургана, где зафиксированы либо разрезы погребений, либо выкиды из них (рис. 2—3). Положение остальных погребений определено по культурно-хронологическим признакам.

В кургане на основе 13 разрезов насыпи Ю.А. Шилов выделили 11 стратиграфических слоев, соответствующих последовательным этапам возведения насыпи. Начало сооружения кургана относится к энеолитической эпохе, с которой связаны 2 наиболее ранних слоя. Основные объемы кургана создавались в последующее время. Так, 6 слоев связаны с сооружением ямных погребений, 3 — с периодом погребений рубежа ранней/средней бронзы, с позднейшими погребениями ямной и погребениями раннего периода катакомбной культуры (Кубышев и др. 1981: 34—37). Позднейшим является погребение 1 черногоровской культуры, впущенное в центр кургана. Погребение 1 было окружено кромлехом диаметром 26 м из мелких известняковых камней, уложенных полосой шириной до 2,5 м по основанию кургана (Кубышев, Полин, Черняков 1985: 144).

Подкурганный материк — очень твердый желтый лессовый суглинок, переходивший с глубиной в не менее твердую супесь. В центре кургана материк залегал на глубине 5,1 м, в западной поле уровень его повышался до 4,9 м, а в восточной понижался до 5,3 м. Уровень древнего горизонта в центре под репером находился на глубине 4,5 м. Толщина черноземной

¹ Гробы представляли собой узкие прямоугольные коробки из толстых дубовых досок. Нас (С.П.) очень удивляло отсутствие нательных крестов. Только впоследствии я узнал, что на Украине, в отличие от России, не было традиции ношения нательных крестов. Это вошло в практику только в XIX в.

² Раскопки в конце апреля 1981 г. начал С.В. Полин и за время его руководства раскопками был проведен полный цикл бульдозерных работ, курган был прорезан 8 траншеями на полную высоту от материка, разрезы зачищены и подготовлены для фиксации. После приезда Ю.А. Шилова руководство раскопками было передано ему как специалисту по курганам эпохи энеолита—бронзы.

погребенной почвы достигала 0,6 м. Отметим, что линия древнего горизонта и слой погребенной почвы полностью сохранились лишь под энеолитическими слоями насыпи. Под остальными досыпками кургана дерновый слой скрыт, как и в околокурганном пространстве, грунт которого, по-видимому, использовался при сооружении насыпей.

Последовательность сооружения первичных погребений кургана

Этап 1

Этап 1 в сооружении кургана связан с погребением 24 и погребением 22, кромлехом-1 вокруг этих погребений и низкой насыпью над ними.

Погребение 24 обнаружено в центральной траншее между профилями Е и Ж, в 2,5 м к югу от центра кургана. В профиле «Ж» напротив погребения 24 зафиксирован тонкий слой материкового выкида из него, лежавший на древнем горизонте. Яма вырыта с уровня древнего горизонта на глубину 0,72 м, дно углублено в материк на 0,2 м (рис. 4). Погребение совершено в геометрическом центре кромлеха-1, в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ—СВ. Яма слегка сужалась ко дну, — с $2,0 \times 1,6$ м по верхнему краю, до $1,6 \times 1,4$ м на дне. На уровне древнего горизонта могильную яму окружали мелкие камни, сохранившиеся к моменту раскопок вдоль СВ и СЗ ее краев (рис. 5: 1—2). По-видимому, камни располагались по всему ее периметру. На хранение был взят один из этих камней, по всей видимости, железистый кварцит (джеспилит) (рис. 5: 7). К СЗ от ямы найдена половина гранитной мотыги с полированной поверхностью, расколотой по длине. Длина изделия 11 см, ширина около 8 см, толщина 4 см, диаметр отверстия 2,7 см (рис. 5: 3). Определение и описание дано по отчету. В настоящее время эта находка в коллекции отсутствует.

Яма была заполнена плотным черноземом с примесью материковой крошки. На дне лежал частично разрушенный скелет молодого мужчины³, лежавший скорченно на левом боку, головой на СВ. Левая рука, согнутая в локте, была направлена кистью к коленям, ноги согнуты под прямым углом к позвоночному столбу, под острым в коленях, пятки подтянуты к тазу. Кости правой стороны скелета (руки, таза, части грудной клетки), а также нижняя челюсть, сдвинутые в беспорядке к СЗ стенке ямы, находились в придонной части заполнения. На лобной части черепа зафиксировано пятно охры.

Погребение 22 находилось в 2,5 м к Ю от погребения 24, в 0,7 м от кромлеха-1 (рис. 5: 4—б). Южный угол ямы попал в профиль «З», судя по которому погребение 22 также было совершено с уровня древнего горизонта и углублено в толщу погребенной почвы на 0,2 м. Яма неправильной четырехугольной формы размерами $1,35 \times 0,75$ —0,6 м была ориентирована по оси З—В. Имела ломаную линию южной стенки. В заполнении ямы обнаружены два скопления обломков костей взрослого человека, причем, возле каждого находился камешек (известняк). Меньшее скопление из двух обломков бедренных костей находилось у восточной стенки. В скоплении возле западной стенки найден обломок черепа, обрубки длинных костей, ребра и позвонки. В районе таза и левого предплечья находились камешки (кусочки известняка). По мнению Ю.А. Шилова, эти скопления являлись остатками каннибальской тризны, а возможно, и двух.

Необходимо отметить, что отдельный полевой чертеж погребения 22 в экспедиционной документации отсутствует. В иллюстрациях к отчету о раскопках имеется отбеленный совмещенный чертеж погребения 22 и более позднего погребения 21 ямного времени,

³ Здесь и далее половозрастные определения Ю.А. Шилова.

«севшего» на погребение 22 сверху (рис. 5: 4). На нем совмещены костные остатки обоих погребений. Реальная ситуация в погребении 22 отражена только на фотографиях погребения 22 (рис. 5: 5, 6).

Кромлех-1 диаметром 9,5—10 м по внешнему краю, был сооружен вокруг первичного основного погребения 24 и связанного с ним погребения 22 (рис. 4, 7, 8, 9: 1). Кромлех-1 сооружен из хорошо отесанных вертикально установленных плит известняка размерами от $0,55 \times 0,30 \times 0,10$ м до $0,80 \times 0,60 \times 0,15$ м. Плиты были установлены в кольцевой ровик с отвесными стенками, шириной около 0,50 м, глубиной от 0,20 до 0,60 м от древнего горизонта в толще погребенной почвы. Кромлех-1 возвышался над уровнем ДГ на 0,25—0,55 м. Его плиты были углублены в древний горизонт местами до 0,60 м. Слегка наклоненные наружу плиты кромлеха-1 у основания были укреплены забутовкой из мелких камней.

Кромлех-1 был частично разрушен на отдельных участках протяженностью от 1 до 3 м: отсутствовали плиты с СВ, В и ЮЗ. Поэтому сохранилось всего 39 плит (рис. 4). На северном участке находились две плиты максимальных размеров, наиболее возвышавшихся среди всех остальных (рис. 7: 2). Эти плиты, в отличие от остальных, были плохо обработаны, а также несколько выступали за окружность кромлеха. Соседние плиты вывернуты, но, судя по ровику, также располагались выше, нежели на других участках. Плиты на противоположном южном участке кромлеха-1 были наиболее углублены. Здесь зафиксирован небольшой разрыв кромлеха-1 и прослежен проход в ровике шириной до 0,1 м. Против него с внутренней стороны кромлеха-1 находилось погребение 22 — непосредственно напротив двух вышеуказанных плит северного участка кромлеха-1.

Плиты с изображениями. В ЗСЗ часть кромлеха включены две плиты—стелы с зооморфными изображениями, выполненными в технике плоского контррельефа — расположенная на северо-западной стороне плита № 1 (двенадцатая плита с юга) и расположенная на западной стороне кромлеха плита № 2 (седьмая плита с юга)⁴ (рис. 4, 7: 2, 10). Эти плиты по своей морфологии, размерам, способу и качеству обработки ничем не выделяются из массива плит кромлеха. Изображения наблюдаются на сторонах плит, обращенных наружу от центра кромлеха. Эти плиты, в отличие от остальных, были сохранены и в настоящее время находятся в коллекции Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав»⁵. Для исследования плит была применена методика трехмерного бесконтактного цифрового документирования, основанная на технологии цифровой фотосъемки⁶ с последующей фотограмметрической обработкой изображений. Плиты документировались открытым способом, с формированием незамкнутой трехмерной полигональной модели. Наибольшее внимание при этом уделялось фотосъемке фронтальной стороны с изображениями и обработанных верхней и боковых сторон, грубо обработанные поверхности фотографировались таким способом, чтобы получить их общую геометрию. В случае, если исходно сформированная модель оказывалась больше комфортного для дальнейшего исследования порога в 70 млн. полигонов, на ее

⁴ Нумерация плит упоминается только в отчете, на чертежах не обозначена.

⁵ Обе стелы с изображениями из Великоалександровского кургана осенью 1981 г. были вывезены в Киев в Институт археологии АН УССР, тогда находившийся в Выдубецком монастыре (рис. 6: 3, 4) и вскоре были переданы в Национальный историко-этнографический заповедник «Переяслав» в г. Переяслав Киевской обл., где они хранятся в настоящее время (рис. 6: 5, 6), плита № 1-№А-683, плита № 2-№А-684 по учетной документации музея.

⁶ Фотосъемка выполнялась системной камерой Sony A7RII с объективом SEL28F2 и накамерным кольцевым осветителем Grifon AR400, формат фотоснимков RAW, цветокоррекция по калибровочной мишени, масштабирование объекта по масштабному базису, система координат условная.

основе формировалась рабочая модель переменной детальности. При этом для фронтальной стороны сохранялась детальность моделирования исходной модели (размер полигона порядка 0,1 мм), а для тыльной и боковых сторон она понижалась до 0,2 мм⁷. Исследование плит и изображений на них выполнялось, таким образом, по моделям с детальностью порядка 8 700 полигонов на кв. см при допустимом снижении детальности на поверхностях без изображений. На основе рабочей модели формировалась замкнутая модель (для расчета объема) и карта высот (для анализа морфологии поверхности). Для анализа поверхности применялись два метода математической визуализации рельефа — эмуляция затенений на модели и карте высот и присвоение узлам карты высот псевдоцветов в зависимости от геометрии поверхности. Применение этой методики позволило уточнить размеры плит, оценить их вес и выявить ряд технологических особенностей их изготовления, исследовать технику выполнения изображений на плитах⁸.

Плиты с зооморфными изображениями изготовлены из известняка со слабо выраженной слоистостью. Следует особо отметить, что обе заготовки были взяты из одного стратиграфического горизонта известнякового пласта, так как на них в пределах незначительного интервала в 18—22 см наблюдается переход от слоистого известняка с характерной десквамацией поверхности к массивному известняку с характерными мелкими кавернами. Заготовки, в обоих случаях, имели форму, близкую к прямоугольной. Первичная обработка камня выполнялась, по-видимому, теслом. Целью этой обработки являлось придание камню формы щита с закругленным верхом и заостренным низом. Верхнее закругление имело форму близкое к полуовальной, нижней части придавалась форма, близкая к треугольнику с закругленным нижним углом. Эта нижняя часть составляла от 40 до 60% общей высоты плиты и предназначалась для погружения в грунт. Такая форма, вероятно, несколько облегчала точную установку и выравнивание плит в ограде кромлеха. Вследствие особенностей петрографии камня «слоистая» и «массивная» стороны обрабатывались по-разному. «Слоистая» сторона практически не несет следов обработки и, по-видимому, не подтесывалась. «Массивная» сторона грубо обработана теслом. Интересно отметить, что для «изобразительного поля» на заготовках была выбрана разная сторона — на плите № 1 «слоистая», на плите № 2 «массивная». Соответственно и изобразительное поле дорабатывалось различно. У плиты № 1 эта обработка была минимальной, в то время как у плиты № 2 поверхность сначала была выровнена теслом (при этом было стесано около 6 см камня), а затем пришлифована. Причина такого решения не ясна. Сходство поперечного профиля плит и изучение архивных фотоснимков остальных плит кромлеха позволяет заключить, что большая часть плит кромлеха устанавливалась «ровной» («слоистой») стороной наружу. Можно предположить, что и на плите № 2 изображение первоначально выбивалось на «слоистой» стороне, тем более что там имеются следы инструмента. Однако по каким-то причинам (ошибка резчика, крошение поверхностного слоя известняка) плита была развернута и подвергнута трудоемкой обработке для подготовки изобразительного поля на «массивной» стороне. Нижняя часть лицевой стороны и тыльная сторона как «изобразительное поле» не рассматривались и практически не обрабатывались. Боковые поверхности обрабатывались, вероятно, уже после нанесения изображения. Обработка их

⁷ Для плиты № 1 (А-683) было сделано 413 фотоснимков, сформирована исходная модель в 119 млн. полигонов (11 403 полигона на кв. см) и рабочая модель переменной детальности размером полигона 0,11 мм (лицевая сторона) и 0,2 мм (тыльная и боковые стороны). Для плиты № 2 (А-684) было сделано 330 фотоснимков, сформирована исходная модель в 67,4 млн. полигонов (8 727 полигона на кв. см). Рабочая модель формировалась без снижения детальности.

⁸ Документирование плит выполнено М.С. Андреевой, фотограмметрическая обработка, моделирование и постфотограмметрическая обработка — Е.В. Романенко и Е.В. Юшиным.

была более тщательной, чем для верхних и нижних поверхностей, так как боковые стороны должны были быть достаточно точно подогнаны к соседним плитам кромлеха. Им придавалась, насколько это было возможно, плоская форма, причем это достигалось посредством не только обтесывания, но и шлифовки. Окончательная обработка боковых сторон выполнялась непосредственно при установке плит в кромлех с подгонкой по месту.

Плита № 1 (А-683) (рис. 11—16, 17: 2). Размеры плиты $83 \times 54 \times 23$ см, масса 130—140 кг, изобразительное поле 45×41 см расположено на «слоистой» стороне плиты. Одно зооморфное изображение размером 34×20 см, обращенное вправо. Корпус животного выполнен в технике сплошной выбивки глубиной 3—6 мм, глубина выбивки достаточно равномерна в области головы, но неравномерна в области туловища и ног. Фигура животного имеет более четкие контуры в верхней и правой части, менее четкие в нижней и левой, это относится и к ногам и, несомненно, связано с направлением нанесения ударов. Следов шлифовки в пределах контура не заметно. Параллельно задней части животного выбита дуга длиной около 12 см, шириной около 1 см и глубиной 1—3 мм, также заполненная охрой (менее интенсивно в сравнении с основной частью фигуры). Эта дуга может быть интерпретирована как поджатый хвост, однако ее верхний конец не соединяется с корпусом. Нижний конец, напротив, загибается вверх и примыкает к ноге с перепадом высоты около 1 мм. В передней части фигуры животного наблюдаются две загнутые вверх почти параллельные дуги длиной около 8 см, выполненные гравировкой. Расстояние между ними 3—6 мм, ширина дуг около 3 мм, глубина до 0,6 мм, поперечный профиль близкий к V-образному. Дуги покрыты охрой, наложенной широкой полосой, без тщательного соблюдения контура, характерного для большей части изображения животного. По мнению Ю.А. Шилова, рисунок является изображением быка (Шилов 1988: 5).

Плита № 2 (А-684) (рис. 17: 2, 18—21). Размеры плиты $78 \times 46 \times 19$ см, масса 80—90 кг, изобразительное поле 36×25 см расположено горизонтально на «массивной» стороне плиты. Группа из трех зооморфных изображений общим размером 33×14 см, также обращенных вправо. Крупное животное в правой части группы имеет размеры 20×13 см, корпус животного выполнен в технике сплошной выбивки глубиной 3—6 мм (до 10 мм в области головы), передняя конечность и морда, предположительно, дополнительно шлифованы. Верхняя и передняя части морды дополнены небольшими ушами и клыками, выполненными неглубокой гравировкой. Загнутый вверх хорошо выраженный хвост изображен U-образной в профиле выбивкой шириной 7 мм и глубиной 1 мм. Обращает на себя внимание непропорционально длинная передняя части морды, на 30% более длинная, чем передние ноги. Это наиболее яркая особенность фигуры, полной аналогии которой найти не удастся (за исключением единичного петроглифа из «Грота быка» местонахождения Каменная Могила — изображения животного с мордой, более длинной, чем передние ноги) (рис. 31: 2: В). Два морфологически сходных между собой небольших изображения выбиты левее, их размеры 11×6 см и 10×6 см. Они имеют глубину до 3 мм и выполнены более схематично, линейной выбивкой, переходящей в площадную только в области передней части корпуса и головы. Задние ноги переданы линейными выбивками постоянной ширины, имеющими форму загнутого вперед крюка. У этих животных есть хвосты, причем у верхнего он опущен, а у нижнего завернут вверх — но не на спину, как у большой фигуры. Края изображений оформлены менее тщательно, чем на плите № 1, характерная для плиты № 1 технологическая разница в исполнении «правых—верхних» и «левых—нижних» частей фигур на плите № 2 отсутствует. Следов охры не наблюдается. Ю.А. Шилов писал, что кабан «был покрашен, очевидно, сажей» (Шилов 1988: 6). Группа из трех фигур, несомненно, является единой

композицией и может быть интерпретированы как сцена преследования животного (кабана с гипертрофированно длинной мордой?) двумя собаками или волками.

Оба погребения 24 и 22 перекрывала низкая насыпь-I из комковатого чернозема, заполнявшая внутреннее пространство кромлеха-1. Насыпь-I имела плоскую поверхность, которая не выступала над плитами. Ее высота в центре достигала 55—70 см. По периметру кромлеха-1 прослежено два ряда горизонтально уложенных плит: верхний оконтуривал края насыпи-I внутри кромлеха, а нижний являлся вымосткой вокруг его основания с внешней стороны (рис. 9: 2). Эти ряды сильно разрушены при дальнейших досыпках кургана (в основном, при сооружении погребения 7). Полуразрушенность ряда горизонтально уложенных плит над южным и юго-восточными участками внутри кромлеха-1, по мнению Ю.А. Шилова, также могла быть связана с различными манипуляциями, связанными с впускным в насыпь-I погребения 23. Поэтому не исключено, что горизонтально уложенные верхние плиты могли первоначально находиться непосредственно на вертикальных камнях кромлеха.

Этап 2

Этап 2 связан с совершением погребения 23.

Погребение 23 было впускно с поверхности насыпи-I в ее центральную часть, что отражено в профиле «Ж» (рис. 3: 15). Погребение 23, совершенное с поверхности насыпи-I, несомненно, было включено в систему кромлеха-1 (рис. 9: 2), однако не сопровождалось самостоятельной насыпью. Прямоугольная яма Погребения 23 с закругленными углами размерами 1,9 × 1,1—1,4 м ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Ее северо-западная стенка частично перерезала верхнюю часть северо-восточной стенки погребения 24. Яма прорезала слой насыпи-I и частично углубилась в слое погребенной почвы. Глубина от уровня впуска 0,85 м. В заполнении ямы на уровне древнего горизонта прослежены остатки перекрытия из деревянных бревен диаметром до 0,12 м, одно из которых лежало вдоль длинной стенки, а остальные шесть — перпендикулярно к нему, через равные промежутки, упираясь в него концами. На них фиксировался камышовый тлен. На дне лежал скелет молодой женщины скорченно на правом боку головой на ЮЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. У коленных суставов находились сосуд (1), медное шило (2) и четыре кремневых орудия (3). Выше черепа отмечены два пятна мела, а у колен, под вещами — пятно охры (рис. 23: 1—2).

Описание находок

1. Столовая плоскодонная амфорка нежно оранжевого цвета из тонко отмученной глины с двумя налепными ушками по бокам с вертикальными отверстиями в них. Высота 6,7 см, диаметр тулова 8,5 см, диаметр венчика 4,3 см, диаметр дна 3, 5 см (рис. 24).

2. Медное четырехгранное шильце с выделенным заостренным черенком. Длина 2,7 см, ширина 0,3 см (рис. 23: 7, 8).

3. 4 кремневых орудия, которые возможно являются набором для обработки кожи. Сырьём послужил кремнь меловой полупрозрачный, тёмно-серый со светлыми включениями, вероятно, крымского происхождения.

— Скребок боковой на полупервичном отщепе. Рабочий край сформирован крутой ретушью. Размеры 4,3 × 3,7 × 0,8 см (рис. 23: 3).

— Скребок боковой на вторичном отщепе. Рабочий край сформирован крутой ретушью. Размеры 5,1 × 3,7 × 0,9 см (рис. 23: 4).

— Режущее орудие на пластинчатом отщепе. По продольным краям — ретушь утилизации. Размеры $5,4 \times 3,1 \times 0,7$ см (рис. 23: 6).

— Режущее орудие на массивной отбивной пластине. По продольному краю — ретушь утилизации. Размеры $8,7 \times 2,9 \times 0,7$ см рис. 23: 5).

Этап 3

Этап 3 связан с погребением 7. Оно находилось в центральной части траншеи ЕЖ непосредственно над погребением 24. Было совершено на вершине насыпи-I и перекрыто насыпью-II (рис. 2, 3: Ж: 24). Погребение совершено в прямоугольном каменном ящике, ориентированным по линии ЮЗ—СВ. С внешней стороны стенки ящика были укреплены наброской камней и земляной насыпью диаметром около 2 м, обложенной затем известняковыми плитами до уровня перекрытия ящика. Ящик состоял из 8 основных и более мелких вспомогательных грубо обработанных известняковых плит, установленных на плоской поверхности насыпи-I. Плиты имели небольшой наклон внутрь, возможно, под давлением внешней засыпки. Плиты, составлявшие стенки ящика, имели разные размеры, варьиовавшие в пределах от $0,50 \times 0,25 \times 0,15$ м до $1,0 \times 0,70 \times 0,12$ м. Разницу по длине и высоте выравнивали вставки из камней или мелких плит⁹. Короткие торцевые СВ и ЮЗ стенки состояли из одной и двух плит. СЗ длинная продольная стенка состояла из одной наиболее длинной в конструкции ящика плиты, но все же недостаточной длины. Недостающую длину СЗ стенки дополняла маленькая плита, установленная в зазор между длинной продольной СЗ плитой и короткой торцевой ЮЗ стенкой. ЮВ продольная стенка состояла из двух коротких крупных плит, зазор между которыми в середине стенки заполнял камень малых размеров. ЮЗ половина ящика была перекрыта известняковой плитой размерам $1,15 \times 0,5 \times 0,15$ м, а над СВ половиной были обнаружены следы деревянного перекрытия.

Площадь пространства внутри ящика составляла $1,2 \times 0,7$ м, высота 0,55 м. Крайне ограниченное внутреннее пространство ящика было изначально рассчитано на размещение покойника в скорченном положении¹⁰. Дно внутри ящика было подсыпано слоем рыхлого чернозема толщиной 0,15 м. Под засыпкой обнаружены отдельные угольки. На слое этой подсыпки почти по диагонали ящика лежал скелет пожилого мужчины на спине скорченно, головой на СВ, руки вытянуты вдоль корпуса. Ноги первоначально были сильно согнуты коленями вверх (с пятками у таза), со временем распались в противоположные стороны. Колени уперлись в противоположные стенки ящика. На дне у ног выявлены слабые следы охры. На локтевом изгибе левой руки лежал панцирь черепахи выпуклой стороной вверх. Его размеры 20×15 см (рис. 26: 1). Напротив, снаружи ящика, найдена створка речной раковины со следами охры и сажи внутри (рис. 26: 3).

Кромлех-2. Каменный ящик погребения 7 был окружен новым собственным кромлехом-2, который окружал и кромлех-1, что в итоге образовало две концентрические окружности. Стенки кромлеха-1 и кромлеха-2 разделяло расстояние в 1,5—1,7 м (рис. 2, 25, 27, 28).

⁹ К сожалению, фасировка стенок ящика или хотя бы второй его разрез отсутствуют.

¹⁰ По неизвестным причинам фотография захоронения погребения 7 в каменном ящике не сохранилась и не попала в отчет. Имеется лишь одна фотография весьма низкого качества и шуточная фотография (широко распространенный в экспедициях весьма своеобразный археологический «юмор») сотрудника экспедиции В. Колотова, роста ниже среднего, с трудом разместившегося в скорченном положении на боку в пределах каменного ящика погребения 7 (рис. 6: 2).

Кромлех-2 был сооружен из известняковых плит размерами до $1,0 \times 0,70 \times 0,20$ м. Около половины из них не имели признаков дополнительной обработки. Плиты кромлеха-2 вкопаны в древний горизонт на глубину до 0,5 м. Основания некоторых плит были закреплены забутовкой мелкими камнями. Кромлех-2 возвышался над уровнем древнего горизонта на 0,15—0,9 м. Плиты были немного наклонены внутрь (рис. 25, 27). Кромлех-2 ориентирован в направлении С—Ю с отклонением в 10° к широтной оси. Длина его составлял 13,5 м, ширина 13 м (рис. 25).

По мнению Ю.А. Шилова, кромлех-2 имел антропоморфные очертания. В нем были выделены голова с плечами и суживающиеся к спрямленному основанию боками (рис. 25). Головная часть кромлеха-2 наиболее низкая, а противоположная часть, — основание, — наиболее возвышена. Эти части кромлеха-2 выделены и другими деталями. Их центры образованы парами хорошо отесанных камней белого однородного известняка, в то время как прилегающие плиты обработаны хуже и изготовлены из желтого ноздреватого известняка.

В северной части кромлеха-2 у головы прослежено скопление древесного тлена, а в нижней левой восточной части обнаружено скопление угольков, обломков костей и керамики. В южной части в спрямленном основании кромлеха-2 выделялись 2 ограничивавших центр менгириобразных камня. В юго-восточной части кромлеха-2, примерно напротив щели в юго-восточной стенке ящика, отмечена плита с отбитым верхом (рис. 25), а также найдены обломки костей крупного парнокопытного.

Внутри кромлеха-2 была возведена насыпь-II, перекрывшая погребение 7 в каменном ящике, а также предыдущее погребение 23. Высота насыпи-II достигала 1,8 м над уровнем древнего горизонта, диаметр — около 13 м (рис. 22). Под насыпью-II внутри кромлеха-2 найдено четыре маленьких фрагмента чернолощеной керамики, три из которых содержали примесь мелко толченых раковин, а один — примесь песка (рис. 26: 2).

В литературе имеется категорическое отрицание антропоморфности формы кромлеха-2 в Великоалександровском кургане. Признавая определенные отклонения кромлеха-2 от круглой формы, критик не находит той симметрии и выразительности, которая показана на чертеже в северной части кромлеха-2. В южной части кромлеха-2 он заметил явный наклон плит наружу. По мнению Ю.Я. Рассамакина, все эти отклонения вызваны природными факторами, деформацией кромлеха-2, вызванной давлением грунта. Почему-то он также пишет об отсутствии насыпи-II в разрезах кургана (Рассамакин 1992: 127).

За всей этой словесной эквилибристикой не стоит ничего, кроме категорического огульного неприятия всего исходящего от Ю.А. Шилова. Притом, что Ю.А. Шилу принадлежит масса фантастических идей, не все, от него исходящее, является фантазией. Юрий Алексеевич — полевик крепкий, надежный, многоопытный, видит землю и фиксирует увиденное — дай бог каждому. И в точности его первичной фиксации объектов сомневаться не приходится. Но когда дело доходит до реконструкций и интерпретаций, здесь ситуация меняется кардинально. Тут его мысли устремляются в горние выси и предела им нет. Но в данном случае один из авторов настоящей статьи (С.П.), непосредственно участвовавший в раскопках, расчистке объектов и их фиксации, готов подтвердить, что кромлех-2 в Великоалександровском кургане был исследован и зафиксирован абсолютно надежно и достоверно. К сожалению, на фотографиях кромлеха, сделанных с уровня исследуемой поверхности или в лучшем случае под углом с крыши маленького бульдозера ДТ-75, с большим трудом угадываются изгибы линии кромлеха. Но графическая фиксация была проведена безупречно. С помощью простейших средств расположение каждой плиты в кромлехе было зафиксировано максимально точно. В центре кромлеха-2 был вбит кол, от

которого с помощью веревки и второго кола, так сказать, «полевого циркуля», в пределах кромлеха был прочерчен идеально правильный круг. От этого круга велись все замеры расположения плит кромлеха-2, которые и заносились на полевой чертеж с возможной максимальной погрешностью при переводе в масштаб не более 5 см. Так что «голову» кромлеха-2 можно было увидеть, пощупать, померить и зачертить, как и уплощенность основания, и некоторое спрямление боков. Утверждение об отсутствии в разрезах кургана насыпи-II не соответствует действительности. Достаточно взглянуть на чертежи, чтобы убедиться, что насыпь-II зафиксирована в ряде профилей (рис. 3: Г, Д, Е, Ж, З). И утверждение, что деформация формы кромлеха-2 произошла под давлением грунта насыпи-II, также не выдерживает критики, как и отмеченный Ю.Я. Рассамакиным «явный наклон плит наружу» в южной части кромлеха-2. В описании кромлеха-2 специально был отмечен наклон плит кромлеха-2 внутрь, что отражено во всех разрезах кургана, куда он попал. И нет никакого наклона наружу ни на фотографиях, ни на чертеже (рис. 3: Г, Д, Е, Ж, З). Т.е., плиты были изначально установлены под наклоном, соответственно уклону склонов маленького кургана-II, высота которого и масса грунта были совершенно недостаточными для выдавливания плит кромлеха в наклон наружу, а тем более для деформации его планировки, т.е. смещения линии кромлеха-2¹¹. Является ли данная форма кромлеха антропоморфной — об этом можно спорить сколько угодно. Но то, что именно такую форму в плане имел кромлех-2, является фактом достоверным, установленным не только визуально, но и обмерами, отраженными на чертеже.

Погребения 24, 23, 7 и проблемы культурной интерпретации

Погребение 24. По Ю.А. Шилову, погребение 24 нижнемихайловского этапа (Шилов 1988: 7). Так же рассматривает подобные погребения и И.Ф. Ковалева (Ковалева и др. 2003: 54—55). А Ю.Я. Рассамакин находит ему место в рамках погребальной традиции III-A среднего энеолита (Rassamakin 2004a: 50—54, 212; 2004b: 127).

Аналогичные по обряду погребения широко представлены в степной зоне Северного Причерноморья между Доном и Дунаем в целом, на Молочной, Правом и Левом берегу Днепра и в Побужье в частности (Rassamakin 2004b: 119—139). В Подонье аналогичные погребения В.Я. Кияшко включил в III группу, сравниваемую с Нальчикским могильником. Близкий этой группе тип погребений выделил В.А. Трифонов в Прикубанье и так же сравнил его с Нальчикским могильником (Трифонов 2014).

Погребение 22. Его атрибуция затруднительна. Ю.А. Шилов предполагал, что это остатки каннибальской тризны, по-видимому, связанной с погребением 24. Но, поскольку специального изучения антропологических остатков из этого объекта не было, то такой вывод можно рассматривать только в качестве предварительного.

---

¹¹ После завершения исследования обоих кромлехов и погребений в их пределах, прежде всего каменного ящика, возник вопрос об их дальнейшей судьбе. Ю.А. Шилов предложил районному руководству сохранить эти объекты на месте как местную достопримечательность. Однако эта идея отклика не нашла. Мотивировалось это тем, что заведовать этим объектом некому. А без охраны и постоянного ухода все это будет разрушено, заброшено и автоматически превратится в мусоросборник. После этого каменные конструкции силами экспедиции были разобраны в качестве строительного материала были переданы для использования в личном домостроительстве дяде Васе, охраннику Великоалександровской пищевкусовой фабрики, на которой экспедиция проживала. Этот необыкновенно доброжелательный совершенно бескорыстный человек, фамилия которого за давностью лет позабылась, помню лишь добрую человеческую улыбку и его юмор, постоянно выручал нас в различных сложных бытовых ситуациях, что очень облегчило нашу жизнь и работу (С.П.).

Погребение 23. Ю.А. Шилов определил его как поздне трипольское (Шилов 1988: 8). Согласно исследованиям И.Ф. Ковалевой, это животиловский культурный тип (Ковалева 1978). У Ю.Я. Рассмакина это погребальная традиция III-C (животилово-волчанская) позднего энеолита (Rassamakin 2004a: 55—59, 2004b: 138—157). Амфорка из погребения 23 относится к горизонту Триполье СП/2 по Дергачеву (Дергачев 1980). Аналогичные сосуды известны в гординештской и усатовской группах, датируемых в рамках 3350—3000/3950 до н.э. (Збеневич 1974: 92, рис. 35: 10, 153, рис. 45: 7; Дергачев 1980: 177, 180, рис. 5, 2, 7, 19). Аналогичные сосуды выявлены в ряде энеолитических погребений Северного Причерноморья, например, в кургане 14 у с. Любимовка (Лесков и др. 1968), в погребении 10 кургана 1 Новомосковского кургана (Ковалева 1991b: 73, 75, рис. 4: 1—3) и в погребении 21 в кургане 1 у с. Волчанск (Кубышев и др. 1979: рис. 14: 4).

Ю.Я. Рассмакин считает, что такие погребения появились в степной зоне в процессе миграции нового населения с исходными земледельческими традициями, которое в той или иной степени повлияло на формирование отдельных степных локальных энеолитических групп, но фактически видит в них возможный результат миграции на восток носителей Гординештской культурной группы Позднего Триполья (Рассмакин, Евдокимов 2006: 13—14; 2010: 25—26). Напротив, В.А. Трифонов, развивая положения Ю.Я. Рассмакина об инновационном характере этой традиции, полагает, что по обряду, а отчасти и инвентарю, она ближе всего майкопской традиции и полагает, что ее «следует рассматривать в контексте майкопской культуры» (Трифонов 2014: 280).

Энеолитические кромлехи

Кромлехи сооружались вокруг энеолитических погребений разных погребальных традиций (Rassamakin 2004a; 2004b; Тесленко 2007: 4; Черных, Дараган 2014: 272—273). Выделяются кромлехи из вертикальных глыб или обработанных плит и такие же, но дополненные плитами, установленными непосредственно на них (или впритык к ним на насыпь) горизонтально. К этой последней разновидности относится и великоалександровский кромлех-1. В качестве ближайшей аналогии укажем на курган 5 у с. Зеленый Гай, в котором первичное погребение 12, аналогичное по обряду погребению 24 Великой Александровки, было окружено кромлехом диаметром $7 \times 8,5$ м, сложенным из семидесяти установленных вертикально вплотную друг к другу плит железистого известняка треугольных очертаний высотой 1—1,2 м, шириной 0,6—0,75 м и толщиной 0,15—0,2 м. Плиты были установлены в кольцевом ровике и закреплялись мелкими камнями. На верхних торцах плит лежали плашмя плиты меньших размеров, образуя плоское горизонтальное кольцо (Ковалева и др. 2003: 54).

Типологически близок и кромлех, сооруженный вокруг основного постмариупольского погребения 16 в кургане 6 группы 1 у с. Новоалександровка. Здесь погребение 16 было совершено на древнем горизонте в своеобразной наземной каменной гробнице (Ковалева 1991a: 34, рис. 3, 4; Rassamakin 2004b: 40) (рис. 30: 1—3).

К данной серии относится и кромлех вокруг погребения 15 кургана 1 у с. Боровковка диаметром $3,7 \times 4$ м, состоявший из 36 плит средней высотой 0,65—0,7 м (Ковалева, Шалобудов 1992: 106, 112—113, рис. 3: 5; Rassamakin 2004b: 38, 91).

Кромлех из вертикально вкопанных небольших плит, поверх которых были горизонтально уложены плиты в 2—3 слоя, окружал основное энеолитическое погребение 18 кургана 11 у г. Каменка-Днепровская (рис. 30: 6). Примечательно, что одна из восточных плит кромлеха своей правильной треугольной формой напоминает букраний, размерами $0,35 \times 0,3$ м (Рассмакин 2000: 142). Аналогичную конструкцию имел и кромлех с

горизонтальной каменной укладкой поверх невысокой вертикальной стенки в кургане 29 у хут. Шевченко (рис. 30: 5) (Черных, Дараган 2014: рис. 90—91) и кургане 2 у г. Никополь (рис. 30: 4) (Чурилова, Нор 1986: табл. XIX—XXI). Аналогичный по устройству с великоалександровским кромлех реконструирует Ю.Я. Рассмакин в кургане 1 у с. Малая Александровка, сооруженный на вершине первой энеолитической насыпи (Рассмакин, Евдокимов 2001: 72, рис. 4).

Кромлех диаметром 8 м из поставленных в ровик вертикальных плит окружал позднеэнеолитическое погребение 15 в Первом Старосельском кургане, впущенное в энеолитическую насыпь высотой 3,2 м, диаметром 28 м. Плиты возвышались над уровнем поверхности на 0,4 м (Шилов 1977: 51; Rassamakin 2004b: 122, 153).

Фигурный кромлех-2 в Велико-Александровке, по мнению Ю.А. Шилова, антропоморфных очертаний, среди исследованных в Северном Причерноморье на сегодняшний день аналогий не имеет.

Орнаментация каменных плит в энеолитических кромлехах

Для Северного Причерноморья великоалександровские плиты из кромлеха-1 являются наиболее ярким из весьма немногих существующих образцов анималистического искусства энеолитической эпохи. Стелы с изображениями встречаются и в комплексах кромлехов усатовской культуры, однако здесь они наблюдаются вне ограды кромлеха как такового. Две рядом стоящие плиты с нанесенными на них зооморфными и одна стела с антропоморфными изображениями были частью кромлеха кургана Усатово 3-1. Предполагается, что, как и великоалександровские плиты, они были обращены изображениями наружу (рис. 33). Плита с изображением собаки или кабана также обнаружена и в составе кромлеха из кургана Усатово 11-1 (Патокова 1979: 47, 63—64, рис. 19: 7, 25).

Как уже указывалось выше относительно видовой принадлежности животных, то Ю.А. Шилов полагал, что речь идет об изображении быка на плите 1 и кабана с собаками на плите 2 (Шилов 1988: 5). Объективно такой интерпретации несколько противоречит излишне вытянутая морда и пропорции животного (длинные ноги, прямая спина, поджарое тело), а также совершенно необъяснимая фигура (дуга) в задней части животного. Дуги у передней части головы вполне могут рассматриваться как рога, однако расположены они слишком «низко» для быка, а их конфигурация ближе рогам козлов, нежели быков. Расположение дуг оставляет место для предположения, что это не рога, а бивни, и петроглиф, соответственно, изображает слона. Это может указывать на связь строителей кромлеха с Западной Анатолией, Левантом или Месопотамией — достоверно установленным палеонтологами для бронзового века ареалом обитания слона сирийского (*Elephas maximus asurus*). Особенность описанных дуг — вне зависимости от того рога это или бивни — совершенно иная техника исполнения, гравировка, наложенная на выбивку, которой выполнен корпус животного, причем гравировка достаточно небрежная. Единственной региональной аналогией изображению на плите № 1 мы, вслед за Ю.А. Шиловым (Шилов 1988: 5), можем назвать т.н. «Дождевого быка» из комплекса изображений «Грота быка» Каменной Могилы (рис. 31: 2, В, 32: 2)¹². В качестве аналогий обоим изображениям (великоалександровскому и из

---

¹² Шилов писал, что трактовка изображения из Великой Александровки как быка завершает полувековую дискуссию о мамонте или быке из Каменной могилы в пользу последнего. Изображения Каменной Могилы не имеют достоверной датировки и рассматриваются в широком хронологическом диапазоне. Великоалександровские изображения, датированные средним энеолитом, являются источником для хронологической атрибуции изображений Каменной Могилы (Шилов 1988: 5).

Каменной могилы) Ю.А. Шилов обоснованно указывал на изображения быков, связанные с Майкопской культурой (Шилов 1988: 9, рис. 3) (рис. 32: 3—8). Добавим здесь, что «Дождевой бык» наиболее близок (хотя и не идентичен) по способу изображения «рогов»/«бивней» Великоалександровскому «зверю» (Radchenko, Nykonenko 2019: fig. 10), и, в целом, гораздо более похож на слона, чем бык плиты № 1. Из более удаленных аналогий следует упомянуть быков с вытянутыми мордами и дугообразными рогами петроглифов из казахстанских местонахождений Тамгалы, Терекри-Алие, Чокпар (Radchenko, Nykonenko 2019: fig. 12) (рис. 32: 9), однако их пропорции гораздо ближе к быку или туру, чем у изображения из Великой Александровки. Суммируя изложенное выше, следует заключить, что, пожалуй, видовая принадлежность животного, изображенного на плите № 1, в принципе не может быть однозначно установлена. Это может быть объяснено как неискусностью резчика, так и попыткой создать некий условный собирательный образ, содержащий элементы различных животных. Петроглифы не всегда изображали реальных зверей (или людей) — в качестве характерных примеров можно привести изображения эпохи энеолита и бронзового века из Минусинской котловины.

Что касается изображений на плите 2, то они представляются достаточно однозначно интерпретируемыми. Ю.А. Шилов полагал, что иконография изображенных на кромлехе собак имеет аналогии в росписи трипольской керамики этапа С—I. Достоверных изображений собак ни в майкопском, ни в синхронном ближневосточном искусстве нет. Изображения вепря, причем с таким же непропорционально вытянутым оформлением морды, известны в майкопской культуре (Шилов 1988: 9) и присутствуют среди изображений «Грота Быка» Каменной могилы (рис. 31: 2: B).

Возможно, что в энеолите были распространены и геометрические орнаменты. Таковые зафиксированные на плитах кромлеха из Вербовки Черкасской обл. (культурная принадлежность погребения спорна, Формозов полагал, что речь идет о ямном погребении) (Формозов 1955: 72—74, рис. 2—4). На плитах кромлеха кургана 3 «Магараж» у с. Вилино (Тощев 2014: 204—205, рис. 1: 2—3). Орнаментированная плита, украшенная врезанным орнаментом в виде концентрических полуovalов, входила и в состав кромлеха кургана 2 группы Высокой могилы (Ляшко 1989: 78—79; Тощев 2014: рис. 1: 4). Геометрическим узором украшены и камни перекрытия погребения 6 кургана 7 группы 1 у с. Новониколаевка, по И.Ф. Ковалевой — новотиторовской культуры (Ковалева 1993, 67—76), по Ю.Я. Рассамакину — погребальной традиции III-A позднего энеолита (Rassamakin 2004b: 124—125, tab. 393).

Погребение № 7 в каменном ящике в системе Великоалександровского кургана следует за животиловско-волчанским погребением 23 и предшествует ямному погребению 16¹³. Ю.А. Шилов определил погребение 7 как кеми-обинское, что принял Ю.Я. Рассамакин (Rassamakin 2004b: 127).

О кеми-обинской культуре

Каменные ящики являются наиболее ярким признаком выделенной А.А. Щепинским кеми-обинской культуры (Щепинский 1966; 1985). Но принципы ее выделения в широких хронологических рамках от рубежа IV—III тыс. до н.э. до XVII в. до н.э. неоднократно дискутировались (Тощев 2004; Субботин 1995; Szymt 2014; Иванова 2015). В настоящее

¹³ Погребение 16 совершено в овальной яме (1,65 × 0,90 × 0,90 м), перекрытой двумя известняковыми плитами размерами до 1,3 × 1,1 × 0,2 м. Под плитами — следы дерева и камыша. Скелет женщины средних лет лежал скорченно на спине, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. На дне — бурый тлен и меловая посыпка. Череп интенсивно окрашен охрой.

время пересмотрены вопросы о культурной атрибуции каменных ящиков «доямного» периода, присутствующие во всех погребальных традициях позднего энеолита (постмариупольской, нижнемихайловской и животиловской), а также погребений в каменных ящиках периода средней и поздней бронзы, которые рассматриваются, соответственно, в составе бабинской и бережновско-маевской срубной культур (Шапошникова, Фоменко, Балущкин 1977: 143; Rassamakin 2004a; 2004b; Тесленко 2002: 107—110; Черных, Дараган 2014: 276). По другим признакам обряда и инвентарю погребения в каменных ящиках не отличаются от синхронных им погребений тех же культур (Тесленко 2002: 110). Каменные ящики с геометрической росписью стен, соответствующие по А.А. Щепинскому развитой фазе кеми-обинской культуры (Щепинский 1985), по данным курганной стратиграфии синхронны периоду ямной КИО (Черных, Дараган 2014: 288—289). В северо-западном Причерноморье «в своей решающей массе это памятники позднего периода» ямной культуры (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 141). Отмечалось также, что «погребения в каменных ящиках не имеют совокупности признаков, которые А.А. Щепинский считал характерными для кеми-обинских погребений Крыма (расширенные книзу стенки ям, использование глины—геля в закладах, подсыпка гальки или ракушек на дне и др.)» (Ковпаненко, Фоменко 1986: 22—23).

Тем не менее, обозначение «кеми-обинский» по-прежнему употребляется для погребений в каменных ящиках, часто с геометрической росписью стен, выявленных в рамках массива погребений ямной культуры. При этом синхронное существование погребений ямной и «кеми-обинской» культур на одной территории по данным курганной стратиграфии, а также сходство других элементов погребального обряда со всей очевидностью свидетельствуют о невозможности отделения кеми-обинских погребений от памятников ямной культуры ввиду совпадающих признаков погребального обряда и инвентаря (Петренко, Тощев 1990: 83; Тесленко 2002: 110; Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 141). Вопрос о происхождении в обряде как энеолитических, так и ямных племен традиции погребальных конструкций в виде каменных ящиков остается открытым (см. обзор мнений: Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 143—145). Ареал же погребений в каменных ящиках соответствует регионам, в которых по берегам рек и балок имеются выходы камня на поверхность, т.е., определяется наличием строительного материала.

Поза погребенного в погребении 7 — скорчен на спине, с ногами, согнутыми коленями вверх, типична для погребений ямной культуры. В большинстве подобных погребений ямной культуры колени у погребенных падают вправо/влево, редко сохраняют вертикальное положение, но достаточно часто распадаются ромбом (Черных, Дараган 2014: 278). Такая поза в тенденции считается в большей степени характерной для раннеямных погребений (Тесленко 1999: 85). Также встречается и в энеолитических погребениях, выделенных Ю.Я. Рассамакиным в погребальную традицию II-A (например, Любимовка курган 19 погребение 7 и Каиры-II курган 1 погребение 1 — Rassamakin 2004b: tab. 299).

Из погребений в каменных ящиках, совершенных в ямное время, подобная поза зафиксирована в погребении 3 кургана 1 у с. Висунск (Шапошникова 1977: 75, чертеж № 6). Как и в Великоалександровском ящике, размер висунского ящика также изначально был рассчитан на позу с согнутыми вверх коленями.

Панцирь черепахи, кроме великоалександровского погребения 7, также присутствовал в основном разрушенном энеолитическом погребении 37, окруженном кромлехом, в кургане 1 у с. Червона Колонка (Мозолевский и др. 1986: 103) и был положен перед лицом погребенного в основном энеолитическом погребении 7 Высокой Могила у с. Балки (Бідзіля, Яковенко 1971: 15).

Тип ящика. Устройство каменного ящика в великоалександровском погребении 7 отличается от большой серии каменных ящиков ямной культуры, внутренние стенки которых были расписаны геометрическим орнаментом, более тщательно обработаны и подогнаны друг к другу вплотную для создания жесткой прямоугольной конструкции. Великоалександровский ящик выполнен весьма небрежно. Нетипичной является земляная курганоподобная в миниатюре подсыпка вокруг ящика и последующая каменная наброска на нее. По этому признаку наиболее близкой аналогией, пожалуй, являются именно ящики из эпонимного кургана Кем-Оба, в котором вокруг ящика № 1 был сооружен кромлех (Щепинский, Тоцев 2001: 74—75). Примером может выступать ящик из погребения 2 кургана 16 у с. Войновка (Рассамакин, Евдокимов 2011: 93, рис. 14), а также ящик погребения 1 кургана 2 у с. Старая Розановка (Шапошникова и др. 1973: 178—181). Каменные ящики, столь же небрежного исполнения, как великоалександровский, известны в энеолите, где связаны с различными погребальными традициями (Rassamakin 2004b: 122, tab. 382; Черных, Дараган 2014: 276). Типична для энеолита и установка гробниц на древнем горизонте или на поверхности курганов, в ряде случаев окруженных кромлехами (Тесленко 2007: 4).

Устройство Велико-Александровского **кромлеха-2** выполнено в той же манере и из того же строительного материала, что и кромлех-1. Отметим, что по некоторым признакам оформление пространства внутри великоалександровского кромлеха-2 перекликается с оформлением святилища в кургане 5 у с. Тимофеевка, где кромлех, сооруженный из больших блоков высотой свыше 2,5 м, окружал площадку, сооруженную из смеси чернозема и суглинка с примесью углей, охры и мелких костей. Также, как в Велико-Александровке, на уровне древнего горизонта, возле одного из погребений, совершенных внутри кромлеха, обнаружены фрагменты чернолощеной керамики (Шапошникова 1986: 329).

Великоалександровский ящик погребения 7 по одним и тем же признакам можно отнести как к позднеэнеолитическим в рамках одной из погребальных традиций, так и раннеямным. Для временной атрибуции этого погребения важен тот факт, что погребение 7 было устроено на вершине уже существовавшего энеолитического комплекса. Оно не было впускным, т.е. не нарушало целостности предшествующего погребального комплекса. На подобную археологическую ситуацию обращали внимание одесские коллеги, выделив такие погребения в «*гробницы на подиумах*», отметив, «*что выставление погребения наружу, на дневную поверхность, по типологии обряда диаметрально противоположно ингумации в яме, независимо от совпадения или различия прочих обрядовых деталей*» (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 133). В этой связи целесообразно рассмотреть сходные археологические ситуации, в первую очередь те из них, в которых каменный ящик сооружен на вершине энеолитической насыпи, а также рассмотреть с какими типами погребений в ямное время связаны кромлехи, как соотносятся погребения в каменных ящиках с кромлехами и как устроены каменные ящики в курганах ямной культуры

Кромлехи ямной культуры

Традиция сооружения кромлехов известна на раннем этапе ямной культуры, но настолько редко, что Ю.Я. Рассамакин не исключает возможность их датировки эпохой энеолита, как, например, основное погребение 6 в кургане 2 в г. Александрия, которое, тем не менее, определено им как ямное (Рассамакин, Евдокимов 2011: 90). Кромлехи сооружены вокруг основных погребений ямной культуры в традиционных ямах, таких как погребение 9 в кургане 1 у с. Зеленый Гай (Ковалева и др. 2003: 26, рис. 4: 1), Недайвода курган 1,

Рыбасово-2 курган 7 погребение 13, Зеленгосп курган 1 погребение 2 (Мельник, Стеблина 2013: 60—62, рис. 37—39), погребение 11 в кургане 1 у с. Васильевка (Кубышев и др. 1977: 32, 34), погребение 10 в кургане 2 у с. Новый Мир (Андросов 1986: 68, 74—75), в курганах 28 и 29 у с. Марьевка (Пиоро 1999: 41). Перекликается с великоалександровской ситуация в кургане 5 ур. Зеленый Гай, где в энеолитическую насыпь с кромлехом впущено ямное погребение 7, вокруг которого был сооружен свой овальный кромлех диаметрами $7 \times 7,5$ м, целиком вписавшийся в пределы энеолитического кромлеха (Ковалева и др. 2003: 54). Предполагается, что кромлех-2 в кургане 1 у с. Соколовка связан с ямным погребением 6, впущенным в насыпь с кромлехом-1, сооруженным над и вокруг энеолитического нижнемихайловского погребения 6-А (Шарафутдинова 1980: 91).

Кромлех связан с первичным погребением 10 ямной культуры в обычной яме, расположенным точно в его центре, в кургане 1 у с. Весняное. Выкид из погребения 10 лежал на древнем грунте вокруг него. Погребение 10 было перекрыто насыпью-1 первичного кургана, ограниченного по окружности кольцом кромлеха, установленного на уровне древнего горизонта (Гребенников, Симоненко 1992). Представляется неудачной попытка Д.Л. Тесленко связать кромлех с впускным в ямный курган погребением 5 в каменном ящике. В кургане 1 имеется 3 впускных погребения — 2, 3 и 5 в каменных ящиках, из которых 2 впущены в пределы кромлеха и 1 вне его. Эти погребения совершены в однотипных каменных ящиках близких размеров по единому погребальному обряду. Все это может указывать на принадлежность погребенных в каменных ящиках к одной группе населения, возможно, связанных родством. Их предельная близость во времени более чем вероятна. Попытка их распределения в длительном периоде времени не представляется обоснованной. Из них погребение 5 выбрано в качестве претендента на связь с кромлехом лишь из-за его расположения, близкого к центру кромлеха, но все же не в нем (Тесленко, Гребенников 2002: 84—85, рис. 1—5). Все имеющиеся факты по стратиграфии кургана 1 у с. Весняное указывают на то, что все погребения 2, 3 и 5 в каменных ящиках были совершены после того, как кромлех скрылся под оплывом насыпи, вне связи с ним.

Кромлехи вокруг погребений эпохи энеолита и ямной культуры в каменных ящиках

Известны энеолитические каменные ящики, окруженные кромлехами, например, Золотая Балка кромлех 1 (Rassamakin 2004a: 43, Abb. 33.1), погребение 30 в кургане 1 у с. Старогорожено (Шапошникова, Фоменко, Балушкин 1977: 99, 118), погребение 7 кургана 14 у с. Любимовка (Rassamakin 2004b: 122). Энеолитом датируют и основное погребение 7 в каменном ящике в кургане 1 у с. Валовое (Rassamakin 2004b: tab. 173; Тесленко 2005: 130; Мельник, Стеблина 2012: 6—7).

Интересна ситуация в кургане 8 у с. Константиновка (Шапошникова и др. 1973: 60—62). Здесь в пределах кромлеха открыты 2 погребения, отнесенные Ю.Я. Рассамакиным к энеолитической погребальной традиции I (Rassamakin 2004b: 4), и комплекс из 19 энеолитических погребений погребальной традиции III A по Ю.Я. Рассамакину же (Rassamakin 2004b: 130). В центре этого погребального комплекса находился каменный ящик погребения 8, установленный на древнем горизонте. Стенки ящика были углублены в погребенный чернозем на 0,25—0,3 м. Вокруг ящика на уровне древнего горизонта зафиксирована каменная известняковая крошка. Отметим, что вокруг ящика у восточной лежал череп и разрозненные кости человека, а рядом несколько фрагментов чернолощеного

сосуда¹⁴. Авторы раскопок предполагали, что речь идет об остатках погребения, разрушенного при сооружении каменного ящика погребения 8. Ю.Я. Рассамкин не включил его в число энеолитических, по-видимому, предполагая его более поздний возраст.

Неопределенная ситуация в кургане 8 группы Львово-2, где каменный ящик погребения 3 размерами $1,95 \times 1 \times 0,8$ м установлен на древнем горизонте. Ящик собран из 8 хорошо обработанных известняковых плит размерами $0,3—0,85 \times 0,75 \times 0,15—0,2$ м. Стенки ящика снаружи подпирали наклонные крупные плиты. На 3 плите на внутренней поверхности что-то процарапано, в чем автор раскопок В.Ю. Мурзин увидел «линейное тамгообразное изображение» (рис. 34: 3а), с чем согласиться трудно. На дне ящика лежал взрослый погребенный скорчено на спине головой на СВ. Согнутые в коленях ноги упали влево (рис. 34: 2, 2а-б). У черепа стоял лепной плоскодонный сосуд с воронкообразным высоким венчиком и яйцевидным туловом. На поверхности слабые следы заглаживания зубчатым штампом. В тесте примесь толченой ракушки. Высота 8 см, диаметр венчика 6 см, шейки 5,4 см, плеча 7,4 см, дна 3,7 см (рис. 34: 3).

Погребение 3 находилось в центральной части кургана 8, окруженной кромlexом из известняковых плит, довольно плотно примыкавших друг к другу. Плиты в основном необработанные, лишь у нескольких с восточной стороны обработаны края. Высота плит 1—1,2 м. Плиты вкопаны в древний горизонт на 30—40 см. Диаметр кромlexа около 10 м. Зафиксированы участки без плит: в ЮЗ части шириной 1 м, в ЮВ части два разрыва в 0,7 и 1 м. В пределах кромlexа сооружена насыпь-1 высотой 1,1 м (Тереножкин и др. 1973: 40—43) (рис. 34: 3, 3а, 5).

Связь погребения 3 в каменном ящике с кромlexом в кургана 8 группы Львово-2 не очевидна. Погребение 3 очень сильно смещено к ЮЗ от центра кромlexа. Кроме того, в пределах кромlexа рядом с погребением 3 имеется погребение 4 ямной культуры в традиционной яме, также сильно смещенное от центра кромlexа. Погребение 4 перекрыто плитами, уложенными на древнем горизонте, и также может претендовать на первичность в кургане 8. В целом курган 8 высотой 3,8 м раскопан очень некачественно, с единственной бровкой, прошедшей лишь через северный край кромlexа, в которую не попали погребение 3 и погребение 4 (рис. 34, 1). Разрезы кургана нельзя считать документальными. Строго горизонтальная линия древнего горизонта проведена по всей длине разрезов от края до края, чего в курганах эпохи энеолита—бронзы не бывает никогда. В северный разрез включено погребение 3, расположенное в 4 м от него, т.е., разрез не отражает реальной конструкции насыпи кургана и является реконструктивным. Стратиграфия кургана изложена лишь на основании косвенных соображений. Погребение 3 в каменном ящике определено как кеминское и априорно сочтено наиболее ранним в кургане. Но ямное погребение 4 имеет не меньше прав на первичность в кургане 8. Поэтому, возможны целых 3 абсолютно равноправных варианта: 1) кромlex связан с погребением 3 в каменном ящике; 2) кромlex связан с ямным погребением 4, а погребение 3 впущено в первичный курган высотой 1,1 м позднее; 3) погребение 4 и погребение 3 одновременны и перекрыты общей насыпью, которую охватил кромlex, связанный с ними обоими.

К этой серии погребений следует отнести основное погребение 10 в каменном ящике кургана 41 у с. Софиевка, установленного на древнем горизонте, вокруг которого был возведен кромlex диаметром 29 м (Шилов 1973: 23—24, 27—28). И основное погребение 1 в кургане 22 у с. Глухое, где в ящике размерами $1,8 \times 0,9$ м, составленном из 6 плит и перекрытого двумя плитами, погребены взрослый и ребенок 2—3 лет, кости которых

¹⁴ Эти фрагменты не сохранились.

перемешаны и их положение осталось невыясненным. Погребение 1 окружено овальным кромlexом размерами 15×13 м из небольших камней. Над ним возведена насыпь высотой 2,3 м (Елинова и др. 1984: 45, 47).

Погребения в каменных ящиках, сооруженных на вершине энеолитических насыпей

В степном Причерноморье имеется серия захоронений в каменных ящиках, сооруженных, как и великоалександровский в погребении 7, непосредственно на вершинах уже существовавших энеолитических курганов с применением тех же приемов по укреплению внешних стенок ящика грунтовой и каменной наброской.

Наиболее близкая к великоалександровской ситуация прослежена в кургане 1 у с. Баратовка, где каменный ящик погребения 8 был установлен на вершине энеолитической насыпи. Ему предшествовали энеолитические погребения 5, 6, 16 и 17, из которых погребение 6 совершено в каменном ящике в погребальной традиции III-C по Ю.Я. Рассмакину. Высота насыпи, перекрывшей энеолитические погребения и на которой установлен каменный ящик погребения 8, достигала 1,5 м при диаметре 21,5 м (Петренко, Елагина 1968: 35—38; Rassamakin 2004b: 152—153, 176—177, tab. 517, 515).

Баратовский ящик в погребения 8 сложен из восьми известняковых плит. Длинные стенки составлены из трех плит, торцевые из одной. Его размеры $1,95 \times 1,05$ м. Длина торцевых плит 0,96 и 1,0 м, боковых плит 0,5—0,66 м, высота плит 0,85—1,0 м, толщина 0,1—0,2 м. Плиты на треть высоты и более вкопаны в грунт энеолитической насыпи. Основания плит ящика снаружи закреплены забутовкой мелким камнем. Глубина внутренней емкости ящика 0,5 м. Пол состоял из двух плит желтого ракушечника. Внутренняя поверхность стенок до уровня пола и верхний край тщательно отесаны. Обработка внешней поверхности более небрежная. Основания плит, вкопанные в землю, не обработаны. Торцевые плиты с внутренней стороны вдоль вертикальных краев имели пазы шириной 10—16 см и глубиной до 2 см для плотного прилегания к плитам боковых стенок. Стыки плит промазаны изнутри и снаружи раствором глины, смешанной с землей. Ящик перекрывала необработанная плита размерами $2 \times 1,1 \times 0,15—0,18$ м. К этой плите со всех сторон примыкали небольшие камни. Со всех сторон ящик окружала наброска из средних и мелких плит и камней, нижний уровень которых соответствовал уровню дна ящика. В вертикальном разрезе все сооружение представляло усеченный конус, плоской вершиной которого служит крышка ящика. Общая площадь основания конструкции составляла $4,0 \times 2,9$ м. Каменный ящик был перекрыт насыпью, увеличившей курган до высоты 3,25 м и до диаметра 31 м (Rassamakin 2004b: 176, tab. 515).

Скелет лежал скорченно на спине головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги, первоначально поднятые коленями вверх, упали влево. Скелет окрашен красной охрой. Под ним зафиксирована подсыпка из золы, мела и охры. Возле левой руки лежал формованный комок красной охры усеченно-конической формы с заглаженной поверхностью. Его высота 7,5 см, диаметры оснований 10 см и 7,3 см (рис. 38).

Две плиты в боковых стенках ящика возле головы скелета с внутренней стороны украшали изображения. Западная плита размерами $1,0 \times 0,6 \times 0,13$ м украшена резным изображением креста. Вырезанные на плите полосы неглубокие и нечеткие, шириной 1,0 см. Восточная плита размерами $1,0 \times 0,66 \times 0,15$ м украшена изображением 10 вертикальных резных волнистых линий со слабым изгибом и 4 линий с более крутым изгибом справа и слева тремя фигурками животных головами вправо, расположенных одна под другой. Длина

фигурок около 10 см. Изображения схематичны: показаны длинная ушастая морда, вытянутое туловище, передняя и задняя ноги, хвост (рис. 38: 6).

Это единственный известный на сегодняшний день пример анималистических изображений на стенках каменного ящика.

В кургане 1 у с. Недайвода каменный ящик погребения 2 был установлен на юго-восточном краю насыпи, обложенной гранитными плитами кромлеха, предположительно энеолитического времени (Мельник, Стеблина 2012: 301, 302).

Вероятно к этой же археологической ситуации следует отнести и погребение 4 в каменном ящике кургана Высокая Могила у с. Балки (Бідзіля, Яковенко 1971: 8—9, табл. IX—X). Стратиграфически это погребение следовало за основным в кургане энеолитическим погребением 7. Каменный ящик погребения 4 имел правильную прямоугольную форму и был сложен из 9 известняковых плит. Плиты тщательно подогнаны одна к другой и вкопаны в грунт на 0,25 м с забутовкой мелким щебнем. Размеры ящика $2,1 \times 1,5$ м, ориентация СВ—ЮЗ. Положение погребенного на спине с северо-восточной ориентацией, ноги, согнутые в коленях, упали вправо. Одна из плит поперечной стенки имела паз и была орнаментирована с внутренней стороны глубоко врезаемым линейно-геометрическим рисунком: три параллельные линии сверху вниз под углом пересекали плиту. Еще 4 параллельные линии примыкали к первым под острым углом (рис. 37: 6). Остальное пространство было заполнено вложенными друг в друга острыми углами. Размеры плит $0,88 \times 0,5 \times 0,15$ м. В погребении присутствовала охра (Ляшко 1989: 78).

Каменные ящики, впущенные в энеолитическую насыпь

Такой ящик открыт в погребении 6 кургана 1 у с. Малая Александровка, где, согласно реконструкции Ю.Я. Рассамакина, неорнаментированный каменный ящик был впущен в энеолитическую насыпь, окруженную кромлехом, связанным с предшествующими погребениями (Рассамакин, Евдокимов 2001: 72, прим. 2, 73—74). По мнению Г.Л. Евдокимова, кромлех был связан именно с погребением 6 в каменном ящике (Евдокимов и др. 1989: 107, 111).

По аналогичному сценарию совершено и погребение 3 в Первом Старосельском кургане. Первичным в этом кургане было энеолитическое погребение 19, совершенное в той же погребальной традиции, что и основное погребение 24 в Великой Александровке. Следующее погребение 16, впущенное в восточную полу насыпи-1, совершено в традиции II-A по Ю.Я. Рассамакину (Rassamakin 2004a: 96). За ним последовали погребения 17 и 15, совершенные в той же погребальной традиции III-C по Ю.Я. Рассамакину, что и погребение 23 великоалександровского кургана. Погребение 15 при этом было окружено кромлехом диаметром 8 м из грубых камней, установленных в ровик, возвышавшихся над уровнем поверхности на 0,4 м. Высота кургана, образовавшегося в результате последовательных досыпок над энеолитическими погребениями, предшествовавшими погребению 15, составила 3,2 м при диаметре 28 м (Шилов 1977: 51). На вершине этого кургана, в западной части кромлеха, связанного с энеолитическим погребением 15, в углублении размерами $3,2 \times 2,3 \times 0,9$ м и был сооружен каменный ящик погребения 3 размерами $1,96 \times 0,85$ м, сложенный из 10 плит — по 1 плите в торцевых, по 3 плиты в боковых стенках и 2 плиты перекрытия сверху. Изнутри стенки ящика тщательно подтесаны до уровня пола. Стыки плит замазаны зеленой глиной и закрашены охрой. Охрой же полностью закрашены изнутри торцевые плиты. Боковые плиты орнаментированы углубленным елочным орнаментом, покрашенным охрой. На утрамбованном земляном полу на камышовой циновке лежал

скелет женщины скорченно на спине головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, согнутые в коленях и поднятые ноги упали вправо. На черепе и верхней части туловища выявлены остатки мелко-ячеистой ткани и кожи, посыпанных охрой. Следы охры выявлены и на костях скелета. У южной стенки зафиксированы остатки дерева (рис. 39, 41: 1—3). Каменный ящик погребения 3 перекрыт насыпью, увеличившей высоту кургана до 4,5 м и диаметр до 37 × 33 м. Согласно реконструкции Ю.А. Шилова, досыпка в плане имела форму, аналогичную очертаниям кромлеха и насыпи над великоалександровским погребением 7 (Шилов 1977: 51, рис. 2; 1981: 39).

В том же Первом Старосельском кургане, позднее на один стратиграфический шаг, связанный с ямным погребением 7, было совершено еще одно погребение 4 в каменном ящике, устроенном в трапециевидной яме размерами 4,2—5,5 × 2,8 × 1,0—2,0 м. Ящик размерами 2,0 × 1,1 м состоял из 11 плит: по 2 плиты в торцевых и по 3 в боковых стенках, 2 плиты перекрытия ящика и 1 плита на дне ящика. Стыки плит стенок тщательно замазаны зеленой глиной и покрашены охрой. Внутри глубина ящика 0,85 м. Торцевые плиты изнутри сплошную покрашены охрой, плиты продольных стенок украшены елочным рисунком, на каждой плите особым. Скелет взрослого мужчины лежал скорченно на спине, головой на север. Ноги, первоначально поднятые согнутыми коленями вверх, упали вправо, руки вытянуты вдоль тела. На костях и под ними найдены обрывки ткани и кожи, снаружи окрашенной охрой. У черепа и шейных позвонков лежали несколько кусочков смолы (Шилов 1977: 52; 1981: 39) (рис. 40; 41: 4—5).

В кургане 1 близ Скадовска погребение 12 в каменном ящике было впущено в энеолитическую насыпь-2, возведенную над погребением, совершенным в погребальной традиции II-A. Первичные энеолитические погребения кургана 1 были совершены в погребальной традиции III-A (Рассамакин, Евдокимов 1988: 86—87, рис. 6).

К этой же археологической ситуации относится и погребение 2 в неорнаментированном каменном ящике в кургана 59 у с. Верхне-Тарасовка, вкопанном в центр насыпи-1 высотой 3 м и диаметром 26 м, сооруженной над вытянутым на спине энеолитическим погребением в прямоугольной яме с закругленными углами размерами 2 × 0,9 × 0,4 м (Чередниченко 1975: 3—4, 15).

Возможно, что в рамках этой археологической ситуации следует рассматривать и погребение 15 кургана 40 у с. Софиевка. Погребение в каменном ящике было расположено у юго-западной поперечной насыпи, возведенной над энеолитическим погребением 7, окруженного кромлехом (Шилов 1973: 146, 157, 150—151, 161, альбом № 6, табл. III; Rassamakin 2004b: 123).

Основные погребения в орнаментированных каменных ящиках без кромлехов

Таковыми являются погребения в каменных ящиках с расписанными внутренними стенками в погребении 1 кургана 9 у с. Софиевка (Лесков 1972: 24—25), погребении 4 кургана 5 у Зеленый Гай, погребении 17 кургана 2 у с. Андрусовка (Андросов, Мельник 1991: 35—37; Мельник, Стеблина 2012: 260, рис. 164), погребении 25 кургана 1 у с. Пересадовка (Никитин 2018: 51—52, рис. 20: 1), погребении 1 кургана 1 у с. Малосоленое (Шапошникова и др. 1987: 119—120), погребении 2 кургана 16 у с. Войновка (Тупчи́енко 1992: 27, 29), погребении 1 кургана 2 у с. Старая Розановка (Шапошникова и др. 1973: 178—181), погребении 12 кургана 1 у с. Виноградовка (Шапошникова и др. 1979: 140, 149—151) (рис. 43: 1), погребении 8 кургана 9 у с. Константиновка (Шапошникова и др. 1973: 74—77)

(рис. 37: 5), погребении 35 кургана 1 у с. Висунск¹⁵ (Шапошникова и др. 1977: 70). Первичное погребение 1 Велико-Зименовского кургана было окружено ровиком (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 45, 48—50; см. также Петренко, Тощев 1990: 176, рис. 1—2). Основным было и погребение 6 в Долгой могиле возле Чертомлыка, совершенное в чистом поле к востоку от ранее существовавшего кургана ямной культуры высотой 2,85 м (рис. 42) и объединенное с ним с помощью досыпки, после которой новый общий курган стал овальным диаметром 34 × 46 м и высотой 4,5 м с плоской вершиной длиной 6—6,5 м (Мозолевский, Пустовалов 1999: 121).

В эту серию входят и два каменных ящика с расписанными внутри стенками и украшенными резным орнаментом наружными стенками. В кургане 1 у с. Пески на уровне древнего горизонта был сооружен ящик погребения 13 размерами 1,78 × 1,35 м, а без приставленных камней 0,84 × 0,86 м. Ящик из 6 плит в стенках (по 1 в торцевых и по 2 в продольных), 4 плит перекрытия, из которых 2 средних под весом грунта переломились и провалились внутрь ящика, и плит покрытия пола (1 большая и до 10 мелких). Плиты стенок были вкопаны в грунт. По углам ящика плиты снизу подклинены мелкими камнями.

Все плиты обработаны в разной степени. Плита IV в восточной торцевой стенке имела трещину по середине. Эта трещина замазана зеленым глеем, как и стыки между всеми плитами стенок и перекрытия. Снаружи стенки ящика подпирали приставные плиты и камни. На западной торцевой плите I зафиксированы два чашевидных углубления диаметром 0,07 м, глубиной 0,03 м. На верхней грани плиты II отмечены следы охры (рис. 35, 36: 2).

На внутренних сторонах плит I, II и IV имеются рисунки в виде древа жизни и иных комбинаций из прямых линий, нанесенных охрой (рис. 35, 36: 8: I, II, IV).

На плите II в северной продольной стенке, по мнению автора раскопок, с внешней стороны четко выделен выступ головы, как у антропоморфных стел примитивного типа. По нашему мнению, фотографии и чертежи «четкого выступа головы» не демонстрируют.

Внешние стороны плит продольных стенок II, V и VI обработаны и украшены углубленным орнаментом из пересекающихся прямых и изогнутых линий в разных комбинациях. Ширина выбитых линий 0,06 м (рис. 36: 2, 5, 8). На плите перекрытия VII от середины на один из углов выдолблена такая же изогнутая линия (рис. 36: 7).

Дно ящика лежит на древнем горизонте. Площадь дна покрывала щебенкой. Поверх нее лежала каменная плита с закругленными краями размером 1,4 × 0,5 м со следами обмазки глеем, посыпки известью и охрой. Эта плита занимала центральную его часть. На остальной площади были уложены мелкие камни, засыпанные щебенкой. На плите лежали сложенные кости взрослого человека, черепом на запад. Предполагается, что покойник был расчленен, но нельзя исключать и перезахоронение останков (Шапошникова и др. 1972: 11—14).

Ящик из Песок по наличию гравировки наружных стенок близок ящику из кургана 1 погребения 1 у с. Березовка (рис. 37: 1—4). В отчете о раскопках этот ящик описан как впускной, но курган был потревожен местными жителями и ряд вопросов по конструкции кургана остался невыясненным (Бокий 1969: 6—7). Наружная гравировка стенок зафиксирована и у ящика основного погребения 1 кургана 5 у с. Ивановка (Шапошникова 1976: 216—217) (табл. 1).

¹⁵ По мнению Д.Л. Тесленко, это погребение относится к постмариупольским/квитянским (Тесленко 2005:130).

Погребения в каменных ящиках, осуществленные на поверхности ямной насыпи

В кургане Ананьиной могила близ г. Новая Одесса каменный ящик погребения 2 установлен на вершине насыпи-I высотой 3,5 м, диаметром 38—40 м, сооруженной над первичным в кургане погребением ямной культуры (Балушкин, Фоменко 2005: 296—399). Так же на вершине насыпи-I, насыпанной над ямным погребением, было установлено погребение 3 в каменном ящике в кургане 1 у с. Актово (Шапошникова и др. 1987: 55, 59). На поверхности насыпи-III высотой около 4,2 м и диаметром 31 м, сооруженной над погребениями ямной культуры установлен каменный ящик погребения 10 в кургане 4 у с. Ивановка (Шапошникова 1976: 203—206, табл. LXXXVI—LXXXVIII). На южном краю плоской вершины насыпи-IV, сооруженной над впускным погребением 26 в каменном ящике, был установлен каменный ящик погребения 10 в кургане 1 у с. Висунск (Шапошникова и др. 1977: 71). Стенки всех этих ящиков изнутри расписаны красной охрой (табл. 1).

Каменные ящики, впущенные в насыпь ямной культуры

Это одна из наиболее типичных археологических ситуаций для каменных ящиков т.н. кеми-обинской культуры. Именно так были совершены погребение 3 в кургане 29 у хут. Шевченко (Черных, Дараган 2014: 288—299), погребение 4 в кургане 1 у с. Староселье (Шилов 1977: 52), погребение 5 в кургане 14 у с. Золотая Балка (Кубышев и др. 1978: 36), погребение 5 в кургане 14 у с. Томарино (Рассамакин, Евдокимов 2010: 106—112), погребение 1 в кургане 1 у с. Старогорожено (рис. 43: 2—4) (Шапошникова и др. 1977: 103), погребение 26 в кургане 1 у с. Висунск (Шапошникова и др. 1977: 71), погребение 5 в кургане 1 у с. Виноградовка (Шапошникова и др. 1979: 141, 144—145), погребение 1 в кургане 1 у с. Катаржино (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 29—30), погребение 14 в кургане 1 группы Рядовые могилы у г. Кривой Рог (Мельник, Стеблина 2012: 139, 145—146), погребение 6 в кургане 6 у с. Зеленый Гай (Ковалева и др. 2003: 64, 77), погребение 7 в кургане 1 (Долгая могила) группы II у с. Широкое (Ковалева 1988: 28—30, рис. 6), погребения 20 и 22 в кургане 1 у с. Плющевка (Никитин 2018: 23—24), погребение 2 кургана 5 у с. Ивановка, устроенное в каменном саркофаге, выбитом из большой цельной глыбы известняка (Шапошникова и др. 1976: 219) (рис. 43: 4) и др. Все эти ящики, за исключением погребения 14 в кургане 1 группы Рядовые могилы у г. Кривой Рог, изнутри расписаны разными геометрическими композициями (табл. 1).

Таким образом, постройка каменных ящиков на вершине существующих насыпей известна и в ямное время, хотя в большей степени распространен или впуск каменных ящиков в существующую насыпь или его основное положение в кургане. При этом кромлехи не сооружались вокруг орнаментированных каменных ящиков или ящиков, безусловно, включенных в систему погребений ямной культуры. Только у двух каменных ящиков (Пески курган 1 погребение 13 и Березовка курган 1 погребение 1 — рис. 35—37) наружные стены были украшены гравированным геометрическим орнаментом (в сочетании с росписью красной охрой изнутри). Эти ящики были установлены или на древнем горизонте или на вершине насыпи и возможно их наружная гравировка указывает на то, что какое-то время они могли стоять на поверхности открытыми, не перекрытые курганной насыпью. Т.е., наружные орнаменты были доступны для обозрения, подобно орнаментированным плитам из кромлеха-1 в кургане у Великой Александровки. Линии сначала были выбиты, а потом были заполнены охрой в ящике погребения 1 в кургане 1 у с. Старогорожено (рис. 43: 4), на

внешней стороне одной из плит ящика погребения 1 кургана 14 у с. Старые Беляры (Субботин 1995: 193), на плитах от ящика, использованных вторично для перекрытия погребения ямной культуры в кургане 1 у с. Великодолинское (Субботин 1995: 193, рис. 1: 1; Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 136—138, рис. 65). Еще у одного ящика орнамент (анималистический и геометрический) был выгравирован на внутренней стенке ящика (Баратовка курган 1 погребение 8). Во всех остальных известных нам случаях, орнамент просто был нанесен красной охрой на внутренние стенки ящика. Погребение в каменных ящиках на Правобережье Нижнего Днестра и далее вплоть до Подунавья использовалось на протяжении всей ямной эпохи. В некоторых курганах (например, Широкое-II курган 1 погребения 7) захоронения в каменных ящиках завершали ямный цикл погребений в курганах. Известны и курганы с несколькими последовательными погребениями в каменных ящиках, совершенных по различному сценарию. В Первом Старосельском кургане два погребения в каменных ящиках: первое было впускным в энеолитическую насыпь, а второе — в одну из ямных. В кургане 1 у с. Висунск пять погребений в каменных ящиках: основное, возможно сооруженное еще в эпоху энеолита и 4 на этапе ямной культуры были впускными в ямные насыпи или установлены на их вершинах. В кургане 8 у с. Баратовка серию из погребений в каменных ящиках различных погребальных традиций эпохи энеолита завершило погребение ямного времени в каменном ящике, установленном на вершине энеолитической насыпи.

Зафиксированная в Великой Александровке археологическая ситуация, — каменный ящик, построенный на вершине энеолитического комплекса, окруженный кромлехом, — является уникальной. По совокупности признаков (стратиграфическая позиция, тип ящика, кромлех, поза погребенного) погребение можно отнести к числу переходных — наиболее поздних энеолитических или уже наиболее ранних ямных. Погребение, безусловно, демонстрирует преемственность погребальных традиций в данном *микрорегионе*. Близкая стратиграфическая последовательность, в том числе и с энеолитическими погребениями, совершенными в других погребальных традициях, зафиксирована и в других курганах Нижних Ингульца и Поднепровья (Баратовка курган 8, Староселье курган 1, Скадовск курган 1).

Вывод

Под курганом Великая Александровка выявлены три последовательных погребения времени среднего и позднего энеолита, отражающие различные погребальные традиции. Первичным было погребение 24, совершенное в традиции III-A по Ю.Я. Рассамкину, вторым было погребение 23 совершенное в традиции III-C и третьим — погребение 7 в каменном ящике, отражающее, по всей видимости, развитие энеолитической традиции II-A, продолжающейся в рамках ямной культуры.

Шаг стратиграфии между сооружением первых двух энеолитических погребений 24 и 23 и перекрывшей их насыпи-I и установкой на насыпи-I каменного ящика погребения 7 точно установить не представляется возможным, однако отсутствие растительной прослойки на ее поверхности позволяет предполагать, что он был незначительным. Реконструкции внешнего облика погребальных сооружений, дополненные наблюдениями за археологическими ситуациями по сооружению мегалитических конструкций в энеолите и в рамках ямной культуры, демонстрируют преемственность мегалитических традиций в рамках рассмотренного *микрорегиона*.

Трехмерные модели камней с петроглифами доступны на веб-сайте Лаборатории RSSDA (rssda.su: 1).

Благодарности. Авторы искренне признательны: сотрудникам Национального историко-археологического заповедника «Переяслав» Александру Владимировичу Колыбенко и Галине Николаевне Бузян за всестороннюю помощь при работе с каменными плитами из Велико-Александровки и каменными ящиками из курганов эпохи бронзы, исследованных Ингульской и Херсонской экспедициями Института археологии; Татьяне Владимировне Шереметевой (Национальный заповедник «Хортица») за оказанную нам помощь в работе с материалами энеолитических погребений Великой Александровки; Александру Дмитриевичу Менчинскому за выполненное моделирование мегалитических сооружений Великоалександровского кургана; Людмиле Андреевне Черных (Институт археологии НАН Украины) за обсуждение и редактуру текста статьи; Сергею Николаевичу Разумову (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко) за функциональное определение и описание кремневых орудий; сотрудникам Лаборатории RSSDA Екатерине Васильевне Романенко, Марии Сергеевне Андреевой и Евгению Владимировичу Юшину, выполнившим документирование и трехмерное моделирование плит с зооморфными изображениями. Мы также признательны Вадиму Сергеевичу Бочкареву (ИИМК РАН, в 1971 г. заместителю начальника Ингульской экспедиции Института археологии), предоставившего в наше распоряжение материалы кургана 1 у с. Пески.

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры

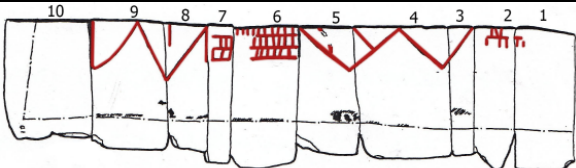
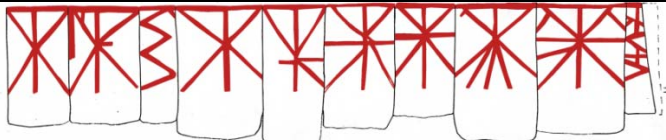

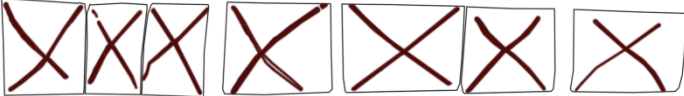
№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
1	Пески курган 1 погребение 13		Основное в кургане	Шапошникова и др. 1972: 11—14	НИЕЗ «Переяслав» Лапидарий А-718
2	Березовка курган 1 погребение 1		Основное или на вершине насыпи-I	Бокий 1969: 6—7	?
3	Долгая Могила возле Чертомлыка, погребение 6		Основное, сооружено возле кургана ямной культуры	Мозолевский, Пустовалов 1999: 121	Переданы в Никопольский краеведческий музей
4	Виноградовка курган 1 погребение 12		Основное	Шапошникова и др. 1979: 140, 149—151	НИЕЗ «Переяслав» Лапидарий
5	Зелений Гай курган 5 погребение 4		Основное	Мельник, Стеблина 2012: 260, рис. 164: 3	?
6	Войновка курган 16 погребение 2		Основное	Тупчієнко 1992: 27, 29	?
7	Андрусовка курган 2 погребение 17		Основное	Андросов, Мельник 1991: 35—37	?

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

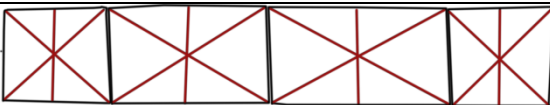

№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
9	ст. Розановка курган 1 погребение 1		Основное	Шапошникова и др. 1973: 178—181	НИЕЗ «Переяслав» Лапидарий
10	Софиевка курган 9 погребение 1		Основное	Лесков 1972: 24—25, Альбом 1: табл. XXIX; Шилов 1982: 32, рис. 2: 2	?
11	Пересадовка курган 1 погребение 25		Основное	Никитин 2018: 51—52, рис. 20: 1	?
12	Великозимоновск ий курган погребение 1		Основное	Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 45, 48—50, рис. 31	?
13	Долинка курган 1 погребение 3		Основное	Тощев 2007: 77, рис. 37: 2	?
14	Баратовка курган 1 погребение 8		На вершине энеолитической насыпи	Петренко, Елагина 1968: 35—38	?
15	Высокая Могила погребение 4		На вершине энеолитической насыпи	Бідзіля, Яковенко 1971: 8—9, табл. IX—X	?

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

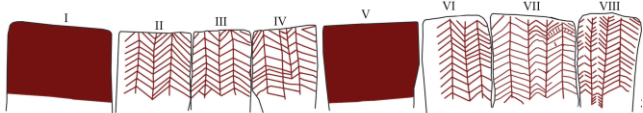

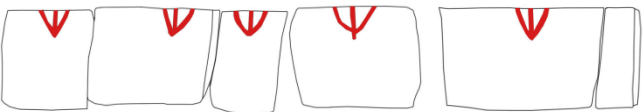
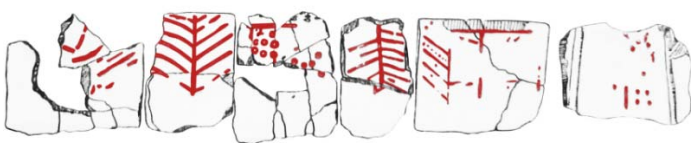
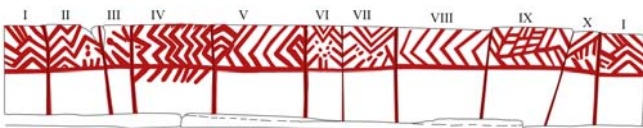
№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
16	Староселье курган 1 погребение 3		Впускное в энеолитическую насыпь-I	Шилов 1977: 51, рис. 2; 1982: 29—30, рис. 2, 4.	НИЕЗ «Переяслав» Павильон «Старосільськ і кургани»
17	Долгинцево курган 1 погребение 6		Впускное в энеолитическую насыпь	Мельник, Стеблина 2012: рис. 266, 14; 2013: 66, 68	?
18	Ивановка курган 4 погребение 10		На вершине ямной насыпи	Шапошникова 1976: 203—206, Табл. LXXXVI— VIII	НИЕЗ «Переяслав» Лapidарий
19	Малосоленое курган 1 погребение 1		На вершине ямной насыпи	Балушкин, Фоменко 2005: 296—399	?
20	Староселье курган 1 погребение 4		Впускное в ямную насыпь	Шилов 1977: 52; 1982: 31, рис. 32: 3	НИЕЗ «Переяслав» Павильон «Старосільськ і кургани» А-714

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

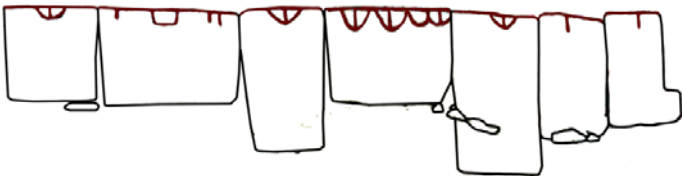
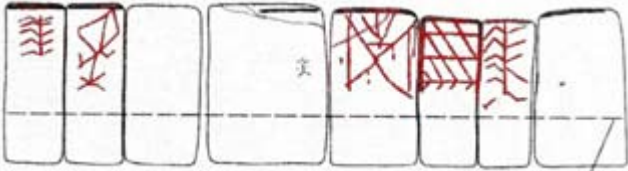
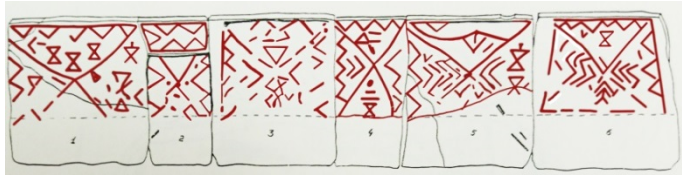

№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
21	Золотая Балка курган 14 погребение 3		Впускное в ямную насыпь	Кубышев и др. 1978: 36	НИЕЗ «Переяслав» Лапидарий
22	Томарино курган 14 погребение 5		Впускное в ямную насыпь	Рассамакин, Евдокимов 2010: 106—112, рис. 9	?
23	Рахмановка курган 4 погребение 9		Впускное (?)	Мельник, Стеблина 2012: рис. 289	Днепропетров- ский национальный исторический музей КП-15772 А-8704/1-6
24	Войково, Кривой Рог, ЮГОК погребение 1		Впускное или установлено на вершине первичной насыпи	Мельник, Стеблина 2012: рис. 162: 2—3	?

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

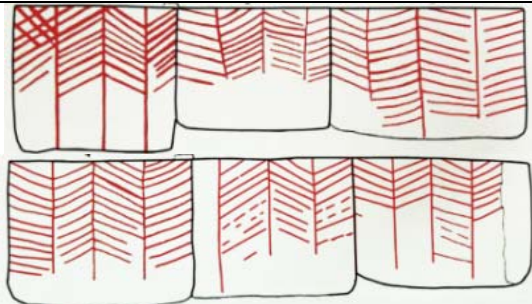
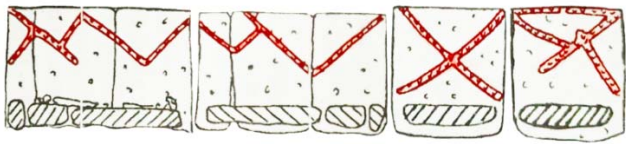

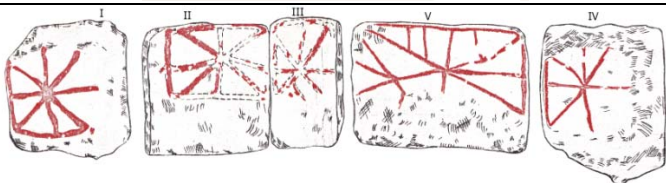
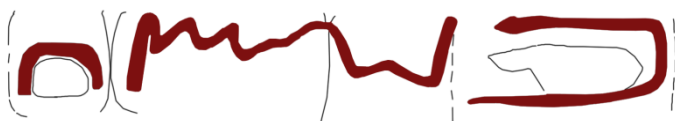
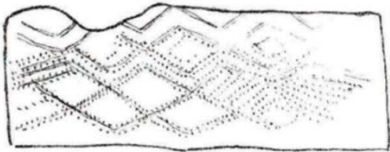
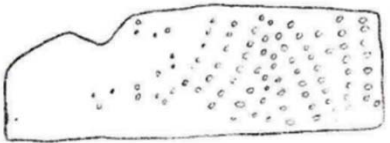
№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
25	Шахтер курган 29 погребение 3		Впускное в ямную насыпь	Черных, Дараган 2014: 288—299	г. Покров (Орджоникидзе) "Покровский центр подготовки и переподготовки и рабочих кадров"
26	Зеленый Гай курган 6 погребение 6		Впускное в ямную насыпь	Ковалева и др. 2003: 64, 77, рис. 22: 3	?
27	Ковалевка I курган 4 погребение 1		Стратиграфическая позиция не установлена	Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978: 28—29, рис.13: 6—8	?
28	Майоровка курган 4 погребение 17		Стратиграфическая позиция не установлена	Шарафутдинова 1971	НИЕЗ «Переяслав» Лапидарий А-716
29	Ивановка курган 5 погребение 2		Впускное в ямную насыпь	Шапошникова и др. 1976: 216—217	НИЕЗ «Переяслав» «Старосільські кургани» А-719

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
30	Старогорожено курган 1 погребение 1		Впускное в ямную насыпь-III	Шапошникова и др. 1977: 103	НИЕЗ «Переяслав» Лapidарий А-715
31	Плющевка курган 1 погребение 22		Впускное в ямную насыпь	Никитин 2018: рис. 9: 1—2	?
32	Широкое-II курган 1 погребение 7		Впускное в ямную насыпь	Ковалева 1988: 28—30, рис. 6	?
33	Катаржино курган 1 погребение 1		Впускное в ямную насыпь	Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 29, рис. 19	?
34	Старые Беляры курган 1 погребение 14		Впускное в ямную насыпь	Субботин 1995: 193, рис. 1: 4—5; Иванова 2013: рис. 44: 10	?

Таблица 1. Примеры орнаментации каменных ящиков из курганов энеолита—бронзы Северного Причерноморья и их стратиграфическая позиция в курганах ямной культуры (продолжение)

№	Пункт	Изображения на плитах ящика	Стратиграфическая позиция	Источник	Место хранения
35	Пионерское курган 2, погребение 2		Впускное в ямную насыпь Орнамент нанесен красными и белыми красками на черном фоне	Тощев 2007: 65, рис. 35: 10	с. Пионерское Симферопольский р-н, Крым
36	Красная Зорька курган 1, погребение 1		Впускное в ямную насыпь. Орнамент нанесен красной краской на черном фоне	Тощев 2007: 65, рис. 35: 7	Ботанический сад Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Литература

- Андросов А.В. 1986. Курган эпохи бронзы у села Новый Мир. *Проблемы археологии Поднепровья* 3, 67—78.
- Андросов А.В., Мельник А.А. 1991. Курганы раннего бронзового века Криворожья с зооморфными конструкциями. *Проблемы археологии Поднепровья* 5, 35—50.
- Архів Рудинського: НА ІА НАНУ. Ф. 30. № 25/6. Конверт № 6. Рудинський М.Я. Архів. Кам'яна Могила.
- Балушкин А.М., Фоменко В.Н. 2005. Курган «Ананьина Могила» близ г. Новая Одесса Николаевской обл. *Археологічні дослідження в Україні 2004—2005*, 396—409.
- Бідзіля, Яковенко 1971: НА ІА НАНУ. № 1971/24а. Бідзіля В.И., Яковенко Э. 1971. Звіт про розкопки кургану «Висока могила» біля с. Балки Василівського району, Запорізької обл.
- Бокий 1969: НА ІА НАНУ. № 1969/65. Бокий Н.М. Отчет об археологических раскопках Кировоградского краеведческого музея за 1969 год.
- Бузян Г. 2015. М.І. Сікорський та етапи становлення археологічного розділу музею народної архітектури та побуту Середньої Наддніпрянщини НІЕЗ «Переяслав». *Наукові записки НІЕЗ «Переяслав»* 9 (11), 18—44.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. 2011. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиции древних цивилизаций. *История и археология Семиречья* 4, 27—47.
- Гребенников, Симоненко 1992: НА ІА НАНУ. № 1992/227. Гребенников Ю.С., Симоненко А.В. Отчет об археологических исследованиях 1992 г. в Николаевской обл.
- Давня історія України*. 1994. Кн. 1. Київ: Либідь.
- Дараган М.Н. 2015. Опыт 3D-моделирования курганных сооружений эпохи энеолита-бронзы. В: Гук Д.Ю. (ред.). *Виртуальная археология (эффективность методов): Материалы Второй Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 1—3 июня 2015 года*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 127—138.
- Дергачев В.А. 1980. *Памятники позднего Триполья (опыт систематизации)*. Кишинев: Штиинца.
- Евдокимов Г.Л., Рассемакин Ю.Я. 1988. Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины. В: Шапошникова О.Г. (ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 79—92.
- Евдокимов, Солтыс 1989: НА ІА НАНУ. № 1989/24. Евдокимов Г.Л., Солтыс О.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем Херсонской области Краснознаменной экспедиции в 1989 г.
- Елинова и др. 1984: НА ІА НАНУ. № 1984/101. Елинова Л.П., Голубчик Л.Н., Чурилова Л.Н. Отчет об археологических раскопках музея на землях Марганецкого горно-обогатительного комбината в 1984 г.
- Збенович, В.Г. 1974. *Позднетрипольские племена Северного Причерноморья*. Киев: Наука думка.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. *Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра*. Одесса: КП ОГТ.
- Иванова С.В. 2013. Ямная (буджакская культура). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95 летию Национальной академии наук Украины)*. Одесса: Одесский археологический музей; СМІЛ, 211—254.
- Ковалева И.Ф. 1978. Погребения «Животиловского» типа в Присамарье. В: Ковалева И.Ф. (ред.). *Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до. н.э.* Днепропетровск: ДГУ, 69—88.
- Ковалева И.Ф. 1988. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы. *Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы*. Днепропетровск: ДГУ, 20—33.
- Ковалева И.Ф. 1991а. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье. *Древности Северного Причерноморья и Крыма II*, 30—38.
- Ковалева И.Ф. 1991b. Погребения с майкопским инвентарем в Левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа). В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 69—88.
- Ковалева и др. 1989: НА ІА НАНУ. № 1989/181. Ковалева И.Ф., Шалобудов В.Н., Мухопад С.Е., Андросов А.В. 1989. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Археологические исследования курганов в зонах строительства оросительных систем в Днепропетровской области.

- Ковалева и др. 2003: Ковалева И.Ф., Марина З.П., Ромашко В.А., Тесленко Д.Л., Шалобудов В.Н., Векленко В.А. 2003. *Курганы энеолита — бронзы в Криворожском течении Ингульца*. Днепропетровск: ДГУ.
- Ковальова И.Ф., Шалобудов В.Н. 1992. Курган эпохи бронзы возле с. Боровковка. *Старожитності степу Північного Причорномор'я та Криму* III, 105—113.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка. В: Генинг В.Ф. (ред.). *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наукова Думка, 7—132.
- Ковпаненко Г.Т., Фоменко В.М. 1986. Похоронения доби енеоліту — ранньої бронзи на правобережжі Південного Бугу. *Археологія* 55, 10—25.
- Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. 1985. Погребение раннежелезного века на Ингульце. *СА* 4, 144—154.
- Кубышев и др. 1977: НА ИА НАНУ. № 1977/23. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Николова А.В., Полин С.В., Симоненко А.В., Битковский О.В. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 г.
- Кубышев и др. 1978: НА ИА НАНУ. № 1978/17. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В., Полин С.В., Битковский А.В., Якунов С.А. 1978. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АНН УССР Исследований курганной группы «Рядовые курганы» в зоне строительства Золотобалковской о/с в Нововоронцовском р-не, Херсонской обл.
- Кубышев и др. 1979: НА ИА НАНУ. № 1979/32. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Гошко Т.Ю., Марченко И.Л., Сердюков В.В. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства орошаемых участков Каховской оросительной системы в Херсонской области в 1979 г.
- Кубышев и др. 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/19. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Полин С.В., Черняков И.Т., Битковский О.В., Сердюков В.В., Солтис О.Б., Шевченко Н.П. Отчёт о работах Херсонской археологической экспедиции в 1981 г.
- Лесков А.М. 1972: НА ИА НАНУ. № 1972/35. Лесков А.М. 1972. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1972 году
- Ляшко С.Н. 1989. Погребения кеми-обинской культуры на побережье Каховского водохранилища. *Тезисы Всесоюзной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Бориса Николаевича Гракова*. Запорожье: ЗГУ, 77—79.
- Мельник О.О., Стеблина І.О. 2012. *Кургани Криворіжжя*. Кривий Ріг: Видавничий дім.
- Мельник О.О., Стеблина І.О. 2013. *Ямна культура середньої течії Інгульця*. Кривий Ріг: Видавничий дім.
- Михайлов Б. 2005 *Петрогліфи Кам'яної могили: Семантика. Хронологія. Інтерпритація*. Київ: МАУП.
- Мозолевский и др. 1986: НА ИА НАНУ. № 1986/15. Мозолевский Б.Н., Полин С.В., Николова А.В., Левченко В.Н. Отчет о работах Орджоникидзеvской экспедиции в 1986 г.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.
- Мозолевський Б.М., Пустовалов С.Ж. 1999. Курган «Довга Могила» з групи Чортмлика. *Культурологічні студії* 2, 118—140.
- Никитин В.И. 2018. *Курганы Нижнего Поингулья*. Николаев: Илион.
- Патокoвa Э.Ф. 1979. *Усатовское поселение и могильники*. Киев: Наукова думка.
- Петренко В.Г. 2013. Усатовская культура. *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95 летию Национальной академии наук Украины)*. Одесса: Одесский археологический музей; СМІЛ, 163—210.
- Петренко, Елагина 1968: НА ИА НАНУ. № 1968/54. Петренко В.Г., Елагина Н.Е. Отчет об археологических раскопках, произведенных Ингулецкой скифской степной экспедицией в 1968 г.
- Петренко В.Г., Тощев Г.Н. 1990. Велико-Зиминовский курган бронзового века. *Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древностей* 1. *Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины*, 71—86.
- Піоро В. 1999. Нові знахідки антропоморфних стел та кромлехів в курганах ямної культури. *Vita Antiqua* 1, 41—45.
- Пиотровский Ю.Ю. 1994. Заметки о сосудах с изображениями из Майкопского кургана (Ошад). *Проблемы археологии* 3. *Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса*, 85—92.
- Пиотровский Ю.Ю. 2020. Майкопский курган (Ошад): современный вид. *Camera praehistorica* 1 (4), 61—75.

- Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений. *АА* 10, 71—86.
- Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. 2006. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита. *Донецький археологічний збірник* 12, 4—31.
- Рассамакин Ю. Я. Евдокимов Г.Л. 2010. Курган у с. Томарино с погребением в расписном каменном ящике. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 10, 100—122.
- Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. 2010. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита. *Донецький археологічний збірник* 13/14, 7—29.
- Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. 2011. О Северной границе распространения погребений в каменных ящиках эпохи ранней бронзы. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 11, 80—95.
- Рассамакин Ю.Я. 1992. До проблеми вивчення курганных споруд. *Археологія* 4, 121—137.
- Субботин Л.В., Петренко В.Г. 1986. Об архитектуре усатовских сооружений. В: Дзис-Райко Г.А. (ред.). *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 26—43.
- Субботин Л.В. 1995. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья. *СА* 3, 193—197.
- Сушко К. 2004. *Віщий Степ*. Запоріжжя: Поліграф.
- Тереножкин и др. 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/10. Тереножкин А.И., Кубишев А.И., Ильинская В.А., Болдин Я.И., Чередниченко Н.Н., Шилов Ю.А. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1973 г.
- Тесленко Д.Л. 1999. Періодизація ямних поховань Дніпровського Надпоріжжя та Правобережного Передстепу. *Проблеми археології Подніпров'я* 2, 82—104.
- Тесленко Д.Л. 2002. К вопросу о территории распространения каменных гробниц энеолита-ранней бронзы степной Украины. В: Яровой Е.В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного-Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.). Доклады научной конференции*. Тирасполь: [б.и.], 107—111.
- Тесленко Д.Л. 2005. О посмариупольских/квитнянских погребениях в каменных гробницах. *Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник*, 130—142.
- Тесленко Д.Л. 2007. Об эволюции мегалитических сооружений в Северном Причерноморье и Приазовье (энеолит-ранний бронзовый век). *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 76—85.
- Тесленко Д.Л., Гребенников Ю.С. 2002. Погребения в каменных гробницах из кургана у с. Весняное на Николаевщине. В: Ковалева И.Ф. (ред.). *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДГУ, 82—90.
- Тоцев Г.Н. 2004. К вопросу о Кеми-обинской культуре. *Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник*, 96—113.
- Тоцев Г.Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье: ЗНУ.
- Тоцев Г. 2014. Кромлехи с каменными плитами со знаками в Причерноморье и Крыму. *Revista Arheologică, serie nouă, Vol. X, nr. 1-2*, 203—205.
- Трифонов В.А. 2014. Западные пределы распространения майкопской культуры. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук* 16, 276—283.
- Тупчієнко 1992: НА ИА НАНУ. № 1992/49. Тупчієнко М.П. Звіт Кіровоградської охоронної археологічної експедиції про дослідження курганів в Кіровоградському та Олександрійському районах у 1992 р.
- Черных Л.А., Дараган М.Н. 2014. *Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка*. Киев; Берлин: Издатель Олег Филюк (Курганы Украины 4).
- Формозов А. А. 1955. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовка. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР* 5, 71—74.
- Шапошникова О.Г. 1985. Памятники нижнемихайловского типа. *Археология Украинской ССР*. Том 1. Киев: Наукова Думка, 324—331.
- Шапошникова, Бочкарев 1972: НА ИА НАНУ. № 1972/3. Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1972 г.
- Шапошникова и др. 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/8. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Бочкарев В.С., Гребенников Ю.С., Рычков Н.А., Ребедайло Г.П., Ключинцев В.Н. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.

- Шапошникова и др. 1976: НА ИА НАНУ. № 1976/7. Шапошникова О.Г. Фоменко В.Н., Балушкин А.М., Гребенников Ю.С., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Магомедов Б.Л., Некрасова А.Н., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А., Чмыхов Н.А. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1976 г.
- Шапошникова и др. 1979: НА ИА НАНУ. № 1979/6. Шапошникова О. Г, Балушкин А.М., Гребенников Ю.С., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Ребедайло Г.П., Товкайло Н.Т., Фоменко В.Н. Отчет Ингульской (Николаевской) экспедиции за 1979 г.
- Шапошникова и др. 1987: НА ИА НАНУ, № 1987/21. Шапошникова О.Г., Балушкин А.М., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Довженко Н.Д., Ключинцев В.Н., Солтыс О.В., Товкайло Н.Т., Фоменко В.Н., Е.П.Шепель. Отчет о работе Николаевской экспедиции в 1987 г.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М. 1977. Курганная группа близ с. Старогорожено. В: Шапошникова О.Г. (ред.). *Древности Поингуля*. Киев: Наукова думка, 99—145
- Шарафутдинова И.Н. 1980. Северная курганная группа у с. Соколовка. В: Шапошникова О.Г. (ред.). *Археологические памятники Поингуля*. Киев: Наукова думка, 71—124.
- Шилов 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/10А. Шилов Ю.А. 1973. Отчет о раскопках курганной группы у с.Софиевка Каховского района Херсонской области.
- Шилов Ю.А. 1977. Первый и Четвертый Старосельский курганы. *Археологія* 22, 65—73.
- Шилов Ю.О. 1981. Обсерваторії та календарі у курганах Нижнього Подніпров'я III—II тис. до н.е. *Нариси з історії природознавства і техніки* 27, 38—42.
- Шилов Ю.А. 1982. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана у с. Староселье. В: Телегин Д.Я. (ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Київ: Наукова Думка, 29—38.
- Шилов Ю.А. 1988. «Грот Быка» по материалам древнейших курганов. В: Шапошникова О.Г. (ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 3—14.
- Шилов Ю.А. 2000. Исследования у Староселья в 1994 году. *Археологічні дослідження в Україні в 1994—1996 роках*, 177—179.
- Щепинский А.А. 1966. Культуры эпохи энеолита и бронзы в Крыму. *СА* 2, 10—23.
- Щепинский А.А. 1985. Кеми-обинская культура. *Археологія Української ССР*. Т. 1. Киев: Наукова Думка, 331—336.
- Щепинский А.А., Тоцев Г.Н. 2001. Курган «Кеми-Оба». *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму IX*, 50—86.
- Чередниченко и др. 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/11. Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.И., Бунятян Е.П., Ковалева Л.Г., Козловский А.А., Орлов Р.С., Пустовалов С.Ж., Орлов К.К., Рассамкин Ю.Я., Шевченко Н.П., Бобырь И.Г. Отчет о работе Верхне-Тарасовской экспедиции в 1975 г. «Исследование курганов».
- Чурилова, Нор 1986: НА ИА НАНУ. № 1986/50. Чурилова Л.Н., Нор Е.В. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза Аврора Никопольского р- на Днепропетровской области в 1986 г.
- Rassamakin Ju.Ja. 2004a. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Mainz: Philipp von Zabern (Archäologie in Eurasien 17).
- Rassamakin Ju.Ja. 2004b. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Th. II. *Katalog, Tafeln*. Mainz: Philipp von Zabern (Archäologie in Eurasien 17).
- Radchenko S., Nykonenko D. 2019. Rock Art from the Western Edge of the Steppe: Engravings Inside the Bull Grotto at the Kamyana Mohyla Site. *Expression*, 24, 49—62.
- rssda.su: 1: Лаборатория RSSDA. Камни с зооморфными изображениями из кромлеха Великоалександровского кургана. URL: <https://rssda.su/projects/cromlechstones> (дата обращения 01.12.2021).
- Szmyt M. 2014. *Fourth-Third Millennium BC Stone Cist Graves Between The Carpathians And Crimea*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza (Baltic-Pontic Studies 19).

References

- Androsov, A.V. 1986. In *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)* 3, 67—78 (in Russian).
- Androsov, A.V., Melnik, A.A. 1991. In *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)* 5, 35—50 (in Russian).

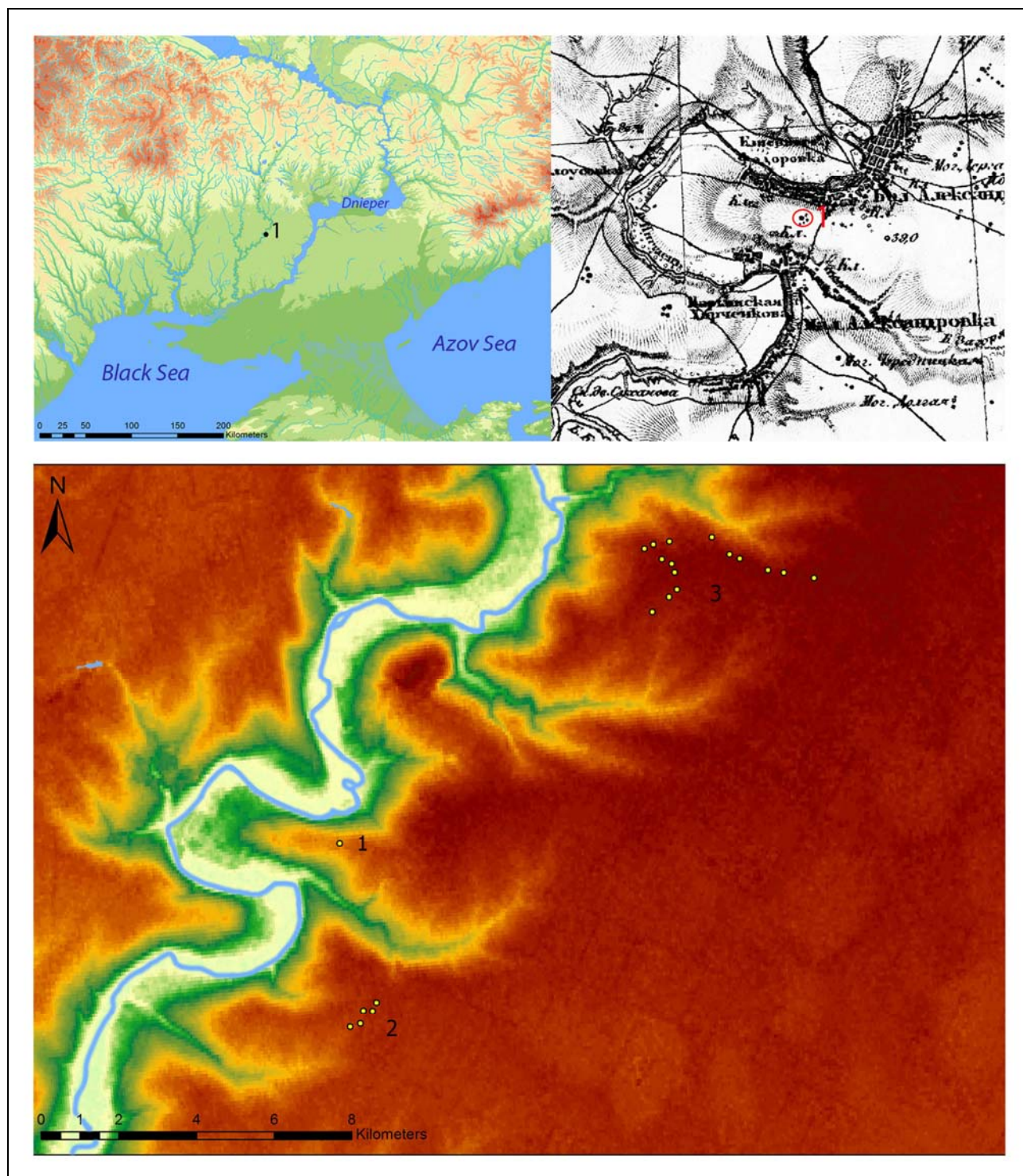
- Arkhiv Rudyns'koho: NA IA NANU. F. 30. No. 25/6. Konvert No. 6. Rudyns'kyi M.Ya. Arkhiv. Kam'yana Mohyla.
- Balushkyn, A.M., Fomenko, V.N. 2005. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukrayini 2004—2005* (*Archaeological Research in Ukraine 2004—2005*), 396—409 (in Russian).
- Bidzilya, Yakovenko 1971: NA IA NANU. No. 1971/24a. Bidzilya V.Y., Yakovenko E. 1971. Zvit pro rozkopky kurhanu "Vysoka mohyla" bilya s. Balky Vasylyvs'koho rayonu, Zaporiz'koyi obl.
- Bokiy 1969: NA IA NANU. No. 1969/65. Bokiy N.M. Otchet ob arkheolohicheskikh raskopkakh Kyrovohradskoho kraevedcheskoho muzeya za 1969 hod.
- Buzyan, H. 2015. In *Naukovi zapysky Natsional'noho istoryko-etnografichnoho zapovidnyka "Pereyaslav"* (*Scientific Notes of National Historical and Ethnographic Reserve "Pereyaslav"*) 9 (11), 18—44 (in Ukrainian).
- Goryachev, A.A., Egorova, T.A. 2011. In *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* (*History and archaeology of Semirechye*) 4, 27—47 (in Russian).
- Grebennikov, Simonenko 1992: NA IA NANU. No. 1992/227. Grebennikov Yu.S., Simonenko A.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1992 g. v Nikolayevskoy obl.
- Davnya istoriya Ukrayiny* (*Ancient history of Ukraine*). 1994. Bk. 1. Kyiv: Lybid' (in Ukrainian).
- Daragan, M.N. 2015. In: Guk, D.Yu. (ed.). *Virtual'naya arkheologiya (effektivnost' metodov): Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Gosudarstvennom Ermitazhe 1—3 iyunya 2015 goda* (*Virtual Archaeology (Methods and benefits). Proceedings of the Second International Conference held at the State Hermitage Museum on June 1—3, 2015*). Saint Petersburg: State Hermitage, 127—138 (in Russian).
- Dergaciiov, V.A. 1980. *Pamyatniki pozdnego Tripol'ya (opyt sistematizatsii)* (*Monuments of late Trypillia (the experience of systematization)*). Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Evdokimov, G.L., Rassamakin, Yu.Ya. 1988. In: Shaposhnikova, O.G. (ed.). *Novyye pamyatniki yamnoy kul'tury stepnoy zony Ukrainy* (*New monuments of the Yamnaya culture of the steppe zone of Ukraine*). Kiev: Naukova dumka, 79—92 (in Russian).
- Evdokimov, Soltys 1989: NA IA NANU. No. 1989/24. Evdokimov G.L., Soltys O.B. Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orositel'nykh sistem Khersonskoy oblasti Krasnoznamenskoy ekspeditsii v 1989 g.
- Evdokimov i dr. 1989: NA IA NANU. No. 1989/24. Evdokimov G.L., Soltys O.B. Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orositel'nykh sistem Khersonskoy oblasti Krasnoznamenskoy ekspeditsii v 1989 g.
- Elinova i dr. 1984: NA IA NANU. No. 1984/101. Elinova L.P., Golubchik L.N., Churilova L.N. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh muzeya na zemlyakh Marganetskogo gorno-obogatitel'nogo kombinata v 1984 g. (in Russian).
- Zbenovich, V.G. 1974. *Pozdnetripol'skiye plemena Severnogo Prichernomor'ya* (*Late Tripoli tribes of the Northern Black Sea region*). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Ivanova, S.V., Petrenko, V.G., Vetchinnikova, N.E. 2005. *Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ya Yuzhnogo Buga i Dnestra* (*Burial mounds of ancient pastoralists between the Southern Bug and Dniester rivers*). Odessa: KP OGT (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2013. In *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (k 95 letiyu Natsional'noy akademii nauk Ukrainy)* (*Ancient cultures of the North-Western Black Sea region (to the 95th anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)*). Odessa: Odesskiy arkheologicheskii muzey; SMIL, 211—254 (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1978. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Kurgannyye drevnosti stepnogo Podneprov'ya III—I tys. do. n.e* (*Mound antiquities of the steppe Dnieper region 3rd — 1st millennium BCE*). Dnepropetrovsk: DGU, 69—88 (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1988. In *Arkheologicheskiye pamyatniki Podneprov'ya v sisteme drevnostey Vostochnoy Yevropy* (*Archaeological sites of the Dnieper region in the system of antiquities of Eastern Europe*). Dnepropetrovsk: DGU, 20—33 (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1991a. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya i Kryma* (*Antiquities of the Northern Black Sea Region and Crimea*) II, 30—38 (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1991b. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ya* (*Problems of archaeology of the Dnieper region*). Dnepropetrovsk: DSU, 69—88 (in Russian).
- Kovaleva i dr. 1989: NA IA NANU. No. 1989/181. Kovaleva I.F., Shalobudov V.N., Mukhopad S.E., Androsov A.V. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: Arkheologicheskiye issledovaniya kurganov v zonakh stroitel'stva orositel'nykh sistem v Dnepropetrovskoy oblasti. (in Russian).

- Kovaleva i dr. 2003: Kovaleva, I.F., Marina, Z.P., Romashko, V.A., Teslenko, D.L., Shalobudov, V.N. Veklenko, V.A. 2003. *Kurgany eneolita — bronzy v Krivorozhskom techenii Ingul'tsa (Barrows of the Eneolithic — Bronze Age in the Krivoy Rog Current of the Ingulets)*. Dnepropetrovsk (in Russian).
- Kovaleva, I.F., Shalobudov, V.N. 1992. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Northern Black Sea Region and Crimea)* II, 105—113 (in Russian).
- Kovpanenko, G.T., Fomenko, V.M. 1986. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 55, 10—25 (in Ukrainian).
- Kovpanenko, G.T., Bunyatyán, E.P., Gavrilyuk, N.A. 1978. In: Gening, W.F. (ed.). *Kurgany na Yuzhnom Buge (Mounds on the Southern Bug)*. Kiev: Naukova dumka, 7—132 (in Russian).
- Kubyshev, A.I., Polin, S.V., Chernyakov, I. T. 1985. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 144—154 (in Russian).
- Kubyshev i dr. 1977: NA IA NANU. No. 1977/23. Kubyshev A.I., Dorofeyev V.V., Nikolova A.V., Polin S.V., Simonenko A.V., Bitkovskiy O.V. 1977. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v zone stroitel'stva Kakhovskoy orositel'noy sistemy v 1977 g.
- Kubyshev i dr. 1978: NA IA NANU. No. 1978/17. Kubyshev A.I., Dorofeyev V.V., Simonenko A.V., Polin S.V., Bitkovskiy A.V., Yakunov S.A. 1978. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA ANN USSR Issledovaniy kurgannoy gruppy “Ryadovyie kurgany” v zone stroitel'stva Zolotobalkovskoy o/s v Novovorontsovskom r-ne, Khersonskoy obl.
- Kubyshev i dr. 1979: NA IA NANU. No. 1979/32. Kubyshev A.I., Dorofeyev V.V., Goshko T.Yu., Marchenko I.L., Serdyukov V.V. Otchet o raskopkakh Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva oroshayemykh uchastkov Kakhovskoy orositel'noy sistemy v Khersonskoy oblasti v 1979 g.
- Kubyshev i dr. 1981: NA IA NANU. No. 1981/19. Kubyshev A.I., Dorofeev V.V., Shilov Yu.A., Polin S.V., Chernyakov I.T., Bitkovskiy O.V., Serdyukov V.V., Soltis O.B., Shevchenko N.P. 1981. Report on the work of the Kherson archaeological expedition in 1981.
- Leskov 1972: NA IA NANU. No. 1972/35. Leskov A.M. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1972 godu.
- Lyashko, S.N. 1989. In *Tezisy Vsesoyuznoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora Borisa Nikolayevicha Grakova (Abstracts of the All-Union Conference dedicated to the 90th Anniversary of the birth of Professor Boris Nikolaevich Grakov)*. Zaporozh'ye, 77—79 (in Russian).
- Mel'nyk, O.O., Steblyna, I.O. 2012. *Kurhany Kryvorizhzhya (Mounds of Kryvyi Rih)*. Kryvyi Rih: Vydavnychyy dim (in Ukrainian).
- Mel'nyk, O.O., Steblyna, I.O. 2013. *Yamna kul'tura seredn'oyi techiyi Inhul'tsya (Pit-grave culture of the middle reaches of the Ingulets river)*. Kryvyi Rih: Vydavnychyy dim (in Ukrainian).
- Mykhailov, B. 2005. *Petrohlify Kam'yanoyi mohyly: Semantyka. Khronolohiya. Interpretatsiya (Petroglyphs of Kamyana Mohyla. Semantics. Chronology. Interpretation)*. Kyiv: MAUP (in Ukrainian).
- Mozolevskiy i dr. 1986: NA IA NANU. No. 1986/15 Mozolevskiy B.N., Polin S.V. Nikolova A.V., Levchenko V.N. Otchet o rabotakh Ordzhonikidzevskoy ekspeditsii v 1986 g.
- Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Sobolevamogily) (Burial mounds of the Scythian Gerros 4th c. BCE (Babina, Vodyana and Sobolevamounds))*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N., Pustovalov, S.Zh. 1999. In *Kul'turolohichni studiyi (Cultural studies)* 2, 118—140 (in Ukrainian).
- Nikitin, V.I. 2018. *Kurgany Nizhnego Poingul'ya (Burial mounds of Lower Ingul river region)*. Nikolayev: Ilion (in Russian).
- Patokova, E.F. 1979. *Usatovskoye poseleniye i mogil'niki (Usatovskoe settlement and burial grounds)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Petrenko, V.H. 2013. In *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (k 95-letiyu Natsional'noy akademii nauk Ukrainy) (Ancient cultures of the North-Western Black Sea region (to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: Odesskiy arkheologicheskii muzey; SMIL, 163—210 (in Russian).
- Petrenko, Elagina 1968: NA IA NANU. No. 1968/54. Petrenko V.G., Elagina N.E. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh, proizvedennykh Inguletskoy skifskoy stepnoy ekspeditsiyey v 1968 g.
- Petrenko, V.H., Toshchev, H.N. 1990. In *Vestnik Chernomorskoy assotsiatsii arkheologov i lyubiteley drevnostey (Bulletin of the Black Sea Association of Archaeologists and Antiquities Lovers)* 1. *Okhrannyye istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya na yugo-zapade Ukrainy (Protective Historical and Archaeological Research in the South-West of Ukraine)*, 71—86 (in Russian).
- Pioro, V. 1999. In *Vita Antiqua* 1, 41—45 (in Ukrainian).

- Piotrovsky, Yu.Yu. 1994. In *Problemy arkheologii (Problems of archaeology)* 3. *Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva (Monuments of ancient and medieval art)* 3, 85—92 (in Russian).
- Piotrovsky, Yu.Yu. 2020. In *Camera praehistorica* 1 (4), 61—75 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya., Evdokimov, G.L. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanakh)* 10, 71—86 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya., Evdokimov, G.L. 2006. In *Donets'kyi arkheolohichnyi zbirnyk (Donetsk archeological collection)* 12, 4—31 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya., Evdokimov, G.L. 2010. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiyi Skhidnoi Ukrainy (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 10, 100—122 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya., Evdokimov, G.L. 2010. In *Donets'kyi arkheolohichnyi zbirnyk (Donetsk archeological collection)* 13/14, 7—29 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya., Evdokimov, G.L. 2011. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiyi Skhidnoi Ukrainy (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 11, 80—95 (in Russian).
- Rassamakin, Yu.Ya. 1992. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 4, 121—137 (in Ukrainian).
- Subbotin, L.V., Petrenko, V.G. 1986. In Dzis-Raiko, G.A. (ed.). *Pamyatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Monuments of ancient art of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 26—43 (in Russian).
- Subbotin, L.V. 1995. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 3, 193—197 (in Russian).
- Sushko, K. 2004. *Vishchy Step (Prophetic Step)*. Zaporizhzhya: Polihraf (in Ukrainian).
- Terenozhkin i dr. 1973: NA IA NANU. No. 1973/10. Terenozhkin A.I., Kubyshev A.I., Ilinskaya V.A., Boldin Ya.I., Cherednichenko N.N., Shilov Yu.A. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1973 g.
- Teslenko, D.L. 1999. In *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)* 2, 82—104 (in Russian).
- Teslenko, D.L. 2002. In: Yarovoy, E.V. (ed.). *Drevneyshiye obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo-Prichernomor'ya (V tys. do n.e. — V vek n.e.). Doklady nauchnoy konferentsii (The most ancient communities of farmers and pastoralists of the Northern Black Sea region (5th millennium BCE — 5th c. CE). Scientific conference reports)*. Tiraspol: [s.n.], 107—111 (in Russian).
- Teslenko, D.L. 2005. In *Drevnosti (Antiquities)* 2005. *Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii yezhegodnik (Kharkov Historical and Archaeological Yearbook)*, 130—142 (in Russian).
- Teslenko, D.L. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiyi Skhidnoi Ukrainy (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 76—85 (in Russian).
- Teslenko, D.L., Grebennikov, Yu.S. 2002. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DSU, 82—90 (in Russian).
- Toshchev, G.N. 2004. In *Drevnosti (Antiquities)* 2004. *Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii yezhegodnik (Kharkov Historical and Archaeological Yearbook)*, 96—113 (in Russian).
- Toshchev, G.N. 2007. *Krym v epokhu bronzy (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporizhzhya: ZNU (in Russian).
- Toshchev, G. 2014. In *Revista Arheologică, serie nouă, Vol. X, nr. 1-2*, 203—205 (in Russian).
- Trifonov, V.A. 2014. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk (Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 16, 276—283 (in Russian).
- Tupchiyenko 1992: NA IA NANU. No. 1992/49. Tupchiyenko M.P. Zvit Kirovohrads'koyi okhoronnoyi arkheolohichnoyi ekspeditsiyi pro doslidzhennya kurhaniv v Kirovohrads'komu ta Oleksandriys'komu rayonakh u 1992 r.
- Černych, L.A., Daragan, M.N. 2014. *Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdu rech'ya Bazavluka, Solenoy, Chertomlyka (Burial mounds of the Eneolithic-Bronze Age between the rivers Bazavluk, Salt, Chertomlyk)*. Kyiv; Berlin: Oleg Filyuk (Mounds of Ukraine 4) (in Russian).
- Formozov, A.A. 1955. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN USSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* 5, 71—74 (in Russian).
- Shaposhnikova, O.G. 1985. In *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. T. 1. Kyiv: Naukova dumka, 324—331 (in Russian).
- Shaposhnikova, Bochkarev 1972: NA IA NANU. No. 1972/3. Shaposhnikova O.G., Bochkarev V.S. Otchet o rabote Ingul'skoy ekspeditsii v 1972 g.
- Shaposhnikova i dr. 1976: NA IA NANU. No. 1976/7. Shaposhnikova O.G., Fomenko V.N., Balushkin A.M., Grebennikov Yu.S., Dovzhenko N.D., Yeliseyev V.F., Klyushintsev V.N., Magomedov B.V., Nekrasova A.N., Rebedaylo G.P., Rychkov N.A., Chmykhov N.A. Otchet o rabote Ingul'skoy ekspeditsii v 1976 g.

- Shaposhnikova i dr. 1973: NA IA NANU. No. 1973/8. Shaposhnikova, O.G., Fomenko V.N., Bochkarev V.S., Grebennikov Yu.S., Rychkov N.A., Rebedaylo G.P., Klyushintsev V.N. Otchet o rabote Ingul'skoy ekspeditsii v 1973 g.
- Shaposhnikova i dr. 1979: NA IA NANU. No. 1979/6. Shaposhnikova O.G., Balushkin A.M., Grebennikov Yu.S., Dovzhenko N.D., Yeliseyev V.F., Klyushintsev V.N., Rebedaylo G.P., Tovkaylo N.T., Fomenko V.N. Otchet o rabote Ingul'skoy (Nikolayevskoy) ekspeditsii v 1979 g.
- Shaposhnikova i dr. 1987: NA IA NANU. No. 1987/21. Shaposhnikova O.G., Balushkin A.M., Grebennikov Yu.S., Dovzhenko N.D., Yeliseyev V.F., Klyushintsev V.N., Soltys O.V., Tovkaylo N.T., Fomenko V.N., Shepel' E.P. Otchet o rabote Nikolayevskoy ekspeditsii v 1987 g.
- Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Balushkin, A.M. 1977. In Shaposhnikova, O.G. (ed.) *Drevnosti Poingul'ya (Antiquities of Ingul river)*. Kyiv: Naukova dumka, 99—145 (in Russian).
- Sharafutdinova, I.N. 1980. In Shaposhnikova, O.G. (ed.) *Arkheologicheskiye pamyatniki Poingul'ya (Archaeological sites of Ingul river)*. Kyiv: Naukova dumka, 71—124 (in Russian).
- Shilov 1973: NA IA NANU. No. 1973/10A. Shilov Yu.A. Otchet o raskopkakh kurgannoy gruppy u s. Sofiyevka Kakhovskogo rayona Khersonskoy oblasti.
- Shilov, Yu.A. 1977. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 22, 65—73 (in Ukrainian).
- Shilov, Yu.A. 1981. In *Narysy z istoriyi pryrodoznavstva i tekhniky (Essays on the history of science and technology)* 27. Kyiv: Naukova dumka, 38—42 (in Ukrainian).
- Shilov, Yu.A. 1982. In Telegin, D.Ya (ed.) *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy (Materials on the chronology of archaeological sites in Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 29—38 (in Russian).
- Shilov, Yu.A. 1988. In Shaposhnikova, O.G. (ed.) *Novyye pamyatniki yamnoy kul'tury stepnoy zony Ukrainy (New monuments of the Yamnaya culture of the steppe zone of Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 3—14 (in Russian).
- Shilov, Yu.A. 2000. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukrayini v 1994—1996 rokakh (Archaeological research in Ukraine in 1994—1996)*, 177—179 (in Russian).
- Shchepinskiy, A.A. 1966. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)* 2, 10—23 (in Russian).
- Shchepinskiy, A.A. 1985. In *Arkheologiya Ukrainskoy SSR (Archeology of the Ukrainian SSR)*. T. 1. Kyiv: Naukova dumka, 331—336 (in Russian).
- Shchepinskiy, A.A., Toshchev, G.N. 2001. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Northern Black Sea Region and Crimea)* IX, 50—86 (in Russian).
- Cherednichenko i dr. 1975: NA IA NANU. No. 1975/11. Cherednichenko N.N., Bessonova S.S., Boldin Ya. I., Bunyatyan E.P., Kovaleva L.G., Kozlovskiy A.A., Orlov R.S., Pustovalov S.Zh., Orlov K.K., Rassamakin Yu.Ya., Shevchenko N.P., Bobyr I.G. Otchet o rabote Verkhne-Tarasovskoy ekspeditsii v 1975 g. "Issledovaniye kurganov".
- Churilova, Nor 1986: NA IA NANU. No. 1986/50. Churilova L.N., Nor E.V. Otchet o raskopkakh kurganov na zemlyakh kolkhoza Avrora Nikopol'skogo r-na Dnepropetrovskoy oblasti v 1986 g.
- Rassamakin, Ju.Ja. 2004a. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Mainz: Philipp von Zabern (Archäologie in Eurasien 17).
- Rassamakin, Ju.Ja. 2004b. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Th. II. *Katalog, Tafeln*. Mainz: Philipp von Zabern (Archäologie in Eurasien 17).
- Radchenko, S., Nykonenko, D. 2019. Rock Art from the Western Edge of the Steppe: Engravings Inside the Bull Grotto at the Kamyana Mohyla Site. *Expression*, 24, 49—62.
- rssda.su: 1: RSDA lab. Stones with zoomorphic images from the cromlech of the Velikoaleksandrovsky mound. Available at: <https://rssda.su/projects/cromlechstones> (accessed 01.12.2021).
- Szmyt, M. 2014. *Fourth-Third Millennium BC Stone Cist Graves Between The Carpathians And Crimea*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza (Baltic-Pontic Studies 19).

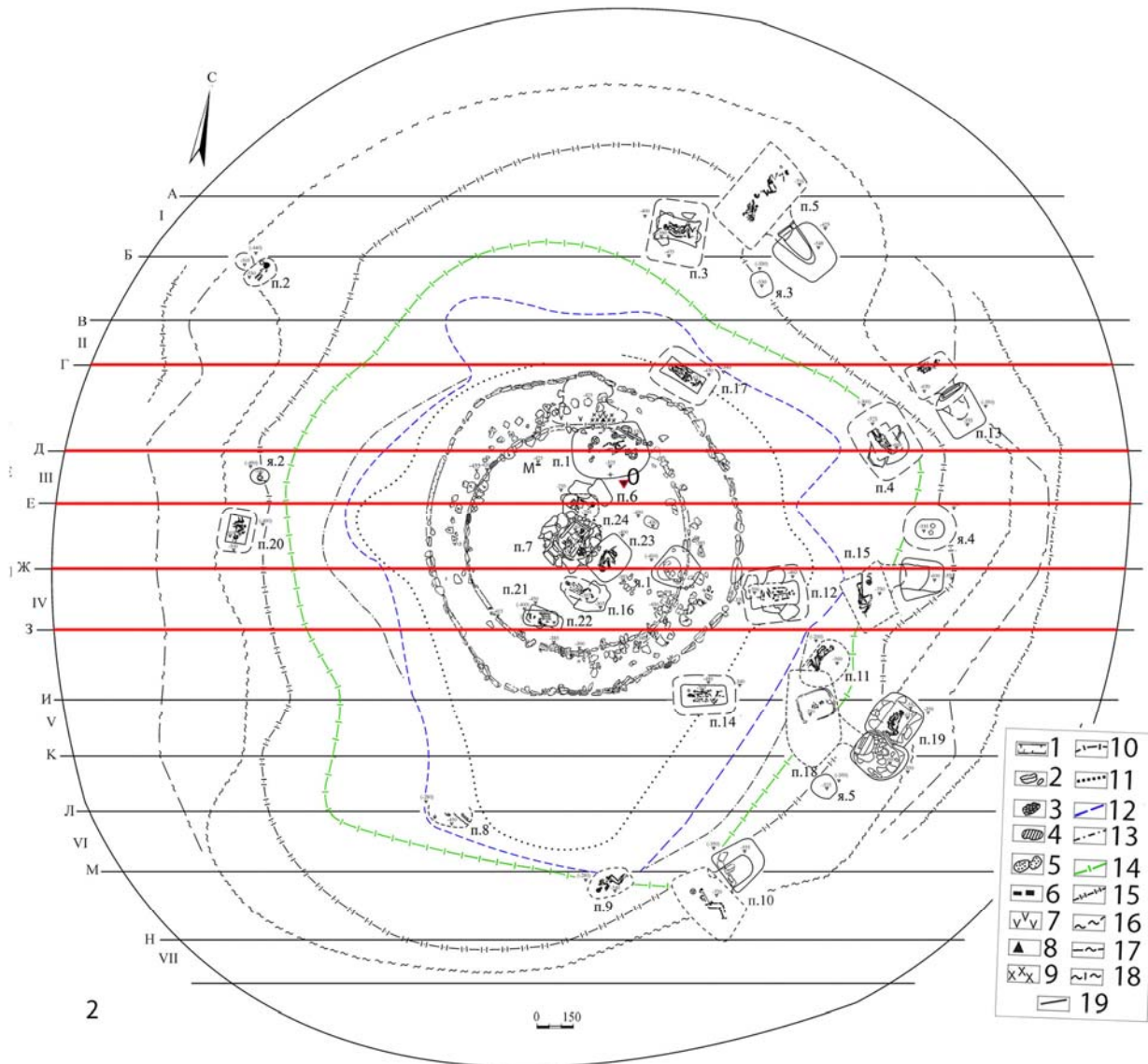

Рис. 1. Местонахождение Великоалександровского кургана: 1 — курган в Великой Александровке; 2 — курганы у Малой Александровки; 3 — курганы возле Староселья.

Fig. 1. Map. Location of the Velikoaleksandrovsky burial mound: 1 — burial mound in Velikaya Aleksandrovka; 2 — burial mounds near Malaya Aleksandrovka; 3 — burial mounds near Starosel'ye.

1

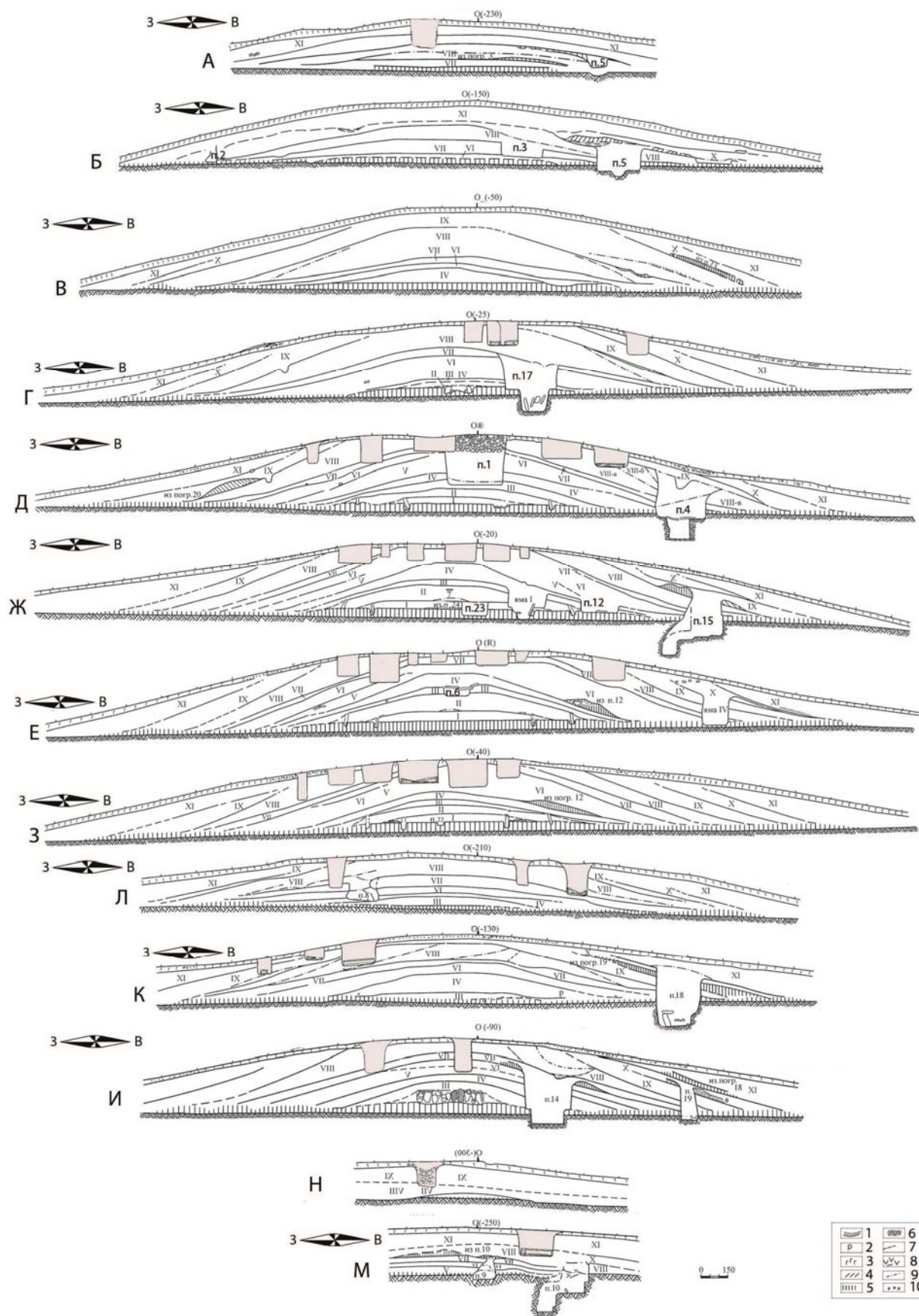
2

Рис. 2. Великая Александровка: 1 — внешний вид кургана до раскопок. Рисунок Ю.А. Шилова и П.Л. Корниенко (по Давня історія України 1994: 61); 2 — общий план кургана. Легенда: 1 — рвы; 2 — камни; 3 — плиты с зооморфными изображениями; 4 — камни кромлеха-1; 5 — камни кромлеха-2; 6 — обломки гранита (М — мотыга); 7 — кости животных; 8 — керамика; 9 — угольки; 10 — древесный тлен; 11 — насыпь III; 12 — насыпь IV; 13 — насыпь V; 14 — насыпь VI; 15 — насыпь VII; 16 — насыпь VIII; 17 — насыпь IX; 18 — насыпь X; 19 — насыпь XI (чертеж Ю.А. Шилова).

Fig. 2. Velikaya Aleksandrovka: 1 — exterior of the burial mound before excavation. Drawing by Yu.A. Shilov and P.L. Kornienko (after the Davnya istoriya Ukrayiny 1994: 61); 2 — general plan of the burial mound. Legend: 1 — ditches; 2 — stones; 3 — stones with zoomorphic images; 4 — stones of cromlech-1; 5 — stones of cromlech-2; 6 — fragments of granite (M — hoe); 7 — animal bones; 8 — ceramics; 9 — charcoal pieces; 10 — wood decay; 11 — embankment III; 12 — embankment IV; 13 — embankment V; 14 — embankment VI; 15 — embankment VII; 16 — embankment VIII; 17 — embankment IX; 18 — embankment X; 19 — embankment XI (drawing by Yu.A. Shilov).

Рис. 3. Великая Александровка. Стратиграфические разрезы кургана: 1 — грязевые затеки; 2 — раковина; 3 — почва; 4 — материковый выкид; 5 — погребенная почва и выкид; 6 — материк; 7 — конструктивные слои; 8 — кости животных; 9 — конструктивный слой; 10 — следы огня (чертеж Ю.А. Шилова).

Fig. 3. Velikaya Aleksandrovka. Stratigraphic sections of the mound: 1 — mud streaks; 2 — shell; 3 — soil; 4 — spoil of subsoil; 5 — buried soil and waste; 6 — subsoil; 7 — structural layers; 8 — animal bones; 9 — structural layer; 10 — traces of fire (drawing by Yu.A. Shilov).

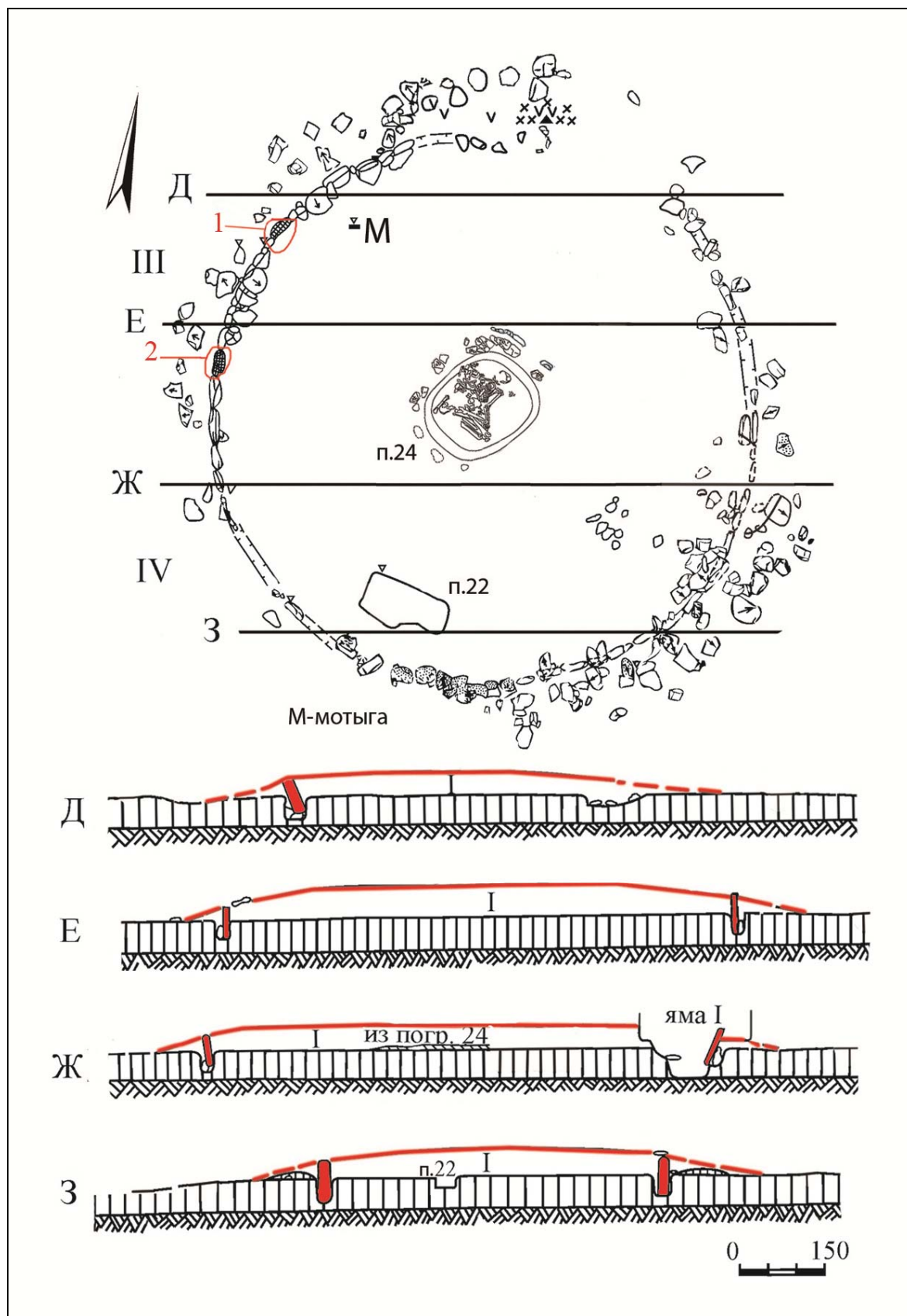
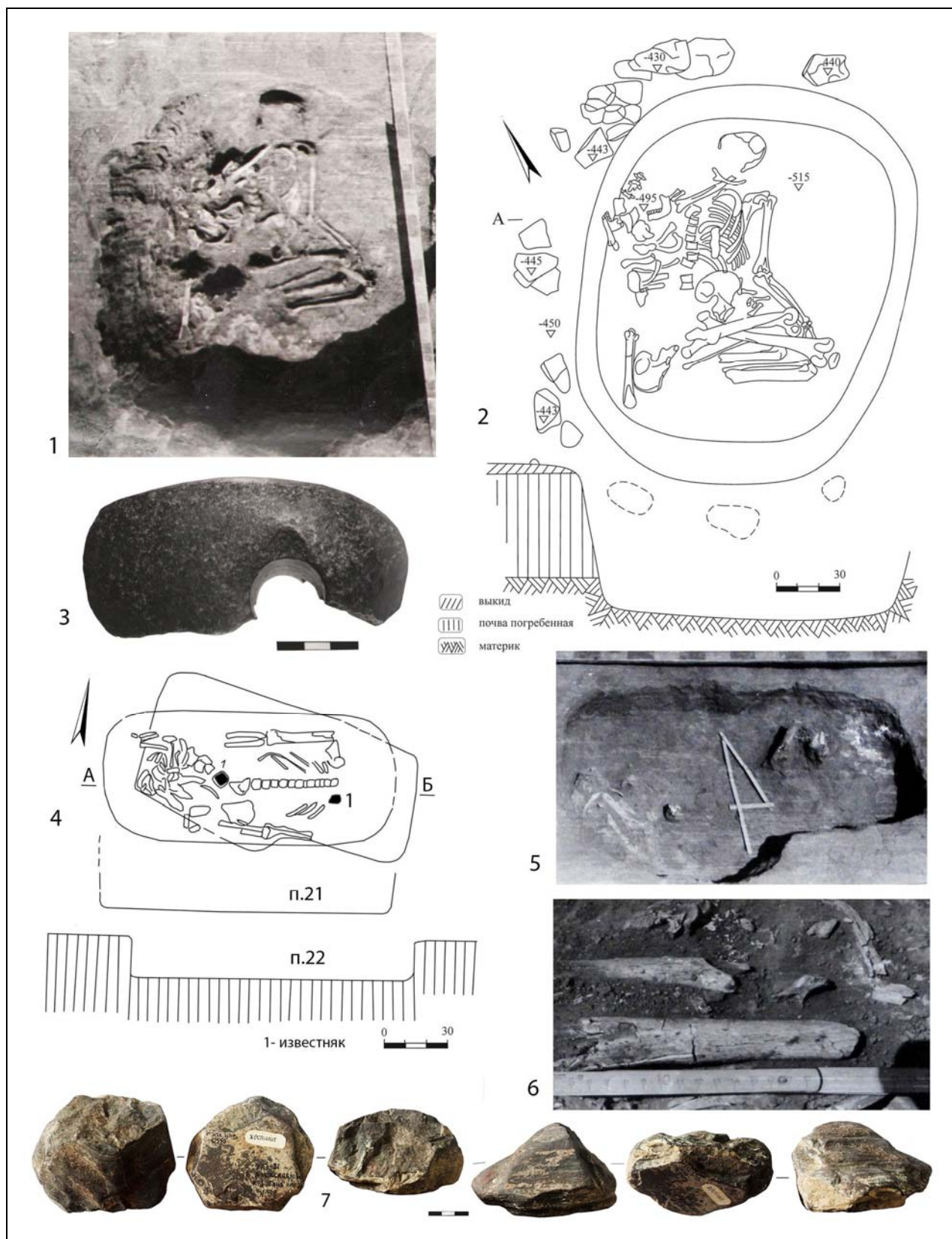

Рис. 4. Великая Александровка. Планиграфия погребений 24 и 22 и кромлеха 1.

Fig. 4. Velikaya Aleksandrovka. Planigraphy of burial 24, burial 22 and cromlech 1.

Рис. 5. Великая Александровка. Погребения 24 и 22 и находки в пределах кромлеха-1: 1, 3, 5, 6 — фото С.В. Полина из отчета; 7 — фото М.Н. Дараган.

Fig. 5. Velikaya Aleksandrovka. Burials 24 and 22 and finds within cromlech-1 (1, 3, 5, 6 — photo by S.V. Polin; 7 — photo by M.N. Daragan.

1

2

3

4

5

6

Рис. 6. Великая Александровка. Рабочие моменты: 1 — открытие одного из поздних захоронений (слева — Николай, в центре — Н.В. Ковалев, справа — В. Колотов); 2 — «реконструкция» погребения 7. Исполнитель — В. Колотов; 3 — Ю.А. Шилов устанавливает плиты из великоалександровского кромлеха в Киеве в ИА АН УССР на территории Выдубецкого монастыря; 4 — Ю.А. Шилов и начальник Херсонской экспедиции А.И. Кубышев; 5, 6 — документирование плит в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав» (1—4 — фото С.В. Полина; 5—6 — фото М.Н. Дараган).

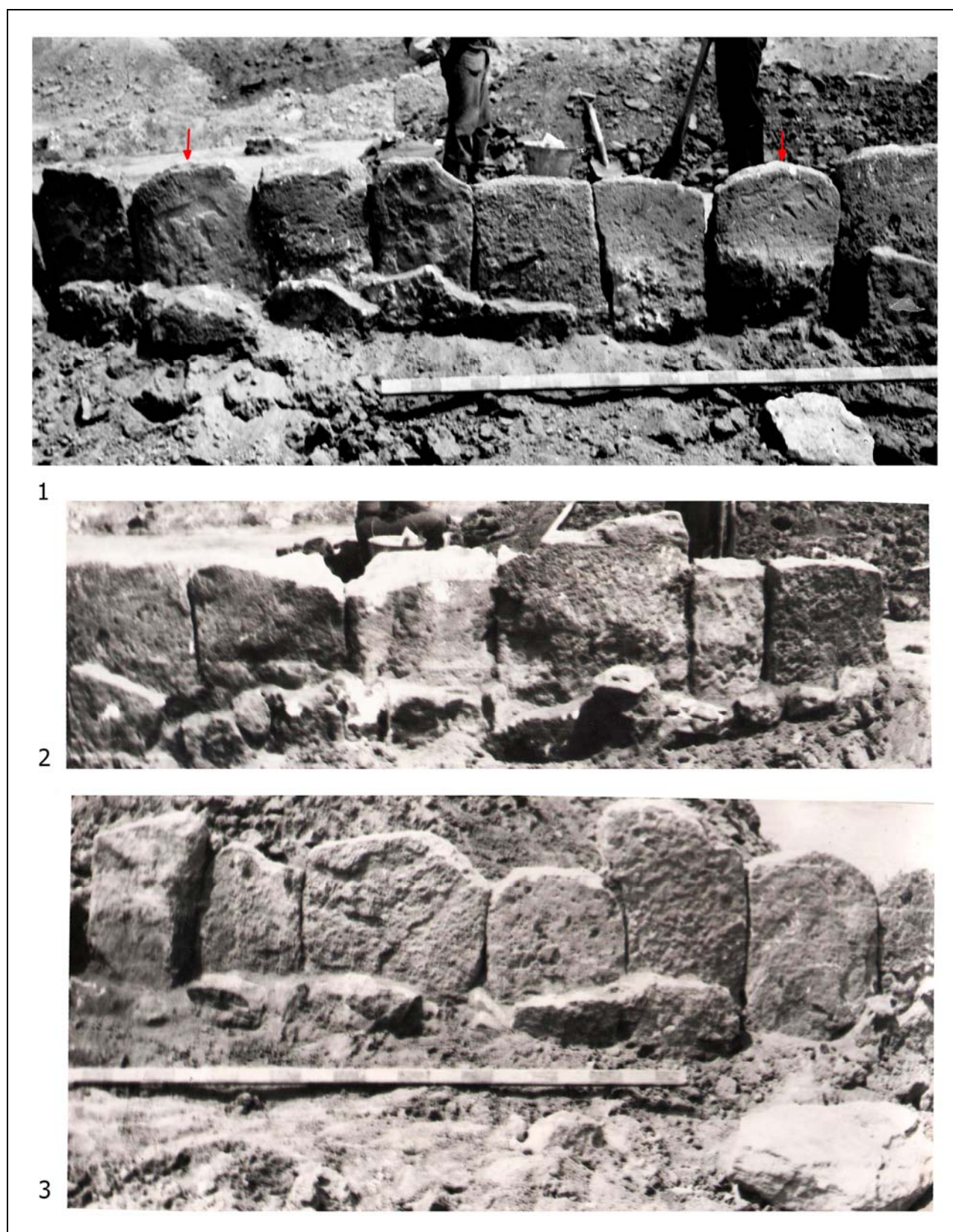
Fig. 6. Velikaya Aleksandrovka. Working moments: 1 — the discovery of one of the late burials (on the left — Nikolay, in the center — N.V. Kovalev, on the right — V. Kolotov); 2 — “reconstruction” of the burial 7, performed by V. Kolotov; 3 — Yu. Shilov installs stones of cromlech in Kiev at the Institute of Archaeology (on the territory of the Vydubetsky monastery); 4 — Yu.A. Shilov and head of Kherson expedition A.I. Kubyshev; 5, 6 — documenting of stones in the National Historical and Ethnographic Reserve “Pereyaslav” (1—4 — photo by S.V. Polin; 5—6 — photo by M.N. Daragan).

Рис. 7. Великая Александровка: 1 — раскопки кромлеха-1 (фото С.В. Полина); 2 — фасировка кромлеха-1. Условные обозначения: 1 — плиты с изображениями; 2 — погребенная почва; 3 — материк.

Fig. 7. Velikaya Aleksandrovka: 1 — excavation of cromlech-1 (photo by S.V. Polin; 2 — facing of cromlech-1. Legend: 1 — stones with engravings; 2 — buried soil; 3 — subsoil.

Рис. 8. Великая Александровка: 1—3 — кромлех-1, отдельные участки. Красными стрелками отмечены плиты с изображениями (фото С.В. Полина).

Fig. 8. Velikaya Aleksandrovka: 1—3 — cromlech-1, separate sections. The red arrows mark the stones with encarvings (photo by S.V. Polin).

Рис. 9. Великая Александровка. Кромлех-1, реконструкция: 1 — на этапе совершения погребений 24 и 22; 2 — запечатывание кромлеха с погребениями насыпью-I (рисунок А.Д. Менчинского).

Fig. 9. Velikaya Aleksandrovka. Cromlech11, reconstruction: 1 — at the stage of the burials 24 and 22; 2 — sealing of the cromlech with burials in embankment11 (drawing by A.D. Menchinsky).

Рис. 10. Великая Александровка. Кромлех-1. Плиты с изображениями (фото С.В. Полина).

Fig. 10. Velikaya Aleksandrovka. Cromlech-1. Stones with encarvings (photo by S.V. Polin).

Рис. 11. Великая Александровка. Плита № 1, рендер трехмерной модели (Лаборатория RSSDA).

Fig. 11. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 1, rendering of the 3D model (RSSDA Laboratory).

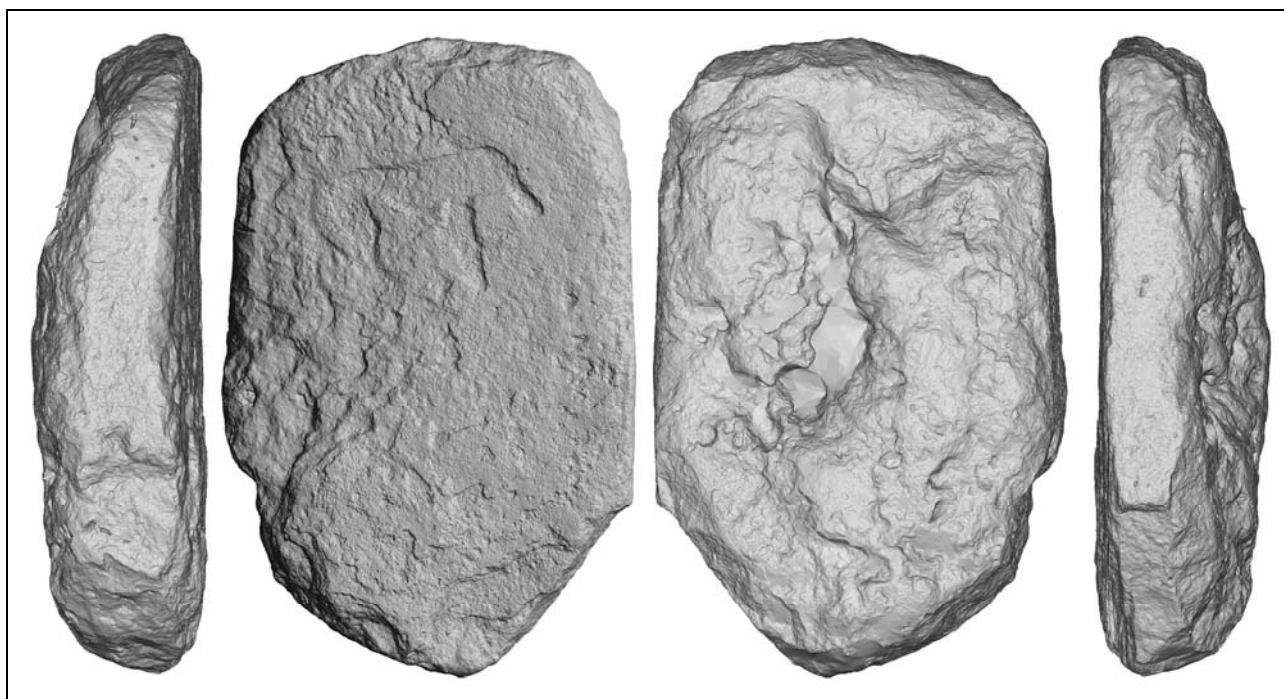
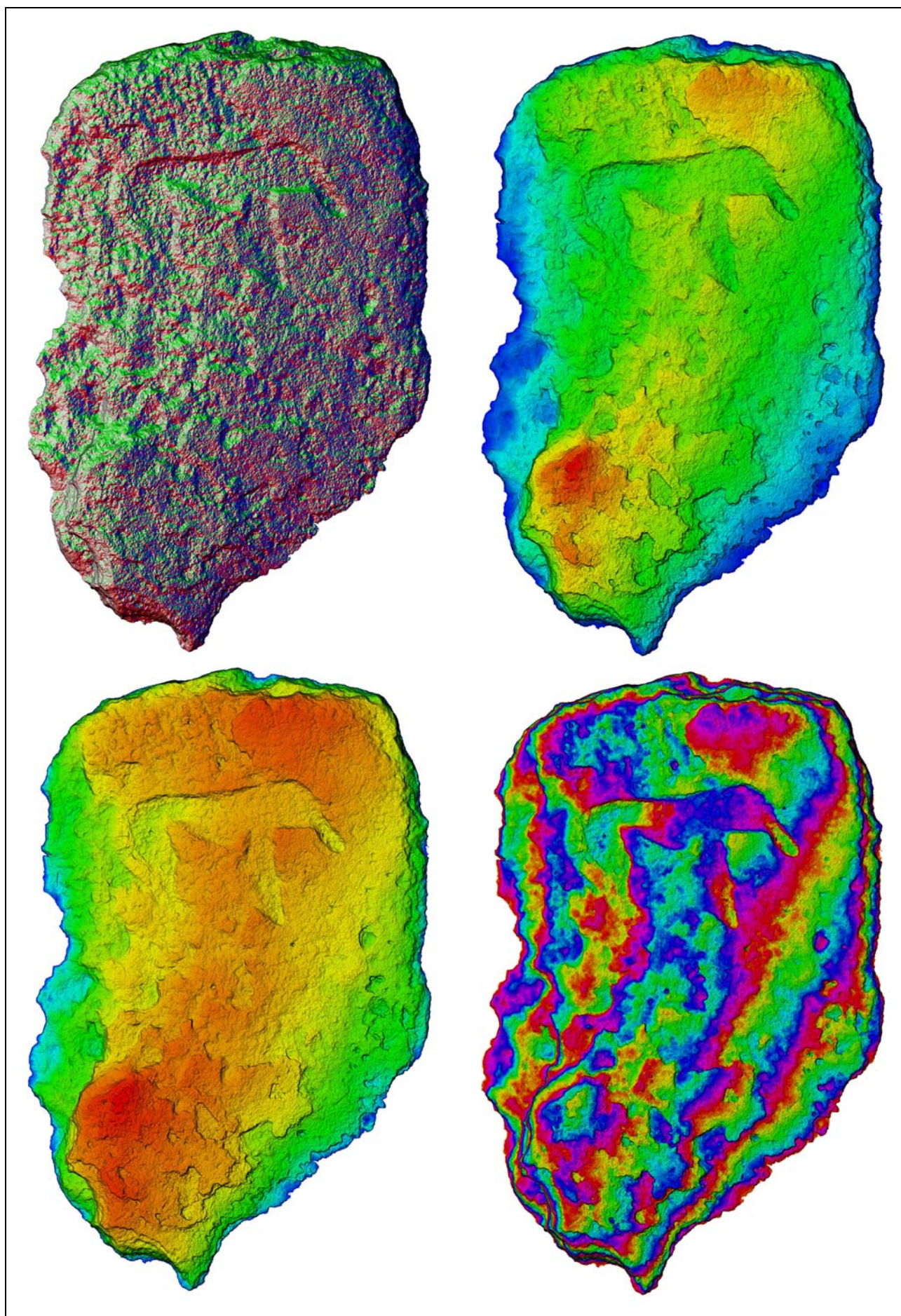

Рис. 12. Великая Александровка. Плита № 1, рендер трехмерной модели с отключенной цветовой текстурой (Лаборатория RSSDA).

Fig. 12. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 1, rendering of a 3D model with color texture disabled (RSSDA Laboratory).

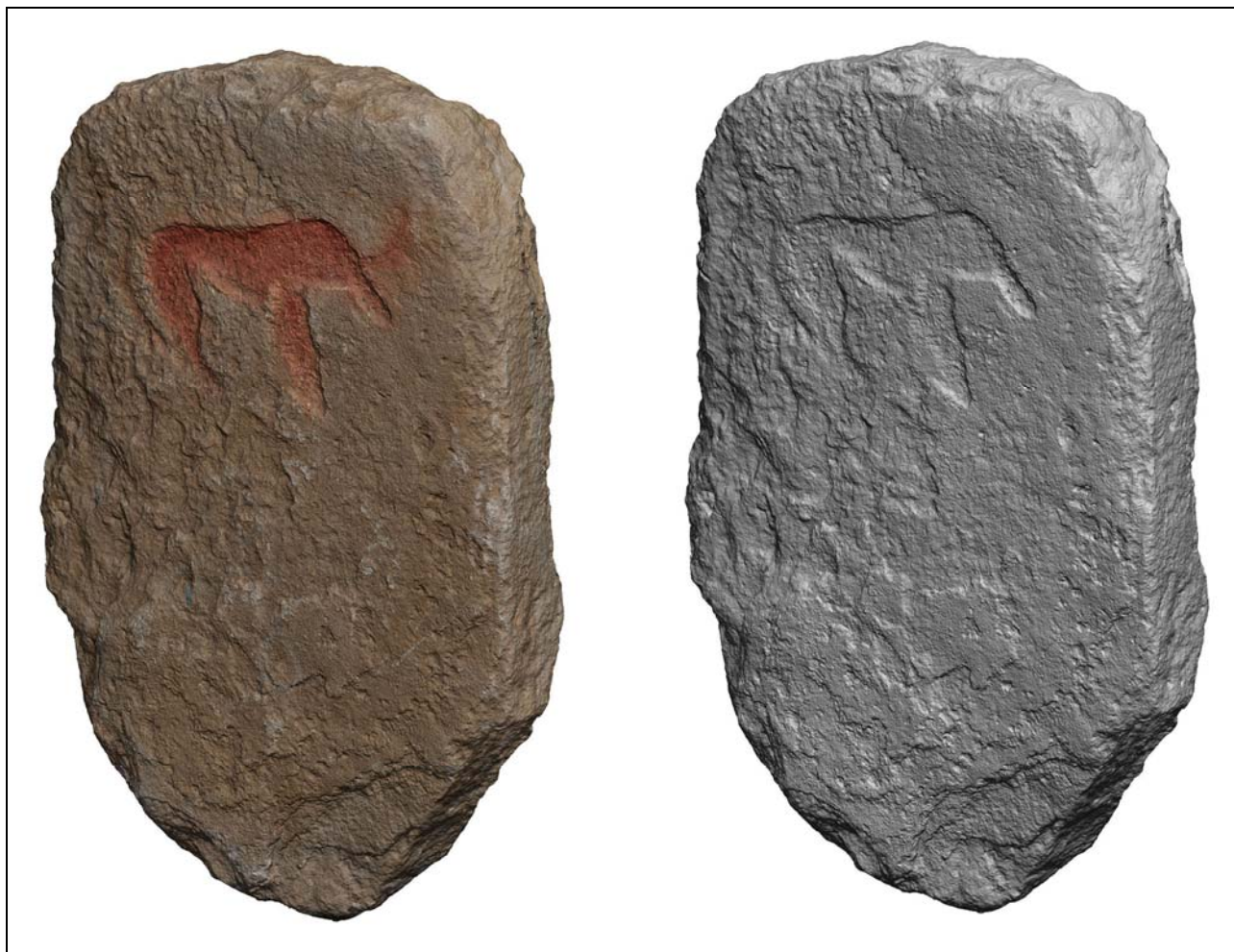

Рис. 13. Великая Александровка. Плита № 1, визуализация поверхности карты высот модели математическими алгоритмами: 1 — по экспозиции поверхности; 2—4 — по относительной высоте поверхности (Лаборатория RSSDA).

Fig. 13. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 1, visualization of the surface of the model height map by mathematical algorithms: 1 — by surface exposure; 2—4 — by the relative height of the surface (RSSDA Laboratory).

Рис. 14. Великая Александровка. Плита № 1, рендер трехмерной модели с включенной (слева) и отключенной (справа) цветовой текстурой (Лаборатория RSSDA).

Fig. 14. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 1, rendering of a 3D model with color texture enabled (left) and disabled (right) (RSSDA Laboratory).

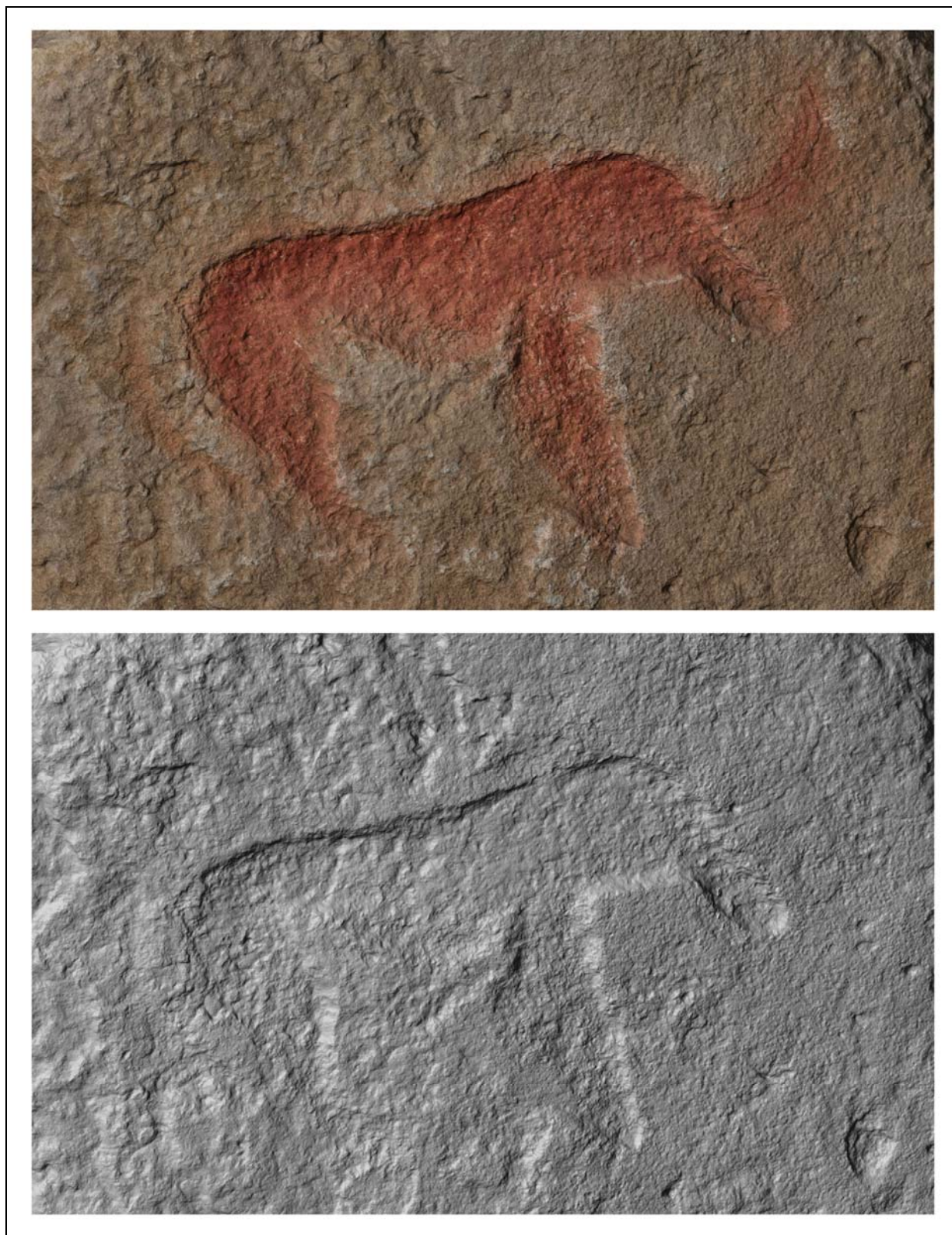
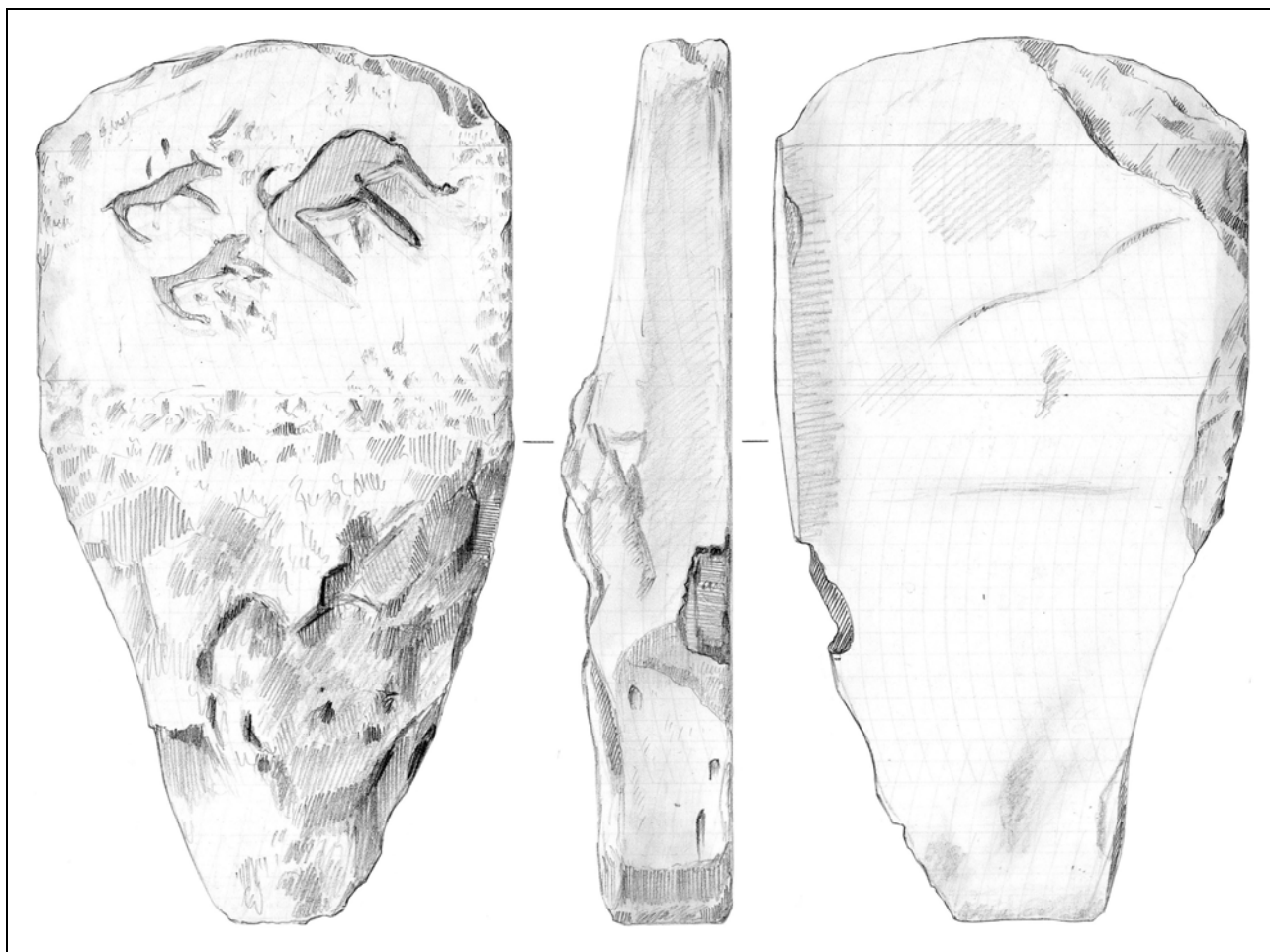

Рис. 15. Великая Александровка. Плита № 1, фрагмент с изображением. Рендер трехмерной модели с включенной (вверху) и отключенной (внизу) цветовой текстурой (Лаборатория RSSDA).

Fig. 15. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 1, part with carving, rendering of a 3D model with color texture enabled (top) and disabled (bottom) (RSSDA Laboratory).

Рис. 16. Великая Александровка. Прорисовка плиты № 2 (рисунок из архива С.В. Полина).

Fig. 16. Velikaya Aleksandrovka. Drawing of the Stone No. 2 (drawing from the archive of S.V. Polin).

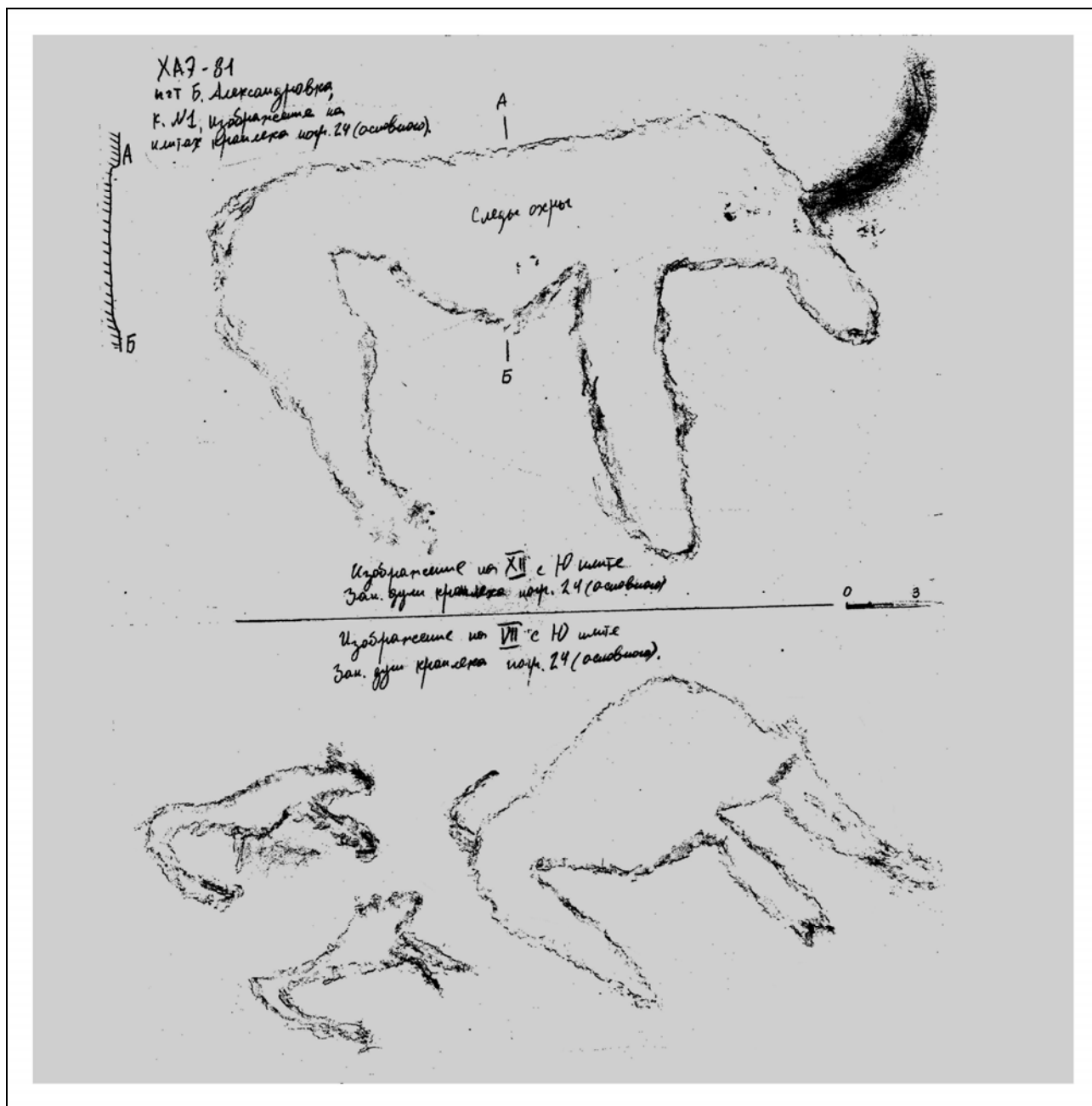

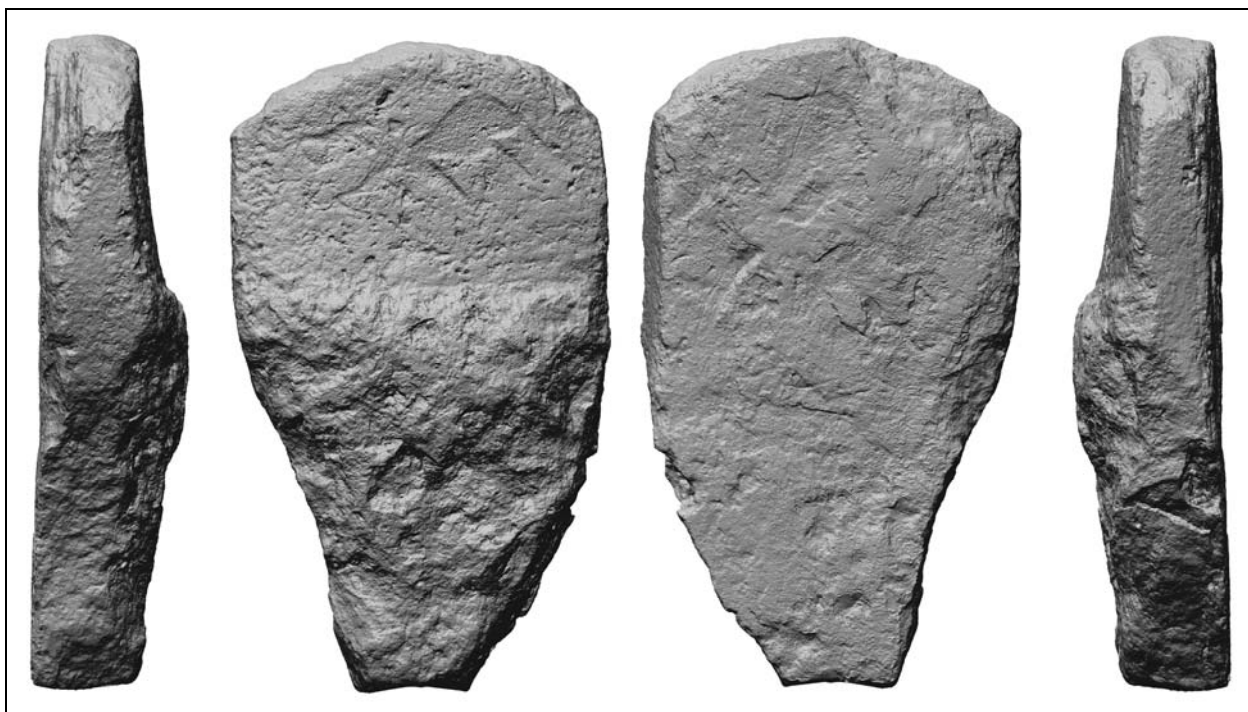
Рис. 17. Великая Александровка. Прорисовка изображений на плите № 1 и № 2 (рисунок из архива С.В. Полина).

Fig. 17. Velikaya Aleksandrovka. Drawing of the images Stone No. 1 and No. 2 (drawing from the archive of S.V. Polin).

Рис. 18. Великая Александровка. Плита № 2, рендер трехмерной модели (Лаборатория RSSDA).

Fig. 18. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 2, rendering of a 3D model (RSSDA Laboratory).

Рис. 19. Великая Александровка. Плита № 2, рендер трехмерной модели с отключенной цветовой текстурой (Лаборатория RSSDA).

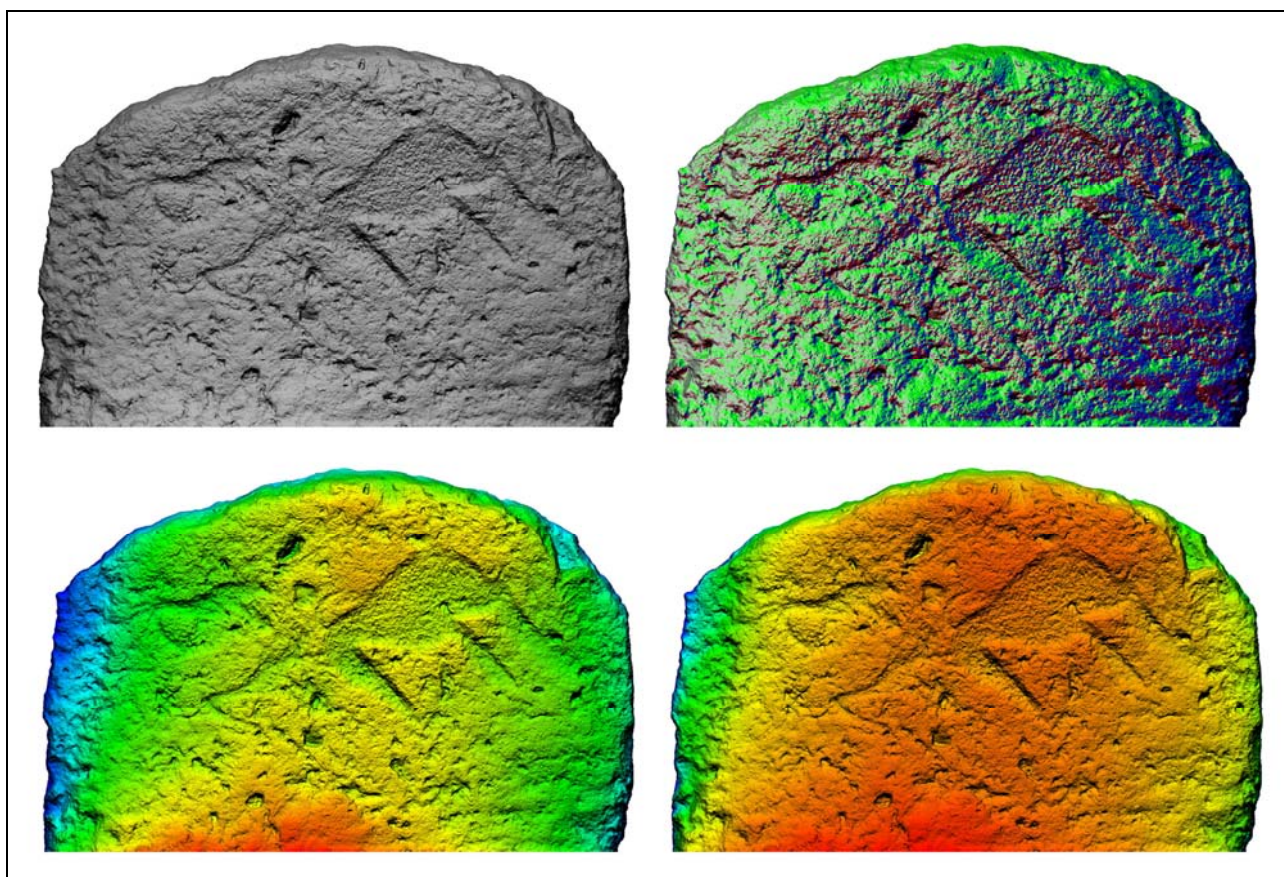
Fig. 19. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 2, rendering of a 3D model with color texture disabled (RSSDA Laboratory).

Рис. 20. Великая Александровка. Плита № 2, рендер трехмерной модели с включенной (слева) и отключенной (справа) цветовой текстурой (Лаборатория RSSDA).

Fig. 20. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 2, rendering of a 3D model with color texture enabled (left) and disabled (right) (RSSDA Laboratory).

Рис. 21. Великая Александровка. Плита № 2, визуализация поверхности карты высот модели математическими алгоритмами: 2 — по экспозиции поверхности; 1, 3—4 — по относительной высоте поверхности (Лаборатория RSSDA).

Fig. 21. Velikaya Aleksandrovka. Stone No. 2, visualization of the surface of the model height map by mathematical algorithms: 2 — by surface exposure; 1, 3—4 — by the relative height of the surface. (RSSDA Laboratory).

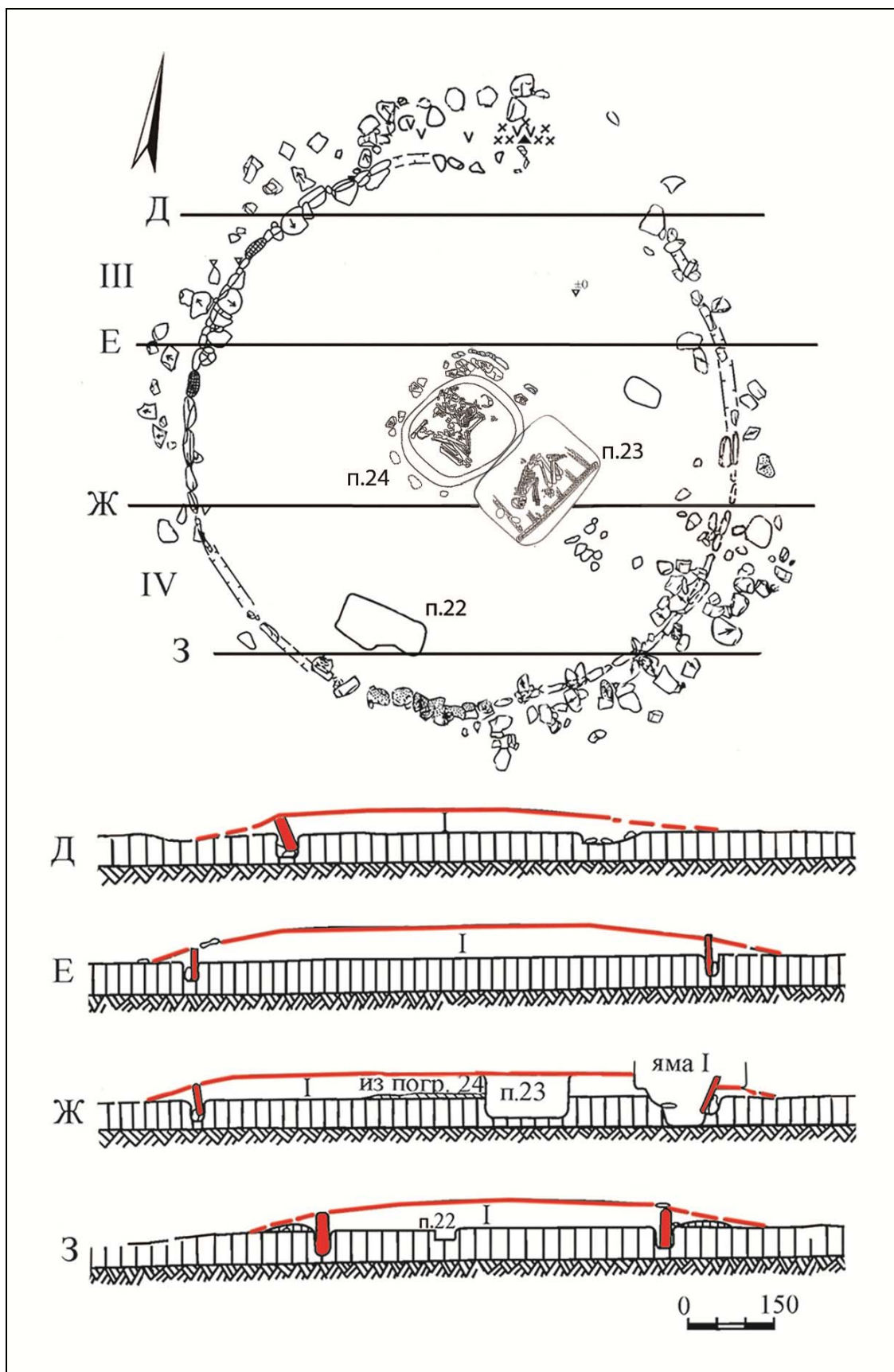
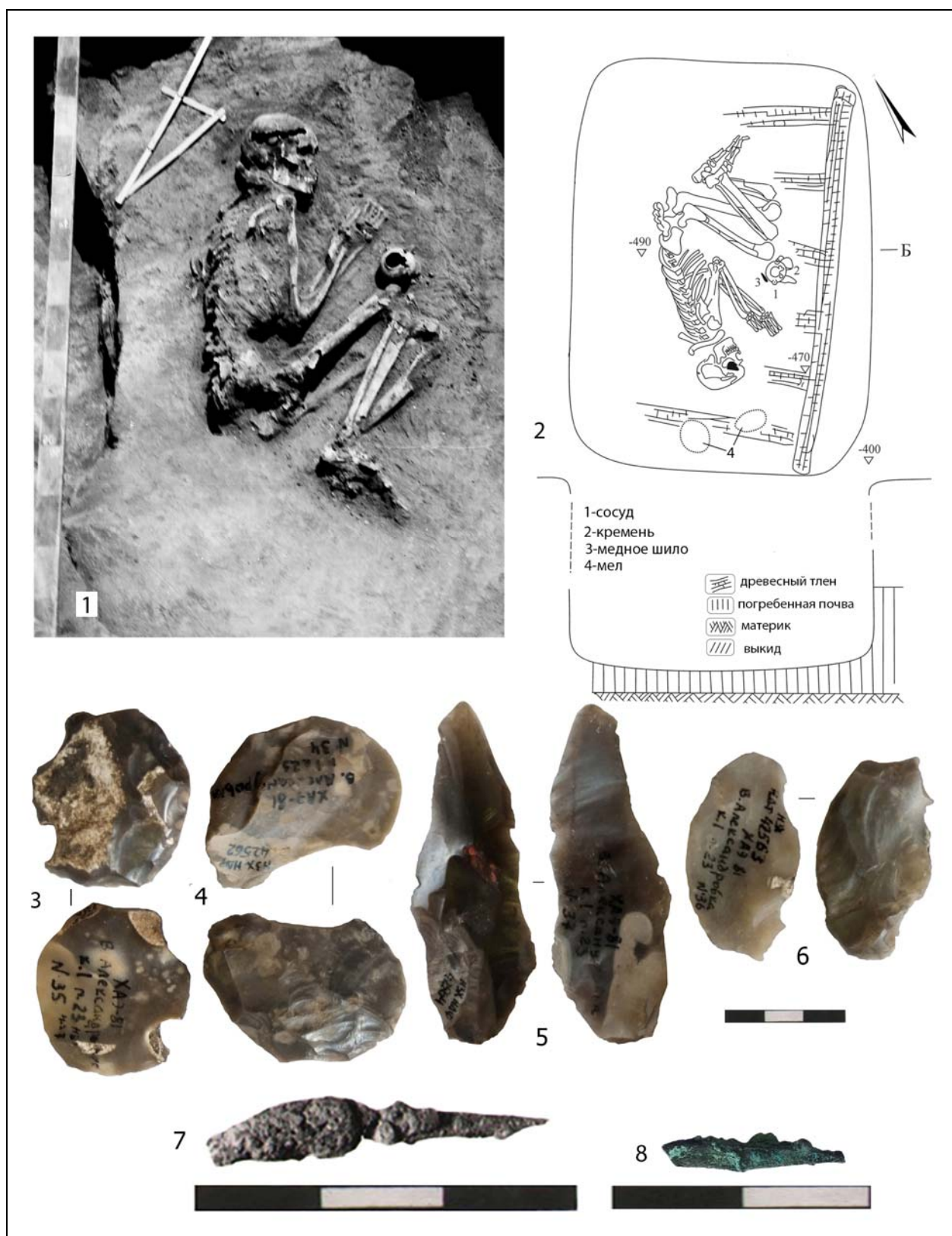

Рис. 22. Великая Александровка. Планиграфия погребения 23.

Fig. 22. Velikaya Aleksandrovka. Planigraphy of burial 23.

Рис. 23. Великая Александровка. Погребение 23 (2) и находки из него: 1 — фото С.В. Полина; 7 — состояние в 1981 г., фото из отчета; 8 — состояние в 2021 г.; 3—6, 8 — фото М.Н. Дараган).

Fig. 23. Velikaya Aleksandrovka. Burial 23 (2) and finds from it: 1 — photo by S.V. Polin; 7 — state in 1981, photo from the report; 8 — state in 2021; 3—6, 8 — photo by M.N. Daragan.

Рис. 24. Великая Александровка. Погребение 23. Амфора (фото М.Н. Дараган).

Fig. 24. Velikaya Aleksandrovka. Burial 23. Amphora (photo by M.N. Daragan).

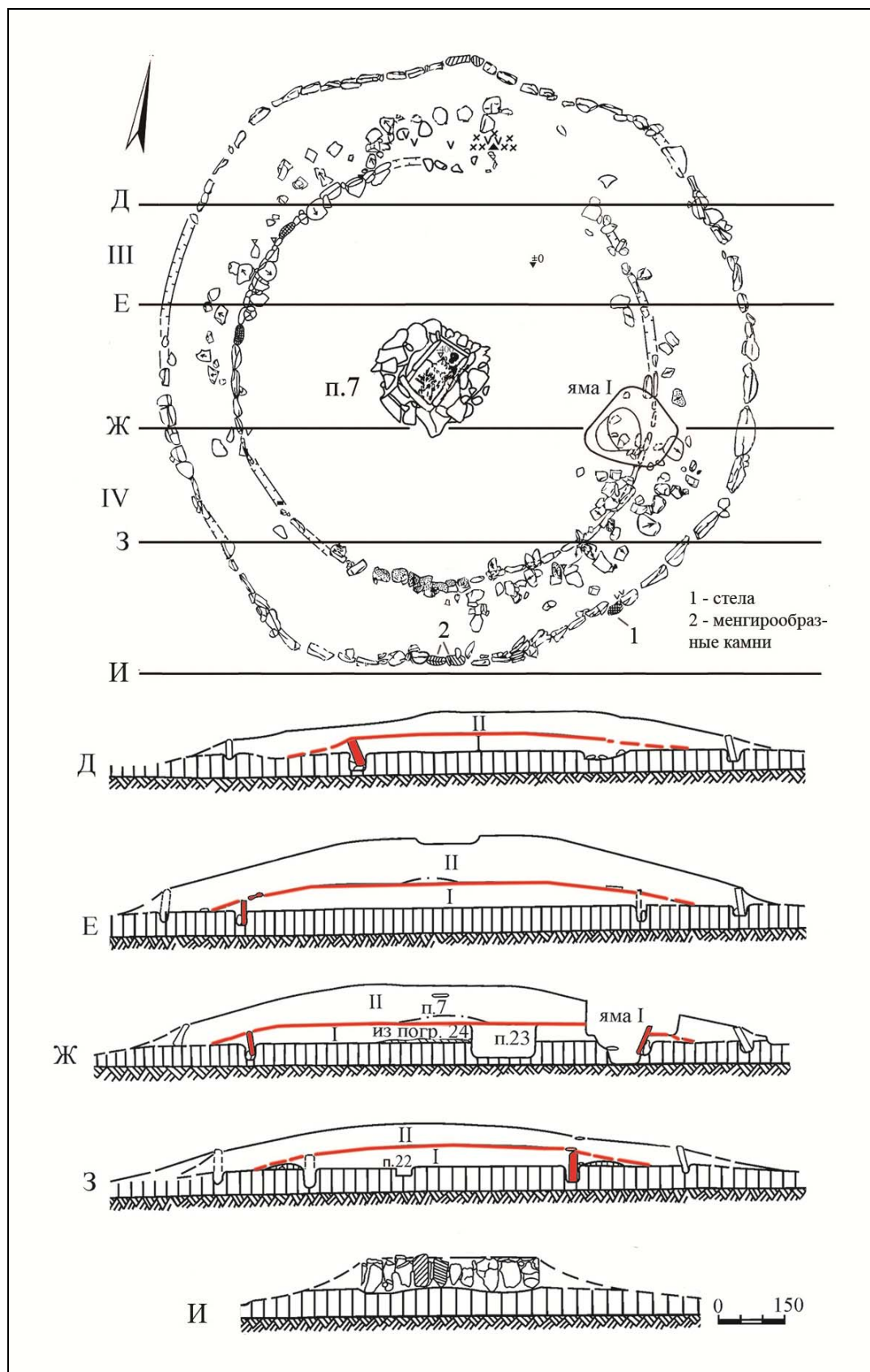
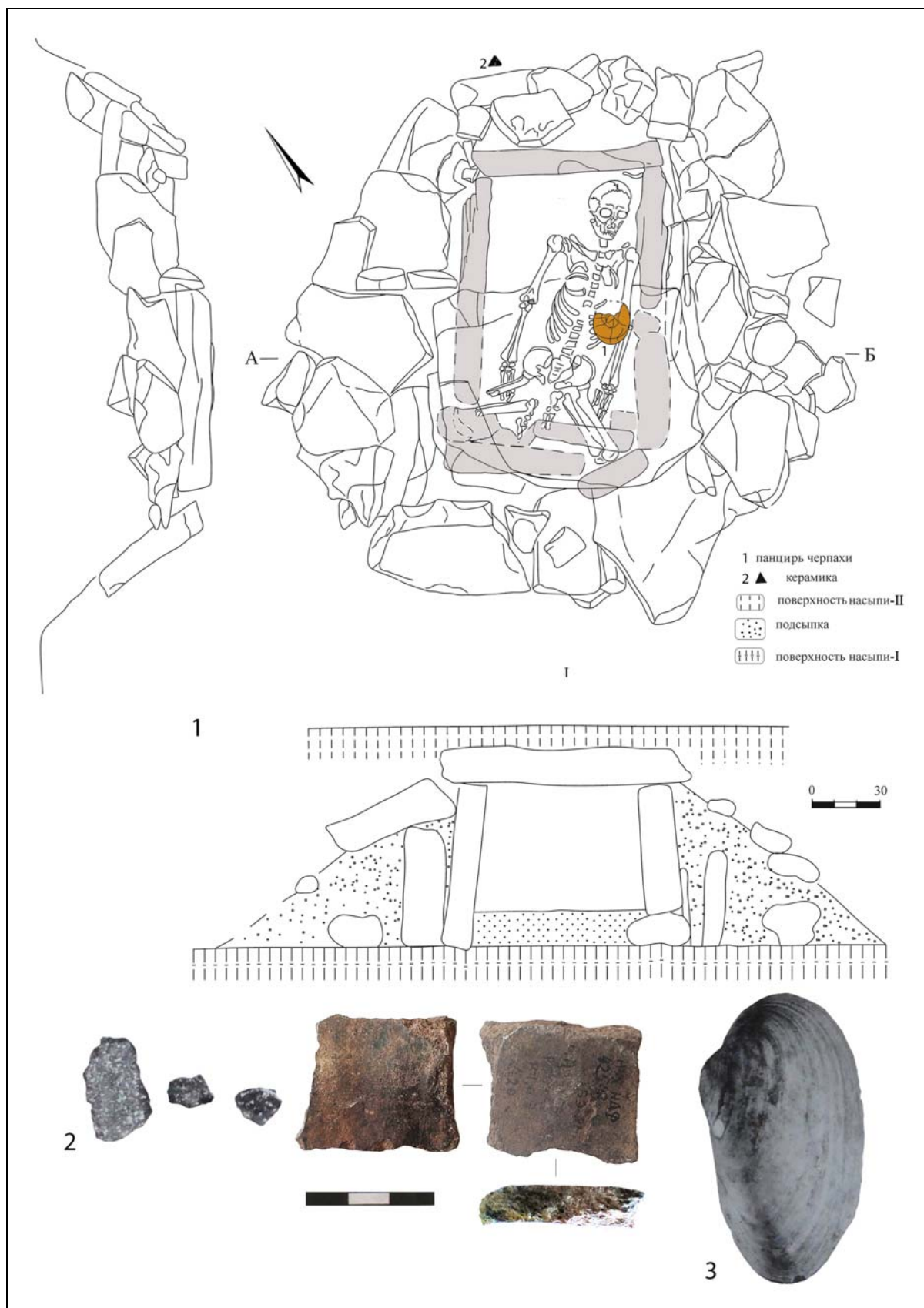

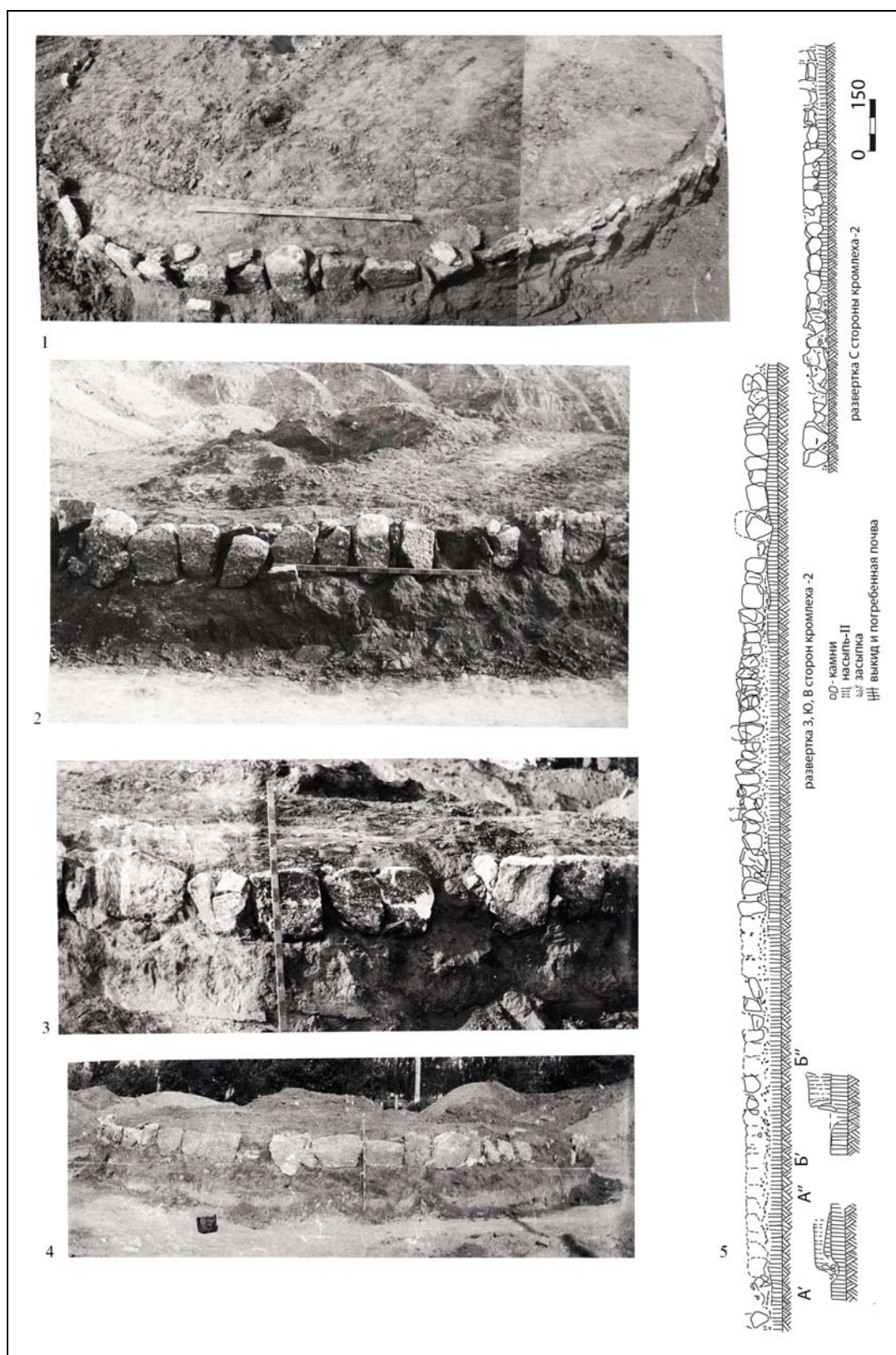
Рис. 25. Великая Александровка. Планиграфия погребения 7 и кромлеха-2.

Fig. 25. Velikaya Aleksandrovka. Planigraphy of burial 7 and cromlech-2.

Fig. 26. Velikaya Aleksandrovka: 1 — burial 7; 2 — pottery (photo by M.N. Daragan).

Рис. 27. Великая Александровка. Кромлех-2: 1, 3, 4 — различные участки; 2 — фасировка (фото С.В. Полина).

Fig. 27. Velikaya Aleksandrovka. Cromlech-2: 1, 3, 4 — various sections; 2 — evolvent of cromlech (photo by S.V. Polin).

Рис. 28. Великая Александровка. Реконструкция. Этап установки каменного ящика погребения 7 и сооружения кромлеха-2 (реконструкция А.Д. Менчинского).

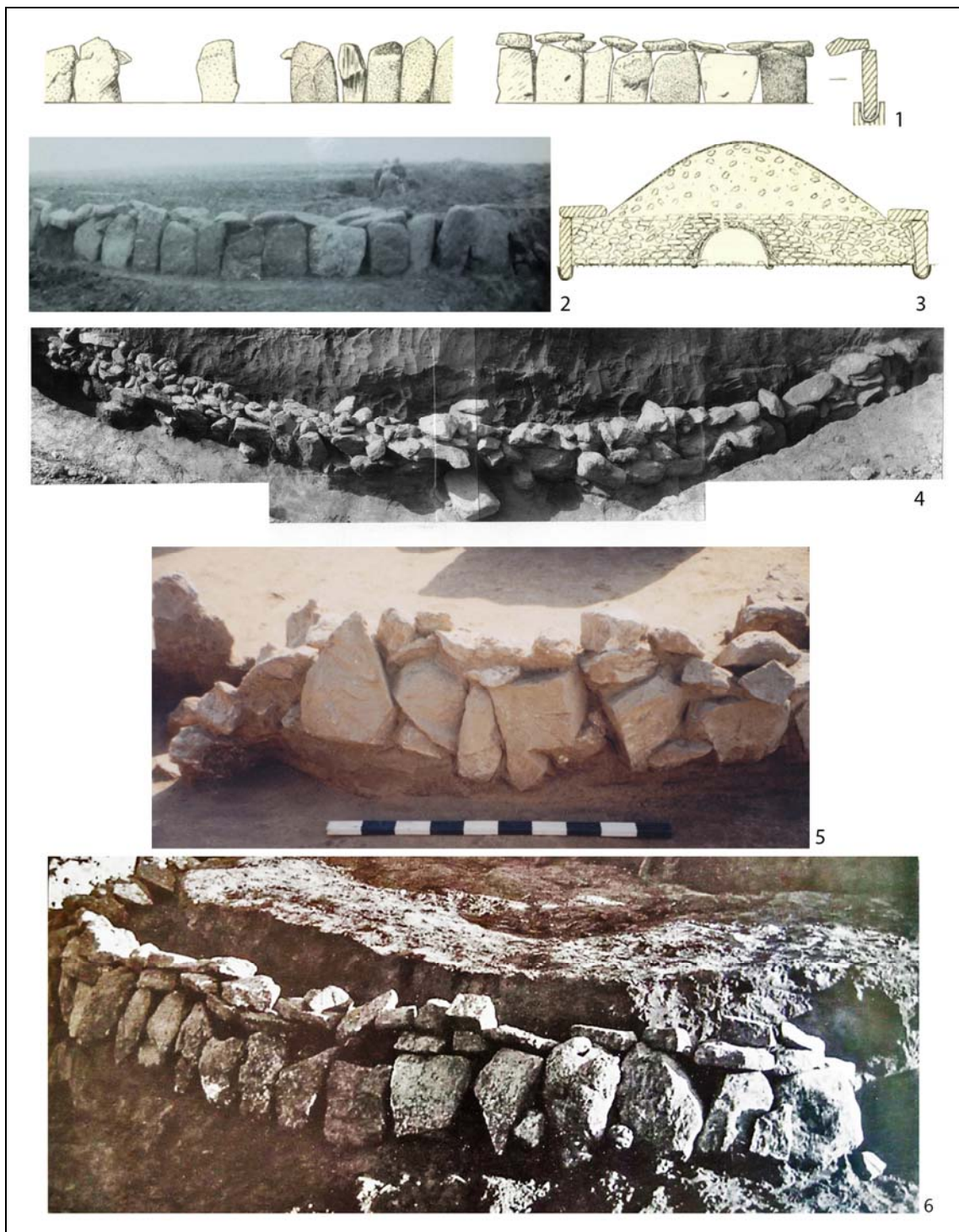
Fig. 28. Velikaya Aleksandrovka. Reconstruction. Stage of installation of stone cist grave burial 7 and construction of cromlech-2 (reconstruction by A.D. Menchinsky).

Рис. 29. Великая Александровка. Реконструкция. Насыпь-II над погребением 7 (реконструкция А.Д. Менчинского).

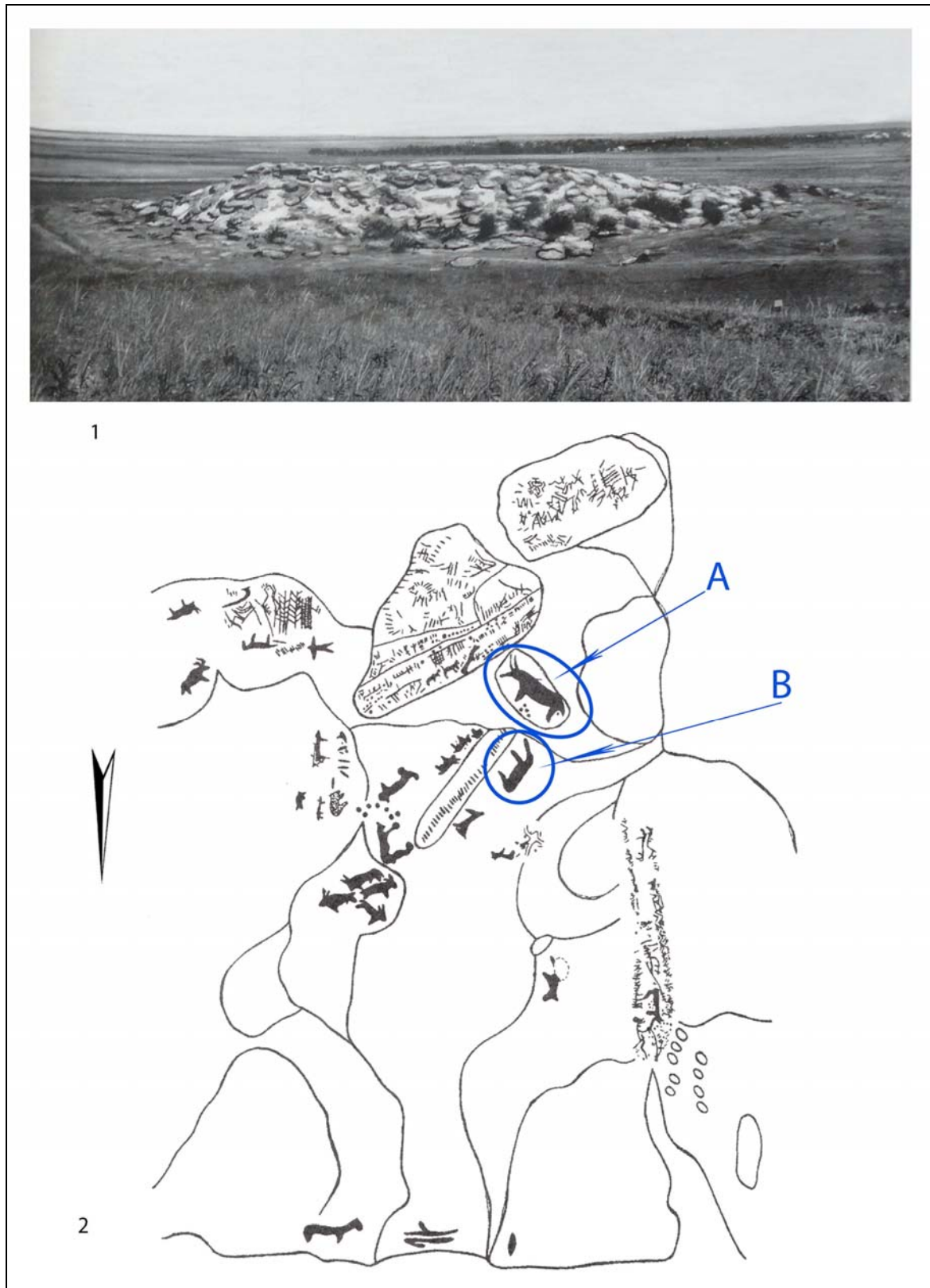
Fig. 29. Velikaya Aleksandrovka. Reconstruction. Embankment-II over the burial 7 (reconstruction by A.D. Menchinsky).

Рис. 30. Кромлехи энеолитического времени из вертикально вкопанных небольших плит, поверх которых были горизонтально уложены плиты: 1—3 — Новоалександровка курган 6 (по Ковалева 1989: рис. 43; 1991а: 34, рис. 3, 4); 4 — Никополь курган 2 (по Чурилова, Нор 1986: табл. XXI: 2); 5 — Шахтер курган 29 (по Черных, Дараган 2014: рис. 91); 6 — Каменка-Днепровская курган 11 (по Сушко 2004: 150).

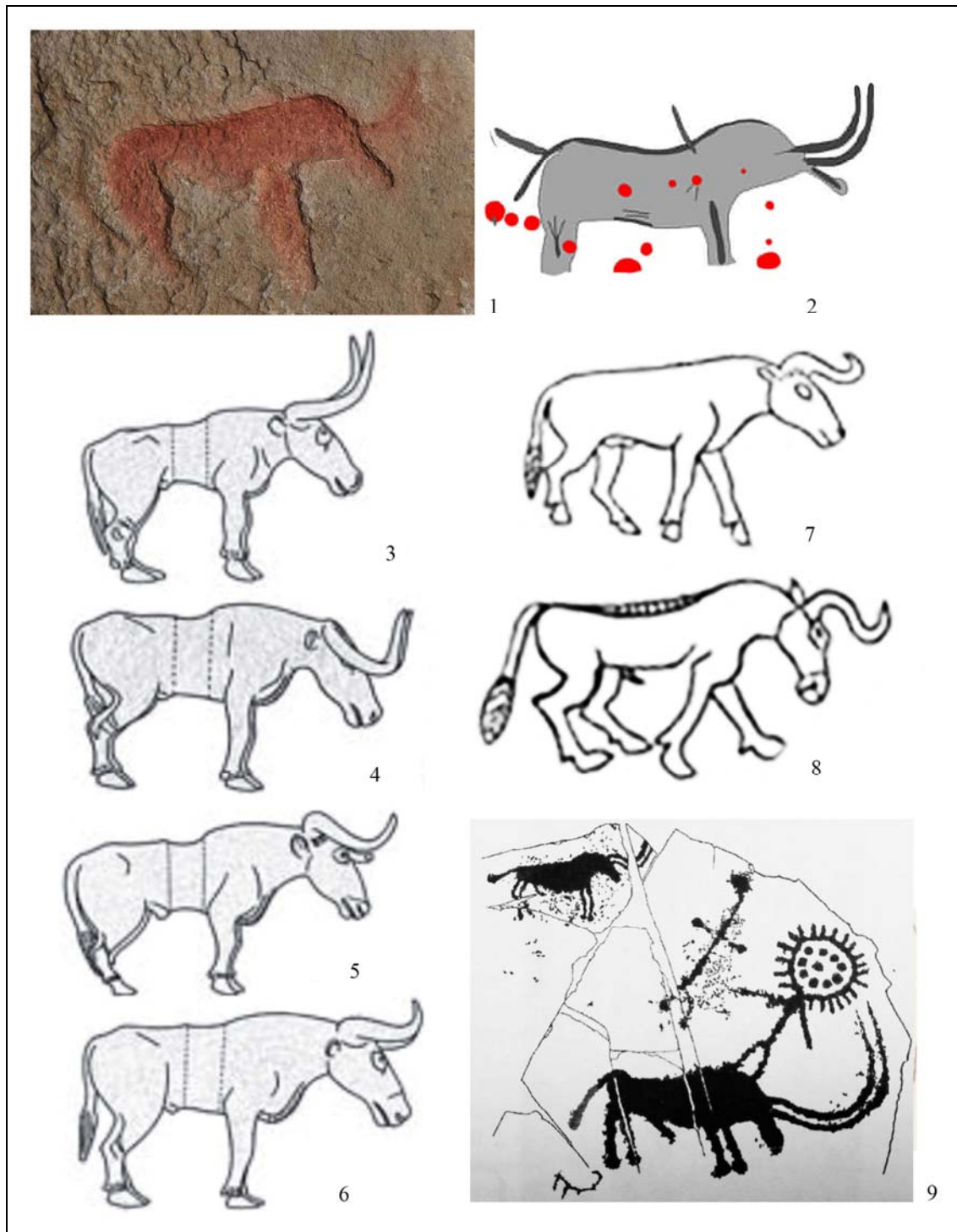
Fig. 30. Eneolithic cromlechs of vertically installed small stones overlapped by horizontal slabs: 1—3 — Novoalexandrovka mound 6 (after Kovaleva 1989: fig. 43; 1991a: 34, fig. 3, 4); 4 — Nikopol mound 2 (after Churilova, Nor 1986: tab. XXI: 2); 5 — Shakhtyor mound 29 (after Černych, Daragan 2014: fig. 91); 6 — Kamianka-Dneprovskaya mound 11 (after Sushko 2004: 150).

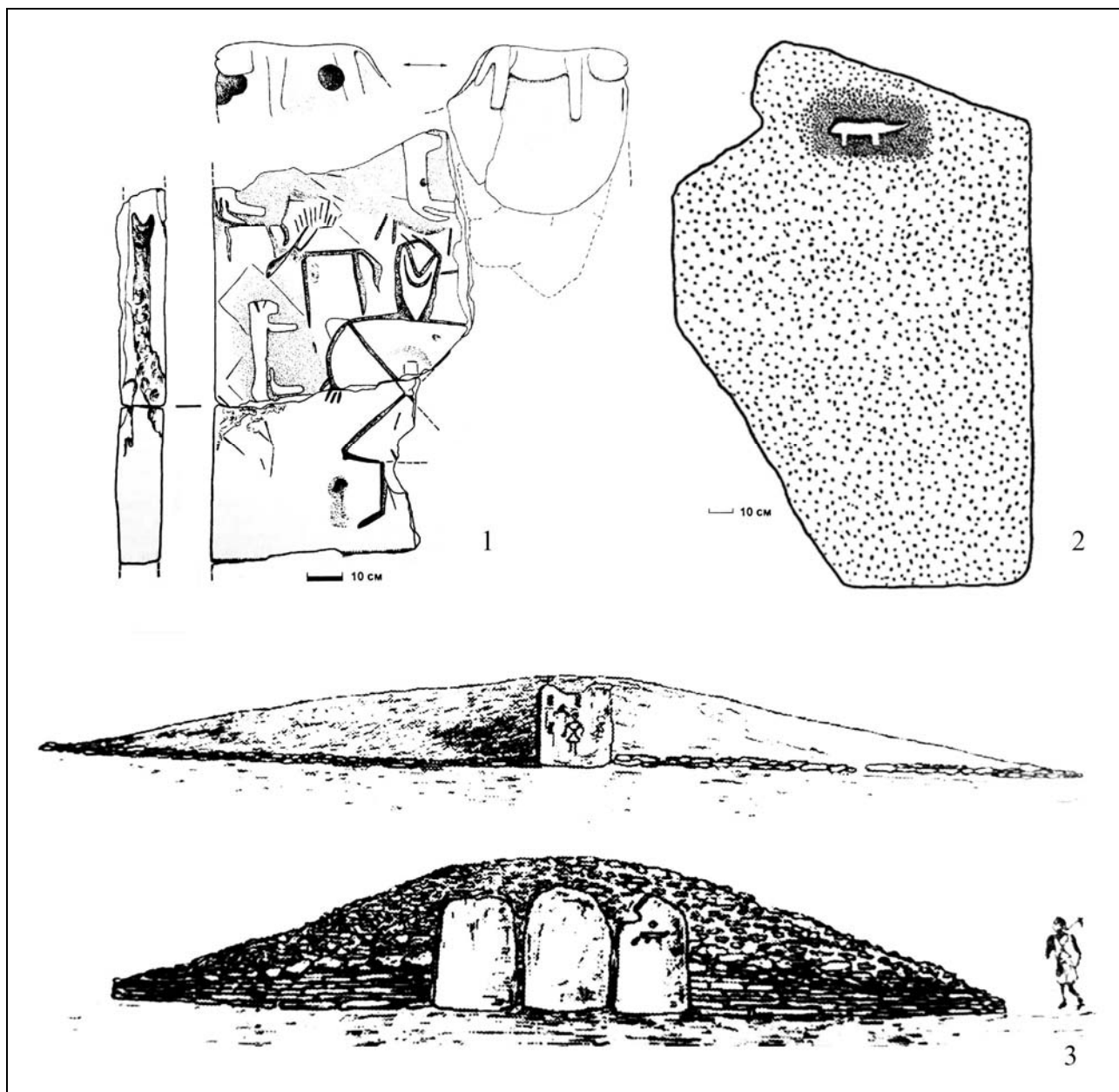
Рис. 31. 1 — Каменная Могила (по Архів Рудинського); 2 — Грот Быка (по Михайлов 2005: рис. 115).
A — «Дождевой Бык»; B — зверь, похожий на кабана.

Fig. 31. 1 — Kamennaya Mogila (after Archiv Rudinsky); 2 — Grotto of the Bull (after Mikhailov 2005: fig. 115). A — “Rain Bull”; B — an boar-like animal.

Рис. 32. Аналогии Великоалександровскому быку: 1— Великая Александровка; 2 — Каменная могила, «Дождевой бык» (по Radchenko, Nykonenko 2019: fig. 10: 4); 3—6 — Майкопский курган, литые фигурки быков (по Пиотровский 2020: рис. 3); 7—8 — Майкопский курган, изображения на серебряных сосудах (по Пиотровский 1994: рис. 1, 2); 9 — изображения быков на петроглифах урочища Тамгалы (по Горячев, Егорова 2011: рис. 9: 1).

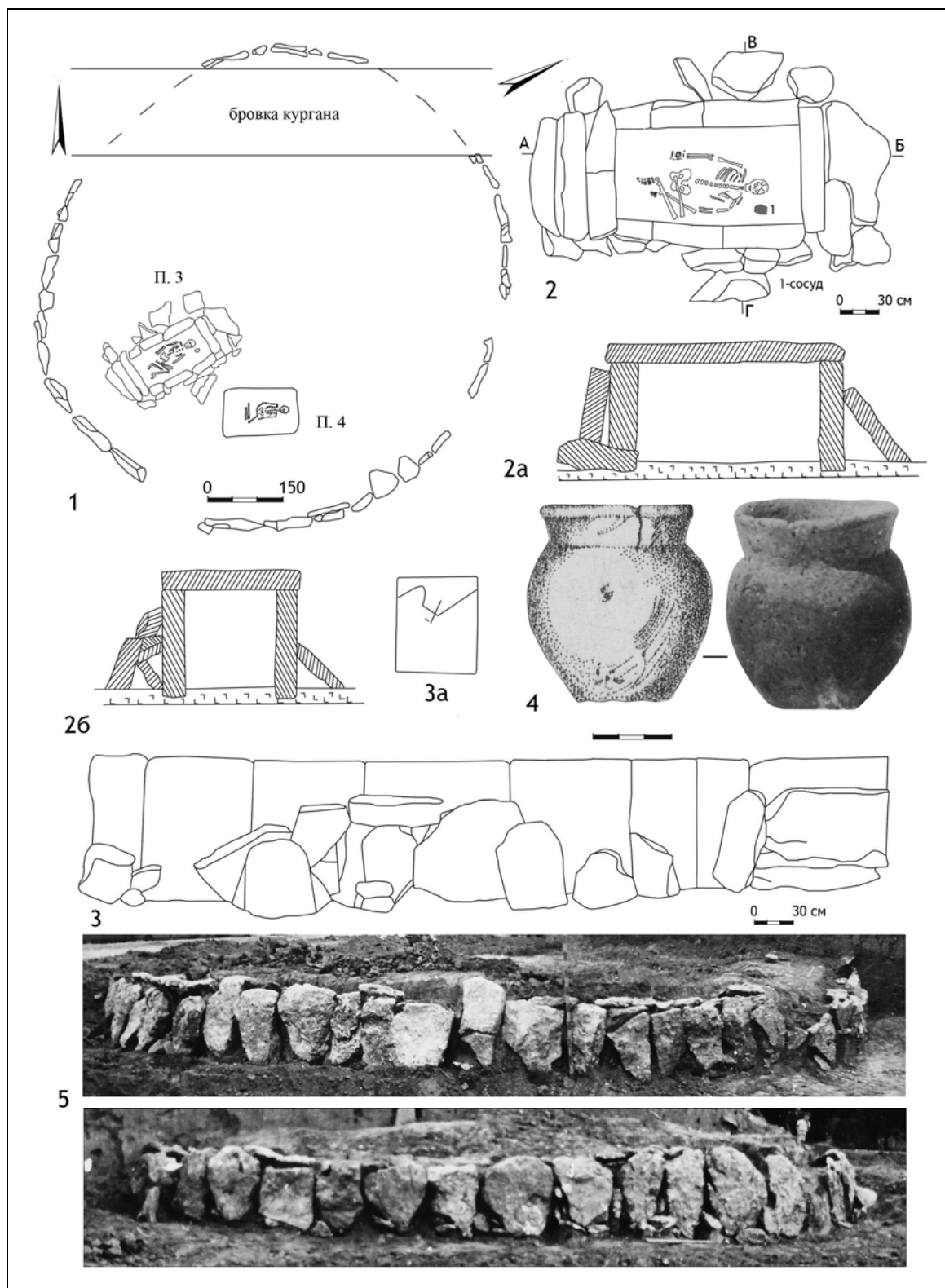
Fig. 32. Analogies to the Velikoaleksandrovsky bull: 1 — Velikaya Aleksandrovka; 2 — Stone grave, Rain bull (after Radchenko, Nykonenko 2019: fig. 10: 4); 3—6 — Maikop mound, cast figurines of bulls (after Piotrovsky 2020: fig. 3); 7—8 — Maikop mound, images on silver vessels (after Piotrovsky 1994: fig. 1, 2); 9 — images of bulls from Tamgaly petroglyphs (after Goryachev, Egorova 2011: fig. 9: 1).

Рис. 33. 1—2 — Усатово, плиты с изображениями (по Патокова 1979: рис. 19: 7, 25; Петренко 2013: рис. 34); 3 — Реконструкция внешнего вида усатовских курганов (по Петренко 2013: рис. 32: 2).

Fig. 33. 1—2 — Usatovo, stones with images (after Patokova 1979: fig. 19: 7, 25; Petrenko 2013: fig. 34); 3 — reconstruction of the appearance of Usatovo mounds (after Petrenko 2013: fig. 32: 2).

Рис. 34. Львово-II, курган 8, погребение 3: 1 — план центральной части кургана 8; 2 — каменный ящик погребения 3; 3 — сосуд из погребения 3; 4 — фасировка стенок ящика; 5 — кромлех (по Тереножкин и др. 1973).

Fig. 34. L'vovo-II, mound 8, burial 3: 1 — plan of the central part of mound 8; 2 — stone cist grave from burial 3; 3 — vessel from burial 3; 4 — facing of the stones of the stone cist grave; 5 — cromlech (after Terenozhkin i dr. 1973).

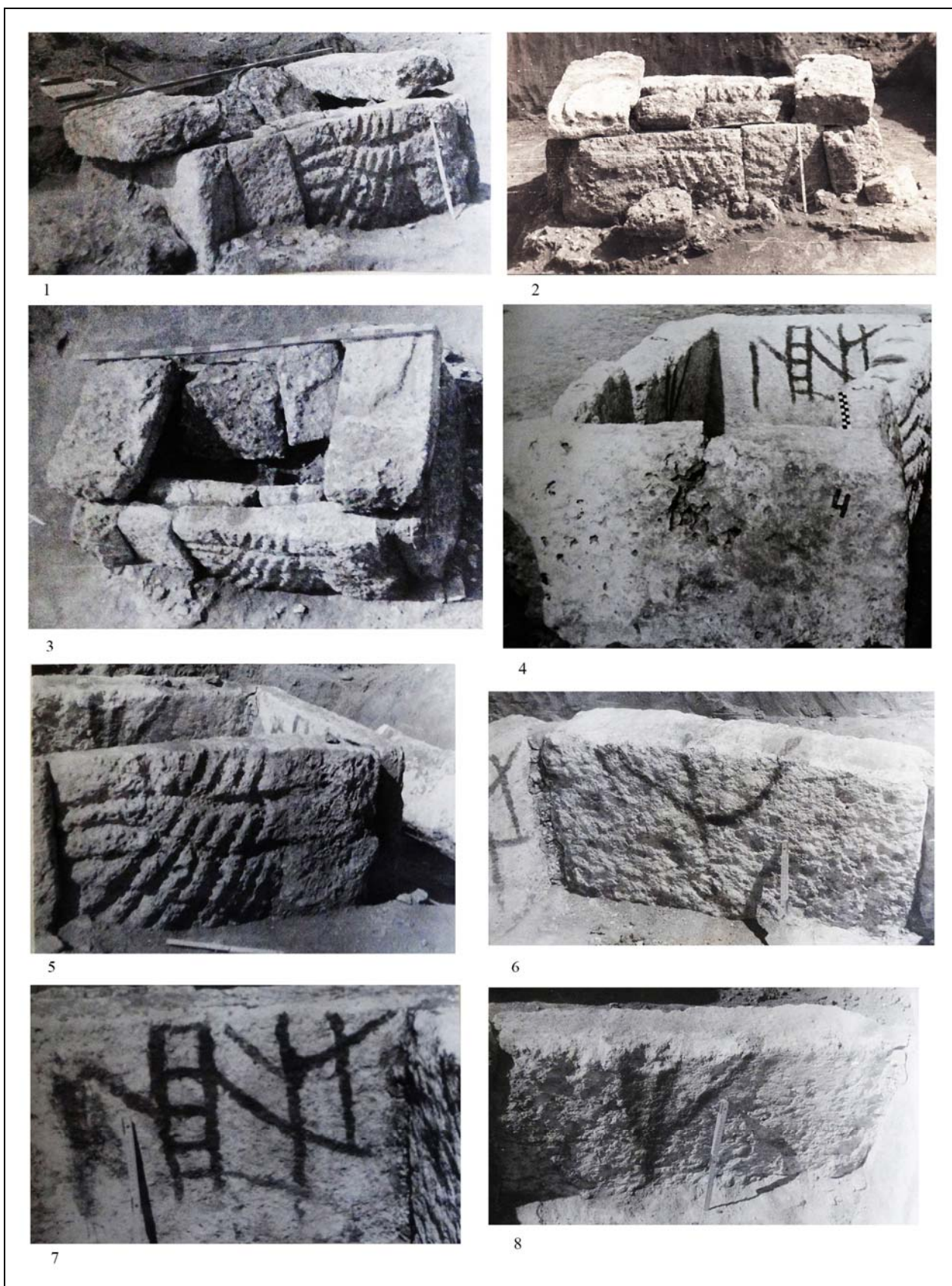

Рис. 35. Пески, курган 1, погребение 13. Каменный ящик (по Шапошникова 1971).

Fig. 35. Peski mound 1 burial 13. Stone cist grave (after Shaposhnikova 1971).

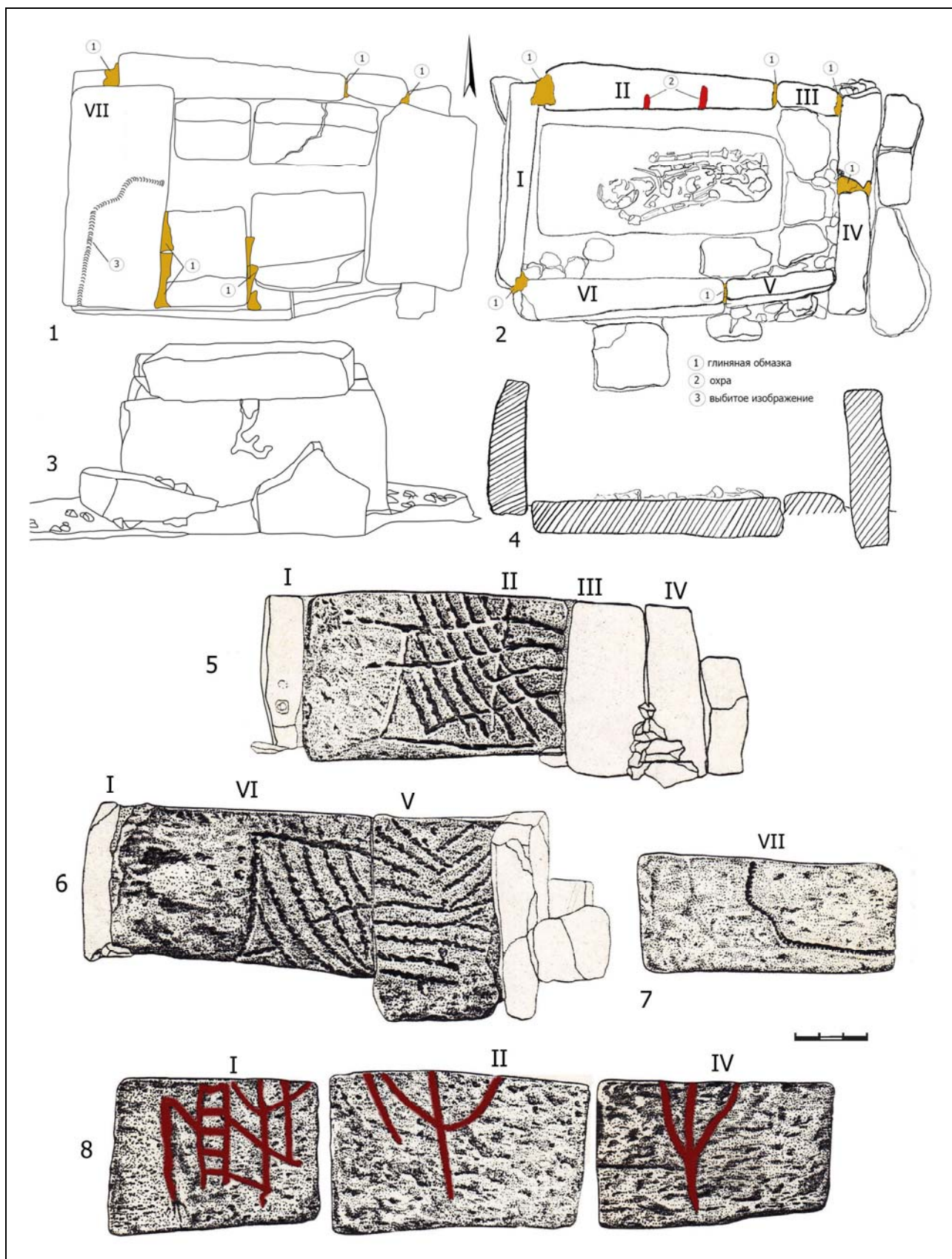
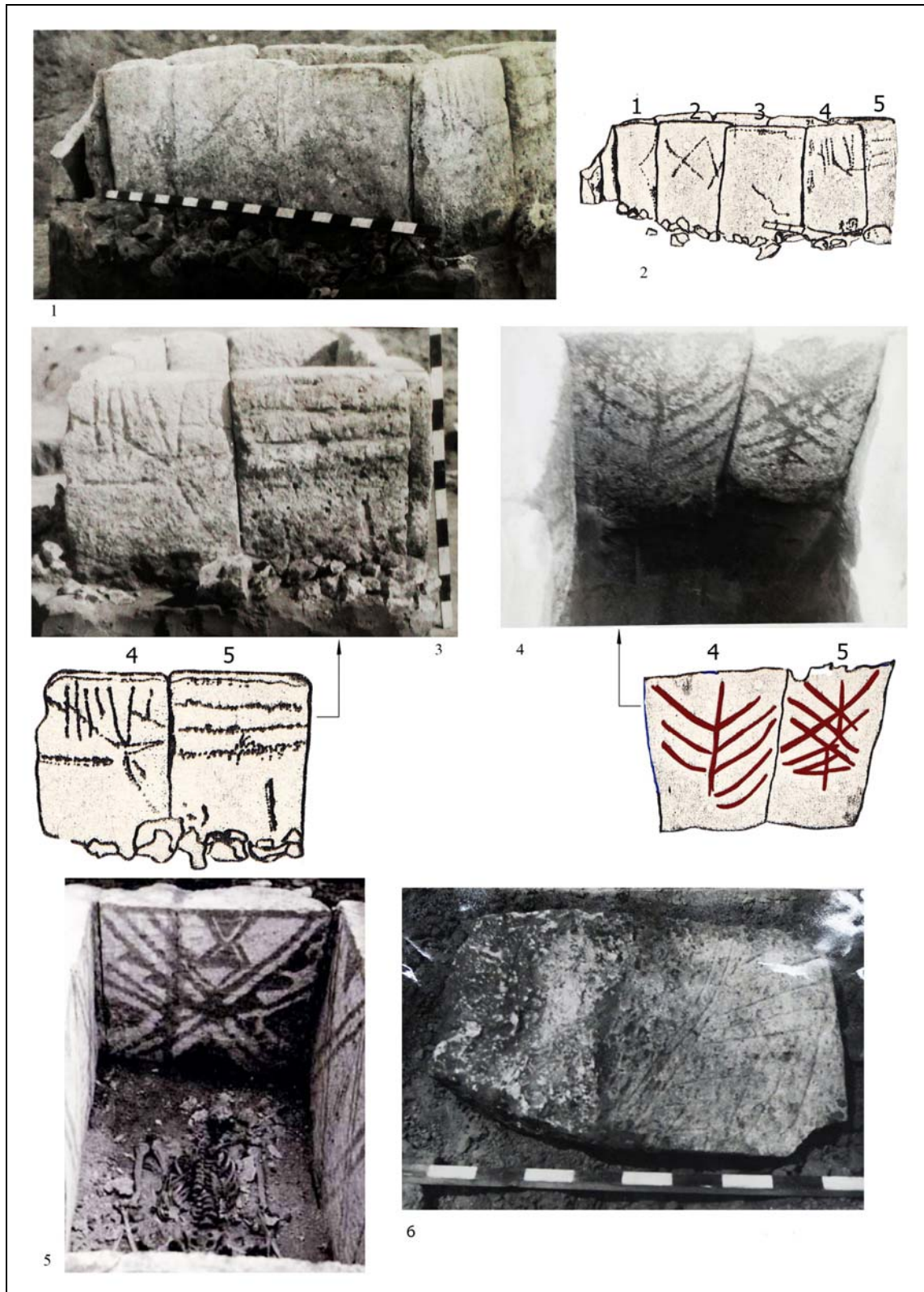

Рис. 36. Пески, курган 1, погребение 13. Каменный ящик (по Шапошникова 1971).

Fig. 36. Peski, mound 1, burial 13. Stone cist grave (after Shaposhnikova 1971).

Рис. 37. Каменные ящики: 1—4 — Березовка курган 1 погребение 2 (по Бокий 1969); 5 — Константиновка курган 9 погребение 8 (по Бузян 2015: рис. 28); 6 — Высокая Могила погребение 4 (по Бідзиля, Яковенко 1971).

Fig. 37. Stone cist grave: 1—4 — Berezovka mound 1 burial 2 (after Bokiyy 1969); 5 — Konstantinovka mound 9 burial 8 (after Buzyan 2015: fig. 28); 6 — Vysokaya Mogila burial 4 (after Bidzilya, Yakovenko 1971).

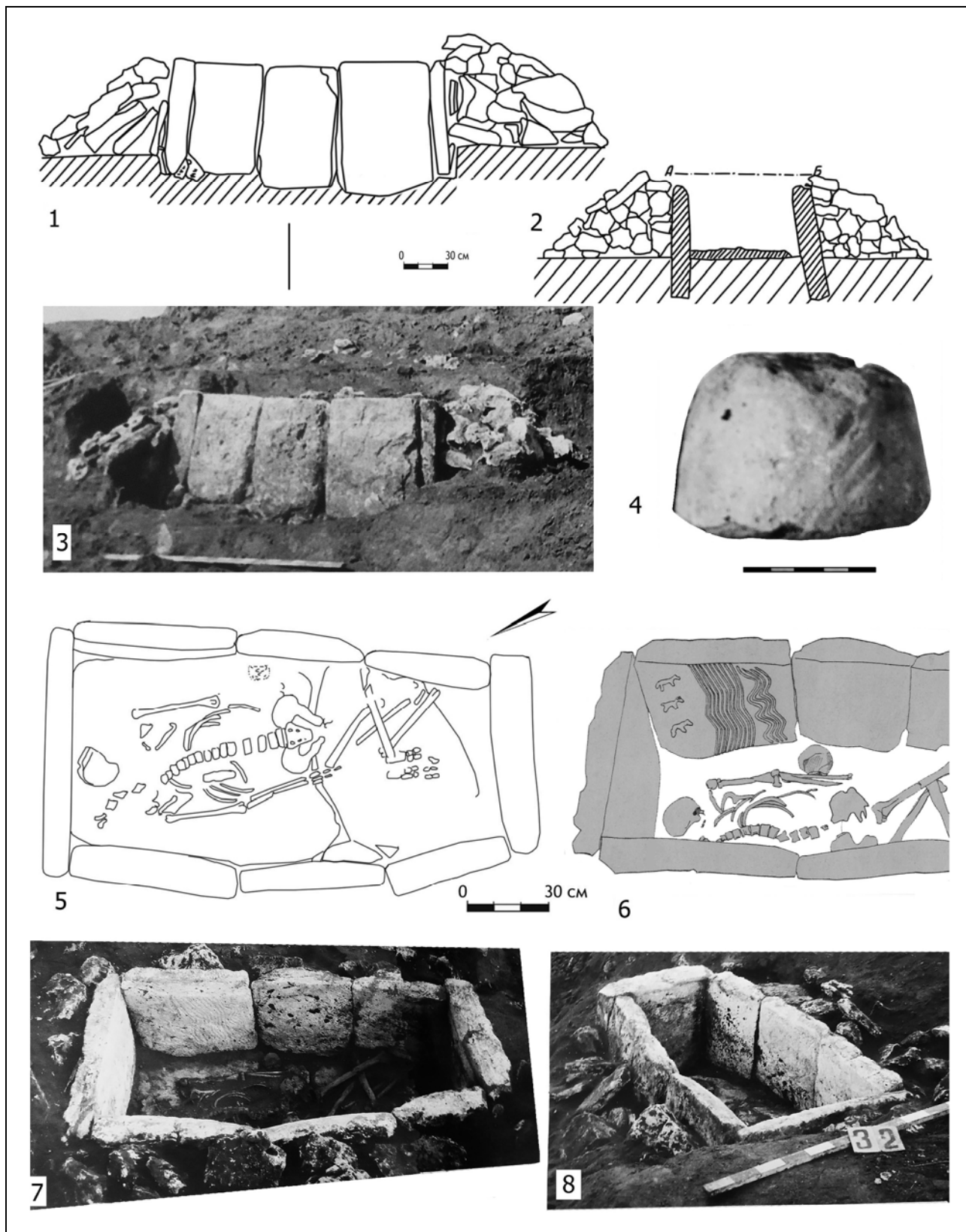

Рис. 38. Баратовка курган 1 погребение 8. Каменный ящик (по Петренко, Елагина 1968).

Fig. 38. Baratovka mound 1 burial 8. Stone cist grave (after Petrenko, Elagina 1968).

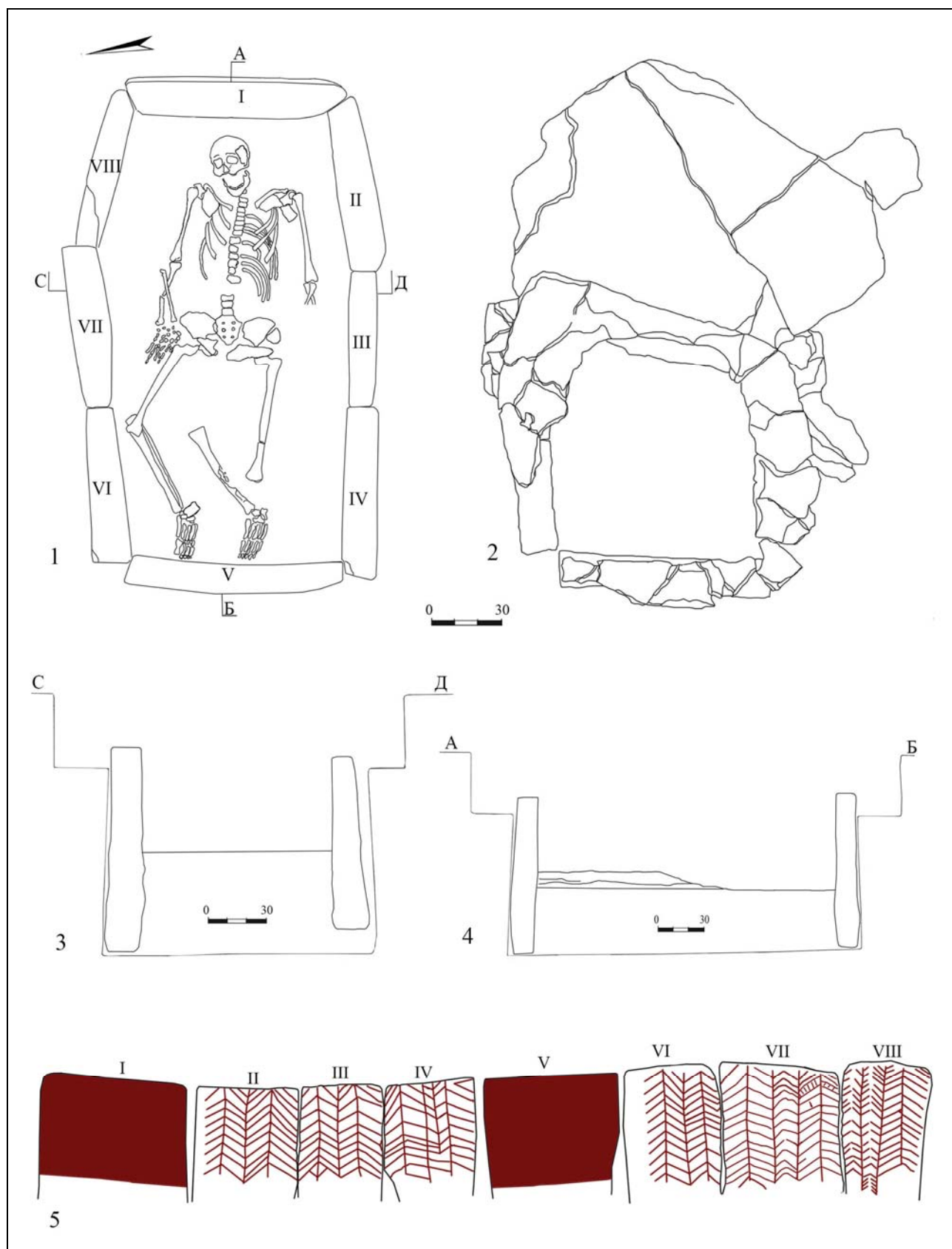
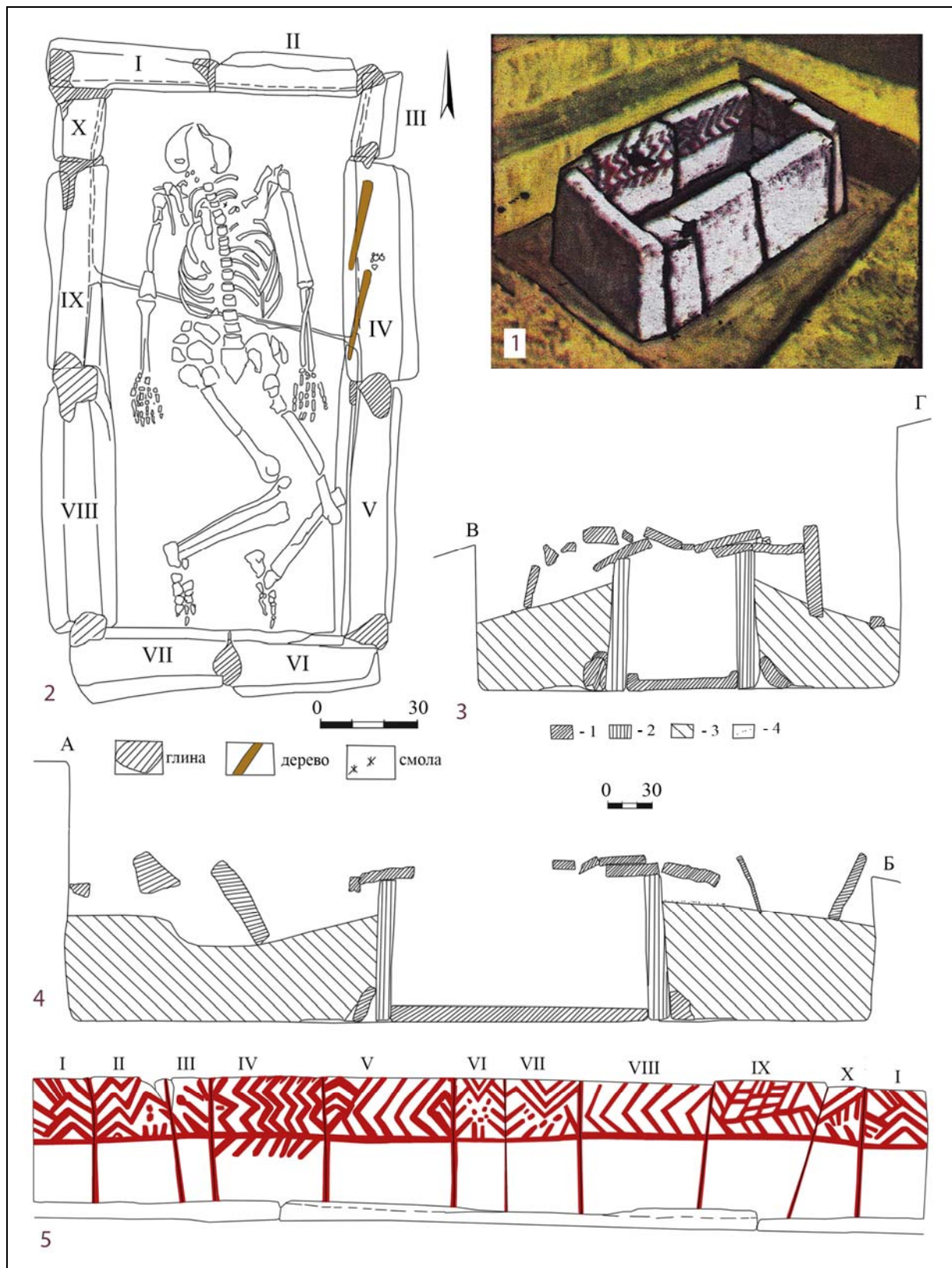

Рис. 39. Первый Старосельский курган, погребение 3. Каменный ящик (по Шилов 1972).

Fig. 39. First Staroselsky mound, burial 3. Stone cist grave (after Shilov 1972).

Рис. 40. Первый Старосельский курган, погребение 4. Каменный ящик (1 — по Давня історія України 1994, рисунок Ю.А. Шилова и П.Л. Корниенко; 2—5 — по Шилов 1972).

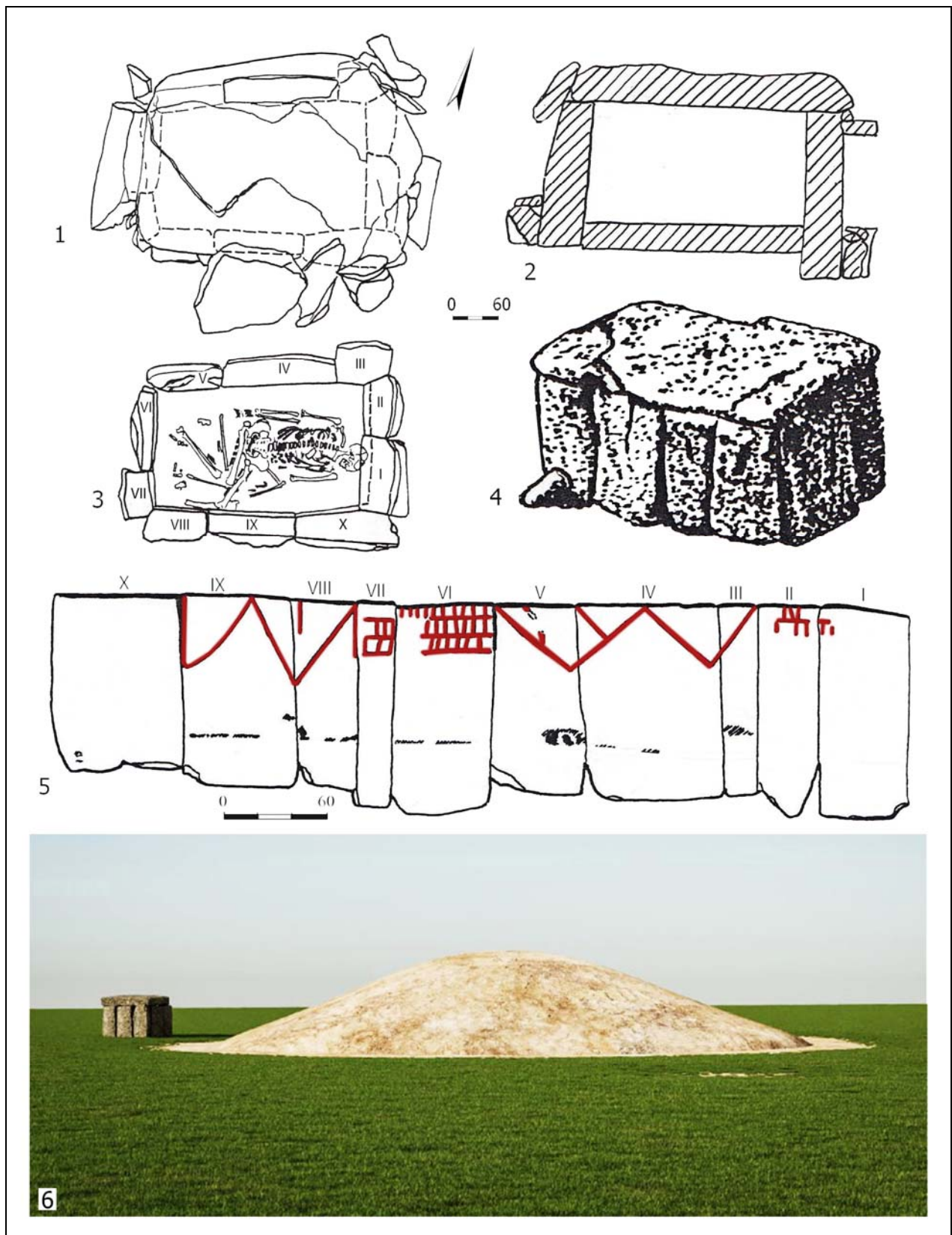
Fig. 40. First Staroselsky mound, burial 4. Stone cist grave (1 — after Davnya istoriya Ukrayiny 1994, drawing by Yu.A. Shilov and P.L. Kornienko; 2—5 — after Shilov 1972).

Рис. 41. Первый Старосельский курган: 1 — установка каменного ящика погребения 3. Реконструкция; 2—3 — орнаментация каменного ящика погребения 3; 4—5 — орнаментация каменного ящика погребения 4 (1 — реконструкция А.Д. Менчинского; 2—5 — фото М.Н. Дараган).

Fig. 41. First Staroselsky mound: 1 — installation of a stone cist grave: burial 3. Reconstruction; 2—3 — ornamentation of a stone cist grave burial 3; 4—5 — ornamentation of the stone cist grave burial 4 (1 — reconstruction by A.D. Menchinsky; 2—5 — photo by M.N. Daragan).

Рис. 42. Долгая Могила возле Чертомлыка. Каменный ящик: 1—5 — погребение 6 (по Мозолевский 1979); 6 — реконструкция А.Д. Менчинского.

Fig. 42. Dolgaya Mogila near Chertomlyk. Stone cist grave: 1—5 — burial 6 (after Mozolevsky 1979); 6 — reconstruction by A.D. Menchinsky).

Рис. 43. Примеры орнаментации каменных ящиков: 1 — Виноградное курган 1 погребение 12; 2—3 — Старогорожено курган 1 погребение 1 (фото М.Н. Дараган); 4 — Ивановка курган 5 погребение 2 (фото М.С. Андреевой); 5 — Майоровка курган 4 погребение 17 (фото из архива С.В. Полина).

Fig. 43. Examples of stone cist grave ornamentation: 1 — Vinogradnoye mound 1 burial 12; 2—3 — Starogorozhenno mound 1 burial 1 (photo by M.N. Daragan); 4 — Ivanovka mound 5 burial 2 (photo by M.S. Andreeva); 5 — Mayorovka mound 4 burial 17 (photo from the archive of S.V. Polin).

УДК 902.01
DOI: 10.53737/2713-2021.2021.84.36.002

В.А. Дергачев

БУДЖАКСКАЯ «КУЛЬТУРА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА*

Несмотря на огромное количество обобщающих исследований, среди специалистов нет четкого представления о номенклатурном статусе памятников ямной культуры Карпато-Поднестровья и, соответственно, — понимания их реального содержания в структурном отношении. В результате анализа ряда категорий инвентаря (сосудов буджакского типа, спиралевидных височных подвесок, трубчатых пронизей) выявлено их соотношение с погребальной обрядностью и определены особенности распространения в Карпато-Поднестровье. Поскольку группы погребений, выделенные на основе особенностей погребальной обрядности (и имеющие хронологическое значение), проявляют себя как относительно устойчивые сочетания качественных и количественных показателей, они являются отражением двух основных периодов в развитии ямной культуры Карпато-Поднестровья. Памятники Карпато-Поднестровья являются составной частью сложного культурного образования — ямной культурно-исторической общности. Поэтому, в номенклатурном отношении, за памятниками Карпато-Поднестровья было бы правильнее закрепить статус регионального образования с названием *Карпато-Днестровский региональный вариант* — по аналогии с Балканским, Потисским, Южнобугским и другими. В пределах же Карпато-Днестровского регионального варианта отчетливо выделяются два периода: ранний (днестровский) и поздний (буджакский).

Ключевые слова: Карпато-Поднестровье, эпоха бронзы, ямная культура, периодизация, картографический метод.

Сведения об авторе: Дергачев Валентин Анисимович, Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

Контактная информация: MD-2012, Молдова, г. Кишинев, бул. Штефан чел Маре, д. 1, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы; e-mail: dergacev@mail.ru.

Valentin Dergaciov

THE BUDJAK “CULTURE” THROUGH THE PRISM OF MAPPING ANALYSIS

Despite the huge number of summarizing studies, prehistoric archaeologists still do not have a clear idea neither of the precise definition for the Pit Graves sites situated between the Carpathians and the Dniester, nor, accordingly, of the real position these sites might have occupy within the entire structure of the Pit Graves complex. As a result of the study, a significant series of artifact categories, such as Budjak type vessels, spiral temple rings, tubular beads, etc., were found to be closely related with specific configurations of burial rites, and these sets of evidence were revealed to display special patterns of distribution within the area under study. The groups of graves identified thus far may surely mark sequential chronological phases; they are manifested in the form of relatively stable combinations of qualitative and quantitative signatures reflecting two principal stages of the Pit Graves Culture between the Carpathians and the Dniester. Hence, the burials in question are thought to form an integral part of the complex cultural phenomenon defined as the Pit Graves cultural and historical community. By definition, these burials are conceptualized here as those having status of a regional unit entitled *the Carpathian and Dniester regional aspect* of the Pit Graves

---

* Статья поступила в номер 30 мая 2021 г.
Принята к печати 15 июня 2021 г.

Culture, with more aspects located in the Balkans, by the Tisza River, by the Southern Bug River, and elsewhere. There have been two stages clearly distinguished within the Carpathian and Dniester sequence; these are: the early stage called 'Dniester' and the late one called "Budjak".

Key words: Carpathian-Dniester region, Bronze age, Yamnaya culture, periodization, mapping.

About the author: Dergaciov Valentin, Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova.

Contact information: MD-2012, Moldova, Kishinev, 1 Stefan cel Mare Bd., Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova; e-mail: dergacev@mail.ru.

Последние два десятилетия отчетливо обозначились очередным витком повышенного интереса, как со стороны восточно-европейских, так и западных специалистов в предыстории, к памятникам ямной культуры Карпато-Поднестровья. Ситуация вполне понятна и объяснима, если иметь в виду: 1 — особенности расположения региона, тысячелетиями выступающего в роли своего рода плацдарма или полигона взаимодействия разнокультурных сообществ Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы; 2 — существенно возросшую источниковедческую базу по ямной культуре этого региона и сопредельных областей; 3 — быстрое и интенсивное накопление новых данных, поставляемых точными науками (С14, ДНК и пр.).

Все это отражено в появлении целого ряда, с одной стороны — обобщающих работ, посвященных особенностям ямной культуры Карпато-Поднестровья (Субботин 2000; 2003; Иванова 2001; 2001—2002; 2013а и др.), а с другой — еще более внушительного числа исследований общего (культурно-исторического, интерпретационного) плана (Иванова 2012; 2013b; 2016; Ivanova 2013; Ivanova, Toshev 2015; Klochko et al. 2015; Клейн 2007; 2016; 2017; Kaiser 2019 и мн. др.). «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1: 31).

Парадоксально, однако, вот что. Вопреки большому числу опубликованных исследований до настоящего времени у специалистов нет четкого представления о самом номенклатурном статусе памятников ямной культуры Карпато-Поднестровья, и соответственно — понимания их реального содержания в структурном отношении. Иначе говоря, получается, что, не разобравшись (с источниковедческой точки зрения) во внутреннем содержании изучаемого явления, многие авторы впускаются в обширные общеисторические интерпретации, дезинформируя своих коллег (не владеющих в полной мере материалами), провоцируя тем самым нескончаемые бесплодные дискуссии.

Объясню вкратце ситуацию. К концу 60-х — началу 70-х гг. прошлого века, обобщив известные к тому времени для юга Восточной Европы источники, Н.Я. Мерперт впервые очертил общие пространственные границы ямных памятников и выделил их в особую культурно-историческую область (КИО), включающей девять относительно самостоятельных территориальных (локальных) вариантов, из которых памятники Карпато-Поднестровья были обозначены как представляющие юго-западный вариант этой области или общности (Мерперт 1968: 14—15, 38—39; 1974: 12—14).

Спустя два десятилетия, ознаменовавшихся интенсивной полевой деятельностью (приведшей к накоплению новых источников), вышла в свет работа Е.В. Ярового, представляющая первое целенаправленное монографическое исследование, посвященное осмыслению погребальной обрядности носителей ямной культуры рассматриваемого региона (Яровой 1985). Благодаря максимальному охвату известных материалов, свободному владению статистико-комбинаторными методами анализа данных, автору впервые удалось аргументировано обосновать вывод о наличии в рамках этой культуры двух относительно

самостоятельных хронологических горизонтов или периода: раннего — характеризующегося преимущественно скорченными погребениями на спине с поднятыми в коленях ногами (группа I) и позднего — отличающегося преобладанием скорченного положения на спине, с большим или меньшим наклоном на один из боков (группа II) и отчасти и сильно скорченными «лево-» или «правобочными» захоронениями (группа III) (Яровой 1985: 44—49, 109).

Буквально через год после выхода работы Е.В. Ярового была издана наша собственная монография, посвященная общей характеристике всех культур эпохи бронзы Молдавии, один из небольших разделов которой был посвящен самостоятельному анализу и характеристике ямной культуры (Дергачев 1986: 26—87). Располагая практически тем же объемом материалов (порядка 1200—1300 курганных комплексов), основываясь на собственных методических принципах анализа и осмысления данных, я пришел к весьма неожиданным результатам. Они, на мой взгляд, раскрывают внутреннюю периодизацию ямной культуры не только с точки зрения особенностей погребальной обрядности, но с учетом других конкретных категорий материалов, образующих определенные устойчивые сочетания. А это — условие, методологически гарантирующее объективность любых выделяемых структурных образований. Соответственно этому требованию, наши выводы были категоричными.

Ямная культура Карпато-Поднестровья вбирает в себя два относительно самостоятельных территориально-хронологических варианта или горизонта. Один из них, обозначенный нами как днестровский вариант, представляет ранний период развития этой культуры, распространяется на все пространство от левобережья Днестра до Восточных Карпат, отчасти включая низовья Дуная. Его характерные составляющие элементы: скорченное положение погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами (распавшихся обычно в левую (или правую) сторону или ромбом), сопровождающиеся относительно редким инвентарем: спиралевидными височными подвесками из серебра или меди, сосудами шаровидных форм с двумя ленточными ручками на тулове, каменными антропоморфными стелами, деталями от разобранных деревянных повозок.

Второй из выделенных нами вариантов, получивший название «буджакский», представляет поздний период этой культуры. В отличие от первого, комплексы этого периода характерны главным образом для степной зоны Днестровско-Прутского междуречья. Его отличительные особенности: преимущественно скорченное положение погребенных на спине с поворотом на один из боков (при строго определенном положении разных рук) — реже погребения в сильно скорченном положении на боку, сочетающиеся с достаточно обильным и разнообразным инвентарем, в состав которого входят: разнотипные сосуды, составные браслеты из свернутых в трубку тонких медных пластин, клиновидные кремневые топоры—тесла, костяные наконечники стрел (Дергачев 1986: 74—87).

Предложенные Е.В. Яровым и автором этих строк разработки касательно хронологических особенностей проявления погребальной обрядности сразу же привлекли к себе внимание коллег, в особенности — молодых, начинающих «курганщиков», обеспечив их диагностическими критериями многочисленных новооткрытых ямных погребений. Именно под влиянием оговоренных работ в 80—90-х гг. прошлого века в обиход вошли два самостоятельных термина в обозначении разновременных ямных погребений Карпато-Поднестровья: «древне-» или просто «ямные» погребения, под которыми обычно подразумеваются скорченные погребения на спине с поднятыми в коленях ногами, и «позднеямные», под которыми имеются в виду скорченные костяки с поворотом на один из боков или костяки в сильно скорченном положении. И эти термины широко используются до настоящего времени в работах публикационного характера.

Иначе сложилась судьба предложенного нами разделения ямной культуры на два самостоятельных хронологических варианта — днестровского и буджакского, отличающихся не только по обрядовым показателям, но и по целому комплексу других категорий материалов. Это предложение оговаривалось, цитировалось, но, по сути, оно так и осталось непонятым и невостребованным, и, со временем, приобрело сугубо ритуальный смысл, дескать — есть такое мнение в историографии.

Восприятие ямной культуры Карпато-Поднестровья еще больше деформировалось за последние 20 лет с приходом в эту тематику энергичной и плодотворной С.В. Ивановой, чьи исследования буквально захлестнули многочисленные археологические издания.

По мнению С.В. Ивановой, ямные памятники Северо-Западного Причерноморья представляют особую, самостоятельную — буджакскую культуру (*«в рамках ямной КИО»*), характерную для всего Карпато-Поднестровья (Иванова 2013а: 216). Хотя одновременно с этим, она предлагала совершенно другие — причем самые разные трактовки (Иванова 2014), на что обращал внимание Л.С. Клейн (2016: 6), и что, по нашему мнению, выдает ее неопределенность в этом вопросе.

С.В. Иванова считает, что буджакская «культура», эволюционировавшая на протяжении порядка 900 лет (3100/3000—2000/2100 BCE), представляет собой относительно монотонное культурное явление, практикующее один и тот же обряд погребения с обозначенной выше триадой (на спине с поднятыми в коленях ногами, скорчено с поворотом и сильно скорчено на боку). Благодаря длительному развитию и внешним влияниям, эта культура обогатилась своеобразным комплексом материалов, в большей или меньшей степени, характерных для всего ее существования.

Оценивая реальное состояние проблемы изучения культуры, автор признает, что *«вопросы внутренней хронологии памятников буджакской культуры слабо разработаны на сегодняшний день»*. Однако же, понимая алогичность представления о монотонности ее почти тысячелетнего развития (сопровождавшегося сменой целого ряда культур и культурных блоков), автор намечает три возможных этапа в ее развитии: ранний этап, развитый и заключительная фаза. К сожалению, как и во многих других случаях, обоснование выделенных этапов сводится к многословному, на наш взгляд, жонглированию одними и теми же признаками и показателями, преимущественно касающихся все той же погребальной обрядности. В результате, содержание выделенных этапов остается расплывчатым и неконкретным (Иванова 2013а: 219—223).

А в недавней работе, автор уже открыто признает наличие в рамках этой культуры двух этапов: *«ранний (3100—2600/2500 BCE) и поздний (2600/2500—2200 BCE)»* (Иванова 2020: 182). Но это признание, опять-таки, носит чисто декларативный характер, поскольку никаких разъяснений по этому поводу автор так и не дает. Думаю, это говорит о многом.

Перейдем же от описания сложившейся историографической ситуации к сути вопроса, предусматривающего освещение двух принципиальных моментов в понимании ямной культуры рассматриваемого региона: раскрытию внутренней хронологии или периодизации этой культуры, а вместе с тем и определению ее номенклатурного статуса. Для этого мы воспользуемся анализом всего трех типов изделий, представляющих в одном случае керамику, а в другом — два типа украшений, проанализированных через призму картографического метода.

В связи с последним — картографическим методом, хотелось бы отметить следующее. Картографирование — один из базовых методов археологического инструментария. Нет диссертации или сколько-нибудь значимой работы, чтобы «картографический метод» не был бы включен в раздел, посвященный методике исследования. Однако на практике

использование этого метода обычно сводится к одной—двум иллюстрациям, призванных отразить локализацию памятников той или иной культуры или — чаще определенной категории или типа изделий, и не более того. Привлечение же этого метода для решения более сложных задач, ориентированных на раскрытие внутренних составляющих элементов сложных структурных образований, подобно ямной культуре (что на уровне КИО, что на уровне ее Карпато-Днестровского варианта), пока мне не известны. Вот и продемонстрируем возможности этого метода применительно к интересующей нас проблеме.

Для начала обратимся к одной из форм сосудов, за которыми еще с момента их первых публикаций (Шмаглий, Черняков 1970), прочно закрепилось название — сосуды «буджакского типа». Обращение к сосудам этого типа оправдано двумя обстоятельствами. Во-первых, при общеизвестной редкости керамики в ямных комплексах, эта форма занимает одно из лидирующих мест. На данный момент, для порядка трех тысяч комплексов ямной культуры региона, нам известно чуть более 80 (археологически целых форм) экземпляров этих сосудов.

Второе обстоятельство — это одна из наиболее своеобразных, оригинальных форм, начисто отсутствующая как в предшествующих или последующих культурах данного региона, так и в одновременных культурах сопредельных областей. И именно эти обстоятельства побудили С.В. Иванову (и не только) обозначить эти сосуды как своего рода «визитную карточку», идентифицирующую «буджакскую культуру» в ее понимании. Остается лишь проверить в какой степени эта визитная карточка соответствует данной «культуре».

На рис. 1 мы постарались отобразить все разнообразие известных ныне сосудов буджакского типа. Как следует из этой иллюстрации, речь идет о чашевидных или баночных сосудах в большинстве своем конической — изредка подцилиндрической формы (рис. 1: 7, 23) с более или менее закругленным туловом. За одним исключением (рис. 1: 10), все они плоскодонные, притом, что около половины из них имеют отчетливо выделенный кольцевидный поддон (рис. 1: 1—5, 7—8, 12—13, 19—21, 26). Одним из обязательных морфологических элементов этих сосудов выступают, расположенные в верхней части тулова, ручки—налепы (одинарные или сдвоенные) с вертикальными отверстиями. Порядка двух третей этих сосудов орнаментировано оттисками шнура (изредка в сочетании с круглыми наколами), образующими сложные геометрические (рис. 1: 1—11) или простые линейные композиции (рис. 1: 12—16). В отдельных случаях этот орнамент был нанесен и на днища сосудов (рис. 1: 2).

С метрической точки зрения (рис. 2) эти сосуды проявляют себя как относительно компактная «гомогенная» группа изделий высотой от 8 до 18 см, при максимальном диаметре от 10 до 20 см. Любопытно, что если орнаментированные сосуды показывают сбалансированные пропорции (высота сосудов приблизительно равна их наибольшему диаметру), то неорнаментированные сосуды более приземистые (диаметр несколько больше высоты). Это свойство отчетливо проступает исходя из расположения их на точечной гистограмме (рис. 2) что, возможно, отражает разнообразие функций: орнаментированные — это исключительно парадные формы, вторые — сугубо утилитарные.

Помимо сосудов «стандартных» форм и размеров, изредка встречаются их воспроизведение в миниатюре (рис. 1: 29—30).

Обратимся к распространению этих сосудов. На приведенной карте (рис. 3) маленькими точками обозначены все местонахождения комплексов ямной культуры Карпато-Поднепровья и внешние границы их ареала непрерывной линией. Внутри ареала специальными знаками внесены пронумерованные местонахождения сосудов буджакского типа.

Что выясняется? Все местонахождения интересующих нас сосудов приходится исключительно на южную — степную зону ареала культуры, с наибольшей концентрацией в Нижнем Поднестровье и приморской части Днестровско-Прутского междуречья (рис. 3, прерывистая линия). Не считая двух местонахождений, занимающих крайне периферийные позиции в этой зоне (Мокра (№ 1) и Брэвичень (№ 28)), для остальной части ареала ямных памятников мы не располагаем ни одним таким сосудом.

Так что же получается? Сосуды, олицетворяющие саму буджакскую «культуру», на деле характерны только для степной ее зоны, исторически известной как Буджакская степь. Это обстоятельство оправдывает название, присвоенное нашим сосудам, но никак не всей «буджакской культуре» по С.В. Ивановой, распространяющей ее на все Карпато-Поднестровье (а может быть и шире?).

С точки зрения логики картографии все просто. Частичное или полное территориальное совпадение двух изучаемых явлений может означать только одно — эти явления разновременные, или иными словами — зона локализации буджакских сосудов в соотношении с общим ареалом ямной культуры Карпато-Поднестровья составляет некий хронологический срез. Остается лишь определить хронологическую направленность развития этих явлений, т.е. какое из этих явлений более раннее или наоборот — более позднее. Однако, прежде этого, вернемся к нашим сосудам и рассмотрим их контекст — т.е. особенности погребального обряда, характерные для комплексов, в которых они встречаются.

На данный момент мы располагаем данными о 67 комплексах с четко определяемыми позами погребенных, которые сопровождалась сосудах буджакского типа. Для наглядности приводим серию из половины известных случаев, отражающую все имеющиеся вариации — рис. 4¹.

Оказывается, что за исключением трех случаев, эти сосуды сопровождают погребенных, уложенных на спине с поворотом на один из боков (далее, для краткости — умеренно скорченных). Статистика такова: в 38 (55,9%) случаях это «левобочные» погребения (рис. 4: 1—18), из которых только два в сильно скорченном положении (Яски 2/5 и Приморское 1/34) рис. 4: 18), а в 26 (38,2%) случаях — «правобочные» (рис. 4: 19—32), из которых два в сильно скорченном положении (Слободзея 1/25 и Рэскоец Ной 2/12) (рис. 4: 31—32).

Исключение составляют два захоронения (2,9%), в которых сосуды сопровождали погребенных, скорченных на спине с вытянутыми вдоль тела руками и, вероятнее всего, с поднятыми в коленях ногами, распавшихся влево (рис. 4: 33—34), а также два (2,9%) случая с расчлененными костяками (рис. 4: 35—36).

Таким образом, выясняется, что сосуды типа буджак (за единичными исключениями) характерны только для погребенных, уложенных в скорченном положении с большим или меньшим поворотом на один из боков (левый или правый). Показательно, что оба варианта поз дают достаточно близкие количественные показатели (38 к 26). Более того, близко сходной является и их ориентация, с одной стороны — в северном диапазоне (от 310° до 75°), во втором — юго-западном (от 135° до 285°) (рис. 5).

Из установленной взаимосвязи получается, что степная зона, в отличие от остальной части ареала ямной культуры региона, отличается не только своеобразной керамикой (сосудами типа буджак), но и своим особым погребальным обрядом (умеренно и реже — сильно скорченными погребениями). Соответственно возникает очередной вопрос. Как же

---

¹ Обращаем внимание, что в этой иллюстрации и «левобочные», и «правобочные» погребения сгруппированы с учетом их ориентации в северном или в юго-западном диапазонах.

тогда понимать место погребений с захоронениями на спине с поднятыми в коленях ногами, которые сполна имеются как в степной, так и лесостепной зонах региона? Они что — представляют другую культуру?

И здесь мы снова выходим на уже сформулированное выше предположение/вывод — скорченные погребения с буджакскими сосудами и скорченные погребения на спине с поднятыми ногами (без подобных сосудов) различны во времени, т.е. представляют два разных периода или этапа одной и той же культуры, по крайней мере, в степной буджакской зоне, что полностью противоречит предложенной С.В. Ивановой трактовке этой культуры и, на наш взгляд, лишают ее всяких оснований.

Вернемся к вопросу возможной хронологической последовательности намеченных разновременных хронологических вариантов. Следуя логике картографического метода, для раскрытия хронологической направленности развития двух изучаемых явлений или структур, достаточно определится с хронологической позицией хотя бы одной из них (более ранней или более поздней). Поскольку определившись с хронологией одной из них, мы автоматически получим сведения о хронологической позиции второй, поскольку третьего здесь не дано.

Для решения этого вопроса, учитывая особенности источниковедческой базы, мы обратимся к тем же материалам, т.е. к данным уже известных для степной — буджакской группы. Аргументов в пользу того, что эта группа составляет поздний горизонт ямной культуры, не только степного, но и всего Карпато-Поднестровья — предостаточно.

Из уже упомянутых работ, посвященных рассмотрению и детальной классификации погребальной обрядности ямной культуры (Мерперт 1974; Яровой 1985; Дергачев 1986), достоверно и неопровержимо известно, что обряд погребения скорченно на спине с поднятыми в коленях ногами возник на востоке. А в Карпато-Поднестровье он появился лишь с проникновением этих племен в этот регион, распространившись как в степной, так и лесостепной зонах. Поскольку буджакская группа демонстрирует явное преобладание скорченного «лево-» или «правобочного» обряда погребения, из вышесказанного однозначно вытекают два вывода. Во-первых, обряд погребения скорченно на боку является относительно более поздним по отношению к погребениям на спине с поднятыми в коленях ногами, а, во-вторых, буджакские памятники, соответственно более поздние по отношению к остальным памятникам как степной, так и лесостепной зон.

Другой принципиальный аргумент. Погребения со скорченными костяками, за редкими исключениями, не представлены основными — центральными погребениями и, как правило, впущены в насыпи с основными скорченными на спине погребениями. Если же эти насыпи и содержат основные скорченные на боку погребения, они не дают впускных погребений, скорченных на спине (разумеется, за редкими исключениями) или же вообще не содержат никаких впускных захоронений.

Приведем конкретные примеры. На 74 кургана с 80 погребениями (содержащих 82 сосуда буджакского типа), только в четырех курганах погребения с этими сосудами являются основными — центральными. Во всех остальных случаях они впущены в более древние насыпи.

Но что при этом примечательно. Курган 1 у с. Григорьевка (рис. 6: А) с основным скорченным погребением и сосудом буджакского типа содержал еще шесть впускных ямных захоронений (расположенных по кругу) совершенных по тому же обряду что и центральное — т.е. скорченно на боку. И среди них — ни одного скорченного на спине с поднятыми в коленях ногами. А три других кургана могильника Маяки IV (рис. 6: В—D) с основными —

центральными захоронениями и сосудами буджакского типа не содержат ни одного ямного впускного погребения, что явно говорит о кратковременности их использования.

Важным аргументом в пользу поздней даты буджакских комплексов представляется планиграфия или, иначе говоря — горизонтальная стратиграфия, курганов, содержащих по три—четыре насыпи и включающих по 20—30, а порой и более разновременных и разнокультурных захоронений, в особенности в тех случаях, когда их вертикальная стратиграфия не была зафиксирована в процессе раскопок.

Как хорошо известно, носители и ямной, и катакомбной культур (хотя не только) практиковали сооружение собственных курганов. Но, наряду с этим, они очень часто впускали погребения своих умерших и в уже существующие курганы своих предшественников с более или менее значительной досыпкой. Погребения впускали в центральные части насыпей, но, чаще всего, по их краям по определенному плану или принципу — в основном, по дуге. Расстояния же от центра напрямую зависело от размеров кургана на момент погребения. Соответственно, расположение по дуге разновременных захоронений одной и той же долго развивающейся культуры, или в соотношении, скажем с последующими ей во времени комплексами катакомбной культуры, неизбежно должны отражать их относительную хронологию. Это что-то наподобие годовых колец, фиксирующих циклический прирост тканей дерева (и, соответственно, возраст), только в этом случае разность во времени может быть от недели—месяца до нескольких десятилетий или даже столетий.

Приведем лишь четыре, на наш взгляд, наглядных примера (рис. 7)², в подборе которых мы руководствовались несколькими условиями. Это должны быть: 1 — долговременные курганы с несколькими насыпями; 2 — курганы, содержащие скорченные погребения на спине и (с высокой долей вероятности) поднятыми в коленях ногами, а также погребения буджакской группы, т.е. скорченные с поворотом на бок и сочетающиеся или с уже известной нам формой сосудов, или другими изделиями, о которых речь пойдет ниже (украшениями, костяными наконечниками стрел, кремневыми топорами—теслами и пр.).

Курган 17 у с. Никольское (рис. 7: А). Его основное погребение (42) — ямное, на спине с поднятыми коленями. Содержит еще четыре впускных подобных захоронений (25, 28, 44 и 47) и четыре буджакского типа (7, 43, 45—46), из которых одно с сосудом типа буджак (рис. 7: А: 2—6). Первые четыре погребения впущены в пределах первой, зафиксированной при раскопках, насыпи, вторые — за ее пределами (рис. 7: А: 1). Вывод напрашивается: последние, буджакские — более поздние чем первые, совершенные на спине с поднятыми в коленях ногами.

Курган 1 у с. Глубокое (рис. 7: В). Первичное погребение (16) — усатовское. Включает 17 ямных захоронений, из которых: 6 — на спине с поднятыми в коленях ногами (5, 7, 9, 14, 21, 26), 7 — буджакского типа (11—13, 22—25) и 4 — кенотафа или типологически неопределенные (6, 15, 19—20). Из первой группы — скорченных на спине, три впущены в пределы усатовского кромлеха (5, 9, 14), а три — к востоку, в непосредственной близости от кромлеха. В отличие от них, захоронения буджакского типа: в одном случае (22) впущено в пределы кромлеха, а в шести других — расположено в западной половине кургана по дуге (12, 13, 23—24) и в двух случаях несколько обособлено (11, 25). Если от центра кургана прочертить две окружности, соответствующие планировке этих погребений видно, что курган, помимо исходной насыпи, окруженной каменным кромлехом, включал, по крайней

---

² На планах курганов сохранены только интересующие нас погребения: из которых изначальные — усатовские и/или ямные на спине с поднятыми коленями и хронологически неопределенные кенотафы отражены тонкими контурами, предположительно буджакские — жирными, а катакомбные — тонкими линиями, заполненные серым фоном.

мере, еще две насыпи (зафиксированные в профиле кургана, но не отраженные в горизонтальном плане). В ближайшей по отношению к центру насыпи — три захоронения на спине (7, 21 и 26) и одно буджакского типа (13), а в периферийном — одно на спине (6) и пять буджакских (11, 12, 23—25) (рис. 7: В: 1). Показательно то, что в числе последних — погребение, сопровождающееся типичным буджакским сосудом и составным медным браслетом, которые рассмотрим ниже (рис. 7: В: 2—11). Учитывая крайне отдаленное от центра положение большинства буджакских захоронений по сравнению с захоронениями на спине с поднятыми коленями, получается, что первые относительно более поздние по времени, нежели вторые.

Курган 9 у с. Нерушай 9 (рис. 7: С). По полевым наблюдениям состоял из четырех насыпей, первая из которых связана с основным усатовским захоронением (82). Включал, по крайней мере, 12 ямных захоронений, из которых 6 — скорченных на спине с поднятыми в коленях ногами (9, 16, 31—32, 37, 60) и 6 — скорченных на спине с поворотом на один из боков (включая два с типично буджакскими сосудами (56, 74, 76, 81, 84—85))³. К сожалению, кроме погребений с сосудами, остальные погребения буджакских захоронений не были проиллюстрированы в публикации (рис. 7: С: 2—6). Как следует из плана кургана (рис. 7: С: 1), погребения на спине с поднятыми коленями приходятся на первую и вторую насыпь кургана, а все буджакские захоронения занимают почти всю западную полуокружность в пределах четвертой насыпи. Вывод: они более поздние по времени, чем первые.

Особый интерес вызывает курган 2 у с. Холмское с хорошо документированной вертикальной стратиграфией и содержащий репрезентативную серию как ямных, так и катакомбных погребений (рис. 7: D). К сожалению, иллюстрация основного — первичного погребения кургана отсутствует. Согласно отчету и описанию в имеющейся публикации (Черняков и др. 1986: 80—81), захороненный якобы лежал «в скорченном положении на спине... Ноги, согнутые коленями вверх, упали влево». Однако из описания положения рук — «Правая рука согнута в локте и кистью положена на левую часть тела, левая вытянута вдоль туловища» легко реконструируется, что фактически, речь идет о типично буджакской позе — на спине с разворотом на левый бок. Соответственно, все остальные погребения ямной культуры кургана также относятся к буджакскому типу, что полностью подтверждается позами погребенных и их инвентарем (формы сосудов, медные трубчатые пронизи, костяной наконечник стрелы) (рис. 7: D: 2—13, 15—18).

Главное здесь — соотношение буджакских погребений с катакомбными, которые, как следует из горизонтального плана (рис. 7: D: 1), были впущены по одной и той же или близкой дуге в южной периферии кургана и, что само по себе предполагает их близость во времени или даже частичную одновременность. И лучшее подтверждение тому — прямая стратиграфия зафиксированная для погребения ямной культуры 17, перекрытого катакомбным захоронением 24. Привожу описание ситуации: «Погребение 24... частично перерезало его [погребения 17 — прим. автора, В. Д.] камеру, оказавшись чуть выше ее пола. Во время совершения погребения 24 деревянное перекрытие погребальной камеры 17 еще не успело сгнить, а камера — заполниться землей. Это позволило частично использовать пустоту для нового погребения 24. Рухнувшее позднее деревянные части перекрытия погребения 17 упали на костяк погребения 24» (Черняков и др. 1986: 77). Таким образом, частичное сосуществование носителей позднеямных памятников с носителями катакомбной культуры не оставляет сомнений. А это, в свою очередь, подтверждает гипотезу о том, что

³ Культурная принадлежность погребения 49 с остродонным сосудом, украшенным зубчатым штампом, остается неясной.

буджакские памятники по отношению к ямным комплексам с обрядом погребения скорченно на спине являются позднейшими.

Два других случая документирующих частичное сосуществование носителей буджакских и катакомбных памятников, — впускное захоронение 31 кургана 17 у с. Вишневое, совершенное в «классической» катакомбе с погребенным в типично буджакской позе, с типично буджакским сосудом (рис. 8: 1). Второй случай — погребение 10 кургана 2 у с. Беляевка с вытянутым погребенным в не совсем типичной катакомбе (с точки зрения сооружения), во входной шахте и камере которого находились фрагменты одного и того же сосуда буджакского типа (рис. 8: 2).

В качестве косвенного аргумента в пользу позднего времени буджакских памятников могут послужить и два сосуда, обнаруженных в курганах низовьев Южного Буга в погребениях со скорченными на боку костяками (рис. 8: 3—4) по обряду, который, согласно разработкам О.Г. Шапошниковой, характерен для двух позднейших (III и IV) обрядовых групп ямной культуры Южнобугского варианта (Шапошникова и др. 1986: 51).

Если резюмировать выводы о территориальном и стратиграфическим проявлениям погребений с сосудами буджакского типа, напрашивается единственное заключение — эти памятники в сравнение с комплексами со скорченными на спине и поднятыми в коленях ногами являются более поздними и представляют особый хронологический вариант ямной культуры степной зоны Карпато-Поднестровья.

А сейчас для верификации этой гипотезы обратимся к другой категории материалов — украшениям. Речь идет о двух наиболее распространенных типах украшений ямной культуры рассматриваемого региона: спиралевидных височных подвесках и составных браслетах (рис. 9: А).

Височные подвески. По форме подразделяются на два разных типа: спиралевидных в один—полтора витка до четырех—пяти витков (рис. 9: А: 1—8) и рога-likeобразных в виде несомкнутого кольца, несколько утолщенного в средней части (рис. 9: А: 9—11). Первые численно доминируют и чаще всего изготовлены из серебра, реже из меди и, изредка — из золота. Их диаметр колеблется от 0,5 до 1,2—2 см, при диаметре проволоки от 1 до 3—4 мм. Рога-likeобразные подвески встречаются редко, обычно изготовлены из серебра, их диаметр составляет около одного см.

Для Карпато-Поднестровья нам известно 96 комплексов, содержащих по одной, чаще — двум, а иногда и по три-пять экземпляра. Соответственно их общее число составляет около 150 экземпляров, из которых 137 — спиралевидных и 11 рога-likeобразных. Неполная расшифровка местонахождений этих изделий имеется в работе Л.В. Субботина (2003: 34.). Еще десять комплексов известно для Валахии, в жудеце Прахова (севернее Бухареста) с десятью спиралевидными и пятью рога-likeобразными подвесками (рис. 10: 8—106). Далее на запад в курганах Правобережья Дуная эти подвески встречаются редко, но хорошо представлены в известном грунтовом могильнике у г. Зимнич жудеца Телеорман (рис. 10: 107—109).

Как правило, эти подвески находят у височных костей, а характерны подвески преимущественно для детских захоронений, хотя присутствуют и в мужских, и в женских.

Обратимся к географии и контексту. Как следует из рис. 10, височные подвески «разбросаны» по всему ареалу ямной культуры Карпато-Поднестровья с заметными концентрациями в степной Причерноморской зоне и в пределах Нижнего и Среднего Днестра и Прута, отчасти в Нижнем Подунавье. Проще говоря, речь идет о всем пространстве, для которого зафиксировано наличие памятников ямной культуры (рис. 10: мелкие точки).

А что же контекст? Он отражен в двух иллюстрациях, в которых включены 47 комплекса (из 109), с уверенно определенными позициями погребенных и содержащих височные подвески (рис. 11 и 12).

Первое на что следует обратить внимание в этих иллюстрациях — редкость сопутствующего височным подвескам инвентаря. Это всего шесть—семь сосудов (рис. 11: 4, 14, 20—21, 12: 1, 10, 16), четыре—пять единиц орудий труда, оружия или украшений (рис. 11: 15, 20; рис. 12: 9, 15) и в двух случаях — колеса от деревянных повозок (рис. 11: 21—22). И это все — на 47 погребений.

Главное же здесь другое — соотношение подвесок с особенностями погребальной обрядности. А статистика для 47 погребений Карпато-Поднестровья (без Валахии) такова: в 34 случаях (72,3%) височные подвески сопровождали погребенных в скорченном положении с поднятыми в коленях ногами (рис. 11: 1—22, 12: 2—3, 5), в 8 (17,0%) случаях — скорченных на спине с поворотом на правый бок или в сильно скорченном положении (рис. 11: 23—27) и в 5 (10,6%) случаях — скорченно на левом боку (рис. 11: 28—30, 12: 4). Таким образом, выясняется что, если рассмотренные ранее сосуды буджакского типа сочетаются с погребенными уложенными скорченно на боку (94,1%) и только в двух случаях на спине с поднятыми в коленях ногами (2,9%), то височные подвески демонстрируют противоположное соотношение — 27,6% — скорченно на боку, 72,3% — скорченно на спине с поднятыми коленями.

Составные браслеты. Отличаются простой формой в виде округлых трубочек или несколько уплощенных обоймочек или скобок, свернутых внахлест из тонких медных пластин. Первые, очевидно, свободно нанизывались на шнурки, вторые, по-видимому — закреплялись на шнурочках либо ремешках неподвижно. Их длина варьирует от 0,5 до 5—6 см при диаметре от 0,3 до 0,6 см (рис. 9: В: 1—2, 4—5), а в случае уплощенных их сечение составляет приблизительно $0,2 \times 0,5$ —1 см (рис. 9: В: 3).

Для Карпато-Поднестровья известно 63 комплекса (рис. 13: 1—63), содержащим от одной до шести—семи подобных пронизей. Соответственно, их общее число насчитывает 128 экземпляров. Как и в случае с височными подвесками, неполный перечень местонахождений этих изделий имеется в работе Л.В. Субботина (2003: 33—34). Помимо этого, еще пять комплексов с подобными изделиями известны для курганов Праховской группы (рис. 13: 64—68).

В отличие от спиралевидных подвесок, составные браслеты носились на запястьях обеих рук, приблизительно в равном соотношении, и, похоже, встречаются во всех трех половозрастных группах: детских, женских и мужских захоронениях. Хотя, из-за недостаточности антропологических определений последнее утверждение еще нуждается в уточнении. Только в единичных случаях трубочки или обоймочки найдены в области черепа, вероятно использовавшихся в качестве подвесок или в составе нагрудных украшений.

Но что же выясняется в пространственном плане? В отличие от височных подвесок (рис. 10), составные браслеты, за двумя—тремя исключениями (рис. 13: 1, 54—55), характерны только для степной зоны. И в этом отношении их ареал полностью совпадает с ареалом распространения сосудов буджакского типа (рис. 3).

Сходство, с одной стороны с буджакскими сосудами, а с другой — различие со спиралевидными подвесками отчетливо обнаруживаются и по контекстуальным признакам, как с точки зрения сопутствующего инвентаря, так и по погребальной обрядности.

На рис. 14 представлены иллюстрации 39 (из 64) комплексов, содержащих медные пронизи и другой инвентарь, происходящий из погребений с надежно документированными позами захороненных.

Сравнивая эти данные с данными по спиралевидным подвескам, легко заметить существенную разницу по численности и категориям инвентаря. Как уже отмечалось, комплексы с височными подвесками содержат единичные сосуды, оружие или орудия труда и детали повозок (рис. 11—12). Комплексы с медными пронизями чуть ли в каждом втором случае сопровождаются разнообразной керамической посудой (рис. 14). При этом, одной из ведущих форм здесь явно выступают сосуды буджакского типа (рис. 14: 3, 5, 10, 20). Чаще встречается оружие и орудия труда, из которых особого внимания заслуживают кремневые топоры—тесла и костяной наконечник стрелы (рис. 14: 3, 9).

Различия между сопоставляемыми группами по погребальной обрядности также ярко выражены. Как мы уже знаем, сосуды буджакского типа, как правило, сопровождают погребенных в скорченном положении на правом или левом боку — 38 + 26 (94,1%) и только в двух (2,9%) случаях — погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами. Близкие показатели и у комплексов с медными пронизями, которые сочетаются со скорченными «лево-» или «правобочными» (24 + 11) в 35 (81,4%) захоронениях и лишь 8 раз (18,6%) с погребенными на спине с поднятыми коленями.

Другое дело — соотношение этих двух групп с погребениями, содержащими височные подвески. В 34 (72,3%) случаях они сопровождают захороненных на спине с поднятыми в коленях ногами и только в 11 (27,7%) — погребенных в скорченном на боку положении. Для наглядности описанная ситуация графически отражена на рис. 15.

Из изложенного логически вытекает один единственный вывод — комплексы с буджакскими сосудами вместе с комплексами с медными пронизями представляют особую, обособленную от комплексов с височными подвесками, группу. А суть этой разницы можно объяснить только за счет их относительной асинхронности; разновременность, при которой первые являются более поздними, а последние — более ранними.

И здесь мы можем привести очередные новые аргументы в пользу подобной трактовки. Один из главных аргументов связан с историей происхождения и распространения самих спиралевидных височных подвесок.

Следуя исследованиям Т. Штелльнера (Stöllner 2016), мода на золотые спиральные подвески зародилась еще в IV тыс. до н.э. в Закавказье в ареале куро-араксской культуры (рис. 16). На протяжении второй половины того же тысячелетия в разных вариантах кольцевидные и спиралевидные подвески появляются в майкопской культуре Северного Кавказа, в которой они известны по многочисленным и разнообразным вариантам и изготовлены преимущественно из золота (рис. 17: А: 1—19, В: 1—21).

С распространением майкопских влияний на север и северо-запад эти украшения проникают в ареал древнеямной культуры, что засвидетельствовано курганным погребением у с. Павловское, в котором серебряная спиралевидная подвеска найдена совместно с топором майкопского типа (Синюк 1983: 25, рис. 8: 7, 10).

Однако более всего эти изделия (преимущественно из серебра) распространяются на западе, где они широко представлены в памятниках типа Койсуг-Константиновка (рис. 17: А: 20—33, В: 24—37), животиловского и постмариупольского типов (рис. 17: А: 34—42, В: 38—48) и, в особенности, в памятниках позднего Триполья типа Усатово и Гординешты (рис. 17: А: 43—54, В: 49—58).

Трудно сказать, привнесли ли ямные племена, проникнув в пределы Карпато-Поднестровья, эти украшения из степной зоны, или же они заимствовали их у местного усатовского населения на этапе их вытеснения или в результате ассимиляции? Факт, однако, остается фактом — для рассматриваемого региона это одни из наиболее древних височных подвесок.

Иначе оцениваются хронологические позиции трубчатых пронизей к составным браслетам. Да, отдельные трубчатые пронизи или скобковидные обоймочки из тонких медных пластин известны для разных культур начиная с раннего энеолита (к примеру составной браслет из Кэрбунского клада) и в более поздних культурах. Однако во всех этих культурах подобные изделия встречаются в единичных экземплярах. Применительно к эпохе бронзы юга Восточной Европы памятники буджакского типа представляют первый, наиболее ранний и единственный случай, когда мода на эти украшения приобрела массовый характер, т.е. культурное значение. Соответственно, взятые в сравнении со спиралевидными подвесками с их длительной историей развития, хронологические позиции составных медных браслетов определяются как более поздние.

Другой веский аргумент в вопросе о хронологическом соотношении рассматриваемых групп — их стратиграфическое положение (рис. 18).

Ранее уже было отмечено, что из 74 курганов с комплексами с сосудах буджакского типа, лишь в четырех из них (5,4%) эти погребения являются основными — первичными, а все остальные — впускные, т.е. совершены в более древних курганах (рис. 18: 3: *A—B*). Сходное соотношение дают и погребения с медными пронизями. Из 59 надежно документированных случаев только два (3,4%) являются основными, а все остальные (96,6%) — вторичные, впускные (рис. 18: 2: *A—B*).

Иначе проявляют себя погребения со спиралевидными височными подвесками. Из 82 учтенных комплексов, 35 из них (42,7%) являются основными, а остальные 47 (57,3%) — вторичными, впускными (рис. 18: 1: *A—B*).

Таким образом, что с позиций хронологии спиралевидных подвесок и медных пронизей к составным браслетам, что с позиций их стратиграфического соотношения, мы неизменно приходим к одному и тому же выводу — погребения со спиралевидными подвесками являются относительно более ранними, а погребения с буджакскими сосудах и медными пронизями — более поздними.

Итак, мы проанализировали территориальное и хронологическое проявление всего лишь трех типов изделий (сосудов типа буджак, спиралевидные подвески и пронизи к составным браслетам) с учетом особенностей погребальной обрядности содержащих их комплексов. Для полноты картины в этот анализ следовало бы включить еще целый ряд категорий и типов изделий, работающих на раскрытие внутренней периодизации ямной культуры рассматриваемого региона. Они были нами определены еще 40 лет назад. Речь идет об антропоморфных стелах, остатках повозок и, конечно же, о целой серии форм керамики (Дергачев 1986: 75, 84, рис. 18, 19). Однако привлечение большого объема нового, накопившегося за последние десятилетия керамического материала, предполагает предварительную разработку ее классификации, что, разумеется, не входит в задачу данной статьи.

Поэтому для более полной ориентации читателя, здесь мы ограничимся двумя сводными иллюстрациями, составленными на основе соотношения разных категории и типов изделий из разнотипных погребений: с одной стороны — скорченными на спине с поднятыми в коленях ногами, а с другой — скорченными на спине с разворотом на один из боков или — просто скорченными на боку, т.е. речь идет о позах имеющих, как известно, хронологическое значение. Прокомментируем вкратце эти иллюстрации.

Категории и типы сочетающиеся или коррелирующие со скорченными на боку погребениями — рис. 19. Погребения, в целом, отличаются чрезвычайно богатым и разнообразным инвентарем.

Особым разнообразием выделяется керамический комплекс, который в большинстве своем включает оригинальные (т.е. отсутствующие в других культурах) формы, представленные к тому же десятками экземпляров. Это чашевидные формы: с двумя ручками—налепами с вертикальными отверстиями — рис. 19: I: 1—7 или без таковых — рис. 19: I: 8—15; миски конические — рис. 19: I: 16—18 или полусферические — рис. 19: I: 19—23.

Сполна представлены амфоровидные сосуды: с налипными ручками—упорами с вертикальными отверстиями — рис. 19: II: 1—11 и амфоры высоких пропорций с ленточными ручками — рис. 19: II: 12—17.

Своеобразны относительно многочисленные кубковидные формы — рис. 19: III: 1—7), аски — рис. 19: IV: 1—4; кувшины — рис. 19: IV: 5—6 и одноручные кружки—чаши — рис. 19: IV: 7—12.

Внимание обращают на себя своеобразный комплекс орудий труда и оружия: кремневые топоры—тесла — рис. 19: V: 1—4 и костяные наконечники стрел — рис. 19: IV: 5—7.

О своеобразии комплекса украшений сказано достаточно (рис. 19: VI: 1—3). Из других категорий инвентаря сравнительно редко сопровождающих скорченные на боку захоронения следует упомянуть антропоморфные стелы — рис. 19: VI: 4—7 и детали от повозок — рис. 19: VI: 8—9.

Совершенно другую картину демонстрирует инвентарь, сопровождающий погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами — рис. 20. В отличие от группы рассмотренной выше, эти погребения не обнаруживают собственных форм — чашевидных и/или мисковидных сосудов. Единственным исключением здесь является чаша с S-образным профилем явно импортного происхождения (рис. 20: I: 1).

Не лучшим образом обстоит дело и с амфоровидными сосудами. Единичны в этих погребениях амфоры с ручками—налепами с вертикальными отверстиями, определено заимствованные от носителей ранее охарактеризованной группы — рис. 20: II: 1—4). Редкими экземплярами представлены импортные сосуды культуры шаровидных амфор — рис. 20: II: 5—8, встречающиеся на Среднем Пруте. Также единичными являются амфоры высоких пропорций — рис. 20: II: 12—11 и амфоры с шаровидным туловом — рис. 20: II: 12—14. Сказанное в равной степени касается кубковидных форм, асков и кувшинов, в единичных случаях встречающиеся в комплексах степной зоны — рис. 20: III: 1—4 и рис. 20: IV: 1—2.

Эти памятники сопровождают орудия труда и оружие из камня (топоры), кремня (наконечники стрел, ножи) или меди—бронзы, но они единичны и к тому же, носят общекультурный или «эпохальный» характер, поэтому заполнить эту колонку практически нечем — рис. 20: V.

Наиболее частыми и своеобразными для этой группы выступают три основные категории инвентаря, относящиеся к «общему» культурному горизонту. Это, уже известные, спиралевидные подвески — рис. 20: VI: 1—3; антропоморфные стелы — рис. 20: VI: 4—9 и детали от повозок — рис. 20: VI: 10—15, концентрирующиеся преимущественно в степной зоне, но в определенной степени присутствующие и в лесостепной зоне.

Поскольку, рассмотренные группы выстроены на основе особенностей погребальной обрядности (имеющей хронологическое значение), они проявляют себя как относительно устойчивые сочетания своеобразных качественных и количественных показателей. Поэтому нетрудно догадаться, что они, по сути, и есть отражение двух основных периодов в развитии ямной культуры Карпато-Поднестровья: раннего — представленного на рис. 20 и позднего — представленного на рис. 19.

Выводы. Как составная часть сложного культурного образования — ямной культурно-исторической области (или общности), в номенклатурном отношении, за памятники Карпато-Поднестровья, вопреки рекомендациям Л. С. Клейна (2016: 6), думается, было бы правильнее закрепить статус регионального образования, с названием — Карпато-Днестровский региональный вариант, в отличие от Балканского, Потисского, Южнобугского или других региональных вариантов более восточных территорий.

В пределах же Карпато-Днестровского регионального варианта, памятники можно отчетливо разделить на два периода: ранний, условно скажем — днестровский и поздний — буджакский, с акцентом не столько на их территориальную обособленность, сколько на их хронологические различия.

Литература

- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Иванова С.В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Иванова С.В. 2001—2002. Бинарные оппозиции в погребальном обряде ямной культуры. *Stratum plus* 2, 308—316.
- Иванова С.В. 2012. Об истоках формирования буджакской культуры. *ССПК XVI*, 48—62.
- Иванова С.В. 2013а. Ямная (Буджакская) культура. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМІЛ, 211—254.
- Иванова С.В. 2013b. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад-Восток. *Stratum plus* 2, 199—257.
- Иванова С.В. 2014. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. *РА* 2, 5—20.
- Иванова С.В. 2016. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке. В: Алёкшин В.А. (отв. ред.). *Внешние и внутренние связи (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н.э.)*. *Круглый стол, посвященный 80-летию С.Н. Братченко*. Санкт-Петербург. 14—15 ноября 2016 г.). *Материалы*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 59—64.
- Иванова С.В. 2020. Імпорт або імітація: про особливості буджакської культури Північно-Західного Причорномор'я. *АДІУ* 4(37), 182—198.
- Клейн Л.С. 2007. *Древние миграции и происхождение индоевропейских народов*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Клейн Л.С. 2016. Ямная, буджакская и ДНК. В: Алёкшин В.А. (отв. ред.). *Внешние и внутренние связи (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н.э.)*. *Круглый стол, посвященный 80-летию С.Н. Братченко*. Санкт-Петербург. 14—15 ноября 2016 г.). *Материалы*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 6—13.
- Клейн Л.С. 2017. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья). *Stratum plus* 2, 361—376.
- Мерперт Н.Я. 1968. *Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.)*: дисс. ... д-ра ист. наук. Москва: ИА АН СССР.
- Мерперт Н.Я. 1974. *Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья*. Москва: Наука.
- Петренко 2007: Личный архив В.А. Дергачева. Петренко В.Г. Отчет Приднестровской экспедиции о раскопках в 2006 г. второго Беляевского кургана. Одесса. 2007.
- Синюк А.Т. 1983. *Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский курган*. Воронеж: Воронежский университет.
- Субботин Л.В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. *Stratum plus* 2, 350—387.
- Субботин Л.В. 2003. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. *Материалы по Археологии Украины* 1.
- Черняков и др. 1986: Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. *Холмские курганы*. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 53—96.

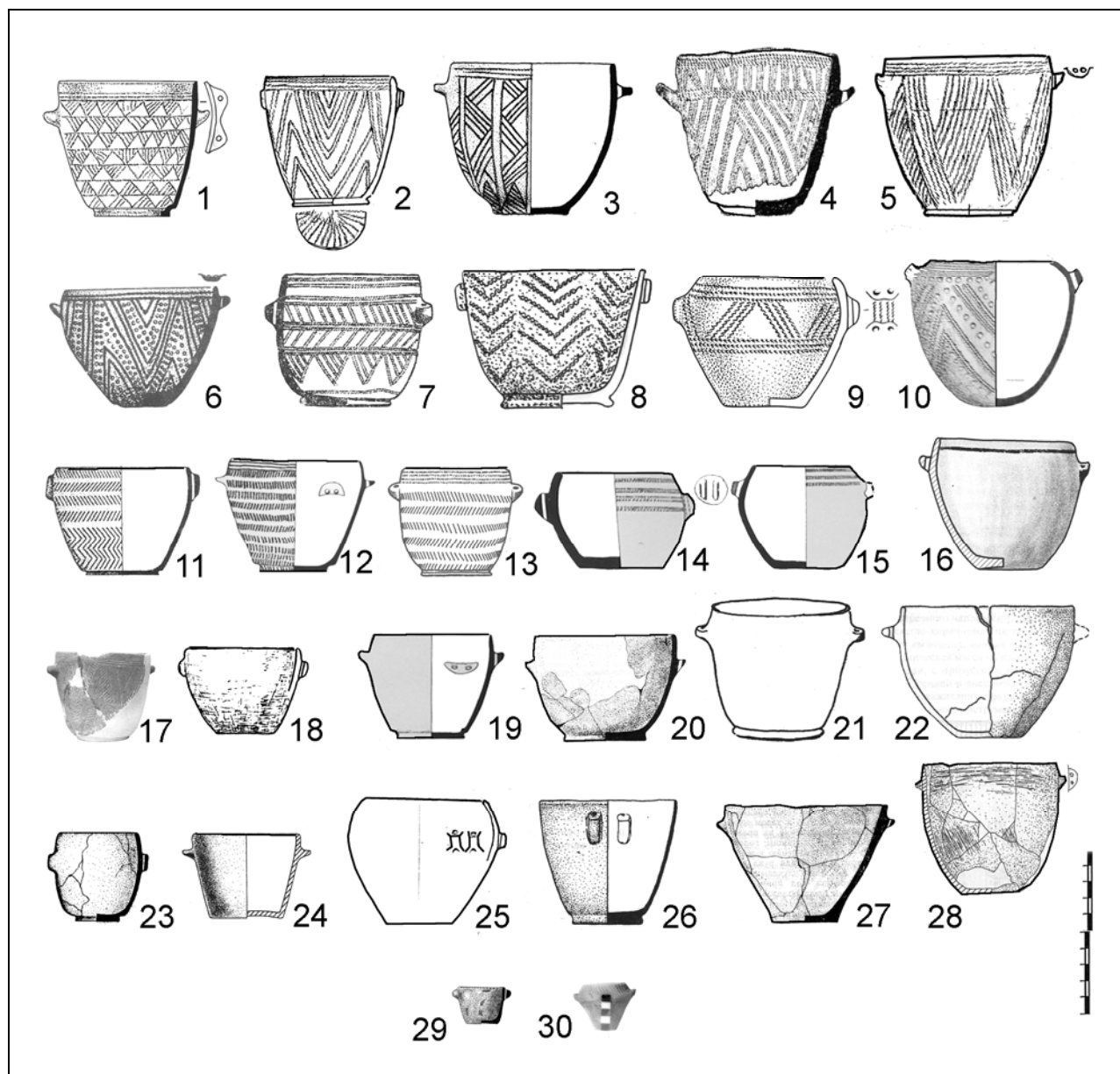
- Шапошникова и др. 1986: Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. *Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант)*. Киев: Наукова думка (САИ В1-3).
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1970. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1965 гг.). *МАСП* 6, 5—115.
- Яровой Е.В. 1985. *Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда)*. Кишинев: Штиинца.
- Ivanova S.V. 2013. Connection between the Budzhak Culture and Central European groups the Corded Ware Culture. *BPS* 18, 86—120.
- Ivanova S.V., Toshev G.N. 2015. Late Eneolithic and Bronze age Prologue Pontic societies Forest-Steppe middle Dniester and Prut drainage basins in the 4Th/3Rd2Nd millenniuv DCŞ F History of investigations. *BPS* 20, 7—39.
- Kaiser E. 2019. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische studien zu prähistorischer subsistenzwirtschaft und interaktion mit benachbarten räumen. *Berlin Studies of the Ancient World* 37.
- Klochko et al. 2015: Klochko V., Koško A., Potupchyk M., Włodarczak P., Żurkiewicz D., Ivanova S. 2015. Tripolye (Gordinești group), Yamnaya and Catacomb Culture Cemeteries. Prydnistrianske. Site I, Yampil region, Vinnitsa oblast: an Archaeometric and Chronometric Description and a Taxonomic and Topogenetic Discussion. *BPS* 20, 183—255.
- Stöllner T. 2016. The Beginnings of Social Inequality: Consumer and Producer Perspectives from Transcaucasia in the 4th and the 3rd Millennia BC. In: Bartelheim M., Horejs B., Krauß R. (Hrsg.) *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka*. Raden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 209—234 (Oriental and European archaeology 3).

References

- Dergaciov, V.A. 1986. *Moldaviya i sosedniye territorii v epokhu bronzy (Moldova and neighboring territories in the Bronze Age)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2001. *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Social structure of the Yamnaya culture population of the North-Western Black Sea region)*. Odessa: Druk (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2001—2002. In *Stratum plus* 2, 308—316 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2012. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea Coast and Crimea)* XVI, 48—62 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2013a. In: Bruyako, I.V., Samoylova, T.L. (eds.). *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Ancient cultures of the North-Western Black Sea region)*. Odessa: SMIL, 211—254 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2013b. In *Stratum plus* 2, 199—257 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2014. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 5—20 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2016. In: Alekshin, V.A. (ed.). *Vneshniye i vnutrenniye svyazi (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n.e.). Kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu S.N. Bratchenko. Sankt-Peterburg. 14—15 noyabrya 2016 g.). Materialy (External and internal relations (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th — 2nd millennium BCE). Round table dedicated to the 80th Aniversary of S.N. Bratchenko. Saint Petersburg. 14—15 November 2016). Materials). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 59—64 (in Russian).*
- Ivanova, S.V. 2020. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 4(37), 182—198 (in Ukrainian).
- Klein, L.S. 2007. *Drevniye migratsii i proiskhozhdeniye indoevropeyskikh narodov (Ancient migrations and the origin of Indo-European peoples)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Klein, L.S. 2016. In: Alekshin, V.A. (ed.). *Vneshniye i vnutrenniye svyazi (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n.e.). Kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu S.N. Bratchenko. Sankt-Peterburg. 14—15 noyabrya 2016 g.). Materialy (External and internal relations (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th — 2nd millennium BCE). Round table dedicated to the 80th Aniversary of S.N. Bratchenko. Saint Petersburg. 14—15 November 2016). Materials). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 6—13 (in Russian).*
- Klein, L.S. 2017. In *Stratum plus* 2, 361—376 (in Russian).

- Merpert, N.Ya. 1968. The earliest history of the population of the steppe zone of Eastern Europe (3rd — the beginning of the millennium BCE). Dr. habil. Thesis. Moscow: IA AN SSSR (in Russian).
- Merpert, N.Ya. 1974. *Drevneyshiye skotovody Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* (*The most ancient pastoralists of the Volga-Ural interfluvium*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Petrenko 2007: Lichnyy arkhiv V.A. Dergacheva. Petrenko V.G. Otchet Pridnestrovskoy ekspeditsii o raskopkakh v 2006 g. vtorogo Belyayevskogo kurgana. Odessa. 2007.
- Sinyuk, A.T. 1983. *Kurgany epokhi bronzы Srednego Dona. Pavlovskiy kurgan* (*Mounds of the Bronze Age of the Middle Don. Pavlovsky mound*). Voronezh: Voronezhskiy universitet (in Russian).
- Subbotin, L.V. 2000. In *Stratum plus* 2, 350—387 (in Russian).
- Subbotin, L.V. 2003. In *Materialy po Arkheologii Ukrainy* (*Materials on Archaeology of Ukraine*) 1 (in Russian).
- Chernyakov i dr. 1986: Chernyakov, I.T., Stanko, V.N., Gudkova, A.V. 1986. In: Stanko, V.N. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* (*Research in the archeology of the North-Western Black Sea region*). Kyiv: Naukova dumka, 53—96 (in Russian).
- Shaposhnikova i dr. 1986: Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Dovzhenko, N.D. *Yamnaya kul'turno-istoricheskaya oblast' (Yuzhnobugskiy variant)* (*Yamnaya cultural-historical region (Yuzhnobug variant)*). Kyiv: Naukova dumka (Corpus of Archaeological Sources V1-3) (in Russian).
- Shmagliy, N.M., Chernyakov, I.T. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* (*Materials on the archeology of the Northern Black Sea region*) 6, 5—115 (in Russian).
- Yarovoy, E.V. 1985. *Drevneyshiye skotovodcheskiye plemena Yugo-Zapada SSSR (klassifikatsiya pogrebal'nogo obryada)* (*The oldest cattle-breeding tribes of the South-West of the USSR (classification of the funeral rite)*). Kishinev: Shtiintsa.
- Ivanova, S.V. 2013. Connection between the Budzhak Culture and Central European groups the Corded Ware Culture. *BPS* 18, 86—120.
- Ivanova, S.V., Toshev, G.N. 2015. Late Eneolithic and Bronze age Prologue Pontic societies Forest-Steppe middle Dniester and Prut drainage basins in the 4Th/3Rd2Nd millenniuv DCŞ F History of investigations. *BPS* 20, 7—39.
- Kaiser, E. 2019. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische studien zu prähistorischer subsistenzwirtschaft und interaktion mit benachbarten räumen. *Berlin Studies of the Ancient World* 37.
- Klochko et al. 2015: Klochko, V., Koško, A., Potupchyk, M., Włodarczak, P., Żurkiewicz, D., Ivanova, S. 2015. Tripolye (Gordineşti group), Yamnaya and Catacomb Culture Cemeteries. Prydnistrianske. Site I, Yampil region, Vinnitsa oblast: an Archaeometric and Chronometric Description and a Taxonomic and Topogenetic Discussion. *BPS* 20, 183—255.
- Stöllner, T. 2016. The Beginnings of Social Inequality: Consumer and Producer Perspectives from Transcaucasia in the 4th and the 3rd Millennia BC. In: Bartelheim, M., Horejs, B., Krauß, R. (Hrsg.) *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka*. Raden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 209—234 (Oriental and European archaeology 3).

Рис. 1. Сосуды тип Буджак (1–16 — орнаментированные; 17–28 — неорнаментированные; 29–30 — миниатюрные): 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Червоный Яр I, 1/2; 3 — Дивизия II, 6/3; 4 — Урсоая 3/12; 5 — Глубокое 1/25; 6 — Рошкань 1/13; 7 — Григорьевка 1/12; 8 — Березки разрушенное погребение; 9 — Светлый 3/10; 10 — Мокра 1/3; 11 — Сэрэтень 6/4; 12 — Маяки III, 9/1; 13 — Ефимовка 3/5; 14–15 — Траповка 1/8; 16 — Семеновка 19/4; 17 — Муригиол 4/6; 18 — Гура Быкулуй 3/2; 19 — Маяки IV, 1/1; 20 — Рэскэций Ной 2/12; 21 — Баштановка 4/25; 22 — Редова 3/7; 23 — Красное 9/23; 24 — Джурджулешть 2/4; 25 — Новокаменка 1/насыпь; 26 — Никольское 10/4; 27 — Олэнешть 6/14; 28 — Влэнешть 1/2; 29 — Олэнешть 1/26; 30 — Яски 6/14 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 1. Vessels type Budzhak (1–16 — ornamented; 17–28 — non-ornamented; 29–30 — miniature): 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Chervonyi Yar I, 1/2; 3 — Diviziya II, 6/3; 4 — Ursoaya 3/12; 5 — Glubokoye 1/25; 6 — Roshkan' 1/13; 7 — Grigor'yevka 1/12; 8 — Berezki destroyed burial; 9 — Svetlyi 3/10; 10 — Mokra 1/3; 11 — Sereten' 6/4; 12 — Mayaki III, 9/1; 13 — Efimovka 3/5; 14–15 — Trapovka 1/8; 16 — Semenovka 19/4; 17 — Murigiol 4/6; 18 — Gura Bykuluy 3/2; 19 — Mayaki IV, 1/1; 20 — Reskeyetsiy Noy 2/12; 21 — Bashtanovka 4/25; 22 — Revova 3/7; 23 — Krasnoye 9/23; 24 — Dzhurdzhulesht' 2/4; 25 — Novokamenka 1/embankment; 26 — Nikol'skoye 10/4; 27 — Olenesht' 6/14; 28 — Vledesht' 1/2; 29 — Olenesht' 1/26; 30 — Yasski 6/14 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

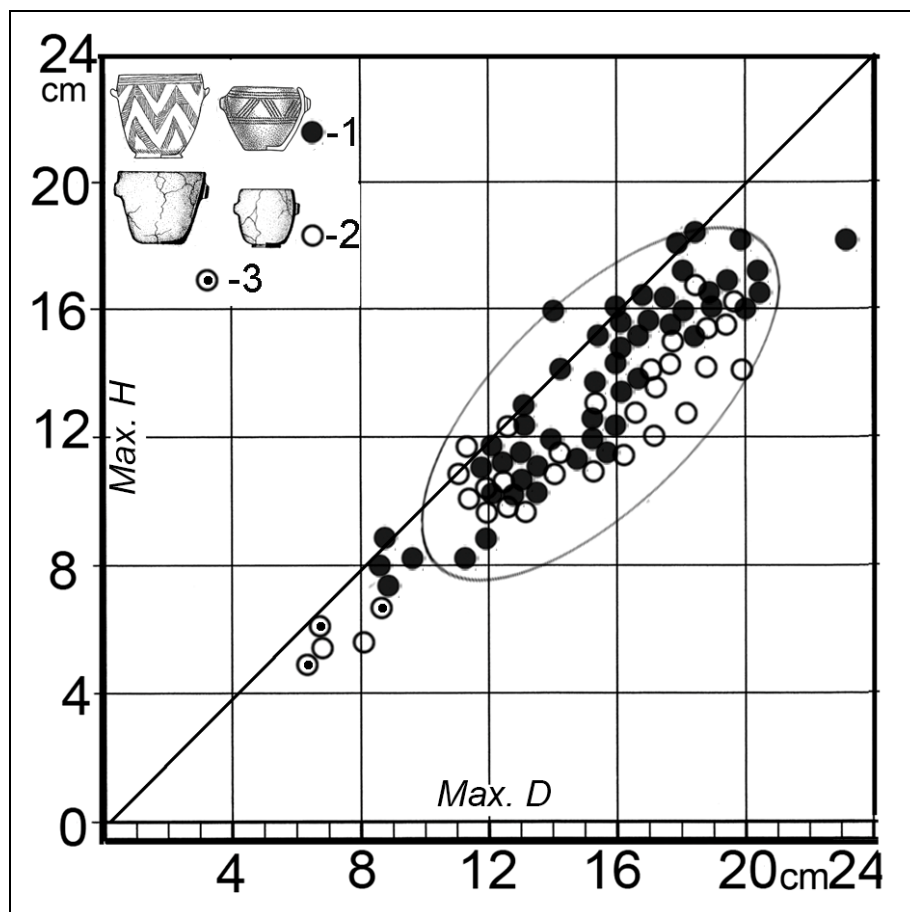
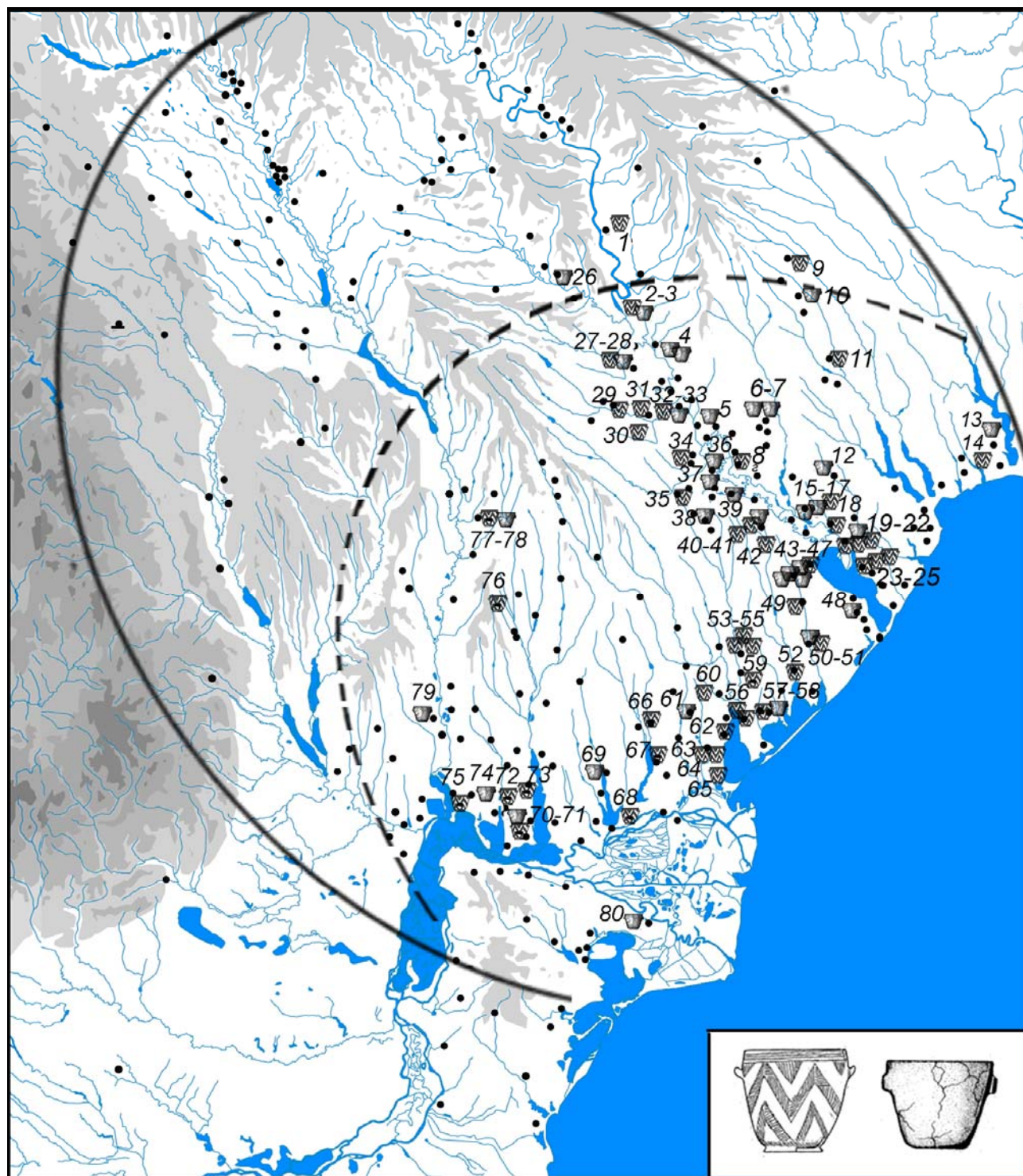

Рис. 2. Метрические показатели сосудов типа Буджак (вертикаль — максимальная высота, горизонталь — максимальный диаметр): 1 — орнаментированные, 2 — неорнаментированные, 3 — миниатюрные.

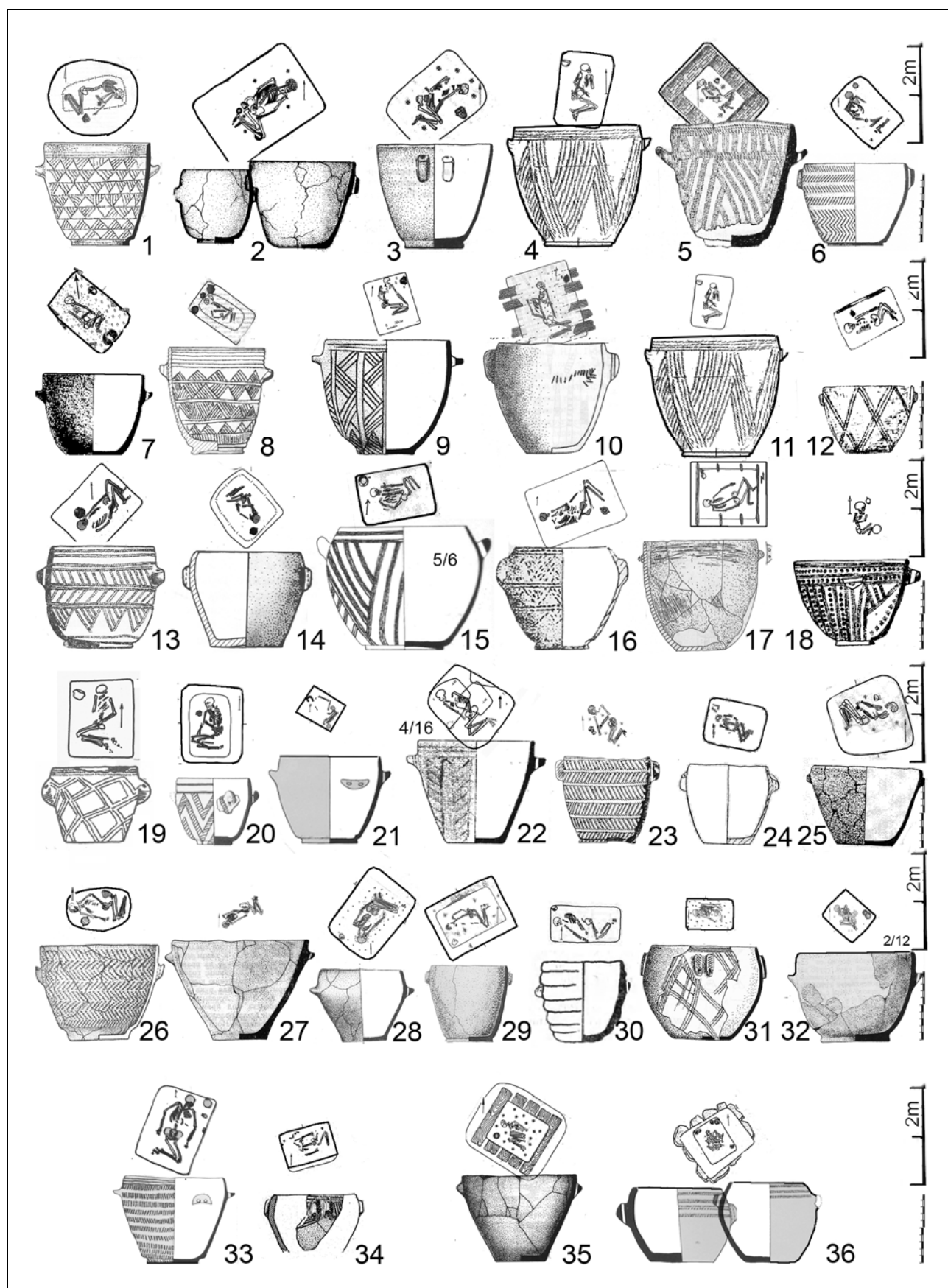
Fig. 2. Metric indicators of Budzhak-type vessels (vertical — maximum height, horizontal — maximum diameter): 1 — ornamented, 2 — non-ornamented, 3 — miniature.

Рис. 3. Местонахождения сосудов тип Буджак (ареал сосудов буджакского типа (прерывистая линия) в соотношении с ареалом памятников ямной культуры Карпато-Поднестровья (сплошная линия). Нумерация местонахождений соответствует числу комплексов, содержащих рассматриваемый тип: 1 — Мокра 1/3; 2—3 — Дубэсарий-Ной 4/4, 31/7; 4 — Красное 9/23; 5 — Тираспольщина; 6—7 — Никольское 7/45, 10/4; 8 — Новокотовск 1/25; 9 — Григорьевка 1/10; 10 — Редова 3/7; 11 — Великозименово 1/2; 12 — Щербанка 1/10; 13 — Старые Биллары 1/14; 14 — Вапнярка 4/16; 15—17 — Яски 2/5, 3/16, 6/14; 18 — Беляевка 2/10; 19—22 — Маяки III, 2/7, IV, 1/1, 3/1, 9/1; 23—25 — Ефимовка 2/14, 3/5, 6/6; 26 — Брэвичень 16/9; 27—28 — Коржово 2/13, 8/4; 29 — Кирка 1/7; 30 — Березки разрушенное погребение; 31 — Рошкань 1/13; 32—33 — Гура Быкулуй 3/2, 5/13; 34 — Урсоая 3/12; 35 — Кырнэнь 6/19; 36 — Чобручи 4/10; 37 — Рэскеэций-Ной 2/12; 38 — Пояска 1/9; 39 — Пуркарь 1/23; 40—41 — Олэнешть 1/26, 6/4; 42 — Кэплань 1/15; 43—47 — Семеновка 2/2, 8/18, 12/2, 14/21, 19/4; 48 — Садовое 1/18; 49 — Монаши 1/5; 50—51 — Широкое (Алкалия) 5/3, 5/6; 52 — Дивизия 2, 6/3; 53—55 — Михайловка 3/6, 3/8, 3/12; 56 — Траповка 1/8; 57—58 — Вишнево 17/31, 17/36; 59 — Новоселица 19/19; 60 — Желтый Яр 3/12; 61 — Баштановка 4/25; 62 — Глубокое 1/25; 63—64 — Нерушай 9/56, 9/74; 65 — Приморское 1/34; 66 — Холмское 1/4; 67 — Червоный Яр 1, 1/2; 68 — Кислица 8/16; 69 — Новокаменка 1/нас.; 70—71 — Плавни 9/12, 15/5; 72 — Нагорное 14/15; 73 — Фрикацей 10/14; 74 — Етулия 2, 1/6; 75 — Джурджулешть 2/14; 76 — Светлый 3/10; 77—78 — Сэрэтьень 3/13, 6/4; 79 — Влэдешть 1/2; 80 — Муригиол 4/6 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

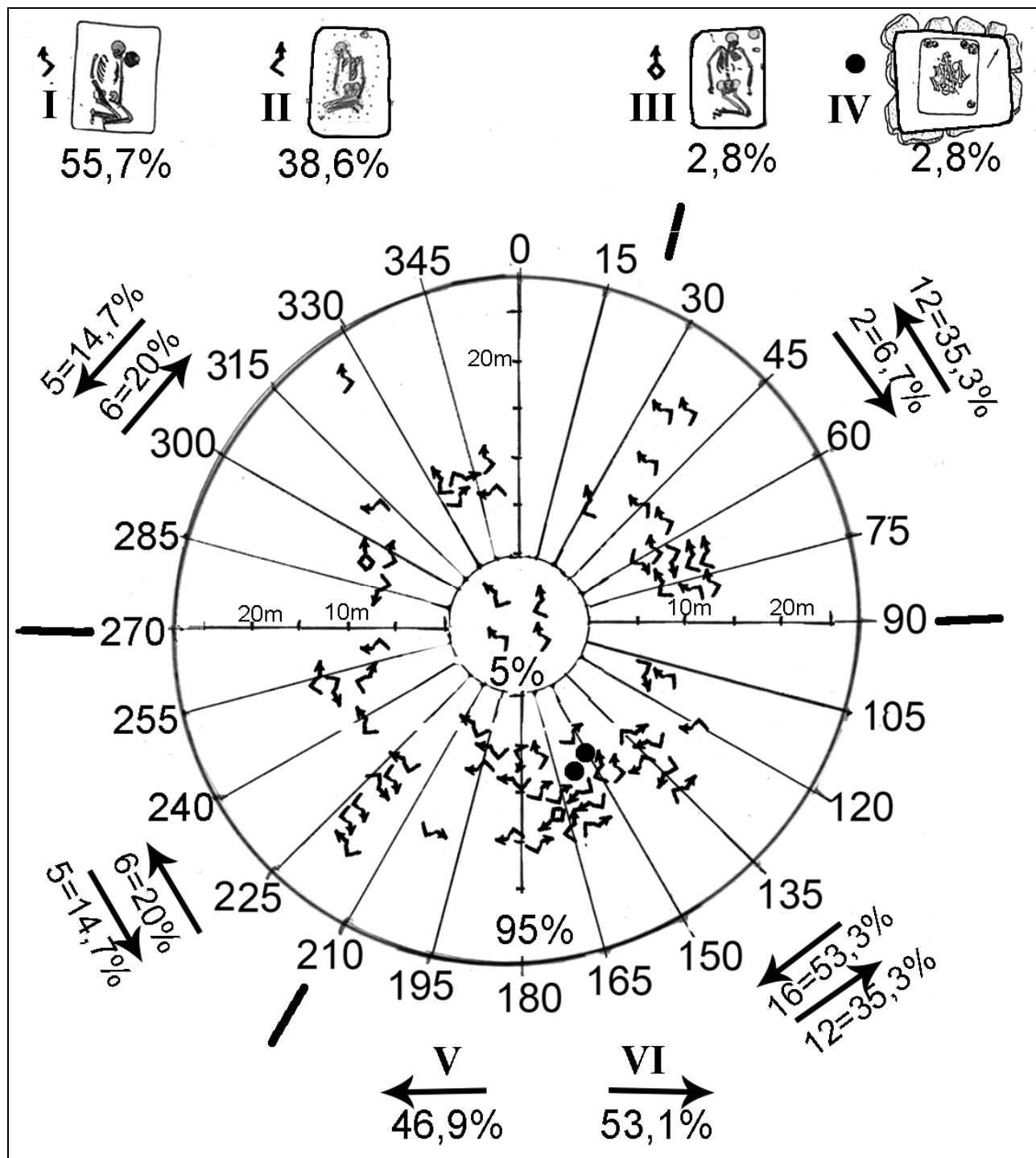
Fig. 3. Locations of vessels of the Budzhak type (the area of the vessels of the Budzhak type (dashed line) in relation to the area of the sites of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region (solid line). The numbering of the locations corresponds to the number of complexes containing the type under consideration: 1 — Mokra 1/3; 2—3 — Dubesariy-Noy 4/4, 31/7; 4 — Krasnoye 9/23; 5 — Tiraspol'shchina; 6—7 — Nikol'skoye 7/45, 10/4; 8 — Novokotovsk 1/25; 9 — Grigor'yevka 1/10; 10 — Revova 3/7; 11 — Velikozimenovo 1/2; 12 — Shcherbanka 1/10; 13 — Staryye Bilyary 1/14; 14 — Vapnyarka 4/16; 15—17 — Yasski 2/5, 3/16, 6/14; 18 — Belyayevka 2/10; 19—22 — Mayaki III, 2/7, IV, 1/1, 3/1, 9/1; 23—25 — Yefimovka 2/14, 3/5, 6/6; 26 — Brevichen' 16/9; 27—28 — Korzhovo 2/13, 8/4; 29 — Kirka 1/7; 30 — Berezki destroyed burial; 31 — Roshkan' 1/13; 32—33 — Gura Bykuluy 3/2, 5/13; 34 — Ursoaya 3/12; 35 — Kyrnetsen' 6/19; 36 — Chobruchi 4/10; 37 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 38 — Popyaska 1/9; 39 — Purkar' 1/23; 40—41 — Olenesht' 1/26, 6/4; 42 — Keplan' 1/15; 43—47 — Semenovka 2/2, 8/18, 12/2, 14/21, 19/4; 48 — Sadovoye 1/18; 49 — Monashi 1/5; 50—51 — Shirokoye (Alkaliya) 5/3, 5/6; 52 — Diviziya 2, 6/3; 53—55 — Mikhaylovka 3/6, 3/8, 3/12; 56 — Trapovka 1/8; 57—58 — Vishnevoye 17/31, 17/36; 59 — Novoselitsa 19/19; 60 — Zheltyy Yar 3/12; 61 — Bashtanovka 4/25; 62 — Glubokoye 1/25; 63—64 — Nerushay 9/56, 9/74; 65 — Primorskoye 1/34; 66 — Kholmskoye 1/4; 67 — Chervonny Yar 1, 1/2; 68 — Kislitsa 8/16; 69 — Novokamenka 1/nas.; 70—71 — Plavni 9/12, 15/5; 72 — Nagornoye 14/15; 73 — Frikatsey 10/14; 74 — Yetuliya 2, 1/6; 75 — Dzhurdzhulesht' 2/14; 76 — Svetlyy 3/10; 77—78 — Sereten' 3/13, 6/4; 79 — Vledesht' 1/2; 80 — Murigiol 4/6 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 4. Сосуды буджакского типа и их контекст (1—18 — «левобочные», 19—32 — «правобочные» погребения; 33—34 — на спине с поднятыми в коленях ногами, 35—36 — расчлененные костяки): 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Красное 9/23; 3 — Никольское 10/4; 4 — Глубокое 1/25; 5 — Урсоая 3/12; 6 — Сэрэтенъ 6/4; 7 — Садовое 1/18; 8 — Семеновка 8/18; 9 — Дивизия 2, 6/3; 10 — Великозименово 1/2; 11 — Глубокое 1/25; 12 — Гура-Быкулуй 5/13; 13 — Григорьевка 1/12; 14 — Семеновка 2/2; 15 — Широкое (Алкалия) 5/6; 16 — Нагорное 14/15; 17 — Влэдешть 1/2; 18 — Приморское 1/34; 19 — Ефимовка 6/6; 20 — Маяки III, 3/1; 21 — Маяки IV, 1/1; 22 — Вапнярка 4/16; 23 — Пуркаръ 1/23; 24 — Плавни 15/5; 25 — Чобручи 4/10; 26 — Коржево 8/4; 27 — Олэнешть 6/14; 28 — Сэрэтенъ 3/13; 29 — Пояска 1/9; 30 — Кислица 8/16; 31 — Слободзея 1/25; 32 — Рэскэций Ной 2/12; 33 — Маяки III, 2/7; 34 — Новоселица 19/19; 35 — Никольское 7/45; 36 — Траповка 1/8 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 4. Vessels of the Budzhak type and their context (1—18 — “left-sided”, 19—32 — “right-side” burials; 33—34 — on the back with raised legs at the knees, 35—36 — dismembered bones): 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Krasnoye 9/23; 3 — Nikol'skoye 10/4; 4 — Glubokoye 1/25; 5 — Ursoaya 3/12; 6 — Sereten' 6/4; 7 — Sadovoye 1/18; 8 — Semenovka 8/18; 9 — Diviziya 2, 6/3; 10 — Velikozimenovo 1/2; 11 — Glubokoye 1/25; 12 — Gura-Bykuluy 5/13; 13 — Grigor'yevka 1/12; 14 — Semenovka 2/2; 15 — Shirokoye (Alkaliya) 5/6; 16 — Nagornoye 14/15; 17 — Vledesht' 1/2; 18 — Primorskoye 1/34; 19 — Yefimovka 6/6; 20 — Mayaki III, 3/1; 21 — Mayaki IV, 1/1; 22 — Vapnyarka 4/16; 23 — Purkar' 1/23; 24 — Plavni 15/5; 25 — Chobruchi 4/10; 26 — Korzhevo 8/4; 27 — Olenesht' 6/14; 28 — Sereten' 3/13; 29 — Popyaska 1/9; 30 — Kislitsa 8/16; 31 — Slobodzeya 1/25; 32 — Reskeyetsiy Noy 2/12; 33 — Mayaki III, 2/7; 34 — Novoselitsa 19/19; 35 — Nikol'skoye 7/45; 36 — Trapovka 1/8 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 5. Характеристики погребальной обрядности захоронений с сосудами типа Буджак. Позы погребенных: I — «левобочные»; II — «правобочные»; III — на спине с поднятыми коленями; IV — расчлененные костяки. Основных (в центре — 5%), и впускных — периферийных с учетом их места в насыпи — 95%. Ориентация впускных: V — по часовой стрелке, VI — против часовой стрелки.

Fig. 5. Characteristics of the funeral rituals of burials with vessels of the Budzhak type. Poses of the buried: I — “left-sided”; II — “right-sided”; III — on the back with raised knees; IV — dissected skeletons. The main (in the center — 5%), and the inlet — peripheral, taking into account their place in the embankment — 95%. Inlet orientation: V — clockwise, VI — counterclockwise.

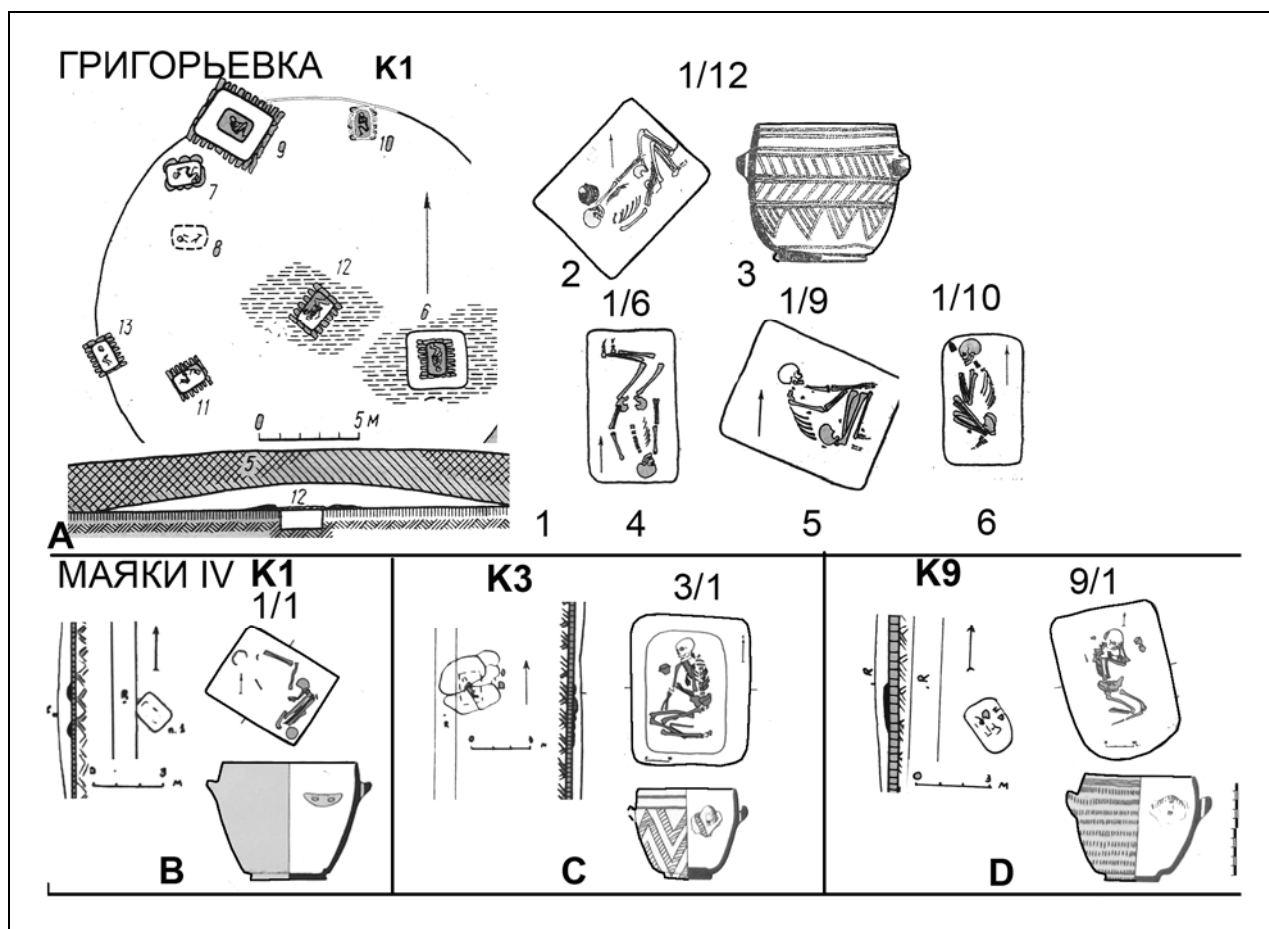
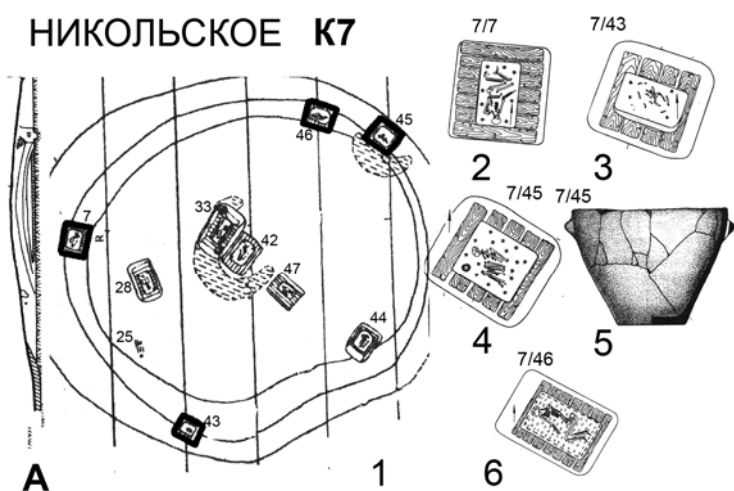

Рис. 6. Курганы с основными (центральными) погребениями с сосудами буджакского типа.

Fig. 6. Mounds with main (central) burials with vessels of the Budzhak type.

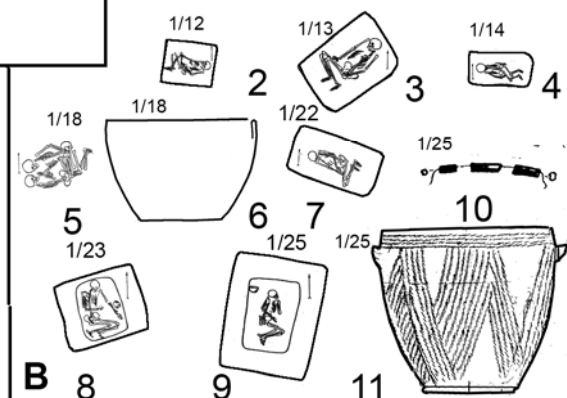
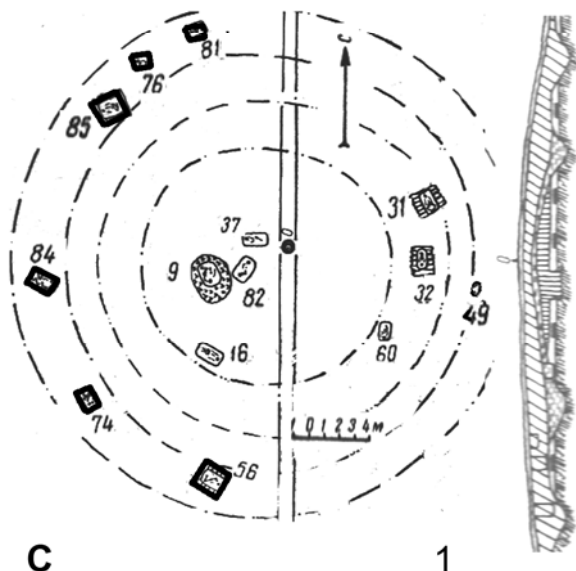
НИКОЛЬСКОЕ К7

ГЛУБОКОЕ К1

НЕРУШАЙ К9

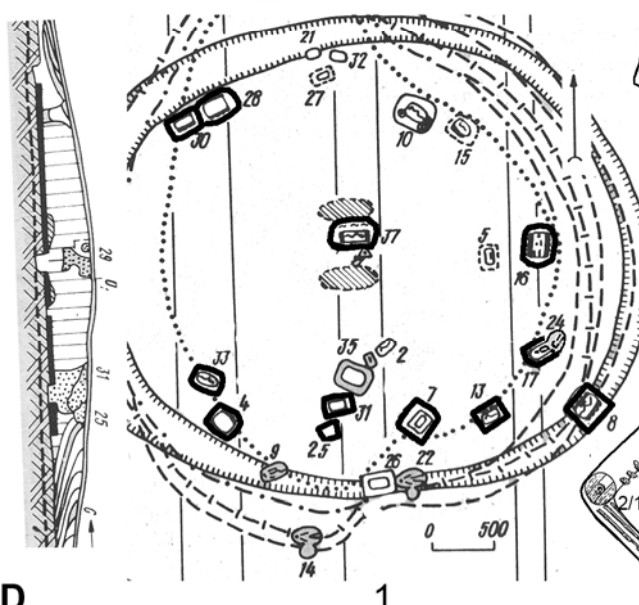

C

1

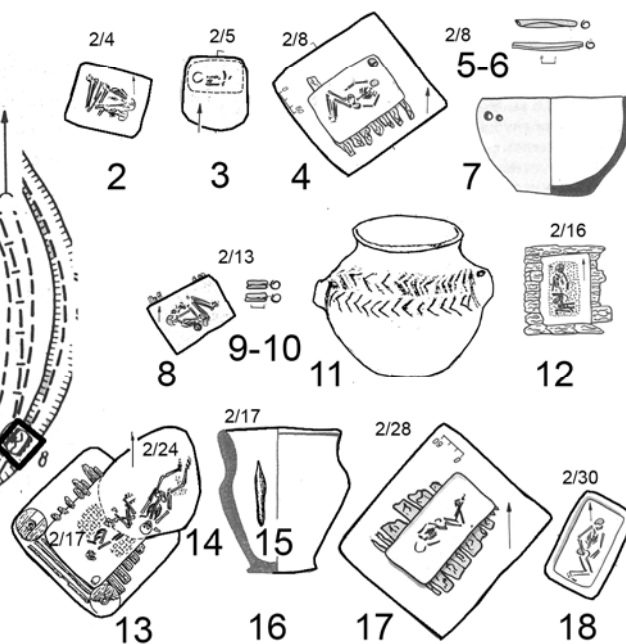

ХОЛМСКОЕ К2

D

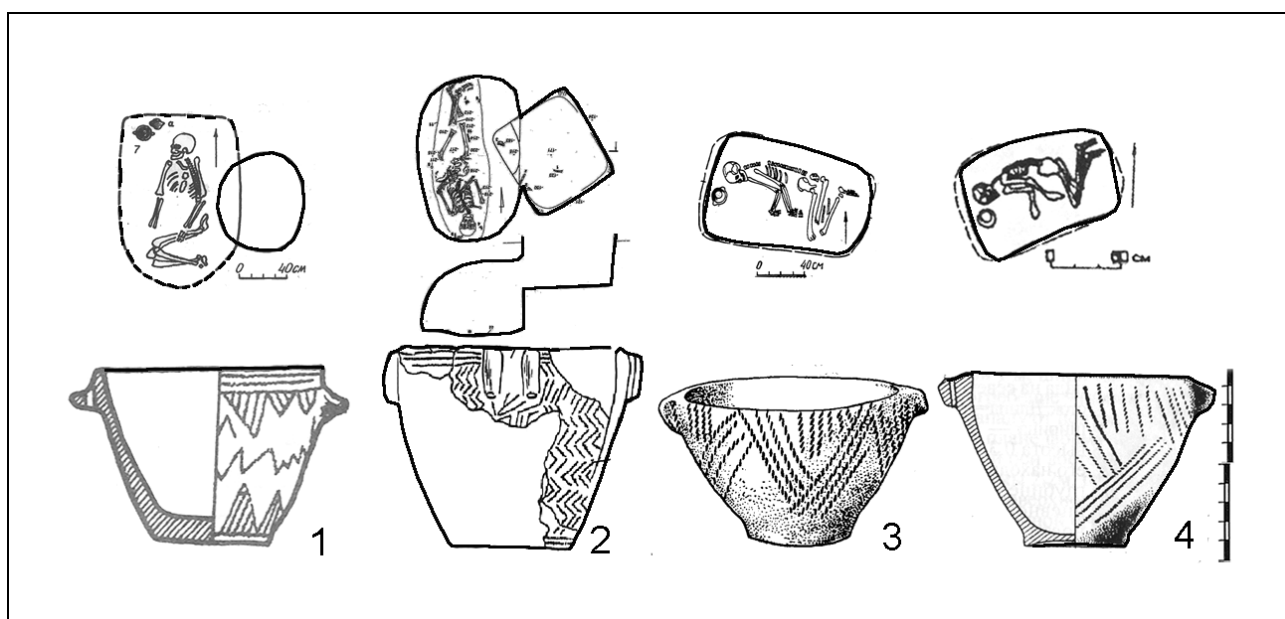
1

Рис. 7. Примеры планировки разнотипных погребений ямной культуры (А—С) в соотношении с катакомбными захоронениями (D). На планах курганов сохранены только интересующие нас погребения, из которых: изначальные — усатовские и (или) ямные на спине с поднятыми коленями и хронологически неопределенные кенотафы отражены тонкими контурами, предположительно буджакские — жирными, а катакомбные — тонкими линиями, заполненные серым фоном.

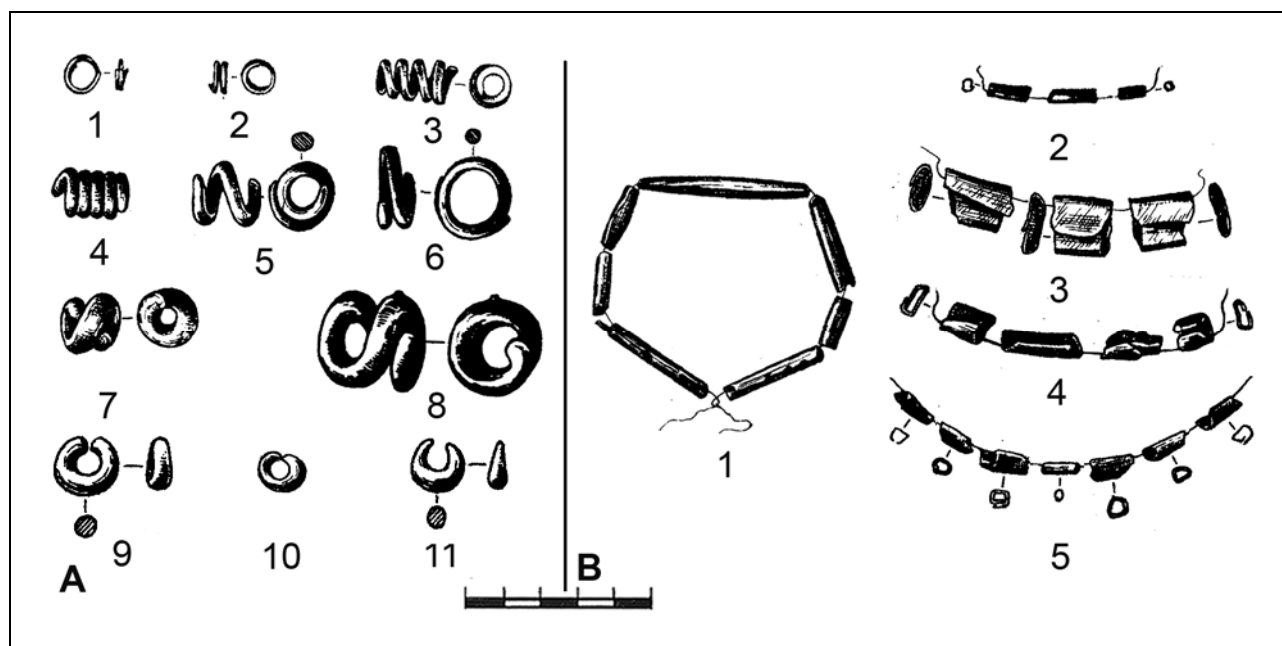

Fig. 7. Examples of layouts of different types of burials of the Yamnaya culture (A—C) in relation to catacomb burials (D). On the plans of the mounds, only the burials of interest to us are preserved, of which: the original ones — Usatovskiy and (or) Yamnaya on the back with raised knees and chronologically indefinite cenotaphs are reflected in thin contours, presumably Budzhak ones — in bold, and catacomb ones — in thin lines filled with a gray background.

Рис. 8. Комплексы катакомбной культуры (1—2) из Буджакской степи и позднеямной культуры Южного Побужья (3—4) с буджакскими сосудами: 1 — Вишневое 17/31; 2 — Беляевка 2/10; 3 — Ковалевка VIII, 1/10; 4 — Корчино 1/10 (1 — по Субботин 1985; 2 — по Петренко 2007; 3 — Шапошникова и др. 1986; 4 — Ковпаненко, Гаврилюк 2004).

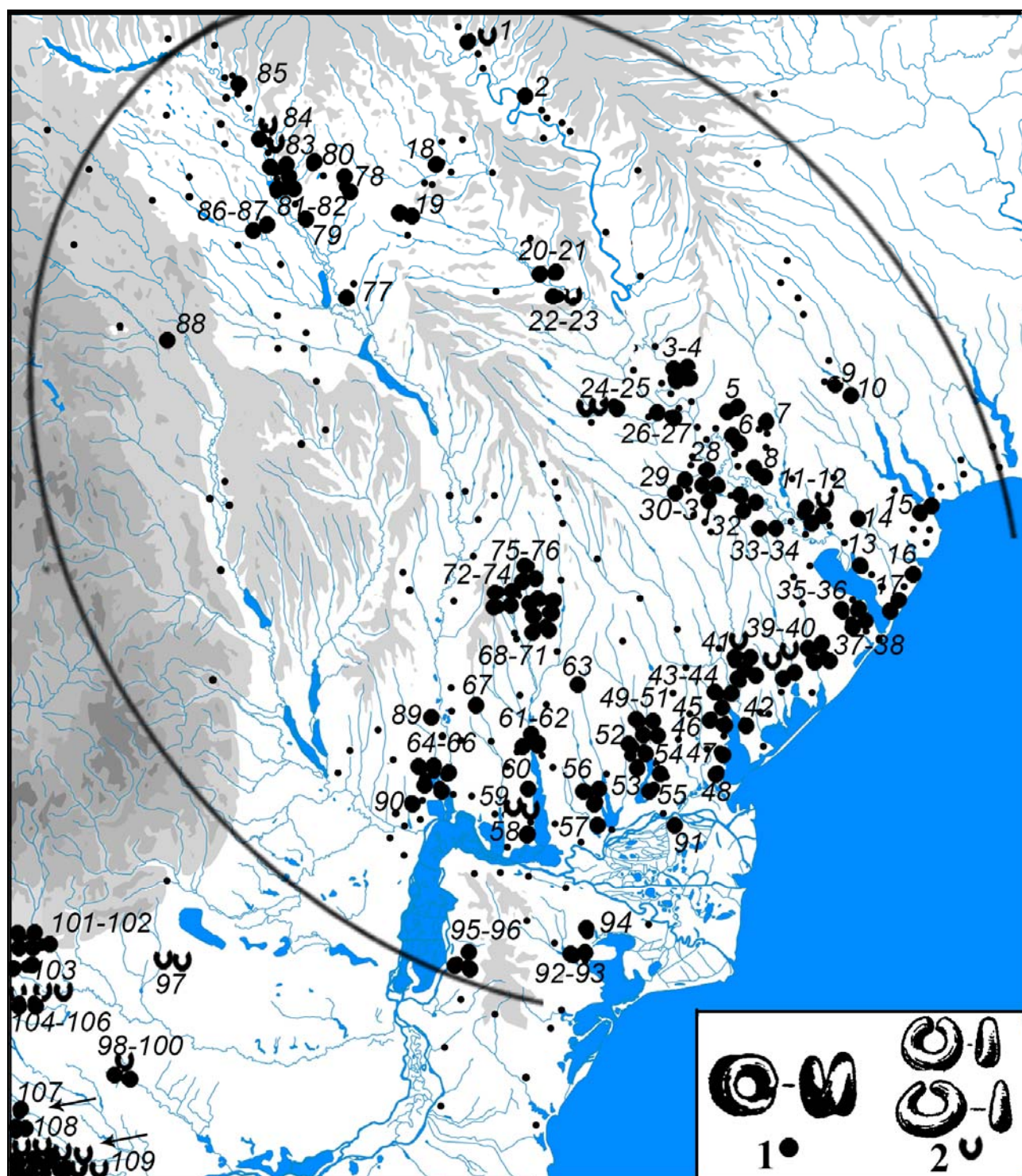
Fig. 8. Complexes of catacomb culture (1—2) from the Budzhak steppe and late pit culture of the Southern Pobuzhye (3—4) with Budzhak vessels: 1 — Vishnevoye 17/31; 2 — Belyayevka 2/10; 3 — Kovalevka VIII, 1/10; 4 — Korchino 1/10 (1 — after Subbotin 1985; 2 — after Petrenko 2007; 3 — after Shaposhnikova i dr. 1986; 4 — after Kovpanenko, Gavrilyuk 2004).

Рис. 9. А — Височные подвески (спиралевидные): 1 — Олэнешть 1/16; 2 — Плавни 26/7; 3 — Доброалександровка 1/5; 4 — Чобручи 1/11; 5 — Жиуржулешть 1/9; 6 — Траповка 1/9; 7 — Широкое (Алкалия) 33/3; 8 — Тараклия 2, 10/10; **рогаликовидные:** 9 — Рошкань 1/19; 10 — Орхей 1/2; 11 — Брэвичень 2/7 (1, 3, 5, 7—11 — серебро; 2 — золото; 4, 6 — медь ?). **В — составные браслеты:** 1 — Лиман 3А/30; 2 — Глубокое 1/24; 3 — Алкалия 33/3; 4 — Рошкань 1/13; 5 — Борисовка 9/6 (по Субботин 2003) (медь?) (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 9. A — Temple pendants (spiral): 1 — Olenesht' 1/16; 2 — Plavni 26/7; 3 — Dobroaleksandrovka 1/5; 4 — Chobruchi 1/11; 5 — Zhiurzhulessht' 1/9; 6 — Trapovka 1/9; 7 — Shirokoye (Alkaliya) 33/3; 8 — Tarakliya 2, 10/10; **bagel-shaped:** 9 — Roshkan' 1/19; 10 — Orkhey 1/2; 11 — Brevichen' 2/7 (1, 3, 5, 7—11 — silver; 2 — gold; 4, 6 — copper ?). **B — compound bracelets:** 1 — Liman 3A/30; 2 — Glubokoye 1/24; 3 — Alkaliya 33/3; 4 — Roshkan' 1/13; 5 — Borisovka 9/6 (after Subbotin 2003) (copper?) (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 10. Комплексы со спиралевидными височными подвесками ямной культуры Карпато-Поднестровья (нумерация местонахождений соответствует числу комплексов): 1 — Писаривка 5/1; 2 — Кузьмин 3/2; 3—4 — Красное 2/5, 9/19; 5 — Ближний Хутор 33/1; 6 — Тирасполь 2, 3/18; 7 — Никольское 1/11; 8 — Чобручи 2, 1/11; 9 — Катаржино 1/11; 10 — Бараново «Солдатская слава» 1/10; 11—12 — Яски 1/18, 5/22; 13 — Ефимовка 10/10; 14 — Доброалександровка 1/5; 15 — Одесса «Слободка-Романовка» 1/15; 16 — Санжейка 1/8; 17 — Каролино-Бугаз 1/1; 18 — Мэркулешть 3/5; 19 — Бурсучень 1/12; 20—21 — Брэвичень 2/8, 7/2; 22—23 — Орхей 1/2, 1/6; 24—25 — Рошкань 1/19, 2/3; 26—27 — Гура Быкулуй 5/3, 7/1; 28 — Хажимус 2/7; 29 — Кэушень 1/13; 30—31 — Талмаза 1/6, 3/4; 32 — Пуркарь 1/31; 33—34 — Олэнешть 1/16, 6/8; 35—36 — Садовое 1/26, 1/32; 37—38 — Алкалия 33/7, 33/9; 39—40 — Дивизия 2, 5/8, 6/6; 41 — Белолесье 7/4; 42 — Траповка 1/9; 43—44 — Новоселица 19/11, 21/1; 45—46 — Глубокое 1/7, 1/26; 47 — Нерушай 1/14; 48 — Приморское 1/32; 49—51 — Холмское 2/30, 2/37, 8/6; 52—53 — Островное 2/6, 2/7; 54 — Шевченко 3/6; 55 — Парапоры 1/20; 56 — Утконосовка 6/1; 57 — Богатое 2/11; 58 — Плавни 8/31; 59 — Лиман 7/3; 60 — Мрестнота Могила 2/7; 61—62 — Курчи 2/10, 20/16; 63 — Огородное 3, 1/6; 64—66 — Джурджулешть 2/9, 3/8, 5/5; 67 — Гэвэноаса 4/3; 68—71 — Тараклия 2, 3/7, 10/19, 14/3, 18/10; 72—74 — Балабану 2/1, 13/12, 13/15; 75—76 — Казаклия 3/7, 23/10; 77 — Петрешть 1/8; 78 — Яблони 1/17; 79 — Дуруитоареа-Ноуэ 5/5; 80 — Куконештий-Векь 12/4; 81—82 — Бэдражий-Векь 6/7, 25/12; 83 — Думень 1/2; 84 — Корпач 8/12; 85 — Тецкань 1/10; 86—87 — Глэвэнештий-Векь 2/3, 2/10; 88 — Броштень 1/1; 89 — Влэдешть 2/2; 90 — Вынэторь 1/13; 91 — Килия-Веке 1/89; 92—93 — Михай-Браву 1/4, 2/?; 94 — Сабанжия 3/1; 95—96 — Рахман 1/2, 2/3; 97 — Смейень 1/7; 98—100 — Гурбенешть 1/2, 2/7, 2/12; 101—102 — Блэжой 4/1, 3/?; 103 — Тыргшору-Ноу 1/2; 104—106 — Аричешть-Рахтиван 1/1, 1/2, 4/5; 107 — Вербица 2/?; 108 — Пленица 2/1; 109 — Зимнича — грунтовый могильник, погребения: 4, 9, 11, 16, 20 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

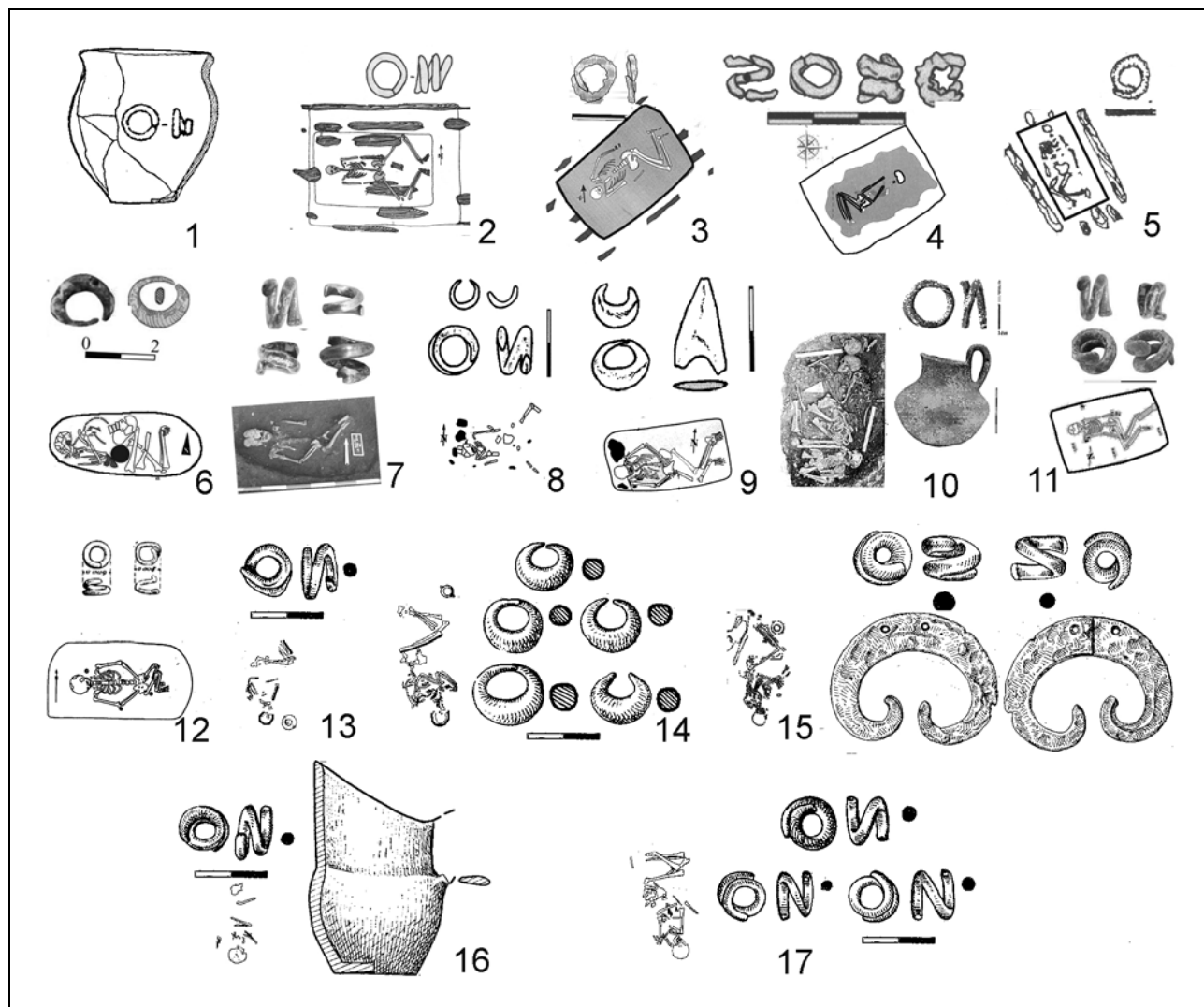
Fig. 10. Complexes with spiral temporal pendants of the pit culture of the Carpathian-Dniester region (the numbering of localities corresponds to the number of complexes): 1 — Pisarivka 5/1; 2 — Kuz'min 3/2; 3—4 — Krasnoye 2/5, 9/19; 5 — Blizhniy Khutor 33/1; 6 — Tiraspol 2, 3/18; 7 — Nikol'skoye 1/11; 8 — Chobruchi 2, 1/11; 9 — Katarzhino 1/11; 10 — Baranovo "Soldatskaya slava" 1/10; 11—12 — Yasski 1/18, 5/22; 13 — Yefimovka 10/10; 14 — Dobroaleksandrovka 1/5; 15 — Odessa "Slobodka-Romanovka" 1/15; 16 — Sanzheyka 1/8; 17 — Karolino-Bugaz 1/1; 18 — Merkulesht' 3/5; 19 — Bursuchen' 1/12; 20—21 — Brevichen' 2/8, 7/2; 22—23 — Orkhey 1/2, 1/6; 24—25 — Roshkan' 1/19, 2/3; 26—27 — Gura Bykuluy 5/3, 7/1; 28 — Khazhimus 2/7; 29 — Keushen' 1/13; 30—31 — Talmaza 1/6, 3/4; 32 — Purkar' 1/31; 33—34 — Olenesht' 1/16, 6/8; 35—36 — Sadovoye 1/26, 1/32; 37—38 — Alkaliya 33/7, 33/9; 39—40 — Diviziya 2, 5/8, 6/6; 41 — Beloles'ye 7/4; 42 — Trapovka 1/9; 43—44 — Novoselitsa 19/11, 21/1; 45—46 — Glubokoye 1/7, 1/26; 47 — Nerushay 1/14; 48 — Primorskoye 1/32; 49—51 — Kholmskoye 2/30, 2/37, 8/6; 52—53 — Ostrovnoye 2/6, 2/7; 54 — Shevchenko 3/6; 55 — Parapory 1/20; 56 — Utkonosovka 6/1; 57 — Bogatoye 2/11; 58 — Plavni 8/31; 59 — Liman 7/3; 60 — Mrestnota Mogila 2/7; 61—62 — Kurchi 2/10, 20/16; 63 — Ogorodnoye 3, 1/6; 64—66 — Dzhurdzhulesht' 2/9, 3/8, 5/5; 67 — Gevenoasa 4/3; 68—71 — Tarakliya 2, 3/7, 10/19, 14/3, 18/10; 72—74 — Balabanu 2/1, 13/12, 13/15; 75—76 — Kazakliya 3/7, 23/10; 77 — Petresht' 1/8; 78 — Yablona 1/17; 79 — Duruitoarea-Noue 5/5; 80 — Kukoneshtiy-Vek' 12/4; 81—82 — Bedrazhiy-Vek' 6/7, 25/12; 83 — Dumen' 1/2; 84 — Korpach 8/12; 85 — Tetskan' 1/10; 86—87 — Gleveneshtiy-Vek' 2/3, 2/10; 88 — Broshten' 1/1; 89 — Vledesht' 2/2; 90 — Vynetor' 1/13; 91 — Kiliya-Veke 1/89; 92—93 — Mikhay-Bravu 1/4, 2/?; 94 — Sabanzhiya 3/1; 95—96 — Rakhman 1/2, 2/3; 97 — Smeyen' 1/7; 98—100 — Gurbenesht' 1/2, 2/7, 2/12; 101—102 — Blezhoy 4/1, 3/?; 103 — Tyrgshoru-Nou 1/2; 104—106 — Arichesht'-Rakhtivan 1/1, 1/2, 4/5; 107 — Verbitsa 2/?; 108 — Plenitsa 2/1; 109 — Zimnicha — burial ground, burials: 4, 9, 11, 16, 20 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 11. Спиралевидные височные подвески и их контекст (1—12, 14—26 — скорченные захоронения на спине с поднятыми в коленях ногами; 13 — расчлененные костяки; 23—27 — скорченные «правобочные» захоронения; 28—30 — «левобочные захоронения»): 1 — Писаривка 5/1; 2 — Кузьмин 3/2; 3—4 — Бэдражий-Векъ 6/7, 25/12; 5 — Корпач 8/12; 6 — Дуруитоареа-Ноуэ 5/5; 7 — Петрешть 1/8; 8 — Яблona 1/17; 9 — Мэркулешть 3/10; 10 — Брэвичень 7/2; 11 — Красное 2/5; 12—13 — Тирасполь 2, 1/18, 3/13; 14 — Чобручи 2, 1/11; 15 — Бараново «Солдатская слава» 1/10; 16 — Садовое 1/26; 17 — Новоселица 19/11; 18 — Парапоры 1/20; 19 — Нерушай 1/14; 20—21 — Тараклия 2, 10/19, 18/10; 22 — Джурджулешть 5/5; 23 — Талмаза 3/4; 24 — Орхей 1/2; 25 — Тараклия 2, 3/7; 26 — Лиман 7/3; 27 — Никольское 1/11; 28 — Пуркаръ 1/31; 29 — Брэвичень 2/8; 30 — Каролино-Бугаз 1/1 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

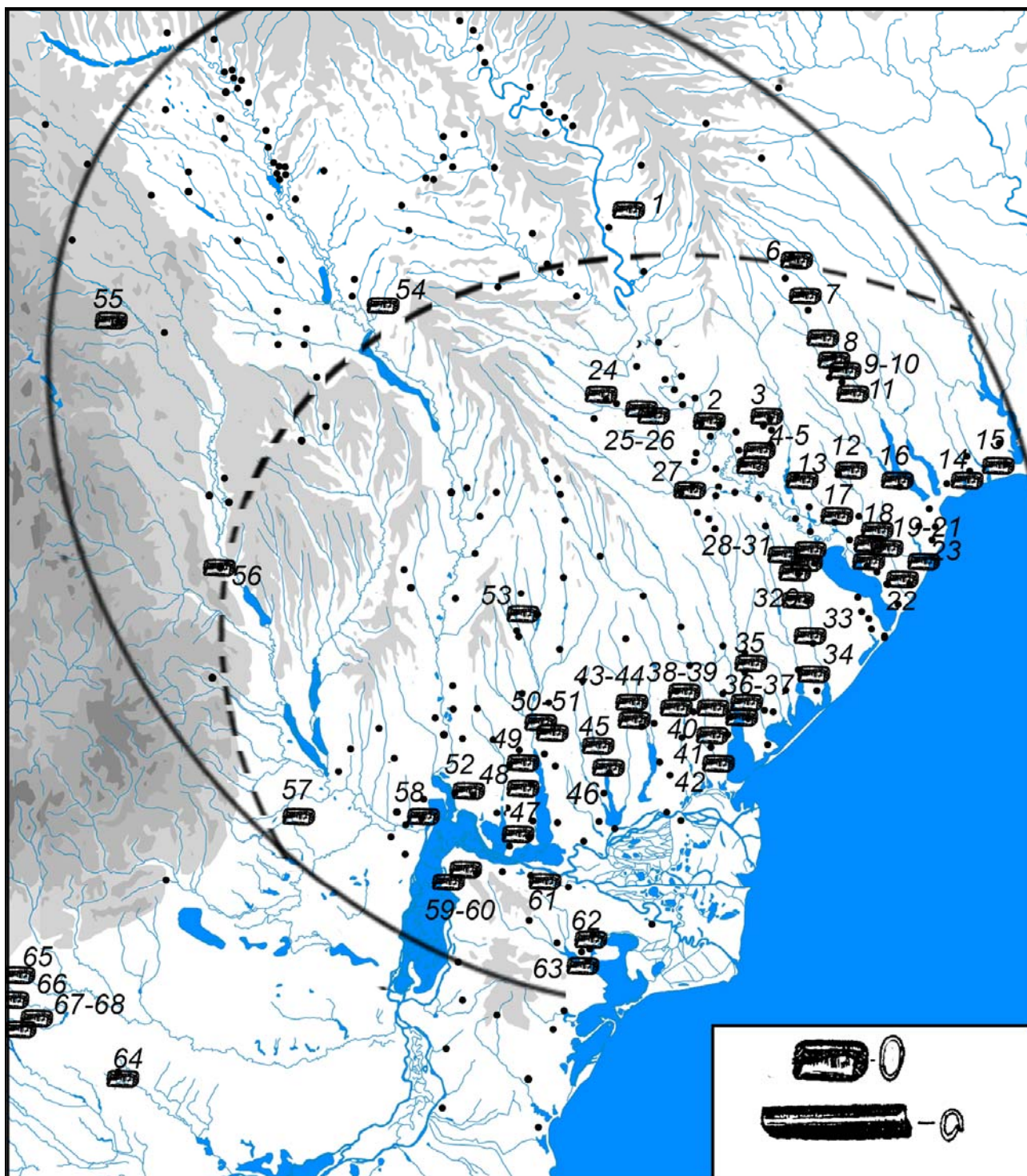
Fig. 11. Spiral temporal pendants and their context (1—12, 14—26 — twisted burials on the back with legs raised at the knees; 13 — dismembered bones; 23—27 — twisted “right-side” burials; 28—30 — “left-side burials”): 1 — Pisarivka 5/1; 2 — Kuz'min 3/2; 3—4 — Bedrazhiy-Vek' 6/7, 25/12; 5 — Korpach 8/12; 6 — Duruitoarea-Noue 5/5; 7 — Petresht' 1/8; 8 — Yablona 1/17; 9 — Merkulesht' 3/10; 10 — Brevichen' 7/2; 11 — Krasnoye 2/5; 12—13 — Tiraspol' 2, 1/18, 3/13; 14 — Chobruchi 2, 1/11; 15 — Baranovo “Soldatskaya slava” 1/10; 16 — Sadovoye 1/26; 17 — Novoselitsa 19/11; 18 — Parapory 1/20; 19 — Nerushay 1/14; 20—21 — Tarakliya 2, 10/19, 18/10; 22 — Dzhurdzhulesht' 5/5; 23 — Talmaza 3/4; 24 — Orkhey 1/2; 25 — Tarakliya 2, 3/7; 26 — Liman 7/3; 27 — Nikol'skoye 1/11; 28 — Purkar' 1/31; 29 — Brevichen' 2/8; 30 — Karolino-Bugaz 1/1 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

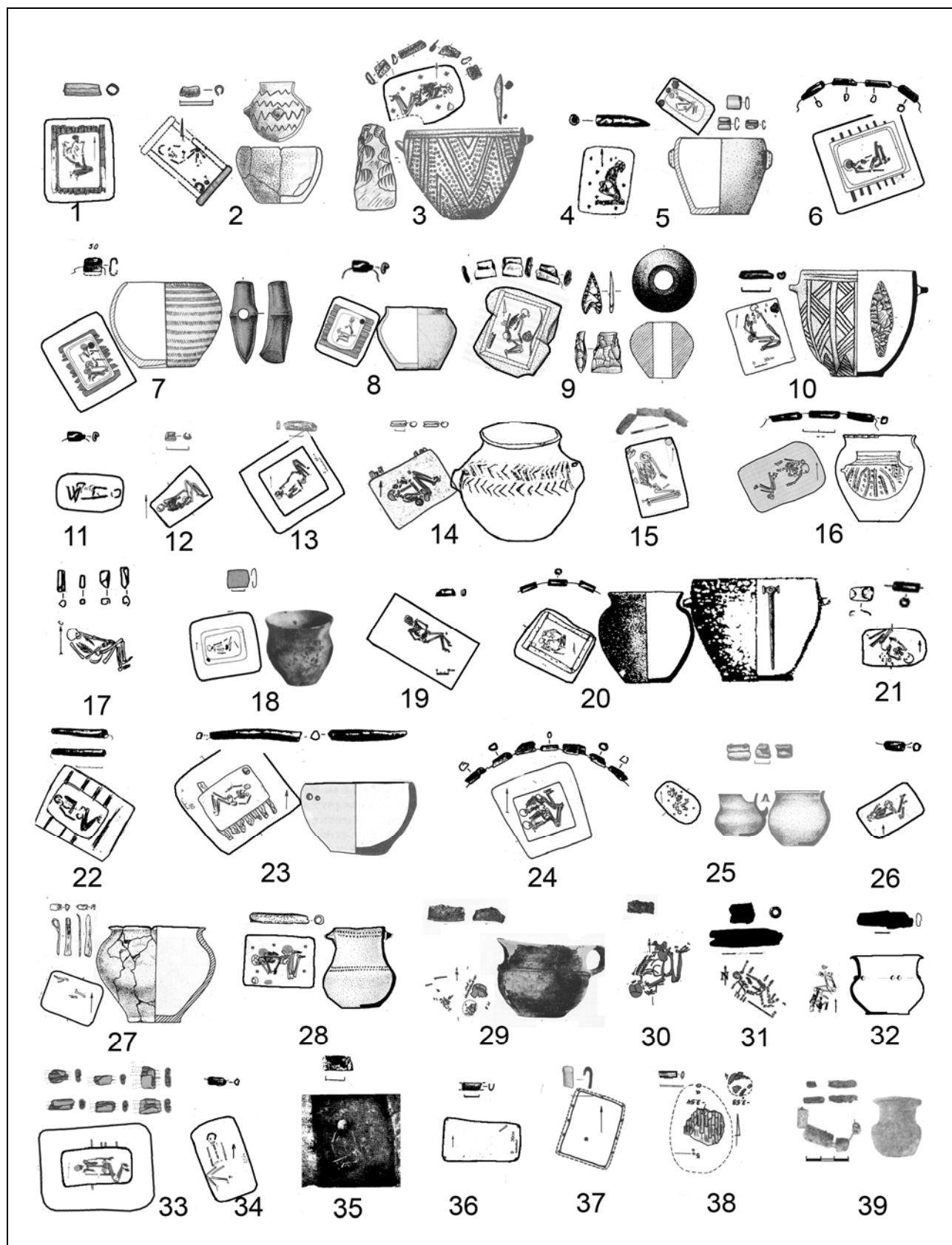
Рис. 12. Спиралевидные височные подвески и их контекст в памятниках Румынии: 1 — Броштень 1/1; 2 — Вынеторь 1/13; 3—4 — Рахман 1/2, 2/3; 5 — Сабанжия 3/1; 6 — Смеень 1/7; 7 — Блежой 4/1; 8—10 — Аричешть-Рахтиван 1/1, 1/2, 4/5; 11 — Тыргшору-Ной 1/2; 12 — Пленица 2/1; 13—17 — Зимнича, грунтовый могильник, погребения 4, 9, 11, 16, 20 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 12. Spiral temporal pendants and their context in Romanian monuments: 1 — Broshten' 1/1; 2 — Vynetor' 1/13; 3—4 — Rakhman 1/2, 2/3; 5 — Sabanzhiya 3/1; 6 — Smeyen' 1/7; 7 — Blezhoy 4/1; 8—10 — Arichesh't'-Rakhtivan 1/1, 1/2, 4/5; 11 — Tyrgshoru-Nou 1/2; 12 — Plenitsa 2/1; 13—17 — Zimnicha, burial ground, burials 4, 9, 11, 16, 20 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 13. Местонахождения элементов составных браслетов в виде трубчатых пронизей, свернутых из тонких медных пластин (нумерация местонахождений соответствует числу комплексов): 1 — Мокра 1/6; 2 — Тырнаука II, 2/17; 3 — Никольское 7/7; 4—5 — Слободзея 1/21, 4/4; 6 — Григорьевка 1/12; 7 — Новоград «Любаша» 2/2; 8 — Великозиминово 1/3; 9—10 — Катаржино 1/1, 1/21; 11 — Бараново 1/9; 12 — Щербанка 1/7; 13 — Лиманское 4/4; 14 — Старые Билары 1/14; 15 — Вапнярка 4/16; 16 — Холодная Балка 1/15; 17 — Ясски 5/2; 18 — Петродолинское 1/9; 19—21 — Ефимовка 2/23, 6/3, 10/7; 22 — Новоградовка 1/4; 23 — Александровка 1/24; 24 — Мерень 1/3; 25—26 — Рошкань 1/13, 5/7; 27 — Кэплань 1/9; 28—31 — Семеновка 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 — Подгородное 1/19; 33 — Широкое 33/3; 34 — Дивизия 2, 6/3; 35 — Белолесье 4/4; 36—37 — Траповка 1/11, 4/7; 38—39 — Баштановка 4/25, 7/1; 40 — Глубокое 1/25; 41 — Борисовка 9/6; 42 — Нерушай 10/13; 43—44 — Холмское 2/8, 2/13; 45 — Новокаменка 1/5; 46 — Каменка 1/8; 47 — Орловка 1/9; 48 — Лиман 3А/30; 49 — Влэдишень 9/2; 50—51 — Кубей 22/18, 23/16; 52 — Джурджулешть 3/13; 53 — Тараклия 2, 14/16; 54 — Петрешть 1/3; 55 — Тырпешть ?/1; 56 — Рэкэчунь ?/?; 57 — Рымничелу ?/?; 58 — Шендрень ?/?; 59—60 — Брэилица 1/3, 1/9; 61 — Лунковица «Моцука» 1/5; 62 — Михай-Браву 2/3; 63 — Байя (Хаманджия) ?/?; 64 — Гурбэнешть 1/2; 65 — Блэжой 1/1; 66 — Плешть-Триаж 1/3; 67—68 — Пэулешть 2/1, 3/4 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 13. Locations of elements of composite bracelets in the form of tubular beads rolled from thin copper plates (the numbering of locations corresponds to the number of complexes): 1 — Mokra 1/6; 2 — Tyrnauka II, 2/17; 3 — Nikol'skoye 7/7; 4—5 — Slobodzeya 1/21, 4/4; 6 — Grigor'yevka 1/12; 7 — Novograd "Lyubasha" 2/2; 8 — Velikozimenovo 1/3; 9—10 — Katarzhino 1/1, 1/21; 11 — Baranovo 1/9; 12 — Shcherbanka 1/7; 13 — Limanskoye 4/4; 14 — Staryye Bilyary 1/14; 15 — Vapnyarka 4/16; 16 — Kholodnaya Balka 1/15; 17 — Yasski 5/2; 18 — Petrodolinskoye 1/9; 19—21 — Yefimovka 2/23, 6/3, 10/7; 22 — Novogradovka 1/4; 23 — Aleksandrovka 1/24; 24 — Meren' 1/3; 25—26 — Roshkan' 1/13, 5/7; 27 — Keplan' 1/9; 28—31 — Semenovka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 — Podgorodnoye 1/19; 33 — Shirokoye 33/3; 34 — Diviziya 2, 6/3; 35 — Beloles'ye 4/4; 36—37 — Trapovka 1/11, 4/7; 38—39 — Bashtanovka 4/25, 7/1; 40 — Glubokoye 1/25; 41 — Borisovka 9/6; 42 — Nerushay 10/13; 43—44 — Kholmskoye 2/8, 2/13; 45 — Novokamenka 1/5; 46 — Kamenka 1/8; 47 — Orlovka 1/9; 48 — Liman 3A/30; 49 — Vledichen' 9/2; 50—51 — Kubey 22/18, 23/16; 52 — Dzhurdzhulesht' 3/13; 53 — Tarakliya 2, 14/16; 54 — Petresht' 1/3; 55 — Tyrpesht' ?/1; 56 — Rekechun' ?/?; 57 — Rymnichelu ?/?; 58 — Shendren' ?/?; 59—60 — Breilitsa 1/3, 1/9; 61 — Lunkovitsa "Motsuka" 1/5; 62 — Mikhay-Bravu 2/3; 63 — Bayya (Khamandzhiya) ?/?; 64 — Gurbenesht' 1/2; 65 — Blezhoy 1/1; 66 — Ployesht'-Triazh 1/3; 67—68 — Peulesht' 2/1, 3/4 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 14. Медные пронизи и их контекст (1—20 — «левобочные» погребения, 21—32 — «правобочные» погребения, 33—35 — на спине с поднятыми в коленях ногами, 36—37 — кенотафы, 38 — ритуальный комплекс, 39 — поза не известна): 1 — Мокра 1/6; 2 — Бараново 1/9; 3 — Рошкань 1/13; 4 — Кэплань 1/9; 5—8 — Семеновка 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 9 — Широкое (Алкалия) 33/3; 10 — Дивизия 2, 6/3; 11 — Нерушай 10/13; 12 — Тырнаука II, 2/17; 13 — Белолесье 4/4; 14 — Холмское 2/13; 15 — Каменка 1/8; 16 — Новокаменка 1/5; 17 — Баштановка 7/1; 18 — Влэдичень 9/2; 19 — Александровка 1/24; 20 — Старые Биляры 1/14; 21 — Лиманское 4/4; 22 — Петродолинское 1/9; 23 — Холмское 2/8; 24 — Борисовка 9/6; 25 — Рошкань 5/7; 26 — Кубей 23/16; 27 — Джурджулешть 3/13; 28 — Тараклия 2, 14/16; 29—30 — Брэилица 1/8-9; 31 — Пэулешть 2/1; 32 — Блежой 1/1; 33 — Траповка 4/7; 34 — Кубей 22/18; 35 — Гурбэнешть 1/2; 36 — Дивизия 2, 6/1; 37 — Петрешть 1/3; 38 — Новоград «Любаша» 2/2; 39 — Шендрень ?? (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 14. Copper threads and their context (1—20 — “left-side” burials, 21—32 — “right-side” burials, 33—35 — on the back with legs raised at the knees, 36—37 — cenotaphs, 38 — ritual complex, 39 — the pose is not known): 1 — Mokra 1/6; 2 — Baranovo 1/9; 3 — Roshkan' 1/13; 4 — Keplan' 1/9; 5—8 — Semenovka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 9 — Shirokoye (Alkaliya) 33/3; 10 — Diviziya 2, 6/3; 11 — Nerushay 10/13; 12 — Tyrnauka II, 2/17; 13 — Beloles'ye 4/4; 14 — Kholmskoye 2/13; 15 — Kamenka 1/8; 16 — Novokamenka 1/5; 17 — Bashtanovka 7/1; 18 — Vledichen' 9/2; 19 — Aleksandrovka 1/24; 20 — Staryye Bilyary 1/14; 21 — Limanskoye 4/4; 22 — Petrodolinskoye 1/9; 23 — Kholmskoye 2/8; 24 — Borisovka 9/6; 25 — Roshkan' 5/7; 26 — Kubey 23/16; 27 — Dzhurdzhulesht' 3/13; 28 — Tarakliya 2, 14/16; 29—30 — Breilitsa 1/8-9; 31 — Peulesht' 2/1; 32 — Blezhoy 1/1; 33 — Trapovka 4/7; 34 — Kubey 22/18; 35 — Gurbenesht' 1/2; 36 — Diviziya 2, 6/1; 37 — Petresht' 1/3; 38 — Novograd “Lyubasha” 2/2; 39 — Shendren' ?? (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

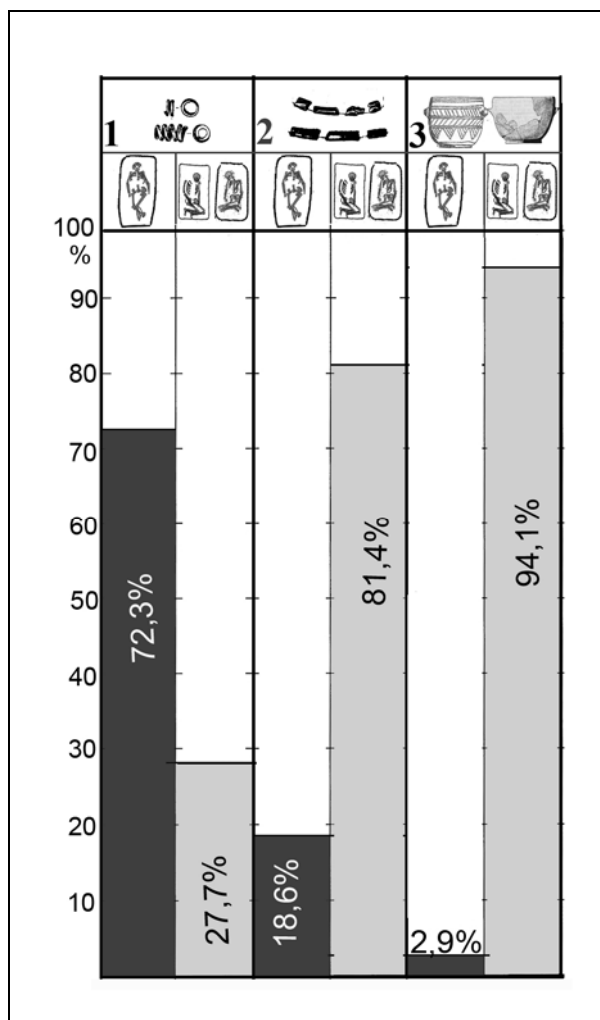

Рис. 15. Процентное соотношение типов погребальной обрядности (поз погребенных), характерных для захоронений, содержащих височные подвески (1), составные браслеты (2) и сосуды буджакского типа (3).

Fig. 15. Percentage ratio of the types of burial rituals (postures of the buried), characteristic of burials containing temporal pendants (1), composite bracelets (2) and vessels of the Budzhak type (3).

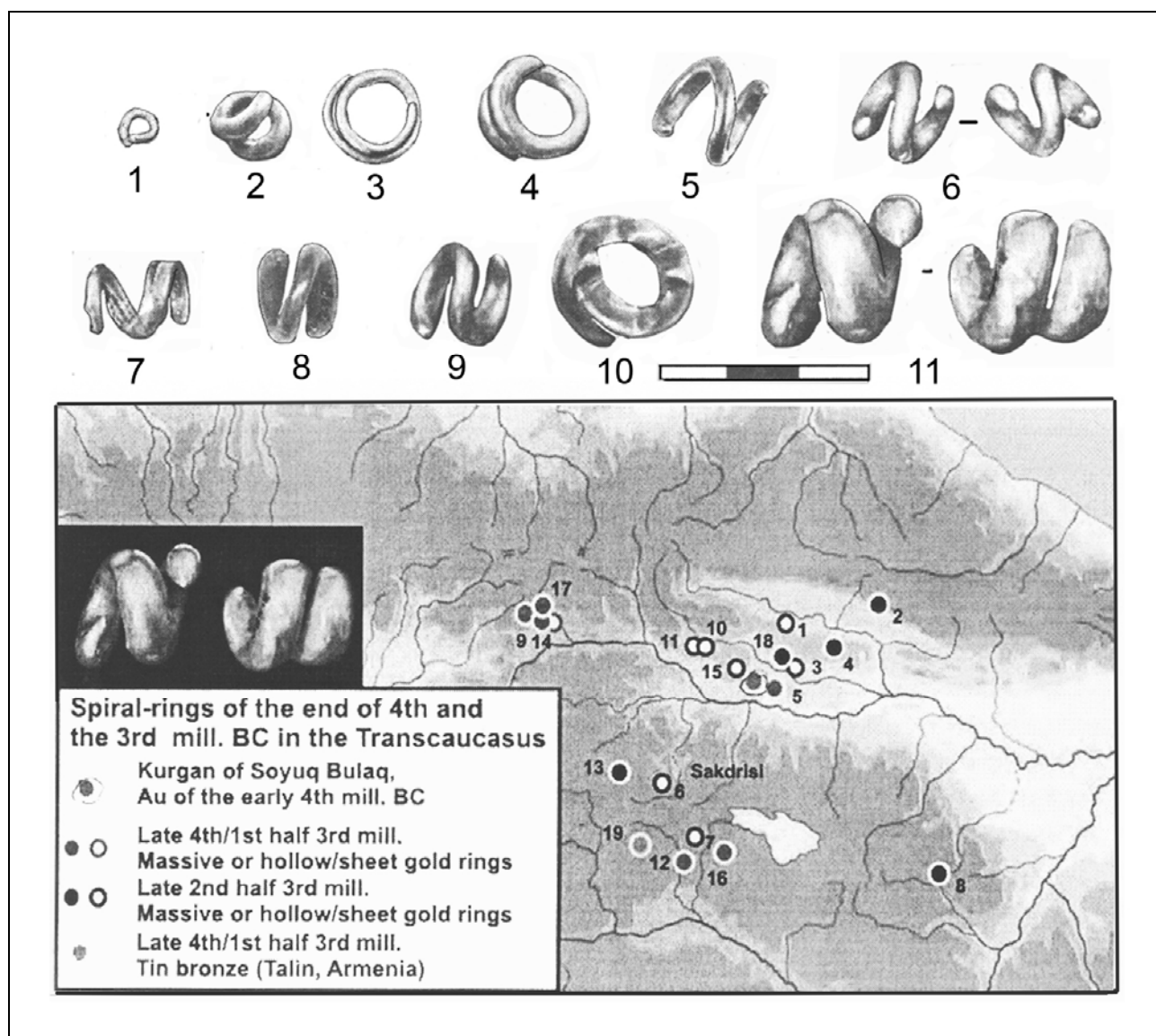
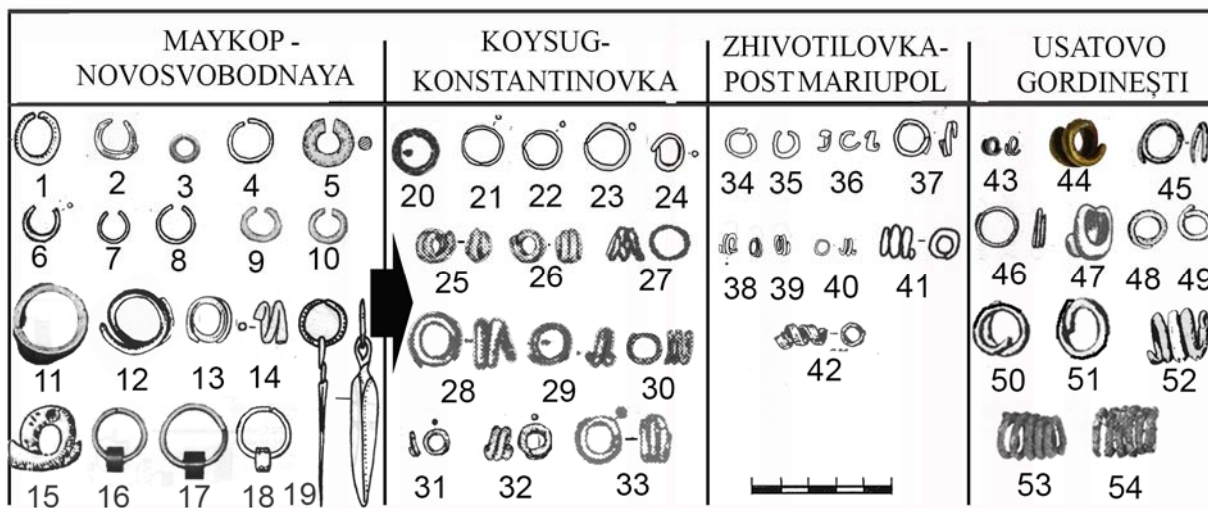
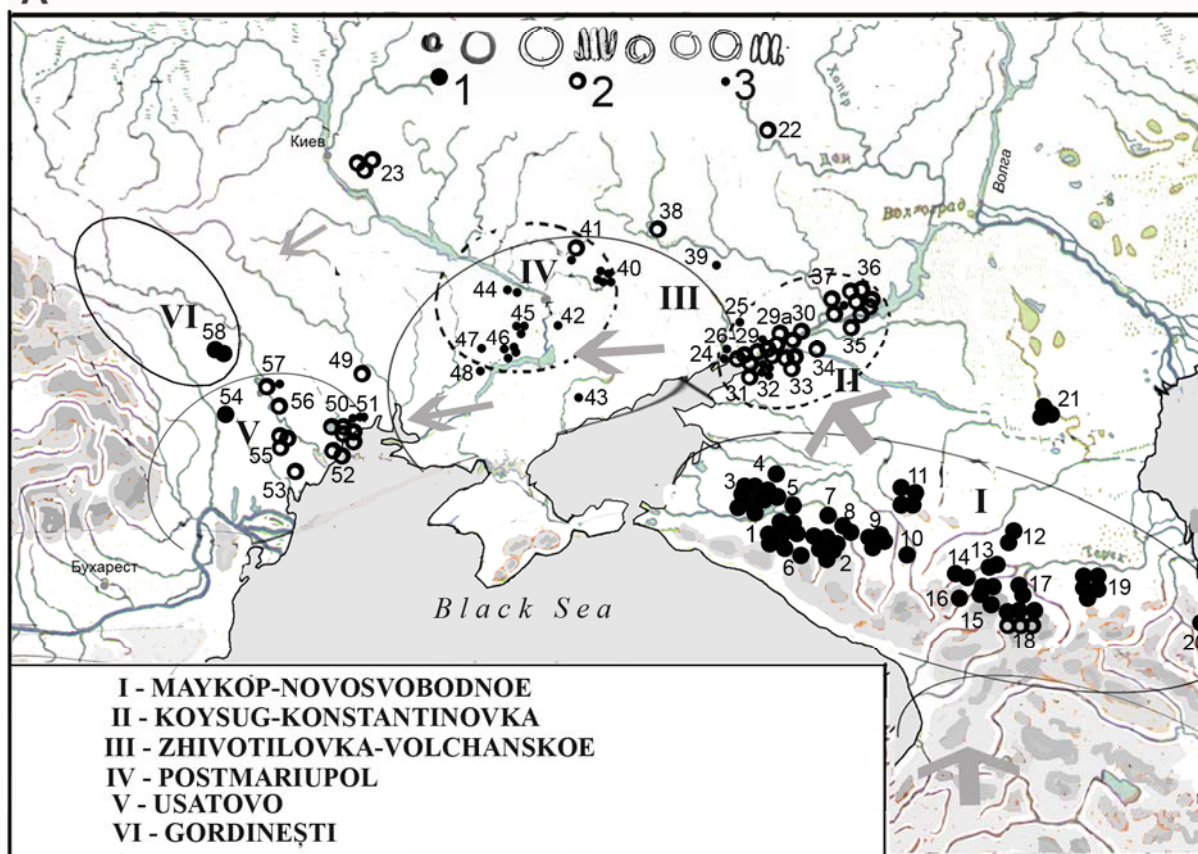

Рис. 16. Золотые спиралевидные височные подвески IV—III тыс. до н.э. Куро-Араксского междуречья (по Stöllner 2016: 216, fig. 5, 11).

Fig. 16. Golden spiral temporal pendants of the 4th — 3rd millennium BCE. Kura-Araks interfluvium (after Stöllner 2016: 216, fig. 5, 11).

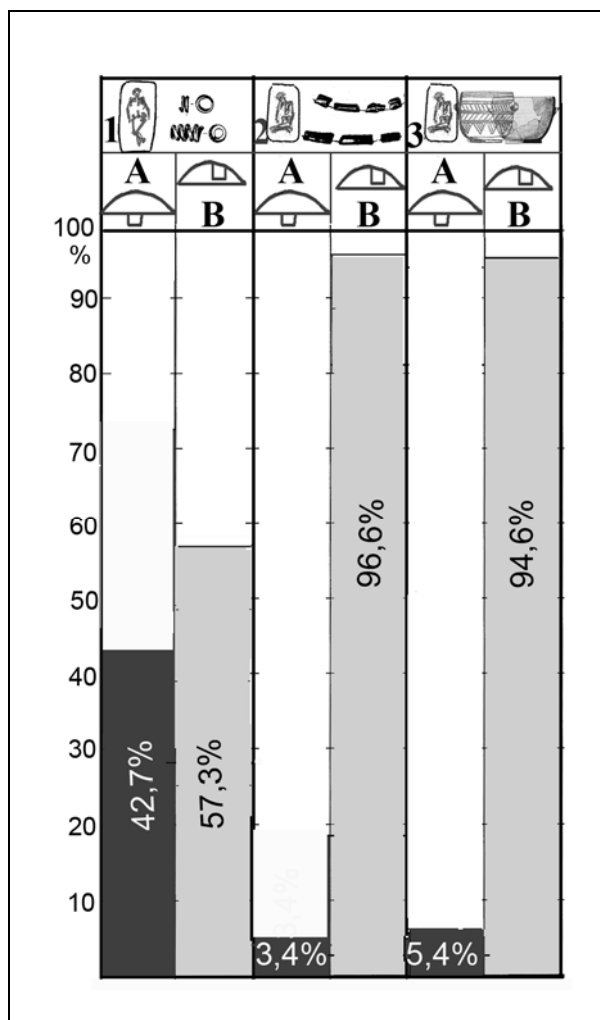
A

B

Рис. 17. А: Образцы майкопских кольцевидных и спиралевидных подвесок Кавказа (1—19) и западной зоны (20—54): 1, 12, 19 — Новосвободная 1/30-31; 2 — хут. Жуковского 1/; 3 — Марьинская 1/; 4, 18 — Мостовская 3/; 5 — Нальчик; 6 — Кишпек 1/; 7—8 — Чегем; 9—10 — Бамут 8/; 11, 16—17 — Майкоп; 13 — Костромская 3/; 14 — Великент; 15 — Бичкин-Булак (по Мунчаев 1994; Кореневский 2004; 2011; Резепкин 2012 и др.); 20 — Ростов-на-Дону «Вертолетное поле» 1/?; 21—23 — Костырский VIII ?/3; 24 — Константиновск ?/2-3; 25—26 — Садовый ?/64; 27 — Новоалександровка I; 28—29 — Лакедемоновка 1/; 30 — Недвиговка «Танаис»; 31—32 — Поляков 1/; 33 — Отрадный 3/ (по Rassamakin 2004; Файферт 2014 и др.); 34—35 — Чкаловка 3/?; 36 — Осокоровка; 37 — Терны 9/?; 38—39 — Любимовка 3/?; 40 — Солнечный 2/?; 41 — Новопилиповка грунтовый могильник «Аккерман I»; 42 — Орджоникидзе «Чкаловская» 3/ (по Rassamakin 2004 и др.); 43—44 — Бурсучень; 45—46 — Пуркарь 1-2/?; 47 — Сукля 3/?; 48—52 — Усатово курганный могильник 1, 1/6, 13; курганный могильник 2, 2/?; 53—54 — Александровка (по Яровой 1990; Патокова 1979 и др.). **В: Местонахождения майкопских кольцевидных и спиралевидных подвесок из золота (1), серебра (2) и меди/бронзы — ? (3):** 1 — Майкоп; 2 — Новосвободная 1-2/, «Клады» 2/, 28/, 30-31/, 38/; 3 — Старомышастовский клад; 4 — Каменка-Днепровская 2/; 5 — Красногвардейск 1/7; 6 — Псебайская 1/; 7 — Костромская 3/; 8 — Андриковская; 9 — Мостовская 3/; 10 — Кубинка 4/; 11 — хут. Жуковского 1/; 12 — Марьинская 1/; 13 — Кишпек III, 6/; 14 — Кызбурун III, 1/; 15 — Чегем I, 1, 5/, 47/; II, 2/; 16 — Нежинский 5/; 17 — Нальчик; 18 — Кудакхурт 1/; 19 — Бамут 14-15/; 20 — Великент; 21 — Бичкин-Булак; 22 — Павловское; 23 — Подлесье; 24 — Лакедемоновка 1/; 25 — Недвиговка «Танаис»; 26 — Ростов-на-Дону «Вертолетное поле». 1/; 27 — Олимпийский; 28 — Нижне-Гниловской; 29 — Мухин I; 29a — Поляков 1/; 30 — Садовый 64/; 31 — Кулешовка; 32 — Новоалександровка I; 33 — Алитуб; 34 — Отрадный 3/; 35 — Рябичев 3/; 36 — Костырский VIII, 3/; 37 — Константиновск «Танкин» 2/; 38 — Закатное I; 39 — Зимогорье 2/?; 40 — Богдановка 1/?; 41 — Терны 9/?; 42 — Любимовка 3/?; 43 — Новопилиповка грунтовый могильник «Аккерман I»; 44 — Чкаловка 3/?; 45 — Солнечный 2/?; 46 — Разумовка 1/?; 47 — Орджоникидзе «Чкаловская» 3/?; 48 — Осокоровка; 49 — Ковалевка 4/?; 50—51 — Усатово курганный могильник 1, курган 1, 6, 13; курганный могильник 2, курган 2; 52 — Александровка; 53 — Траповка 10/?; 54 — Сэрэтен' 1/?; 55 — Пуркарь 1-2/?; 56 — Сукля 3/?; 57 — Паркань 147/?; 58 — Бурсучень (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

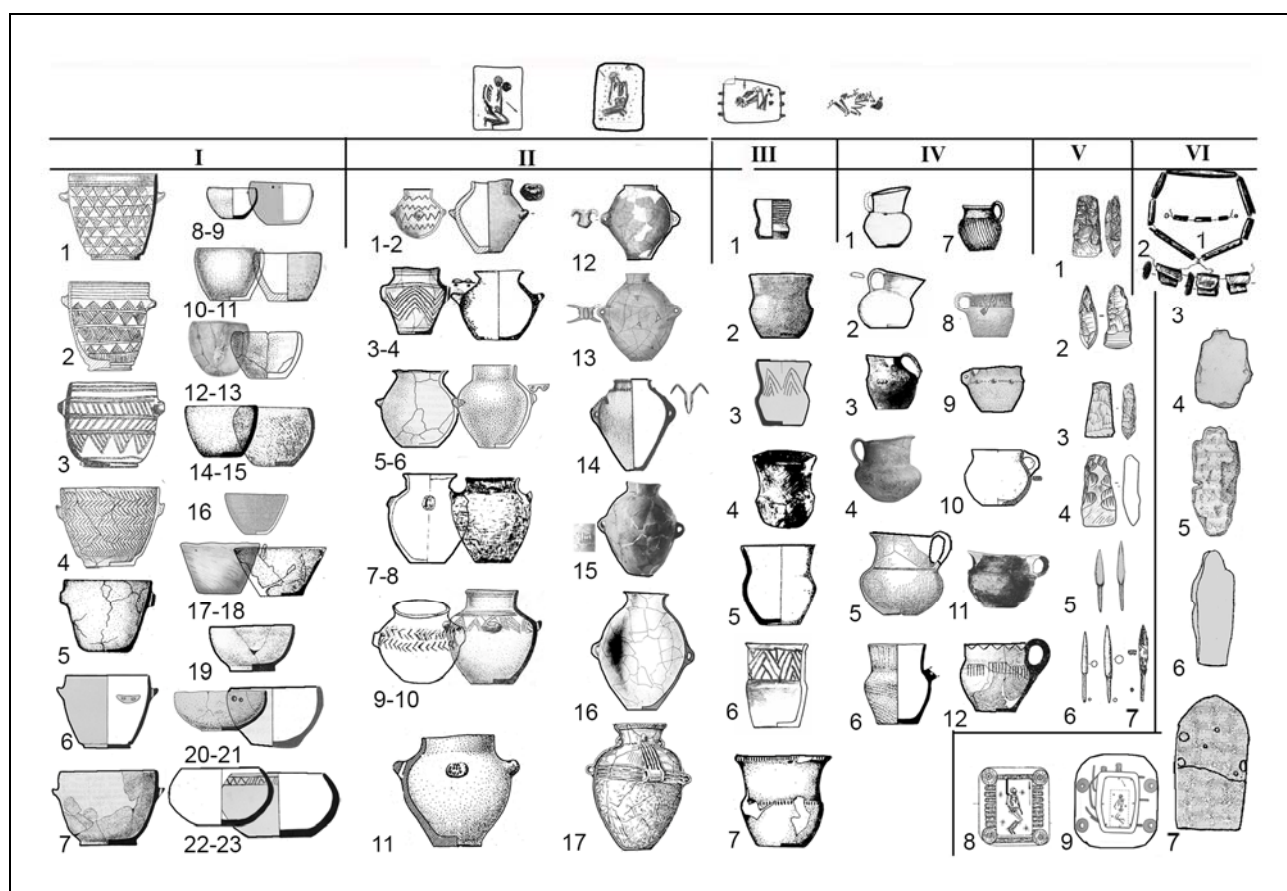
Fig. 17. Samples of the Maikop ring-shaped and spiral pendants of the Caucasus (1—19) and the western zone (20—54): 1, 12, 19 — Novosvobodnaya 1/30-31; 2 — khut. Zhukovskogo 1/; 3 — Mar'inskaya 1/; 4, 18 — Mostovskaya 3/; 5 — Nal'chik; 6 — Kishpek 1/; 7—8 — Chegem; 9—10 — Bamut 8/; 11, 16—17 — Maykop; 13 — Kostromskaya 3/; 14 — Velikent; 15 — Bichkin-Buluk (after Munchayev 1994; Korenevskiy 2004; 2011; Rezepkin 2012 i dr.); 20 — Rostov-na-Donu "Vertoletnoye pole" 1/?; 21—23 — Kostyrskiy VIII ?/3; 24 — Konstantinovsk ?/2-3; 25—26 — Sadovyy ?/64; 27 — Novoaleksandrovka I; 28—29 — Lakedemonovka 1/; 30 — Nedvigovka "Tanais"; 31—32 — Polyakov 1/; 33 — Otradnyy 3/ (po Rassamakin 2004; Fayfert 2014 i dr.); 34—35 — Chkalovka 3/?; 36 — Osokorovka; 37 — Terny 9/?; 38—39 — Lyubimovka 3/?; 40 — Solnechnyy 2/?; 41 — Novopilipovka burial ground "Akkerman I"; 42 — Ordzhonikidze "Chkalovskaya" 3/ (po Rassamakin 2004 i dr.); 43—44 — Bursuchen'; 45—46 — Purkar' 1-2/?; 47 — Sukleya 3/?; 48—52 — Usatovo burial mound 1, 1/6, 13; burial ground 2, 2/?; 53—54 — Aleksandrovka (after Yarovoy 1990; Patokova 1979 i dr.). **B: Where are the Maikop ring-shaped and spiral-shaped pendants made of gold (1), silver (2) and copper / bronze — ? (3):** 1 — Maykop; 2 — Novosvobodnaya 1-2/, "Klady" 2/, 28/, 30-31/, 38/; 3 — Staromyshastovskiy klad; 4 — Kamenka-Dneprovskaya 2/; 5 — Krasnogvardeysk 1/7; 6 — Psebayskaya 1/; 7 — Kostromskaya 3/; 8 — Andryukovskaya; 9 — Mostovskaya 3/; 10 — Kubinka 4/; 11 — Zhukovskogo farm 1/; 12 — Mar'inskaya 1/; 13 — Kishpek III, 6/; 14 — Kyzburun III, 1/; 15 — Chegem I, 1, 5/, 47/; II, 2/; 16 — Nezhinskiy 5/; 17 — Nal'chik; 18 — Kudakhurt 1/; 19 — Bamut 14-15/; 20 — Velikent; 21 — Bichkin-Buluk; 22 — Pavlovskoye; 23 — Podles'ye; 24 — Lakedemonovka 1/; 25 — Nedvigovka "Tanais"; 26 — Rostov-na-Donu "Vertoletnoye pole". 1/; 27 — Olimpiyskiy; 28 — Nizhne-Gnilovskoy; 29 — Mukhin I; 29a — Polyakov 1/; 30 — Sadovyy 64/; 31 — Kuleshovka; 32 — Novoaleksandrovka I; 33 — Alitub; 34 — Otradnyy 3/; 35 — Ryabichev 3/; 36 — Kostyrskiy VIII, 3/; 37 — Konstantinovsk "Tankin" 2/; 38 — Zakatnoye I; 39 — Zimogor'ye 2/?; 40 — Bogdanovka 1/?; 41 — Terny 9/?; 42 — Lyubimovka 3/?; 43 — Novopilipovka burial mound "Akkerman I"; 44 — Chkalovka 3/?; 45 — Solnechnyy 2/?; 46 — Razumovka 1/?; 47 — Ordzhonikidze "Chkalovskaya" 3/?; 48 — Osokorovka; 49 — Kovalevka 4/?; 50—51 — Usatovo burial mound 1, ground 1, 6, 13 burial mound 2, ground 2; 52 — Aleksandrovka; 53 — Trapovka 10/?; 54 — Sereten' 1/?; 55 — Purkar' 1-2/?; 56 — Sukleya 3/?; 57 — Parkan' 147/?; 58 — Bursuchen' (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 18. Процентное соотношение стратиграфического положения типов погребальной обрядности (поз погребенных) и характерного для них инвентаря: *A* — основные, первичные, *B* — впускные, вторичные.

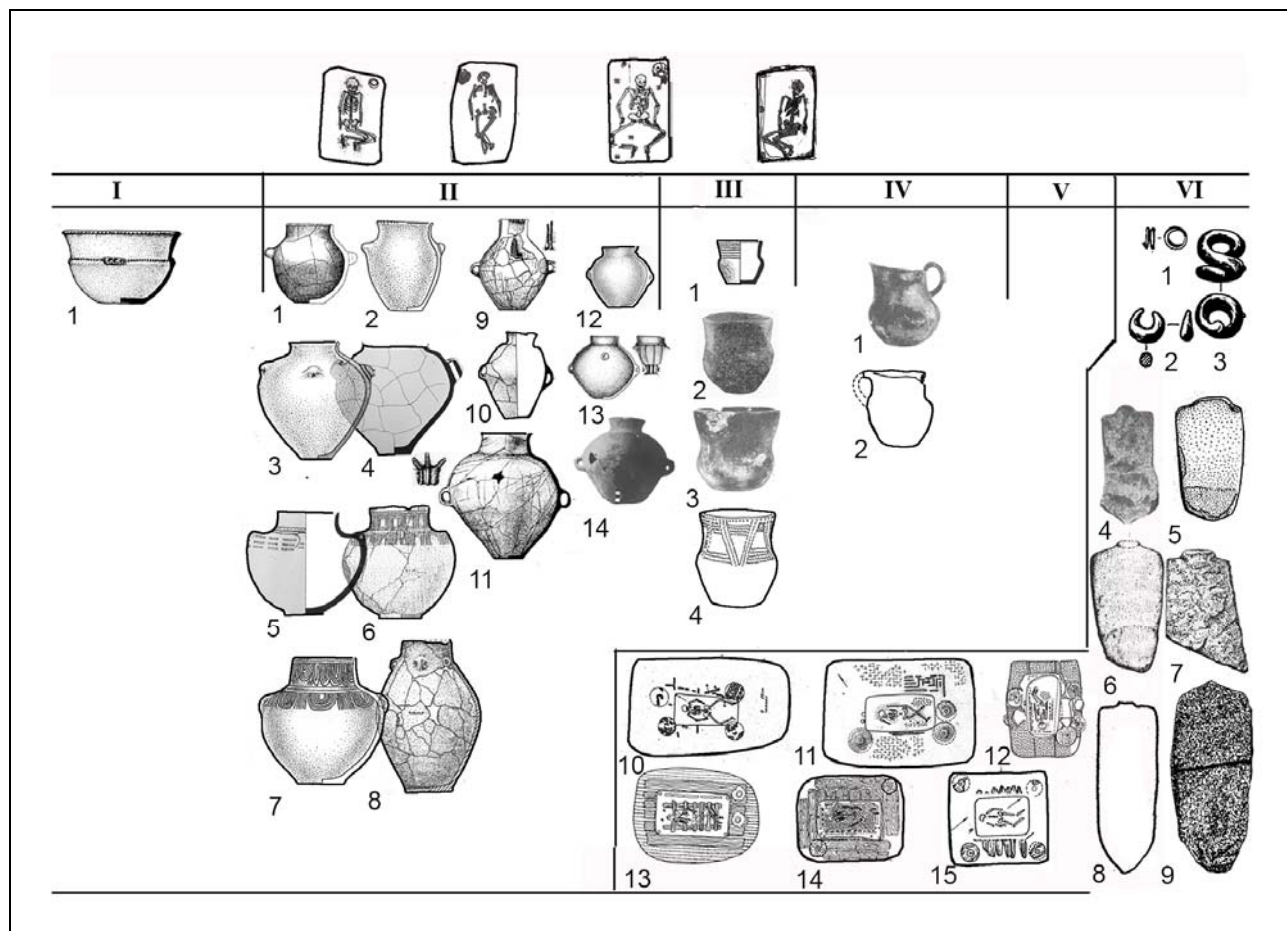
Fig. 18. Percentage ratio of the stratigraphic position of the types of burial rituals (positions of the buried) and their characteristic implements: *A* — main, primary, *B* — inlet, secondary.

Рис. 19. Категории материалов характерные для скорченных погребений на боку, представляющие поздний период ямной культуры Карпато-Поднестровья: I — Чашевидные сосуды и миски: 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Семеновка 8/18; 3 — Григорьевка 1/12; 4 — Коржево 8/14; 5 — Красное 9/23; 6 — Маяки IV, 1/1; 7 — Рэскэций-Ной 2/12; 8 — Казаклия 17/14; 9 — Влэдичень 9/8; 10 — Чобручи II, 1/12; 11 — Семеновка 2/3; 12 — Мирное 1/9; 13 — Бараново 1/9; 14 — Молога 2/26; 15 — Спея 1/5; 16 — Добрянка 1/6; 17 — Пороги 3А/18; 18 — Болотешть-Вранча 2/14; 19 — Рэскэций-Ной 2/12; 20 — Фештелица II, 1/2; 21 — Холмское 2/8; 22 — Алкалия 8/3; 23 — Михайловка 3/12; **II — Амфоровидные сосуды:** 1 — Бараново 9/3; 2 — Семеновка 2/6; 3 — Олэнешть 1/15; 4 — Приморское 1/13; 5 — Холодная Балка 1/7; 6 — Тараклия I, 1/13; 7 — Татарбунары 1/2; 8 — Гура Быкулуй 7/1; 9 — Холмское 2/13; 10 — Градешка I, 5/9; 11 — Новоселица 19/13; 12—13 — Пороги 3/4, 4/8; 14 — Окница 6/18; 15 — Ефимовка 10/7; 16 — Бурсучень 1/14; 17 — Валя Лупулуй 1/22; **III — Кубковидные формы:** 1 — Мирное 1/12; 2 — Пуркарь 1/23; 3 — Траповка 4/5; 4 — Ефимовка 9/17; 5 — Огородное III, 1/16; 6 — Брэилица 1/34; 7 — Болотешть-Вранча 2/7; **IV — Аски, кувшины, кружки-чашки:** 1 — Кубей 26/4; 2, 11 — Брэилица 1/10, 3 — Чумай 21/5, 4 — Герэсень 1/7; 5 — Рэкэчиунь 19/7; 6 — Казаклия 17/27; 7 — Болотешть-Вранча 2/9; 8 — Хыршова 1/2; 9 — Лиешть-Арбэнашу 1/22; 10 — Глиное II 110/5; 12 — Олэнешть 1/28; **V — Орудия труда, оружие:** 1 — Никольское 11/7; 2 — Семеновка 8/13; 3 — Маяки III, 9/1; 4 — Рошкань 1/13; 5 — Глиное 1,1; 6 — Брэвичень 6/9; 7 — Подойма 3/4; **VI — Украшения:** 1 — Глубокое 1/24; 2 — Лиман 3А/30; 3 — Алкалия 33/3; **Антропоморфные стелы:** 4 — Тимково 1/12; 5 — Олэнешть 2,1; 6 — Плавни 25/1; 7 — Маяки III, 1/4; **Повозки:** 8 — Балабану I, 13/13; 9 — Петрешть 3/9 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 19. Categories of materials typical for twisted lateral burials, representing the late period of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region: I — Cup-shaped vessels and bowls: 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Semenovka 8/18; 3 — Grigor'yevka 1/12; 4 — Korzhevo 8/14; 5 — Krasnoye 9/23; 6 — Mayaki IV, 1/1; 7 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 8 — Kazakliya 17/14; 9 — Vledichen' 9/8; 10 — Chobruchi II, 1/12; 11 — Semenovka 2/3; 12 — Mirnoye 1/9; 13 — Baranovo 1/9; 14 — Mologa 2/26; 15 — Speya 1/5; 16 — Dobryanka 1/6; 17 — Porogi 3A/18; 18 — Bolotesht'-Vrancha 2/14; 19 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 20 — Feshtelitsa II, 1/2; 21 — Kholmskoye 2/8; 22 — Alkaliya 8/3; 23 — Mikhaylovka 3/12; **II — Ampho-shaped vessels:** 1 — Baranovo 9/3; 2 — Semenovka 2/6; 3 — Olenesht' 1/15; 4 — Primorskoye 1/13; 5 — Kholodnaya Balka 1/7; 6 — Tarakliya I, 1/13; 7 — Tatarbunary 1/2; 8 — Gura Bykuluy 7/1; 9 — Kholmskoye 2/13; 10 — Gradeshka I, 5/9; 11 — Novoselitsa 19/13; 12—13 — Porogi 3/4, 4/8; 14 — Oknitsa 6/18; 15 — Yefimovka 10/7; 16 — Bursuchen' 1/14; 17 — Valya Lupuluy 1/22; **III — Cup-shaped:** 1 — Mirnoe 1/12; 2 — Purcar' 1/23; 3 — Trapovka 4/5; 4 — Efimovka 9/17; 5 — Garden III, 1/16; 6 — Brailitsa 1/34; 7 — Bolotesti-Vrancea 2/7; **IV — Aski, jugs, mugs-cups:** 1 — Mirnoye 1/12; 2 — Purkar' 1/23; 3 — Trapovka 4/5; 4 — Yefimovka 9/17; 5 — Ogorodnoye III, 1/16; 6 — Breilitsa 1/34; 7 — Bolotesht'-Vrancha 2/7; **V — tools, weapons:** 1 — Nikol'skoye 11/7; 2 — Semenovka 8/13; 3 — Mayaki III, 9/1; 4 — Roshkan' 1/13; 5 — Glinoye 1,1; 6 — Brevichen' 6/9; 7 — Podoyma 3/4; **VI — Decorations:** 1 — Glubokoye 1/24; 2 — Liman 3A/30, 3 — Alkaliya 33/3; **Anthropomorphic steles:** 4 — Timkovo 1/12; 5 — Olenesht' 2,1; 6 — Plavni 25/1; 7 — Mayaki III, 1/4; **Carts:** 8 — Balabanu I, 13/13; 9 — Petresht' 3/9 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 20. Категории материалов характерные для скорченных погребений на спине с понятыми в коленях ногами, представляющие ранний период ямной культуры Карпато-Поднестровья:
I — Чашевидные сосуды и миски: 1 — Казаклия 8/5; **II — Амфоровидные сосуды:** 1 — Рогожень 1/1; 2 — Тудора II, 1/10; 3, 7 — Корпач 8/13, 8/12; 4—5 — Бэдражий-Век 29/14, 25/12; 6 — Окница 3/14; 8 — Мэркулешть 3/5; 9 — Тырпешть 1/1; 10 — Тараклия II, 25/18; 11 — Казаклия 5/13; 12 — Яблони 1/1; 13 — Кэушень 1/4; 14 — Ясски 5/23; **III — Кубковидные формы:** 1 — Бутор I, 9/3; 2 — Беляевка 1/32; 3 — Глубокое 2/8; 4 — Баштновка 7/12; **IV — Аски, кувшины:** 1 — Глубокое 2/11; 2 — Болград 1/12; **V — Украшения:** 1 — Плавни 26/4; 2 — Брэвичень 2/7; 3 — Тараклия II, 10/10; **VI — Антропоморфные стелы:** 4 — Глубокое 1/7; 5 — Новоселица 19/7; 6 — Томай 1/13; 7 — Кэушень 1/3; 8 — Санжейка 1/2; 9 — Молога 1/4; **Повозки:** 10 — Новоселица 19/16; 11—12 — Холмское 2/10, 1/7; 13 — Тараклия II, 10/18; 14 — Никольское 7/33; 15 — Маяки I, 5/5.

Fig. 20. Categories of materials characteristic of crumpled burials on the back with legs at the knees, representing the early period of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region:
I — Cup-shaped vessels and bowls: 1 — Kazakliya 8/5; **II — Amphora-shaped vessels:** 1 — Rogozhen' 1/1; 2 — Tudora II, 1/10; 3, 7 — Korpach 8/13, 8/12; 4—5 — Bedrazhiy-Vek' 29/14, 25/12; 6 — Oknitsa 3/14; 8 — Merkulesht' 3/5; 9 — Tyrpesht' 1/1; 10 — Tarakliya II, 25/18; 11 — Kazakliya 5/13; 12 — Yablona 1/1; 13 — Keushen' 1/4; 14 — Yasski 5/23; **III — Cup-shaped forms:** 1 — Butor I, 9/3; 2 — Belyaevka 1/32; 3 — Glubokoye 2/11; 4 — Bolgrad 1/12; **IV — Aski, jugs:** 1 — Glubokoye 2/11; 2 — Bolgrad 1/12; **V — Decorations:** 1 — Plavni 26/4; 2 — Brevichen' 2/7; 3 — Tarakliya II, 10/10; **VI — Anthropomorphic steles:** 4 — Glubokoye 1/7; 5 — Novoselitsa 19/7; 6 — Tomay 1/13; 7 — Keushen' 1/3; 8 — Sanzheyka 1/2; 9 — Mologa 1/4; **Carts:** 10 — Novoselitsa 19/16; 11—12 — Kholm'skoye 2/10, 1/7; 13 — Tarakliya II, 10/18; 14 — Nikol'skoye 7/33; 15 — Mayaki I, 5/5.

УДК 904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.77.24.003

И.Ж. Тутаева

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ С. СОСНОВКА *

В 1896 г. в селе Сосновка Чигиринского уезда Киевской губернии были найдены бронзовые предметы — четыре кельта и шесть слитков металла. Находки долгое время не привлекали должного внимания исследователей. Однако сам факт обнаружения подобных кельтов в Среднем Поднепровье и следующие из этого наблюдения представляют большой интерес, чем и объясняется необходимость нынешней детальной публикации. Теперь предметы из Сосновки атрибутированы как клад металлических изделий, относящийся к пятому периоду позднего бронзового века по восточноевропейской шкале хронологии, что соответствует XIV—XIII вв. до н.э. Предполагается, что предметы клада представляют собой импорт из районов, лежащих далее к западу.

Ключевые слова: клад, металлические изделия, поздний бронзовый век, Среднее Поднепровье.

Сведения об авторе: Тутаева Индира Жанатовна, Государственный Эрмитаж.

Контактная информация: 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург Дворцовая набережная, 32, Государственный Эрмитаж; e-mail: stavridas.win56@yandex.ru.

I.Zh. Tutaeva

METAL TOOLS OF THE LATE BRONZE AGE FROM SOSNOVKA VILLAGE

In 1896, several bronze objects were found near Sosnovka village, Chigirin County (*uezd*), Kiev Province. The Sosnovka finds consisted of four celts and six bronze bars which had not been attracting interest of scholars for a long time. Meanwhile, the fact that objects of this kind were found in the Middle Dnieper region may surely induce certain valuable reflections. It was therefore decided to publish the finds from Sosnovka comprehensively as a separate study. Actually, they are identified to be a hoard of metal products of the fifth period Late Bronze age according to the Eastern European chronology scale, which corresponds to the 14th—13th centuries BCE. Also, the assumption is made that the hoard is the result of imports to the Middle Dnieper region from the west.

Key words: hoard, metal tools, the last Bronze Age, the middle Dnieper region.

About the author: Tutaeva Indira Zhanatovna, The State Hermitage Museum.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 32, The State Hermitage Museum; e-mail: stavridas.win56@yandex.ru.

---

* Выражаю свою искреннюю признательность В.С. Бочкарёву за то, что он поделился со мной материалами сосновского клада.

В конце XIX в. в с. Сосновка¹ Чигиринского уезда Киевской губернии были обнаружены бронзовые предметы (рис. 1). Сведения о них в литературе оказались крайне скудны. В основном это были публикации отдельных вещей или, максимум, нескольких предметов. Так, например, один из сосновских кельтов, наряду с другими яркими находками южной половины Восточной Европы, впервые опубликовал А.М. Тальгрэн (Tallgren 1926: 181, fig. 105: 11). Почти век спустя В.А. Дергачёв составил и опубликовал обширный каталог топоров-кельтов с территории Карпато-Подунавья, куда вошли четыре кельта из с. Сосновки (Дергачёв 2010: 149, табл. 5: 61—64). Однако данные, которые были указаны в каталоге автора (№ 61—64) касательно условий находки и описания предметов, также были неполными.

В литературе полный комплекс предметов из Сосновки никогда не был опубликован, и, кроме того, исследователями не поднимались вопросы атрибуции, культурной принадлежности и важности такого рода изделий на территории Среднего Поднепровья. Поэтому кажется актуальным опубликовать данный комплекс заново в свете современных знаний археологии позднего бронзового века.

Главными источниками информации об этих предметах следует считать отчет ИАК и данные рукописного отдела Научного архива, хранящиеся в ИИМК РАН. В отчете ИАК за 1896 г. в разделе «Случайные находки и приобретения» указано, что в селе Сосновка Чигиринского уезда Киевской губернии были найдены «4 бронзовых одноручных кельта и 6 бесформенных бронзовых слитков» (Отчет ИАК 1898: 122). Позже отмечено, что из комиссии в 1898 году вещи были переданы в музей Киевского университета Святого Владимира (Отчет ИАК 1898: 238, 239), коллекции которого в советское время вошли в состав Киевского исторического музея (ныне Национальный музей истории Украины, г. Киев). Однако в отчете ИАК отсутствуют какие-либо данные об авторе и условиях нахождения древностей, а также в публикацию не были помещены их графические изображения.

Частично недостающие сведения удалось получить, обратившись к архивному фонду Археологической комиссии (Дело 104: Л. 1—8). В деле № 104 за 1896 г. в рапорте киевского губернатора от 31 мая 1896 г. сообщалось, что в Археологическую комиссию передается находка, «...состоящая из четырех металлических медных предметов, имеющих вид наконечников военного орудия кельтских времен и шести кусков такого же металла, образовавшихся, по-видимому, от разбитого какого-то сосуда, присовокупляя, что вещи эти, как доносит [чигиринский] исправник, найдены крестьянином с. Сосновки, Чигиринского уезда, Герасимом Гончаром на общественной земле» (Дело 104: Л. 1). Далее в переписке было указано, что находчик принес и передал вещи чигиринскому исправнику добровольно, за что был вознагражден комиссией в размере 10 руб. Также к делу приложена одна ч/б фотография, на которой изображены четыре близких по конфигурации кельта, два небольших бесформенных слитка и ещё два предмета, помещенных на тот же планшет, но не имеющих отношения к сосновским вещам (пряжка в виде головы оленя и каменный сверленный топор) (рис. 2). Таким образом, удалось получить изображение наиболее полного состава предметов из с. Сосновки (рис. 3).

В архивных материалах нигде прямо не указывается, что вещи из с. Сосновки были обнаружены в виде единого комплекса. Из документов следует только то, что они происходят из одного населенного пункта и были найдены одним человеком. Однако,

---

¹ Ныне село Сосновка (укр. Соснівка) относится к Александровскому району Кировоградской области Украины.

учитывая эти данные, а также состав находки, социальное положение находчика и каналы, по которым вещи попали в Археологическую комиссию, можно присоединиться к мнениям А.А. Спицына (Спицын. Бронзовый век) и В.С. Бочкарёва (высказано устно), что найденные в с. Сосновке предметы представляли собой *клад* металлических изделий.

А.А.Спицын в своих «корочках» (Спицын. Бронзовый век) неоднократно включал «Сосновку», т.е. сосновские предметы, в список кладовых находок Поднепровья. Сосновским изделиям посвящено две страницы его записей, где исследователь эскизно зарисовал один кельт и два слитка (Спицын. Бронзовый век: Л. 274—275). Здесь же, помимо ссылок на отчет ИАК и архивное дело, он отметил, что два экземпляра кельтов были «отлиты в одной литейной форме» (Спицын. Бронзовый век: Л. 274). Это важное наблюдение в дальнейшем подтвердится.

В конце 1960-х гг в Научном архиве ИИМК РАН В.С.Бочкарёву удалось обнаружить упоминание о сосновских вещах в личном архиве А.А.Иессена: рисунок одного кельта и краткое описание клада с указанием размеров (Иессен. Личный фонд)². Помимо этого, уже в послевоенное время клад исследовался А.И. Тереножкиным в Киевском музее. Исследователь зафиксировал три кельта с пометкой «без паспорта»³. Сохранились его рисунки, которые впоследствии были переданы В.С. Бочкарёву. И уже он в дальнейшем смог идентифицировать беспаспортные предметы как сосновские.

Просмотр В.С. Бочкарёвым в начале 1970-х гг. уцелевших инвентарных книг быв. Киевского исторического музея не привел к положительным результатам. Никаких упоминаний о сосновском кладе он не нашел. Из чего можно сделать вывод, что вещи после войны были полностью депаспартизованы, а комплекс разобщен. Тогда же В.С. Бочкарёву удалось ознакомиться с обширной и разрозненной коллекцией древностей Киевского музея, среди которой были три кельта, происходящие из с. Сосновки. Исследователь сумел их зарисовать на месте⁴ (рис. 4: 1а, 2а, 3а). Остальные предметы из сосновского клада, а именно: четвертый кельт и шесть слитков металла, в музее отыскать не удалось. На данный момент их следует считать утерянными. Описание клада даётся на основании всех изложенных выше материалов.

Итак, в состав сосновского клада входили 4 кельта, близких по конфигурациям и пропорциям, и 6 небольших слитков металла.

Кельт № 1 (рис. 4: 1). Инв. № А 211/16. Изделие имеет общую длину 12,5 см. Ширина лезвия составляет 4,3 см. Вес изделия 540—550 граммов. Внешний диаметр втулки около 4,7 × 3,8 см, внутренний (он же диаметр рукоятки) — 3,1 × 2,1 см. На обеих фасках в верхних частях арок четко фиксируются вытянуто-овальные углубления. Размер одной такой выемки занимает площадь 2,3 × 1 см. Арковидная фаска по контуру имеет тонкий едва заметный валик. Лезвие кельта сильно сбито, из-за чего его кромка имеет неровные очертания. По имеющимся данным сложно определить, было оно затуплено ещё в древности или же находчиком. По узким граням кельта четко фиксируются литейные швы. Глубина втулки варьирует от 4,1 см до 6,8 см. Эта разница вызвана литейным браком: при отливке кельта в двустворчатой литейной форме глиняный сердечник, вероятно, сдвинулся с места. Это повлекло за собой искажение очертаний втулки, а также препятствовало креплению изделия на древко. Однако, несмотря на такой существенный дефект, оружие имеет следы использования. Краевой валик, со стороны

² Фонд находится в процессе научно-технической обработки. Повторное обращение к личному архиву в 2019 г. не дало положительных результатов.

³ Свои рисунки он передал В.С.Бочкарёву, у которого они до сих пор хранятся.

⁴ Рисунки трех кельтов, сделанных В.С. Бочкарёвым в Киевском музее, публикуются в данной статье с разрешения автора.

которого заливался металл в форму, не поврежден. Но ушковое отверстие частично залито металлом, что следует рассматривать как незначительный литейный брак или, скорее, т.н. *облой*.

Кельт № 2 (рис. 4: 2). Инв. № А 211/15. Изделие имеет общую длину 12,5 см. Ширина лезвия составляет 4,2 см. Вес 470—480 граммов. Внешний диаметр втулки около $4,4 \times 3,7$ см, внутренний — $3 \times 2,1$ см. Глубина втулки 6,2 см. На верхних частях арковидных фасок четко фиксируются небольшие овальные углубления, по одному с каждой стороны. Размер таких выемок примерно 2×1 см, а глубина достигает порядка 0,4 см. Очертания обеих фасок обозначены тонким валиком, проходящим вдоль бортика выступающей арки. На узких гранях кельта четко фиксируются литейные швы. В нижней части тех же плоскостей прослеживаются следы проковки, формировавшие корпус изделия. Само лезвие кельта имеет следы заточки. Предмет имеет целый ряд литейных браков, одним из которых является наглухо залитое металлом ушковое отверстие. Сверху краевого валика, ближе к литейным швам, прослеживаются три усадочные (газовые) раковины. Это округлые пустоты в виде небольших вогнутых ямок на гладкой поверхности, образовавшиеся от тонких литниковых канальцев, через которые поступал металл в литейную форму. При кристаллизации металла и переходе его из раскаленного жидкого в охлажденное твердое состояние происходила усадка, в результате чего в местах открытых литников образовались подобного рода углубления. Помимо этого на лезвии изделия фиксируется множество зазубрин, которые косвенно указывают на то, что орудие было в употреблении.

Если сравнивать метрические параметры кельтов № 1 и 2, можно обнаружить целый ряд общих признаков. На это указывают одинаковая длина, ширина лезвия, ряд одних и тех же дефектов литья и т.д. Единственным существенным их отличием является вес изделий (550 vs 480 граммов). Весовые расхождения могут объясняться разницей в глубине втулок. Напомним, что у первого кельта втулка была перелита за счет литейного брака и поэтому имела меньшую глубину. У второго же кельта втулка отлита без существенных изъянов, поэтому количество металла на отливку было затрачено меньше по сравнению с первым кельтом. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что оба кельта были отлиты в одной литейной форме. Эта же мысль высказывалась ранее А.А. Спицыным.

Кельт № 3 (рис. 4: 3). Инв. № А 211/14. Орудие имеет общую длину 11,4 см. Ширина лезвия достигает 3,9 см. Вес изделия 380 граммов. Внешний диаметр втулки $4 \times 3,2$ см, внутренний — $3,1 \times 2,4$ см. Глубина втулки 5,8 см. На фасках с двух сторон в верхних частях арок четко фиксируются вытянуто овальные углубления. Размер одной такой выемки занимает площадь $2 \times 1,3$ см. Однако на одной стороне в центре такого углубления располагается сквозное отверстие, размеры которого достигают $0,8 \times 0,5$ см (рис. 4: 3а). Арочную фаску окаймляет тонкий валик. На узких гранях кельта фиксируются литейные швы. Нижние части этих плоскостей были подвержены ковке. Об этом свидетельствуют следы сплюсненности литейных швов. Само лезвие заточено, имеет небольшой скос на одну сторону. Внутренняя втулка слегка недолита, но, несмотря на это, кельт был обработан и использовался по назначению. На краевом валике сверху фиксируются три небольшие литейные раковины, две из которых располагаются со стороны ушка. Отверстие ушка при литье получилось не полностью. Его размеры составляют всего $0,4 \times 0,7$ см.

Кельт № 4⁵ (рис. 4: 4). Длина изделия составляет порядка 11,5 см. Внутренний диаметр втулки $3,2 \times 2$ см. Ширина лезвия 4,1 см. В верхней части арочной фаски фиксируется

---

⁵ Данный кельт не удалось разыскать В.С. Бочкарёву в Киевском музее и подробно его изучить. Поэтому все метрические параметры и описание приводятся по данным архивной фотографии из НА ИИМК РАН.

углубление 2×1 см. По аналогии с предыдущими изделиями, надо полагать, с обратной стороны кельта на фаске имеется такая же выемка. Арочную фаску вдоль всего бортика окаймляет тонкий валик, доходящий до лезвия изделия. На краевом валике фиксируется, как минимум, одна заметная усадочная раковина небольших размеров. Ушковое отверстие у данного экземпляра получилось без существенных дефектов. Его диаметр составляет $1,2 \times 0,7$ см. Лезвие кельта обработано.

По внешнему облику, а также схожести пропорций и метрических параметров четвертый кельт аналогичен третьему, и как следствие, можно предположить, что оба были отлиты в одной литейной форме. Такая же идея высказывалась относительно первого и второго кельтов. Поэтому, если принять во внимание предположение, что все четыре кельта были отлиты всего в двух литейных формах, то это можно считать дополнительным свидетельством, что вещи из с. Сосновки действительно представляют собой единый комплекс.

Кроме кельтов в клад входили *шесть кусочков металла* от разбитых слитков. Но только для двух из них мы имеем изображения. Размер меньшего фрагмента (рис. 4: 5) составляет примерно $5,5 \times 5,5$ см, большего (рис. 4: 6) $\sim 6 \times 7$ см. Весовые параметры отсутствуют. Оба фрагмента имеют неровные края и пористую поверхность.

Таким представляется состав клада из с. Сосновки. Наибольший интерес в нем вызывают однотипные рубящие орудия, которые в литературе получили название *кельты рышештского типа* (Черных 1976: 77—78, табл. VI: 1—9; Дергачёв 1997: 24; Дергачёв 2010: 34—46, табл. 1—7; Бочкарёв 2017: 192, № 63). Были названы так по эпонимному памятнику Рышешть (Râșești, Румыния). В румынской и ранней отечественной литературе он также известен как восточно-трансильванский тип. Для него характерны изделия с одним ушком, примыкающим к краю втулки, которую опоясывает хорошо выделенный валик. Широкие грани (т.н. *фаски*) с обеих сторон изделия оформлены в виде арок, на которых в верхних частях закругленного свода располагаются вытянуто-овальные углубления или сквозные отверстия (т.н. «*пещерки*»), по одному с каждой стороны. Корпус изделий стройный, слегка расширенный книзу. Лезвие почти прямое.

Исходя из археологических данных, куда входят прежде всего находки с поселенческих памятников и кладов, можно достаточно легко определить время и культурную принадлежность рассматриваемых кельтов. В число значимых следует отнести находки из кладов Рышешть, Христич, Гермэнешть, Курячьи Лозы, Новые Трояны, Кодрянка, Бецилово, Красный маяк, Антоновка, Баху и многие другие. По данным последних исследований эти вещи датируются V периодом (Бочкарёв 2017: 173—174, 192, № 63). Лишь единичные находки встречаются в более позднее время. В абсолютных датах это соответствует времени XIV—XIII вв. до н.э. Судя по находкам кельтов типа Рышешть в кладах и на поселениях культур Ноуа и, отчасти, Сабатиновка, их следует приурочить именно к этим археологическим культурам. Центр их производства, очевидно, находился между Карпатами и Днестром — там фиксируется наибольшее скопление находок (рис. 5).

Теперь рассмотрим более подробно кельты рышештского типа и культурно-историческую обстановку периода, когда они существовали. На фоне огромного разнообразия кельтов эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья он является одним из самых многочисленных. Автору удалось учесть 131 экземпляр. Это количество включает в себя четыре негатива на литейных формах. Все они относятся к Красномаяцкому комплексу, который был случайно найден во время земляных работ в 1932 году (Черняков 1965: 100, 102, 104, 105, рис. 6: 5, 8: 1—2, 5). Учитывая условия нахождения и состав самого комплекса, его

следует интерпретировать как клад. Других литейных форм для отливки кельтов рышештского типа пока неизвестно.

В общее количество изделий входят 67 кладовых находок, 8 изделий с поселенческих памятников, 21 случайная находка и ещё 35 экземпляров, условия нахождения которых остаются неизвестными (табл. 1). В процентном соотношении большое преимущество имеют находки в кладах — это более 50% от общего количества. Далее по степени уменьшения идут случайные находки (16%) и находки на поселениях (6,1%). В погребальных памятниках кельты типа Рышешть не фиксируются. Это объясняется тем, что положение металлического инвентаря в могилы в большинстве случаев не предусматривалось местными погребальными традициями.

Таблица 1. Распределение находок кельтов типа Рышешть по основным видам археологических памятников

Клады	Единичные случайные находки	Поселения	Погребения	Условия находки неизвестны	Всего
67 экз.	21 экз.	8 экз.	—	35 экз.	131 экз.
51,1%	16%	6,1%	0%	26,7%	100%

Если подвергнуть визуальному анализу кельты рышештского типа, то в первую очередь на себя обращают внимание их размеры. Общая длина колеблется в пределах от 8 до 13 см (табл. 2), а максимальная ширина лезвия может достигать 5 см. Такие габариты изделий по сравнению с близкими аналогиями из Нижнего и Среднего Подунавья и Северо-Западного Причерноморья позволяют относить эти кельты к достаточно крупным орудиям, вес которых мог достигать полукилограмма.

Таблица 2. Гистограмма распределения длин кельтов типа Рышешть

Что касается орнамента на кельтах, то он встречается крайне редко. Иногда он представлен в виде хомутика вокруг «пещерки» (Дергачёв 2010: табл. 2: 24, 3: 38, 4: 48, 6: 75, 7: 86, 88, 89 и др.), а иногда отходящими от края втулки вертикальными валиками, спускающимися вдоль узких граней корпуса кельта (Дергачёв 2010: табл. 1: 12, 2: 25, 3: 38). Остальные вариации элементов орнамента являются уникальными и, как следствие,

представлены единичными экземплярами (Дергачёв 2010: табл. 2: 20, 6: 78). Таким элементам оформления принято приписывать декоративный характер.

Таковую же функцию могли носить отверстия или углубления на арковидных фасках. Но, с другой стороны, наличие таких «пещерок» могло быть связано со спецификой изготовления изделий в литейных формах, т.е. непосредственно с технологией литья. Можно предположить, что перед заливкой для наилучшей фиксации глиняный сердечник, находясь внутри полый двусторонней формы, специально подпирался небольшими выступами, которые на позитиве образовывали сквозные отверстия или углубления (рис. 6).

Однако нельзя отрицать обстоятельства, говорящие о том, что такие отверстия на фасках могли вовсе не играть большой роли в технологии изготовления кельтов с «пещеркой». Так, например, нередко можно встретить изделия, отверстие на которых располагается только с одной стороны арковидной фаски. Это притом, что фаска без отверстия не носит на себе каких-либо признаков литейного брака, при котором «пещерка» могла не получиться. В таком случае фиксация сердечника внутри кельта за счет одного выступа на негативе была бы невозможной. А это значит, его фиксировали другими способами, где подобные выступы и их количество не играли значительной роли. Косвенно это могут подтверждать изделия, на которых «пещерки» не удались при литье. Как результат, на их месте образовались небольшие углубления в отливке. Это говорит о том, что сердечник не примыкал плотно к выступам, но при этом формирование втулки в металле происходило без существенных дефектов.

В литературе существует сразу несколько точек зрения, для чего эти отверстия предназначались. Но подробно касаться этого вопроса мы не будем. Совершенно ясно одно — отверстия, которые получались на готовом изделии, создавались мастерами намеренно. С одной стороны, выступы на негативе в литейной форме действительно могли служить дополнительным фактором удерживания сердечника на нужной высоте, но только как вспомогательный элемент. Скорее всего, функционально они были предназначены не для этой цели. Следует отметить, что наличие подобных выемок, или, иначе, сквозных «пещерок», фиксируется сразу для нескольких типов безушковых кельтов Нижнего Подунавья и Восточного Прикарпатья (Дергачёв 2011: табл. 1—12, 14: 42, 46, 47, 17: 1—8, 21: 1, 22: 8). Нельзя исключать, что такое специфическое оформление целой серии типов кельтов могло выступать в качестве местной особенности — т.е. являться отличительным элементом — литейного производства этих регионов.

Территория, которую занимают кельты рышештского типа, представляет собой довольно большое пространство. С помощью составленной карты удалось обозначить максимальную зону их распространения (рис. 5). Наиболее четко распределение по территории можно увидеть, если разбить общий ареал на географические зоны и посчитать процентное соотношение для каждого региона в отдельности (табл. 3). Так, например, юго-восточное Прикарпатье является абсолютным лидером среди всех территорий, включающим в себя почти половину всех известных находок (44,3%). Второе место среди регионов будет занимать правобережье Днестра (19,8%). На окраинах ареала — Трансильвания на западе и территория Левобережной Украины на востоке — концентрация кельтов будет самой незначительной (3,8% и 3% соответственно). Находки с территорий современных Болгарии, южной Румынии, Хорватии и Западной Украины были отнесены в категорию «других территорий», где кельты рышештского типа встречаются редко.

Таблица 3. Распределение находок кельтов типа Рышешть по территории

Трансильванское плато	Ю-В Прикарпатье	Степное Правобережье Днестра	Нижнее и Среднее Поднепровье	Степное Левобережье Днестра	Другие территории	Неизвестно местонахождение	Общее кол-во экз.
5 экз.	58 экз.	26 экз.	15 экз.	4 экз.	10 экз.	13	131 экз.
3,8 %	44,3 %	19,8 %	11,5 %	3 %	7,6 %	9,9 %	100%

Из количественного анализа местонахождений кельтов типа Рышешть четко видно, что основная их концентрация находится между р. Сирет и Днестр (современные территории Молдавии и румынской Молдовы). Именно этот регион следует считать центром их производства и наиболее активного использования в местной археологической культуре, т.е. в культуре Ноуа. Наблюдается, что чем регионы располагаются дальше от этого центра, тем изделия представлены реже и в меньшем количестве. Так, например, в восточном направлении кельты достигают Северского Донца. Однако за Днестром известно только о трех таких находках (клады Орехово и Райгородка). К западу и югу от Карпат кельты рышештского типа также единичны. Там они встречаются как в кладах (Arcus, Augustin, Cetatea de Balta), так и в качестве случайных находок (Aninoasa, Călnic, Cărlomănești, Naeni). Самой западной точкой является клад в восточной Хорватии — Полянцы—II, в состав которого входил фрагмент одного из интересующих нас кельтов (Hansen 1994: 570, taf. 28: 9).

Теперь хорошо видно, что территория юго-восточного Прикарпатья являлась главным производственным центром кельтов рышештского типа. В V периоде их изготовлением занимался местный так называемый рышештский очаг металлопроизводства, который базировался в пределах распространения культуры Ноуа (Дергачёв 1997: 45; Бочкарёв 2006: 58). По соседству с ней на востоке существовала сабадиновская культура, которую обслуживал красноямский очаг металлопроизводства. Его мастера-литейщики производили металлические орудия для степной и лесостепной полосы правобережной зоны Поднепровья. Они тоже, пусть и в меньшем объеме, производили кельты рышештского типа. Что касается лесостепной зоны Правобережной Украины, то культурная принадлежность этих находок вызывает затруднения. В отечественной литературе некоторые авторы для этой территории выделяют так называемую тшинцево-комаровскую археологическую культуру (Березанская 1985а: 428—437; Березанская 1985b: 437—445; Лысенко 2012: 263—275 и др.). Но до конца остается неясным, могла ли эта территория самостоятельно изготавливать такие кельты. Находки с территорий современных Трансильвании, Болгарии, Хорватии и южной Румынии редки. Там они, если и производились, то в гораздо меньшем количестве, а некоторые из них и вовсе следует рассматривать как результат торговли или обмена.

Коротко отметим, что красноямский очаг металлопроизводства в V периоде включал в себя как минимум две территориальные подгруппы — буго-днестровский регион и Нижнее Поднепровье (Бочкарёв 2017: 173, рис. 10). Они отличаются между собой индивидуальным набором типов металлических изделий. Обе эти территории следует рассматривать как локальные, местные центры металлопроизводства. Примечательно то, что они базировались только на привозном сырье, так как местных рудных месторождений для поддержания крупного производства в Северном Причерноморье не было. Как следствие, необходимо было налаживать торговые и экономические связи с соседними территориями для

организации поставок руды и металла. Поэтому тот факт, что красномаяцкий очаг всецело был подвержен большому влиянию со стороны соседнего карпато-балканского региона, вполне очевиден. Из двух территориальных подгрупп наибольшее влияние Карпато-Балкан испытывал на себе буго-днестровский регион. Вместе с сырьем он заимствовал и новые типы бронзовых изделий, которые же впоследствии стал самостоятельно производить (Красный Маяк). Такое влияние не могло не отразиться на общем облике местного металлопроизводства, которое теперь включало в себя не только изготовление оригинальных орудий и оружия, но и типов, заимствованных с соседних территорий. А именно: серпы типа Гермэнешть, Хелешть, кельты типа Негрешть, Рышешть, старшего трансильванского типа и т.д. Они являются яркими маркёрами археологических культур западных регионов V периода. Позднее кельты рышештского типа встречаются уже только в качестве исключений. Как минимум два таких кельта разной сохранности были обнаружены в райгородском кладе на Северском Донце (Лесков 1967: 159—161, рис. 9; Бочкарёв 2017: 174—176). Он целиком имеет ярко выраженное западное происхождение и датируется VI периодом⁶.

Здесь же стоит коснуться вопроса о происхождении сосновского клада, т.е. является ли он результатом местного производства или же был импортирован с других территорий, где изготовление такого рода изделий было поставлено на поток. Вероятно, ответ можно получить, обратившись к анализу весовых показателей. При рассмотрении этого параметра у целой серии кельтов оказалось, что предметы из сосновского клада — при массе 480—550 граммов — являются самыми тяжелыми из всех представителей рышештского типа и не только. Дело в том, что Поднепровье в позднем бронзовом веке, имея свои собственные центры металлопроизводства, изготовляло сразу несколько типов двуушковых кельтов, которые по своему исполнению были достаточно оригинальны. Например, для V периода к таким относится старшекардашинский тип кельтов. Но наряду с самостоятельными формами Поднепровье также производило типы металлических изделий, которые сочетали в себе разнотерриториальные признаки. К таким относится тип кельтов — условно назовем его днепрово-каменским, — насчитывающий пока только 11 экземпляров: Головятино, Витачев, Мельниковка, литейные формы из Вышетарасовки, Дудчан, Днепрово-Каменки и др. Специфика его состоит в том, что изделия, которыми он представлен, полностью повторяют типологические черты рышештского типа: арочная фаска с «пещеркой» в верхней части, примыкающее к краю втулки ушко, стройный корпус, прямое лезвие. При всем этом местные дериваты имели два принципиальных отличия от своих западных прототипов: два ушка вместо одного и вес 100—150 граммов. Такие небольшие по размерам и легкие по весу изделия были всегда характерны для Среднего Поднепровья эпохи поздней бронзы. Так как эта территория больше всего нуждалась в металле, дефицит сырья не мог не сказаться на габаритах металлических изделий. Это наблюдается на целом ряде изделий, наиболее характерными из которых являются серповидные орудия (Бочкарёв, Дергачёв 2002: 73—75, 93—97, 106) и кельты. При всем своем внешнем соответствии с другими типами как восточных волго-уральских, так и западных карпато-балканских регионов, изделия из Среднего Поднепровья всегда имели критично малый вес. В связи с вышеизложенным можно заключить, что клад из Сосновки не мог производиться мастерами на месте из-за отсутствия необходимого количества сырья. Вероятно, он был транспортирован в Среднее Поднепровье

---

⁶ Данный комплекс содержит явные признаки намеренного повреждения бóльшего количества составляющих его предметов. Учитывая это, можно предположить, что клад прятали как запас сырья, т.е. это клад литейщика. Специфика таких комплексов отчасти объясняет, почему кельты рышештского типа «доживают» до периода, где они считались архаичными формами.

с территории юго-восточного Прикарпаття, как ценный сырьевой клад, общим весом около/или свыше двух кг⁷.

То, что сосновские предметы представляют собой т.н. *клад литейщика*, подтверждает сам состав комплекса. Важное, в данном случае, значение будут иметь слитки металла в количестве шести штук. Само наличие их в кладе даёт возможность трактовать характер комплекса достаточно однозначно. По всей видимости, сосновский клад был депонирован в землю как ценное сырьё с целью вернуться к нему через время и использовать в дальнейшей переработке и отливке необходимых типов изделий. Однако по каким-то причинам этого не произошло.

В Северном Причерноморье клады, в состав которых входят слитки металла, не являются большой редкостью. Удалось учесть для V периода 22 таких комплекса. Всего же кладов металлических изделий для этого времени насчитывается порядка 72 (табл. 4).

Таблица 4. Распределение кладов металлических изделий и кладов со слитками по географическим регионам (V период)

	Юго-восточное Прикарпатье	Правобережье Днестра	Левобережье Днестра	Общее количество	%
Всего	49	19	4	72	100%
Из них со слитками	12	7	3	22	30,5%

Большая часть кладовых находок, как ожидалось, была обнаружена в юго-восточном Прикарпатье — 49 кладов, что составляет 68% от общего количества. Из них 12 кладов включают в свой состав слитки металла. Может показаться, что это достаточно много, т.к. нигде восточнее такого количества кладов со слитками не фиксируется. Однако здесь стоит обратить внимание на пропорциональное соотношение общего количества кладов для каждого микро региона в отдельности с тем количеством депонированных комплексов, в состав которых входят слитки металла (табл. 5).

Таблица 5. Процентное количество кладов со слитками для каждого географического региона (V период)

Территория	Кол-во кладов всего	%	Кол-во кладов со слитками	%
Юго-восточное Прикарпатье	49	100%	12	24,50%
Правобережье Днестра	17	100%	7	41,20%
Левобережье Днестра	6	100%	3	50%
Итого	72		22	

Тенденция будет такова: чем дальше к востоку от современных территорий Молдавии и румынской Молдовы, тем чаще будут встречаться клады со слитками. Так, например, для юго-восточного Прикарпаття известно 24,5% комплексов, в состав которых входят слитки. В то время как для правобережной зоны Днестра эта цифра будет составлять уже 41,2%. Для

⁷ Кельты весят порядка 1,7 кг. Вес слитков неизвестен. А потому общий вес клада можно только предполагать.

Левобережной Украины, несмотря на малое количество кладов V периода, уже 50% кладов будут иметь в своем составе слитки. Такая закономерность вполне объяснима тем, что чем дальше от источников сырья находится регион, тем экономней и бережливее будет отношение к металлу в целом. А значит, количество депонируемых комплексов с ценным сырьем на отдаленных территориях будет закономерно увеличиваться.

Распространение кладов металлических изделий и кладов со слитками Северного Причерноморья показано на карте (рис. 7).

Несмотря на достаточно убедительную аргументацию в пользу трактовки таких кладов, как сырьевых, нельзя исключать и возможность, что часть этих кладовых находок намеренно депонировалась в землю, как *вотивы*. Наличие слитков металла, в данном случае, не противоречит этой точке зрения, т.к. они тоже имели определенную ценность наравне с другими готовыми металлическими изделиями, и их могли также жертвовать богам бронзового века. Однако данный вариант интерпретации требует отдельного анализа и работы. И так как данная проблема выходит далеко за рамки поднятой темы, автор ограничиться только упоминанием о ней.

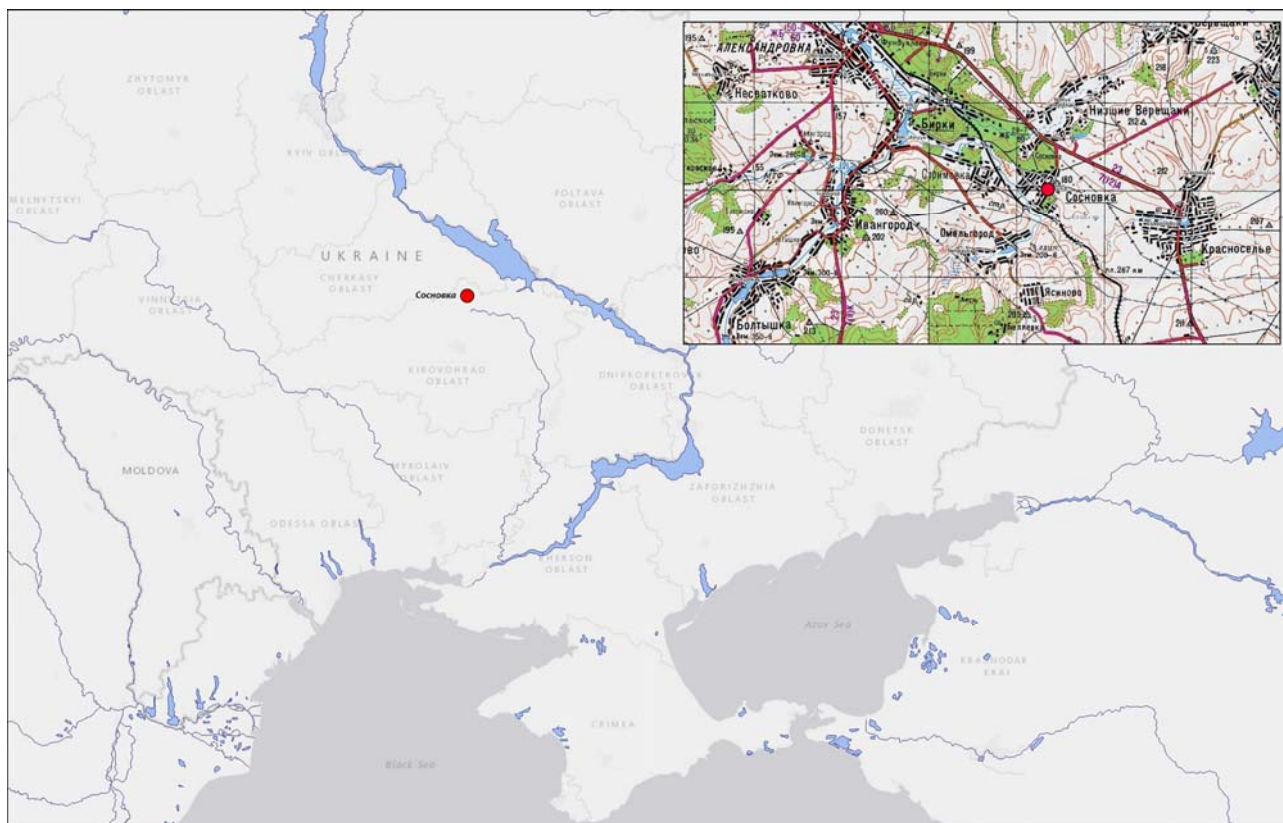
Литература

- Березанская С.С. 1985а. Комаровская культура. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 428—437.
- Березанская С.С. 1985б. Восточнотшинецкая культура. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 437—445.
- Бочкарёв В.С., Дергачёв В.А. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Бочкарёв В.С. 2006. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 18—21 декабря 2006 г.* Санкт-Петербург: Исторический факультет СПбГУ, 53—65.
- Бочкарёв В.С. 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на Юге Восточной Европы. *Stratum plus* 2, 159—204.
- Дело 104: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1896 г. Д. 104. Дело о древних медных предметах, найденных в с. Сосновке, Чигиринского у., Киевской губ.
- Дело 299: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 299. Спицын А.А. Бронзовый век Юга России.
- Дергачёв В.А. 1997. *Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона*. Кишинев: Типография Академии наук.
- Дергачёв В.А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья*. Вып. 1. *Одноушковые кельты с арковидными фасками*. Кишинев: Центральная типография.
- Дергачёв В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья*. Вып. 2. *Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинев: Центральная типография.
- Иессен. Личный фонд: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 76. Иессен А.А. Личный фонд.
- Лесков А.М. 1967. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В: Лесков А.М., Мерперт Н.Я. (отв. ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 143—178.
- Лысенко С.Д. 2012. Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине. *Российский археологический ежегодник* 2, 263—275.
- Отчет ИАК 1898: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год*. 1898. Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.
- Черняков И.Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика. *СА* 1, 87—123.
- Hansen S. 1994. *Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhôneal und Karpatenbecken*. Тl. 2. Bonn: Habelt (UPA. Bd. 21).
- Tallgren A.M. 1926. *La Pontide prescythique apres l'introduction des métaux*. Helsinki: K.F. Puromiehen Kirjapaino O.Y. (ESA II).

References

- Berezanskaya, S.S. 1985a. In: Telegin, D.Ya. (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka, 428—437 (in Russian).
- Berezanskaya, S.S. 1985b. In: Telegin, D.Ya. (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka, 437—445 (in Russian).
- Bochkarov, V.S., Dergachov, V.A. 2002. *Metallicheskiye serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age of Eastern Europe)*. Chisinau: Vysshaya antropologicheskaya shkola (in Russian).
- Bochkarev, V.S. 2006. In: Savinov, D.G. (ed.). *Proizvodstvennyye tsentry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniya. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 18—21 dekabrya 2006 g. (Production centers: sources, "roads", distribution area. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg, December 18—21, 2006)*. Saint Petersburg: Istoricheskiy fakul'tet SPbGU, 53—65 (in Russian).
- Bochkarev, V.S. 2017. In *Stratum plus* 2, 159—204 (in Russian).
- Delo 104: NA IIMK RAN. RO. F. 1. 1896 g. D. 104. Delo o drevnikh mednykh predmetakh, naydennykh v s. Sosnovke, Chigirinskogo u., Kiyevskoy gub.
- Delo 299: NA IIMK RAN. RO. F. 5. D. 299. Spitsyn A.A. Bronzovyy vek Yuga Rossii. NA IIMK RAN. RO. F. 76.
- Dergachev, V.A. 1997. *Metallicheskiye izdeliya. K probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiyskogo regiona (Metal products. On the Problem of the Genesis of the Early Hallstatt Cultures of the Carpatho-Danubio-Nordpontos region)*. Chisinau: Tipografiya Akademii nauk (in Russian).
- Dergachev, V.A. 2010. *Topory-kel'ty pozdney bronzy Karpato-Podunav'ya (Axes-Celts of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*. Iss. 1. *Odnoushkovyye kel'ty s arkovidnymi faskami (One-ear celts with arched chamfers)*. Chisinau: Tsentral'naya tipografiya (in Russian).
- Dergachev, V.A. 2011. *Topory-kel'ty pozdney bronzy Karpato-Podunav'ya (Axes-Celts of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*. Iss. 2. *Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ya (Celts and sickles of the Lower Danube)*. Chisinau: Tsentral'naya tipografiya (in Russian).
- Iyessen. Lichnyy fond: NA IIMK RAN. RO. F. 76. Iyessen A.A. Lichnyi fond.
- Leskov, A.M. 1967. In: Leskov, A.M., Merpert, N.Ya. (eds.). *Pamyatniki epokhi bronzy yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Monuments of the Bronze Age in the south of the European part of the USSR)*. Kyiv: Naukova dumka, 143—178 (in Russian).
- Lysenko, S.D. 2012. In *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 2, 263—275 (in Russian).
- Otchet IAK 1898: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1896 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896)*. 1898. Saint Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- Chernykh, E.N. 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR (Ancient metalworking in the South-West of the USSR)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chernyakov, I.T. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 87—123 (in Russian).
- Tallgren, A.M. 1926. *La Pontide prescythique apres l'introduction des métaux*. Helsinki: K.F. Puromiehen Kirjapaino O.Y. (ESA II).
- Hansen, S. 1994. *Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhôneal und Karpatenbecken*. Tl. 2. Bonn: Habelt (UPA. Bd. 21).

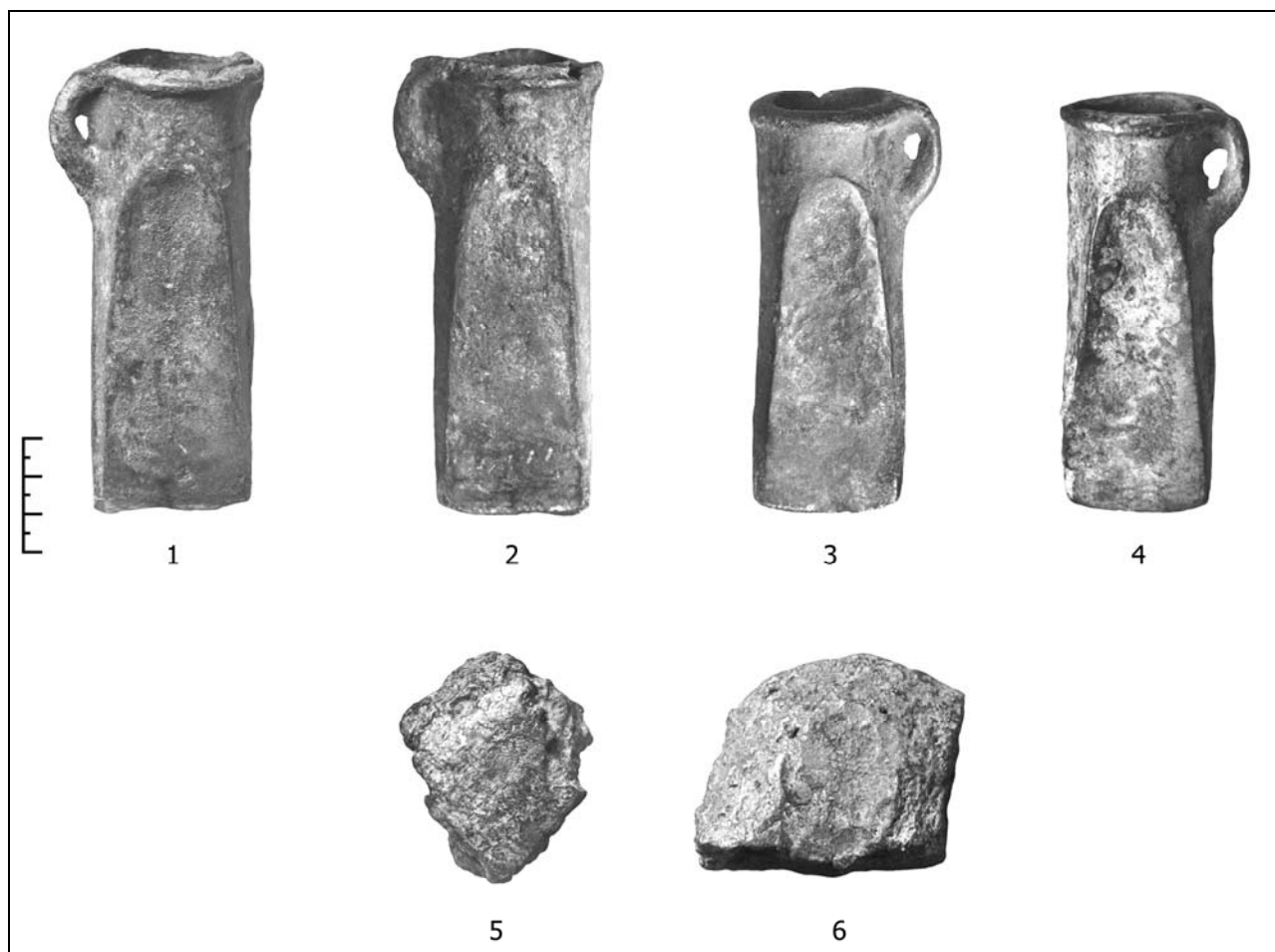
Рис. 1. Месторасположение села Сосновка на современной политической карте и карте Генштаба 1:200000 (карты заимствованы из программы SASPlanet. Дата обращения: июль 2021 г.).

Fig. 1. The location of the Sosnovka village on a modern political map and a map of the General Staff 1: 200000 (maps are borrowed from the SASPlanet program. Date of access: July 2021).

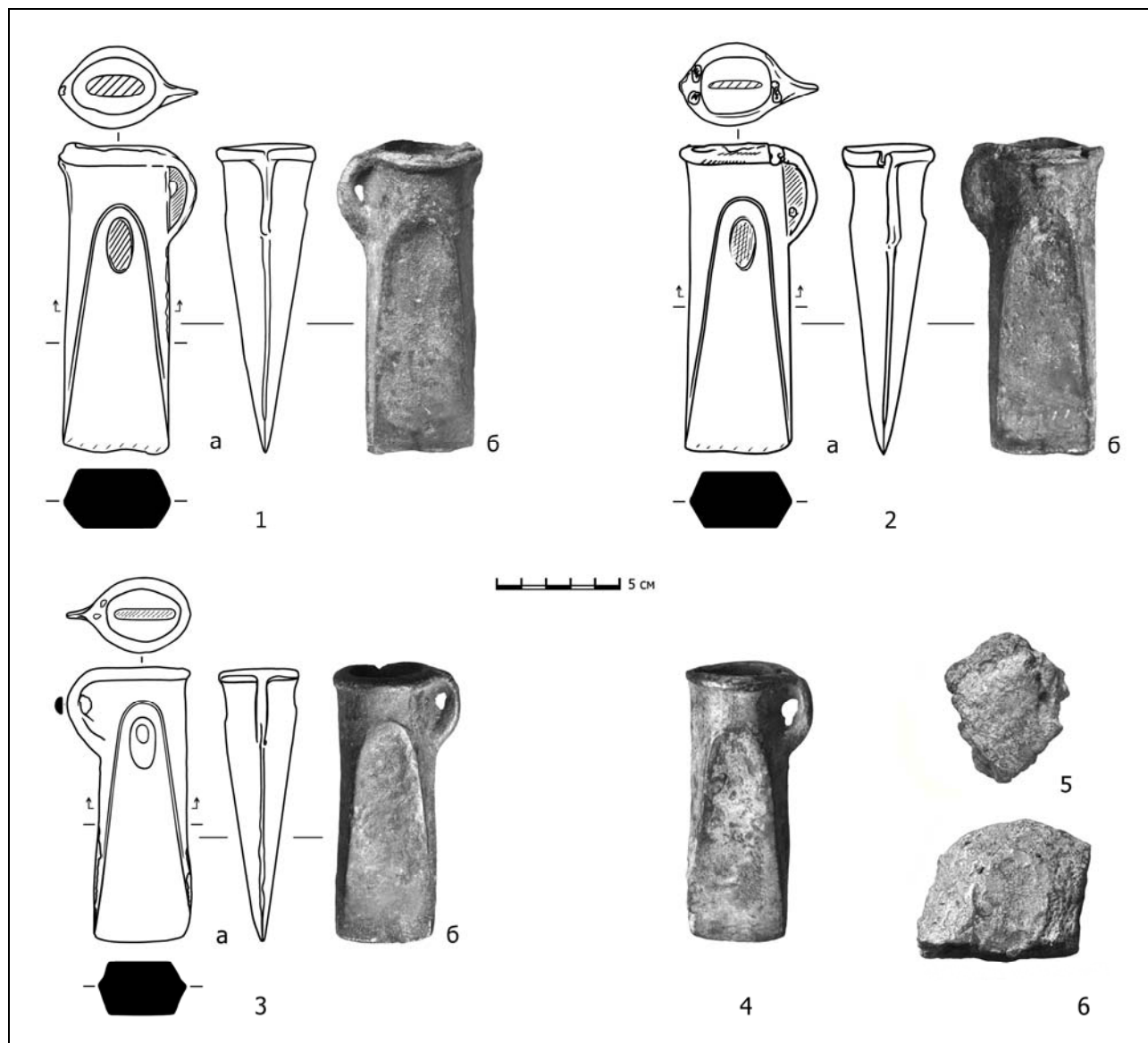
Рис. 2. Архивная фотография вещей из с. Сосновки совместно с двумя предметами (бляшка в виде головы оленя и каменный сверленный топор), не имеющими отношения к сосновским древностям (по Дело 104: Л. 7).

Fig. 2. Archival photograph of things from the Sosnovka village together with two objects (a plaque in the form of a deer head and a stone drilled ax) that have nothing to do with Sosnovsky antiquities (after Delo 104: L. 7).

Рис. 3. Отредактированные изображения бронзовых предметов из с. Сосновка (использованы ч/б изображения оригинальной архивной фотографии) (по Дело 104).

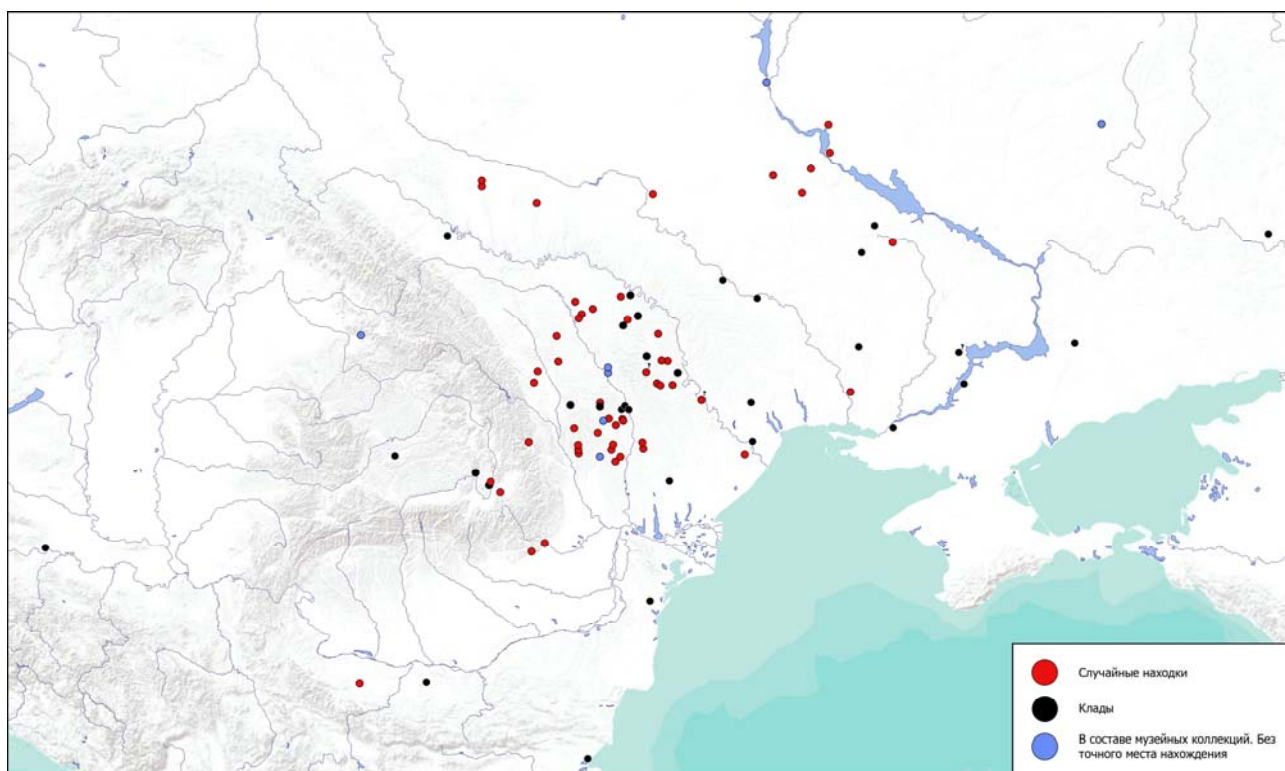
Fig. 3. Edited images of bronze objects from the village. Sosnovka (b/w images of the original archival photograph are used) (after Delo 104).

Рис. 4. Клад металлических предметов из с. Сосновки с прорисовками. 1а, 2а, 3а — рисунки В.С. Бочкарёва из личного архива, 1970-е гг.; 1б, 2б, 3б, 4—6 — фотографии из НА ИИМК РАН (по Дело 104: Л. 7).

Fig. 4. A treasure of metal objects from the village. Sosnovki with sketches. 1a, 2a, 3a — drawings by V.S. Bochkarev from personal archive, 1970s; 1б, 2б, 3б, 4—6 — photographs from the Institute of History and Mathematics of the Russian Academy of Sciences (after Delo 104: L. 7).

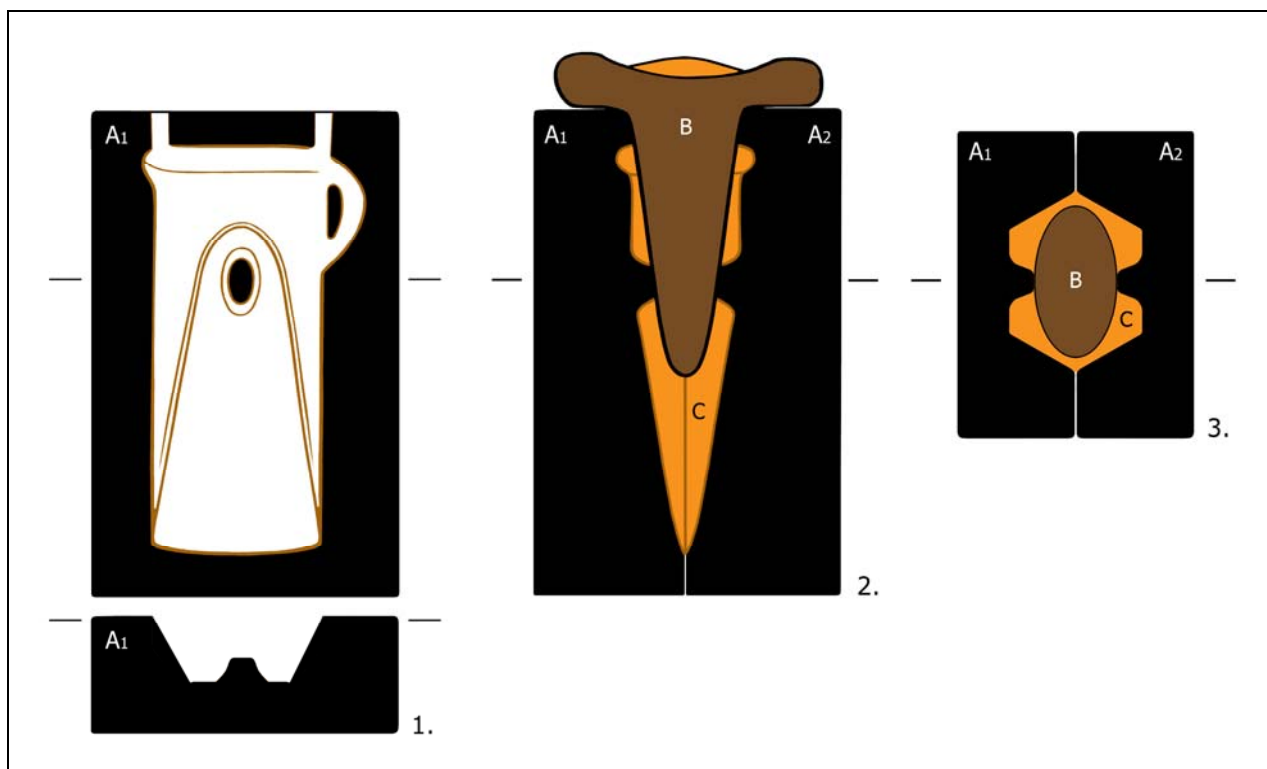

Рис. 5. Карта распространения кельтов рышештского типа.

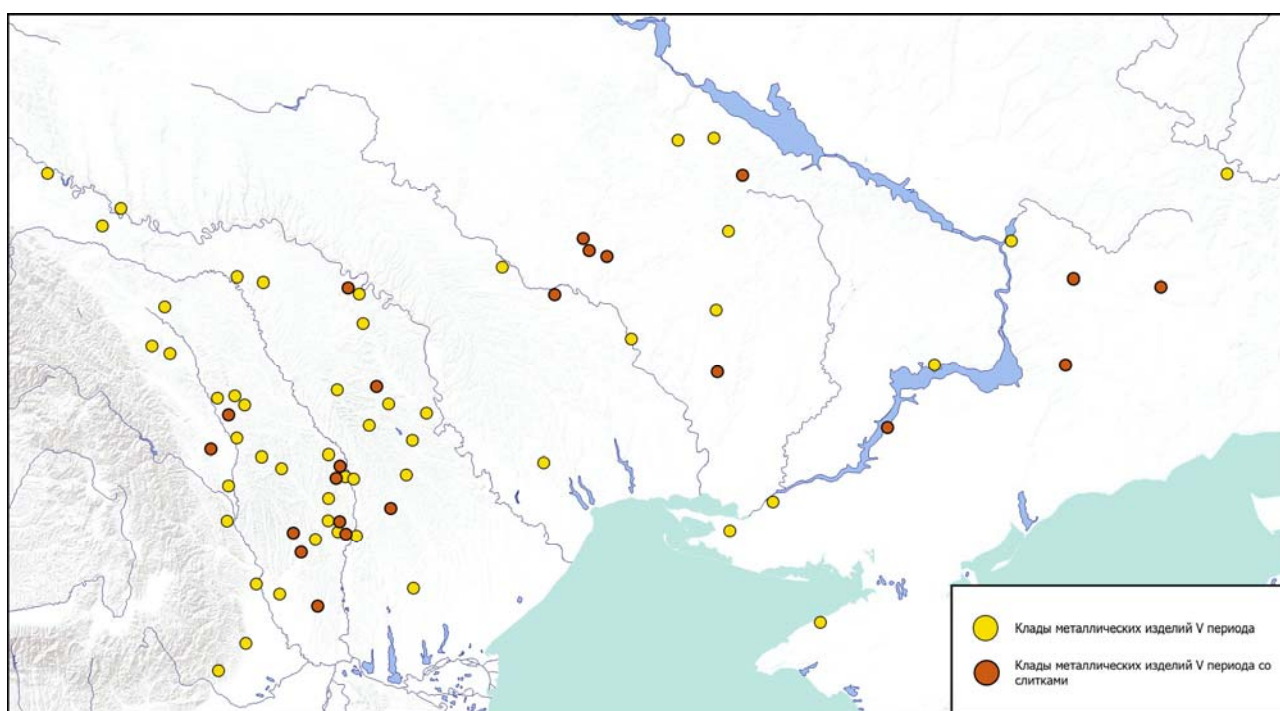
Fig. 5. Map of distribution of the Ryscheshty type Celts.

Рис. 6. Схематичное изображение двустворчатой литейной формы для отливки кельта рышештского типа: 1 — общий вид створки литейной формы с негативом кельта; 2 — продольный разрез; 3 — поперечный разрез двух соединенных створок. A₁, A₂ — створки литейной формы; B — глиняный сердечник и предполагаемая условная конструкция его крепления на форме; C — негатив кельта / полость для заливки металла.

Fig. 6. Schematic representation of a two-leaf mold for casting a Rysheshty type celt: 1 — general view of a mold shutter with a celt negative; 2 — longitudinal section; 3 — cross-section of two connected flaps. A₁, A₂ — mold shutters; B — clay core and the supposed conditional design of its attachment to the mold; C — negative celt / cavity for pouring metal.

Рис. 7. Карта распространения кладов металлических изделий Северного Причерноморья для V периода.

Fig. 7. Map of the distribution of treasures of metal products of the Northern Black Sea region for the V period.

УДК 903.5

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.54.48.004

С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов

**ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНОВ ГРУПП
«ДОТ», «САД», «ВОДОВОД»
У С. ГЛИНОЕ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ НИЖНЕГО ДНЕСТРА***

Публикация посвящена материалам эпохи поздней бронзы, обнаруженным в курганах групп «ДОТ», «Сад» и «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района, расположенных в бассейне р. Красная на левобережье Нижнего Днестра. В восьми курганах было зафиксировано 25 погребений позднего бронзового века. Исследованные погребальные комплексы могут быть отнесены к днепро-прутской бабинской и сабашиновской культурам. Прослежены контакты с культурами Правобережной лесостепи рубежа средней—поздней и поздней бронзы.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье, эпоха поздней бронзы, курганы, погребения, керамика.

Сведения об авторах: Лысенко Сергей Дмитриевич¹, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Разумов Сергей Николаевич², кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Лысенко Светлана Станиславовна³, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Синика Виталий Степанович⁴, кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович⁵, кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: ¹04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru; ²MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: razum_22@rambler.ru; ³04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: aheron2000@yandex.ua; ⁴MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: sinica80@mail.ru; ⁵MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: telnov_nikolai@mail.ru.

S.D. Lysenko, S.N. Razumov, S.S. Lysenko, V.S. Sinika, N.P. Telnov

**BURIALS OF THE LATE BRONZE AGE FROM THE BARROWS
OF THE “DOT”, “GARDEN”, “SLUICEWAY” GROUPS
NEAR THE GLINOYE VILLAGE ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER**

The paper deals with the materials of the Late Bronze Age found in the barrows of the groups “DOT”, “Garden” and “Sluiceway” near the Glinoe village, Slobodzeyia district, located in the Krasnaya River basin on the left bank of the Lower Dniester. 25 graves of the Late Bronze Age were discovered in 8 mounds. The investigated burials can be attributed to the Dnieper-Prut Babino culture and Sabatinovka culture. Contacts with the cultures of the Right-bank forest-steppe of the Middle-Late and Late Bronze Age are traced.

Key words: North-West Black Sea region, Dniester region, Late Bronze Age, barrows, graves, ceramics.

---

* Статья поступила в номер 12 ноября 2021 г.
Принята к печати 05 декабря 2021 г.

About the authors: Lysenko Sergey Dmitrievich¹, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Razumov Sergey Nikolayevich², PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Lysenko Svetlana Stanislavovna³, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Sinika Vitalij Stepanovich⁴, PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Telnov Nikolaj Petrovich⁵, PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: ¹04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru; ²MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: razum_22@rambler.ru; ³04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: aheron2000@yandex.ua; ⁴MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: sinika80@mail.ru; ⁵MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: telnov_nikolai@mail.ru.

Введение

Бассейн Днестра в эпоху поздней бронзы представляет из себя регион, где непосредственно сталкиваются несколько больших этнокультурных массивов, связанных с Карпато-Подунавьем, Великой Степью и лесной/лесостепной зоной Восточной Европы. Наиболее ярко разнонаправленность взаимосвязей находит отражение среди материалов погребальных памятников региона.

Начало раскопкам курганов в левобережной части Нижнего Днестра было положено в конце XIX в. И.Я. и Л.С. Стемпковскими (Гошкевич 1903: 118—129). Исследования возобновились в 70-80-е гг. XX в. (Савва 1992; Яровий, Агульников 1995; Синика, Разумов, Тельнов 2013; Кетрару и др. 2014). На протяжении более трёх десятилетий, с начала 90-х годов XX в., планомерные раскопки в этом регионе проводит Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Четыре кургана были раскопаны у с. Ближний Хутор под Тирасполем (Тельнов и др. 2014; Синика и др. 2015). С 1995 по 2021 гг. у с. Глиное Слободзейского района, в бассейне р. Красная (левый приток р. Турунчук — рукав р. Днестр), в шести курганных группах (Глиное, «ДОТ», «Сад», «Водовод», «Рыбхоз», «Плавни») было раскопано 163 кургана; ещё семь курганов исследованы к северо-востоку от с. Глиное в группах «Клин» и «Сухая Балка». 24 из раскопанных курганов были возведены в позднем энеолите и бронзовом веке (преимущественно — в раннем); 22 из них содержали погребения различных горизонтов эпохи поздней бронзы (Разумов и др. 2013; 2019; Тельнов и др. 2014; Тельнов та ін. 2015; Лысенко, Разумов 2014; Разумов, Лысенко 2020; Лысенко и др. 2020).

Ландшафты времени возведения курганов эпохи ранней бронзы у с. Глиное могут быть определены как степные, переходные к сухостепным (Матвишина и др. 2016). Отметим, что на протяжении эпохи средней бронзы суббореальная аридизация неизменно возрастает (Герасименко 1997), и её пик фиксируется в Северном Причерноморье в посткатакомбное время, на рубеже периодов средней и поздней бронзы (Борисов, Мимоход, Дёмкин 2011). Следовательно, можно предполагать, что и в этот период микрорегион окрестностей с. Глиное был представлен степными ландшафтами.

В настоящей публикации вводятся в научный оборот материалы позднего бронзового века, обнаруженные в курганах групп «ДОТ», «Сад» и «Водовод», компактно расположенных в среднем и верхнем течении р. Красная, по обоим берегам реки. Курганные группы в пределах пахотного поля исследованы полностью (возможно, ещё несколько

насыпей находятся под заброшенным фруктовым садом). Все курганы копались параллельными траншеями с использованием бульдозера.

Курганная группа «ДОТ»

Группа «ДОТ» находится в 1,82 км к северу-северо-востоку от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь—Днестровск в районе коррекционной школы-интерната с. Глиное. Расположена на юго-восточной оконечности невысокого плато, ограниченного с севера балкой р. Красная, а с юга — акведуком, ведущим от дороги Глиное—Первомайск к землям сельского совета с. Чобручи. В советское время курганы группы «ДОТ» находились под сливовым садом. В центральной части кургана № 3 был сооружен железобетонный ДОТ Тираспольского укрепрайона (30-е гг. XX в.), взорванный в 1944 г.

По состоянию на второе десятилетие XXI в. эта территория была частично раскорчёвана и использовалась как пастбище; в 2021 г. поле было распаханно. В группе исследовано семь курганов. Четыре были возведены в раннем бронзовом веке; в трёх курганах (№ 1, 3, 7) были выявлены погребения эпохи поздней бронзы.

КУРГАН 1 (2013 г.) (рис. 1). Были разбиты три бровки по линии С—Ю, ширина всех бровок по 0,8 м, длина центральной бровки — 44 м, IЗ и IВ бровок — по 40 м. Курган находился на склоне надпойменной террасы, поэтому с южной стороны перепад высот от центра к полам составил около 1,3 м, а с северной стороны — около 0,2—0,3 м.

Курган возведён над погребением № 18 ямной КИО. Всего в кургане зафиксировано 19 погребений разных периодов; одно погребение относится к позднебронзовому времени.

ПОГРЕБЕНИЕ 10 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 4: 1). Впущено в южную полу второй насыпи кургана (11 м на юг по центральной бровке; 1,5 м на В), частично попав в заполнение погребения № 2 ямной КИО. Костяк взрослого (женщина, 25—35 лет¹) обнаружен в IВ траншее, на уровне 1,2 м от R₀. Контуры погребального сооружения не прослежены. Погребённый лежал сильно скорченно на левом боку, головой на В, правая кисть поверх нижней челюсти, левая перед лицом. Пятки у таза. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19800 (кость человека), 2980 ± 70 BP, 1σ 1373—1357, 1301—1108, 1099—1089 cal. BC, 2σ 1402—1013 cal. BC.

КУРГАН 3 (2019 г.) (рис. 2). Были разбиты три бровки по линии С—Ю. В связи с тем, что северо-восточнее центра в кургане был сооружён железобетонный ДОТ Тираспольского укрепрайона (давший название всей курганной группе), размерами 7 × 5 м, длинной осью ориентированный по линии ЮЗ—СВ, центральная бровка имела ширину 6 м и длину 36 м; западная и восточная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 32 м. В качестве R₀ была принята верхняя точка фрагмента перекрытия ДОТа.

Высота кургана от современной поверхности составляла 1,95 м (максимальный перепад высот на юге, на естественном склоне). Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 1,45 м от R₀. Полы насыпи были повреждены глубокой распашкой, центральная часть вокруг ДОТа на момент начала исследований была задернована. В XX в. курган был сильно повреждён в результате сооружения ДОТа и ходов сообщения, захоронений лошадей и коров, а также плантажной распашкой.

Курган был сооружён над основным погребением № 9 ямной КИО. Всего в кургане зафиксировано 10 погребений разных периодов; два погребения относятся к позднебронзовому времени.

¹ Половозрастные определения выполнены доктором биологии (PhD) С. Лукасик (Познань, Польша).

ПОГРЕБЕНИЕ 8 (впускное; культурный круг Бабино)² (рис. 19: 1). Обнаружено в 4 м к северо-западу от R₀ на глубине 1,2 м от R₀. Совершено в яме. Яма подпрямоугольной формы, её восточная часть разрушена котлованом ДОТа. Размеры ямы около 1,4 × 0,8 м, глубина 1,22 м от R₀. Она была ориентирована по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток.

Костяк взрослого человека лежал в средне скорченном положении на правом боку, головой на северо-северо-восток. Правая рука была вытянута к коленям; левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть у правого локтя. Череп и стопы были окрашены красной охрой. Под костями зафиксирован коричневый органический тлен от *подстилки* размерами 1,3 × 0,65 м. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19935 (кость человека), 3560 ± 50 BP, 1σ 2011—2001, 1973—1876, 1843—1822, 1796—1779 cal. BC, 2σ 2031—1749 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 10 (впускное; культурный круг Бабино). Впущено в центральную часть насыпи. В придонном заполнении котлована ДОТа были найдены мелкие фрагменты костей взрослого человека и *развал лепного сосуда* (1), представляющие собой остатки захоронения, разрушенного в начале 1930-х гг. при строительстве ДОТа. Погребальное сооружение не прослежено.

1. *Горшок лепной* (рис. 4: 2)³. Венчик плавно отогнут, с закруглённым краем. Тулово биконическое, с закруглённым ребром и максимальным расширением в верхней половине сосуда. Дно плоское, с выделенной закраиной. Ниже края венчика сосуд орнаментирован оттянутым (?) валиком округлым в сечении, расчленённым вертикальными подтреугольными насечками. Тесто с примесью шамота, мелкого песка. Цвет чёрный, желтовато-серый; в изломе — чёрный. Поверхности заглаженные, бугристые. На внешней поверхности прослеживаются следы мелких расчёсов, оставленных керамическим шпателем (?): горизонтальные по шейке и плечу, и вертикальные и наклонные — в нижней части тулова. Высота сосуда — 125 мм, венчика — 11—13 мм, нижней части — 80 мм. Диаметр венчика — 130 мм, шейки — 123 мм, тулова — 136 мм, дна — 83 × 84 мм. Толщина венчика — 6—7 мм, по валику — 7—9 мм. Толщина стенок — 5—7 мм, дна — 8—8,5 мм.

КУРГАН 7 (2021 г.) (рис. 18). Была разбита одна бровка по линии С—Ю, которая имела ширину 0,6 м и длину 20 м. Насыпь и погребённый чернозём были полностью уничтожены плантажной распашкой. В кургане было обнаружено 13 погребений: два ямной КИО; два, предположительно, позднего бронзового века; пять, предположительно, черноголовской культуры⁴; два сарматских; одно раннесредневековое; одно неопределённое. Курган был сооружён в раннем бронзовом веке над ямным погребением 8. Его диаметр составлял около 17—18 м.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 19: 3). Обнаружено в 5 м на восток от R₀, на глубине -0,63 м от R₀. Погребальное сооружение представляло собой подовальную яму (камеру подбоя?), ориентированную длинной осью по линии северо-запад — юго-восток, глубиной -0,72 м от R₀. Скелет взрослого лежал сильно скорченно на левом боку, головой на восток-юго-восток. Правая рука была согнута в локте под острым углом,

² Первоначально погребение было отнесено к ямной культурно-исторической общности; культурно-хронологическое определение пересмотрено на основании радиоуглеродной даты.

³ Сосуд был повреждён при строительстве ДОТа. Реконструирован по сохранившимся фрагментам.

⁴ По формальным признакам погребения 4, 5, 7 и 10 из кургана 7 группы «ДОТ» также могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы и датированы в широких пределах периодом BrA—NaB. Однако, в связи с тем, что ряд соавторов предполагает, что они могут относиться к черноголовской культуре, до получения результатов радиоуглеродного датирования их КХП остаётся открытой и в настоящей публикации эти погребения не рассматриваются.

кисть у нижней челюсти. Левая рука была согнута в локте под тупым углом, кисть под левой голенью. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 19: 2). Обнаружено в 6 м на восток от R_0 , на глубине -0,65 м от R_0 . Погребальное сооружение представляло собой подовальную яму (камеру подбоя?), ориентированную длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, глубиной -0,94 м от R_0 . Скелет взрослого лежал сильно скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти, вероятно, находились у нижней челюсти. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Курганная группа «Сад»

Группа «Сад» находится в 2,6 км к северо-востоку от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь—Днестровск в районе коррекционной школы-интерната с. Глиное. Группа расположена на вершине юго-западной части обширного плато, примыкающего с севера к руслу р. Красная, к западу от грунтовой дороги, ведущей от территории бывшего полевого стана (в настоящее время фермерское хозяйство М. Пэдуряну) на северной окраине с. Глиное в северо-восточном направлении к акведуку, расположенному между восточной окраиной земель сельского совета с. Чобручи и дорогой Глиное—Первомайск, и параллельно последней. В советское время курганы группы «Сад» находились под сливовым садом, который к 2013 г. частично сохранился только на западном склоне плато. В настоящее время эта территории раскорчёвана и используется как пастбище.

В состав курганной группы входило 14 курганов. Два из них были сооружены в раннем бронзовом веке; остальные относятся к скифскому времени. Погребения эпохи поздней бронзы обнаружены только в кургане № 1.

КУРГАН 1 (2013 г.) (рис. 3). Были разбиты шесть бровок по линии С—Ю; ширина всех бровок по 0,6 м. Длина центральной бровки — 44 м, II 3 бровки — 36 м, I 3 бровки — 40 м, I В и II В бровок — по 42 м, III В бровки — 40 м.

Курган 1 группы «Сад» фактически представлял собой два кургана со слившимися полами. Северо-западный курган (курган 1А) был сооружён в два приёма. Вначале над основным погребением № 3 ямной КИО была сооружена первая насыпь диаметром до 19 м, состоявшая из тёмно-серого чернозёма. Вероятно, она была относительно невысокой. На момент раскопок насыпь была сильно распахана, её максимальная высота над древним горизонтом составляла 0,8 м. Позднее юго-восточнее первой насыпи кургана 1А, на расстоянии около 20 м от его центра, над основным погребением № 15 ямной КИО в один приём был сооружён курган 1Б диаметром до 25 м, причём центр насыпи был смещён к северо-западу.

Всего в кургане зафиксировано 27 погребений разных периодов; 9 погребений может быть отнесено к позднему бронзовому веку. Погребения эпохи поздней бронзы впускались в уже расплывшиеся насыпи, которые, видимо, воспринимались как один курган. Между вершинами в южной части совершено только погребение № 16 культурного круга Бабино. Предположительно, к днепро-прутской бабинской культуре относятся и погребения № 2, 7, 13, 21, 27, впущенные в южную и юго-восточную полы кургана. К позднему бронзовому веку (позднебабинские или сабашиновские) можно отнести разрушенные распашкой погребения 12, 20 и 24. Первые два погребения впущены в южную полу практически за пределами кургана, погребение 20 — в северную полу кургана 1Б.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 4: 4). 16 м на Ю от I 3 бровки. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,45 × 0,85 м, глубина 1 м от R_0 . Костяк взрослого (женщина?) лежал средне скорченно на правом боку, головой на СЗ.

Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть на правом запястье. Возле правого локтя стоял *лепной кубок* (1). Следов подстилки и перекрытия не зафиксировано.

1. *Кубок лепной*, цилиндрический с петельчатой ручкой (рис. 4: 3). Край венчика слегка утолщён наружу, закруглён. Днище слегка вогнутое, изнутри — выпуклое. Ручка петельчатая, ленточная; верхнее основание прикреплено на уровне среза венчика, нижнее — несколько выше днища. Тесто с примесью слюдяного песка. Цвет поверхностей пятнами чёрный, серый. В изломе — чёрный. Поверхность ангобирована (?), подлощена. Диаметр венчика — 75 (по ручке) × 72,5 мм. Диаметр под венчиком (на уровне первой сверху орнаментальной полосы) — 68 мм. Диаметр корпуса (на уровне третьей сверху орнаментальной полосы) — 65 мм. Диаметр днища — 65 мм. Ширина сосуда вместе с ручкой — 83 мм. Высота сосуда — 58—56,5—54 (у ручки) мм. Высота до первой сверху орнаментальной полосы — 46 мм. Толщина стенок — 4 мм. Толщина венчика — 5—7 мм. Толщина днища — 5 мм у стенок, 5,5 мм в центре. Высота ручки — 47 мм. Ширина ручки — 19 мм. Толщина ручки — 6,5—7,5 мм. Внутренний диаметр петли ручки — 18 × 10 мм. Сосуд орнаментирован по всей боковой поверхности семью сдвоенными горизонтальными отпечатками верёвочки. Общая ширина орнаментального фриза 42 мм. Справа от ручки верёвочка изгибается на 180°, образуя петельку. Первый, второй и шестой сверху отпечаток шнура слева заходит на боковую поверхность оснований ручки. Ручка орнаментирована сверху вниз двумя сдвоенными отпечатками верёвочки, каждый из которых образует сверху петельку. Правый отпечаток в нижней части строенный.

Радиоуглеродная дата: Ki-20159 (кость человека), 3780 ± 50 BP, 1σ 2292—2136 cal. BC, 2σ 2434—2426, 2404—2379, 2350—2034 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 7 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 4: 5). 19,5 м на Ю, 2 м на В от I В бровки. Погребение было совершено в насыпи — 0,76 м от R₀, контуры погребального сооружения проследить не удалось. Костяк взрослого (женщина?) лежал сильно скорченно на левом боку, головой на З, кисти рук были сложены перед лицом, колени под грудью, пятки прижаты к тазу. Поверх локтей и коленей уложены *кости животных* (1). Под ними зафиксирован *древесный уголь*. Под костяком коричневый тлен от *подстилки*. Погребение безынвентарное.

1. *Кости животных* — кости черепа, таза и позвонки одной особи КРС (быка домашнего), а также крестец и позвонки одной особи МРС (определение канд. биол. наук Е.Ю. Яниш, 2013 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19820 (кость человека), 3510 ± 60 BP, 1σ 1906—1751 cal. BC, 2σ 2016—1996, 1981—1687 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 12 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 4: 6). I В траншея, 23 м на Ю, 2 м на В от центральной бровки. Разрушено плантажной вспашкой. Контуры погребального сооружения не прослежены. Глубина фиксации остатков костяка 0,75—0,8 м от R₀. Кости руки, позвонки, рёбра, фаланга пальца руки взрослого индивидуума обнаружены в разрозненном состоянии. In situ зафиксированы только два поясничных позвонка и несколько фрагментов рёбер. Исходя из их положения погребённый, вероятно, лежал скорченно на боку. Погребение безынвентарное.

ПОГРЕБЕНИЕ 13 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 5: 1). II В траншея, 22 м на Ю II восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На глубине 0,48 от R₀ найден костяк взрослого (мужчина?), частично разрушенный пахотой. Был уложен слабо скорченно на левом боку с разворотом на грудь, головой на ВСВ, правая рука согнута в локте, кисть перед черепом. Кисть левой руки у правого локтя. У левой лопатки мелкий *фрагмент стенки* лепного сосуда (1), возможно, из засыпки ямы. Южнее таза лежал

каменный *топор-молот*, повреждённый в древности (2). Под костями слабые следы коричневого тлена от *подстилки*.

1. **Фрагмент стенки лепного сосуда.** Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности жёлтый, внутренней — тёмно-серый. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Размеры фрагмента — $18,5 \times 13,5$ мм. Толщина стенки — 6 мм.

2. **Топор каменный** сверлёный (рис. 5: 2). Удлиненно-подовальный в плане. В поперечном сечении — подтрапцевидный. Отверстие просверлено встречно с двух плоскостей, в виде двух усечённых конусов, сходящихся меньшими основаниями; асимметричное. Часть лезвия сколота в древности. Изготовлен из плотного светло-серого сланца. Длина — 98 мм. Ширина — 43 мм. Толщина лезвийной части — до 47 мм. Размеры обушка — 30×28 мм. Ширина лезвия — около 8 мм. Диаметр отверстия снизу — 18 мм, сверху — 17,5 мм, изнутри в центре — 17 мм. Диаметр нижней фаски — 21 мм, верхней — до 23 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19784 (кость человека), 3570 ± 60 BP, 1σ 2021—1992, 1984—1876, 1841—1821, 1796—1782 cal. BC, 2σ 2127—2090, 2045—1746 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 16 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 6). 5 м на 3 от 14 м на Ю II В бровки. Погребальное сооружение — яма с подбоем. Входная яма овальная, размерами $1,6 \times 0,9$ м. Глубина 1,3 м от R_0 . В заполнении входной ямы прослежены остатки заслона в виде фрагментов вертикально стоявших обугленных деревянных плах. Ступенька наклонная, высотой около 0,1 м. Камера овальная, размерами $1,4 \times 0,7$ м, глубина 1,46 м от R_0 . Костяк взрослого лежал головой на ВСВ, сильно скорченно на левом боку с разворотом на грудь. Правая кисть перед черепом, левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть у коленей. Пятки прижаты к тазу. Возле правого запястья зафиксированы *кости животного* — несколько фрагментов костей быка домашнего; вероятно, остатки напутственной мясной пищи. Под ними пятно глины зеленоватого цвета диаметром 0,2 м. Погребение безынвентарное.

1. *Кости животного* — позвонки и неопределимые кости одной особи КРС (быка домашнего) (определение Е.Ю. Яниш, 2013 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19806, 3840 ± 60 BP, 1σ 2451—2420, 2405—2378, 2350—2204 cal. BC, 2σ 2470—2139 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 20 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 5: 4). 2 м на 3 от 4 м на С III восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На глубине 1 м от R_0 зафиксирован костяк взрослого, разрушенный плантажной вспашкой, сильно скорченный на правом боку, головой на СЗ. Колени подтянуты к груди, кисти рук перед черепом. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19811 (кость человека), 3810 ± 60 BP, 1σ 2390—2386, 2346—2190, 2182—2142 cal. BC, 2σ 2463—2131, 2086—2051 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 21 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 5: 5). 8 м на Ю от III В бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На глубине 0,77 от R_0 зафиксирован нарушенный плантажной вспашкой костяк взрослого головой на Ю, средне/слабо скорченный на правом боку. Правая рука вытянута к коленям, левая согнута в локте, кисть у таза. За затылком стоял *лепной сосуд* (1). Поверх левого запястья лежали *кости животного* (2). Под костями зафиксированы остатки коричневого органического тлена от *подстилки*.

1. **Миска лепная** закрытая (рис. 5: 6). Венчик загнут внутрь (не сохранился). Днище плоское, слегка обжато по внешнему контуру. Тесто рыхлое, с примесью шамота. Цвет внешней поверхности бежево-серый; внутренней — чёрный. Внешняя поверхность

шероховато-заглаженная, бугристая, со следами мелких расчёсов (пучком травы?); покрыта паутиной трещин. Внутренняя поверхность заглаженная, подлощенная. Диаметр корпуса — около 198 мм. Диаметр дна — 115 мм. Реконструируемый диаметр венчика — до 185 мм. Сосуд сохранился на высоту до 86 мм. Реконструируемая высота сосуда — не менее 100 мм. Толщина стенок — 10 мм; в верхней части — 7—8 мм, у дна — 15—16 мм, в основании венчика — 6—7 мм.

2. *Кости животного* — позвонки МРС (овцы/козы) (определение канд. ист. наук Е.П. Секерской, 2021 г.).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*: Ki-19797 (кость человека), 4030 ± 60 BP, 1σ 2661—2655, 2631—2467 cal. BC, 2σ 2865—2803, 2766—2717, 2706—2447, 2423—2405, 2378—2350 cal. BC;

Ki-20371 (кость МРС), 3340 ± 60 BP, 1σ 1687—1535 cal. BC, 2σ 1866—1852, 1769—1497, 1473—1462 cal. BC⁵.

ПОГРЕБЕНИЕ 24 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 5: 3). 21 м на Ю, 2,5 м на В от I восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На глубине 0,7—0,8 м от R₀ зафиксированы остатки костяка взрослого индивидуума, разрушенного плантажной вспашкой. In situ найдены фрагменты черепа, костей рук, фаланг пальцев, ключицы. Очевидно, первоначально погребённый был уложен сильно скорченно на правом боку головой на СВ. Кисти рук сложены перед черепом. Погребение безынвентарное.

ПОГРЕБЕНИЕ 27 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 7). 20 м на Ю, 1 м на В от III В бровки. Погребальное сооружение — яма с подбоем. Входная яма прямоугольная с закруглёнными углами, размерами $1 \times 0,9$ м, глубина 1,4 м от R₀. Вдоль СЗ стенки ступенька высотой 0,3 м. Камера сложной неправильной формы $1,2 \times 0,8$ м, глубина 1,8 от R₀, свод сохранился на высоту 0,45 м над дном камеры.

Костяк 1 — взрослый — лежал головой на Ю, сильно скорченно на правом боку, кисти уложены под череп, пятки подтянуты к тазу. Для стоп была вырыта специальная ниша высотой 0,2 м.

Костяк 2 — ребёнок — находился южнее костяка 1, головой на С, был средне скорчен на левом боку с разворотом на спину. Череп перед лицевой частью черепа костяка 1. Правая рука согнута в локте, кисть у левого локтя, левая рука вытянута вдоль тела, кисть на левом крыле таза. Для костяка 2 вырыта специальная ниша в Ю стенке камеры размерами $0,5 \times 0,35$ м, высота свода 0,15—0,2 м, глубина 1,84 от R₀.

Костяк 3 — ребёнок — находился восточнее костяков 1 и 2, в отдельной нише, вырытой под дном входной ямы, размерами $1 \times 0,4$ м, глубина 1,74 от R₀, высота свода 0,15—0,2 м. Костяк уложен вытянуто на спине головой на ССВ, череп на левом боку, левая рука вытянута вдоль тела, правая слабо согнута в локте, кисть на тазе. Стопы уложены поверх левого колена костяка 2. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19780 (кость человека), 3640 ± 50 BP, 1σ 2125—2091, 2044—1939 cal. BC, 2σ 2189—2183, 2142—1888 cal. BC.

Курганная группа «Водовод»

Курганная группа «Водовод» находится к северо-востоку от группы «Сад», в 4 км к северо-востоку (31°) от северной оконечности села, к югу и к западу от ирригационного канала, расположенного в центральной части возвышенного плато, ограниченного с юга и

⁵ Ранняя дата погребения, полученная по костям человека, может быть объяснена резервуарным эффектом. Анализ, проведённый по кости животного, исключил резервуарный эффект и дал результаты, сопоставимые с инвентарём и особенностями погребального обряда.

востока глубокой балкой р. Красная. Отделена от группы «Сад» грунтовой дорогой, идущей от шоссе Глиное-Первомайск. Фактически, группы «Сад» и «Водовод» представляют собой одну курганную группу, которую можно разделить на несколько подгрупп.

В состав группы «Водовод» входил 21 курган. Один из них (№ 16) был сооружён в энеолите, три (№ 2, 15, 21) — в раннем бронзовом веке, один — в начале эпохи поздней бронзы (№ 9); остальные относятся к скифскому времени. Погребения эпохи поздней бронзы обнаружены в курганах № 2, 9, 15, 21.

КУРГАН 2 (2016 г.) (рис. 8). Были разбиты три бровки по линии запад — восток, ширина всех бровок по 0,6 м, длина центральной бровки — 36 м, северной и южной бровок — по 28 м; расстояние между бровками по 6 м.

В кургане выявлено 16 объектов: шесть погребений и кольцевой ров ямной КИО; пять погребений культурного круга Бабино; одно разрушенное погребение бронзового века; два скифских захоронения и ров второй половины IV в. до н.э.

В профилях кургана 2 группы «Водовод» прослежено наличие одной чернозёмной насыпи, сооружённой над основным погребением 3 ямной культурно-исторической общности. Первоначальные границы первой насыпи определялись внутренним краем кольцевого рва I диаметром 19 м. Очевидно, таким же был первоначальный общий диаметр кургана 2. В первоначальную насыпь были впущены погребения № 4, 6, 7, 9, 13 ямной КИО. Затем в центральную часть кургана (со смещением в южный сектор) были впущены компактной группой подбойные погребения культурного круга Бабино № 2, 8, 10, 11, а в самый центр кургана — погребение позднего бронзового века № 5.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 9: 1). Обнаружено в I Северной траншее, в 4,5 м на запад и в 1 м на север от R₀. От погребального сооружения сохранилась яма с закруглёнными углами, возможно, представлявшая собой остатки подбоя. Яма неправильной трапециевидной формы, размерами 1,38 × 0,55—1 м, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Глубина ямы — 1,01 м от R₀. Погребённый (взрослый) лежал в средне скорченном положении на левом боку с разворотом на живот, головой на северо-восток. Кисти рук сложены перед лицом. Южнее кистей, вплотную к ним, стоял *лепной сосуд* (1). Под правым локтём, перед грудью, обнаружена *костяная пряжка* (2).

1. **Банка лепная** коническая (рис. 9: 3). Край венчика утончён, закруглён. Днище плоское, местами — с закраиной, сформированной защипами. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности чёрный, серый; внутренней — желтоватый с серыми и чёрными пятнами. Поверхности заглаженные, бугристые. Местами сохранился чёрный нагар. Диаметр венчика — 114 × 116 мм; диаметр днища — 91 × 94 мм. Высота сосуда — 58—66 мм. Толщина венчика — 4—5 мм, стенок — 6—9 мм, днища — до 12 мм.

2. **Пряжка костяная** овальная выгнутая с низким бортиком, предположительно — с двумя отверстиями (рис. 9: 2). Механически повреждена при расчистке. Реконструируемые размеры — 55 × 47 мм; размеры сохранившегося фрагмента — 53 × 35 мм. Диаметр центрального отверстия — 16 мм. Толщина пластины — 2,5—3,5 мм; толщина с бортиком — до 5 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19809 (кость человека), 3460 ± 60 BP, 1σ 1879—1838, 1830—1734, 1718—1694 cal. BC, 2σ 1923—1630 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 5 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 9: 4). Обнаружено в I Северной траншее, в 6 м на запад и в 4,2 м на север от R₀. Контуры погребального сооружения проследить не удалось, поскольку погребение было впущено в заполнение уступа погребения 6 ямной культурно-исторической общности.

Костяк зафиксирован на глубине -1,1 м от R₀. Погребённый лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Кисти рук, вероятно, были сложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. К западу от костяка, за ногами, на глубине -1,16 м от R₀ найдены *кости животных* (3), а также мелкий *фрагмент лепной керамики* (1). Справа и слева от черепа обнаружены *два куса обожжённой глины* (2).

1. **Фрагмент стенки лепного сосуда.** Тесто с примесью шамота. Размеры фрагмента — 33 × 26 мм. Толщина стенки — 5 мм.

2. **Два куса обожжённой глины** неправильной формы размерами 28 × 22 × 14 мм и 25 × 23 × 12 мм.

3. *Кости животного* — фрагменты лопатки и длинной кости КРС. Согласно определению Е.П. Секерской (2021 г.): «2 недиагностичных фрагмента трубчатой кости»; остальные кости к моменту определения, видимо, рассыпались.

Радиоуглеродная дата: Ki-19937 (кость человека), 3530 ± 50 BP, 1σ 1932—1863, 1851—1772 cal. BC, 2σ 2016—1997, 1980—1740, 1712—1699 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 8 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 9: 5). Обнаружено в I Северной траншее в 2 м на запад и в 1,5 м на север от R₀. Совершено, видимо, в подбое, от которого зафиксирована только погребальная камера. Яма неправильной формы размерами 0,84 × 0,62 м и глубиной -1,27 от R₀ была ориентирована по линии север-северо-восток — юг-юго-запад. Костяк ребёнка лежал в средне скорченном положении на правом боку, головой на север. Кости рук не сохранились. Перед животом стоял *лепной сосуд* (1).

1. **Банка лепная** коническая (?) (рис. 9: 6). Верхняя часть разрушена бульдозером. Днище плоское, с закраиной. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности желтоватый, серый; внутренней — чёрный. Поверхности заглажены. Высота сохранившейся части — 52 мм. Диаметр днища — 60 × 63 мм. Толщина стенок — 7—8 мм, толщина днища — 12,5 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19947 (кость человека), 3340 ± 60 BP, 1σ 1691—1596, 1589—1532 cal. BC, 2σ 1858—1855, 1771—1496, 1475—1460 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 10 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 10: 1). Обнаружено в I Северной траншее в 5 м на запад и в 0,5 м на юг от R₀. Совершено в подбое. Входная яма длиной около 1 м, шириной до 0,45 м и глубиной -1,21 м от R₀ была ориентирована по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. В южной стенке входной ямы была устроена погребальная камера овальной в плане формы размерами 1,8 × 0,7 м и глубиной -1,5 м от R₀. Погребальная камера ориентирована так же, как входная яма. Костяк взрослого человека лежал в средне скорченном положении на правом боку, головой на восток-юго-восток. Кисти рук уложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19951 (кость человека), 3570 ± 60 BP, 1σ 2021—1992, 1984—1876, 1841—1821, 1796—1782 cal. BC, 2σ 2127—2090, 2045—1746 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 11 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 10: 2). Обнаружено в 3,5 м на запад от R₀, под Центральной бровкой. Совершено в подбое. Входная яма длиной около 1,2 м, шириной до 0,6 м и глубиной -1,2 м от R₀ была ориентирована по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток. В южной стенке входной ямы была устроена погребальная камера овальной в плане формы размерами 1,4 × 0,8 м и глубиной -1,45 м от R₀. Погребальная камера ориентирована так же, как входная яма. Костяк взрослого лежал средне скорченно на правом боку с разворотом на живот, головой на запад-юго-запад. Кисти рук уложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Перед локтевыми суставами у тыльной стенки камеры стоял *лепной сосуд* (1).

1. **Горшок лепной** округлобокий с выраженным S-видным профилем (рис. 10: 3). Венчик отбит в древности. Днище плоское, местами — с выраженной закраиной, сформированной защипами. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет чёрный, серый. Поверхности заглаженные, бугристые. На внешней поверхности местами сохранился чёрный нагар. Диаметр шейки — 90—95 мм, диаметр корпуса — 111—115 мм, диаметр днища — 72—77 мм. Реконструируемая высота сосуда — не менее 100 мм, высота сохранившейся части — 83—93 мм, высота нижней части — 60—70 мм. Толщина стенок — 6—7 мм, толщина днища — 10 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19948 (кость человека), 3430 ± 60 BP, 1σ 1873—1844, 1815—1800, 1779—1659 cal. BC, 2σ 1903—1611, 1571—1566 cal. BC.

КУРГАН 9 (2018 г.) (рис. 11). Были разбиты три бровки по линии север — юг шириной по 0,6 м, Западная и Восточная длиной по 16 м, Центральная бровка — 24 м. Насыпь сильно повреждена распашкой. Высота кургана от современной поверхности на момент исследований составляла 0,45 м. В кургане обнаружены кольцевой ров, связанное с ним скифское погребение (№ 2) и одно погребение культурного круга Бабино, принятое первоначально за впускное средневековое захоронение.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (основное; культурный круг Бабино) (рис. 12) обнаружено в 7 м на север от центра Восточной бровки. Совершено в подбое. Входная яма была перерезана рвом.

Входная яма не прослежена, вероятно, она находилась северо-восточнее камеры. В заполнении входной ямы на глубине -0,85-0,96 м от R_0 зафиксированы остатки разрушенного *косяка 1* в виде берцовых костей и костей стоп молодого человека. Судя по ним, погребённый лежал на левом боку головой на северо-запад⁶.

Контуры погребальной камеры трапециевидной формы длиной 1,6 м и шириной 0,8—0,6 м были зафиксированы на глубине -0,9 м от R_0 . Дно камеры зафиксировано на глубине -1,25 м от R_0 . На дне лежал *косяк 2* взрослого человека (мужчина?) средне скорченно на левом боку головой на юго-восток. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть у лица. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на левом локте. Бедренные и берцовые кости перпендикулярны позвоночнику, пятки у таза. Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20162 (*косяк 1*), 3410 ± 50 BP, 1σ 1862—1856, 1766—1759, 1751—1623 cal. BC, 2σ 1879—1839 BC, 1826—1606, 1583—1544 cal. BC.

Ki-20342 (*косяк 2*), 3310 ± 50 BP, 1σ 1623—1511 cal. BC, 2σ 1738—1715, 1694—1496, 1476—1458 cal. BC.

КУРГАН 15 (2018 г.) (рис. 13). Были разбиты шесть бровок по направлению север — юг шириной по 0,6 м, длина Центральной бровки — 44 м, I Западной и I Восточной бровок — по 40 м, II Западной и II Восточной бровок — по 36 м, длина III Восточной бровки 50 м, расстояние между центрами пяти бровок по 5 м, между центрами II и III Восточных бровок 10 м.

В кургане обнаружены 22 разновременных захоронения: девять погребений ямной культурно-исторической общности; три погребения катакомбной культурно-исторической общности; два погребения культурного круга Бабино; одно скифское; семь погребений золотоордынского времени. Также в южной части насыпи зафиксированы многочисленные перекопы периода Великой Отечественной войны.

⁶ Нельзя также однозначно исключать возможность того, что более раннее погребение («косяк 1») было перерезано погребением в яме, содержавшем «косяк 2». Косвенно такую возможность позволяют предположить и радиоуглеродные даты.

В профилях кургана 15 прослежено наличие трёх насыпей, возведённых над погребениями ямной КИО № 21 (первая), 15 (вторая), 17 и 20 (третья). Границы третьей насыпи определялись внутренним краем кольцевой околокурганной выемки диаметром около 35 м. В эпоху поздней бронзы в южную часть кургана были впущены погребения № 1 и 3.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 14: 1). Обнаружено в 7 м на юг от R_0 . От погребального сооружения сохранилась яма с закруглёнными углами, вероятно, представлявшая собой остатки камеры подбоя. Яма неправильной трапециевидной формы размерами $1,35 \times 0,55$ — $0,85$ м, ориентирована по линии восток — запад. Глубина ямы $-1,54$ м от R_0 . Погребённый (взрослый) лежал в сильно скорченном положении на левом боку с разворотом на живот, головой на восток. Кисти рук сложены перед лицом. На дне ямы коричневый органический тлен от подстилки. Погребение безынвентарное.

Радиоуглеродная дата: Ki-19953 (кость человека), 3520 ± 70 BP, 1σ 1936—1752 cal. BC, 2σ 2032—1682, 1674—1666 cal. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (впускное; сабадиновская культура?) (рис. 14: 2). Обнаружено в 9 м на юг от R_0 . Контуры ямы прослежены частично. Яма прямоугольной формы длиной до 2 м, шириной около 0,7 м. Глубина ямы $-1,12$ м от R_0 . Погребённый (взрослый) лежал в средне скорченном положении на левом боку, головой на восток-юго-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая не сохранилась. В 0,45 м к востоку от темени погребённого лежали *кости животного* (2). В 0,25 м к северо-востоку от затылка погребённого обнаружена черепная коробка другого взрослого человека (*череп 2*), лежавшая теменем вниз. Следов подстилки не обнаружено. У западной стенки ямы, вплотную к берцовым костям левой ноги, стояла *деревянная чаша* (1).

1. *Деревянная чаша* с S-видным профилем. Диаметр чаши составлял около 80 мм, высота — около 60 мм. Рассыпалась при расчистке.

2. *Кости животного* — кости ноги коня (определение Е.П. Секерской, 2021 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19946 (кость человека), 3240 ± 60 BP, 1σ 1608—1582, 1561—1447 cal. BC, 2σ 1660—1408 cal. BC.

КУРГАН 21 (2021 г.) (рис. 15). Были разбиты три бровки по линии север — юг, шириной по 0,6 м. Центральная бровка имела длину 40 м, западная и восточная — по 36 м. Расстояние между центрами бровок составляло по 6 м. Исследования показали, что здесь первоначально находились две примыкающие друг к другу полями насыпи — курган А (северо-западный) и курган Б (юго-восточный). Насыпь и погребённый чернозём кургана 21А были почти полностью уничтожены плантажной распашкой, лишь в центральной части на глубине $-0,45$ м от R_0 сохранился небольшой участок древней поверхности. В кургане А было обнаружено шесть округлых ям и 15 погребений: пять ямной КИО; два катакомбной КИО; два позднего бронзового века; одно, предположительно, черногоровской культуры; одно скифское; четыре средневековых. Курган был сооружён в раннем бронзовом веке над ямным погребением 14. Он был окружен кольцевым рвом, диаметр которого составлял около 18—19 м, глубина $-1-1,1$ м от R_0 . Была зафиксирована также кольцевая выемка диаметром около 21 м и шириной 5—6 м. Курган Б был полностью с nivelирован распашкой. В нём было обнаружено три погребения: одно ямной КИО (основное), одно катакомбной КИО и одно позднего бронзового века. Диаметр кургана Б мог составлять около 10—11 м. Нумерация погребений общая для обоих курганов.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 16: 1). Обнаружено в 5 м на юго-восток от R_0 , на глубине $-0,72$ м от R_0 . Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого лежал сильно скорченно на правом боку, головой на восток-северо-восток.

Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти у нижней челюсти. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 16: 2). Обнаружено в 22 м на юго-восток от R₀ (в южной поле кургана Б), на глубине -0,94 м от R₀. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого лежал средне скорченно на левом боку, головой на восток. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти, вероятно, были у нижней челюсти. Верхняя часть скелета разрушена распашкой. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЕ 4 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 16: 3). Обнаружено в 1 м на юго-восток от R₀, на глубине -0,69 м от R₀. Погребальное сооружение представляло собой подовальную яму (камеру подбоя?), ориентированную длинной осью по линии запад — восток, глубиной -0,72 м от R₀. Скелет взрослого лежал сильно скорченно на правом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локте под острым углом, кисть у нижней челюсти. Левая рука была согнута в локте под прямым углом, кисть у коленей. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

В восточной поле кургана, в прикурганной выемке, обнаружен развал *лепного сосуда* (1) (рис. 17: 1).

1. **Горшок лепной** (сабастиновская культура?) (рис. 17: 2). Венчик Г-образный неразвитый; сверху слегка уплощён, углы закруглены; на внутренней поверхности ниже среза — неглубокая горизонтальная ложбинка. Корпус биконический округлобокий. Днище плоское с закруглённым краем; слегка заужено по отношению к корпусу. Верхняя часть плечика украшена поясом пальцево-ногтевых вдавлений, образующих округлые ямки; орнамент расположен в 30—35 мм ниже среза венчика. Реконструируемый диаметр венчика — около 170 мм. Диаметр корпуса — около 225 мм. Реконструируемый диаметр днища — около 100 мм. Реконструируемая высота сосуда — около 217 мм. Высота венчика — до 15 мм. Высота верхней части сосуда — около 90 мм. Толщина венчика — 12 мм. Толщина стенок — 8—13 мм; в придонной части — до 14 мм. Толщина днища — около 16 мм.

Анализ материалов

Таким образом, в восьми курганах было зафиксировано 25 погребений, которые могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы.

Практически все погребения впускные. Впущены в южный (Глиное-Дот 1/10⁷; Глиное-Сад 1/2, 1/7, 1/12, 1/13, 1/16, 1/24; Глиное-Водовод 15/1, 15/3, 21А/2, 21Б/3), восточный (Глиное-Сад 1/21, 1/27) и северный (Глиное-Сад 1/20) сектора насыпей, а также в центральную часть кургана (Глиное-Дот 3/8, 3/10, 7/1, 7/2, Глиное-Водовод 2/2, 2/5, 2/8, 2/10, 2/11, 21А/4). Исключение составляет Водовод 9/1, над которым, видимо, была возведена небольшая насыпь, впоследствии перекрытая северной полой насыпью кургана, сооружённого над скифским погребением.

Погребальные сооружения представлены ямами с подбоем (Глиное-Сад 1/16, 1/27; Глиное-Водовод 2/2, 2/8, 2/10, 2/11, 9/1, 15/1; Глиное-Дот 7/1), ямами подпрямоугольной (Глиное-Дот 3/8; Глиное-Сад 1/2; Глиное-Водовод 15/3) и подовальной (Глиное-Дот 7/1, 7/2; Водовод 21А/4) формы. В остальных случаях конструкция погребального сооружения не зафиксирована. В заполнении входной ямы погребения Глиное-Сад 1/16 прослежены остатки заслона в виде фрагментов вертикально стоявших обугленных деревянных плах.

⁷ Здесь и далее по тексту числитель обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения; через дефис указан номер скелета в коллективном погребении.

Большинство погребения одиночные, за исключением тройного захоронения (взрослый с двумя детьми) в подбое (Глиное-Сад 1/27), парного захоронения, одно из которых располагалось во входной яме (Глиное-Водовод 9/1) и погребения, сопровождавшегося вторым черепом (Глиное-Водовод 15/3).

Поза всех погребённых, за исключением детского скелета 3 в погребении Глиное-Сад 1/27 (вытянуто на спине со слабым разворотом на левый бок), может быть определена как скорченная на боку; однако степень скорченности костяков различна. Степень скорченности I (сильная: углы между корпусом и бедром, бедром и голенью $< 90^\circ$) зафиксирована в 12 погребениях (Глиное-Дот 1/10, 7/1, 7/2; Глиное-Сад 1/7, 1/16, 1/20, 1/24(?), 1/27-1, Глиное-Водовод 2/5, 15/1-1, 21А/2, 21А/4). Степень скорченности II (средняя: угол между корпусом и бедром — около 90° (~ 80 - 100°), бедром и голенью $< 90^\circ$) — в одиннадцати погребениях (Глиное-Дот 3/8; Глиное-Сад 1/2, 1/21, 1/27-2; Глиное-Водовод 2/2, 2/8, 2/10, 2/11, 9/1-2, 15/3, 21Б/3). Степень скорченности III (слабая: угол между корпусом и бедром $> 90^\circ$, бедром и голенью $< 90^\circ$) — в одном погребении (Глиное-Сад 1/13). Стоит отметить, что не обнаружено ни одного погребения со степенью скорченности IV (очень слабая: углы между корпусом и бедром, бедром и голенью $>$ или $= 90^\circ$).

Скелеты лежат как на левом (Глиное-Дот 1/10, 7/1; Глиное-Сад 1/7, 1/13, 1/16, 1/27-2; Глиное-Водовод 2/2, 2/5, 9/1-1, 9/1-2, 15/1, 15/3-1, 21Б/3), так и на правом (Глиное-Дот 3/8, 7/2; Глиное-Сад 1/2, 1/20, 1/21, 1/24(?), 1/27-1; Глиное-Водовод 2/8, 2/10, 2/11, 21А/2, 21А/4) боку.

Положение рук различно. Доминирует поза адорации — руки сильно согнуты в локтях, кисти у головы (Глиное-Дот 1/10, 7/2; Глиное-Сад 1/7, 1/20, 1/24(?), 1/27-1; Глиное-Водовод 2/2, 2/10, 15/1, 21А/2, 21Б/3). Зафиксированы и иные позиции: одна рука сильно согнута в локте, кисть перед лицом, вторая согнута под углом около 90° , кисть перед «животом» (Глиное-Сад 1/13; Глиное-Водовод 9/1-2, 21А/4); одна рука сильно согнута в локте, кисть перед лицом, вторая вытянута в направлении колен/бедра (Глиное-Дот 7/1; Глиное-Сад 1/16); одна рука согнута под углом около 90° , кисть перед «животом», вторая вытянута в направлении колен/бедра (Глиное-Дот 3/8; Глиное-Сад 1/2, 1/21, 1/27-2; Глиное-Водовод 15/3-1?). К сожалению, у части погребений кости рук были смещены бульдозером или землероями и их позиция достоверно не восстанавливается.

Погребения ориентированы головой на север (Глиное-Дот 3/8; Глиное-Сад 1/27-2; Глиное-Водовод 2/8), северо-восток (Глиное-Дот 7/2; Глиное-Сад 1/13, 1/16, 1/24, 1/27-3; Глиное-Водовод 2/2, 21А/2), восток (Глиное-Дот 1/10, 7/1; Глиное-Водовод 2/5, 2/10, 15/1, 21А/4, 21Б/3), юго-восток (Глиное-Водовод 9/1-2, 15/3), юг (Глиное-Сад 1/21), юго-запад (Глиное-Сад 1/27-1; Глиное-Водовод 2/11), запад (Глиное-Сад 1/7), северо-запад (Глиное-Сад 1/2, 1/20, Глиное-Водовод 9/1-1).

Большинство погребений безынвентарны. В шести случаях погребения сопровождались керамическими сосудами (Глиное-Дот 3/10; Глиное-Сад 1/2, 1/21; Глиное-Водовод 2/2, 2/8, 2/11), в одном из них — вместе с костяной пряжкой (Глиное-Водовод 2/2). В погребении Глиное-Сад 1/16 под костями животного зафиксировано пятно глины зеленоватого цвета диаметром 0,2 м — остатки погребального сосуда из необожжённой глины (?). В одном погребении (Глиное-Водовод 15/3-1) обнаружены остатки деревянного сосуда. В одном погребении найден каменный сверлёный топор (Глиное-Сад 1/13).

Биконические сосуды из погребений Глиное-Дот 3/10 и Глиное-Водовод 2/11 близки к типу V по Е.Н. Савве (Савва 1992: 34, рис.8: V). Банки из погребений Глиное-Водовод 2/2 и 2/8 относятся к типу VIII по этой же классификации (Савва 1992: 36, рис.8: VIII). Все эти сосуды достаточно характерны для культурного круга Бабино. Отметим, что на Глинянском

могильнике все такие сосуды (за исключением сосуда из разрушенного погребения Глиное-Дот 3/10) связаны с захоронениями в подбоях.

С банкой из погребения Глиное-Водовод 2/2 вполне сочетается находка овальной выгнутой пряжки с низким бортиком. Хотя пряжка и была повреждена при расчистке, но по сочетанию прочих признаков она должна была иметь дополнительное боковое отверстие и относится к позднему типу О2.Б.В (Лысенко 2011: 127, рис. 2).

Приземистые миски, наподобие сосуда из погребения Глиное-Сад 1/21, выделены Е.Н. Саввой в тип Х (Савва 1992: 34, рис. 9: Х). Они известны как в погребениях культурного круга Бабино (Савва 1992: 116—118, рис. 49), так и сабастиновской культуры (Черняков 1985: рис. 69: 16, 70: 22). Аналогичная миска происходит и из разрушенного погребения сабастиновской культуры Глиное-Плавни 1/2, исследованного в 2019 г.

Особый интерес представляет находка в Нижнем Поднестровье цилиндрического кубка с ручкой, украшенного шнуровым орнаментом (Глиное-Сад 1/2). Основной ареал распространения таких кубков связан с подольской группой подкарпатской культуры шнуровой керамики (поздний этап) (Свешніков 1974: 61—63, рис.15: 4, 15, 16: 14, 17: 21). Для подольской группы также характерны и цилиндрические кубки с небольшим выступом вместо ручки. Известны цилиндрические кубки с ручкой и в верхнеднестровской группе подкарпатской культуры (Свешніков 1974: 47), а также на здолбицком этапе городокско-здолбицкой культуры (Свешніков 1974: 103, рис. 36: 1, 2). Несколько таких кубков были обнаружены на Волыни В.О. Самолюком (Самолук 2010: рис. 3: 2, 6: 1, 8: 1, 9: 1, 13: 2). Дальнейшее развитие цилиндрические кубки (в некоторых случаях с ручкой-выступом) получают в тшинецком культурном круге (Swiesznikow 1967: tab. I: 13—14, III: 9, 12, VII: 10, VIII: 4, XVI: 14—18; Лысенко и др. 2015: рис. 7: 1, 2, 4, 17: 3).

С кругом культур шнуровой керамики может быть также связана находка каменного сверлѐнного топора в погребении Глиное-Сад 1/13. Подобные топоры не характерны ни для ямной, ни для катакомбных культур восточно-европейской степи (Клочко 2006). Близкие по форме топоры известны в эписнуровых культурах Восточной Европы, в частности, на позднем этапе подольской группы подкарпатской культуры (Свешніков 1974: рис.15: 12).

В прикурганной выемке кургана 21 группы Водовод был обнаружен развал сосуда, предположительно связанный с одним из позднебронзовых погребений (21А/2, 21А/4, 21Б/3). Предварительно сосуд может быть отнесѐн к сабастиновской культуре. Определѐнные аналогии в ней находит округло-биконическая форма корпуса сосуда, сочетающаяся с «Г»-образным венчиком и короткой шейкой; известен в сабастиновской культуре и орнамент в виде пояса вдавлений, нанесѐнных по верхней части плечика (Черняков 1985).

В ряде погребений Глинянского могильника обнаружены кости животных (Глиное-Сад 1/7, 1/16, 1/21; Глиное-Водовод 2/5, 15/3), куски древесного угля (Глиное-Сад 1/7), куски обожѐнной глины (Глиное-Водовод 2/5), мелкие фрагменты лепной керамики, вероятно, попавшие при засыпке (Глиное-Сад 1/13; Глиное-Водовод 2/5). В пяти случаях зафиксирована подстилка (Глиное-Дот 3/8; Глиное-Сад 1/7, 1/13, 1/21; Глиное-Водовод 15/1); в одном случае — следы охры на стопах и черепе (Глиное-Дот 3/8).

Отдельно следует остановиться на погребении Глиное-Водовод 15/3, в котором костяк I сопровождался ещё одним человеческим черепом без нижней челюсти, положенным в головах погребѐнного. Погребальные комплексы, в которых скелет, лежащий в анатомическом или псевдоанатомическом порядке, сопровождался черепом или сводом черепа другого человека, известны в киево-черкасской и волынской группах комаровской культуры тшинецкого культурного круга, синхронных сабастиновской культуре степной зоны Северного Причерноморья (Лысенко 2015: 89, рис. 1: 1, 3). Стоит отметить, что

радиоуглеродная дата погребения Глиное-Водовод 15/3 (3240 ± 60 BP; 2σ 1660-1408 BC) практически полностью совпадает с датой погребения 1 Малополовецкого могильника, где был зафиксирован подобный обряд — 3225 ± 45 (2σ 1606-1406) (Kovalyukh et al. 1998: 135, fig. 4: 34). Можем допустить, что отмеченный случай кефалотафии, равно как и упомянутые выше находки артефактов эпишнуровых культур, отражают контакты с населением более северных территорий как на раннем, так и на развитом этапах эпохи поздней бронзы.

В заключение хочется остановиться ещё на одной проблеме, связанной с широким применением метода радиоуглеродного датирования. Даты ^{14}C были получены для 17 из 25 погребений групп ДОТ, Сад и Водовод, отнесённых к эпохе поздней бронзы. Пакет достаточно представительный и, казалось, он мог бы помочь в их более дробной культурно-хронологической дифференциации. Однако, сразу бросается в глаза, что по 2σ (достоверность 95,4%) реальные даты большинства погребений оказываются размытыми в интервале 300—400 лет. Подобная «точность» вполне достигается и методами традиционной археологической датировки.

В ряде случаев диапазон традиционных конвенциональных и радиоуглеродных дат полностью совпадает. В качестве эталонного образца такого совпадения можем привести бабинское погребение в подбое, сопровождавшееся банкой и костяной пряжкой (Глиное-Водовод 2/2). Дата этого погребения по 2σ — 1923—1630 BC, что вполне согласуется с датировкой днепро-прутской бабинской культуры в пределах XX—XVII вв. до н.э. Однако, в большинстве случаев даты, полученные для бабинских погребений Глиного, представляются либо завышенными, либо заниженными, но так как по 2σ их интервал накладывается верхним или нижним краем на конвенциональный интервал, то эти даты также представляются вполне приемлемыми, позволяющими отделить бабинские погребения от, скажем, черnogоровских. Часть же полученных дат совершенно выпадает из собственно археологического контекста. Причины такого несовпадения традиционных и радиоуглеродных дат выходят за рамки настоящей публикации. Можем лишь констатировать, что на нынешнем этапе развития науки не следует абсолютизировать результаты радиоуглеродного датирования⁸.

Выводы

Приведенные в статье материалы расширяют представления о характере погребального обряда и этнокультурных взаимосвязях населения левобережья Нижнего Днестра в позднем бронзовом веке.

Сочетание признаков погребального обряда эпохи поздней бронзы Глинянского могильника — на фоне общей блёклости всех погребений — крайне разнообразно. За этим разнообразием стоит как минимум два фактора — многовекторность культурных взаимосвязей населения левобережья Нижнего Днестра в эпоху поздней бронзы и принадлежность погребений к разным хронологическим горизонтам.

Все перечисленные комплексы можно разделить на две большие группы. В первую группу нами включены погребения, которые на основании чётких хроноиндикаторов могут быть отнесены к днепро-прутской бабинской культуре (XX—XVII вв. до н.э.). В неё, безусловно, входят все погребения в подбоях, погребения с характерными сосудами трёхчастного и баночного профиля, а также с костяной пряжкой. В эту же группу можем включить и погребения, содержащие артефакты, связанные с эпишнуровыми культурами Среднего и Верхнего Днестра (Глиное-Сад 1/2, 1/13).

⁸ Справедливости ради стоит отметить, что лишь благодаря радиоуглеродным датам, удалось пересмотреть культурно-хронологические определения погребений Глиное-Дот 3/8, Глиное-Водовод 9/1.

Во вторую группу входят погребения, не содержащие чётких хроноиндикаторов, которые допустимо датировать лишь в широких пределах — ранним и развитым этапом периода поздней бронзы. Нельзя исключать, что часть из них также относится к культурному кругу Бабино, но часть, скорее всего, занимает более позднюю хронологическую позицию и может быть отнесена к сабашиновской культуре (XVI—XIII вв. до н.э.).

Литература

- Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А. 2011. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время. *КСИА* 225, 144—154.
- Герасименко, Н.П. 1997. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников). *АА* 6, 3—64.
- Гошкевич В.И. 1903. *Клады и древности Херсонской губернии*. Кн. 1. Херсон: типография «ЮГА».
- Кетрару и др. 2014: Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus.
- Ключко В.И. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р.Х.)*. Київ: АртЕк.
- Лысенко С.Д. 2011. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье. *КСИА* 225, 123—143.
- Лысенко С.Д. 2015. Демембрация в погребальном обряде комаровской культуры. В: Токарева Е.П. (гл. ред.). *Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики*. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 74—100.
- Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2014. К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине 2 тыс. до н.э. *Русин* 2 (36), 8—28.
- Лысенко и др. 2015: Лысенко С.Д., Шкляревский Е.И., Разумов С.Н., Лысенко С.С. 2015. Курганный могильник комаровской культуры у с. Буковна (результаты исследований 2010—2013 гг.). *МАИАСП* 7, 11—49.
- Лысенко и др. 2020: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2020. Погребение тшинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 155—174.
- Матвишина и др. 2016: Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С. 2016. Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. *МАИАСП* 8, 11—45.
- Разумов С.Н., Лысенко С.Д. 2020. Древнейшее курганное золото Нижнего Поднестровья как индикатор межкультурных связей. *Русин* 59, 21—35.
- Разумов и др. 2013: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 297—340.
- Разумов и др. 2019: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2019. Курган бронзового века №2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare* 1, 123—148.
- Савва Е.Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Самолук В.О. 2010. Нові поховальні пам'ятки доби середньої бронзи на Волині. *АДІУ* 2, 96—106.
- Свешніков І.К. 1974. *Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери*. Київ: Наукова думка.
- Синика и др. 2015: Синика В.С., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П. 2015. Курганный группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра. *МАИАСП* 13, 164—194.
- Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у с. Буторы*. Тирасполь: Полиграфист.
- Тельнов и др. 2014: Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С. 2014. Работы совместной приднестровско-украинской экспедиции. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2013*. Київ: Інститут археології НАНУ, 329—330.

- Тельнов та ін. 2015: Тельнов М.П., Разумов С.М., Лисенко С.Д., Сініка В.С. 2015. Роботи придністровсько-української археологічної експедиції (попередні результати досліджень 2012—2013 рр.). В: Болтрик Ю.В. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2014*. Київ: Стародавній світ, 307—311.
- Тельнов и др. 2015: Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д. Синика В.С. 2015. Исследования курганного могильника под Тирасполем. В: Болтрик Ю.В. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2014*. Київ: Стародавній світ, 311—313.
- Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э.* Київ: Наукова думка.
- Яровий С.В., Агульніков С.М. 1995. Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. *Древности Северного Причерноморья и Крыма V*, 181—184.
- Kovalyukh et al. 1998: Kovalyukh N., Skripkin V., Klochko V., Lysenko S. 1998. Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern trzciniec culture in the Dnieper basin (the Malopolovetske burial site). *BPS* 6, 130—140.
- Swiesznikow I.K. 1967. Kultura komarowska. *Archeologia Polski* XII/1, 39—107.

References

- Borisov, A.V., Mimohod, R.A., Dyomkin, V.A. 2011. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 225, 144—154 (in Russian).
- Gerasimenko, N.P. 1997. In *Arheologicheskij almanah (Archaeological Almanac)* 6, 3—64 (in Russian).
- Goshkevich, V.I. 1903. *Klady i drevnosti Khersonskoy gubernii (Treasures and antiquities of the Kherson province)*. Bk 1. Kherson: Tipografiya “YuGA” (in Russian).
- Ketraru i dr. 2014. Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossars mounds)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Klochko, V.I. 2006. *Ozbroiennia ta viiskova sprava davnoho naselennia Ukrainy (5000—900 rr. do R.Kh) (Armament and military affairs of the ancient population of Ukraine (5000—900 BCE))*. Kyiv: ArtEk (in Ukrainian).
- Lysenko, S.D. 2011. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 225, 123—143 (in Russian).
- Lysenko, S.D. 2015. In: Tokareva, E.P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki (Ancient cults, ceremonies, rituals: monuments and practices)*. Zimovniki: Zimovnikovskiy kraevedcheskiy muzey, 74—100 (in Russian).
- Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2014. In *Rusin* 2 (36), 8—28 (in Russian).
- Lyisenko, S.D., Shklyarevskiy, E.I., Razumov, S.N., Lyisenko, S.S. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 7, 11—49 (in Russian).
- Lyisenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2020. In *Stratum plus* 2, 155—174 (in Russian).
- Matviishina, Zh.N., Parhomenko, A.G., Razumov, S.N., Lyisenko, S.D., Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 8, 11—45 (in Russian).
- Razumov, S.N., Lyisenko, S.D. 2020. In *Rusin* 59, 21—35 (in Russian).
- Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. 2013. In *Stratum plus* 2, 297—340 (in Russian).
- Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2019. In *Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare* 1, 123—148 (in Russian).
- Savva, E.N. 1992. *Kultura mnogovalikovoy keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechya (Culture of multi-roll ceramics of the Prut-Dniester interfluvium)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Samoliuk, V.O. 2010. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 96—106 (in Russian).
- Svieschnikov, I.K. 1974. *Istoriia naselennia Peredkarpattia, Podillia i Volyni v kintsi III — na pochatku II tysiacholittia do nashoi ery (History of the population of Precarpathia, Podillya and Volhynia in the late 3rd — early 1st millennium BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).

- Sinika, V.S., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2019. In *Materialyi po arheologii Severnogo Prychernomorya (Materials on the archaeology of the Northern Black Sea region)* 11, 164—194 (in Russian).
- Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurganyi u s. Butoryi (Mounds near the Butory village)*. Tiraspol: Poligrafist (in Russian).
- Telnov, N.P., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2014. In: Kozak, D.N. (ed.). *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2013 (Archaeological research in Ukraine in 2013)*. Kyiv: Instytut arheolohii NANU, 329—330 (in Ukrainian).
- Telnov, M.P., Razumov, S.M., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2015. In: Boltryk, Yu.V. (ed.) *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2014 (Archaeological research in Ukraine in 2014)*. Kyiv: Starodavnii svit, 307—311 (in Russian).
- Telnov, N.P., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2015. In: Boltryk, Yu.V. (ed.) *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2014 (Archaeological research in Ukraine in 2014)*. Kyiv: Starodavnii svit, 311—313 (in Russian).
- Chernyakov, Y.T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prychernomor'e vo vtoroy polovynе II tysyacheletya do n.e. (North-Western Black Sea Coast in the second half of the 2nd millennium BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Yarovyi, Ye.V., Ahul'nikov, S.M. 1995. In *Drevnosty Severnoho Prychernomor'ya y Kryma (Antiquities of the Northern Black Sea Coast and Crimea)* V, 181—184. (in Ukrainian).
- Kovalyukh, N., Skripkin, V., Klochko, V., Lysenko, S. 1998. Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern trzciniec culture in the Dnieper basin (the Malopolovetske burial site). *Baltic-pontic studies* 6, 130—140.
- Swiesznikow, I.K. 1967. Kultura komarowska. *Archeologia Polski* XII/1, 39—107.

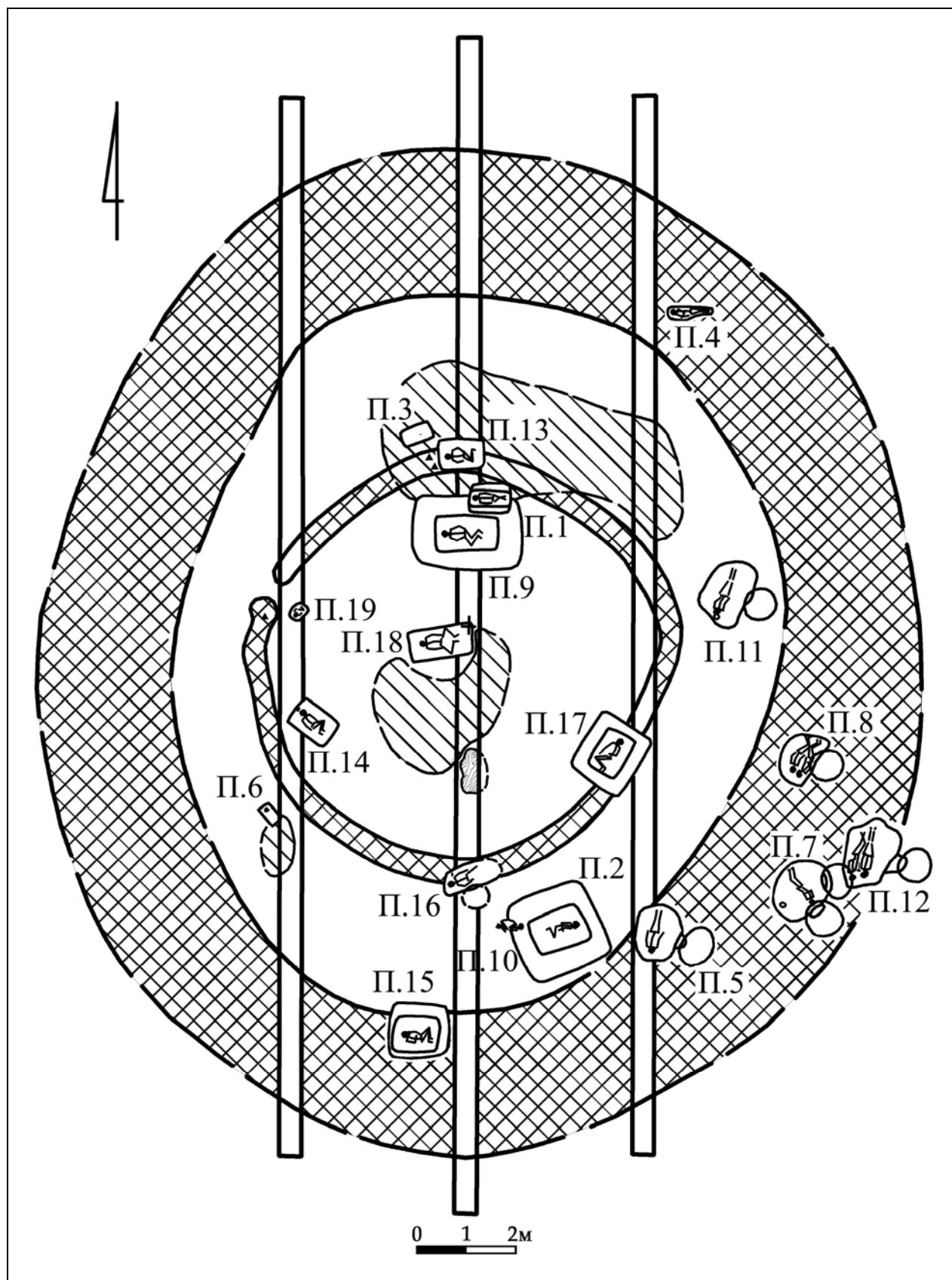

Рис. 1. Глиное, курганная группа «ДОТ», курган 1, план.

Fig. 1. Glinoe, barrow group "DOT", plan of the mound 1.

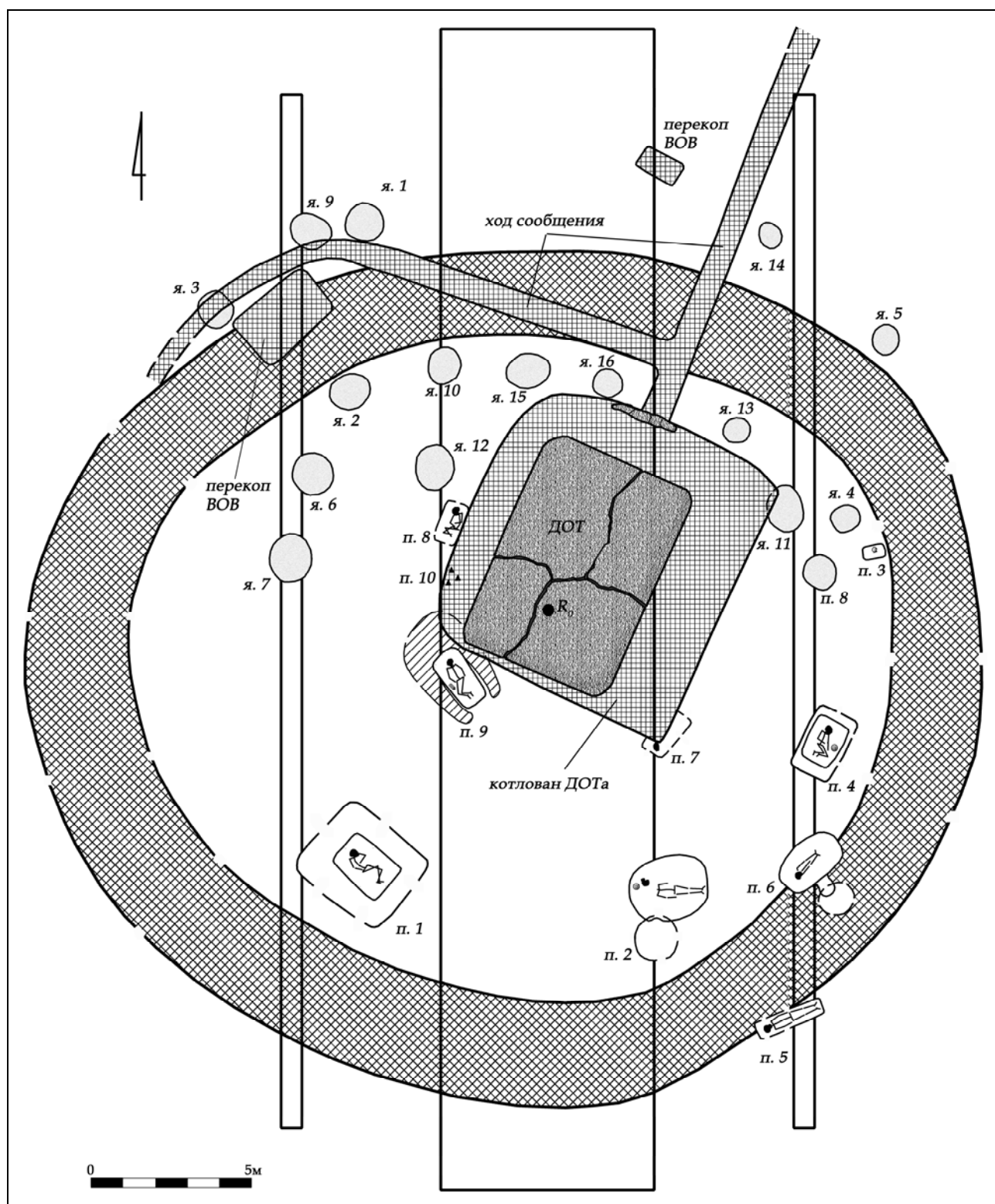

Рис. 2. Глиное, курганная группа «ДОТ», курган 3, план.

Fig. 2. Glinoe, barrow group "DOT", plan of the mound 3.

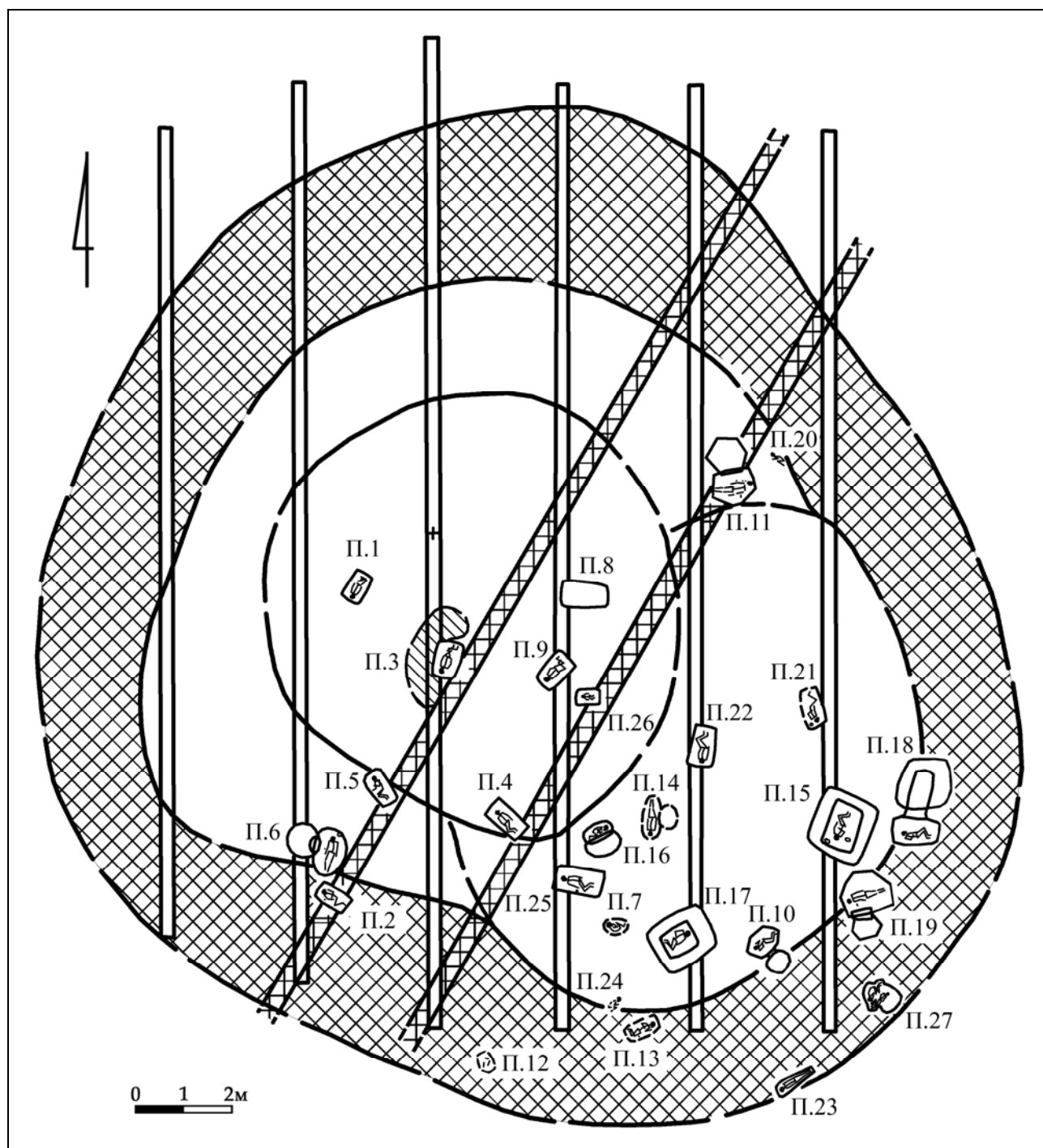
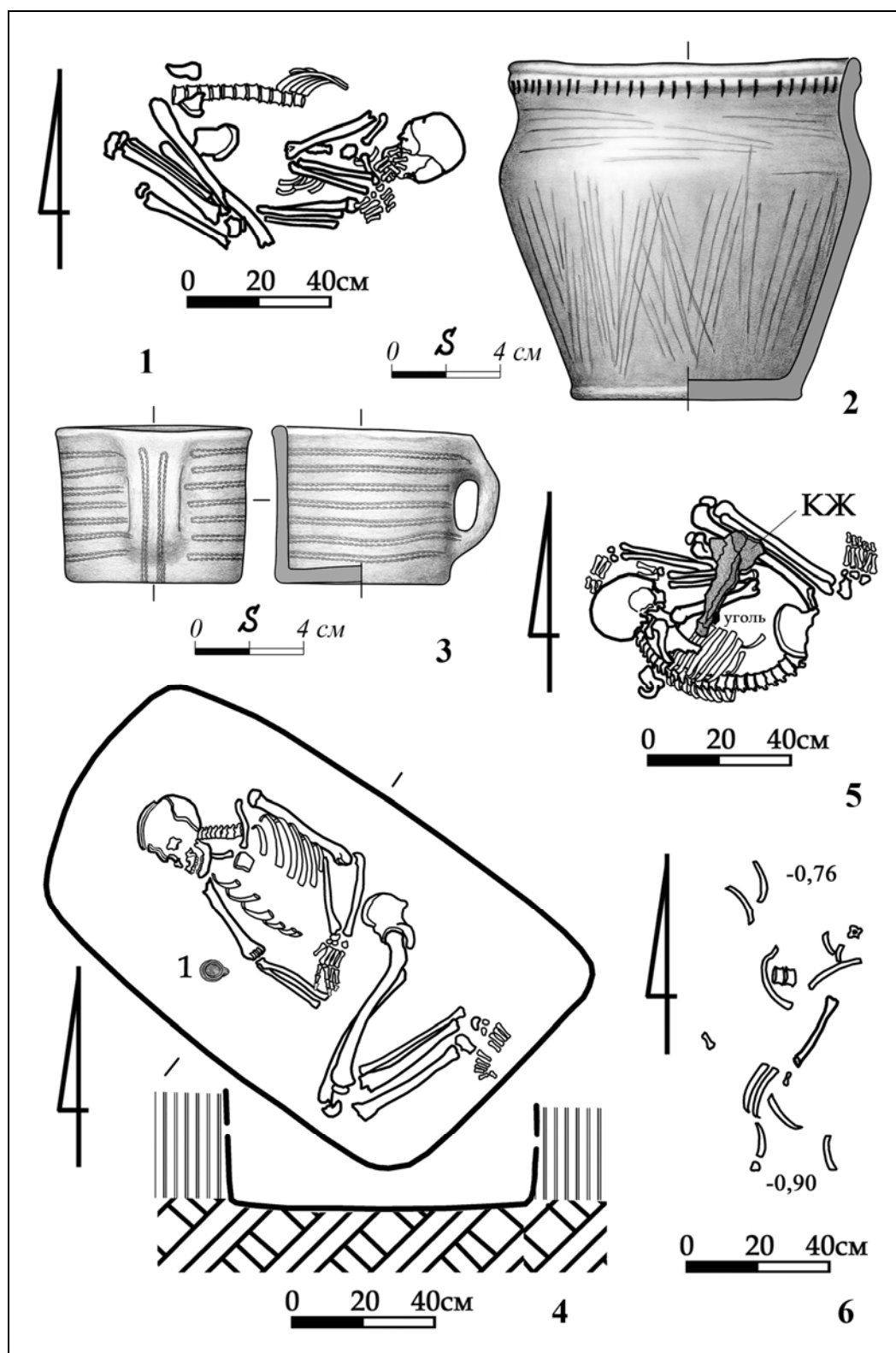

Рис. 3. Глиное, курганная группа «Сад», курган 1, план.

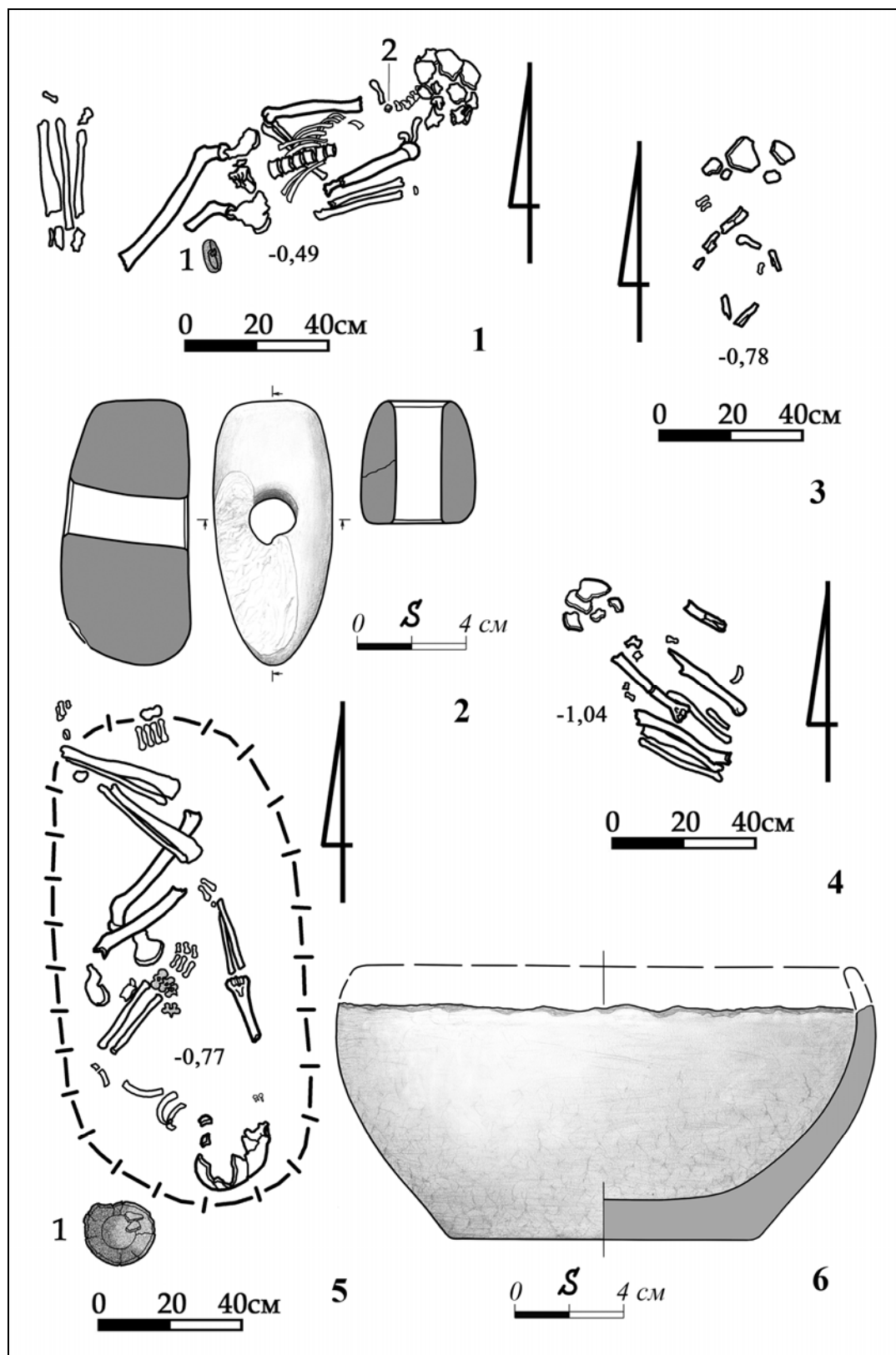
Fig. 3. Glinoe, barrow group “Sad” / “Garden”, plan of the mound 1.

Рис. 4. Глиное: 1 — курганный группа «ДОТ», курган 1, погребение 10; 2 — курганный группа «ДОТ», курган 3, погребение 10; 3, 4 — курганный группа «Сад», курган 1, погребение 2; 5 — курганный группа «Сад», курган 1, погребение 7; 6 — курганный группа «Сад», курган 1, погребение 12.

Fig. 4. Glinoe: 1 — barrow group “DOT”, mound 1, grave 10; 2 — barrow group “DOT”, mound 3, grave 10; 3, 4 — barrow group “Sad” / “Garden”, mound 1, grave 2; 5 — barrow group “Sad” / “Garden”, mound 1, grave 7; 6 — barrow group “Sad” / “Garden”, mound 1, grave 12.

Рис. 5. Глиное, курганная группа «Сад», курган 1: 1, 2 — погребение 13; 3 — погребение 24; 4 — погребение 20; 5, 6 — погребение 21.

Fig. 5. Glinoe, barrow group “Sad” / “Garden”, mound 1: 1, 2 — grave 13; 3 — grave 24; 4 — grave 20; 5, 6 — grave 21.

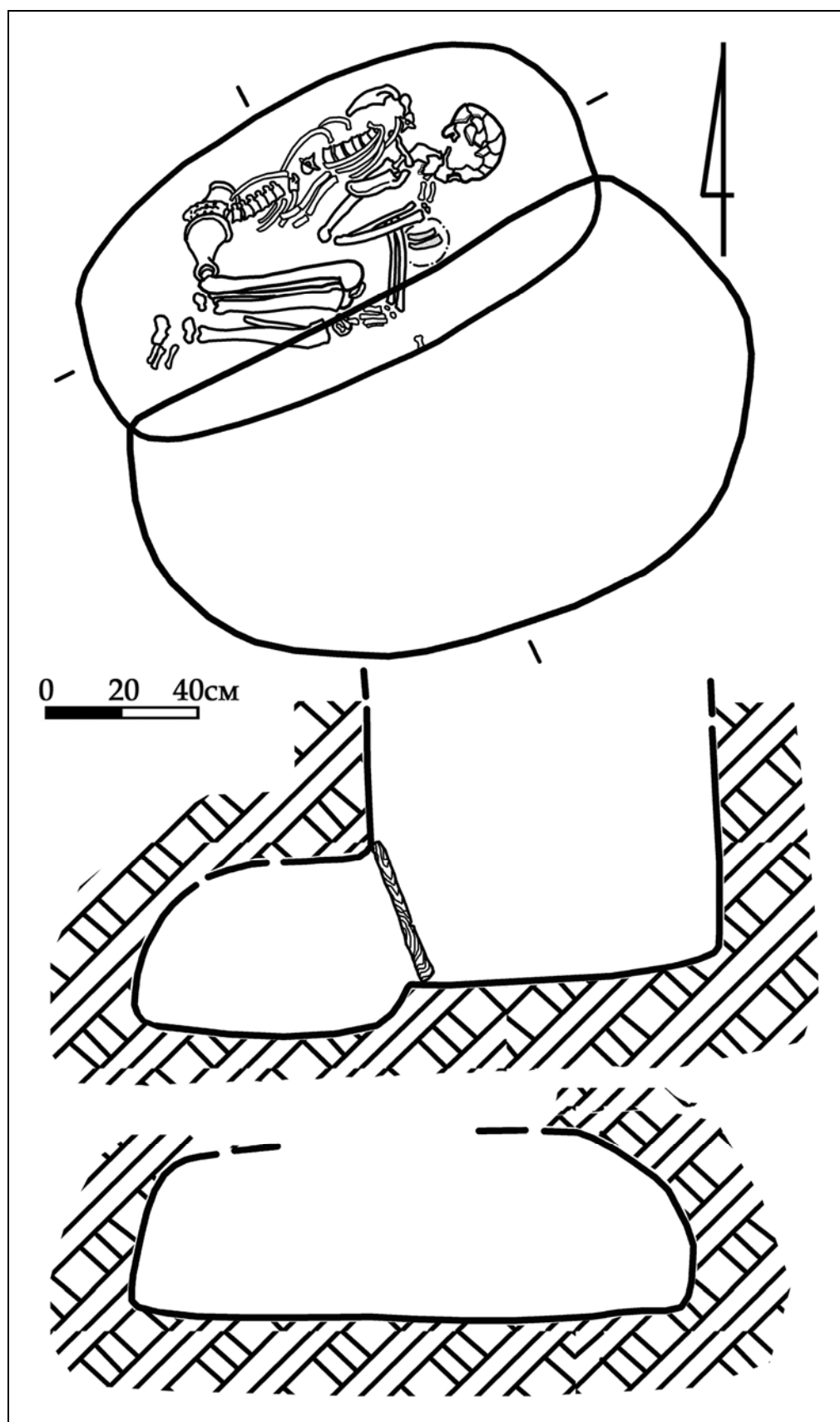

Рис. 6. Глиное, курганный группа «Сад», курган 1, погребение 16.

Fig. 6. Glinoe, barrow group "Sad" / "Garden", mound 1, grave 16.

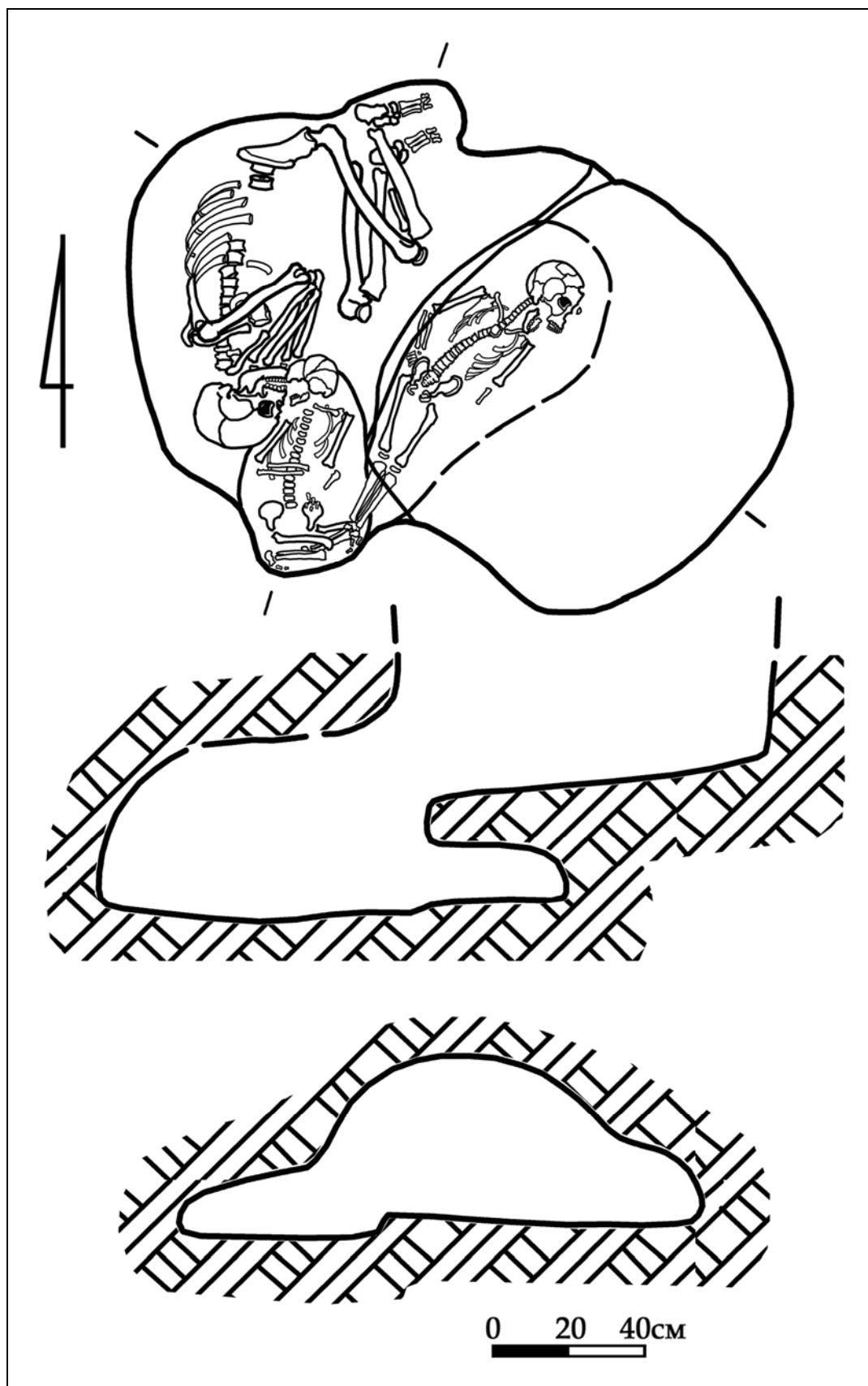

Рис. 7. Глиное, курганная группа «Сад», курган 1, погребение 27.

Fig. 7. Glinoe, barrow group “Sad” / “Garden”, mound 1, grave 27.

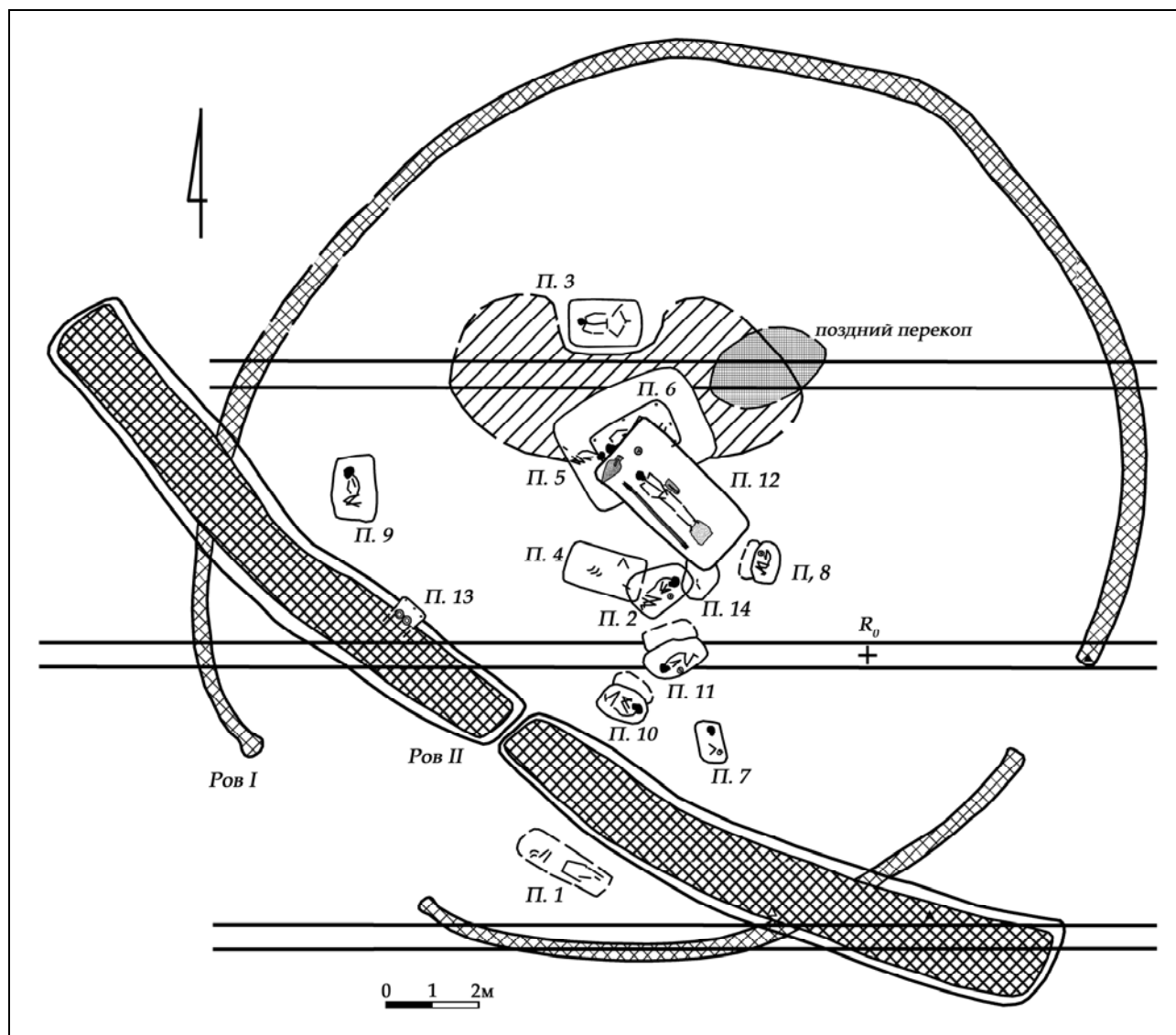

Рис. 8. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 2, план.

Fig. 8. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, plan of the mound 2.

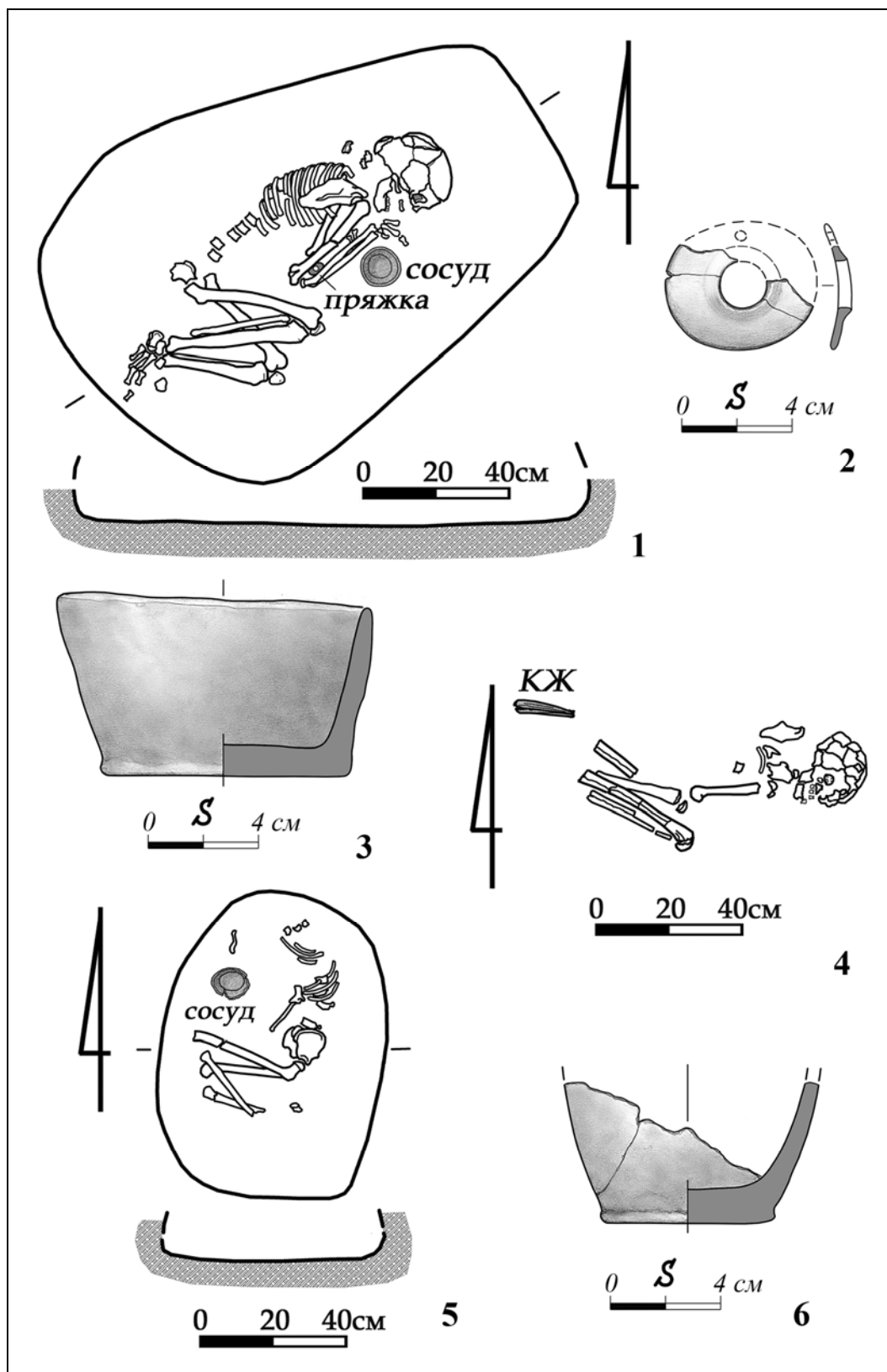

Рис. 9. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 2: 1—3 — погребение 2; 4 — погребение 5; 5, 6 — погребение 8.

Fig. 9. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, mound 2: 1—3 — grave 2; 4 — grave 5; 5, 6 — grave 8.

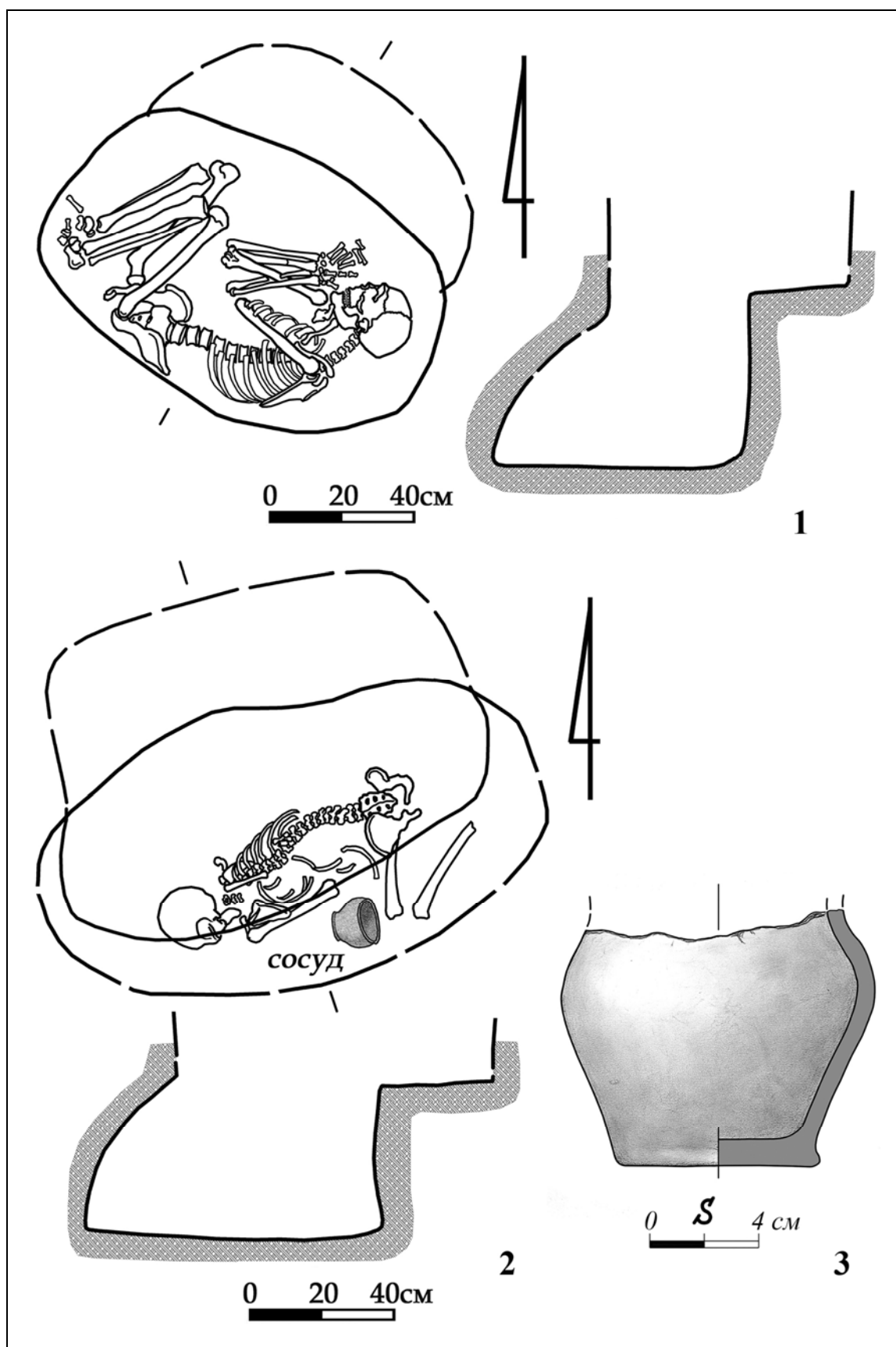

Рис. 10. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 2: 1 — погребение 10; 2, 3 — погребение 11.

Fig. 10. Glinoe, barrow group "Vodovod" / "Sluiceway", mound 2: 1 — grave 10; 2, 3 — grave 11.

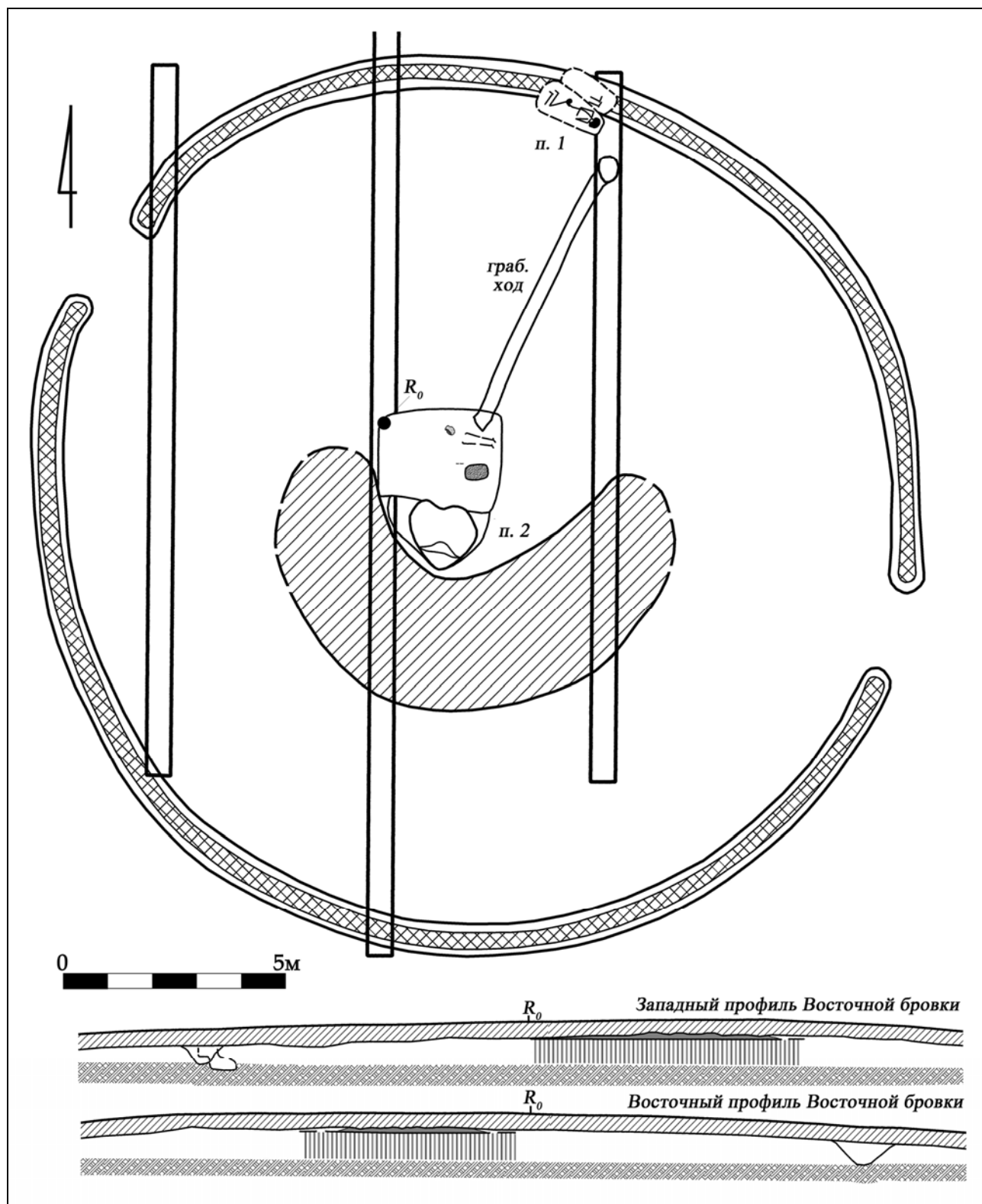

Рис. 11. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 9, план.

Fig. 11. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, plan of the mound 9.

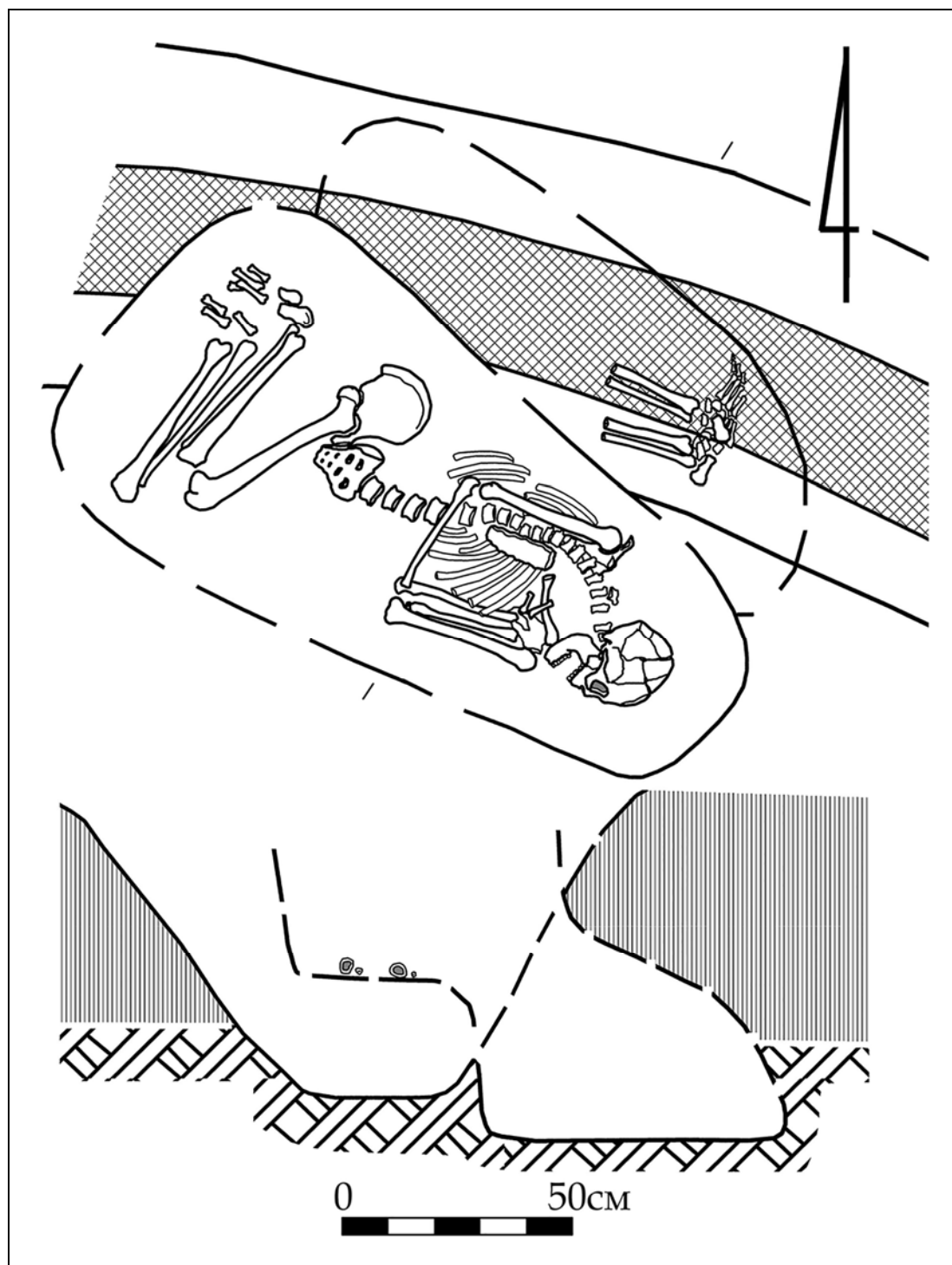

Рис. 12. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 9, погребение 1.

Fig. 12. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, mound 9, grave 1.

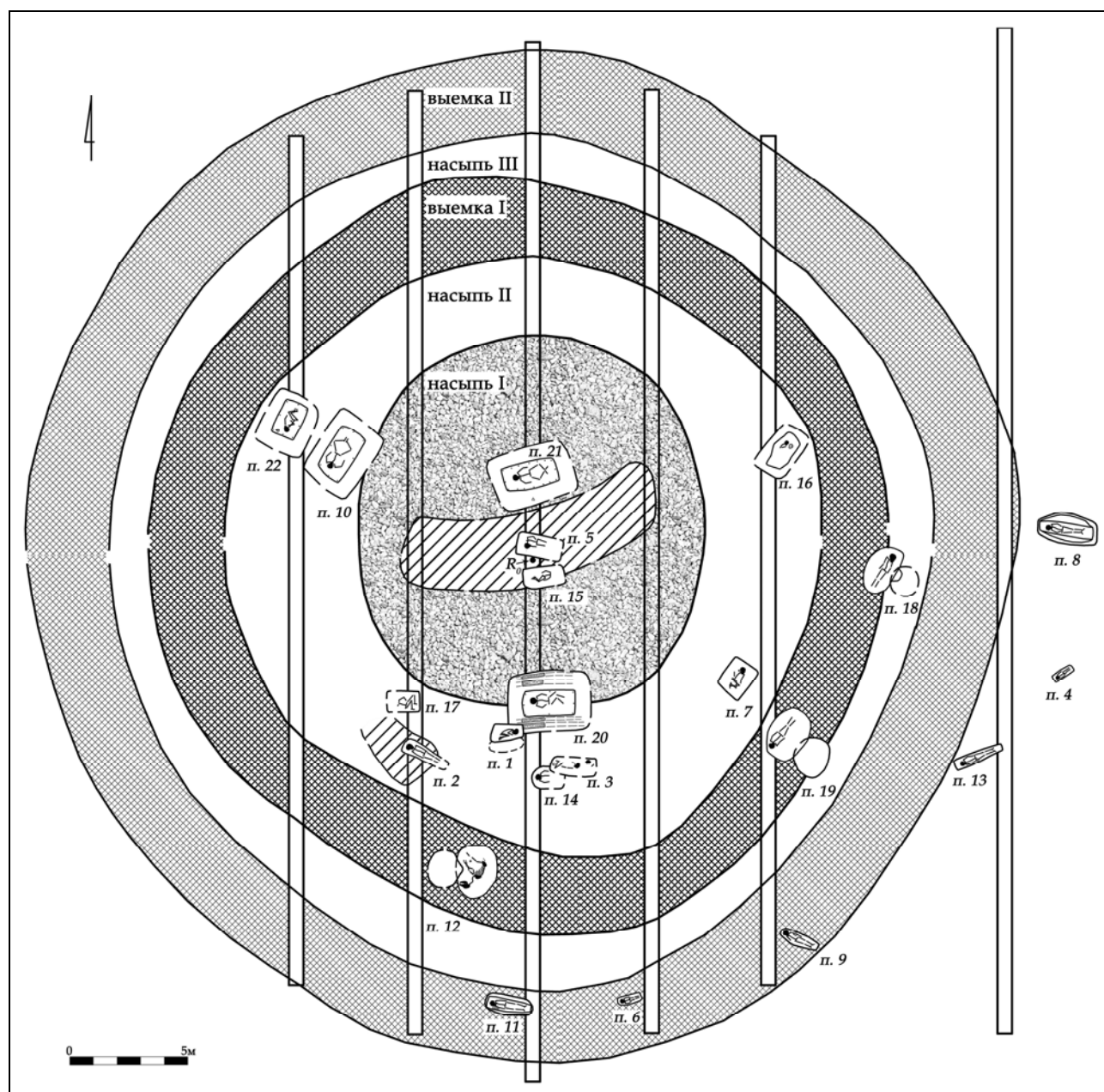

Рис. 13. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 15, план.

Fig. 13. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, plan of the mound 15.

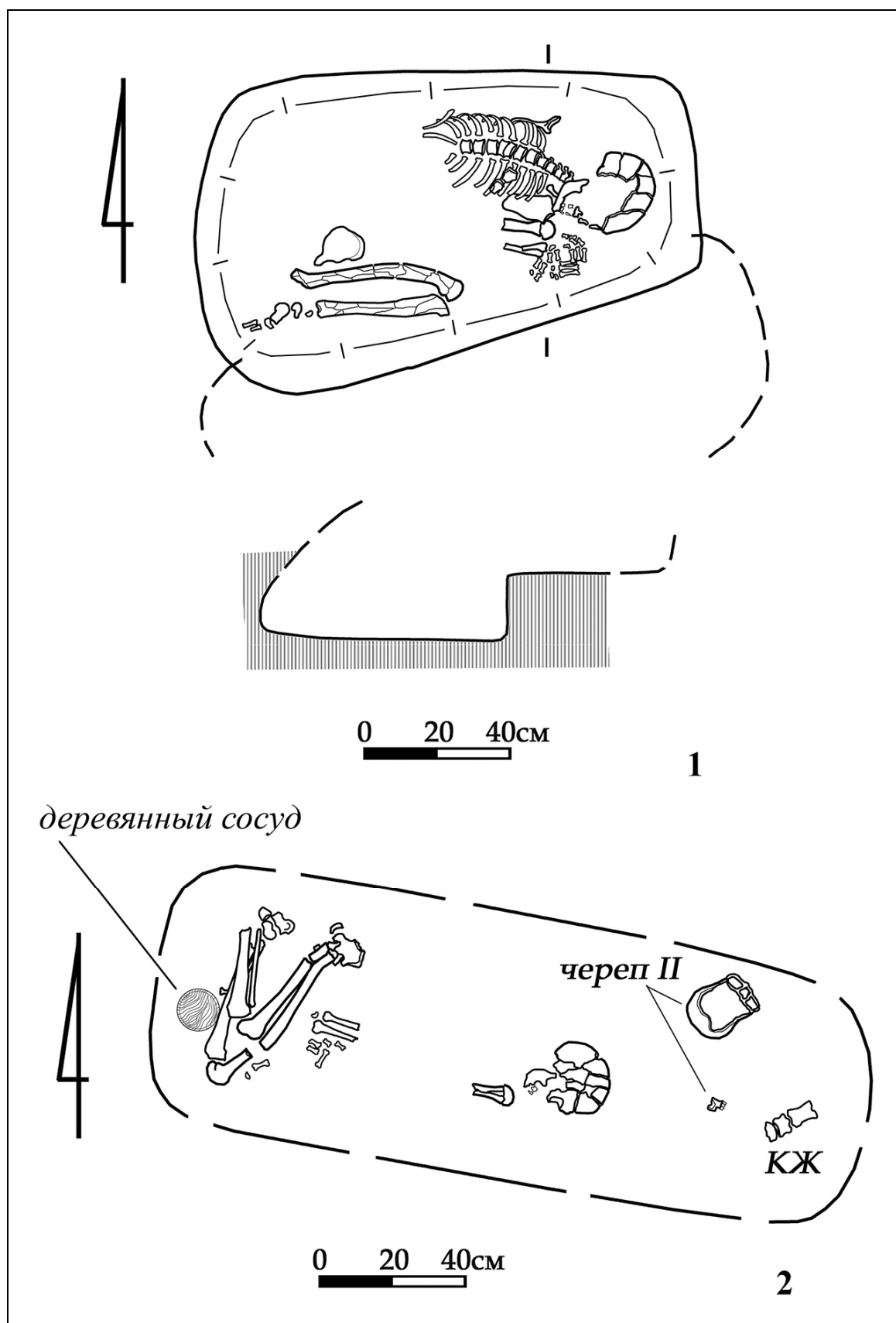

Рис. 14. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 15: 1 — погребение 1; 2 — погребение 3.

Fig. 14. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, mound 21: 1 — grave 1; 2 — grave 3.

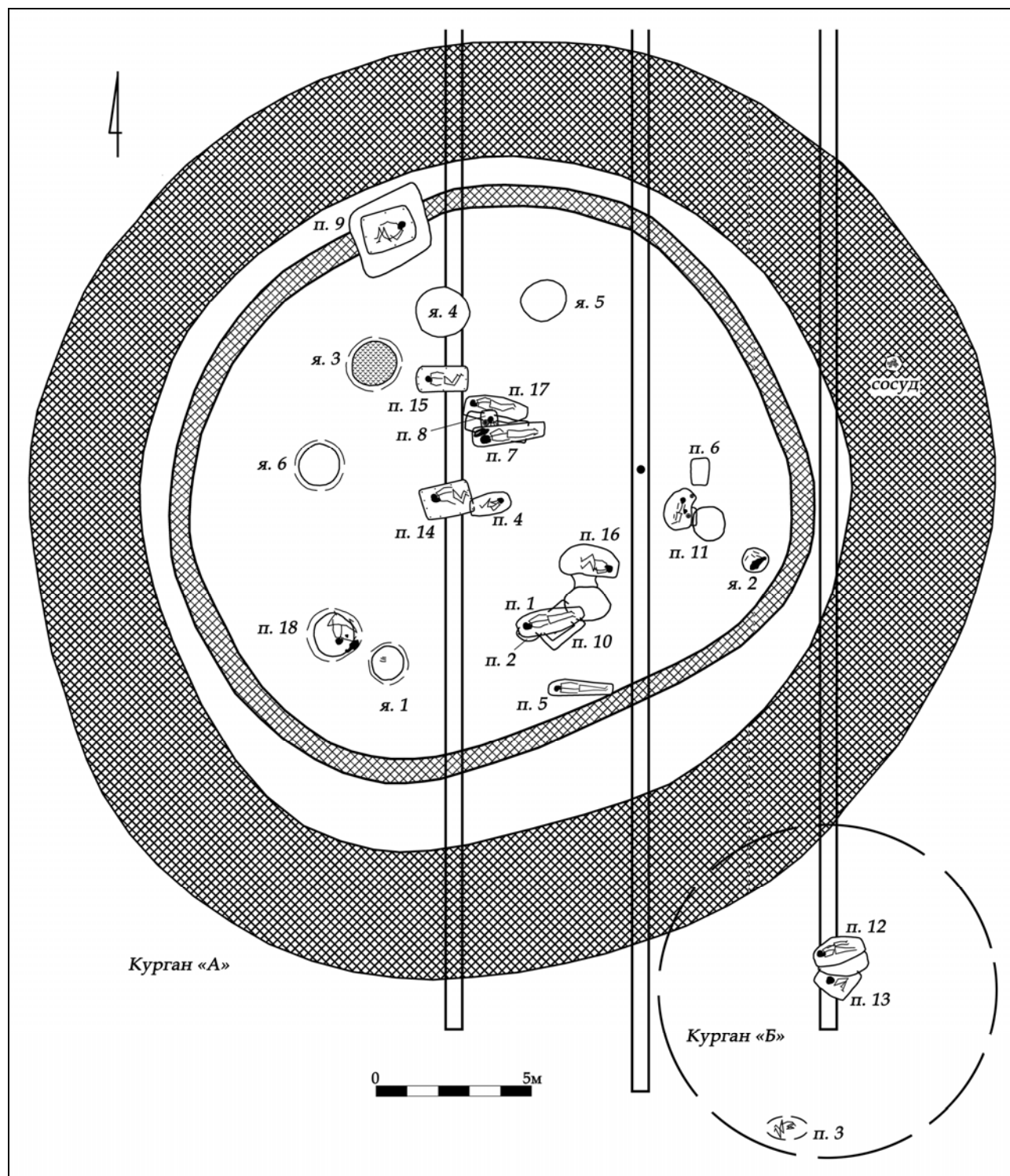
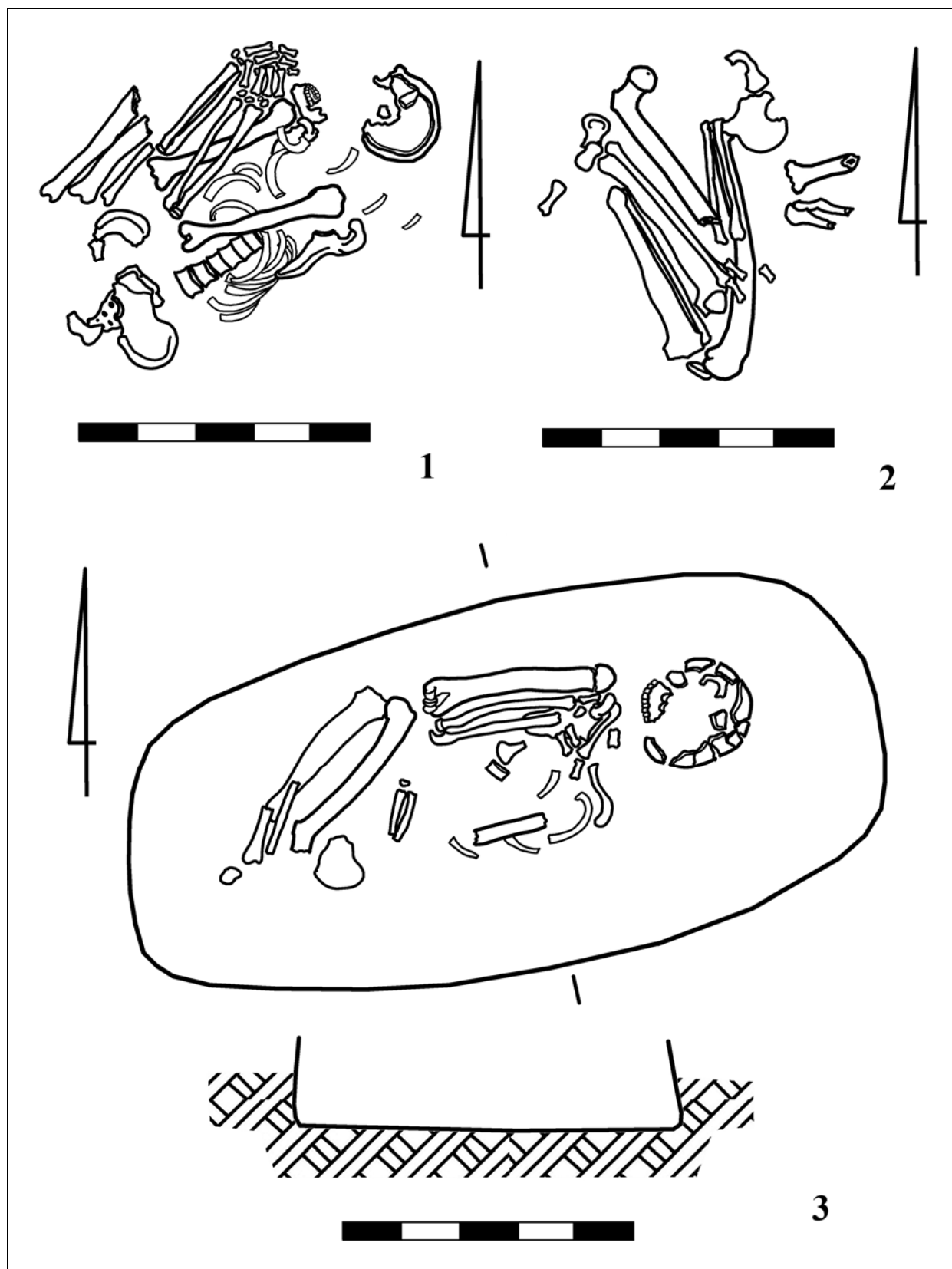

Рис. 15. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 21, план.

Fig. 15. Glinoe, barrow group "Vodovod" / "Sluiceway", plan of the mound 21.

Рис. 16. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 21: 1 — погребение 2; 2 — погребение 3; 3 — погребение 4.

Fig. 16. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, mound 21: 1 — grave 2; 2 — grave 3; 3 — grave 4.

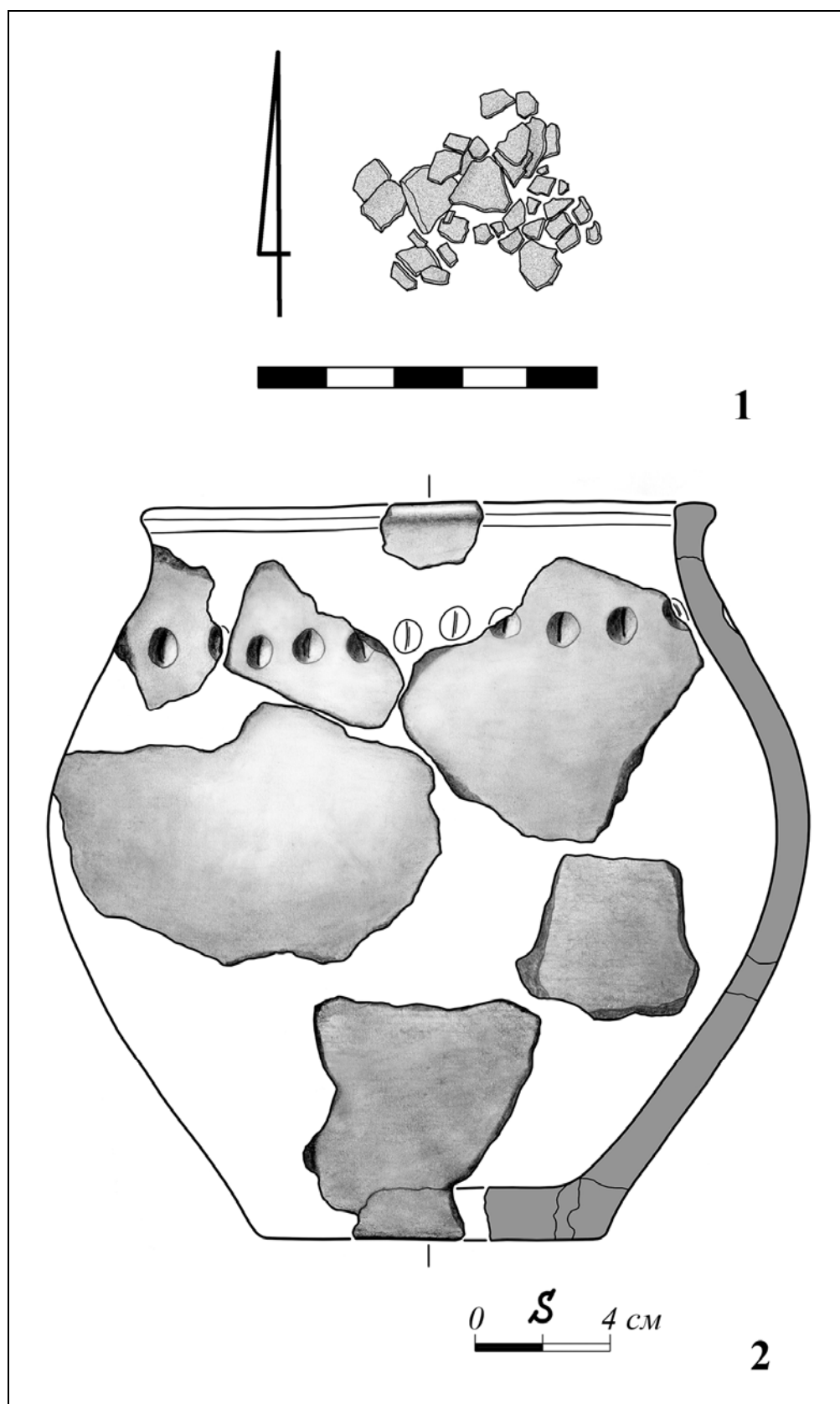

Рис. 17. Глиное, курганная группа «Водовод», курган 21, развал сосуда в насыпи.

Fig. 17. Glinoe, barrow group “Vodovod” / “Sluiceway”, mound 21, grave 8, fragments of vessel in the mound.

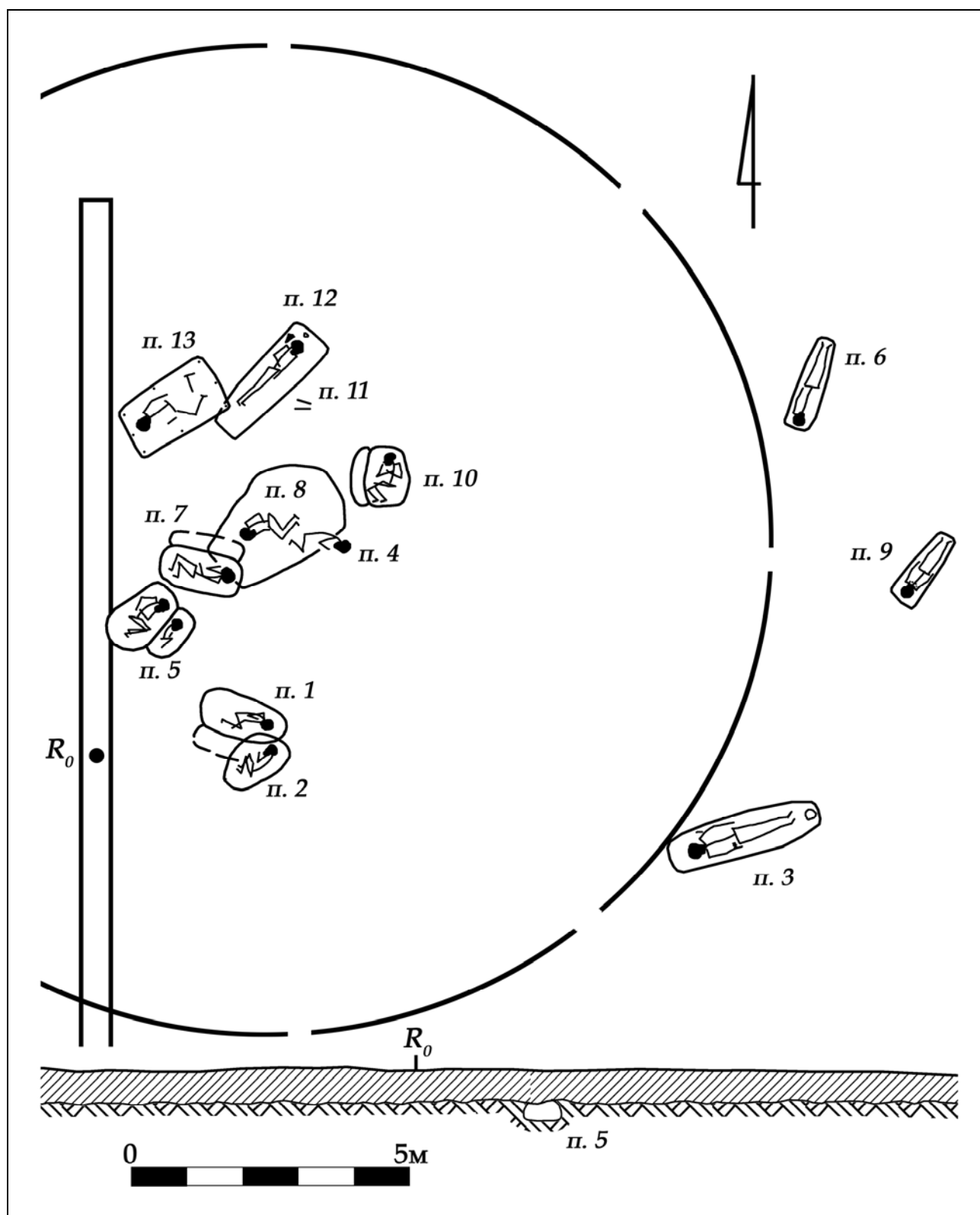
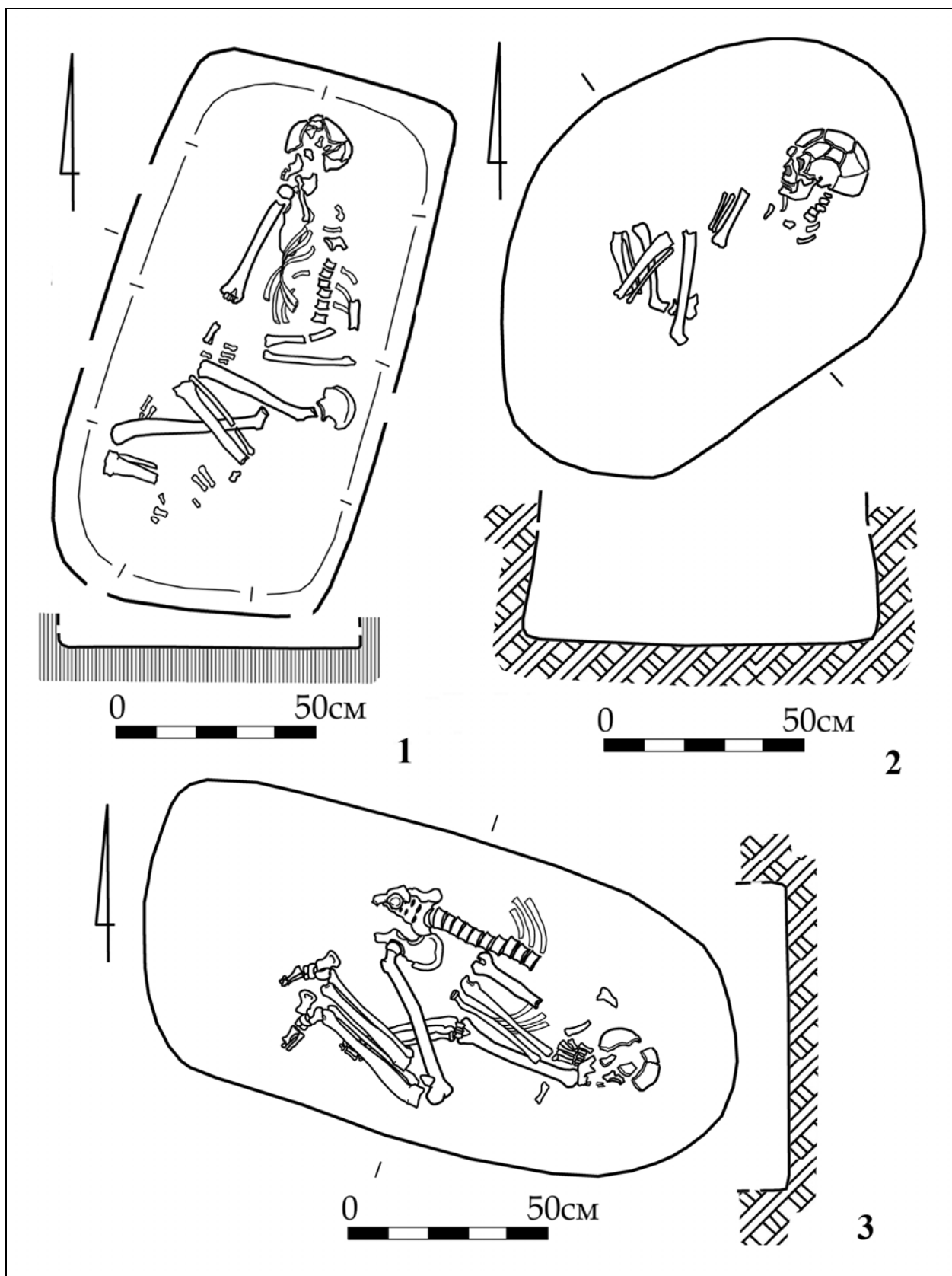

Рис. 18. Глиное, курганная группа «ДОТ», курган 7, план.

Fig. 18. Glinoe, barrow group «DOT», plan of the mound 7.

Рис. 19. Глиное, курганная группа «ДОТ»: 1 — курган 3, погребение 8; 2 — курган 7, погребение 2; 3 — курган 7, погребение 1.

Fig. 19. Glinoe, barrow group «DOT»: 1 — mound 3, grave 8; 2 — mound 7, grave 2; 3 — mound 7, grave 1.

УДК 903

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.60.31.005

С.А. Фидельский

**КЛАД С ГОРОДИЩА СТРОЕНЦЫ
НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕСТРА***

В 2018 г. на городище у с. Строевцы Рыбницкого района был обнаружен вещевой клад раннего железного века. В его состав входило не менее восьми бронзовых и серебряных изделий — украшений (три браслета, парные серьги и перстень) и аксессуаров костюма (две фибулы и цепочка). Предметы, по всей видимости, были помещены в лепной сосуд или в его поддон. Среди ранних вещей следует выделить раннелатенские фибулы последней трети IV — первой половины III в. до н. э. Однако на основании датировок более поздних вещей (цепочки и перстня) время депонирования клада следует отнести к третьей четверти III в. до н. э. Установить, кем был депонирован клад, невозможно. Тем не менее, обнаруженные вещи отчетливо сочетают в себе ювелирные традиции фракийской, скифской и латенской культур.

Ключевые слова: Ранний железный век, Среднее Поднестровье, городище Строевцы, клад, фракийцы, скифы, латенская культура, украшения, аксессуары костюма, IV—II вв. до н.э.

Сведения об авторе: Фидельский Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: fidel1975@mail.ru.

S.A. Fidelski

**THE HOARD FROM THE STROENTSY FORTIFIED SETTLEMENT
ON THE LEFT BANK OF THE MIDDLE DNIESTER**

In 2018, an Early Iron Age hoard was discovered in the expanse of fortified settlement near Stroentsy in Rybnitsa district. The hoard consisted of at least eight objects of bronze and silver, with personal ornaments (three bracelets, paired earrings, and a finger ring) and costume accessories (two fibulae and a chain) included. Apparently, the objects were placed in a vessel modeled by hand or in the bottom part of this. As the earliest objects, the early La Tene fibulae should be distinguished which are dated within the time range from the last third of the 4th century until the first half of the 3rd century BCE. However, the deposition time of the hoard should be attributed to the third quarter of the 3rd century BCE based on the dating of the latest items, namely a chain and a finger ring. It is impossible to establish who deposited the hoard. Nevertheless, the items discovered clearly combine the jewelry traditions of the Thracian, Scythian and La Tene Cultures.

Key words: Early Iron Age, Middle Dniester region, Stroentsy fortified settlement, hoard, Thracians, Scythians, La Tene culture, adornments, costume accessories, the 4th — the 2nd centuries BCE.

About the author: Fidelski Sergei Anatol'evich, PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: 3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: fidel1975@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 01 декабря 2021 г.
Принята к печати 14 декабря 2021 г.

Территория Среднего Поднестровья, а именно южная её часть, представляет собой регион, где в настоящее время сосредоточено значительное количество памятников археологии различных исторических эпох. Среди них особое место в регионе занимают древности раннего железного века. Представлены они, главным образом, поселенческими и погребальными памятниками гальштатской эпохи и гетской культуры. Большая их часть расположена на правом берегу Днестра, и только несколько памятников, в том числе городище Строенцы, находятся на левобережье. Здесь кроме указанного городища, хорошо известны укрепленные поселения Грушка, Рашков, Катериновка, Выхватинцы. Последнее в настоящее время является единственным археологически исследованным поселенческим памятником на левом берегу Среднего Днестра (Фидельский 2017).

Наряду с городищами были выявлены и неукрепленные поселения, а также отдельные погребения, расположенные преимущественно в окрестностях с. Рашков. В 2006 и 2008 гг. на одном из вновь открытых поселений у с. Рашков были проведены небольшие археологические раскопки (Фидельский 2020а: 163, 165). Однако большинство памятников раннего железного века на левобережье Среднего Днестра в археологическом плане остаются не изученными.

Среди памятников раннего железного века региона пристального внимания заслуживает городище у с. Строенцы Рыбницкого района (рис. 1). Впервые памятник был выявлен И.Г. Хынку в 1983 г., им же проведен осмотр и дано подробное его описание с указанием культурно-хронологического диапазона (Хынку 1987: 34—36). Позже в археологической литературе встречаются упоминания о городище только в контексте изучения гетских памятников Днестровско-Прутского междуречья (Никулицэ 1987: 87—88; Kaşuba, Naheu, Leviţki 2000; Niculiţă, Zănoşi 2004: 112). В 2007 г. в ходе инвентаризации археологических памятников левобережья Днестра был проведен осмотр городища, уточнен ряд его деталей, в частности наличие каменной конструкции в основании вала, собрана керамика, представленная в основном фрагментами гетской лепной посуды (Фидельский 2017: 53—56, рис. 4).

В дальнейшем пристальное внимание к городищу было связано с находкой на его территории вещевого клада¹. Информация о кладе поступила в 2018 г. от одного из жителя г. Тирасполь, которым были предоставлены несколько фотографий как самого клада, так и отдельных предметов из него. К сожалению, получить более подробную информацию о данном источнике не удалось. Для прояснения ситуации было принято решение выехать на городище. В результате осмотра памятника на участке внутреннего укрепления были обнаружены несколько современных грабительских шурфов разных размеров, максимальная глубина которых составляла 0,5 м. Стало очевидно, что клад был обнаружен грабителями в 2018 г. в ходе незаконных раскопок. Несмотря на указанные обстоятельства, данный археологический источник, вне всякого сомнения, заслуживает отдельной публикации. В качестве исходного материала использовались фотографии, на которых находки были изображены вместе с масштабной линейкой, что значительно упростило работу по определению их размеров. Кроме того, для каждого изделия известен вес.

---

¹ В настоящее время на территории Среднего Поднестровья достоверно зафиксировано местонахождение еще двух вещевых кладов содержащих предметы украшений (спиралевидные браслеты, гривны и серьги) из драгоценных металлов. Оба клада были обнаружены на гетских городищах Большая Сахарна и Матеуцы расположенных на правом берегу Днестра (Niculiţă, Zănoşi, Băţ 2016: fig. 151: 1—3; Băţ, Zănoşi, Cojocari 2019). Обращает на себя внимание незначительное расстояние между укрепленными поселениями Строенцы, Матеуцы и Большая Сахарна, находящихся практически на одной прямой по линии север — юг. Дистанция между городищами составляет: Строенцы — Матеуцы — 7,5 км; Строенцы — Большая Сахарна — 22 км. Исходя из этого можно предполагать, что Строенецкое городище имело определенную связь с правобережными памятниками и являлось неотъемлемой частью целого комплекса укрепленных поселений на Среднем Днестре.

Итак, как уже упоминалось, клад был обнаружен на участке центрального укрепления городища Строенцы и состоял из девяти различных предметов, помещенных в целый сосуд либо его поддон. В составе клада были предметы украшений и аксессуары костюма. К предметам украшений относятся три спиралевидных браслета, парные серьги и перстень, к аксессуарам костюма — две идентичные фибулы и одна цепочка (рис. 2).

В данной статье более подробно остановимся на описании предметов украшений, т.к. детальной характеристике аксессуарам костюма — бронзовым фибулам и бронзовой цепочке была посвящена отдельная публикация (Фидельский 2020b: 109—117).

Среди украшений выделяются три бронзовых (?) спиралевидных браслета. Два из них очень близки друг другу и скорее всего, относятся к одному типу. Третий отличается от предыдущих наличием змеиных головок на окончаниях.

Два **спиралевидных браслета** в 3,5 оборота изготовлены из довольно массивного, округлого в сечении стержня диаметром 0,5—0,6 см.² Браслеты круглой формы. Диаметр одного браслета равен 5,5 см, максимальная ширина составила 4 см, вес 71,43 г (рис. 3). Окончания браслетов срезаны, имеют подквадратную форму. Браслеты орнаментированы. Орнамент располагался ближе к окончаниям браслетов и состоял из трех групп поперечных линий, между которыми были зафиксированы изображения в виде косоугольного креста. В каждой из групп количество линий неодинаковое. Как правило, группы состояли из четырех поперечных полосок, и лишь в одном случае их было пять.

Браслет № 3 спиралевидной формы в 2,5 оборота изготовлен из довольно массивного, округлого в сечении стержня диаметром 0,5 см (рис. 4: А). Браслет округлой формы, диаметром 6,8 см и максимальной шириной 3,8 см, вес 61,73 гр. Окончания браслета оформлены в виде змеиных головок, изображения которых достаточно реалистичны. Отчетливо обозначены глаза и пасть. Также следует отметить наличие гравированного орнамента на окончаниях браслета. Он украшал как саму поверхность браслета, так и змеиные головки. Орнамент на поверхности браслета состоял из двух групп, где были зафиксированы три и две поперечные линии. Украшения змеиных головок представляли собой косоугольный крест, расположенный между глазами, и группу из поперечных и косых линий, размещенных на голове и туловище. Возможно, подобный орнамент представлял собой стилизацию змеиной чешуи.

Парные серьги, возможно, из белого металла изготовлены из гладкой и округлой в сечении проволоки диаметром от 0,1 до 0,4 см. Серьги имеют форму кольца диаметром 4,2 см (рис. 5: А). Концы серег загнуты в виде петелек, с помощью которых они закрутились. Общий вес серег составил 15,61 г, из чего следует, что масса одной серьги могла равняться 7,8 г.

Перстень, вероятнее всего, из белого металла изготовлен (вырезан) из тонкой металлической пластины с округлым щитком и плоскими дужками со слегка заходящими друг на друга концами (рис. 6: А). Перстень округлой, слегка уплощенной формы диаметром 1,7—2 см. Диаметр щитка предположительно равен 2 см. На верхней поверхности щитка был зафиксирован пуансонный орнамент.

Как уже отмечалось, в составе клада наряду с предметами украшений были аксессуары костюма — две фибулы и цепочка.

---

² К сожалению, из-за плохого качества одной из фотографии и отсутствия на ней четкого изображения удалось описать только один браслет. Учитывая их визуальное сходство, следует предположить, что браслеты идентичны, возможно, за исключением некоторых деталей орнамента. Также возникли сложности с определением материала, из которого были изготовлены браслеты. Вероятнее всего, использовалась бронза, хотя не исключено, что они были серебряными.

Фибулы практически идентичные, различаются только по высоте и весу (рис. 7). Как нам представляется, предметы были изготовлены из бронзы. Они относятся к изделиям с гладкой дужкой (спинкой), арочной и слегка уплощенной формы. Максимальная длина фибулы составляет 4,3 см, высота варьируется от 1,2 до 1,5 см. Диаметр стержня дужки равен 0,4 см. Ножка плотно прилегает к спинке, имеет декор в виде бусины биконической формы диаметром 0,5 см, рельефных ободков, а также элемента похожего на трезубец. Пружина шестивитковая, по три витка с каждой стороны, общей шириной 1,5 см, тетива внешняя. Максимальный диаметр пружины равен 0,8 см. От пружины отходит игла, помещенная в небольшой приемник. Вес одной фибулы составляет 9,11 г, другой — 9,18 г.

Цепочка, судя по фотографии, изготовлена из бронзы (рис. 8). Её звенья представляют собой сомкнутые колечки овальной и круглой формы, изготовленные из плоского в сечении прута. О длине цепочки, а также о размерах звеньев судить невозможно. По всей видимости, общая длина изделия была не менее 50 см. Достоверно известно, что вес цепочки составляет 12,18 г.

Таким образом, предметы из клада с городища Строенцы разнообразны, в связи с чем представляют значительный научный интерес. Необходимо отметить, что этим вещам известны прямые аналогии как к западу, так и к востоку от Днестра.

По В.Г. Петренко, браслеты из клада городища Строенцы относятся к ручным стержневым браслетам. Тем не менее, учитывая совокупность форм, размеров и орнамента, отнести эти изделия к одному из выделенных исследователем типов затруднительно. Наличие змеиных головок на окончаниях браслета, а также гравированного орнамента позволяет относить один из экземпляров к изделиям 2 типа (Петренко 1978: 52—53). В то же время этот же браслет на основании спиралевидной формы, наличия змеиных головок на окончаниях позволяет отнести можно отнести к изделиям 9 типа по В.Г. Петренко (Петренко 1978: 55). Но и в этом случае наши браслеты отличаются более массивными формами и достаточно реалистичными изображениями змеиных головок. Два других браслета с обрезанными окончаниями имеют сходства с изделиями 4 типа, а именно пятого и шестого вариантов, куда входят браслеты с гравированным орнаментом из поперечных линий и косых крестов (Петренко 1978: 53—54). Здесь также существенной разницей является спиралевидная форма строенецких браслетов.

Несмотря на некоторые типологические отличия, прямые аналогии браслетам из с. Строенцы со змеиными головками происходят из кладов, обнаруженных на гетских городищах Матеуцы и Большая Сахарна на правобережье Среднего Днестра (Băţ, Zaposî, Sojocari 2019). Четыре подобных браслета были найдены при исследовании скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное на Нижнем Днестре (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 866, рис. 437: 6; Синика, Тельнов 2018: 254, рис. 6: 5—6). Кроме того, несколько спиралевидных браслетов со змеиными головками выявлены в ходе раскопок скифских захоронений на Нижнем Дунае (Тельнов, Синика 2012: 70—72, рис. 1: 15—16). Подобные браслеты хорошо известны в памятниках раннего железного века Северного Причерноморья (Колотухин 1996: 47—48, рис. 54: 5,8; Труфанов 2001: 71—72; Венцова 2013: 121).

Западный ареал распространения браслетов со стилизованными змеиными головками охватывает памятники фракийского гальштата, расположенных в Южной Словакии, Трансильвании, Восточной Венгрии и Болгарии, которые хорошо были известны, начиная с VI в. до н.э. (Dušek 1966: 101—102; Рябцева 1999: 229).

Однако наиболее близкие аналогии браслетам с реалистичным изображением змеиных головок происходят из памятников, относящихся к северо-фракийской культурно-исторической общности. Три таких браслета, два из которых спиралевидной формы, были

обнаружены в ходе раскопок близ с. Телица (жудец Тулча) на территории юго-восточной Румынии. Здесь был исследован курган, содержащий шесть погребений с трупосожжениями. Один браслет находился в захоронении № 3, два других — в центральном погребении № 6. Окончания всех браслетов оформлены в виде змеиных головок с достаточно реалистичными изображениями. По совокупности всего материала, главным образом, античного импорта погребения в кургане относились к одному времени и были датированы концом IV — началом III в. до н.э. (Gavrilă, Cantacuzino 1962: 375—376, 379, fig. 5: 5, 16—17).

Не углубляясь в трактовку зооморфного образа змеи, отметим, что он был достаточно широко популярен среди оседлого и кочевого населения раннего железного века Северного Причерноморья. Особенно данный образ был распространен у фракийцев. Отметим, что с наибольшей долей вероятности производство браслетов со змеиными головками напрямую связано с фракийской ювелирной традицией.

Женскими украшениями из клада городища Строенцы являются парные серьги. По классификации В.Г. Петренко, анализируемые изделия сопоставимы с первым, самым распространенным, вариантом серег 31 типа (Петренко 1978: 37, табл. 26: 1—6). Не удивительно, что серьги указанного варианта часто встречаются на огромной территории от Нижнего Дуная до Среднего и Нижнего Дона. Большинство из них происходят из скифских погребений Северного Причерноморья и памятников Правобережной лесостепи (Петренко 1978: 37). Наиболее близкие аналогии находкам из Строенец обнаружены в курганах у с. Оситняжка (правобережье Днестра) и у с. Мастюгино (Среднее Подонье), где проволочные серьги с загнутыми в виде петелек концами были изготовлены из золота (Бранденбург 1908: 138; Либеров 1965: 22, рис. 36: 30; Петренко 1978: рис. 26: 1—2). Указанные погребения были ограблены в древности.

Пластинчатый перстень из клада с городища Строенцы, по классификации В.Г. Петренко, принадлежит варианту «в» типа 7 отдела II (Петренко 1978: 61). Пластинчатые перстни с пуансонным орнаментом на щитке, в отличие от варианта «а» того же типа, не получают широкого распространения. Основная масса подобных перстней происходит из памятников скифской археологической культуры Северного Причерноморья. Подобное украшение было найдено в погребении 2 кургана 7 у с. Булгаково в правобережном Побужье (Петренко 1978: 76, рис. 51: 38). Комплекс датирован концом первой — началом второй четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 289). Ближайшей аналогией перстню из Строенец является украшение из погребения 3 кургана 107 скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Комплекс датируется третьей четвертью III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 883, 963, 965, рис. 439: 17).

Найденные в составе клада аксессуары костюма (обе фибулы и цепочка) имеют латенское происхождение. Фибулы типологически связаны с горизонтом Духцов-Мюнзинген, а по размеру, форме и стилю оформления ножки (наличие бусины) — тяготеют к духцовскому варианту. По хронологической схеме восточного Латена горизонт Духцов-Мюнзинген включает в себя две ступени (B1 и B2_a), временной диапазон которых соответствует 390/380—280/260 гг. до н.э. (Щукин 1994: 48—49). Как показали исследования, фибулы духцовского типа характерны для ступени B2_a, которая в общей сложности была датирована последней третью IV — первой половиной III в. до н.э. (330—280 гг. до н.э.) Необходимо отметить, что в это время происходят некоторые изменения в деталях конструкций духцовских фибул, о чем наглядно свидетельствуют небольшие размеры и хорошо выраженные арковидные спинки экземпляров с городища Строенцы. Подобные фибулы, вероятнее всего, доживают до конца ступени B2_a и являются свидетельством завершения стиля Духцов—Мюнзинген на восточной окраине кельтского

мира около 280 гг. до н.э., тогда как на западнокельтских территориях он продолжал существовать (Щукин 1994: 44; Еременко 1997: 17).

Несмотря на внушительную коллекцию латенских вещей, обнаруженных восточнее Карпат от Сирета до Днестра, бронзовая цепочка с городища Строенцы является пока единственной подобной находкой в указанном регионе. При этом они хорошо известны, собственно, на памятниках латенской культуры, ближайшие из которых расположены в Закарпатской Украине (Бідзіля 1964: 123—126, табл. VII: 3). Считается, что такие изделия использовались в качестве поясных ремней — боевых портупей у мужчин и украшений у женщин. Кроме того, в ходе археологических раскопок памятника найдена небольшая коллекция литейных форм, с помощью которых изготавливались звенья для бронзовых цепочек, что подтверждает их местное производство (Бідзіля 1964: 108—111, табл. III; 1971: 62—65, рис. 22). При их описании было указано, что диаметры колец варьировались от 1,3 до 2,3 см, что не соответствует размерам звеньев бронзовой цепочки с городища Строенцы. Среди бронзовых цепочек из Галиш-Ловачки встречаются экземпляры, которые по форме, величине (диаметр до 0,8 см) и технике изготовления очень схожи с нашей находкой. В.И. Бидзиля предположил, что они использовались в составе коромысловых весов для подвешивания чашек, аналогии которым хорошо известны на кельтских памятниках Чехии (Бідзіля 1964: 111).

Однако находка бронзовой цепочки в составе клада вместе с различными предметами украшений свидетельствует об ее использовании совместно с фибулами в качестве аксессуара костюма. При этом цепочка могла служить и нагрудным украшением, как фибулы, и украшением пояса. Показательной находкой является бронзовая среднелатенская фибула с прикрепленной к ней короткой цепочкой из могильника Корчеватое в Днепропетровском Правобережье (Самойловський 1947: 105, рис. 7).

Если говорить о датировке бронзовых цепочек в целом, то в хронологической схеме восточного латена начало их появления исследователи относят к ступени В2_б, возможно даже к ее заключительному этапу, т.е. к 260—230 гг. до н.э. Более широкое распространение они получают на следующих ступенях, где массово продолжают использоваться вплоть до фазы С1_б включительно, временной промежуток которой охватывает последнюю четверть III — начало II в. до н.э. (Щукин 1994: 49—51; Еременко, Щукин 1998: 68, 72—77, рис. 6).

Фибулы раннелатенской конструкции, бесспорно, являются более ранними изделиями в составе клада. Бронзовые среднелатенские цепочки получили широкое распространение только во второй половине III в. до н.э.

В завершении настоящей работы подведём некоторые итоги. Возможно, владельцем клада являлось лицо с довольно высоким социальным статусом. На это указывает тот факт, что некоторые изделия с большой долей вероятности были изготовлены из серебра.

Кроме того, следует обратить внимание, что клад был закопан на территории внутреннего (центрального) укрепления городища. В настоящее время можно предполагать, что эта территория городища отличалась от остальной части, значительно большей по площади и располагавшейся между валами. Именно здесь, в отсутствие открытого поселения, могла проживать основная часть населения, заниматься хозяйственной и ремесленной деятельностью. Однако, вероятнее всего, эта территория использовалась в качестве убежища. В свою очередь, внутреннее укрепление, которое было хорошо защищено (вал до 2 м высотой и ров шириной 7 м и глубиной более 1 м, располагавшийся с внешней стороны), могло представлять собой сакральное место с определенным количеством культовых сооружений. С другой стороны, данное пространство предназначалось, в том числе, для проживания местной знати. О существовании на этом участке каких-либо

строительных объектов (храмовых комплексов или жилых сооружений) указывает обнаруженный в одном из грабительских шурфов фрагмент каменной кладки. Спрятать и спасти таким образом дорогие предметы можно было только в наиболее значимом и защищенном месте. В этом случае идеальной территорией для сокрытия клада являлось внутреннее укрепление городища Строенцы.

Время бытования найденных вещей, а также возраст наиболее поздних из них (латенской цепочки и перстня) указывает, что депонирование клада ограничивается третьей четвертью III в. до н.э.

Вне зависимости от того, носителем какой культурной традиции и по какой причине эти ценные вещи были сокрыты в составе клада, отметим, что обнаруженный на городище Строенцы клад, безо всякого преувеличения, представляет собой уникальное сочетание фракийской, скифской и латенской традиций в производстве украшений.

Литература

- Бранденбург Н.Е. 1908. *Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга (1888—1902 гг.)*. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг.
- Бідзіля В.І. 1964. Поселення Галіш-Ловачка (за матеріалами розкопок Т. Легоцького). *Археологія* 17, 92—143.
- Венцова М.И. 2013. Украшения в грунтовых некрополях Боспора VI—II вв. до н.э. *ДАЗ* 17, 115—131.
- Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1998. К вопросу о хронологии восточного Латена и позднего предримского времени. *АСГЭ* 33, 61—89.
- Колотухин В.А. 1996. *Горный Крым в эпоху поздней бронзы-начале железного века (этнокультурные процессы)*. Киев: Южногородские ведомости.
- Либеров П.Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Москва: Наука (САИ Д1-31).
- Никулицэ И.Т. 1987. *Северные фракийцы в VI—I вв. до н.э.* Кишинев: Штиинца.
- Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. Москва: Наука (САИ Д4-5).
- Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филук.
- Рябцева С.С. 1999. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья. *Stratum plus* 3, 228—240.
- Самойловський І. 1947. Корчоватський могильник. *Археологія* I, 101—109.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.
- Тельнов Н., Синика В. 2012. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. *Revista Arheologică. Serie nouă* VIII (1—2), 69—83.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.
- Труфанов А.А. 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени). В: Гущина И.И., Журавлев Д.В. (ред.). *Поздние скифы Крыма*. Москва: ГИМ, 71—77 (Труды ГИМ 118).
- Фидельский С. 2017. Городища железного века на левобережье Среднего Днестра. In: Zănoși A., Sîrbu V., Băț M. (eds.). *Fortificațiile din epoca fierului în spațiul tiso-nistean. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna, Saharna 14—17 iulie 2016*. Chișinău; Brăila: Istros, 47—64.
- Фидельский С. 2020а. Новые материалы железного века с левобережья Среднего Днестра. *Tyrageția* XIV [XXIX] 1, 163—176.

- Фидельский С. 2020b. Латенские аксессуары костюма с левобережья Среднего Днестра. In: Zanoci A., Băţ M. (eds.). *Relații interculturale în spațiul tiso-nistrean în epoca fierului*. Chisinau: Bons Offices, 105—118.
- Хынку И.Г. 1987. *Древнейшие памятники родного края (городища северной Молдавии)*. Кишинев: Штиинца.
- Шукин М.Б. 1994. *На рубеже Эр*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Băţ M., Zanoci A., Cojocari E. 2019. *Tezaurul de piese de podoabă de la Mateuți: noi date și interpretări*. In: Zanoci A., Băţ M. (ed.). *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis*. Chișinău: Bons Offices, 297—322.
- Dušek M. 1966. *Thrakisches gräberfeld der hallstattzeit in Chotin*. Bratislava: Slovenská Akadémia Vied (Archeologica Slovaca Fontes. T. VI).
- Gavrilă S., Cantacuzino G. 1962. Cercetările arheologice de la Telița (com. Poșta, r. Tulcea, reg. Dobrogea). *MCA* 8, 373—382.
- Kašuba M., Haheu V., Levički O. 2000. *Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu*. București: Vavila Edinf SRL.
- Niculiță I., Zanoci A. 2004. Sistemul defensiv la traco-geții din regiunea Nistrului Mijlociu. In: Niculiță I., Zanoci A., Băţ M. (ed.). *Tracians and circumpontics wold. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chisinau-Vadul lui Vodă, 6—11 september 2004*. Pt. II. Chisinau: Reclama, 104—129.
- Niculiță I., Zanoci A., Băţ M. 2016. *Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului*. Chișinău: Bons Offices (Biblioteca “Tyrageia” XXVII).

References

- Brandenburg, N.E. 1908. *Zhurnal raskopok N.E. Brandenbura (1888—1902 gg.) (Journal of excavations by N.E. Brandenburg (1888—1902))*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg (in Russian).
- Bidzilya, V.I. 1964. In *Arkheologiya (Archaeology)* 17, 92—143 (in Ukrainian).
- Ventsova, M.I. 2013. In *Donets'kiy arkheologichniy zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 17, 115—131 (in Russian).
- Eremenko, V.E. 1997. “*Kel'tskaya vual' i zarubinskaya kul'tura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III—I vv. do n.e. v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* (“Celtic Veil” and Zarubintsy Culture. The experience of reconstruction of ethnopolitical processes in the III—I centuries BCE in Central and Eastern Europe). Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Eremenko, V.E., Shchukin, M.B. 1998. In *Arheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 33, 61—89 (in Russian).
- Kolotukhin, V.A. 1996. *Gornyi Krym v epokhu pozdney bronzy-nachale zheleznoego veka (etnokul'turnyye protsessy)*. Kyiv: Yuzhnogorodskiy vedomosti (in Russian).
- Liberov, P.D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu (Monuments of the Scythian time in the Middle Don)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-31) (in Russian).
- Nikulitse, I.T. 1987. *Severnye frakiytsy v VI—I vv. do n.e. (Northern Thracians in the 6th — 1st cc. BCE)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e. (Decorations of Scythia of the 7th — 3rd cc. BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurganniy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkovsky burial mound of the 5th — 4th cc. BCE in the Kherson region)*. Kyiv: Izdatel' Oleg Filyuk (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 1999. In *Stratum plus* 3, 228—240 (in Russian).
- Samoylovskiy, I. 1947. In *Arkheologiya (Archaeology)* I, 101—109 (in Ukrainian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of articles in honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).
- Telnov, N., Sinika, V. 2012. In *Revista Arheologică. Serie nouă VIII (1—2)*, 69—83 (in Russian).

- Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoye*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2001. In: Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. (eds.). *Pozdniye skify Kryma (Late Scythians of Crimea)*. Moscow: GIM, 71—77 (Proceedings of the State Historical Museum 118).
- Fidelski, S. 2017. In: Zanoci, A., Sîrbu, V., Băţ, M. (eds.). *Fortificațiile din epoca fierului în spațiul tiso-nistrean. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna, Saharna 14—17 iulie 2016*. Chisinău; Brăila: Istros, 47—64 (in Russian).
- Fidelski, S. 2020a. In *Tyragetia XIV [XXIX]* 1, 163—176 (in Russian).
- Fidelski, S. 2020b. In: Zanoci, A., Băţ, M. (eds.). *Relații interculturale în spațiul tiso-nistrean în epoca fierului*. Chisinău: Bons Offices, 105—118 (in Russian).
- Khynku, I.G. 1987. *Drevneyshiye pamyatniki rodnogo kraya (gorodishcha severnoy Moldavii) (The most ancient monuments of the native land (fortified settlements of northern Moldova))*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe Er (At the turn of the era)*. Saint Petersburg: Farn (in Russian).
- Băţ, M., Zanoci, A., Cojocari, E. 2019. *Tezaurul de piese de podoabă de la Mateuți: noi date și interpretări*. In: Zanoci, A., Băţ, M. (ed.). *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis*. Chișinău: Bons Offices, 297—322.
- Dušek, M. 1966. *Thrakisches gräberfeld der hallstattzeit in Chotin*. Bratislava: Slovenská Akadémia Vied (Archeologica Slovaca Fontes. T. VI).
- Gavrila, S., Cantacuzino, G. 1962. Cercetările arheologice de la Telița (com. Poșta, r. Tulcea, reg. Dobrogea). *MCA* 8, 373—382.
- Kașuba, M., Haheu, V., Levițki, O. 2000. *Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu*. București: Vavila Edinf SRL.
- Niculiță, I., Zanoci, A. 2004. Sistemul defensiv la traco-geții din regiunea Nistrului Mijlociu. In: Niculiță, I., Zanoci, A., Băţ, M. (ed.). *Tracians and circumpontics wold. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chisinău-Vadul lui Vodă, 6—11 september 2004*. Pt. II. Chisinău: Reclama, 104—129.
- Niculiță, I., Zanoci, A., Băţ M. 2016. *Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului*. Chișinău: Bons Offices (Biblioteca “Tyragetia” XXVII).

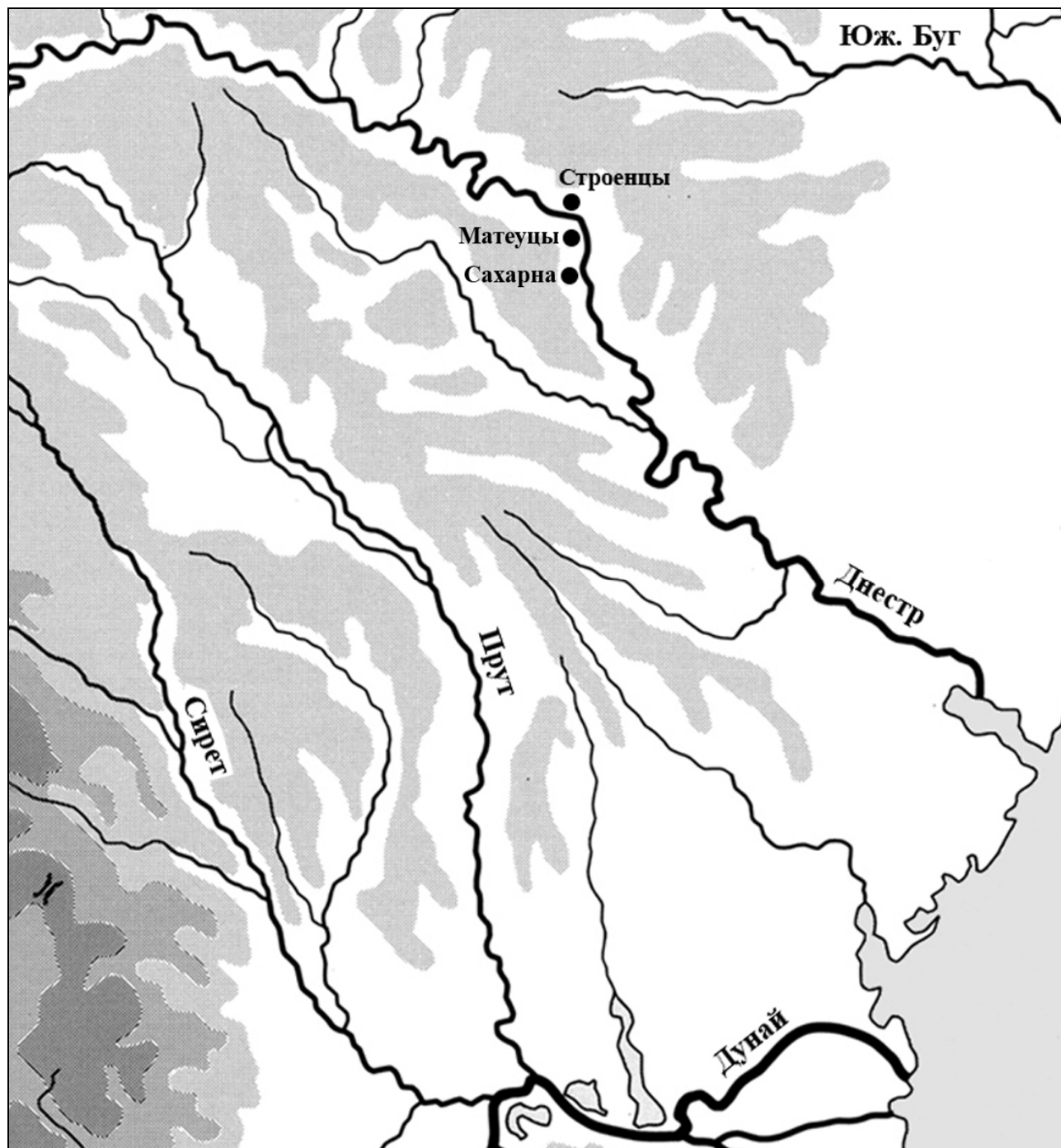

Рис. 1. Места находок вещевых кладов в Среднем Поднестровье

Fig. 1. Places of finds of hoards in the Middle Dniester region

Рис. 2. Клад с городища Строенцы.

Fig. 2. Hoard from the Stroentsy fortified settlement.

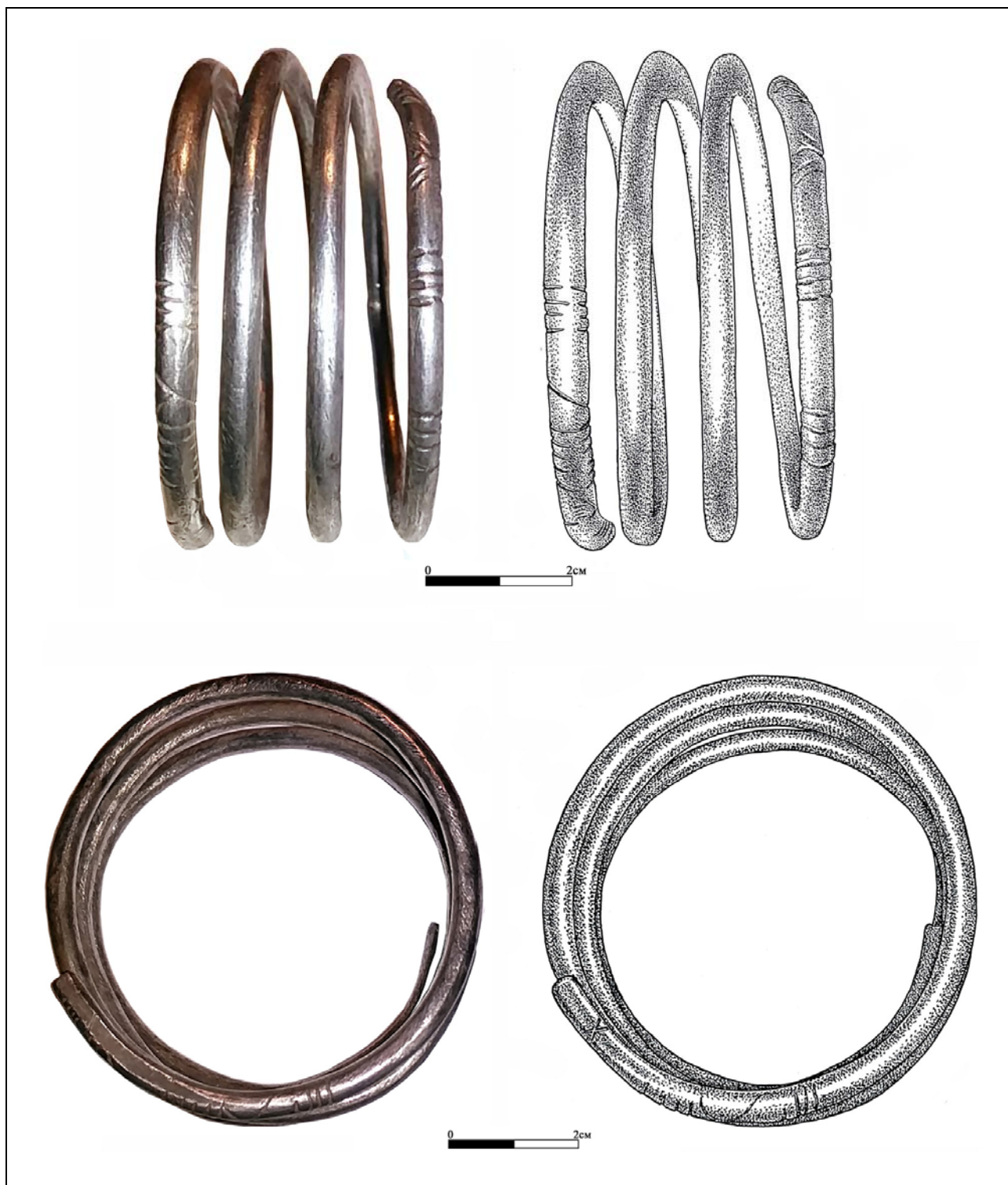
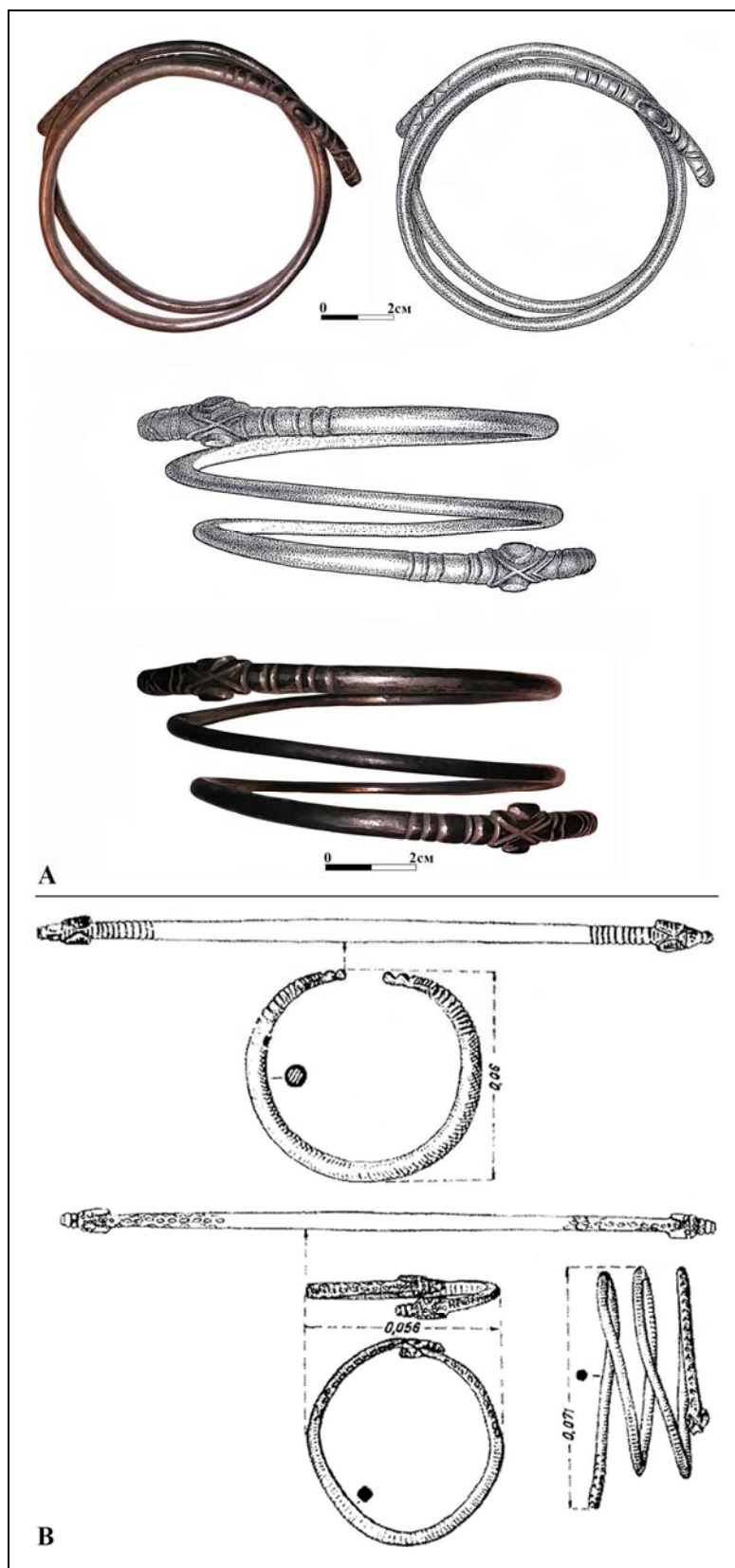

Рис. 3. Два спиралевидных браслета с городища Строенцы.

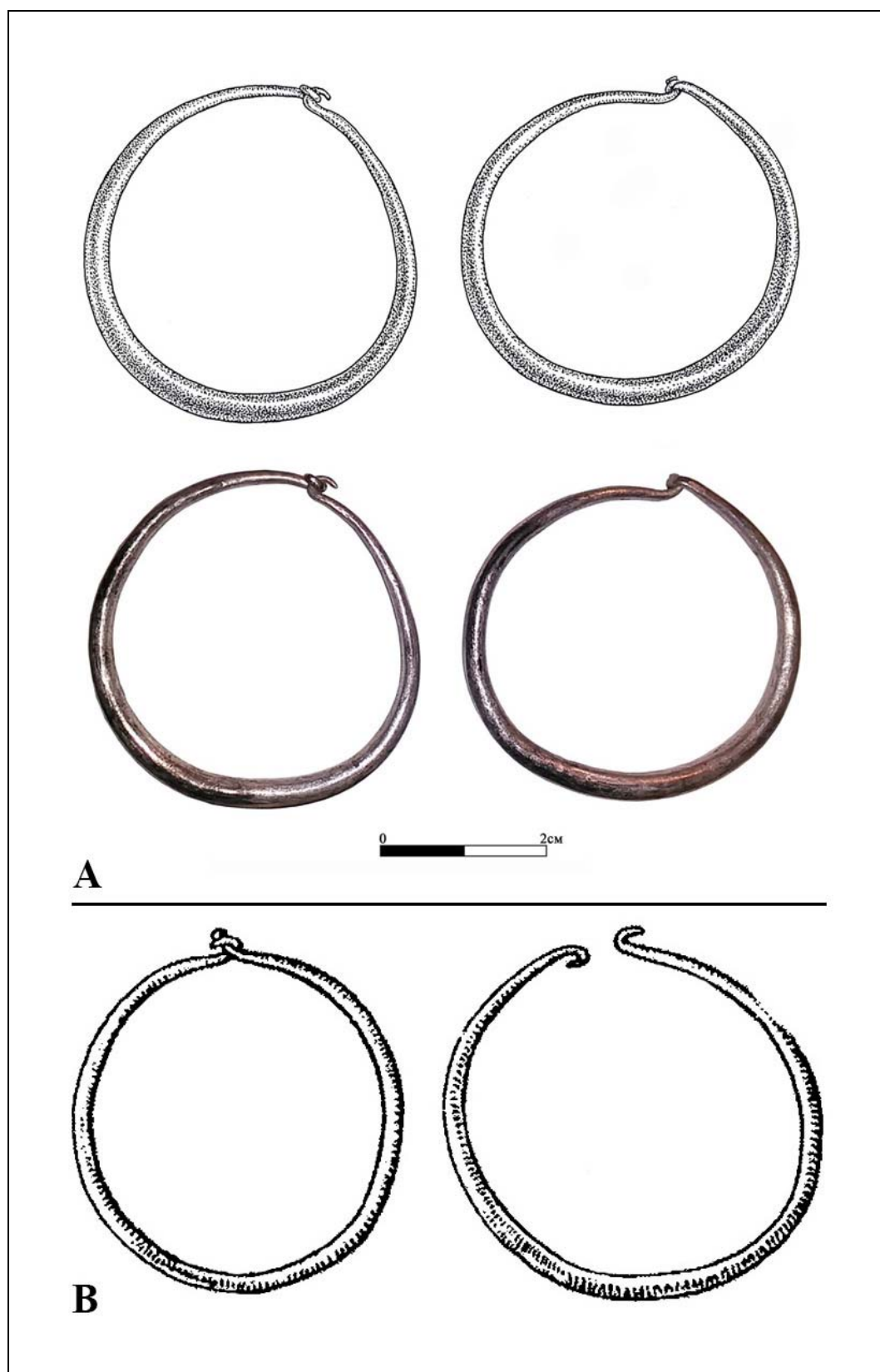
Fig. 3. Two spiral bracelets from the Stroentsy fortified settlement.

Рис. 4. Спиралевидные браслеты со змеинными головками на окончаниях: *A* — городище у с. Строенцы; *B* — курган у с. Телица (по Gavrilă, Cantacuzino 1962).

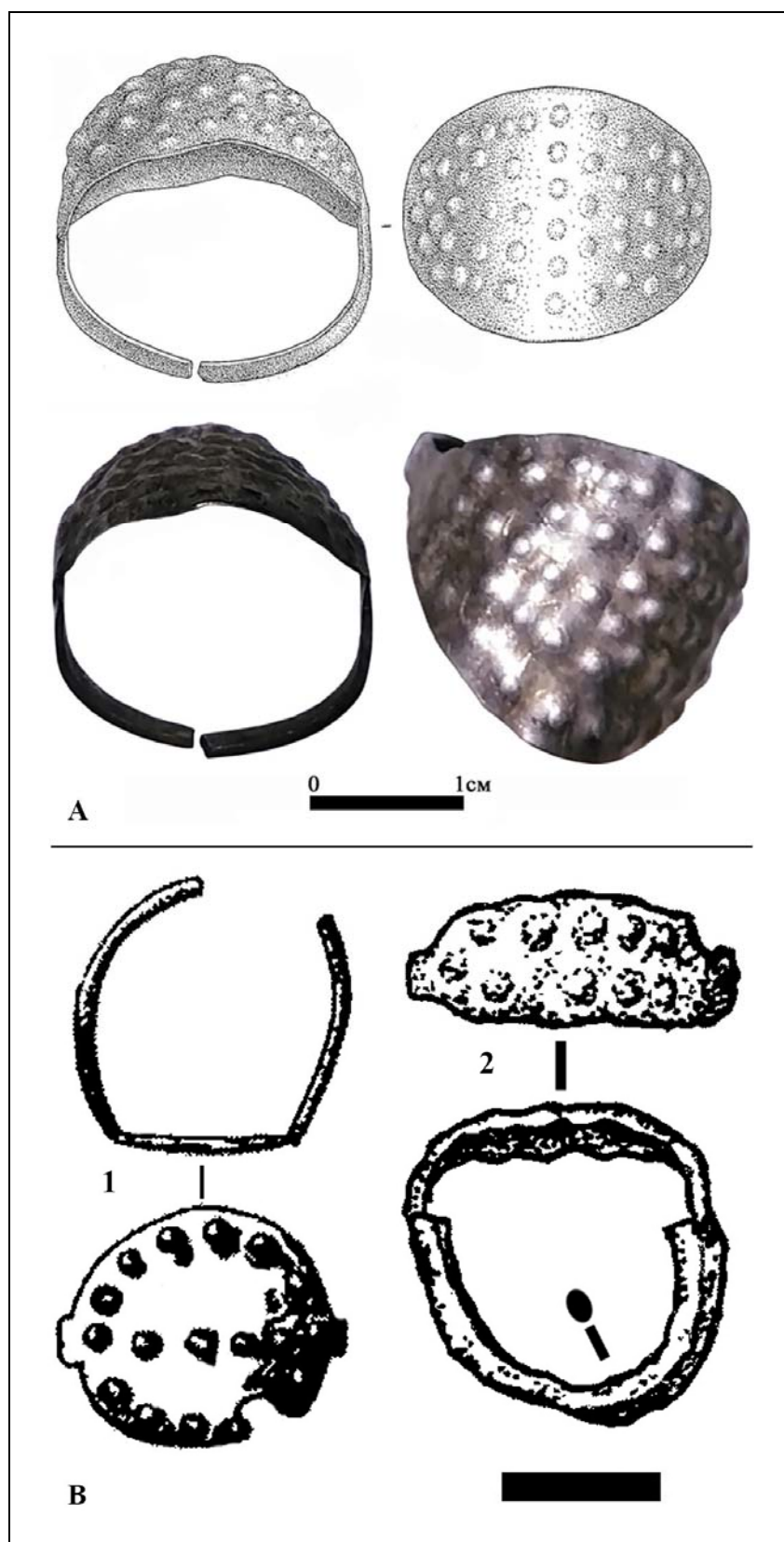
Fig. 4. Spiral bracelets with snake heads at the ends: *A* — Stroentsy fortified settlement; *B* — barrow near Telița village (after Gavrilă, Cantacuzino 1962).

Рис. 5. Парные серьги: *A* — городище у с. Строенцы; *B* — курганы у сс. Оситняжка и Мاستюгино (по Петренко 1978).

Fig. 5. Paired earrings: *A* — Stroentsy fortified settlement; *B* — barrows near Ositnyazhka and Mastyugino villages (after Petrenko 1978).

Рис. 6. Перстни с пуансонным орнаментом: *A* — городище у с. Строенцы; *B* — курганы у сс. Булгаково и Глиное (по Петренко 1978; Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Fig. 6. Rings with punch decor: *A* — Stroentsy fortified settlement; *B* — barrows near Bulgakovo and Glinoe villages (after Petrenko 1978; Telnov, Chetverikov, Sinika 2016).

Рис. 7. Две раннелатенские фибулы с городища Строенцы.

Fig. 7. Two early La Ten fibulae from the Stroentsy fortified settlement.

Рис. 8. Цепочка с городища Строенцы.

Fig. 8. Chain from the Stroentsy fortified settlement.

УДК 902

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.62.98.006

Д.Е. Чистов

**ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ
АРХАИЧЕСКИХ ГРЕЧЕСКИХ АПОЙКИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ:
«ИДЕАЛЬНЫЕ» И РЕАЛЬНЫЕ***

Археологические данные, полученные в ходе раскопок последних десятилетий, позволяют на новом уровне подойти к изучению изначальной планировки греческих апойкий северного Причерноморья архаического периода. В процессе их урбанизации можно усмотреть ряд общих черт. Застройка многих из этих центров на начальных этапах велась по единому плану; жилое строительство было регламентировано. Эта регламентация приводила к формированию сети улиц и кварталов, имевших общую ориентировку с некоторыми отклонениями, вызванными особенностями рельефа или очертаниями береговой линии. Вместе с тем, ни в одном случае эта «догипподамова» планировочная сетка не была строго ортогональной, а количество составлявших квартал домов и их площадь могли сильно варьироваться. По-видимому, принципы эгалитаризма (исономии) при основании новых городов и нарезке наделов—ойкопедонов для первого поколения поселенцев строго не выдерживались. Осевым элементом планировочной сетки Ольвии была широкая Главная улица, с направлением и поворотами которой соотносились планы жилых кварталов, расположение трех теменосов и агоры. Однако такой градостроительный принцип не выявлен более ни в одном из архаических городских центров региона, включая и соседнее Березанское поселение.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, апойкии, колонизация, урбанизация, городская планировка.

Сведения об авторе: Чистов Дмитрий Ефимович, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж.

Контактная информация: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, Государственный Эрмитаж; e-mail: d.chistov@gmail.com.

D.E. Chistov

**URBAN PLANS OF THE ARCHAIC GREEK APOIKIAI
OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION:
“IMAGINARY” AND REAL ONES**

The archaeological data obtained during excavations in recent decades allow to fix a new approach to the study of the original layout of the Greek *apoikiai* of the Northern Black Sea region in the Archaic period. In the process of their urbanization a number of common features can be discerned. At its initial stages, many of these settlements were built up according to a single plan; urban development was regulated. This regulation resulted to the emergence of city grid having a general orientation with some variations caused by the topography or the shape of the coastline. However, in no case these “pre-Hippodamian” grids were strictly orthogonal. The number of houses constituting the *insula* as well as the internal area of *insulae* greatly varied. Apparently, the egalitarian principles (*isonomia*) were not strictly followed when founding new city and during the plots’ division by the first generation of settlers. The axial element of Olbia’s planning grid was the wide Main Street. Residential blocks shapes as well as the location of three *temenoi* and *agora* corresponded with its direction and turns. However,

---

* Статья поступила в номер 30 ноября 2021 г.
Принята к печати 10 декабря 2021 г.

such an urban planning principle has not been identified in any of the other archaic urban centers of the region, including the neighboring Berezan settlement.

Key words: North Pontic region, apoikia, colonization, urbanization, city planning.

About the author: Chistov Dmitry Efimovich, PhD (History), The State Hermitage Museum.

Contact information: 190000, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, The State Hermitage Museum; e-mail: d.chistov@gmail.com.

До самого недавнего времени не появлялось специальных работ, посвященных изучению урбанистической структуры античных городов Северного Причерноморья архаического периода. Очевидными причинами тому служат слабая изученность ранних слоев на большей части памятников, а также неизбежное видоизменение планировочных сеток урбанизированных центров с течением времени. «Эталонным» примером архаического города на северном побережье Понта долгое время оставался Борисфен, поселение на о. Березань. Невозможность сопоставления данных, полученных на этом памятнике, с менее репрезентативными сведениями о застройке иных центров Северного Причерноморья не позволяла выявить локальные градостроительные особенности, а также создавала угрозу ошибочного переноса специфических черт планировки и домостроительства Борисфена на другие синхронные ему памятники региона. Не будет большим преувеличением сказать, что накопление новой археологической информации за последние десятилетия имело в этом отношении по-настоящему прорывной характер. Текущее состояние источников позволяет делать куда более обоснованные выводы как о планировке Березани и архаической Ольвии, так и о градостроительной структуре ряда городов Боспора того же периода.

Такие исследования необходимы для определения истоков градостроительной традиции, в русле которой велось развитие ионийских апоекий со времени их основания, и, в перспективе — изучения форм социальной и политической организации, отражением которых эти урбанистические структуры в какой-то мере являлись. Колониальные центры в большинстве случаев развивались не стихийно, а в соответствии с определенными планами их основателей. В них не мог не отразиться ментальный образец гармонично организованного пространства и сообщества, образцового или «идеального» полиса, хотя практическое воплощение по прошествии столетий могло иметь с ним не так уж много общего (Hansen 2005: 9—12; Tsatskheladze 2006: xlii—xliii; Поваляев 2010).

Время возникновения городской застройки в античных городах Северного Причерноморья по имеющимся данным можно поместить в хронологические рамки от второй четверти VI до начала V вв. до н.э. Наиболее раннее каменно-сырцовое сооружение в регионе к настоящему времени зафиксировано на акрополе Пантикапея. Находки из слоя пожара в здании Д-3 датируют его гибель не позднее середины VI в. до н.э., а сама постройка, таким образом, существовала еще в первой половине столетия (Толстиков и др. 2017: 14—15, 55—56, 59, 247, табл. 11). Городская застройка Фанагории и Березанского поселения (возможно также Ольвии) возникает несколько позже — в начале третьей четверти VI в. до н.э. Очень вероятно, что эти события почти не разнесены по времени, поскольку могли быть связаны с одной колонизационной волной, вызванной установлением протектората Ахеменидов над Ионией после разгрома Лидийского царства в 546 г. до н.э. (Hrd., I, 153—169). Для прочих упомянутых ниже центров наиболее приемлемые даты активной фазы урбанизации приходятся на последнюю четверть VI в. до н.э. — рубеж VI—V вв. до н.э., т.е. несколькими десятилетиями позже.

Размеры античных городов Северного Причерноморья, и, соответственно, численность населения на самом раннем этапе их урбанизации, поддаются оценке с очень разной степенью достоверности, что затрудняет их взаимное сопоставление. Площадь, выделенная под застройку античных центров Нижнего Побужья, была изначально довольно значительной: для Березанского поселения этот показатель составляет не менее 10—11 га (рис. 1—4), но, возможно, был и в полтора раза большим (Чистов 2021а: 94—96, рис. 3). Есть основания полагать, что в Ольвии сеть архаических кварталов охватила всю или почти всю территорию Верхнего плато (рис. 5—6), т.е. порядка 28 га (Крыжицкий 1985: 61—63; Буйских 2021), однако и террасная часть города начинала застраиваться городскими домами не позже конца VI в. до н.э. (Крыжицкий, Назарчук 1994). Вместе с тем, мы не знаем, насколько плотно заселялась вся эта территория к началу V в. до н.э.; обширные участки, суммарной площадью порядка 3—4 га, были зарезервированы под общественные пространства (теменосы и агору) и ранний некрополь уже на самом раннем этапе сложения городской структуры полиса (Буйских 2021: 694).

Имеющиеся данные об античных центрах восточного Крыма и Таманского полуострова того же времени дают заметно более скромные цифры. По-видимому, до первых десятилетий V в. до н.э. размеры большинства урбанизированных памятников в этом регионе, за исключением Пантикапея, варьировались в интервале от 1—2 до 5—6 га.

Укрепленный периметр акрополя Пантикапея (рис. 7) к первой четверти V в. до н.э. закрывал порядка 3 га на Верхнем и Западном плато г. Митридат (Толстиков 2015: 262, рис. 1: 3), однако весь город в позднеархаическое время, конечно, имел существенно большие размеры. Застройка северного склона Западного плато не являлась его окраиной, о чем свидетельствует открытие части мощеной площади общественного назначения у его подножия (Марченко 1979: 165; 1984: 11—18). Вероятнее всего, городская территория Пантикапея уже в это время исчислялась десятками гектаров.

Городская застройка Фанагории к началу V в. до н.э., по мнению ее исследователей, была ограничена укрепленным периметром Верхнего плато городища (рис. 8—9) и распространялась не более чем на 2 га (Кузнецов 2017: 52—53, рис. 37; 2019: 303—304). Площадь же Фанагории в период ее наивысшего расцвета достигала 60—65 га (Кузнецов 2019: 398—399). По-видимому, на первые десятилетия V в. до н.э. приходится этап взрывного роста численности населения и размеров этого города, возможно, связанный с массовой миграцией жителей ионийских городов после разгрома антиперсидского восстания 494 г. до н.э. Об экстраординарных обстоятельствах свидетельствует появление кварталов глиноплетевых построек на месте раннего некрополя на южной окраине Фанагории (Долгоруков, Колесников 1993: 130; Завойкин и др. 2016: 199—200).

Возможно, все же какие-то участки ранней застройки на нижнем плато еще не выявлены. В противном случае пришлось бы признать, что площадь Фанагории до конца VI в. до н.э. выглядела очень скромно даже на фоне синхронных ей памятников Северного Понта. Размеры таких урбанизированных центров европейского Боспора, как Мирмекий (рис. 10—11) (Бутягин, Чистов 2015: 30), Тиритака (рис. 12—13) (Зинько 2015: 104) и Нимфей (рис. 14) (Чистов 2017: 156) и в конце VI — начале V вв. до н.э. были вполне сопоставимыми — в пределах 4—6 га. Значительно уступал им архаический Порфмий (менее 1 га: Вахтина 2012: 25), что, в первую очередь, обусловлено небольшим периметром занимаемого им возвышенного плато, но также может указывать на несколько иной характер этого

населенного пункта. Площадь других городских памятников региона в VI — начале V вв. до н.э. не поддается достоверной оценке, или также укладывается в рамки 1,5—5 га.¹

При сопоставлении с материковой и Восточной Грецией VI в. до н.э. урбанизированные поселения таких размеров можно считать сравнительно небольшими или очень маленькими: по оценке Ф. Ланг, лишь 20% городских центров этого времени имели площадь менее 10 га (так, например, площадь Старой Смирны внутри периметра укреплений составляла всего 6 га), площадь же большей части городов, по-видимому, варьировалась в пределах 20—40 га (Lang 1996: 56—57).

В процессе урбанизации архаических городов Северного и Северо-Западного Причерноморья можно усмотреть много общих черт. Застройка многих из этих центров на начальных этапах велась по единому плану; жилое строительство было регламентировано. Эта регламентация приводила к формированию сети улиц и кварталов, имевших общую ориентировку с некоторыми отклонениями, вызванными особенностями рельефа или очертаниями береговой линии. Вместе с тем, ни в одном случае эта «догипподамова» планировочная сетка не была строго ортогональной, а количество составлявших квартал домов и их площадь могли сильно варьироваться.

Принципы градостроительной организации, близкие линейному плану «per strigas» колоний Великой Греции VIII—VII вв. до н.э. к настоящему времени предполагаются лишь для архаической Ольвии (рис. 5) (Буйских 2021). В основе этой планировочной концепции лежит расположение одной или нескольких главных продольных улиц — платей, пересекаемых второстепенными улицами — стенопами. Применение такой сетки приводило к возникновению прямоугольных кварталов, протянувшихся перпендикулярно главной улице, и поделенных, в свою очередь, на участки индивидуальных домовладений (Hoepfner, Schwandner 1994: 1—9, 299—301).

Ширина кварталов «идеальной» позднеархаической квартальной сети Ольвии рассчитана А.В. Буйских исходя из расстояния между поперечными улицами на раскопе Р-25 в южной части Верхнего плато и определена в 12,25 м (35 египетских или длинных самосских футов). Столь небольшие размеры квартала в поперечнике автор объясняет тем, что они предполагали размещение домовладений лишь в один, а не в два ряда (Буйских 2021: 692). Здесь следует заметить, что форма известных кварталов Ольвии эллинистического времени (рис. 6) не дает прямых оснований предполагать, что они могли эволюционировать из «узких» кварталов с этим модулем ширины, хотя традиция размещать дома в один ряд перпендикулярно Главной улице в некоторых из примыкающих к ней кварталов, действительно, прослеживается.

В качестве примера такого развития А.В. Буйских приводит эллинистический Центральный квартал (рис. 6: 7) к западу от агоры, который мог сформироваться путем объединения трех ранних, при этом «рудиментом» одной из поперечных улиц начальной планировки мог быть тупиковый («Восточный»²) переулок. В эллинистическое время на запад от Главной улицы в районе теменоса и агоры отходили три основные магистрали: Северная, Средняя и Южная, причем интервалы между ними были вполне сопоставимы — 46 и 52 м соответственно (Леви 1985: 117). Те же интервалы по восточной стороне Центрального квартала между Средней улицей и переулком составляют около 30 м, а между

¹ О предполагаемых размерах урбанизированного ядра архаического Патрея (не менее 1,3 га) см: (Abramov 2003: 1104). Площадь исторического ядра раннего Анапского поселения (Синдской Гавани) приблизительно оценивается в 3—5 га (Алексеева 2010: 475).

² Так переулок обозначен на плане в публикации (Крыжицкий, Лейпунская 2014: рис. 72). На схеме, приведенной Е.И. Леви (Леви 1985: рис. 11) он же помечен как «Западный».

переулком и Южной улицей — около 23,5 м.³ Таким образом, даже в последнем случае предполагаемая ширина первоначального квартала оказывается вдвое большей предложенного А.В. Буйских модуля, хотя в эллинистическое время эта часть квартала, действительно, была застроена крупными домовладениями (Е-2, Е-4), расположенными в один ряд (Крыжицкий, Лейпунская 2014: 63, рис. 1). Близкий модуль ширины выявлен и для Северо-восточного квартала эллинистического времени (раскоп АГД; рис. 6: 3), ограниченного отходящими к востоку от Центральной II и III поперечными улицами — его ширина с севера на юг составляла 20—22 м (Леви 1985: 35). В этом случае квартал также состоял из одного ряда домохозяйств, выходивших на улицы узкими сторонами (Крыжицкий 1985: рис. 56).

Хотя существование вытянутых кварталов — инсул в архаической Ольвии пока не может считаться доказанным, следует полностью согласиться с тем, что с самого раннего времени осевым элементом городского плана была Главная улица, пересекавшая все Верхнее плато с севера на юг. С ее направлением и поворотами соотносились планы жилых кварталов, расположение трех теменосов и агоры — этим «идеальный план» Ольвии, действительно в наибольшей степени близок колониальной градостроительной традиции Великой Греции (ср. Буйских 2021: 692—694). Главная улица Ольвии, имевшая на разных участках ширину от 5 до 11 метров⁴, являлась самой широкой (и, по-видимому, самой протяженной) городской магистралью в Северном Причерноморье.

Лучший пример урбанистической планировки архаического периода для всего региона получен в результате раскопок поселения на о. Березань (рис. 2—3). Эта сетка, сформировавшаяся в третьей четверти VI в. до н.э., имеет признаки организованного, единовременного планирования с унификацией ширины улиц, и ориентацией большей их части по сторонам света (Solovyov 1999: 78—79, fig. 58; Chistov, Krutilov 2014; Чистов 2021a). Тем не менее, застройка Борисфена никогда не была строго ортогональной. В этом отношении планировка Березанского поселения имеет больше общего с синхронным ему планом Старой Смирны архаического периода (Akurgal 1983: 51—56, Abb. 30—31; Lang 1996: 235—241, Abb. 106), нежели с линейной сеткой «per strigas» колоний Великой Греции VIII—VI вв. до н.э. Городские кварталы Борисфена существенно различались размерами, формой и количеством домов, также как были различны по площади и внутренней планировке участки сблокированных в эти кварталы домохозяйств. Тем не менее, планировочную структуру Березанского поселения можно с полным правом относить к числу архаических центров с упорядоченным, рядным планом («Reihensiedlung»: Lang 1996: 60—62). Архаический Борисфен состоял из кварталов, многие из которых (если не все) имели искаженные прямоугольные или трапециевидные очертания. Их внутренняя площадь представляет собой не конгломерат построек, как в упомянутой выше Старой Смирне, а правильно организованное пространство, в котором домохозяйства расположены в две линии, разделенные т.н. «длинной стеной», а соседние дома имеют общие стены и выходы на одну и ту же улицу (рис. 4). Такие внутренние границы раскрыты при раскопках кварталов «А» и «В» в северо-западной части острова, хотя в квартале «А» эта граница образовывала изломы и не делила квартал на две совершенно равные части. Они различимы и в планах березанских кварталов «G», «I» и южной части квартала «H». Территория наиболее хорошо

³ Промер автора по плану Центрального квартала (Крыжицкий, Лейпунская 2014: рис. 72). Общая ширина Центрального квартала с севера на юг в этих измерениях оказывается несколько больше указанной Е.И. Леви.

⁴ Ширина Главной продольной улицы на участках А и Г составляла около 10 м (Фармаковский 1929: 28), в районе восточного теменоса — 11 м (Леви 1985: 116), а в южной части города — порядка 5 м (Буйских 2021: 682, 686).

изученных кварталов А» и «В» составляла 1900—2400 кв. м, каждый из них состоял из 8—10 домовладений. Существенно меньшую площадь (около 1000—1050 кв. м) имел квартал «Н», расположенный в северо-восточной части поселения, однако его размеры и план нельзя считать стандартными. Этот квартал получил форму прямоугольной трапеции, будучи ограничен двумя меридиональными улицами, с севера сливающимися в одну под острым углом. В конце VI — первой трети V в. до н.э. вся или почти вся его территория была отведена для сооружений общественного назначения (Chistov 2021).

В целом, городские блоки Березани своим внутренним устройством и не вполне регулярным планом напоминали кварталы Ольвии позднеклассического и эллинистического периодов, что может быть аргументом в пользу того, что и более ранние ольвийские кварталы не так уж сильно от них отличались. Пока на Березани исследован лишь один блок («А»), имеющий вытянутые пропорции наподобие «инсул» в городах Великой Греции с планом «*per strigas*» (рис. 3). Однако и в этом случае квартал состоял из двух рядов домов, будучи от 21,5 до 24 м в поперечнике⁵. Длина квартала «А» с севера на юг составляла от 68 до 80 м, что может быть сопоставимой величиной с гипотетической длиной архаических кварталов в южной части Верхнего плато Ольвии в модели А.В. Буйских (2021: рис. 6).

Несмотря на сравнительно высокую степень изученности городской застройки Березани и локализацию ряда объектов его общественного центра (Chistov 2015; 2021; Bujiskikh, Chistov 2018; Чистов 2021b) концепция «идеального плана» этой апойки во многих деталях остается неясной. В соотношении ширины продольных и поперечных улиц архаического Борисфена пока не прослеживается четкой иерархии. Улица, которая могла бы выполнять роль планировочной оси всего поселения, не выявлена, хотя все известные общественные постройки вписаны в кварталы, с двух сторон примыкающие к широтно-ориентированной улице П-4. Этим план Березанского поселения разительно отличается от концепции развития городской среды соседней Ольвии, сформировавшейся или приблизительно одновременно, или несколькими десятками лет позднее.

Сеть улиц Борисфена, по-видимому, мыслилась в целом ориентированной по сторонам света, а отклонения были обусловлены формой полуострова и расположением гавани, тогда как в Ольвии блоки кварталов разворачивались в соответствии с изломами Главной улицы, пересекавшей весь город с севера на юг. Сама же эта улица, возможно, возникла еще на начальном этапе освоения территории будущего города, предшествуя квартальной планировке. Кроме того, размеры верхнего плато Ольвии в границах балок предоставляли по меньшей мере вдвое больше территории под застройку в сравнении с древним березанским мысом, что давало поселенцам возможность резервировать весьма обширные территории под развитие общественных пространств и зданий.

По мнению А.В. Буйских (Буйских 2021: 694), ольвийский план является развитием «не во всем удачного» градостроительного опыта, примененного ранее в Борисфене. На основе имеющихся данных трудно судить о том, насколько этот «эксперимент» был неудачным, и что в большей мере повлияло на возникновение характерного плана с «осевой» улицей (особенности рельефа и формы плато, личный опыт и знания предводителей колонистов и т.п.). Так или иначе, план Ольвии стал в большей степени реализацией практики, уже к тому времени более столетия существовавшей в греческом мире, нежели результатом локального развития градостроительных концепций.

Формирование урбанистических структур на Березани и «Верхнем городе» Фанагории, по-видимому, происходило практически одновременно, поэтому сопоставление

---

⁵ Размеры отдельных домовладений в глубину от улицы, по-видимому, колебались в пределах 9—14 м.

отличительных черт городской застройки двух этих центров особенно важно. С 540-х гг. до н.э. историческое ядро Фанагории застраивалось по единой схеме, хотя его планировка не была строго ортогональной (Кузнецов 2009: 194—195; 2018a: 137). Через весь исследованный участок архаической застройки «Верхнего города» с северо-востока на юго-запад проходит «Центральная» улица, прослеженная на 45—50 м. Судя по опубликованным планам (рис. 9) (Кузнецов 2018a: 123, рис. 4; 2018b: 134, рис. 1), направление этой улицы, как и большей части построек, исследованных к северу и югу от нее, не было строго диагональным относительно меридиональной оси. Улица отклоняется от линии запад-восток к северу приблизительно на 12°. Вероятно, строителями города планировка предполагалась в целом по сторонам света с учетом очертаний небольшого плато. Ширина улицы могла достигать 4—4,5 м.⁶

Не приходится сомневаться в том, что «Центральная» улица была основной или одной из важных магистралей ранней апойки, однако наличие иерархии между главной и второстепенной улицами на этом памятнике требует дополнительных подтверждений. В.Д. Кузнецов фактически ставит знак равенства между отдельными исследованными архаическими постройками «Верхнего города» и жилыми домами (домохозяйствами), говоря об их малых размерах в 40—65 кв. м (Кузнецов 2009: 193; 2010: 450—451) и возможном количестве обитателей в 1—2 человека, а также определяя все узкие незастроенные пространства между ними как переулки, отходящие от «Центральной» улицы (Кузнецов 2018b: 137, прим. 3).

Нанесенные на план раскопа «Верхний город» архаические сооружения, действительно, не образуют картины единого уличного фронта со сплошными стенами, ограничивающими территорию домовладений. Некоторые из них расположены довольно строго по одной линии вдоль улицы, но другие в разной степени смещены вглубь застройки. Однако отсутствие следов сплошных оград, явным образом выделяющих наделы домовладений, еще не означает того, что такие участки не были размечены⁷. В условиях дефицита камня ограды между домовладениями могли иметь характер легких изгородей — плетней или даже отсутствовать вовсе, хотя сами наделы были демаркированы вскоре после основания города. В таком случае следовало бы исходить из того, что домовладениями в архаической Фанагории являлись не *отдельные* пронумерованные строения раскопа «Верхний город», а *группы* из нескольких построек и участки прилегающей к ним территории⁸. В рамках такой интерпретации в границы раскопа могли попасть части по меньшей мере двух кварталов, вытянутых с запада на восток вдоль «Центральной» улицы. Размеры их не ясны, однако глубина квартала в поперечнике составляла не менее 30 м при длине около 60 м или более⁹.

Почти на всех тех античных городских памятниках Боспора, где архаические слои изучены сравнительно хорошо, к настоящему времени также выявлены признаки регулярной

⁶ Промер автора по опубликованному плану раскопа «Верхний город».

⁷ Так, например, периметры участков в квартальной застройке Мегары Гибели в конце VIII в. до н.э. еще не были «материализованы» стенами, однако их наиболее ранние постройки были прекрасно вписаны в границы наделов, сохранявшиеся и в VII в. до н.э. (Tréziny 2016: 170—171, fig. 2).

⁸ Примером такого многокамерного домовладения может быть комплекс, граничащий с Центральной улицей с севера. Его план реконструируется именно как дом со внутренним двором и постройками, образующими уличный фронт (Завойкин, Кузнецов 2020).

⁹ Нельзя исключить и того, что некоторые поперечные, меридионально ориентированные улицы также могли попасть в раскрытый участок. Интервал между общественным зданием № 300 и соседней с востока постройкой № 295 составляет, судя по опубликованному плану, около 2,7—3,0 м, что для архаической улицы в городах Северного Причерноморья является вполне возможной шириной. Одинаково ориентированные группы помещений № 295, 331, 205, 212 в таком случае принадлежали бы домам, располагавшимся вдоль этой поперечной улицы.

планировки с общей ориентацией домов и улиц по сторонам света с различными отклонениями. В некоторых случаях¹⁰ планировка могла быть диагональной, т.е. угол отклонения от меридиональной оси достигал 40—45°.

В восточной части *Мирмекия* (рис. 10) с конца VI в. до н.э. существовал участок жилой застройки с сетью улиц, ориентированной по сторонам света (Бутягин, Чистов 2015). Архаические дома с момента их возведения блокировались в квартал, имели внешние ограды и образовывали общий уличный фронт. Исследованный на раскопе «И» блок (рис. 11), несмотря на неравенство площадей домохозяйств, имел внутреннюю регулярную планировку — «длинная стена» делила его по меридиональной оси на две примерно равные (15—18 м в поперечнике) части. Участки составлявших квартал домов, очевидно, имели выходы на городские улицы к западу и востоку. Такая организация пространства, несомненно, свидетельствует о рядной застройке по единому градостроительному плану. Улицы Мирмекия различались по значению: так, «Западная» улица на раскопе И имела ширину около 3 м, а «Южная» (Чистов 2009: 233—236) была заметно шире — около 4—4,5 м. Последняя могла представлять собой важную магистраль, пересекавшую городок с востока на запад, к «нижнему городу» и гавани.

Вероятно, регулярный план в значительной степени распространялся и на западный район города. Улицы архаического периода в этой части памятника к настоящему времени не раскрыты, за исключением, одного маленького участка на раскопе «Р» (Виноградов 1992: 105) и ее вероятного продолжения на соседнем раскопе «П» (рис. 10, № 5—6 на плане)¹¹. Ее направление (с юго-востока на северо-запад) сильно отличается от ориентировки улиц в западной части Мирмекия. По-видимому, это объясняется тем, что она вела непосредственно к ныне засыпанной бухте в устье реки в северо-западной части городища.

Урбанизированная структура *Тиритаки* (рис. 12) формируется, согласно современным данным, около 540—530 г. до н.э. (Зинько 2014: 297). К настоящему времени на этом памятнике не раскрыто ни одного отрезка улиц конца VI — первой половины V в. до н.э., что препятствует созданию сколь-нибудь достоверных реконструкций его планировки архаического периода. Вместе с тем, наиболее значительные из исследованных участков ранних сооружений (Гайдукевич 1952: 86—87; Зинько 2014; 2017; Twardecki 2014; 2016) все же позволяют сделать некоторые выводы. С рубежа третьей и последней четвертей VI в. до н.э. город заставлялся в соответствии с общим планом: раскрытые дома в основном ориентированы углами по сторонам света. Такая планировочная сетка, очевидно, оптимально вписывалась в форму плато и соответствовала береговой линии. С момента возникновения эта застройка состояла из многокамерных домохозяйств сравнительно большой площади, сблокированных в кварталы и имевших общий уличный фронт. С конца VI в. до н.э. она на площади не менее 5 га была обнесена крепостной стеной (Зинько 2015; 2020).

Лучше всего изученный квартал архаической Тиритаки на раскопе XXVI, по-видимому, состоял из шести многокамерных домовладений с огороженными дворами (рис. 13). Их взаимное расположение показывает, что этот блок не мог иметь правильных прямоугольных очертаний и, по этой причине, не делился «длинной стеной» на две части на всем своем протяжении. В соответствии с реконструкцией внутренней планировки (Зинько 2014: рис. 291), общая площадь жилого квартала не могла составлять менее 1000 кв. м.

Первая известная наземная каменно-сырцовая постройка *Нимфея* расположена на террасе в мысовой его части, и датируется серединой—третьей четвертью VI в. до н.э. Она

¹⁰ Тиритака, квартал на раскопе XXVI; Гермонасса; Синдская Гавань/Анапское поселение.

¹¹ Плитовая вымостка (№ 1) между двумя помещениями архаических зданий (Виноградов 1992: 73, рис. 1).

была связана с керамической мастерской (Бондаренко, Чистов 2021: 252—253), расположенной на участке, который исследователи памятника считают святилищем Деметры (Худяк 1962: 36—47). Массовый же переход к наземному домостроительству в *Нимфее* имел место несколько позднее, в последней четверти—конце VI в. до н.э. (Худяк 1962: 18) и привел к возникновению регулярной городской застройки на территории верхнего плато. Многокамерные жилые дома блокировались в кварталы и, по-видимому, имели общий уличный фронт.

К настоящему времени остатки жилой застройки позднеархаического периода выявлены на двух участках раскопок — «В-С» и «Г» (рис. 14). Степень их изученности очень различается: в мысовой части городища, на раскопе «В-С» в той или иной степени полностью раскрыты остатки нескольких жилых домов и общественных построек конца VI—V вв. до н.э. Здесь же исследованы отрезки двух пересекавшихся улиц, ориентированных в широтном и меридиональном направлениях, причем последняя заметно изгибалась к юго-востоку. Указанные улицы, по всей видимости, непрерывно функционировали с архаического времени до IV в. до н.э., хотя многократные перестройки прилегавших к ним домов заметно смещали их границы.

Западнее, на раскопе «Г», ранние строительные остатки исследовались лишь на тех участках, где этому не препятствовали эллинистические постройки, вследствие чего границы отдельных домов и их планировка восстанавливаются лишь гипотетически. Вместе с тем, и на этом раскопе был выявлен отрезок меридионально ориентированной городской улицы, существовавшей с позднеархаического времени. Уличная сеть Нимфея была, вероятно, ориентирована по осям север—юг и запад—восток, однако городская планировка уже с момента ее возникновения не была строго ортогональной. В особенности это проявлялось вблизи оконечности мыса, где очертания обрывистой береговой линии оказывали влияние на форму городских кварталов (Чистов 2017).

Взаимное расположение обнаруженных участков улиц поднеархаического и классического периодов позволяет предположить, что широтная улица, раскрытая в северной части раскопа «В-С», далее к западу могла служить северной границей квартала, частично исследованного на раскопе «Г» (рис. 14). В таком случае приблизительные размеры этого прямоугольного квартала, вытянутого в меридиональном направлении, составляют 29—35 м с запада на восток, и не менее 70—75 м с севера на юг, а на неисследованной территории, находящейся между указанными раскопами, должны находиться еще два примерно равных по площади квартала древнего Нимфея.

Широтная улица участка «В-С» могла бы служить одной из важных городских магистралей, пересекая всё плато Нимфея от исторического ядра апойкии на мысу с востока на запад, однако для такого вывода пока недостаточно данных. Ширина этой улицы на раскопанном участке составляла не менее 3,5 м, такую же ширину имела меридиональная позднеархаическая улица на раскопе «Г» (Чистов 2017: 147, 148). Со временем, в ходе перестроек примыкавших к улицам жилых домов, уличная сеть Нимфея подвергалась определенным деформациям. Тем не менее, некоторые ее элементы, как видно на примере западной меридиональной улицы раскопа «Г», непрерывно функционировали до первых веков н.э.

Небольшие участки единообразно ориентированной жилой застройки архаического и раннеклассического периодов раскрывались также в *Порфмии* (Vakhtina 2003: 45, fig. 18, 19, 20; Вахтина 2006: 39—40, рис. 10—11; 2009: 98—99, рис. 22), *Гермонассе* (Финогенова 2005: 423—425; Зеест 1974: 82, 87; Коровина 2002: 32—33), *Синдской Гавани* — *Анапском поселении* (Алексеева 1990: 20—22, рис. 1; 1997: 15—17, 283, табл. 3; 2010: 474—475, рис. 4)

и *Патрее* (Абрамов 2010: 531—532, рис. 3—4; Abramov 2003: 1104—1105; Захаров 2016: 184). Однако ни на одном из перечисленных памятников пока не обнаружены участки ранней уличной сети — за исключением маленького отрезка мощеной улицы V в. до н.э. в Горгиппии, имевшей трехметровую ширину (Алексеева 2003: 20).

Применительно к *Пантикапею* в целом говорить о регулярном плане невозможно, поскольку этот город развивался из исторического ядра на Верхнем плато г. Митридат по террасам ее склонов сообразно с особенностями рельефа местности и задачами обороны. Регламентация градостроительства в этом случае проявлялась в возникновении нескольких функциональных зон — раннего акрополя с теменосом на верхнем плато, небольшого района многокамерных жилых построек, примыкавшего к нему с севера; западного плато — территории, включенной в состав акрополя в конце VI в. до н.э., и, вероятно, использовавшейся для размещения административных зданий полиса, а также северного склона западного плато, занятого рядовой жилой застройкой (Толстиков 2015; 2017; Толстиков, Муратова 2013; Толстиков и др. 2002; 2003; 2004; 2017: 212—213). Вместе с тем, сеть, состоявшая из улиц шириной 2,5—3,20 м и ориентированная приблизительно по сторонам света (рис. 7), прослеживается на Западном плато и его северном склоне (Толстиков и др. 2017: 32—33, 255, табл. 19; Марченко 1979: 165; 1984: 6, 11—18).

Рядовые городские улицы архаических северопонтийских апоекий обычно имели схожую ширину, в большинстве случаев составляющую порядка 3—3,5 м. Так, достоверно зафиксированные улицы Борисфена насчитывали от 2,8 до 3,7 м в поперечнике, и лишь участок одной из продольных улиц (ПЗ) достигает 5 м (Чистов 2021а: 97). По-видимому, стандартная ширина улиц, хоть и не выдерживалась точно, мыслилась равной 10—12 ионийским (египетским) футам. Каменное мощение систематически не применялось, хотя отдельные участки могли иметь плитовые вымостки. В остальных случаях улицы были замощены слоями черепков, мелкого камня или известковой крошки. Следы дренажа вдоль проезжей части прослеживаются во многих случаях, хотя его устройство, видимо, никак не регламентировалось.

Ко времени написания этой работы ни в одном из городских памятников Северного Причерноморья ни один архаический квартал не был раскрыт полностью — вместе с его внешними границами и всеми строительными остатками в их пределах. Три упомянутых выше квартала Борисфена — «А» и «В» в западной части поселения и «Н» в восточной — изучены достаточно для того, чтобы достоверно оценить их форму, общую площадь и с высокой степенью вероятности определить общее количество жилых домов, составляющих эти кварталы. Большие участки архаических кварталов, позволяющие сделать предположения об их размерах и внутренней структуре, раскрыты также в Пантикапее, Фанагории, Мирмекии и Тиритаке.

Все исследованные участки жилых кварталов Березанского поселения свидетельствуют о том, что они состояли из многокамерных домов с внутренними дворами. Тылные стены построек и ограды дворов, расположенные вдоль улиц, образовывали сплошной уличный фронт (рис. 4). Совершенно также организованы кварталы, частично раскрытые на раскопе «И» в Мирмекии и на раскопе XXVI Тиритаки. В Пантикапее наличие общего фронта вдоль «красных линий» улиц ставилось под сомнение (Толстиков и др. 2017: 36), хотя в некоторых местах на Ново-Эспланадном и Центральном раскопах Западного плато г. Митридат такой принцип застройки явно просматривается. Наличие сплошного фронта застройки вдоль улиц в архаическую эпоху также пока представляется маловероятным исследователям Ольвии (Буйских 2021: 692—693) и Фанагории (Кузнецов 2018а: 137).

Вероятнее всего, представление о небольших изолированных одно- или двухкамерных домах, группирующихся вдоль улиц, но не блокирующихся в кварталы, в вышеперечисленных случаях является не отражением реального облика архаических домов, а результатом плохой сохранности или фрагментарной изученности их строительных остатков. Можно обратить внимание на то, что и на раскопе Р-25 в южной части Ольвии, и на Ново-Эспланадном раскопе Пантикапея архаические постройки представлены, по большей части, заглубленными в грунт помещениями — т.е. наземные части этих домовладений почти не сохранились.

Приведенные выше примеры демонстрируют много схожих черт в организации квартальной застройки. Ни в одном случае кварталы не имеют строго прямоугольных очертаний и значительно различаются по размерам, хотя площадь в пределах 2000—2500 м², по-видимому, встречалась наиболее часто. Размеры некоторых кварталов по узкой стороне, близкие к 30—33 кв. м могут свидетельствовать о том, что их ширина предполагалась равной одному плетру (ста футам). Ширина в 100—120 футов характерна и для кварталов архаических городов с «линейной» («strip planning», «per strigas») планировкой, состоявших из двух рядов домовладений (Boyd, Jameson 1988: 333).

Регламентация внутреннего устройства проявлялась в ряде случаев в наличии «длинных стен», демаркировавших внутреннюю границу между двумя рядами домовладений. Однако ни в одном из городских центров Северного Причерноморья архаической эпохи на сегодняшний день не выявлено признаков стандартизации размеров индивидуальных наделов. Напротив, в приведенных выше примерах размеры отдельных домовладений внутри квартала могли различаться до полутора—двух раз¹². Эта особенность является специфичной чертой архаической урбанизации ионийских апоек Северного Причерноморья, явным образом отличающей ее как от раннеклассической планировки ионийской Керкинитиды, уже предполагавшей наделы примерно равных (80—110 кв. м) размеров и, по-видимому, прямоугольные стандартные кварталы (Кутайсов 1990: 70—78, 126), так и от «идеального плана» городской застройки дорийского Херсонеса середины — второй половины IV в. до н.э., по-видимому, основанной на участках домовладений равной площади (153—160 кв. м) и стандартного плана в границах регулярных кварталов (Буйских, Золотарев 2001: 114—128). Отличается она этим и от архаических колоний Великой Греции: так, например, план Мегары Гибели еще с конца VIII в. до н.э. предполагал разбивку территории кварталов первым поколением колонистов на наделы индивидуальных хозяйств равной площади, оцениваемой приблизительно в 120 кв. м (Tréziny 2016: 169—171).

Очевидное неравенство площади городских участков — ойкопедонов должно быть связано с пока не выясненными локальными особенностями организации колонизационного процесса в апойках Северного Причерноморья. Маловероятно, чтобы оно было вызвано дискриминацией эпойков, переселенцев второй и последующих волн, которым могли выделять участки меньшей площади¹³, поскольку на Березанском поселении такая картина наблюдается уже с самого раннего этапа городского строительства. По-видимому, принципы эгалитаризма (исономии) при основании новых городов и нарезке наделов—ойкопедонов для первого поколения поселенцев здесь строго не выдерживались.

Как было показано выше, регулярная планировка, в наилучшей степени исследованная в Борисфене, вовсе не была чем-то исключительным для античных колоний Северного Причерноморья архаического периода. Признаки наличия регламентации строительства, а в

¹² В квартале «В» Березанского поселения — от 188 до 313 м², в квартале «А» — от 130 до 230 кв. м; в квартале на раскопе XXVI Тиритаки — от 170—180 до 250 кв. м; в Мирмекии — от 135 до 360 кв. м.

¹³ О распространении такой практики см.: (Яйленко 1982: 109—114).

ряде случаев — и целые участки схожим образом устроенной уличной сети, фиксируются при раскопках большинства городских памятников региона, урбанизация которых приходится на вторую половину VI в. до н.э. Для этих планировочных сеток характерно общее направление продольных и поперечных улиц: чаще всего — по сторонам света, но иногда — под 45% относительно широтной и меридиональной осей. Вместе с тем, улицы не были идеально ровными и параллельными, их ширина и направления нередко выдерживались очень приблизительно; отсутствовала унификация формы кварталов, количества и площади домовладений внутри них.

Т. Бойд и М. Джеймсон (Boyd, Jameson 1981: 340) отмечали, что в принципах организации архаических регулярных городов можно усмотреть два противоположных подхода: первый делает акцент на кварталах, т.е. на равном распределении земли в городе и на его хоре, а второй — на расположении основных улиц и их связи с общественными пространствами и сооружениями. В традиции, проявившейся в планировке городов Северного Причерноморья, второй акцент определено преобладал.

Период активной урбанизации, формирования уличной сети рассмотренных выше центров совпадает по времени с глубокими изменениями в градостроительных традициях греческого мира, выразившихся в развитии концепции общественных пространств и сооружений, роста значимости храмов, формализации архитектурных ордеров. Такие градостроительные концепции, как выделение района агоры и организация регулярной уличной сети, появившиеся в колониях Великой Греции еще в конце VIII—VII вв. до н.э., к этому времени внедряются и в «старых» греческих городах (Morris 1998: 23, 33—35, 73—74). В ходе урбанизации северопонтийских апоекий этот опыт не мог не применяться, поэтому всю совокупность наших знаний (пусть иногда весьма разрозненных) о самом раннем этапе их существования следует рассматривать в более широком контексте.

В Восточной Греции признаки регулярной планировки архаического времени выявлены в Старой Смирне и Милете¹⁴. После некоей катастрофы рубежа VIII—VII вв. до н.э., сопровождавшейся массовыми разрушениями, и возможно, связанной с землетрясением или атакой на Смирну лидийского царя Гигеса, традиция строительства домов криволинейного плана в этом городе постепенно сходит на нет; на смену ей приходит квартальная застройка иного характера — с общей диагональной ориентацией зданий и выделенными для общественных нужд участками (Cook 1958—1959: 14—16; Akurgal 1962: 374). Основной осью этой планировки служила главная улица, шириной около 6 м, пересекавшая укрепленную территорию города с юго-запада на северо-восток — к комплексу храма Афины. К «улице Афины» с севера и юга примыкали своими узкими сторонами жилые кварталы, разделенные поперечными улицами (одна из них имела ширину 2,3 м). Датировка улиц не всегда ясна из-за позднейших перестроек, хотя их принадлежность архаической планировочной сетке наиболее вероятна (Akurgal 1983: 45—46, Abb. 2; Lang 1996: 241, Abb. 106).

До сравнительно недавнего времени внедрение ортогональной планировки в Милете было принято относить к V в. до н.э., т.е. периоду восстановления города после персидского разгрома. Тем не менее, признаки регулярной организации городского пространства в метрополии многих северопонтийских апоекий датируются существенно более ранним временем. Еще в начале VII в. до н.э. в южной части полуострова (в районе между Театральной бухтой и Калабак-тепе) на месте сгоревших овальных построек

---

¹⁴ Обзор современной археологической литературы по проблеме архаического регулярного плана Милета и Смирны см. также: (Лаптева 2017: 382—383).

геометрического времени возводятся многокомнатные дома, имевшие общую ориентацию (Herda 2005: 281—282). Палеогеографические исследования показали, что до архаического периода территория будущего городского центра между Львиной гаванью и Южным рынком представляла собой мелководную лагуну или заболоченную территорию, которая в VI в. до н.э. подверглась осушению и отсыпке для расширения агоры и перепланировки центра города по ортогональной системе. Предполагается, что эти работы были частью масштабной перепланировки северо-восточных частей города, включая Кале-Тепе (Театральный Холм) и Хумей-Тепе. Храм Аполлона Дельфиния был также возведен на осушенном и снивелированном участке. Таким образом, регулярная планировка в Милете возникла задолго до Гипподама (Weber 2007: 355—359; Müllenhoff et al. 2009; Herda 2005: 278—285), а южные части города могли быть им распланированы с учетом ранее существовавших сеток района Львиной гавани и северной части полуострова. А. Херда выдвинул гипотезу, согласно которой авторство раннего регулярного плана города принадлежит Фалесу Милетскому, а начало его внедрения приходится приблизительно на вторую четверть VI в. до н.э. Предполагается, что именно с этими нивелировочными работами связан пересказанный Плутархом эпизод (Plut., Solon, 12) о «заброшенном месте» для своей могилы, предусмотрительно выбранном философом на участке, который в будущем должен был стать территорией агоры Милета (Müllenhoff et al. 2009: 108; Herda: 2019: 97, fig. 1).

Наиболее ранним примером регулярной уличной сети в материковой Греции в настоящее время считается планировка небольшого полиса Галии в Арголиде, датируемая VI в. до н.э. Эта система застройки возникла в ходе восстановления города после разрушений 590—580 гг. до н.э., причины которых не выяснены. Застройка Галий состояла из двух районов с различной ориентацией кварталов — сетка каждого из них включала несколько основных проспектов и восемь поперечных улиц (Rudolph, Boyd 1978: 338—343; Rudolph 1984: 140; Boyd, Jameson 1981: 328—333, fig. 1—2). Предполагается, что этот план базировался на модуле в 50 плетров площади (500 000 квадратных футов), и сочетал в себе черты архаических планировочных сеток с особенностями, более характерными для «гипподамовых» городов V в. до н.э. — сравнительно небольшой длиной и площадью кварталов и более частым расположением улиц (Boyd, Jameson 1981: 340—342).

По-видимому, близкой аналогией застройке Березани и других архаических городских центров Северного Причерноморья может быть урбанизированная структура Карабурнаки — неукрепленного поселения на берегу залива Термаикос в северной Эгеиде, по-видимому, имевшего в основном торговую и ремесленную специализацию. Обобщающее издание продолжающихся раскопок этого интересного памятника еще только готовится, однако опубликованные данные указывают на наличие организованного рядного плана в VI в. до н.э. (Tsiafakis 2010: 381—382, 386, fig. 260).

Перспективным направлением для изучения специфических черт урбанизации античных центров Северопонтийского региона могло бы стать сопоставление особенностей их ранней планировки с античными полисами Западного Причерноморья, однако и здесь мы пока наталкиваемся на недостаточную изученность архаических слоев. Недавно была выдвинута гипотеза о наличии на территории Западного плато Истрии регулярной планировки, основанная на сопоставлении ортофотопланов с данными раскопанных участков. Предполагается, что эта уличная сеть существовала по меньшей мере, на протяжении эллинистического периода, однако то, что она наследует раннюю архаическую планировку можно лишь предполагать на основании очень фрагментарных данных (Angelescu 2017: 195—196, 198—199). Небольшой участок древнейшей городской застройки Аполлонии, раскрытый на острове св. Кирилла в Созополе, включает участок мощеной городской улицы

шириной около 3 метров и остатки жилых и производственных построек, находившихся от него к северу и к югу (Panayotova et al. 2014: 595—596; Панайотова 2019: 128—132, обр. 1—3). Ограниченная площадь раскопанного участка и отсутствие в его границах остатков других улиц пока не позволяет оценить размеры и форму городских кварталов исторического ядра этого полиса.

Изучение градостроительных моделей городов Северного Причерноморья — как архаического, так и последующих периодов античности находится все еще на начальном этапе разработки, поэтому представленная в нашем кратком обзоре картина по-прежнему выглядит очень фрагментарной. Не приходится сомневаться в том, что систематические современные археологические исследования, проводимые на базовых памятниках региона, со временем позволят ее существенно дополнить.

Литература

- Абрамов А.П. 2010. Патрей. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.-сост.). *Античное наследие Кубани*. Т. I. Москва: Наука, 528—539.
- Алексеева Е.М. 1990. Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н.э.). *КСИА* 197, 19—30.
- Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Алексеева Е.М. 2003. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.). *ДБ* 6, 18—43.
- Алексеева Е.М. 2010. Горгиппия. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.-сост.). *Античное наследие Кубани*. Т. I. Москва: Наука, 470—509.
- Бондаренко Д.В., Чистов Д.Е. 2021. «Квартал гончаров» (участок «ГШ») в системе застройки и экономике архаического Борисфена. *Stratum plus* 3, 235—260.
- Бутягин А.М., Чистов Д.Е. 2015. Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (отв. ред.). *БЧ XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра», 29—37.
- Буйских А.В. 2021. Градостроительный план Ольвии Понтийской. *ВДИ* 3 (81), 673—698.
- Буйских А.В., Золотарев М.И. 2001. Градостроительный план Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 111—132.
- Вахтина М.Ю. 2006. Об архаическом Порфмий (по материалам раскопок 1986—1990, 2002—2005 гг. *БИ* XIII, 31—45.
- Вахтина М.Ю. 2009. Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор. *БИ* XXII, 91—126.
- Вахтина М.Ю. 2012. Об оборонительных системах Порфмий. *ДБ* 16, 24—38.
- Виноградов Ю.А. 1991. Исследования на западной окраине Мирмекия. *КСИА* 204, 71—77.
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий. В: Кошеленко Г.А. (отв. ред.). *Очерки археологии и истории Боспора*. Москва: Наука, 99—119.
- Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. *МИА* 25, 15—134.
- Долгоруков В.С., Колесников А.В. 1993. Новый тип строительных комплексов Фанагории. *РА* 1, 113—132.
- Завойкин и др. 2016: Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории. В: Завойкин А.А. (отв. ред.). *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 4. Москва: ИА РАН, 110—207 (Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 2).
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2020. Хронология архаического дома из Фанагории. В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Нурани. Труды отдела классической археологии РАН*. Т. 2. Москва: Институт археологии РАН, 2020, 129—140.
- Захаров Е.В. 2016. Раскопки на поселении Гаркуша 1 (Патрей). *АО* 2014, 183—184.
- Зеест И.Б. 1974. Возникновение и первый расцвет Гермонассы. *СА* 4, 82—97.
- Зинько В.Н. 2014. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. II. *Археологические комплексы VI—V вв. до н.э.* Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» (БИ Supplementum 11).

- Зинько В.Н. 2015. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака. *БИ XXXI*, 100—109.
- Зинько В.Н. 2017. Жилые дома боспорского города Тиритака в графических реконструкциях. В: Форназієр Й., Твардецький А., Браунд Д., Буйських А., Гаврилук Н., Матера М., Шейко І. (ред.). *Північне Причорномор'я за античної доби* (на пошану С.Д. Крижицького). Киев: Стародавній світ, 222—230.
- Зинько В.Н. 2020. К вопросу о датировке ранних крепостных стен боспорского города Тиритака. *АВ* 29, 129—135.
- Коровина А.К. 2002. *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.
- Крижицкий С.Д., Каряка О.В. 2007. До історії створення загального плану архітектурно-будівельних залишків Ольвії. *Археологія* 3, 66—80.
- Крыжицкий С.Д. 1985. *Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов*. Киев: Наукова думка.
- Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. 2014. *Жилые дома Центрального квартала Ольвии*. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» (МАИЭТ Suppl. 13).
- Крыжицкий С.Д., Назарчук В.И. 1994. Новый памятник строительства позднеархаической Ольвии. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. КС ОАО*. Одесса: Одесское археологическое общество, 99—106.
- Кузнецов В.Д. 2009. Фанагория в архаическое время. В: Марченко И.И. (ред.). *Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар: Кубанской государственный университет, 192—198.
- Кузнецов В.Д. 2010. Фанагория — столица Азиатского Боспора. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.-сост.). *Античное наследие Кубани*. Т. I. Москва: Наука, 430—469.
- Кузнецов В.Д. 2017. Великая греческая колонизация и основание Пантикапея и Фанагории. В: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 43—46.
- Кузнецов В.Д. 2018а. Домостроительство северного Понта (эпоха архаики). В: Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. (отв. ред.). *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Т. 4. Москва: ИА РАН, 117—135 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7).
- Кузнецов В.Д. 2018b. Фанагория: заметки по планировке города. *ДБ* 22, 133—140.
- Кузнецов В.Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы. *ДБ* 24, 396—414.
- Кузнецов В.Д., Абрамзон М.Г. 2020. *Клад позднеархаических монет из Фанагории*. Москва: ИА РАН (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 8).
- Лаптева М.Ю. 2017. Археология Ионии начала XXI в. в диалоге и конфликте с нарративной традицией. *Stratum plus* 3, 381—390.
- Леви Е.И. 1985. *Ольвия — город эпохи эллинизма*. Ленинград: Наука.
- Марченко И.Д. 1979. О планировке Северного склона Пантикапея (к проблеме изучения агоры). *СА* 2, 164—178.
- Марченко И.Д. 1984. Раскопки Пантикапея в 1965—1972 годах. *СГМИИ VII*, 3—27.
- Панайотова К. 2019. Проучванията на о-в св. Кирик. В: Баралис А., Панайотова К., Недев Д. (ред.). *Аполония Понтийска. Колекции на Лувър и български музеи*. София: Фабер, 128—132.
- Поваляев Н.Л. 2010. Идеальный полис и колонизация. *ПИФК* 1, 538—559.
- Толстиков В.П. 2015. Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея. *ПИФК* 1 (47), 261—281.
- Толстиков В.П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея. В: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 69—84.
- Толстиков В.П., Муратова М.Б. 2013. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойки в первой половине VI — первой половине V в. до н.э. *ВДИ* 1, 176—192.
- Толстиков и др. 2002: Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2002. Архаический толос на акрополе Пантикапея. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 43—49.
- Толстиков и др. 2003: Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2003. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI—V вв. до н.э. *ДБ* 6, 307—348.
- Толстиков и др. 2004: Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2004. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея. *ДБ* 7, 344—365.
- Толстиков и др. 2017: Толстиков В.П., Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А., Самар О.Ю., Тугушева О.В. 2017. *Древнейший Пантикапей. От апойки — к городу*. Москва: Перо.

- Фармаковский Б.В. 1929. *Розкопування Ольбії р. 1926 (Звіт з двома планами й 60 фотознімками)*. Одеса: Історично-Археологічний музей.
- Финогенова С.И. 2005. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет. *ДБ* 8, 422—442.
- Чистов Д.Е. 2009. И.Б. Брашинский и исследования планировки жилых кварталов восточной части Мирмекия. *Записки Института истории материальной культуры* 4, 232—239.
- Чистов Д.Е. 2017. Урбанизация архаического Нимфея. В: Бутягин А.М., Соколова О.Ю., Чистов Д.Е. (ред.-сост.). *Перипл: от Борисфена до Боспора*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 137—160 (ТГЭ 88).
- Чистов Д. 2021а. Вулиці архаїчного Борисфена. *Емінак* 1 (33), 93—109.
- Чистов Д.Е. 2021b. Двойное погребение — кремация на территории городских кварталов: героон архаического Борисфена? *КСИА* 3, 165—178.
- Худяк М.М. 1962. *Из истории Нимфея VI—III вв. до н.э.* Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Яйленко В.П. 1982. *Греческая колонизация VIII—III вв. до н.э.* Москва: Наука.
- Abramov A.P. 2003. Patraeus. In: Grammenos D.V., Petropoulos E.K. (eds.). *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Vol. II. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece; Greek Ministry of Culture, 1103—1153.
- Akurgal E. 1962. The Early Period and the Golden Age of Ionia. *AJA* 66 (4), 369—379.
- Akurgal E. 1983. *Alt-Smyrna I. Wohnschichten und Athenatempel*. Ankara: Türk Tarih Kurukumu Basimevi.
- Angelescu M. 2017. Histria. Un système urbain orthogonal sur le “Plateau”? *Pontica* 50, 193—214.
- archaeolog.ru: 1: Исследование Фанагории (ИА РАН). URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/about/history/expeditions-1990-present/issledovaniya-fanagorii-ia-ran> (дата обращения 01.11.2021).
- Boyd T.D., Jameson M.H. 1981. Urban and Rural Land Division in Ancient Greece. *Hesperia* 50 (4). *Greek Towns and Cities: A Symposium (Oct. — Dec., 1981)*, 327—342.
- Bujskikh A., Chistov D. 2018. Architectural Details and Monumental Buildings at Borysthenes. *Caiete ARA* 9, 5—22.
- Chistov D. 2021. New Data on the Late Archaic Civic Centre of the Berezan Settlement. Courtyard with Altar in the City Block “H”. In: Fornasier J., Bujskich A.V. (Hrsg.). *An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 115—136 (Frankfurter Archäologische Schriften).
- Chistov D., Krutilov V. 2014. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement. In: Povalahev N. (Hrsg.). *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen: Cuvillier, 209—230.
- Chistov D.E. 2015. The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization. In: Tsetschladze G. (ed.). *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th century BC — 10th century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities*. London: Archaeopress, 403—413.
- Cook J.M. 1958—1959. Old Smyrna, 1948—51. *The Annual of the British School at Athens*. 1958—1959 (53—54), 1—34.
- Hansen M.H. 2005. Introduction. In: Hansen M.H. (ed.). *The Imaginary Polis*. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 9—24 (Acts of the Copenhagen Polis Centre 7).
- Herda A. 2005. Apollon Delphinios, das Prytaneion und die Agora von Milet. *Neue Forschungen. AA* 1, 243—294.
- Herda A. 2019. Copy and paste? Miletos before and after the Persian Wars. In: Dogniez C., Capet E., Gorea M., Rouillard-Bonraisin H., Massa F., Koch-Piettre R. (eds.). *Reconstruire les villes: Modes, motifs et récits*. Turnhout: Brepols, 91—120 (Semitica & classica. Supplementa 1).
- Hoepfner W., Schwandner E.-L. 1994. *Haus und Stadt im klassischen Griechenland*. München: Deutscher Kunstverlag.
- Lang F. 1996. *Archaische Siedlungen in Griechenland: Struktur und Entwicklung*. Berlin: Akademie Verlag.
- Morris I. 1998. Archaeology and archaic Greek history. In: Fisher N., van Wees H. (eds.). *Archaic Greece: new approaches and new evidence*. London: Duckworth, 1—92.
- Müllenhoff et al. 2009: Müllenhoff M., Herda A., Brückner H. 2009. Geoarchaeology in the City of Thales: Deciphering Palaeogeographic Changes in the Agora Area of Miletus. In: Mattern T., Vött A. (Hrsg.). *Mensch und Umwelt im Spiegel der Zeit. Aspekte geoarchäologischer Forschungen im östlichen Mittelmeergebiet*. Wiesbaden: Harrassowitz, 97—110.
- Panayotova et al. 2014: Panayotova K., Damyanov M., Stoyanova D., Bogdanova T. 2014. Apollonia Pontica: The Archaic Temenos and Settlement on the Island of St. Kirik. In: Alvarez J.M., Nogales T.,

- Rodà I. (eds.). *Proceedings of XVIII-th International Congress of Classical Archaeology. Centre and periphery in the ancient world*. Vol. I. Mérida: Museo Nacional de Arte Romano, 595—598.
- Rudolph W.W. 1984. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report VI: Halieis, the Stratigraphy of the Streets in the Northeast Quarter of the Lower Town. *Hesperia* 53 (1), 123—170.
- Rudolph W.W., Boyd T.D. 1978. Excavations at Porto Cheli and Vicinity Preliminary Report IV: The Lower Town of Halieis, 1970—1977. *Hesperia* 47 (4), 333—355.
- Solovyov S.L. 1999. *Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea*. Leiden: Brill (Colloquia Pontica 4).
- Tréziny H. 2016. Archaeological data on the foundation of Megara Hyblaea. Certainties and hypotheses. In: Donnelan L., Nizzo V., Burgers G.I. (eds.). *Conceptualizing early colonization*. Bruxelles; Rome: Belgisch Historisch Instituut te Rome, 167—178.
- Tsetskhladze G. 2006. Revisiting Ancient Greek colonization. In: Tsetskhladze G. (ed.). *Greek Colonisation: an account of Greek colonies and other settlements overseas*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, xxiii—lxxxiii (Mnemosyne Supplementum 1).
- Tsiafakis D. 2010. Domestic Architecture in the Northern Aegean: the Evidence from the ancient settlement of Karabournaki. In: Tréziny H. (ed.). *Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: Actes des rencontres du programme européen Ramses 2 (2006—2008)*. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 379—387.
- Twardecki A. 2014. The Ancient site of Tyritake in the Cymmerian Bosphorus. Polish excavations 2008—2013. In: Twardecki A. (ed.). *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus*. Warsaw: The National Museum in Warsaw, 15—46.
- Twardecki A. 2016. Polish excavations at Tyritake 2008—2014. A small revolution in archaic architecture. In: Manoledakis M. (ed.). *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18—20 September 2015*. Oxford: Archaeopress, 29—40.
- Vakhtina M.Ju. 2003. Archaic buildings of Portmion. In: Bilde G.P., Højte J.M., Stolba V.F. (eds.). *The Cauldron of Ariantas, Studies Presented to A.N. Sceglov on the Occasion of His 70th Birthday*. Aarhus: Aarhus University Press, 37—54 (Black Sea Studies 1).
- Weber B.F. 2007. Der Stadtplan von Milet. In: Cobet J., von Graeve V., Niemeier W.-D., Zimmermann K. (Hrsg.). *Frühes Ionien: eine Bestandaufnahme. Akten des Internationalen Kolloquiums zum einhundertjährigen Jubiläum der Ausgrabungen in Milet, Panionion/Güzelçamlı, 26.09.-01.10.1999*. Mainz: Verlag Philipp Von Zabern, 327—362 (Milesische Forschungen 5).

References

- Abramov, A.P. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoye naslediye Kubani (Ancient heritage of Kuban)*. Vol. I. Moscow: Nauka, 528—539 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1990. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 197, 19—30 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1997. *Antichnyy gorod Gorgippiya (The ancient city of Gorgippia)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 2003. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 6, 18—43 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoye naslediye Kubani (Ancient heritage of Kuban)*. Vol. I. Moscow: Nauka, 470—509 (in Russian).
- Bondarenko, D.V., Chistov, D.E. 2021. In *Stratum plus* 3, 235—260 (in Russian).
- Butyagin, A.M., Chistov, D.E. 2015. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bosporskiye chteniya (Bosphorus Readings) XVI. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium (Bosphorus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society)*. Kerch: NITS IAK KFU im. V.I. Vernadskogo; TSAI BF “Demetra”, 29—37 (in Russian).
- Buyskikh, A.V. 2021. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3 (81), 673—698 (in Russian).
- Buyskikh, A.V., Zolotarev, M.I. 2001. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 111—132 (in Russian).
- Vakhtina, M.Yu. 2006. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XIII, 31—45 (in Russian).
- Vakhtina, M.Yu. 2009. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XXII, 91—126 (in Russian).

- Vakhtina, M.Yu. 2012. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 16, 24—38 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 1991. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 204, 71—77 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 1992. In: Koshelenko, G.A. (ed.). *Ocherki arkheologii i istorii Bospora (Essays on archaeology and history of the Bosporus)*. Moscow: Nauka, 99—119 (in Russian).
- Gaydukevich, V.F. 1952. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 25, 15—134 (in Russian).
- Dolgorukov, V.S., Kolesnikov, A.V. 1993. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 113—132 (in Russian).
- Zavoykin i dr. 2016: Zavoykin, A.A., Kolesnikov, A.B., Sudarev, N.I. 2016. In: Zavoykin, A.A. (ed.). *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria. Results of archaeological research)*. Vol. 4. Moscow: IA RAN, 110—207 (Materials on archaeology and history of Phanagoria. Vol. 2) (in Russian).
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2020. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Hypanis. Trudy otдела klassicheskoy arkheologii RAN (Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archeology of the Russian Academy of Sciences)*. Vol. 2. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2020, 129—140 (in Russian).
- Zakharov, E.V. 2016. In *Arheologicheskie otkrytiya (Archaeological Discoveries)* 2014, 183—184 (in Russian).
- Zeest, I.B. 1974. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 82—97 (in Russian).
- Zin'ko, V.N. 2014. *Tiritaka. Raskop XXVI (Tiritaka. Excavation XXVI)*. Vol. II. *Arheologicheskiye komplekсы VI—V vv. do n.e. (Archaeological complexes of the 6th — 5th cc. BCE)*. Simferopol; Kerch: BF “Demetra” (*Bosporian Studies Supplementum 11*) (in Russian).
- Zin'ko, V.N. 2015. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XXXI, 100—109 (in Russian).
- Zin'ko, V.N. 2017. In: Fornazier, Y., Tvardets'kiy, A., Braund, D., Buys'kikh, A., Gavriluk, N., Matera, M., Sheyko, I. (eds.). *Pivnichne Prychornomor'ya za antychnoyi doby (na poshanu S.D. Kryzhyts'koho) (Northern Black Sea Coast in ancient times (in honor of S.D. Kryzhytsky))*. Kyiv: Starodavniy svit, 222—230 (in Russian).
- Zin'ko, V.N. 2020. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 29, 129—135.
- Korovina, A.K. 2002. *Germonassa. Antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove (Hermonassa. Ancient city on the Taman Peninsula)*. Moscow: GMII im. A.S. Pushkina (in Russian).
- Krizhits'kiy, S.D., Karyaka, O.V. 2007. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 66—80 (in Russian).
- Kryzhitskiy, S.D. 1985. *Ol'viya. Istoriograficheskoye issledovaniye arkhitekturno-stroitel'nykh kompleksov (Historiographic study of architectural and building complexes)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kryzhitskiy, S.D., Leypunskaya, N.A. 2014. *Zhilyye doma Tsentral'nogo kvartala Ol'vii (esidential buildings of the Central quarter of Olbia)*. Simferopol; Kerch: BF “Demetra” (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 13) (in Russian).
- Kryzhitskiy, S.D., Nazarchuk, V.I. 1994. In: Okhotnikov, S.B. (ed.). *Drevneye Prichernomor'ye. Kratkiye soobshcheniya Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Ancient Black Sea region. Brief communications of the Odessa Archaeological Society)*. Odessa: Odesskoye arkheologicheskoye obshchestvo, 99—106 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2009. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Pyataya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Materialy konferentsii (Fifth Kuban archaeological conference. Proceedings of the conference)*. Krasnodar: Kubanskoy gosudarstvennyy universitet, 192—198 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoye naslediyе Kubani (Ancient heritage of Kuban)*. Vol. I. Moscow: Nauka, 430—469 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2017. In: *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva (Panticapaeum and Phanagoria. Two capitals of the Bosporus kingdom)*. Moscow: GMII im. A.S. Pushkina, 43—46 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2018a. In: Kuznetsov, V.D., Zavoykin, A.A. (eds.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the archeology and history of Phanagoria)*. Vol. 4. Moscow: IA RAN, 117—135 (Phanagoria. Results of archaeological research. Vol. 7) (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2018b. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 133—140 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D. 2019. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 24, 396—414 (in Russian).
- Kuznetsov, V.D., Abramzon, M.G. 2020. *Klad pozdnearkhaicheskikh monet iz Fanagorii (Treasure of late archaic coins from Phanagoria)*. Moscow: IA RAN (Phanagoria. Results of archaeological research. Vol. 8) (in Russian).
- Lapteva, M.Yu. 2017. In *Stratum plus* 3, 381—390 (in Russian).
- Levi, E.I. 1985. *Ol'viya — gorod epokhi ellinizma (Olbia — the city of the Hellenistic era)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Marchenko, I.D. 1979. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 164—178 (in Russian).

- Marchenko, I.D. 1984. In *Soobshheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A.S. Pushkina (Reports of the Pushkin State Museum of Fine Arts)* VII, 3—27 (in Russian).
- Panayotova, K. 2019. In: Baralis, A., Panayotova, K., Nedev, D. (eds.). *Apoloniya Pontiyska. Koleksii na Luv'r i b'lgarski muzei (Apollonia of Pontus. Louvre collections and Bulgarian museums)*. Sofiya: Faber, 128—132 (in Bulgarian).
- Povalyayev, N.L. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 538—559 (in Russian).
- Tolstikov, V.P. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1 (47), 261—281 (in Russian).
- Tolstikov, V.P. 2017. In: *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva (Panticapaeum and Phanagoria. Two capitals of the Bosporus kingdom)*. Moscow: GMI im. A.S. Pushkina, 69—84 (in Russian).
- Tolstikov, V.P., Muratova, M.B. 2013. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 176—192 (in Russian).
- Tolstikov i dr. 2002: Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2002. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus phenomenon: burial monuments and sanctuaries. Proceedings of the international scientific conference)*. Pt. 1. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 43—49 (in Russian).
- Tolstikov i dr. 2003: Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2003. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 6, 307—348 (in Russian).
- Tolstikov i dr. 2004: Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 344—365 (in Russian).
- Tolstikov i dr. 2017: Tolstikov, V.P., Astashova, N.S., Lomtadze, G.A., Samar, O.Yu., Tugusheva, O.V. 2017. *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoykii — k gorodu (The oldest Pantikapaion. From apoykia to the city)*. Moscow: Pero (in Russian).
- Farmakovskiy B.V. 1929. *Rozkopuvannya Ol'bii r. 1926 (Zvit z dvoma planami y 60 fotoznimkami) (Excavation of Olbia in 1926 (Report with two plans and 60 photographs))*. Odessa: Istorichno-Arkheologichniy muzey (in Ukrainian).
- Finogenova, S.I. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 8, 422—442 (in Russian).
- Chistov, D.E. 2009. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury (Notes of the Institute of the History of Material Culture)* 4, 232—239 (in Russian).
- Chistov, D.E. 2017. In: Butyagin, A.M., Sokolova, O.Yu., Chistov, D.E. (eds.). *Peripl: ot Borisfena do Bospora (Periplus: from Borisfen to the Bosporus)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 137—160 (*Proceedings of the State Hermitage* 88) (in Russian).
- Chistov, D. 2021a. In *Eminak* 1 (33), 93—109 (in Ukrainian).
- Chistov, D.E. 2021b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 3, 165—178 (in Russian).
- Khudyak, M.M. 1962. *Iz istorii Nimfeya VI—III vv. do n.e. (From the history of Nymphaion 6th — 3rd cc. BCE)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).
- Yaylenko, V.P. 1982. *Grecheskaya kolonizatsiya VIII—III vv. do n.e. (Greek colonization of 8th — 3rd cc. BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Akurgal, E. 1962. The Early Period and the Golden Age of Ionia. *AJA* 66 (4), 369—379.
- Akurgal, E. 1983. *Alt-Smyrna I. Wohnschichten und Athenatempel*. Ankara: Türk Tarih Kurukumu Basimevi.
- Angelescu, M. 2017. Histria. Un système urbain orthogonal sur le “Plateau”? *Pontica* 50, 193—214.
- archaeolog.ru: 1: Exploration of Phanagoria (IA RAS). Available at: <https://www.archaeolog.ru/ru/about/history/expeditions-1990-present/issledovaniya-fanagorii-ia-ran> (accessed 01.11.2021).
- Boyd, T.D., Jameson, M.H. 1981. Urban and Rural Land Division in Ancient Greece. *Hesperia* 50 (4). *Greek Towns and Cities: A Symposium (Oct. — Dec., 1981)*, 327—342.
- Bujskikh, A., Chistov, D. 2018. Architectural Details and Monumental Buildings at Borysthenes. *Caiete ARA* 9, 5—22.
- Chistov, D.E. 2015. The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization. In: Tsetsikhladze, G. (ed.). *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th century BC — 10th century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities*. London: Archaeopress, 403—413.
- Chistov, D. 2021. New Data on the Late Archaic Civic Centre of the Berezan Settlement. Courtyard with Altar in the City Block “H”. In: Fornasier, J., Bujskikh, A.V. (Hrsg.). *An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische*

- Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH., 115—136 (Frankfurter Archäologische Schriften).
- Chistov, D., Krutilov, V. 2014. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement. In: Povalahev, N. (Hrsg.). *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov.* Göttingen: Cuvillier, 209—230.
- Cook, J.M. 1958—1959. Old Smyrna, 1948—51. *The Annual of the British School at Athens.* 1958—1959 (53—54), 1—34.
- Hansen, M.H. 2005. Introduction. In: Hansen, M.H. (ed.). *The Imaginary Polis.* Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 9—24 (Acts of the Copenhagen Polis Centre 7).
- Herda, A. 2005. Apollon Delphinios, das Prytaneion und die Agora von Milet. *Neue Forschungen.* AA 1, 243—294.
- Herda, A. 2019. Copy and paste? Miletos before and after the Persian Wars. In: Dogniez, C., Capet, E., Gorea, M., Rouillard-Bonraisin, H., Massa, F., Koch-Piettre, R. (eds.). *Reconstruire les villes: Modes, motifs et récits.* Turnhout: Brepols, 91—120 (Semitica & classica. Supplementa 1).
- Hoepfner, W., Schwandner, E.-L. 1994. *Haus und Stadt im klassischen Griechenland.* München: Deutscher Kunstverlag.
- Lang, F. 1996. *Archaische Siedlungen in Griechenland: Struktur und Entwicklung.* Berlin: Akademie Verlag.
- Morris, I. 1998. Archaeology and archaic Greek history. In: Fisher, N., van Wees, H. (eds.). *Archaic Greece: new approaches and new evidence.* London: Duckworth, 1—92.
- Müllenhoff et al. 2009: Müllenhoff, M., Herda, A., Brückner, H. 2009. Geoarchaeology in the City of Thales: Deciphering Palaeogeographic Changes in the Agora Area of Miletus. In: Mattern, T., Vött, A. (Hrsg.). *Mensch und Umwelt im Spiegel der Zeit. Aspekte geoarchäologischer Forschungen im östlichen Mittelmeergebiet.* Wiesbaden: Harrassowitz, 97—110.
- Panayotova et al. 2014: Panayotova, K., Damyanov, M., Stoyanova, D., Bogdanova, T. 2014. Apollonia Pontica: The Archaic Temenos and Settlement on the Island of St. Kirik. In: Alvarez, J.M., Nogales, T., Rodà, I. (eds.). *Proceedings of XVIII-th International Congress of Classical Archaeology. Centre and periphery in the ancient world.* Vol. I. Mérida: Museo Nacional de Arte Romano, 595—598.
- Rudolph, W.W. 1984. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report VI: Halieis, the Stratigraphy of the Streets in the Northeast Quarter of the Lower Town. *Hesperia* 53 (1), 123—170.
- Rudolph, W.W., Boyd, T.D. 1978. Excavations at Porto Cheli and Vicinity Preliminary Report IV: The Lower Town of Halieis, 1970—1977. *Hesperia* 47 (4), 333—355.
- Solovyov, S.L. 1999. *Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea.* Leiden: Brill (Colloquia Pontica 4).
- Tréziny, H. 2016. Archaeological data on the foundation of Megara Hyblaea. Certainties and hypotheses. In: Donnelan, L., Nizzo, V., Burgers, G.I. (eds.). *Conceptualizing early colonization.* Bruxelles; Rome: Belgisch Historisch Instituut te Rome, 167—178.
- Tsetschladze, G. 2006. Revisiting Ancient Greek colonization. In: Tsetschladze, G. (ed.). *Greek Colonisation: an account of Greek colonies and other settlements overseas.* Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, xxiii—lxxxiii (Mnemosyne Supplementum 1).
- Tsiafakis, D. 2010. Domestic Architecture in the Northern Aegean: the Evidence from the ancient settlement of Karabournaki. In: Tréziny, H. (ed.). *Greks et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: Actes des rencontres du programme européen Ramses 2 (2006—2008).* Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 379—387.
- Twardecki, A. 2014. The Ancient site of Tyritake in the Cimmerian Bosphorus. Polish excavations 2008—2013. In: Twardecki, A. (ed.). *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus.* Warsaw: The National Museum in Warsaw, 15—46.
- Twardecki, A. 2016. Polish excavations at Tyritake 2008—2014. A small revolution in archaic architecture. In: Manoledakis, M. (ed.). *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18—20 September 2015.* Oxford: Archaeopress, 29—40.
- Vakhtina, M.Ju. 2003. Archaic buildings of Portmion. In: Bilde, G.P., Højte, J.M., Stolba, V.F. (eds.). *The Cauldron of Ariantas, Studies Presented to A.N. Sceglov on the Occasion of His 70th Birthday.* Aarhus: Aarhus University Press, 37—54 (Black Sea Studies 1).
- Weber, B.F. 2007. Der Stadtplan von Milet. In: Cobet, J., von Graeve, V., Niemeier, W.-D., Zimmermann, K. (Hrsg.). *Frühes Ionien: eine Bestandaufnahme. Akten des Internationalen Kolloquiums zum einhundertjährigen Jubiläum der Ausgrabungen in Milet, Panionion/Güzeldamlı, 26.09.-01.10.1999.* Mainz: Verlag Philipp Von Zabern, 327—362 (Milesische Forschungen 5).

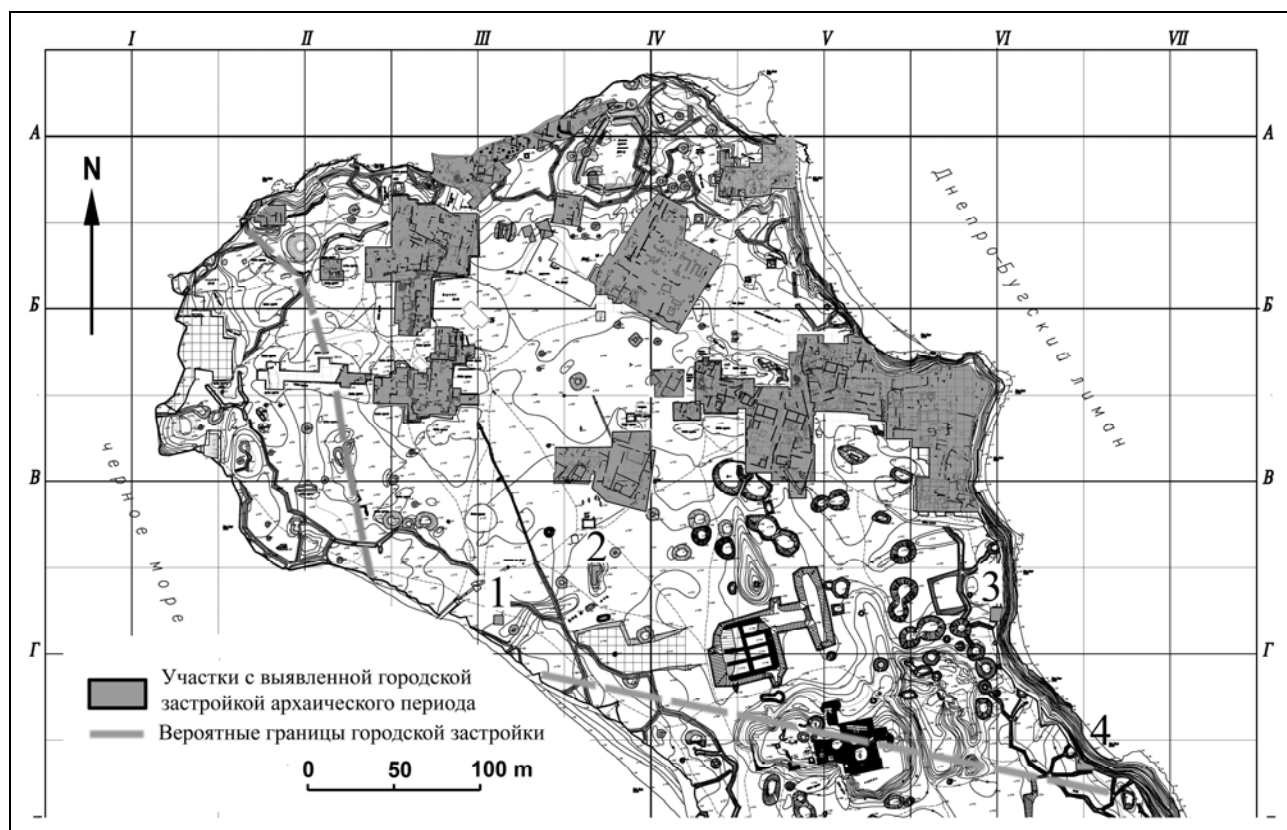
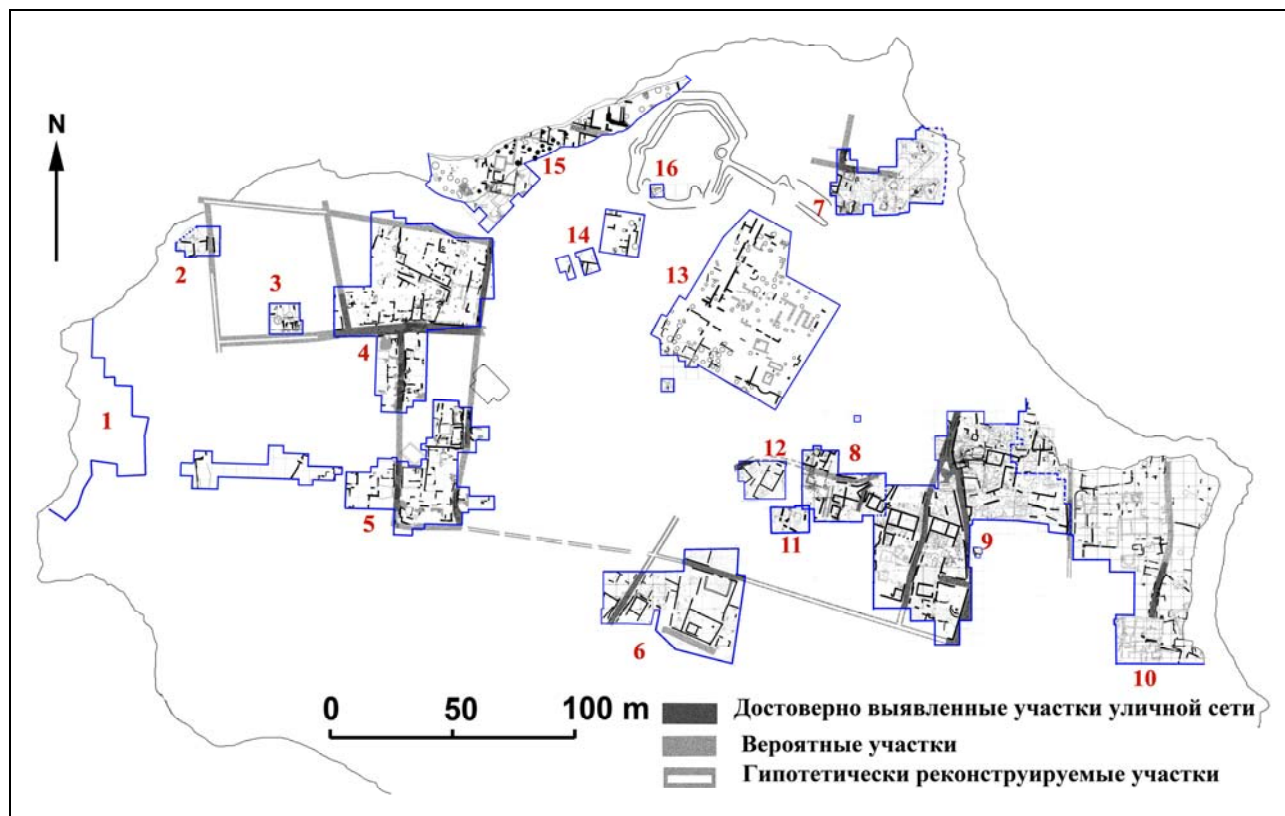

Рис. 1. Схема возможных границ урбанизированного Березанского поселения на топографическом плане северной части острова (на основе плана Д.Б. Бельского 1991 г.). Номерами обозначены разведочные участки, при исследовании которых были обнаружены остатки каменно-сырцовых построек: 1 — участок 3К, В.В. Назаров, 1990 г.; 2 — раскоп 2, В.В. Лапин, 1960 г.; 3 — раскоп 1, В.В. Лапин, 1960 г.; 4 — «ВК», В.В. Назаров, 1993 г.

Fig. 1. Scheme of possible boundaries of the urbanized Berezan settlement on the topographic plan of the northern part of the island (based on the map of D.B. Belenkiy made in 1991). The numbers indicate the exploration areas, during the study of which the remains of stone and mudbrick structures were found: 1 — section 3K, V.V. Nazarov, 1990; 2 — excavation 2, V.V. Lapin, 1960; 3 — excavation 1, V.V. Lapin, 1960; 4 — “VK”, V.V. Nazarov, 1993.

Рис. 2. Предполагаемая реконструкция уличной сети архаического Березанского поселения. Номера основных раскопов в северной части острова на плане: 1 — Некрополь; 2 — раскоп С-1 (Северный-1); 3 — раскоп С-2 (Северный-2); 4 — раскоп СЗ-А (Северо-западный А; 5 — раскоп СЗ-Б (северо-западный Б); 6 — раскоп Т («теменос»); 7 — раскоп Г; 8 — раскоп Р1в; 9 — раскоп О-Западный; 10 — раскоп О-Восточный; 11 — раскоп Р1; 12 — раскоп ГШ; 13 — раскоп А1; 14 — раскопы С4-6; 15 — раскоп В8; 16 — раскоп Ж.

Fig. 2. The proposed reconstruction of the street network of the archaic Berezan settlement. Numbers of the main excavation sectors in the northern part of the island on the plan: 1 — Necropolis; 2 — sector C-1 (North-1); 3 — sector C-2 (North-2); 4 — sector C3-A (Northwestern A; 5 — sector C3-B (northwestern B); 6 — sector T (“temenos”); 7 — sector Г; 8 — sector Р1в; 9 — sector O-Western; 10 — sector O-Eastern; 11 — sector Р1; 12 — sector ГШ; 13 — sector А1; 14 — sectors С4-6; 15 — sector В8; 16 — sector Ж.

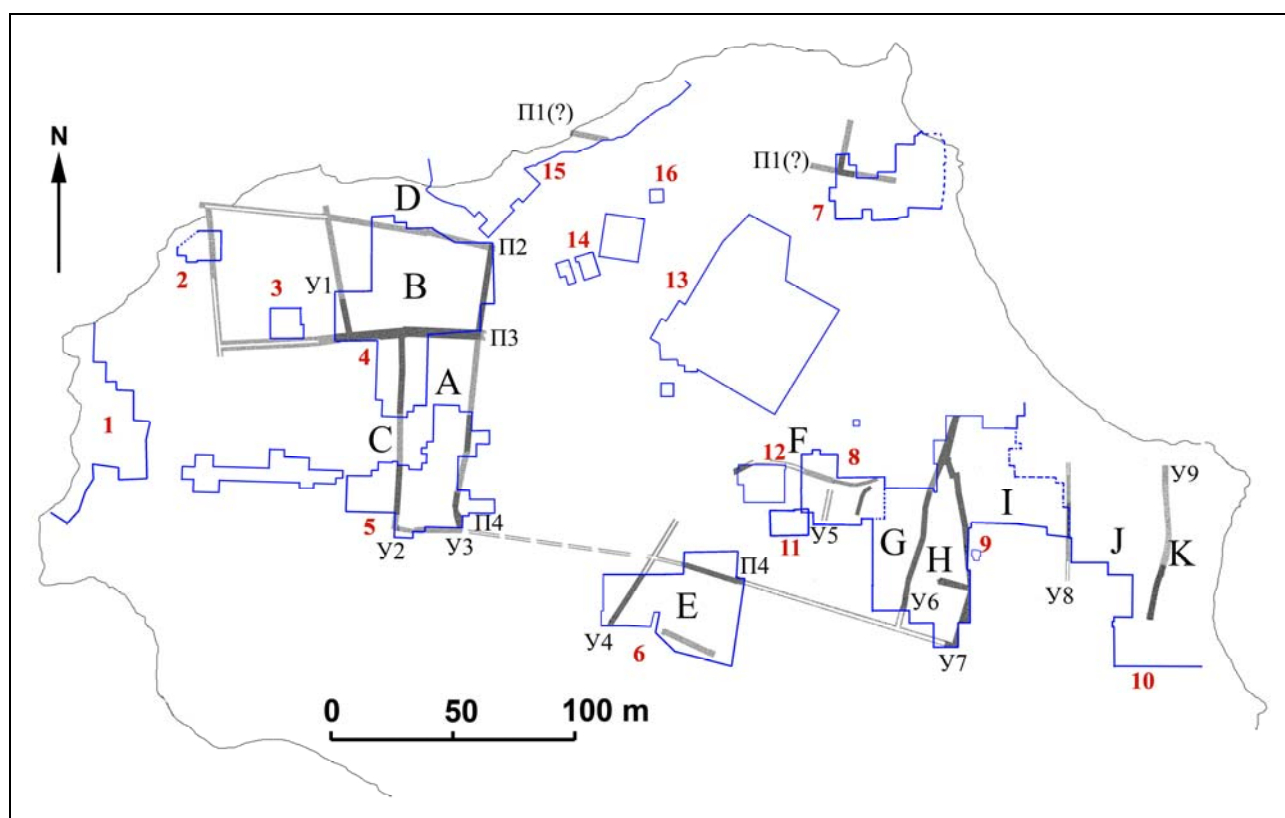

Рис. 3. Схема обозначения улиц и кварталов архаического Березанского поселения.

Fig. 3. The scheme of designation of streets and blocks of the archaic Berezan settlement.

Рис. 4. Березань. Реконструкция застройки кварталов «А», «В», «С». Вид с юго-запада.

Fig. 4. Berezan. Reconstruction of buildings of city blocks “A”, “B”, “C”. View from the southwest.

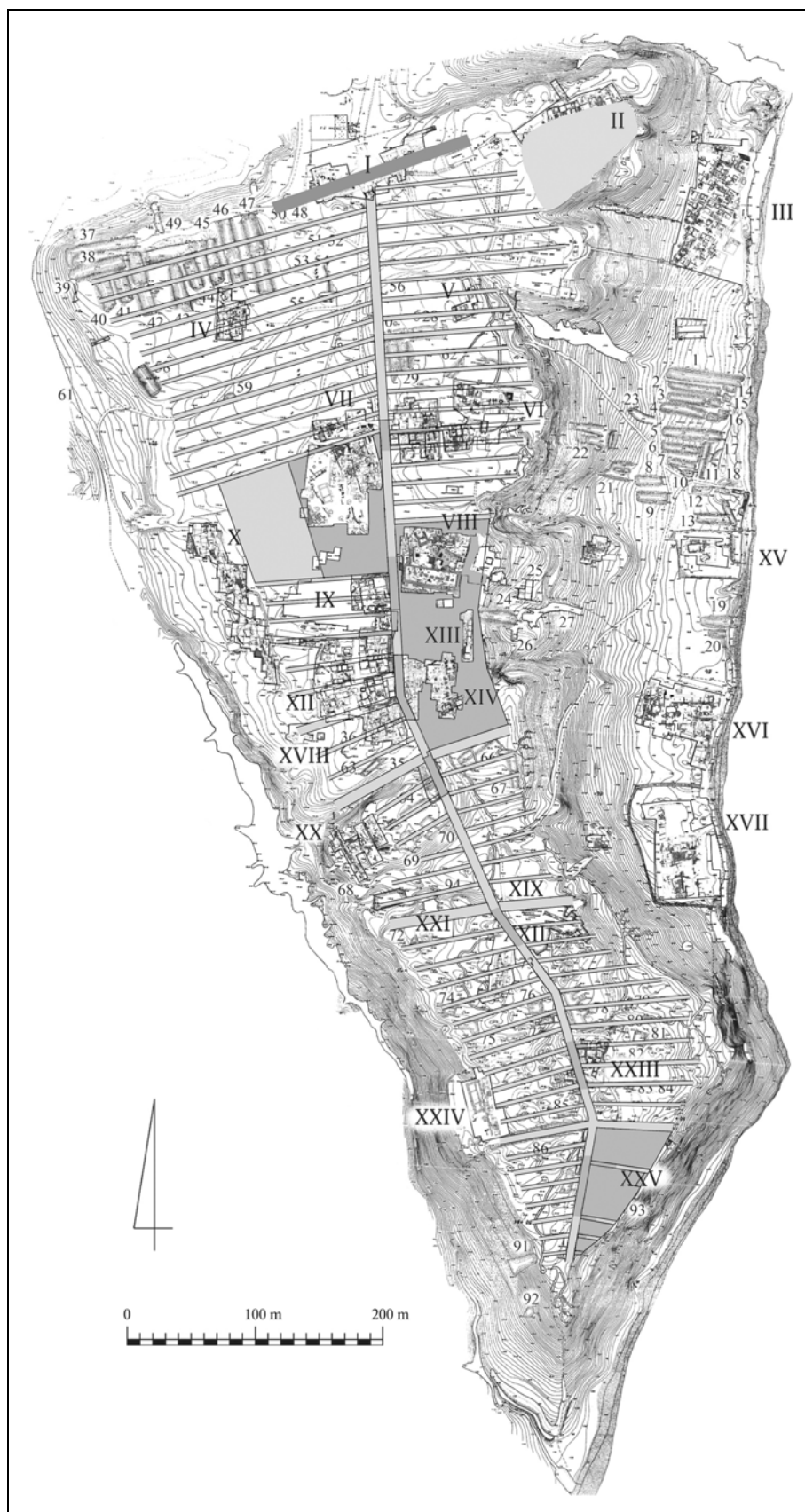
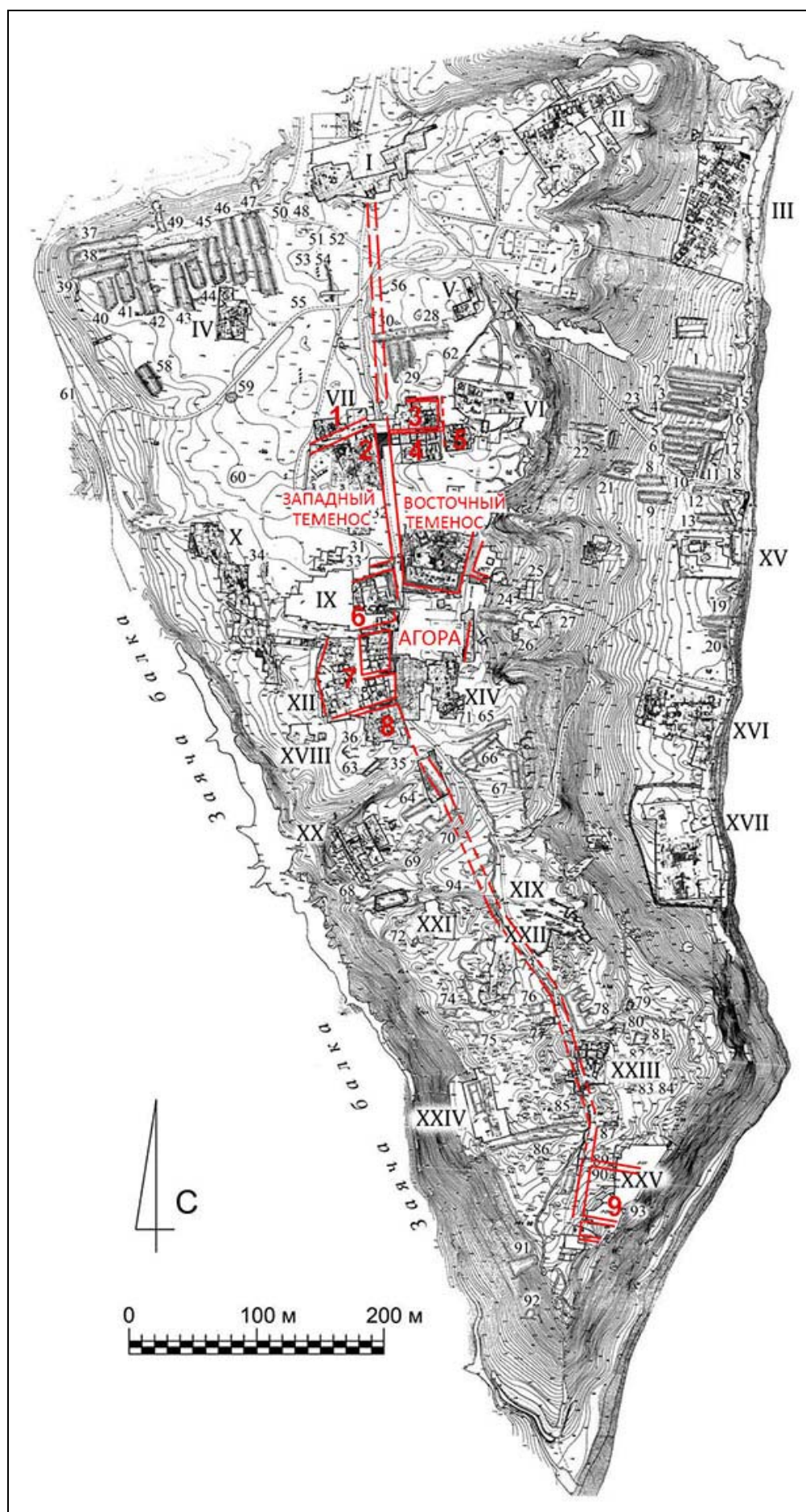

Рис. 5. Предполагаемый градостроительный план архаической Ольвии (по Буйских 2021).

Fig. 5. The proposed urban plan of archaic Olbia (after Bujskikh 2021).

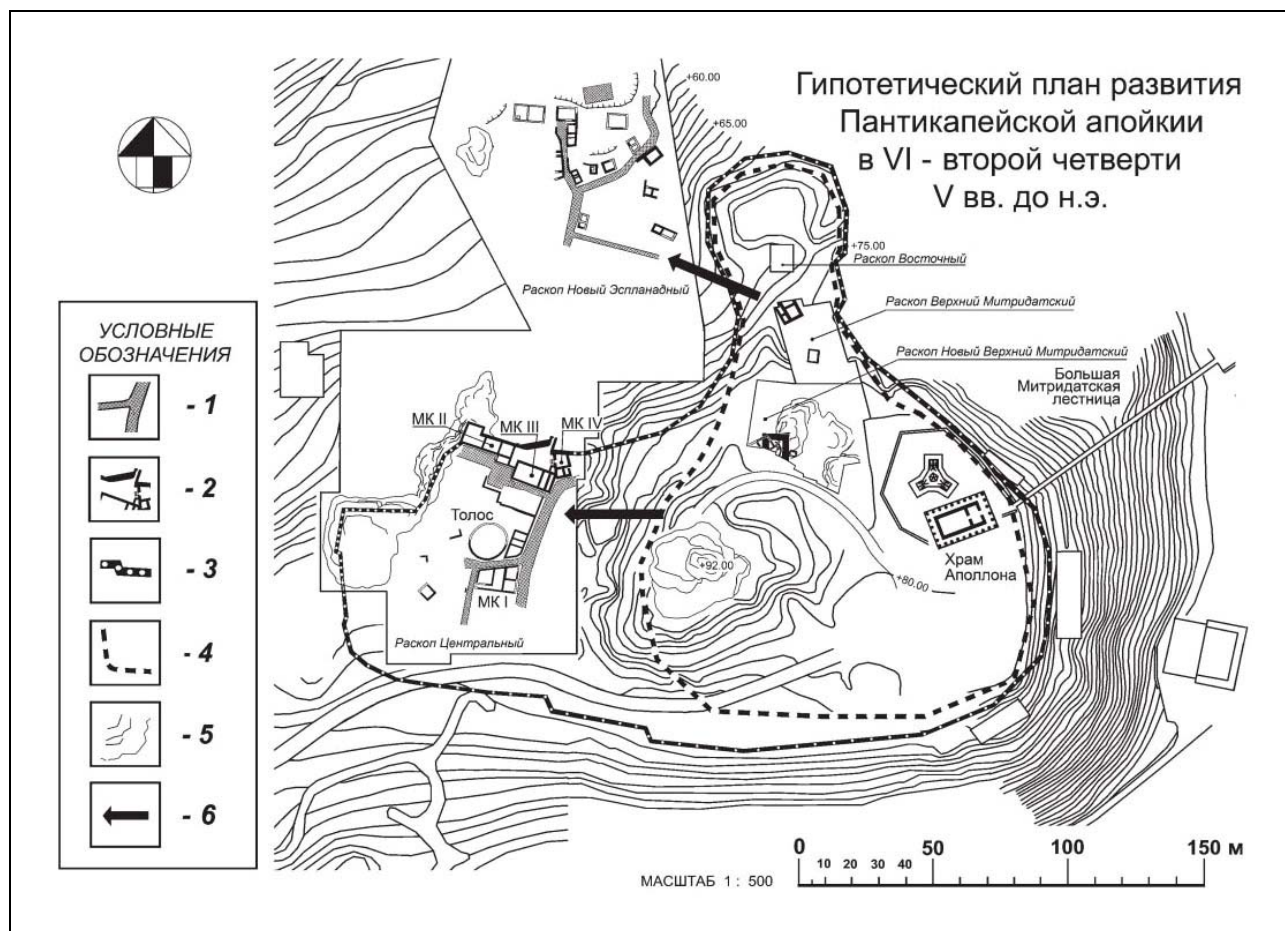

Рис. 6. Схематический план выявленных участков уличной сети Ольвии (выполнен автором на основе современного сводного плана (по Крижицкий, Каряка 2007). Красными номерами обозначены кварталы Верхнего плато: 1 — Северо-западный квартал (АГД); 2 — Юго-западный квартал (АГД); 3 — Северо-восточный квартал (АГД); 4 — Юго-восточный квартал (АГД); 5 — Восточный квартал (АГД). 6—8 — кварталы к западу от Главной улицы и агоры (к югу от Западного теменоса): 6 — Северный квартал; 7 — Центральный квартал; 8 — Южный квартал; 9 — кварталы в районе Южного теменоса.

Fig. 6. Schematic map of the identified sections of the street network of Olbia (made by the author on the basis of a modern consolidated plan (after Krizhits'kiy, Karyaka 2007). Red numbers indicate the city blocks of the Upper Plateau: 1 — Northwest Block (АГД); 2 — South-Western Block (АГД); 3 — North-Eastern Block (АГД); 4 — South-Eastern Block (АГД); 5 — Eastern Block (АГД). 6—8 — Blocks west of Main Street and Agora (south of West Temenos): 6 — Northern Block; 7 — Central Block; 8 — Southern Block; 9 — Blocks in the area of Southern Temenos.

Рис. 7. План развития архаического Пантикапея (по Толстиков 2015: рис. 1). **Условные обозначения:** 1 — трассы улиц; 2 — строительные остатки VI — первой половины V вв. до н.э., исследованные археологически; 3 — предполагаемая трасса укреплений акрополя первой половины V в. до н.э.; 4 — предполагаемая граница древнейшей территории Пантикапейской апойкии; 5 — Скальные массивы; 6 — направления развития территории Пантикапейского поселения.

Fig. 7. Plan for the development of the archaic Pantikapaion (after Tolstikov 2015: fig. 1). **Symbols:** 1 — street routes; 2 — construction remains of 6th — first half of 5th cc. BCE, studied archaeologically; 3 — the proposed route of the acropolis fortifications of the first half of the 5th c. BCE; 4 — the estimated boundary of the ancient territory of the Pantikapaion apoikia; 5 — Rock massifs; 6 — directions of development of the territory of the Pantikapaion settlement.

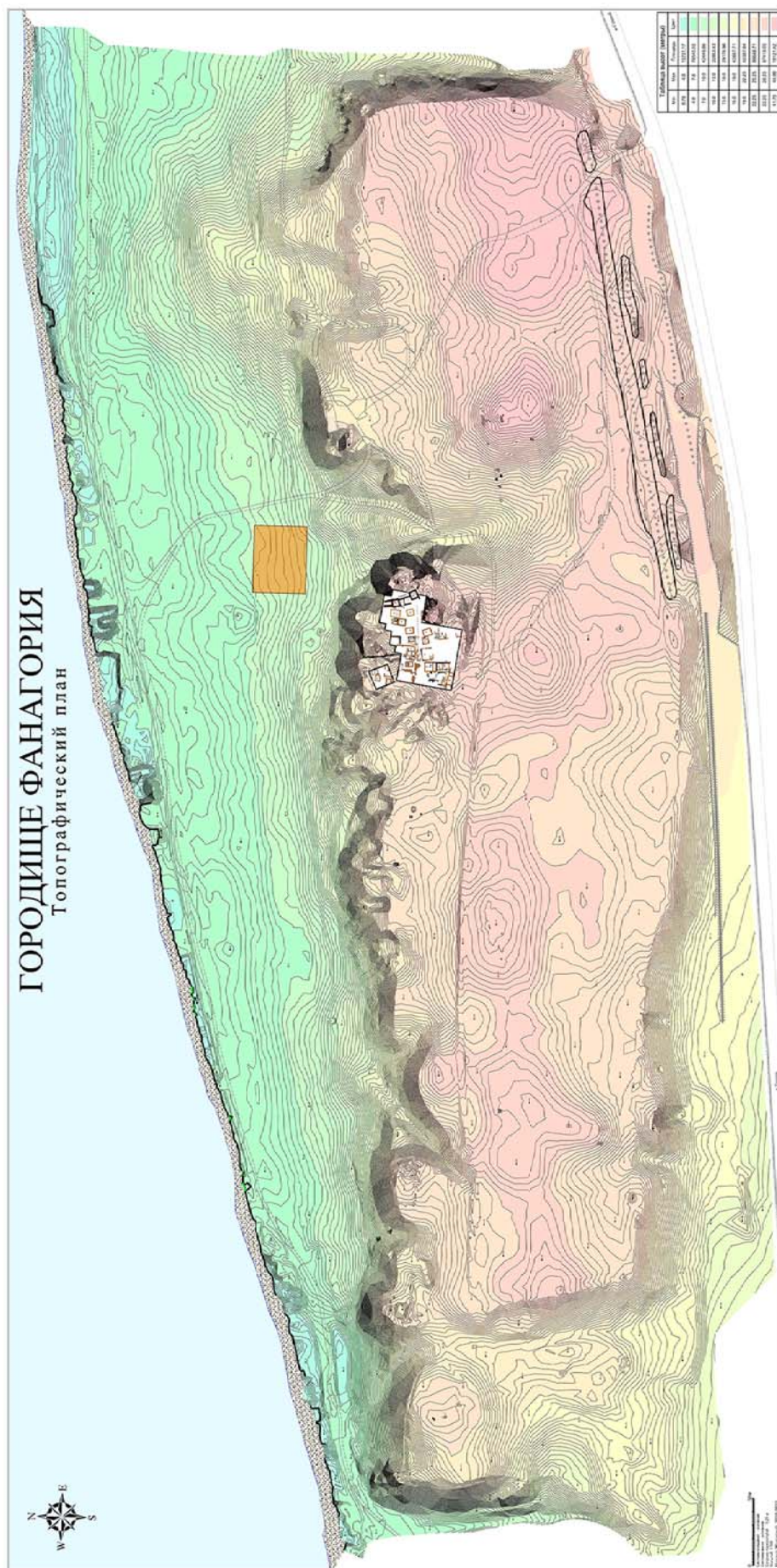

Рис. 8. Фанагория. Архаическая застройка «Верхнего города» на топографическом плане городища (по archaeolog.ru: 1). План раскопа «Верхнего города» (по Кузнецов, 2018; Кузнецов, Абрамзон 2020).

Fig. 8. Phanagoria. Archaic built-up area of the “Upper City” on the topographic map of the settlement (after archaeolog.ru: 1). Upper city excavation plan (after Kuznetsov, 2018; Kuznetsov, Abramzon 2020).

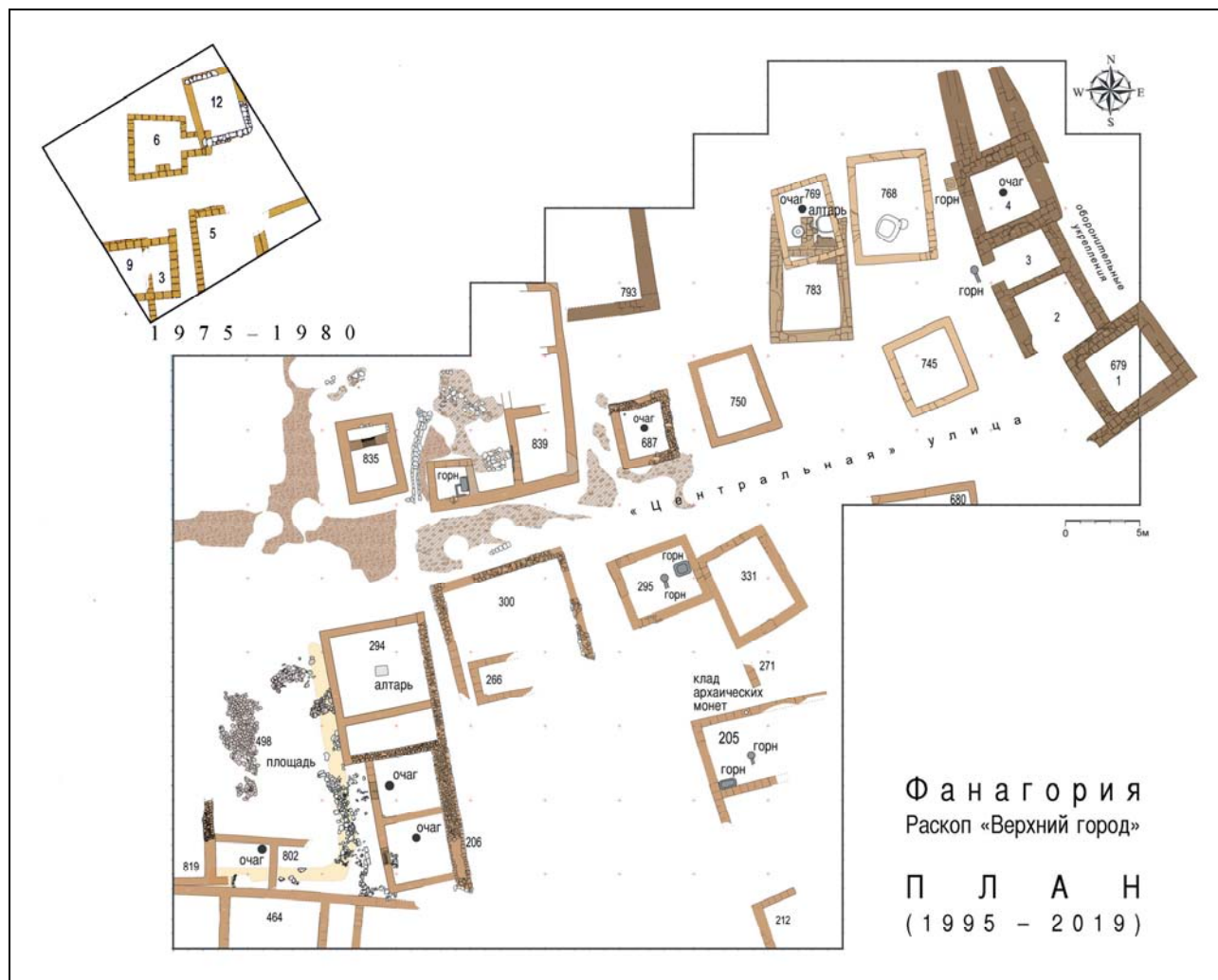

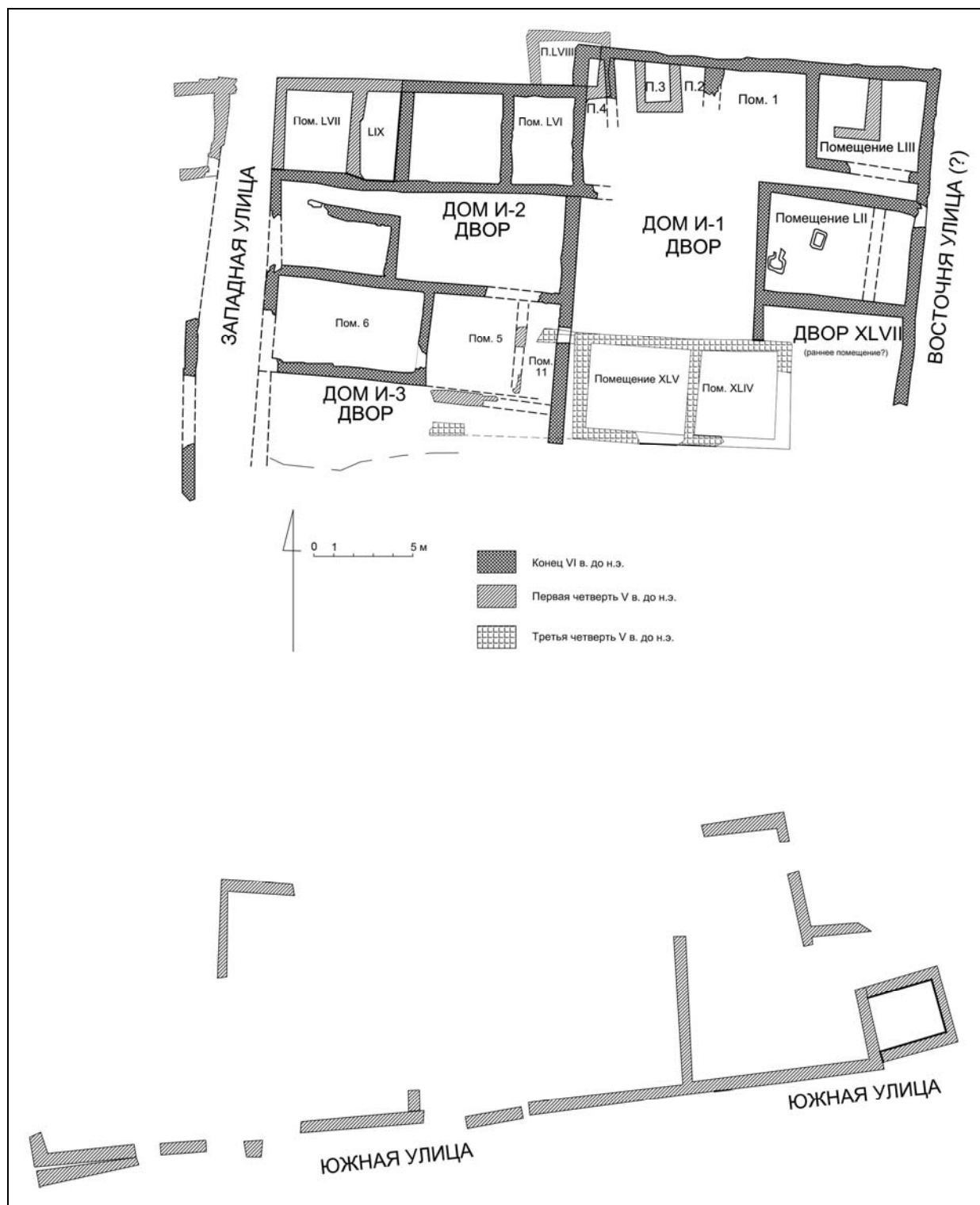
Рис. 9. Фанагория, раскоп «Верхний город». Сводный план строительных остатков архаического периода (по Кузнецов 2018; Кузнецов, Абрамзон 2020).

Fig. 9. Phanagoria, Upper Town excavation sector. Consolidated plan of construction remains of the archaic period (after Kuznetsov 2018; Kuznetsov, Abramzon 2020).

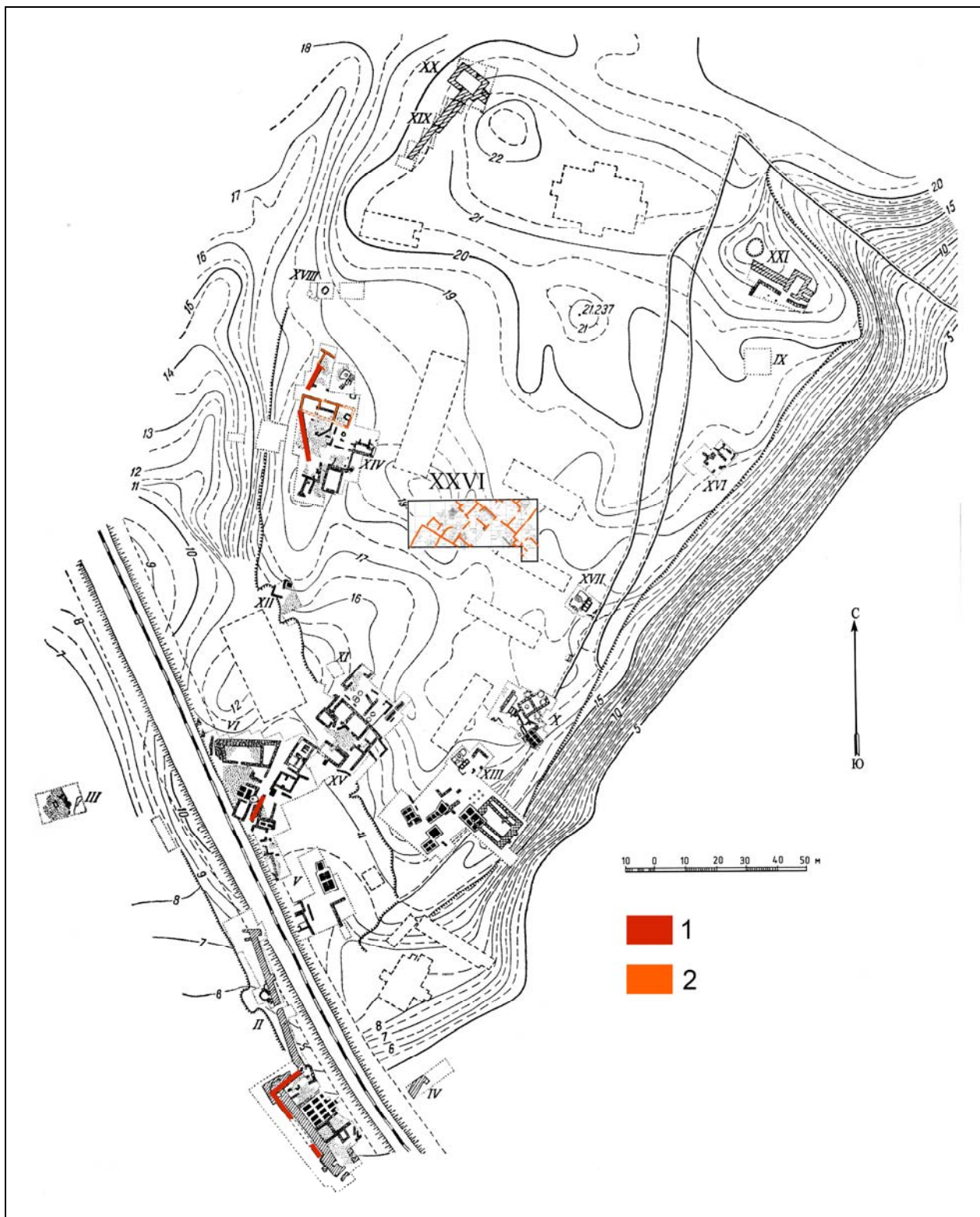
Рис. 10. Мирмекий (на основе топоплана А.П. Пигина, 2014 г.). Архаические и раннеклассические строительные остатки обозначены оранжевым цветом: 1 — укрепления акрополя; 2 — отрезок укреплений акрополя второй четверти V в. до н.э., раскрытый на раскопе «ТС» в 2005 г.; 3 — отрезок куртины оборонительной стены второй четверти—середины V в. до н.э., раскрытый на раскопе «Р»; 4 — остатки домов конца VI — начала V в. до н.э., предшествующие крепостной стене; 5 — отрезок архаической улицы; 6 — помещения архаических домов на раскопе «П»; 7 — часть архаического дома у скалы акрополя на раскопе «С»; 8 — архаические кварталы на раскопе «И».

Fig. 10. Myrmekion (based on the topographic map of A.P. Pigin, 2014). Archaic and early classical building remains are marked in orange: 1 — Acropolis fortifications; 2 — section of the fortifications of the acropolis of the second quarter of the 5th c. BCE, discovered at the “TC” excavation sector in 2005; 3 — section of the curtain of the defensive wall of the second quarter — the middle of the 5th c. BCE, discovered at the “P” sector; 4 — the remains of houses of the late 6th — early 5th c. BCE, preceding the fortress wall; 5 — section of an archaic street; 6 — premises of archaic houses at the sector “P”; 7 — part of an archaic house by the cliff of the Acropolis at the sector “C”; 8 — archaic blocks at the sector “I”.

Рис. 11. Мирмекий. Сводный схематичный план архаического квартала на раскопе «И» (по Бутягин, Чистов 2015) с поправками, учитывающими исследование восточной части дома И-3 в 2015 г. В нижней части плана отмечены архаические кладки к северу от «Южной» улицы, раскрытой в ходе раскопок В.Ф. Гайдукевича.

Fig. 11. Myrmekion. Consolidated schematic plan of the archaic city block at the excavation “I” (after Butyagin, Chistov 2015) with amendments to take into account the study of the eastern part of the house И-3 in 2015. In the lower part of the plan, archaic masonry to the north of Southern Street, discovered during the excavations of V.F. Gaydukevich.

Рис. 12. План Тиритаки с указанием раскопов 1932—1952 гг. (по Гайдукевич 1958). План раскопа XXVI помещен автором на основе его расположения на плане В.Н. Зинько (по Зинько 2015): 1 — ранняя оборонительная стена; 2 — участки архаической городской застройки.

Fig. 12. Plan of Tyritake indicating the excavations of 1932—1952 (after Gaydukevich 1958). Excavation plan XXVI was placed by the author on the basis of its location on V.N. Zin'ko' plan (after Zin'ko 2015): 1 — early defensive wall; 2 — sites of archaic urban built up area.

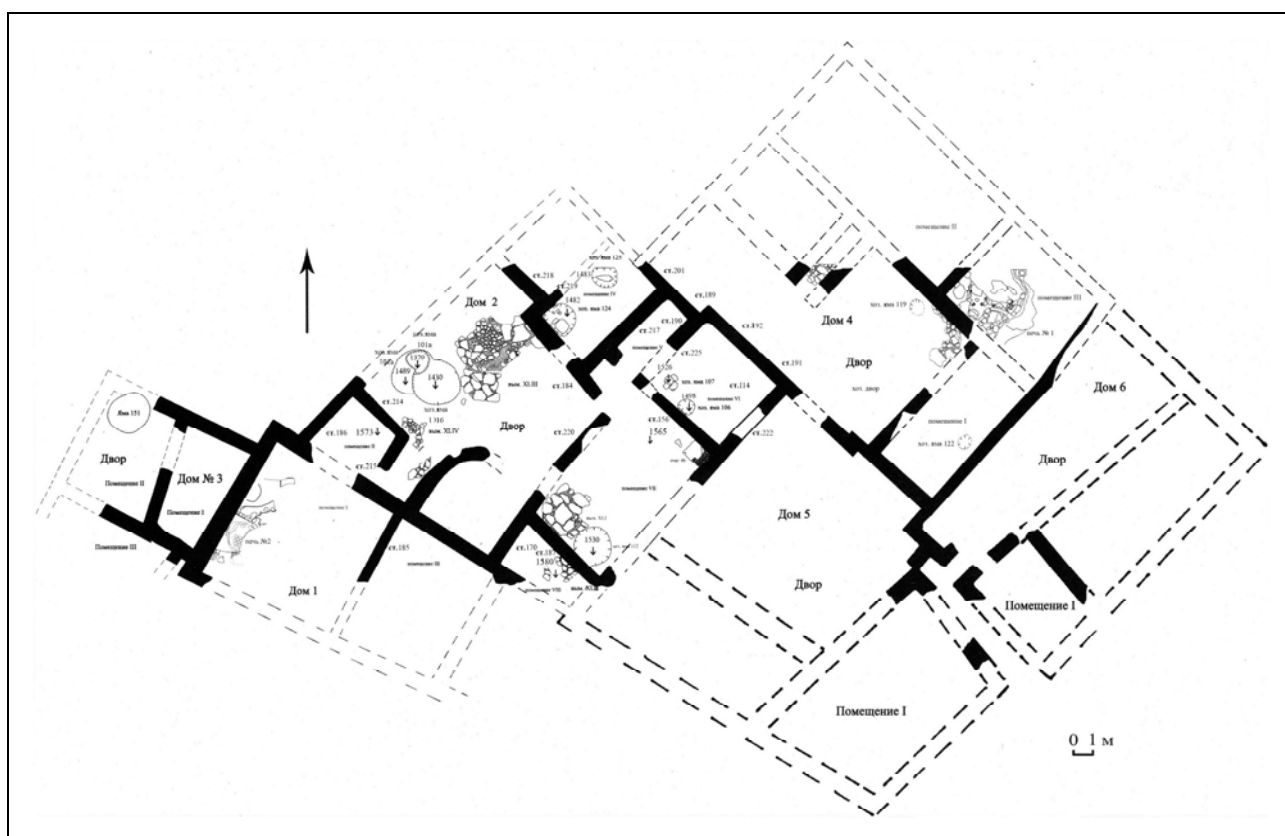

Рис. 13. Тиритака. Архаические постройки на раскопе XXVI (по Зинько 2014).

Fig. 13. Tyritake. Archaic buildings at excavation sector XXVI (after Zin'ko 2014).

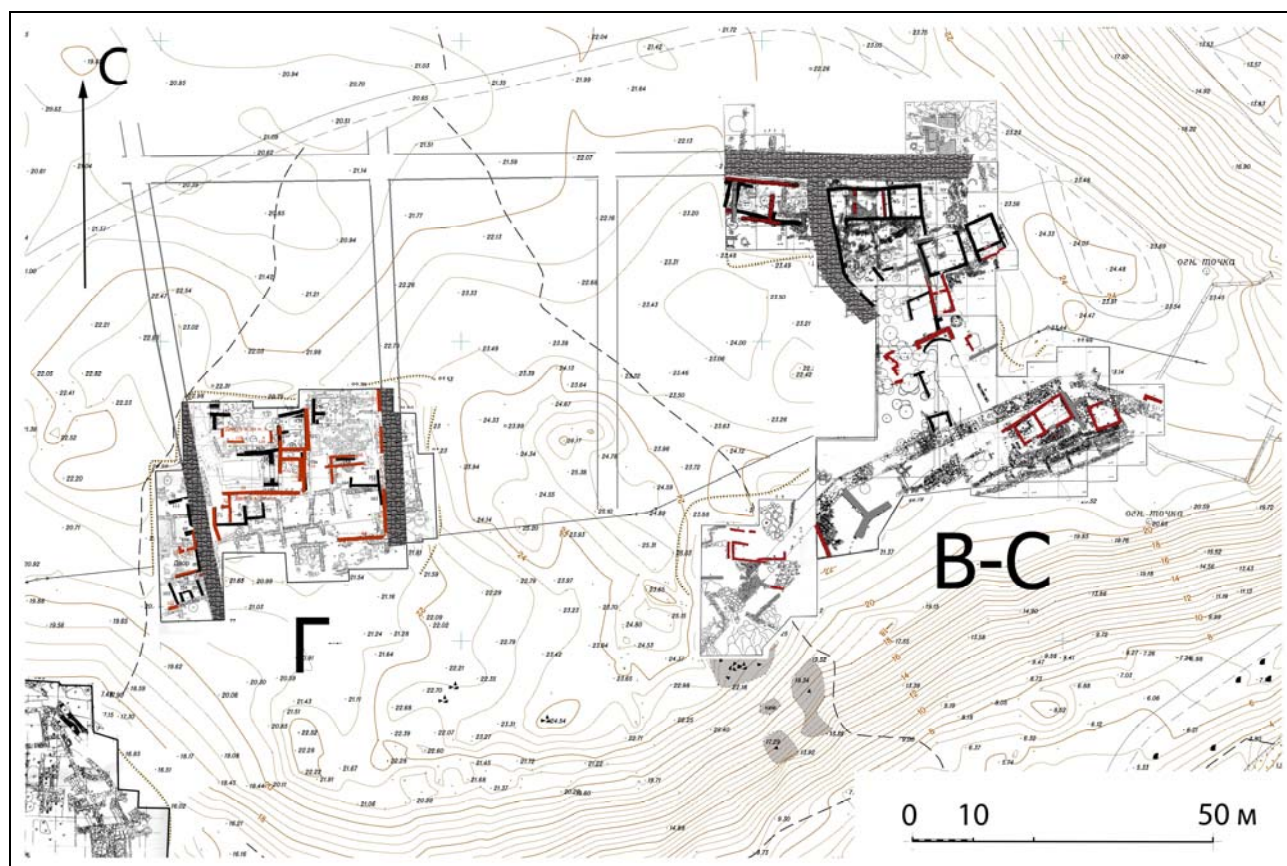

Рис. 14. Мысовая (восточная) часть Нимфея. Предполагаемая реконструкция уличной сети VI—V вв. до н.э. (по Чистов 2017: ил. 10).

Fig. 14. Cape (eastern) part of Nymphaion. The proposed reconstruction of the street network 6th — 5th cc. BCE (after Chistov 2017: fig. 10).

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.50.33.007

С.В. Полин, М.Н. Дараган

СКИФСКИЕ КАТАКОМБЫ С ДВУМЯ ВХОДНЫМИ ЯМАМИ.**Ч. 1. РИТУАЛЬНЫЕ КАТАКОМБЫ***

Одной из форм погребальных сооружений у скифов Северного Причерноморья во второй половине V—IV вв. до н.э. были катакомбы с двумя и даже тремя входными ямами. Такие катакомбы делятся на технические и ритуальные. Входы технических катакомб — разновременные: второй (и третий) связаны с подзахоронением второго и следующего покойников в существующую камеру. Ритуальные катакомбы содержат одиночные захоронения, но имеют по два входа, устроенных *одновременно*. Это объясняется, вероятно, некими ритуальными нормами, согласно которым отдельные действия по захоронению единственного покойника требовалось проводить параллельно, но через разные входы. Разновидностью ритуальных катакомб являются катакомбы-подбой. Вход в такой катакомбе — один, однако в камеру из него ведут два дромоса, разделенных тонким простенком, порой не достигающим свода. Полное или символическое разделение входа имело ритуальное назначение и семантически соответствует катакомбе с двумя входами. В курганах скифской элиты, вплоть до царского уровня, известны также парные одноактные захоронения мужчин и женщин в общих катакомбах, совершенные через два входа. Захоронения знати сопровождались захоронениями слуг, верховых коней, крупными и роскошными наборами разнообразных вещей. Публикуется выборка ритуальных катакомб: (а) с двумя входными ямами, (б) с двумя дромосами и (в) с парными захоронениями знати. Рассмотрены хронология комплексов, половозрастной состав погребенных, изменения конструкции катакомб с двумя входами.

Ключевые слова: скифы, Северное Причерноморье, погребальные сооружения, погребальный ритуал, хронология.

Сведения об авторах: Полин Сергей Васильевич¹, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Дараган Марина Николаевна², кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Контактная информация: ^{1,2}04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: ¹polin-archeo@ukr.net; ²darmar@ukr.net.

S.V. Polin, M.N. Daragan

SCYTHIAN CATACOMBS WITH TWO ENTRANCE PITS.**Pt. 1. RITUAL CATACOMBS**

One of the burial structure forms among the Scythians of the Northern Black Sea region in the second half of the 5th and the 4th century BCE were catacombs having two or even three entrance pits. The whole total of these is subdivided into technical and ritual ones. In the technical group, more pits have been added as soon as further deceased were introduced into a collective burial chamber a while after a chief burial is already made. Entrances leading into such catacombs are thus not coeval, while those directed into a ritual

* Наконечники стрел из публикуемых комплексов были обработаны М.Н. Дараган при поддержке фонда Герды Хенкель по теме «The production technology of Scythian Archery equipment: bow, arrows and quivers».

catacomb were arranged *simultaneously* to enter a burial chamber with a single person buried there. The presence of a second entrance pit can only be explained by certain ritual requirements, according to which some specific elements of the burial ritual associated with the interment of a single deceased should be carried out at once but only using different entrances. A special variety of ritual catacombs are those having single entrance pit bifurcated into passageways (dromoi) leading into the burial chamber and separated from each other by a thin wall which sometimes does not even reach up the ceiling. Such a partition of the entrance seems to have had an exclusively ritual purpose and the same meaning as a catacomb with two entrances. In the barrows of the Scythian elite, including those of royalty, paired burials with male and female bone remains are reported to be found in collective dual-entrance burial chambers. The noble ones are accompanied there by servants and riding horses and sumptuous burial goods. The paper presents a selection of ritual catacombs with (a) two entrance pits, (b) two dromoi, and (c) prestigious paired burials. Chronological positions of the barrows, age and sex distribution among the buried as well as durable changes in dual-entrance catacombs are among issues discussed in the paper.

Key words: Scythians, Northern Black Sea region, burial constructions, funeral practices, chronology.

About the authors: Polin Sergei Vasilyevich, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Daragan Marina Nikolaevna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: ^{1,2}04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhgradu, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; ¹polin-archeo@ukr.net; ²darman@ukr.net.

Введение

Около середины V в. до н.э. скифы Северного Причерноморья начали хоронить своих покойников в катакомбах, — погребальных сооружениях, состоящих из открытой вертикальной входной ямы и горизонтальной подземной камеры. Также продолжали совершаться погребения в подбоях¹, появившихся еще в период архаики, и реже в простых ямах, существовавших на протяжении всего скифо-сарматского времени. На протяжении второй половины V—IV вв. до н.э. конструкция катакомб развивается, в том числе в сторону сложных многокамерных сооружений, значительно варьируя по размерам, глубине и характеру размещения камеры относительно входной ямы, наличию или отсутствию дромоса, его протяженности и т.п. (Граков 1962; Ольховский 1977). Также погребальный обряд скифов эволюционировал от индивидуальных к коллективным захоронениям². Данная эволюция шла по двум направлениям. Появились единовременные парные и более захоронения в общей камере. Также в этот период начали практиковать подзахоронение некоторое время спустя членов семьи или рода в старую катакомбу через старую же входную яму. Но значительно большее распространение получили катакомбы со второй (очень редко и с третьей) входной ямой. О том, когда появились катакомбы с двумя входными ямами, какими были такие катакомбы и что это значило, и пойдет речь в нашем исследовании. Из-за обширности темы мы разделяем его на две части. В настоящей статье мы рассмотрим только катакомбы с двумя одновременными входными ямами, содержащими одиночные захоронения. Наличие второй входной ямы в таких катакомбах можно объяснить только некими ритуальными требованиями, согласно которым определенные элементы погребального ритуала могли быть осуществлены только через разные, но одновременные входные ямы.

---

¹ Подбой принято рассматривать как один из вариантов катакомбы. В данном случае для ясности изложения мы их разделяем.

² Изначально по сути коллективными были погребения скифской элиты, сопровождавшиеся захоронениями зависимых лиц.

Впервые скифская катакомба с двумя входными ямами была открыта в царском Александропольском кургане еще в 1855—1856 гг., где в катакомбу Центральной гробницы через длинный Восточный дромос протяженностью около 15 сажень (около 32 м) из второй входной ямой на восточном краю кургана было произведено подзахоронение. Грандиозность размеров всего сооружения в гигантском царском кургане мешала восприятию этого сооружения как общей катакомбы с двумя входными ямами (ДГС I. Атлас: табл. А). Еще одна катакомба с двумя входными ямами была открыта Н.И. Веселовским в 1914 г. в кургане Верхний Рогачик с захоронениями высшей скифской знати, где в длинный дромос Центральной гробницы³ посредине врезался второй еще более длинный дромос из второй входной ямы, находившейся на ЮВ краю кургана (ОАК 1913—1915: 136, рис. 218-б). В целом такие катакомбы всегда воспринимались как сложные погребальные конструкции в скифских царских курганах и внимание на них не акцентировалось.

Долгое время курганы рядовых скифов исследовались очень мало и ничего подобного в них не встречалось. Б.Н. Граков по состоянию источников на конец 1950-х гг. не упоминал катакомбы с двумя входными ямами в числе погребальных сооружений рядовых скифов Скифии (Граков 1964: 123—127).

Две единственные такие катакомбы были исследованы на Никопольщине в 1933 г. в группе II в кургане 4 Никопольского курганного поля (Граков 1962: 61) и в 1961 г. в кургане 1 у с. Кирово (Черненко 1967: 180—181, 189, рис. 1: 1—3). Но Б.Н. Граков не понял конструкцию катакомбы погребения 1 в кургане 4 группы II Никопольского курганного поля, раскопанной Ф.Н. Кирановым в 1933 г., и известной ему лишь по невнятным описанию и чертежу. Б.Н. Граков охарактеризовал это погребальное сооружение как «весьма сложное и не совсем ясное» и не стал публиковать его чертеж. И только в 1961 г. при посещении раскопок А.И. Тереножкина на Никопольщине в погребении 1 в кургане 1 у с. Кирово Б.Н. Граков впервые увидел катакомбу с двумя входными ямами. Только здесь он понял аналогичность конструкции катакомбы на Никопольском поле, объяснил это Е.В. Черненко и передал ему для публикации чертеж никопольской катакомбы (Черненко 1967: рис. 1: 3; 1990: 94—95, рис. 1, 2). Также Б.Н. Граков не упомянул данный тип катакомбы и в своей типологии скифских катакомб (Граков 1964).

После раскопок А.И. Тереножкина в Кирово в 1961 г. стало понятно, что такие катакомбы встречаются не только в царских курганах, но и в курганах нижних слоев скифского общества. Тем не менее, тип скифской катакомбы с двумя входными ямами еще долго оставался неизвестным большинству археологов (Черненко 1990: 94), поскольку они отсутствовали в публикациях скифских рядовых могильников Никопольского курганного поля, у с. Кут, в Широцанских курганах (Березовец 1960; Граков 1962; Бунятян 1977: 136), долгое время остававшихся единственным источником по погребальному обряду рядового населения Скифии.

Такое положение сохранялось вплоть до конца 1960-х гг. Только в 1968 г. на Гаймановом поле в Запорожской обл. и в 1969 г. в Каховской экспедиции в курганах у с. Вильна Украина на Херсонщине были исследованы первые две небольшие серии таких сооружений (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977: 159—161, 162—165, 168—169, 183—184, 198—199, рис. 8, 9, 11, 19, 36, 53). И если А.И. Тереножкин, исследовавший ранее подобные катакомбы в курганах у сс. Кирово и Беленькое (Черненко 1967: 180—181, рис. 1: 1—2; Тереножкин и др. 1973: 181—182), уже прекрасно понимал, с чем он имеет дело,

³ Правильное понимание конструкции основного погребения и его первичность в кургане Верхний Рогачик определил Ю.В. Болтрик (Болтрик 1997: 31). Ранее это захоронение считалось впускным и его конструкция трактовалась неверно (Лесков 1974: 41; Rolle 1979: 150—153).

то в Каховской экспедиции исследователям, не имевшим такого опыта, разобраться с катакомбами с двумя входными ямами было совсем непросто. Так в погребении 1 кургана 11 группы Вильна Украина-I вторая входная яма, севшая сверху на камеру и прорезавшая ее свод, была интерпретирована как грабительский ход. Также неверно была интерпретирована вторая входная яма и в погребении 2—3 в кургане 12 группы Вильна Украина-I, где вторая входная яма погребения 3 соединялась с общей камерой коротким дромосом весьма своеобразных очертаний (Лесков и др. 1969: 65—69).

Но по мере нарастания исследований скифских курганов на новостройках в 1970-х гг. в Нижнем Поднепровье количество открытий катакомб с двумя входными ямами быстро возрастало и такие катакомбы с двумя, и даже с тремя входными ямами стали вполне обыденным явлением (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977: 84—86, 149, рис. 10, 37; Бунятян, Чередниченко, Мурзин 1977: 59—62, 69—72, 81—82, 88—91, 99—101, 104, 113, рис. 1, 2; 1, 10, 12, 21, 28, 35, 39, 45; Чередниченко, Болдин 1977: 137, 144, рис. 11, 16; Полин 2014: 19—22, 108—111, рис. 7, 64). Уже в начале 1980-х гг. В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин отметили повсеместное распространение катакомб с двумя входными ямами в Скифии IV в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983: 165). Эта оценка была вполне реалистичной в плане количества, но явно преувеличенной в отношении повсеместности распространения.

В.С. Ольховский в своей новой типологии скифских катакомб 1977 г. учел все скифские курганы, исследованные вплоть до начала 1980-х гг. Вслед за Б.Н. Граковым, он объединил погребальные сооружения скифской элиты и рядового населения, справедливо видя в них общность конструкции, усложнявшейся у представителей скифской знати по мере возрастания социального уровня. В.С. Ольховский не выделил катакомбы с двумя входными ямами в особый вариант, а классифицировал их как обычные катакомбы с наличием второго входа (второй входной ямы) в рамках катакомб I и II типов (Ольховский 1977: 108—109). Также было установлено очень неравномерное распространение таких катакомб в Нижнем Поднепровье в частности, и в Скифии в целом. Представительные серии были открыты на Гаймановом поле и в могильниках у с. Верхне-Тарасовка. Единично такие катакомбы представлены на Никопольском курганном поле, в курганах в урочище Носаки, у г. Орджоникидзе и у с. Кут (Бунятян 1985: 148, табл. I), а также, как отмечалось выше, в курганах у сс. Кирово и Вильна Украина. В работе 1991 г. катакомбы с двумя и более входными ямами В.С. Ольховский выделил в группу «асинхронных захоронений». Он отнес их появление к первой половине IV в. до н.э. и отметил сравнительную редкость в общей массе скифских погребений Северного Причерноморья. Катакомбы с двумя входными ямами по его данным наиболее распространены в Поднепровской (62), Поднеэстровской (16) и Ингулецкой группах (5), где составляют 8—10%. Имеются они и в Ягорлыцко-Каланчакской группе (4) (Ольховский 1991: 6, 101, табл. 14).

В начале 2000-х гг. непосредственно на катакомбы с двумя одновременными входными ямами обратил внимание В.С. Синика по материалам погребений 3 и 7 у с. Мерень в Поднеэстровье, выделивший их в отдельный тип (Синика 2007: 15) и Ю.С. Гребенников на примере раскопанного им кургана 6 у с. Тимофеевка (Гребенников 2008: 71). Однако, изучение неопубликованных материалов раскопок различных новостроечных экспедиций 1970—1980-х гг. показало, что такие катакомбы были открыты значительно раньше и их ареал охватывает степную территорию от Нижнего Днестра до Нижнего Днестра⁴.

⁴ По мнению В.С. Синики, такие катакомбы не были известны В.С. Ольховскому и потому не вошли в его типологию. Однако это не так. В.С. Ольховский рассматривал катакомбы с двумя входными ямами как усложненные варианты выделенных им типов катакомб, не выделяя их в отдельные типы. Сказать, что он их не

В нашей базе данных (ГИС «Курганы Украины») на сегодняшний день учтено 179 катакомб преимущественно с двумя и несколько с тремя входными ямами. В процессе их изучения выяснилось, что не все катакомбы с двумя входными ямами являются асинхронными.

Катакомбы с двумя или тремя входными ямами резко разделяются на две группы, которые мы назвали «**технической**» и «**ритуальной**». В «технической» группе две или три входные ямы являются последовательными, вырытыми какое-то время спустя для подзахоронения новых покойников в уже существовавшую камеру. В отличие от «технических», «ритуальные» катакомбы имеют только по две входных ямы, вырытых одновременно, и содержат одно захоронение. В «ритуальной» группе имеется вариант, в котором из одной входной ямы в общую камеру ведут два отдельных входа. В предлагаемой статье мы рассматриваем только «ритуальную» группу. «Техническая» группа катакомб с двумя или тремя входными ямами слишком велика по объему и будет проанализирована позднее в отдельной статье.

«**Ритуальная**» группа катакомб с двумя одновременными входными ямами предназначалась лишь для одного погребенного. Наличие двух входных ям или двух входов в одну камеру из одной входной ямы было обусловлено исключительно неизвестными нам обрядовыми требованиями, когда через одну входную яму или один вход в камеру не могли быть внесены некие вещи вместе с покойником или совершены определенные ритуальные действия, и для них требовался второй вход (Бидзиля, Полин 2012: 181—182).

«Ритуальные» катакомбы также были поняты исследователями далеко не сразу. В 1972 г. в кургане 16 у с. Софиевка было исследовано неграбленное погребение воина в катакомбе с двумя входными ямами. Не смотря на то, что погребение оказалось неграбленным, обе входные ямы забутованы камнем и их заполнение не было нарушено, вторая входная яма была названа грабительским колодцем (Лесков и др. 1972: 48—50, альб. II: табл. IX—XI).

В целом мы располагаем данными о 14 катакомбах с двумя входными ямами с погребениями невысокого социального уровня, где вытянутая длинная катакомба, содержащая одиночное захоронение, имеет две входные ямы, расположенные на ее окончаниях. Благодаря тому, что 6 погребений избежали ограбления и сохранились полностью, а остальные, не смотря на ограбления, достаточно информативны, можно дать сравнительно полную характеристику «ритуальной» группы (табл.: 1—14). Имеется также 7 захоронений вплоть до царского уровня с двумя входами, реальными или символическими, из одной входной ямы в общую камеру (табл.: 18—26). Известно также 3 захоронения с двумя одновременными входными ямами в курганах высшей скифской знати. В отличие от катакомб рядового скифского населения, в этих курганах в таких катакомбах захоронения парные, — мужчина и женщина, — сопровождавшиеся захоронениями сопровождающих лиц, своеобразной свиты, и коней. Также имеется информация о четырех рядовых захоронениях с двумя входами из одной входной ямы в общую камеру, а также о трех подобных захоронениях в курганах скифской знати. Последние сопровождались захоронениями зависимых лиц и коней (табл.: 15—17).

Приступим к рассмотрению⁵.

знал, нельзя, поскольку В.С. Ольховский полностью обработал все материалы раскопок в Северном Причерноморье, проведенных вплоть до начала 1980-х гг.

⁵ В описании погребений использованы следующие сокращения: ДГ (древний горизонт), КЖ (кости животных) и т.п.

1. с. Вильна Украина, Каховский р-н Херсонской обл. Группа Р-I/III, курган 3. Раскопки А.М. Лескова в 1970 г. (Лесков и др. 1970: 67—68).

В уничтоженном распахкой кургане 3 открыто скифское погребение 1 в длинной узкой катакомбе с двумя синхронными входными ямами, размещенными на ее окончаниях (рис. 1: 1, 2). Овальные входные ямы № 1 и 2 ориентированы по линии С—Ю. Имели практически равные размеры (1,2 × 1 м и 1,1 × 1 м) и глубину (1,0 м и 1,1 м). Двумя ступеньками опускались до глубины 1,5 м и 1,45 м ко входам в катакомбу. Единственное отличие — входная яма № 1 соединялась с камерой коротким наклонным дромосом протяженностью 0,8 м, высотой 0,6 м и шириной 0,8 м, входная яма № 2 соединялась с камерой непосредственно. В заполнении входной ямы № 2 найден бронзовый наконечник стрелы. Вход в катакомбу размерами 0,8 × 0,5 м имел арочный свод. Длинная катакомба с выпуклыми продольными стенками, размерами 2,2 × 1,2 м, ориентирована по линии З—В. Дно понижалось с З на В с 1,65 до 1,75 м. Свод дромоса и камеры полностью обвалились. Первоначальная высота свода не превышала 0,8 м (рис. 1: 1).

Костяк мужчины зрелого возраста по определению С.И. Круц (Круц и др. 1986: 322) лежал вытянуто на спине головой на В. Руки несколько раскинуты в стороны. Ноги слегка согнуты и раздвинуты в коленях. Возле черепа в ЮЗ углу камеры лежали КЖ с ножом (1), — остатки напутственной пищи, — на которых лежал наконечник копья (2). Возле стопы правой ноги лежал вток древка копья (3). Длина копья достигала 1,85 м. Возле левого бедра и в районе таза собраны 16 наконечников стрел (4).

Описание находок

1. Цельная костяная полированная ручка железного ножа. Представляет собой тонкую пластину, срезанную с трубчатой кости. В сечении дуговидная со скругленными гранями. Клинок широким прямоугольным черенком крепился двумя железными заклепками к верхней части рукояти с одной стороны. Подобный способ соединения ручки с клинком ножа крайне редок, если не уникален. Во всяком случае, аналогии нам неизвестны. Размеры: ширина 1,6—2,0 см, толщина 0,5 см, длина 11,5 см (рис. 2: 16).

2. Железный наконечник копья: сохранились обломки пера (рис. 2: 18) и коническая втулка с муфтой по краю основания. Сохранившаяся длина втулки 10 см, диаметр внешний 3,0 см, внутренний 1,9 см (рис. 2: 19).

3. Железный короткий цилиндрический вток древка копья. Длина 5,3 см, диаметр внешний 2,0 см, внутренний 1,2 см (рис. 2: 17).

4. 17 (с учетом наконечника из входной ямы № 2) бронзовых наконечников стрел. Сохранилось 15 экземпляров⁶:

— 2 трехлопастных с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Во всех трех ложках имеется литая метка в виде крестовидного креста (рис. 2: 1—2).

— 2 трехгранных с треугольной головкой, сильно сточенным П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и скрытой втулкой. Концы граней свисают ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 2: 3—4).

— 2 трехгранных с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ высоты головки и скрытой втулкой. Основания ровно обрезано (рис. 2: 5, 6).

⁶ Описание наконечников стрел здесь и далее дано согласно типологии наконечников горизонта крестовидных меток (крестовидного) второй половины V — начала IV вв. до н.э. (Дараган 2021).

— 3 трехгранных с треугольной головкой, скрытой втулкой, миниатюрным П-образным ложком и треугольной выемкой в основании (рис. 2: 7—9).

— 6 трехгранных с треугольной головкой, скрытой втулкой и треугольной выемкой в основании (рис. 2: 10—15).

2 наконечника с литыми крестовидными метками (рис. 2: 1, 2) характерны для горизонта крестовидных меток на наконечниках стрел второй половины V — начала IV вв. до н.э. (Дараган 2019: 161—162). Трехгранные наконечники со скрытой втулкой появляются на втором этапе горизонта крестовидных меток в третьей четверти — конце V в. до н.э. К этому времени относится и внедрение узких трехгранных наконечников с ложком на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ высоты головки. Эти данные позволяют датировать погребение 1 в кургане 3 группы Р-I/III у с. Вильна Украина концом V — началом IV в. до н.э. (Дараган 2021).

2. с. Вильна Украина, Каховский р-н Херсонской обл. Группа Р-I/III, курган 7. Раскопки А.М. Лескова 1970 г. (Лесков и др. 1970: 70—71).

В распаханном кургане высотой 0,8 м открыто скифское погребение 1. В 10 м к СВ от центра на уровне ДГ обнаружены остатки тризны — обломки амфор и череп лошади.

Погребение 1 совершено в длинной узкой катакомбе с двумя синхронными входными ямами, размещенными на окончаниях катакомбы. Входные ямы № 1 и № 2 соответственно подпрямоугольной и овальной формы, размерами 1,45 × 1 м и 1,4 × 1,1 м, ориентированы по линии С—Ю. На глубине 1,7 м и 1,3 м в каждой из них оставлено по широкой продольной ступеньке. Во входной яме № 1 на 0,3 м ниже ступеньки вдоль боковых стенок ямы оставлены поперечные уступы шириной 0,3 м. Глубины ям 2,2 и 2,1 м. Плавными наклонными спусками дно обеих ям переходило короткими дромосами протяженностью 0,8—0,9 м в общую длинную узкую камеру, вытянутую с З на В. Ширина входов в камеру составляла соответственно 1,1 м и 1,4 м. Общая протяженность камеры с дромосами достигала 4 м. Высота свода 0,6—0,7 м. Размеры самой камеры не превышали 2,2 × 1,4 м, что позволяло разместить лишь одного погребенного. Погребение было ограблено в древности через входную яму № 2 и практически полностью уничтожено. В СЗ углу сохранились на месте лопатка и другие кости крупного животного — остатки напутственной пищи. В СВ угол под стенку были отброшены кости человека. Ребра животного и отдельные мелкие человеческие кости были найдены также и под Ю стенкой камеры (рис. 3: 1, 2). В придонном слое найдены золотая проволочная скоба от серьги (1), наконечник стрелы (2), два втока (3), обломки краснофигурного килика (4).

Описание находок

1. Золотая проволочная скоба от крупной калачиковидной серьги типа Новоселки — Чмырева Могила. Золото 333°, размеры 4,1 × 2,1 см, вес 1,66 г. Хранится в МИДУ, Инв. № АЗС-2437 (рис. 4: 3) (Клочко, Білан, Березова, Величко 2021: 91, № 115). Эта находка представляется чрезвычайно важной для уточнения датировки позднейших калачиковидных сережек. Наша находка надежно датируется по краснофигурному килику с росписью мастера «Q» первой четверти IV в. до н.э. (см. ниже).

2, 3. Бронзовый наконечник стрелы и два железных цилиндрических втока древков копий или дротиков. Находки не сохранились, их изображения отсутствуют.

4. Два обломка краснофигурного килика с изображениями двух юношей, обращенных друг к другу. Внутри чаши на венчике изображена гирлянда из винограда и плюща. На одном из фрагментов имеются две дырочки — следы ремонта (рис. 4: 1, 2, 4, 5). На

сегодняшний день существует один фр-т и имеются фотография и прорисовка изображения второго фр-та. Килик по форме аналогичен килику, найденному во впускной гробнице кургана Солоха. По материалам Афинской Агоры такие килики изготавливались на протяжении последней четверти V — начала второй четверти IV вв. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: № 617—623; Полин 2014: 244). Датировку нашего килика уточняет характерная краснофигурная роспись мастерской мастера «Q» первой четверти IV в. до н.э. (Ure 1944: 75, № 31, 43, Pl. IV: 31, 43; Передольская 1963: 43—44, 46—47, рис. 12: 5; Beazley 1963: 1514—1515, 1519—1521; Горбунова 1977: 45; Полин 2014: 396, рис. 337).

3. с. Вильна Украина, Каховский р-н Херсонской обл. Группа Р-I/III, курган 44. Раскопки А.М. Лескова 1970 г. (Лесков и др. 1970: 100—101).

В уничтоженном распашкой кургане открыто скифское погребение 1 в длинной узкой катакомбе с двумя синхронными входными ямами на ее окончаниях. Прямоугольные входные ямы ориентированы по линии В—З и близки по размерам — соответственно $2,0 \times 1,0$ м и $2,0 \times 1,25$ м, по ступенчатой конструкции и глубине 2,7 и 2,8 м. Опускались наклонными спусками ко входам в катакомбу, находившуюся между ними, до глубины 3,1 м. Входы в катакомбы равной высоты в 0,75 м с обеих сторон были закрыты известняковыми плитами близких размеров. Погребение 1 было ограблено через входную яму № 1, для чего каменная плита, закрывавшая вход, была отклонена в сторону (рис. 5: 1, 2).

Овальная катакомба размерами $2,3 \times 1,6$ м ориентирована по линии З—В. Высота арочного свода не превышала 0,8 м. Дно на глубине 3,1 м. На дне отмечены следы дерева и белой посыпки. Погребение ограблено и полностью разрушено. Размеры камеры предполагают захоронение в ней не более одного человека. В заполнении найдены разрозненные человеческие кости, обломок наконечника копья (1), фр-т ножа (2), обломок скобы (3), наконечник стрелы (4), ворварка (5), стеклянные бусины (6).

Описание находок

1. Обломки втулки железного наконечника копья с остатками древесины древка внутри. Сохранившаяся длина 5 см, диаметр 1,5 см (рис. 5: 8).

2. Фр-т железного клинка ножа с горбатой спинкой и прямым лезвием. С одной стороны сохранился отпечаток ткани мельчайшего плетения. Сохранившиеся размеры $3,2 \times 1,7$ см (рис. 5: 7).

3. Обломок железной П-образной скобы со следами дерева на внутренней поверхности. Длина перекладки 2,5 см (рис. 5: 6).

4. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, маленьким П-образным ложком и слабыми дуговидными выемками в основании граней. Высота 3,0 см (рис. 5: 5). Трехгранные наконечники с таким ложком появляются в первой четверти IV в. до н.э.

5. Костяная ворварка усеченно-конической формы с остатками костяной трубочки, вставленной в ее отверстие. Смысл этой вставки неясен. Высота 0,7 см, диаметры оснований 1,4 см и 0,8 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 5: 4).

6. Четыре амфоровидных бусины из полупрозрачного бесцветного стекла с мелким поперечным отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 5: 3). Такие бусы Е.М. Алексеева выделила в тип 193д, по ее данным датирующийся IV—III вв. до н.э. и I в. н.э. (Алексеева 1978: 61, 74, рис. 15, табл. 34: 40). А.С. Островерхов по материалам скифских, савроматских и меотских курганов уточнил их датировку в пределах V—IV вв. до н.э. (Островерхов 1985: 100). В Восточном Средиземноморье такие бусины датируются

концом VII—V вв. до н.э. (Spraer 2001: 163, № 288—289). Наши амфорки подтверждают датировку IV в. до н.э., что свидетельствуют находки в женской гробнице Мелитопольского кургана 350—340 гг. до н.э. и в кургане 15 Золотобалковского могильника второй — начала третьей четверти IV в. до н.э. (Тереножкин, Мозолевский 1988: 110, рис. 124: л; Полин 2014: 294, 475, рис. 76).

4. с. Семеновка, Каховский р-н Херсонской обл. Курган 4. Раскопки А.М. Лескова 1972 г. (Лесков и др. 1972: 74, альб. III: табл. IV).

В распаханном кургане высотой 0,6 м открыто скифское погребение 1 в длинной узкой катакомбе с двумя синхронными входными ямами на ее окончаниях. К С от входной ямы № 1 на уровне ДГ зафиксированы остатки распаханного материкового выкида — полоса глины неправильных очертаний протяженностью около 2 м шириной до 0,5 м. Курган окружал кольцевой ров диаметром 20 м В заполнении рва, в основном в его 3 части, встречались остатки тризны, — несколько фр-тов амфор и КЖ.

Овальные входные ямы размерами соответственно $1,2 \times 1,05$ м и $1,7 \times 1,2$ м ориентированы по линии ЗЮЗ—ВСВ. Наклонными стенками и несколькими мелкими ступеньками спускались до глубины соответственно 2,05 и 2,2 м ко входам в общую катакомбу. Высота входов в камеру около 1 м. Во входной яме № 2 во входе в камеру в дне вырыта неглубокая поперечная канавка шириной 0,5 м и глубиной 0,1 м, вероятно, предназначенная для установки каменного заклада входа в камеру.

Узкая длинная камера шириной 0,75—1,1 м протяженностью около 2 м безусловно была рассчитана на размещение одного покойника. Дно на глубине 2,9 м. Высота свода камеры 0,7—1,4 м (рис. 6: 1, 2). Расширение камеры в 3 части указывает на ориентировку скелета головой на 3. Погребение ограблено и полностью уничтожено. В заполнении камеры найдены 14 наконечников стрел (1), 3 втулки и обломок пера наконечников копий. Последние в коллекции отсутствуют, описания и изображения также не имеется.

Описание находок

1. Четырнадцать бронзовых трехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой. Сохранилось десять наконечников следующих разновидностей:

— с гладкой головкой и небольшой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней (рис. 6: 3—9).

— с П-образным ложком на $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ высоты головки и слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 6: 10, 12).

— с П-образным ложком на $\frac{1}{3}$ высоты головки и ровно обрезанным основанием (рис. 6: 11).

Трехгранные наконечники появляются не ранее третьей четверти — конца V в. до н.э., трехгранный с П-образным ложком $\frac{1}{3}$ высоты головки, аналогичен наконечнику из кургана 3 у с. Вильна Украина группы Р-I/III (рис. 2: 5). Такие наконечники использовались в конце V — первой четверти IV в. до н.э., что и определяет дату погребения.

5. с. Софиевка, Каховский р-н Херсонской обл. Курган 16, погребение 1. Раскопки А.М. Лескова в 1972 г. (Лесков и др. 1972: 48-50, альб. II: табл. IX—XI).

В распаханном кургане высотой 0,85 м открыто скифское погребение 1 в прямоугольной катакомбе с двумя синхронными входными ямами, расположенными на ее окончаниях. Обнаружены остатки кольцевой крепиды диаметром 9—10 м из мелких известняковых

камней, окружавших курган, а также пятно материкового выкида площадью 8×6 м толщиной 0,35 м, лежавшего на уровне ДГ в центре.

Округлые входные ямы размерами соответственно $1,15 \times 0,9$ м и $1,0 \times 1,0$ м ориентированы по линии С—Ю. Обе ямы на всю глубину в 2,1 м были забутованы известняковыми камнями. Во входной яме № 1 также прослежен заклад входа в камеру из 6 плит размерами до $0,6 \times 0,4 \times 0,15$ м. Во входной яме № 2, поскольку она изначально считалась грабительским ходом, на такие подробности внимания не обратили. Устье входов в камеру с арочными сводами имели размеры $1,0 \times 0,7$ м. Прямоугольная катакомба размерами $2,35 \times 1,4$ м ориентирована по линии В—З. Дно на глубине 2,35 м. Свод камеры обвалился. Его первоначальная высота не превышала 1,0 м.

Вдоль С стенки камеры лежал скелет мужчины вытянуто на спине головой на З. Череп повернут влево. Правая рука несколько отведена в сторону, левая вытянута вдоль тела. В результате деятельности мелких землероев оказались смещенными локтевые кости правой руки, исчезли кости правой и левой кистей, локтевые кости правой руки сдвинуты к левой тазовой и левой бедренной костям. За головой лежал чернолаковый кувшинчик (1). Вдоль правой стороны скелета лежали три копыя. Наконечники находились выше черепа, а три подтока древков этих копий лежали на уровне стоп (2). Длина копий составляла 2,05—2,1 м. Под правой рукой лежал меч (3). У левого бедра находился колчан. Семьдесят три наконечника стрел из него были разбросаны грызунами вдоль левой стороны скелета на уровне от локтя до стопы. Два наконечника найдено в области грудной клетки и 1 в заполнении входной ямы № 2 (4). Под левым бедром лежало точило (5). Вдоль Ю стенки камеры лежали ребра и нога коня — остатки напугтенной пищи, посередине стояла амфора, вкопанная в дно камеры на 12 см (6). (рис. 7: 1,2). По античной керамике комплекс датируется в пределах третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 228, рис.152).

Описание находок

1. Миниатюрный чернолаковый кувшинчик с профилированным венчиком, покатыми плечиками, грушевидным туловом на кольцевом профилированном поддоне. Петлевидная ручка, линзовидная в сечении, прикреплена окончаниями к венчику и плечику. Верхний край петли ручки поднят выше венчика. Высота кувшинчика 8,6 см, диаметр венчика 4,5 см, диаметр тулова 6 см, поддона 3,5 см (рис. 8: 1, 2). Кувшинчик не сохранился. Известен по рисунку в отчете и фото С.В. Полина 1974 г. По материалам Афинской Агоры датируется второй половиной V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: № 278—282; Полин 2014: 228, рис. 152: 2).

2. Три железных наконечника копий и три подтока древков. Наконечники остролистной формы, ромбические в сечении, с коническими втулками. Длина пера 37—40 см, втулок 11 см, диаметры оснований втулок 2,0 см и 2,3 см (рис. 8: 6). Подтоки цилиндрические, трубчатые, свернуты из пластин толщиной до 3 мм. Длина подтоков 6,5 см, диаметр 2 см (рис. 8: 3, 4). Наконечники и подтоки не сохранились, известны по рисункам в отчете.

3. Меч железный, с линзовидным в сечении клинком, бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием. На большей части клинка посередине откованы длинные узкие параллельные каннелюры. Общая длина 63 см, длина клинка 52 см, длина рукоятки 12 см, ширина клинка у перекрестья 6,5 см. На клинке сохранились остатки деревянных ножен с костяной обоймой на конце. Меч не сохранился, имеется только рисунок в отчете части клинка с характерными каннелюрами (рис. 8: 5).

4. Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел на сегодняшний день не сохранились. Известны по рисунку С.В. Полина 1974 г., где представлены типы наконечников из этого колчана без указания численности (Полін 1987: рис. 13: 31—42). Среди них выделяются:

— с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов (рис. 8: 7, 8);

— с треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. Концы лопастей свисают в виде острых шипов ниже обреза втулки (рис. 8: 9);

— базисные с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с ровно обрезанным основанием или слегка свисающими остриями лопастей ниже обреза втулки (рис. 8: 10, 12);

— с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов, в том числе и свисающими ниже обреза втулки. У некоторых наконечников во всех трех ложках имеется литая метка в виде креста (рис. 8: 11, 13, 16—18);

— с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки, скрытой втулкой, остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 8: 14);

— с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и скрытой втулкой, острием одной лопасти, опущенной ниже обреза втулки в виде шипа (рис. 8: 15).

Наконечники стрел относятся к горизонту крестовидных меток второй половины — конца V в. до н.э. (Дараган 2019: 161—168; 2021).

5. Точило гранитное овальной формы, диаметр его 6 см, толщина 3 см. Не сохранилось, изображение отсутствует.

6. Амфора остродонная, светлоглиняная с коническим туловом, с расширяющейся книзу ножкой с выемкой на пятке снизу. Под венчиком и по верху ручек нанесена полоса красной краски. Высота 63 см, диаметр венчика 9 см, высота горла 15 см, максимальный диаметр тулова 21 см, высота ручек 17 см. Амфора не сохранилась. Известна по фотографии С.В. Полина 1974 г. (рис. 7: 3). Относится к пифоидным амфорам Менды серии I-A-3 третьей четверти V в. до н.э. по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 90, табл. 60: 4; Полин 2014: 228, рис. 152: 1).

6. с. Глухое, Томаковский р-н Днепропетровской обл. Курган 4, погребение 3. Раскопки Л.П. Елиновой в 1984 г. (Елинова и др. 1984: 5—6, рис. 9—15)⁷.

В уничтоженном распахкой кургане 4 открыто основное скифское погребение 3 в длинной узкой катакомбе с двумя синхронными входными ямами на ее окончаниях. В 1 м к ЮВ от погребения 3 открыты детские погребения 1 и 2 в простых грунтовых ямах размерами 1,45 × 0,4 м и 1,4 × 0,7 м и глубиной 1,3 м, расположенные рядом и параллельно друг другу. Погребения 1 и 2 ориентированы по линии ЮЗ—СВ. Ямы погребений 1 и 2 заполнены черноземом, смешанным с глиной и битым известняком. В погребении 1 обнаружен скелет ребенка, лежавшего вытянуто на спине головой на ЮЗ, в погребении 2 найдены остатки разрушенного детского скелета, по-видимому, грызунами. Погребение 1 безинвентарное, в погребении 2 найден мелкий невыразительный обломок медной пластинки. Судя по

⁷ Мы искренне признательны за предоставленную возможность полноценного исследования материалов этого погребения и разрешение его опубликовать директору Днепропетровского областного центра охраны историко-культурных ценностей Лидии Николаевне Голубчик и Майе Иосифовне Сердюк, хранителю археологической коллекции Днепропетровского национального исторического музея им. Д.И. Яворницкого.

расположению, детские погребения 1 и 2 сопровождали основное погребение 3. В центре кургана на глубине 0,5 м обнаружен развал массивной амфоры (1) — остатки поминальной тризны, связанной с основным погребением 3.

Округлые входные ямы погребения 3 размерами 1,0 × 0,7 м и 0,95 × 0,7 м, глубиной 1,2 и 1,4 м расположены по линии ЮЗ—СВ на расстоянии 2 м друг от друга. Обе ямы были забиты камнями (известняк). Входы в камеру закрывали наклонные плиты. Прямоугольная катакомба размерами 2,35 × 1,45 м ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Дно на глубине 1,7 м. Свод обвалился. Вдоль СЗ стенки камеры лежал скелет мужчины преклонных лет вытянуто на спине головой на ЮЗ. Под левым локтем обнаружено пятьдесят наконечников стрел (2). Справа от погребенного на своеобразном материковом «столике» размерами 0,95 × 0,65 м, приподнятом над дном камеры на 0,1 м, лежали кости грудины овцы с ножом (3) — остатки напутственной пищи. Здесь же на «столике» розеткой были выложены семь мелких камешков (4) (рис. 9: 1).

Описание находок

1. Амфора — представлена фр-тами горловины. Имеются обе ручки (одна полноразмерная) с венчиками и несколько крупных обломков стенок. Высота ручки 11 см, сечение линзовидное, в основании пальцевое вдавление, (рис. 9: 8). Принадлежат амфоре на сложнопрофилированной ножке производства неустановленных центров северной Эгеиды 4-й или 5-й серий по С.Ю. Монахову, датирующихся в пределах первой половины V в. до н.э. (Монахов 2003: 41, табл. 25: 1—5; 26: 1—6).

2. Пятьдесят бронзовых втульчатых наконечников стрел:

— трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов. Во всех ложках на втулке имеются литые метки в виде двух параллельных углов, направленных вершинами вверх. Высота 3,5 см, вес 2,94 г (рис. 10: 1);

— трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов. Высота 3,5—1,5 см, вес 1,19—3,2 г. Некоторые наконечники сильно сточены (рис. 10: 2—17, 11: 12);

— трехлопастные с вытянутой узкой треугольной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей подрезаны под прямым или тупым углом. Высота 3,5—2,3 см, вес 1,9—2,3 г (рис. 10: 18—23);

— трехлопастные башневидные с прямоугольным абрисом головки и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, один может быть заострен в виде шипа. Высота 3,4—2,2 см, вес 1,44—3 г (рис. 10: 24, 25, 11: 1—6);

— трехлопастные с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов, в том числе и свисающими ниже обреза втулки (рис. 11: 7—11). У одного наконечника во всех ложках имеется литая метка в виде креста (рис. 11: 9). Высота 2,5—2,8 см, вес 1,8—3,43 г;

— трехлопастные базисные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой и окончаниями лопастей, обрезанными вровень с основанием втулки. У одного наконечника концы лопастей опущены ниже обреза втулки, при этом один из них более длинный и свисает в виде шипа. Высота 1,8—2,4 см, вес 1—2,5 г (рис. 11: 13—16);

— трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. Острия лопастей вровень с обрезом втулки или свисают ниже обреза. Высота 1,7—3 см, вес 1,3—2,17 г (рис. 11: 17—24);

— трехгранный со сводчатой головкой, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием. Высота 2,1 см, вес 2,95 г (рис. 11: 25).

В наборе присутствуют трехлопастные башневидные наконечники с прямоугольным абрисом головки, типичные для башневидного горизонта первой половины V в. до н.э. и наконечники с крестовидными метками, а также метками в виде параллельных углов, направленных вершинами вверх, характерных для первой фазы горизонта крестовидных меток (Дараган 2019: 161—168; 2021). Это позволяет датировать колчан из Глухого не позднее середины V в. до н.э.

3. Железный нож с горбатой спинкой и вогнутым лезвием, с остатками костяной ручки на обломанном черенке. Сохранившаяся длина 11,5 см (рис. 9: 9).

4. Семь камней неправильной ассиметричной формы и один сфероид достаточно правильной формы. Поверхность камней гладкая, на некоторых заметны трещины и имеется черный налет. Размеры и вес камней соответственно $3,0 \times 2,8 \times 3,4$ см, вес 69,95 г; $5,0 \times 2,3 \times 3,2 \times 3,8$ см, вес 88,47 г; $3,0 \times 2,2 \times 2,5$ см, вес 40,44 г; $3,2 \times 2,2 \times 3,4$ см, вес 58,35 г; $3,3 \times 2 \times 2,5$ см, вес 38,74 г; $5,0 \times 2,2 \times 4,5$ см, вес 64,25 г (рис. 9: 2—7).

7. с. Привольное, Цюрупинский р-н Херсонской обл. Группа 1, курган 20, погребение 1. Раскопки Л.И. Иванова (Кубышев и др. 1975: 54—55, табл. XIV).

В распаханном кургане высотой 0,25 м открыто скифское погребение 1. Курган окружал овальный в плане ров размерами $14,5 \times 17$ м, шириной на уровне материка 0,5 м, глубиной 0,55—0,6 м, вытянутый по линии З—В. С В и З имелись перемычки—проходы шириной 1,55 м.

Погребение 1 совершено в катакомбе с двумя синхронными входными ямами, расположенными на ее окончаниях. Округлые входные ямы диаметром $0,9 \times 0,8$ м глубиной 2,3 и 2,4 м ограничивали расположенную между ними длинную узкую прямоугольную катакомбу размерами $3,1 \times 1,2$ м. Высота свода около 0,9 м. Дно на глубине 2,68 м.

Дно покрывала подстилка из органического материала. На подстилке лежал скелет женщины 25—30 лет (Круц, Черникова 1979: 105) на правом боку головой на З. Скелет потревожен грызунами, в результате чего часть костей перемещена, мелкие кости исчезли, а локтевая кость и лопатка оказались в СВ углу камеры. За головой лежали грудина с лопаткой и частью передней конечности крупного домашнего животного — остатки напутственной пищи. Рядом найдены лепная мисочка (1) и глиняное пряслице (2). Слева от черепа, под С стенкой камеры лежали 2 наконечника копий (3). Под левым плечом лежало зеркало (4), рядом ворварка (5), по-видимому, связанная с наконечниками копий (окончание завязок чехла наконечников копий), а в районе таза — наконечники стрел (6). Возле мисочки лежала каменная поделка (7) (рис. 12: 1, 3).

Описание находок

1. Массивная толстостенная лепная плоскодонная мисочка с загнутым внутрь краем венчика. Тесто грубое, слабо и неравномерно обожженное, с примесью толченого кварцита. Диаметр венчика 10,5 см, диаметр дна 6,5 см, высота 6 см (рис. 12: 2).

2. Пряслице глиняное биконическое. Диаметры оснований 2,1 см и 3,4 см, отверстия 0,4 см, диаметр максимальный 3,6 см. Пряслице не сохранилось, изображение отсутствует.

3. Два железных наконечника копий с коническими втулками. Общая длина 42 см, длина втулки 10 см, диаметр втулки 2,5 см. Наконечники очень плохой сохранности не были взяты в коллекцию. Изображений не имеется.

4. Зеркало бронзовое, круглое, цельнолитое, с длинной гладкой боковой ручкой с круглым медальоном на окончании, украшенным резной многолепестковой розеткой. Диаметр диска 21,8 см, длина ручки — 15 см, ширина — 3 см. Зеркало не сохранилось. На рисунке показан его тип (рис. 13: 10).

5. Бронзовая ворварка усеченно-конической формы с граненой поверхностью. Высота 0,8 см, диаметры 0,7 и 1,3 см (рис. 13: 12).

6. Шестнадцать бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел с треугольной головкой следующих разновидностей:

— с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов, оканчивающиеся чуть выше обреза втулки или вровень с ним. Во всех ложках имеется литая метка в виде крестовидного креста (рис. 13: 1);

— с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов, оканчивающиеся чуть выше обреза втулки (рис. 13: 2—4);

— с ложком до острия, короткой выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов, оканчивающихся выше обреза втулки. Во всех ложках имеется литая метка в виде крестовидного креста. Наконечники и метки двух разновидностей (рис. 13: 5—6);

— с ложком до острия, короткой выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов, оканчивающихся выше обреза втулки (рис. 13: 7).

Также в набор входят костяные втульчатые наконечники стрел, четырехгранные, со скрытой втулкой. Концы граней оформлены в виде заостренных шипов, свисающих ниже обреза втулки. Длина 3,5—3,7 см (рис. 13: 8—9).

Наконечники стрел типичны для горизонта крестовидных меток второй половины — конца V в. до н.э.

7. Тонкая пятиугольная пластинка из полупрозрачного кварцита размерами $1,8 \times 1,5 \times 0,2$ см (рис. 13: 11).

8. с. Сергеевка, Новотроицкий р-н Херсонской обл. Курган 9, погребение 2. Раскопки Г.Л. Евдокимова в 1976 г. (Кубышев и др. 1976: 147—148).

В уничтоженном распахкой кургане открыто два скифских погребения. С Ю стороны курган охватывало полукольцо рва шириной до 1,0 м, углубленного в материк на 0,7 м. Основное погребение 2 совершено в катакомбе с двумя одновременными входными ямами. Автор раскопок предполагал, что входная яма № 2 была впускной, совершенной какое-то время спустя после входной ямы № 1. Но реальных оснований для этого нет, поскольку при отсутствии насыпи какие-либо стратиграфические наблюдения были невозможны. Правильность конструкции всего погребального сооружения в целом, симметричность расположения обеих входных ям относительно катакомбы, единство их формы, размеров и глубины позволяют уверенно предполагать одновременность обеих входных ям.

Круглые входные ямы диаметром соответственно 1,1 и 0,95 м двумя ступеньками с глубины 2,2 и 2,3 м опускались к входам в общую катакомбу с противоположных сторон. Через входную яму № 1 прошел грабительский ход. В ее плотном черноземном заполнении найдены кости человека и крупного животного от напуганной пищи. Входная яма № 2 осталась непо потревоженной и была заполнена материковой глиной из выкида на всю глубину. Между ямами находилась подпрямоугольная камера с закругленными углами размерами $2,3 \times 2,1$ м, ориентированная по линии В—З. Свод камеры обвалился (рис. 14: 1). Захоронение было полностью уничтожено при ограблении. В СЗ углу камеры найдены обломки меча (1) и 2 подтока древков копий (2).

Описание находок

1. По сохранившимся фр-там реконструируется железный меч с простым антенным навершием, узким бабочковидным перекрестьем и длинным остроконечным треугольным в плане обоюдоострым клинком, украшенным в верхней части пятью углубленными сходящимися каннелюрами. Реконструируется длина до 0,7 м (рис. 14: 2).

2. Подтоки железные, цилиндрические, сквозные, длиной 8 см диаметром 1,9 см (рис. 14: 3—4).

По мечу погребение 2 датируется не позднее второй половины V в. до н.э.

9. с. Антоновка, Новоодесский р-н Николаевской обл. Курган 6, погребение 2. Раскопки Ю.С. Гребенникова в 1975 г. (Шапошникова и др. 1975: 366, табл. 140: 2).

В кургане высотой 1,25 м открыто два скифских погребения. Курган окружала крепида диаметром 18 м из мелких камней. Впускное погребение 2 совершено в катакомбе с двумя одновременными входными ямами, расположенными на ее окончаниях. Прямоугольная входная яма № 1 размерами 1,4 × 0,9 м ориентирована с С на Ю. Глубина 1,75 м. Вход в камеру закрывала каменная плита, отодвинутая грабителями. В камеру вела ступенька высотой 0,35 м. Овальная входная яма № 2 размерами 1,5 × 1,0 м также ориентирована с С на Ю. Глубина 1,9 м. И здесь вход в камеру закрывали каменные плиты. В камеру вела ступенька высотой 0,2 м. Расположенная между ними длинная узкая камера размерами 2,5 × 1,2 м ориентирована с З на В. Дно на глубине 2,2 м. Высота свода 0,6 м (рис. 14: 5). В камере найдены разрозненные кости разрушенного при ограблении человеческого скелета, ориентированного головой на З, а также обломки панциря (1), 5 наконечников стрел (2) и 2 ворварки (3).

Описание находок

1. Железные чешуйки панциря (не менее 700 шт.) прямоугольные, выпуклые, с закругленной нижней частью, с тремя отверстиями для нашивания сверху и одним сбоку. Представлены двумя размерами: 2,7 × 2,3 см и 2,3—2,4 × 2,0 см (рис. 15: 6, 8).

2. 5 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел нескольких разновидностей:

— башневидные с удлиненной кверху головкой с узкой основой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию. Высота 3,2—3,5 см (рис. 15: 1—2);

— с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде острых шипов. Высота 2,6 см (рис. 15: 3);

— с башневидной головкой, прямоугольным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым углом к втулке. Высота 3,2—3,3 см (рис. 15: 4—5).

3. Две однотипные бронзовые трубчатые воронковидные ворварки с гладкой поверхностью. Высота 2,8 см (рис. 15: 7).

Датировку погребения не позднее середины V в. до н.э. определяют наконечники стрел типов относящихся к башневидному горизонту. Этим же временем датируются и массивные бронзовые воронковидные ворварки (Дараган 2019: 159, табл. 1).

10. с. Таборовка, Вознесенский р-н Николаевской обл. Курган 2, погребение 2.

Раскопки Ю.С. Гребенникова в 1982 г. (Шапошникова и др. 1982: 73—76, табл. XLIV: 2, 6, 7).

В кургане высотой 3,2 м, окруженном крепидой диаметром 20—23 м и рвом диаметром 35 м, открыто 5 скифских погребений. Основное погребение 2 входило в группу из трех одновременных погребений (погребения 1, 2 и 3), перекрытых одной общей насыпью. Выкид из него был наиболее ранним из выкидов из погребений 1, 2 и 3.

Погребение 2 совершено в катакомбе с двумя одновременными входными ямами, симметрично расположенными на ее окончаниях. Овальная входная яма № 1 размерами 1,4 × 1,1 м ориентирована по линии СЗЗ—ВЮВ. Двумя продольными ступеньками опускалась до глубины 2,3 м к входу в катакомбу в ЮЗ стенке. Была забутована камнями, а сверху перекрыта собственным выкидом. В камеру вела ступенька высотой 0,45 м. Овальная входная яма № 2 размерами 1,2 × 0,9 м, ориентированная по линии С—Ю, одной ступенькой опускалась наклонным спуском к входу в камеру в ЮЗ стенке до глубины 2,4 м и переходило в нее ступенькой высотой 0,4 м. Через эту яму погребение 2 было ограблено.

Подпрямоугольная катакомба размерами 2,9 × 1,5—2,1 м ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Высота свода 1,4 м. Дно на глубине 2,8 м. В С углу камеры обнаружена ямка диаметром 0,2 м и глубиной 0,5 м, возможно тайник (рис. 16: 1). В заполнении камеры и входной ямы № 2 найдены бронзовые (1) и железные (2) панцирные чешуйки, наконечники стрел (3), ворварки (4), проволоочные петельки (5), обломок кинжала (6), втулка наконечника дротика или копья (7), фр-т флакона из алебаstra (8). Дату погребения 2 в кургане 2 у с. Таборовка определяет практически синхронное ему погребение 1 в этом же кургане 2, где найдены фр-ты большого аттического чернолакового скифоса типа «А», золотые калачиковидные серьги раннего типа и бронзовые наконечники стрел, датирующиеся не позднее конца V в. до н.э. Следует отметить, что весь курган 2 у с. Таборовка представлял собой скифский могильник конца V в. до н.э. (Полин 2014: 228).

Описание находок

1. Панцирные бронзовые чешуйки. Прямоугольные, с прямым или овальным нижним краем, с отверстиями для нашивания. Представлены четырьмя разновидностями размерами 2,2 × 1,2—1,5 см (около 70 шт.), 3,3 × 1,1 см (около 40 шт. с прямым нижним краем и около 10 шт. с закругленным) и 5 × 1,6 м (2 шт.) (рис. 16: 2—5).

2. Панцирные железные чешуйки, прямоугольные с прямым или закругленным нижним краем, с отверстиями для нашивания, пяти разновидностей. Выделены размеры 2,1 × 1,7 см (несколько крупных фр-в панциря общей площадью 5 кв. дм), 2,7—3,0 × 2,2—2,5 см (около 30 шт.), 4,8 × 1,8 см (около 50 шт.). Есть обломок с набором из железных чешуек, к которым крепились бронзовые чешуйки (рис. 16: 6—11).

3. Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел с ложком до острия двух разновидностей — с выступающей втулкой (1 шт.) и скрытой втулкой с чуть свисающими остриями лопастей ниже обреза втулки (11 шт.). Высота 3,8—4,0 см (рис. 16: 12—13).

4. Ворварки бронзовые: две коротких конических и две удлинённых трубчатых. Из последних одна семигранная. Размеры: высота 1,7—2,7 см, диаметры 0,9 × 1,8 см, 0,9 × 1,6 см, 1,0 × 1,5 см и 0,8 × 1,4 см (рис. 16: 14—17).

5. 5 заостренных с двух концов кусочков бронзовой проволоки диаметром 2,4 мм, свернутых кольцом с заходящими концами вокруг железного стержня или проволоки диаметром 4 мм (рис. 16: 18).

6. Острие обоюдоострого железного клинка кинжала. Длина 5,5 см, ширина 1,6 см (рис. 16: 19).

7. Коническая втулка железного наконечника копья или дротика. Диаметр основания внешний 3,7 и 2,3 см внутренний. Сохранившаяся длина 6 см (рис. 16: 20).

8. Часть стенки с ручкой от флакона из алебаstra. Ручка подпрямоугольная. Длина фрагмента 8 см. Скупое описание не дает представления о находке. Изображение отсутствует.

11. с. Тимофеевка, Снигиревский р-н Николаевской обл. Курган 6, погребение 1. Раскопки Ю.С. Гребенникова в 1973 г. (Шапошникова и др. 1973: 171—174, табл. LXXXI—LXXXIII).

Курган высотой 2,0 м был покрыт панцирем из мелких камней и окружен крепидой диаметром 26,5 м из камней средних размеров, сложенных в виде стенки в 1—4 слоя, и рвом с остатками тризны в нем в виде фр-в амфор и части скелета коня.

В центре кургана куполообразная груда диаметром 8,5 м и высотой 1,6 м из небольших камней перекрывала материковый выкид, лежавший на ДГ, и входные ямы единственного в кургане 6 скифского погребения 1. Центр каменного сооружения нарушила грабительская воронка диаметром 6 м, дошедшая до материка, но не более.

Погребение 1 совершено в большой подпрямоугольной катакомбе с двумя синхронными входными ямами, симметрично расположенными на ее углах. Округлые входные ямы диаметром 0,95 × 0,8 м и глубиной 3,25 м на глубину 0,5 м были заполнены материковым выкидом, а ниже до дна завалены плитами известняка. В обеих ямах входы в камеру закрывали плиты, подтесанные с боков, размерами соответственно 0,95 × 0,85 × 0,08 м и 0,9 × 0,65 × 0,1 м. Во входной яме № 1 перед входом на дне имелось пологое валикообразное возвышение шириной 0,25 м и высотой 0,1 м. Входы в камеру квадратные, высотой 0,9 м, шириной 0,7—0,75 м и длиной 0,35—0,4 м.

Камера имела своеобразную конструкцию. Соединительное пространство между входными ямами имело неровное дно, понижавшееся в сторону входной ямы № 2 на 0,2 м. Севернее находилась обширная овальная камера размерами 2,8 × 2,6 м высотой 1,0—1,2 м, ориентированная по линии ЮВ—СЗ. Была заполнена глиной с некоторой примесью чернозема лишь на половину высоты. По данным Ю.С. Гребенникова «камера была до половины высоты завалена обгоревшим хворостом» (Гребенников 2008: 71). В отчете о раскопках такая информация отсутствует. В средней части камеры лежал вытянуто на спине головой на 3 практически истлевший скелет погребенного. Часть костей сдвинута, очевидно, обвалившимися с потолка кусками глины (рис. 17, 18: 4).

Вдоль С стенки камеры лежали 3 копья с железными наконечниками и втоками на окончаниях истлевших древков. Длина копий составляла 2,2 м (рис. 18: 4—6). У левого локтя лежал железный меч в деревянных ножнах (1). Под ножнами найден смятый обрывок золотой бляшки. Возле острия меча найдена мелкая поделка из тонкой золотой полоски. Рядом с мечом кучкой лежали 187 бронзовых наконечников стрел (2) с обломанными древками. На древках яблочки окрашены в красный цвет, а на некотором расстоянии нанесены еще и красные колечки. У правого плеча находились остатки деревянного блюда диаметром 0,35 м с КЖ от напуганной пищи. Рядом с блюдом стояла вкопанная на 0,2 м в дно камеры амфора (3), на венчике которой висел бронзовый черпачок с изогнутой ручкой с лебединой головкой на окончании. За головой у 3 стенки камеры лежал на боку кувшин (4), а возле него — смятый обрывок золотой пластинки на деревянной основе.

Погребение датируется концом V в. до н.э.

Описание находок

1. Меч с антенным навершием, трактованным в зверином стиле, в виде загнутых когтей с «глазками» у основания. Рукоять по длине разделена на две части узкой ложбиной. Перекрестие в виде узких «крыльев». Массивный клинок имел линзовидное сечение. Верхняя треть клинка украшена слабо рельефными каннелюрами. Общая длина 56 см, клинок — 42 см. Ширина клинка у пяты 6 см, ширина рукояти 3 см (рис. 18: 7).

2. Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел:

— с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и ровно обрезанным основанием. Окончания двух лопастей свисают в виде длинных крючковатых шипов ниже обреза втулки. Высота 4,1 см, вес 2,34 г (рис. 19: 1);

— с широкой треугольной сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и дуговидной выемкой в основании. Острия лопастей свисают ниже обреза втулки, у нескольких в виде двух длинных крючковатых шипов. Высота 2,6—2,9 см, вес 2—2,4 г (рис. 19: 2—24);

— с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов, свисающими выше обреза втулки или вровень с ней. Высота 3—3,2 см, вес 1,42—2,56 г (рис. 20: 1—18);

— с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. У нескольких наконечников в ложках имеется литая метка в виде креста. Высота 2,7—3,5 см, вес 1,6—2,25 г (рис. 20, 21: 19—24, 22: 1—24).

Все наконечники стрел относятся к горизонту крестовидных меток второй половины V в. до н.э. (Дараган 2019: 161—168; 2021).

3. Амфора красноглиняная, остродонная, производства Хиоса, коническая с протоколпачковой ножкой варианта V-A по С.Ю. Монахову конца V в. до н.э. На горле имеется круглое рельефное клеймо с изображением сидящего сфинкса перед амфорой (рис. 18: 1, 2) (Монахов 2003: 21, табл.10; Полин 2014: 228).

4. Гончарный красноглиняной кувшин с Г-образной ручкой и шаровидным туловом на поддоне (рис. 18: 3).

12—13. с. Мерень, бывш. Новоанненский р-н, ныне жудец Кишинеу, Молдова. Курган 1, погребения 3 и 7. Раскопки В.А. Дергачева в 1986 г. (Дергачев, Сава 2001—2002: 529—538, рис. 2—10).

В распаханном кургане 1 эпохи бронзы в С поле кургана открыты 2 впускных скифских рядом расположенных погребения 3 и 7. Возле каждого из них зафиксированы пятна материковых выкидов, лежавших на поверхности кургана эпохи бронзы. После совершения погребений 3 и 7 курган был досыпан до существующих размеров до высоты 1,2 м⁸. Судя по всем перечисленным фактам, погребения 3 и 7 являются синхронными.

12. с. Мерень, курган 1, погребение 3. Совершено в длинной узкой катакомбе с двумя одновременными входными ямами. Трапезиевидные входные ямы, размерами соответственно 0,75 × 0,9 м и 0,9 × 1,05 м, ограничивали находившуюся между ними прямоугольную катакомбу размерами 2,35 × 1,12 м, ориентированную по линии В—З. Дно на глубине 1,22 м. Свод обвалился. Во входной яме № 1 перед входом в камеру оставлен

⁸ Авторы искренне признательны канд. ист. наук В.С. Синике за предоставленные планы погребений 3 и 7 из кургана 1 у с. Мерень и погребения 3 в кургане 12 в группе Сад у с. Глиное, выполненные на высоком художественном уровне (Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020: рис. 8).

поперечный материковый порожек высотой 0,1 м, в который упиралось основание деревянного заслона входа в камеру. Входная яма № 2 опускалась в камеру ступенькой высотой 0,1 м. Обе ямы были заполнены черноземом. Скелет молодого мужчины (определению В.А. Дергачева) лежал вытянуто на спине головой на В. Дно камеры и частично входной ямы № 2 покрывала подстилка из органического материала (рис. 23: 1). Погребенного сопровождали кости лошади с ножом (рис. 23: 7) — остатки напутственной пищи, овечий астрагал со срезанными боками (рис. 23: 4), 62 наконечника стрел (1), 2 железных наконечника копий и 2 подтока древков (рис. 23: 2, 3, 5, 6).

Описание находок⁹

1. Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел следующих разновидностей¹⁰:

— с треугольной головкой, ложком до острия, с короткой и длинной выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов, свисающих вровень с обрезом втулки или ниже него. Высота 1,7—3,2 см (рис. 23: 1—26). У нескольких наконечников в ложках имеются литые рельефные метки в виде косого креста (рис. 23: 21—26) или тупого угла, направленного вершиной вверх (рис. 23: 1).

— с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Высота 3,1 см. У некоторых наконечников в ложках помещена литая рельефная метка в виде косого креста (рис. 23: 27—30).

— с узкой треугольной (близкой к башневидной) головкой, П-образным ложком на $\frac{3}{4}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Высота 1,9—2,7 см (рис. 23: 31—37).

— с узкой башневидной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. У некоторых наконечников во всех трех ложках имеется литая рельефная метка в виде косого креста. Высота 3,4—3,7 см (рис. 23: 38—40, 24: 41—45).

— с треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. Концы лопастей свисают в виде острых шипов ниже обреза втулки. У некоторых экземпляров один из шипов длиннее остальных. Высота 2,3—2,6 см (рис. 24: 46—52).

— с фигурно изогнутым абрисом головки, ложком до острия, скрытой втулкой и ровно обрезанным основанием. Высота 2,5—2,8 см (рис. 24: 53—54).

— с треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. Концы лопастей вровень с обрезом втулки или слегка свисают в виде острых шипов ниже обреза. У нескольких экземпляров в ложке имеется рельефная метка в виде двух наклонных параллельных линий. Высота 3—3,2 см (рис. 24: 55—57).

⁹ Здесь даны описание только датирующих погребения 3 и 7 вещей — наконечников стрел, золотых бляшек, бронзовых зеркала и чаши. Исчерпывающие описания остальных вещей, а также самих погребений 3 и 7 содержатся в публикации (Дергачев, Сава 2001—2002: 529—538).

¹⁰ В публикации даны рисунки наконечников стрел из отчета о раскопках, сделанные в неудачной проекции, не позволяющей их точное определение. Мы обратились к директору Национального музея истории Молдовы д-ру Е.Н. Саве с просьбой снабдить нас фотографиями наконечников в нужной проекции. Сотрудники отдела археологии Музея д-р Д.А. Топал и В.Г. Бубулич в кратчайшие сроки провели реставрацию и фотографирование наконечников стрел, которые мы здесь поместили (Инв. № FB-27704-1-56 и FA-11308-1-6). За что мы им всем глубоко признательны.

— с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и скрытой втулкой. Концы лопастей в виде шипов свисают ниже обреза втулки. Высота 2 см (рис. 24: 58—60).

Все наконечники стрел из этого набора относятся к горизонту крестовидных меток второй половины V в. до н.э. (Дараган 2019: 161—168; 2021).

13. с. Мерень, курган 1, погребение 7. Совершено в катакомбе с двумя одновременными входными ямами, расположенными на ее окончаниях. Округлые входные ямы размерами соответственно $1,35 \times 1,1$ и $1,2 \times 1,2$ м ступеньками опускались к входам в катакомбу с противоположных сторон. Входы закрывали заслоны из деревянных плашек, установленные в канавки в дне входных ям. Обе ямы были заполнены черноземом. Неправильно овальная катакомба размерами $2,3 \times 1,9$ м ориентирована по линии В—З. Дно на глубине 2,8—2,9 м. Свод обвалился. Скелет старой женщины (определение В.А. Дергачева) лежал вытянуто на спине головой на З (рис. 24: 61). На дне камеры обнаружены остатки подстилки из органического материала. Справа вдоль скелета лежала деревянная плаха длиной около 1,8 м. Погребенную сопровождали 2 мелкие золотые бляшки (1), кости уложенного кольцом хвоста животного, кости лошади с ножом (рис. 24: 75) — остатки напутственной пищи, 3 овечьих астрагала (рис. 24: 68—70), зеркало (2), мелкие железные прямоугольные скобы (рис. 24: 62—64), вероятно, скреплявшие деревянный футляр зеркала (С.П.), кожаный мешочек (рис. 25: 1), содержавший около 300 г мелового порошка, по мнению авторов предназначенного для чистки зеркала, а также зерна злаков, мелкие фр-ты ткани, деревянная чаша, прошитая двойной зигзагообразной бронзовой и золотой проволочками (рис. 24: 76) и 29 игральные бабки (овечьих астрагалов) со спиленными боковинами у некоторых, вероятно лепной кувшинчик с петлевидной ручкой (рис. 25: 3), 3 железных шила с несохранившимися деревянными ручками (рис. 24: 72—74), бронзовая чаша (3) и наконечник стрелы (4).

Погребение датируется не позднее конца V в. до н.э., синхронно с погребению 3.

Описание находок

1. Две мелких золотых овальных штампованных нашивных бляшки со стилизованным изображением лежащей пантеры. На обороте припаяны петельки из тонкой проволочки. Взамен одной обломанной и утраченной петельки пробито сквозное отверстие. Размеры $1,2 \times 0,8$ см (рис. 24: 77).

Эти бляшки входят в группу мелких овальных бляшек с характерными стилизованными изображениями кошачьих хищников. Бляшки этой группы найдены в погребении 1 кургана 45 у с. Любимовка (Лесков 1974: 61, рис. 50) второй половины V в. до н.э., кургане Дорт—Оба № 3 конца V — нач. IV вв. до н.э. (Колтухов, Сенаторов 2016: 62—66, рис. 17: 3; Кац 2007: 429). Согласно А.Р. Канторовичу, эти бляшки входят в нимфейско-любимовский тип I-1-A-a-I-6 полнофигурных изображений хищников, который он датировал второй четвертью V — IV вв. до н.э. Основой для датировки группы послужили бляшки из Нимфея 475—450 гг. до н.э. и Малого Чертомлыка второй половины V в. до н.э. Курган 45 у с. Любимовка со ссылкой на А.М. Лескова и курган Дорт—Оба № 3 со ссылкой на М.И. Артамонова А.Р. Канторович датировал IV в. до н.э. (Канторович 2015: 77—78, 1325, рис.). Обе последние датировки устарели и требуют корректировки до пределов конца V — не позднее начала IV вв. до н.э. Нимфейско-любимовский тип А.Р. Канторовича дополняют бляшки из погребения 2 в кургане 3 у с. Богдановка конца V в. до н.э. и погребения 1 и 2 в кургане 8 у

с. Волчанск того же времени (Битковский, Полин 1987: 84, рис. 8: 4; Полин 2014: цвет. вкладка, рис. 182: 2; Полин, Кубышев 1997: рис. 6: 12, 9: 9), Бердянского кургана 380—370 гг. до н.э. (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017: 109, 116, № 5; 137; Полин 2014: 263), что в целом ограничивает датировку нимфейско-любимовской группы А.Р. Канторовича пределами второй четверти V — первой четверти IV вв. до н.э. По мнению Л.И. Бабенко на бляшках из кургана 45 у Любимовки изображен лев, из Малого Чертомлыка и Богдановки — грифон, из Бердянского кургана — кошачий хищник. При всех породных различиях, эти бляшки, а также серию бляшек из кургана 5 Осняги — кургана 2 Песочин — кургана 15 Олефирщина — кургана 1 (23) 2001 г. Перещепино — Мерень кургана 1 погребения 7 объединяет единство композиции и изобразительного решения в столь малых размерах и, по-видимому, общая датировка в пределах конца V — первой четверти IV в. до н.э. (Бабенко 2012: 105—107, 113).

2. Большое бронзовое зеркало с приклепанной железными заклепками длинной боковой ручкой, орнаментированной по краям волнистой линией, с круглым медальоном на окончании, украшенным рельефным изображением Медузы-Горгоны (рис. 25: 1). По данным Э. Теляги датируется V в. до н.э. (Teleaga 2008: 457, № 1056, Taf. 71: 3, 173: 12—13).

3. Бронзовая плоскодонная чаша с прямым вертикальным, слегка утолщенным, венчиком. Под венчиком украшена двумя углубленными канавками. Диаметр венчика 20,8 см, высота 5,2—5,5 см (рис. 25: 4). По данным Э. Теляги датируется концом V в. до н.э. (Teleaga 2008: 454, № 1031, Taf. 71: 2).

4. Бронзовый трехлопастный базисный наконечник с ложком до острия и слабо выступающей втулкой. Окончания лопастей обрезаны под тупым углом к втулке. Высота 2,5 см (рис. 24: 71).

14. с. Глиное, Слободзейский р-н, ПМР, Молдова. Группа «Сад», курган 12, погребение 3. Раскопки В.С. Синики (Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020).

Распаханный курган 12 высотой 0,3 м окружал кольцевой ров диаметром 15 м с проходами—перемычками с 3 и В. Во рву найдены известняковая стела (рис. 25: 9) и фр-т гальки (рис. 25: 13). В кургане 12 открыты основное скифское погребение 3 и впускные сарматское и средневековое погребения.

Скифское погребение 3 совершено в длинной узкой катакомбе с двумя одновременными входными ямами, расположенными на ее окончаниях. Шестиугольные входные ямы диаметром 0,9 м и глубиной 1,7 м ступеньками опускались к входам в катакомбу с противоположных сторон. Обе ямы были заполнены черноземом. Прямоугольная катакомба размерами 2,95 × 1,1 м ориентирована по линии В—З. Дно на глубине 1,7 м. Свод арочный высотой 0,7 м. Скелет мужчины 20—35 лет лежал вытянуто на спине головой З на подстилке из камыша (рис. 25: 5). Погребенного сопровождали кости крупного рогатого скота с ножом (рис. 25: 14) — остатки напутственной пищи, 2 копы с железными наконечниками (рис. 25: 6, 7), 2 железных ворварки (рис. 25: 10, 11), 2 оселка (рис. 25: 8, 15), 100 наконечников стрел (1) и фр-т втока древка копия (рис. 25: 12).

Описание находок

1. Из 100 наконечников стрел 90 бронзовых и 10 костяных (рис. 26: 31—41). Бронзовые представлены следующими разновидностями: 10 шт. — рис. 25: 16—17, 26: 14—19, 66 шт. — рис. 25: 18, 26: 1—13, 10 шт. — рис. 26: 19—21, 26: 20—27, 3 шт. — рис. 26: 28—30.

Авторы публикации датируют погребение 3 второй половиной V в. до н.э., что основано на их мнении о единстве состава наконечников в погребении 3 кургана 1 у с. Мерень и погребения 3 в кургане 12 группы Сад у с. Глиное (Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020: 342, 346). Однако достаточно сравнить рис. 23 и 24 с рис. 25 и 26, чтобы понять, что набор из погребения 3 в кургане 1 у с. Мерень более ранний по составу наконечников и, безусловно, относится ко второй половине V до н.э., а набор из кургана 12 группы «Сад» датируется не ранее начала IV в. до н.э., на что указывают трехлопастно-трехгранные наконечники, с узкой треугольно-сводчатой головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой, концами лопастей, свисающими в виде заостренных шипов и с фигурным зауженным посредине ложком (рис. 26: 28—30), появляющиеся не ранее начала IV в. до н.э.

* * *

Катакомбы с двумя одновременными входными ямами известны и в курганах высшей скифской знати, с тем отличием, что в них помещались парные захоронения мужчины и женщины в сопровождении зависимых лиц и коней, не говоря уже о просто несопоставимой разнице в составе сопровождающего инвентаря, отличающегося многочисленностью, разнообразием и высочайшим уровнем богатства и роскоши. Таких погребений высшей скифской знати известно всего три.

15. Александропольский курган у с. Петриковка, Солонянский р-н Днепропетровской обл. Раскопки А.Е. Люценко в 1854—1856 гг., С.В. Полина в 2004—2009 гг.

Здесь в катакомбе Центральной гробницы был захоронен мужчина старше 50 лет в сопровождении захоронения коня в отдельной яме, расположенной рядом с входной ямой. В эту катакомбу через вторую входную яму, вырытую на краю кургана, через длинный Восточный дромос была подзахоронена женщина 20—35 лет в сопровождении не менее 15 коней. Оба этих захоронения сопровождали не менее 3 слуг, в числе которых антропологами определен только мужчина старше 50 лет. Переход из Восточного дромоса в катакомбу Центральной гробницы охраняла молодая женщина (судя по размеру скелета и составу вещей) (рис. 26: 42). Единовременность сооружения Центральной гробницы и Восточного дромоса была установлена стратиграфически при доисследовании кургана в 2008 г. Александропольский курган датируется 340—330 гг. до н.э. (Полин, Алексеев 2018: 252—259, 269, 464).

16. Гайманова Могила у с. Балки, Васильевский р-н Запорожской обл. Северная гробница № 1. Раскопки В.И. Бидзили в 1969 г. (Бидзиля, Полин 2005).

В Северной гробнице № 1 с двумя одновременными входными ямами были захоронены 4 знатных покойника — 2 мужчины и 2 женщины, — в сопровождении 2 слуг и коня (рис. 27: 1, 2). Единовременность обеих входных ям Северной гробницы установлена по идентичному составу находок в гробнице и в связанной с ней тризне. Северная гробница датируется концом второй четверти IV в. до н.э. Немногочисленные антропологические материалы позволили установить в числе знатных погребенных в Северной Могиле женщину зрелого возраста 40—50 лет и мужчину зрело-старческого возраста 50—60 лет. Слуги — молодые люди (Бидзиля, Полин 2005: 76—100, 180—183; Круц 2012: 597; Полин 2014: 292).

17. Бабина Могила у с. Тарасо-Григорьевка, Апостоловский р-н, Днепропетровская обл. Гробница № 2. Раскопки Б.Н. Мозолевого и С.В. Полина в 1986 г.

В гробнице № 2 этого кургана через 2 одновременные входные ямы были захоронены мужчина зрелого или старческого возраста и женщина 25—35 лет в сопровождении не менее двух слуг (мужчина 35—40 лет и молодая женщина не более 25 лет) и двух коней (рис. 28: 1, 2). Гробница № 2 Бабиной Могилы датируется 340—330 гг. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 116—118, рис. 56; Круц 2005: 460; Полин 2014: 477).

* * *

Разновидностью катакомб с двумя одновременными входными ямами являются катакомбы—подбой, где из одной входной ямы два одновременных отдельных входа, разделенных тонким простенком, иногда даже не достигающим потолка, ведут в единый большой подбой. Безусловно, такое разделение входа имело исключительно ритуальное назначение и по смыслу полностью совпадает с катакомбой с индивидуальным захоронением с двумя одновременными входными ямами. Такие случаи отмечены в относительно богатых скифских погребениях рядового населения (табл., № 18—21, Первомаевка, курган 4), а также скифской знати нижнего уровня (табл., № 22, Федоровка, курган 1), среднего (табл., № 24—26, Каиры, Рыжановка) и высшего царского уровня (табл., № 23, Солоха, боковая гробница).

18—21. с. Первомаевка, Верхне-Рогачикский р-н, Херсонская обл. Группа II, курган 4. Раскопки Г.Л. Евдокимова в 1981 г. (Евдокимов и др. 1981: 58—68, табл. 56—69; Евдокимов, Фридман 1987: 100—115).

В распаханном кургане 4 высотой 1,3 м открыто 8 скифских погребений, совершенных по единому обряду в ямах с подбоями. Курган окружал кольцевой ров с остатками поминальной тризны (фр-ты около 15 амфор и КЖ). Возле всех трех захоронений взрослых в этом кургане, — погребениях 7 (основное в центре кургана), 5 и 6, — обнаружены материковые выкиды из них, лежавшие на ДГ, что указывает на их полную синхронность. Остальные погребения с захоронениями детей и подростков были впущены в курган. Согласно полевым определениям А.Г. Поруцкого, в погребениях 1 и 6 были захоронены дети, в погребениях 2, 3 и 4 — подростки. Погребение 5 ограблено и разрушено, антропологический материал в нем отсутствовал. Но судя по находке свинцового пряслица, в нем была захоронена женщина. По определению С.И. Круц погребение 4 — детское, первый детский возраст, погребение 7 (основное) — Ж (?) юношеско-возмужалого возраста и погребение 8 — Ж (?) зрелого возраста (Круц и др. 1986: 329). В отношении погребения 8 знак вопроса в антропологическом определении погребенного по составу сопровождающего инвентаря, — полный набор защитного вооружения (панцирь и поножи), а также наступательного вооружения (копья и лук со стрелами), котел, амфоры, золотая гривна, при абсолютном отсутствии типичных женских вещей, уверенно решается в пользу мужской принадлежности погребенного. Безусловно, правы авторы публикации, видевшие в кургане 4, как и в других скифских курганах этой группы, родовые могильники. По составу погребенных, единству погребального обряда и на основании датировок античной керамики предполагается кратковременность его функционирования и практическая одновременность всех захоронений в нем в пределах рубежа V—IV — первой четверти IV в. до н.э., что полностью подтверждается современными датировками амфор и клейм в сочетании со стратиграфией кургана 4 (Евдокимов, Фридман 1987: 115; Полин 2014: 259—261).

В связи с нашим исследованием, в кургане 4 привлекли внимание погребения 5, 6, 7 и 8, где входы в подбой условно разделены на два разнообразными выступами (погребения 5 и 6) или представляют собой два отдельных входа в общий подбой (погребения 7 и 8).

18. Первомаевка-II, курган 4, погребение 5 — впускное, ограблено и разрушено. Судя по находке пряслица — женское. Совершено в яме с подбоем. На входе в подбой в дне посередине оформлен материковый выступ высотой 0,2 м, длиной 0,6 м, шириной 0,7 м, условно разделяющий вход на две части. План погребения 5 не опубликован (Евдокимов и др. 1981: табл. 61; Евдокимов, Фридман 1987: 105—107, рис. 17: 7, 8, 9, 10). Здесь дается впервые (рис. 29: 1).

19. Первомаевка-II, курган 4, погребение 6 (Евдокимов, Фридман 1987: 107, рис. 18). Впускное, детское. Совершено в яме с подбоем. В центральной части дно входной ямы оформлено в виде мощного вертикального выступа, делящего яму на две части и фактически разделяющего вход в камеру на два отдельных ступенчатых спуска (рис. 29: 2).

20. Первомаевка-II, курган 4, погребение 7. Основное в кургане 4. Ограблено и полностью разрушено. Здесь была захоронена Ж (?) юношеско-возмужалого возраста (Круц и др. 1986: 329). Совершено в яме с подбоем. Вход в погребальную камеру разделен на два отдельных входа материковым столбом высотой 1 м, длиной 1 м, шириной 0,8 м. План погребения 7 не опубликован (Евдокимов и др. 1981: табл. 63; Евдокимов, Фридман 1987: 107, рис. 12). Здесь дается впервые (рис. 29: 3). Амфоры из поминальной тризны, связанной с погребением 7 и синхронных с ним погребений 5 и 8, датируются началом IV в. до н.э. (Полин 2014: 259).

21. Первомаевка-II, курган 4, погребение 8. Впускное, воинское, совершено в яме подбоем (Евдокимов, Фридман 1987: 107—115, рис. 19—23). Как отмечалось выше, в погребении 8 был захоронен М зрелого возраста. Вход в подбой разделял на два отдельных входа материковый столб шириной 0,4 м (рис. 30, 38: 1). Амфоры из погребения 8 датируются 390—380 гг. до н.э. (Полин 2014: 260—261). Однако, стратиграфия кургана 4 свидетельствует о полной синхронности погребений 5, 7 и 8. При погребенном было два колчана. М.Н. Дараган обработала наконечники одного из них (у левой руки), хранящиеся в фондах Национального музея истории Украины¹¹.

В коллекции наконечники стрел представлены следующими типами:

— Трехлопастно-трехгранные, с треугольной головкой, разновеликими П-образными ложками: в одном ложке на $\frac{1}{3}$ и в двух других на $\frac{1}{2}$ высоты головки, короткой едва выступающей втулкой, концами лопастей, свисающими в виде заостренных шипов ниже обреза втулки или вровень с ней. Высота 3—3,6 см, вес 2,8—3,3 г (рис. 30—32, 33: 65—66).

— Трехлопастно-трехгранные, с узкой треугольно-сводчатой головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ высоты головки, короткой выступающей втулкой, концами лопастей, свисающими в виде заостренных шипов ниже обреза втулки или вровень с ней. Высота 3,2 см, вес 2,53 г (рис. 33: 67—68).

— Трехлопастно-трехгранные, с узкой сводчатой головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{2}$ высоты головки, выступающей втулкой. В ложках имеются литые рельефные метки в виде

¹¹ Авторы искренне признательны хранителю коллекции, заведующему сектором археологии раннего железного века Сергею Васильевичу Диденко за содействие в обработке материала.

коротких тонких параллельных горизонтальных линий (от трех), расположенных с обеих сторон втулки. Высота 2,8—3 см, вес 2,45—2,53 (рис. 33: 69—70).

Все эти типы наконечников, наряду с трехлопастно-трехгранными наконечниками с узкой треугольно-сводчатой головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой, концами лопастей, свисающими в виде заостренных шипов с фигурным зауженным посередине ложком, определяют горизонт наконечников стрел первой четверти IV в. до н.э. в Северном Причерноморье.

22. с. Федоровка, Новотроицкий р-н, Херсонская обл. Курган 1, погребение 1.

Раскопки С.В. Полина в 1977 г. (Кубышев и др. 1977: 65—70, табл. VII—IX). По амфорам из поминальной тризны курган 1 датируется в пределах первой половины IV в. до н.э.

В распаханном кургане 1 высотой 1,8 м открыто скифское погребение 1. На В краю кургана на ДГ обнаружено крупное скопление фр-в амфор (1), а на З краю на том же уровне открыто скопление КЖ — остатки поминальной тризны. Ров в кургане 1 отсутствовал. Погребение 1 совершено в яме с подбоем с двумя отдельными входами в общую камеру. Трапезиевидная входная яма, колоколовидная в вертикальном разрезе, размерами 3,8—4,7 × 3,0 м и глубиной 4,1—4,3 м ориентирована по линии В—З. Через входную яму прошел грабительский колодец, вырытый с вершины кургана. Находки во входной яме и камере многочисленных костей лошади и отдельных предметов узды предполагают во входной яме захоронение коня¹², разрушенное грабителями. В северной стенке входной ямы на расстоянии 1,8 м друг от друга в углах ямы были устроены 2 отдельных входа в дромосы, направленные в общую камеру. Дромосы №1 шириной 0,9—1,1 м и протяженностью 2,6 м и № 2 шириной 1,4—1,8 м и протяженностью 1,8 м наклонно опускались до глубины 5,9—6,2 м в большую общую камеру неправильной трапезиевидной формы размерами 5,0 × 1,9—3,5 м с расширением в В половине. Захоронение в камере было ограблено и полностью разрушено. Здесь найдены кости человека¹³, кости лошади, кости овцы, пропитанные окислами бронзы, выброшенные из бронзового котла, унесенного грабителями, ф-ты большого бронзового пластинчатого налобника или нащечника и бронзовой бляшки из уздечного убора (2), фр-ты псалия и удила (3), фр-т меча (4), 2 втулки и 4 подтока от копий и дротиков (5), нож (6), скобы (7), 5 наконечников стрел (8), ф-ты бронзового браслета (9), серебряного изделия (10), пластинчатого портупейного пояса (11), и деревянного сосуда (12), а также обломки стержня (13) и изогнутого прута (14).

Описание находок

1. Фр-ты амфор из тризны принадлежали не менее чем 16 сосудам. Из них 8 производства Хиоса с колпачковой ножкой варианта V-B (рис. 34: 2, 3, 8—10), 7 амфор Менды мелитопольского варианта II-C (рис. 34: 4, 5, 7, 11) и 1 амфора Пепарета (рис. 34: 6) по С.Ю. Монахову, в совокупности датирующихся в пределах первой половины — не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов 2003: 21—22, 93, 97—99, табл. 11, 12,

¹² Обряд размещения сопровождающих захоронений коня (коней) во входных ямах катакомб и подбоев появляется в степной Скифии в конце V в. и распространяется преимущественно в IV в. до н.э. в основном на левобережье Нижнего Днепра. В настоящее время известно 43 погребения коней во входных ямах катакомб и подбоев, в т.ч. и в кургане 1 у с. Федоровка (Дараган, Полин 2020).

¹³ При раскопках по костным остаткам количество погребенных не было подсчитано. Но на ровном участке дна камеры достаточно скромных размеров могло разместиться захоронение лишь 1 человека.

64, 65, 67—69; Полин 2014: 292, 443—445). На горловине одной из хиосских амфор процарапано граффито в виде монограммы (рис. 34: 12).

2. Обломки тонкого бронзового листа толщиной 0,5 мм и 2 одинаковых литых бронзовых петли, приклепанных к этому листу. По-видимому, происходят от крупных пластинчатых нащечников (Мозолевский, Полин 2005: рис. 19: 2, 3).

Ф-т бронзовой массивной литой бляшки с изображением пальметки. Размеры $2,0 \times 1,7$ см (рис. 34: 21). Аналогии бляшке среди украшений скифской узды отсутствуют. Возможно, это обломок нижней части атташа литой бронзовой ручки от сосуда греческого производства. Подобные окончания атташей ручек греческих бронзовых сосудов V—IV вв. до н.э. хорошо известны (Онайко 1966: табл. XVII: 7; Teleaga 2008: Taf. 5: 1, 17: 4, 42, 91: 1, 134: 4, 145: 1, 163: 2, 180: 1, 2, 183: 5, 196: 2, 197: 7). Подтверждением тому может быть слабоизогнутый поперечный разрез бляшки для более плотного прилегания к выпуклой поверхности тулова бронзового сосуда.

3. Ф-т железного изогнутого двудырчатого псаля с 8-видным расширением посредине. Фрагментарность изделия не позволяет определить S-видность или C-видность целой формы. Сохранившаяся длина 10 см (рис. 34: 19).

Ф-т звена удил, прямоугольного в сечении, с загнутым в кольцо окончанием. Сохранившаяся длина 9,0 см, размер сечения $0,6 \times 0,4$ см, диаметр кольца, по-видимому, внутреннего, 1,5 см (рис. 34: 20).

4. Ф-т клинка железного однолезвийного меча, слабоизогнутого по длине. В сечении клиновидный. Вдоль обуха отковано выступающее ребро жесткости. Длина ф-та 17,5 см, ширина 3,5 см (рис. 34: 22). Однолезвийные мечи появляются в Скифии в IV в. до н.э., по-видимому, в процессе интенсивного фракийско-скифского этнокультурного взаимодействия, в результате которого в Днестро-Дунайском регионе однолезвийные мечи практически полностью вытеснили традиционные скифские формы. Но однолезвийные мечи, найденные на восточной периферии Скифии, принято связывать с кавказскими контактами (Мозолевский, Полин 2005: 352 — здесь литература вопроса).

5. 2 железных конических втулки от наконечников копий или дротиков длиной 7,0 и 10,6 см и 4 цилиндрических втулки длиной 14,0—14,1 см диаметром 1,3—1,7 см (рис. 34: 13, 14).

6. Костяная ручка ножа, 8-гранная в сечении, из двух половинок, соединенных по длине пятью железными заклепками. Клинок обломан. Размеры $9,9 \times 1,8$ см (рис. 34: 18).

7. 2 железные П-образные скобы со следами дерева на поверхности, скреплявшие деревянное блюдо для напутственной пищи.

8. 5 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с ложком до острия, втулкой чуть выступающей, вровень с окончаниями лопастей или чуть короче таковых. Окончания лопастей оформлены в виде острых шипов. На одном наконечнике во всех ложках имеется литая рельефная метка в виде трех параллельных горизонтальных линий, пересекающих втулку. Длина 3,8—4,0 см (рис. 34: 23—26). Наконечники с такими метками использовались во второй — в начале третьей четвертей IV в. до н.э. (Дараган 2020: 247—248).

9. Ф-т бронзового проволочного браслета. Сохранившаяся длина 3,4 см, диаметр сечения 0,3 см.

10. Ф-т серебряного изделия из проволоки в виде петли. Сохранившиеся размеры $1,0 \times 0,6$ см, диаметр сечения 0,2 см.

11. Около 150 фр-в бронзовых дуговидно изогнутых чешуек из набора портупейного пояса в форме вытянутого овала с отверстиями для нашивания на окончаниях. Предполагаемая длина 3,0 см, ширина 0,4 см.

12. Фр-т стенки деревянного сосуда, украшенного тонкой бронзовой проволочной скобой. Сечение проволоки 0,1 см.

13. Обломок массивного железного конического стержня, толстого и круглого в начале (диаметр 1,1 см) и четырехгранного на тонком окончании (сечение 0,8 × 0,6 см). Сохранившаяся длина 8,0 см.

14. Обломок изогнутого железного прута, круглого в сечении, диаметром 1,6 см. Сохранившаяся длина 16 см. Возможно, происходит от большого железного крюка, которые нередко использовались в погребениях скифской знати для развешивания различных вещей на стенах катакомбы (Полин 2014: 124—126, рис. 71).

23. Солоха (боковая гробница) у с. Великая Знаменка, Каменко-Днепровский р-н Запорожской обл. Раскопки Н.И. Веселовского (Манцевич 1987: 16, рис. 5).

В боковой гробнице Солохи половина длинного дромоса, начиная от входной ямы, была разделена «гривкой» высотой 0,18 м и шириной 0,85 м, на которой встречались истлевшие древесные куски и кругляки, вероятно, дополнявшие эту гривку по высоте до свода дромоса. Эта исключительно декоративная «гривка» разделяла вход в катакомбу на два условных отдельных прохода (рис. 33: 71). В боковой гробнице Солохи был захоронен мужчина царского ранга в сопровождении двух слуг и многочисленного и разнообразного инвентаря. Также его сопровождали 5 коней и конюх, захороненные в отдельных ямах рядом с входной ямой боковой гробницы (Манцевич 1987: 15—27, рис. 5). Боковая гробница датируется 390—380 гг. до н.э. (Полин 2014: 244 — здесь литература вопроса).

24—25. Каиры, Горностаевский р-н Херсонской обл. Группа Кутаревых могил. Курган 2. Раскопки Ю.А. Шилова в 1988 г. (Кубышев и др. 1988: 49—69, альб. 3, табл. 23—30).

Курган 2 имел высоту 4,2 м, диаметр около 45 м. Поверхность задернована. Содержал 3 скифских погребения. Курган покрывал панцирь из мелких известняковых камней и окружал ров, связанный с основным погребением 1. В этот ров была установлена крепиды. Во рву открыты остатки тризны-I, связанной с основным погребением 1. За пределами крепиды с Ю стороны с уровня ДГ было впущено погребение 2. После его совершения над его входной ямой была сооружена одно—трехслойная вымостка из камней до 0,6 × 0,4 × 0,2 м. Эта вымостка была кольцевой вокруг всего кургана. С 3 стороны крепиды поверх каменной вымостки обнаружены остатки тризны-II. Интервал между основным погребением 1 и впускным погребением 2 не превышал 1 года. Тризна-II связана с погребением 3, позднейшим в этом кургане, впущенным с С стороны кургана за пределами крепиды. Тризна-I датируется 380—370 гг. до н.э., а тризна-II — в пределах третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 404—405, 551), что подтверждает предположение Ю.А. Шилова о семейной связи всех захороненных в кургане 2 и его расчеты по возрасту (мужчина 50—55 лет, мальчик 8 лет, женщина 40—45 лет).

Основное погребение 1 с захоронением мужчины 50—55 лет и впускное погребение 2 с захоронением ребенка 8 лет совершены в ямах с большими подбоями, в которые из одной входной ямы 2 отдельных входа-дромоса, разделенные длинной сплошной перегородкой, вели в общий большой подбой. Ю.А. Шилов отметил аналогичность конструкции погребальных сооружений погребений 1 и 2 в кургане 2 в Каирах и боковой гробницы Солохи. Как выясняется сейчас, боковая гробница Солохи и погребения 1 и 2 в кургане 2 у с. Каиры, кроме конструкции, также очень близки и по времени и датируются в пределах 390—370 гг. до н.э. (Полин 2014: 244, 404—405).

24. Каиры, курган 2, погребение 1 (основное) (Кубышев и др. 1988: 49—51, табл. 23—25). Прямоугольная входная яма размерами $2,8 \times 1,3$ м вытянута по линии В—З. Дно на глубине 4,8 м. Ко дну расширялась до размеров $4,0 \times 1,8$ м. Через входную яму прошел грабительский колодец, вырытый с вершины кургана. Перед входом в катакомбу в дне ямы по всей длине вырыта широкая выемка глубиной 0,45 м, в которой установлен заслон из известняковых камней размерами до $0,4 \times 0,35 \times 0,2$ м, покрытый сверху слоем камыша. Заслон закрывал два отдельных входа высотой около 1,2 м и шириной 1,5 и 1,2 м, разделенных перемычкой—колонной шириной 1,2 м протяженностью 2,8 м, сужавшейся к окончанию до 0,5 м. Грабительский колодец внизу разделился на два хода, направленных непосредственно в оба входа в катакомбу. При этом каменный заклад напротив входов был частично разобран, частично грабители расширили дромосы в высоту выше заслона. Полностью заслон сохранился только напротив перемычки-колонны (рис. 35: 1, 38: 2).

Входная яма соединялась с камерой двумя наклонными дромосами длиной 2,85 м. Прямоугольная камера размерами $5,5 \times 2,65$ м ориентирована по линии В—З. Дно на глубине 5,2 м. Погребение ограблено и разрушено. На дне камеры зафиксированы следы камышовой циновки и остатки деревянного настила. Кости основного погребенного в камере отсутствовали. Его череп (мужчина 50—55 лет) найден в грабительском ходу. В дромосе № 1 под 3 стенкой найдены остатки скелета ребенка 6—8 лет, по-видимому, слуги, сопровождавшего хозяина. В заполнении дромоса № 1 и камеры найдены черпак (1), следы круглого деревянного блюда диаметром около 35 см с костями барана — напутственная пища, кости барашка, пропитанные бронзовыми окислами, выброшенные из бронзового котла, унесенного грабителями, нож (2), 11 наконечников стрел (3), 7 втоков древков копий или дротиков (4), обломки чешуйчатого панциря (5). Судя по наличию черпака, в погребении 1 присутствовали и амфоры с вином, также унесенные грабителями. Это обстоятельство еще более подчеркивает быстротечность ограбления после захоронения. Амфоры практически никогда не привлекали внимание грабителей. Но в данном случае, в них, по-видимому, еще находилось вино, из-за которого они и были унесены грабителями. Вся совокупность фактов указывает на прекрасное знакомство грабителей с конструкцией погребения 1, а также на то, что его ограбили практически сразу после совершения.

Описание находок

1. Биметаллический черпак с бронзовым полусферическим черпалом размерами $5,5 \times 2,5 \times 1,0$ см с вертикальной железной плоской ручкой длиной 29 см, загнутой крюком на окончании для подвешивания (не сохранился). Размер сечения ручки $1,2 \times 0,7$ — $0,6 \times 0,3$ см (рис. 35: 4).

2. Фр-ты железного ножа с остатками костяной ручки на черешке, прикрепленной железными заклепками. Сохранившаяся длина 5,5 см (рис. 35: 2).

3. 17 бронзовых трехгранных наконечников стрел с остриями граней, опущенными ниже обреза втулки. Высота 2,4—3,0 см (рис. 35: 6—20).

4. 7 железных трубчатых цилиндрических втоков. Длина 7,0—8,0 см, внешний и внутренний диаметры около 1,5 и 1,0 см (рис. 35: 3).

5. Обломки железного панциря, набранного из чешуек размерами $3,0 \times 1,5$ см с отверстиями для нашивания. Зафиксированы следы матерчатой и кожаной основы на обороте, на которую нашиты чешуйки (рис. 35: 5).

25. Каиры, курган 2, погребение 2 (Кубышев и др. 1988: 51—56, табл. 23—25). В ЮЗ секторе кургана с внешней стороны крепида впущено детское погребение 2. Выкид из него уложен рядом с входной ямой на уровне ДГ, а также поверх каменного панциря вверх по склону кургана. Прямоугольная входная яма размерами $2,15 \times 1,1$ м ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Дно на глубине 3,0 м. Была заполнена материковым выкидом. Ступенькой высотой 0,3 м опускалась к СВ стенке ямы, в которой находились два входа в подбой. Это углубление перед входами было заложено 4—8 слоями известняковых плит размерами до $0,5 \times 0,5 \times 0,2$ м, закрывшими всю СВ стенку и в т.ч. входы в подбой. Камни сверху покрывал тонкий слой камыша, придавленный бревнышками диаметром до 0,1 м. Среди камней найден обломок кости лошади, а также остаток древесного факела.

За камнями открылись два входа в горизонтальные дромосы длиной 3,3 м, направленные в общую камеру (рис. 36: 1, 2, 38: 3). Ширина дромосов соответственно 1,1—1,5 м и 0,8—1,2 м, высота 1,1 и 1,0 м. Разделены материковой перегородкой шириной 0,3—0,4 м протяженностью 3,3 м. Дромосы соединялись с камерой ступенькой высотой 0,3 м. Трапециевидная камера размерами $3,0 \times 1,0$ — $2,1$ м ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Высота свода 1,15—1,35 м, дно на глубине 4,0 м. Камера оказалась практически свободной от грунта, дно было покрыто незначительными обвалами грунта потолка.

На дне камеры обнаружено два детских захоронения, — хозяина и слуги, — кости которых практически истлели под воздействием воздуха и влаги в камере. Оба покойника лежали вытянуто на спине головой на СЗ (рис. 36: 1).

Основное захоронение принадлежало ребенку 6—8 лет. Ю.А. Шилов осторожно предполагал, что это могла быть девочка, со знаком вопроса. Однако, этот знак вопроса не существует для Е.Е. Фиалко, которая безоговорочно утверждает женскую принадлежность покойника, не затрудняясь какими-либо аргументами (Фиалко 2020: 349, рис. 2, 3). Веских оснований для определения женской принадлежности основного покойника в погребении 2 не было получено при раскопках. Но не появились они и сегодня. Набор сопровождающих вещей весьма характерен для детских скифских погребений IV в. до н.э. Как правило, это набор разнообразных амулетов, подвесок, в т.ч., весьма характерных бронзовых спаренных и одиночных колец с шишечковидными выступами, бус, ракушек и т.п. Золотая серьга в составе набора украшений имеет совсем «недетские» размеры, и, по-видимому, является родительским приношением любимому чаду, что также подтверждает и единичность серьги. Здесь уместно вспомнить громадный золотой пластинчатый браслет в ручке младенца, захороненного вместе с царицей в Толстой Могиле (Мозолевский 1979: 111, 143, рис. 87, 90—91, 126: 14), безусловно, являющийся материнским приношением. Также не будет лишним вспомнить, что одна серьга является чисто мужским признаком. Наличие трех невыразительных бусин в погребении 2 вовсе не свидетельствует в пользу женской принадлежности покойника. Как известно, единичные бусины встречаются и в достоверно мужских скифских захоронениях, в т.ч. и воинских (Бунятян 1985: 94). Следует отметить, что столь скромные наборы бус нехарактерны для детских скифских погребений IV в. до н.э. в целом, и тем более для девичьих в частности. Как правило, даже в небогатых захоронениях встречаются наборы из 5—10 крупных многоцветных красивых стеклянных бусин, чего мы не наблюдаем в погребении 2. И в то же время колчаный набор при основном погребенном, такой же при сопровождающем захоронении ребенка—конюха, дополненный двумя уздечными наборами и, по-видимому, седлами (см. ниже), больше указывает на мужскую принадлежность основного покойника в погребении 2.

Основной скелет лежал на деревянном помосте площадью $1,5 \times 0,5$ м из продольных досок размерами до $1,5 \times 0,1$ м, уложенном поверх многослойной подстилки из органических материалов (трава, кожа или мех). У лба погребенного обнаружена нижняя часть

трехгранного наконечника стрелы, с шириной грани у основания 0,9 см, с обломанным острием, возможно, послужившего причиной его гибели. На груди обнаружен набор украшений (1—14), а у левого бедра — стрелы и нож (15—16). За пределами настила за головой лежало круглое деревянное блюдо диаметром 35 см с костями ног и ребрами ягненка. Возле ЮЗ угла помоста обнаружен обломок деревянной ручки носилок размерами 30×6 см с двумя отверстиями размерами $2,5 \times 1,5 \times 2,0$ см (рис. 36: 47), возможно, от помоста, что может указывать на то, что дощатый помост по конструкции являлся носилками.

Описание находок при основном погребенном

1. Округлая уплощенная бусина с 8 вертикальными бороздками из белой стекловидной пасты. Высота 0,7 см, диаметр 1,5 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 38: 6).

2. Золотая серьга — крупное проволочное кольцо с заходящими концами с подвеской на маленьком колечке, свернутом из узкой полоски, в виде пустотелой двуликой головки негра, спаянной из двух одинаковых половинок, с 1—3 крохотными колечками в ушах и на подбородке. Диаметр кольца 2,6—3,0 см, сечение проволоки 0,2 см (рис. 36: 3).

3. Плоская фигурная подвеска из серого песчаника (?). Размеры $3,0 \times 2,0 \times 0,5$ —0,7 см (рис. 36: 9).

4. Подвеска-амулет «куриный бог» из подшлифованного плоского известнякового камешка с маленьким отверстием. Размеры $2,5 \times 1,6 \times 1,2$ см (рис. 36: 8).

5. Овальный литик из светло-зеленого стекла с продольным отверстием диаметром 0,2 см. Обратная сторона чуть выпуклая, на плоской лицевой стороне помещено углубленное изображение льва. Размеры $2,9 \times 2,5 \times 0,8$ см. Изображение отсутствует. Описание взято из отчета о раскопках. Возможно, был утерян при раскопках.

6. Миниатюрный амулет из черного сланца в форме ладьевидного топора. Окован поперек золотой полоской шириной 0,7 см, украшенной точечным орнаментом, с петелькой для подвешивания. Размеры $3,2 \times 0,6$ — $0,9 \times 0,6$ см (рис. 36: 4).

7. Стекланная глазчатая темно-синяя округлая бусина. Глазки темно-синие внутри белого круга. Размеры $1,3 \times 1,2$ см (рис. 36: 7).

8. Серебряная каплевидная подвеска с отверстием и проволочным колечком в нем. Размеры $1,8 \times 1,5 \times 1,1$ см (рис. 36: 10).

9. Стекланная уплощенная шестидольчатая бусина. Украшена коричневой, синей и фиолетовой полосами. Высота 1,6 см, диаметр 2,3 см (рис. 36: 5).

10. Обломок расколотой в древности (производственный брак) бусины из темно-синего стекла. Высота около 1,5 см, диаметр более 1,5 см. Изображение отсутствует.

13. 2 бронзовых цельнолитых колечка, вдетых друг в друга, с тремя припаянными двойными шариками, равномерно распределенными по окружности. Диаметры колец 3,2 см, диаметры шариков 0,7 см. С ними вместе подобное кольцо диаметром 4,1 см с припаянным ушком для подвешивания и 3-мя миниатюрными гроздьями из 3-х шариков диаметром 0,3 см. Диаметр сечения всех колец 0,4 см (рис. 36: 11, 12).

Такие колечки, — в основном, спаренные, одиночные встречаются значительно реже, — достаточно широко распространены на территории причерноморской Скифии, преимущественно степной. Восточнее Дона неизвестны. Самая восточная находка происходит из Прикубанья. Несколько находок спаренных колечек обнаружено в некрополе Ольвии. Встречены исключительно в погребениях женщин и детей последней четверти V — IV вв. до н.э. Предположение об их связи с вооружением по материалам Скифии

подтверждений не имеет. Здесь это исключительно амулеты. Спаренные колечки в подавляющем большинстве изготовлены из бронзы. Известно лишь 3 экземпляра, изготовленных из золота, найденные в Бердянском кургане 380—370 гг. до н.э. (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017: 114, кат. 114; Полин 2014: 263), в погребении 2 кургана 1 группы Новодудчино-2 второй четверти IV в. до н.э. (Лесков и др. 1972; Полин 2014: 397) и в кургане у ст. Марьевской 1912 г. в Прикубанье в коллективном захоронении (ОАК 1912: 56, рис. 79), где наиболее ранние захоронения, с которыми связаны эти колечки, по амфорным клеймам датируются не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э. Датировка всей группы детских и женских бронзовых и золотых колечек—подвесок Скифии твердо ограничивается IV в. до н.э. и более поздних находок не существует (Полин 2014: 73—75 — здесь подробный разбор и литература вопроса). Это прекрасно демонстрируют курганы III—II вв. до н.э. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 850—885, рис. 437). Также их нет и в позднескифских древностях Нижнего Днепра и Крыма.

15. 11 трехгранных втульчатых наконечников с маленьким П-образным ложком в основании граней на $\frac{1}{4}$ высоты головки, остриями граней, опущенными ниже обреза втулки. Высота 2,8—3,0 см. Сохранились тонкие деревянные древки на длину до 15 см (рис. 36: 26—35).

16. Железный нож с цельной костяной ручкой. Клинок с горбатой спинкой и прямым лезвием крепился в распиле в верхней части рукояти двумя железными заклепками. Общая длина 17 см, длина ручки 10 см (рис. 36: 36).

Погребение слуги-конюха в погребении 2, сопровождавшее основного покойника—ребенка, также детское. Находилось в конце дромоса № 2, уже в пределах основной камеры, в прямоугольной яме размерами 1,7 × 0,7 м, углубленной в дно камеры на 0,15 м. Дно выстлано травой. Под головой найдено 2 уздечных набора, а также элементы седловки в виде подпружных пряжек (17—22), у левого бедра — наконечники стрел (23), ближе к поясу — железное четырехгранное шило длиной свыше 7 см и толщиной до 0,4 см.

Описание находок при слуге—конюхе

17—18. Обломки железных простых и строгих двучастных удил скифского типа с загнутыми в кольца окончаниями. Полностью сохранилось одно звено простых удил. Его длина 12 см, диаметр колец на его окончаниях около 3,5 см, диаметр грызла около 1 см (рис. 36: 37). На крупном фрагменте строгих удил сохранился насаженный на грызло квадратный щиток с четырьмя шипами по углам (рис. 36: 38). Железные простые скифские двучастные кольчатые удила существовали на протяжении всей скифской, а также и последующей сарматской эпох. Использование строгих удил в Скифии зафиксировано от середины — третьей четверти V в. до середины — третьей четверти IV в. до н.э. На Северном Кавказе они бытовали и в первой половине III в. до н.э. Далее к востоку строгие удила неизвестны (Бидзиля, Полин 2012: 226, 230—231).

19. 4 однотипных железных прямых двудырчатых псалиев с 8-видными расширениями посредине и шишечковидными утолщениями на окончаниях. Длина около 18 см, диаметр отверстий около 0,5 см, диаметр стержней около 0,7 см, шишечек около 1,1 см (рис. 36: 42, 44—46). Железные прямые двудырчатые псалии появились в Скифии в конце VI или в начале V в. до н.э. и были широко распространены в первой половине — в третьей четверти IV в. до н.э. Для курганов скифской знати характерны прямые псалии крупных размеров — около 20 см длины и более. В курганах рядового населения такие псалии, как правило, короткие, 10—13 см длиной. Наши псалии по размерам соответствуют курганам скифской знати, собственно, как и сам курган 2 у с. Каиры по всем показателям. Прямые двудырчатые

псалии являются изобретением причерноморских скифов, поскольку восточнее Дона встречаются крайне редко и их появление там, по-видимому, связано с Северным Причерноморьем (Бидзиля, Полин 2012: 228—230).

20. Подпружная железная квадратная пряжка со стороной около 4 см, изготовленная из стержня диаметром около 0,6 см (рис. 36: 41). Железные прямоугольные подпружные пряжки существовали в Скифии на протяжении второй — третьей четвертей IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 409).

21. Железное чомбурное (?) колечко диаметром 3 см из согнутого стержня диаметром 0,5 см (рис. 36: 39).

22. Одна целая и фр-т второй бронзовых литых круглых подпружных пряжек с выступом с шляпкой. Диаметр 4,4 см, толщина стержня 0,4 см (рис. 36: 40, 43). Такие бронзовые подпружные пряжки встречены в скифских курганах Северного Причерноморья, датирующихся в пределах конца V — начала IV — середина IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 191—194).

23. 13 бронзовых наконечников стрел. 12 из них однотипны с наконечниками из колчана основного погребенного в погребении 2 (рис. 36: 13—19, 21—25), а 1 — трехлопастный, с ложком до острия, с фигурной головкой — с вогнутыми лопастями в нижней половине и остроконечной верхушкой. Размеры 2,0—3,0 см (рис. 36: 20).

26. Рыжановский курган у с. Рыжановка, Звенигородский р-н, Черкасская обл. Центральная могила. Раскопки С.А. Скорого и Я. Хохоровски в 1997 г. (Скорый, Хохоровски 2018: 28—38, 46—86, рис. 11, 12).

В Центральной могиле, совершенной в яме с большим подбоем, вход в подбой и значительную его часть символически разделяла на две части высокая длинная материковая ступенчатая перегородка, не достигавшая свода камеры (рис. 37). Во входной яме захоронен слуга, в камере захоронен мужчина 45—50 лет. По мнению авторов раскопок, в целом погребальная камера Центральной могилы являлась имитацией жилого сооружения, а упомянутая материковая перегородка имитировала “какое-то печное сооружение с подпрямоугольной, подрезанной сбоку и горизонтальной сверху «топочной» конструкцией и довольно широкой, близкой по форме усеченному конусу «трубой»” (Скорый, Хохоровски 2018: 33). Трудно сказать, что навеяло авторам раскопок мысль о сходстве Центральной могилы с нормальным жилищем. Вряд ли можно считать аргументом зафиксированную драпировку стен подбоя тканью. Абсолютно закономерно, понятно и приемлемо толкование в подобном роде больших открытых прямоугольных ям, иногда со входами—дромосами, где стены и дно обшиты деревянными досками или бревнами, с наличием или без опорных столбов, перекрытых сверху накатом из бревен или настилом из досок. Но в данном случае ничего этого нет. Чем подземная нора, стенки которой задрапированы тканью, похожа на жилище, осталось секретом исследователей. Возможно, к этому странному предположению привела авторов интерпретация материковой перегородки в качестве печи с трубой. По-видимому, логика здесь была предельно простой — печь может быть только в жилище. Но исходная посылка (трактовка перегородки в качестве печки) абсолютно неверна. Как следует из рассмотренных выше погребений (табл.: 18—25), дело здесь обстояло совершенно иначе. Материковая перегородка не имела ни малейшего отношения к кухонно-печному оборудованию жилища, а выполняла совершенно иную, значительно более прозаическую функцию — перегородки, символически (поскольку не достигал потолка) разделявшей вход в погребальную камеру на два отдельных прохода. Более того, «печей» такой формы и конструкции просто не существует, не известны они, естественно, и в скифскую эпоху в Северном Причерноморье.

Авторы раскопок склонны датировать Рыжановский курган в пределах первой половины III в. до н.э., между 280—260 гг. до н.э. (Скорый, Хохоровски 2018: 143). Однако, данная датировка является совершенно искусственной и просто невероятна, поскольку в обоих погребениях Рыжановского кургана абсолютно отсутствуют вещи III в. до н.э., в т.ч. предметы античного импорта, абсолютная хронология которых на сегодняшний день установлена максимально надежно и не вызывает ни малейших сомнений. В свое время Н.А. Онайко датировала Боковую могилу Рыжановского кургана второй половиной, не позднее начала последней четверти IV в. до н.э. (Онайко 1970: 58). С.Ю. Монахов недавно подтвердил датировку амфор и чернолаковой керамики из боковой могилы Рыжановского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов 1999: 413—415; 2003: 28—29, прим. 24), что предполагает несколько более раннюю дату для Центральной могилы. Для датировки этого кургана позднее третьей четверти IV в. до н.э. нет ни малейших оснований (Бидзиля, Полин 2012: 569—578; Полин 2014: 503).

Таблица. Свод погребений в катакомбах с двумя одновременными входными ямами и двойными входами в общую камеру из общей входной ямы

№ п/п	Пункт	Пол	Сопровождающие вещи	Дата	Основание датировки
1	Вильна Украина, группа Р-I/III, курган 3, погребение 1	М зрелый (Круц и др. 1986: 322)	Копье, нож, наконечники стрел	конец V — начало IV в. до н.э.	Наконечники стрел
2	Вильна Украина, группа Р-I/III, курган 7, погребение 1	Ж	Скоба калачиковидной серьги, наконечник стрелы, втоки, краснофигурный килик	первая четверть IV в. до н.э.	Краснофигурный килик
3	Вильна Украина, группа Р-I/III, курган 44, погребение 1	Ж	Копье, нож, железная скоба, наконечник стрелы, ворварка, стеклянные бусы	вторая — третья четверти IV в. до н.э.	Бусы
4	Семеновка, курган 4, погребение 1	М	Наконечники стрел, наконечники копий	первая четверть IV в. до н.э.	Наконечники стрел
5	Софиевка курган 16, погребение 1	М	Копья, меч, наконечники стрел, точило, амфора, чернолаковый кувшинчик	третья четверть V в. до н.э.	Амфора и чернолаковый сосуд
6	Глухое, курган 4, погребение 3	М старый	Амфора, нож, сфероиды, наконечники стрел	Середина V в. до н.э.	Амфора и наконечники стрел
7	Привольное-I курган 20, погребение 1	Ж 25—30 лет (Круц, Черникова 1979: 105).	Пряслище, копья, зеркало, ворварка, наконечники стрел	Конец V — начало IV вв. до н.э.	Наконечники стрел
8	Сергеевка, курган 9, погребение 2	М	Меч, копья	Конец V в. до н.э.	Меч с антенновидным навершием

Таблица. Свод погребений в катакомбах с двумя одновременными входными ямами и двойными входами в общую камеру из общей входной ямы (продолжение)

№ п/п	Пункт	Пол	Сопровождающие вещи	Дата	Основание датировки
9	Антоновка, курган 6, погребение 2	М	Панцирь, наконечники стрел, ворварки	Середина V в. до н.э.	Наконечники стрел и ворварки
10	Таборовка, курган 2, погребение 2	М	Панцирь, наконечники стрел, ворварки, кинжал, копье/дротик, флакон	Не позднее конца V в. до н.э.	Стратиграфия
11	Тимофеевка, курган 6, погребение 1	М	Копья, меч, наконечники стрел, блюдо, амфора, кувшин, бронзовый черпак	Конец V в. до н.э.	Амфора и наконечники стрел
12	Мерень, курган 1, погребение 3	М молодой	Наконечники стрел, копья, астрагал	Конец V вв. до н.э.	Наконечники стрел и стратиграфия
13	Мерень, курган 1, погребение 7	Ж старая	Золотые бляшки, нож, зеркало, деревянная чаша, астрагалы, кувшинчик, шилья, бронзовый лутерий, наконечник стрелы	Не позднее конца V в. до н.э.	Золотые бляшки, зеркало, лутерий
14	Глиное, группа «Сад», курган 12, погребение 3	М 20—35 лет	Абразив, оселок, копья, наконечники стрел	первая четверть IV в. до н.э.	Наконечники стрел
15	Александропольский курган, Центральная гробница	М за 50 Ж 20—35 лет	Захоронение царское, очень много всего	340—330 гг. до н.э.	Комплекс амфор и клейм
16	Гайманова Могила, Северная гробница № 1	М 50—60 лет Ж 40—50 лет (Круц 2012: 597)	Захоронение элитное, очень много всего	конец второй четверти IV в. до н.э.	Комплекс амфор и клейм
17	Бабина Могила, гробница № 2	М 50—60 лет Ж 25—35 лет (Круц 2005: 460).	Захоронение элитное, очень много всего	340—330 гг. до н.э.	Набор греческих изделий
Одна входная яма и два одновременных входа в общую камеру					
18	Первомаевка-II, курган 4, погребение 5	Ж	Наконечник стрелы, свинцовое пряслице, нож, золотая пластина	Начало IV в. до н.э.	Стратиграфия кургана
19	Первомаевка-II, курган 4, погребение 6	Ребенок, девочка	Серьга, бусы, браслет, фрагмент оселка	Начало IV в. до н.э.	Контекст кургана

Таблица. Свод погребений в катакомбах с двумя одновременными входными ямами и двойными входами в общую камеру из общей входной ямы (продолжение)

№ п/п	Пункт	Пол	Сопровождающие вещи	Дата	Основание датировки
20	Первомаевка-II, курган 4, погребение 7	Ж (?) юношеско-возмужалого возраста (Круц и др. 1986: 329)	Полностью ограблено	Начало IV в. до н.э.	Амфоры и клейма
21	Первомаевка-II, курган 4, погребение 8	М зрелый	Панцирь, наконечники стрел, копья, амфоры, котел	Начало IV в. до н.э.	Амфоры
22	Федоровка курган 1, погребение 1	М	Котел, узда, меч, копья, дротики, наконечники стрел, портупейный пояс, браслет, деревянный сосуд	первая половина — середина IV в. до н.э.	Амфоры из тризны
23	Солоха, Боковая гробница	М	Захоронение царское, всего очень много	390—380 гг. до н.э.	Амфоры, чернолаковый килик
24	Каиры, курган 2, погребение 1 (основное)	М 50—55 лет	Нож, котел, панцирь, копья/дротики, наконечники стрел, черпак, амфоры	380—370 гг. до н.э.	Амфоры, клейма
25	Каиры, курган 2, погребение 2	мальчик 8 лет	Набор украшений, наконечники стрел, 2 комплекта узды и элементов седловки	380—370 гг. до н.э.	Практически синхронно погребению 1
26	Рыжановский курган, Центральная могила	М 45—50 лет	Захоронение элитное, всего очень много	третья четверть IV в. до н.э.	Набор греческой керамики, бронзовые сосуды и ювелирные изделия

Источниковая база. Мы располагаем данными о 14 индивидуальных захоронениях зажиточных скифов в катакомбе с двумя одновременными входными ямами (табл.: 1—14), о 9 индивидуальных захоронениях в больших подбоях усложненной конструкции, в которые из одной входной ямы ведут два одновременных входа, из которых 4 погребения принадлежат зажиточным скифам (табл.: 18—21) и 5 погребений представителям скифской знати вплоть до царского уровня (табл.: 22—26), а также о 3 захоронениях с двумя одновременными входными ямами с парными захоронениями мужчины и женщины в общей катакомбе в сопровождении слуг и коней в курганах скифской элиты и царской верхушки (табл.: 15—17).

Ареал распространения: перечисленные группы погребений обнаружены преимущественно в степном Северном Причерноморье — 25 погребений (табл.: 1—25). Единственное погребение в Рыжановском кургане (табл.: 26) известно на южной окраине Днепровской правобережной лесостепи. Ареал этих групп охватывают территорию с востока на запад от Нижнего Поднепровья в пределах современной левобережной Херсонской обл.

до правобережья Нижнего Днестра в районе Кишинева, а с юга на север от Нижнего Поднепровья в Херсонской обл. до южной окраины современной правобережной Черкасской обл. (рис. 39).

Индивидуальные захоронения зажиточных скифов в катакомбе с двумя одновременными входными ямами открыты в левобережной Херсонской обл. — 7 погребений (табл.: 1—5, 7, 8 — Вильна Украина, курганы 3, 7, 44, Семеновка, курган 4, Софиевка, курган 16, Привольное, курган 20, Сергеевка, курган 9), на правом берегу Днепра в Днепропетровской обл. — 1 погребение (табл.: 6 — Глухое, курган 4), в Нижнем Побужье в Николаевской обл. — 3 погребения (табл.: 9—11 — Антоновка, курган 6, Таборовка, курган 2, Тимофеевка, курган 6) и 3 погребения на левом (табл.: 14 — Глиное, курган 12) и правом (табл.: 12—13 — Мерень, курган 1, погребения 3 и 7) берегах Нижнего Днестра.

Парные захоронения высшей скифской знати в общей катакомбе с двумя одновременными входными ямами, каковых насчитывается 3 (табл.: 15—17), сосредоточены в Нижнем Поднепровье на левом (табл.: 16 — Гайманова Могила) и правом берегах (табл.: 15, 17 — Александропольский курган и Бабина Могила) в пределах современных Запорожской и Днепропетровской обл.

Индивидуальные захоронения зажиточных скифов в подбое с двумя отдельными одновременными входами из одной входной ямы, — 4 таких погребения открыты в кургане 4 у с. Первомаевка (табл.: 18—21 — курган 4, погребения 5, 6, 7, 8) на левом берегу Днепра на севере Херсонской обл.

Индивидуальные захоронения высшей скифской знати в катакомбе (подбое) с двумя отдельными одновременными входами из одной входной ямы, — известно 5 таких погребений (табл.: 22—26 — Федоровка, курган 1, Солоха, Каиры, курган 2, погребения 1 и 2, Рыжановский курган). Из них 4 сосредоточены на левом берегу Нижнего Днепра на юге Запорожской и севере Херсонской обл. Единственное захоронение этой группы открыто значительно севернее на южной окраине Днепровской правобережной лесостепи в Черкасской обл. в Рыжановском кургане (табл.: 26).

Половозрастной состав погребенных. Для 10 погребенных имеются антропологические определения, пол остальных погребенных уверенно определяется по составу сопровождающих вещей. Всего открыто 24 погребения с захоронениями взрослых людей и 2 детских. Пол детских захоронений (табл.: 19, 25) определен по составу вещей, и эти погребения включены в состав мужской (табл.: 25) и женской (табл.: 19) группы. В целом открыто 19 мужских захоронений (табл.: 1, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26) и 10 женских (табл.: 2, 3, 7, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20)¹⁴.

Хронология. В целом датировки всего массива описанных погребений укладываются в интервале середина V в. до н.э. — третья четверть IV в. до н.э.

8 погребений датируется в пределах второй половины V в. до н.э. (табл.: 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13 — Софиевка, курган 16, Глухое, курган 4, Сергеевка, курган 9, Антоновка, курган 6, Таборовка, курган 2, Тимофеевка, курган 6, Мерень, курган 1, погребения 3 и 7) (рис. 40).

9 погребений датируются концом V — началом IV в. до н.э. (табл.: 1, 2, 4, 7, 14, 18—21 — Вильна Украина, курганы 3 и 7, Семеновка, курган 4, Привольное, курган 20, Глиное, курган 12, Первомаевка, курган 4, погребения 5, 6, 7 и 8) (рис. 41).

9 погребений совершены в конце первой — третьей четверти IV в. до н.э. (табл.: 3, 15, 16, 17, 22, 23, 24, 25, 26 — Вильна Украина, курган 44, Александропольский курган,

¹⁴ Несовпадение количества захороненных людей с количеством погребений объясняется тем, что в 3 погребениях в царских курганах помещалось не менее двух знатных покойников (табл.: 15—17).

Гайманова Могила, Бабина Могила, Федоровка, курган 1, Солоха, Каиры, курган 2, погребения 1 и 2, Рыжановский курган) (рис. 42).

Внутри выделенных групп распределение следующее. Индивидуальные захоронения зажиточных скифов в катакомбе с двумя одновременными входными ямами — максимально, — 8 погребений, совершены во второй половине V в. до н.э. (табл.: 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13 — Софиевка, курган 16, Глухое, курган 4, Сергеевка, курган 9, Антоновка, курган 6, Таборовка, курган 2, Тимофеевка, курган 6, Мерень, курган 1, погребения 3 и 7), несколько меньше, — 5 погребений, — в конце V — начале IV в. до н.э. (табл.: 1, 2, 4, 7, 14 — Вильна Украина, курганы 3 и 7, Семеновка, курган 4, Привольное, курган 20, Глиное, курган 12) и лишь 1 погребение во второй — третьей четвертях IV в. до н.э. (табл.: 3 — Вильна Украина, курган 44).

Парные захоронения высшей скифской знати царского уровня все относятся ко второй — третьей четвертях IV в. до н.э. (табл.: 15, 16, 17 — Александропольский курган, Гайманова Могила, Бабина Могила).

Индивидуальные захоронения зажиточных скифов в подбое с двумя отдельными одновременными входами из одной входной ямы, — 4 погребения (погребения 5, 6, 7, 8), открытые в единственном кургане 4 у с. Первомаевка (табл.: 18—21), датируются концом V — началом IV в. до н.э.

Индивидуальные захоронения высшей скифской знати в катакомбе (подбое) с двумя отдельными одновременными входами из одной входной ямы, — 5 погребений, — датируются в пределах конца первой — третьей четверти IV в. до н.э. (табл.: 22—26 — Федоровка, курган 1, Солоха, Каиры, курган 2, погребения 1 и 2, Рыжановский курган).

Изменение конструкции катакомб с двумя одновременными входными ямами. Такие изменений прослеживаются только в группе катакомб с индивидуальными захоронениями зажиточных скифов с двумя одновременными входными ямами (табл.: 1—14), существовавших на протяжении всего установленного диапазона от середины V до третьей четверти IV вв. до н.э.

В этой группе выделяются два типа — прямоугольные сравнительно обширные катакомбы с круглыми входными ямами (табл.: 5, 6, 8, 10, 11 — Софиевка, курган 16, Глухое, курган 4, Сергеевка, курган 9, Таборовка, курган 2, Тимофеевка, курган 6) и длинные узкие катакомбы с овальными и прямоугольными входными ямами (табл.: 1—4, 7, 12, 14 — Вильна Украина, курганы 3, 7, 44, Семеновка, курган 4, Привольное, курган 20, Мерень, курган 1, погребение 3, Глиное, курган 12). Обширные прямоугольные катакомбы являются более ранними и датируются в пределах второй половины V в. до н.э. Длинные узкие катакомбы данного типа датируются в диапазоне конец V — первая половина IV в. до н.э., возможно, с заходом в третью четверть столетия. Своеобразным гибридом обоих типов является катакомба в кургане 1 в погребении 7 у с. Мерень (табл.: 13), имеющая весьма значительную ширину в 1,9 м и расположение покойника и инвентаря по схеме обширных прямоугольных катакомб. Датируется не позднее конца V в. до н.э.

Интерпретация. Назначение катакомб с двумя одновременными входными ямами или двумя одновременными входами из одной входной ямы достоверно установить не представляется возможным. Две одновременных входных ямы в одну катакомбу (табл.: 1—17), а также условное (табл.: 18, 19, 23) или реальное разделение на два входа из одной входной ямы в одну камеру (табл.: 20, 21, 22, 24, 25, 26) никакого утилитарного назначения не имели. Рационального объяснения этому нет. Остается предполагать только неизвестные нам требования погребального ритуала, в силу которых различные действия могли осуществляться только через различные входы. Возможно, какие-то параллели существуют в

этнографии, однако таковые нам остались неизвестными. Являются ли такие особенности погребального обряда присущими какой-то одной определенной родо-племенной группе, — предполагать можно, но подтвердить нечем.

В индивидуальных катакомбах с двумя одновременными входными ямами или входами в одну камеру преобладают захоронения мужчин — 19 захоронений¹⁵ против 10 женских¹⁶. Географически мужские погребения распространены достаточно равномерно во всех отмеченных регионах. Также и женские захоронения, за исключением Нижнего Побужья и лесостепной Черкащины, где таковые не известны. Во времени мужские захоронения распределены довольно равномерно — 7 захоронений второй половины V в. до н.э. (табл.: 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12), 5 захоронений конца V — начала IV в. до н.э. (табл.: 1, 4, 14, 21, 23) и 7 захоронений конца первой — третьей четвертей IV в. до н.э. (табл.: 15, 16, 17, 22, 24, 25, 26). Женские захоронения во времени распределены несколько иначе — лишь одно в конце V в. до н.э. (табл.: 13), 5 в конце V — начале IV в. до н.э. (табл.: 2, 7, 18, 19, 20) и 4 в конце первой — третьей четвертях IV в. до н.э. (табл.: 3, 15, 16, 17).

В целом динамика развития выделенных групп погребений представляется следующей. Во второй половине V — начале IV в. до н.э. известны только индивидуальные захоронения зажиточных скифов в катакомбе с двумя одновременными входными ямами (табл.: 1, 2, 4—14). На вторую половину V — начало IV в. до н.э. приходится максимум их территориального распространения — от левобережья Нижнего Днестра в пределах Херсонской обл. (табл.: 1, 2, 4, 5, 7, 8) через Нижнее Побужье (табл.: 9, 10, 11) на левый и правый берега Нижнего Днестра в районе нынешнего Кишинева (табл.: 12, 13, 14) с востока на запад и на север в правобережном Нижнем Поднепровье до юга современной Днепропетровской обл. (табл.: 6).

В начале IV в. до н.э. ситуация резко меняется. Индивидуальные захоронения зажиточных скифов в катакомбе с двумя одновременными входными ямами практически исчезают, известно лишь 1 такое захоронение, датирующееся второй — третьей четвертями IV в. до н.э. (табл.: 3). Для конца V — начала IV в. до н.э. известно 4 индивидуальных захоронения зажиточных скифов в кургане 4 у с. Первомаевка (табл.: 18—21) с символическими или реальными двумя входами в одну камеру из одной входной ямы. В конце первой — третьей четвертях IV в. до н.э. такой обряд известен в основном в индивидуальных захоронениях представителей высшей скифской знати и царей в сопровождении зависимых лиц и коней (табл.: 22—26). Во второй — третьей четвертях IV в. до н.э. две одновременных входных ямы применялись в парных захоронениях высшей скифской элиты, также сопровождавшихся слугами и конями (табл.: 15—17). Позднее такой обряд не зафиксирован. В начале второй четверти IV в. до н.э. сокращается ареал исследуемого массива погребения. Теперь это только левобережные Херсонская (табл.: 16, 18—22, 24, 25) и Запорожская обл. (табл.: 23), во второй — третьей четвертях IV в. до н.э. — правобережные Днепропетровская обл. (табл.: 15 и 17) и южная Черкасская обл. (табл.: 26).

¹⁵ табл.: 1, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

¹⁶ табл.: 2, 3, 7, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20. Несовпадение количества захороненных людей с общим количеством погребений объясняется тем, что в 3 погребениях в царских курганах помещалось не менее двух знатных покойников (табл.: 15—17).

Литература

- Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука (САИ Г1-12).
- Бабенко Л.И. 2012. Об одном иконографическом варианте образа грифона в греко-скифской торевтике. *Древности 11*, 105—116.
- Березовець Д.Т. 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. *Археологічні пам'ятки УРСР* 9, 39—87.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки. *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, 61—158.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Олег Филук.
- Битковский О. В., Полин С. В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V—IV вв. до н. э.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 74—85.
- Болтрик Ю.В. 1997. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти. *Археологія* 1, 28—37.
- Бунятян Е.П. 1977. Погребальный обряд рядовых скифов южной Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции). В: Черненко Е.В. (ред.). *Курганы южной Херсонщины*. Киев: Наукова думка, 129—142.
- Бунятян Е.П. 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии*. Киев: Наукова думка.
- Бунятян Е.П., Чередниченко Н.Н., Мурзин В.Ю. 1977. Скифский могильник у с.Верхнетарасовка. В: Чередниченко Н.Н (ред.). *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев: Наукова думка, 59—124
- Горбунова К.С. 1977. Краснофигурный килик, найденный в некрополе Панское I. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *История и культура античного мира*. Москва: Наука, 41—45.
- Граков Б.Н. 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *МИА* 115, 56—113.
- Граков Б.Н. 1964. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. *АСГЭ* 6, 118—127.
- Дараган М.Н. 2019. О колчанных наборах скифов первой половины — середины V в. до н.э. (башневидный горизонт). *МАИАСП* 11, 146—214. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00004.
- Дараган М.Н. 2020. Литые метки на скифских наконечниках стрел, как хроноиндикаторы: метка косая линия. *МАИАСП* 12, 224—344. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00006.
- Дараган М.Н. 2021. Наконечники стрел из Любимовского могильника и горизонт крестовидных меток (в печати).
- Дараган М.Н., Полин С.В. 2020. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев степной Скифии второй половины V—IV вв. до н.э. *Археология евразийских степей* 6, 42—86. DOI: 10.24411/2587-6112-2020-10063.
- ДГС I. Атлас: *Древности Геродотовой Скифии I. Атлас. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях*. 1866. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ДГС I: *Древности Геродотовой Скифии I. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях*. 1866. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ДГС II: Атлас. *Древности Геродотовой Скифии II. Атлас. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях*. 1872. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Дергачев В.А., Сава Е.Н. 2001—2002. Исследования курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка. *Stratum plus* 2, 526—562.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 85—115.
- Евдокимов и др. 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/21. Евдокимов Г.Л., Поруцкий А.Г., Гершкович Я.П. 1981. Отчет о раскопках курганов и поселения Краснознаменной новоостроечной экспедицией в Херсонской области в 1981 г.
- Елинова и др. 1984: НА ИА НАНУ. № 1984/101. Елинова Л.П., Голубчик Л.Н., Чурилова Л.Н. Отчет об археологических раскопках музея на землях Марганецкого горно-обогатительного комбината в 1984 г.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.
- Канторович А.Р. 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дисс. ... д-ра ист. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

- Ключко Л.С., Білан Ю.О., Березова С.А., Величко Є.О. 2021. *Сережки у вбранні населення Скіфії з колекції Музею історичних коштовностей України*. Київ: ТОВ «Фенікс».
- Круц и др.: Круц С. И., Потехина И. Д., Шепель Е. А., Сегеда С. П., Назарова Т. А., Литвинова Л. В., Рудич Т. А. 1986. Палеоантропологический каталог коллекций Института археологии АН УССР. НА ИА НАНУ. № 118. Ч. 1—2.
- Круц С.И. 2005. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья. В: Мозолевский Б.Н., Полин С.В. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос, 459—501.
- Круц С.И. 2012. Антропология Гаймановой Могилы. В: Бидзиля В.И., Полин С.В. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Издательский дом «Скиф», 597—601.
- Круц С.И., Черникова И.Н. 1979. Антропологические данные из курганов Херсонской области. В: *Палеоантропологические материалы из могильников Украины*. Киев: Наукова думка, 86—107.
- Кубышев и др. 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/5. Кубышев А.И., Ядвичук В.И., Иванов А.И., Николова А.В., Чекамова Г.И., Симоненко А.В. 1975. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в 1975 г.
- Кубышев и др. 1977: НА ИА НАНУ. № 1977/23. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Николова А.В., Полин С.В., Симоненко А.В., Битковский О.В. 1977. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 г.
- Кубышев и др. 1988: НА ИА НАНУ. № 1988/20. Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоненко А.В., Ковалев Н.В., Куприй С.А., Седов Е.А., Лысенко Г.И. 1988. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1988 г. в зоне строительства орошаемых участков в Херсонской обл.
- Лесков и др. 1969: НА ИА НАНУ. № 1969/22. Лесков А.М., Кубышев А.И., Черненко Е.В., Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Ястребова С.Б., Отрощенко В.В. 1969. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1969 г.
- Лесков и др. 1970: НА ИА НАНУ. № 1970/36. Лесков А.М., Кубышев А.И., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Отрощенко В.В., Румянцев А.Н., Чередниченко Н.Н., Ястребова С.Б. 1970. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г.
- Лесков и др. 1972: НА ИА НАНУ. № 1972/35. Лесков А.М., Румянцев А.Н., Болдин Я.И., Чекамова Г.И., Ястребова С.Б., Зарайская Н.П., Шилов Ю.А., Шилова Т.П., Кубышев А.И., Ильинская В.А. 1972. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1971 г.
- Лесков О. 1974. *Скарби курганів Херсонщини*. Київ: Мистецтво.
- Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.
- Мозолевский Б.Н. 1982. Скифский царский курган Желтокаменка. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 179—222.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.
- Мозолевський Б.М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.
- Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров—экспортеров товаров в керамической таре. Каталог—определитель*. Москва; Саратов: Киммериды; Саратовский университет.
- Мурзин В.Ю., Белан Ю.А., Подвысоцкая Е.П. 2017. *Бердянський курган (Погребальний комплекс скифського аристократа IV в. до н.э.)*. Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк».
- ОАК за 1912 г. 1916. Петроград: Типография Главного управления уделов.
- ОАК за 1913—1915 гг. 1918. Петроград: Девятая Государственная Типография.
- Ольховский В.С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *СА* 4, 108—128.
- Ольховский В.С. 1991. *Погребально—поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н.э.)*. Москва: Наука.
- Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).
- Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).
- Островерхов А.С. 1985. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии. *ВДИ* 3, 92—109.

- Передольская А.А. 1963. Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат. *Archeologia* XIV, 41—48.
- Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк» (Курганы Украины 3).
- Полин С.В., Алексеев А.Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: ФОП «Видавець Олег Філюк» (Курганы Украины 6).
- Полин С.В., Дараган М.Н. 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. *СУМВОЛА 1. Античний мир Северного Причорномор'я. Новейшие находки и открытия* 1. Москва; Киев: Триумф принт, 191—209.
- Полин С.В., Кубышев А.И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)*. Киев: НАН Украины; Институт археологии.
- Синика В.С. 2007. *Погребальные памятники скифской культуры конца VII — начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей*; автор. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифское погребение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 331—351.
- Скорый С., Хохоровски Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк».
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н.П. (ред.). *Древности Северного Причорномор'я III—II вв. до н.э.* Тирасполь: Stratum plus.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. 1977. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.). В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 152—199.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 187—234.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.
- Фіалко О.Є. 2020. «А дівчат амазонки привчали до зброї, коней та полювання ...». *АДУ* 3 (36), 347—359.
- Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. 1977. Скифские курганы у с.Владимировка. *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев: Наукова думка, 125—150.
- Черненко Е.В. 1967. Скифские курганы на Никопольщине. *ЗОО* 2 (35). Одесса: Маяк, 179—191.
- Черненко С.В. 1990. Про що нагадали фотографії. *Археологія* 3, 92—95.
- Шапошникова и др. 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/8. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Бочкарев В.С., Гребенников Ю.С., Ключинцев В.Н., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А. 1973. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.
- Шапошникова и др. 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/3. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балускин А.М., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Корпусова В.Н., Магомедов Б.В., Некрасова А.Н., Нечитайло А.Л., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А. 1975. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1975 г.
- Шапошникова и др. 1982: НА ИА НАНУ. № 1982/3. Шапошникова О.Г., Балускин А.М., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Ребедайло Г.П., Товкайло Н.Т., Фоменко В.Н. 1982. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1982 г.
- Beazley J.D. 1963. *Attic red-figure vase-painters*. Oxford: Clarendon Press.
- Rolle R. 1978. *Totenkult der Skythen I. Das Steppengebiet* Berlin; New York: de Gruyter (Vorgeschichtliche Forschungen 18).
- Spaer M., Barag D., Ornan T., Neuhaus T. 2001. *Ancient glass in the Israel Museum: beads and other small objects*. Jerusalem: Israel Museum.
- Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and plaine pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. *The Athenian Agora* XII.
- Teleaga E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden : VML, Verlag Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vorund Frühgeschichte 23).
- Ure A.D. 1944. Red-figured cups with incised and stamped decoration. II. *JHS* LXIV, 67—77.

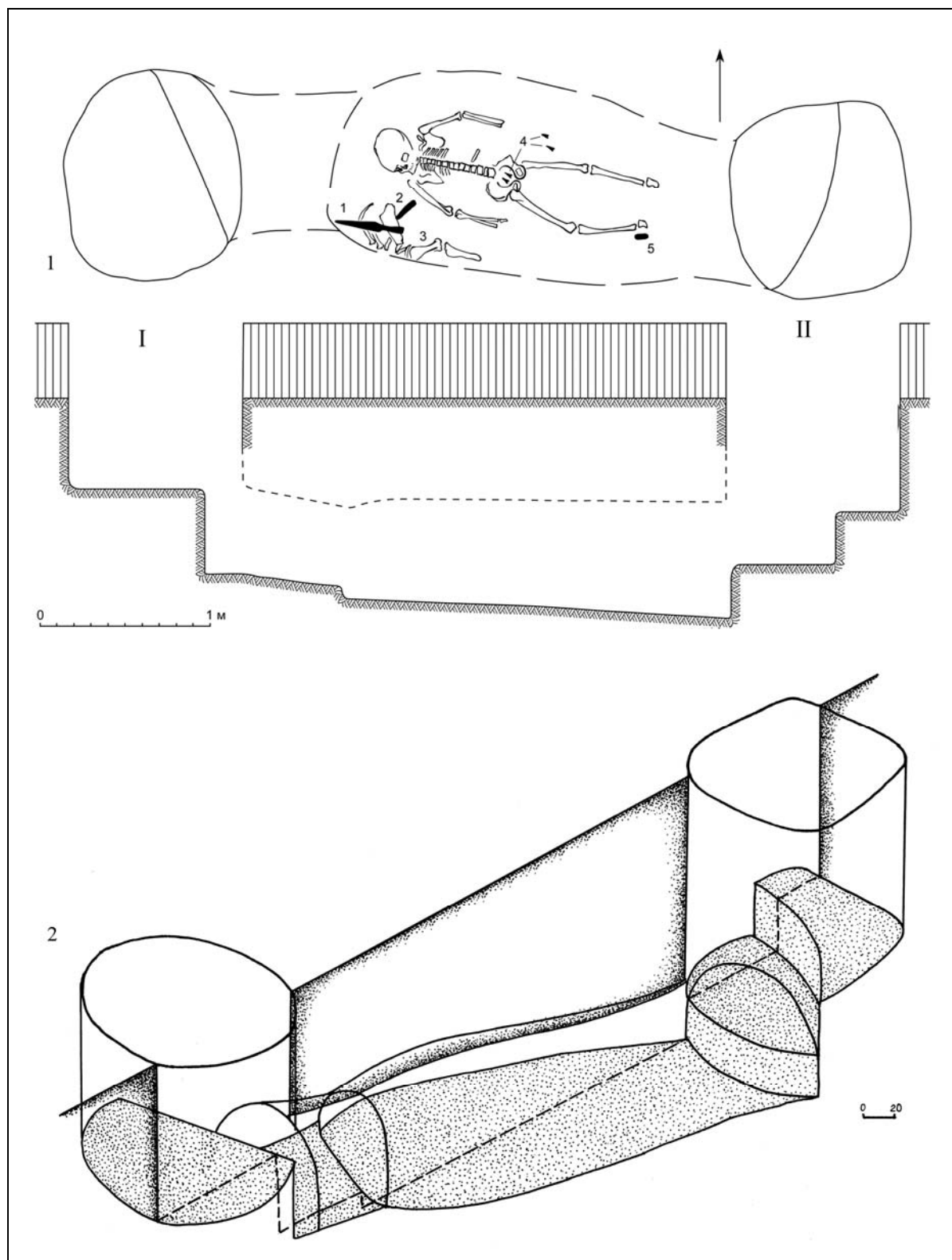
References

- Alekseyeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).
- Babenko, L.I. 2012. In *Drevnosti (Antiquities)* 11, 105—116 (in Russian).
- Berezovets, D.T. 1960. In *Arkheolohichni pamiatky URSR (Archaeological monuments of the URSR)* 9, 39—87 (in Ukrainian).
- Bidzilya, V.I., Boltrik, Yu.V., Mozolevskiy, B.N., Savovskiy, I.P. 1977. In *Kurgannye mogilniki Ryasnye Mogily i Nosaki (Burial-mounds of Ryasnye Mogily and Nosaki)*. Kiev: Naukova dumka. 61—158 (in Russian).
- Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskij tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian Tsar's Barrow of Gaimanova Mogila)*. Kiev: Skif (in Russian).
- Bitkovskiy, O.V., Polin, S.V. In: *Skify Severnogo Prichernomor'ya (Scythians of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 74—85 (in Russian).
- Boltrik, Yu.V. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 1, 28—37 (in Ukrainian).
- Bunyatyan, E.P. 1977. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Kurgany Yuzhnoy Khersonshchiny (Kurgan of South Kherson region)*. Kyiv: Naukova dumka, 129—142 (in Russian).
- Bunyatyan, E.P. 1985. *Metodika sotsial'nykh rekonstruktsiy v arkheologii (Methodology for social reconstruction in archaeology)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Bunyatyan, E.P., Cherednichenko, N.N., Murzin, V.Yu. 1977. In: Cherednychenko, N.N. (ed.). *Kurgany yuga Dnepropetrovshchiny (Burial-mounds of the south of the Dnipropetrovsk region)*. Kyiv: Naukova dumka, 59—124 (in Russian).
- Gorbunova, K.S. 1977. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Istoriya i kul'tura antichnogo mira (History and culture of the ancient world)*. Moscow: Nauka, 41—45 (in Russian).
- Grakov, B.N. 1962. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)* 115, 56—113 (in Russian).
- Grakov, B.N. 1964. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 6, 118—127 (in Russian).
- Daragan, M.N. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 146—244. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00004 (in Russian).
- Daragan, M.N. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 224—344. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00006 (in Russian).
- Daragan, M.N., Polin, S.V. 2020. In: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 42—86. DOI: 10.24411/2587-6112-2020-10063 (in Russian).
- Daragan, M.N. 2021. *Nakonechniki strel iz Lyubimovskogo mogilnika i gorizont krestovidnykh metok (Arrowheads from the Lyubimovsky burial ground and the horizon of the cross-shaped marks)* (in print). (in Russian)
- DGS I. *Drevnosti Gerodotovoï Skifii (Antiquities of Herodotus Scythia) I. Sbornik opisaniï arkheologicheskikh raskopok i nakhodokv Chernomorskikh stepiakh (Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes)*. 1866. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- DGS I. Atlas: *Drevnosti Gerodotovoï Skifii (Antiquities of Herodotus Scythia) I. Atlas. Sbornik opisaniï arkheologicheskikh raskopok i nakhodokv Chernomorskikh stepiakh (Atlas. Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes)*. 1866. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- DGS II. Atlas: *Drevnosti Gerodotovoï Skifii (Antiquities of Herodotus Scythia) II. Atlas. Sbornik opisaniï arkheologicheskikh raskopok i nakhodokv Chernomorskikh stepiakh (Atlas. Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes)*. 1872. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Dergaciiov, V.A., Sava, E.N. 2001—2002. In *Stratum plus* 2, 526—562 (in Russian).
- Evdokimov i dr. 1981: NA IA NANU. No. 1981/21. Yevdokimov G.L., Porutskiy A.G., Gershkovich Ya.P. 1981. Otchet o raskopkakh kurganov i poseleniya Krasnoznamen'skoy novostroyechnoy ekspeditsiyey v Khersonskoy oblasti v 1981 g.

- Elinova i dr. 1984: NA IA NANU. No. 1984/101. Yelinova L.P., Golubchik L.N., Churilova L.N. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh muzeya na zemlyakh Marganetskogo gorno-obogatitel'nogo kombinata v 1984 g.
- Evdokimov, G.L., Fridman, M.I. 1987. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya (Scythians of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 85—115 (in Russian).
- Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n.e. (Scythia 7th — 4th cc. BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kantorovich, A.R. 2015. Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution). Dr. habil. Thesys. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova (in Russian).
- Klochko, L.S., Bilan, Yu.O., Berezova, S.A., Velichko, A.O. 2021. *Serezhky u vbranni naseleण्या Skifiyi z kolektsiyi Muzeu istorichnykh koshtovnostey Ukrayiny (Earrings at the selected population of the Skifia from the collection Ukrainian Treasures Museum)*. Kyiv: Fenix (in Ukrainian).
- Kruts i dr.: Kruts, S.I., Potekhina, I.D., Shepel, E.A., Segeda, S.P., Nazarova, T.A., Litvinova, L.V., Rudich, T.A. 1986. *Paleoantropologicheskyy katalog kollektsiy Instituta arkheologii AN USSR. NA IA NANU (Paleoanthropological Catalog of Collections of the Institute of Archaeology. National Academy of Sciences of Ukraine)*. No. 118. Pt. 1—2. (in Russian).
- Kruts, S.I. 2005. In: Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva mogily) (Burial-mound of the Scythian Gerros 4th c. BCE (Babina, Vodyana and Soboleva mounds)*. Kyiv: Stilos, 459—501 (in Russian).
- Kruts, S.I. 2012. In: Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian royal mound of Gaimanova Mogila)*. Kyiv: Skif, 597—601 (in Russian).
- Kruts, S.I., Chernikova, I.N. 1979. *Paleoantropologicheskiye materialy iz mogil'nikov Ukrainy (Paleoanthropological materials from the burial grounds of Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 86—107 (in Russian).
- Kubyshev i dr. 1975: NA IA NANU. No. 1975/5. Kubyshev A.I., Yadvichuk V.I., Ivanov A.I., Nikolova A.V., Chekamova G.I., Simonenko A.V. 1975. Otchet o rabotakh Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1975 g.
- Kubyshev i dr. 1977: NA IA NANU. No. 1977/23. Kubyshev A.I., Dorofeyev V.V., Nikolova A.V., Polin S.V., Simonenko A.V., Bitkovskiy O.V. 1977. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v zone stroitel'stva Kakhovskoy orositel'noy sistemy v 1977 g.
- Kubyshev i dr. 1988: NA IA NANU. No. 1988/20. Kubyshev A.I., Shilov Yu. A., Simonenko A.V., Kovalev N.V., Kupriy S.A., Sedov E.A., Lysenko G.I. 1988. Otchet o raskopkakh Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1988 g. v zone stroitel'stva oroshayemykh uchastkov v Khersonskoy obl.
- Leskov i dr. 1969: NA IA NANU. No. 1969/22. Leskov A.M., Kubyshev A.I., Chernenko E.V., Terenozhkin A.I., Il'inskaya V.A., Boldin Ya.I., Zarayskaya N.P., Yastrebova S.B., Otroshchenko V.V. 1969. Otchet o rabote Kakhovskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1969 g.
- Leskov i dr. 1970: NA IA NANU. No. 1970/36. Leskov A.M., Kubyshev A.I., Boldin Ya.I., Zarayskaya N.P., Otroshchenko V.V., Rumyantsev A.N., Cherednichenko N.N., Yastrebova S.B. 1970. Otchet o rabote Kakhovskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1970 g.
- Leskov i dr. 1972: NA IA NANU. No. 1972/35. Leskov A.M., Rumyantsev A.N., Boldin Ya.I., Chekamova G.I., Yastrebova S.B., Zarayskaya N.P., Shilov Yu.A., Shilova T.P., Kubyshev A.I., Il'inskaya V.A. 1972. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1971 g.
- Leskov, O. 1974. *Skarby kurhaniv Khersonshchyny (Treasures of kurgans of Kherson region)*. Kyiv: Mystetstvo (in Ukrainian).
- Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoy kollektsii (Kurgan Solokha. Publishing one collection)*. Leningrad: Iskustvo (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N. 1979. *Tovsta Mogila (Tovsta Mogila)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Mozolevskiy, B.N., 1982. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii (Antiquities of the steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 179—222 (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Sobolevamogily) (Burial-mound of the Scythian Gerros 4th c. BCE (Babina, Vodyana and Sobolevamounds)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek amphorae in the Black Sea region. Complexes of ceramic containers of the 7th — 2nd cc. BCE)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

- Monahov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor veduschih centrov-jeksporterov tovarov v keramicheskoj tare: Katalog-opredelitel'* (Greek Amphorae in the Pontic Region. *Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers*). Moscow; Saratov: Kymmeryda (in Russian).
- Murzin, V.Yu., Belan, Yu.A., Podvysotskaya, E.P. 2017. Berdyansky kurgan. Pogrebal'nyy kompleks skifskogo aristokrata IV v. do n.e. (*Berdyansky kurgan (Burial complex of a Scythian aristocrat 4th c. BCE*). Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).
- Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1912 g. (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1912*). 1916. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov (in Russian)
- Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1913—1915 gg. (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913—1915*). 1918. Petrograd: Devyataya Gosudarstvennaya Tipografiya (in Russian).
- Ol'khovskiy, V.S. 1977. *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 108—128. (in Russian).
- Ol'khovskiy, V.S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n.e.) (Burial and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th — 3rd cc. BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Onayko, N.A. 1966. *Antichniy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'ye v VII—V vv. do n. e. (Antique imports to the Dnieper and Bug regions in the 7th — 5th cc. BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
- Onayko, N.A. 1970. *Antichniy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'ye v IV—II vv. do n. e. (Antique imports to the Dnieper and Bug regions in the 4th — 2nd cc. BCE)* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
- Ostroverkhov, A.S. 1985. In: *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 92—109 (in Russian).
- Peredol'skaya, A.A. 1963. In: *Archeologia* XIV, 41—48 (in Russian).
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonschine (Scythian Zolotobalkovskiy Burial mound 5th — 4th cc. BCE in the Kherson region)*. Kiev: Oleg Filyuk (Mounds of Ukraine 3) (in Russian).
- Polin, S.V., Alekseyev, A.Yu. 2018. *Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'ye (Scythian royal kurgan Alexandropol of the 4th c. BCE in the Lower Dnieper region)*. Kyiv; Berlin: Oleg Filyuk (Mounds of Ukraine 6) (in Russian).
- Polin, S.V., Daragan, M.N. 2010. *ΣΥΜΒΟΛΑ 1. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshiye nakhodki i otkrytiya 1 (ΣΥΜΒΟΛΑ 1. The Antique World of the Northern Black Sea region. Newest finds and discoveries 1)*. Moscow; Kiev: Triumph Print, 191—209 (in Russian).
- Polin, S.V., Kubyshev, A.I. 1997. *Skifskiy kurgany Utyukskogo mezhdurech'ya (v Severo-Zapadnom Priazov'ye) (Scythian kurgans of the Utyuk interfluvium (in the North-Western Azov region)*. Kyiv: NAN Ukrainy; Institut arkheologii (in Russian).
- Sinika, V.S. 2007. *Burial monuments of the Scythian culture of the 7th — early 3rd cc. BCE on territory of the Dniester-Prut-Danube Steppes*. PhD Thesis Abstract. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. In *Stratum plus* 3, 331—351 (in Russian).
- Skoryi, S., Khokhorovski, Ya. 2018. *Bolshoy Ryzhanovskiy kurgan (Big Ryzhanovsky burial-mound)*. Kiev: Oleg Filyuk (in Russian).
- Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2012. In: *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III—II vv. do n.e. (Antiquities of the Northern Black Sea region of 3rd — 2nd cc. BCE)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoye (Scythian burial ground 3rd — 2nd cc. BCE near Glinoye Village)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Terenzhkin, A.I., Ilinskaya, V.A., Mozolevskiy, B.N. 1977. In: Terenzhkin, A.I. (ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kyiv: Naukova dumka, 152—199 (in Russian).
- Terenzhkin, A.I., Ilinskaya, V.A., Chernenko, E.V., Mozolevskiy, B.N. 1973. In: Terenzhkin, A.I. (ed.). *Skifskiy drevnosti (Scythian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka, 187—234 (in Russian).
- Terenzhkin, A.I., Mozolevskiy, B.N. 1988. *Melitopol'skiy kurgan (Melitopol kurgan)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Fialko, O.Ye. 2020. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archeology and Ancient History of Ukraine)* 3 (36), 347—359 (in Ukrainian).

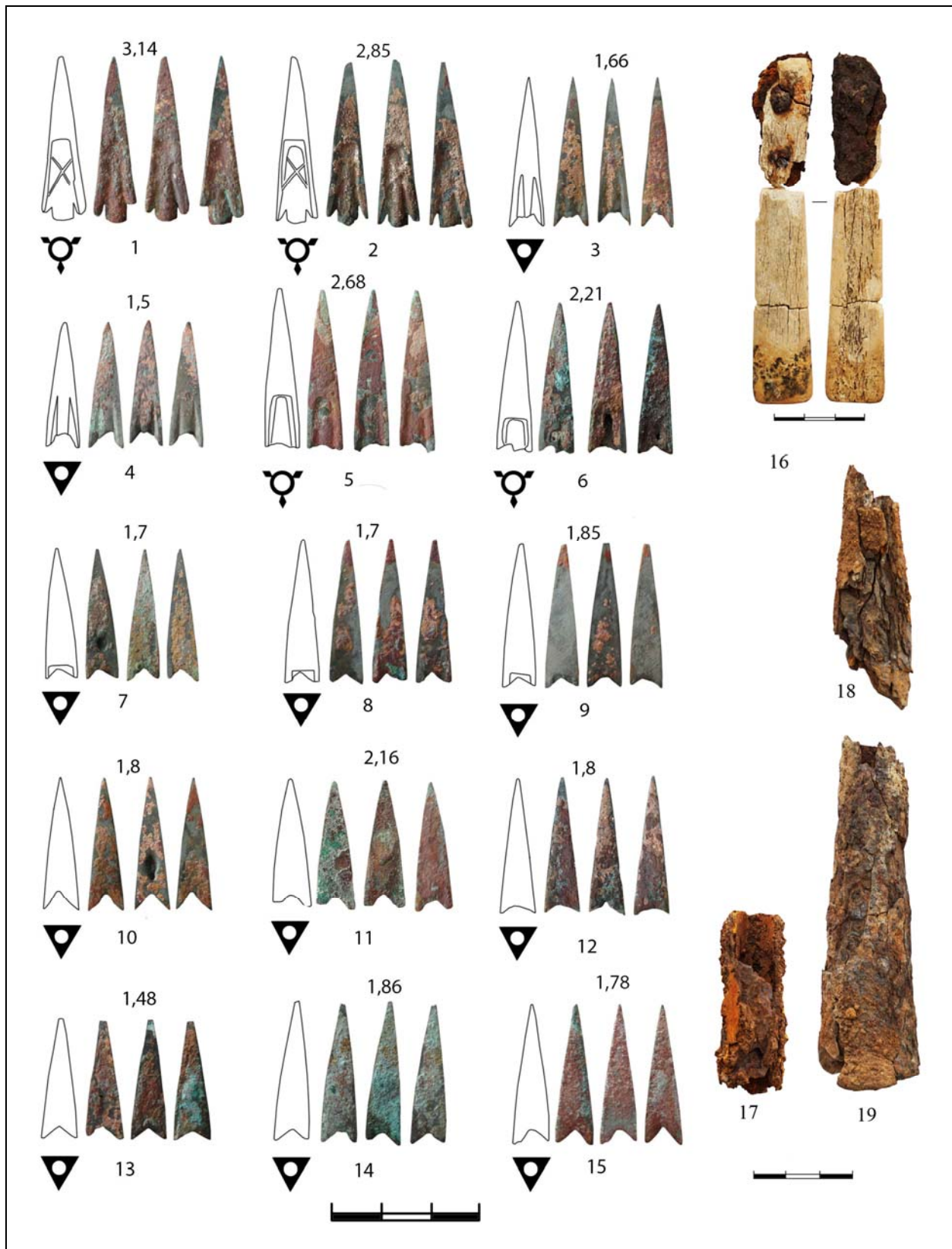
- Cherednichenko, N.N., Boldin, Ya.I. 1977. In: *Kurgany yuga Dnepropetrovshchiny (Burial-mounds of the south of the Dnipropetrovsk region)*. Kyiv: Naukova dumka, 125—151 (in Russian).
- Chernenko, E.V. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Odessa Archaeological Society)* 2 (35), 179—191 (in Russian).
- Chernenko, E.V. 1990. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 3, 92—95 (in Ukrainian).
- Shaposhnikova i dr. 1973: NA IA NANU. No. 1973/8. Shaposhnikova O.G., Fomenko V.N., Bochkarev V.S., Grebennikov YU.S., Klyushintsev V.N., Rebedaylo G.P., Rychkov N.A. 1973. Otchet o rabote Ingul'skoy ekspeditsii v 1973 g.
- Shaposhnikova i dr. 1975: NA IA NANU. No. 1975/3. Shaposhnikova O.G., Fomenko V.N., Balushkin A.M., Grebennikov Yu.S., Yelisseyev V.F., Klyushintsev V.N., Korpusova V.N., Magomedov B.V., Nekrasova A.N., Nechitaylo A.L., Rebedaylo G.P., Rychkov N.A. 1975. Otchet o rabote Ingul'skoy ekspeditsii v 1975 g.
- Shaposhnikova i dr. 1982: NA IA NANU. No. 1982/3. Shaposhnikova O.G., Balushkin A.M., Grebennikov Yu.S., Yelisseyev V.F., Klyushintsev V.N., Rebedaylo G.P., Tovkaylo N.T., Fomenko V.N. 1982. Otchet o rabote Nikolayevskoy ekspeditsii za 1982 g.
- Beazley, J.D. 1963. *Attic red-figure vase-painters*. Oxford: Clarendon Press.
- Rolle, R. 1978. *Totenkult der Skythen I. Das Steppengebiet* Berlin; New York: de Gruyter (Vorgeschichtliche Forschungen 18).
- Spaer, M., Barag, D., Ornan, T., Neuhaus, T. 2001. *Ancient glass in the Israel Museum: beads and other small objects*. Jerusalem: Israel Museum.
- Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. Black and plaine pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. *The Athenian Agora* XII.
- Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden : VML, Verlag Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vorund Frühgeschichte 23).
- Ure, A.D. 1944. Red-figured cups with incised and stamped decoration. II. *JHS* LXIV, 67—77.

Рис. 1. с. Вильна Украина. Группа Р-I/III, курган 3, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия. Рисунок Т. Менчинской. Легенда к рисунку 1: 1: 1 — наконечник копья; 2 — нож; 3 — кости животного; 4 — наконечники стрел; 5 — вток копья.

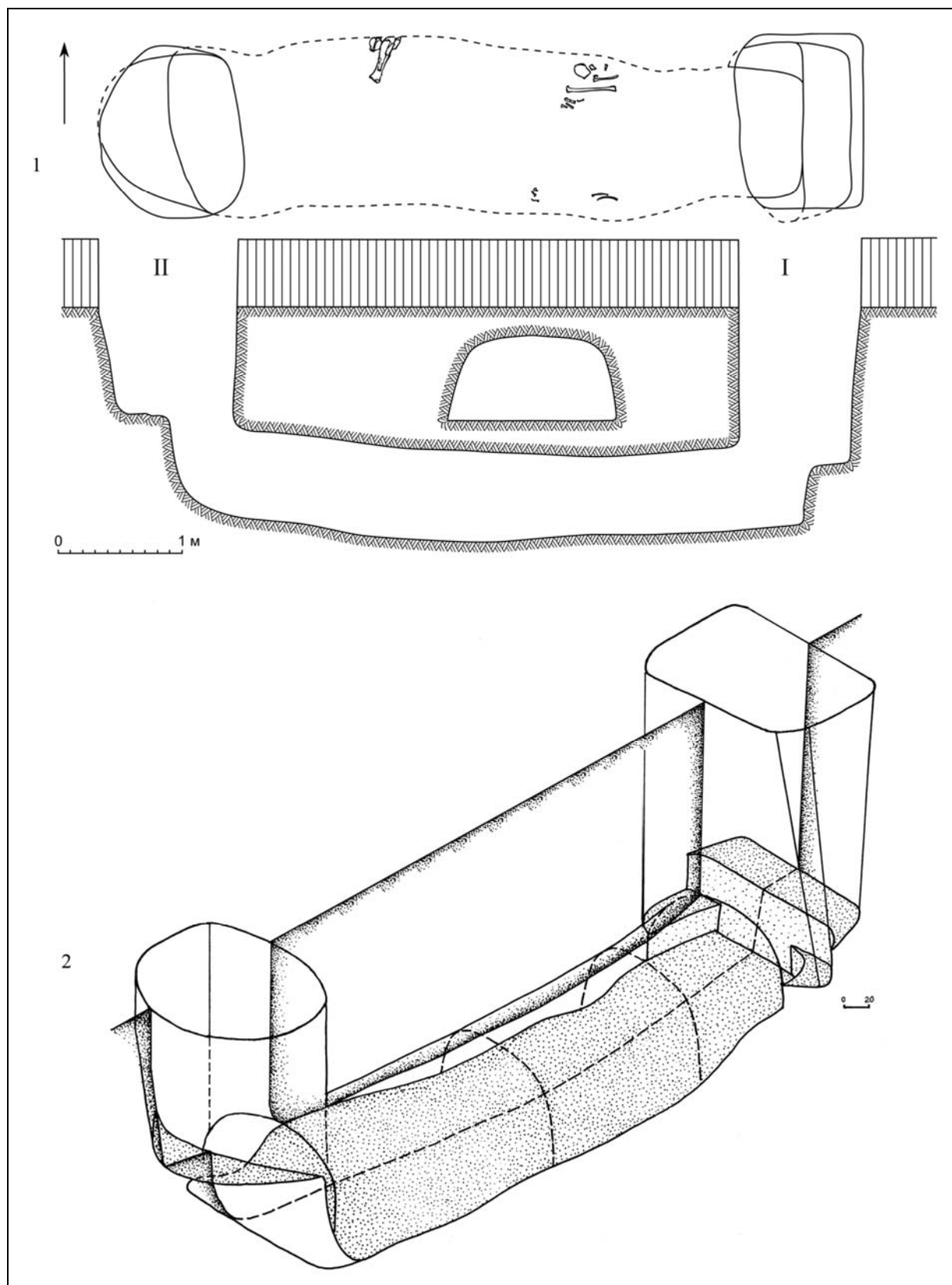
Fig. 1. Vil'na Ukraina village. Group P-I/III, mound 3, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry. Drawing by T. Menchinskaya. Legend to figure 1: 1: 1 — spearhead; 2 — knife; 3 — bones of animal; 4 — arrowheads; 5 — butt.

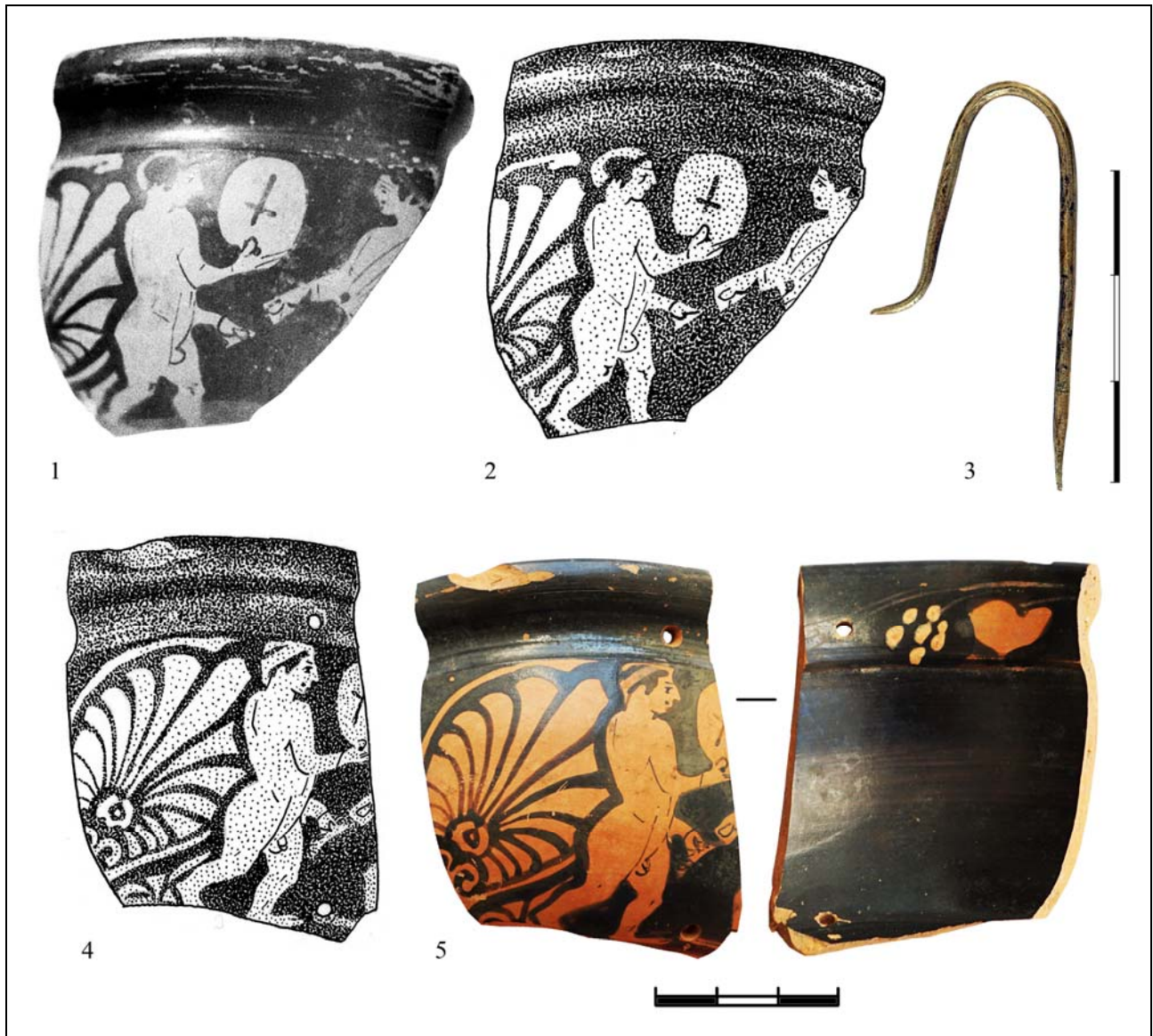
Рис. 2. с. Вильна Украина. Группа Р-I/III, курган 3, погребение 1. Находки из погребения 1: 1—15 — рисунки и фотографии М. Дараган, 16—19 — фотографии С. Полина.

Fig. 2. Vil'na Ukraina village. Group P-I/III, mound 3, burial 1. Finds from burial 1: 1—15 — drawings and photos by M. Daragan; 16—19 — photos by S. Polin.

Рис. 3. с. Вильна Украина. Группа Р-I/III, курган 7, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия. Рисунок Т. Менчинской.

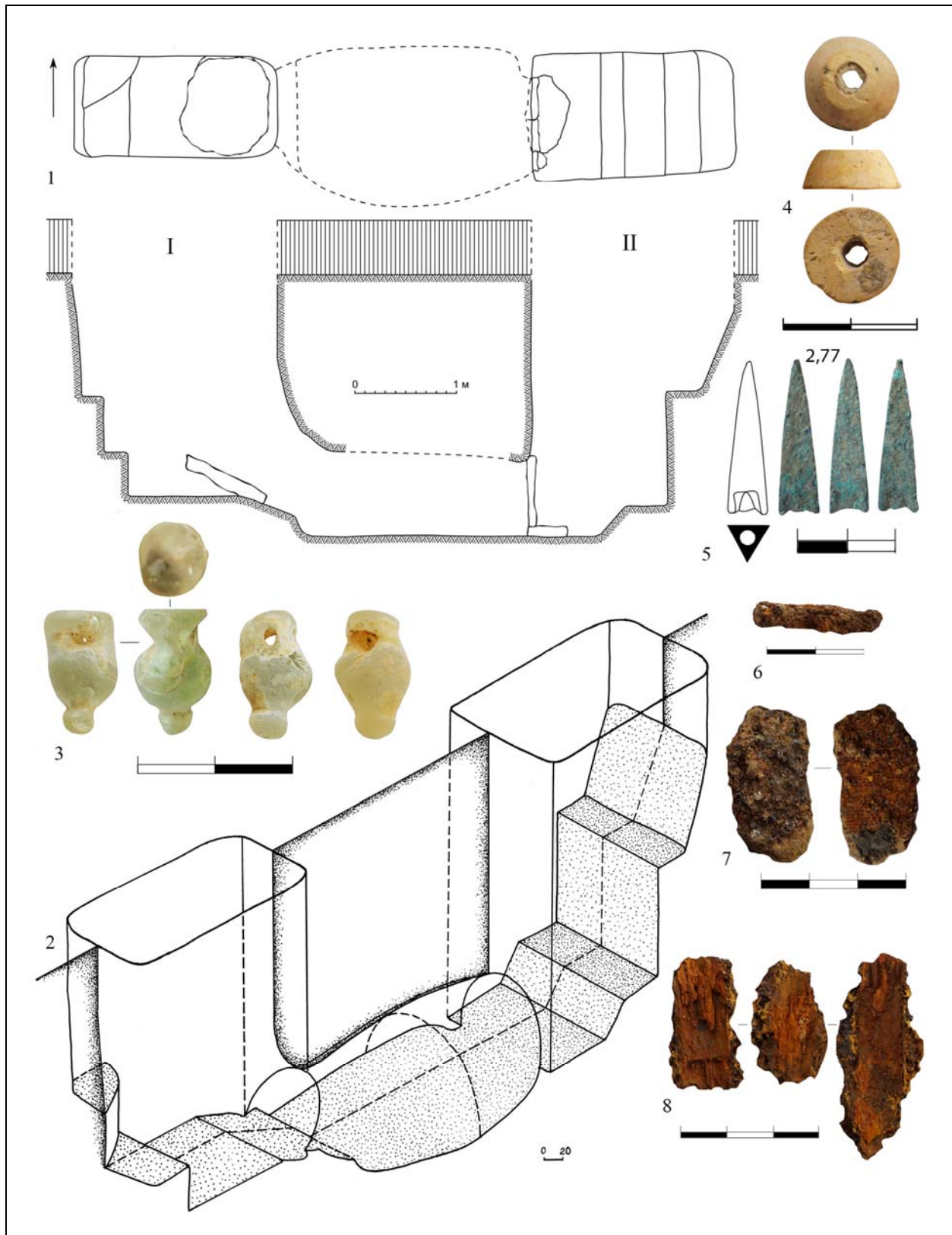
Fig. 3. Vil'na Ukraina village. Group P-I/III, mound 7, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry. Drawing by T. Menchinskaya.

Рис. 4. с. Вильна Украина. Группа Р-I/III, курган 7, погребение 1. Находки из погребения 1: 1, 3, 5 — фото С. Полина; 2, 4 — рисунки Худфонда.

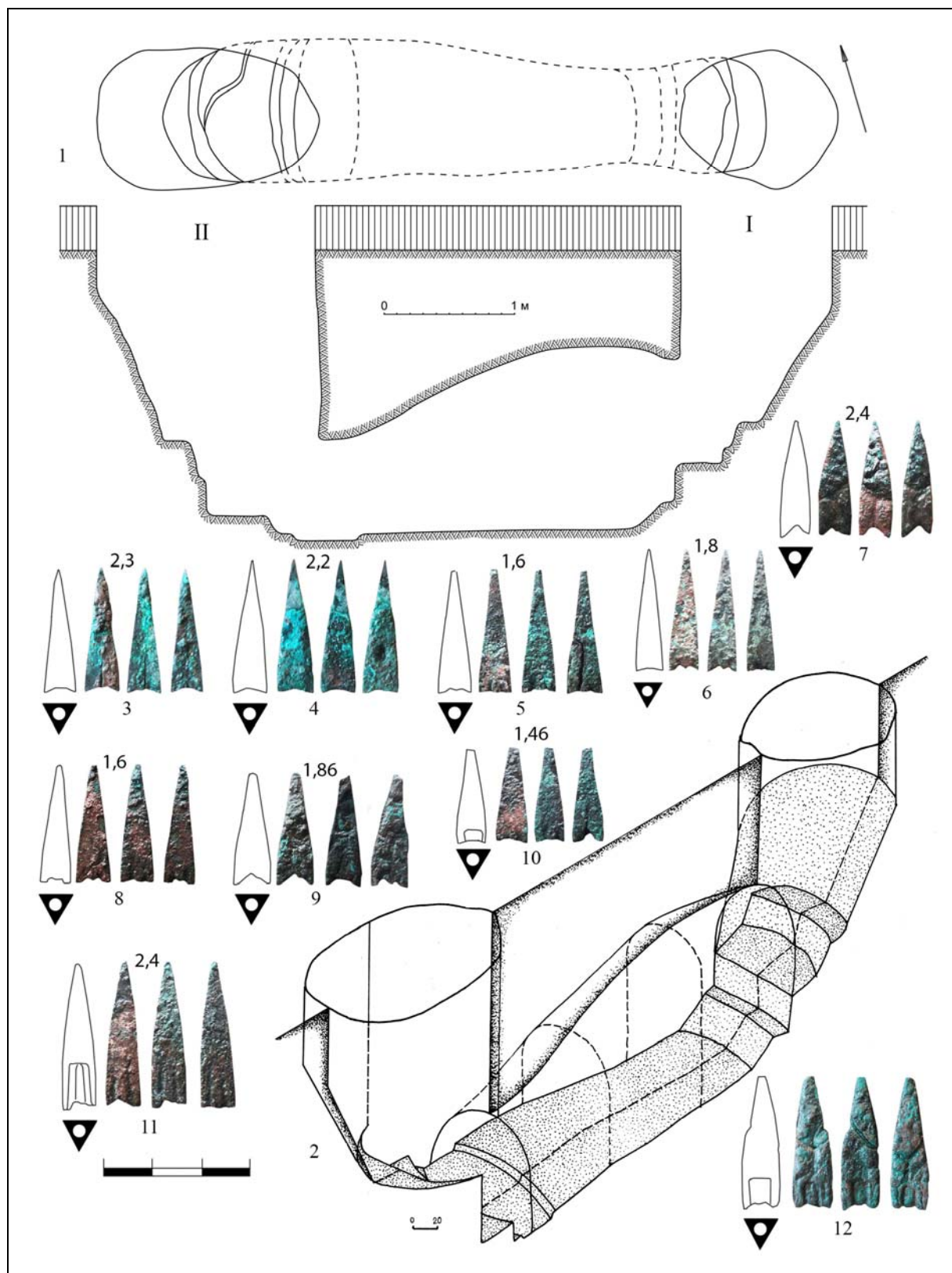
Fig. 4. Vil'na Ukraina village. Group P-I/III, mound 7, burial 1. Finds from burial 1: 1, 3, 5 — photos by S. Polin; 2, 4 — drawings by Hoodfond.

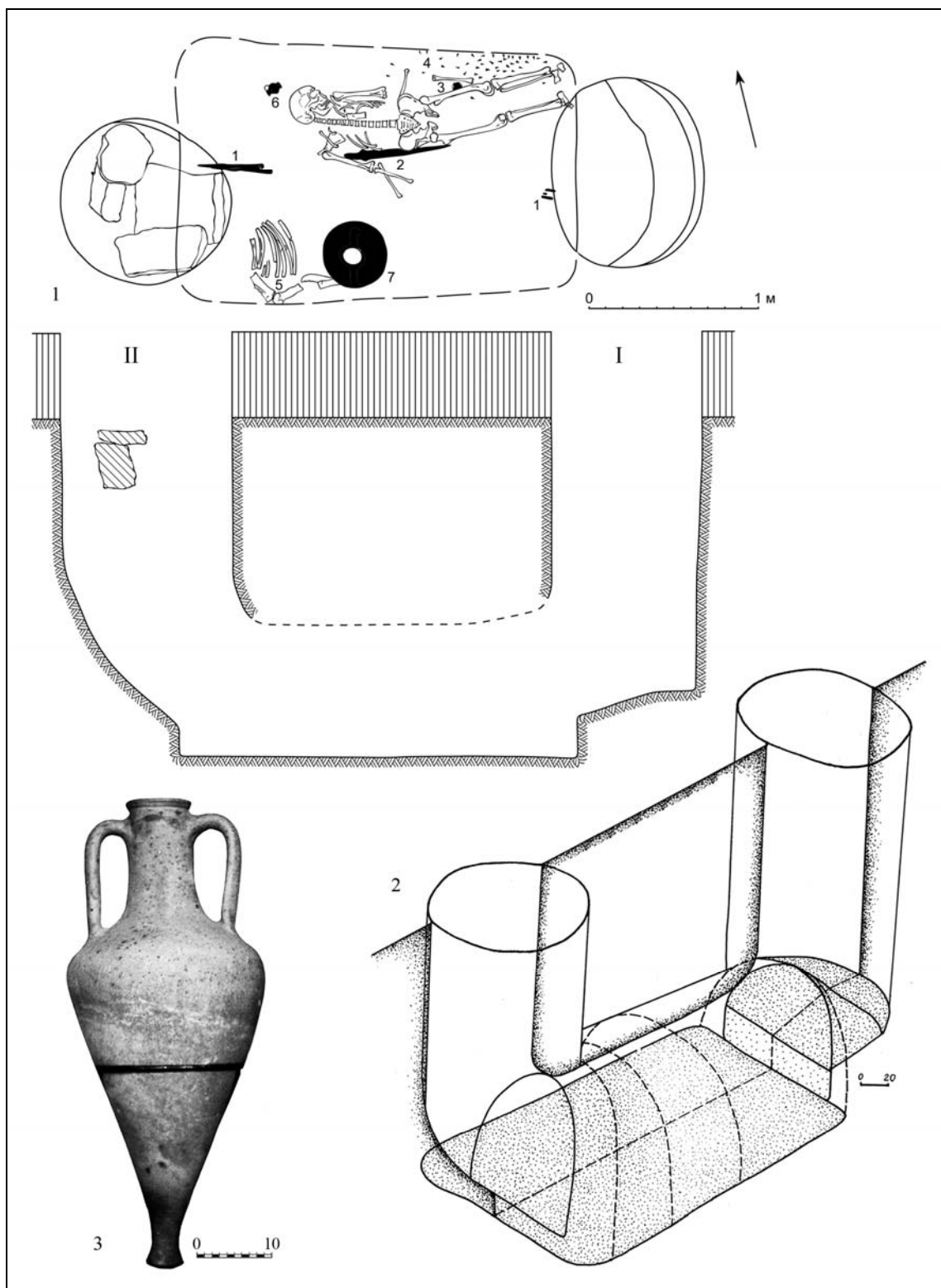
Рис. 5. с. Вильна Украина. Группа Р-I/III, курган 44, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия. Рисунки Т. Менчинской; 3—8 — фотографии С. Полина.

Fig. 5. Vil'na Ukraine village. Group P-I/III, mound 44, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry, drawings by T. Menchinskaya; 3—8 — photos by S. Polin.

Рис. 6. с. Семеновка. Курган 4, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия. Рисунок Т. Менчинской; 3—12 — рисунки и фотографии М. Дараган.

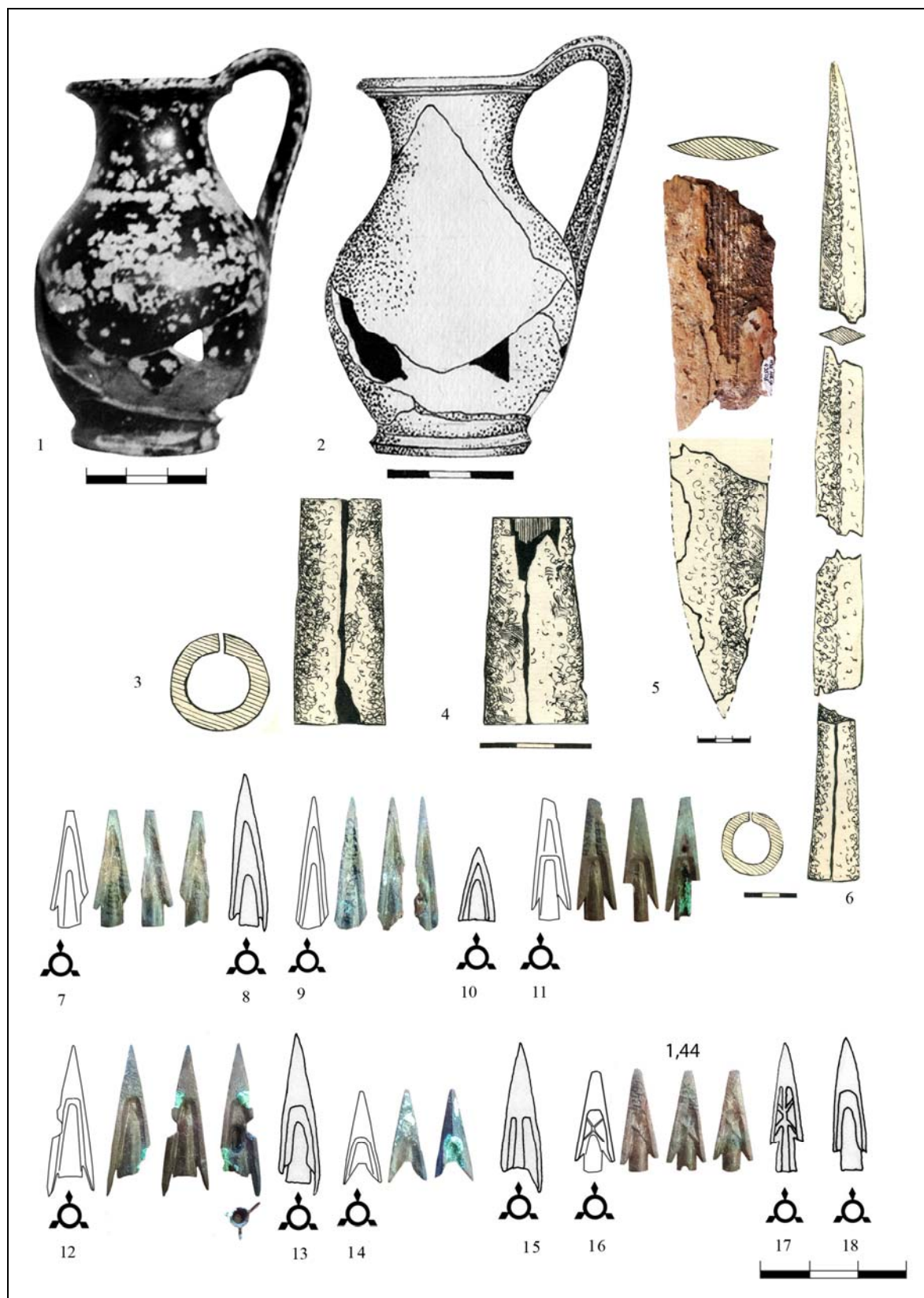
Fig. 6. Semenovka village. Mound 4, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry, drawings by T. Menchinskaya; 3—12 — drawings and photos by M. Daragan.

Рис. 7. с. Софиевка. Курган 16, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия, рисунок Т. Менчинской; 3 — амфора. Легенда к рис. 1: 1: 1 — наконечники копий и втоки; 2 — меч; 3 — точило; 4 — наконечники стрел; 5 — кости животных; 6 — чернолаковый кувшинчик; 7 — амфора.

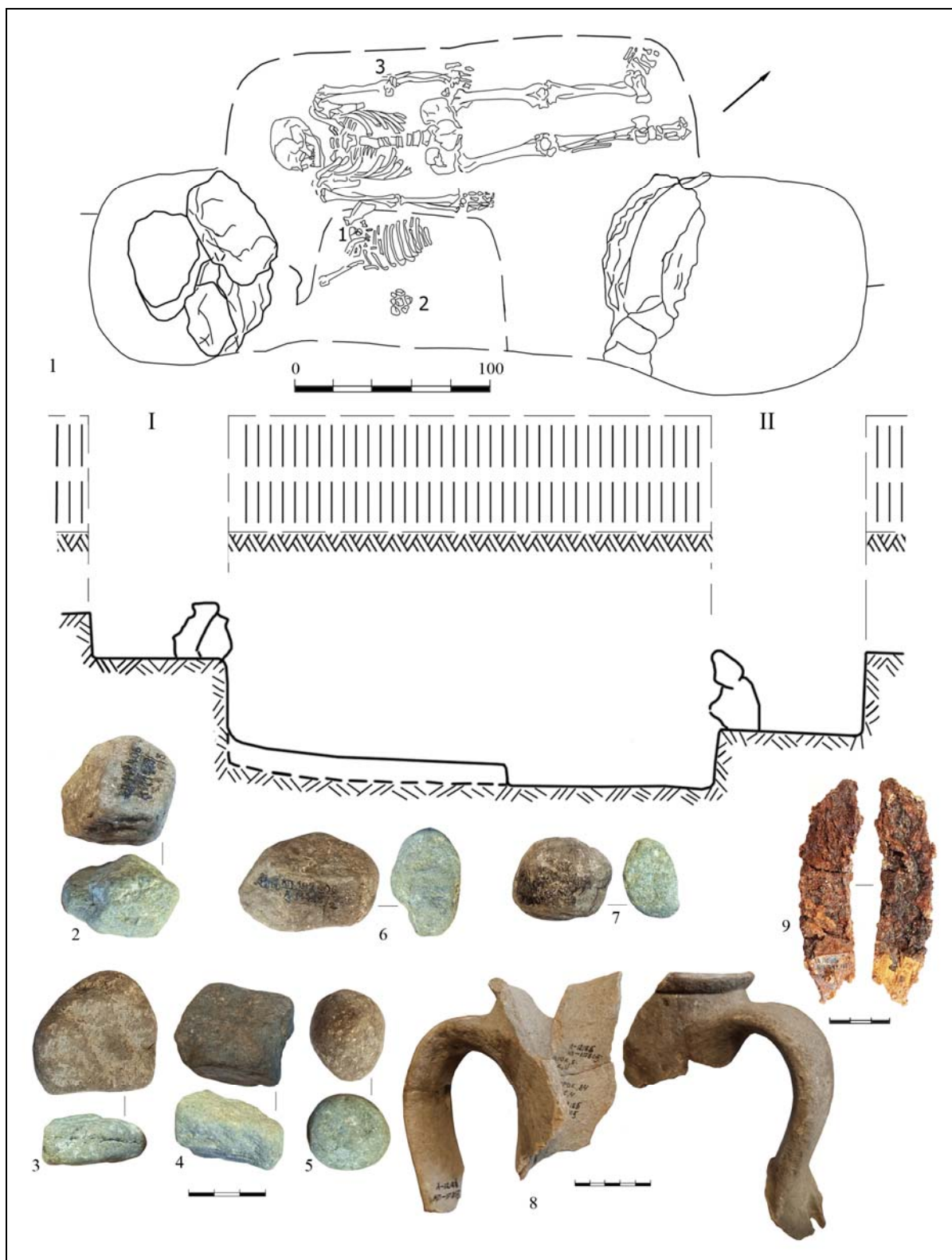
Fig. 7. Sofiyevka village. Mound 16, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry — by T. Menchinskaya; 3 — amphora. Legend to fig. 1: 1: 1 — spearheads and butts; 2 — sword; 3 — grindstone; 4 — arrowheads; 5 — bones of animals; 6 — jug; 7 — amphora.

Рис. 8. с. Софиевка. Курган 16, погребение 1. Находки из погребения 1: 1, 7—18 — фотографии и рисунки С. Полина; 2—6 — по Лесков и др. 1972.

Fig. 8. Sofiyevka village. Mound 16, burial 1. Finds from burial 1: 1, 7—18 — drawings and photos by S. Polin; 2—6 — after Leskov i dr. 1972.

Рис. 9. с. Глухое. Курган 4, погребение 3: 1 — план и разрез (по Елинова и др. 1984); 2—8 — находки, фото М. Дараган. Легенда к рисунку 1: 1: I — кости животных и нож; 2 — камни-сфероиды; 3 — наконечники стрел.

Fig. 9. Glukhoye village. Mound 4, burial 3: 1 — plan and section (after Elinova i dr. 1984); 2—8 — finds, photos by M.Daragan). Legend to fig. 1: 1: I — bones of animals and knife; 2 — stone-spheroids; 3 — arrowheads.

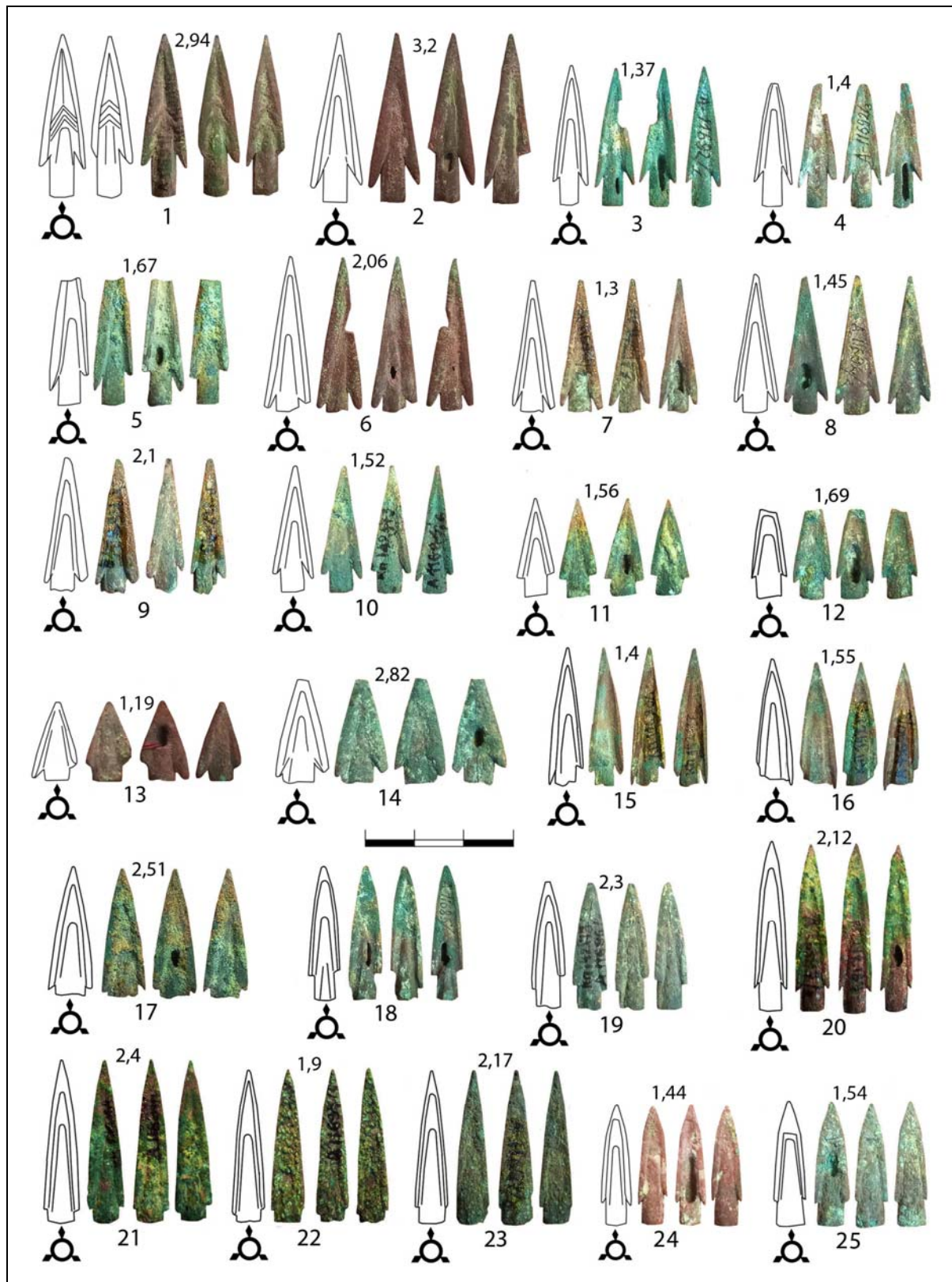

Рис. 10. с. Глухое. Курган 4, погребение 3. Находки из погребения 3: 1—25 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 10. Glukhoye village. Mound 4, burial 3. Finds from burial 3: 1—25 — drawings and photos by M. Daragan.

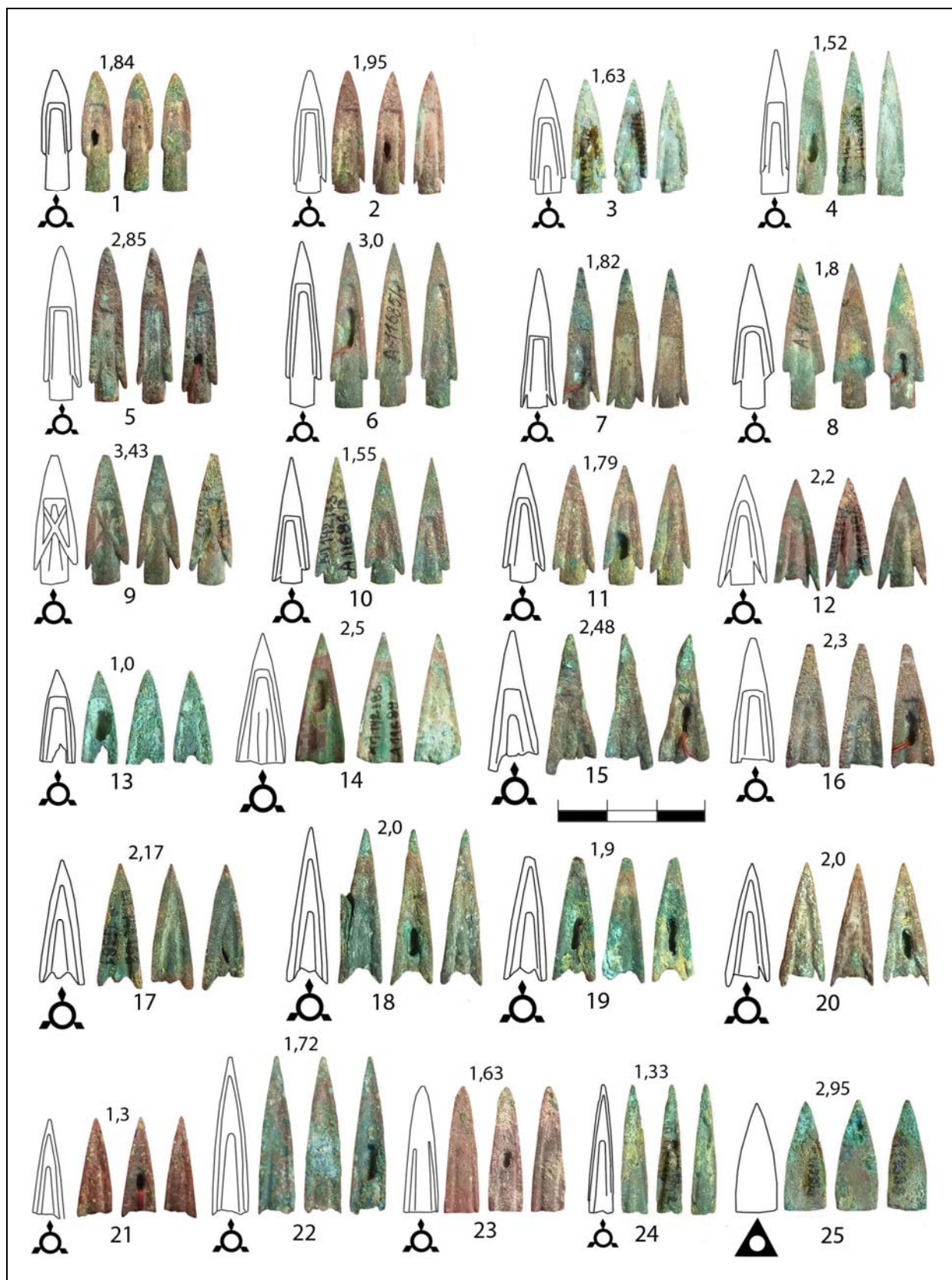
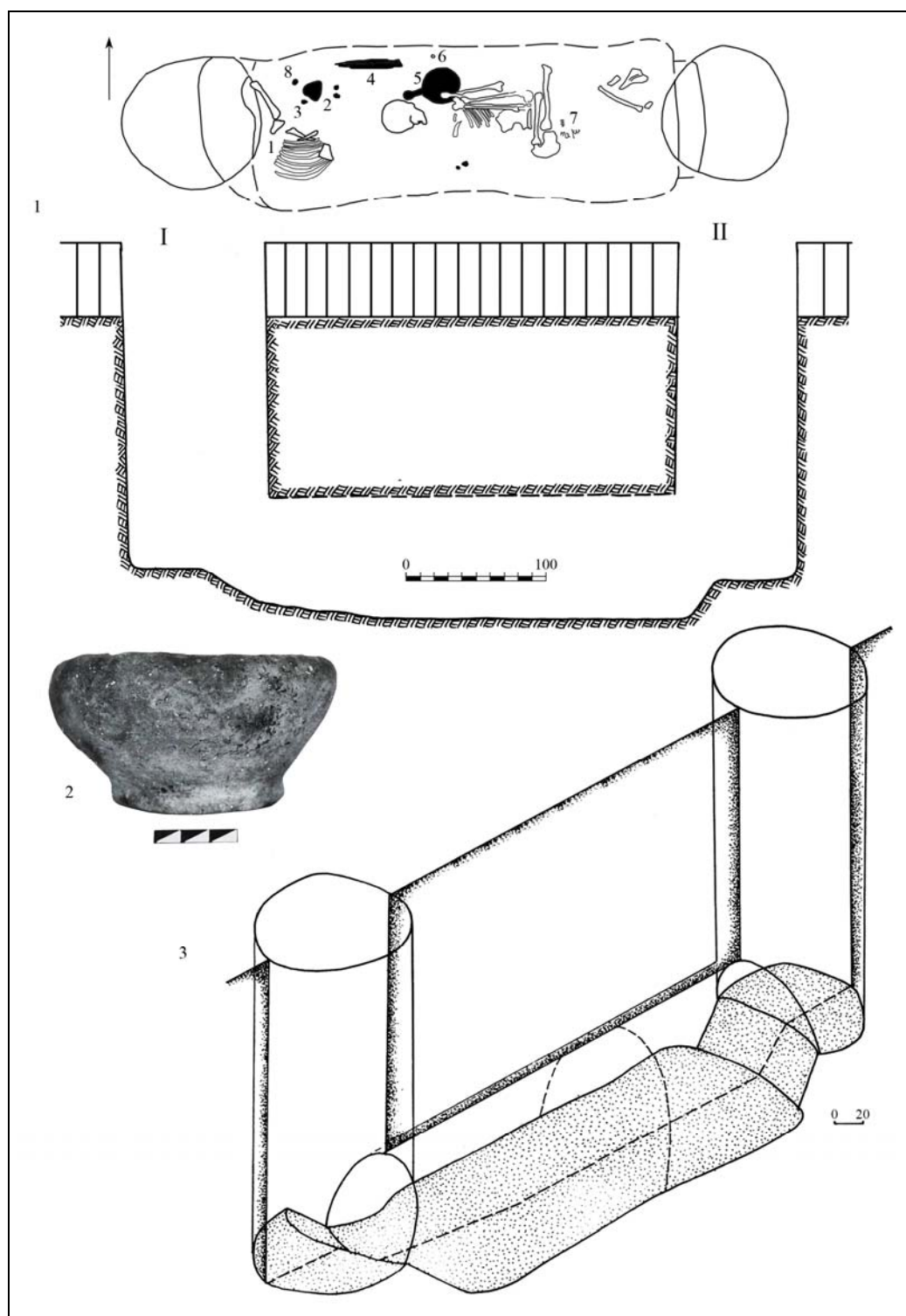

Рис. 11. с. Глухое. Курган 4, погребение 3. Находки из погребения 3: 1—25 — рисунок и фото М. Дарган.

Fig. 11. Glukhoye village. Mound 4, burial 3. Finds from burial 3: 1—25 — drawings and photos by M. Daragan.

Рис. 12. с. Привольное. Группа 1, курган 20, погребение 1: 1 — план и разрез; 2 — аксонометрия, рисунок Т. Менчинской; 3 — фотография (по Кубышев и др. 1975). Легенда к рис. 1: 1 — кости животных; 2 — лепная мисочка; 3 — пряслице; 4 — наконечники копий; 5 — зеркало; 6 — ворворка; 7 — наконечники стрел; 8 — кварцит.

Fig. 12. Privol'noye village. Group 1, mound 20, burial 1: 1 — plan and section; 2 — axonometry, drawings by T. Menchinskaya; 3 — photos (after Kubyshev i dr. 1975). Legend to fig. 1: 1 — bones of animals; 2 — moulded bowl; 3 — spinner; 4 — spearheads; 5 — mirror; 6 — vorvorka; 7 — arrowheads; 8 — quartzite.

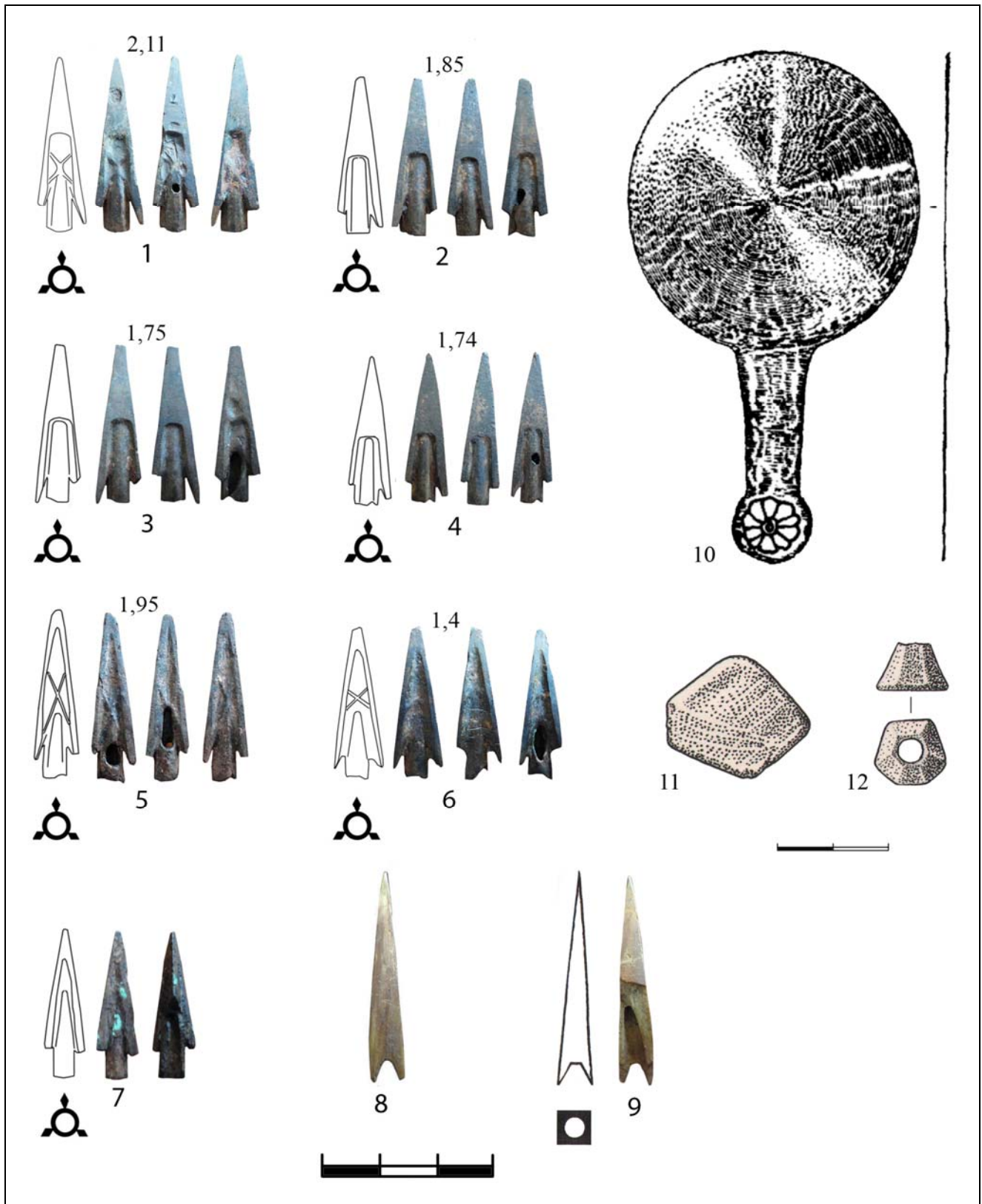
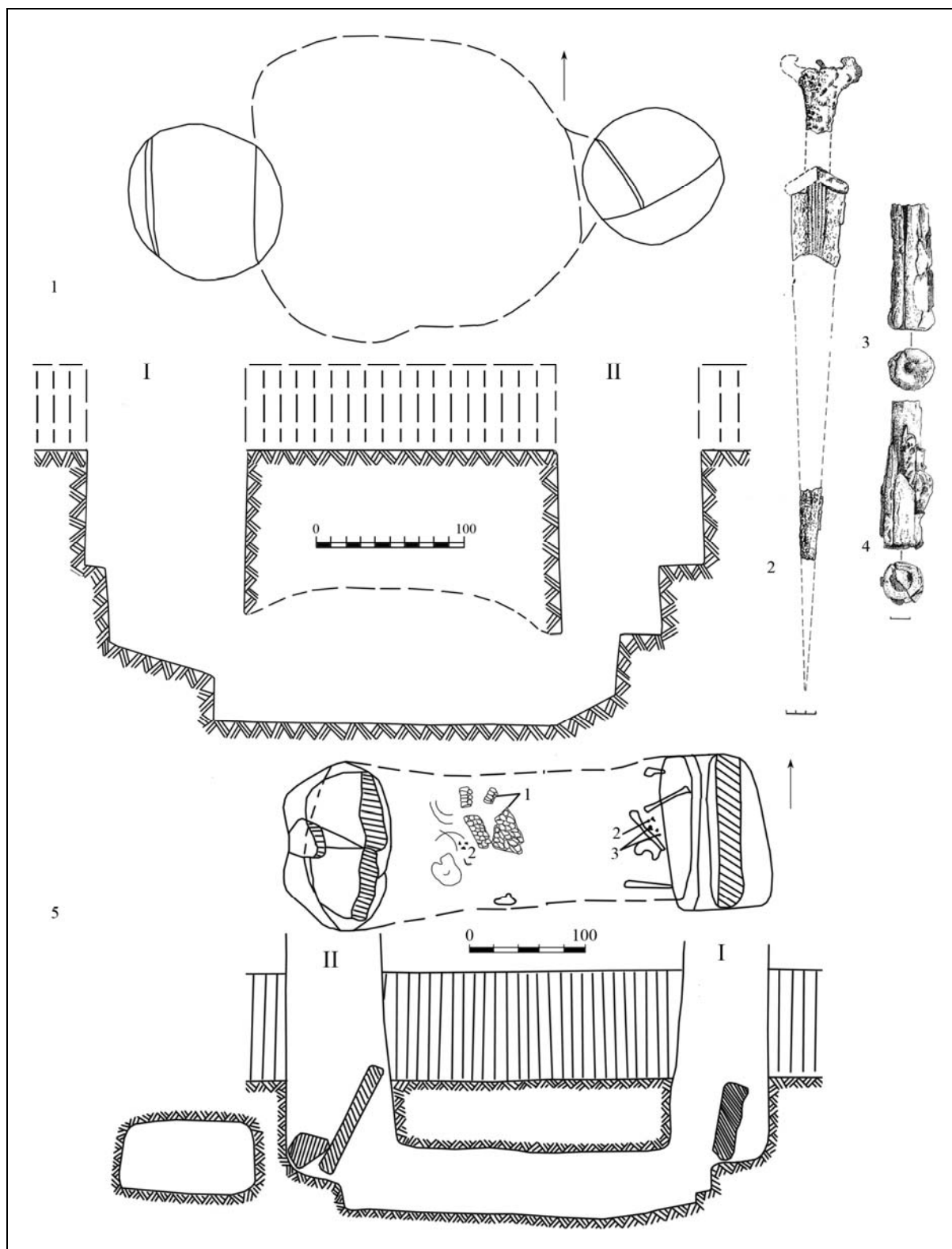

Рис. 13. с. Привольное. Группа 1, курган 20, погребение 1. Находки из погребения 1: 1—9 — рисунки и фотографии М. Дараган; 10—12 — рисунки (по Кубышев и др. 1975).

Fig. 13. Privol'noye village. Group 1, mound 20, burial 1. Finds from burial 1: 1—9 — drawings and photos by M. Daragan; 10—12 — drawings (after Kubyshev i dr. 1975).

Рис. 14. с. Сергеевка. Кургan 9, погребение 2: 1 — план и разрез; 2—4 — находки, рисунки (по Кубышев и др. 1976), с. Антоновка. Кургan 6, погребение 2: 5 — план и разрез (по Шапошникова и др. 1976). Легенда к рис. 5: 1: 1 — обломки панциря; 2 — наконечники стрел; 3 — ворворки.

Fig. 14. Sergeevka village. Mound 9, burial 2: 1 — plan and section; 2—4 — finds (after Kubyshev i dr. 1976), Antonovka village. Kurgan 6, burial 2: 5 — plan and section (after Shaposhnikova i dr. 1976). Legend to fig. 5: 1: 1 — armor; 2 — arrowheads; 3 — vorvorka.

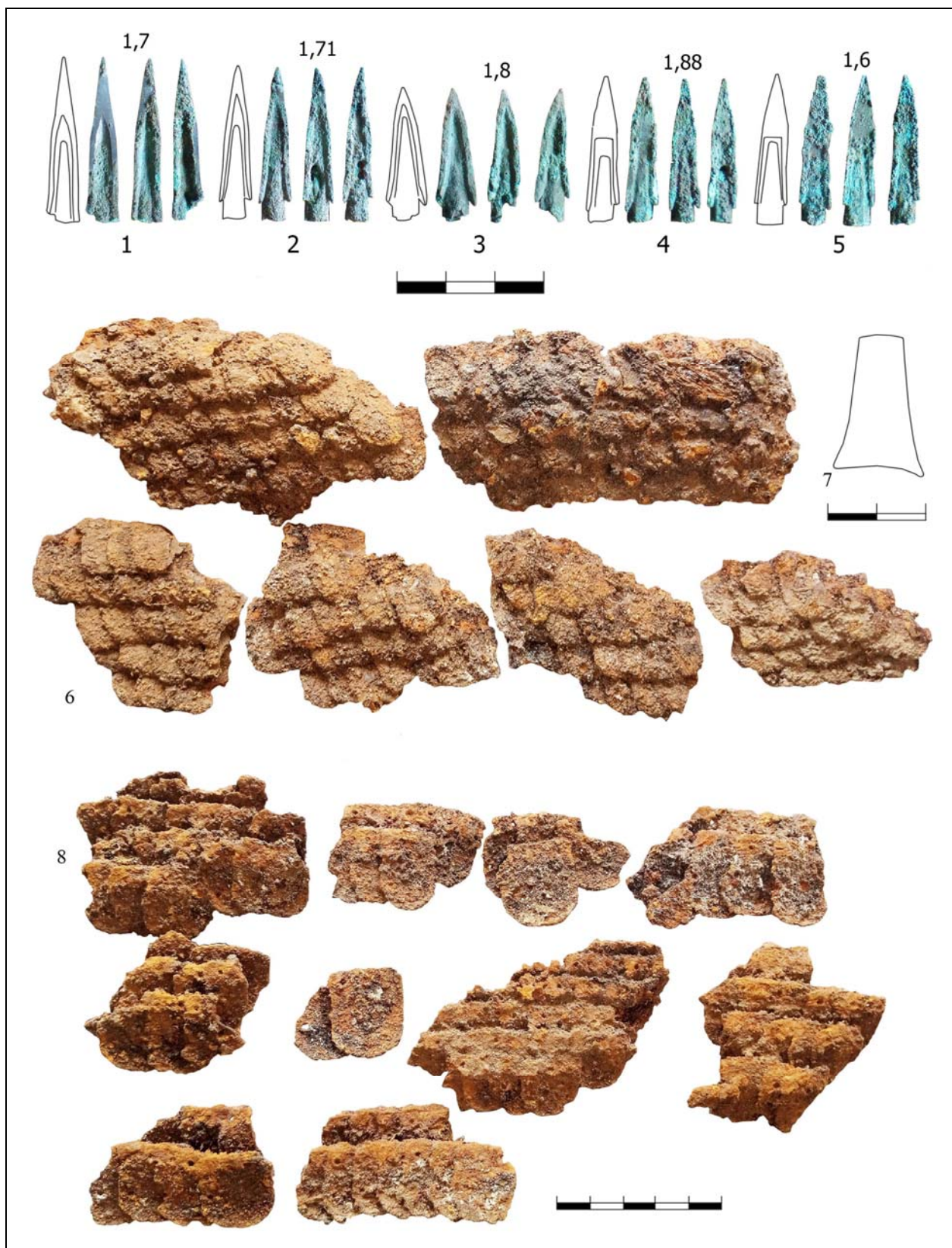
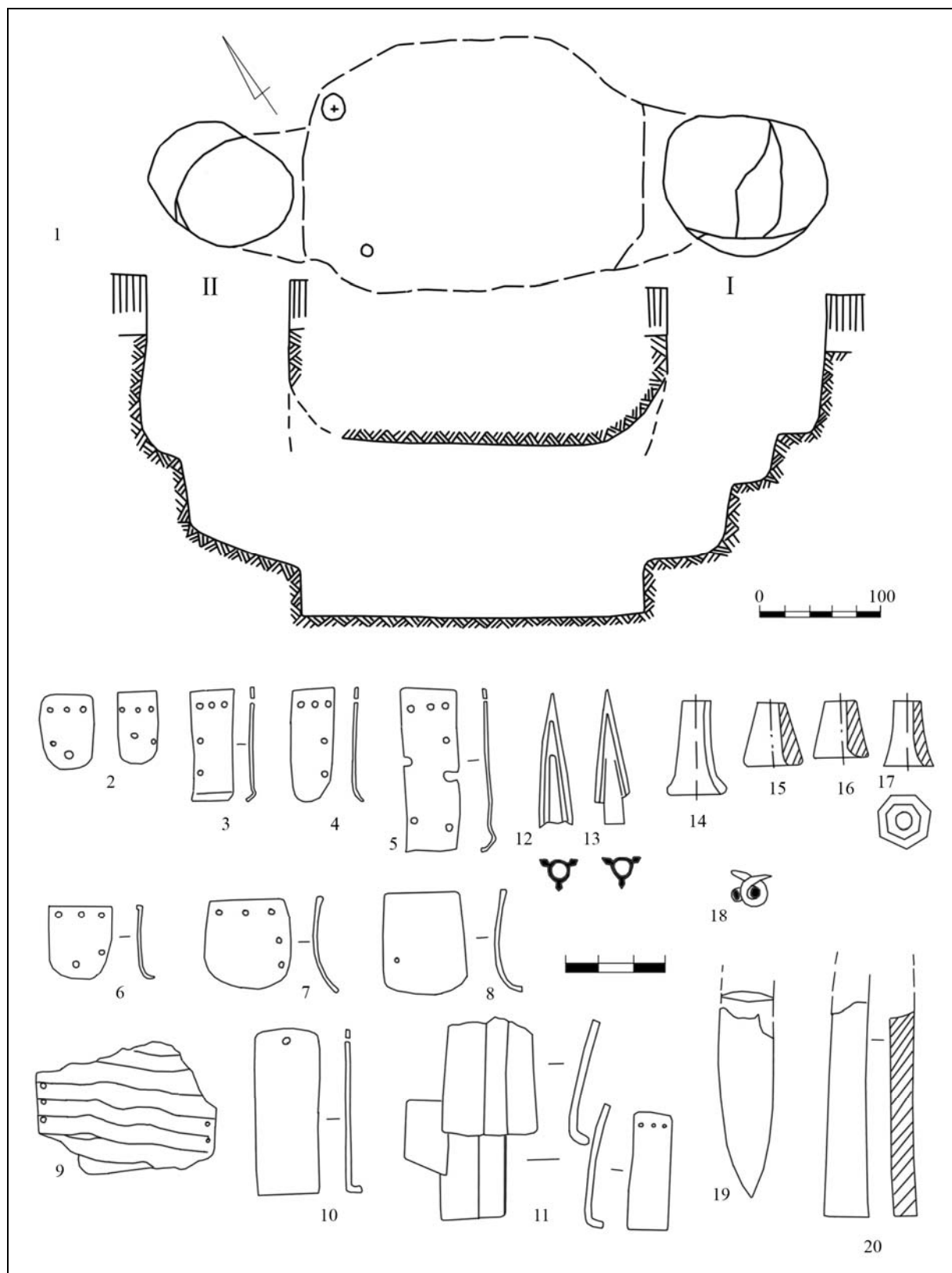

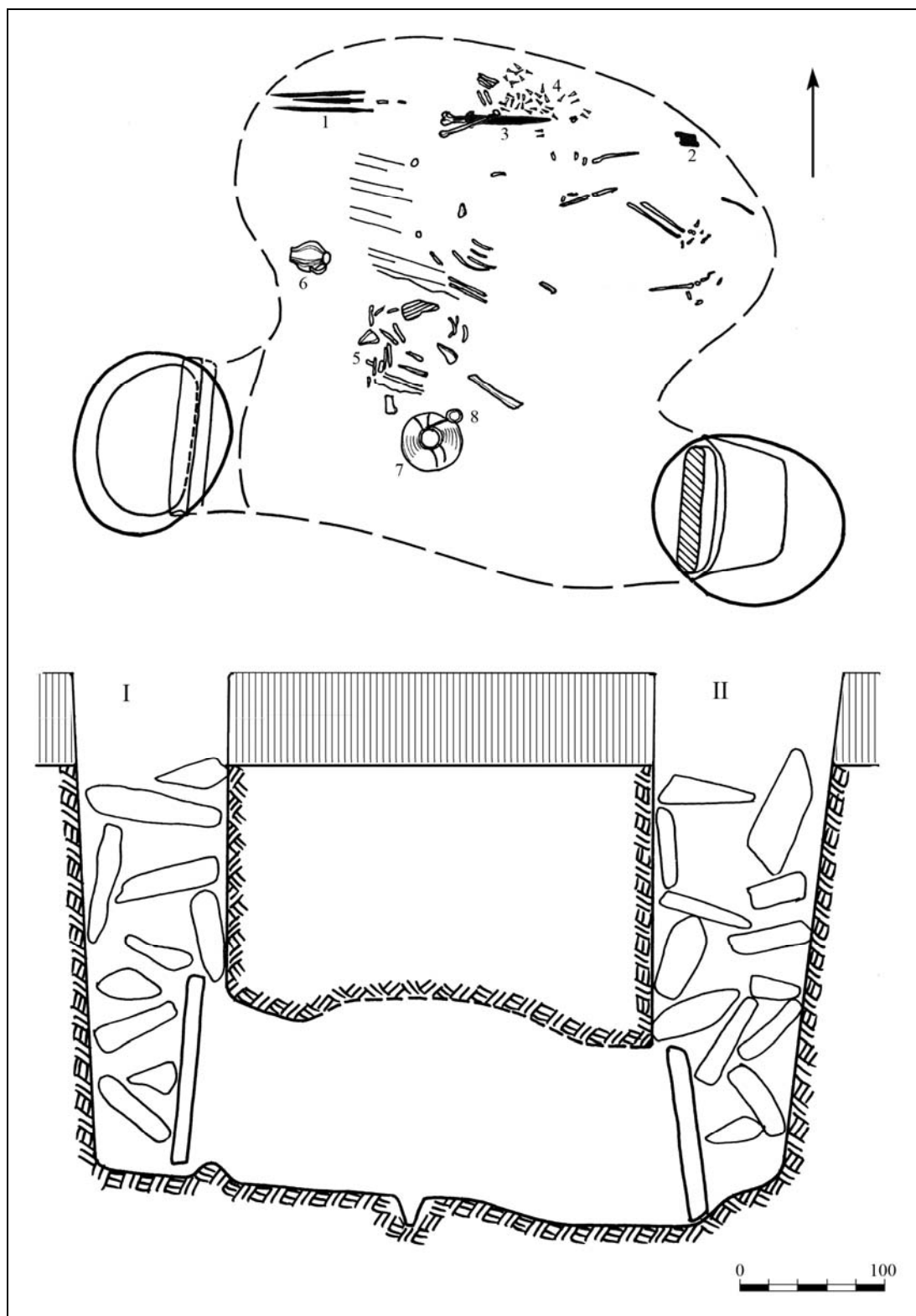
Рис. 15. с. Антоновка. Курган 6, погребение 2. Находки из погребения 2: 1—8 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 15. Antonovka village. Mound 6, burial 2. Finds from burial 2: 1—8 — drawings and photos by M. Daragan.

Рис. 16. с. Таборовка. Курган 2, погребение 2: 1 — план и разрез 2; 2—20 — находки (по Шапошникова и др. 1982).

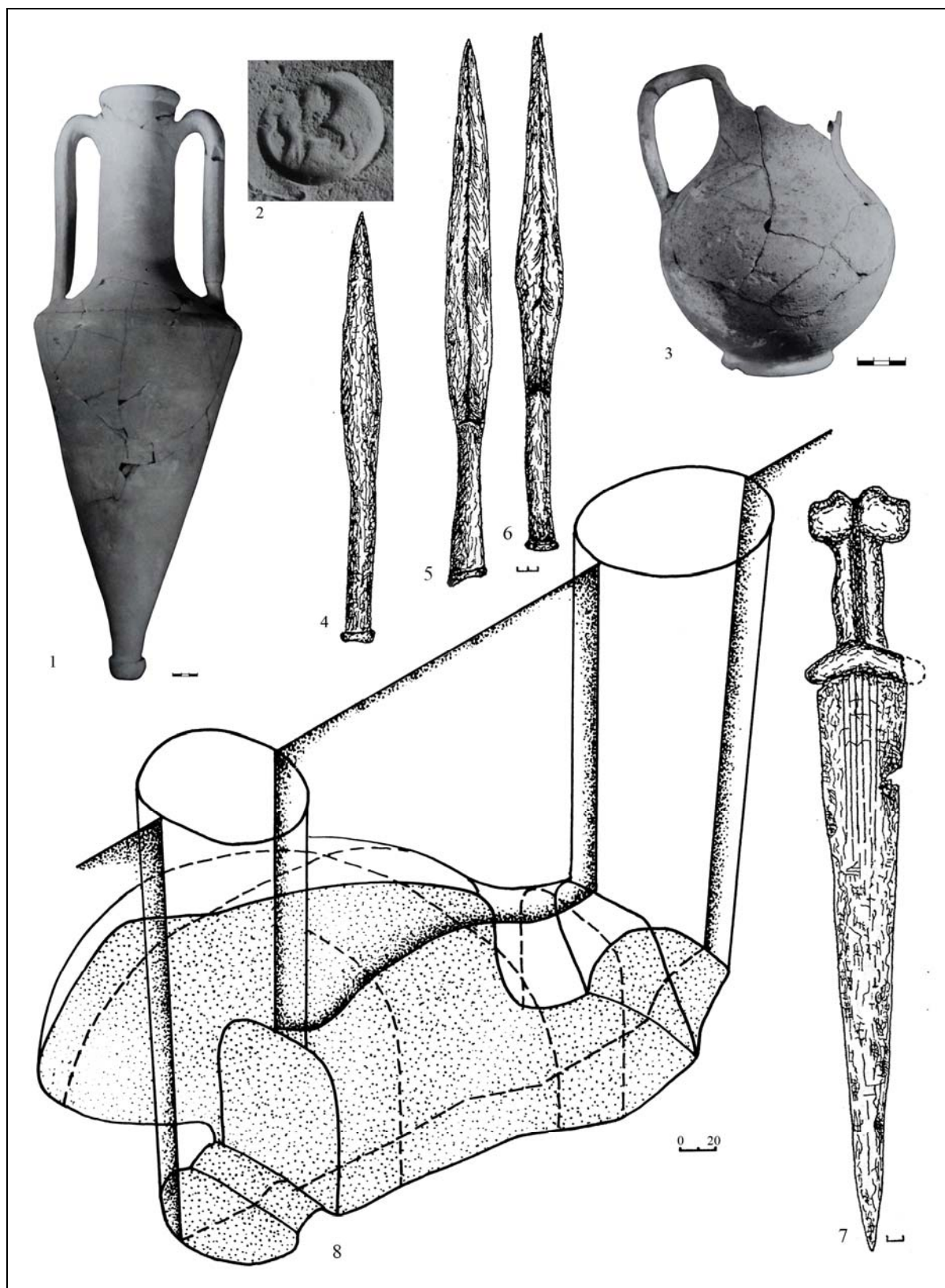
Fig. 16. Taborovka village. Mound 2, burial 2: 1 — plan and section; 2—20 — finds from burial 2 (after Shaposhnikova i dr. 1982).

Рис. 17. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1. План и разрез (по Шапошникова и др. 1973).
Легенда к рисунку 1: 1: 1, 2 — наконечники копий и втоки; 3 — меч; 4 — наконечники стрел; 5 — деревянное блюдо с костями животных; 6 — кувшин; 7 — амфора; 8 — бронзовый киаф.

Fig. 17. Timofeevka village. Mound 6, burial 1. Plan and section (after Shaposhnikova i dr. 1973).
Legend to figure 1: 1: 1, 2 — spearheads and butts; 3 — sword; 4 — arrowheads; 5 — wooden dish with bones of animals; 6 — jug; 7 — amphora; 8 — bronze kyathos.

Рис. 18. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1: 1—7 — находки (по Шапошникова и др. 1973; Гребенников 2008); 8 — аксонометрия, рисунок Т. Менчинской.

Fig. 18. Timofeevka village. Mound 6, burial 1: 1—7 — finds (after Shaposhnikova i dr. 1973; Grebennikov 2008); 8 — axonometry, drawing by T. Menchinskaya.

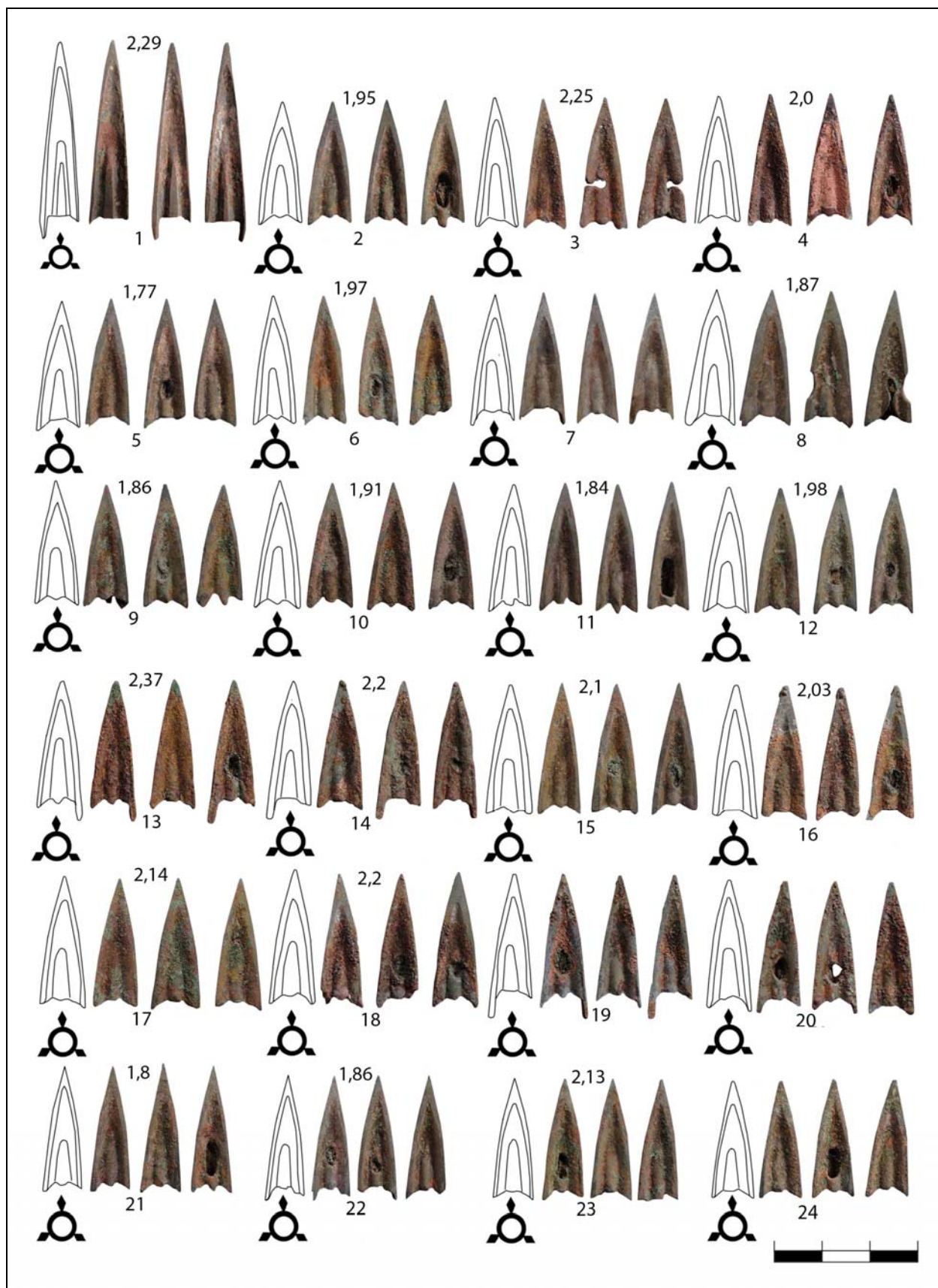

Рис. 19. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1. Находки: 1—24 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 19. Timofeevka village. Mound 6, burial 1. Finds: 1—24 — drawings and photos by M. Daragan.

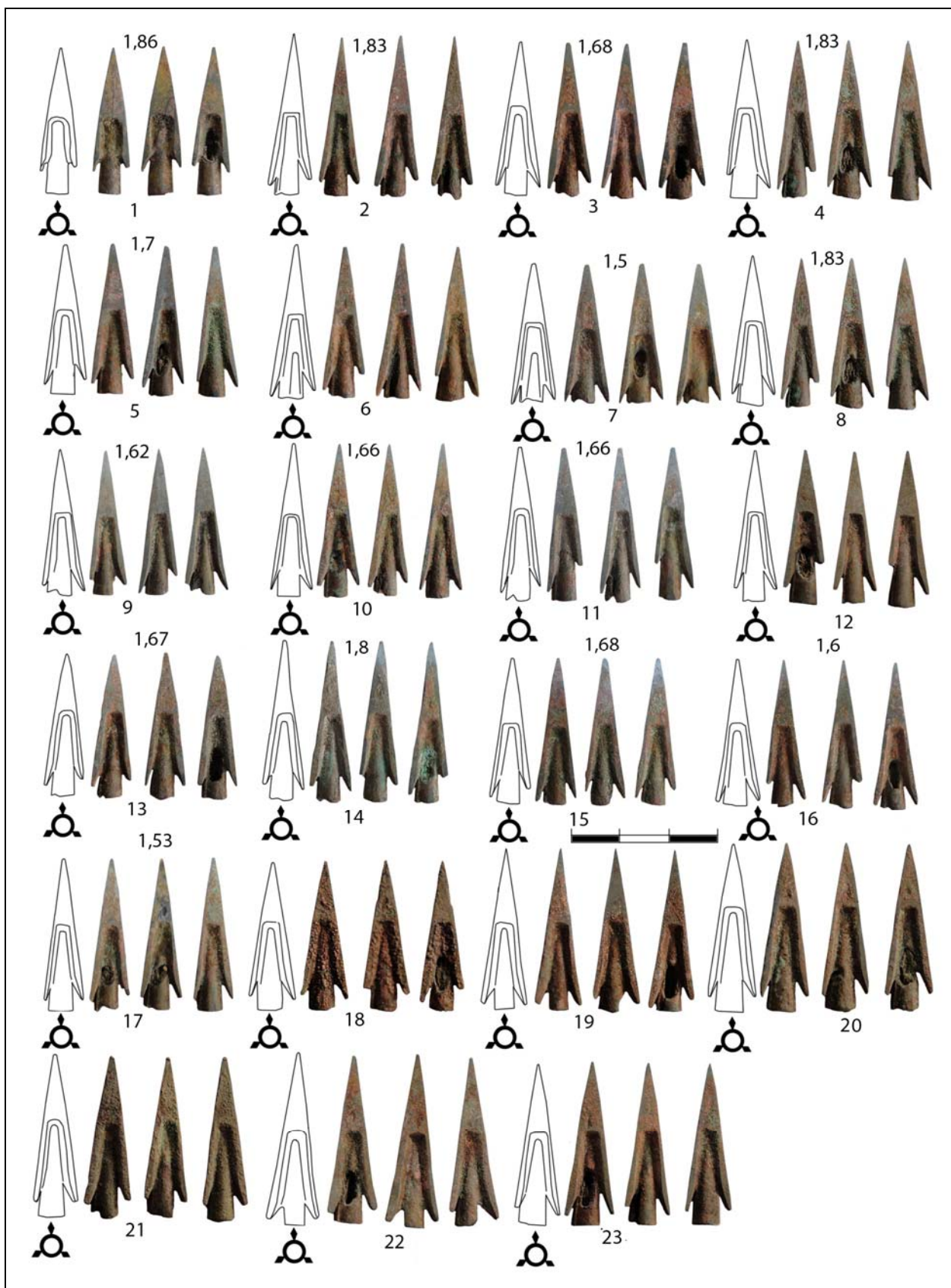

Рис. 20. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1. Находки: 1—24 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 20. Timofeevka village. Mound 6, burial 1. Finds: 1—24 — drawings and photos by M. Daragan.

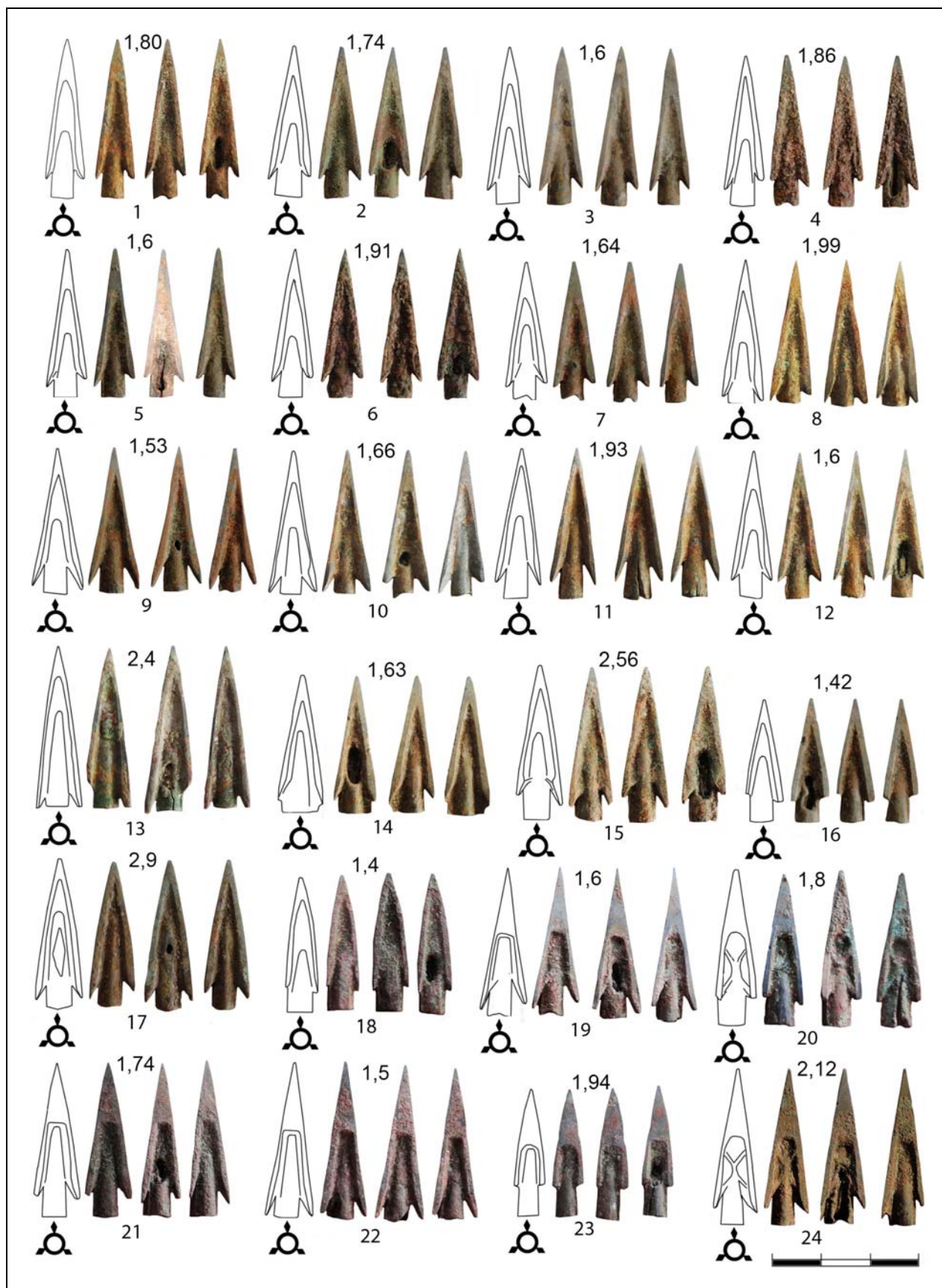

Рис. 21. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1. Находки: 1—24 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 21. Timofeevka village. Mound 6, burial 1. Finds: 1—24 — drawings and photos by M. Daragan.

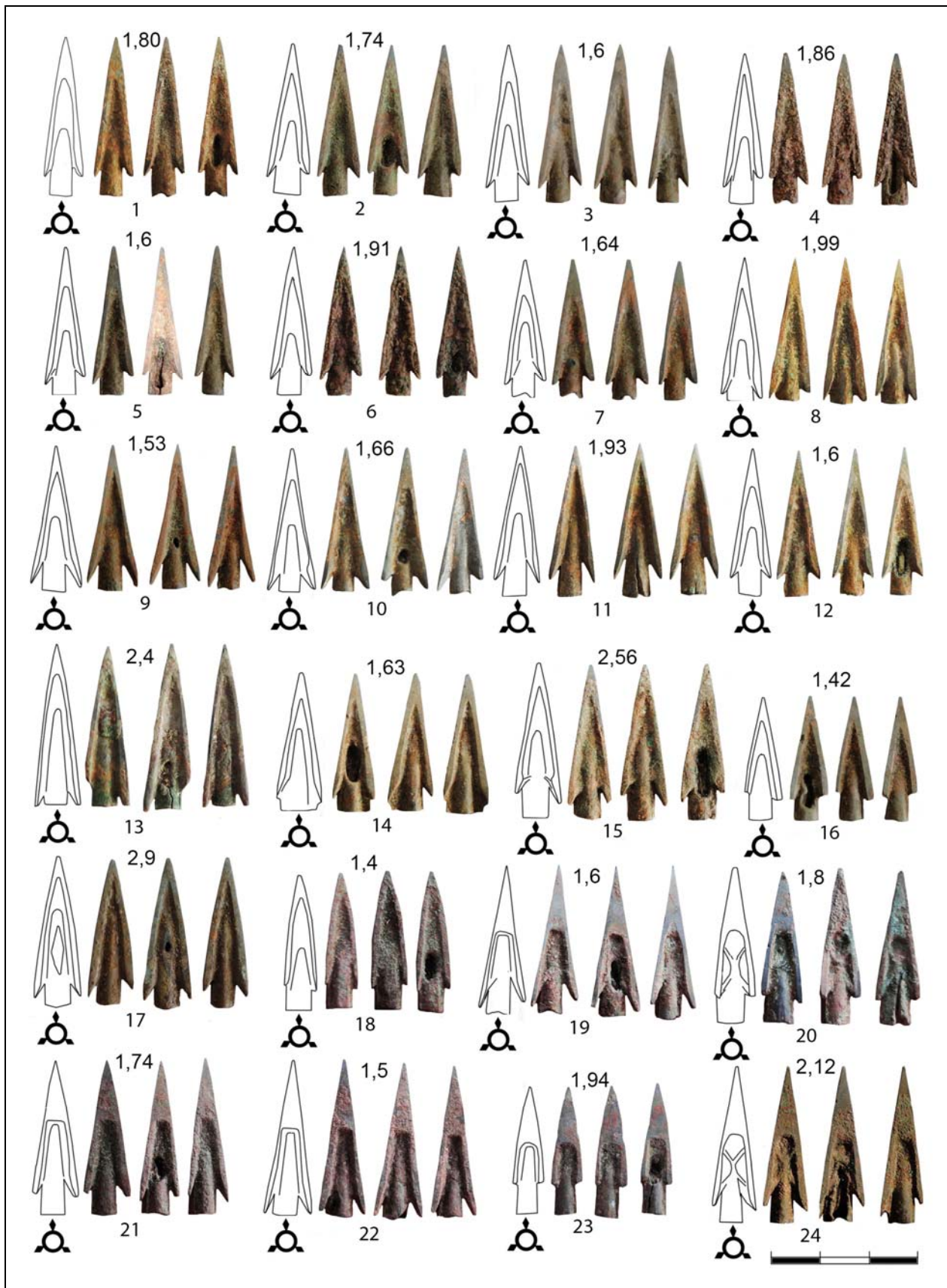
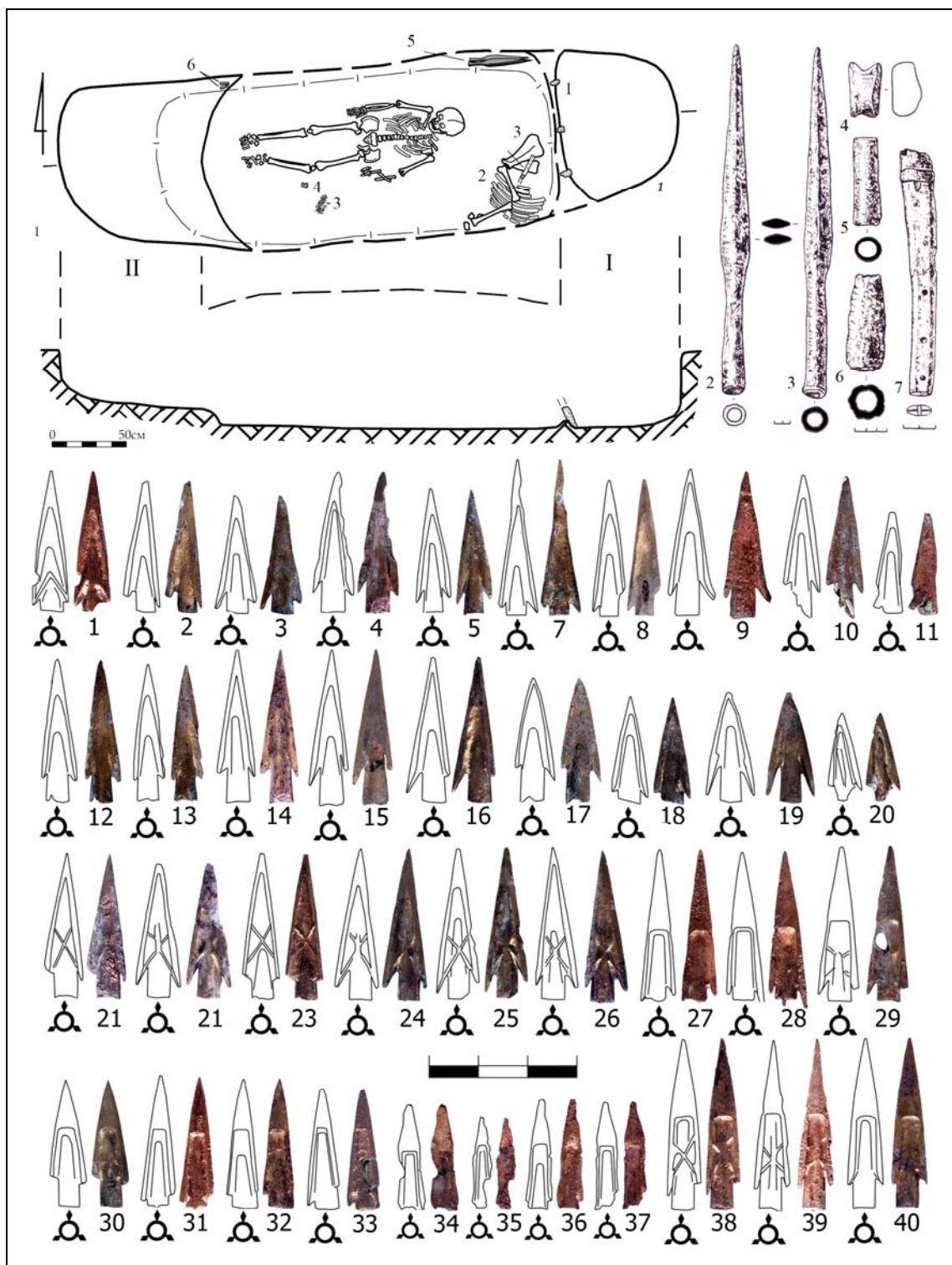

Рис. 22. с. Тимофеевка. Курган 6, погребение 1. Находки: 1—24 — рисунки и фотографии М. Дараган.

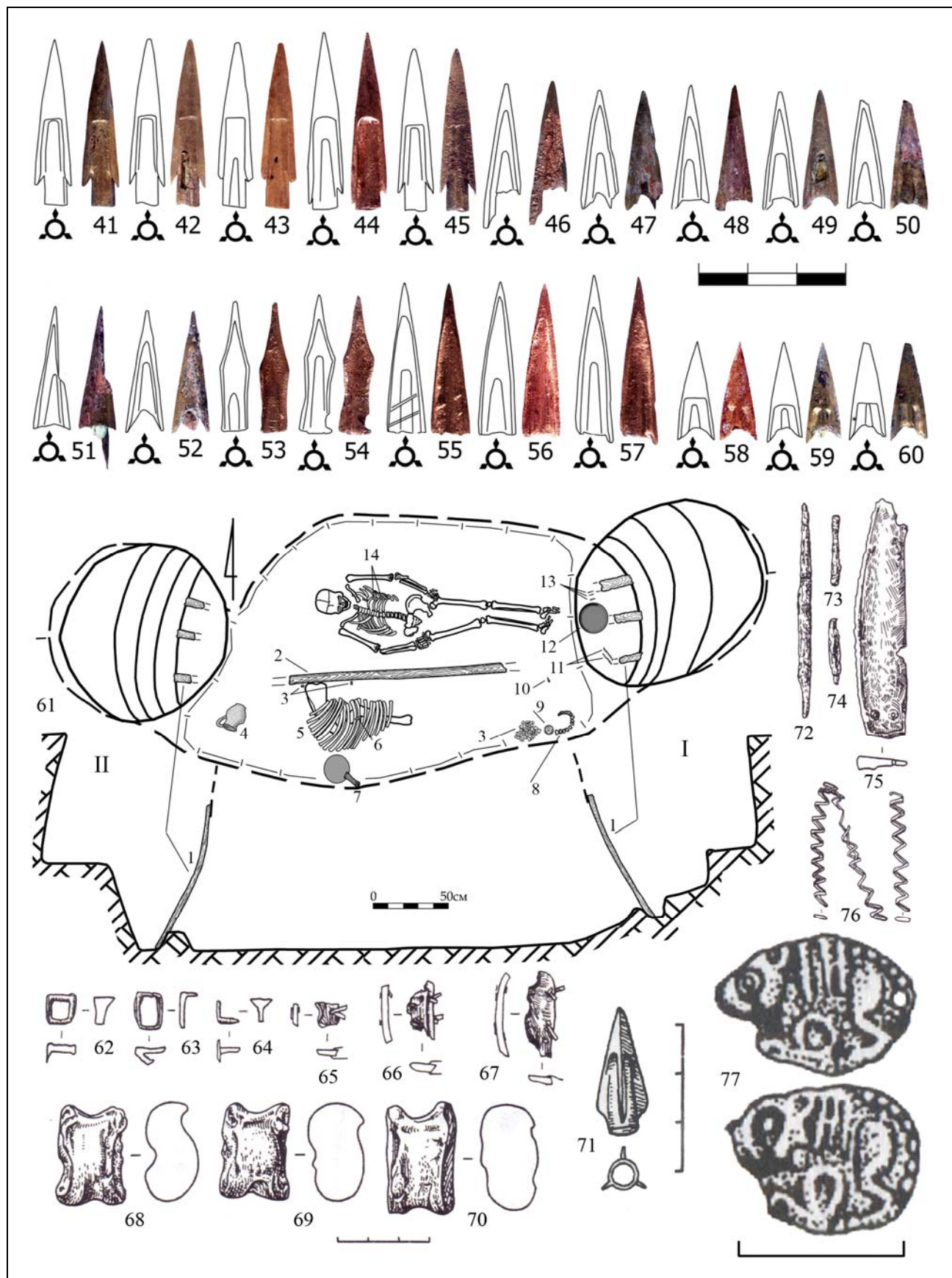
Fig. 22. Timofeevka village. Mound 6, burial 1. Finds: 1—24 — drawings and photos by M. Daragan.

Рис. 23. с. Мерень. Курган 1, погребение 3: 1 — план и разрез (по Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020); 2—7 — находки (по Дергачев, Сава 2001—2002); 1—40 — фотографии Д.А. Топала и В.Г. Бубулича. Легенда к рисунку 1: 1: 1 — плахи заклада в камеру; 2 — кости животных; 3 — нож; 4 — наконечники стрел; 5 — астрагал; 6 — наконечники копий; 7 — втоки.

Fig. 23. Meren' village. Mound 1, burial 3: 1 — plan and section (after Sinika, Lysenko, Razumov, Telnov 2020); 2—7 — finds (after Dergachev, Sava 2001—2002); 1—40 — photos by D.A. Topal and V.G. Bubulich. Legend to figure 1: 1: 1 — wooden barrier; 2 — bones of animals; 3 — knife; 4 — arrowheads; 5 — astragalus; 6 — spearheads; 7 — butts.

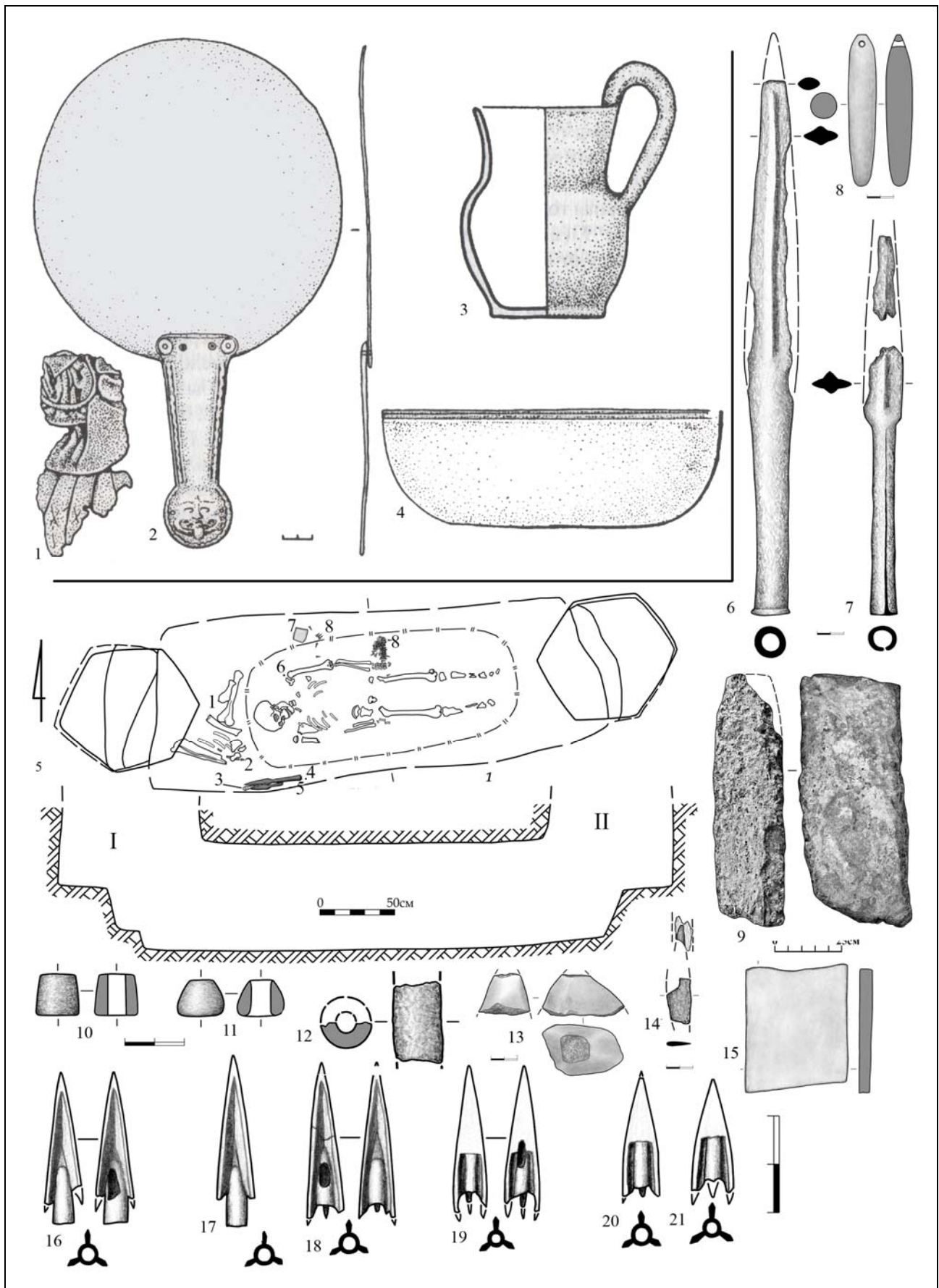

Рис. 24. с. Мерень. Курган 1, погребение 3. Находки: 41—60 — фотографии Д.А. Топала и В.Г. Бубулича, **с. Мерень. Курган 1, погребение 7:** 61 — план и разрез (по Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020); 62—77 — находки (по Дергачев, Сава 2001—2002). Легенда к рисунку 16: 1: 1 — плахи заклада входа в камеру; 2 — плаха; 3 — астрагалы; 4 — кувшин; 5 — кж; 6 — нож; 7 — зеркало; 8 — позвонки млекопитающего; 9 — деревянная чаша; 10 — наконечник стрелы; 11 — золотые ленты; 12 — бронзовая чаша; 13 — шилья; 14 — золотые бляшки.

Fig. 24. Meren' village. Mound 1, burial 3. Finds: 41—60 — photos by D.A. Topal and V.G. Bubulich, **Meren' village. Mound 1, burial 7:** 61 — plan and section (after Sinika, Lysenko, Razumov, Telnov 2020); 62—77 — Finds (after Dergachev, Sava 2001—2002). Legend to figure 16: 1: 1 — wooden barrier; 2 — wooden board; 3 — astragalus; 4 — jug; 5 — bones of animals; 6 — knife; 7 — mirror; 8 — mammalian vertebrae; 9 — wooden bowl; 10 — arrowhead; 11 — golden ribbons; 12 — bronze bowl; 13 — awls; 14 — golden plaques.

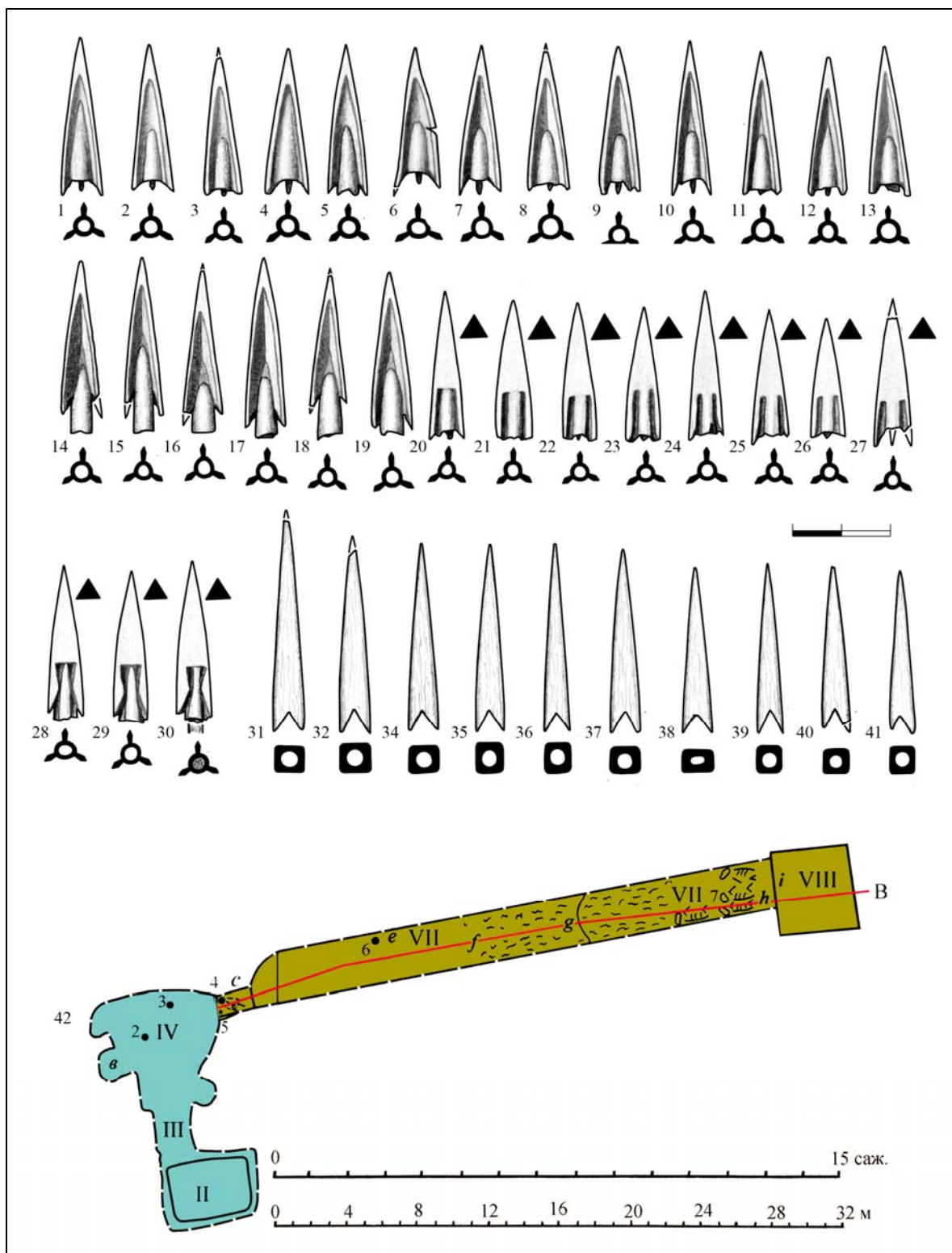

Рис. 25. с. Мерень. Курган 1, погребение 7: 1—4 — находки (по Дергачев, Сава 2001—2002); с. Глиное. Группа «Сад», курган 12, погребение 3: 5 — план и разрез; 6—21 — находки (по Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020). Легенда к рисунку 5: 1: 1 — кости животных; 2 — нож; 3 — оселок; 4 — ворворка; 5 — наконечники копий; 6 — ворворка; 7 — абразив; 8 — наконечники стрел.

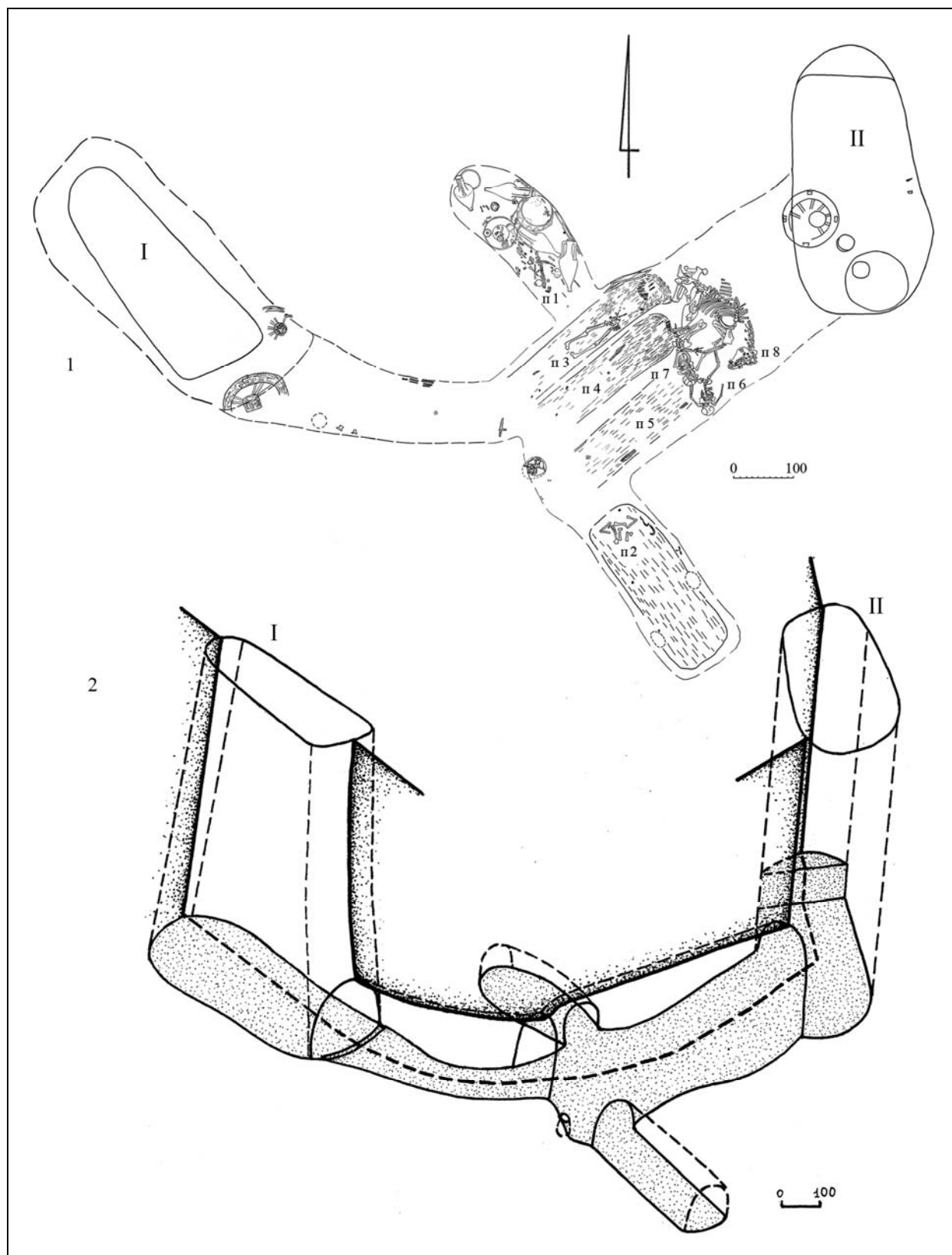

Fig. 25. Meren' village. Mound 1, burial 7: 1—4 — finds (after Dergachev, Sava 2001—2002); Glinoye village. Group "Sad", mound 12, burial 3: 5 — plan and section; 6—21 — finds (after Sinika, Lysenko, Razumov, Telnov 2020). Legend to figure 5: 1: 1 — bones of animals; 2 — knife; 3 — touchstone; 4 — vorvorka; 5 — spearheads; 6 — vorvorkas; 7 — abrasive; 8 — arrowheads.

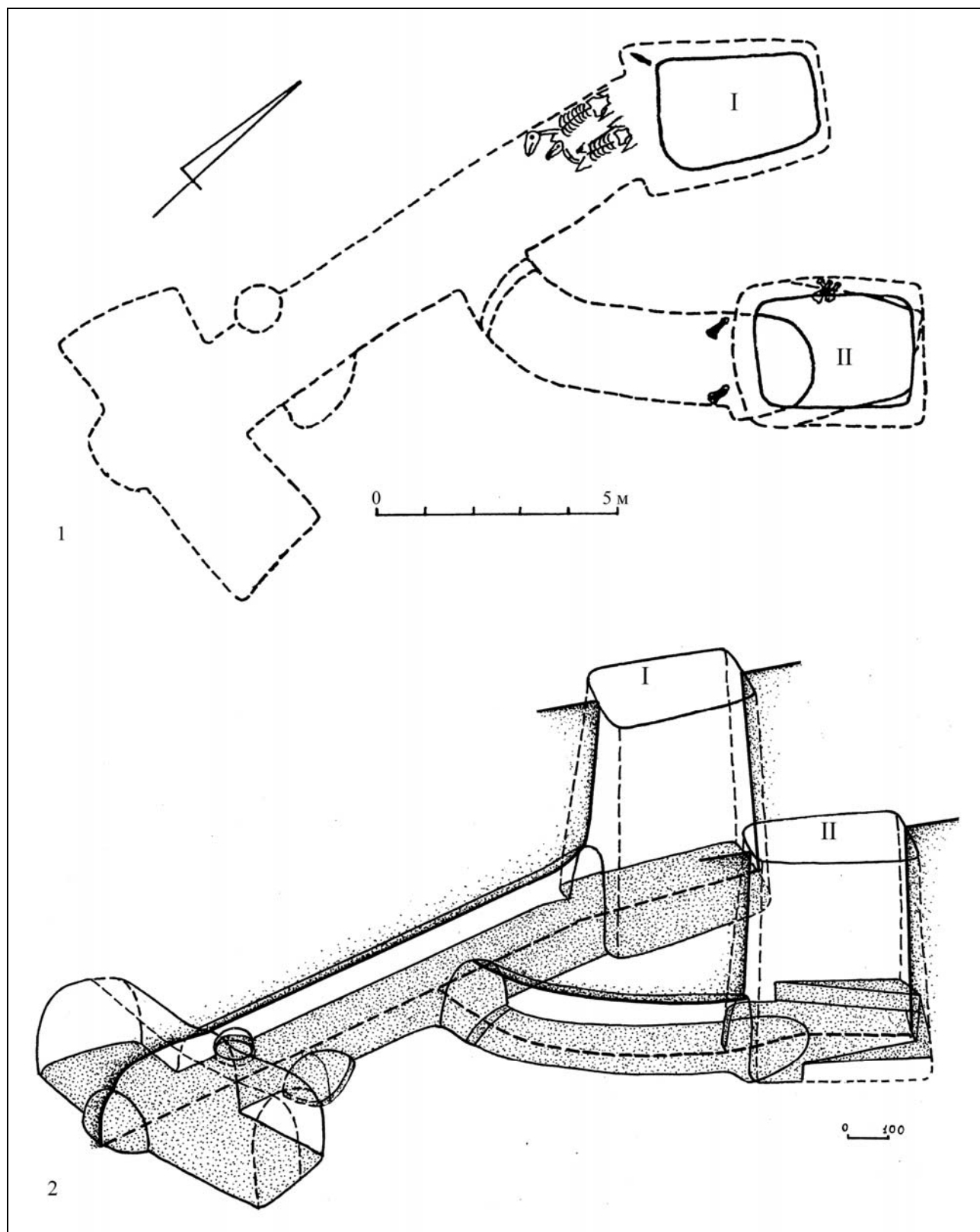
Рис. 26. с. Глиное. Группа «Сад», курган 12, погребение 3: 1—41 — находки (по Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов 2020); 42 — Александропольский курган. Центральная гробница и Восточный дромос подзахоронения в нее (по Полин, Алексеев 2018).

Fig. 26. Glinoye village. Group “Sad”, mound 12, burial 3: 1—41 — finds (after Sinika, Lysenko, Razumov, Telnov 2020); 42 — Alexandropol mound. Central tomb and eastern dromos of the additional burial (after Polin, Alekseev 2018).

Рис. 27. Гайманова Могила. Северная гробница № 1: 1 — план (по Бидзиля, Полин 2012); 2 — аксонометрия, рисунок Т. Менчинской.

Fig. 27. Gaymanova Mogila. Northern Tomb No. 1: 1 — plan (after Bidzilya, Polin 2012); 2 — axonometry, drawing by T. Menchinskaya.

Рис. 28. Бабина Могила. Гробница № 2: 1 — план (по Мозолевский, Полин 2005); 2 — аксонометрия, рисунок Т. Менчинской.

Fig. 28. Babina Mogyla. Tomb No. 2: 1 — plan (after Mozolevskiy, Polin 2005); 2 — axonometry, drawing by T. Menchinskaya.

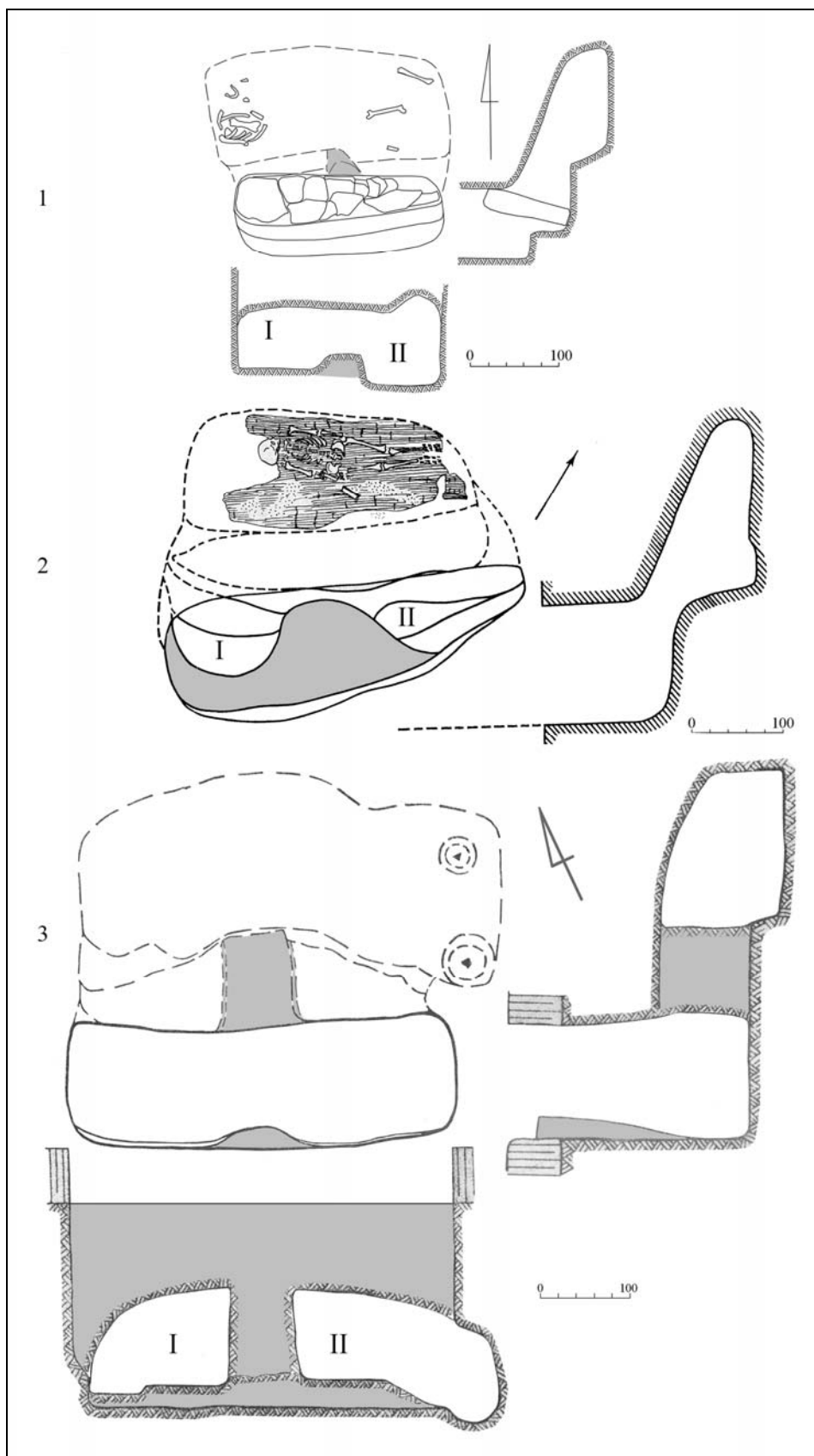
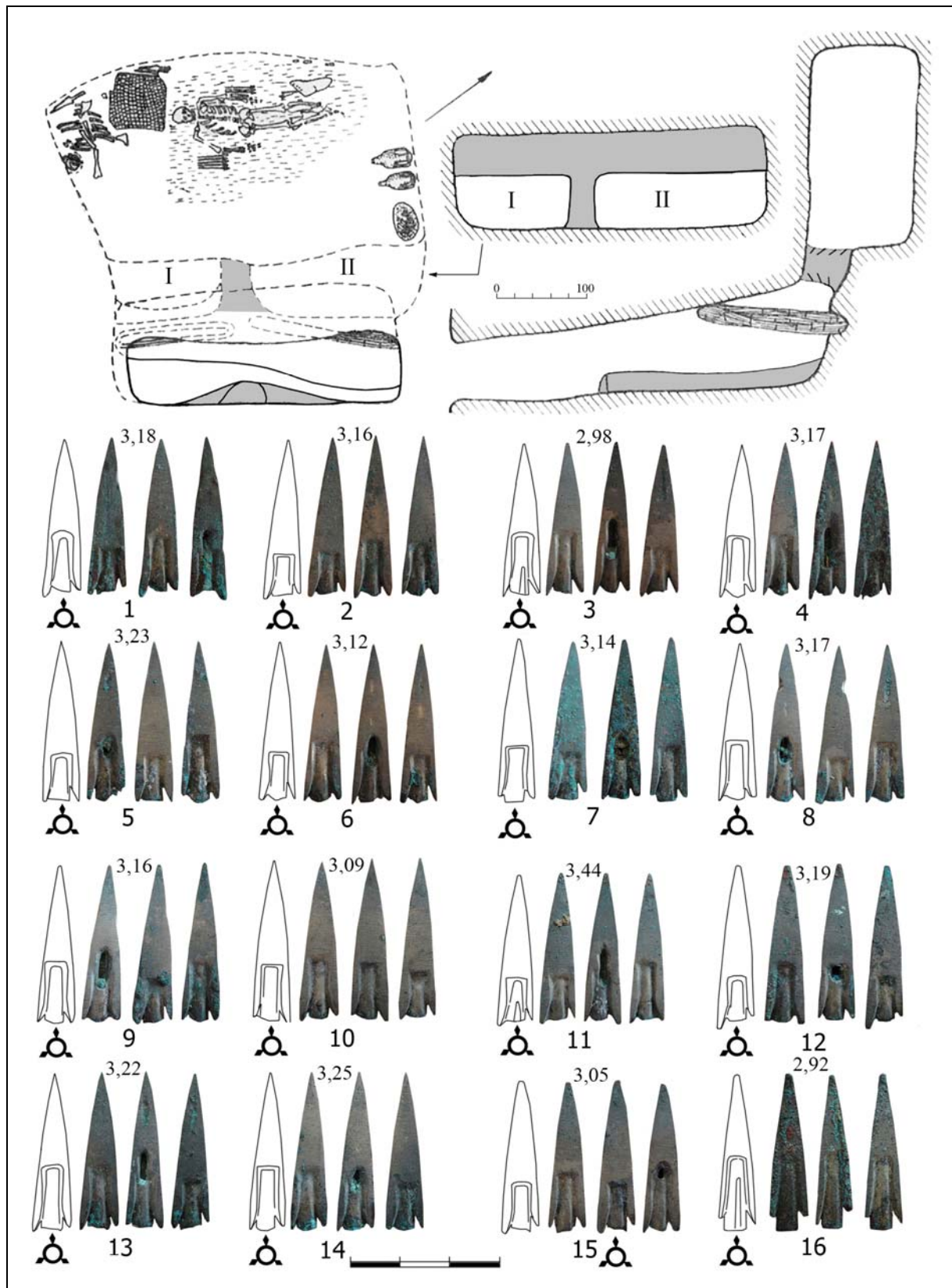

Рис. 29. с. Первомаевка. Группа II, курган 4: 1 — погребение 5; 2 — погребение 6; 3 — погребение 7.

Fig. 29. Pervomaevka village. Group II, mound 4: 1 — burial 5; 2 — burial 6; 3 — burial 7.

Рис. 30. с. Первомаевка. Группа II, курган 4, погребение 8: план и разрез; 1—16 — находки.
Рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 30. Pervomaevka village. Group II, mound 4, burial 8: plan and section; 1—16 — finds. Drawings and photos by M. Daragan.

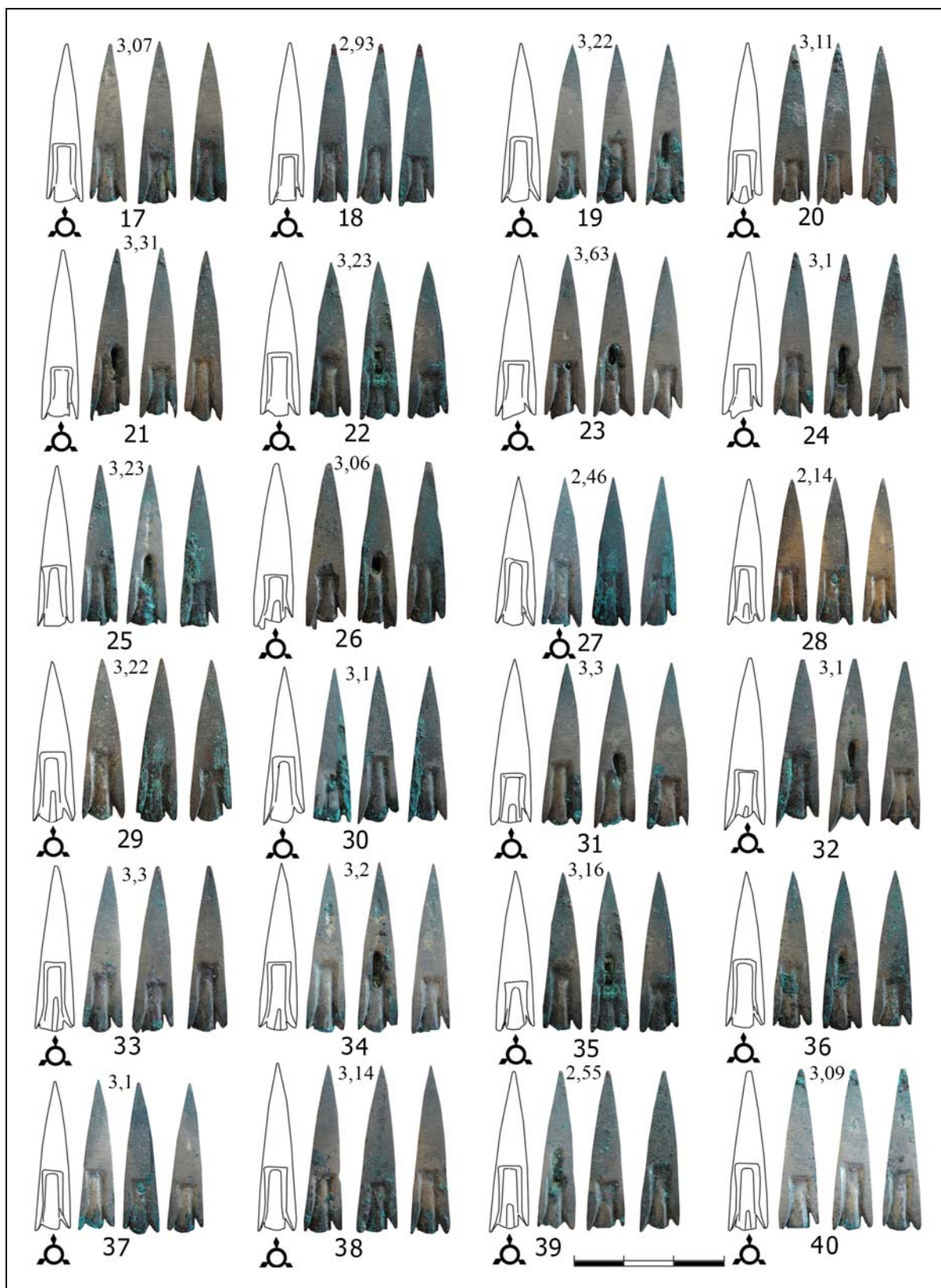

Рис. 31. с. Первомаевка. Группа II, курган 4, погребение 8. Находки: 17—40 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 31. Pervomaevka village. Group II, mound 4, burial 8. Finds: 17—40 — drawings and photos by M. Daragan.

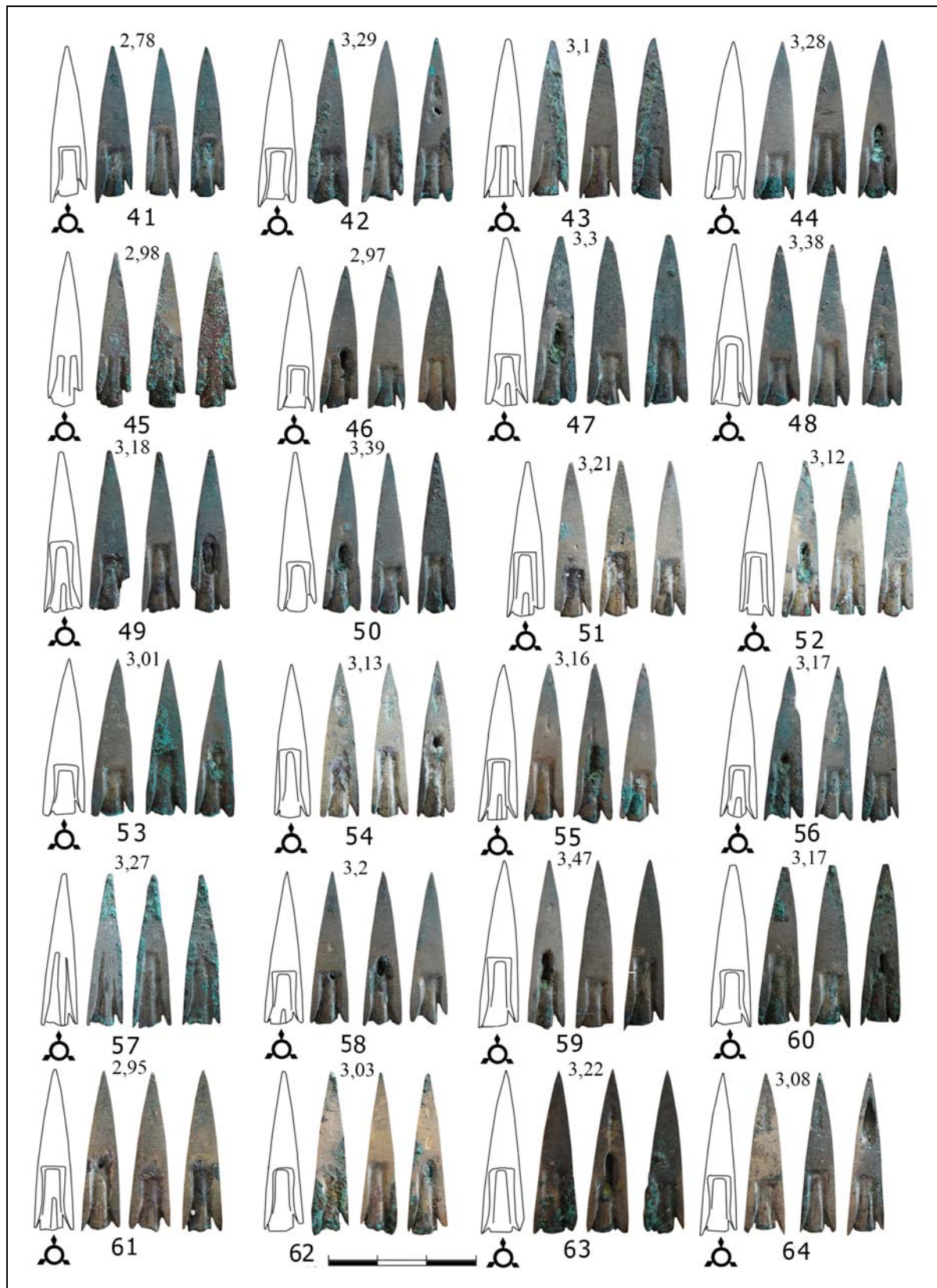
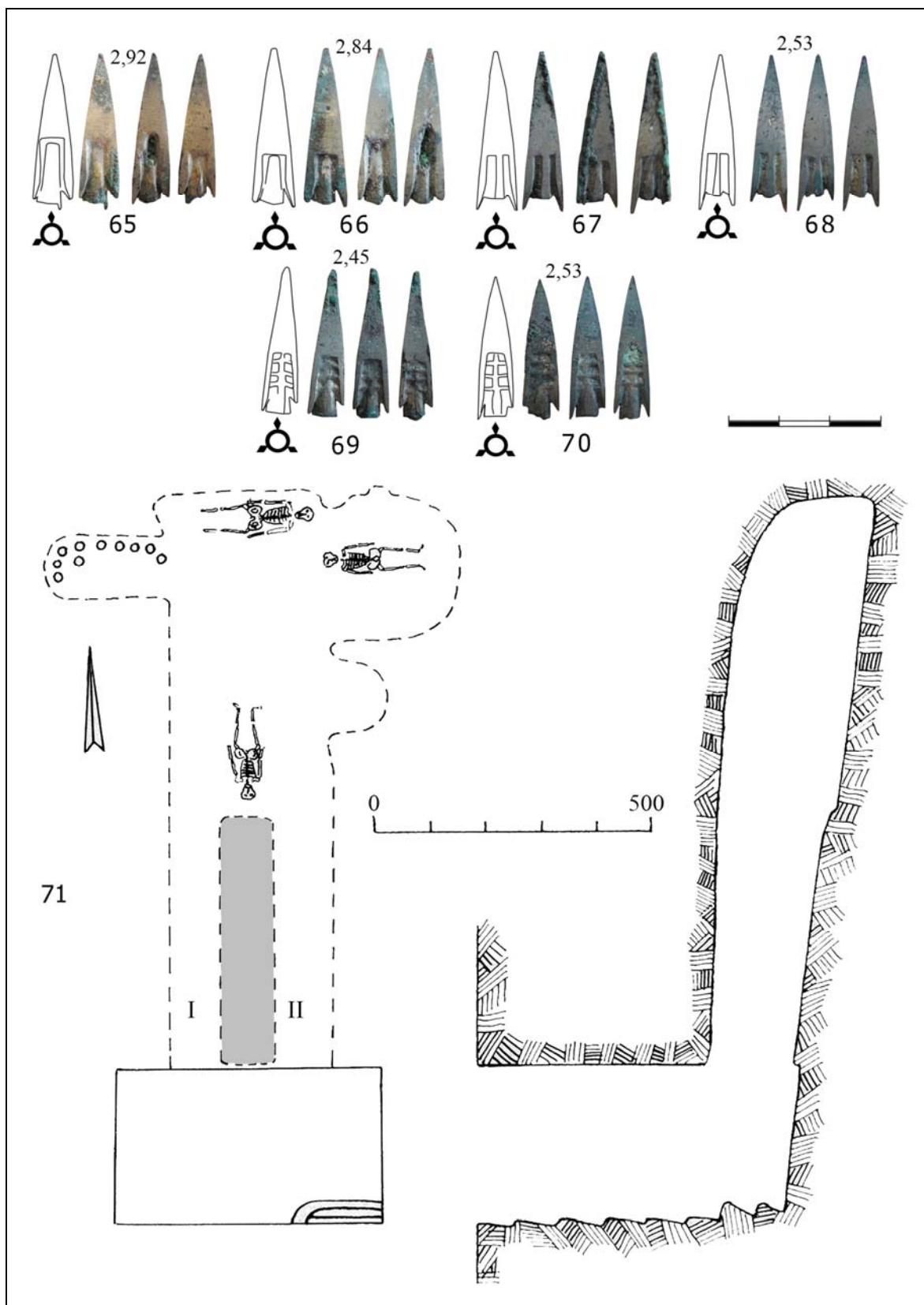

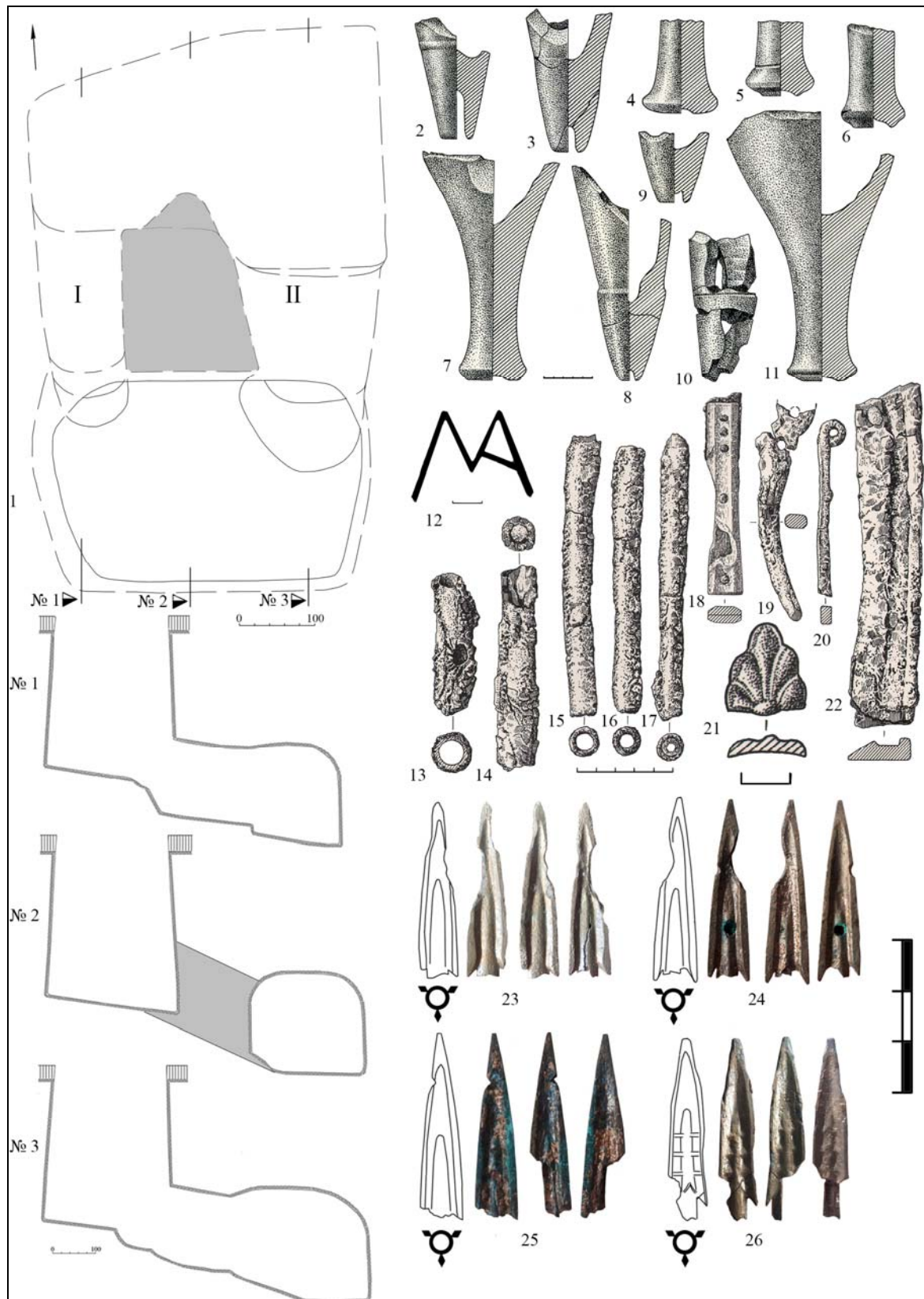
Рис. 32. с. Первوماевка. Группа II, курган 4, погребение 8. Находки: 41—64 — рисунки и фотографии М. Дараган.

Fig. 32. Pervomaevka village. Group II, mound 4, burial 8. Finds: 41—64 — drawing and photos by M. Daragan.

Рис. 33. с. Первوماевка. Группа II, курган 4, погребение 8: 65—70 — находки (рисунки и фотографии М. Дараган); Солоха. Боковая гробница (71) (по Манцевич 1987).

Fig. 33. Pervomaevka village. Group II, kurgan 4, burial: 65—70 — finds (drawings and photos by M. Daragan); Solokha. Side tomb (71) (after Mantsevich 1987).

Рис. 34. с. Федоровка. Кургan 1, погребение 1: *I* — план и разрез (рисунок Худфонда); 2—22 — находки (по Кубышев и др. 1977); 23—36 — рисунки и фотографии М.Н. Дараган.

Fig. 34. Fedorovka village. Mound 1, burial 1: *I* — plan and section (drawing by Hoodfond); 2—22 — finds (after Kubyshev i dr. 1977); 23—36 — drawings and photos by M. Daragan.

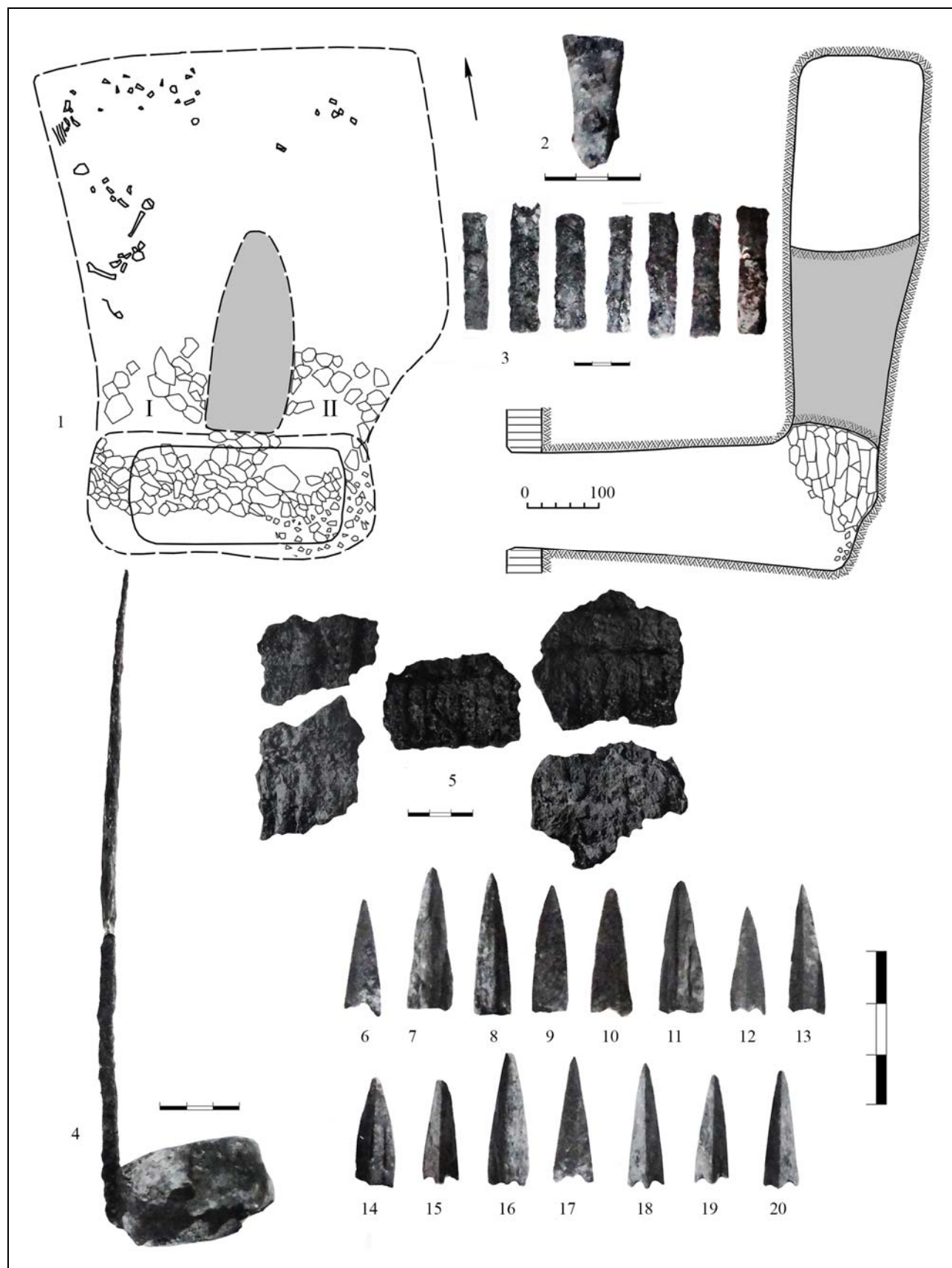

Рис. 35. Кайры. Курган 2, погребение 1: 1 — план и разрез; 2—20 — находки (по Кубышев и др. 1988).

Fig. 35. Kairi. Mound 2, burial 1: 1 — plan and section; 2—20 — finds (after Kubyshev i dr 1988).

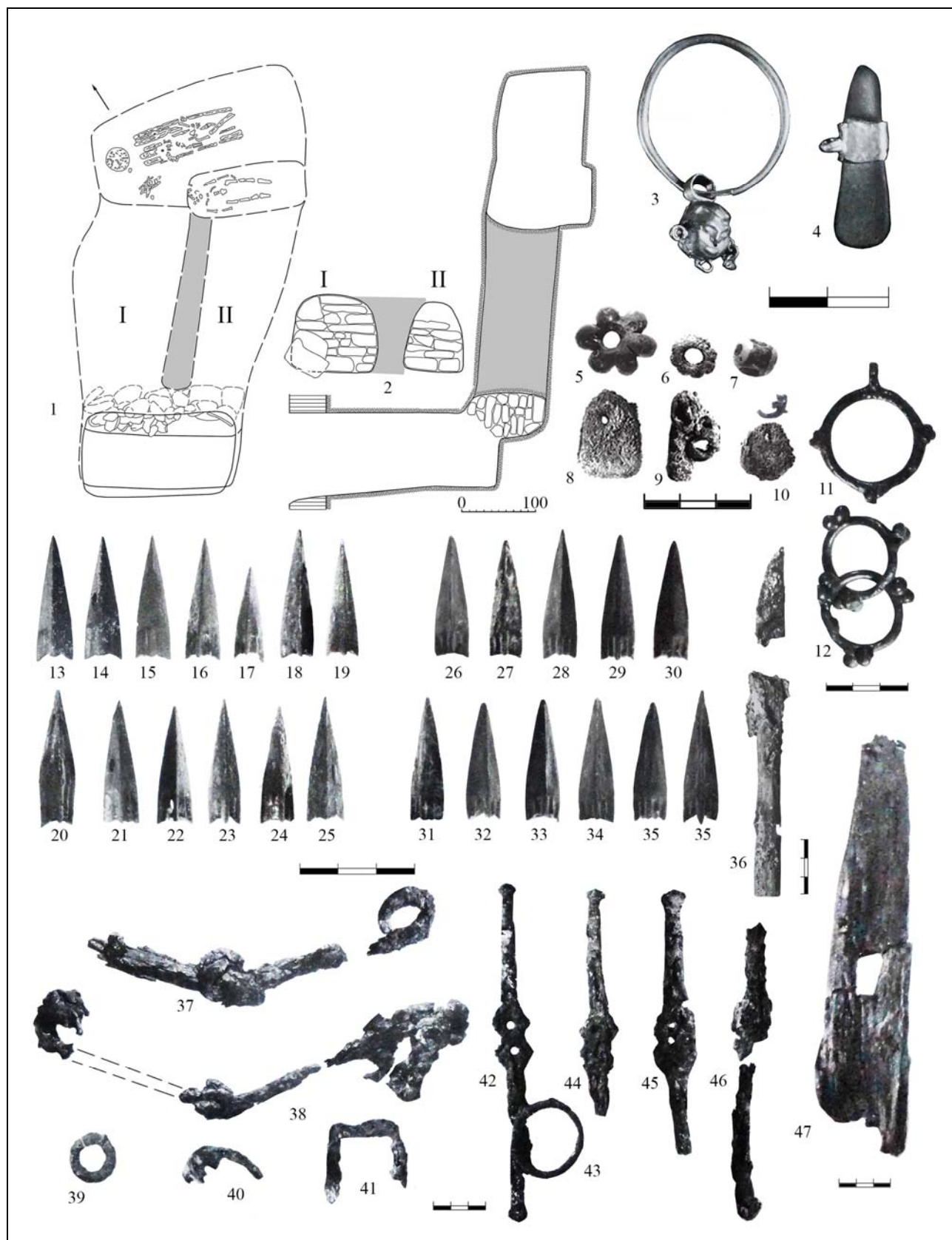

Рис. 36. Кайры. Курган 2, погребение 2: 1 — план и разрез; 2—47 — находки (по Кубышев и др. 1988).

Fig. 36. Kairi. Mound 2, burial 2: 1 — plan and section; 2—47 — finds (after Kubyshev i dr. 1988).

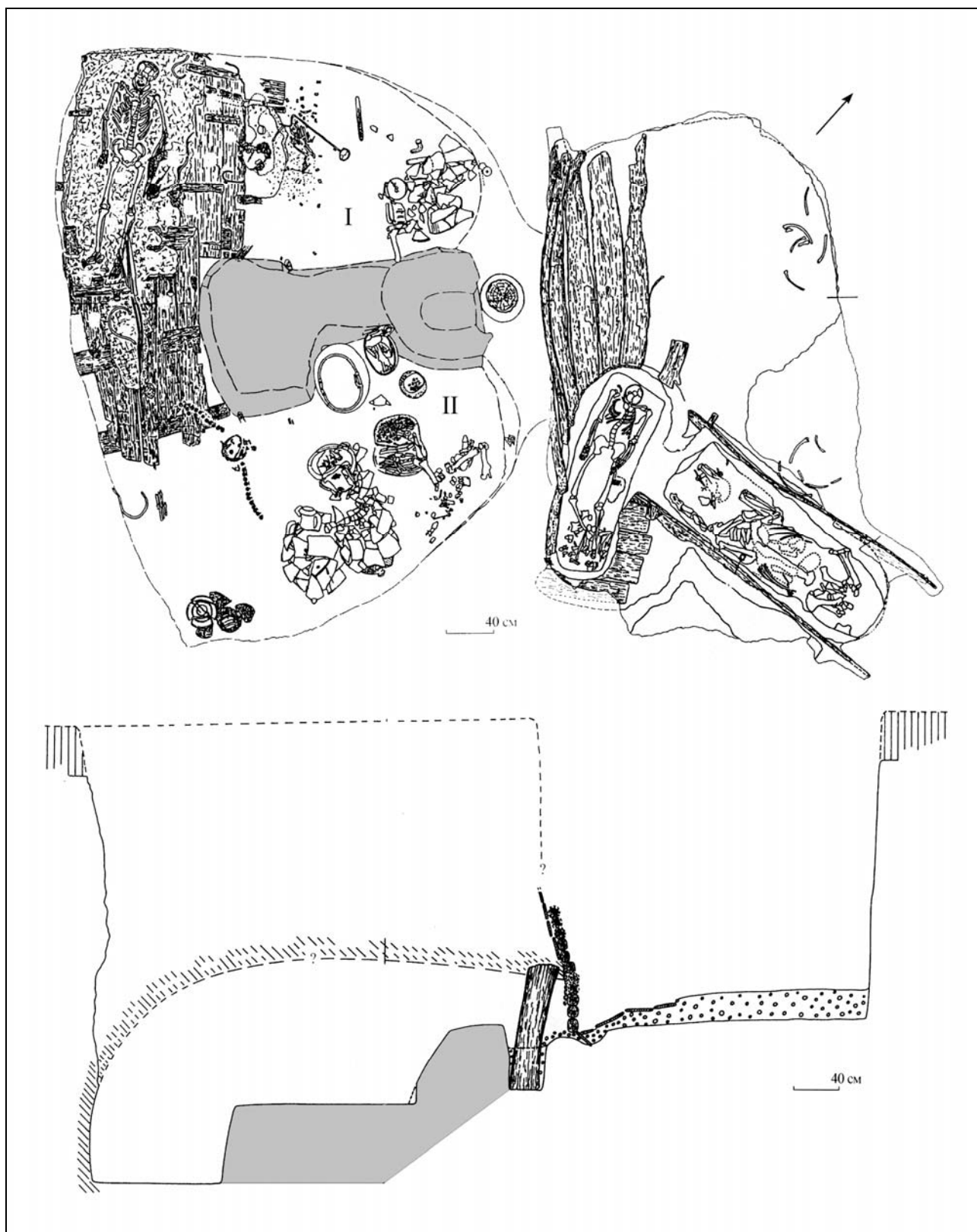
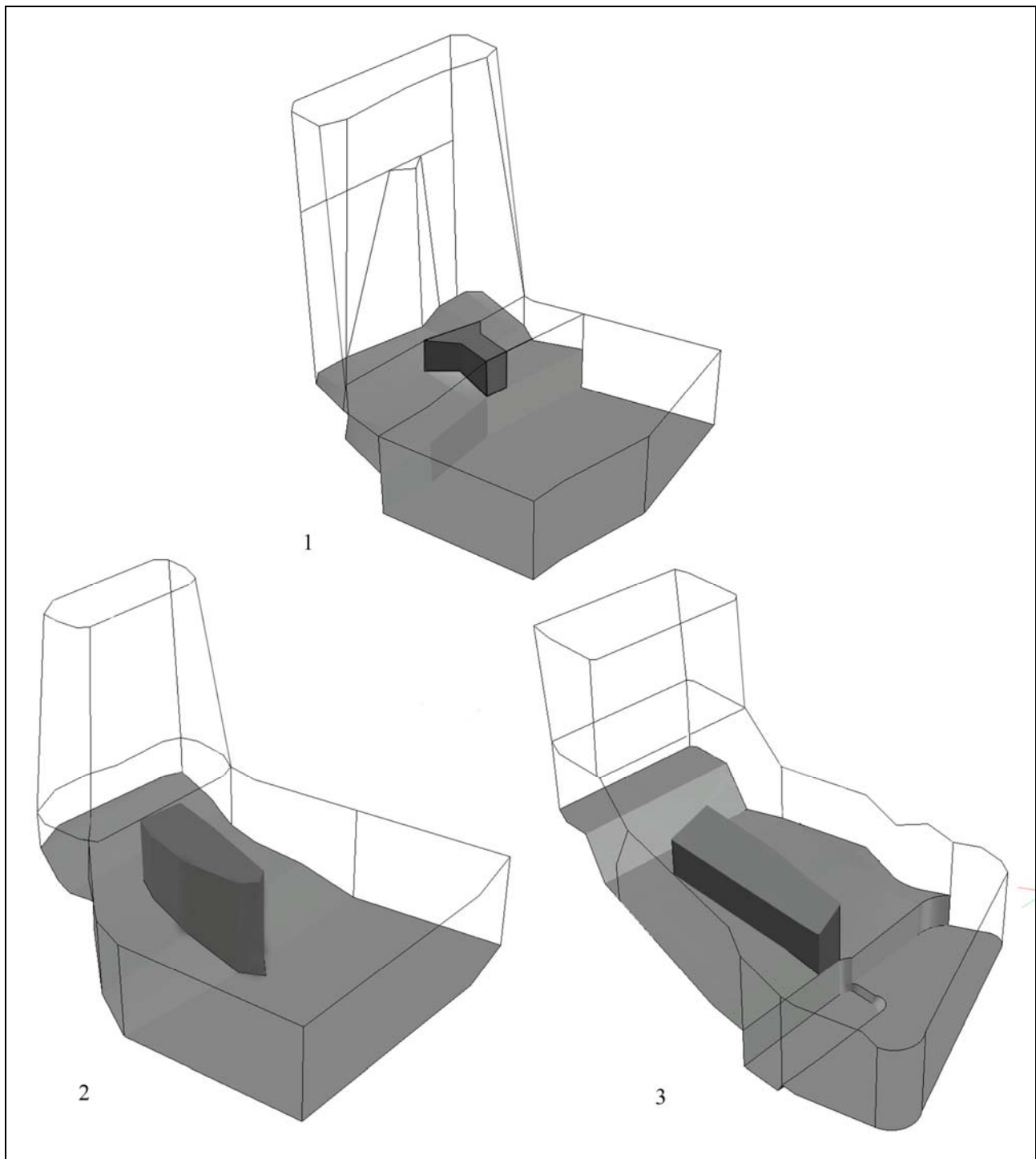

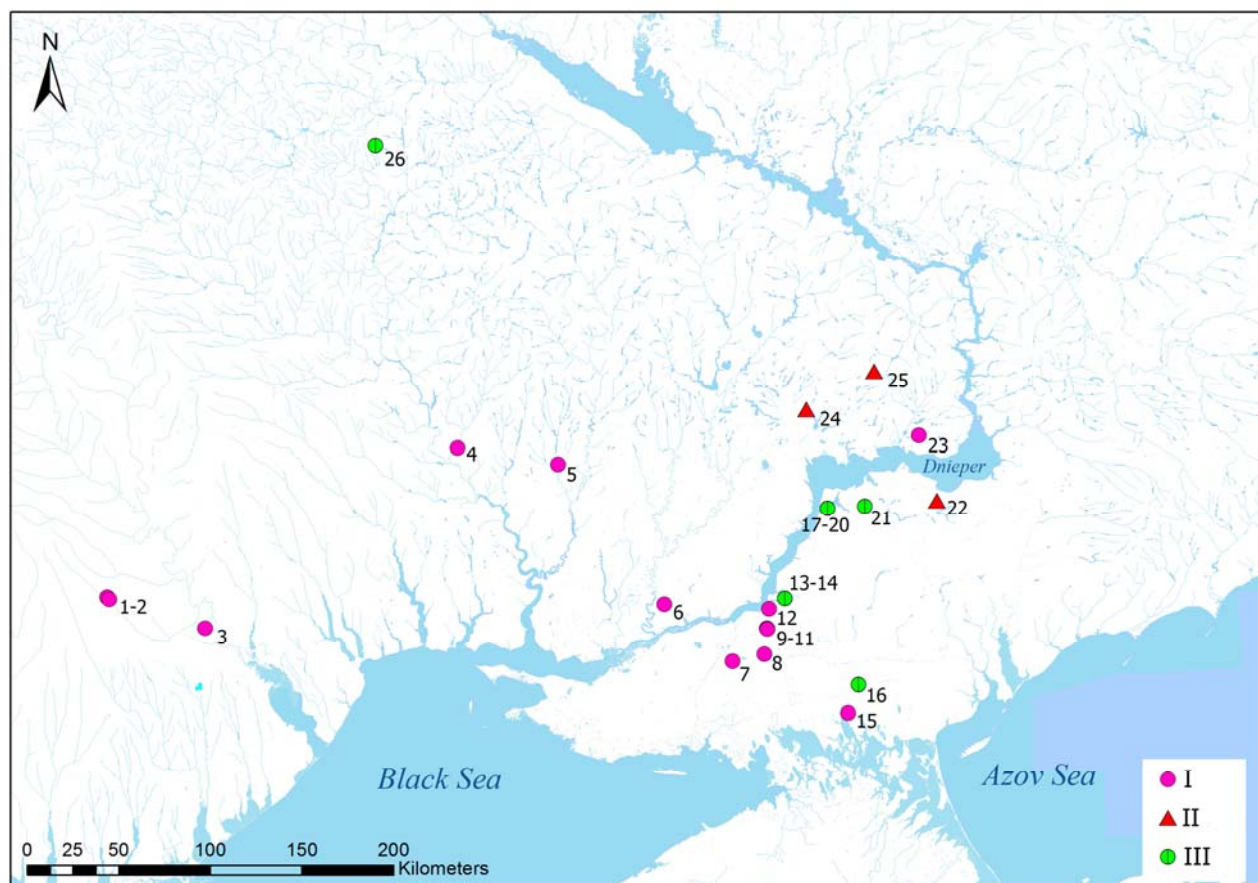
Рис. 37. с. Рыжановка. Рыжановский курган, Центральная могила (по Скорый, Хохоровски 2018).

Fig. 37. Ryzhanovka village. Ryzhanovsky mound, Central grave (after Skoryi, Khokhorovski 2018).

Рис. 38. Подбой и катакомбы с двумя одновременными коридорами/дромосами из одной входной ямы. Аксонометрия: 1 — с. Первомаевка, группа II, курган 4, погребение 8; 2 — Каиры, курган 2, погребение 1; 3 — Каиры, курган 2, погребение 2.

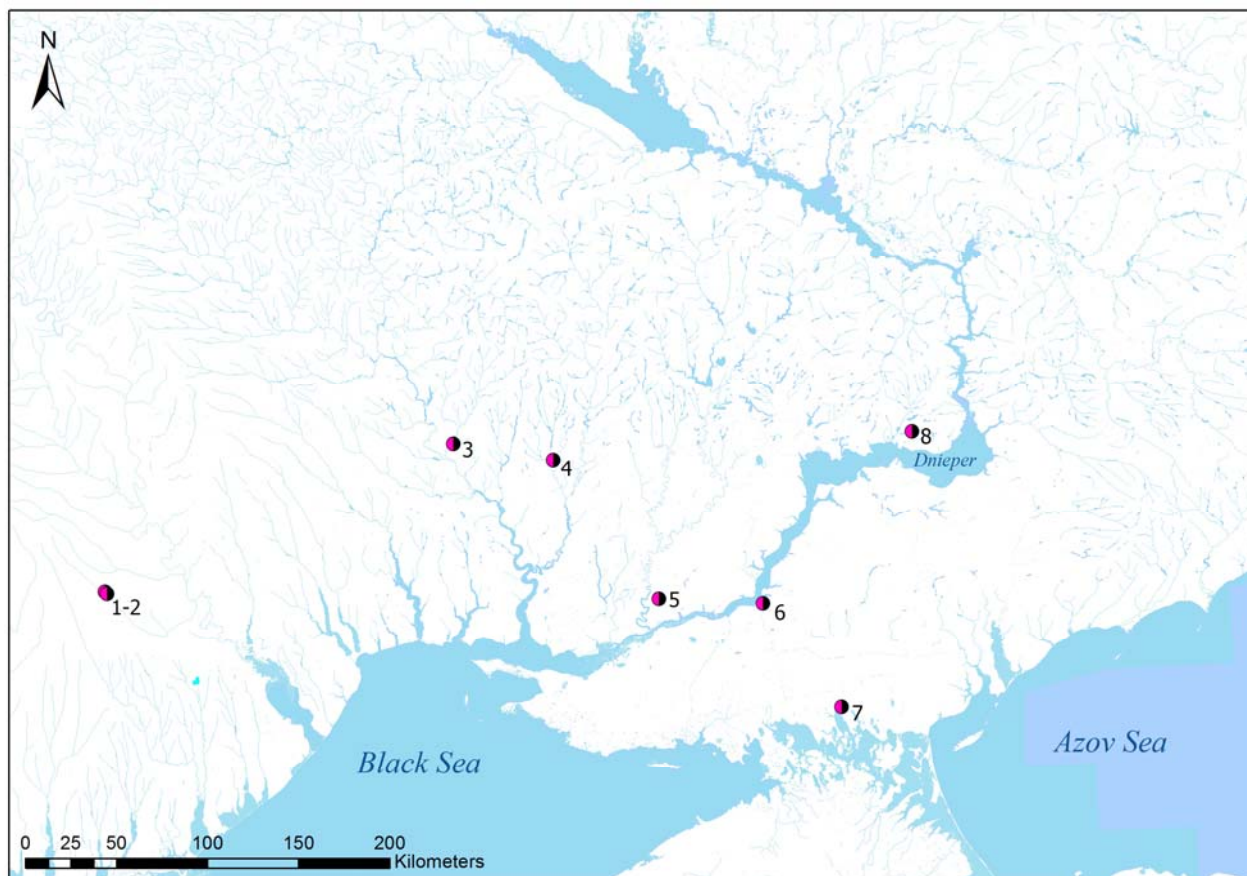
Fig. 38. Catacombs with one entrance of the pit gives way to two simultaneous separate entrances (dromoi) into the single large chamber. Axonometry: 1 — Pervomaevka village, group II, mound 4, burial 8; 2 — Kairy, kurgan, 2 burial 1; 3 — Kairy, kurgan 2, burial 2.

Рис. 39. Ареал «ритуальных» катакомб с двумя одновременными входными ямами или двумя входами из одной входной ямы. Условные обозначения: I — с одновременными двумя входными ямами для одного погребенного; II — с одновременными двумя входными ямами для нескольких погребенных; III — с одновременным двумя коридорами/дромосами из одной входной ямы: 1—2 —Мерень, курган 1, погребения 3 и 7; 3 — Глиное, группа «Сад», курган 12, погребение 3; 4 —Таборовка, курган 2, погребение 2; 5 — Антоновка, курган 6, погребение 2; 6 —Тимофеевка, курган 6, погребение 1; 7 — Привольное, группа 1, курган 20, погребение 1; 8 — Семеновка, курган 4, погребение 1; 9—11 — Вильна Украина, группа Р-І/ІІІ, курган 3, погребение 1; курган 7, погребение 1; курган 44, погребение 1; 12 — Софиевка, курган 16, погребение 1; 13—14 — Каиры, курган 2, погребения 1 и 2; 15 — Сергеевка, курган 9, погребение 2; 16 — Федоровка, курган 1, погребение 1; 17—20 — Первوماевка, группа ІІ, курган 4, погребения 5, 6, 7 и 8; 21 — Солоха; 22 — Гайманова могила; 23 — Глухое, курган 4, погребение 3; 24 — Бабина могила; 25 — Александрополь; 26 — Рыжановский курган.

Fig. 39. Area of “ritual” catacombs with two simultaneous entrance pits or two separate entrances (dromoi) from one entrance pit: I — catacombs with two simultaneous entrance pits containing single burials; II — catacombs with two simultaneous entrance pits containing some burials; III — one entrance of the pit gives way to two simultaneous separate entrances (dromoi) into the single large chamber: 1—2 — Meren’, mound 1, burials 3 and 7; 3 — Glinoye, group “Sad”, mound 12, burial 3; 4 — Taborovka, mound 2, burial 2; 5 — Antonovka, mound 6, burial 2; 6 — Timofeevka, mound 6, burial 1; 7 — Privol'noye, group 1, mound 20, burial 1; 8 — Semenovka, mound 4, burial 1; 9—11 — Vil'na Ukraina, group P-I/III, mound 3, burial 1; mound 7, burial 1; mound 44, burial 1; 12 — Sofiyevka, mound 16, burial 1; 13—14 — Kairy, mound 2, burial 1 and 2; 15 — Sergeevka, mound 9, burial 2; 16 — Fedorovka, mound 1, burial 1; 17—20 — Pervomaevka, group II, mound 4, burials 5, 6, 7, and 8; 21 — Solokha; 22 — Gaymanova Mogila; 23 — Glukhoye, mound 4, burial 3; 24 — Babina Mogyla; 25 — Alexandropol mound; 26 — Ryzhanovsky mound.

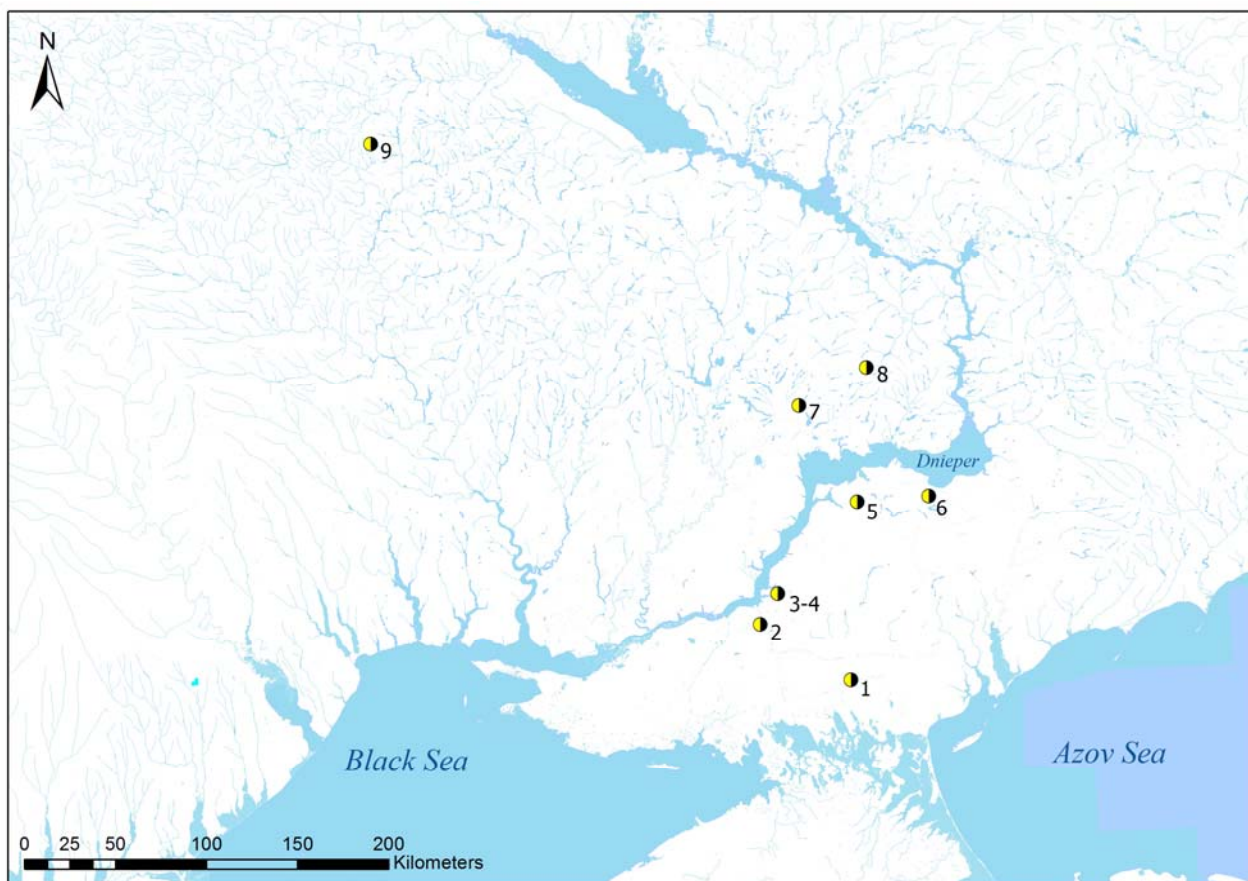

Рис. 40. Погребения второй половины V в. до н.э.: 1—2— Мерень, курган 1, погребения 3 и 7; 3 —Таборовка, курган 2, погребение 2; 4 —Антоновка, курган 6, погребение 2; 5 —Тимофеевка, курган 6, погребение 1; 6 — Софиевка, курган 16, погребение 1; 7 — Сергеевка, курган 9, погребение 1; 8 — Глухое, курган 4, погребение 3.

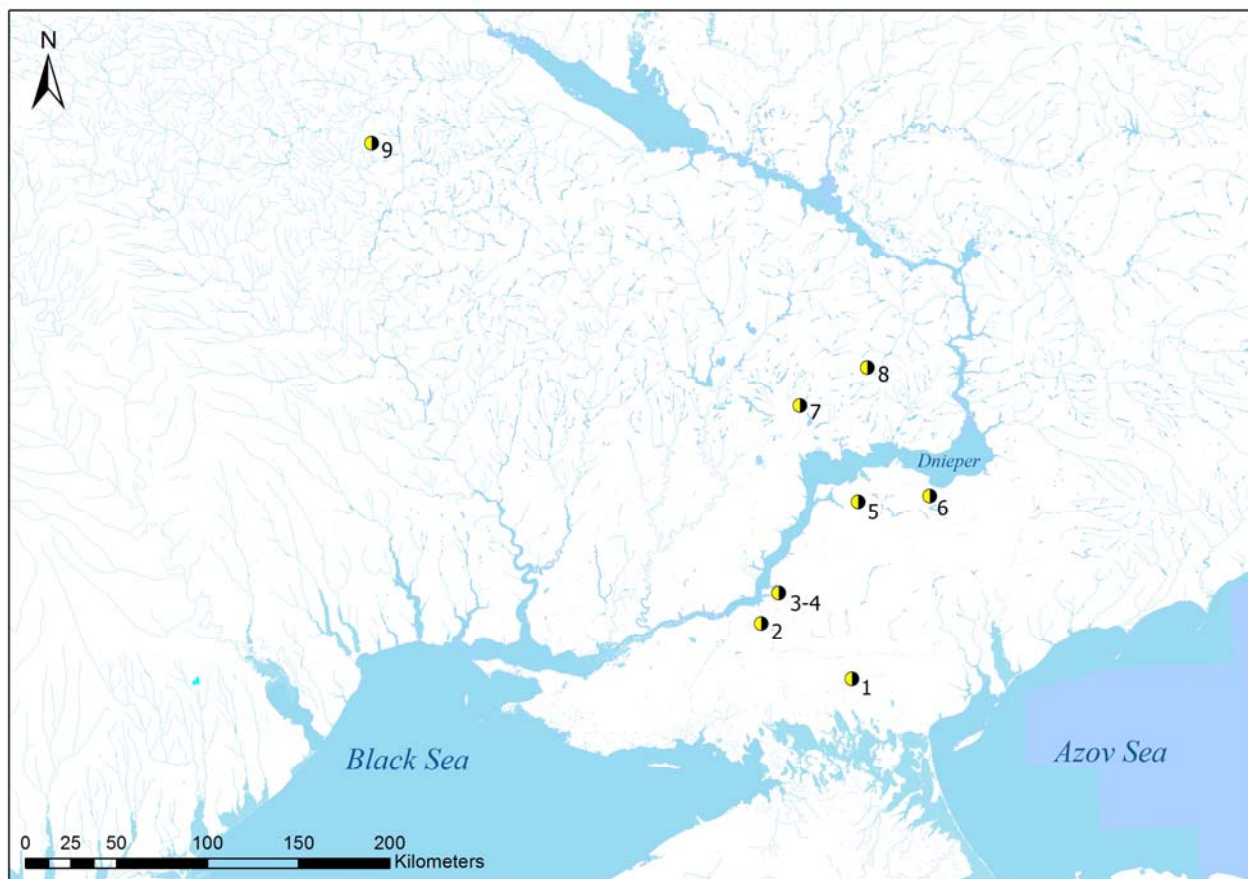
Fig. 40. Burials of the second half of the 5th c. BCE: 1—2— Meren', mound 1, burials 3 and 7; 3 —Taborovka, mound 2, burial 2; 4 —Antonovka, mound 6, burial 2; 5 —Timofeevka, mound 6, burial 1; 6 —Sofiyevka, mound 16, burial 1; 7 —Sergeevka, mound 9, burial 2; 8 —Glukhoeye, mound 4, burial 3.

Рис. 41. Погребения первой четверти IV в. до н.э.: 1 — Глиное, группа «Сад», курган 12, погребение 3; 2 — Привольное, группа 1, курган 20, погребение 1; 3 — Семеновка, курган 4, погребение 13; 4—5 — Вильна Украина, группа Р-I/III, курган 3, погребение 1 и курган 7, погребения 1; 6—9 — Первوماевка, группа II, курган 4, погребения 5, 6, 7 и 8).

Fig. 41. Burials of the first quarter of the 4th c. BCE: 1 — Glinoye, group “Sad”, mound 12, burial 3; 2 — Privol'noye, group 1, mound 20, burial 1; 3 — Semenovka, mound 4, burial 1; 4—5 — Vil'na Ukraina, group P-I/III, mound 3, burial 1 and mound 7 burial 1; 6—9 — Pervomaevka, group II, mound 4, burials 5, 6, 7, and 8.

Рис. 42. Погребения второй—третьей четвертей IV в. до н.э.: 1 — Федоровка, курган 1, погребение 1; 2 — Вильна Украина, группа Р-I/III, курган 44, погребение 1; 3—4 — Каиры, курган 2, погребения 1 и 2; 5 — Солоха; 6 — Гайманова могила; 7 — Бабина могила; 8 — Александропольский курган; 9 — Рыжановский курган.

Fig. 42. Burials of the second—third quarters of the 4th century BCE: 1 — Fedorovka, mound 1, burial 1; 2 — Vil'na Ukraina, group P-I/III, mound 44, burial 1; 3—4 — Kairy, mound 2, burials 1 and 2; 5 — Solokha; 6 — Gaymanova Mogila; 7 — Babina Mogyla; 8 — Alexandropol mound; 9 — Ryzhanovsky mound.

УДК 903.53“638”(478)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.39.90.008

В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, О.А. Закордонец

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 14 ГРУППЫ «ВОДОВОД» В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ*

В работе впервые публикуются скифские погребения кургана 14 группы «Водовод», изученного в 2018 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Научные данные, полученные при исследовании этого кургана, позволяют обратить особое внимание на некоторые элементы погребального обряда — помещение предметов на перекрытие могилы и под тело погребённого. В захоронениях найдены орудия труда (нож, шило, иглы, пряслица точильный брусок), зеркало и два туалетных сосуда (чернолаковый и лепной), посуда (чернолаковые канфар и солонка, лепной горшок), многочисленные украшения (ожерелье из бусин, браслеты из бусин, бронзовый браслет, раковины моллюсков, бронзовые перстни, три цепочки из бронзовых колец), а также предметы культа (кусочки охры, зуб собаки, две гальки, каменная плита со следами сажи и большой набор астрагалов). На основании чернолаковых сосудов курган 14 группы «Водовод» датируется второй четвертью IV в. до н.э.

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, скифы, курганы, погребения, вторая четверть IV в. до н.э.

Сведения об авторах: Синика Виталий Степанович¹, кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Лысенко Сергей Дмитриевич², кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины; Разумов Сергей Николаевич³, кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Закордонец Оксана Александровна⁴, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: ^{1,3,4}3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: ¹sinica80@mail.ru; ³razum_22@rambler.ru; ⁴kalina.74@mail.ru; ²04210 Украина, г. Киев, пр-т героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru.

V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, O.A. Zakordonets

SCYTHIAN GRAVES OF BARROW 14 OF THE “SLUICEWAY” GROUP IN THE LOWER DNIESTER REGION

The paper publishes for the first time the Scythian graves from barrow 14 of the “Sluiceway” (“Vodovod”) group, which was studied near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester in 2018. The scientific data obtained during the study of this mound allow us to pay special attention to some elements of the funerary rite such as placing objects on the grave covering and under the body of the buried. The graves contained tools (a knife, an awl, needles, a whorl, a whetstone), a mirror and two toilet vessels (blackglazed and handmade), vessels (blackglazed kantharos and a saltcellar, a handmade pot), numerous adornments (necklace of beads, bracelets of beads, a bronze bracelet, mollusk shells, bronze finger rings, three chains of bronze rings), as well as cult objects (pieces of ocher, a dog's tooth, two pebbles, a stone slab with traces of soot and a large set of astragali). Barrow 14 of the “Sluiceway” group dates to the second quarter of the 4th c. BCE on the basis of blackglazed vessels.

---

* Статья поступила в номер 12 декабря 2021 г.
Принята к печати 27 декабря 2021 г.

Key words: Left bank on the Lower Dniester Region, Scythians, barrows, graves, the second quarter of the 4th c. BCE.

About the authors: Sinika Vitalij Stepanovich¹, PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Lysenko Sergey Dmitrievich², PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Razumov Sergey Nikolaevich³, PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Zakordones Oxana Alexandrovna⁴, Research Assistant, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: ^{1,3,4}3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: ¹sinica80@mail.ru; ³razum_22@rambler.ru; ⁴kalina.74@mail.ru; ²04210; Ukraine, Kiev, Geroev Stalingrada Ave, 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru.

Введение

К настоящему времени в Нижнем Поднестровье изучены сотни скифских захоронений, при этом большая их часть была исследована за последние 25 лет. Наиболее масштабными являются работы Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Здесь с 1995 г. по 2020 г. было исследовано около 300 скифских захоронений, и значительная их часть введена в научный оборот (Тельнов и др. 2016; Синика, Тельнов 2016a; 2016b; 2016c; 2017a; 2017b; 2017c; 2018a; 2018b; Синика и др. 2017; 2018a; 2018b; 2018c; 2018d; 2018e; 2018f; 2019a; 2019b; 2019c; 2019d; 2020a; 2020b; 2020c; 2020d; 2020e; 2020f; 2021a; 2021b; 2021c; 2021d; Sinika et al. 2017; 2020; 2021).

Теме не менее, публикация новых материалов из Поднестровья представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения истории скифской культуры всего Северного Причерноморья.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана № 14 группы «Водовод». Памятник находился в 3,07 км к северу—северо-востоку от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, на высоком плато, расположенном на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана и исследованных в нём двух скифских погребений, а также инвентаря.

Описание комплексов

Курган 14 копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север—юг шириной 0,6 м, длиной 12 м (рис. 1: 1).

Насыпь почти полностью уничтожена распашкой. На момент исследований её высота от современной поверхности составляла около 0,1 м, диаметр около 12 м. В кургане обнаружены три захоронения — два скифских и одно раннесредневековое¹, а также две круглые ритуальные ямы (за пределами насыпи)².

Погребение 1 (скифское, впускное) обнаружено в 4 м к северо-востоку от R₀. Совершено в яме (рис. 1: 2, 3).

¹ Данное захоронение было опубликовано (Квитницкий и др. 2019; 2020).

² В настоящей работе эти ямы, не содержавшие находок, не описываются, поскольку время их сооружения (ранний железный век или средневековье) не может быть установлено.

Контуры ямы прямоугольной формы размерами $1 \times 0,56$ м и глубиной 0,86 м от R_0 были зафиксированы на глубине 0,46 м от R_0 . Яма была ориентирована длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. Заполнение состояло из чернозёма.

У восточной стенки ямы были зафиксированы фрагменты черепа ребёнка возрастом не более 7 лет (Łukasik 2019: 8). Очевидно, он был уложен головой на юго-запад.

Состав и расположение инвентаря. Рядом с фрагментами черепа лежала стеклянная бусина (1).

Описание находки

1. Бусина шаровидной формы (распалась при расчистке) из белого непрозрачного стекла. Диаметр бусины около 8 мм (рис. 1: 4).

Погребение 3 (скифское, основное) обнаружено в 4 м к востоку от R_0 . Совершено в яме (рис. 2: 1, 2).

Яма прямоугольной формы размерами по дну $2,6 \times 1,3$ м и глубиной 1,88 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии запад—восток.

Погребённая возрастом 20—30 лет (Łukasik 2019: 8—9) лежала вытянуто на спине с разворотом на правый бок, головой на запад. Правая рука слабо согнута, кисть отведена от тела. Левая рука согнута почти под прямым углом, кисть на левом крыле таза. Ноги слегка согнуты коленями вправо. На дне ямы зафиксирован светло-серый органический тлен от циновки размерами около $2 \times 0,75$ м.

Состав и расположение инвентаря. В северо-западном углу ямы найдены остатки от жертвенной пищи — кости лопаточного отруба (три ребра, лопаточная, плечевая, локтевая и лучевая) левой стороны молодой особи (возрастом до 1,5 лет, скорее, около 1 года; пол не установлен) лошади³. Среди костей обнаружены нож с роговой рукоятью (19) и два астрагала мелкого рогатого скота. Скопление аналогичных астрагалов в количестве 33 штук находилось между черепом и западной стенкой ямы. Ещё два астрагала (33) найдены у нижней челюсти. Под правым плечом лежало литое бронзовое зеркало (8) с остатками матерчатого футляра. К диску зеркала примыкала полоса древесного тлена, окрашенного в зелёный цвет. Южнее диска зеркала лежали раковина рода *Cypraea* (35) и янтарная подвеска (26).

Под черепом, в районе шеи и грудной клетки, найдены предметы ожерелья (23). Браслеты из бусин находились в районе правого (24) и левого (25) запястий. Возле левого запястья обнаружены два кусочка охры марганцевого цвета (32). Бронзовый браслет (9) был надет на правое запястье. Между правой ногой и южной стенкой ямы лежала каменная плита (27). Рядом с левым крылом таза были найдены галька (28) и чернолаковый канфар (1), лежавший на боку в придонном заполнении, в 0,22 м над дном ямы. Чернолаковая солонка (2) стояла у западной оконечности плиты, частично ею перекрытая. Чернолаковый лекиф (3) лежал на боку поверх правой кисти. У правого запястья на боку лежал миниатюрный лепной сосуд (4) и кусочек жёлтой охры (31). Развал лепного горшка (5) находился южнее черепа. Поверх правого предплечья лежал точильный брусок (30), рядом с ним фрагмент створки раковины (36). В районе правой кисти также были найдены два лепных пряслица (6, 7), фрагменты двух железных игл (20, 21) и шила (22). Под правым крылом таза найден амулет — зуб домашней собаки (34). Под плитой, у правого колена, вместе с фалангами пальцев лежали бронзовые перстни № 1 (10) и № 2 (11). Перстень № 3 (12) располагался южнее правого бедра. Севернее правого бедра найдены перстни № 4 (13) и № 5 (14). Перстень № 6 (15) был перекрыт восточной оконечностью плиты. Первоначально перстни № 1—3, и № 6 могли располагаться на пальцах правой руки, а перстни № 4 и 5 — на пальцах левой руки, а

³ Здесь и далее археозоологические определения канд. ист. наук. Е.П. Секерской (Одесса, Украина).

затем они были смещены норами. Цепочка из трёх бронзовых колец (16) лежала в области грудной клетки, по одной цепочке из двух бронзовых колец — в районе живота (17) и севернее левого крыла таза (18). В заполнении ямы, в 0,37 м над её дном, была найдена галька (29).

Описание находок

1. Чернолаковый аттический кубковидный канфар. Тесто без видимых примесей. Цвет в изломе оранжевый, серый. Ручки округлые в сечении. Высота сосуда 82—83 мм, венчика — 21,5 мм, шейки — 17 мм, тулова — 25 мм, ножки — 17 мм. Высота утолщённого поддона до 9 мм. Высота нижней части сосуда (от среза ножки до перегиба корпуса) 35 мм. Диаметр венчика по краю 99×100 мм; по валику — 107×108 мм. Диаметр шейки 75 мм. Диаметр горловины изнутри (в 40 мм от среза венчика) 70 мм. Диаметр тулова 84 мм. Диаметр нижней части тулова над ножкой 46 мм. Минимальный диаметр ножки 44 мм. Диаметр поддона до $57,5 \times 58$ мм, изнутри — 44 мм. Толщина венчика по срезу до 2,5 мм; по валику — до 14 мм. Толщина стенок 4—5 мм, дна — 4—5 мм. Ширина сдвоенных ручек (по нижним прилепам) до 54 мм. Диаметр оснований прилепов до 20×15 мм. Диаметр сечения ручек до 10 мм.

На внутренней поверхности дна находится штампованный орнамент. В центре композиции расположена окружность, вписанная в шестиконечную звезду с вогнутыми гранями лучей. На концах лучей расположены пальметты. Всю композицию обрамляет окружность, в виде трёх—четырёх рядов подтреугольных вдавлений. Общий диаметр композиции 58 мм. Ручки сосуда отбиты в древности. На месте прилепа одной из ручек образовалось отверстие асимметричной формы размерами 6×4 мм (рис. 3: 2).

2. Чернолаковая аттическая солонка с вогнутым туловом на кольцевом поддоне. Высота сосуда 29—29,5 мм, венчика — 5 мм. Диаметр венчика 69×70 мм, шейки — 57,5 мм, дна — 68 мм. Толщина венчика 8,5 мм, стенки — 3—8 мм, дна — 3,5—7 мм, кольцевидного поддона — 6—6,5 мм (рис. 3: 3).

3. Чернолаковый аттический лекиф с ленточной ручкой и приземистым туловом на кольцевом поддоне. Тесто без видимых примесей. Цвет черепка оранжевый. Поверхности заглаженные. Высота сосуда 102 мм, горловины — 46 мм, тулова — 50 мм, поддона — 6 мм. Диаметр венчика 36 мм, горловины — 17 мм, основания горловины — 29 мм, тулова — 57 мм, диаметр нижней части тулова у ножки — 38 мм, диаметр кольцевого поддона — до 44 мм. Толщина венчика до 9,5 мм, стенок — 2—4 мм, поддона — 4—5 мм. Высота ручки 31 мм; высота ручки над горловиной до 20 мм. Размеры сечения ручки в центральной части $12 \times 3,5$ мм; верхний прилеп размерами 16×7 мм, нижний — 20×13 мм.

Со стороны, противоположной ручке, сосуд орнаментирован пальметтой (за счёт чередования оранжевого цвета нелакированной поверхности и чёрного лака). Правая половина изображения представляет собой негатив левой (рис. 3: 1).

4. Миниатюрный лепной горшок с максимальным расширением в средней части тулова. Венчик плавно отогнут, с закруглённым слегка утолщённым краем. Дно плоское. С более низкой стороны сосуда на плечике расположена горизонтальная ручка—прилеп. Тесто с примесью шамота. Цвет внешней поверхности жёлтый, желтовато-оранжевый, желтовато-серый, серый, чёрный; изнутри — желтовато-оранжевый; в изломе — чёрный. Поверхности заглаженные. Высота сосуда 64—67 мм, венчика — до 12 мм. Высота нижней части 28—32 мм. Диаметр венчика 39—40 мм, горловины 38×39 мм, тулова $61 \times 62,5$ мм, дна — 39×38 мм. Толщина венчика 6 мм, стенок — 6—7 мм. Толщина дна в центре до 9 мм, у стенки — 8

мм. Высота ручки над плечиком 10 мм. Размеры сечения ручки по прилепу до 13×22 мм, по краю — около 6×13 мм. Ручка расположена на высоте 35 мм от дна.

По плечу на уровне ручки сосуд орнаментирован поясом из 26 подтреугольных наколов вершиной вниз (рис. 3: 4).

5. Лепной сероглиняный горшок с максимальным расширением в средней части тулова. Венчик плавно отогнут; край утолщён, уплощён под углом $\approx 20^\circ$. Дно слабо вогнутое, со слегка выделенным краем поддона; изнутри — плоское. Тесто с примесью шамота. Цвет внешней поверхности жёлтый, светло-жёлтый, желтовато-серый, серый; изнутри — серый, желтовато-серый, серовато-жёлтый; в изломе — чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые, с отпечатками органики. Высота горшка 175—177 мм, венчика — 24—26 мм. Высота нижней части 80—85 мм. Диаметр венчика 98 мм, горловины — 81 мм, тулова — 150 мм, дна — 80×81 мм. Толщина венчика 6—6,5 мм. Толщина стенок 4,5—6 мм, в придонной части — до 10 мм. Толщина дна 10 мм, вогнуто в центре до 1 мм.

По горловине сосуд орнаментирован поясом из 30 округлых вдавлений, нанесенных торцом трубочки; диаметр ямок до $4 \times 4,5$ мм. Верхняя часть тулова украшена пятью группами из трёх прочерченных линий (одной вертикальной и двух дуговидных), расходящихся из одной точки в виде «птичьей лапы» (рис. 3: 7).

6. Лепное пряслице усечено-биконической формы. Цвет жёлтый, поверхность заглажена. Тесто с примесью шамота. Высота пряслица 22,5 мм, диаметр — $23,5 \times 22,5$ мм. Диаметры оснований 12 мм. Диаметр отверстия $4,9 \times 4,5$ — 4,3 мм (рис. 3: 5).

7. Лепное пряслице усечено-биконической формы, асимметричное. Цвет жёлтый, поверхность заглажена. Тесто с примесью шамота. Высота пряслица 23,5 мм, диаметр — 25 мм. Диаметры оснований — 14 мм и 20 мм. Диаметр отверстия 4,4 мм (рис. 3: 6).

8. Бронзовое литое зеркало с боковой ручкой. Ручка пластинчатая, в виде вытянутой трапеции с маленьким диском на торце. По периметру диска, с разрывом у ручки, с внутренней стороны расположен ободок. Внутри ободка с внешней стороны нанесен пуансонный орнамент, образующий изнутри ряд небольших «жемчужин». Длина зеркала 329 мм. Диаметр диска 203 мм. Длина ручки 126 мм, ширина — 37—53 мм. Размеры диска на торце ручки 41×30 мм. Толщина диска до 1,5 мм, по ободку — до 3 мм. Толщина ручки до 3 мм; на конце сужается до 1,5 мм. Ширина ободка до 4 мм; диаметр «жемчужин» до 1,5 мм (рис. 4: 1).

9. Бронзовый браслет с разомкнутыми окончаниями. Изготовлен из круглого в сечении прута. На одном конце расположена овальная лопатка, сегментовидная в сечении, плоской поверхностью на внешнюю сторону. Второй конец обломан; предположительно, он был подобен сохранившемуся. Диаметр браслета 71×63 мм, диаметр внутренний — 58×54 мм. Диаметр проволоки 3—5 мм. Размеры лопатки 9×7 мм, толщина — до 3 мм (рис. 5: 1).

10. Бронзовый перстень (№ 1) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечении круглое. Изделие сильно окислено. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня $24 \times 23,5$ мм. Диаметр сечения кольца около 2,5 мм. Размеры щитка $16 \times 13,5$ мм, толщина — около 1 мм. Концы кольца припаяны изнутри к щитку (рис. 5: 2).

11. Бронзовый перстень (№ 2) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечении круглое. Изделие сильно окислено. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня 17×23 мм. Диаметр сечения кольца около 3 мм. Размеры щитка 17×10 мм, толщина — около 1 мм (рис. 5: 3).

12. Бронзовый перстень (№ 3) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечение круглое. Изделие сильно коррозировано. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня $21 \times 20,5$ мм. Диаметр сечения кольца около 3 мм. Размеры щитка $17 \times 14,5$ мм, толщина — около 1,5 мм (рис. 5: 4).

13. Бронзовый перстень (№ 4) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечение круглое. Изделие сильно окислено. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня 20 мм. Диаметр сечения кольца около $2 \times 2,5$ мм. Размеры щитка $12 \times 12,5$ мм, толщина — около 1 мм (рис. 5: 5).

14. Бронзовый перстень (№ 5) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечение круглое. Изделие сильно окислено. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня 23 мм. Диаметр сечения кольца около 3 мм. Размеры щитка 16×14 мм, толщина — около 1,5 мм (рис. 5: 6).

15. Бронзовый перстень (№ 6) с пластинчатым овальным щитком. Кольцо в сечение круглое. Изделие сильно окислено. С внешней стороны щитка чеканкой (?) нанесено изображение, однако достоверно его реконструировать не удалось. Диаметр перстня около 22 мм. Диаметр сечения кольца около 2 мм. Размеры щитка 15×9 мм, толщина — около 1 мм (рис. 5: 7).

16. Цепочка из трёх бронзовых цельнолитых колец, каждое с тремя сдвоенными выступами (на груди). Обод колец подовальный в сечении, местами — скруглено-подромбический, с выделенными внутренней и внешней гранями. Длина цепочки до 63 мм (рис. 2: 12):

— кольцо № 1 диаметром $22,5 \times 23,5$ мм. Размеры вместе с выступами около $25,5 \times 27$ мм. Диаметр внутренний $16,7 \times 17,4$ мм. Размеры сечения кольца $2,5 \times 2,6$ — $3,2 \times 4$ мм. Размеры выступов — $3 \times 3,4$ — $3,5 \times 3,5$ мм, толщина — 3—3,3 мм; общая длина пары выступов — до 7,4—8 мм (рис. 2: 12а);

— кольцо № 2 диаметром $23,5 \times 23,8$ мм. Размеры вместе с выступами около $25,7 \times 27,3$ мм. Диаметр внутренний $17 \times 18,7$ мм. Размеры сечения кольца $2,7 \times 3$ — $3,6 \times 4,7$ мм. Размеры выступов $3,3 \times 3,7$ — $3,5 \times 4$ мм, толщина — 2,5—3 мм; общая длина пары выступов — до 8,2—8,6 мм (рис. 2: 12б);

— кольцо № 3 диаметром $23 \times 23,7$ мм. Размеры вместе с выступами около $25,2 \times 27,2$ мм. Диаметр внутренний 17,1 мм. Размеры сечения кольца $2,6 \times 2,6$ — $3 \times 3,9$ мм. Размеры выступов $2,6 \times 2,8$ — $3,1 \times 3,4$ мм, толщина — 2,6—3,2 мм; общая длина пары выступов — до 7,8—8,3 мм (рис. 2: 12в).

17. Цепочка из двух бронзовых цельнолитых колец, каждое с тремя сдвоенными выступами (в области живота). Обод колец подовальный в сечении, местами — скруглено-подромбический, с выделенными внутренней и внешней гранями. Длина цепочки до 45 мм (рис. 4: 6):

— кольцо № 1 диаметром $22,5 \times 24$ мм. Размеры вместе с выступами около 26×29 мм. Диаметр внутренний $15,2 \times 16,7$ мм. Размеры сечения кольца $2,8 \times 2,8$ — $3,8 \times 4,5$ мм. Размеры выступов $2,5 \times 3,5$ — $4,3 \times 5$ мм, толщина — 2,2—4,3 мм; общая длина пары выступов — до 7,5—8,4 мм (рис. 4: 6а);

— кольцо № 2 диаметром 23×24 мм. Размеры вместе с выступами около 27×32 мм. Диаметр внутренний $15,5 \times 17,1$ мм. Размеры сечения кольца $3 \times 3,3$ — $4 \times 4,1$ мм. Размеры

выступов $3,2 \times 4$ — $4,3 \times 5$ мм, толщина — $2,5 \times 4$ мм; общая длина пары выступов — до 7,5—8,6 мм (рис. 4: 6б).

18. Цепочка из двух бронзовых цельнолитых колец, каждое с тремя сдвоенными выступами (слева от таза). Обод колец подовальный в сечении, местами — скруглено-подромбический, с выделенными внутренней и внешней гранями. Длина цепочки до 45 мм (рис. 4: 7):

— кольцо № 1 диаметром $22,5 \times 23$ мм. Размеры вместе с выступами около $25,5 \times 26,5$ мм. Диаметр внутренний $17,3 \times 17,7$ мм. Размеры сечения кольца 2×2 — $2,8 \times 3,3$ мм. Размеры выступов $2,5 \times 3$ — $3 \times 3,5$ мм, толщина — 2,5—3 мм; общая длина пары выступов — до 7,4—8 мм (рис. 4: 7а);

— кольцо № 2 диаметром $23,5 \times 24,2$ мм. Размеры вместе с выступами около $25,7 \times 26,5$ мм. Диаметр внутренний $16,7 \times 18$ мм. Размеры сечения кольца $2 \times 2,1$ — $3,3 \times 4,4$ мм. Размеры выступов — $3 \times 3,5$ — $3,5 \times 4$ мм, толщина — 2—3,1 мм; общая длина пары выступов до 8 — 8,5 мм (рис. 4: 7б).

19. Железный нож с роговой рукоятью. Рукоять представляет собой две пластины — накладки, которые крепились к черенку и между собой при помощи пяти заклёпок (из которых двумя — к черенку). Левая пластина состояла из двух секций, верхняя из которых, крепившаяся двумя заклёпками, отсутствует. Лезвие треугольное в сечении, с односторонней нервюрой с левой стороны; лезвие частично фрагментировано. Длина сохранившейся части ножа 186 мм, реконструируемая длина — до 190 мм. Длина лезвия вместе с черенком 113 мм, длина клинка 85 мм. Ширина лезвия до 22 мм. Толщина лезвия до 3 мм, по нервюре — до 4 мм. Ширина нервюры до 3 мм. Длина черенка до 28 мм, ширина — до 18 мм, толщина — до 3 мм; расширяется и утолщается в сторону лезвия. Длина рукояти 108 мм, ширина на торце — до 16 мм, реконструируемая толщина — около 7 мм. Размеры сечения в районе третьей заклёпки 14×8 мм. Ширина рукояти в нижней части до 17 мм, толщина — до 9 мм. Толщина роговых пластин до 3,5—4,5 мм. Длина короткой пластины до 80 мм; посередине в ней просверлено отверстие диаметром 2 мм. Длина заклёпок 13—14,5 мм, диаметр — 3,5—4 мм; диаметр шляпок — 5—6 мм (рис. 2: 3).

20. Железная игла. Стержень круглый в сечении. Конец противоположный острию расклёпан в лопаточку (ушко?); отверстие не прослежено (возможно, в связи с коррозией). Длина иглы 82 мм. Диаметр стержня до 3,5 мм. Размеры «лопаточки» 12×5 мм (рис. 2: 5).

21. Фрагмент железной иглы. Стержень круглый в сечении; конец, противоположный острию, отломан. Длина стержня 53 мм, диаметр — до 3 мм (рис. 2: 6).

22. Фрагмент железного шила. Стержень круглый в сечении; рабочая часть подромбическая в сечении. Длина фрагмента 47 мм, рабочей части — до 22 мм. Диаметр стержня до 4,5 мм (рис. 2: 4).

23. Ожерелье состояло из 81 изделия — трёх известняковых, одного костяного, одного янтарного и 76 стеклянных:

— подвеска из оолитового известняка⁴ трапецевидной формы. Сечение подпрямоугольное. В верхней части просверлено отверстие. Размеры подвески 23×17 мм, толщина — 4—5 мм (утолщается книзу). Диаметр отверстия 2,5—3 мм (рис. 6: 1);

— подвеска из оолитового известняка подпрямоугольной формы с сильно скруглённой верхней частью. Сечение подпрямоугольное. В верхней части просверлено отверстие. Размеры подвески $22,5 \times 15,5$ мм, толщина — 5—7,5 мм (утолщается книзу). Диаметр отверстия 2—2,5 мм (рис. 6: 2);

⁴ Определение всех трёх подвесок канд. геол.-мин. наук В.П. Гриценко (Киев, Украина).

— подвеска из оолитового известняка подтреугольной формы. Сечение подпрямоугольное. В верхней части просверлено отверстие. Размеры подвески 21×15 мм, толщина — $5\text{--}2$ мм (сужается книзу). Диаметр отверстия 2 мм (рис. 6: 3);

— костяная цилиндрическая пронизь. Изготовлена из участка медиальной части трубчатой кости. Длина пронизи 18 мм, диаметр — $6,7 \times 5,5$. Диаметр отверстия $5 \times 3,5$ мм (рис. 6: 4);

— янтарная поперечно-сжатая бусина. Высота бусины 9,5 мм, диаметр — 16×17 мм. Диаметр отверстия 5 мм (рис. 6: 5);

— шесть амфоровидных подвесок из белого непрозрачного стекла. От одной подвески сохранилась только центральная часть. Высота подвесок от 13 мм до 17,5 мм, размеры верхних частей от $6 \times 4,5$ мм до $8,5 \times 9,4$ мм. Максимальный диаметр тулова от 6,5 мм до 10,5 мм. Диаметр отверстий $1\text{--}2,5$ мм (рис. 6: 6—11);

— амфоровидная подвеска из зеленовато-жёлтого непрозрачного стекла. Высота подвески 17 мм, размеры верхней части $8,5 \times 7,4$ мм. Максимальный диаметр тулова 9 мм. Диаметр отверстия $1\text{--}2$ мм (рис. 6: 12);

— амфоровидная подвеска из чёрного непрозрачного стекла. Высота подвески 14,8 мм, размеры верхней части $7,5 \times 7$ мм. Максимальный диаметр тулова 9,3 мм. Диаметр отверстия $1,5\text{--}2$ мм (рис. 6: 13);

— поперечно-сжатая ребристая бусина из белого непрозрачного стекла. Высота бусины 8,8 мм, диаметр — $11,6 \times 11$ мм. Диаметр отверстия 3,5 мм (рис. 6: 14);

— две цилиндрические бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусин 7,8 мм и 8,3 мм, диаметр — 8,5 мм и 10 мм. Диаметр отверстий 3,5 мм и 4 мм (рис. 6: 15, 16);

— семь поперечно-сжатых бусин из желтовато-белого непрозрачного стекла. Высота бусин от 6 мм до 8,7 мм, диаметр — от 10,6 мм до 12 мм. Диаметр отверстий $4\text{--}5$ мм (рис. 6: 17—23);

— две поперечно-сжатые бусины из чёрного непрозрачного стекла. Одна бусина сохранилась частично. Высота сохранившейся бусины 8 мм, диаметр бусин 10 мм и $9,6 \times 9$ мм. Диаметр отверстий $3,3\text{--}3,5$ мм и $3,7\text{--}4,1$ мм (рис. 6: 24, 25);

— четыре поперечно-сжатые бусины из голубого полупрозрачного стекла. Высота бусин от 5,7 мм до 7,2 мм, диаметр — от 8,7 мм до 10 мм. Диаметр отверстий $4\text{--}4,5$ мм (рис. 6: 26—29);

— поперечно-сжатая бусина из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусины 6,1 мм, диаметр — $8,9 \times 9,1$ мм. Диаметр отверстия $4,1\text{--}4,2$ мм (рис. 6: 30);

— три кольцевидные бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусин от 4,2 мм до 4,8 мм, диаметр — от 8 мм до 9 мм. Диаметр отверстий $4\text{--}4,2$ мм (рис. 6: 31—33);

— кольцевидная бусина из голубого непрозрачного стекла. Высота бусины 6 мм, диаметр 9,1 мм. Диаметр отверстия $4,2\text{--}4,5$ мм (рис. 6: 34);

— кольцевидная бусина из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусины 4,3 мм, диаметр $9 \times 8,8$ мм. Диаметр отверстия 4,7 мм (рис. 6: 35);

— кольцевидная бусина из синего полупрозрачного стекла. Высота бусины 4,8 мм, диаметр $8,8 \times 8,7$ мм. Диаметр отверстия $4,2\text{--}4,3$ мм (рис. 6: 36);

— две бочонковидные бусины из жёлтого непрозрачного стекла. В центре, в месте максимального расширения, изделия орнаментированы двумя линиями, между которыми находятся выступы полусферической формы. Такие же выступы занимают и всю остальную поверхность. Высота бусин 11,5 мм, диаметр — $8,7 \times 8,8$ мм и $9 \times 9,5$ мм. Диаметр отверстий $1\text{--}1,5$ мм (рис. 6: 37, 38);

— бочонковидная бусина из оранжевого непрозрачного стекла. В центре, в месте максимального расширения, изделие орнаментировано двумя линиями, между которыми находятся выступы полусферической формы. Такие же выступы занимают и всю остальную поверхность. С одной стороны бусины орнамент разорван перпендикулярно поясу из двух линий. Высота бусины 12,8 мм, диаметр — 10 мм. Диаметр отверстия 1 мм (рис. 6: 39);

— восемь сферических глазчатых бусин из зеленовато-жёлтого непрозрачного стекла. Одна бусина сохранилась частично. «Глазки» белого цвета, внутри них окружность коричневого цвета. Внутри последней на белом фоне семь коричневых точек — одна в центре и шесть по кругу. Высота бусин от 7 мм до 8,8 мм, диаметр — от 7,5 мм до 9 мм. Диаметр отверстий 1,8—2,7 мм. Диаметр глазков — 4—4,5 мм (рис. 7: 1—8);

— четыре асимметрично-биконические бусины из зеленовато-жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусин 9 мм (три бусины) и 4 мм (одна бусина), диаметр — от 9 мм до 10,5 мм (три бусины) и 7,5 × 6,7 мм (одна бусина). Диаметр отверстий 0,7—2,5 мм (рис. 7: 9—12);

— две асимметрично-биконические бусины из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусин 5 мм и 4,8 мм, диаметр — 5,8 мм и 6,1 × 6 мм. Диаметр отверстий 0,8—1,3 мм (рис. 7: 13, 14);

— асимметрично-биконическая бусина из синего непрозрачного стекла. Высота бусины 6,5 мм, диаметр — 9 мм. Диаметр отверстия 1,2—2,5 мм (рис. 7: 15);

— три округло-биконические бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусин от 3,8 мм до 5,2 мм, диаметр — от 4 мм до 5,8 мм. Диаметр отверстий 0,6—1,9 мм (рис. 7: 16—18);

— округло-биконическая бусина из чёрного непрозрачного стекла. Высота бусины 4,7 мм, диаметр — 5,2 мм. Диаметр отверстия 0,7—1,4 мм (рис. 7: 19);

— округло-биконическая бусина из синего непрозрачного стекла. Высота бусины 4,7 мм, диаметр — 4,6 мм. Диаметр отверстия 1—2 мм (рис. 7: 20);

— 12 округло-биконических бусин из желтовато-белого непрозрачного стекла. Высота бусин от 3,4 мм до 5,3 мм, диаметр — от 3,7 мм до 6,2 мм. Диаметр отверстий 0,5—1,9 мм (рис. 7: 21—32);

— девять округло-биконических бусин из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусин от 3,9 мм до 5,1 мм, диаметр — от 4,1 мм до 5,4 мм. Диаметр отверстий 0,5—2,2 мм (рис. 7: 33—41);

— бочонковидная пронизь из желтовато-белого непрозрачного стекла. Длина пронизи 7 мм, диаметр — 4 мм. Диаметр отверстия 1,5 мм (рис. 7: 42).

24. Браслет правого запястья состоял из 37 изделий — трёх янтарных и 34 стеклянных:

— янтарная асимметричная пронизь. Длина пронизи 13,6 мм. Размеры сечения до 12 × 9—11 мм. Диаметр отверстия около 2,2 мм (рис. 8: 1);

— янтарная асимметричная пронизь. Длина пронизи 14,5 мм. Размеры сечения до 13,5 × 10 мм. Диаметр отверстия около 2 мм (рис. 8: 2);

— янтарная асимметричная пронизь. Длина пронизи 18 мм. Размеры сечения до 14 × 9 мм. Диаметр отверстия около 1,8 мм (рис. 8: 3);

— две амфоровидные подвески из белого непрозрачного стекла. Высота подвесок 15 мм и 13,8 мм, размеры верхних частей 8 × 6,8 мм. Максимальный диаметр тулова 12,5 × 9,5 мм и 8,3 × 7,3 мм. Диаметр отверстий 1—1,5 мм (рис. 8: 4, 5);

— бочонковидная бусина из жёлтого непрозрачного стекла. У обоих оснований находится по одной линии; в центре, в месте максимального расширения, — две линии. Вся поверхность изделия орнаментирована выступами полусферической формы. Высота бусины 13,5 мм, диаметр — 10,5 × 9,7 мм. Диаметр отверстия 1 мм (рис. 8: 6);

— бочонковидная бусина из оранжевого непрозрачного стекла, покрытого тончайшим слоем позолоты. На поверхности заметны следы позолоты. В центре, в месте максимального расширения, изделие орнаментировано двумя линиями, между которыми находятся выступы полусферической формы. Такие же выступы занимают и всю остальную поверхность. Высота бусины 11 мм, диаметр — 9 мм. Диаметр отверстия 1,5 мм (рис. 8: 7);

— 20 поперечно-сжатых ребристых бусин из белого непрозрачного стекла. Высота бусин от 5,3 мм до 7,6 мм, диаметр — от 8,1 мм до 10,2 мм. Диаметр отверстий от 3,4 мм до 5,3 мм (рис. 8: 8—27);

— восемь поперечно-сжатых бусин из синего полупрозрачного стекла. Высота бусин от 5,5 мм до 7 мм, диаметр — от 9,2 мм до 10,4 мм. Диаметр отверстий 4—4,5 мм (рис. 8: 28—35);

— две округло-биконические бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусин 5 мм и 4,7 мм, диаметр — 5,7 мм. Диаметр отверстий 0,7—1,8 мм (рис. 8: 36, 37).

25. Браслет левого запястья состоял из четырёх стеклянных бусин:

— фрагмент поперечно-сжатой бусины из жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусины 7 мм, диаметр — 11 мм. Диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 2: 8);

— поперечно-сжатая бусина из зеленовато-жёлтого непрозрачного стекла. Высота бусины 6 мм, диаметр — 10,3 мм. Диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 2: 9);

— кольцевидная бусина из синего непрозрачного стекла. Высота бусины 4 мм, диаметр — 8,6 мм. Диаметр отверстия 4 мм (рис. 2: 10);

— бочонковидная бусина из оранжевого стекла. В центре, в месте максимального расширения, изделие орнаментировано двумя линиями, между которыми находятся выступы полусферической формы. Такие же выступы занимают и всю остальную поверхность. Высота бусины 11,7 мм, диаметр — 10 мм. Диаметр отверстия 1,5 мм (рис. 2: 11).

26. Янтарная подвеска (возле зеркала) в виде сегмента размерами 24 × 15,5 мм и толщиной до 8 мм. Диаметр отверстия 2—2,5 мм (рис. 4: 3).

27. Каменная плита подпрямоугольно-асимметричной формы изготовлена из светло-серого песчаника. Верхняя поверхность вогнутая, пришлифована, нижняя — не обработана. Размеры плиты 522 × 262 мм, толщина — до 45 мм. Верхняя поверхность вогнута до 6 мм. По внешней поверхности размазана чёрная сажа; возможно, первоначально на части плиты сажой был изображён орнамент типа «ёлочного» (рис. 9: 42).

28. Галька из желтовато-серого кварцевого песчаника (у левого крыла таза) размерами 28 × 25 × 18,5 мм (рис. 9: 39).

29. Галька из светло-серого песчаника (в заполнении) размерами 41 × 26 × 23 мм (рис. 9: 38).

30. Точильный брусок из светло-серого белёсого песчаника размерами 58 × 36 × 18 мм (рис. 2: 7).

31. Кусочек жёлтой охры (у правого запястья) пирамидальной формы. Размеры основания 17,5 × 19 мм, высота — около 19 мм (рис. 9: 41).

32. Два комка охры марганцевого цвета (у левого запястья) размерами 12 × 11 × 9,5 мм и 11 × 10 × 6,4 мм (рис. 9: 40).

33. Астралаги (таранные кости) мелкого рогатого скота (37 шт.) размерами от 26,5 × 16,5 × 12,5 мм до 30 × 21 × 17,5 мм. У пяти астралагов боковые плоскости обточены (рис. 9: 1—37). Археозоологом исследованы 36 астралагов (16 левых и 20 правых). Три из них

принадлежали козам, 33 — овцам. Минимальное количество особей, которым принадлежали астрагалы — 3 козы (взрослые) и 28 овец (4 полувзрослые и 24 взрослые)⁵.

34. Левый верхний коренной зуб (M2) домашней собаки. Высота зуба до 16 мм, размеры сечения 12,5 × 18 мм (рис. 4: 2).

35. Раковина рода *Cypraea* с продольным спилом (возле зеркала). Размеры раковины 21 × 15 × 7,7 мм. Размеры отверстия на месте спиленного участка 12 × 9 мм (рис. 4: 4).

36. Фрагмент створки раковины *Cerastoderma glaucum* (сердцевидки зелёной)⁶ размерами 29 × 15 мм. Толщина стенки около 1,5 мм (рис. 4: 5).

Анализ данных

Материалы из кургана 14 группы «Водовод» у с. Глиное свидетельствуют, что он был сооружён для захоронения женщины, выполнявшей специфические функции в скифском обществе. С одной стороны, погребальная конструкция (яма с деревянным перекрытием) своими размерами, а значит и трудозатратами на сооружение никак не выделяется из массы исследованных ранее и в группе «Водовод», и в соседних курганных могильниках. В могилу не были положены не только предметы вооружения и конского снаряжения (обычно не встречающиеся в женских захоронениях), но и ни одного изделия из драгоценных металлов. Всё это позволяет относить комплекс Глиное/Водовод 14/3 к захоронениям рядовых общинников. С другой стороны, в данном погребении было зафиксировано такое сочетание инвентаря (керамических сосудов различного назначения, украшений и предметов культа) и следов культовых действий, что их совокупность не оставляет сомнений — перед нами захоронение лица, практиковавшего при жизни магические ритуалы.

Для обоснования этого утверждения необходимо провести детальный анализ находок из захоронения Глиное/Водовод 14/3. Они представлены орудиями труда, посудой, украшениями, зеркалом, туалетным сосудом, а также предметами культа и следами культовых действий.

К орудиям труда относятся железный нож с роговой рукоятью, два лепных пряслица, железное шило, две железных иглы и точильный брусок.

Ножи, аналогичные орудию из захоронения Глиное/Водовод 14/3, на спинке которого присутствует утолщение или нервюра, встречаются в Северо-Западном Причерноморье крайне редко. Подобных ножей в настоящее время известно 12, и все они происходят из курганных групп «Сад» и «Водовод», исследованных на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Сад 8/1 последней четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2018e: 82, 90, рис. 3: 2), 11/4 второй половины — третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2020f: 69, 71, рис. 4: 5); Глиное/Водовод 7/2 и 7/4 конца IV — начала III в. до н.э. (Синика и др. 2019c: 371, 376, 387, рис. 4: 4, 6: 13), 9/2 второй половины V в. до н.э. (Синика и др. 2019b: 10—11, рис. 3: 8), 11/1, 11/2 (Синика, Тельнов 2020: 13—14, рис. 2: 1), 13/1, 13/3 второй половины IV в. до н.э. (Синика и др. 2020a: 347, 349, рис. 2: 16, 4: 3), 14/3, 16/1 и 16/9 третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2020c: 174—175, 184, рис. 5: 16; Синика и др. 2021c: 249, 265, 288, рис. 6: 16, 17: 4).

Железные шилья и иглы, а также лепные пряслица известны во множестве скифских погребений Северного Причерноморья, при этом только пряслица встречаются исключительно в женских погребениях.

Точильный брусок выделяется тщательностью изготовления. Он представляет собой плитку прямоугольной формы со скруглёнными углами. В отличие от большинства других абразивных инструментов неправильных форм из погребений Северо-Западного

⁵ Один из астрагалов на момент работы археозоолога не был обнаружен в коллекции.

⁶ Определения раковины моллюска докт. биол. наук В. В. Анистратенко (Киев, Украина).

Причерноморья — Глиное 6/3, 59/1, 86/1, 98/1 (Тельнов и др. 2016: рис. 35: 12, 205: 9, 286: 5, 329: 13), Глиное/Водовод 5/5 (Синика, Тельнов 2017b: рис. 1: 6; 2018a: рис. 3: 11), 6/1 (Синика и др. 2018f: рис. 2: 7), 7/4 (Синика и др. 2019c: рис. 6: 14), 10/2 (Синика и др. 2019a: рис. 2: 3), 15/5 (Синика и др. 2019d: рис. 2: 4), Глиное/Сад 13/3 (Синика и др. 2021d: рис. 2: 9) — изделие из захоронения Глиное/Водовод 14/3 можно сравнивать только с аналогичным точильным бруском (плиткой подпрямоугольной формы) из катакомбы Глиное/Сад 12/3 (Синика и др. 2020d: рис. 3: 7). Более аккуратно скифы изготавливали только цилиндрические или подпрямоугольные оселки, как правило с отверстиями для подвешивания, известные всего в восьми погребальных сооружениях региона⁷.

Посуда из погребения Глиное/Сад представлена чернолаковым канфаром и чернолаковой солонкой, а также лепным горшком.

Канфар и солонка являются одними из немногих гончарных столовых сосудов (греческого производства), обнаруженных в скифских погребениях за всё время исследования курганный группы «Водовод». Помимо них, в захоронениях Глиное/Водовод 1/2 и 10/3 было найдено по канфару, в могиле Глиное/Водовод 3/2 — чашка, в погребении Глиное/Водовод 10/2 — чашка из поддона гончарного сосуда (Синика, Тельнов 2020).

При этом в Северо-Западном Причерноморье ранее были известны 32 канфара (Тельнов и др. 2016: 940, 953). В настоящее время, с учётом находок в комплексах Глиное/Водовод 1/2, 10/3 и 14/3, количество таких сосудов составляет 35.

Примечательно, что канфар из публикуемого комплекса был положен на перекрытие; именно поэтому он был найден в 22 см над дном ямы. Отметим, что помещение инвентаря и жертвенной пищи на деревянное перекрытие ям зафиксировано ещё в девяти захоронениях расположенных рядом курганных групп «Водовод» и «Сад». Так, в погребении Глиное/Водовод 5/5 среди фрагментов плах поперечного перекрытия была найдена часть тазовой кости лошади, представлявшая собой остатки от жертвенной пищи. При этом на дне ямы в изголовье погребённых была положена ещё одна порция жертвенной пищи. На перекрытие в западной части ямы Глиное/Водовод 6/1 была положена жертвенная пища, от которой сохранились кости животных, зафиксированные на глубине 0,79 м от R₀. Под западной частью скопления костей на глубине 1,1 м от R₀ найдены абразив и кресальный кремь. На дне ямы за головой погребённого была положена ещё одна порция жертвенной пищи. В захоронении Глиное/Водовод 7/2 на уровне фиксации контуров ямы было найдено бронзовое кольцо, а в комплексах Глиное/Водовод 7/4 и 10/2 — по одному абразивному инструменту. Лепное пряслице было положено на перекрытие ямы Глиное/Водовод 16/4. Фрагмент железного наконечника стрелы из погребения Глиное/Водовод 8/4, целый бронзовый наконечник стрелы (остриём вниз) из захоронения Глиное/Водовод 15/5, а также два бронзовых наконечника (в вертикальном положении у правого локтя и у левого запястья женщины, на 12 см выше дна ямы) из могилы Глиное/Сад 11/4, очевидно, упали с перекрытия.

По всей видимости, отмеченные случаи фиксируют обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения, который ранее не был отмечен в скифских погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья.

В отличие от канфаров, получивших более широкое распространение, чернолаковая солонка из захоронения Глиное/Водовод 14/3 является второй подобной находкой в

⁷ На левобережье Нижнего Дуная это погребения Плавни I 22/1 (Суничук, Фокеев 1984: рис. 2: 25) и Чауш 9/2 (Гудкова и др. 1982: табл. LVIII: 5), на левобережье Нижнего Днестра — Николаевка 43 (Мелюкова 1975: рис. 51: 7), Глиное/Водовод 2/12 (Синика, Тельнов 2017c: рис. 4: 7), Глиное/Сад 12/3 (Синика и др. 2020d: рис. 3: 1), Глиное 20/1, 28/1 и 60/1 (Тельнов и др. 2016: рис. 80: 7, 99: 6, 208: 20).

скифских погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья. Первая была сделана в 2011 г. в могиле конца V в. до н.э. Пуркары 7/3 на правом берегу Нижнего Днестра (Агульников и др. 2013: 268, 278—279, рис. 5: 2, 9: 24).

Лепные горшки, аналогичные публикуемому по своему профилю, хорошо известны в скифских погребениях региона. Однако орнамент на сосуде из захоронения Глиное/Водовод 14/3 является уникальным. Самые общие параллели (зигзагообразный орнамент на плече и на тулове) можно увидеть только на горшке из погребений Помазаны 3/3 (Тощев, Редина 1991: 104, рис. 5: 3) на левобережье Нижнего Дуная, а также на кубке из могилы Новые Раскаецы 2/7 (Яровой 1990: рис. 13: 5) на правом берегу Нижнего Днестра.

Украшения в публикуемом кургане представлены находками в обоих скифских погребениях. В детском захоронении № 1 была найдена только одна бусина. В женской могиле № 3 украшения разнообразны: ожерелье из бусин, браслеты из бусин на обоих запястьях, бронзовый браслет на правом запястье, лежавшая возле зеркала бусина, две раковины моллюсков, шесть бронзовых перстней, три цепочки из бронзовых колец.

Отметим, что ожерелья и браслеты достаточно часто встречаются в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья, причем браслеты из бусин — и в мужских, и в женских, и в детских захоронениях, а ожерелья, как правило, в женских, и, значительно реже, — в детских (Тельнов и др. 2016: 858, 863, 884).

Ожерелье и браслеты из бусин из погребения Глиное/Водовод 14/3 примечательны своим составом. Во-первых, в них входили шесть бочонковидных бусин (три бусины в ожерелье, две — в браслет правого запястья, и одна — в браслет левого) из жёлтого или оранжевого непрозрачного стекла, поверхность которых украшена небольшими выступами полусферической формы (рис. 2: 11, 6: 37—39, 8: 6, 7). Самая тщательная проверка всех доступных материалов показала, что ни одной подобной бусины ранее в скифских комплексах региона обнаружено не было. Данные изделия очень близки типу 5 глиняных бусин по классификации Е. М. Алексеевой, указавшей, что подобные находки (в отличие от публикуемых — с одним поперечным валиком посередине) происходят из греческих городов Пантикапей и Херсонес в Крыму. Также исследователь отметила, что эти бусины покрыты «тончайшим слоем золотой фольги» и на них «заметны продольные швы от стыка двух половинок формы, штамповавшей узор (Алексеева 1982: 33, табл. 46: 46, 49). Следы позолоты зафиксированы на одной бусине из браслета на правом запястье в захоронении Глиное/Водовод 14/3 (рис. 8: 7), а продольный шов от стыка частей формы — на одной из бусин в составе ожерелья (рис. 6: 39).

Во-вторых, восемью сферическим бусинам из зеленовато-жёлтого непрозрачного стекла (с «глазками» белого цвета, внутри которой окружность коричневого цвета; внутри последней на белом фоне семь коричневых точек) в составе ожерелья женщины (рис. 7: 1—8) можно указать только три аналогии, обнаруженные в составе двух женских ожерелий в непосредственной близости от курганный группы «Водовод». Первое изделие (шаровидная бусина салатного цвета с семью глазками белого цвета; внутри каждого глазка расположена синяя окружность с семью синими точками внутри — одной в центре и шестью по кругу) было обнаружено в погребении последней четверти IV — рубежа IV—III вв. до н.э. Глиное/Сад 6/1 (Sinika et al. 2017: 161, 166, fig. 3: 5a), изученном в 0,4 км к югу—юго-западу от кургана Глиное/Водовод 14. Две другие аналогичные бусины (округлые, из глухого красного стекла с семью точками на поверхности; орнамент в первом случае жёлто-чёрный, во втором — бело-синий) найдены в катакомбе первой половины II в. до н.э. Глиное 60/2 (Тельнов и др. 2016: 373, 966, рис. 209: 18e), исследованной в 2,65 км к юго-западу от кургана Глиное/Водовод 14.

В-третьих, подвески из оолитового известняка, аналогичные трём найденным в составе ожерелья женщины в погребении № 3, ранее были найдены только в двух скифских погребениях. Первая подвеска (антропоморфная) была обнаружена в составе ожерелья ребёнка в захоронении Глиное/Водовод 7/2 (Синика и др. 2019с: 372, рис. 4: 11), вторая (трапециевидной формы) — в составе скопления украшений в детском погребении Глиное/Сад 8/2 (Синика и др. 2018е: 83—84, рис. 4: 3)⁸. Ни одного другого изделия из оолитового известняка за всё время исследований скифских памятников Северо-Западного Причерноморья обнаружено не было.

В-четвёртых, костяная цилиндрическая пронизь в составе ожерелья из погребения № 3 (длиной 18 мм) являлась бы уникальным украшением, если бы шесть аналогичных предметов (длиной от 34,7—37,5 мм) не были найдены в захоронении последней четверти IV в. до н.э. Глиное/Сад 7/4 в области правого локтя ребёнка (Синика и др. 2018с: 129, 136, рис. 4: 5). Данный курган был исследован в 0,37 км к югу—юго-западу от насыпи Глиное/Водовод 14.

Наконец, обращают на себя внимание предметы из янтаря, найденные в погребении № 3. Всего их пять: подвеска возле зеркала, бусина в составе ожерелья и три пронизи в составе браслета на правом запястье.

Этот факт нельзя обойти вниманием, поскольку ранее в скифских захоронениях Дунайско-Днестровских степей было обнаружено только 18 изделий из янтаря. Лишь одно из них было найдено на левобережье Нижнего Дуная — в составе ожерелья в погребении первой половины III в. до н.э. Мреснота Могила 21/2. Судя по изображению в отчёте, это такая же асимметричная пронизь (Гудкова и др. 1985: 100, рис. 58: 14), как и три находки из ожерелья в захоронении Глиное/Водовод 14/3.

Остальные 17 янтарных изделий происходят из памятников на левобережье Нижнего Днестра. Наиболее известным из них является захоронение второй четверти IV в. до н.э. Дубоссары 18/1, где амулет из янтаря (диск диаметром до 4 см и толщиной до 1 см), обёрнутый полосками из золотой фольги, был найден на шее женщины (Кетрару и др. 2014: 85, 213—215, рис. 70: 3). В составе ожерелий было найдено по одной янтарной бусине в погребениях последней четверти V в. до н.э. Никольское 2/3 (бусина антропоморфной формы, с прочерченным крестом на одной стороне)⁹ (Агульников, Сава 2004: 31, рис. 15: 4), а также в могилах середины IV в. до н.э. Глиное/Водовод 11/1 (прямоугольная пронизь) и 11/3 (бусина в форме топорика). Последние два комплекса были исследованы в кургане, располагавшемся в 50 м к юго-западу от кургана Глиное/Водовод 14. Ещё 13 янтарных бусин были найдены также в непосредственной близости от публикуемых погребений, в скифских катакомбах III—II вв. до н.э.: Глиное 35/2 (три бусины в составе ожерелья), 53/1 (бусина в составе ожерелья), 65/1 (шесть бусин в составе ожерелья), 68/1 (бусина в составе браслета на правом запястье), 81/3 (бусина в составе ожерелья), 86/1 (бусина в составе ожерелья) (Тельнов и др. 2016: 248, 333, 396, 413, 488, 510, рис. 127: 8а, 184: 23а, 223: 17е,ж, 232: 9а, 274: 5, 287: 2а).

Среди украшений весьма необычны находки раковин: *Cerastoderma glaucum* (сердцевидки зелёной) — под точильным бруском (могла входить в состав браслета на правом запястье); рода *Cypraea* (каури) — возле зеркала (вероятно, украшала футляр).

Ни одна находка раковины *Cerastoderma glaucum* (сердцевидки зелёной) в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья авторам настоящей работы не известна.

⁸ В данной публикации ошибочно описана как подвеска из коралла.

⁹ Своей формой эта бусина напоминает упомянутую выше подвеску из оолитового известняка из погребения Глиное/Водовод 7/2 (Синика и др. 2019с: 372, рис. 4: 11).

В то же время раковины *Cypraea moneta* найдены в десяти захоронениях: на левобережье Нижнего Прута — Манта 1/1 (одна раковина в составе ожерелья ребёнка) (Агульников 1993: 115, рис. 2: 3—5) и Крихана Веке 13/2 (одна раковина в составе ожерелья ребёнка) (Ciobanu et al. 2019: 101, fig. 31: 2); на левобережье Нижнего Дуная — Нагорное 11/3 (одна раковина в перемещённом состоянии) (Андрух, Суничук 1987: 39, рис. 4: 1), Градешка 7а/1 (три раковины в перемещённом состоянии; две раковины на запястье в составе браслета; одна раковина в составе отдельно лежавшего скопления украшений) (Гудкова, Суничук 1985: 71—72, табл. 135: 6, 7); в Дунай-Днестровском междуречье — Хаджидер I 3/1 (пять раковин в составе ожерелья ребёнка) (Субботин и др. 1992: 23, рис. 20: 4—9); на левобережье Нижнего Днестра — Никольское 4/6 (одна раковина под левым коленом ребёнка) (Агульников, Сава 2004: 44), Николаевка 9 (одна раковина в составе ожерелья ребёнка) (Мелюкова 1975: 73—74), Глиное/Водовод 7/2 (две раковины в составе ожерелья ребёнка) (Синика и др. 2019с: 372, 374, 385, рис. 4: 10, 5: 7), Глиное/Водовод 16/10 (две раковины в составе ожерелья ребёнка) (Синика и др. 2021с: 267, 286, рис. 19: 5, 7), Глиное/Сад 2/2 (одна раковина в перемещённом состоянии) (Синика, Тельнов 2017а: 295, рис. 2: 9). Было отмечено, что раковины, как правило, включались в состав ожерелий и браслетов женщин и детей (Синика, Закордонец 2018: 84).

Находка шести перстней в захоронении Глиное/Водовод 14/3 также необычна. Ранее только в одном захоронении на левобережье Нижнего Днестра было обнаружено девять перстней — в женском погребении второй четверти IV в. до н.э. Буторы I 2/3 (Синика и др. 2013: 37, 124, рис. 15: 2). В катакомбе второй четверти III в. до н.э. Глиное 69/2 пальцы рук погребённой украшали шесть перстней и два кольца, а в захоронении третьей четверти III в. до н.э. Глиное 107/3 — семь перстней и одно кольцо (Тельнов и др. 2016: 422—423, 635—637, рис. 358: 25, 359: 3—6). Ни в одном другом скифском погребении Северо-Западного Причерноморья более двух перстней найдено не было.

Особый интерес в погребении Глиное/Водовод 14/3 вызывают три цепочки из бронзовых колец (одна из трёх колец, и две, состоящие из двух колец), каждое из которых украшено тремя сдвоенными выступами.

Цепочки из трёх колец со сдвоенными выступами известны в трёх комплексах. На левобережье Нижнего Днестра это погребение 9 грунтового могильника у с. Николаевка, где цепочка из трёх бронзовых колец входила в состав ожерелья ребёнка (Мелюкова 1975: 74, рис. 57: 4). На основании чернолакового лекифа с сетчатым / «чешуйчатым» орнаментом (Sparkes, Talcott 1970: pl. 38, cat. 1140) комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н.э. На левобережье Нижнего Дуная по одной такой же цепочке было найдено в катакомбах Градешка 7а/1 (в области таза женщины) и 15/1 (справа в области живота, ближе к тазу женщины) (Гудкова, Суничук 1985: 73, 89, табл. 135: 2, 3; 157: 3, 4). Это захоронения были совершены в первой половине III в. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 889, 987).

Цепочек из двух колец известно больше. На левобережье Нижнего Прута одно подобное изделие из бронзы обнаружено в области таза женщины в захоронении Крихана Веке 5/5 (Ciobanu et al. 2019: 95, fig. 24: 9). На левобережье Нижнего Дуная три цепочки из золотых колец найдены в катакомбе первой половины III в. до н.э. Мреснота Могила 21/2 у правого локтя женщины (Гудкова и др. 1985: 98, рис. 59: 17), пять цепочек из бронзовых колец — в ограбленном женском погребении первой четверти III в. до н.э. Мреснота Могила 22/1 (Гудкова и др. 1985: 101, рис. 60: 9), одна цепочка из бронзовых колец — в ограбленном женском захоронении Чауш 4/1 (Суничук 1985: 42, рис. 3: 7) второй половины IV в. до н.э. (Топал 2021: 409). На правобережье Нижнего Днестра цепочка из двух серебряных колец найдена на груди женщины в катакомбе Хаджимус 3/2 (Чеботаренко и др. 1989: 173, рис. 75:

4), сооружённой во второй четверти IV в. до н.э.¹⁰ Однако ни одно из колец в этих цепочках не имеет выступов на стержне.

Анализ подобных изделий (спаренных и строенных колец, с выступами и без них) из Северного Причерноморья позволил С. В. Полину прийти к выводу, что они использовались только как «апотропеи в составе детских или женских ожерелий» (Бидзиля, Полин 2012: 472—474; Полин 2014: 73—75). Материалы из кургана Глиное/Водовод 14, а также из прочих погребений Северо-Западного Причерноморья также позволяют констатировать, что цепочки из колец происходят только из женских и детских захоронений, однако в состав ожерелий они входили не всегда.

Наличие сдвоенных выступов на стержнях всех колец из погребения Глиное/Водовод 14/3 указывает на латенское влияние на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья. Ранее аналогичные изделия были обнаружены в шести погребениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 7/2 (кольцо: Синика и др. 2019с: 369, рис. 4: 3), 8/2 (кольцо), 8/5 (браслет) (Синика и др. 2018d: 83, 85—86, рис. 4: 8, 7: 1); Глиное 71/1 (браслет: первая треть III в. до н.э.) (Лысенко 2020: 143, рис. 1: 5); Николаевка 9 (два отдельных кольца в составе ожерелья: Мелюкова 1975: 74, рис. 57: 4); разрушенное захоронение из г. Тирасполь (браслет: конец 30-х гг. III в. до н.э.: Синика и др. 2014: 211, рис. 1: 4). Однако в целом такие находки крайне немногочисленны: браслет из погребения Крихана Веке 5/5 (Ciobanu et al. 2019: 95, fig. 23, 25: 1—3) на левобережье Нижнего Прута; браслет из могилы Дивизия 20/4 (первая четверть IV в. до н.э.) (Субботин и др. 1992: 19, рис. 16: 4), а также по одному кольцу — в захоронениях Градешка 7a/1 (Гудкова, Суничук 1985: 73, табл. 134: 1, 2) и Чауш 4/1 (Суничук 1985: 42, рис. 3: 6).

Бронзовый браслет, найденный на правом запястье женщины в погребении Глиное/Водовод 14/3, является достаточно распространённым скифским украшением. Оформление сохранившегося окончания браслета в виде лопатки, плоская поверхность которой обращена наружу, позволяет предполагать, что перед нами весьма схематичное изображение копыта лошади. Во всяком случае, подобная форма окончания не стала результатом намеренной или случайной деформации изделия.

Из предметов туалета в погребении были найдены бронзовое зеркало, чернолаковый лекиф и миниатюрный лепной сосуд.

Зеркало по своей форме не имеет прямых аналогий в Северо-Западном Причерноморье. Наличие небольшого бортика по краю диска и едва заметного расширения на окончании (навершия) ручки позволяет сравнивать данное изделие с находкой из погребения последней четверти V в. до н.э. Никольское 14/1 (Агульников, Сава 2004: рис. 62: 2; Кетрару и др. 2014: 173) на левобережье Нижнего Днестра. Наличие пуансонного орнамента по периметру диска и невысокого бортика сближает находку из Глиного с зеркалом (с утраченной ручкой) из захоронения рубежа V—IV вв. до н.э. Суворово 1/2 (Синика 2007: 175, 178, рис. 3: 3) на правобережье Нижнего Днестра. Кроме того, из могилы второй половины IV в. до н.э. Кочковатое 48/2 в Дунай-Днестровском междуречье происходит зеркало с пуансонным орнаментом по периметру диска (Ванчугов и др. 1992: 51, рис. 15: 2).

Крайне примечательной деталью обряда является размещение зеркала (под правым плечом женщины) в погребении Глиное Водовод 14/3. Его футляр, очевидно, в верхней части украшали янтарная бусина и раковина рода *Cypraea*.

¹⁰ Благодарим М.В. Иващенко (Магнитогорск, Россия) за определение клейма на горле гераклейской амфоры из заполнения входной ямы погребения Хаджимус 3/2 (Чеботаренко и др. 1989: рис. 75: 9).

Здесь мы имеем дело с элементом погребального обряда (размещение инвентаря в могиле под телом умершего), которому ранее практически не придавалось значения. В 2011 г. на него впервые обратили внимание Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко в статье, посвященной лежавшему под спиной зеркалу из погребения служанки в Центральной гробнице кургана Огуз (Болтрик, Фиалко 2011: 92). Спустя восемь лет вывод исследователей о том, что такое размещение зеркал свидетельствует о статусе зависимого лица, был подвергнут обоснованной критике со стороны С.В. Полина и М.Н. Дараган (Полин, Дараган 2019: 212).

В 2019 г. в публикации кургана Глиное/Водовод 7, где были найдены серебряное кольцо, положенное под спину ребенка в погребении 5, и зеркало, положенное слева под нижнюю часть грудной клетки женщины из погребения 4, мы обратили внимание на этот элемент обряда, но его специальный анализ не проводился (Синика и др. 2019с: 384, 386).

Помимо публикуемого комплекса, помещение зеркал под тело зафиксировано в Северо-Западном Причерноморье ещё в восьми случаях. Это погребения Глиное/Водовод 5/5 (Синика, Тельнов 2017b: 7, рис. 1: 1; 2018a: 138, рис. 3: 4), 7/4 (Синика и др. 2019с: 374, рис. 6: 1), 11/2, Глиное/Сад 11/2 и 11/4 (Синика и др. 2020f: 67, 69, 74, рис. 2: 3, 4: 1), Пуркары 1/6 на правом берегу Нижнего Днестра (Яровой 1990: 51, рис. 21: 1), Кочковатое 48/2 в Дунай-Днестровском междуречье (Ванчугов и др. 1992: 50, рис. 15: 1), Неделково 9/1 в Днестро-Бугском междуречье (Редина 1999: 77, рис. 3: 2). Кроме того, совсем недавно была опубликована сводка из 49 скифских захоронений Северного Причерноморья второй половины V—IV в. до н.э., где зеркала были положены под тела погребённых (Полин, Дараган 2019: 210, № 106—154). Отметим, что в выборку не вошло опубликованное ранее погребение Калиновка II 7/1 (Никитин 2018: 108, рис. 47: 4), а катакомбы Мамай-Гора 4/9 и Чкаловка V были включены в кластер 2 («зеркала с правой стороны скелета») (Полин, Дараган 2019: 209, № 46, 59), хотя в данных захоронениях зеркала лежали соответственно под правым локтем женщины (Андрух, Тощев 1999: 36) и под правой кистью (Ковалева 1999: 131, рис. 2: 2), то есть, по нашему мнению, под телом.

По всей видимости, обряд размещения зеркал под телом погребённого, как и их преднамеренная поломка и порча (Глиное/Сад 11/4), связан с анимистическими представлениями, согласно которым зеркало являетсяместищем души. Именно поэтому мы считаем, что зеркала клали в могилы в футлярах или под тело, ограждая таким образом живых от души мертвого.

В тех комплексах, где зеркала не были в футлярах (или футляры не были зафиксированы) и не лежали под телом, они могли быть накрыты подстилкой, частями одежды погребённого либо другими несохранившимися лёгкими органическими материалами. При этом семантика обряда была такой же (предотвращение воздействия души умершего на живых соплеменников), что и в случаях, когда зеркала клали в футляры или под тело (Синика и др. 2020f: 74—75).

Лекиф из погребения Глиное/Водовод 14/3 является одним из немногих подобных сосудов в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. На левобережье Нижнего Дуная лекифы известны в погребениях Мреснота Могила 4/1 (Гудкова и др. 1985: 78, рис. 46: 7), Нагорное 11/3 и 23/2 (Андрух, Суничук 1987: 41, 44, рис. 2: 6, 3: 8), Червоный Яр II 1/1 (Гудкова 1978: 188), на левобережье Нижнего Днестра — в захоронениях Буторы I 2/3 (два лекифа без лакового покрытия) (Синика и др. 2013: 37, рис. 15: 7, 8), Никольское 2/2 (Агульников, Сава 2004: 29, рис. 14: 9), Ефимовка 3/16 (Шмаглей, Черняков 1985: 103—104, рис. 3: 7), Николаевка 9 и 43 (Мелюкова 1975: 74, 91, рис. 45: 3, 46: 7), в Днестро-Бугском междуречье — в могиле Неделково 9/2 (Редина 1999: 80, рис. 3: 10). При этом ближайшей аналогией находке из Глиного (с учётом размеров, профиля и орнамента в виде пальметты)

является лекиф из погребения Нагорное 11/3. Это захоронение по совокупности находок греческих импортов (фасосская амфора, две краснофигурные ойнохои и краснофигурный килик, чернолаковые лекана, чашка, килик, канфар, скифос, серебряный кувшин) датировано концом первой — началом второй четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 298).

Лепному сосуду с подтрапцевидной ручкой прямых аналогий в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья нет. Судя по размерам (высота не более 67 мм), он не являлся кухонным сосудом, а предназначался для благовоний. Укрепляет нашу версию то обстоятельство, что этот горшок был найден у правого запястья женщины, рядом с лекифом. Подобные миниатюрные сосуды ранее были обнаружены в трёх скифских погребениях, дата которых не выходит за рамки первой половины III в. до н.э.: Мреснота Могила 4/1 — красноглиняный сосуд высотой 75 мм (Гудкова и др. 1985: 78, рис. 47: 4); Градешка 7а/1 — светлоглиняный флакон высотой 70 мм (Гудкова, Суничук 1985, 74, табл. 136: 1, 2); Кугурлуй 19/1 — сероглиняный сосуд высотой 23 мм (Гудкова, Суничук 1985, 50, табл. 102: 8).

К предметам культа из захоронения Глиное/Водовод 14/3 относятся кусочки охры, зуб собаки, две гальки, каменная плита и астрагалы.

Находки одного кусочка жёлтой охры у правого запястья и двух кусочков охры марганцевого цвета у левого запястья исключают случайность подобного размещения этих артефактов в погребении.

Охра и следы её использования крайне редки в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Так, на левобережье Нижнего Дуная «кусочек ярко-алого минерала» был зафиксирован в погребении Червоный Яр II 1/1 (Гудкова 1978: 188) рубежа V—IV вв. до н.э. (Синика 2017: 310). На левобережье Нижнего Днестра по одному кусочку жёлтой охры было найдено в ограбленном мужском захоронении второй половины IV в. до н.э. Глиное/Сад 5/1 (Sinika et al. 2017: 160, 162—163, fig. 2: 8) и в детском погребении (справа у черепа) Глиное/Водовод 10/1 третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2019а: 825, 835—836, рис. 1: 5).

Не позднее рубежа V—IV вв. до н.э. была сооружена катакомба Глиное/Сад 13/3, где следы оранжевой охры отмечены на каменной плите (Синика и др. 2021d: 151, 155, рис. 3: 2). На четырёх таких же плитах отмечены следы красной краски: Плавни I 27/1 (IV в. до н.э.) — на левобережье Нижнего Дуная (Суничук, Фокеев 1984: 113); Глиное 13/1, 31/1, 69/2 (III—II вв. до н.э.) — на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2016: 126, 218, 428).

Следы красной охры на лицевых костях черепа отмечены в погребениях первой половины III в. до н.э. Градешка 15/1 (Гудкова, Суничук 1985: 89) и Котловина-I 6/1 (Фокеев 1991: 18) на левобережье Нижнего Дуная. Наконец, следы красной охры зафиксированы в девяти захоронениях скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное: 53/1 — пятна во входной яме катакомбы на уступах; 13/1, 31/1 и 69/2 — на каменных плитах; 32/1 — у кисти левой руки; 71/1 — под тазом погребённого; 89/3 и 111/2 — следы раскраски на лицевых костях черепа (Тельнов и др. 2016: 924); 116/1 — у правого плеча ребёнка и на плахах гробовища мужчины (Синика, Тельнов 2018b: 229, 238).

Зуб домашней собаки является едва ли не уникальной находкой в скифских погребениях региона. Отметим, что подвески из клыков собаки весьма немногочисленны в скифских захоронениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 5/3 (один клык с отверстием для подвешивания в составе ожерелья ребенка) (Синика, Тельнов 2018а: 134—135, рис. 2: 11), 7/3 (два клыка, один с отверстием для подвешивания, в перемещённом состоянии) (Синика и др. 2019с: 374, 386, рис. 5: 8, 9), 16/4 (два клыка в составе ожерелья ребенка, на одном сохранилось отверстие для подвешивания) (Синика и др. 2021с: 257, 285—286, рис. 11: 7), Глиное/Сад 8/1 (три клыка в составе ожерелья ребенка, на одном сохранилось отверстие для подвешивания) (Синика и др. 2018е: 82, 89, рис. 2: 7). Помимо

этого, в Северо-Западном Причерноморье такие находки известны еще в трёх комплексах. На левобережье Нижнего Дуная это Градешка 7а/1 (три клыка с отверстиями для подвешивания в составе скопления украшений справа в ногах ребенка) (Гудкова, Суничук 1985: 71, 73, табл. 132: 1, 2) и Кугурлуй 31/1 (клык с отверстием для подвешивания на груди женщины) (Гудкова, Суничук 1985: 65). В Дунайско-Днестровском междуречье клык с отверстием для подвешивания найден в ограбленном захоронении Тараклия II 19/3 (Сава и др. 2019: 86, рис. 53: 4). Как показывает анализ, в большинстве случаев, где установлено изначальное размещение собачьих клыков, они входили в состав ожерелий женщин и детей.

В то же время коренные зубы собаки известны всего в двух комплексах. Первый из них, изученный в 0,33 км к югу—юго-западу от кургана Глиное/Водовод 14 — это ограбленное женское погребение Глиное/Сад 11/3, где коренной зуб собаки (с отверстием для подвешивания), по всей видимости, также являлся частью ожерелья (Синика и др. 2020f: 68, 75, рис. 3: 13). Примечательно, что указанное изделие, по определению археозоолога (коренной зуб (М2) домашней собаки), идентично находке из погребения Глиное/Водовод 14/3. В последнем комплексе в зубе собаки нет отверстия для подвешивания, находка была сделана под правым крылом таза, а значит, не могла входить в состав ожерелья.

Полностью сохранившиеся катакомбы скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное позволили многократно (35 случаев в 24 захоронениях) зафиксировать существование обычая помещения фрагментов керамики в погребальные комплексы скифов Северо-Западного Причерноморья в позднейшее время. Было отмечено, что фрагменты керамики «каким-то образом маркировали границу между мирами живых и мёртвых и, возможно, предназначались для возвращения из мира мёртвых» (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 923—925).

В захоронении Глиное/Водовод 14/3 слева от таза погребённой была найдена песчаниковая галька. Ещё одна галька была найдена в заполнении ямы. Подобный обряд был зафиксирован в захоронении Глиное/Водовод 3/2 (песчаниковая галька у правой кисти), 11/3 (кремнёвый отщеп справа у таза), 12/4 (сланцевая галька в заполнении ограбленной катакомбы). Полностью сохранившиеся катакомбы скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное позволили многократно (в 39 захоронениях) зафиксировать существование обычая помещения камней (кремня, песчаника, каменного угля) в погребальные комплексы скифов Северо-Западного Причерноморья в позднейшее время. Было отмечено, что камни также «каким-то образом маркировали границу между мирами живых и мёртвых и, возможно, предназначались для возвращения из мира мёртвых» (Тельнов и др. 2016: 921—925).

Каменные плиты не являются редкостью в скифских захоронениях региона, при этом они встречаются, как было недавно показано, и в мужских, и в женских захоронениях (Синика и др. 2020f: 75—76, 84). В частности, только в непосредственной близости от кургана Глиное/Водовод 14 они были найдены в 40 комплексах на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 2/12, 9/2, 11/1, 14/3, 16/1; Глиное/Сад 9 (во рву), 11/4, 13/3; Глиное/Рыбхоз 2/1; Глиное 11/1, 13/1, 19/1, 19/2, 23/1, 31/1, 32/1, 35/1, 38/1, 38/3, 51/1, 54/3, 55/1, 60/1, 61/1, 69/2, 74/2, 78/3, 79/1, 81/1, 81/3, 82/1, 86/1, 88/1, 89/3, 95/1, 99/1, 100/1, 104/1, 106/1, 107/3, 116 (во рву) (Синика и др. 2021d: 153).

Однако следов чёрной сажи нет ни на одной из ранее найденных плит. Только одна плита (Глиное/Сад 11/4) была полностью обожжена до помещения в погребение (Синика и др. 2020f: 70, 76, рис. 6: 2). Другая плита (Глиное/Сад 13/3) отличается от всех прочих четырьмя округлыми выбоинами на лицевой плоскости, пятнами оранжевой охры — на тыльной, а также пятнами черного нагара на торцевых поверхностях (Синика и др. 2021d: 151, 153, рис. 3: 2).

Обратим особое внимание на набор астрагалов из погребения Глиное/Водовод 14/3. Количество таранных костей (37 шт.) в этом захоронении по сравнению с ранее исследованными наибольшее.

Астрагалы известны в 14 скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья: на левобережье Нижнего Прута — Дойна 4/3 (2 шт. — погребение ограблено) (Бубулич 1992: 27, рис. 23: 3, 4); на левобережье Нижнего Дуная — Балабаны 6/2 (1 шт.) (Чеботаренко и др. 1989: 37), Мреснота Могила 6/1 (16 шт. — погребение частично ограблено) и 23/1 (1 шт. — погребение ограблено) (Гудкова и др. 1985: 81, 103, рис. 49: 2), Табаки 2/1 (8 шт. / 1 со следами обработки — погребение ограблено) (Субботин и др. 1992: 7, рис. 5: 7); в Дунай-Днестровском междуречье — Кочковатое 48/4 (2 шт.) (Ванчугов и др. 1992: 54); на правобережье Нижнего Днестра — Мерены 1/3 (1 шт. / со следами обработки) и 1/7 (31 шт. / часть со следами обработки) (Дергачёв, Сава 2003: 532, 536, рис. 6: 2, 9: 13—15), Пуркары 1/5 (30 шт. / 2 со следами обработки) и 4/3 (1 шт.) (Яровой 1990: 51, 117, рис. 20: 8), Семёновка 10/2 (4 шт. — погребение ограблено) (Субботин и др. 2017: 58, 151); на левобережье Нижнего Днестра — Буторы I 4/1 (15 шт. / 5 со следами обработки — погребение ограблено) (Синика и др. 2013: 46, 120, рис. 21: 12), Дубоссары 21/2 (2 шт. — погребение ограблено) (Кетрару и др. 2014: 97, 207, рис. 80: 3), Глиное/Сад 14/1 (1 шт. — погребение ограблено).

Набор астрагалов из захоронения Глиное/Водовод 14/3 (37 шт. / 5 со следами обработки) можно корректно сравнивать с комплектами таранных костей только из двух комплексов на правобережье Нижнего Днестра, не пострадавших от ограбления.¹¹

Представительный набор инвентаря в женском захоронении второй половины V в. до н.э. Мерены 1/7 (бронзовая чаша; отдельные фрагменты двойных зигзагообразных бронзовой и золотой лент; лепной кувшин; деревянная чаша рядом с 29 астрагалами и уложенными кольцом хвостовыми позвонками млекопитающего; кости от жертвенной пищи с ножом с деревянной рукоятью на деревянном блюде; три железных шила с деревянными ручками; бронзовый наконечник стрелы; бронзовое зеркало с изображением Медузы Горгоны на «медальоне» ручки, лежавшее вместе с тканевым футляром и кожаным мешочком, содержащим меловой порошок и зёрна злаков; две золотые бляшки с изображениями зайцев; два астрагала, лежавших ближе к костям от жертвенной пищи) (Дергачёв, Савва 2003: 534—538, рис. 8: 9, 10: 1—3)) не оставляет сомнений в неординарности захоронения женщины. Об её высоком социальном статусе свидетельствуют бронзовая чаша, деревянная чаша, бронзовые и золотые ленты, а также бронзовое зеркало с изображением Медузы Горгоны на «медальоне» ручки, которые до настоящего времени являются единственными в своём роде в скифских памятниках Северо-Западного Причерноморья.

Кроме того, находки 31 астрагала (часть имеет сточенные грани)¹², хвостовых позвонков млекопитающего (хвоста животного?) и кожаного мешочка с мелом и зёрнами злаков позволяют предполагать, что «старая женщина» (Дергачёв, Савва 2003: 535)¹³ исполняла и некие функции служителя культа (Синика и др. 2020d: 343, рис. 8: 3, 4).

В полной мере это относится и к женщине из погребения Глиное/Водовод 14/3. Несмотря на отсутствие металлических сосудов, а также изделий из драгоценных металлов, в её могилу положили не только самый большой набор астрагалов из известных, но и кусочки

¹¹ Заметим, что погребение Мреснота Могила 6/1 было ограблено почти полностью, но комплект астрагалов (16 шт.), зафиксированный рядом с лепным горшком, сохранился непо потревоженным. Захоронение Буторы I 4/1 было ограблено частично, при этом мы допускаем, что количество обнаруженных астрагалов (15 шт.) может соответствовать изначальному.

¹² В отчёте о раскопках и в публикации количество обработанных астрагалов не указано.

¹³ Половозрастные определения специалистами—антропологами не проводились.

охры (у правого и левого запястий), коренной зуб домашней собаки (под левую часть таза), песчаниковую гальку (справа от таза), каменную плиту со следами черной сажи (в ногах). Последняя частично перекрывала чернолаковую солонку, которая могла содержать некие вещества, используемые в культовых практиках.

Впрочем, большие наборы астрагалов встречены не только в женских захоронениях. В частности, в мужском погребении Пуркары 1/5 были найдены два наконечника копий и наконечник дротика (справа от тела), 100 бронзовых наконечников стрел (в колчане у левого бедра), фрагменты золотых накладок (на поясе), железный нож среди костей от жертвенной пищи (в изголовье), а также чернолаковая одноручная чаша и 30 астрагалов козы/овцы (у двух одна сторона ровно срезана и имеет следы полировки), лежавшие рядом (у правой ступни). На основании чернолаковой чаши комплекс датируется последними десятилетиями V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: pl. 32, cat. 753). Никакого другого инвентаря в захоронении не выявлено. Данный комплекс наглядно иллюстрирует, что не все погребения с наборами астрагалов принадлежали женщинам (гадалкам / колдуньям / жрицам).

Датировка комплексов

Три чернолаковых греческих сосуда из погребения 3 позволяют достаточно точно определить время сооружения кургана Глиное/Водовод 14.

Ближайшая аналогия аттическому кубковидному канфару (по профилю, размерам и наличию орнамента на дне сосуда: шести пальметт, соединённых вокруг окружности и расположенных внутри окружностей из насечек) происходит из Афинской Агоры. Время изготовления таких сосудов относится к концу первой четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: fig. 7, pl. 28, 56, cat. № 651). Прямые аналогии солонке из Афинской Агоры датируются второй — третьей четвертью IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: fig. 9, pl. 34, cat. № 936, 937).

Время бытования чернолаковых лекифов, аналогичных найденному в погребении Глиное/Водовод 14/3, определяется второй четвертью — серединой IV в. до н.э. (Нλιπούλου 2015: 71, № 102—104). Как уже отмечалось выше, едва ли не идентичный лекиф в Северо-Западном Причерноморье был найден в погребении Нагорное 11/3 на левобережье Нижнего Дуная, дата которого по совокупности греческих керамических импортов определена концом первой — началом второй четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 298).

Всё изложенное позволяет датировать курган Глиное/Водовод 14 второй четвертью IV в. до н.э.

Заключительные положения

В завершении необходимо констатировать, что курган 14 группы «Водовод» был сооружён во второй четверти IV в. до н.э. для захоронения женщины, которая выделялась среди прочих членов общества. Об этом свидетельствуют не только украшения (шесть бронзовых перстней; янтарные изделия; подвески из оолитового известняка; сложные в технологическом исполнении, а значит дорогостоящие и редкие стеклянные бусины в составе ожерелья и браслетов; раковины моллюсков; цепочки из бронзовых колец; бронзовый браслет) и три чернолаковых сосуда, но и предметы, которые использовались в культовых практиках (кусочки охры, зуб собаки, две гальки, каменная плита со следами сажи и большой набор астрагалов). Несмотря на это, размеры погребального сооружения, а также отсутствие предметов из драгоценных металлов, не позволяют считать данное захоронение аристократическим. Спустя незначительное время в курган было впущено погребение ребёнка, в котором была найдена одна стеклянная бусина.

Совокупность данных, полученных при исследовании кургана Глиное/Водовод 14, не просто дополняет картину скифского присутствия в Северо-Западном Причерноморье, но и позволяет обратить внимание на отдельные элементы погребального обряда и материальной культуры, которые ранее фиксировались крайне редко, либо вовсе не встречались в регионе.

Литература

- Агульников С.М. 1993. Курганы скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте. *Revista arheologică* 1, 115—119.
- Агульников С.М., Попович С.С., Церна С.В., Топал Д.А. 2013. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 257—284.
- Алексеева Е.М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука (САИ Г1-12/3).
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. 2011. Зеркало из кургана Огуз. В: Березуцкий В.Д. и др. (ред.). *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Вып. 1. Воронеж: Научная книга, 85—97.
- Бубулич В.Г. 1992. Архив Национального музея истории Молдовы. № 334. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. Кишинёв.
- Гудкова А.В. 1978. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье. В: Карышковский П.О. (отв. ред.). *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 182—193.
- Гудкова и др. 1982: Архив ИА НАН Украины. № 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбовский А.О., Тощев Г.М., Фокеев М.М. 1982. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1981 г. Киев.
- Гудкова и др. 1985: Архив ИА НАН Украины. № 1984/158. Гудкова А.В., Тощев Г.М., Фокеев М.М., Андрух С.И. 1985. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Киев.
- Гудкова, Суничук 1985: Архив ИА НАН Украины. № 1984/3а. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1985. Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Киев.
- Агульников С., Сава Е. 2004. *Исследования курганов на левобережье Днестра*. Кишинёв: СЕР USM.
- Андрух С.И., Суничук Е.Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная. В: Самойлова Т.Л. (ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—46.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Кн. I. Запорожье: ИА НАН Украины; ЗГУ.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. 2011. Зеркало из кургана Огуз. В: Березуцкий В.Д. и др. (ред.). *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Вып. 1. Воронеж: Научная книга, 85—97.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1992. *Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Наукова думка.
- Дергачёв В.А., Сава Е.Н. 2003. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка. *Stratum plus* 2 (2001—2002), 526—562.
- Квитницкий и др. 2019: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2019. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 5, 317—331.
- Квитницкий и др. 2020: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Тюрк А. 2020. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра = Korai magyar harcosir a Dnyeszter alsó folyásának bal partvidékéről. В: Тюрк А. и др. (ред.) *Первый молдо-венгерский круглый стол, посвящённый вопросам раннего средневековья Восточной Европы*. Кишинёв, 10—11 июня 2015 г. Будапешт: ВТК Magyar Őstörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE VTK Régészettudományi Intézet, 205—232.
- Кетрапу Н. А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья II).
- Ковалева И.Ф. 1999. Скифские погребения правобережного Предстепья. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова)*. Запорожье: ЗГУ, 128—131.

- Лысенко С.С. 2020. Браслеты и кольца латенского стиля из Глинянского могильника. В: Гаврилюк Н.А. та ін. (ред.). *FORUM OLBICUM III*: до 70-річчя з дня народження В.В. Крапівіної, 4—6 травня 2020 р. Матеріали міжнародної археологічної конференції. Миколаїв: Лукомор'є, 143—146.
- Мелюкова А.И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.
- Никитин В.И. 2018. *Курганы Нижнего Поингуля*. Николаев: Илион.
- Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филук.
- Полин С.В., Дараган М.Н. 2019. Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V — IV в. до н.э. *Античный мир и археология XIX*, 201—241.
- Редина Е.Ф. 1999. Скифский могильник Неделково на севере Одесской области. *Stratum plus* 3, 75—80.
- Сава Е., Агульников С., Манзура И. 2019. *Исследования курганов в Буджакской степи (1980—1985 гг.)*. Кишинёв: Bons Offices. (Biblioteca “Tyragetia” 29).
- Синика В.С. 2007. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра. *РА* 4, 170—179.
- Синика В.С. 2017. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра. *Поволжская археология* 3 (21), 141—154.
- Синика В.С., Закордонцев О.А. 2018. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология* 1 (28), 81—87.
- Синика и др. 2018a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 166—176.
- Синика и др. 2018b: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартковского государственного университета* 1, 111—119.
- Синика и др. 2018c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология* 1, 125—138.
- Синика и др. 2018d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук* 20 (3), 234—244.
- Синика и др. 2018e: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 78—93.
- Синика и др. 2018f: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки Института истории материальной культуры РАН* 18, 69—79.
- Синика и др. 2019a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental studies* 5, 822—844.
- Синика и др. 2019b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 1, 6—19.
- Синика и др. 2019c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* 3, 365—390.
- Синика и др. 2019d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра. In: Zancosi A., Băţ M. (eds.). *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis*. Chișinău: Cartididact, 281—295.
- Синика и др. 2020a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Закордонцев О.А. 2020. Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *МАИАСП* 12, 345—368.
- Синика и др. 2020b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Емінак* 29 (1), 392—406.

- Синика и др. 2020с: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 2, 165—202.
- Синика и др. 2020d: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифское погребение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 331—351.
- Синика и др. 2020е: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья. *Revista arheologică. S.n. Vol. XVI. Nr. 1*, 99—107.
- Синика и др. 2020f: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *Нижневожский археологический вестник*. Т. 19. № 1, 64—101.
- Синика и др. 2021a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021. Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242.
- Синика и др. 2021b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021. Скифское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре. *Поволжская археология* 1, 23—36.
- Синика и др. 2021с: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia. Vol. XV [XXX], nr. 1*, 239—296.
- Синика и др. 2021d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Скифский курган 13 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Уфимский археологический вестник*. Т. 21. № 1, 145—159.
- Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016a. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Емінак* 16(4), 45—53.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016b. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV—III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра. *Новое прошлое* 4, 258—272.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016с. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. *Стародавнє Причорномор'я* XI, 488—499.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017a. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Новое прошлое* 4, 286—306.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017b. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология* 42(8), 5—12.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017с. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 131—152.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018a. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. *Самарский научный вестник* 7 (1), 133—144.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018b. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.
- Синика В.С., Тельнов Н.П. 2020. Чернолаковые сосуды из скифских погребений IV в. до н.э. в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок 2015, 2016 и 2018 гг.). *Русин* 59, 9—20.
- Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А., 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник* 6(2), 108—113.
- Синика В.С., Четвериков И.А., Тельнов Н.П. 2014. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. *Revista arheologică s.n. X/1—2*, 210—217.
- Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.
- Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы*. Тирасполь: Stratum plus. (Археологические памятники Приднестровья IV).
- Суничук Е.Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: Дзис—Райко Г. А. (отв. ред.) *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—45.

- Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В: Черняков И.Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 103—120.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).
- Топал Д. 2021. Акинак на западе скифского мира. Кишинев: Bons Offices SRL (Biblioteca “Tyragetia” 35).
- Тощев Г.Н., Редина Е.Ф. 1991. Курганная группа у с. Помазаны Одесской области. *Древности степного Причерноморья и Крыма II*, 95—104.
- Фокеев М.М. 1991. Архив ИА НАН Украины. № № 1990/61. Отчёт о раскопках 1990 г. Киев.
- Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. 1989. *Курганы Буджакской степи*. Кишинёв: Штиинца.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы на левобережье Нижнего Днестра. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 95—131.
- Яровой Е.В. 1990. *Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья*. Кишинёв: Штиинца.
- Ciobanu I., Simalcsik A., Bejenaru L., Pîrnău R.G., Agulnicov S., Popovici S. 2019. Considerații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). *Campaniile 2016 și 2017 Arheologia Preventivă în Republica Moldova IV*, 71—118.
- Ηλιοπούλου Σ., 2015. *Αρχαία Ζώνη IIIα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα καιπρακτικές*, Κομοτηνή: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού; Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου; Περιφέρεια Ανατολικής Μακεδονίας—Θράκης.
- Lukasik S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16. Poznań, 28 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. Tiraspol.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P. 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the “Garden” group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств* 4 (2), 156—173.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Telnov N.P. 2020. Barrow 17 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester and “Empty” Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. *Mousaios XXIII*, 261—273.
- Sinika V.S., Telnov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N. 2021. Scythian barrow 12 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester. *Емінак* 33 (1), 253—267.
- Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C. *The Athenian Agora XII*.

References

- Agul'nikov, S.M. 1993. In *Revista arheologică* 1, 115—119 (in Russian).
- Agul'nikov, S.M., Popovich, S.S., Tserna, S.V., Topal, D.A. 2013. In *Stratum plus* 3, 257—284 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).
- Arkhir Natsional'nogo muzeya istoriya Moldovy. No. 334. Bubulich V.G. 1992. Otchet o polevykh issledovaniyakh Prut'skoy novostroyechnoy ekspeditsii u ss. Rumyantsevo i Doyna Kantemirskogo rayona v 1991 g. Kishinev.
- Gudkova, A.V. 1978. Raskopki kurganov u s. Chervonyy Yar na Nizhnem Podunav'e. In: Karyshkovskiy, P.O. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Archaeological Research in the North-Western Pontic Area)*. Kiev: Naukova dumka, 182—193 (in Russian).
- Arkhir IA NAN Ukrainy. No. 1981/1. Gudkova A.V., Dobrolyubskiy A.O., Toshchev G.M., Fokeyev M.M. 1982. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1981 g. Kyiv.
- Arkhir IA NAN Ukrainy. No. 1984/158. Gudkova A.V., Toshchev G.M., Fokeyev M.M., Andrukh S.I. 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1984 g. Kyiv.
- Arkhir IA NAN Ukrainy. No. 1984/3a. Gudkova A.V., Sunichuk E.F. 1985. Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhak'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g. Kyiv.
- Agulnikov, S., Sava, E. 2004. *Issledovaniya kurganov na levoberezh'ye Dnestra (Research of burial mounds on the left bank of the Dniester)*. Kishinev: CEP USM (in Russian).
- Andrukh, S.I., Sunichuk, E.F. 1987. In: Samoylova, T.L. (ed.). *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (New research in the archaeology of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 38—46 (in Russian).

- Andruk, S.I., Toshchev, G.N. 1999. *Mogil'nik Mamay-Gora (Burial-ground Mamay-Gora)*. Bk. I. Zaporizhzhia: IA NAN Ukrainy; ZNU (in Russian).
- Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Barrow Gaimanova Mogila)*. Kiev: Skif (in Russian).
- Boltrik, Yu.V., Fialko, E.E. 2011. In: Berezutskiy, V.D. et al. (eds.). *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi (Eastern European antiquities of the Scythian time)*. Iss. 1. Voronezh: Nauchnaya kniga, 85—97 (in Russian).
- Vanchugov, V.P., Subbotin, L.V., Dzigovskiy, A.N. 1992. *Kurgany primorskoy chasti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya (Barrows of the Coastal Part of Dniester-Danube Interfluve)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Dergaciiov, V.A., Sava, E.N. 2003. In *Stratum plus* 2 (2001—2002), 526—562 (in Russian).
- Kvitnytskyi, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. *Stratum plus* 5, 317—331 (in Russian).
- Kvitnytskyi, M.V., Telnov, N.P., Sinika, V.S., Türk, A. 2020. In: Türk, A. et al. (eds.) *I. Moldáv—Magyar régészeti kerekasztal konferencia Kelet—Európa kora középkoráról*. Chişinău, 2015. június 10—11. Budapest: BTK Magyar Östörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 205—232 (in Russian and Hungarian).
- Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary Barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Region II) (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1999. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (Problems of Scythian and Sarmatian Archeology of the Northern Pontic Region)*. Zaporizhzhia: ZGU, 128—131 (in Russian).
- Lysenko, S. S. 2020. In: Gavrilyuk N.A. et al. (eds.). *FORUM OLBICUM III: do 70-richchya z dnya narodzhennya V.V. Krapivinoyi, 4—6 travnya 2020 r. Materialy mizhnarnoyi arkheolohichoyi konferentsii. (FORUM OLBICUM III: to the 70th Anniversary of the birth of V.V. Krapivina, May 4—6, 2020. Proceedings of the International Archaeological Conference)*. Mikolaiv: Lukomorye, 143—146 (in Russian).
- Melyukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Settlement and Cemetery of Scythian Age near the Village of Nikolaevka)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Nikitin, V.I. 2018. *Kurgany Nizhnego Poingul'ya (Barrows of the Lower Ingul Region)*. Nikolaev: Ilion (in Russian).
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurganny mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkovsky Burial-mound of the 5th — 4th centuries BCE in the Kherson Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).
- Polin, S. V., Daragan, M. N. 2019. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient world and archeology)* XIX, 201—241 (in Russian).
- Redina, E.F. 1999. In *Stratum plus* 3, 75—80 (in Russian).
- Sava, E., Agul'nikov, S., Manzura, I. 2019. *Issledovaniya kurganov v Budzhakskoy stepi (1980—1985 gg.) (Study of barrows in the Budzhak steppe (1980—1985))*. Kishinev: Bons Offices (Biblioteca “Tyragetia” 29) (in Russian).
- Sinika, V.S. 2007. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 170—179 (in Russian).
- Sinika, V.S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3 (21), 141—154 (in Russian).
- Sinika, V.S., Zakordonets, O.A. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya (Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology)* 1 (28), 81—87 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2018a. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya 2. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 70-letiyu professora V.P. Kopylova (Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Times 2. Collection of Scientific Works dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov)*. Rostov-on-Don: Yuzhnyi Federal'nyi universitet, 166—176 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018b. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 1, 111—119 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018c. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology)* 1, 125—138 (in Russian).

- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018d. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk (Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 20 (3), 234—244 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018e. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 2, 78—93 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018f. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk (Transactions of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Science)* 18, 69—79 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019a. In *Oriental studies* 5, 822—844 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019b. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 1, 6—19 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019c. In *Stratum plus* 3, 365—390 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019d. In: Zanoci, A., Băţ, M. (eds.). *Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis*. Chişinău: Cartididact, 281—295 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Zakordonets, O.A. 2020a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 345—368 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020b. In *Eminak* 29 (1), 392—406
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov N.P. 2020c. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 2, 165—202 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020d. In *Stratum plus* 3, 331—351 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020e. In *Revista arheologică*. S.n. Vol. XVI. Nr. 1, 99—107 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P., Lukasik, S. 2020f. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*. Vol. 19. No. 1, 64—101 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2021a. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242 (in Russian).
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2021b. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1, 23—36 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021c. In *Tyragnetia*. Vol. XV [XXX], nr. 1, 239—296.
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021d. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik)*. Vol. 21. No. 1, 145—159 (in Russian).
- Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near the Butory Village)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological Sites of the Dniester Region I) (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016a. In *Eminak* 16 (4), 45—53 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016b. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 258—272 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016c. In *Starodavne Prichernomor'ya (Ancient Black Sea Region)* XI, 488—499 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017a. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 286—306 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017b. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya (Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political Science)* 42 (8), 5—12 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017c. In *Stratum plus* 3, 131—152 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018a. In *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 7 (1), 133—144 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018b. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2020. In *Rusin* 59, 9—20 (in Russian).

- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Zakordonets, O.A., 2017. In *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 6 (2), 108—113 (in Russian).
- Sinika, V.S., Chetverikov, I.A., Telnov, N.P. 2014. In *Revista arheologică s.n.* X/1—2, 210—217 (in Russian).
- Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 1992. *Skifskiye drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluvium)*. Kyiv: Preprint (in Russian).
- Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semjonovskie kurgany (Semenovka barrows)*. Tiraspol: Stratum plus. (Archaeological Sites of the Dniester Region IV) (in Russian).
- Sunichuk, E.F. 1985. Skifskiy mogil'nik Chaush v nizov'yakh Dunaya. In: Dzis-Rayko, G.A. (ed.) *Pamyatniki drevney istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Sites of Ancient History of North West Black Sea Region)*. Kiev: Naukova dumka, 38—45 (in Russian).
- Sunichuk, E.F., Fokeev, M.M. 1984. Skifskiy mogil'nik Plavni I v nizov'yakh Dunaya. In: Chernyakov, I.T. (ed.) *Ranniy zheleznyy vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Early Iron Age of the North-West Black Sea Region)*. Kiev: Naukova dumka, 103—120 (in Russian).
- Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016 *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoye (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd cc. BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Region III) (in Russian).
- Topal, D. 2021. *Akinak na zapade skifskogo mira (Akinakes in the West of Scythian World)*. Kishinev: Bons Offices SRL (Biblioteca “Tyragetia” 35) (in Russian).
- Toshchev, G.N., Redina, E.F. 1991. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* II, 95—104 (in Russian).
- Fokeev M.M. 1991. Arkhiv IA NAN Ukrainy. No. 1990/61. Otchet o raskopkakh 1990 g. Kiev.
- Chebotarenko, G.F., Jarovoj, E.V., Telnov, N.P. 1989. *Kurgany Budzhakskoy stepi (Barrows of the Budjak Steppe)*. Kishiniov: Shtiintsa (in Russian).
- Shmaglii, N.M., Chernyakov, I.T. 1985. Kurgany na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. In: Stanko, V.N. (ed.) *Novye materialy po arkhologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (New Materials on the Archaeology of North-Western Pontic Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 95—131 (in Russian).
- Yarovoy, E.V. 1990. *Kurgany eneolita — epokhi bronzы Nizhnego Podnestrov'ya (Mounds of Eneolithic — Bronze Age of the Lower Dniester region)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Ciobanu, I., Simalsik, A., Bejenaru, L., Pîrnău, R.G., Agulnicov, S., Popovici, S. 2019. Considerații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). Campaniile 2016 și 2017 *Arheologia Preventivă în Republica Moldova* IV, 71—118.
- Ηλιοπούλου, Σ., 2015. *Αρχαία Ζώνη IIIα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα καιπρακτικές*, Κομοτηνή: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού; Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου; Περιφέρεια Ανατολικής Μακεδονίας—Θράκης.
- Lukasik, S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16. Poznań, 28 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. Tiraspol.
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv (Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces)* 4 (2), 156—173.
- Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. Barrow 17 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester and “Empty” Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. *Mousaios* XXIII, 261—273.
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. Scythian barrow 12 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester. In *Eminak* 33 (1), 253—267.
- Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C. *The Athenian Agora* XII.

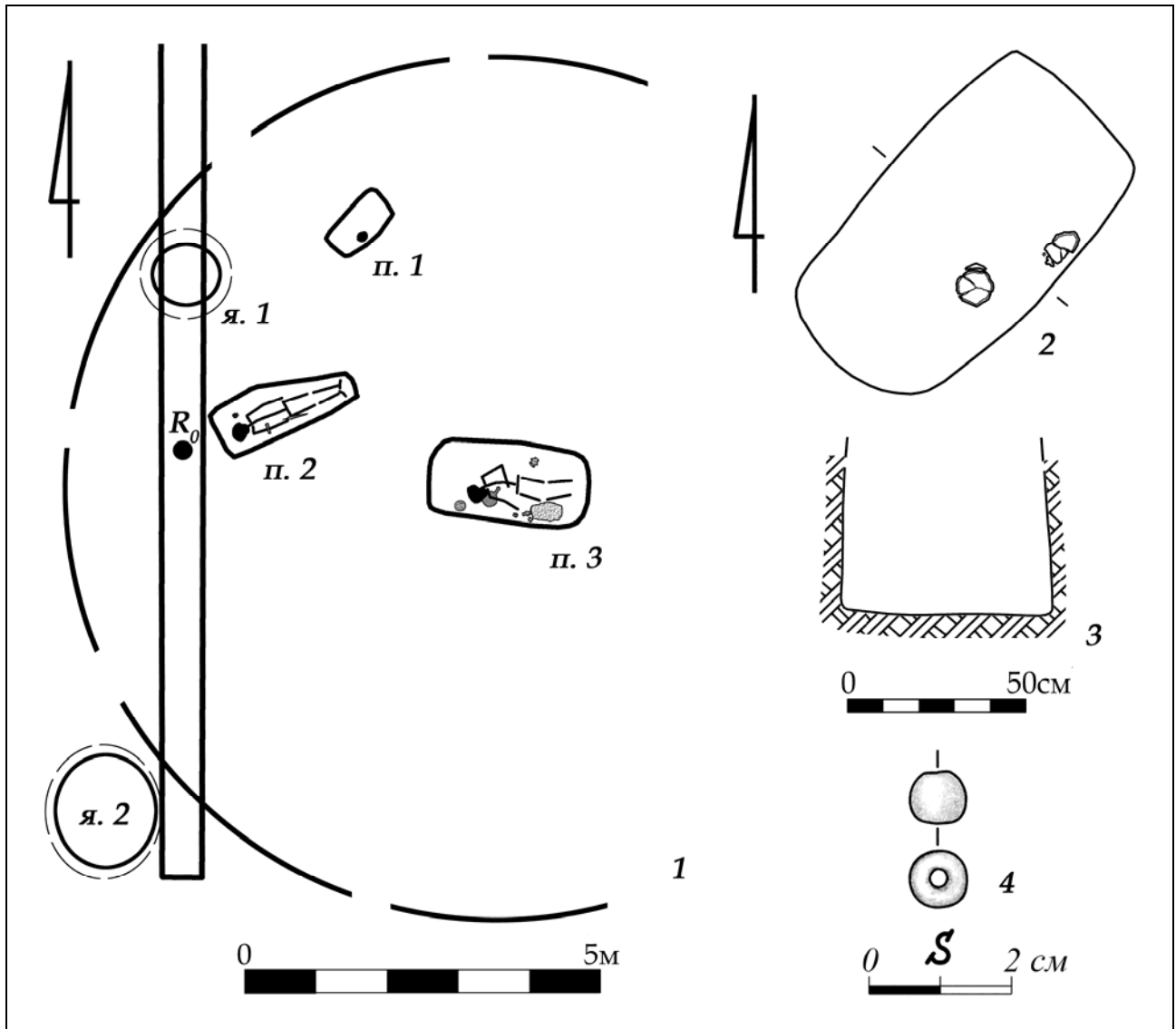

Рис. 1. План кургана 14 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (1) и погребение 1 (2—4).

Fig. 1. Plan of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester (1) region and grave 1 (2—4).

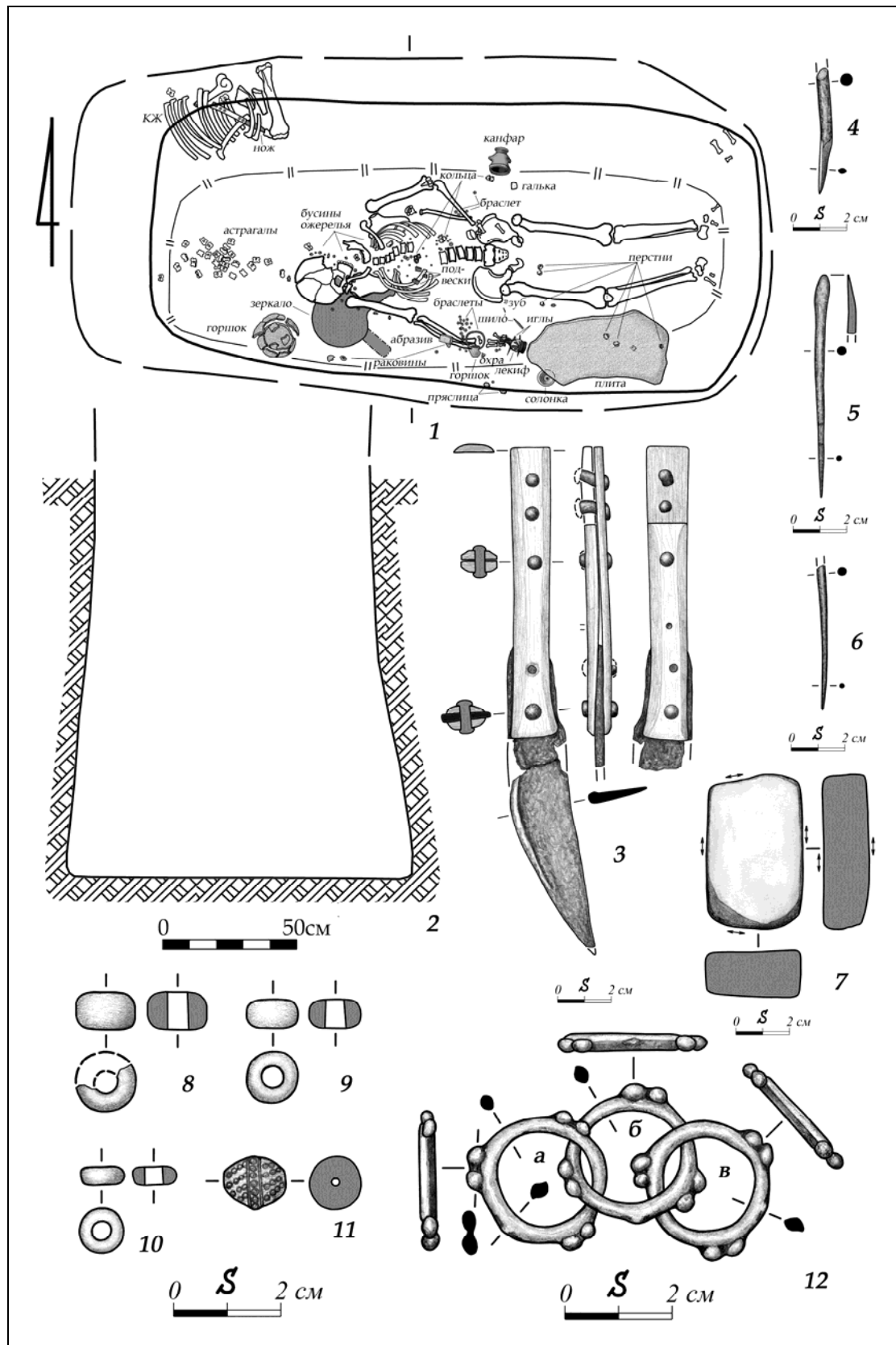

Рис. 2. План и разрез погребения 3 кургана 14 группы «Водовод» (1, 2) и инвентарь (3—12).

Fig. 2. Plan and section of the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group (1, 2) and grave goods (3—12).

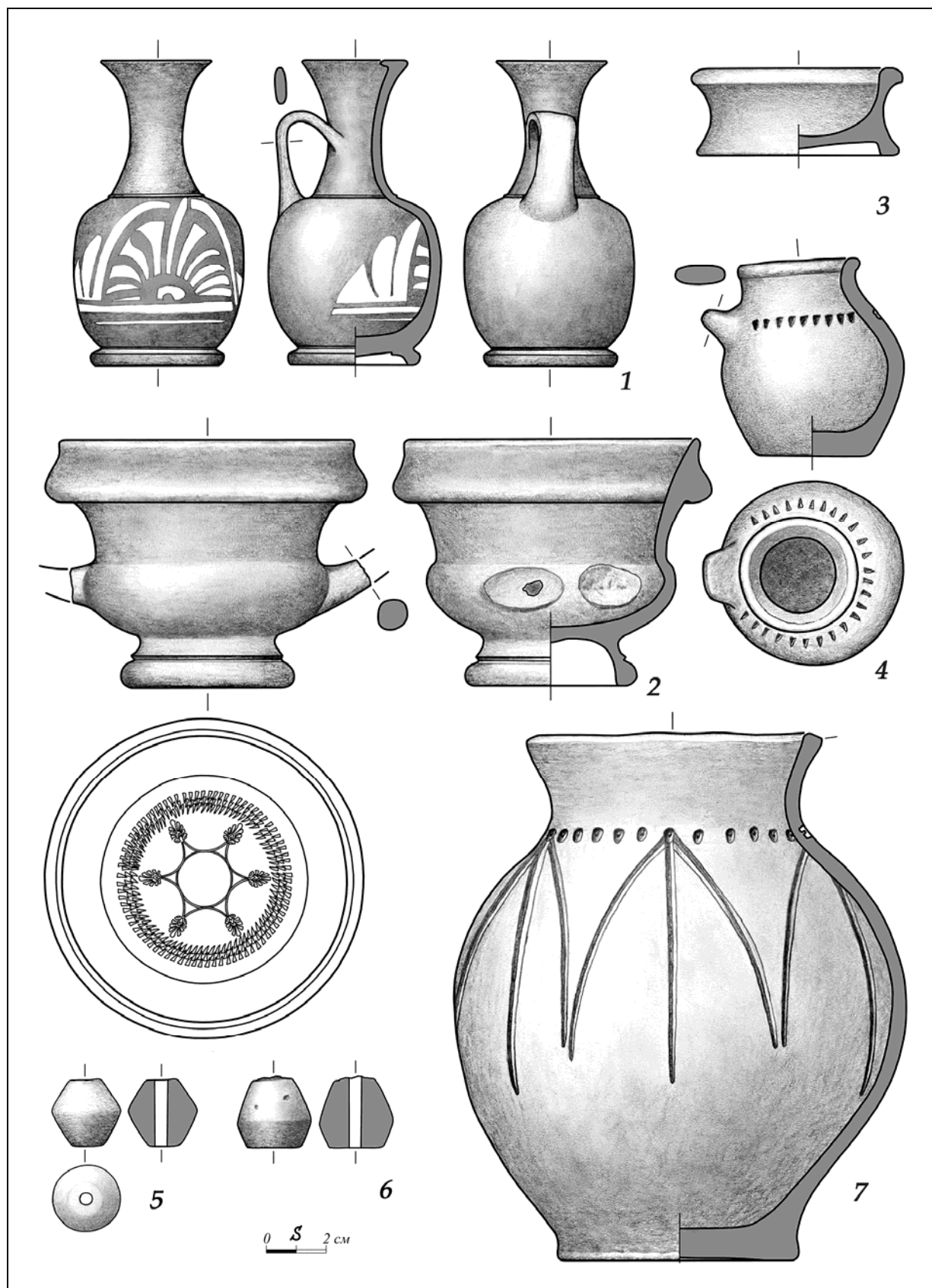

Рис. 3. Инвентарь из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 3. Grave goods from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

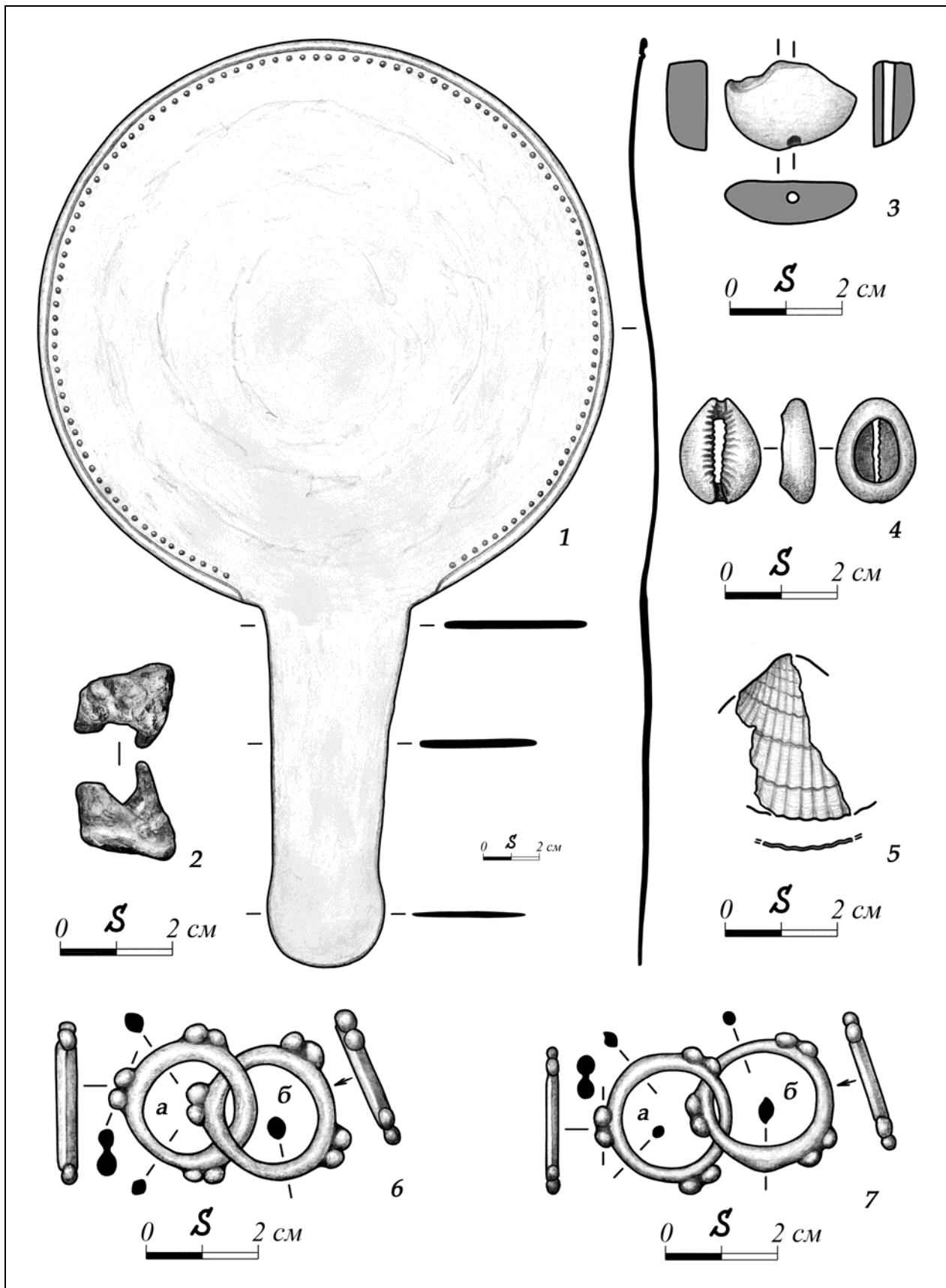

Рис. 4. Инвентарь из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 4. Grave goods from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

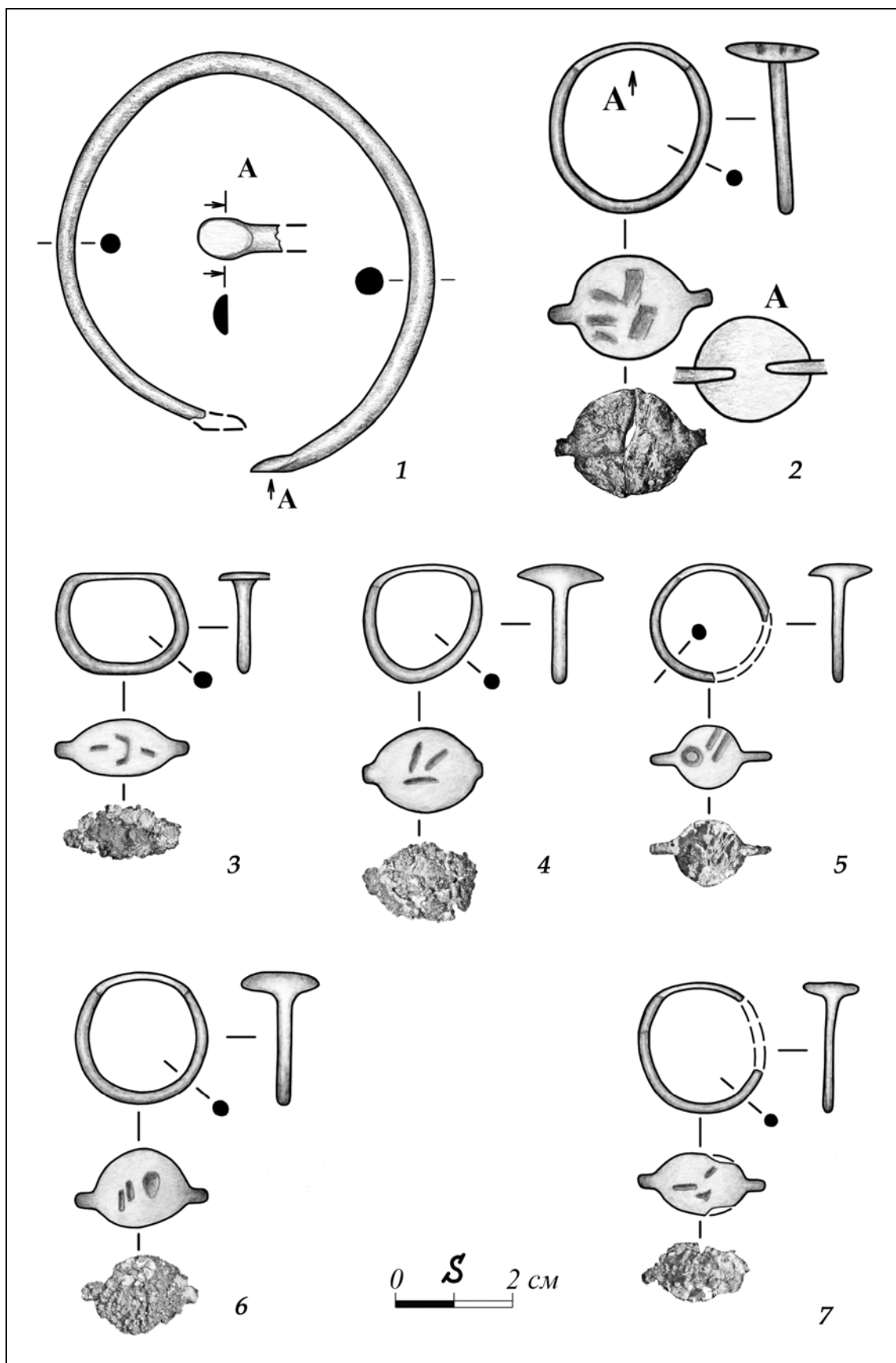

Рис. 5. Украшения из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 5. Adornments from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

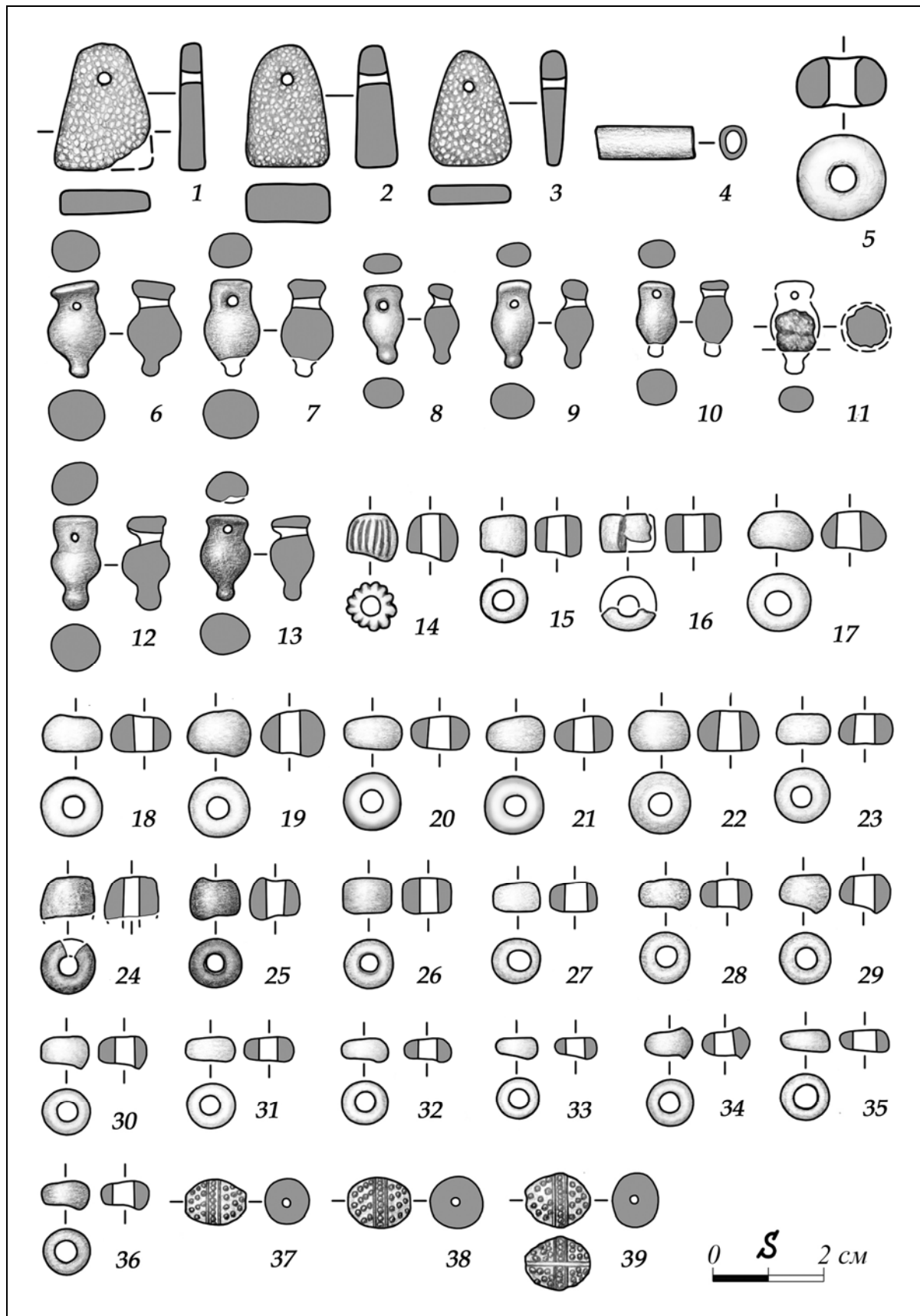

Рис. 6. Украшения из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 6. Adornments from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

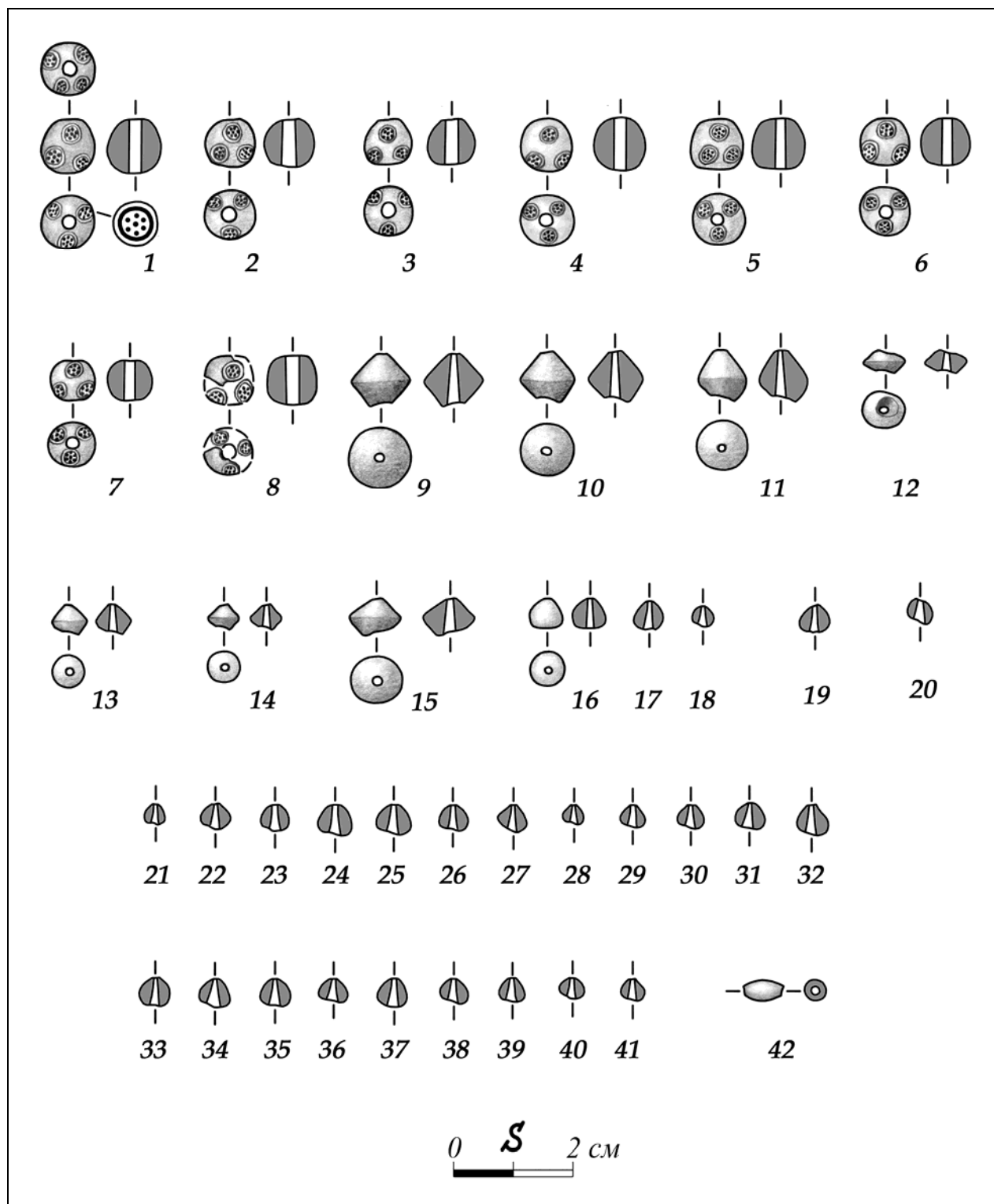

Рис. 7. Украшения из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 7. Adornments from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

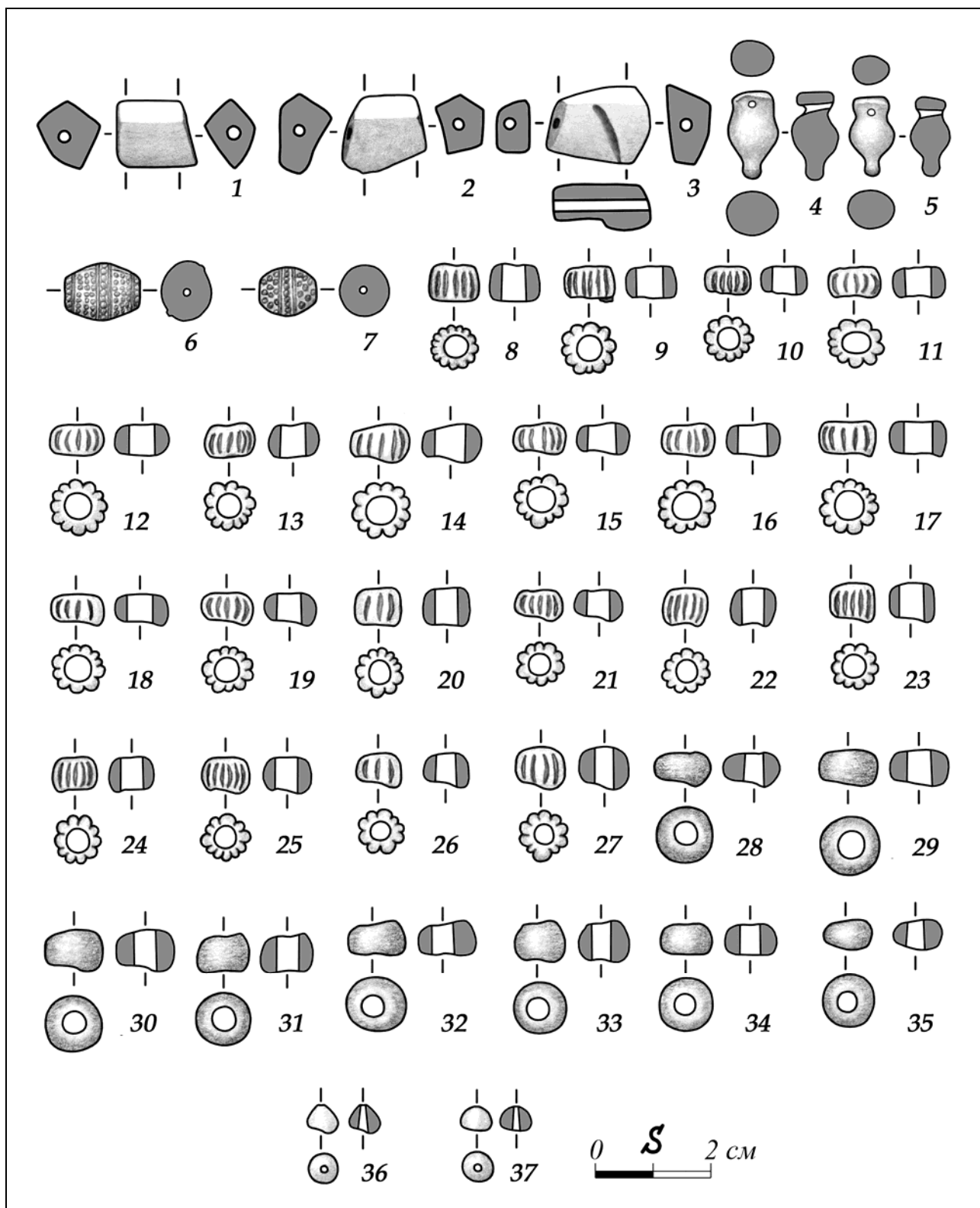

Рис. 8. Украшения из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 8. Adornments from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

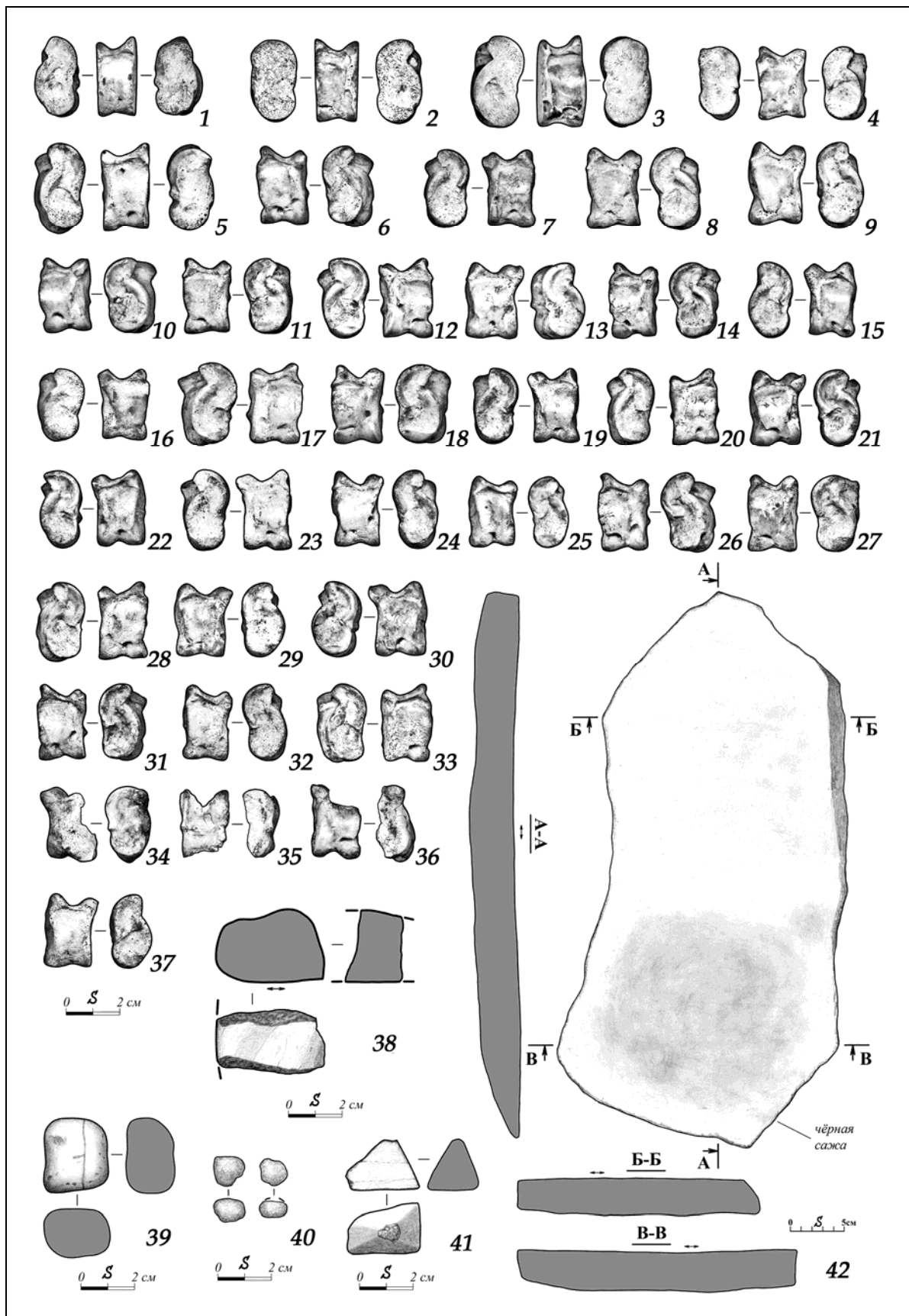

Рис. 9. Инвентарь из погребения 3 кургана 14 группы «Водовод».

Fig. 9. Grave goods from the grave 3 of barrow 14 of the “Sluiceway” / “Vodovod” group.

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.68.83.009

М.Ю. Трейстер

**МАКЕДОНСКАЯ (ФРАКИЙСКАЯ ?) БРОНЗОВАЯ ПАТЕРА
ИЗ КУРГАНА № 1/1910 ГРУППЫ «ЧАСТЫЕ КУРГАНЫ» НА СРЕДНЕМ ДОНУ***

Публикация посвящена бронзовому сосуду, найденному в датирующемся второй половиной IV в. до н.э. ограбленном погребении в кургане № 1 группы «Частые курганы» на окраине Воронежа, раскопанном Воронежской ученой архивной комиссией в 1910 г. Сосуд с маской-атташем под краем на внешней стороне и медальоном-горгонейоном — на дне, является патерой с утраченной ручкой. Такие патеры с аналогично оформленными краями вместилища и ручками, завершающимися головкой барана, известны по очень небольшому количеству находок второй половины IV в. до н.э., практически все из которых происходят из Македонии и Фракии. Исходя из того, что по сторонам шеи персонажа маски изображены львиные лапы, есть все основания для ее атрибуции как головы Геракла. Подобная иконография характерная для атташей сосудов из Северной Греции. Трактровка прядей прически, в частности симметричных локонов надо лбом (анастолэ / ἀναστολή), напоминает оформление прически на портретах Александра Македонского и подражаниях им. С учетом этого наблюдения вряд ли можно датировать патеру из Частых курганов ранее последней четверти IV в. до н.э. В Северном Причерноморье бронзовые сосуды такой формы до сих пор были не известны, при том, что находки бронзовых сосудов македонско-фракийского круга IV в. до н.э. представлены и в Скифии, и на Боспоре. Учитывая известные находки бронзовых сосудов македонских типов на Елизаветинском городище и в его некрополе в устье Дона, можно предполагать, что на Средний Дон такие сосуды могли поступать таким путем. Вместе с тем, учитывая относительную редкость бронзовых (серебряных) патер в Македонии и Фракии во второй половине IV — начале III в. до н.э. и их находки в очень богатых комплексах, в том числе в царских погребениях в Вергине и Голямата Косматка, нельзя исключить возможность иного пути для патеры из Частых курганов. В Македонии и Фракии такие патеры, вместе с ойнохоями, были частью сервизов для банкетов, поэтому и в данном случае, пatera, у которой, возможно, изначально была пара (ойнохоя) мог быть и дипломатическим подарком. В любом случае пatera из Частых курганов вписывается в круг находок предметов фракийской узды и изделий фракийской и македонской торевики, найденных в погребениях скифской знати на Среднем Дону.

Ключевые слова: скифские курганы, Средний Дон, македонские и фракийские бронзовые сосуды, патеры, Геракл, Медуза Горгона, Александр Македонский, иконография.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштр. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

**A MACEDONIAN (THRACIAN?) BRONZE PATERA
FROM THE BURIAL-MOUND No. 1/1910 OF THE CHASTYE KURGANY-GROUP
IN THE MIDDLE DON REGION**

The publication is dedicated to a bronze vessel found in a robbed burial of the second half of the 4th century BCE in the Burial-mound no. 1 of the Chastye Kurgany group on the outskirts of Voronezh,

* Статья поступила в номер 20 июня 2021 г.

Принята к печати 12 июля 2021 г.

excavated by the Voronezh Scientific Archive Commission in 1910. A vessel with a handle attachment in form of a mask under the edge on the outside and a gorgoneion-medallion at the bottom inside is a patera with a handle lost in antiquity. Such pateras with similarly shaped edges of the bowl and handles ending in a ram's head are known after a very small number of finds of the second half of the 4th century BCE almost all of which come from Macedonia and Thrace. Given the fact that lion's paws are depicted on the sides of the neck of the person shown on the mask, there is every reason for its attribution as the head of Herakles. A similar iconography is typical for vessel attachments from Northern Greece. The treatment of hair strands, in particular symmetrical curls over the forehead (anastole / ἀναστολή), resembles the hairstyle in the portraits of Alexander the Great and imitations of them. Taking into account this observation, it is hardly possible to date the patera from Chastye kurgans earlier than the last quarter of the 4th century BCE. In the North Pontic region, bronze vessels of this shape have not yet been known, despite the fact that the finds of bronze vessels of the Macedonian-Thracian circle of the 4th century BCE are represented both in Scythia and in the Bosphorus. Taking into account the known finds of bronze vessels of the Macedonian types at the Elizavetinskoe fortified settlement and in its necropolis at the mouth of the Don, it can be assumed that such vessels could have reached the Middle Don in this way. At the same time, given the relative rarity of bronze (silver) pateras in Macedonia and Thrace in the second half of the 4th — early 3rd century BCE and their finds in very rich complexes, including in the royal burials in Vergina and Golyamata Kosmatka, one cannot exclude the possibility of a different way for the patera from Chastye Barrows. In Macedonia and Thrace, such pateras, together with the oinochoai, were part of the banquet sets, therefore, in this case, the patera, which, perhaps, originally had a pair (oinochoe) could also be a diplomatic gift. In any case, the patera from Chastye Burial-mounds fits into the circle of finds of Thracian horse-bridle pieces and Thracian and Macedonian toreutics found in the burials of the Scythian nobility in the Middle Don region.

Key words: Scythian Burial-mounds, Middle Don region, Macedonian and Thracian bronze vessels, pateras, Herakles, Gorgo, Alexander of Macedon, iconography.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Independent scholar.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

1. Обстоятельства находки и состав комплекса

Среди находок в ограбленном погребении раскопанного Воронежской ученой архивной комиссией в 1910 г. скифского кургана № 1 группы «Частые курганы» на Среднем Дону (Ростовцев 1925: 537; Rostowzew 1931: 476; Замятин 1946: 13—18, рис. 1—5) был обнаружен фрагментированный бронзовый сосуд. Исследователи определяли сосуд как «миску» (Либеров 1965: 22) или чашу (Ростовцев 1925: 537; Rostowzew 1931: 476; Замятин 1946: 15, 17, № м; Пузикова 1995: 13; Гуляев 2010: 277). В монографиях А.П. Медведева и А.И. Пузиковой, в разделах о металлической посуде (Медведев 1999: 114, рис. 56; Пузикова 2017: 19—24) этот сосуд вообще не упомянут.

Из этого же погребения происходит цилиндрическая бусина из фритты, покрытая глазурью с изображением двух человеческих лиц белого цвета на темно-синем фоне и с выпуклостями бирюзового цвета (рис. 1: 1) (Замятин 1946: 14, 15, рис. 2: 5; 16, № в; Либеров 1965: табл. IX; 37: 31). Такие «лицевые» бусины, которые считаются пунийскими (Haevernick 1977: 161, 200—207, Nr. 378—462, Abb. 3, Taf. 42: группа 6; Seefried 1982: 11, 32, 145—150. Pl. 4 — тип F1; Ščeglov 2002: 217—220; Teleaga 2008: 286—289, 461—462, Nr. 1100—1110, Taf. 202, 3—12), очень близкие по декору, были найдены в основном погребении кургана № 133/2002 Елизаветовского могильника в Нижнем Подонье (рис. 1: 4) вместе с импортной греческой керамикой второй половины IV в. до н.э. (Копылов 2006: 70—71, 73, рис. 1: 4) и в погребении № 5 кургана № 8/1961 Мечетсайского могильника в Южном Приуралье (рис. 1: 2—3), которое датируется

вероятнее всего последней четвертью или концом IV в. до н.э. (Смирнов 1975: 139, рис. 31Б: 3, 7; Фирсов 2012: 47, № А8.1.1.9, 12.Б, цв. табл. II.11: 6; рис. II.32: 7—8).

Круглая железная пряжка с несомкнутыми концами, закрученными спиралью, и с откидным язычком, т.н. сюльгама (Замятин 1946: 16, № д, рис. 3), находит параллели из скифских комплексов на Среднем Дону (Савченко 2004: 240, рис. 29: 5, 7—10; 243), в том числе датированных античной керамикой второй половиной IV в. до н.э. (Гуляев и др. 2020а: 63, рис. 13: 7; 64; 2020b: 25—26, рис. 4: 3; 33). Золотые бляшки с изображением лежащего льва вправо (Замятин 1946: 16, № б, рис. 2: 2—4) имеют аналогии из погребений в курганах № 3 и 9 той же курганный группы (Пузикова 2017: 41, рис. 31: 11). С.Н. Замятин (1946: 18, № о) упоминает среди находок также «край чернолаковой чаши» дм. ок. 25 см. Судя по маркировке в тексте статьи, он находился в Воронежском музее, но в настоящее время его в хранении нет — вероятно предмет был утрачен во время Великой отечественной войны¹.

В целом, указанные материалы дают основание для датировки погребения в рамках второй половины IV в. до н.э.

2. Описание бронзового сосуда

Хорошей публикации сосуда с качественными фотографиями до сих пор не существует, а по опубликованным видам довольно трудно составить о нем представление. Я понял, каким образом можно правильно атрибутировать этот сосуд только после того, как увидел его в витрине в экспозиции Воронежского областного краеведческого музея в 2015 г. К сожалению, мое знакомство с воронежским сосудом ограничено его осмотром через стекло витрины, сделанными также через витринное стекло фотографиями, а также фотографиями, снятыми А.П. Медведевым в декабре 2020 г., и короткой информацией хранителя археологических коллекций Музей, Р.С. Берестнева, любезно предоставленными мне.

Сосуд представляет собой плоскодонную чашу с расположенными под тупым углом к дну прямыми стенками. Широкий горизонтальный край частично нависает над внутренней частью (рис. 2: 1). Дно чаши оформлено концентрическими канавками и валиками, в центре — точка от фиксации на станке, хорошо видная на фотографиях, опубликованных С.Н. Замятым и П.Д. Либеровым (рис. 3: 2, 4).

С внешней стороны под краем припаяна отлитая в высоком рельефе головка безбородого юноши, по сторонам шеи которого расположены горизонтально львиные лапы (две — на фото в статье Замятина (рис. 3: 1), одна, слева — в послевоенное время (рис. 2: 2; 3: 3; 4: 2)). Лицо с открытым высоким лбом обрамляют пряди в форме высоких дуг, проработанные параллельными дуговидными канавками. Губы сжаты. Утраты на волосах слева, большая трещина проходит через лоб, кончик носа сбит (рис. 2: 2; 4: 2). Часть стенок на противоположной стороне сосуда утрачена (рис. 2: 1) (Ростовцев 1925: 537; Замятин 1946: 15, 17, № м, рис. 4—5; Либеров 1965: 22, табл. 30: 7—8; Пузикова 1995: 13, илл. вверху, с датировкой IV—III вв. до н.э.); Гуляев 2010: 31, 277, 288, рис. 7)².

В настоящее время в центре внутренней стороны дна сосуда закреплен (по информации Р.С. Берестнева — на гипсе) круглый медальон с изображением головы Медузы в низком

¹ Совершенно очевидно, что статья С.Н. Замятина была написана и набрана вместе с другими статьями Т. 8 «Советской археологии» еще до начала Войны (СА VIII, 1946: 7), а значит, с материалами из Музея автор работал вероятно еще в 1939—1940 гг.

² Воронеж, Областной краеведческий музей, инв. № ВОРМ 4664/7 А-5354. Размеры сосуда (по публикации С.Н. Замятина): дм. по краю 29 см, выс. 8 см, дм. дна 17 см. С.Н. Замятин отмечает, что фотография головки представлена в натуральную величину. Соответственно, ее высота 5,3 см, шир. макс. лица 4,4 см, внизу — 5,2 см. Дм. медальона с изображением головы Медузы — 3,2 см (информация Р.С. Берестнева).

рельефе (рис. 2: 1), который отсутствует на фотографиях внутренней стороны чаши, опубликованных С.Н. Замятиным (рис. 3: 2) и П.Д. Либеровым (рис. 3: 4). Оснований сомневаться в принадлежности к чаше медальона с горгонеионом нет. М.И. Ростовцев и вслед за ним С.Н. Замятин указывали, что головки были припаяны с внешней стороны. М.И. Ростовцев писал: «кроме того была найдена большая чаша из полированной бронзы с припаянными снаружи на одной стороне головой Медузы, на другой — головой Аполлона. В ней находились части конской сбруи... Можно думать, что и бронзовая чаша служила частью конского убора, м.б. нагрудной фаларой» Ростовцева (1925: 537; Rostowzew 1931: 476). По мнению С.Н. Замятина, две рельефные головки Медузы служили «вместо ручек». С.Н. Замятин отвергает предположение М.И. Ростовцева (1925: 537; Rostowzew 1931: 476), о том, что чаша могла использоваться в качестве фалара, на том основании, что никаких отверстия или «других приспособлений для подвешивания на ней не имеется (Замятин 1946: 17).

3. Атрибуция бронзового сосуда

Очевидно, что находка из Частых курганов является патерой с утраченными ручкой, частью стенки с кольцом, от которого сохранился лишь атташ. Такие патеры с аналогично оформленными краями вместилища и ручками, завершающимися головкой барана, второй половины IV в. до н.э. известны по очень небольшому количеству находок, практически все из которых происходят из Македонии и Фракии (рис. 5) (Приложение 1, № 1—19) (Gorecki 2006: 377—390; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14; Touloumtzidou 2011: 613—616, Zimi 2011: 59—60; Sideris 2015: 54—55; 2016: 240; Димитрова 2015: 202—204)³ (исключение составляет лишь ручка патеры из Даблагоми — Приложение 1, № 15). Размеры вместилищ известных патер из Македонии и Фракии (см. ниже, Приложение 1, № 1—19), также в большинстве случаев очень близки размерам «чаши» из Частых курганов.

Предполагается, что изначально такие патеры могли изготавливаться в аттических мастерских около середины IV в. до н.э., тогда как остальные — в мастерских Македонии (Sideris 2016: 240). Косвенно македонское изготовление таких патер подтверждает и находка терракотового сервиза из ойнохой и патеры в некрополе Энеи (см. Приложение 1, № 19).

3.1. Маска-атташ

Что касается маски на внешней стороне вместилища патеры из Частых курганов (рис. 2: 2; 4: 2), то аналогичные маски-атташи имеются на патерах из Дервени (см. Приложение 1, № 3—4), кургана Наип в районе Текирдага (рис. 5: 3) (см. Приложение 1, № 7), кургана Голямата Косматка в районе Шипки (рис. 5: 1) (см. Приложение 1, № 9), из коллекций В. Божкова (рис. 5: 2) (см. Приложение 1, № 12) и Античного собрания Мюнхена (см. Приложение 1, № 11), а также на серебряной патере из Вергины (см. Приложение 1, № 16). Эти маски являются атташами ручек в форме колец, которые крепились в торцах втулки в форма цилиндра, расположенной над маской. Возможно, такой втулкой у патеры из Частых курганов являлся упомянутый С.Н. Замятиным небольшой бронзовый цилиндр, украшенный четырьмя выпуклыми валиками, двумя по краям и двумя посередине» длиной 2,8 см и диаметром 0,8 см (Замятин 1946: 17, № л), место хранения которого не известно (вероятнее всего он также, как и некоторые другие предметы из кургана был утрачен во время Великой Отечественной войны).

³ Включенные в группу патер Э. Телеага золотые наконечники с бараньими головками, в том числе из Карагодеуашха (Teleaga 2008: 277, Nr. 11) являются окончаниями ритонов (рогов для питья и никакого отношения к патерам не имеют).

Использования масок различных персонажей греческой мифологии в качестве атташей бронзовых и серебряных сосудов, в том числе происходящих из Македонии и Фракии, хорошо засвидетельствовано (Pfrommer 1983: 253—263; Zimi 2011: 35—36; Touloumidzou 2011: pls. 37—38). Исходя из того, что по сторонам шеи персонажа маски изображены львиные лапы, есть все основания для атрибуции маски как головы Геракла. Подобная иконография характерная для атташей сосудов из Северной Греции (Touloumtzidou 2011: πίν. 29: η; 31: θ; 32: α—γ), в том числе на атташе серебряной стамноидной ситулы из македонской гробницы в Пилаф-тепе в Фессалии (Barr-Sharrar 1982: 130, fig. 15; Pfrommer 1983: 258, Abb. 22; Zimmermann 1998: 48—49, 165, Nr. STM 15, Abb. 15, Taf. 23: 2—3; Zimi 2011: 195, no. 28; Touloumidzou 2011: 394, no. 2, pl. 32: β; Blečić Kavur 2012: 155, pl. 4: 5; 157; 165, no. 30).

Среди атташей бронзовых патер наиболее близок по иконографии атташ патеры из коллекции В. Божкова, также представляющий Геракла с львиными лапами, завязанными на шее (рис. 5: 2) (см. Приложение 1, № 12). Стилистически близок атташ патеры из погребения надежно датированного двумя последними десятилетиями IV в. до н.э. (Delemen 2004: 113—115; 2006: 267) кургана Наип (рис. 5: 3) (см. Приложение 1, № 7), который автор публикации определяет как маску Пана (Delemen 2004: 77; 2006: 262). Трактровка прядей прически, в частности симметричных локонов надо лбом (анастолэ / ἀναστολή) (von den Hoff 2009: 47; 2014: 220—222, 229—230; Трофимова 2012: 34, 75, 84, 87, 129; Knauss, Schulze 2013: 177; Kiilerich 2018: 1, 3; Schulze 2020: 234), напоминает оформление прически на портретах Александра Македонского и подражаниях им (Smith 1988: 58—64; Stewart 1993: 42—56, 2003: 31—66; von den Hoff 2009: 47—53; 2014: 209—245; Kiilerich 2018: 1—23 с библиографией), особенно трактровка полукруглых (*Kreissegmentbögen*) локонов на портретах типа Alexander Schwarzenberg (Stewart 1993: 165—171, 429; Kat. Mannheim 2009: 242, Nr. 4; von den Hoff 2009: 49, 50, Abb. 7; 2014: 218, Abb. 3—4; 220 с более ранней литературой в прим. 41 на с. 220; Knauss, Schulze 2013: 177—179; Schulze 2020: 236—237, Abb. 11: *a—d*; *arachne.uni-koeln.de*: 1). С учетом этого наблюдения вряд ли можно датировать патеру из Частых курганов ранее последней четверти IV в. до н.э.

3.2. Медальон в форме головы Медузы

Круглый медальон с изображением головы Медузы отличают сжатые губы, сквозь которые не просунут язык. Волнистая прическа передана рельефными омеговидными элементами (рис. 2: 1; 4: 1).

Медальонами, в том числе выполненными в высоком рельефе, в Македонии и Фракии в IV в. до н.э. начинают украшать сосуды для питья, прежде всего кубки так наз. македонского типа (Treister 2001: 203—207; Zimi 2011: 77—78). На таком серебряном кубке из гробницы В в Дервени имеется выполненный в низком рельефе медальон с изображением горгонейона с волнистыми локонами, с высунутым сквозь зубы языком (Themelis, Touratsoglou 1997: 65, no. B11; 174—175, fig. 48; pl. 64; Zimmermann 1998: 37—41, 160, BM 7; Grammenos ed. 2007: 220, no. Iγ; Zimi 2011: 81—82; 217—218, no. 172). Это единственный медальон с изображением горгонейона на таких сосудах. Еще один горгонейон украшает с внешней стороны атташ с кольцом бронзовой патеры из гробницы В в Дервени (см. Приложение 1, № 4). Близкое изображение представлено на золотой броше из погребения третьей четверти IV в. до н.э. в Копаносе, Македония (Misaclidou-Despotidou 1990: 131, 140, fig. 13; Kat. Hannover 1994: 265, Nr. 336—337).

Медальон с горгонейоном украшает дно серебряной патеры неизвестного происхождения, которая была продана на аукционе Кристиз в 2012 (см. Приложение 1, № 18). Использовались

медальоны-горгонеионы и для украшения дна южноиталийских (каленских) чаш III в. до н.э., которые явно следовали прототипам из металла (Pagenstecher 1909: 12—13, 66, Nr. 87—88, Taf. IV: b; Kotitsa 1998: 27—28, Nr. 26, Taf. 12; 105—106, Nr. 83, Taf. 48). Медальоны в виде горгонеионов помещены на дне на внутренней стороне двух серебряных фиал из тризны кургана № 11/1977 у Ново-Александровки на Нижнем Дону (Cat. Paris 2001: 192—193, nos. 210—215: шесть из семи предметов); Кат. Москва 2005: 24, № 27—31; Трейстер 2007: 36; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—135, № 44—49; Kat. Leoben 2009: 252—257, Nr. 105—110; Трейстер 2010b: 80, рис. 9), датирующейся не позднее третьей четверти I в. н.э.⁴

Изображения головы Медузы в греческом искусстве украшали различные предметы: монеты, керамику, прежде, всего килики, доспех (щиты и поножи), элементы архитектурного декора (антефиксы), а также произведения тореветики и ювелирные изделия (s.v. Gorgo, Gorgones, LIMC IV 1988, 285—330, I. Krauskopf; Zimi 2011, 81—82; Karoglou 2018, 1—27; Lazarou 2019, 1—14). На протяжении позднеклассического периода происходит переход от архаического устрашающего типа горгонеиона сначала к так называемому «среднему» V—IV в. до н.э. (s.v. Gorgo, Gorgones, LIMC IV 1988: 295—296, Nr. 80—106, I. Krauskopf) и затем «красивому» (Ducrey, Metzger 1979: 14—15, Nr. 1, Taf. 5: 1; s.v. Gorgo, Gorgones, LIMC IV 1988: 296—299, Nr. 107—145; Schwarzmaier 1997: 146—147, 336, Nr. 249, Taf. 77: 2; Zimi 2011, 81; Karoglou 2018, 11) и медальон патеры из Частых курганов относится именно к такому типу, представленному также на золотых бляхах, украшениях кирасы, из гробницы II в Вегине (Andronicos 1984: 190, figs. 152—153; Cat. Oxford 2011: 54, fig. 38; 91, fig. 77; 241, no. 91; Touloumidzou 2011: pl. 38: β; Kottaridi 2013: 14, 216), на золотом медальоне из македонской гробницы в Фойника в Салониках (Cat. New York 2004: 130, no. 17), на терракотовой сине из Месембрии, датированной второй четвертью IV в. до н.э. (Cat. Paris 2015: 304, no. 259), на фреске из македонской гробницы в Агиос Анастасиос (Cat. Paris 2011: 415, fig. 80), и на хранящейся в Берлине бронзовой матрицы италийской работы IV в. до н.э. (Treister 2001: 217—218, fig. 83: I), впрочем, прическа Медузы на указанных выше изображениях отличается от прически на медальоне патеры из Частых курганов. Ближе всего прическа — на терракотовом рельефе из Киренаики в собрании Британского музея, который датируют IV в. до н.э. (s.v. Gorgo, Gorgones, LIMC IV, 1988: 297, Nr. 123, I. Krauskopf).

Бляшки с изображениями головы Медузы получают большую популярность в Северном Причерноморье, как на Боспоре⁵, так и в Скифии (Русяева 2002: 212—218; Бидзиля, Полин 2012: 504, № 318, рис. 763; Величко, Полидович 2018: 140, рис. 1: I; 141, № 2), в IV в. до н.э., и хотя здесь представлены образцы с изображением как устрашающей, так и «красивой» Медузы, однако и среди них нет образцов близких по трактовке прически представленному на публикуемой патере.

⁴ Определения Д.В. Журавлева, который подготовил статью о краснолаковых сосудах из комплексов Азиатской Сарматии для материалов проекта. — Ново-Александровка: фрагменты кувшина, орнаментированного в стиле *en barbotine* (Азов, АИАПМЗ, инв. № 18102/141) середины—третьей четверти I в. н.э. (ср. Пуздровский 2007: 170—171, табл. 165: 3—4).

⁵ См., например, публикации бляшек из Куль-Обы с обзорами находок: Копейкина 1986: 45—46, № 12—14; Журавлев и др. 2014: 84—93, № 24—28, 67. — Из коллекции Мерля де Массоно: Greifenhagen 1970: 51, Taf. 27: 17—22. См. также бляшки, вероятно, происходящие из других регионов: Laffineur 1980: 347, no. 52, fig. 51; Kat. München 2001: 262, Nr. 96. — Золотая бляшка середины IV в. до н.э. из мавзолея в Галикарнасе: Bundgaard Rasmussen 1998: 67, 69, col. pl. 10, no. 20; Jeppesen 2000: 125, 133, no. 14. Из датирующегося IV в. до н.э. погребения 4В в Солой на Кипре происходит золотая подвеска с тисненным горгонеионом: Kaba 2015: 49, 50, figs. 11—12.

4. Еще раз о македонских бронзовых сосудах в Северном Причерноморье и Скифии

В Причерноморье бронзовые сосуды такой формы до сих пор были не известны, при том, что находки бронзовых сосудов македонско-фракийского круга IV в. до н.э. представлены и в Скифии, и на Боспоре (Трейстер 2002: 181; 2012: 629—632, 637; 2020: 160—166; Treister 2003: 64—66, fig. 13). Бронзовая биконическая ойнохоя из кургана № 9/1909 Елизаветовского могильника (Миллер 1910: 112—113, рис. 118), датированного амфорным материалом ок. 390-х гг. до н.э. (Монахов 1999: 165—167), и бронзовый аритер из Елизаветовского городища (Трейстер 2020: 160—166), предположительно происходящий из комплекса, связанного с оптовой торговлей, маркирует один из возможных путей проникновения довольно многочисленных бронзовых сосудов фрако-македонского круга в Скифию (Трейстер 2006: 142—145; 2010а: 234—236; 2012: 637; 2018: 308—310, 320—321). Наряду с найденным в более позднем комплексе — в кладе из Левои Россоси бронзовым котлом (Трейстер 2019: 167—171, рис. 11), патера из Частых курганов свидетельствует о том, что таким путем бронзовая македонская (фракийская) посуда могла попадать и на Средний Дон.

Вместе с тем, учитывая относительную редкость бронзовых (серебряных) патер в Македонии и Фракии во второй половине IV — начале III в. до н.э. и их находки в очень богатых комплексах, в том числе царских погребениях в Вергине и Голямата Косматка, нельзя исключить возможность иного пути для патеры из Частых курганов. В Македонии и Фракии такие патеры, вместе с ойнохоями были частью сервизов для банкетов (Goreski 2006: 377—385; Teleaga 2008: 327—333), поэтому и в данном случае, такой сосуд, у которого, возможно, изначально была пара (ойнохоя), мог быть и дипломатическим подарком.

Если обратиться к находкам предметов фрако-македонского круга в скифских погребениях на Среднем Дону, вырисовывается следующая картина.

Даже в том случае, если согласится с современным определением парадного шлема из кургана № 2/1908 у с. Мастюгино не как фракийского, как считала А.П. Манцевич (Либеров 1965: табл. 20: 3. 4. 7. 11; Манцевич 1969: 104—113; 1973: 29, рис. 8. Ср. Горелик 1983: 14—29; Treister 2001: 114—115; Ognenova, Stoyanov 2005: 524, table 1, 6; Алексинский 2013: 64—66), а греческого или итальянского так наз. группы Конверсано, украшение в форме рельефной маски Пана или Силена (по опубликованным изображениям неясно были ли на маске рога) (А.П. Манцевич называет его «фантастическим существом») (Макаренко 1911: 64—65, № 30, табл. V: 1; Либеров 1965: табл. 20: 4; Манцевич 1969: 104—107, рис. 1: 1; 2: 3; Pfrommer 1983: 256, Abb. 18; 257), найденное с другими элементами шлема, обнаруживает ближайшие параллели на бронзовых стамноидных ситулах из Греции (Touloumtzidou 2011: 388, πίν. 31: στ), Македонии (Touloumtzidou 2011: 388, 395—396, nos. 5, 9, 10; πίν. 30: ζ, η; 31: ε, ζ; Sideris 2016: 218, 220) и Фракии (Touloumtzidou 2011: 385, πίν. 30, θ)⁶, на атташах ручки серебряной ойнохои (Andronicos 1984: 152—153, figs. 115—116; Vokotopoulou 1997: 158—159, pls. 159—160; Cat. New York 2004: 74, no. 1; Cat. Oxford 2011: 189—190, no. 475, fig. 219; Cat. Paris 2011: 284—285, no. 158/2; Kottaridi 2013: 246, 248) и на бронзовой курильнице или вместилище светильника (lychnouchos) из гробницы II в Вергине (Andronicos 1984: 162—163, figs. 130—131; Vokotopoulou 1997: 157, pl. 158; Cat. Oxford 2011: 138, fig. 155; Touloumtzidou 2011: 388, πίν. 31: η; Kottaridi 2013: 238—239; Sideris 2016: 218, fig. 87: a—b). Из 15 находок таких серебряных и бронзовых ситул с территории Балканского полуострова — восемь происходят из Македонии (Zimmermann 1998: 48—49, 165—166, Nr. STM 1—17), включая

⁶ См. также ситулу из коллекции В. Божкова: Sideris 2016, 217—220, no. 87, figs. 87.2—3.

недавнюю находку со сливом, оформленным в виде головки кабана, из некрополя Архондикио, Пелла (Chryssostomou, Chryssostomou 2004: 568, 571, fig. 16). Особенностью трактовки маски Пана / Силена из Мастюгино является завитые штопором локоны бороды, чрезвычайно близкие оформлению бороды: на стамноидной ситуле из гробницы А в Дервени (Themelis, Touratsoglou 1997: 33, no. A2; 177, fig. 48, A2, pls. 2; 34; Zimmermann 1998: 48—49, 165, Nr. STM 5; Blečić Kavur 2012: 162—163, fig. 7: 3; 2021: 230, 245, fig. 4: 1), из Злокучене (Велков 1930—31: 255, рис. 184; Venedikov, Gerassimov 1973: 339—340, Taf. 108; Venedikov 1977: 95—96, no. 3, figs. 8—10; Pfrommer 1983: 256, Abb. 19; Candela 1985: fig. 15; Zimmermann 1998: 48—49, 165, Nr. STM 10; Teleaga 2008: 447, Nr. 985, Taf. 121: 2; 122; 201: 1—3; Blečić Kavur 2012: 162—163, fig. 7: 5; 166, no. 44), Пана (Sideris 2016: 217—220, no. 87, figs. 87: 2—3) / Силена (Sideris 2016: 221—222, no. 88, figs. 88: 3; 2021: 281—282, no. 270) на масках атташей ситул из коллекции В. Божкова. Однако такие маски встречаются и на ситулах из Италии и Иллирии (Candela 1985: 38—39, figs. 7—13, 42; Blečić Kavur 2012: 162—163, fig. 7: 1—2. 6; 2021: 229—235, 246—247, fig. 6: 3; 8: 2). М. Пфроммер, специально разобравший примеры такой иконографии (Pfrommer 1983: 254—258), пришел к выводу о том, что этот мотив, появившийся в Италии, был заимствован и торевтами Македонии, и Северного Причерноморья, где оттиски таких масок были найдены в Херсонесе (Мальмберг 1892: 13, № 5, илл.; Pfrommer 1983: 256, Abb. 21; 257).

В меньшей степени дискуссионно происхождение еще одной находки из Мастюгино — серебряного сосуда с изображением человеческого лица, который был определен А.П. Манцевич как изделие из Подунавья VII—VI вв. до н.э. (Манцевич 1958: 315—333; 1973, рис. 5: 1; Гуляев 2010: 38, 285, рис. 1), но, на мой взгляд справедливо сопоставлен (Ботева 2017: 127—141) (по оформлению лица с горизонтальными позолоченными полосками) с наколенниками, найденными во фракийских / гетских комплексах второй половины IV в. до н.э. в Могиланской могиле во Враце и Аджигиоле (наколенник № 2).

В любом случае патера из Частых курганов вписывается в круг находок предметов фракийской узды⁷ и изделий фракийской и македонской торевтики, найденных в погребениях скифской знати на Среднем Дону.

⁷ Серебряные бляхи-нащечники из кургана № 2/2000 у с. Колбино: Гуляев 2001: 138—140; 2004: 19—20, рис. 7; 2008: 165; 2010: 65—66; 2019: 60; Шевченко 2009: 27, 65, рис. 4: 1—2. — Нащечники и наносники из кургана № 11 группы Частые курганы: Замятнин 1946: 42, рис. 31: 1—4; Гуляев 2004: 20; 2008: 164—165; 2010: 66; 2019: 60.

Приложение 1.**Бронзовые, серебряные и терракотовые патеры с ручками с головками баранов****Бронза****Македония**

- 1) Арзос. В. 7 см. Дм. по краю 29 см (Triantafyllos 1975: 302, no. 4, pl. 205d; Cat. Thessaloniki 1978: 107, no. 461; Gorecki 2006: 381, Abb. 4: 2; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.6; Touloumtzidou 2011: 616, no. 1, πίν. 85: α; Kottaridi 2013: 344, внизу).
- 2) Вергина, гробница II. В. 7,3 см, дл. с ручкой 43,3 см, дм. по краю 24,2 см (Andronicos 1984: 157, fig. 123; Gorecki 2006: 383, 384, Abb. 7: 2; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.10; Cat. Oxford 2011: 192, figs. 221—222 (S. Drougou), 240, no. 88; Touloumtzidou 2011: 617, no. 6, πίν. 85: ζ; Kottaridi 2013: 214, внизу).
- 3) Дервени. Гробница А. В. 7,8 см, дм. по краю 27,8 см, общ. длина 44,0 см (Themelis, Touratsoglou 1997: 32, no. A8, πίν. 33; Gorecki 2006: 380, 381, Abb. 3: 4; Grammenos ed. 2007: 248, no. 5; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.7; Touloumtzidou 2011: 617, no. 4, πίν. 85: β).
- 4) Дервени. Гробница В. В. 7,7 см, дм. по краю 28 см, общ. длина 44,0 см (Themelis, Touratsoglou 1997: 72, no. B36, πίν. 76; Gorecki 2006: 379, Abb. 2, 2; Grammenos ed. 2007: 241, no. 10; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.7; Touloumtzidou 2011: 617, no. 5, πίν. 85: γ).
- 5) Пидна, южный некрополь, Алики Китрос, поле К. Хрисосоидиса, погребение № 35. В. 4,8 см, дм. по краю 25,4 см, дл. с ручкой 39,7 см (Bessios, Pappa 1995: πίν. 86D; Cat. New York 2004: 83, no. 15; Gorecki 2006: 386, Abb. 8; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.8; Bessios 2010: 217; Touloumtzidou 2011: 617, no. 8, πίν. 84: δ; Cat. Paris 2011: 404, no. 257.2).
- 6) Аллатине. Дм. по краю 27,8 см, дм. дна 21,0 см, в. 4,7 см, дл. с ручкой 41,6 см (Touloumtzidou 2011: 617, no. 2).

Фракия

- 7) Курган Наип в районе Текирдага. В. 7,8 см, общ. длина 41,0 см, дм. по краю 29,0 см, дм. дна 16,9 см. атташ — в. 7,3 см, шир. 5,1 см (Delemen 2004: 76—81, no. 4.3.2, figs. 67—73; 2006: 262—263, 266, fig. 15; Touloumtzidou 2011: 612, pl. 84: β—γ).
- 8) Амфиполь. Не опубликована, упомянута (Zimi 2011: 59).
- 9) Голямата Косматка. В. 7,4 см, дм. дна 17,5 см, дм. по краю 27,7 см, ручка: дл. 14,4 см, сечение 2,2 см. Атташ: в. 4,8 см, шир. 4,5 см, выс. рельефа 2,3 см (Dimitrova 2006: 108, no. 29; Димитрова 2015: 202—204, рис. 162; патера: 289—293, № 43, аппликация: 308—310, № 60, рис. 252—253 с датировкой 320—290 гг.).
- 10) Розовец (Рахманлидж), центральный курган, находка 1851 г. (Filow 1934: 159—160; Archibald 1998: 334).

Место находки неизвестно

- 11) Мюнхен, Античное собрание. В. 6,8 см, Дм. дна 17,7 см, дм. по краю 27,4 см. Атташ в форме головы Силена: в. 6,6 см, шир. 5,9 см (Pfister-Haas 2019: 100—101, Abb. 8.1; 8.17—19; 265—266, Nr. 139).

- 12) София, коллекция В. Божкова. В. 7,4—7,7 см, внешний дм. по краю 29,5 см. Атташ в форме головы Геракла с узлом из лап льва: 5,3 × 4,9 см (Sideris 2015: 53—55, no. 4.3, figs. 61—64; 2016: 239—240, no. 95, figs. 95: 1—4).

Отдельные (сохранившиеся) находки бронзовых ручек

- 13) Вырбица (Filow 1934: 177, Abb. 196; 178, Nr. 10; Archibald 1998: 334; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.1; 456, Nr. 1046, Taf. 112: 1; 193: 8; Touloumtzidou 2011: 612, πίν. 84: ε).
- 14) Ресилово (Димитрова-Тонкова 1992: 139—140, № 7, рис. 6; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.3; Tonkova 2013: 420, fig. 18).
- 15) Даблагоми (Lordkipanidze 1974: 936, 939, fig. 28; 1995: Taf. 75, 2; Толордава 1977: 50, № 11; Лордкипанидзе и др. 1983: № 563, табл. 59; Zimi 2011: 59; Touloumtzidou 2011: 609, 612, πίν. 84στ; Odisheli 2019: 380).

Серебро

- 16) Вергина, гробница III. Дл. общая с ручкой 41,5 см (Andronicos 1984: 209, 213, figs. 181—182; Vokotopoulou 1997: 161, pl. 163; 263; Gorecki 2006: 382, Abb. 5, 1—2; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.10; Zimi 2011: 59, 198, no. 34; Touloumtzidou 2011: 616, πίν. 84: α; Kottaridi 2013: 324—325).
- 17) Кирк Килисе, дм. 13 см (Joubin 1898: 34, inv.-no. 196 (297); Archibald 1998: 334).
- 18) Происхождение неизвестно. Окончание ручки в форме головы Медузы. Дл. общая с ручкой 41,5 см. Christies Live Auction 2565 Antiquities, Lot 87 (christies.com: 1).

Керамика

- 19) Энея, курган А, погребение 3 (Vokotopoulou 1990: 60—61, 76, fig. 27, pl. 34; Gorecki 2006: 378, Abb. 1; Teleaga 2008: 277, Nr. 5.4.14.5; Cat. Paris 2011: 315, no. 196/9; Sideris 2016: 240, fig. 95b).

Литература

- Алексинский Д.П. 2013. *Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.
- Ботева Д. 2017. Тракийските сребърни наколенници(?) и сребърният съд от Мاستюгино — възможности за алтернативна интерпретация. *Древности* 15, 127—141.
- Величко Е.А., Полидович Ю.Б. 2018. Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко. *АДИУ* 2 (27), 138—154.
- Велков И. 1930—31. Могилни гробни находки отъ Дуванлий. *ИАИ* VI, 1—44.
- Горелік М.В. 1983. Про «фракійські» шоломи. *Археологія* 44, 14—29.
- Гуляев В.И. 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000*. Москва: Институт археологии РАН, 18—53.
- Гуляев В.И. 2004. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003*. Москва: Институт археологии РАН, 7—25.
- Гуляев В.И. 2008. «Престижные» вещи из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Проблемы современной археологии*. Москва: Таус, 155—173.
- Гуляев В.И. 2010. *На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов)*. Москва: Институт археологии РАН.
- Гуляев В.И. 2019. «Будиния или Скифия?» Этнокультурная принадлежность населения Среднего Дона в V—IV вв. до н.э. *АДИУ* 2 (31), 53—66.
- Гуляев В.И., Володин С.А., Шевченко А.А. 2020а. Раскопки кургана № 9 могильника Девица V. В: Ивашов М.В. (отв. ред.). *Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2019*. Липецк; Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 60—64.
- Гуляев В.И., Володин С.А., Шевченко А.А. 2020б. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V). *РА* 4, 21—39.
- Димитрова Д. 2015. *Гробницата на цар Севт II в могила Голяма Косматка / The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus*. София: АРОС.
- Димитрова-Тонкова М. 1992. Ранноелинистическа гробна находка от с. Ресилово, Станкедимитровско. *Годишник на НАМ* VIII, 133—143.
- Журавлёв Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея*. Москва: Государственный исторический музей.
- Замятин С.Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. *СА* VIII, 9—50.
- Кат. Москва 2005. Габуев Т.А. *Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков*. Москва: ГМИНВ.
- Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. Государственный Эрмитаж, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник*. Санкт-Петербург; Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.
- Копейкина Л.В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач Н.Л. (отв. ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 28—63, 148—155.
- Копылов В.П. 2006. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Сборник статей по материалам XI Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 70—73.
- Либеров П.Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука (САИ Д1-31).
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Качарава Д.Д., Матиашвили Н.Н., Толордава В.А., Пирцхалава М.С., Чкониа А.М., Лордкипанидзе М.Н., Гиглашвили Е.Г., Личели В.Т., Гамкрелидзе Г.А. 1983. *Античный (греческий) импорт в Вани и его окрестностях* (Вани VII. Археологические раскопки). Тбилиси: Мецниереба.
- Макаренко Н.Е. 1911. Археологические исследования 1907—1909 гг. *ИАК* 43.
- Мальмберг В.К. 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. *МАР* 7, 3—31.
- Манцевич А.П. 1958. Серебряный сосуд Мастюгинского кургана. *ААН* 9, 315—333.

- Манцевич А.П. 1969. Бронзовые пластины из второго Мастюгинского кургана. К вопросу о фракийских шлемах. *АСГЭ* 11, 104—113.
- Манцевич А.П. 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа. *АСГЭ* 15, 12—46.
- Медведев А.П. 1999: *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.* Москва: Наука.
- Миллер А.А. 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. *ИАК* 35, 86—130.
- Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары.* Саратов: Саратовский университет.
- Пузикова А.И. 1995. *Скифы Среднего Дона.* Москва: Практик-А.
- Пузикова А.И. 2017. *Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья.* Москва: Институт археологии РАН.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических.* Ленинград: Академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.
- Русяева М.В. 2002. Горгонеионы на произведениях торевтики из скифских курганов. В: Зинько В.Н. (отв. ред.). *БЧ 3. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья.* Керчь: Центр археологических исследований, 216—218.
- Савченко Е.И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001—2003 гг.* Москва: Институт археологии РАН, 151—277.
- Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке.* Москва: Наука.
- Толордава В.А. 1977. Погребение с черепичным покрытием из Даблагоми. *КСИА* 151, 48—54.
- Трейстер М.Ю. 2002. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища.* Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 180—186.
- Трейстер М.Ю. 2006. Жаровня из Гаймановой Могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н.э.). *РА* 4, 142—145.
- Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.
- Трейстер М.Ю. 2010а. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста. *ПИФК* 1 (27), 217—251.
- Трейстер М.Ю. 2010b. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *АВ* 16, 72—94.
- Трейстер М.Ю. 2012. Бронзовые сосуды из ниши северного погребения Гаймановой Могилы. В: Бидзиля В.И., Полин С.В. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф, 629—637.
- Трейстер М.Ю. 2018. Бронзовые и серебряные сосуды из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана. В: Скорый С.А., Хохоровски Я. *Большой Рыжановский курган.* Киев: Издатель Олег Филук, 308—341.
- Трейстер М.Ю. 2019. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии. *Scripta antiqua* VIII, 147—208.
- Трейстер М.Ю. 2020. Бронзовый артер из раскопок Елизаветовского городища. Еще раз о бронзовых сосудах с северных Балкан на Боспоре. *Таврические студии* 22. *Археология и история Боспора. К 125-летию открытия склепа Деметры.* Симферополь: Антиква, 160—166.
- Трофимова А.А. 2012. *Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Фирсов К.Б. 2012. Комплекс с предметами ахеменидского круга могильника Мечетсай. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 45—50.
- Шевченко А.А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008.* Москва: Институт археологии РАН, 26—112.
- Andronicos M. 1984. *Vergina: The Royal Tombs.* Athens: Ekdotike Athenon.

- Arachne.uni-koeln.de: 1: 34989: Portraittkopf Alexander des Großen. München, Glyptothek. URL: <http://arachne.uni-koeln.de/item/objekt/34989> (дата обращения 10.06.2021).
- Archibald Z.H. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford: Clarendon Press (Oxford Monographs on Archaeology).
- Barr-Sharrar B. 1982. Macedonian Metal Vessels in Perspective: Some Observations on Context and Tradition. In: Barr-Sharrar B. (ed.). *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington: National Gallery of Art, 123—139.
- Barr-Sharrar B. 2008. *The Derveni Krater. Masterpiece of Classical Greek Metalwork*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens.
- Bessios M. 2010. *Περίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Περίας*. Katerini: Εταιρεία Ανθρώπων και Φύσεως Έργα.
- Bessios M., Pappa M. 1995. *Πύδνα*. Katerini: Πιερική Αναπτυξιακή.
- Blečić Kavur M. 2012. Novovinodolski «lav»: specifičan subjekt stamnoidne situle makedonske toreutičke umjetnosti. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* ser. 3. XLV, 149—172.
- Blečić Kavur M. 2021. Mladi lavovi: Toreutički simboli reprezentacije budvanskog antičkog društva. In: Medin D. (ed.). *Antička Budva. Zbornik radova s Međunarodnog multidisciplinarnog naučnog simpozijuma po pozivu održanog u Budvi 28–30. Novembra 2018. Godine*. Budva: JU Muzeji i galerije Budve, 222—251.
- Bundgaard Rasmussen B. 1998. Gold Ornaments from the Mausoleum at Halikarnassos. In: Williams D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: The British Museum Press, 66—72.
- Candela M. 1985. Situle metalliche e ceramiche a beccuccio nel IV e II secolo a. C.: Origine e diffusione. *Bulletin antieke Beschaving* 60, 24—71.
- Cat. New York 2004. Pandermalis D. (ed.). *Alexander the Great: Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation.
- Cat. Oxford 2011. Galanakis Y. (ed.). *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford: Ashmolean Museum.
- Cat. Paris 2001. Schiltz V. (ed.). *L'or des Amazones*. Paris: Editions Findakly; Paris musées.
- Cat. Paris 2011. Descamps-Lequime S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Somogy; Musée du Louvre.
- Cat. Paris 2015. Martinez J.-L. (ed.). *L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C.* Paris: Somogy.
- Cat. Thessaloniki 1978. Ninou K. (ed.). *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue*. Thessaloniki: Archaeological Museum.
- Christies.com: 1: A Greek parcel gilt silver patera. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5567227> (дата обращения 10.06.2021).
- Chrysostomou A., Chrysostomou P. 2004. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού κατά το 2004. *ΑΕΜΘ* 18, 561—572.
- Delemen İ. 2004. *Tekirdağ Naip tümülüsü*. İstanbul: Ege Yayınları.
- Delemen I. 2006. An Unplundered Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace. *AJA* 110.2, 251—273.
- Dimitrova D. 2006. Annotations to the Catalogue. In: Fol V. (ed.). *The Thracian Cosmos — the Sacred Realm of Kings*. Sofia: Professor Alexander Fol Inst. Of Thracology of the Bulgarian Acad. Of Sciences, 96—111.
- Ducrey P., Metzger I. 1979. Funde aus dem Haus mit Mosaiken. *Antike Kunst* 22 (1), 14—21.
- Filow B. 1934. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlj in Südbulgarien*. Sofia: Staatsdruckerei.
- Gorecki J. 2006. Frühformen von Kanne und Griffschale in nordgriechischen Gräbern des ausgehenden 4. Jahrhunderts v. Chr. In: Seitz G. (Hrsg.). *Im Dienste Roms: Festschrift für Hans Ulrich Nuber*. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 377—390.
- Grammenos D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessalonike: ΖΗΤΡΟΣ.
- Greifenhagen A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann.
- Jeppesen K. 2000. *The Quadrangle. The Foundations of the Maussolleion and its Sepulchral Compartments*. Copenhagen: Carlsberg Foundation (The Maussolleion at Halikarnassos 4).
- Joubin A. 1898. *Bronzes et bijoux. Catalogue sommaire*. Constantinople: Loeffler.
- Kaba H. 2015. Soli (Kibriz) Nekropolü'nden Klassik Dönem Tarihli Bir Grup Cenaze Takisi. *KUBABA* 12.24, 45—58.
- Karoglou K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art* 75.3.
- Kat. Hannover 1994. Vokotopoulou I. (Hrsg.). *Makedonen die Griechen des Nordens*. Athen: Kultusministerium.

- Kat. Leoben 2009. Seipel W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.
- Kat. Mannheim 2009. Hansen S., Wiczorek A., Tellenbach M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell & Steiner.
- Kat. München 2001. Wamser L., Gebhard R. (Hrsg.). *Gold. Magie, Mythos, Macht. Gold der Alten und Neuen Welt*. Stuttgart: Arnoldsche.
- Kiilerich B. 2018. The Head Posture of Alexander the Great. *Acta ad archaeologiam et trium historiam pertinentia* 29, 1—23. DOI: 10.5617/acta.6074.
- Knauss F., Schulze H. 2013. Das Alexanderporträt. In: Gebhard R., Rehm E., Schulze H. (Hrsg.). *Alexander der Große. Herrscher der Welt*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 175—179.
- Kotitsa Z. 1998. *Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg*. Würzburg: Ergon Verlag.
- Kottaridi A. 2013. *Aigai. The Royal Metropolis of the Macedonians*. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation.
- Laffineur R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains. *BCH* 104, 345—457.
- Lazarou A. 2019. Golden Gorgon-Medousa Artwork in Ancient Hellenic World. *Scientific Culture* 5.1, 1—14.
- Lordkipanidze O. 1974. La Géorgie et le monde grec. *BCH* 98.2, 897—948.
- Lordkipanidze O.D. 1995. Vani — ein antikes religiöses Zentrum im Lande des goldenen Vlieses (Kolchis). *JbRGZM* 42.2, 353—401.
- Misailidou-Despotidou V. 1990. Από το νεκροταφείο της αρχαίας Μιέζας. *AEMΘ* 4, 127—141.
- Odisheli M. 2019. The Cult of Dionysus in Ancient Georgia. In: Braund D., Hall E., Wyles R. (eds.). *Ancient Theatre and Performance Culture Around the Black Sea*. Cambridge: Cambridge University Press, 373—399.
- Ognenova L., Stoyanov T. 2005. The Chalcidian Helmets and the Origin of the North Thracian Ceremonial Armour. In: Rabadjiev K. (ed.). *Stephanos archaeologicos: in honorem Professoris Ludmili Getov*. Sofia: Universitetsko Izdatelstvo «Sv. Kliment Ochidski», 519—539 (Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis IV).
- Pagenstecher R. 1909. *Die calenische Reliefkeramik* (JDI Erg.-H. 8). Berlin: Georg Reimer.
- Pfister-Haas S. 2019. *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen*. München: Staatliche Antikensammlungen (Staatliche Antikensammlungen München 2).
- Pfrommer M. 1983. Italien—Makedonien—Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik. *JdI* 98, 235—285.
- Rostowzew M.I. 1931. *Skythien und der Bosphorus. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen*. Berlin: H. Schoetz & Co. GmbH.
- Ščeglov A.N. 2002. Cult Sculpture, Altars, Sacred Vessels and Votives. In: Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. (eds.). *Panskoye I. 1. The Monumental Building U6*. Aarhus: Aarhus University Press, 213—227.
- Schulze H. 2020. Die frühen Alexanderbildnisse. In: Pangerl A. (Hrsg.). *Portraits. 400 Years of Hellenistic Portraits / 400 Jahre hellenistische Portraits*. München: Staatliche Münzsammlung, 231—246.
- Schwarzmaier A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Gebr. Mann. (Athenische Mitteilungen Beiheft. Bd. 18).
- Seefried M. 1982. *Les pendentifs en verre sur noyau des pays de la Méditerranée antique*. Rome: École française de Rome (Collection de l'École Française de Rome 57).
- Sideris A. 2015. *Theseus in Thrace. The Silver Lining on the Clouds of the Athenian-Thracian Relations*. Sofia: The Thrace Foundation.
- Sideris A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. I. Sofia: The Thrace Foundation.
- Sideris A. 2021. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. II. Sofia: The Thrace Foundation.
- Smith R.R.R. 1988. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford: Oxford University Press.
- Stewart A. 1993. *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley: University of California Press.
- Stewart A. 2003. Alexander the Great in Greek and Roman Art. In: Roisman J. (ed.). *Brill's Companion to Alexander*. Leiden: E.J. Brill, 31—66.
- Teleaga E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden: Verlag Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 23).
- Themelis P., Touratsoglou I. 1997. *Οι Τάφοι του Δερβενίου*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.
- Tonkova M. 2013. Gold Wreaths from Thrace. In: Sirbu V., Ștefănescu R. (eds.). *The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th Congress of Thracology, Târgoviște, 10th — 14th September 2013*. Vol. II. *Necropolises, Cult places, Religion, Mythology*. Brașov: Editura Istros, 413—445.

- Touloumtzidou A. 2011. *Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο*. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης.
- Treister M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).
- Treister M. 2003. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh. *AWE* 2.1, 51—77.
- Triantafyllos D. 1975. Αρχαιότητες και μνημεία Θράκης. *ADelt* 30.B2, 294—305.
- Venedikov I. 1977. Les situles de Bronze en Thrace. *Thracia* 4, 59—103.
- Venedikov I., Gerassimov T. 1973. *Thrakische Kunst*. Wien, München: Schroll.
- Vokotopoulou I. 1990. *Οι ταφικοί τύμβοι της Αιγείας*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.
- Vokotopoulou J. 1997. *Αργυρά και χάλκινα έργα τέχνης στην αρχαιότητα*. Athens: Εκδοτική Αθηνών.
- von den Hoff R. 2009. Alexanderporträts und Bildnisse frühhellenistischer Herrscher. In: Hansen S., Wieczorek A., Tellenbach M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell & Steiner, 47—53.
- von den Hoff R. 2014. Neues im «Alexanderland»: Ein frühhellenistisches Bildnis Alexanders des Grossen. *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft* 17, 209—245.
- Zimi E. 2011. *Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia*. Oxford: Oxford University Press (Oxford Monographs on Classical Archaeology).
- Zimmermann N. 1998. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit*. Rahden: Verlag Marie Leidorf.

References

- Aleksinskiy, D.P. 2013. *Antichnoe vooruzhenie v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Ancient Arms and Armament in the Collection of the State Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
- Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial-mound Gaymanova Mogila)*. Kiev: Skif (in Russian).
- Boteva, D. 2017. In *Drevnosti (Antiquities)* 15, 127—141 (in Bulgarian).
- Velichko, E.A., Polidovich, Yu.B. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 2 (27), 138—154 (in Russian).
- Velkov, I. 1930—31. In *Izvestiya na Natsionalniya arkheologicheski institut (Bulletin of the National Archaeological Institute)* VI, 1—44 (in Bulgarian).
- Gorelik, M.V. 1983. In *Arkheologiya (Archaeology)* 44, 14—29 (in Ukrainian).
- Gulyaev, V.I. 2001. In: Gulyaev, V.I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993—2000 (The Archaeology of the Middle Don in the Scythian Period. Proceedings of the Potudan Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 1993—2000)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 18—53 (in Russian).
- Gulyaev, V.I. 2004. In: Gulyaev, V.I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001—2003 (The Archaeology of the Middle Don in the Scythian Period. Proceedings of the Potudan Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 2001—2003)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 7—25 (in Russian).
- Gulyaev, V.I. 2008. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii (The Problems of the Modern Archaeology)*. Moscow: Taus, 155—173 (in Russian).
- Gulyaev, V.I. 2010. *Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) (On the Eastern Frontiers of Scythia (the Antiquities of the Don Scythians))*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gulyaev, V.I. 2019. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 2 (31), 53—66 (in Russian).
- Gulyaev, V.I., Volodin, S.A., Shevchenko, A.A. 2020a. In: Ivashov, M.V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e. 2019 (Archaeological Investigations in the Central Black Earth Region. 2019)*. Lipetsk, Voronezh: Poligraphic edition “Novyi vzglyad”, 60—64 (in Russian).
- Gulyaev, V.I., Volodin, S.A., Shevchenko, A.A. 2020b. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 21—39 (in Russian).

- Dimitrova, D. 2015. *Grobnitsata na tsar Sevt II v mogila Golyama Kosmatka / The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus*. Sofia: AROS (in Bulgarian / English).
- Dimitrova-Tonkova, M. 1992. In *Godishnik na natsionalniya arheologicheski muzey (A Yearbook of the National Archaeological Museum)* VIII, 133—143 (in Bulgarian).
- Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya (Items of Jewellery from Kul'-Oba Burial-mound in the Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Zamyatin, S.N. 1946. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* VIII, 9—50 (in Russian).
- Cat. Moscow 2005. Gabuev, T.A. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I—XII vekov (Alanian Horseman. The Treasures of the Princes of the 1st — 12th Centuries)*. Moscow: State Museum of Arts of the Peoples of the Orient (in Russian).
- Cat. Saint Petersburg 2008. *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo. Gosudarstvennyy Ermitazh, Azovskiy istoriko-arheologicheskiy i paleontologicheskiy muzey-zapovednik (The Treasures of the Sarmatians. Exhibition Catalogue. To the 100th Birthday of B.B. Piotrovskiy. State Hermitage. Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve)*. Saint Petersburg; Azov: Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve (in Russian).
- Kopeykina, L.V. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya toreutika (Ancient Toreutics)*. Leningrad: State Hermitage, 28—63, 148—155 (in Russian).
- Kopylov, V.P. 2006. In: Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseyne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya. Sbornik statey po materialam XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (International relations in the Black Sea Basin in the Scythian-Greek Period. Collection of Articles after the Materials of the XI International Scientific Conference)*. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University, 70—73 (in Russian).
- Liberov, P.D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu (Monuments of the Scythian Period in the Middle Don Region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-31) (in Russian).
- Lordkipanidze, O.D., Puturidze, R.V., Kacharava, D.D., Matiashevili, N.N., Tolordava, V.A., Pirtskhalava, M.S., Chkonia, A.M., Lordkipanidze, M.N., Gigolashvili, E.G., Licheli, V.T., Gamkrelidze, G.A. 1983. *Antichnyy (grecheskiy) import v Vani i ego okrestnostyakh (Ancient (Greek) Import in Vani and its Surroundings)* (Vani VII. Arkheologicheskie raskopki (Archaeological Excavations)). Tbilisi: Metsniereba (in Russian).
- Makarenko, N.E. 1911. In *Izvestiya arheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 43 (in Russian).
- Mal'mberg, V.K. 1892. In *Materialy po arheologii Rossii (Materials on Archaeology of Russia)* 7, 3—31 (in Russian).
- Mantsevich, A.P. 1958. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 9, 315—333 (in Russian).
- Mantsevich, A.P. 1969. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 11, 104—113 (in Russian).
- Mantsevich, A.P. 1973. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 15, 12—46 (in Russian).
- Medvedev, A.P. 1999: *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don region. Archeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Miller, A.A. 1910. In *Izvestiya arheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 35, 86—130 (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Containers)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
- Puzikova, A.I. 1995. *Skify Srednego Dona (The Scythians of the Middle Don)*. Moscow: Praktik-A (in Russian).
- Puzikova, A.I. 2017. *Pogrebal'nyy inventar' kurgannykh mogil'nikov skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Funeral Inventory of the Burial-mounds of the Scythian Period of the Middle Don Region)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Rostovtzev, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i Arkheologicheskikh (Scythia and Bosphorus. Critical Review of the Literary and Archaeological Monuments)*. Leningrad: The Academy of History of the Material Culture named after N.Ya. Marr (in Russian).
- Rusyaeva, M.V. 2002. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* 3. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (The Cimmerian Bosporus, Pontus and the Barbarian World in the Ancient and Medieval Period)*. Kerch: Center of Archaeological Research, 216—218 (in Russian).

- Savchenko, E.I. 2004. In: Gulyaev, V.I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoj arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001—2003 (The Archaeology of the Middle Don in the Scythian Period. Proceedings of the Potudan Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 2001—2003)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 151—277 (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ilike (The Sarmatians of the Ilek)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Tolordava, V.A. 1977. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 151, 48—54 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2002. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha (The Bosporan Phaenomenon. Burial Monuments and Sanctuaries)*. Pt. 2. Saint Petersburg: State Hermitage, 180—186 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2006. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 142—145 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1 (27), 217—251 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2012. In: Bidzilya, V.I., Polin, S.V. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial-mound Gaymanova Mogila)*. Kiev: Skif, 629—637 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018. In: Skoryy, S.A., Khokhorovski, Ya. *Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan (The Great Ryzhanovka Burial-mound)*. Kiev: Oleg Filyuk, 308—341 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2019. In *Scripta antiqua* VIII, 147—208 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020. In *Tavricheskie studii (Tauric Studies)* 22. *Arkheologiya i istoriya Bospora. K 125-letiyu otkrytiya sklepa Demetry (Archaeology and History of the Bosporus. To the 125th Anniversary of the Discovery of Demeter Vault)*, 160—166 (in Russian).
- Trofimova, A.A. 2012. *Imitatio Alexandri. Portrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve epokhi ellinizma (Imitatio Alexandri. The Portraits of Alexander of Macedon and Mythological Images in the Art of the Hellenistic Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
- Firsov, K.B. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE))*. Vol. 2. Moscow: Taus, 45—50 (in Russian).
- Shevchenko, A.A. 2009. In: Gulyaev, V.I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004—2008 (The Archaeology of the Middle Don in the Scythian Period. Proceedings of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 2004—2008)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 26—112.
- Andronicos, M. 1984. *Vergina: The Royal Tombs*. Athens: Ekdotike Athenon.
- arachne.uni-koeln.de: 1: 34989: Portraitkopf Alexander des Großen. München, Glyptothek. URL: <http://arachne.uni-koeln.de/item/objekt/34989> (дата обращения 10.06.2021).
- Archibald, Z.H. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford: Clarendon Press (Oxford Monographs on Archaeology).
- Barr-Sharrar, B. 1982. Macedonian Metal Vessels in Perspective: Some Observations on Context and Tradition. In: Barr-Sharrar, B. (ed.). *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington: National Gallery of Art, 123—139.
- Barr-Sharrar, B. 2008. *The Derveni Krater. Masterpiece of Classical Greek Metalwork*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens.
- Bessios, M. 2010. *Περὶ δὸν στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη καὶ οἱ ἀρχαιότητες τῆς βόρειας Περείας*. Katerini: Εταιρεία Ἀνθρώπων καὶ Φύσεως Ἑργα.
- Bessios, M., Pappa, M. 1995. *Πύδνα*. Katerini: Περικὴ Ἀναπτυξιακή.
- Blečić Kavur, M. 2012. Novovinodolski “lav”: specifičan subjekt stamnoidne situle makedonske toreutičke umjetnosti. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* ser. 3. XLV, 149—172.
- Blečić Kavur, M. 2021. Mladi lavovi: Toreutički simboli reprezentacije budvanskog antičkog društva. In: Medin, D. (ed.). *Antička Budva. Zbornik radova s Međunarodnog multidisciplinarnog naučnog simpozijuma po pozivu održanog u Budvi 28–30. Novembra 2018. Godine*. Budva: JU Muzeji i galerije Budve, 222—251.
- Bundgaard Rasmussen, B. 1998. Gold Ornaments from the Mausoleum at Halikarnassos. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: The British Museum Press, 66—72.
- Candela, M. 1985. Situle metalliche e ceramiche a beccuccio nel IV e II secolo a. C.: Origine e diffusione. *Bulletin antieke Beschaving* 60, 24—71.

- Cat. New York 2004. Pandermalis, D. (ed.). *Alexander the Great: Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation.
- Cat. Oxford 2011. Galanakis, Y. (ed.). *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford: Ashmolean Museum.
- Cat. Paris 2001. Schiltz, V. (ed.). *L'or des Amazones*. Paris: Editions Findakly; Paris musées.
- Cat. Paris 2011. Descamps-Lequime, S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Somogy; Musée du Louvre.
- Cat. Paris 2015. Martinez, J.-L. (ed.). *L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C.* Paris: Somogy.
- Cat. Thessaloniki 1978. Ninou, K. (ed.). *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue*. Thessaloniki: Archaeological Museum.
- christies.com: 1: A Greek parcel gilt silver patera. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5567227> (дата обращения 10.06.2021).
- Chrysostomou, A., Chrysostomou, P. 2004. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού κατά το 2004. *AEMΘ* 18, 561—572.
- Delemen, İ. 2004. *Tekirdağ Naip tümülüsti*. İstanbul: Ege Yayinlari.
- Delemen, I. 2006. An Unplundered Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace. *AJA* 110.2, 251—273.
- Dimitrova, D. 2006. Annotations to the Catalogue. In: Fol, V. (ed.). *The Thracian Cosmos — the Sacred Realm of Kings*. Sofia: Professor Alexander Fol Inst. of Thracology of the Bulgarian Acad. of Sciences, 96—111.
- Ducry, P., Metzger, I. 1979. Funde aus dem Haus mit Mosaiken. *Antike Kunst* 22 (1), 14—21.
- Filow, B. 1934. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien*. Sofia: Staatsdruckerei.
- Gorecki, J. 2006. Frühformen von Kanne und Griffschale in nordgriechischen Gräbern des ausgehenden 4. Jahrhunderts v. Chr. In: Seitz, G. (Hrsg.). *Im Dienste Roms: Festschrift für Hans Ulrich Nuber*. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 377—390.
- Grammenos, D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessalonike: ΖΗΤΡΟΣ.
- Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann.
- Jeppesen, K. 2000. *The Quadrangle. The Foundations of the Maussoleion and its Sepulchral Compartments*. Copenhagen: Carlsberg Foundation (The Maussoleion at Halikarnassos 4).
- Joubin, A. 1898. *Bronzes et bijoux. Catalogue sommaire*. Constantinople: Loeffler.
- Kaba, H. 2015. Soli (Kibriz) Nekropolü'nden Klassik Dönem Tarihli Bir Grup Cenaze Takisi. *KUBABA* 12.24, 45—58.
- Karoglou, K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art* 75.3.
- Kat. Hannover 1994. Vokotopoulou, I. (Hrsg.). *Makedonen die Griechen des Nordens*. Athen: Kultusministerium.
- Kat. Leoben 2009. Seipel, W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.
- Kat. Mannheim 2009. Hansen, S., Wieczorek, A., Tellenbach, M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell & Steiner.
- Kat. München 2001. Wamser, L., Gebhard, R. (Hrsg.). *Gold. Magie, Mythos, Macht. Gold der Alten und Neuen Welt*. Stuttgart: Arnoldsche.
- Kiilerich, B. 2018. The Head Posture of Alexander the Great. *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 29, 1—23. DOI: 10.5617/acta.6074.
- Knauss, F., Schulze, H. 2013. Das Alexanderporträt. In: Gebhard, R., Rehm, E., Schulze, H. (Hrsg.). *Alexander der Große. Herrscher der Welt*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 175—179.
- Kotitsa, Z. 1998. *Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg*. Würzburg: Ergon Verlag.
- Kottaridi, A. 2013. *Aigai. The Royal Metropolis of the Macedonians*. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation.
- Laffineur, R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains. *BCH* 104, 345—457.
- Lazarou, A. 2019. Golden Gorgon-Medousa Artwork in Ancient Hellenic World. *Scientific Culture* 5.1, 1—14.
- Lordkipanidze, O. 1974. La Géorgie et le monde grec. *BCH* 98.2, 897—948.
- Lordkipanidze, O.D. 1995. Vani — ein antikes religiöses Zentrum im Lande des goldenen Vlieses (Kolchis). *JbRGZM* 42.2, 353—401.
- Misailidou-Despotidou, V. 1990. Από το νεκροταφείο της αρχαίας Μίεζας. *AEMΘ* 4, 127—141.

- Odisheli, M. 2019. The Cult of Dionysus in Ancient Georgia. In: Braund, D., Hall, E., Wyles, R. (eds.). *Ancient Theatre and Performance Culture Around the Black Sea*. Cambridge: Cambridge University Press, 373—399.
- Ognenova, L., Stoyanov, T. 2005. The Chalcidian Helmets and the Origin of the North Thracian Ceremonial Armour. In: Rabadjiev, K. (ed.) *Stephanos archaeologicos: in honorem Professoris Ludmili Getov*. Sofia: Universitetsko Izdatelstvo “Sv. Kliment Ochidski”, 519—539 (Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis IV).
- Pagenstecher, R. 1909. *Die calenische Reliefkeramik* (JDI Erg.-H. 8). Berlin: Georg Reimer.
- Pfister-Haas, S. 2019. *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen*. München: Staatliche Antikensammlungen (Staatliche Antikensammlungen München 2).
- Pfrommer, M. 1983. Italien—Makedonien—Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik. *Jdl* 98, 235—285.
- Rostowzew, M.I. 1931. *Skythien und der Bosphorus. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen*. Berlin: H. Schoetz & Co. GmbH.
- Ščeglov, A.N. 2002. Cult Sculpture, Altars, Sacred Vessels and Votives. In: Hannestad, L., Stolba, V.F., Ščeglov, A.N. (eds.). *Panskoye I. 1. The Monumental Building U6*. Aarhus: Aarhus University Press, 213—227.
- Schulze, H. 2020. Die frühen Alexanderbildnisse. In: Pangerl, A. (Hrsg.). *Portraits. 400 Years of Hellenistic Portraits / 400 Jahre hellenistische Portraits*. München: Staatliche Münzsammlung, 231—246.
- Schwarzmaier, A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Gebr. Mann. (Athenische Mitteilungen Beiheft. Bd. 18).
- Seefried, M. 1982. *Les pendentifs en verre sur noyau des pays de la Méditerranée antique*. Rome: École française de Rome (Collection de l'École Française de Rome 57).
- Sideris, A. 2015. *Theseus in Thrace. The Silver Lining on the Clouds of the Athenian-Thracian Relations*. Sofia: The Thrace Foundation.
- Sideris, A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. II. Sofia: The Thrace Foundation.
- Sideris, A. 2021. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. II. Sofia: The Thrace Foundation.
- Smith, R.R.R. 1988. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford: Oxford University Press.
- Stewart, A. 1993. *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley: University of California Press.
- Stewart, A. 2003. Alexander the Great in Greek and Roman Art. In: Roisman, J. (ed.). *Brill's Companion to Alexander*. Leiden: E.J. Brill, 31—66.
- Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* Rahden: Verlag Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 23).
- Themelis, P., Touratsoglou, I. 1997. *Οι Τάφοι του Δερβενίου*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.
- Tonkova, M. 2013. Gold Wreaths from Thrace. In: Sirbu, V., Ștefănescu, R. (eds.). *The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th Congress of Thracology, Târgoviște, 10th — 14th September 2013*. Vol. II. *Necropolises, Cult places, Religion, Mythology*. Brașov: Editura Istros, 413—445.
- Toulountzidou, A. 2011. *Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο*. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης.
- Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).
- Treister, M. 2003. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh. *AWE* 2.1, 51—77.
- Triantafyllos, D. 1975. Αρχαιότητες και μνημεία Θράκης. *ADelt* 30.B2, 294—305.
- Venedikov, I. 1977. Les situles de Bronze en Thrace. *Thracia* 4, 59—103.
- Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst*. Wien, München: Schroll.
- Vokotopoulou, I. 1990. *Οι ταφικοί τύμβοι της Αινείας*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.
- Vokotopoulou, J. 1997. *Αργυρά και χάλκινα έργα τέχνης στην αρχαιότητα*. Athens: Εκδοτική Αθηνών.
- von den Hoff, R. 2009. Alexanderporträts und Bildnisse frühhellenistischer Herrscher. In: Hansen, S., Wiczorek, A., Tellenbach, M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell & Steiner, 47—53.
- von den Hoff, R. 2014. Neues im «Alexanderland»: Ein frühhellenistisches Bildnis Alexanders des Grossen. *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft* 17, 209—245.
- Zimi, E. 2011. *Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia*. Oxford: Oxford University Press (Oxford Monographs on Classical Archaeology).
- Zimmermann, N. 1998. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit*. Rahden: Verlag Marie Leidorf.

Рис. 1. Бусы с масками из Подонья и Южного Приуралья: 1 — Частые курганы. Курган № 1/1910. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж; 2, 3 — Мечетсай. Курган № 8/1961. Погребение № 5. Москва, ГИМ, инв. № 99564. 1 — оп. Б 1421/95; 2 — Б 1421/93; 4 — могильник Елизаветовского городища. Курган № 133/2002. 1 — по Замятин 1946; 2—3 — фото М.Ю. Трейстера, 2010; 4 — по Копылов 2006.

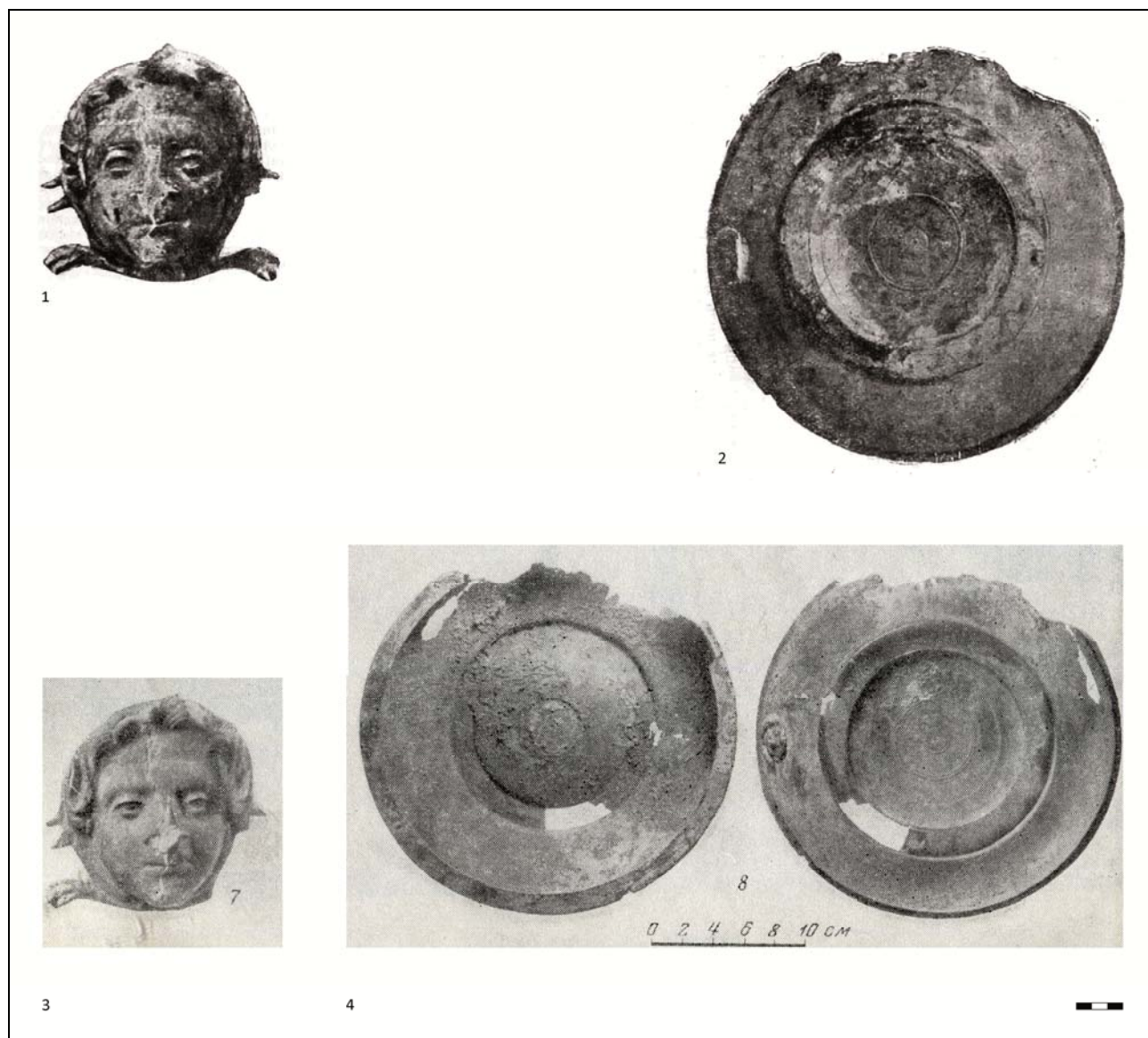
Fig. 1. Beads with masks from the Don region and South Urals: 1 — Chastye Barrows. Burial-mound no. 1/1910. Saint Petersburg, State Hermitage; 2, 3 — Mechetsay. Burial-mound no. 8/1961. Burial no. 5. Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 99564. 1 — list Б 1421/95; 2 — list Б 1421/93; 4 — Necropolis of Elizavetovka fortified settlement. Burial-mound no. 133/2002. 1 — after Zamyatin 1946; 2—3 — photos by M.Yu. Treister, 2010; 4 — after Kopylov 2006.

Рис. 2. Частый курган № 1/1910. Бронзовая патера. Воронеж, ВОКМ, инв. № BOM 4664/7 A-5354. Общие виды. 1 — фото М.Ю. Трейстера, 2015 (через стекло витрины); 2 — фото А.П. Медведева, 2020.

Fig. 2. Chastye Burial-mound no. 1/1910. Bronze patera. Voronezh, Regional Museum of Local Lore, inv.-no. BOM 4664/7 A-5354. General views. 1 — photos by M.Yu. Treister, 2015 (through the vitrine glass); 2 — photo by A.P. Medvedev, 2020.

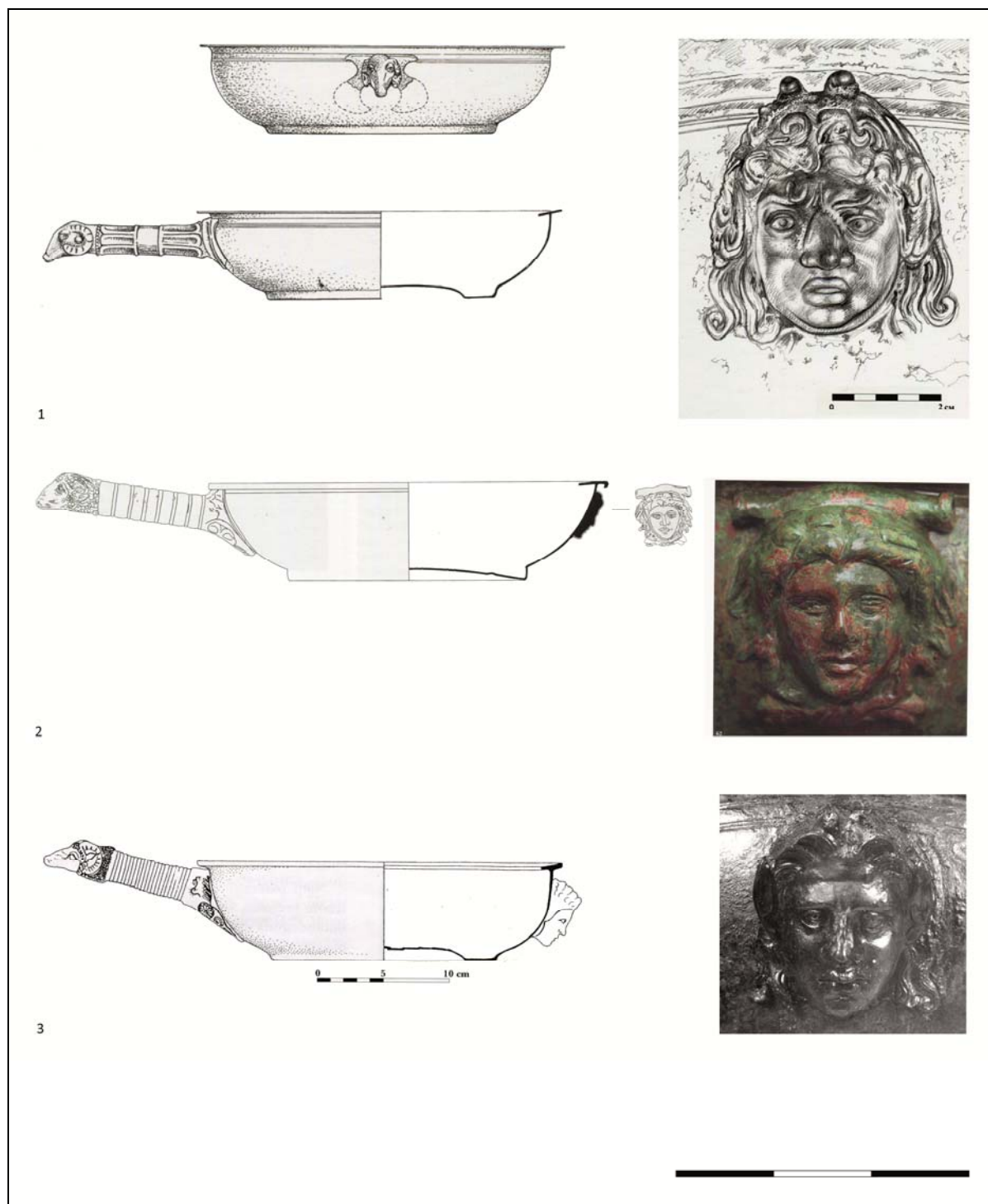
Рис. 3. Частый курган № 1/1910. Бронзовая патера. Воронеж, ВОКМ, инв. № BOM 4664/7 A-5354. 1, 2 — по Замятин 1946; 3, 4 — по Либеров 1965.

Fig. 3. Chastye Burial-mound no. 1/1910. Bronze patera. Voronezh, Regional Museum of Local Lore, inv.-no. BOM 4664/7 A-5354. 1, 2 — after Zamyatin 1946; 3, 4 — after Liberov 1965.

Рис. 4. Частый курган № 1/1910. Бронзовая патера. Воронеж, ВОКМ, инв. № BOM 4664/7 А-5354. Детали. 1 — медальон в центре дна патеры; 2 — маска-атташ. Фото А.П. Медведева, 2020.

Fig. 4. Chastye Burial-mound no. 1/1910. Bronze patera. Voronezh, Regional Museum of Local Lore, inv.-no. BOM 4664/7 A-5354. Details. 1 — medallion in the center of the bottom of patera; 2 — mask attachment. Photos by A.P. Medvedev, 2020.

Рис. 5. Бронзовые патеры: 1 — Голямата Косматка. Казанлык, Исторический Музей «Искра», инв. МИК АП 1744; 2 — София, коллекция В. Божкова; 3 — курган Наип. Текирдаг, Археологический музей, инв. № 1947. 1 — по Димитрова 2015: 292, рис. 230; 310, рис. 253; 2 — по Sideris 2016: 239—240, no. 95, figs. 95: 1—4; 3 — по Delemen 2004: 76—78, figs. 69, 72.

Fig. 5. Bronze pateras: 1 — Golyamata Kosmatka. Kazanlak, Historical Museum “Iskra”, inv.- no. МИК АП 1744; 2 — Sofia, Vasil Bojkov collection; 3 — Naip Burial-mound. Tekirdağ, Archaeological Museum, inv.-no. 1947. 1 — after Dimitrova 2015: 292, fig. 230; 310, fig. 253; 2 — after Sideris 2016: 239—240, no. 95, figs. 95: 1—4; 3 — after Delemen 2004: 76—78, figs. 69, 72.

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.61.75.010

И.Г. Равич, М.Ю. Трейстер

**КИТАЙСКИЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. — ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.:
ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
И ТЕХНОЛОГИЯ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ***

Статья посвящена китайским зеркалам, найденным в погребениях кочевников Азиатской Сарматии. Представлена типология и хронология зеркал, самое раннее из которых относится еще к периоду Сражающихся царств, но большинство датируются в рамках I в. до н.э. — II в. н.э. В комплексах второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. количество китайских предметов в Азиатской Сарматии увеличивается. Они представлены в том числе двумя зеркалами западно-ханьского типа, которые происходят из Нижнего Поволжья и Подонья; в Южном Приуралье они не известны. В комплексах второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. зеркала встречаются значительно чаще. По-прежнему, они не известны в Приуралье, но представлены и в Прикубанье, и в Нижнем Поволжье, и особенно — в Нижнем Подонье. В погребениях позднесарматского времени конца II — середины — второй половины III в. н.э. китайские зеркала, относительно в большом количестве представлены на Урале, где картографирование находок позволяет выделить две локальные группы (1 — Южное Приуралье: Лебедевка и могильники в бассейне р. Илек; 2 — Южная Башкирия, междуречье Сакмары и Урала, и Зауралье) при этом далее на запад — в Нижнее Поволжье и Подонье они вообще перестали попадать; известно лишь два зеркала за пределами Южного Урала — в Закубанье и Центральном Предкавказье. Специально рассматривается вопрос преднамеренной порчи зеркал.

Можно ли определять китайские бронзовые зеркала как предметы торговли? Если предположить, что они относились к предметам торговли по Великому шелковому пути, то придется признать два следующих из датировки находок вывода. Во-первых, эти зеркала не попадали в античные центры Северного Причерноморья и далее на территорию Римских провинций. Таким образом, путь зеркал заканчивался в степи. Более того, начиная со второй половины II в. н.э. (позднесарматская культура) китайские зеркала перестают попадать на запад от Приуралья — их находки неизвестны ни в Нижнем Поволжье, ни на Дону. Это означает, что связь распространения китайских зеркал с функционированием северной ветки Великого Шелкового пути маловероятна.

* Разделы 1—2 статьи подготовлен М.Ю. Трейстером, раздел 3 — И.Г. Равич.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев.

Авторы выражают искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье китайские предметы: Ю.А. Апалькову (БИХМ, Борисоглебск), О.А. Халяпиной (ГИКМ, Оренбург), А.Г. Язовских (РОМК, Ростов-на-Дону), Н.М. Шумейко (СОМК, Саратов), М.В. Герасименко (ГЛИАМЗ, Таганрог), С.А. Науменко и Н.С. Щербаковой (АМЗТ, Танаис), В.В. Молчановой (ГИМЮУ, Челябинск), С.Л. Воробьевой (НМРБ, Уфа).

Данная статья представляет собой русскоязычный вариант работы, опубликованной в журнале *Advances in Archaeomaterials* 2, 2021, 24—48. DOI: 10.1016/j.aia.2021.07.001; <https://authors.elsevier.com/sd/article/S2667136021000054>.

Статья поступила в номер 16 мая 2021 г.

Принята к печати 02 июня 2021 г.

© И.Г. Равич, М.Ю. Трейстер, 2021.

Исследование состава и технологии изготовления семи китайских зеркал, найденных в различных погребениях кочевников Азиатской Сарматии, позволяет сделать вывод, что они изготовлены в соответствии с китайскими традициями получения зеркальных бронз. Зеркала содержат 22,35—25% олова и 1,52—7,54% свинца; металл отличается чистотой, в нем отсутствуют посторонние включения, микроструктура находок характерна для литых зеркал, которые кристаллизовались в глиняной или каменной форме. Особенности коррозионного разрушения изделий типичны для высокооловянных зеркальных бронз. Совокупность химико-технологических показателей исследованных зеркал свидетельствует о том, что они происходят с территории Китая.

Ключевые слова: китайские зеркала, эпохи Сражающихся царств, Хань, Евразия, кочевники, Азиатская Сарматия, типология, хронология и распределение зеркал, технология изготовления зеркал, состав, металлография, сканирующая электронная микроскопия.

Сведения об авторах: Равич Ирина Григорьевна¹, кандидат технических наук, Государственный Научно-Исследовательский Институт Реставрации; Трейстер Михаил Юрьевич², Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: ¹119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 4-2, кв. 439; e-mail: ravich41@mail.ru; ²53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Irina Ravich, Mikhail Treister

CHINESE MIRRORS FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF EASTERN EUROPE OF THE SECOND HALF OF THE 1ST MILLENNIUM BCE — FIRST CENTURIES CE: TYPOLOGY, CHRONOLOGY, DISTRIBUTION AND TECHNOLOGY OF MANUFACTURE

This article is devoted to Chinese mirrors found in the burials of the nomads of Asian Sarmatia. The typology and chronology of mirrors are presented. The earliest mirror dates to the period of the Warring States, but most of them date from the first century BCE to the second century CE. In complexes from the second half of the first century BCE to the first half of the first century CE, the number of Chinese items in Asiatic Sarmatia increased. These items include two mirrors of the Western Han type, which come from the Lower Volga and Don regions; they are not known in the South Urals. In complexes from the second half of the first century to the first half of the second century CE, Chinese mirrors are much more common. As before, they are not known in the Urals, but they are represented in the Kuban and Lower Volga regions, and especially in the Lower Don region. In burials of the Late Sarmatian period, from the late second century to the middle/second half of the third century CE, Chinese mirrors are relatively abundant in the Urals, where the mapping of finds allows us to distinguish two local groups: (1) South Urals: Lebedevka and burial grounds in the Ilek River basin; (2) South Bashkiria, interfluvium of the Sakmara and Ural Rivers, and the Trans-Urals. Farther to the west, in the Lower Volga and Don regions, they generally ceased to appear. Only two mirrors are known outside the South Urals—in Trans-Kuban and central Ciscaucasia. The issue of deliberate damage to mirrors is specially considered.

Is it possible to consider the Chinese bronze mirrors as trade items? If we assume that they were trade items along the Silk Road, then we should consider two conclusions from the dating of the finds. Firstly, these mirrors were not distributed to the ancient centers of the North Pontic area and farther to the territory of the Roman provinces. Thus the path of the mirrors ended in the steppe. Moreover, starting from the second half of the second century CE (Late Sarmatian culture), Chinese mirrors cease to appear to the west of the Urals—their finds are unknown in the Lower Volga and Don regions. So the connection between distribution of the Chinese mirrors and the functioning of the northern branch of the Silk Road is unlikely.

The study of composition and technology of production of seven Chinese mirrors found in various nomadic burials of Asian Sarmatia allowed us to make a conclusion that they are manufactured in accordance with Chinese tradition of mirror bronzes. The mirrors contain 22,35—25% of tin and 1,52—7,54% of lead, the metal is pure, it does not contain foreign inclusions, the microstructure of finds is typical for cast mirrors crystallized in the clay and stone molds. The features of corrosion destruction of mirrors are typical for the high-tin bronze mirrors. Both chemical and technological characteristics of the studied mirrors indicate that they originated from the territory of China.

Key words: Chinese mirrors, Warring States period, Han period, Eurasia, nomads, Asian Sarmatia, typology, chronology and distribution of mirrors, technology of mirrors manufacture, composition, metallography, scanning electron microscopy.

About the authors: Irina Ravich¹, Candidate of Technical Sciences, Research Institute of Conservation; Mikhail Treister², Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: ¹119333, Russian Federation, Moscow, Dm. Ulyanova str., 4-2, app. 439; e-mail: ravich41@mail.ru; ²53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

---

1. Введение

Около 30 лет назад мы уже обращались к рассмотрению находок ханьских зеркал в сарматских погребениях Подонья и Нижнего Поволжья (Guguev et al. 1991: 32—50; Гугуев, Трейстер 1995: 143—156). Эти материалы с добавлением новых находок послужили предметом серии более поздних исследований (Боталов, Гуцалов 2000: 172—173, рис. 45; Simonenko 2001: 54—57, fig. 1; Симоненко 2003: 46—48; Ли Джи Ын 2009: 193—197; 2010: 97—127, табл. 2—5; Treister 2013: 739—740; Brosseder 2015: 236—249, 283—288, list 5—18).

Предполагается попадание китайских изделий, в том числе зеркал, в Восточную Европу в результате торговых связей (Мошкова 1982: 85—86; Косяненко, Максименко 1989: 267; Боталов, Гуцалов 2000: 173; Пуздровский 2013: 494—498; Brosseder 2013: 101; Treister 2013: 739—740; Гугуев 2018: 62), а также в качестве даров или в результате ограбления святилищ (Гугуев, Трейстер 1995: 151—153), или вследствие «перемещения определенных групп населения в результате военных действий или каких-либо других причин» (Максименко, Ли Джи Ын 2015: 140). В других работах распространение китайских зеркал связывается предположительно «с китайской контрабандой» (Яценко 2017: 262).

Проблема большинства работ, посвященных китайским и зеркалам в Сарматии (за исключением раздела неопубликованной диссертации Ли Джи Ын (Ли Джи Ын 2010: 97—127, табл. 2—5) и фундаментальной статьи У. Бросседер (Brosseder 2015)), заключается в том, что материал воспринимается как единый массив без выделения в нем отдельных типов и учета их хронологии и распределения находок в Евразии. В других работах (Симоненко 2010: 392—402; Symonenko 2012: 289—301) делается откровенно неудачная попытка датировки отдельных зеркал, цель которой очевидна — представить все зеркала, найденные в Северном Причерноморье и Приуралье, изделиями I в. до н.э. — I в. н.э. Далее утверждается, что зеркала I в. до н.э. происходят из комплексов второй половины I — начала II в. н.э., а значит, они «запаздывают» в сарматских погребениях Восточной Европы на 70—100 лет». Соответственно, эти зеркала не могут быть предметом торговли и единственное объяснение их попадания к кочевникам — они были принесены с миграцией аланов, а гунны не имели к этому никакого отношения (Симоненко 2010: 396; Symonenko 2012: 294—295; см. критику: Трейстер 2018: 155—156).

Несколько лет назад нами был предложен анализ китайских импортов из погребений кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э. — первых веков нашей эры, в котором были учтены и китайские зеркала (Трейстер 2018: 153—200). В данной работе представлена не только типологическая и хронологическая классификация китайских зеркал, найденных в погребениях кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э. — первых веков нашей эры, но и результаты их технологических исследований.

2. Типология и хронология зеркал

2.1. Материалы IV — первой половины I в. до н.э.

Наиболее ранним китайским зеркалом, найденным в Восточной Европе, является фрагмент зеркала последней трети V — первой половины IV в. до н.э., происходящий из погребения IV в. до н.э. № 3 кургана № 4/1983 могильника у совх. Чкаловский. Декор зеркала представляет собой композицию из четырех т-образных иероглифов в плоском низком рельефе (из которых сохранилось почти полностью и частично — два). Фон между иероглифами заполнен орнаментом из симметричных завитков и параллельных изогнутых линий (рис. 1) (Трејстер 2017: 140—147, рис. 4; 2018: 156—157, рис. 1). Зеркало относится к типу китайских зеркал с т-образными иероглифами, обозначающими гору (shan, 山) (Kalrgren 1968: 79—98; Wu Hung 1999: 694, 695, fig. 10.20; Deng Qiuling 2003: 60—66; Mackenzie 2011: 64—65, 72, note 49). Глиняные формы для отливки таких зеркал происходят из провинции Хэбэй, в том числе одна — из раскопок нижней столицы царства Янь в уезде Исянь (Bunker 1991: 21; cf. Hiebert 1992: 121; Bai 2011: 176—177, no. 2, fig. 2; 181—182).

Это не только древнейшая находка зеркала рассматриваемого типа за пределами Китая, но и самая западная находка зеркала эпохи Чжаньго в Евразии. Такие зеркала известны как по находкам в Китае, так и во всех областях Саяно-Алтая (см. обзор: Шульга 2015: 367 с лит.; Brosseder 2015: 214, fig. 4; 283, list 1), в том числе в Пазырыкском кургане № 6 (Руденко 1953: 144, 356—357, рис. 85, табл. XXIX: 6; Лубо-Лесниченко 1975: 9, 27, № I 1; Hussman 1976: 130, 131, pl. 40; Шульга 2015: 267—368, рис. 1; Brosseder 2015: 283, list 1, no. 3; Шульга и др. 2016: 280, рис. 132: 1). Ни на территории Западной Сибири, ни далее к западу находки таких зеркал до сих пор не встречались (Трејстер 2017: 142—144).

Изученные с помощью методов сканирующей электронной микроскопии и металлографии химико-технологические характеристики зеркала близки к данным, которые приведены в публикациях зеркал из Китая, и не дают оснований сомневаться в его происхождении (Равич 2017: 145—147). Интересно, что зеркало из не ограбленного погребения представлено фрагментом, т.е. именно в таком виде оно и попало в погребение.

2.2. Находки из комплексов среднесарматского времени

2.2.1. Находки из комплексов второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э.

Начнем с зеркал, которые привлекли наше внимание еще в конце 1980-х гг., а затем и внимание и других исследователей.

Важное значение для решения вопроса о времени появления китайских зеркал в Восточной Европе имеет датировка комплекса находок из Виноградного. Издатели комплекса и некоторые другие исследователи на основании находки в нем бронзовой кружки типа Идрия (Косяненко, Максименко 1989: 265, рис. 1: 2; Cat. Daoulas 1995: 92, 94, no. 115; Cat. Paris 2001: 146, no. 137; Kat. Frankfurt 2003: 103, Nr. 65; Трејстер 2018: 161—164, рис. 4: 1—4; 2020a: 50—53, рис. 5—6) датировали комплекс I в. до н.э. в целом (Косяненко, Максименко 1989: 267)¹ или второй половиной I в. до н.э. (Раев 1993: 174; Raev 1994: 348—349; Глебов 2002: 36; Берлизов 2011: 211—212 — последняя треть I в. до н.э.; Brosseder 2015: 240). А.С. Скрипкин (2002: 389; 2003: 201; 2010: 106; 2017: 10) со ссылкой на то, что якобы

¹ В более поздней публикации В.Е. Максименко без каких-либо обоснований меняет датировку комплекса на I в. н.э. (Максименко, Ли Джи Ын 2015: 140).

находки кружек Идрия известны в Помпеях, настаивал на том, что погребение из Виноградного датируется I в. н.э. На самом деле, кружку из Помпей при том, что ее форма близка форме кружек типа Идрия, нельзя относить к этому типу — кружки типа Идрия отличает и характерная форма ручек — а ручка помпейской кружки отличается от них. Отрицать тот факт, что кружки типа Идрия представляют собой форму, характерную для позднереспубликанского времени (120—75/50 гг. до н.э.) не возможно. Действительно, как показывают находки из римских лагерей августовского времени, эти кружки доживают примерно до рубежа н.э., но в более позднее время они не известны (см. подробно: Трейстер 2018: 161; 2020a: 50—51).

Действительно, находки из Виноградного не были обнаружены в результате регулярных археологических раскопок, однако, вряд ли можно на основании описания обстоятельств находки (Косяненко, Максименко 1989: 264) сомневаться, как это делал А.С. Скрипкин (Скрипкин 2002: 392; 2003: 201—202; 2010: 115; 2017: 10), в достоверности этого комплекса, а кроме того в данном случае и датировка самого зеркала (рис. 2) (Косяненко, Максименко 1989: 265, рис. 1: 4; 266, рис. 2; Guguev et al. 1991: 35, fig. 3: g; 36; Cat. Tokyo 1991: 86, no. 80; Лубо-Лесниченко 1994: 244; Гугуев, Трейстер 1995: 146—148, рис. 3: 7; Cat. Daoulas 1995: 92, no. 117; Cat. Paris 2001: 144—145, no. 134; Kat. Frankfurt 2003: 104—105, Nr. 68; Ли Джи Ын 2009: 194—195, табл. 1: 2; 2010: 99—100, табл. 4: 4; Максименко, Ли Джи Ын 2015: 140, рис. 3: 15, 20; Brosseder 2013: 92—93, Abb. 2; 2015: 240, 247, 248, fig. 20; 284, list 8, no. 11) вполне укладывается во вторую половину I в. до н.э.

Ли Джи Ын (2010: 100) отмечает близкую параллель зеркалу из Виноградного, происходящую из могилы 101 в провинции Цзянсу Китая, которая датируется черепицей с надписью «октябрь 5-го года Юаньши (元始), т.е. пятый год правления императора Пин-ди (元始五年十月)», значит октябрём 5 г. н.э. В целом этот тип зеркал *ri guang jing* с надписями датируется в Китае с I в. до н.э. по первую четверть I в. н.э. (Ли Джи Ын 2010: 103, табл. 6—7; ср.: Cat. Taipei 1986: 76—77, pl. 17; Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 1993: 137, figs. 1—3, pl. LV: 3—4; Cheng Linqun, Han Guohe 2002: 90—91, figs. 1—11; no. 1993QZZ M5: 3; 1991XYLM90: 18; 1998SJX M79: 3; Cat. Anhui 2010: 38—43); среди них есть и датированный экземпляр, изготовленный в 6 г. н.э. (Bulling 1960: 27—28, pl. 23; Loewe 2002: 238—239, fig. 1), при этом, среди зеркал с надписями выделяют несколько типов, а зеркала типа находки из Виноградного, по классификации Х. Окамуры, относятся к типу III, который датируется довольно определенно ок. 70—50 гг. до н.э., причем датировки базируются на находках таких зеркал в хорошо датированных комплексах (Cat. Cleveland 2000: 35, no. 14; Yamagata et al. 2001: 100). Такие зеркала, которые еще называют *illumination mirrors*, были широко распространены и за пределами Китая — их находки известны в Монголии (Otani 2014: 50, fig. 13: 51, 52, 26), Японии, на Корейском полуострове и во Вьетнаме (Yamagata et al. 2001: 101), а также в Узбекистане (Minasyants 2017: 94, fig. 1).

У. Бросседер отмечает, что зеркала этого типа в Монголии и в Сибири были найдены в комплексах, датировка которых концом II — I вв. до н.э. подтверждается данными C¹⁴ (Brosseder 2015: 239—240; см. также Törbat 2011: 317, fig. 1: 3; 320, 321, fig. 4). К указанным экземплярам следует добавить подобные зеркала без точного происхождения из музейных собраний (например, Британский музей, инв. 1915,0409.62; 1936,1118.271; 1989,1211.1), а также случайные находки фрагментов таких зеркал в Хакасии и Бурятии (Оборин, Савосин 2017: 55—56, № 1.16—17).

Относящееся к тому же типу, что и зеркало из Виноградного, зеркало из погребения № 19 кургана Е 25/1927 у Старой Полтавки в бассейне р. Еруслан (Синицын 1946: 76, 92, рис. 29; Guguev et al. 1991: 35—36, fig. 3: f; Werner 1994: 274; Лубо-Лесниченко 1994: 244;

Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 6; 148, ошибочно как зеркало из кургана Е 22; Ли Джи Ын 2009: 194—195, табл. 1: 3; 2010: 102—104, 147, 148, табл. 3: 5; Максименко, Ли Джи Ын 2015: 140, рис. 3: 21; Brosseder 2015: 284, list 8, no. 10), также происходит из комплекса, датирующегося, скорее всего, ранее второй половины I в. н.э. (см. подробно Трейстер 2018: 162, 164). Даже сторонники более поздних дат относят его ко времени до середины I в. н.э. (Скрипкин 1977: 105; Sergackov 1994: 264; Сергацков 2004: 110). Предложенная в статье В.Е. Максименко и Ли Джи Ын (2015: 140) датировка комплекса II в. н.э. вообще никак не обосновывается.

2.2.2. Находки из комплексов второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. Зеркала типов *zhaoming* и *siru*

Совершенно очевидно, что в этот период количество китайских зеркал, происходящих из комплексов Азиатской Сарматии, несколько увеличивается, однако, это были зеркала других типов: *zhaoming*: 1) Третьяки, курган № 16/1984² (рис. 3: 2) (Medvedev, Efimov 1986: 83, pl. 77: 1; Guguev et al. 1991: 35, fig. 3: c, 36; Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 3; 148; Ли Джи Ын 2009: 195, табл. 1: 6; 2010: 111, табл. 4: 5; Brosseder 2015: 284, list 9, no. 11; Трейстер 2018: 167—167, рис. 6: 2); 2) Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение № 1³ (рис. 3: 1) (Guguev et al. 1991: 35—36, fig. 3: b; Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 2; 148; Simonenko 2008: 65, Nr. 70, Taf. 62: 5 [названо биллоновым — ! МТ]; Ли Джи Ын 2010: 113—115, табл. 5: 3; Veličko 2013: 421, Abb. 4; Brosseder 2015: 284, list 9, no. 12; Трейстер 2018: 167—167, рис. 6: 1) — и *siru*: 1) Кобяковский могильник, курган № 1/1983, погребение № 1 (рис. 4: 1) (Guguev 1986: 71—72, pl. 46: 4; Guguev et al. 1991: 33—34, fig. 2: b; Гугуев, Трейстер 1995: 143—144, 145, рис. 2: 2; Ли Джи Ын 2010: 107, табл. 4: 2; Brosseder 2015: 285, list 11, no. 16; Гугуев 2018, 61, рис. 3: 3, 5: 2; Трейстер 2018: 166—168, рис. 7: 1)⁴, 2) Кобяковский могильник, курган № 10/1987, погребение № 1 (рис. 4: 3—4) (Guguev et al. 1991: 34—35, fig. 2: c; Прохорова, Гугуев 1992: 152—153, рис. 11; Гугуев, Трейстер 1995: 144—145, рис. 2: 3; Kat. Frankfurt 2003: 157, Nr. 135; Ли Джи Ын 2010: 106—107, табл. 4: 3; Brosseder 2013: 91, Abb. 1: b; 2015: 285, list 11, no. 17; Гугуев 2018, 61—62, рис. 12: 1—2; Трейстер 2018: 166—168, рис. 7: 3—4)⁵, 3) Танаис, курган № 10/1968, погребение № 2 (рис. 4: 2) (Казакова, Каменецкий 1970: 87; Guguev et al. 1991: 33—34, fig. 2: a; Гугуев, Трейстер 1995: 143, 145, рис. 2: 1⁶; Ли Джи Ын 2010: 107—108, табл. 4: 1; Brosseder 2015: 285, list 11, no. 18; Суворова 2017: 520, рис. 3: d). При этом вызывает интерес концентрация находок зеркал типа *siru* в Танаисе и окрестностях,

² У. Бросседер отметила, что «импорты из этого погребения дают *terminus post quem* — первая половина I в. н.э. (Brosseder 2015: 241), но это относится только к найденному в нем бронзовому ковшу (Трейстер 2020б: 16—17, рис. 6—7; 20). Краснолаковый же кувшин из погребения датируется второй половиной I в. н.э. (Определение Д.В. Журавлева, которому мы выражаем нашу искреннюю признательность, сделанное в специальной работе о краснолаковой керамике из погребений кочевников Азиатской Сарматии, для публикации в материалах проекта). К приведенным аналогиям зеркалам из Третьяков и Чугуно-Крепинки следует добавить следующие: Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 1993: 137, fig. 7; pl. LVI: 2; Cheng Linquan, Han Guohe 2002: 108—115; nos. 1991XYU M 20: 1; 1997XFC M1: 6, M22: 6; 1998XYL M1: 1 и др.

³ Высказывалась и точка зрения о датировке этого погребения уже позднесарматским временем, второй половиной II в. н.э. (Гугуев 2018: 60—61).

⁴ К приведенным аналогиям следует добавить следующие: Cat. Hong Kong 1990: 242—243, no. 162; Cheng Linquan, Han Guohe 2002: 84, fig. 4; 1991XYU M1: 16; Cat. Anhui 2010: 30—33; Minasyants 2017: 94, fig. 7.

⁵ К приведенным аналогиям следует добавить следующие: Cat. Taipei 1986: 94—95, pl. 29; 98—99, pl. 31; Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 1993: 137, fig. 4; pl. LVII: 2; Cat. Cleveland 2000: 40, no. 21 (mirror with four nipples, dragons, and tigers); Cheng Linquan, Han Guohe 2002: 84, figs. 1—3; nos. 2000XDT M230: 1, 1997XDT M183: 4, 1999YCH M68: 15; Cat. Anhui 2010: 16—17.

⁶ Здесь ошибочно, как из погребения № 1.

что дало еще ранее основание для предположения об их совместном поступлении на Дон (Гугуев, Трейстер 1995: 147; Гугуев 2018: 62). К этому же типу Ли Джи Ын справедливо относит и фрагментированное зеркало из погребения № 1 кургана № 33/1954 Бережновского-II могильника в Нижнем Поволжье (рис. 5) (Синицын 1960: 47, рис. 17: 7; Guguev et al. 1991: 35, fig. 3: e; Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 5, 147; Ли Джи Ын 2010: 108—109, табл. 3: 3; Brosseder 2015: 243, note 106; 287, list 15, no. 24; Трейстер 2018: 167—168, рис. 7: 2).

Зеркала типа *siru* известны в поздний период династии Западная Хань, но в отличие от зеркал *riguang*, продолжали изготавливаться до третьей четверти I в. н.э. (Ли Джи Ын 2010: 109; Törbat 2011: 322—323). Они также были довольно широко распространены и в Китае, и на Корейском полуострове — их находки известны в Японии и во Вьетнаме (Yamagata et al. 2001: 104, fig. 9), в Монголии (в частности, из датирующегося началом I в. н.э. кургана № 22 Ноин-улинского могильника: Полосьмак и др. 2013: 315—317; Полосьмак, Богданов 2015: 80, 83, рис. 3.53; Полосьмак, Богданов 2016: 95; из погребения № 30 могильника Гол Мод 2: Erdenbaatar et al 2011: 312, fig. 11: 3; 313), Забайкалье, Ферганском оазисе и в Казахстане (Brosseder 2015: 241—243, fig. 17; 284—285, list 11).

Также и зеркала типа *zhaoming* получают в Китае распространение, как в I в. до н.э., так и в I в. н.э. Их находки также были широко распространены и известны и в Корее, и Японии, а также в Забайкалье и Фергане (Cat. Cleveland 2000: 36—37, nos. 15—16; Ли Джи Ын 2010: 115—117; Cat. Anhui 2010: 46—49; Otani 2014: 55, fig. 45; Brosseder 2015: 239, fig. 16; 240—241; 284, list 19). К этому типу относится единственная случайная находка фрагмента такого зеркала в Приднепровье (Градежск) (Симоненко 2003: 46, № 2, рис. 1, 2; 2010: 396; Brosseder 2015: 284, list 9, no. 13), а также зеркало из кургана № 43/1901 у ст. Казанской в Прикубанье (Гущина, Засецкая 1994: 48, № 117, табл. 12; Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 1; 148; Marčenko, Limberis 2008: 347, Taf. 68: 10; Ли Джи Ын 2010: 28, 38, 112—113, табл. 5: 1; Brosseder 2015: 242, 245, 284, list 9, no. 10).

2.3. Находки из комплексов позднесарматского времени. Зеркала типов *TLV* и *qingbai*

Следующие по хронологии группы зеркал *TLV* и *qingbai* представлены находками из комплексов позднесарматской культуры конца II—III вв. н.э., причем все находки зеркал этих типов в Восточной Европе происходят из Южного Приуралья, Южной Башкирии и Зауралья. Ни в Нижнем Поволжье, ни на Дону такие зеркала найдены не были, на что уже обращалось внимание (Brosseder 2015: 244, 267). При этом количественно зеркала типа *qingbai* преобладают.

Зеркала типа *TLV* представлены лишь двумя находками: из погребения № 1 кургана № 39/1979 могильника Лебедевка VI (рис. 6: 1) (Мошкова 1982: 84, 85, рис. 2: 3; Mochkova 1994: 84, fig. 87; Боталов, Гуцалов 2000: 130, 126—127, рис. 38: 103; Ли Джи Ын 2010: 39, 52, 123—124, 126, табл. 3: 4; Treister 2013: 739, Abb. 9; Трейстер 2018: 170—171, рис. 9: 1) и из датированного II—III вв. н.э. погребения № 1 кургана № 42/2007 у с. Черный Яр (Краева и др. 2018, 176—188, рис. 1—2).

Зеркала этой группы, объединяющие различные варианты, появившись на рубеже нашей эры, изготавливались до середины II в. н.э. (Cat. Cleveland 2000: 46; Lai 2006: 42—43; Ли Джи Ын 2010: 124—125). Помимо Китая (Higuchi 1979: 139—161; Cat. Hong Kong 1990: 250—251, no. 169; Cat. Cleveland 2000: 42—46, nos. 24—29; Lan-ying Tseng 2004: 163—215; Werning 2009: 203), они представлены находками в Японии (Tsujita 2007: 51, 52, fig. 1), были также широко распространены в Монголии и в Забайкалье. Их находки известны и в Хакасии, и в Минусинской котловине, и в Приаралье (Brosseder 2015: 243, fig. 18; 244, 285—286, list 12).

Особенно интересно зеркало из могильника у с. Черный Яр, которое относится к типу “*Shang-fang*” mirror with “*T.L.V.*” and eight birds design (рис. 7—9) (Cammann 1948: 165—167; Cat. Anhui 2010: 98—99; см. также близкие, но не идентичные зеркала: Bulling 1960: 58, pl. 41; Camman 1948: 159, fig. 1; Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 1993: 139, figs. 1—3; pl. LIX: 1—3; Cat. Cleveland 2000: 45—46, no. 26; Cheng Linquan, Han Guohe 2002: 132, fig. 1; no. 2000XXQ M2: 2; Guo 2016: 129—130, fig. 80; 219, fig. 107; Zhangsun et al. 2017: 688, fig. 2: d; waseda.jp: 1).

Это зеркало было найдено в сохранившемся футляре из деревянных прутиков (годовых веток кустарника) толщиной 5 мм, свернутых по спирали. Прутики крепились между собой с помощью оплетки из радиально расположенных крученых нитей, которые шли от центра к периферии и хорошо сохранились с внутренней стороны, прилегающей к зеркалу (рис. 8: 1, 9: 2) (Краева и др. 2018: 178, 179, рис. 1: 1). Также в футляре из луба находилось зеркало, найденное в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника (Прохорова, Гугуев 1992: 152). Вероятно, это футляры местной работы, так как в Китае и Корее известны находки зеркал в лаковых или бамбуковых футлярах со съёмными крышками (Ли Джи Ын 2010: 126, табл. I: 3; Guo 2016: 81—82, figs. 61—62) или мягких чехлах из ткани, шерсти и, чаще шелка (Guo 2016: 74—81, figs. 52—59; artsy.net: 1). В могильниках хунну в Туве некоторые зеркала были найдены в кожаных чехлах и деревянных шкатулках (Леус 2018: 119).

Подобно зеркалам группы *TLV*, зеркала типа *qingbai* встречены только в погребениях Южного Приуралья и Зауралья, при этом известно по одной находке зеркал этого типа в Закубанье (могильник у хут. Городской: Marčenko, Limberis 2008: 375—376, Nr. 192, Taf. 200: 7) и в Центральном Предкавказье (из комплекса VI — начала VII в. н.э. могильника Клинь-Яр-III: Cat. Токуо 1991: 86, no. 88; Савенко 1993: 131—132, 134—135, рис. 1; Ли Джи Ын 2009: 195—196, табл. 1: 8; 2010: 117, 146, табл. 5: 4, 24: 54).

На Урале при раскопках было найдено семь зеркал этого типа⁷, при этом половина из них найдена на юго-востоке Башкирии — в двух датированных серединой — второй половиной III в. н.э. (Малашев, Яблонский 2008: 58—59) погребениях Темясовского могильника (одно не было учтено в сводке У. Бросседер): курган № 3/1971, костяк № 2 (рис. 6: 4) (Пшеничнюк, Рязанов 1976: 135, 136, рис. 3: 1; Кат. Уфа 2007: 62, илл. внизу слева; Treister 2013: 740, 744, Anm. 110; Brosseder 2015: 286, list 12, no. 14; Трейстер 2018: 171—172, рис. 9: 4) и курган № 4/1971, костяк № 3 (рис. 6: 3) (Пшеничнюк, Рязанов 1976: 137, 140, рис. 7: 16; Трейстер 2018: 171—172, рис. 9: 3) и погребении № 1 кургана № 3/1973 могильника Комсомольский-IV (Пшеничнюк 1983: 72, 187, табл. LIV: 6; Малашев, Яблонский 2008: 58—59; Берлизов 2011: 224; Brosseder 2015: 286, list 12, no. 11) и в Зауралье — погребении № 1, кургана № 1 могильника Малковский (рис. 6: 6) (Боталов, Полушкин 1996: 181, 187, рис. 4: 1; Боталов, Гуцалов 2000: 54, 56, рис. 16: 1; 126—127, рис. 38: 41; Treister 2013: 740; Мастыкова 2014: 137, 138, рис. 1: 1; Боталов и др. 2015: 17—18, рис. 1: 5; Brosseder 2015: 286, list 12, no. 12; Трейстер 2018: 171—172, рис. 9: 6), а три — в Южном Приуралье: в датированном второй половиной (концом) II в. н.э. (Малашев, Яблонский 2008: 59) погребении № 1 кургана № 24/2000 могильника Покровка-10 (рис. 6: 2) (Малашев, Яблонский 2008: 13, 58—59, 281, рис. 157: 6; Ли Джи Ын 2010: 119, табл. 3: 2; Treister 2013: 740, 744, Anm. 110, 115; Brosseder 2015: 286, list 12, no. 13; Трейстер 2018: 171—172,

⁷ Зеркало из Красногора, которое относят к этому типу (Боталов, Гуцалов 2000: 47, 130), скорее всего, никогда не существовало. Ни в описи находок И.А. Зарецкого, скончавшегося во время работы экспедиции 14.08.1936 г., ни в Оренбургском музее, упомянутого «китайского зеркала» нет. Наша искренняя признательность научному сотруднику музея В.Е. Трегубову за возможность ознакомиться с рукописным архивом И.А. Зарецкого.

рис. 9: 2), в датируемом первой половиной III в. н.э. (Малашев, Яблонский 2008: 59) погребении № 2 кургана № 23/1978 могильника Лебедевка-V (рис. 6: 5) (Мошкова 1982: 82, 83, рис. 1: 4; Moshkova 1995: 158, fig. 24g; Боталов, Гуцалов 2000: 130, 126—127, рис. 38: 58; Koryakova, Epimakhov 2007: 249, figs. 6, 18: 4; Ли Джи Ын 2010: 38—39, 118—119, 122, табл. 3: 1; Симоненко 2010: 396; Берлизов 2011: 224, табл. 75: 3; Treister 2013: 739, Ann. 103; Brosseder 2015: 286, list 13, no. 36; Трейстер 2018: 171—172, рис. 9: 5), в кургане № 81 могильника Целинный-I (Боталов, Гуцалов 2000: 112, рис. 36: 11; 116). Кроме того, из случайных находок в Башкирии происходят два таких зеркала, найденные на берегу р. Белой (Боталов и др. 2015: 17—18, рис. 1: 2; Оборин, Савосин 2017: 15—16, 64, № 1.34; 66, № 1.37), а еще одно — было обнаружено в Зауралье (Оборин, Савосин 2017: 15, 65, № 1.35).

По поводу некоторых из этих зеркал высказывались соображения о том, что они являются не китайскими, а подражаниями (Покровка 10: Малашев, Яблонский 2008: 58. — Клин Яр-III: Ли Джи Ын 2010: 145—146. — Целинный-I: Боталов, Гуцалов 2000: 130).

Также из Башкирии (Охлебининский могильник) происходит грубая имитация зеркала рассматриваемого типа, у которой декор исполнен прочерченными линиями (Воробьева 2010: 197, рис. 2: 2; Трейстер 2018: 172—173, рис. 10) — эта бляха, судя по двум диаметрально противоположным отверстиям по краю, использовалась как накладка (рис. 10). Интересно, что подобно расположенные отверстия имеются и у случайной находке на берегу р. Белой (Боталов и др. 2015: 17—18, рис. 1: 2; Оборин, Савосин 2017: 15—16, 66, № 1.37).

Зеркала типа *qingbai* датируют, как правило, в рамках I — начала (первой половины) II в. н.э.⁸, при этом отдельные их варианты в Китае датируются и в целом II в. н.э., и началом III в. н.э. (Ли Джи Ын 2010: 121—122, табл. 19). Картографирование находок показывает особенности распространения этого типа зеркал (Törbat 2011: 319, fig. 3; Brosseder 2015: 267, 268, fig. 31; 286, list 13). Они сравнительно редко представлены в Монголии (Törbat 2011: 317—318, fig. 2), при этом получили широкое распространение в Фергане (Minasyants 2017: 94, figs. 4—6), где вероятно изготавливались и подражания таким зеркалам (Горбунова 1990: 47, рис. 18: 16—18). Аналогичное зеркало происходит и из могильника джетыясарской культуры в Приаралье (Левина, Равич 1995: 133—134, рис. 16: 1; Рапопорт и др. 2000: 168, илл. 31: 1; Brosseder 2015: 286, list 13, no. 3). Как показали исследования состава его металла и технологии изготовления, оно ничем не отличается от китайских зеркал (Левина, Равич 1995: 134). К тому же выводу привели И.Г. Равич и исследования металла зеркала из могильника Покровка-10.

2.4. Ритуальная порча зеркал

Единственное зеркало, датируемое временем ранее эпохи Хань, представлено фрагментом, найденным в Южном Приуралье в погребении IV в. до н.э. (рис. 1). Поскольку фрагмент был обнаружен в неповрежденном погребении, есть все основания предполагать, что именно в таком виде его и положили в могилу, подобно аналогичному фрагментированному китайскому зеркалу из Пазырыкского кургана № 6 (Руденко 1953: 144, 356—357, рис. 85, табл. XXIX: 6; Лубо-Лесниченко 1975: 9, 27, № I 1; Hussman 1976: 130, 131, pl. 40; Шульга 2015: 267—368, рис. 1; Brosseder 2015: 283, list 1, no. 3; Шульга и др. 2016: 280, рис. 132: 1).

⁸ Bulling 1960: 30 (начало — третья четверть I в. н.э.); Werning 2009: 203 (период Восточная Хань); Ли Джи Ын 2010: 121—122, 206 (вторая четверть I — первая половина II в. н.э.); Törbat 2011: 321, fig. 4 (вторая половина I — начало II в. н.э.).

Обычай преднамеренного разбивания зеркал в погребальном обряде скифов (Фиалко 2011: 82—85; Полин, Дараган 2019: 213) и сарматов (Хазанов 1964: 91—96; Кузнецова 1988: 56; Фризен 2014: 123—125; Александрова 2016: 18—21; Полин, Дараган 2019: 202, 214) прослеживается, по крайней мере, начиная с IV в. до н.э. Заслуживает внимания тот факт, что отдельные фрагменты зеркал находят как в погребениях в пазырыкской культуре Алтая (Кубарев 1991: 105—106), так и, особенно, в погребениях хунну эпохи Западной Хань на Алтае, в Забайкалье и Синьцзяне (Руденко 1962: 92; Полосьмак и др. 2013: 315—317; Полосьмак, Богданов 2015: 83, рис. 3.53; 2016: 95; Lai 2006: 37, figs. 3—4; Erdenbaatar et al. 2011: 312, fig. 11: 3; 313; Törbat 2011: 323—324; Miller 2011: 572—573, fig. 10: 4—6; Leys 2018: 117—123; Kilunovskaya, Leus 2018: 12—13, figs. 36, 38, 39; Tishkin, Seregin 2019: 359, 361, fig. 2: 1—7; 371; Chen et al. 2020: 363), при этом в Китае в эпоху Хань обряд преднамеренной порчи зеркал не был распространен (Brashier 1995: 201—229; Brosseder 2015: 239; Chen et al. 2020: 363). Хотя высказывались соображения о том, что находки отдельных фрагментов зеркал в погребениях хунну (одного фрагмента в одном погребении) могут свидетельствовать не об обряде преднамеренной порчи, а о том, как ценились в среде кочевников такие зеркала и что они могли использоваться и после того, как были разбиты (Tishkin, Seregin 2019: 371), однако исследование отдельных фрагментов зеркал, в частности, фрагментов зеркала из «царского» комплекса № 7 могильника Царам, по мнению авторов публикации, говорит о том, что зеркало сначала было нагрето, а потом резко охлаждено, при этом отсутствуют фрагменты центральной части зеркала (Миняев, Сахаровская 2006: 81—82, рис. 2; Miniaev, Sakharovskaja 2007: 44—46, figs. 3—4). Следы нагревания и деформации фиксируются и на фрагментах зеркал из других могильников хунну (Hyeung-Won, Eun-Jeong 2011: 269, fig. 11: 18; 270—271). В то же время исследование структуры зеркала из могильника Царам не проводилось, а в тех случаях, когда специально исследовались фрагменты зеркал эпохи Хань, найденные в Синьцзяне, никаких признаков нагревания, а затем охлаждения этих зеркал обнаружено не было (Chen et al. 2020: 363).

Большинство китайских зеркал ханьского времени, найденных в сарматских погребениях Восточной Европы, — целые, что вероятно отражает отношение к ним как статусным и дорогим привозным предметам. Фрагментированы лишь зеркала из некрополя Танаиса (рис. 4: 2), одного из погребений Кобяковского могильника (рис. 4: 1), а также Бережновского могильника в Заволжье (рис. 5). Фрагмент края зеркала утрачен у зеркала из кургана № 43/1901 у ст. Казанской (Гущина, Засецкая 1994: 48, № 117, табл. 12; Гугуев, Трейстер 1995: 146, рис. 3: 1; 148; Marčenko, Limberis 2008: 347, Taf. 68: 10; Ли Джи Ын 2010: 28, 38, 112—113, табл. 5: 1; Brosseder 2015: 242, 245, 284, list 9, no. 10). В любом случае обращает на себя внимание тот факт, что все поздние зеркала, т.е. зеркала типов *TLV* и *qingbai*, найдены целыми, а фрагментированными — почти исключительно зеркала типа *siru*.

Если погребение в некрополе Танаиса было ограблено в древности, то фрагмент центральной части зеркала найден *in situ* в не ограбленной части погребения в кургане № 1/1983 Кобяковского могильника (рис. 4: 1), а, значит, в таком виде и был в него положен.

Этот фрагмент — единственный из найденных в Восточной Европе, у которого слегка заглажены острые края. Этот признак, на что обратил внимание Е.И. Лубо-Лесниченко (1975: 11) при исследовании китайских зеркал из Минусинской котловины, по его мнению, свидетельствует о том, что и после того, как зеркала были разбиты, их фрагменты могли находиться в употреблении.

От зеркала из Бережновского могильника в Заволжье (рис. 5) представлено множество фрагментов, общая композиция которых напоминает преднамеренно разбитое ханьское зеркало того же типа из могильника Царам в Забайкалье (Миняев, Сахаровская 2006: 81—82,

рис. 2; Miniaev, Sakharovskaia 2007: 44—46, figs. 3—4). Также как и у разбитого зеркала из могильника Царам, отсутствуют, главным образом, фрагменты центральной части. Все исследованные И.Г. Равич зеркала, найденные на территории Восточной Европы, в том числе и зеркало из Бережновского могильника, имеют литую структуру, а не структуру закаленных зеркал, которая образовалась бы в случае нагревания, а затем резкого охлаждения их (см. подробно ниже). Соответственно, доказательств такого сложного метода фрагментации зеркал нет — впрочем, сплав, из которого отлиты зеркала, довольно хрупкий и разбить такое зеркала при помощи ножа или топора не составляло проблемы.

2.5. Хронология и распределение находок

Вплоть до конца II — начала (первой половины) I в. до н.э. китайские предметы единичны и на запад далее Южного Приуралья не поступают (Трейстер 2018: 178—179, рис. 13). Единственное зеркало, датируемое временем ранее эпохи Хань, представлено фрагментом, найденным в Южном Приуралье в погребении IV в. до н.э. (рис. 11).

В комплексах второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. количество китайских предметов увеличивается. Они представлены, в том числе, двумя зеркалами западно-ханьского типа (Трейстер 2018: 179, рис. 14; 181) (рис. 12), которые происходят из Нижнего Поволжья и Подонья; в Южном Приуралье и в Крыму они не известны — якобы фрагмент китайского зеркала из Усть-Альминского могильника (Пуздровский 2013: 496), судя по ссылке (Пуздровский 2007: рис. 127: 8), ничего общего с китайскими зеркалами не имеет. Начиная с этого этапа в комплексах с китайскими зеркалами встречаются предметы западного импорта (Виноградный).

Декор зеркал этого времени воспроизводится на сарматских зеркалах-подвесках второй половины I — начала II в. н.э. (Guguev et al. 1991: 37—38, fig. 4: *a—d*; Гугуев, Трейстер 1995: 149, рис. 4: *1—4*; 150; Ли Джи Ын 2010: 127—129; Yao 2012: 57—70; Brosseder 2015: 239, fig. 16; 247—248, 287—288, lists 16—17)⁹. В последнее время выделяют и зеркала с «ханьскими элементами» (Ли Джи Ын 2010: 127—152, табл. 20—25; Brosseder 2015: 247—248, 288, list 18), а появление сарматских зеркал-подвесок с тамгообразными знаками, восходящими к китайским иероглифам, связывается с миграцией хунну (Богданов 2017: 5—32). Несмотря на то, что подражания зеркалам типа *riguang* датируются более поздним временем, чем китайские оригиналы, большого хиатуса между ними нет, так как зеркало из погребения в Старой Полтавке происходит из комплекса, который, с наибольшей вероятностью, датируется первой половиной I в. н.э. В свое время нам удалось обнаружить среди сарматских зеркал-подвесок — четыре экземпляра, в которых был заимствован в упрощенной форме декор зеркал типа *riguang*, две находки которых происходят с территории Азиатской Сарматии (Guguev et al. 1991: 37—38, fig. 4: *a—d*; Гугуев, Трейстер

⁹ Мы в свое время указали, что зеркала происходят из комплексов второй половины I — начала II в. н.э. (Гугуев, Трейстер 1995: 150). В любом случае, хронологическая таблица зеркал подвесок с «ханьскими элементами», по классификации Ли Джи Ин, абсолютно произвольно перемещает зеркала в сторону их омоложения. Так, например, зеркало из Тиранбы попадает в таблице на рубеж II—III в. н.э. (Ли Джи Ин 2010: 140, 150—151, табл. 25), что абсолютно исключено, так как в склепе № 54/1966 некрополя Тиранбы, в котором было пять погребений и два трупосожжения, и который, судя по сопровождающему инвентарю, использовался начиная со второй половины I в. до н.э. по I в. н.э. нет никаких материалов, датируемых позднее I в. н.э. (в самых поздних погребениях) (Коровина 1987: 56—58). О датировке зеркал-подвесок с боковой петлей и рельефным декором, см., например, Марченко 1996: 24; Глухов 2003: 94. О том, что в Северном Причерноморье они появляются раньше, чем в Азиатской Сарматии, еще в последней трети I в. н.э., см.: Труфанов 2007: 180; 2009: 238, рис. 68; 255—256. О появлении орнаментированных зеркал подвесок еще в I в. н.э. см. также: Косяненко 2008: 108—112; Горбенко, Косяненко 2011: 49—51.

1995: 149, рис. 4: 1—4; 150)¹⁰. Скорее всего, Е.В. Богданов, когда он реконструирует путь «трансляции» китайских изобразительных схем через посредничество хунну на запад Евразии и обращает внимание на «ничтожно малое количество находок в сарматских погребениях собственно китайских зеркал и их фрагментов, при обилии их реплик» (Богданов 2017: 6), имеет в виду **все** сарматские зеркала-подвески с тамгообразными знаками. Такой подход к сравнению, на мой взгляд, не правомерен, так как не отражает очевидную связь между конкретными зеркалами с определенным типом декора.

В комплексах второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. зеркала встречаются значительно чаще. По-прежнему, они не известны в Приуралье, но представлены и в Прикубанье, и в Нижнем Поволжье, и особенно — в Нижнем Подонье. В целом распределение китайских предметов близко к тому, которое мы наблюдаем в предшествующий период (Трейстер 2018: 180—181, рис. 15) (рис. 13). Предметы западного импорта (бронзовая и стеклянная римская посуда) — частая совместная находка (Третьяки, оба комплекса из Кобяковского могильника, Чугуно-Крепинка).

В погребениях позднесарматского времени конца II — середины — второй половины III в. н.э. китайские зеркала относительно в большом количестве представлены на Урале, где картографирование находок позволяет выделить две локальные группы (1 — Южное Приуралье: Лебедевка и могильники в бассейне р. Илек; 2 — Южная Башкирия, междуречье Сакмары и Урала, и Зауралье) при этом далее на запад — в Нижнее Поволжье и Подонье они вообще перестали попадать; известно лишь два зеркала за пределами Южного Урала — в Закубанье и Центральном Предкавказье (Трейстер 2018: 180—181, рис. 16) (рис. 14). Соображения о том, что эти зеркала целенаправленно поступали к кочевому населению Южного Приуралья уже высказывались (Малашев, Яблонский 2008: 59). Зеркала встречаются в одних комплексах вместе с римскими шарнирными брошами, украшенными в технике миллефиори (Покровка-10, курган № 24, Темясово, курган № 3), в одном случае — бронзовая патера была найдена в другом погребении того же кургана (Лебедевка, курган № 23). В аналогичном же сочетании (провинциально-римская брошь и бронзовый таз было найдено и зеркало в погребении № 2 могильника у хут. Городской в Адыгее (Marčenko, Limberis 2008: 375—376, Nr. 192, Taf. 200).

О том, что в Средней Азии основные типы китайских зеркал были в обращении еще одно-два столетия спустя после прекращения их производства в Китае, уже было написано (Литвинский 1978: 104). Подобное запаздывание следует отметить и для зеркал типа *qingbai*, найденных в Южном Приуралье в погребениях, которые датируются в рамках второй половины (конца) II — III в. н.э., если мы принимаем датировку таких зеркал в Китае второй половиной I — началом II в. н.э. (Törbat 2011: 321, fig. 4)¹¹. Однако для более ранних зеркал типа *siru*, которые были найдены в Нижнем Подонье в комплексах второй половины I — начала II в. н.э., такого запаздывания (во всяком случае столь значительного) не наблюдается, если мы принимаем датировку производства таких зеркал в Китай вплоть до третьей четверти I в. н.э. (Werning 2009: 203, Anm. 37; Ли Джи Ын 2010: 109; Törbat 2011: 322—323). Это же касается и зеркал типа *zhaoming*, которые получают в Китае распространение, как в I в. до н.э., так и в I в. н.э., а в Подонье происходят из комплексов второй половины I — первой половины II в. н.э.

¹⁰ Вероятно подражанием является и небольшой фрагмент зеркала с фризом, украшенным имитацией иероглифов (?) из ограбленного погребения кургана № 58 могильника Первомайский-VII (Мамонтов 2000: 63, № 8, рис. 35: 23) (я благодарен В.К. Гугуеву, обратившего мое внимание на эту находку).

¹¹ Известно, в частности, одно такое зеркало с надписью, датированной 64 г. н.э.: Bulling 1960: 30.

Можно ли рассматривать китайские бронзовые зеркала как предметы торговли, о чем, кстати, нет никакой информации в письменных источниках, касающихся китайской торговли? Если предположить, что они относились к предметам торговли по Великому шелковому пути, то придется признать два следующих из датировки находок вывода. Во-первых, эти зеркала не попадали в античные центры Северного Причерноморья и далее на территорию Римских провинций — ни там, ни там их находки неизвестны. Единственное зеркало, найденное на Боспоре, и происходящее из некрополя Танаиса, картины не меняет — оно происходит из подкурганного погребения, а тот факт, что с середины II в. н.э. сарматы проживали в Танаисе в сравнительно большом количестве, хорошо известен (Даньшин 1990: 51—56; Завойкина 2004: 163—199; Вдовченков 2012: 163—171; Безуглов, Ильяшенко 2016: 181—186). Таким образом, путь зеркал заканчивался в степи. Более того, начиная со второй половины II в. н.э. (позднесарматская культура) китайские зеркала перестают попадать на запад от Приуралья — их находки неизвестны ни в Нижнем Поволжье, ни на Дону. Это означает, что связь распространения китайских зеркал с функционированием северной ветки Великого Шелкового пути («Мехового пути») маловероятна (Трейстер 2018: 181—182).

3. Состав, технология изготовления и особенности коррозионного разрушения китайских зеркал, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии

3.1. Состав, технология изготовления зеркал, найденных в Китае

Представленный выше обзор типологии, стиля и хронологии китайских зеркал мы дополнили показателями состава, технологии изготовления и коррозионного разрушения небольшой группы находок, от которых у нас была возможность отобрать образцы для анализа.

Нам представлялось полезным ввести эти данные в научный оборот, так как, несмотря на существование обширных коллекций китайских зеркал, которые продолжают пополняться за счет новых археологических раскопок, технических сведений о зеркалах, особенно из датированных археологических комплексов, сравнительно немного.

В задачу нашего исследования входило определение того, не являются ли находки из погребений кочевников Азиатской Сарматии подражаниями китайских зеркал, повторяя только их внешний вид, но не технические характеристики. Мы предполагали выяснить этот вопрос путем сопоставления состава и технологии изготовления зеркал из Азиатской Сарматии с данными литературных источников, описывающих китайские технологические традиции получения зеркальных сплавов.

Как известно, изучение состава китайских зеркал началось в 30-х годах прошлого века (Collins 1931: 23—55; Gettens 1934: 29—37; Plenderlith 1938: 33—35) и продолжается до настоящего времени (Riederer 1977: 6—10; Chase 1977: 194, fig. Q-1-5; Chase 1993: 100; Zhu, He 1993: 50—62; Castello 2005: 1—54; Боталов и др. 2015: 17—21; Zhangsun et al. 2017: 1—29, tab. 1—3; Тигеева, Белоногова 2018: 74—96; Тишкин, Серегин 2019: 357—375; Chen et al. 2020: 363; Liang, Parker 2021: 41—57).

В результате исследований было установлено, что основными легирующими элементами китайских зеркальных бронз являются олово и свинец, однако, соотнести их содержания с определенными хронологическими периодами сложно. Это связано с тем, что концентрации олова и свинца в китайских зеркалах не менялись, начиная с эпохи Воюющих царств (475 г. до н.э.— 221 г. до н.э.) и вплоть до династии Тан (619—907 гг. н.э.). Китайские мастера отливали зеркала из высокооловянной бронзы со свинцом, в которой концентрации олова

варьировалась от 18 до 26%, свинца от 1 до 9%, среднее содержание олова составляло 22—25%, а свинца 5—6% (Zhu, He 1993: 52).

С. Сун и Н. Кеннон, исследовавшие состав и технологию изготовления четырех китайских зеркал, происходящих из музеев китайских провинций Хунань, Шанхай и музея Ченг провинции Хубай, и датируемых периодом от эпохи Воюющих Царств до эпохи Тан, также обращают внимание на то, что датировать китайские зеркала по составу сложно. Они отмечают, что «их состав очень близок, несмотря на то, что зеркала относятся к разным периодам времени, отличаются различной типологией и характером коррозии» (Sun, Kennon 2002: 4—5, tab. 1).

Авторы публикаций приводят следующие средние содержания олова и свинца в китайских зеркалах. Согласно исследованиям В.Т. Чейза, средняя концентрация олова в китайских зеркалах составляет 26%, свинца — 6% (Chase 1977: 194, fig. Q-1-5; Chase 1993: 100). Д.А. Скотт в монографии, посвященной древним металлам, отмечает, что идеальный состав китайских зеркал — 26% олова и 3% свинца с вариациями каждого элемента $\pm 10\%$ (Scott 2011: 159). Чжангсун и его соавторы на основе анализа составов 173 китайских зеркал, приведенных в публикациях 1925—2011 гг., а также на базе собственных исследований 34 экземпляров показали, что начиная от периода эпохи Хань и вплоть до периода Шести Династий (VI в. н.э.), среднее содержание олова в зеркалах составляло 25%, свинца — 5% (Zhangsun et al. 2017: 6—20, fig. 3, tab. 1—3). В более ранние периоды эпохи Воюющих Царств и династии Цинь наблюдается большой разброс концентраций этих элементов, свидетельствующий о поиске оптимальной рецептурной нормы зеркальных бронз (Zhangsun et al. 2017: 6—20, tab. 3, № 1—53). Анализ таблиц 1—3, приведенных в этой работе, а также исследование Чена и соавторов (Chen et al. 2020: 363, fig. 4) показывают, что низкие концентрации свинца (1—2%) чаще встречаются в ранних китайских зеркалах эпохи Воюющих царств и восточной династии Хань, чем в более поздние периоды. Концентрация олова определяет цвет зеркальных бронз: при переходе от сплавов с содержанием олова 22% к сплавам, в которых его количество составляет 26%, цвет постепенно переходит от светло-желтого до белого в бронзах с 24—26% олова. Как видно из приведенных выше данных, китайские мастера отдавали предпочтение высокооловянным зеркалам, полученным из бронз белого цвета; использовали также и желтые сплавы. Подлинно белыми в Китае считали изделия с концентрацией олова 30—40% (Meeks 1993: 65), хотя таких зеркал находят немного. Количество свинца не влияло на цвет бронз (Chase 1993: 94).

Зеркала с высоким содержанием олова отличаются прекрасной коррозионной стойкостью (Chase 1993: 96, fig. 6) и большой твердостью (200—400 кг/мм²) (Равич 1983: 136—143, рис. 3), они легко полируются. Недостатком сплавов, содержащих 20% и более олова, является их хрупкость, из-за чего многие находки фрагментированы. Введение свинца уменьшает пористость и улучшает жидкотекучесть зеркальных бронз.

При анализе состава китайских зеркальных бронз, важно отметить чистоту их металла, о которой гласят надписи на китайских зеркалах, подтвержденные исследованиями их состава и микроструктуры. Е.И. Лубо-Лесниченко приводит следующую надпись по краю зеркала, неоднократно повторяющуюся и на других экземплярах: «Металл, выплавленный сто раз, пригоден для изготовления зеркала» (Лубо-Лесниченко 1975: 11, 43). Для получения зеркальной бронзы высокой чистоты китайские мастера подвергали медь многократному огневому рафинированию, в процессе которого из нее удалялись примеси. Только после этого в медь вводили олово и свинец (Zhu, He 1993: 51—52). В качестве примера высокой чистоты металла авторы приводят содержание железа, составлявшее в китайских зеркальных

бронзах 0,1—0,2%, а в некоторых ханьских зеркалах 0,04—0,05%, хотя после выплавки меди из руды концентрация железа была не менее 5%.

Серебристая поверхность китайских зеркал могла быть следствием особого способа холодного лужения (Zhu, He 1993: 57—60) или серебрения с помощью амальгамы (Needham 1962: 57). В процессе лужения поверхность полированного высокооловянного зеркала натирали специальной пастой Хуан Хи, основным компонентом которой была оловянная амальгама. Одновременно с помощью этой пасты полировали поверхность, так как в ее состав входили квасцы и порошок, полученный из рога оленя. После обработки на поверхности зеркал возникал очень тонкий блестящий слой олова. Определить наличие следов ртути вследствие амальгамного лужения сложно, т.к. согласно современным исследованиям, ртуть может испариться через три года (Zhu, He 1993: 57, 58).

Коррозия луженых зеркал в зависимости от состава почвы и ее кислотности часто приводила к формированию на их поверхности благородной черной, зеленой, серой или серебристой патины, состоявших из тонкой пленки аморфного соединения SnO_2 и нескольких процентов Si, Fe, и Al (Zhu, He 1993: 61).

Особый интерес исследователей вызывает благородная черная патина в связи с дискуссией о ее искусственном (Chase, Franklin 1979: 216—258; Wang et al. 1996: 110; Wang, Suzuki 1998: 146) или естественном (Meeks 1993: 63—84; Zhu, He 1993: 50—62; Williams et al. 1998: 148; Scott 2002: 339—349) происхождении.

Поверхность высокооловянных золотистых зеркал, найденных при археологических раскопках, часто становилась белой вследствие почвенной коррозии, связанной с переходом в почву ионов меди из структурных составляющих сплава — α -фазы и эвтектоида ($\alpha+\delta$). Сохранение в поверхностном слое белой δ -фазы и образование окиси олова в участках α -фазы придавало зеркалам серебристый цвет (Meeks 1993: 265; Scott 2002: 349). Следствием коррозионных процессов является обогащение поверхности зеркал оловом, изменения наблюдаются также в концентрации свинца и примесей, встречаются элементы, перешедшие в металл из почвы — Si, Fe, P и др. В ряде случаев количество олова на поверхности зеркал достигало 50—70%, свинца — 20% (Zhu, He 1993: 55, tab. 5: 3; Meeks 1993: 65, tab. 6: 1). Высокие концентрации олова (38—62%), получены при исследовании с помощью метода РФА состава поверхности шести китайских зеркал II—III вв. н.э., найденных на территории Южного Урала (Боталов и др. 2015: 17—21).

Китайские зеркала изготавливали методом литья, используя глиняные и каменные формы (Bai 2011: 176—182). Глиняные формы нагревали перед литьем. Малотеплопроводные глиняные и каменные литейные формы обеспечивали медленное охлаждение расплава, что помогало избежать трещин, вызванных давлением металла (Meeks 1993: 73). Преимуществом каменных форм была возможность их многократного использования. Формы состояли из двух створок, соответствующих лицевой и тыльной стороне зеркал, на одну створку наносили декор, иногда в сочетании с надписями. Начиная с династии Тан (619—907 гг. н.э.), отливку осуществляли по восковой модели (Zhu, He 1993: 52).

В китайских зеркалах изредка наблюдаются дефекты литья, газовые поры, а также сульфиды меди и железа, различимые в микроструктуре (Meeks 1993: 73; Sun, Kennon 2002: 5; Zhangsun et al. 2017: 20).

3.2. Состав, технология изготовления зеркал из погребений кочевников Азиатской Сарматии

Мы изучили семь зеркал, найденных на следующих памятниках (табл. 1) (последовательность номеров зеркал дается в соответствии с их хронологией, рассмотренной в предыдущем разделе статьи).

Таблица 1. Происхождение зеркал № 1-7 и номера их рисунков

Зеркало	Могильник, курган, погребение	Рисунок
1	Чкаловский, курган № 4/1983, погребение № 3	1
2	Кобяковский, курган № 1/1983, погребение № 1	4: 1
3	Кобяковский, курган № 10/1987, погребение № 1	4: 3—4
4	Танаис, курган № 10/1968, погребение № 1	4: 2
5	Бережновский-II, курган № 33/1954, погребение № 1	5
6	Черный Яр, курган № 42/2007, погребение № 1	7—9
7	Покровка-10, курган № 24/2000, погребение № 1	6: 2

3.2.1. Методика исследования

Состав зеркал 2, 3 и 6 определяли методами эмиссионного спектрального анализа на установке СТЭ—1. От зеркал 1, 5—7 были отобраны небольшие образцы, которые изучали с помощью метода сканирующей электронной микроскопии на приборе «Самебах» с приставкой для энергодисперсионного анализа¹². Состав серебристых участков на поверхности китайских зеркал № 2 и 3, описание которых приведено ниже, определяли с помощью рентгенофлуоресцентного анализа на приборе «NITON», чтобы выяснить, не является ли цвет металла следствием лужения или серебрения¹³.

Содержание олова в зеркалах уточняли с помощью металлографии путем сопоставления микроструктур зеркал и экспериментальных литых сплавов (образцов сравнения) с различным количеством олова. Как известно, микроструктура литых оловянных бронз в интервале содержаний олова 20—30%, четко отражает изменение концентрации на 1%, что дает возможность определять количество олова в зеркалах, используя металлографический метод (Chase 1993: 100). Образцы сравнения представляли собой цилиндры диаметром 15 мм, высотой 50 мм, содержавшие от 20 до 30% олова в меди (это содержание олова, как рассмотрено выше, характерно для китайских зеркальных бронз), концентрацию олова варьировали через 1%. Отливку производили в малотеплопроводную форму из шамотного кирпича. Технологию изготовления образцов определяли с помощью металлографии, которую осуществляли на металлографическом микроскопе МИМ-8. Исследовали поперечное сечение образцов, которые заливали в самотвердеющую пластмассу марки Протакрил, шлифовали на различных номерах шлифовальной бумаги и полировали с помощью взвеси трехоксида хрома в воде. Для травления использовали реактив следующего состава: $K_2Cr_2O_7$ — 2 г, H_2SO_4 — 8 мл, H_2O — 100 мл, $NaCl$ (насыщ.) — 4 мл. Металлографическое исследование на микроскопе МИМ—8 выполнено И.Г. Равич в отделе металла Государственного научно-исследовательского института реставрации.

¹² Работу на установке СТЭ—1 проводил зав. отделом металла Государственного научно-исследовательского института реставрации А.Ф. Дубровин, исследование на микроскопе «Самебах» — аналитик кафедры минералогии МГУ им. Ломоносова И.А. Брызгалов.

¹³ Исследование осуществлял инженер CCSERVICE, А.И. Юсев.

3.2.2. Результаты исследования

3.2.2.1. Коррозия и дефекты литья

Изученные нами китайские зеркала № 1, 6, 7 подверглись коррозии, которая проявляется на поверхности их тыльной и лицевой сторон в виде характерных зеленых медных солей, в некоторых участках были заметны коричневые пятна куприта, красные в поляризованном свете. Наиболее интенсивной коррозии подверглось зеркало № 1, найденное в могильнике Чкаловский, которое было покрыто толстым слоем куприта, перемежающегося с зелеными солями меди, по краю тыльной стороны этого зеркала проходили трещины.

На зеркале из могильника Черный Яр (№ 6) на большой площади в центре и по краям тыльной стороны просвечивал металл серебристого цвета, он также проявлялся под слоем зеленых солей в отдельных точках лицевой стороны. На зеркале из кургана № 24 могильника Покровка-10 (№ 7) серебристый металл был виден на детали декора.

Специфическими чертами коррозии лицевой стороны зеркала № 6 были концентрические окружности и пересекающие их в радиальном направлении прямые линии, являвшиеся отпечатками футляра, в который было помещено зеркало (рис. 8). В некоторых участках был замечен выборочный рост зеленых медных солей вдоль этих линий. Под бинокулярным микроскопом на одном из участков поверхности удалось обнаружить остатки древесных волокон, повторяющих изгиб концентрических окружностей, и мелкие древесные «щепки» (рис. 15: 1—2). Это было связано с тем, что зеркало находилось в плетеном из древесных волокон футляре, следы которого сохранились на корродированной поверхности лицевой стороны изделия.

Декор на тыльной стороне зеркала № 6 был выполнен в низком рельефе. При исследовании под бинокулярным микроскопом на тыльной стороне зеркала № 6 были обнаружены поры, каверны и затеки металла в неровности и углубления литейной формы (рис. 15: 3—4), которые при обычном визуальном исследовании не были заметны и не влияли на внешний вид зеркала. В центре его лицевой стороны был замечен дефект литья в виде небольшого отверстия, вероятно, связанный с недоливом металла в области центральной выпуклости тыльной стороны. Поры и литейные дефекты, как отмечено выше, были присущи и китайским зеркалам (Meeks 1993: 73; Sun, Kennon 2002: 5; Zhangsun et al. 2017: 20). Поэтому можно предполагать, что зеркало № 6, несмотря на недостатки литья, не является подражанием, что подтверждается его техническими показателями, рассмотренными ниже.

3.2.2.2. Состав металла

В таблице 2 приведен состав зеркал. Как видно из этой таблицы, концентрация в них олова колеблется в интервале 22,35—25,0%, что соответствует рассмотренным выше рецептурным нормам китайских зеркал, хотя не совпадает с их оптимальным составом — 26%. Зеркала № 1, 6 и 7 отличаются желтым цветом, который определяется концентрацией олова в этих находках. Содержание свинца меняется от 1,52% до 7,54%, т.е. не выходит за пределы, отмеченные в литературе.

Концентрации примесей в исследованных нами зеркалах близки к их содержаниям в китайских сплавах: сарматские находки отличает присутствие сурьмы — от 0 % до десятых долей процента, цинка — от 0% до сотых долей процента, никеля — в пределах сотых — десятых долей процента, железа — от 0,02 до 0,2% (табл. 2). В большинстве находок содержание примесей не превышает сотые, реже десятые доли процента. Близкие

концентрации примесей и высокая чистота металла характерны и для китайских зеркал (Colins 1931: 41—43; Riederer 1977: 10, 11).

Более раннее зеркало № 1 по концентрации олова и примесей не отличается от исследованной нами группы зеркал, однако выделяется низким содержанием свинца — 1,5%. Пониженная концентрация свинца, как отмечено выше, характерна для ранних китайских зеркал периода Воюющих Царств и восточной династии Хань (Chen et al. 2020: 363, fig.4). Приведенные данные являются дополнительным подтверждением вывода М.Ю. Трейстера о том, что зеркало № 1 с т-образными иероглифами является древнейшей находкой этого типа за пределами Китая.

В составе областей белого металла на тыльной стороне зеркала № 6 и в области орнамента зеркала № 7 выявлено повышенное содержание олова по сравнению с его концентрацией в сплаве (табл. 2: 6—7). В зеркале № 6 оно составляет 29%, в зеркале № 7 — 27%. Содержание свинца и примесей в рассматриваемых областях также отличается от их количества в сплаве (в зеркале № 6 — 4,5% свинца, 0,5% сурьмы, 0,2% железа, не более 0,1% — остальных элементов; в зеркале № 7 — повышенное содержание железа — 0,2%). Обогащение поверхности оловом в зеркалах № 6 и 7, как показало металлографическое исследование, приведенное ниже, сопровождается процессом избирательной коррозии, связанной с преимущественным растворением α -фазы (рис. 15: 6, 16: 6). Этим процессом обусловлена повышенная концентрация олова и иной состав примесей в областях белого металла по сравнению с составом основного сплава. Следы серебряного или оловянного покрытия в этих находках отсутствуют. Особенности избирательной коррозии, подробно описанные в исследованиях Н. Микса и Д. Скотта (Meeks 1993: 265; Scott 2002: 349), были рассмотрены выше.

3.2.2.3. *Технология изготовления зеркал*

Нам удалось изучить образцы зеркал № 1, 5—7, технология изготовления которых была определена металлографическим методом. Как показало исследование, зеркала получены с помощью литья, а их микроструктуры (рис. 15: 5—6, 16) подтверждают состав этих находок, представленный в табл. 1. После травления на шлифах заметны три фазы: α -фаза в виде областей круглой и пластинчатой формы, расположенная на фоне эвтектоида ($\alpha + \delta$), а также включения свинца. Эти включения отчетливо проявляются на нетравленном шлифе зеркал № 5 и 6 в виде многочисленных мелких и неравномерно распределенных крупных глобулей, некоторые из которых вследствие коррозии замещены медью (рис. 16: 4). Вторично восстановленная медь заметна в зеркале 5 под слоем зеленых медных солей и в областях α -фазы в зеркале № 7. Характер микроструктуры и размер фаз свидетельствуют, что зеркала кристаллизовались в малотеплопроводной глиняной или каменной форме. Более раннее зеркало № 1 не выделяется по характеру своей микроструктуры (рис. 16: а—б).

Микроструктура исследованных нами находок характерна и для древних китайских зеркал с близким содержанием олова, которые после литья кристаллизовались в глиняной или каменной форме (Sun, Kennon 2002: 3—15, fig. 1—5, 7). В микроструктуре изученных нами зеркал отсутствуют окислы, сульфиды и другие интерметаллические включения, металл отличается чистотой, что, как отмечено выше, характерно и для китайских зеркальных сплавов.

Исследование микроструктур участков белого металла на поверхности тыльной стороны зеркала № 6 и на детали орнамента зеркала № 7 показало, что в этих областях первичная α -фаза и α -фаза, входящая в эвтектоид, подверглись значительной коррозии (рис. 15: 6, 16: 6:

темные области), δ -фаза эвтектоида коррозией не затронута (рис. 15: 6, 16: 6: светлые области). Вследствие этого рассматриваемые участки обогащены оловом, что подтвердил анализ их состава, приведенный выше, и имеют белый цвет. Исследование микроструктуры зеркала № 6 в поляризованном свете выявило, что в корродированной α -фазе иногда образуется ярко-красная закись меди Cu_2O . В зеркалах № 1 и 5 проявляется иной вид коррозии, когда преимущественному разрушению подверглась δ -фаза, входящая в эвтектоид, который заметен в виде темных областей в микроструктуре этих изделий (рис. 15: 4, 16: 2). Такой вид коррозии также описан в литературе (Scott 2002: 344).

Установлено, что разрушение δ -фазы приводит к образованию на ее месте сложного соединения $\text{Sn}_{1-x}(\text{Cu}, \text{Fe}, \text{Pb}, \text{Si})_x\text{O}_2$. При коррозии этого типа на поверхности зеркал № 1 и 5 формируется область серого цвета, расположенная под слоем зеленых солей меди и красного куприта.

3.2.2.4. *О преднамеренной порче зеркал*

Рассмотрим вопрос о возможности преднамеренной поломки зеркал № 1 и 5, найденных в погребениях в виде фрагментов. Мы обратились к этой теме в связи с публикациями, касающимися ритуальной порчи китайских зеркал, найденных в фрагментированном виде в захоронениях сюнну I в. до н.э. — I в. н.э. в долине Цараам в республике Бурятия (Miniaev, Saharovskaia 2008: 45—46) и в погребениях в Синьцзяне периода Восточной династии Хань (Chen et al. 2020: 363). Некоторые детали декора зеркал были оплавлены, что позволило исследователям сделать заключение о ритуале, связанном с нагревом целых зеркал до высокой температуры и последующей закалкой их в воде, которая привела к растрескиванию зеркал.

Чен и его соавторы (Chen et al. 2020: 363) проверили возможность применения подобной обработки на пяти фрагментах зеркал, которые они исследовали с помощью металлографии. Зеркала были отлиты из высокооловянной бронзы, содержащей 26,69—27,74% олова и 1,52—2,2% свинца. Как известно, высокотемпературный нагрев высокооловянных бронз с последующей закалкой их в воде приводит к изменению литой структуры и появлению β -фазы, имеющей характерное игольчатое строение (Sun, Kennon 2002: 8, fig. 9, 11). Авторы не обнаружили этой структуры в исследованных фрагментах, однако они не исключают, что, поскольку высокооловянные зеркала хрупкие, их без труда могли специально разбить перед погребением.

Проведенное нами металлографическое исследование фрагментов китайских зеркал № 1 и 5, найденных в Азиатской Сарматии, также не подтверждает применение нагрева с последующим охлаждением в воде, так как фрагменты имеют литую структуру (рис. 15: 1—3). Вопрос о том, разбивали ли зеркала перед погребением или они поломались в период бытования из-за хрупкости высокооловянных бронз, из которых их отливали, остается открытым.

3.3. Заключение

Подводя общие итоги исследования китайских зеркал, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, важно отметить следующее. По своему составу они образуют единую группу оловянных бронз со свинцом, отличающихся высоким содержанием олова (22—25%) и свинца — в пределах 1,52—7,54%. Подобные составы характерны и для бронз зеркал, найденных в Китае. Металл зеркал, найденных в Азиатской Сарматии, как и китайских, отличается высокой чистотой, содержание большинства примесей составляет не более сотых или десятых долей процента. Концентрации примесей в исследованных находках и в китайских зеркалах близки.

Более раннее зеркало № 1 не выделяется по содержанию олова и примесей от изученных нами зеркал и от китайских зеркальных сплавов, но отличается пониженной концентрацией свинца — 1,52%, характерной для ранних китайских зеркал периода Воюющих Царств и восточной династии Хань (Chen et al. 2020: 363, fig. 4). Приведенные данные являются дополнительным подтверждением вывода М.Ю. Трейстера о том, что зеркало № 1 является древнейшей находкой зеркала с т-образными иероглифами в Евразии, датирующейся с наибольшей вероятностью еще последней третью V — первой половиной IV в. до н.э.

Характер микроструктуры исследованных нами зеркал свидетельствует, что они получены по традиционной для китайских зеркал технологии с помощью литья в малотеплопроводную глиняную или каменную форму. В микроструктуре зеркал из погребений кочевников Азиатской Сарматии не обнаружено окислов, сульфидов и интерметаллических включений — металл чистый, что отличает и китайские зеркальные сплавы.

В микроструктуре фрагментов зеркал №1 и 5 нет признаков высокотемпературного нагрева с последующей закалкой в воде и, следовательно, их фрагментированность не является следствием применения подобной обработки с целью ритуальной поломки зеркал.

Особенности коррозионного разрушения исследованных нами зеркал (преимущественная коррозия α -фазы, приводящая к формированию в зеркалах № 6 и 7 серебристой поверхности, коррозия δ -фазы в зеркалах № 1 и 5, выделение вторичной меди на поверхности зеркал и в местах залегания свинца,) типичны для высокооловянных бронз, найденных в культурном слое. Аналогичные особенности коррозии проявляются и в китайских зеркальных бронзах.

Суммируя приведенные выше технические показатели китайских зеркал, происходящих из погребений кочевников Азиатской Сарматии, можно заключить, что по этим характеристикам они демонстрируют высокую степень сходства с китайскими зеркалами. Это означает, что находки из сарматских погребений не являются подражаниями китайских зеркал — они изготовлены китайскими бронзолитейщиками и происходят с территории Китая.

Таблица 2. Размеры и состав исследованных китайских зеркал

№	Дм. (мм)	Состав, % (вес.)											
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	106	73,76	23,45	1,52	0,02	0,02	0,06	0	0,14	0,02	0,27	0,07	0
2	140	основа	24	6	0	0,14	0,1	0,45	0,45	0,02	0,24	0,06	0,001
3	90	основа	24	5	0	0,02	0,02	0,55	0,35	0,15	0,1	0,14	0,002
4	Фрагмент	основа	25	5	0,06	0,04	0,07	0,4	0,41	0,2	0,05	0,11	0,002
5	Фрагмент	68,32	24,34	6,84	0,02	0,05	0,14	0,14	0,42	0,2	0,05	0,11	0,002
6	168	69,32	23,16	6,72	0,01	0,03	0,14	0,25	0,59	0,08	0,06	0,04	0
7	115	79,86	22,35	7,54	0,04	0,04	0,03	0,03	0,42	0,05	0,09	0,07	0

Примечание

Состав зеркал № 2—4 определен методом эмиссионного спектрального анализа, 1, 5—7 — методом сканирующей электронной микроскопии.

Литература

- Александрова А.И. 2016. Фрагментированные зеркала в погребальном обряде сарматов Южного Приуралья. В: Ахатов А.Т. (отв. ред.). *Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых*. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 18—21.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2016. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н. э. (культурно-исторический облик). В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2016 г.)*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 181—186.
- Берлизов Н.Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. — V в. н.э.* Краснодар: Парабеллум.
- Богданов Е.С. 2017. Происхождение тамг хунну. *НАВ* 16 (2), 5—32.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Рифей.
- Боталов С.Г., Полушкин Н.А. 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. н.э. В: Григорьев С.А. (отв. ред.). *Новое в археологии Южного Урала*. Челябинск: Рифей, 178—193.
- Боталов С.Г., Юминов А.М., Гиззатуллина М.Н. 2015. Опыт применения методов рентгенофлуоресцентных исследований и евклидовой метрики для кластерного анализа бронзовых зеркал раннегуннского периода. *Бюллетень Южно-Уральского Государственного Университета. Серия "Исторические науки"* 15 (2), 17—21.
- Вдовченков Е.В. 2012. Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II—III вв. н.э.). *Вестник Танаиса* 3, 163—171.
- Глебов В.П. 2002. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры. *Донская археология* (1—2), 28—41.
- Глухов А.А. 2003. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона). *НАВ* 6, 89—102.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. *Некрополь Паниардиса*. Азов: Азовский музей-заповедник (Донские древности 11).
- Горбунова Н.Г. 1990. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы. В: Ставиский Б.Я. (отв. ред.). *Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: древность и средневековье*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 45—50.
- Гугуев В.К. 2018. Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху III*. Симферополь: Наследие тысячелетий, 58—84.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. 1995. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы. *РА* (3), 143—156.
- Даньшин Д.И. 1990. Танаис и танаисцы во II—III в. н.э. *КСИА* 197, 51—56.
- Завойкина Н.В. 2004. *Ταναῖται* в истории Боспорского царства. *Древности Боспора* 7, 163—199.
- Казакова Л.М., Каменецкий И.С. 1970. Курганы Танаиса. *КСИА* 124, 81—87.
- Кат. Уфа 2007: Юнусова А.Б. (отв. ред.). *Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН*. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН.
- Коровина А.К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970). *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств* 8, 3—70.
- Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (Донские Древности 9).
- Косяненко В.М., Максименко В.Е. 1989. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный. *СА* (1), 264—267.

- Краева Л.А., Радивоевич М., Равич И.Г., Черникова Л.П., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. 2018. Китайское зеркало из позднесарматского комплекса «Черный Яр». *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 23.3, 176—188. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.16>.
- Кубарев В.Д. 1991. *Курганы Юстыда*. Новосибирск: Наука.
- Кузнецова Т.М. 1988. Зеркала в погребальном обряде сарматов. *СА* (4), 52—61.
- Левина Л.М., Равич И.Г. 1995. Бронзовые зеркала из Джетыясарских памятников. В: *Джетыясарская культура 5. Низовья Сырдарьи в древности V*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 122—184.
- Леус П.М. 2018. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве. В: *Тезисы Второй Всероссийской научной конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященной 90-летию со дня рождения А.Д. Грача*. Санкт-Петербург: ИИМК, 117—123.
- Ли Джи Ын. 2009. Анализ надписей на зеркалах, найденных в погребениях кочевников на юге России. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Археологические записки*. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 193—197.
- Ли Джи Ын. 2010. *Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н.э. — III в. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук*. Ставрополь: СГУ.
- Литвинский Б.А. 1978. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. Москва: Наука.
- Лубо-Лесниченко Е.И. 1975. *Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири*. Москва: Главная редакция Восточной литературы.
- Лубо-Лесниченко Е.И. 1994. *Китай на Шелковом пути*. Москва: Наука.
- Максименко В.Е., Ли Джи Ын 2015. Предметы из Восточной Азии в погребальных комплексах кочевников эпохи раннего железного века Нижнего Дона. В: Коренько В.А., Бойко Л.А. (ред.). *TANAIN DE POTAMON LIABANTI. Памяти В.Е. Максименко (1934—2014)*. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 138—144.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. Москва: Восточная литература.
- Мамонтов В.И. 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII). Волгоград: ВолГУ.
- Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Мастыкова А.В. 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов. *КСИА* 232, 136—150.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. 2006. Ханьское зеркало из могильника Царам. *Записки ИИМК* 1, 77—82.
- Мошкова М.Г. 1982. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане. *КСИА* 170, 80—87.
- Оборин Ю.В., Савосин С.Л. 2017. *Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок*. Красноярск; Москва: [б.и.].
- Полин С.В., Дараган М.Н. 2019. Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V—IV вв. до н.э. *Античный мир и археология* 19, 201—241.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2015. *Курганы Сузуктэ (Ноин-Ула, Монголия)*. Ч. 1. Новосибирск: Инфолио.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2016. *Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006—2012 гг.* Новосибирск: Инфолио.
- Полосьмак Н.В., Чистякова А.Н., Богданов Е.С., Шацкая С.С. 2013. Китайское зеркало из 22 ноин-улинского кургана. В: *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН XIX*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 315—317.
- Прохорова Т.А., Гугуев В.К. 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* (1), 142—161.
- Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пуздровский А.Е. 2013. Крымская Скифия и Боспор в системе «Великого Шёлкового пути». В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19—22 ноября 2013 г.)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 494—498.

- Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии. В: Кузеев Р.Г., Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. (ред.). *Древности Южного Урала*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 132—149.
- Раев Б.А. 1993. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии. В: Борухович В.Г. (отв. ред.). *Античный мир и археология* 9. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 160—175.
- Равич И.Г. 1983. Эталонные микроструктуры оловянной бронзы. *Художественное наследие, хранение, исследование, реставрация* 8 (38), 136—142.
- Равич И.Г. 2017. Состав, микроструктура и технология изготовления зеркала. В: Таиров А.Д. (отв. ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. VII Всероссийская (с международным участием) научная конференция. Челябинск, 27—28 ноября 2017 г.* Челябинск: Гос. Исторический музей Южного Урала, 145—147.
- Рапопорт Ю.А., Неразник Е.Е., Левина Л.М. 2000. *В низовьях Окса и Яксарты. Образы древнего Приаралья*. Москва: Индрик.
- Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. Москва, Ленинград: АН СССР.
- Савенко С.Н. 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тыс. н.э. Пятигорья. В: Исаенко А.В. (отв. ред.). *Кавказ и цивилизация древнего Востока*. Владикавказ: СОГУ, 130—140.
- Сергацков И.В. 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья. В: Раев Б.А. (ред.). *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 107—116.
- Симоненко А.В. 2003. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья. *НАВ* 6, 45—65.
- Симоненко А.В. 2010. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы). *НАВ* 11, 392—402.
- Синицын И.В. 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. *СА* 8, 73—95.
- Синицын И.В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана. В: Крупнов, Е.И., Смирнов К.Ф. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья*. Москва: АН СССР, 10—168 (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции II; МИА 78).
- Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *СА* (2), 100—120.
- Скрипкин А.С. 2002. О времени включения Нижнего Поволжья в систему Великого шелкового пути. *НАВ* 5, 388—393.
- Скрипкин А.С. 2003. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время. *ВДИ* (3), 194—203.
- Скрипкин А.С. 2010. *Сарматы и Восток. Избранные труды*. Волгоград: ВолГУ.
- Скрипкин А.С. 2017. О некоторых особенностях северного ответвления Великого шелкового пути. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 22 (2), 6—14.
- Суворова Н.И. 2017. Богиня из Нисы (к вопросу о среднеазиатских связях с Северным Причерноморьем). В: Зинько В.Н. (ред.). *XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения*. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 517—524.
- Тигеева Е.В., Белоногова Л.Н., 2018. Зеркала саргатской культуры тоболо-ишимского междуречья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4 (43), 84—96.
- Трейстер М.Ю. 2017. Самая западная находка китайского зеркала с т-образными иероглифами в Евразии. С приложением: И.Г. Равич, Состав, микроструктура и технология изготовления зеркала. В: Таиров А.Д. (отв. ред.), *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. VII Всероссийская (с международным участием) научная конференция. Челябинск, 27—28 ноября 2017 г.* Челябинск: Гос. Исторический музей Южного Урала, 140—147.
- Трейстер М.Ю. 2018. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первых веках нашей эры. *Stratum plus* (4), 153—200.
- Трейстер М.Ю. 2020а. Бронзовые сосуды позднеэллинистического времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* (4), 41—109.

- Трейстер М.Ю. 2020б. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* (2), 5—60.
- Труфанов А.А. 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской*. Симферополь: Универсум, 173—186.
- Труфанов А.А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в. н.э. *Stratum plus* (4) (2005—2009), 117—328.
- Фиалко Е.Е. 2011. Зеркала в обрядах скифов. *Боспорские исследования XXV*, 79—94.
- Фризен О.И. 2014. Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения. *Stratum plus* (3), 113—127.
- Хазанов А.М. 1963. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. *СЭ* (4), 89—96.
- Шульга П.И. 2015. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с т-образными знаками. В: Тишкин А.А. (отв. ред.). *Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвящённый 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина*. Барнаул: Алтайский университет, 366—371.
- Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. 2016. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 272—286.
- Яценко С.А. 2017. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. — середины III в. н.э. В: Вдовченков Е.В. (отв. ред.). *«Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока». Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26—29 ноября 2017 г.)*. Ростов-на-Дону, Таганрог: ЮФУ, 256—277.
- artsy.net: 1: China, Han Dynasty. Mirror and case, 206 BC — 220 AD. Bronze and silk. URL: <https://www.artsy.net/artwork/china-han-dynasty-mirror-and-case> (дата обращения 10.05.2021).
- Bai Y. 2011. On the two Traditions of the Bronze Mirror Casting Techniques in East Asia. *Chinese Archaeology* 11, 176—182.
- Brashier K.E. 1995. Longevity like Metal and Stone: The Role of the Mirror in Han Burials. *T'oung Pao Second Series* 81.4/5, 201—229.
- Brosseder U. 2013. Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: Kat. Bonn 2013, 89—101.
- Brosseder U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: Complexity of Interaction, 199—332.
- Bulling A. 1960. *The Decoration of Mirrors of the Han Period. A Chronology*. Ascona: Artibus Asiae Publishers (Artibus Asiae. Supplementum 20).
- Bunker E.C. 1991. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds. In: Schneider L. (ed.). *Source, Notes in the History of Art X* (4), 20—24.
- Cammann S. 1948. The “TLV” Pattern on Cosmic Mirrors of the Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 68 (4), 159—167.
- Cat. Anhui 2010: *Wanjiang Han Wei tong jing xuan cui / Anhui Sheng wen wu kao gu yan jiu suo, Tongling Shi wen wu guan li ju bian* [Han and Wei Bronze Mirrors from Anhui].
- Cat. Cleveland 2000. Ju-his Chou, *Circles of Reflection. The Carter Collection of Chinese Bronze Mirrors*. Cleveland: The Cleveland Museum of Art.
- Cat. Daoulas 1995. *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin — 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas: Abbaye de Daoulas.
- Cat. Hong Kong 1990. Rawson J., Bunker E. *Ancient Chinese and Ordos Bronzes*. Hong Kong: The Oriental Ceramic Society of Hong Kong.
- Cat. Paris 2001. Schiltz V. (ed.). *L'or des Amazones*. Paris: Editions Findakly; Paris musées.
- Cat. Taipei 1986. *Catalogue of Special Exhibition of Bronze Mirrors in the National Palace Museum*. Taipei: National Palace Museum.
- Cat. Tokyo 1991. *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo: Ancient Orient Museum.
- Chase W.T. 1977. Structural Questions. In: Brown B.F., Burnett H.C., Chase W.T., Goodway M., Kruger J., Paurbaix M. (eds.). *Corrosion and Metal Artefacts: A Dialogue between Conservators and Archaeologists and Corrosion Scientists*. Washington: US Department of Commerce, 191—240.
- Chase W.T. 1993. Chinese Bronzes: Casting, Finishing, Patination, and Corrosion. In: Scott D.A., Podany J., Considine B.B. (eds.). *Ancient and Historic Metals: Conservation and Scientific Research*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; Getty Conservation Institute, 83—117.

- Chase W.T., Franklin U.M. 1979. Early Chinese Black Mirrors and Pattern Etched Weapon. *Art Orientalis* 11, 216—258.
- Chen D., Luo W., Zhang J., Hou Z., Li Y., Wang Y. 2020. Archaeometallurgical perspectives on breaking mirror burial of Xiongnu culture in Xinjiang during the Western Han Dynasty. *The European Physical Journal — Plus* 135, 363 (2020). DOI: 10.1140/epjp/s13360-020-00355-2.
- Cheng Linqun, Han Guohe 2002. 长安汉镜 = Changan Hanjing / [作者程林泉, 韩国河]. Xi'an: Shanxi ren min chu ban she.
- Collins W.F. 1931. The Corrosion of Early Chinese Bronzes. *Journal of the Institute of Metal* 45, 23—55.
- Costello S. 2005. *An Investigation of Early Chinese Bronze Mirrors at the Harvard University Art Museums*. [thesis (certificate in conservation)]. Unpublished. Straus Center for Conservation and Technical Studies.
- Deng Qiuling 2003. On the Date and Periodization of “山»-shaped Design Bronze Mirrors (邓秋玲. 论山字纹铜镜的年代与分期 //考古2003年第11期). *Kaogu* 11, 60—66.
- Erdenbaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: Xiongnu Archaeology, 303—314.
- Gettens R.J. 1934. Some Observations concerning the Lustrous Surface on Ancient Eastern Bronze Mirrors. *Technical Studies on the Field of Fine Arts* 3, 29—37.
- Guguev V.K. 1986. The Burials in the Kobayakovo Barrow-Cemetery. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 71—72 (BAR Intern. ser. 278).
- Guguev V.K., Ravich I.G., Treister M.Ju. 1991. Han Mirrors and Their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe. *Bulletin of the Metals Museum* 16, 32—50.
- Guo Y. 2016. *Affordable Luxury: The Entanglements of Metal Mirrors in Han Chania (202 BCE — 220 CE)*. Thesis. The University of British Columbia. Vancouver. URL: <https://open.library.ubc.ca/collections/ubctheses/24/items/1.0304645> (дата обращения 10.05.2021).
- Hiebert F.T. 1992. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomads Reconsidered. *Bulletin of the Asia Institute* N.S 6, 117—129.
- Higuchi T. 1979. *Kokyō. Tōkyō: Shinchōsha* (на япон. яз.).
- Hussman G.C. 1976. *Nomadic and Early Chinese Art: Correlations*. Thesis. Northridge: California State University. URL: <http://hdl.handle.net/10211.2/5426> (дата обращения 10.05.2021).
- Hyeung-Won Y., Eun-Jeong C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: Xiongnu Archaeology, 261—274.
- Karlgren B. 1968. Early Chinese Mirrors: Classification Scheme Recapitulated. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 40, 79—98.
- Kat. Frankfurt 2003. Gossel-Raeck B., Stutzinger D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt: Archäologisches Museum.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M. 2018. Recent Excavations of Xiongnu Graves on the Left Bank of the Ulug-Khem in Tuva. *The Silk Road* 16, 1—20.
- Koryakova L., Epimakhov A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lai G. 2006. The Date of the TLV Mirrors from the Xiongnu Tombs. *The Silk Road* 4 (1), 36—44.
- Lan-ying Tseng L. 2004. Representation and Appropriation: Rethinking the TLV Mirror in Han China. *Early China* 29, 163—215.
- Liang J., Parker Q. 2021. Close up to the Surface: Reflections on a Preliminary Forensic Study of Four Chinese Bronze Mirrors. *Heritage Science* 9, 41—57.
- Loewe M. 2002. Dated Inscriptions on Certain Mirrors (A.D. 6—105): Genuine or Fabricated? *Early China* 26/27 (2001—2002), 233—256.
- Mackenzie C. 2011. Mirrors of the Warring State Period. In: von Falkenhausen L. (ed.), *The Lloyd Cotsen Study Collection*. Vol. 2. Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Institute of Archaeology Press, 50—73.
- Marčenko I.I., Limberis N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).
- Medvedev A.P., Yefimov K.Yu. 1986. A Sarmatian Barrow with Roman and Chinese Imports in the Middle Don Region In: Raev, B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 83—84 (BAR Intern. ser. 278).

- Meeks N. 1993. Patination Phenomena on Roman and Chinese High-tin Bronze Mirrors and other Artifacts. In: La Niece S., Craddock P. (eds.). *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 63—84.
- Miller B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: Xiongnu Archaeology, 559—578.
- Minasyants V.S. 2017. Chinese Mirrors Found on Tashkent and Samarkand Region: The Collection of the State Museum of the History of Uzbekistan. *Archaeological Bulletin Kanazawa University* 38, 92—102 (на япон. яз.).
- Miniaev S.S., Sakharovskaia L.M. 2007. Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaraam Valley. Pt. 2. *The Silk Road* 5 (1), 44—56.
- Mochkova M.G. 1994. Le cimetière sarmate de Lebedevka dans le sud de l'Oural. *Les Dossiers de l'archéologie* 194, 84—87.
- Moshkova M.G. 1995. Middle Sarmatian Culture. In: Davis Kimball J., Bashilov V.A., Yablonsky L.T. (eds.). *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age*. Berkeley: Zinat Press, 137—147.
- Needham J. 1962. *Science and Civilization in China*. Vol. 5. *Chemistry and Chemical Technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Otani I. 2014. Chinese Bronze Mirrors found Outside of China (1): Mongolia and Transbaikalia. *Archaeological Bulletin Kanazawa University* 35, 45—72.
- Plenderleith H.J. 1938—39. Technical Notes on Chinese bronzes with special Reference to Patina and Incrustations. *Oriental Ceramic Society Transactions* 16, 33—55.
- Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 青海省文物考古研究所 1993. *Shangsunjiazhai Han Jin mu* / The Han and Jin cemetery at Shangsunjiazhai. Beijing: Wen wu chu ban she.
- Raev B.A. 1994. Bronze Vessels of the Late La-Tène-Period from Sarmatia. In: Ronke J. (Hrsg.). *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18—22. Juli 1988*. Stuttgart: Kommissionsverlag K. Theiss, 347—353 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg).
- Riederer J. 1977. Metallanalysen chinesischer Spiegel. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 2, 6—16.
- Scott D.A. 2002. *Copper and Bronze in Art*. Los Angeles: Getty Conservation Institute.
- Scott D.A. 2011. *Ancient Metals: Microstructure and Metallurgy*. Vol. 1. Los Angeles: Conservation Science Press.
- Sergackov I.V. 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: Genito B. (ed.). *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9—12 November 1992*. Napoli: Istituto universitario orientale, 263—277 (Istituto Universitario Orientale; Dipartimento di studi asiatici. Series Minor XLIV).
- Simonenko A.V. 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *SRAA* 7, 53—72.
- Simonenko A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).
- Sun S., Kennon N.F., 2002. The Study of Microstructure of Chinese Ancient Mirrors. *Bulletin of the Metals Museum* 35, 3—15.
- Simonenko A.V. 2012. On the Problem of «Huns-Sarmatians». *Anabasis* 3, 289—301.
- Tishkin A., Seregin N. 2019. Metal Mirrors from Altai Sites of the Xiongnu Time: Results of a Complex Analysis. *ACSS* 25, 357—375.
- Törbat T. 2011. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu graves of Mongolia. In: Xiongnu Archaeology, 315—325.
- Treister M. 2013. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, 733—748.
- Tsujita J. 2007. The Change in the Distribution System of Bronze Mirrors at the Beginning of Kofun Period Japan: as seen from Fragmented Bronze Mirrors. *Bulletin of the Society for East Asian Archaeology* 1, 49—55.
- Veličko E. 2013. Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka, in: Kat. Bonn 2013, 418—423.
- Wang C., Suzuki V., Chase W.T., 1996. Preliminary Study on Formation Process and Corrosion-Resisting Mechanism of Chinese Black Mirrors. In: Biró K.T., Wisseman S. (eds.). *30 International Symposium on Archaeometry*. Illinois: Leuven University Press, 110.
- Wang C., Suzuki V., 1998. The Structure of the Surface of Chinese Black Mirrors and its Formation Process. In: Wisseman S., Horváth T. (eds.). *31st International Symposium on Archaeometry*. Budapest: BAR Publishing, 146.

- waseda.jp: 1: The AIZU Yaichi Collection. URL: <https://www.waseda.jp/culture/aizu-museum/other/2019/07/03/2706/> (дата обращения 10.05.2021).
- Werner J. 1994. Chinesischer Schwertragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien). *Germania* 72 (1), 269—282.
- Werning J. 2009. Chinas Kaisergeschenke in die Westlande und ihr Einfluss bis zum frühen Buddhabild. In: Hansen S., Wieczorek A., Tellenbach M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell+Steiner, 201—209.
- Williams W., Sarin P., Wang C., Wisseman S. 1998. Interpretation of Black Surface of Ancient Chinese Black Mirrors. In: Wisseman S., Horváth T. (eds.). *31st International Symposium on Archaeometry*. Budapest: BAR Publishing, 148.
- Wu Hung 1999. The Art and Architecture of the Warring States Period. In: Loewe M., Shaughnessy E. (eds.). *The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 BC*. Cambridge: Cambridge University Press, 651—744.
- Yamagata M., Manh P.D., Hoang B.C. 2001. Western Han Bronze Mirrors recently discovered in Central and Southern Vietnam. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin* 21, 99—106 (Melaka Papers 5).
- Yao A. 2012. Sarmatian Mirrors and Han Ingots (100 BC—AD 100): How the Foreign became Local and Vice Versa. *Cambridge Archaeological Journal* 22 (2), 57—70.
- Zhangsun Y.Z., Liu R.L., Jin Z.Y., Pollard A.M., Lu X., Bray P.J., Fan A.C., Huang F. 2017. Lead isotope analyses revealed the key role of Chang'an in the mirror production and distribution network during the Han dynasty. *Archaeometry* 59 (4), 685—713.
- Zhu S., He T. 1993. Studies of Ancient Chinese Mirrors and other Bronze Artefacts. In: La Niece S., Craddock P. (eds.). *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 50—62.

References

- Aleksandrova, A.I. 2016. In: Akhatov, A.T. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost': materialy Yubileynoy X Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (Ethnoses and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity: Materials of the X Jubilee All-Russian Scientific-Practical Conference of Young Scientists)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies, Russian Academy of Sciences, 18—21 (in Russian).
- Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2016. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Elita Bospora i bosporeskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola (Sankt-Petersburg, 22—25 noyabrya 2016 g. (The Phenomenon of the Bosporan Kingdom: The Elite of the Bosphorus and the Bosporan Elitarian Culture. Materials of the International Round Table (Saint Petersburg, 22—25 November 2016))*. Saint Petersburg: State Hermitage, 181—186 (in Russian).
- Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Iuzhnoi Rossii v VII v. do n. e. — V v. n.e. (Rhythms of Sarmatia. The Sarmatian and Sauromatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BCE — 5th Century CE)*. Krasnodar: Krasnodar State University for Culture and Arts; Parabellum (in Russian).
- Bogdanov, E.S. 2017. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (2), 5—32 (in Russian).
- Botalov, S.G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepi (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Chelyabinsk: Rifey (in Russian).
- Botalov, S.G., Polushkin, N.A. 1996. In: Grigor'ev, S. A. (ed.). *Novoe v arkheologii Yuzhnogo Urala: Prirodno-geograficheskie faktory i istoriko-kul'turnye protsessy (New in the South Urals Archaeology: Environmental Factors and the Historical and Cultural Processes)*. Chelyabinsk: Rifey, 178—193 (in Russian).
- Botalov, S.G., Yuminov, A.M., Gizzatullina, M.N. 2015. In *Biulleten' Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Southern Ural State University)*. Series: *Istoricheskie nauki (Historical Sciences)* 15 (2), 17—21 (in Russian).
- Vdovchenkov, E.V. 2012. In *Vestnik Tanaisa (Tanaïs Bulletin)* 3, 163—171 (in Russian).
- Glebov, V.P. 2002. In *Donskaya arkheologiya (Archaeology of the Don Area)* 1—2, 28—41 (in Russian).
- Glukhov, A.A. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 89—102 (in Russian).

- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. *Nekropol' Paniardisa (Necropolis of Paniardis)*. Azov: Azov Museum-Reserve (Don antiquities 11) (in Russian).
- Gorbunova, N.G. 1990. In: Staviskii, B.Ya. (ed.). *Kul'turnye svyazi narodov Sredney Azii i Kavkaza. Drevnost' i srednevekov'e (Cultural Relations of the Peoples of Central Asia and the Caucasus: Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 45—50 (in Russian).
- Guguev, V.K. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (Crimea in the Sarmatian Period)* III. Simferopol: Nasledie tysyacheletiy, 58—84 (in Russian).
- Guguev, V.K., Treister, M.Yu. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 143—156 (in Russian).
- Danshin, D.I. 1990. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 197, 51—56 (in Russian).
- Zavoykina, N.V. 2004. In *Drevnosti Bospora (Bosporan Antiquities)* 7, 163—199 (in Russian).
- Kazakova, L.M., Kamenetskiy, I.S. 1970. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 124, 81—87 (in Russian).
- Cat. Ufa 2007: Yunusova, A.B. (ed.). *Muzei arkheologii i etnografii. Katalog muzeynoy ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN (Museum of Archaeology and Ethnography: Catalogue of the Museal Exhibition of the Center for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Ufa: Center for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Korovina, A.K. 1987. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Bulletin of the State Pushkin Museum of Fine Arts)* 8, 3—70 (in Russian).
- Kosyanenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement (after the Materials of 1956—1962 Excavations))*. Azov: Azov Historical-Archaeological Museum-Reserve (Don antiquities 9) (in Russian).
- Kosyanenko, V.M., Maksimenko, V.E. 1989. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (1), 264—267 (in Russian).
- Kraeva, L.A., Radivoevich M., Ravich, I.G., Chernikova, L.P., Shuteleva, I.A., Shcherbakov, N.B. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations)* 23 (3), 176—188 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.3.16.
- Kubarev, V.D. 1991. *Kurgany Yustyda (The Burial-mounds of Yustyd)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Kuznetsova T.M. 1988. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (4), 52—61 (in Russian).
- Levina, L.M., Ravich, I.G. 1995. In *Dzhetyasarskaya kul'tura (Dzhetyasar Culture)* 5. Series: *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti (Lower Syrdarya Region in Antiquity)* 5. Moscow: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 122—184 (in Russian).
- Leus, P.M. 2018. In: *Tezisy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg", posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.D. Gracha (Abstracts of the Second All-Russian Scientific Conference "Ancient Cultures of the Central Asia and Saint Petersburg", dedicated to the 90th Anniversary of the birth of A.D. Grach*. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, 117—123 (in Russian).
- Lee Ji Eun 2009. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 6. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society, 193—197 (in Russian).
- Lee Ji Eun 2010. *Kitayskiy import v pamyatnikakh yuga Rossii (I v. do n. e. — III v. n. e.) (Chinese Import in Southern Russian Sites: 1st Century BCE — 3rd Century CE)*. PhD Diss. Stavropol: SGU (in Russian).
- Litvinskiy, B.A. 1978. *Orudiya truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany (Tools and Ware from Burial Grounds of Western Fergana)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Lubo-Lesnichenko, E.I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin. On the Question of External Relations of the Ancient Population of Southern Siberia)*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury (in Russian).
- Lubo-Lesnichenko, E.I. 1994. *Kitay na shelkovom puti. Shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaia (China on the Silk Road: Silk and Foreign Relations of Ancient and Medieval China)*. Moscow: Vostochnaia Literatura (in Russian).
- Maksimenko, V. E., Lee Ji Eun. 2015. In: Koreniako, V.A., Boiko, L.A. (eds.). *TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ*. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 138—144 (in Russian).

- Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (after the Materials of Pokrovka 10 Cemetery))*. Moscow: Taus (in Russian).
- Mamontov, V.I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam mogil'nika Pervomaiskiy VII) (Ancient Population of the Left-Bank Don Basin: after the Finds from the Pervomaiskiy VII Cemetery)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) (Kuban Siraces (after the Materials from the Kurgan Burials of the Lower Kuban Region))*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2014. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 136—150 (in Russian).
- Minyaev, S.S., Sakharovskaya, L.M. 2006. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury (Notes of the Institute of History of Material Culture)* 1, 77—82 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 1982. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 170, 80—87 (in Russian).
- Oborin, Yu.V., Savosin, S. L. 2017. *Kitayskie bronzovye zerkala. Korpus sluchaynykh nakhodok (Chinese Bronze Mirrors: Corpus of Occasional Finds)*. Krasnoyarsk; Moscow: [s.n.] (in Russian).
- Polin, S.V. Daragan, M.N. 2019. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Classical World and Archaeology)* 19, 201—241 (in Russian).
- Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2015. *Kurgany Sutszuke (Noin-Ula, Mongoliia) (The Suzukteh Burial-mounds (Noin-Ula, Mongolia))*. Pt. 1. Novosibirsk: Infolio (in Russian).
- Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2016. *Noin-ulinskaya kollektsiya. Rezul'taty raboty rossiisko-mongol'skoy ekspeditsii, 2006—2012 gg. (The Noin-Ula Collection: Results of Fieldworks of the Russian-Mongolian Expedition, 2006—2012)*. Novosibirsk: Infolio (in Russian).
- Polosmak, N.V., Chistiakova, A.N., Bogdanov, E.S., Shatskaia, S.S. 2013. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* XIX. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 315—317 (in Russian).
- Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 142—161 (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Infom (in Russian).
- Puzdrovskiy, A. E. 2013. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke (The Phenomenon of the Bosporan Kingdom: Greeks and Barbarians on the Crossroad of Eurasia)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 494—498 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A.Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (The Culture of the Early Nomads of the South Urals)*. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Pshenichnyuk, A.Kh., Ryazapov, M.Sh. 1976. In: Kuzeev, R.G., Mazhitov, N.A., Pshenichnyuk, A.Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of South Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 132—149 (in Russian).
- Raev, B.A. 1993. In: Borukhovich, V.G. (ed.). *Antichnyy mir i arkheologiya (Classical World and Archaeology)* 9. Saratov: Saratov State University, 160—175 (in Russian).
- Ravich, I.G. 1983. In *Khudozhestvennoe nasledie, khranenie, issledovanie, restavratsiya (Art Heritage, Storage, Study and Restoration)* 8 (38), 136—142 (in Russian).
- Ravich, I.G. 2017. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic Interactions in South Urals: Sarmatians and their Milieu)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of South Urals, 145—147 (in Russian).
- Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E., Levina, L.M. 2000. *V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obrazy drevnego Priaral'ya (In the Lower Reaches of Oxus and Jaxartes: Images of the Ancient Aral Sea Basin)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Rudenko, S.I. 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (The Culture of the Population of Mountaineous Altai in the Scythian Period)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Savenko, S.N. 1993. In: Isaenko, A.V. (ed.). *Kavkaz i tsivilizatsiya drevnego Vostoka (The Caucasus and the Civilization of the Ancient Near East)*. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 130—140 (in Russian).

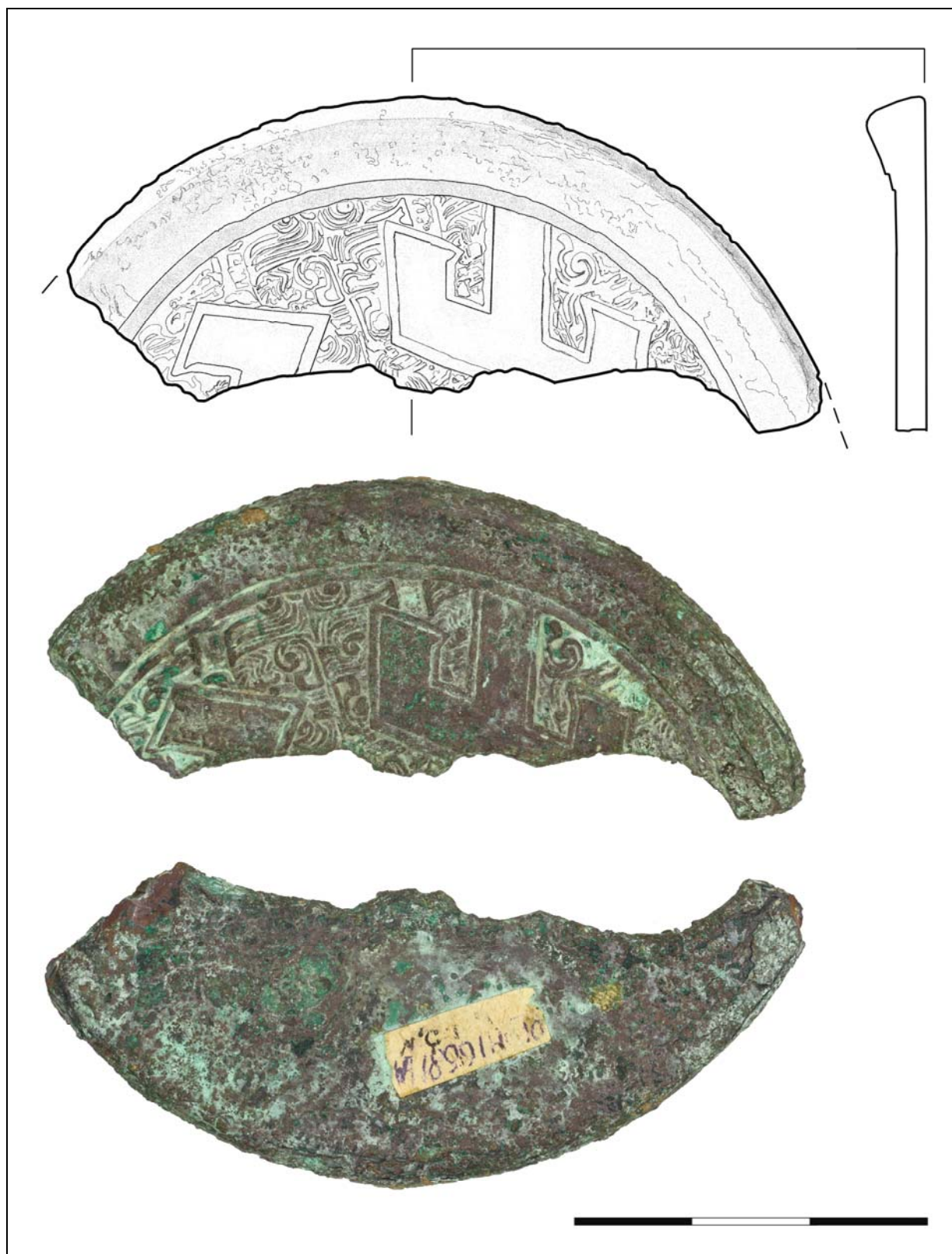
- Sergatskov, I.V. 2004. In: Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii* (*Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology*). Krasnodar: Kuban State University, 107—116 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2003. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 6, 45—65 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2010. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 11, 392—402 (in Russian).
- Sinit'syn, I.V. 1946. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 8, 73—95 (in Russian).
- Sinit'syn, I.V. 1960. In: Krupnov, E.I., Smirnov, K.F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* (*Antiquities of the Lower Volga Region*). Moscow: USSR Academy of Sciences, 10—168 (The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition II; Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 78) (in Russian).
- Skripkin, A.S. 1977. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (2), 100—120 (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2002. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 5, 388—393 (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2003. In *Vestnik drevney istorii* (*Bulletin of Ancient History*) (3), 194—203 (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2010. *Sarmaty i Vostok. Sbornik izbrannykh trudov A.S. Skripkina* (*Sarmatians and the East. A. S. Skripkin's Selected Works*). Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* (*Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations*) 22 (2), 6—14 (in Russian).
- Suvorova, N.I. 2017. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti — tovary — ornosheniya* (*XVIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Trade: Routes — Goods — Relations*). Simferopol; Kerch: Solo-Rich, 517—524 (in Russian).
- Tigeeva, E.V., Belonogova, L.N. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) 4 (43), 84—96 (in Russian).
- Treister, M. Yu. 2017. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie* (*Ethnic Interactions in South Urals: Sarmatians and their Milieu*). Chelyabinsk: State Historical Museum of South Urals, 140—147 (in Russian).
- Treister, M. Yu. 2018. In *Stratum plus* (4), 153—200 (in Russian).
- Treister, M. Yu. 2020a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Problems of History, Philology and Culture*) (4), 41—109 (in Russian).
- Treister, M. Yu. 2020b. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Problems of History, Philology and Culture*) (2), 5—60 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2007. In: Zaitsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (ed.). *Drevnyaya Tavrika* (*Ancient Taurica*). Series: Archaeological Studies. Simferopol: Universum, 173—186 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2009. In *Stratum plus* (4) (2005—2009), 117—328 (in Russian).
- Fialko, E.E. 2011. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporan Studies*) XXV, 79—94 (in Russian).
- Frizen, O.I. 2014. In *Stratum plus* (3), 113—127 (in Russian).
- Khazanov, A.M. 1963. In *Sovetskaya etnografiya* (*Soviet Ethnography*) (4), 89—96 (in Russian).
- Shul'ga, P.I. 2015. In: Tishkin, A.A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. Sbornik statey, posvyashchenny 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina* (*Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research. Collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin*). Barnaul: Altai University Publ., 366—371 (in Russian).
- Shul'ga, P.I., Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (ed.). *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* (*Altai in the Circle of Eurasian Antiquities*). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 272—286 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2017. In: Vdovchenkov, E.V. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Dal'nego Vostoka* (*Issues of Archaeology of Southeastern Europe and Far East*). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University, 256—277 (in Russian).
- artsy.net: 1: China, Han Dynasty. Mirror and case, 206 BC — 220 AD. Bronze and silk. Available at: <https://www.artsy.net/artwork/china-han-dynasty-mirror-and-case> (accessed 10.05.2021).
- Bai, Y. 2011. On the two Traditions of the Bronze Mirror Casting Techniques in East Asia. *Chinese Archaeology* 11, 176—182.
- Brashier, K.E. 1995. Longevity like Metal and Stone: The Role of the Mirror in Han Burials. *T'oung Pao Second Series* 81.4/5, 201—229.

- Brosseder, U. 2013. Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: Kat. Bonn 2013, 89—101.
- Brosseder, U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: Complexity of Interaction, 199—332.
- Bulling, A. 1960. *The Decoration of Mirrors of the Han Period. A Chronology*. Ascona: Artibus Asiae Publishers (Artibus Asiae. Supplementum 20).
- Bunker, E.C. 1991. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds. In: Schneider L. (ed.). *Source, Notes in the History of Art X* (4), 20—24.
- Cammann, S. 1948. The “TLV” Pattern on Cosmic Mirrors of the Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 68 (4), 159—167.
- Cat. Anhui 2010: *Wanjiang Han Wei tong jing xuan cui / Anhui Sheng wen wu kao gu yan jiu suo, Tongling Shi wen wu guan li ju bian* [Han and Wei Bronze Mirrors from Anhui].
- Cat. Cleveland 2000. Ju-his Chou, *Circles of Reflection. The Carter Collection of Chinese Bronze Mirrors*. Cleveland: The Cleveland Museum of Art.
- Cat. Daoulas 1995. *Entre Asie et Europe. L’or des Sarmates. Nomades des steppes dans l’antiquité. 17 juin — 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas: Abbaye de Daoulas.
- Cat. Hong Kong 1990. Rawson, J., Bunker, E. *Ancient Chinese and Ordos Bronzes*. Hong Kong: The Oriental Ceramic Society of Hong Kong.
- Cat. Paris 2001. Schiltz, V. (ed.). *L’or des Amazones*. Paris: Editions Findakly, Paris musées.
- Cat. Taipei 1986. *Catalogue of Special Exhibition of Bronze Mirrors in the National Palace Museum*. Taipei: National Palace Museum.
- Cat. Tokyo 1991. *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo: Ancient Orient Museum.
- Chase, W.T. 1977. Structural Questions. In: Brown, B.F., Burnett, H.C., Chase, W.T., Goodway, M., Kruger, J., Paurbaix, M. (eds.). *Corrosion and Metal Artefacts: A Dialogue between Conservators and Archaeologists and Corrosion Scientists*. Washington: US Department of Commerce, 191—240.
- Chase, W.T. 1993. Chinese Bronzes: Casting, Finishing, Patination, and Corrosion. In: Scott, D.A., Podany, J., Considine, B.B. (eds.). *Ancient and Historic Metals: Conservation and Scientific Research*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum and the Getty Conservation Institute, 83—117.
- Chase, W.T., Franklin, U.M. 1979. Early Chinese Black Mirrors and Pattern Etched Weapon. *Art Orientalis* 11, 216—258.
- Chen, D., Luo, W., Zhang, J., Hou, Z., Li, Y., Wang, Y. 2020. Archaeometallurgical perspectives on breaking mirror burial of Xiongnu culture in Xinjiang during the Western Han Dynasty. *The European Physical Journal — Plus* 135, 363 (2020). DOI: 10.1140/epjp/s13360-020-00355-2.
- Cheng Linquan, Han Guohe 2002. 长安汉镜 = Changan Hanjing / [作者程林泉, 韩国河]. Xi'an: Shanxi ren min chu ban she.
- Collins, W.F. 1931. The Corrosion of Early Chinese Bronzes. *Journal of the Institute of Metal* 45, 23—55.
- Costello, S. 2005. *An Investigation of Early Chinese Bronze Mirrors at the Harvard University Art Museums*. [thesis (certificate in conservation)]. Unpublished. Straus Center for Conservation and Technical Studies.
- Deng Qiuling 2003. On the Date and Periodization of “山»-shaped Design Bronze Mirrors (邓秋玲. 论山字纹铜镜的年代与分期 //考古2003年第11期). *Kaogu* 11, 60—66.
- Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T.-O., Galbadrakh, B., Minzhiddorzh, E., Orgilbaiar, S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: Xiongnu Archaeology, 303—314.
- Gettens, R.J. 1934. Some Observations concerning the Lustrous Surface on Ancient Eastern Bronze Mirrors. *Technical Studies on the Field of Fine Arts* 3, 29—37.
- Guguev, V.K. 1986. The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. In: Raev, B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 71—72 (BAR Intern. ser. 278).
- Guguev, V.K., Ravich, I.G., Treister, M.Ju. 1991. Han Mirrors and Their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe. *Bulletin of the Metals Museum* 16, 32—50.
- Guo, Y. 2016. *Affordable Luxury: The Entanglements of Metal Mirrors in Han Chania (202 BCE — 220 CE)*. Thesis. The University of British Columbia. Vancouver. Available at: <https://open.library.ubc.ca/collections/ubctheses/24/items/1.0304645> (accessed 10.05.2021).
- Hiebert, F.T. 1992. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomads Reconsidered. *Bulletin of the Asia Institute N.S* 6, 117—129.
- Higuchi, T. 1979. *Kokyō. Tōkyō: Shinchōsha* (in Japanese).

- Hussman, G.C. 1976. *Nomadic and Early Chinese Art: Correlations*. Thesis. Northridge: California State University.
- Hyeung-Won, Y., Eun-Jeong, C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 261—274.
- Karlgren, B. 1968. Early Chinese Mirrors: Classification Scheme Recapitulated. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 40, 79—98.
- Kat. Frankfurt 2003. Gossel-Raeck, B., Stutzinger, D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt: Archäologisches Museum.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018. Recent Excavations of Xiongnu Graves on the Left Bank of the Ulug-Khem in Tuva. *The Silk Road* 16, 1—20.
- Koryakova, L., Epimakhov, A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lai, G. 2006. The Date of the TLV Mirrors from the Xiongnu Tombs. *The Silk Road* 4 (1), 36—44.
- Lan-ying Tseng, L. 2004. Representation and Appropriation: Rethinking the TLV Mirror in Han China. *Early China* 29, 163—215.
- Liang, J., Parker, Q. 2021. Close up to the Surface: Reflections on a Preliminary Forensic Study of Four Chinese Bronze Mirrors. *Heritage Science* 9, 41—57.
- Loewe, M. 2002. Dated Inscriptions on Certain Mirrors (A.D. 6—105): Genuine or Fabricated? *Early China* 26/27 (2001—2002), 233—256.
- Mackenzie, C. 2011. Mirrors of the Warring State Period. In: von Falkenhausen, L. (ed.), *The Lloyd Cotsen Study Collection*. Vol. 2. Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Institute of Archaeology Press, 50—73.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).
- Medvedev, A.P., Yefimov, K.Yu. 1986. A Sarmatian Barrow with Roman and Chinese Imports in the Middle Don Region In: Raev, B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 83—84 (BAR Intern. ser. 278).
- Meeks, N. 1993. Patination Phenomena on Roman and Chinese High-tin Bronze Mirrors and other Artifacts. In: La Niece, S., Craddock, P. (eds.). *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 63—84.
- Miller, B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559—578.
- Minasyants, V.S. 2017. Chinese Mirrors Found on Tashkent and Samarkand Region: The Collection of the State Museum of the History of Uzbekistan. *Archaeological Bulletin Kanazawa University* 38, 92—102 (in Japanese).
- Miniaev, S.S., Sakharovskaia, L.M. 2007. Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaraam Valley. Pt. 2. *The Silk Road* 5 (1), 44—56.
- Mochkova, M.G. 1994. Le cimetière sarmate de Lebedevka dans le sud de l'Oural. *Les Dossiers de l'archéologie* 194, 84—87.
- Moshkova, M.G. 1995. Middle Sarmatian Culture. In: Davis Kimball, J., Bashilov, V.A., Yablonsky, L.T. (eds.). *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age*. Berkeley: Zinat Press, 137—147.
- Needham, J. 1962. *Science and Civilization in China*. Vol. 5. *Chemistry and Chemical Technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Otani, I. 2014. Chinese Bronze Mirrors found Outside of China (1): Mongolia and Transbaikalia. *Archaeological Bulletin Kanazawa University* 35, 45—72.
- Plenderleith, H.J. 1938—39. Technical Notes on Chinese bronzes with special Reference to Patina and Incrustations. *Oriental Ceramic Society Transactions* 16, 33—55.
- Qinghai Sheng wen wu kao gu yan jiu suo 青海省文物考古研究所 1993. *Shangsunjiazhai Han Jin mu / The Han and Jin cemetery at Shangsunjiazhai*. Beijing: Wen wu chu ban she.
- Raev, B.A. 1994. Bronze Vessels of the Late La-Tène-Period from Sarmatia. In: Ronke, J. (Hrsg.). *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.—22. Juli 1988*. Stuttgart: Kommissionsverlag K. Theiss, 347—353 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg).
- Riederer, J. 1977. Metallanalysen chinesischer Spiegel. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 2, 6—16.
- Scott, D.A. 2002. *Copper and Bronze in Art*. Los Angeles: Getty Conservation Institute.

- Scott, D.A. 2011. *Ancient Metals: Microstructure and Metallurgy*. Vol. 1. Los Angeles: Conservation Science Press.
- Sergackov, I.V. 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: Genito, B. (ed.). *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9—12 November 1992*. Napoli: Istituto universitario orientale, 263—277 (Istituto Universitario Orientale; Dipartimento di studi asiatici, Series Minor XLIV).
- Simonenko, A.V. 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *SRAA* 7, 53—72.
- Simonenko, A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).
- Sun, S., Kennon, N.F., 2002. The Study of Microstructure of Chinese Ancient Mirrors. *Bulletin of the Metals Museum* 35, 3—15.
- Symonenko, A.V. 2012. On the Problem of «Huns-Sarmatians». *Anabasis* 3, 289—301.
- Tishkin, A., Seregin, N. 2019. Metal Mirrors from Altai Sites of the Xiongnu Time: Results of a Complex Analysis. *ACSS* 25, 357—375.
- Törbat, T. 2011. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu graves of Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 315—325.
- Treister, M. 2013. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, 733—748.
- Tsujita, J. 2007. The Change in the Distribution System of Bronze Mirrors at the Beginning of Kofun Period Japan: as seen from Fragmented Bronze Mirrors. *Bulletin of the Society for East Asian Archaeology* 1, 49—55.
- Veličko, E. 2013. Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: *Kat. Bonn 2013*, 418—423.
- Wang, C., Suzuki, V., Chase, W.T., 1996. Preliminary Study on Formation Process and Corrosion-Resisting Mechanism of Chinese Black Mirrors. In: Biró, K.T., Wisseman, S. (eds.). *30 International Symposium on Archaeometry*. Illinois: Leuven University Press, 110.
- Wang, C., Suzuki, V. 1998. The Structure of the Surface of Chinese Black Mirrors and its Formation Process. In: Wisseman, S., Horváth, T. (eds.). *31st International Symposium on Archaeometry*. Budapest: BAR Publishing, 146.
- waseda.jp: 1: The AIZU Yaichi Collection. Available at: <https://www.waseda.jp/culture/aizu-museum/other/2019/07/03/2706/> (accessed 10.05.2021).
- Werner, J. 1994. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien). *Germania* 72 (1), 269—282.
- Werning, J. 2009. Chinas Kaisergeschenke in die Westlande und ihr Einfluss bis zum frühen Buddhbild. In: Hansen, S., Wieczorek, A., Tellenbach, M. (Hrsg.). *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg: Schnell+Steiner, 201—209.
- Williams, W., Sarin, P., Wang, C., Wisseman, S. 1998. Interpretation of Black Surface of Ancient Chinese Black Mirrors. In: Wisseman, S., Horváth, T. (eds.). *31st International Symposium on Archaeometry*. Budapest: BAR Publishing, 148.
- Wu Hung 1999. The Art and Architecture of the Warring States Period. In: Loewe, M., Shaughnessy, E. (eds.). *The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 BC*. Cambridge: Cambridge University Press, 651—744.
- Yamagata, M., Manh, P.D., Hoang, B.C. 2001. Western Han Bronze Mirrors recently discovered in Central and Southern Vietnam. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin* 21, 99—106 (Melaka Papers 5).
- Yao, A. 2012. Sarmatian Mirrors and Han Ingots (100 BC—AD 100): How the Foreign became Local and Vice Versa. *Cambridge Archaeological Journal* 22 (2), 57—70.
- Zhangsun, Y.Z., Liu, R.L., Jin, Z.Y., Pollard, A.M., Lu, X., Bray, P.J., Fan, A.C., Huang, F. 2017. Lead isotope analyses revealed the key role of Chang'an in the mirror production and distribution network during the Han dynasty. *Archaeometry* 59 (4), 685—713.
- Zhu, S., He, T. 1993. Studies of Ancient Chinese Mirrors and other Bronze Artefacts. In: La Niece, S., Craddock, P. (eds.). *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 50—62.

Рис. 1. Зеркало с т-образными иероглифами. Чкаловский-I. Курган 4/1983. Погребение 3. Оренбург, ГИКМ, инв. № Ором 16681/49. Фото М.Ю. Трейстера, рисунок Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 1. A mirror with t-shaped hieroglyphs. Chkalovskii-I. Burial-mound 1/1983. Burial 3. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv. no. Ором 16681/49. Photos by M. Treister, drawing by N. Bespalaya, 2015.

Рис. 2. Зеркало типа *riguang* из разрушенного погребения у хут. Виноградный, 1978 г. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 4441/4: 1 — фото М.Ю. Трейстера, 2015, 2 — фото музея.

Fig. 2. Mirror of *riguang* type from the destroyed burial near Vinogradnyi Farmstead, 1978. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv. no. 4441/4: 1 — photo by M. Treister, 2015; 2 — Museum's photo.

Рис. 3. Зеркала типа *zhaoming*: 1 — Чугуно-Крепинка. Курган 2/1984. Погребение 1. Киев, МИДУ (по Veličko 2013: 421, Abb. 4); 2 — Третьяки. Курган 16/1984. Погребение 1. Борисоглебск, БИХМ, инв. № 19463. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Mirrors of *zhaoming* type: 1 — Chuguno-Krepinka. Burial-mound 2/1984. Burial 1. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine (after Veličko 2013: 421, Abb. 4); 2 — Tret'yaki. Burial-mound 16/1984. Burial 1. Borisoglebsk, Historical and Art Museum, inv. no. 19463. Photos by M. Treister, 2015.

Рис. 4. Зеркала типа *siru*: 1 — Кобяковский могильник. Кургan 1/1983. Утрачено; 2 — Танаис. Кургan 10/1968. Погребение 2. Танаис, АМЗТ, КП 71 АН 3 № 116; 3—4 — Кобяково. Кургan 10/1987. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. № КП-12117/107, А—1910. Фото В.К. Гугуева.

Fig. 4. Mirrors of *siru* type: 1 — Kobyakovo necropolis. Burial-mound 1/1983. Lost; 2 — Tanais. Burial-mound 10/1968. Burial 2. Tanais, Archaeological Museum-Reserve, inv. no. КП 71 АН 3 № 116; 3—4 — Kobyakovo necropolis. Burial-mound 10/1987. Taganrog, State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. КП-12117/107, А—1910. Photos by V.K. Guguev.

Рис. 5. Зеркало типа *siru*. Бережновский-II могильник. Курган 33/1954. Погребение 1. Саратов, Областной краеведческий музей, инв. № HB-34293. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 5. Mirror of *siru* type. Berezhnovskiy-II necropolis. Burial-mound 33/1954. Burial 1. Saratov, Regional Local Lore Museum, inv. no. HB-34293. Photo by M. Treister, 2015

Рис. 6. Зеркала типов *TLV* и *qingbai*: 1 — Лебедевка-VI. Курган 39/1979. Погребение 1; 2 — Покровка 10. Курган 24/2000. Погребение 1. Оренбург, ГИКМ, инв. № Ором 18337/30; 3—4 — Темясово. Уфа, МАЭ: 3 — Курган 4/1971. Костяк 3; 4 — Курган 3/1971. Костяк 2; 5 — Лебедевка-V. Курган 23/1978. Погребение 2. Астана, НМРК; 6 — Малковский. Курган 1/1993. Погребение 1. Челябинск, ГИМЮУ, инв. № Оф 6370/1. Фото: М.Г. Мошковой (1, 5), М.Ю. Трейстера, 2015 (2, 6), С.Л. Воробьевой (3, 4).

Fig. 6. Mirrors of *TLV* and *qingbai* types: 1 — Lebedevka-VI. Burial-mound 39/1979. Burial 1; 2 — Pokrovka 10. Burial-mound 24/2000. Burial 1. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv. no. Ором 18337/30; 3—4 — Temyasovo. Ufa, Museum of Archaeology and Ethnology: 3 — Burial-mound 4/1971. Skeleton 3; 4 — Burial-mound 3/1971. Skeleton 2; 5 — Lebedevka-V. Burial-mound 23/1978. Burial 2. Astana, National Museum of Republic Kazakhstan; 6 — Malkovskiy. Burial-mound 1/1993. Burial 1. Chelyabinsk, State Historical Museum of South Urals, inv. no. Оф 6370/1. Photos by: M.G. Moshkova (1, 5), M. Treister, 2015 (2, 6), S.L. Vorob'eva (3, 4).

Рис. 7. Зеркало типа *TLV*. Черный Яр. Курган 42/2007. Погребение 1. Оренбург, Государственный педагогический университет, Археологический музей, без инв. номера. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 7. Mirror of *TLV* type. Chernyy Yar. Burial-mound 42/2007. Burial 1. Orenburg, State Pedagogical University, Archaeological Museum, without inv. number. Photos by M. Treister, 2015.

Рис. 8. Зеркало типа *TLV* (лицевая сторона) и футляр. Черный Яр. Курган 42/2007. Погребение № 1. Оренбург, Государственный педагогический университет, без инв. номера. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Mirror of *TLV* type (front side) and its case. Chernyy Yar. Burial-mound 42/2007. Burial 1. Orenburg, State Pedagogical University, Archaeological Museum, without inv. number. Photos by M. Treister, 2015.

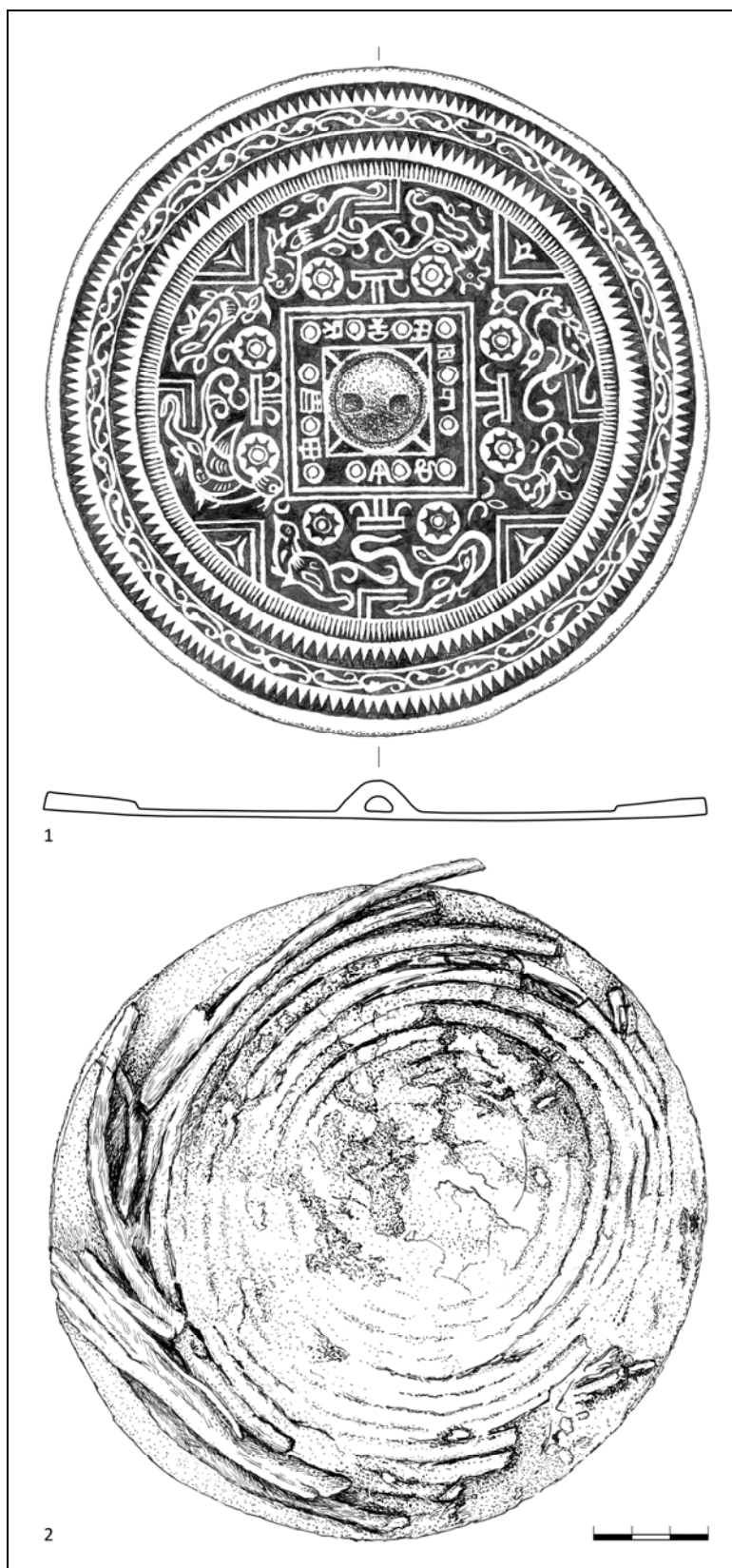

Рис. 9. Зеркало типа *TLV* и футляр. Черный Яр. Курган № 42/2007. Погребение 1. Оренбург, Государственный педагогический университет, без инв. номера. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 9. Mirror of *TLV* type and its case. Chernyy Yar. Burial-mound 42/2007. Burial 1. Orenburg, State Pedagogical University, Archaeological Museum, without inv. number. Drawings by N.E. Bepalaya, 2015.

Рис. 10. Зеркало (?) бронзовое. Охлебинино. Случайная находка, до 1998 г.
Уфа, НРМБ, инв. № ОФ 20502. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 10. Bronze mirror (?). Okhlebinino. Chance find, before 1998.
Ufa, National Museum of Bashkortostan Republic, inv. no. ОФ 20502. Photos by M. Treister, 2015.

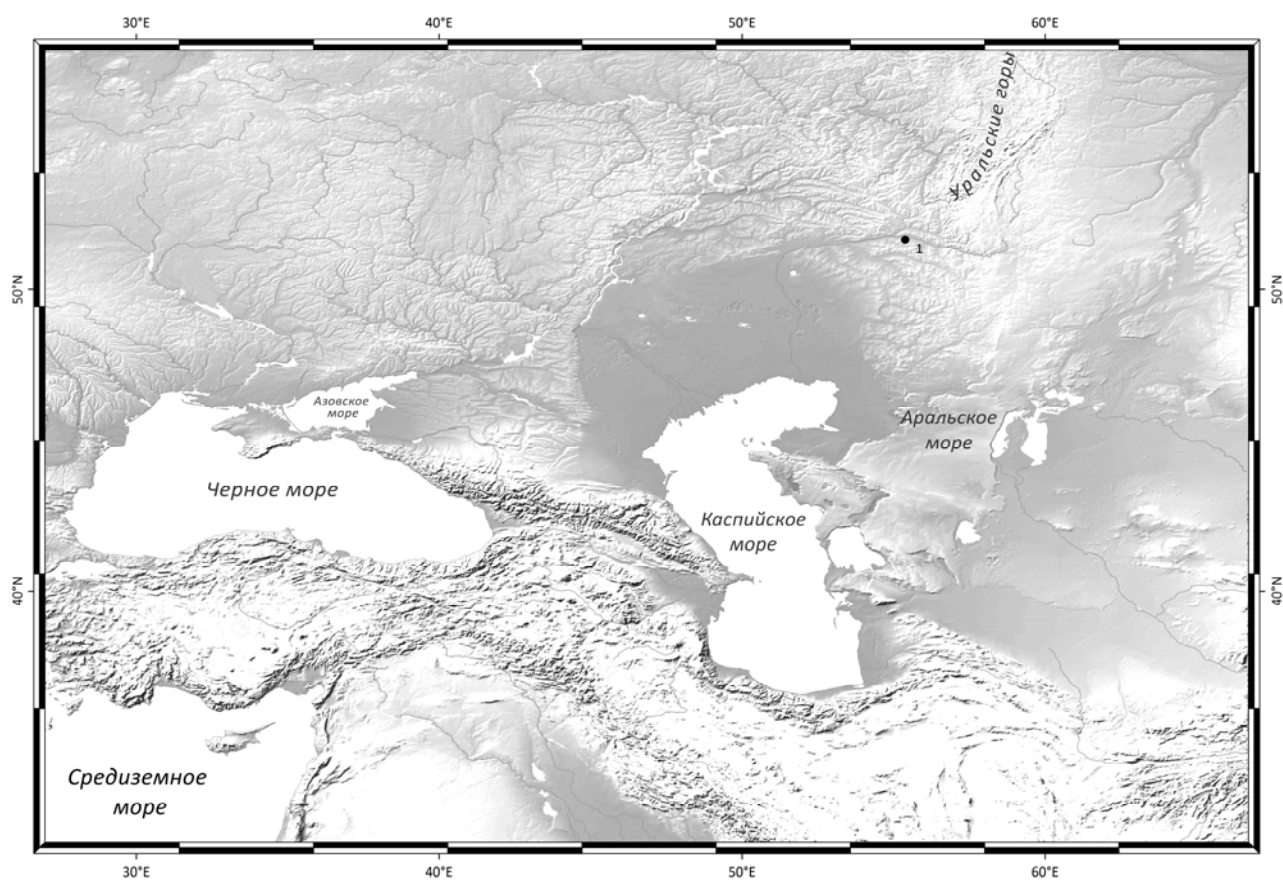
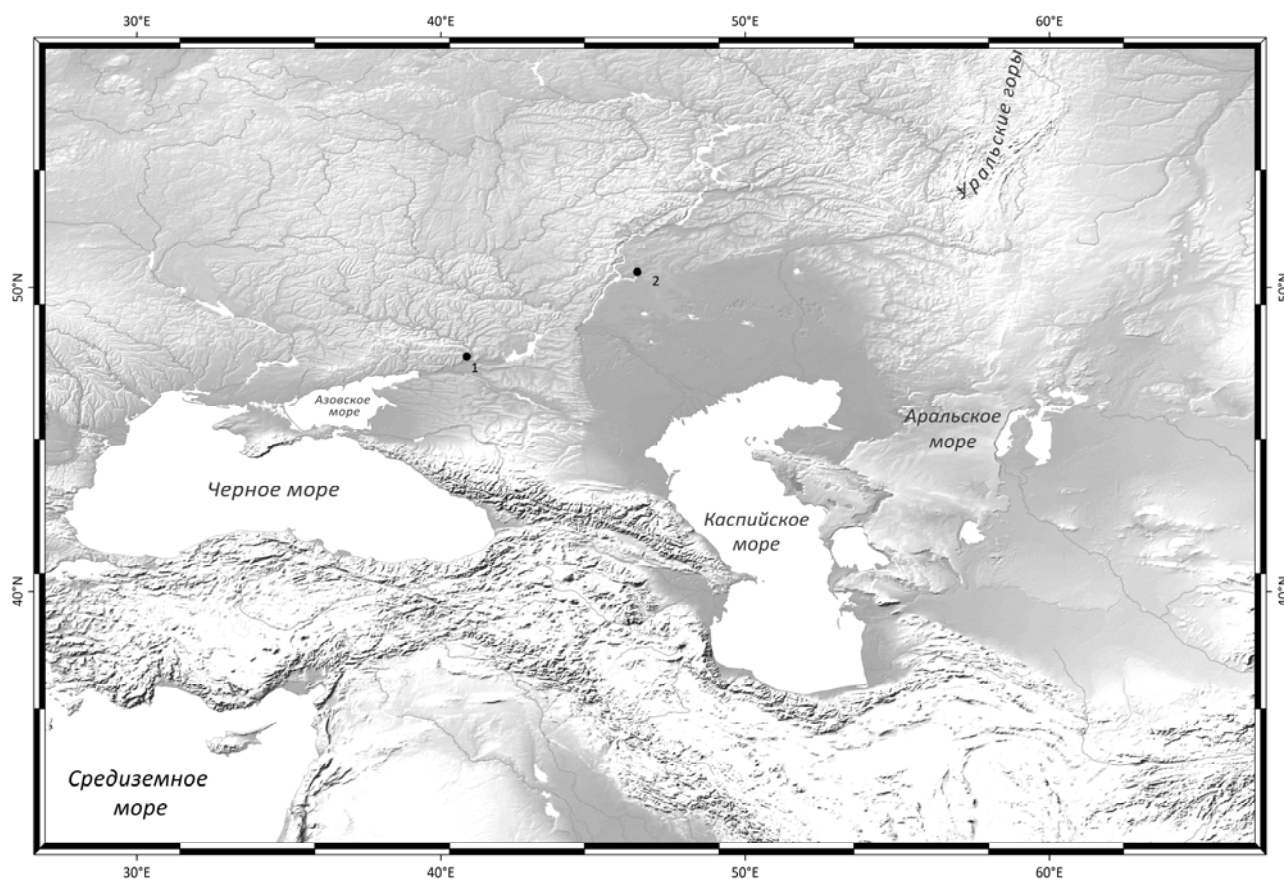

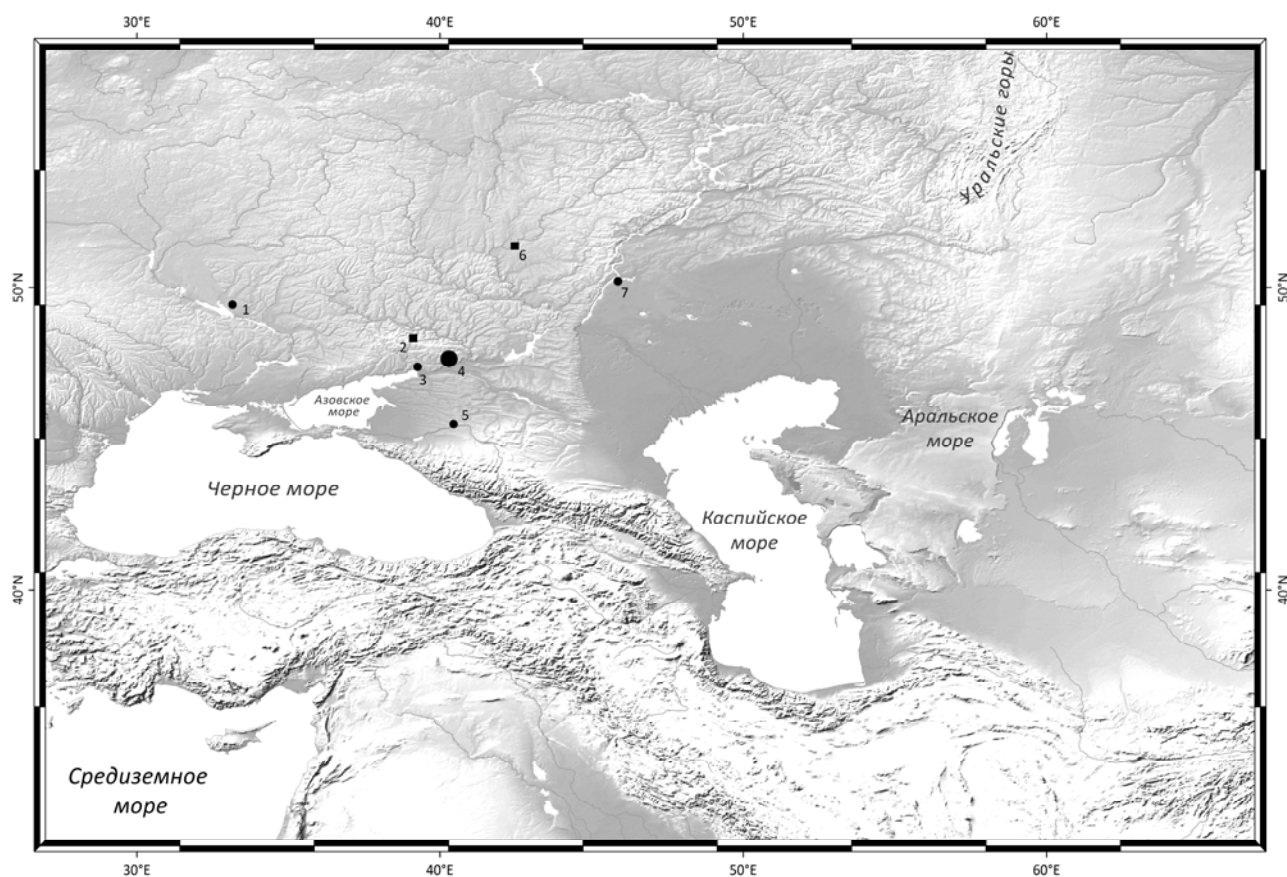
Рис. 11. Находки китайских зеркал IV в. до н.э.: 1 — Чкаловский (М.Ю. Трейстер, 2018).

Fig. 11. Finds of the 4th century BC Chinese mirrors: 1 — Chkalovskiy (M. Treister, 2018).

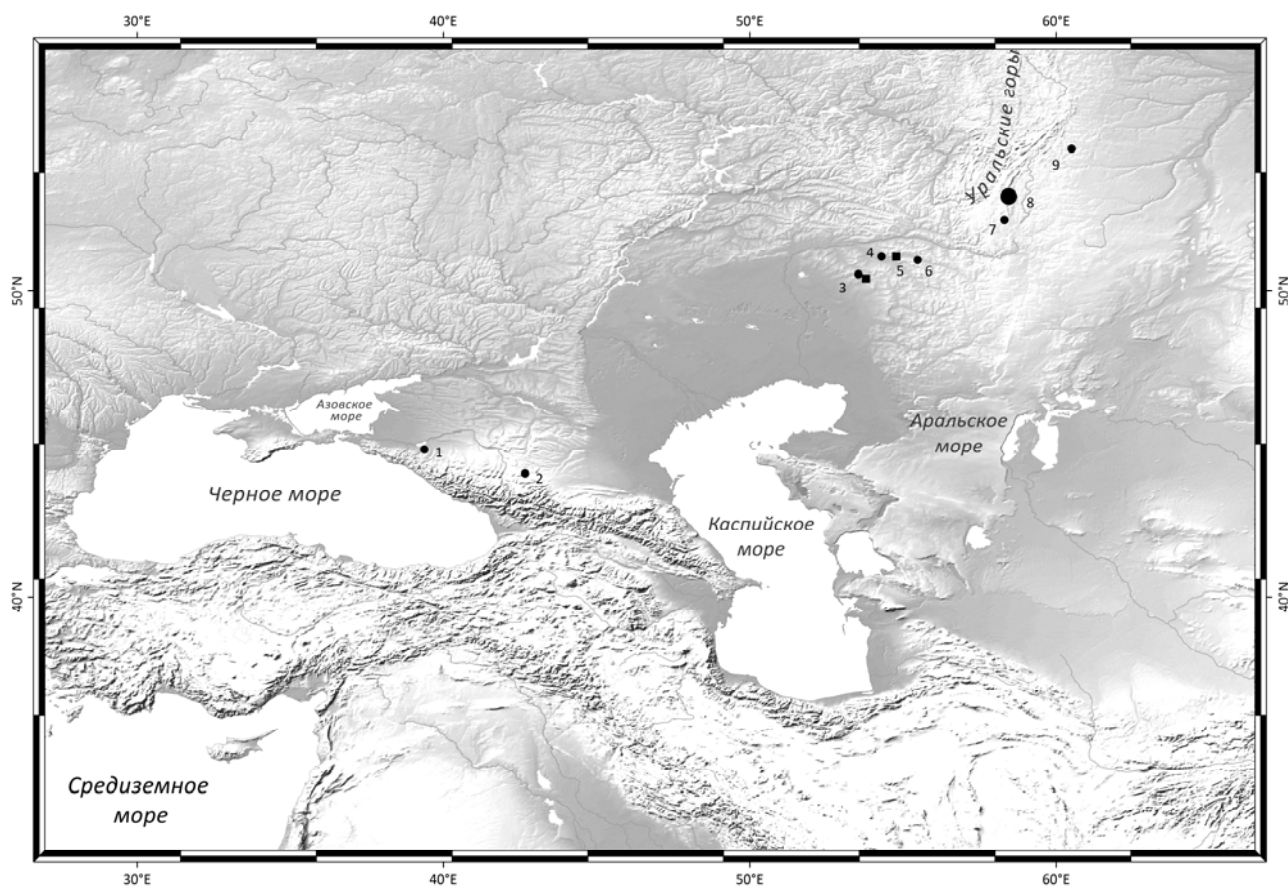
Рис. 12. Находки китайских зеркал в комплексах второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. в Азиатской Сарматии: 1 — Виноградный; 2 — Старая Полтавка (М.Ю. Трейстер, 2018).

Fig. 12. Finds of the Chinese mirrors in burial complexes of the second half of the 1st century BCE — first half of the 1st century CE in Asian Sarmatia: 1 — Vinogradnyy; 2 — Staraya Poltavka (M. Treister, 2018).

Рис. 13. Находки китайских зеркал в комплексах второй половины I — первой половины II в. н.э. в Сарматии: 1 — Градежск; 2 — Чугуно-Крепинка; 3 — Танаис; 4 — Кобяковский; 5 — Казанская; 6 — Третьяки; 7 — Бережновский-II. Квадрат — зеркала типа *zhaoming*, круг — зеркала типа *siru* (М.Ю. Трейстер, 2018).

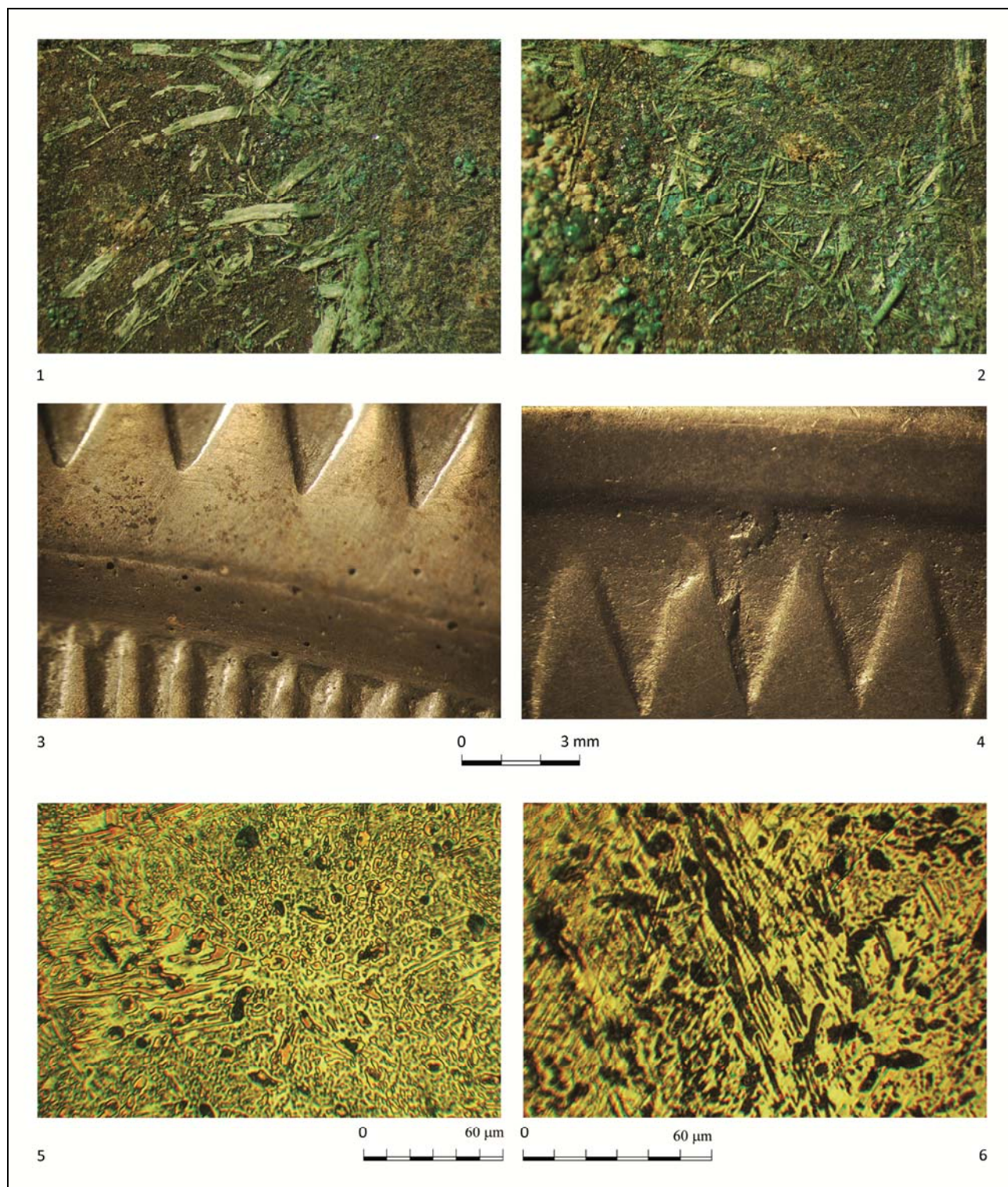
Fig. 13. Finds of the Chinese mirrors in burial complexes of the second half of the 1st— first half of the 2nd century CE in Sarmatia: 1 — Gradezhsk; 2 — Chuguno-Krepinka; 3 — Tanais; 4 — Kobyakovo; 5 — Kazanskaya; 6 — Tret'yaki; 7 — Berezhnovskiy-II. Quadrate — mirrors of the *zhaoming* type, circle — mirrors of the *siru* type (M. Treister, 2018).

Рис. 14. Находки китайских зеркал в комплексах второй половины II — III в. н.э. в Сарматии: 1 — Городской; 2 — Клинь-Яр-III; 3 — Лебедевка; 4 — Покровка 10; 5 — Черный Яр; 6 — Целинный-I; 7 — Комсомольский-IV; 8 — Темясово; 9 — Малковский. Квадрат — зеркала типа *TLV*, круг — зеркала типа *qingbai* (М.Ю. Трейстер, 2018).

Fig. 14. Finds of the Chinese mirrors in burial complexes of the second half of the 2nd — 3rd century CE in Sarmatia: 1 — Gorodskoy; 2 — Klin-Yar-III; 3 — Lebedevka; 4 — Pokrovka 10; 5 — Chernyy Yar; 6 — Tselinnyy-I; 7 — Komsomol'skiy-IV; 8 — Temyasovo; 9 — Malkovskiy. Quadrate — *TLV* mirrors, circle — *qingbai* mirrors (M. Treister, 2018).

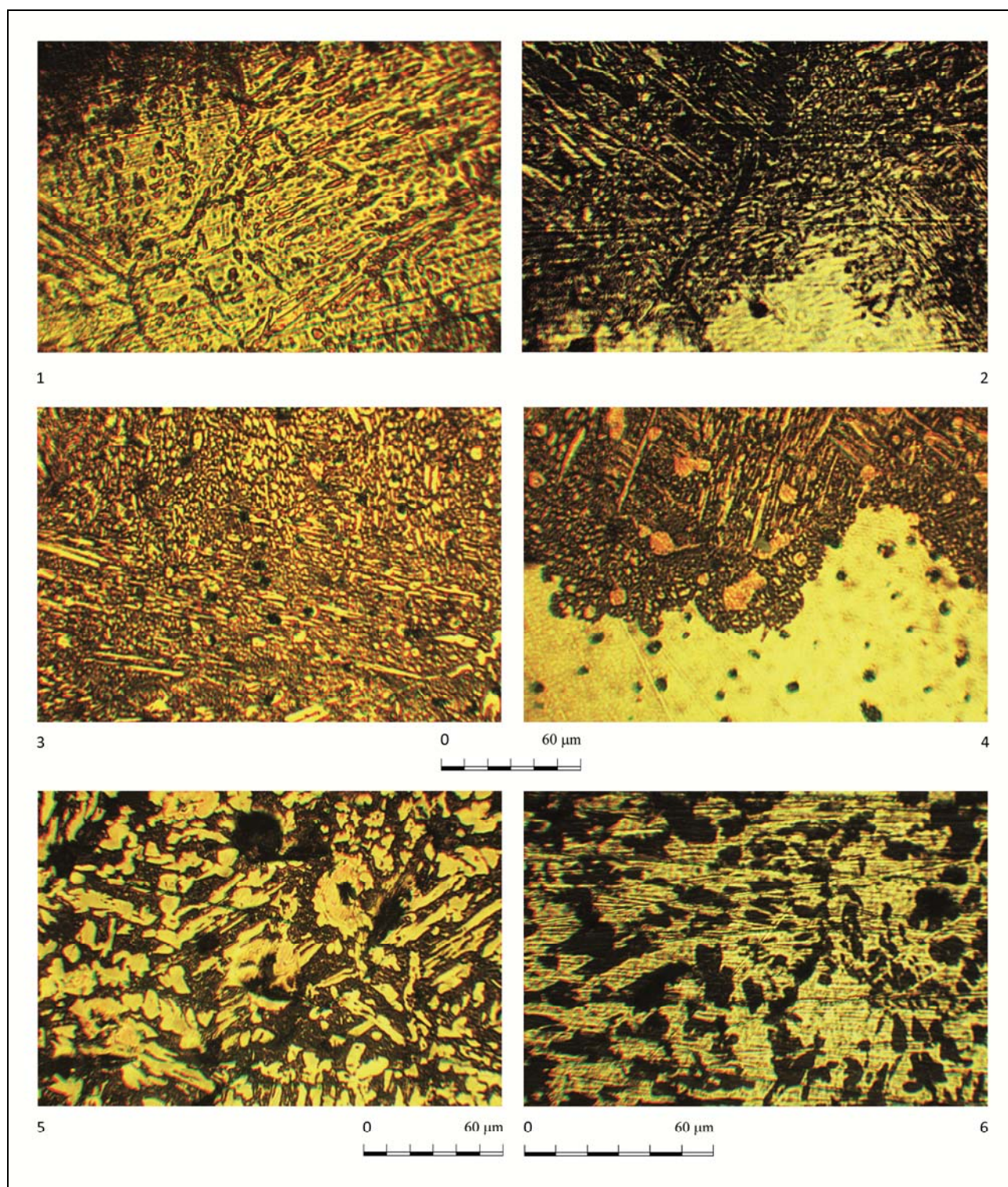

Рис. 15. Участки лицевой и тыльной сторон зеркала № 6 и его микроструктуры: 1, 2 — остатки древесного плетения на лицевой стороне; 3, 4 — поры и дефекты литья на тыльной стороне; 5 — микроструктура металла после травления; 6 — микроструктура корродированной области без травления.

Fig. 15. Sections of the front and back sides of the mirror no. 6 and its microstructures: 1, 2 — remnants of wood weaving on the front side; 3, 4 — pores and casting defects on the back side; 5 — microstructure of the metal after etching; 6 — microstructure of the corroded area without etching.

Рис. 16. Микроструктуры зеркал № 1, 5, 7: 1, 3, 5 — металл после травления (1 — зеркало № 1, 3 — зеркало № 5, 5 — зеркало № 7); 2, 4, 6 — корродированные области без травления (1 — зеркало № 1, 3 — зеркало № 5, 5 — зеркало № 7).

Fig. 16. Microstructures of the mirrors No. 1, 5, 7: 1, 3, 5 — the metal after etching (1 — mirror no. 1, 3 — mirror no. 5, 5 — mirror no. 7); 2, 4, 6 — corroded aria without etching (1 — mirror no. 1, 3 — mirror no. 5, 5 — mirror no. 7).

УДК 930/902(510)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.93.37.011

P.I. Shulga, D.P. Shulga

**NEW MATERIALS ON SACRIFICIAL ANIMALS
IN YANGLANG CULTURE BURIALS OF THE 5TH — 3RD CC. BCE (CHINA)***

This article focuses on the analysis of the sacrificial animals remains in burials of the 5th — 3rd cc. BCE of the Yanglang Culture Wangdahu burial ground identified with the Western Rongs who lived on the Qin kingdom western borders. As a rule, Eurasia Cattle breeders placed one or two parts or livestock carcasses in ordinary burials. In contrast to them, in the Yanglang Culture in one person ordinary burial up to 30, 50 or more skulls of all major livestock species (horses, cattle, sheep and goats) could be placed. In the analysis of sacrificial animals from the Yanglang Culture burial grounds detailed description, the authors came to the conclusion that in a number of burials the composition of animal species and their ratio fully correspond to the Central Asia nomads' herd averaged data. Apparently, the burial grounds organizers were sent real herd to the other world with the dead people or recruited animals for slaughter keeping the proportions known to them. The proportion of horses is much higher in the chariot warriors' burials which is associated with the deceased special status. As it turned out, even 1—3 years old children could have such status during burial in Wangdahu. Foals and votive weapons full set were placed in such burials. All of this suggests the chariot warrior's high status which was established in the funeral rite. The maintenance and training of chariot horses large number, the horses and chariot warriors equipment manufacturing required the state structures participation. It is no coincidence that the number of chariots served as a state power yardstick in ancient China. All these preliminary observations and conclusions are consistent with indirect information from Chinese historical sources about the developed horse breeding among the Western Rongs, their special relationship with the Qin kingdom and possibly the early state formation existence among them.

Key words: Northern China, Scythian time, Yanglang Culture, Western rong, burial rite, sacrificial animals, nomads' herd composition, burials of chariot warriors.

About the authors: Shulga Petr Ivanovich¹, PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Shulga Daniil Petrovich², PhD (History), Novosibirsk State University, Siberian Institute of Management — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: ¹630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ac. Lavrentieva ave., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; ²630090, Russia, Novosibirsk, 2 Pirogova St., Novosibirsk State University; ^{1,2}e-mail: alkaddafa@gmail.com.

П.И. Шульга, Д.П. Шульга

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЖЕРТВЕННЫМ ЖИВОТНЫМ
В ПОГРЕБЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ ЯНЛАН V—III ВВ. ДО Н.Э. (КИТАЙ)**

Статья посвящена анализу останков жертвенных животных в захоронениях V—III вв. до н.э. могильника Вандаху культуры янлан, идентифицируемой с западными жунами, обитавшими на

---

* Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX—III вв. до н.э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Статья поступила в номер 24 мая 2021 г.

Принята к печати 21 июня 2021 г.

© П.И. Шульга, Д.П. Шульга, 2021.

западных границах царства Цинь. Скотоводы Евразии, как правило, помещали в рядовые захоронения части или туши одной-двух особей домашнего скота. В отличие от них, в культуре янлан в рядовом захоронении одного человека могли размещать до 30, 50 и более черепов всех основных видов скота: лошадей, крупнорогатого скота, овец и коз. В ходе анализа детального описания жертвенных животных из могильников культуры янлан, авторы пришли к заключению, что в ряде захоронений состав видов животных и их соотношение полностью соответствуют усреднённым данным по стаду кочевников Центральной Азии. По всей видимости, устроители погребений отправляли с умершими людьми в мир иной реальное стадо или набирали для забоя животных, сохраняя известные им пропорции. В погребениях воинов-колесничих доля лошадей значительно выше, что связано с особым статусом умерших. Как оказалось, в Вандаху этот статус при погребении могли иметь даже дети 1—3 лет, с которыми помещали жеребят и полный комплект votивного оружия. Всё это указывает на высокий статус воинов-колесничих, утвердившийся и в погребальном обряде. Содержание и выучка большого количества колесничных лошадей, изготовление снаряжения лошади и воинов-колесничих, требовало участия государственных структур. Не случайно количество колесниц служило в Древнем Китае мерилom мощи государства. Все эти предварительные наблюдения и выводы согласуются с косвенными сведениями китайских исторических источников о развитом коневодстве у западных жунов, их особых отношениях с царством Цинь, а возможно, и существованием у них раннегосударственного образования.

Ключевые слова: Северный Китай, скифское время, культура янлан, западные жуны, погребальный обряд, жертвенные животные, состав стада кочевников, захоронения воинов-колесничих.

Сведения об авторах: Шульга Петр Иванович¹, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Шульга Даниил Петрович², кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: ¹630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; ²630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирский государственный университет; ^{1,2}e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Introduction

All pastoralist burial rites on Ancient China kingdoms western and northern borders in the 7th — 3rd cc. BCE suggested sacrificial animals and dead people shared burial. As a rule, animal remains are represented by skulls sometimes accompanied by a few leg bones. The northern cultures Yuhuangmiao rituals (7th — 6th centuries BCE) (fig. 1: 1, 4) and the Maoqinggou Culture derived from it (6th — 3rd cc. BCE) (fig. 1: 1, 5) was approximately the same. The dead were buried one at a time in narrow graves, on their backs, in an extended position with their heads to the east. The skulls of animals (horses, cows, sheep, goats and dogs) were located several pieces above people heads (sometimes alongside the deceased) in graves filling with incisors (muzzle) in the eastern direction (fig. 1: 4, 5). These cultures burial grounds could be up to 69 (Maoqinggou) (Tian Guangjin, Guo Suxin 1986: 231, fig. 2) and even up to 400 graves (Yuhuangmiao¹) (Shulga 2015a: fig. 3—5). The burials were located close to each other and did not have a significant grave structure which is typical for sedentary population burial grounds.

The Yanglang Culture area was located in Ningxia-Hui Autonomous Region southern part and in Gansu province adjacent areas, approximately 500—600 km southwest of Maoqinggou culture burial grounds (fig. 1: 1, 2).

---

¹ For more information: (Beijing City Institute of Cultural Heritage 2007).

Body

In the north, the so-called “Western Rongs” carriers of Yanglang Culture (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016: 623) contacted Ordos and Central Mongolia nomads, in the west — the Shajing Culture that existed in the 7th — 4rd cc. BCE in the Gansu corridor (fig. 1). In the east, the Western Rongs coexisted with the Qin kingdom for several centuries. Despite the remoteness and peculiarities of its origin, the funeral rite in the Yanglang-type sites had much in common with Yuhuangmiao and Maoqinggou northern cultures rituals (fig. 1: 4, 5). It is believed that Western Rongs retained their independence from the Qin kingdom until the 3rd century BCE in the area of modern Guyuan (the central part of the Yanglang Culture area) and in the adjacent territory. By 272 BCE, the Qin kingdom expanded its possessions in the west and established control over the Yanglang Culture area main part (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016: 739—741). Nevertheless, this culture has survived in that area. Moreover, it was at this time that the “princely” burial mounds of the 3rd — 2nd cc. BCE in Majiayuan 150 km south of Guyuan were built (Institute of Archeology and Material Culture 2014). Rich burials of local elite representatives presumably belonging to the Qin aristocracy were discovered there for the first time (Wu Xiaolong 2013). China's direct power over the territory in Guyuan and Zhongwei cities area was established only during the Han Empire strengthening after the victories of the Emperor Wu-di over the Xiongnu in 114 BCE. Accordingly, it can be assumed that the Yanglang Culture existed on Ningxia-Hui AR territory and the adjacent Gansu region until the middle of the 2nd c. BCE, while maintaining the pastoral orientation of the economy. In this regard, the Yanglang Culture is the only formation that existed on Ancient China borders for such a long time — from the 6th (7th?) to the 2nd c. BCE. The Yanglang Culture carriers' special fate was largely associated with the geographic location and natural conditions that favoured cattle breeding and farming. The location between the Chinese kingdoms, the northern nomads and the going westward Gansu corridor presupposed the inclusion of the western Rong into the developing trade relations.

Local population economy basis in the 5th — 3rd cc. BCE there was cattle breeding as in the aforementioned Yuhuangmiao and Maoqinggou northern cultures. Livestock skulls (horses, cattle, goats and sheep) were also placed in Yanglang Culture burials. The Yanglang Culture important feature is the only animal skulls presence in the burials, their large number and the absence of dog bones. So, in Wangdahu burial ground graves there were up to 20—30 skulls and in the Zhongzhuang burial ground M1 grave — 49. This number of feral animals is comparable to a small herd while in other cultures, as a rule, individual animals were present.

To date, Yanglang Culture burials have been found in more than 40 places including Ningxia-Hui Autonomous Region southern part (fig. 1: 2). Specialized work on sacrificial animals' bones study was carried out on materials from Wangdahu, Zhongzhuang and Jiulongshan burial grounds in Guyuan area (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016). These materials are of particular interest since they are the first experience of large number of animals skulls detailed analysis sacrificed by Chinese borderlands pastoralists in the 5th — 3rd cc. BCE. Such a thorough fixation of the sacrificial animals bones location has not been carried out before.

Wangdahu burial ground. It was located near Wangdahu village in Pengyang County 5—7 km southeast of Guyuan (fig. 1, 2). The burial ground study was carried out after peasants' reports about accidental finds. The burials were found in cultivated fields in one of the flattened uplands separated by deep ravines upper part (fig. 1, 3). In total, 15 burials were identified 8 of which were completely destroyed, including in the course of agricultural activities. Eight burials were located along the north-south line and a slope at a distance of about 84 m. Six of them (M1 and M9, M2 and M3, M5 and M6) were arranged in pairs parallel to each other at a distance of 0.5—3 m.

Approximately 30 m grave M4 was discovered to the west of the main chain. To the northeast of this grave there was another destroyed burials pair one of which is marked as M8 (fig. 1, 3).

Seven undisturbed burials of people with sacrificial animals were investigated and published. The funeral rite of burials in Wangdahu is typical for most Yanglang Culture burial grounds. Initially, rectangular entrance pit about $1.5\text{—}2 \times 1.5\text{—}2$ m in size up to 0.5—1.5 m deep was dug. In the entrance pit eastern (northeastern) wall a gradually lowering narrow catacomb (sometimes an undercut grave) up to 2—2.5 m in length was built. In Wangdahu, the catacombs had an unusually greater inclination to the east (up to 20—45 degrees) as a result of which the head of the deceased was significantly lower than the legs (fig. 2: 1, 3: 1, 4: 1). One deceased was placed on his back, elongated, with his head in the northeastern sector. A relatively rich inventory set was placed there including weapons, horse equipment, jewelry and other items made of bronze, iron and horn. Ceramic vessels were rarely placed in burials. After burial the catacomb was filled up and sacrificial animals' skulls were placed at the bottom of the entrance pit. More often they were located in the eastern (northeastern) part of the entrance pit where the catacomb was located (fig. 2: 2, 3, 5: 2, 3). At the same time, horses and cattle skulls were been turned mainly with incisors (muzzle) into the northeastern sector where the undercut grave with the deceased was located. The small cattle² skulls could be oriented in different directions (fig. 2: 2, 3, 5: 2). In some burials the skulls were laid over the entire area of the entrance pit or in several layers. As a rule, the inventory didn't fit into the entrance pit with animal bones, but sometimes there were harness sets in the layers with horses' skulls, and in the grave M4 from Wangdahu — the tip of an iron spear (fig. 5: 9).

Cattle, goats, sheep and horses' skulls, as well as a small number of other bones, were found in seven graves of the Wangdahu burial ground. Their zoo archaeological study was carried out in order to find out the age and belonging to one or another species. In total, at the Wangdahu burial ground 158 animal skulls were measured and identified, the number of individuals and their age were determined. The sacrificial animals' remains number and location in different burials varied significantly depending on the sex, age and status of the deceased.

Grave M1 contained the undisturbed burial of a 40—45 year old chariot warrior. The accompanying items were located in the undercut burial chamber on the sides of the deceased (fig. 2: 1). Among them there were four horses' bridles details of which two bridles had distinctive chariot cheek pieces. The warrior was girded with a wonderful decorated with badges belt on which a dagger in the same sheath with a knife was suspended. In addition, he was armed with a long handle spear and a bow with arrows, probably attached to a chariot (Shulga, Shulga 2019).

A total of 25 animal skulls were found in the grave M1 entrance pit (14 horses, 2 cattle, 4 goat skulls, 7 sheep)³. The lower layer consisted of five adult horses' skulls (with lower jaws), laid on the base in a row along the eastern wall of the grave with incisors (muzzles) in the eastern direction. To the west behind them there were the skulls of a foal (no. 12) and a goat. Closer to the entrance pit western wall there were two sheep skulls and a horse skull (no. 22) with incisors to the east (fig. 2: 3). The upper layer skulls were placed directly on the underlying ones almost everywhere. In the central part and at the western wall of the pit there were three horse skulls, including the one placed directly on skull No. 22. Three goats and three sheep skulls were laid on the middle line. The skulls of horses No. 1 and No. 3 were placed at the eastern wall the last with incisors to the north and east, as well as the cattle skull with incisors in the eastern sector. Another cow skull was placed against the western wall (fig. 2: 2).

---

² Russian-speaking term «мелкий рогатый скот» (or Chinese 羊) does not have an approved equivalent in English, that's why we use one of the options, «small cattle» in the meaning of «small livestock», «sheep and goats», domesticated members of the Caprinae family.

³ The number of animal skulls in this and other graves in sections of the publication публикации (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016) sometimes differs by several numbers.

Grave 2 contained a 2—3 years old child (boy?) burial (fig. 3: 1). On the belt of the deceased there were a bronze belt badge and a full-size knife with a votive dagger 14.8 cm long (fig. 3: 3, 5, 6). At the head were a bronze spear 10 cm long (fig. 3: 4) and harness details in the form of 15 full-size bronze badges and a bell (fig. 3: 7, 8). Thus, the child was buried as a chariot warrior with full-length belt parts and harness but with weapons replica. 7 animal skulls (5 horses and 2 cattle) were found in the entrance pit (fig. 3: 2). Horses are represented by lying in the center skulls of four colts laid in pairs (chariot quartet) and a separately lying skull of an old individual covered by the adult cattle skull.

Grave 3 was located next to grave M2. It contained 1.5 years old child (boy?) burial (fig. 4: 1). He was also accompanied by warrior-charioteer votive bronze weapons set: a dagger 15 cm long, a spear 10 cm long, a celt 3.2 cm long, as well as an awl and other small items (fig. 4: 3—5). Belt badges, a similar full-size harness badges set and a bell were also found there (fig. 4: 6—8). In the entrance pit, 11 poorly preserved animal skulls (4 horses, 3 cattle, 4 goats and sheep) laid in one layer were recorded (fig. 4: 2). Horses are represented by the skulls of three foals No. 7—9, laid at the eastern wall above the entrance to the catacomb and an adult individual skull No. 5 at the western wall.

Grave M4 contained 40—45 years old chariot warrior burial (fig. 5: 1). In the catacomb, next to the deceased there were a bimetallic sword, a bronze celt and some other items (fig. 5: 7, 10). Almost all of the horse equipment was located among the horse skulls accumulation in the entrance pit (fig. 5: 2). There, among the animals bones a bronze adze was found (fig. 5: 8), a link of iron bits and an iron spearhead 23.4 cm long (fig. 5: 4, 9). The presence of two iron bits and several double-hole cheek pieces suggests that grave M4, as well as grave M1, contained four horses' team parts.

In the entrance pit, 24 animal skulls were found (7 horses, 3 cattle, 14 goats and sheep). Some horse skulls had adjacent cervical vertebrae — atlas. During the sacrifice, all the skulls were placed on a horizontal platform in 2—3 layers. At the catacomb mouth, seven horse skulls were located below (fig. 5: 3). Four of them were laid on the bases in a row with incisors to the east. Right behind them to the west there were two horse skulls on which two cattle skulls were placed with incisors to the east (fig. 5: 2). In the western part, there was a cluster of 14 skulls of goats and sheep in disarray (fig. 5: 2). Horses are represented by one foal, eight middle-aged individuals and one old individual.

Grave M5 contained the burial of a 35—40 year old man. There was a bow with horny end plates, a reduced bronze dagger (length 20.4 cm) and a votive coinage (length 4.8 cm), belt fittings and one harness badge. There were no horse skulls. The entrance pit contained 23 animal skulls arranged in three layers (4 cattle skulls and 19 skulls of goats and sheep). The skulls in the lower layer were located at the eastern wall mainly above the catacomb. Next to the deceased, two deliberately laid hyoid cattle bones were found.

Grave M6 contained the burial of a 12—13 year old male teenager. The deceased was accompanied by a reduced bronze dagger (length 21.7 cm), a flat lightweight ax (length 13.8 cm) and a votive celt (length 4.4 cm). There were also bronze and horn socketed points, an awl and belt fittings as well as horn chariot cheek pieces and distributors and bronze badges. 25 skulls were found in the entrance pit: 4 horse skulls (3 foals and an adult), 2 cattle skulls (a calf and an adult); five goat skulls (3 small goats, 2 adults); 14 sheep skulls (including 9 lambs, 3 middle-aged individuals, 1 old individual).

Grave M7. Burial of a 25—35 year old woman. Next to the deceased a lot of inventory was found including three bronze knives, awls, needles, a tube and a ceramic vessel. Separately at the feet were parts of a belt set and doe hollow figures which have four holes in the base for attaching to some kind of wooden (?) base. In general, they are similar to the doe hollow figurines which were found with the harness details in Zhongzhuang burial ground M1 grave. In the entrance pit, 31 animal skulls were found, including 5 cattle (1 calf and 4 middle-aged individuals) and 26 small cattles including. 14 goats (7 small goats, 1 young individual, 5 middle-aged individuals; 1 individual is defined either as old or as an adult) and 11 sheep (4 lambs, 4 middle-aged individuals, 3 old individuals).

List of the animals. The bones of 158 domestic animals were found in the Wangdahu burial ground: 38 horses (24%), 21 cattle (13.3%) and 99 small cattle (62.7%) (33 goats and, presumably, 66 sheep). Almost all of them are represented by skulls usually found together with the lower jaws. There are few other bones. Basically, these are the first Atlas vertebrae remaining with the skulls.

Unusual wear traces on the teeth of horses and cattle studies are of great interest. There are clear signs of bit use on some horses upper and lower jaw teeth. Of the 37 horse skulls found in five Wangdahu graves, in seven cases, teeth marks from bits were found, including five adult horses from grave M4 (No. 2, 3, 4, 9, 23) (fig. 5: 3) and one in M1 (skull No. 6) (fig. 2: 2, 3). On the plan of the grave M4 it is clearly seen that the skulls with bit traces (No. 2, 3, 4, 23) are located in a row above the entrance to the charioteer catacomb. Skull No. 9 is located and turned by incisors in the opposite direction — to the west. Perhaps it was a spare horse. As we can see, in the richest burial with a 40—45 years old chariot real (working) four chariot horses were placed. This is the first case of such significant demonstration of the correspondence between warrior specialization and horses buried for him.

Similar results were obtained in single burials at the Xiaohecun and Zhongzhuang burial grounds. So, at the Xiaohecun burial ground, a horse skull and a cattle skull were found, on whose teeth traces from a bit in the form of a significant anomalous wear of some teeth were recorded by Chinese experts. According to their conclusion, the cattle skulls finds in burials from Xiaohecun and Zhongzhuang show that not only horses but also cattle were used as transport (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016: 616—617). The conclusion about the use of cattle as a draft animal is confirmed by data on the Mongols and other peoples economic life (Markov 1976: 53).

Location and number of skulls in burials

The sacrificed animals composition and location pattern in the entrance pit largely depended on the deceased status. Five of seven burials with horse skulls investigated in Wangdakh (M1, M2, M3, M4, M6) can be attributed to the burials of real (M1, M4) or conditional (M2, M3, M6) chariot warriors. Two burials (M5 and M7) without horse skulls are not included as such.

Burials of chariot warriors. In the graves of children (M2, M3) and a teenager (M6), horses and cattle are represented in nearly the same quantity: 5, 4, 4 horse skulls and 2, 3, 2 cattle skulls. In adult charioteers graves M1 and M4, there were 14, 10 horse skulls and 2, 3 cattle skulls correspondingly. A certain order can be traced in the arrangement of animal skulls. It was observed most fully in the high status people burials — adult chariot warriors in graves M1 and M4. After the deceased was buried in the catacomb and backfilled with soil, over the entrance to the catacomb, the horses' skulls were laid out with incisors (muzzles) in the eastern sector (usually to the northeast) where the deceased person was also turned his head. This most significant first row also contained the skulls of five adult horses with bit marks on their teeth — four in M4 and one in M1 (fig. 5: 3, 2: 3). Behind them, in M4, chariot equipment parts were also found (fig. 5: 2). It is noteworthy that, despite the supposed significant difference in time between the graves M1 (5th — 4th cc. BCE) and M4 (4th — 3rd cc. BCE) they had not only the typologically similar equipment of the four chariot horses but there were five horse skulls in the first row. This indicates both this ritual feature preservation and this feature significance in real life. Perhaps, this is due to the total number of horses in the chariot. Above the indicated first lower row, several more horses', cattle and small livestock skulls could be placed. However, most of them were stored in the entrance pit central and western parts. The most ordered arrangement of the rest of the skulls is observed in M4 grave the entrance pit. In the second row were placed the skulls of more significant animals — two horses (including skull No. 9 with bit traces) and two cattle skulls laid on them facing the eastern sector with their muzzles (fig. 5: 2, 3). The skulls of goats and sheep were folded to the west in no particular order (fig. 4: 2). In the earlier grave M1 and in child "charioteer" burial in M3, horses' and cattle skulls

were also placed in the entrance pit western part (fig. 2: 2, 3). At the same time, 2—3 large adult cattle skulls of all burials were placed in the upper layer. We also note the burial M2 with the child “charioteer”. There, at the center of the entrance pit, four foals (chariot quartet) were folded in two pairs, and at the northern wall it was the old horses’ skull covered by cattle skull (fig. 3: 2).

Burials M5 and M7 without horse skulls. In these graves entrance pits, animals’ skulls were located differently. In warrior—“archer” grave M5, cattle, goats and sheep skulls (4 individuals) were located in three amorphous clusters without a certain order and oriented in different directions. Only with this warrior there were the bow with horn end plates and combat bronze arrowheads. There was also an inlaid belt but the weapons (dagger, ax and celt) were reduced in size. Horse harness is represented by a single concave badge typical for a chariot harness. It is possible that archer warrior from a chariot burial is marked in this way. In the woman burial in M7 with a rich inventory, the largest number of cattle skulls (5 pieces) and small cattle ones (27 pieces) placed in a certain but unusual order were found. Most of the small cattle skulls were lined up within the rhombus formed by the cattle skulls.

The Wangdahu burial ground materials are substantially enriched by the data on the M1 burial from Zhongzhuang burial ground investigated about 35—40 km northeast of the county town of Pengyang. The burial structure construction is similar to those considered in the Wangdahu burial ground. Initially, rectangular entrance pit with a depth of slightly more than 1 m was dug. Then an inclined catacomb was built under its eastern wall in a northeastern direction. The 35—45 years old deceased (female —?) was laid on his back stretched out with his head to the northeast. Nearby were a bronze knife, belt fittings, corrugated tubes and an accumulation of concave harness badges with eight hollow doe figures. The weapon was missing. It should be noted that the inventory complex, in general, corresponds not to a military one, but to that found with a woman from M7 at the Wangdahu burial ground. According to all these data, a woman with horse skulls and a chariot harness was buried in M1. A total of 63 individuals were buried in this grave including 4 horses’ skulls, 7 cattle skulls and 38 small livestock skulls. In general, they were located approximately according to the scheme traced in the rich charioteer burial M4 from Wangdahu (fig. 5: 2, 3). Above the entrance to the catacomb there were three horse skulls laid in a row also turned by their incisors towards a person. The fourth horse skull was located lower in the catacomb along with the small cattle skulls. As in Wangdahu (M4), behind the horse skulls there were no skulls but horny tubular harness details laid in a row. Almost all of seven cattle skulls were on top of the other animals’ skulls. Small cattle skulls lay without visible order with incisors in different directions. Cattle No. 21 skull located on the top in cluster northern part had well marked traces from the bits use on the teeth.

The composition of the herd

Osteological material from burials is traditionally used to reconstruct ancient population economy and the composition of the pastoralists’ herd. In Wangdahu and Zhongzhuang burial grounds all the main pastoralists’ domestic animals are represented in significant numbers: horses, cattle, sheep and goats. Bones of pigs, dogs and other domestic and wild animals are missing.

In Scythian world burials sacrificial animals are commonly represented by only one or two species in accordance with rite norms. Usually it is a part (less often a carcass) of a sheep or horse. There are more species in the yuhuangmiao and maoqinggou cultures but even there we see animals set that reflects only the herd composition (fig. 1: 4, 5).

In this respect, the Yanglang Culture is an exception, although the animals composition and ratio in the altars there could vary significantly depending on the deceased status. Thus, in adult male charioteers burials M1 and M4 from Wangdahu, all domestic animals (horses, cattle, sheep and goats) skulls were

found but the horse skulls proportion is clearly overestimated. There the horse skulls made 35% and 52%, cattle — 7% and 10%, small skulls — 41% and 55% of the skulls total number respectively. A similar animals in a herd ratio sometimes developed among Northern China nomads due to special circumstances (Yang Jianhua 2004: 127; Zheng Junlei 2003: 10—14), but in this case it is clearly distorted by including chariot and other horses. It is obvious that in Wangdahu and at some other Yanglang Culture burial grounds horse skulls presence in the burial first of all demonstrated the deceased high status. For example, out of 166 domestic animals skulls at the nearby Jiulongshan burial ground there were only four horse skulls which were in one burial (Institute of Archeology and Cultural Heritage AR 2016: 616).

The animals ratio in burials without horses is much closer to the real one. In the warrior-archer burials (M5, 25 animals) and a woman (M7, 32 animals) where were no horse bones other animals ratio turned out to be the same: cattle — 16% each, small cattle — 84% each accordingly. It is interesting that almost the same cattle and small cattle excluding horses ratio in the woman burial from Zhongzhuang burial ground — 16% and 84% accordingly. If we count all 49 skulls shares from this burial in Zhongzhuang horses will account for 7% (4 individuals), cattle — 13% (7 individuals) and small livestock — 78% (38 individuals). Surprisingly, this ratio is fully in line with the numerous ethnographic data on the nomads' herd composition in Central Asia according to which "Approximately 15—20% of the herd were horses and cattle. Sheep, in general, accounted for 50—60%. The rest were goats and camels" (if the latter were present in the herd) (Kradin 2001). Approximately the same ratio between cattle and small cattle at the Jiulongshan burial ground where out of 166 individuals there were 4 horses, 18 cattle (11%) and 144 small cattle (87%). The skulls presence in the altars allowed Chinese researchers to establish that most of them are sheep and goats. In burials with good bone preservation with a single exception (M7) the sheep number is twice as large as that of goats. Usually goats share in nomads' herd is lower but in the mountainous areas near the Liupanshan Ridge this could be justified by the ability of goats to feed on steep slopes.

Conclusion

The almost complete cattle and small cattle ratio at three burial grounds suggests that the burials organizers were sent real herd to another world with the dead people or recruited animals for slaughter keeping the proportions known to them. The horses share in local population herd is not determined based on altars materials but the very fact that there were 4—5 horses even with children aged 1—3 years clearly indicates a large number of them. All this is consistent with the Chinese historical sources information that Western peoples, Qiang and Rong, (obviously, including Yanglang Culture carriers) were "horse breeders" (Kryukov et al. 1978: 175). It is important to note that in Wangdahu as in other Yanglang Culture burial grounds there is not a single reliable detail from saddles but there are a significant number of items related to a chariot or chariot harness. In nobility burials of the 3rd — 2nd cc. BCE in the Yanglang Culture Majiayuan burial ground only richly decorated chariots made in five modifications for different types of activities from a ceremonial drive to hunting were found (Wu Xiaolong 2013).

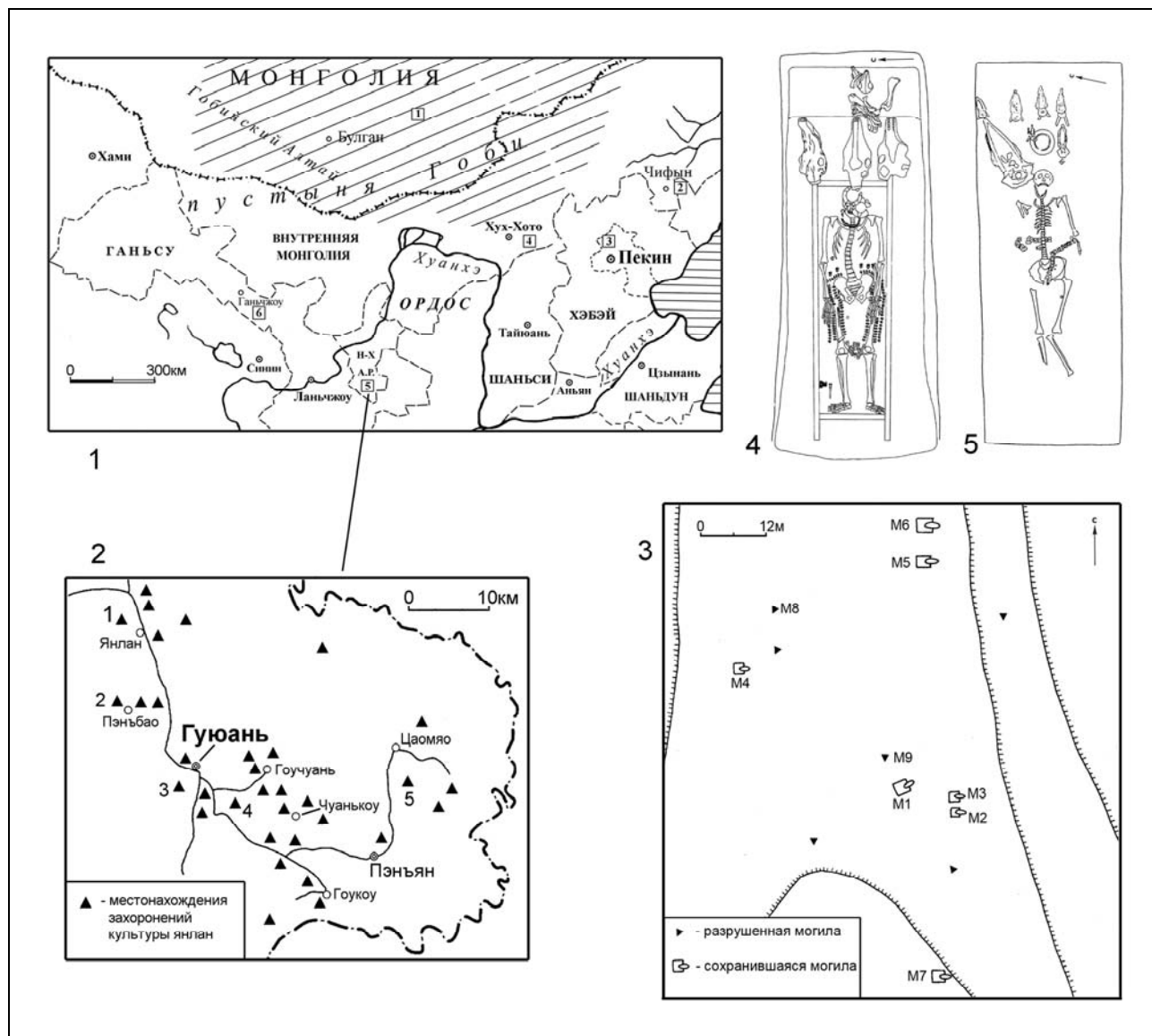
In addition, DNA analysis of sacrificial animals from the above-mentioned Yanglang Culture burial grounds was made by Chinese researchers performed. It was concluded that livestock raised in Northern China different regions has a genetic succession from late Neolithic and Early Bronze Age to the Eastern Zhou era (Chunqiu, Zhanguo). In some cases, connections can be traced even with modern samples. The horses remains from these burial grounds are genetically close to the Bronze Age horses from Chifeng region (Inner Mongolia Autonomous Region) where the "Upper Xiajiadian" Scythian culture monuments were studied (fig. 1: 1) (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016). That is a very important conclusion confirming pastoralists traditional

meridional connections and migrations within North China and adjacent Mongolia regions. Some of the Yanglang Culture ancient horses genotypes have survived to the present day. A similar situation can be seen in cattle and sheep study. The animal species trade (exchange) system was different. It was found that horses, cattle and sheep in northern China different regions during the Eastern Zhou period often had the same haplotypes since these animals types were the main trade (exchange) objects between different population groups. The goat DNA showed a different picture. The goats from Yanglang Culture Ningxia (including Wangdahu) genotype has nothing to do with Inner Mongolia ancient goats. This genetic difference probably indicates that goats were not the main trade (exchange) objects for North China ancient population and the adjacent part of the Central Plain (Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016).

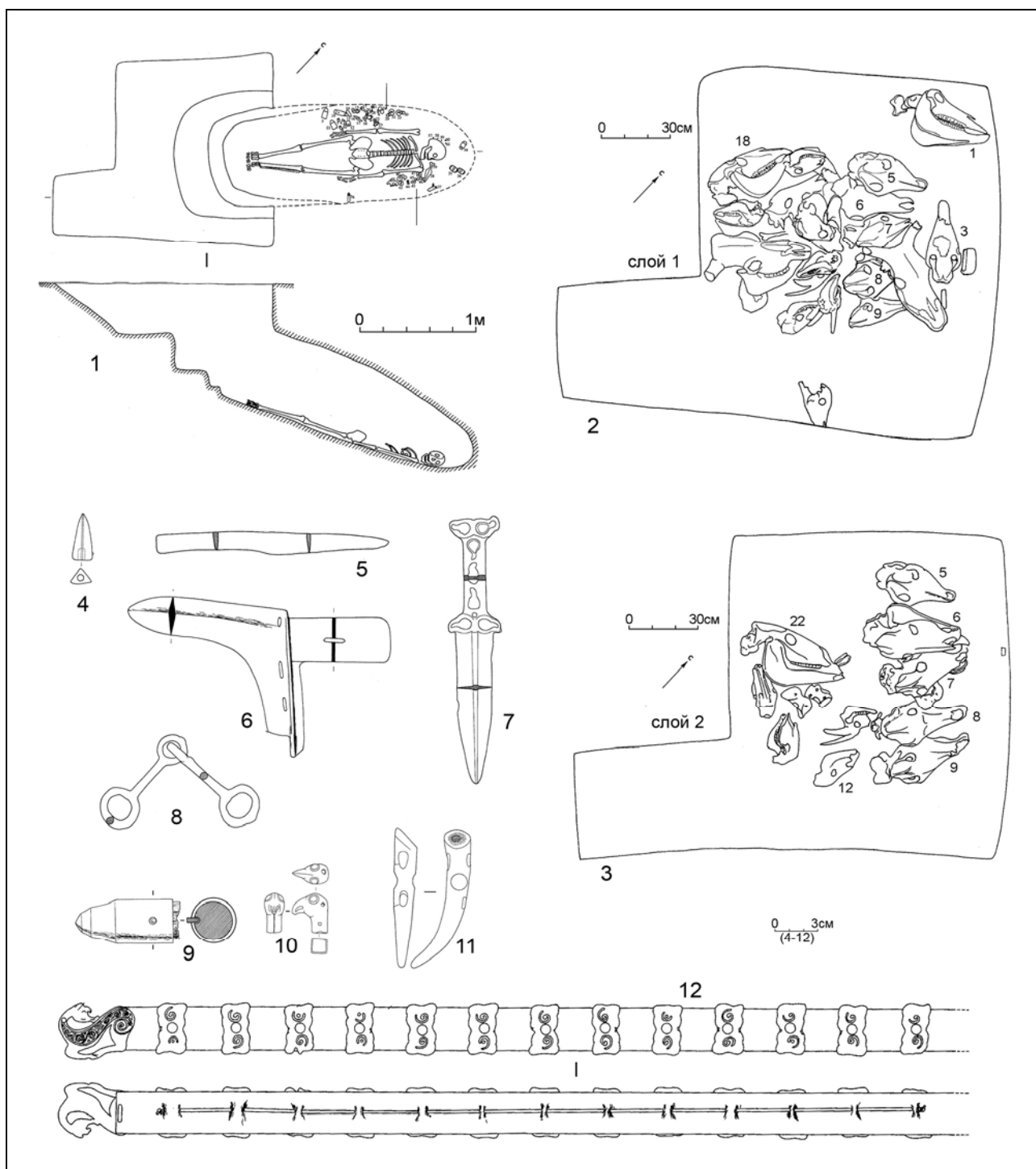
Sacrificial animals bones in Wandahu burial ground undisturbed burials characteristics, composition, location and DNA detailed analysis made it possible to make decisive progress in solving issues of a different level. Firstly, issued detailed data on sacrificial animals number, their species and age make it possible to judge the herd composition among the Yanglang Culture population with a high degree of certainty. Horse breeding was of particular importance. At the same time, some of the horses, apparently, were kept separately from the main herds and were used as draft horses including in chariots. The nature of horse skulls connection including skulls with wear signs from a bit, with harness details and a certain weapons set in the burials of adult warriors and children indicates the charioteer cult existence in the Yanglang Culture. The large number of chariot horses maintenance and training, expensive equipment for horses and chariot warriors manufacture as well as their weapons in ancient China were provided by state structures. In conjunction with other materials on the Yanglang Culture, one can assume the significant number of chariots existence in that society that served as states power measure including the semi-barbarian Zhongshan. Elite burials with chariots made according to the Yanglang Culture rite but mounted under Qin presence in Majiayuan confirms the thesis of “proto-state” formations among the Western Rongs existence (Kryukov et al. 1978: 177—178).

References

- Beijing City Institute of Cultural Heritage. 2007. *Burial Grounds in the Jundushan Mountains: Yuhuangmiao* (in 4 volumes). Beijing: Wenwu chubanshe.
- Institute of Archeology and Material Culture 2014: Institute of Archeology and Material Culture of Gansu County. 2014. *Archaeological treasures of the Western Rong (based on materials from the Majiayuan burial ground of the Zhanguo period)*. Beijing: Wenwu chubanshe.
- Institute of Archeology and Cultural Heritage 2016: Institute of Archeology and Cultural Heritage of Ningxia Hui AR, Pengyang County Cultural Heritage Office. 2016. *Wangdahu and Jiulongshan — burial grounds of the Northern Bronze culture* (in 2 volumes). Beijing: Wenwu chubanshe.
- Kradin, N.N. 2001. *Hunnu Empire*. Moscow: Logos.
- Kryukov, M.V., Sofronov, M.V., Cheboksarov, N.N. 1978. *Ancient Chinese: Problems of Ethnogenesis*. Moscow: GRVL.
- Markov, G.E. 1976. *Nomads of Asia*. Moscow: Moskow University.
- Shulga, P.I. 2015a. *Yuhuangmiao burial ground in North China (VII—VI centuries BC)*. Novosibirsk: IAET SB RAS.
- Shulga, P.I. 2015b. *Cattle breeders of Altai Mountains in the Scythian time (based on settlements materials)*. Novosibirsk: RIC NSU.
- Shulga, D.P., Shulga, P.I. 2019. Wangdahu burial ground of the Yanglang Culture in the Ningxia-Hui Autonomous Region of the PRC. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories* 25, 649—656.
- Tian Guangjin, Guo Xuxin. 1986. *Ordos style bronzes*. Beijing: Wenwu chubanshe.
- Wu Xiaolong. 2013. Cultural hybridity and social status: elite tombs on Chinas Northern Frontier during the third century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.
- Xu Cheng, Li Jinzeng, Wei Zhong, Han Xiaoman, Yan Shizhong. 1993. Burial ground of the Yanlan bronze culture in Guyuan, Ningxia. *Kaogu xuebao* 3, 13.
- Yang Jianhua. 2004. *Formation of archaeological cultures of the China northern belt during the Chunqiu and Zhanguo periods*. Beijing: Wenwu chubanshe.
- Zheng Junlei. 2003. On the criteria for distinguishing nomadic pastoralists heritage — the northern belt along the Great Wall from Xia to Eastern Zhou. *Bianjiang kaogu yanjiu. Archaeological research of the border area* 2, 425—451.

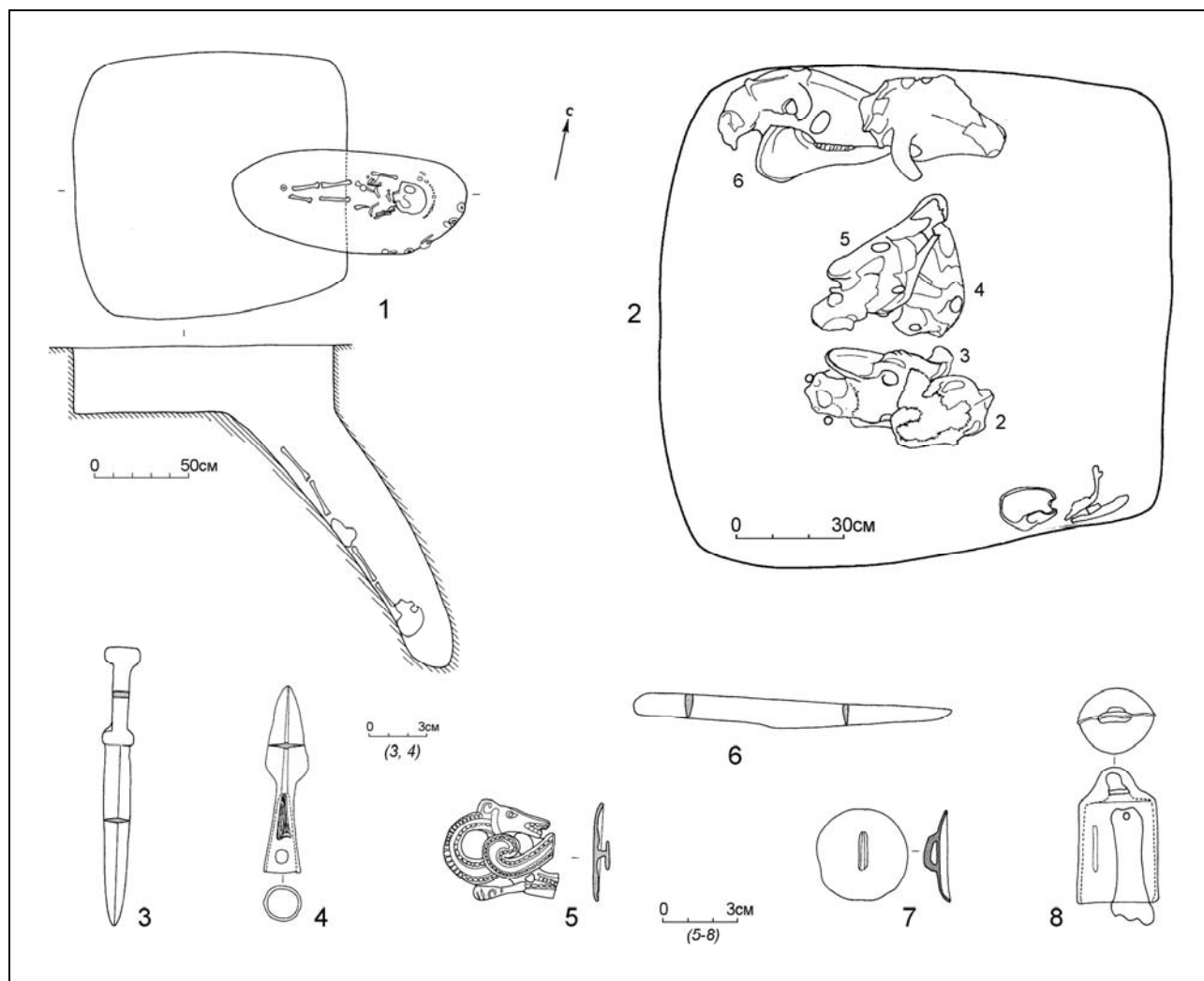

Fig. 1. 1 — map of the Scythian-like cultures location in Northern China and Mongolia (1 — the slab graves culture; 2 — the “Xiajiadian upper layer” Culture; 3 — the Yuhuangmiao Culture; 4 — the Maoqinggou Culture, 5 — the Yanglang Culture; 6 — the Shajing Culture); 2 — a map of the Yanglang Culture burials locations in the southern part of the Ningxia Hui Autonomous Region (1 — Mazhuang; 2 — Yujiazhuang; 3 — Jiulongshan; 4 — Wangdahu; 5 — Zhongzhuang), 3 — Wangdahu burial ground plan; 4 — Yuhuangmiao Culture burial; 5 — Maoqinggou Culture burial.

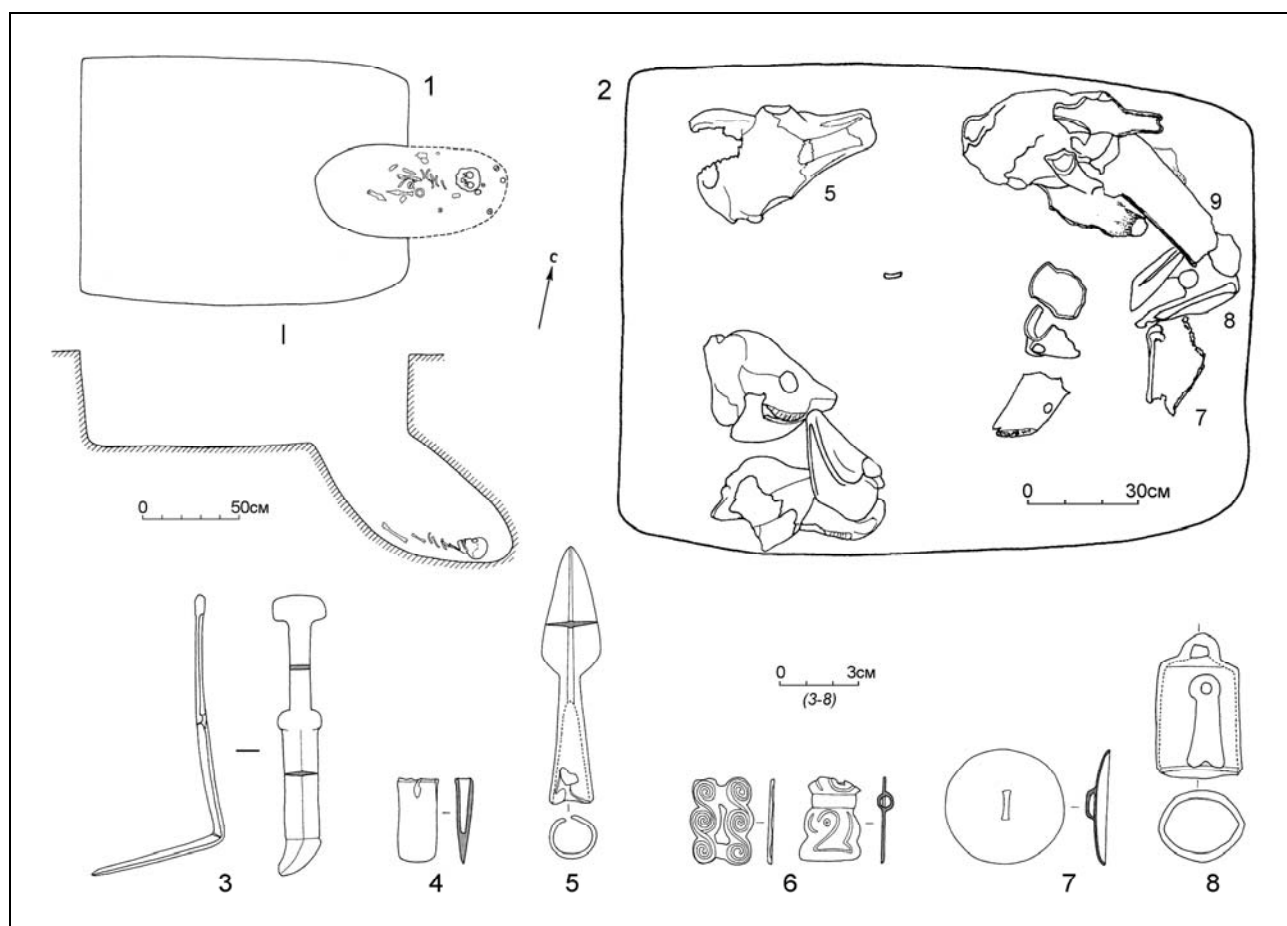

Fig. 2. Wangdahu burial ground, grave M1. 1 — plan and section of the grave; 2, 3 — plans for the location of the sacrificial animals' skulls in layers 1 and 2; 4—7 — warrior's weapons; 8, 11 — bits and cheekpieces; 9, 10 — details of the chariot; 12 — a belt with badges. Bronze — 5—10; bronze, leather — 12; bone (horn) — 4, 11.

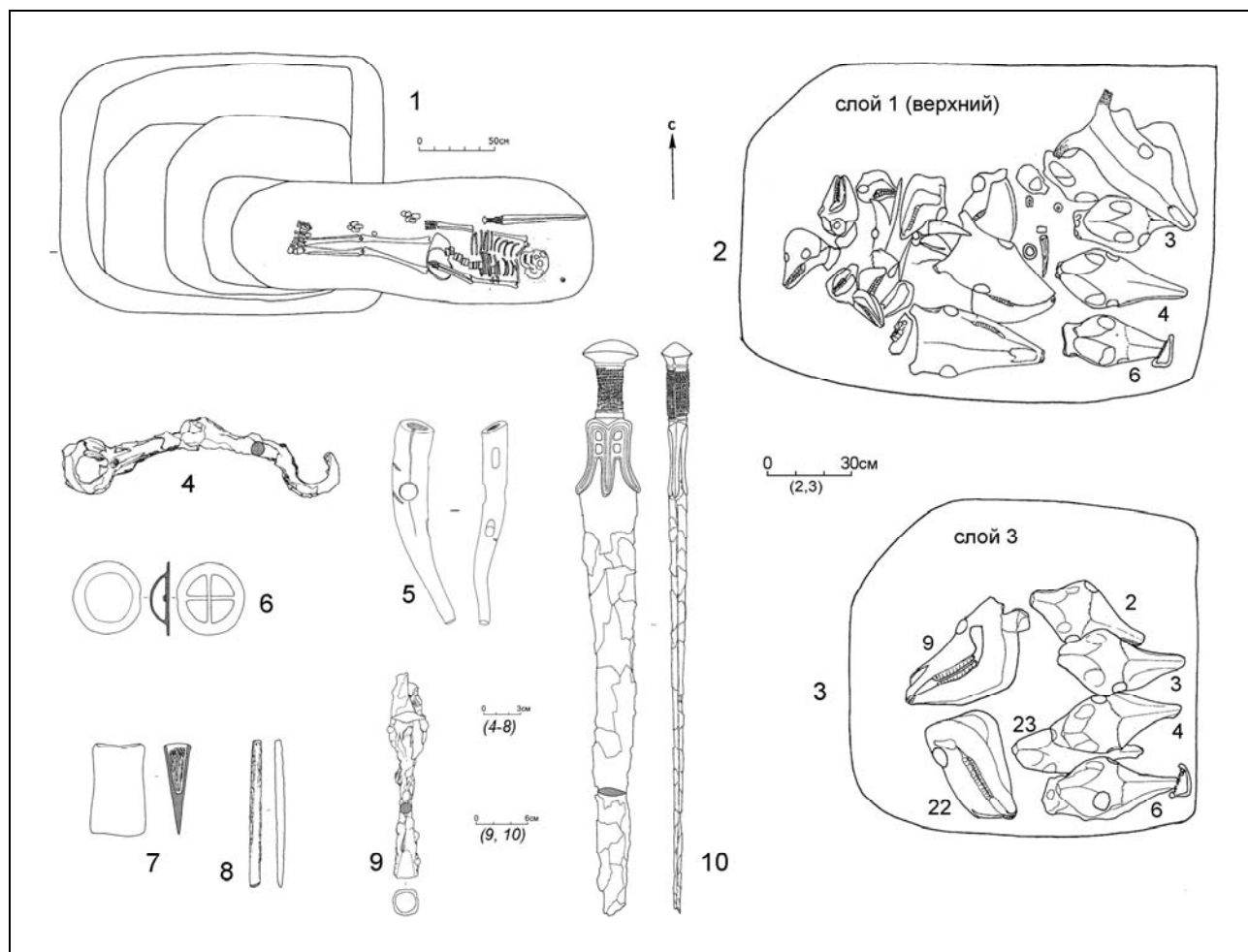

Fig. 3. Wangdahu burial ground, grave M2: 1, 2 — plan and section of the grave, plan of the location of the sacrificial animals' skulls; 3—8 — bronze weapons (3, 4); knife (6); belt badge (5), harness fittings (7, 8).

Fig. 4. Wangdahu burial ground, grave M3: 1, 2 — plan and section of the grave, plan of the location of the sacrificial animals' skulls; 3—8 — bronze weapons (3—5); belt badges (6); harness fittings (7, 8).

Fig. 5. Wangdahu burial ground, grave M4: 1—3 — plan of the grave, plan of the location of the sacrificial animals' skulls; 4—10 — weapons (7, 9, 10); harness fittings (4—6). Bronze — 6—8; bronze, iron — 10; iron — 4, 9; horn — 5.

УДК 902.01:903.2:682

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.60.64.012

Ю.А. Прокопенко

**НАЛОБНЫЕ И НАЩЕЧНЫЕ ПЛАСТИНЫ
КОНСКОГО УБОРА IV — НАЧАЛА II ВВ. ДО Н.Э.
ИЗ ПАМЯТНИКОВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ***

Статья посвящена описанию одиннадцати конских пластинчатых налобников и наносников и четырех нащечников, обнаруженных на территории Ставропольской возвышенности. Изделия происходят из памятников, исследованных в окрестностях Ставрополя: склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища, из могильника № 4 Татарского городища, клада предметов конского убранства IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей Ставрополя и находок в окрестностях Александровска. Для IV в. до н.э., кроме боевых защитных экземпляров, характерны литые налобники и наносники, использовавшиеся исключительно в декоративных целях. Как правило, они либо небольших размеров и не закрывали всю переднюю поверхность головы лошади, либо ажурные. К этому времени относятся три бронзовых налобника и два наносника: две пластины в форме вытянутых трапеций из окрестностей Александровска, ажурная пластина из рядов полых треугольников — налобник прямоугольной формы с прямоугольными выступами по торцевым краям из клада, найденного близ Ставрополя, и зооморфно оформленные пластинчатые наносники и нащечники из того же клада. В материалах памятников III — начала II в. до н.э., исследованных в окрестностях Ставрополя, представлены крупные защитные налобные и нащечные пластины, аналогичные найденным в Прикубанье. Известно о находках пяти налобников и двух нащечников. Судя по особенностям декора пластин IV—III вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности, наблюдаются два основных вектора влияния на творчество местных бронзолитейщиков. Прослеживаются явные элементы традиционного искусства кобанской культурно-исторической общности и прикубанского варианта скифского звериного стиля. Два S-видных декоративных нащечника, оформленных в виде петушка-гиппокампа, имеют приднепровское происхождение.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, Ставропольская возвышенность, конский убор, пластинчатые налобники, конские нащечники, искусство кобанской культуры, скифский звериный стиль, металлообработка.

Сведения об авторе: Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет.

Контактная информация: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: z_proko_15@mail.ru.

Yu.A. Prokopenko

**HORSE FRONTLETS AND CHEEK-GUARDS
OF THE 4th — EARLY 2nd CENTURIES BCE
FROM MONUMENTS OF STAVROPOL UPLAND**

The article discusses eleven horse prometopidia (frontlets and chanfrons) and four cheek-guards found on the territory of Stavropol Upland. The artifacts in question were revealed while exploring archaeological sites and findspots near Stavropol; these are: the burial ground No. 2 of Tatarskoe Hillfort (crypt No. 1), the

---

* Статья поступила в номер 29 сентября 2021 г.
Принята к печати 18 октября 2021 г.

burial ground No.4 in selfsame area, the hoard of horse body armor and ornaments found northwest of Stavropol and dated back from the 4th to the 2nd century BCE, and, finally, some artifacts found near Aleksandrovsk. In the 4th century BCE, in addition to battle protective equipment per se, some casted frontlets and chanfrons were used exclusively for ornamental purposes. As a rule, some of these are small in size, to only cover a part of a horse's head, and some are openwork. In total, three bronze frontlets and two chanfrons are dated back to the 4th century BCE. These include: (a) two elongated trapezoids found near Aleksandrovsk, (b) an openwork rectangle-shaped frontlet of the Stavropol hoard, punctured with rows of triangles, with rectangular projections along the end margins, and (c) zoomorphically shaped plate-like chanfrons and cheek-guards of the same hoard. In the vicinity of Stavropol, a total of five prometopidia and two cheek-guards are reported to be found, which are similar to those discovered in Kuban Region. These finds are dated back to the late 3rd and the early 2nd century BCE. Judging by decorative features of the barding equipment occurred from Stavropol Upland, local craftsmen of the 4th and the 3rd century BCE were influenced from two sources. Specifically, some distinctive elements of the traditional art of the Koban cultural and historical community and the Kuban version of the Scythian animal style are observed. A pair of S-shaped ornamental cheek-guards representing images of a cockerel or a hippocampus is of Middle Dnieper origin.

Key words: Central Ciscaucasia, Stavropol Upland, horse decoration, lamellar armbraces, horse patches, the art of Koban culture, Scythian animal style, metal working.

About the author: Prokopenko Yuriy Anatol'yevich, Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University.

Contact information: 355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University; email: z_proko_15@mail.ru.

Введение. Одной из особенностей воинской и церемониальной культуры населения, проживавшего в непосредственной близости от античных центров Северного Причерноморья или в районах незначительно удаленных от них в IV — начале II в. до н.э., является разнообразие предметов, использовавшихся в качестве деталей, дополняющих конскую упряжь. К ним следует отнести крупные глазчатые бусы, объемные скульптурные налобники в виде протомы животного или птицы, стержневидные налобники с крючком, уздечные бляхи, а также налобные, наносные, нащечные и нагрудные пластины. Данное явление в какой-то степени характерно и для территории Центрального Предкавказья. Здесь локализуются три района сосредоточения находок подобных предметов:

1) регион Кавминвод с прилегающими территориями Карачаево-Черкессии;

2) Среднее Притеречье;

3) Ставропольская возвышенность. В последнем случае в числе выявленных перечисленных деталей конского убранства зафиксировано разнообразие налобных, наносных, нащечных пластин и блях.

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на выделении и исследовании типов конских пластинчатых налобников и нащечных блях. Сравнительный анализ особенностей деталей налобных и нащечных пластин, найденных в окрестностях г. Ставрополя и подобных, обнаруженных на территории Прикубанья, Поднепровья и в других районах Центрального Предкавказья, позволяет локализовать ареал их распространения и центры производства в IV—III вв. до н.э.

Анализ. Всего к настоящему времени известно о находках в районе Ставропольской возвышенности 11 конских пластинчатых налобников и наносников, 4 нащечников, 23 уздечных и нащечных блях¹. Почти все предметы обнаружены на территории западной части

---

¹ В настоящей статье из-за ограниченности объема статьи рассматриваются только налобные и нащечные пластины.

Ставропольской возвышенности — в окрестностях г. Ставрополя; два налобника найдены в окрестностях г. Александровска (восточная часть Ставропольской возвышенности). Изделия происходят из склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища, из могильника № 4 Татарского городища, клада предметов конского убранства IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей г. Ставрополя и др.

Для IV в. до н.э., кроме боевых—защитных экземпляров, характерны литые налобники и наносники (?), использовавшиеся исключительно в декоративных целях. Как правило, они, либо имеют небольшие размеры, т.е. не закрывали всю верхнюю поверхность морды коня, либо являются ажурными. К этому времени относятся три налобника и два наносника²:

— две пластины в форме вытянутых трапеций (треугольников с усеченной вершиной) — бронза (рис. 1). Как уже было отмечено, они обнаружены в конце 90-х гг. XX в. в окрестностях г. Александровска.

По особенностям декора представляют два варианта:

1) пластина, орнаментированная по краю врезными полукружьями (Дл — 30 см, наибольшая Ш — 8,6 см) (рис. 1: 1);

2) пластина, орнаментированная в верхней и нижней частях пуансонным орнаментом в виде тройных треугольников. На оборотной стороне петля для ремня не сплошная. Ее концы соединены посредством наложения одного на другой. Верхняя часть соединялась с налобным ремнем через отверстие, расположенное у края верхнего среза (в середине) пластины (рис. 127: 3). Размеры: Дл — 26,3 см, наибольшая Ш — 7,8 см (рис. 1: 2).

Близкой формы налобник зафиксирован в Прикубанье — в кургане 4 могильника «Семибратние курганы» (Арх. ИА РАН. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 567. Л. 28);

— ажурная пластина — налобник прямоугольной формы с прямоугольными выступами по торцевым краям — бронза. Сохранилась в четырех фрагментах (рис. 2: 1). Ажурность изделию придают 18 поперечных рядов полых треугольников (состоят из 4—5 треугольников направленных вершинами вверх и 4 треугольников вершинами вниз). Предположительно один ряд треугольников утерян. В центральной части пластины перемины декорированы поперечными гравированными насечками (по 3 в ряд). Предмет происходит из клада предметов конского убранства IV—II вв. до н.э., обнаруженного в 2010 г. в северо-западных окрестностях г. Ставрополя (1,5 км по трассе Ставрополь — ст. Новомарьевская (слева от трассы)). Размеры: Дл около 25 см; Ш — 6—6,1 см; Т — 0,2 см.

Аналогий данному налобнику мне не известно, однако, предметы, декорированные рядами треугольников, вершинами направленных друг к другу, характерны для искусства кобанской культурно-исторической общности предскифского и скифского времени — керамической посуды и бронзовых изделий. В частности, поясами из вдавленных треугольников были декорированы: поясная пряжка, происходящая из Баксанского ущелья (коллекция графа Е. Зичи) и бляха—подвеска из собрания Г.Н. Прозрителева (хранится в Ставропольском государственном музее-заповеднике им Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве) (Прокопенко, Кравцова 2020: 28, 30). Также следует отметить бронзовые арочные ажурные решетчатые изделия — поясную пряжку и бляху—подвеску из рядов полых треугольников, зафиксированные в материалах погребения 378 Тлийского могильника и в собрании Г.Н. Прозрителева (Техов 2002: 335, табл. 54: 5; Прокопенко, Кравцова 2020: 30) (рис. 5: 2, 3,

² Конский наносник — понятие условное. Особенности их крепления (посредством отверстий и цилиндрических выступов), свидетельствуют о разнообразии их возможного расположения на внешней поверхности морды коня (налобном ремне или переносном ремне или кожаной основе, закрывавшей всю верхнюю поверхность морды коня). Подобные предметы, происходящие из ритуального комплекса кургана 5 могильника у аула Уляп, представлены в качестве наносников.

4). Скорее всего, форма налобника была заимствована из скифского конского убора, но оформлена согласно вкусам местного кобанского населения Ставропольской возвышенности;

— ажурная пластина—налобник (наносник?) — бронза (рис. 3: 1). Предмет состоит из четырех поперечных ромбов, которые сформированы двумя рядами продольных треугольников, имеющих общие основания и направленных в противоположные стороны. Верхний конец изделия завершается тремя выступами подпрямоугольной формы, напоминающими петушиный гребень. Отверстие в центре навершия из трех выступов и прямоугольный выступ (имитация восковицы?) на верхней стороне правого треугольника (клюв?), придают предмету зооморфный вид. Лицевая сторона наносника (?) украшена декором «бегущая волна». Размеры: Дл — 12 см, Ш — 4,4 см, Т — 0,4 см. Предмет крепился посредством отмеченного отверстия в его верхней части и двух выступов цилиндрической формы — в нижней части оборотной стороны.

Как уже было отмечено, ажурные решетки из треугольников — характерная особенность бронзовых изделий кобанской культурно-исторической общности. Образ петуха присутствует в сюжетах центральнопредкавказского варианта звериного стиля V—IV вв. до н.э. В частности, бронзовый псалий с оформлением Р-видного конца в виде петушиной лапки — гребня происходит из разрушенной гробницы (IV в. до н.э.) могильника Каррас (окрестности п. Иноземцево). Три объемных петушка входили в сбруйный набор, обнаруженный в кургане 13 (V в. до н.э.) могильника Орджоникидзевский (территория Чеченской республики) (Прокопенко 2014а: 602—605, рис. 182: 7, 185: 14—16);

— ажурная пластина — налобник (наносник?) — бронза (рис. 3: 2). Верхняя часть предмета оформлена в виде двух геральдически расположенных волчьих голов, развернутых друг к другу. Они оконтуривают сердцевидный вырез. При этом нижняя челюсть одного изображения является головой другого. Притупленные абрисы волчьих морд завершаются загнутыми внутрь завитками. Внутренняя поверхность челюстей декорирована косыми насечками (имитация зубов). Ряд из насечек соединяется гравированной линией с окружностями глаз и окантовкой челюстей. Змеевидные туловища трижды изогнуты в форме угольников опирающихся на центральный столб (два ряда продольных треугольников). Между лобным округлым выступом и первым угольником расположены уши остролистной формы. Угольники и поперечный столб украшены декором «бегущая волна» (на поверхности угольников спирали соединены врезными линиями). Размеры: Дл — 8,6 см, Ш — 3,9 см, Т — 0,4 см.

Ажурная решетка из треугольников повторяет форму наносника с петушиным гребнем, явно связана с традициями кобанского искусства. Близкая к отмеченной ставропольской пластине геральдическая схема развернутых друг к другу зооморфных голов зафиксирована в прикубанском варианте скифского звериного стиля. Таким образом, в виде развернутых друг к другу голов хищных птиц оформлена верхняя часть трех налобников (по версии А.М. Лескова и др.), наносников (по мнению составителей каталога «Шедевры древнего искусства Кубани») из кургана V (IV в. до н.э.) Уляпского могильника (Лесков и др. 2013: 130, рис. 28: 16—18; Шедевры 1987: 85, фото 12) (рис. 5: 1, 5—7). Данный вариант отличается иным решением оформления самой пластины. В данном случае это прямоугольный контур, заполненный растительным орнаментом — решеткой из вертикально расположенных трех полых бутонов (пальмет).

Следует предположить, что мастерами из бронзолитейных центров Ставропольской возвышенности была скопирована схема геральдического расположения двух голов хищных птиц, но она была творчески переработана. В результате вместо загнутого клюва птицы получился притупленный абрис морды с оттянутой вниз челюстью хищного зверя (волка?).

Данный образ — характерная особенность зооморфных изображений кобанского искусства, наблюдающаяся еще с эпохи бронзы вплоть до III в. до н.э. В окрестностях г. Ставрополя также найдены подобно оформленные предметы: бронзовая фигурка собаки с притупленной мордой (Грушевский курган (IV в. до н.э.) — раскопки П. Федотова 1881 г.) и железный псалий с загнутой лопастью в форме волчьей головы с оттянутой вниз челюстью III в. до н.э. (верховья р. Бучинки) (Прокопенко 2014b: рис. 189: 11, 13).

Вторую группу найденных в регионе налобников представляют крупные пластины, закрывавшие всю верхнюю поверхность морды лошади. К настоящему времени известно о шести находках таких предметов на территории и в окрестностях г. Ставрополя. В отличие от изделий первой группы данные налобники имели защитную функцию. Однако они видимо могли также использоваться и с церемониальными целями. В частности, один экземпляр был выполнен из белого металла (серебро). Формы таких изделий отмечены в типологиях Ю.А. Прокопенко и И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис. Условно их можно отнести к двум типам:

Тип I — пластины сложной конфигурации — трапеция, соединенная с окружностью — верхняя часть предмета оформлена в виде окружности, нижняя веерообразно расширяется. Боковые стороны вогнуты. В верхнем конце пластина украшена врезными концентрическими окружностями с рельефным умбоновидным выступом в центральной части. В месте сужения верхней части — ее перехода в трапециевидную расположены небольшие выступающие окружности, украшенные рельефными выступами внутри циркульного орнамента — 3 экз. Нижний край трапециевидной пластины округлый или прямой. На обратной стороне пластины размещена скоба для ремня. На верхнем крае находится приклепанная петля. Длина пластин — 34,5—35 см. Толщина металлического листа — 0,05—0,07 см, но известны случаи и более массивных экземпляров достигающих 0,10—0,15 см.

В числе находок наблюдаются два варианта:

1) с округлой верхней частью (мог. № 2 Татарского городища — 3 экз.) (Кудрявцев, Прокопенко 1997: рис. 1, 2; Кудрявцев и др. 2000: 40—42; Прокопенко 2004: 38—40; 2005: рис. 128—130; 2014a: 539, 540, 542—543; рис. 128, 4, 129: 2—4, 131: 3, 131A: 1) (рис. 4: 1—3);

2) с верхней округлой частью, оформленной посредством вырезов, в форме пятилепестковой розетки. Предмет обнаружен в лесу к востоку от старой дороги Ставрополь—Татарка — в районе могильника № 4 Татарского городища. Размеры: Дл — 33,1 см; Т — 0,05 см (Прокопенко 2010: 10, рис. 2: 1; 2014a: рис. 129: 4) (рис. 2: 2).

В отличие от изделий варианта 1, кроме выступов в местах перехода трапециевидной части в округлую, украшенных циркульным орнаментом и коническим выступом в центре, округлая пятилепестковая часть налобника также орнаментирована шестью рельефными кругами. Они украшены циркульным орнаментом; с внутренней стороны в центре кругов способом чеканки выбиты умбоновидные выступы. Рельеф кругов достигнут благодаря углублению с лицевой стороны границ кругов и прочеканки поверхности кругов с внутренней стороны;

Наибольшее распространение налобники типа 1 получили во второй половине IV—начале II вв. до н.э. В частности, в Центральном Предкавказье экземпляры варианта 1 зафиксированы: в склепе Каменная могила (южные окрестности г. Железноводска) — 4 экз., в могильнике у хут. Холоднородниковский — 2 экз. (Карачаево-Черкесская республика), в Вольно-Аульских курганах (Кабардино-Балкарская республика) (рис. 128: 2) (Виноградов 1972: рис. 4, 5; Прокопенко 2014b: 539—540, рис. 128: 1, 2, 3; рис. 129: 1). Значительное количество налобников типа 1 выявлено в памятниках Прикубанья (Марченко, Лимберис 2009: 70—73).

Пластине варианта 2 аналогией является подобный предмет из погребения 50 кургана на участке грунтового могильника городища «Новолабинское IV» (Раев, Беспалый 2006: 34, 74, табл. 28: 10).

Тип II — пластины сложной конфигурации — две трапеции, соединенные вместе заууженными частями (рис. 4: 4, 5). В отличие от типа I веерообразно расширены и верхняя часть и нижняя. Боковые стороны вогнуты посредством симметрично расположенных сегментовидных вырезов (такая форма, видимо, диктовалась, необходимостью сохранения полного обзора для глаз лошади). Нижний и верхний края трапециевидной пластины веерообразно расширяются. На обратной стороне пластины размещена скоба для ремня. На верхнем крае находится приклепанная петля. Длина пластин — 28—35 см.

Из двух известных представлен первый вариант — пластины без орнамента — 2 экз. (Бучинская поляна — западные окрестности г. Ставрополя — бронза (рис. 4: 5); г. Ставрополь — юго-западнее Комсомольского пруда, гаражи по ул. Краснофлотской — серебро) (рис. 4: 4).

Данные налобники использовались также во второй половине IV — начале II в. до н.э. Из двух известных представлен первый вариант — пластины без орнамента — 2 экз. (п. Холоднородниковский, кург. 8 — верхняя часть; Ханкальский мог., погребение 45 — 1 экз.; склеп Каменная могила — 5 экз.; Боргустан — западнее г. Ессентуки) (Прокопенко 2014b: рис. 131: 1—3, 131A: 1, 2).

Аналогичные налобники зафиксированы и в памятниках Прикубанья — открыто 7 экз. (Марченко, Лимберис 2009: 73). Как считают И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, налобники обоих типов были в употреблении в Прикубанье во второй половине IV — начале III в. до н.э. При этом авторы опираются на сопутствующий амфорный материал (Марченко, Лимберис 2009: 71—75). Хорошо датированные амфоры, безусловно, являются базовым основанием хронологии памятников. Однако, для амфор Прикубанья это утверждение довольно сомнительно. Во-первых, наблюдается тенденция передатировки ряда их типов (представленных в прикубанских комплексах) в сторону омоложения. Во-вторых, исследования А.П. Степанченко содержимого сосудов из погребений меотских могильников не выявили остатков вина. В амфорах были обнаружены только молочные конкреции³. Толстостенные емкости для хранения молока могли использоваться в хозяйстве достаточно долго.

Следует значительно расширить хронологический период бытования обоих указанных типов налобников вплоть до начала II в. до н.э.:

1) в ритуальных скоплениях склепа 1 могильника № 2 Татарского городища, кроме трех налобников были выявлены две клейменные ручки от родосских амфор (одна с клеймом фабриканта Аристарха 220—180 гг. до н.э.), псалий с двумя прямоугольными петлями II в. до н.э. и две бронзовые нащечные пластины по форме повторяющие нагрудник первой четверти II в. до н.э. из ритуального комплекса № 1 Тенгинского могильника (Беглова 2002: 159, рис. 1: 2, 6; 2004: 104, рис. 9: 4—6) (все находки располагались близко к поверхности — на каменной наброске; сохранность предметов свидетельствует об одномоментности ритуальных приношений);

2) в склепе «Каменная могила» (окрестности г. Железноводска) 4 налобникам первого типа и 5 экземплярам — второго типа сопутствовали чернолаковая чашка 225—175 гг. до н.э. стеклянные сосуды III—II вв. до н.э. (1 экз. — IV в. до н.э.), меч без перекрестья с

³ Выражаю искреннюю признательность А.П. Степанченко за предоставленную информацию о результатах исследований содержимого амфор.

серповидным навершием второй четверти III — рубежа II—I вв. до н.э., а также две бронзовые нащечные пластины, подобные отмеченным из склепа 1 могильника № 2 Татарского городища.

Е.А. Беглова полагает, что налобники типа I, появившись во второй половине IV в. до н.э., получают дальнейшее развитие в III в. до н.э. (Беглова 2008: 42). Как считает В.А. Симоненко, комплекс с Татарского городища может быть датирован с III по II в. до н.э. (Симоненко 2018: 33).

Кроме конских налобников в памятниках Ставропольской возвышенности также обнаружены бронзовые пластинчатые нащечники. В ряде публикаций они определены как нагрудники. Действительно их форма аналогична пластинам конского пластинчатого нагрудника первой четверти II в. до н.э. из ритуального комплекса № 1 Тенгинского могильника (Беглова 2002: 159, рис. 1: 2, 6). Однако они отличаются значительно меньшими размерами. Их длина совпадает с размером налобников. Скорее всего, вместе они составляли защитный гарнитур для морды лошади. Это подтверждает обстоятельство нахождения одной пластины непосредственно на морде лошади (склеп 1 могильника № 2 Татарского городища).

Всего, известно о четырех находках нащечных пластин. Согласно моей классификации, они относятся к подотделу II (пластинчатые нащечники), разделу I (пластинчатые нащечники, выполненные из бронзы), к типам 1 и 2 (по конфигурации пластины):

Тип I — в форме вытянутой неправильной трапеции — 2 экз. (могила № 2 Татарского городища, склеп 1 — южная пола кургана — III — нач. II в. до н.э.). Длина блях — 28—30 см. Изделия относятся к первому варианту — широкая часть пластины по низу оформлена тремя полукруглыми выступами. Изделие орнаментировано двумя или тремя рядами гравированных концентрических кругов (рис. 2: 3, 4).

Одна из пластин орнаментирована двумя рядами кругов (рис. 2: 4). На широкой центральной части — большого диаметра, на боковой, более узкой — меньшего диаметра. По краю пластины, под малыми кругами, пробиты 5 (7 ?) отверстий, в которые были вставлены сделанные из скрученной бронзовой проволоки в 5,5 оборотов привески, на которых висели бронзовые бляшки—лунницы (Кудрявцев, Прокопенко 1997: 14, рис. 1; Прокопенко 2014а: 544, рис. 132). Вторая пластина орнаментирована тремя рядами малых кругов. По краю пластины также висели привески из скрученной бронзовой проволоки (одна сохранилась) (рис. 2: 3).

Аналогичные нащечники выявлены в Прикубанье — в кургане на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища (погребения 10 и 21, ситуация 3) (Раев, Беспалый 2006: табл. 13: 1, 19: 1, 38: 1, 5). Один комплект нащечных пластин найден в Приднепровье (Никополь). Они отличаются оформлением по низу не тремя, а двумя полукруглыми выступами (Мурзин, Черненко: 1980: 162). Наиболее поздние аналогичные пластины обнаружены в ритуальном комплексе вместе с указанными налобниками и сопутствующим инвентарем III — начала II вв. до н.э. в склепе «Каменная могила» (окрестности г. Железноводска).

Таким образом, в конском уборе данные изделия использовались синхронно с отмеченными выше налобниками, датируются второй половиной IV — началом II в. до н.э. Данный вывод согласуется с мнением Е.А. Бегловой, считающей, что появление таких пластин в конском уборе относится ко второй половине IV в. до н.э., расцвет — ко второй половине III в. до н.э. (Беглова 2008: 43). С этой точкой зрения согласен А.В. Симоненко (Симоненко 2018: 34—35).

Тип II — пластинчатые зооморфные нащечники S-видной формы — 2 экз. (северо-западные окрестности г. Ставрополя — 1,5 км по трассе Ставрополь — ст. Новомарьевская

(слева от трассы); находились в комплексе с ажурными налобниками и уздечными бляхами). Размеры: Дл — 65 мм; Ш — 3—3,1 мм; Т — 1,5—2 мм (рис. 3: 3, 4).

Изделия представляют собой S-видно изогнутые пластины, изображающие существ с опущенной конеподобной головой, туловищем в виде двух параллельных S-видных полос с двумя выступами по сторонам, имитирующими конечности (преобразованные плавники), — «петушки» по В.А. Ильинской (1973: 55), гиппокампы по Б.Н. Мозолевскому (1987: 59). Голова «петушка» — гиппокампа представляет собой узкий овал. Глаз имеет форму выпуклого овала. Окончание морды выполнено в виде округлого завитка. К лобно-теменной части головы примыкает овальная «шапочка», имеющая поперечное рифление и отделенная от головы гладким валиком. За глазом к шее «петушка» примыкает «гребень», сформированный дуговидными отростками—лепестками. Туловище «петушка» сформировано полосами, исходящими из-под головы — из участка между глазом и гребнем. Каждая из этих полос разделена еще на две рельефных полосы. Они завершаются завитками, опирающимися на сегмент подтреугольной формы, декорированный поперечным рифлением, возможно, это имитация хвоста морского конька—гиппокампа. Пластины отличаются количеством отверстий в завитках рельефных полос. В одном случае их два, в другом — одно. Предмет крепился к ремню посредством петли подтрапецевидной формы — Дл — 17 мм; В — 7 мм.

Изображения на Ставропольских пластинах относятся к типу 1 — мордвиновско-уляпскому (по А.Р. Канторовичу). По сведениям А.Р. Канторовича, тип объединяет 16 изображений, происходящих в основном из курганов IV в. до н.э., исследованных на территории Нижнего и Среднего Поднепровья, а также Среднего Подонья и Прикубанья. Почти все эти изображения оформляют бронзовые уздечные (видимо, нащечные) бляхи (в одном случае украшают золотые обивки ритона) (Канторович 2015: 185—186). Однако стилистические особенности изображенных образов «петушков» позволяют определить их происхождение как приднепровское, а не прикубанское. Наиболее близкие аналогии ставропольским пластинам зафиксированы именно в памятниках Приднепровья (Второй Мордвиновский курган; курган Толстая могила; Галущино, курган 4 и др.) (Канторович 2015: рис. 24: 1, 2, 7).

Результаты. Таким образом, наблюдаются качественные различия между большей частью пластин из конского убранства IV в. до н.э., обнаруженных в памятниках Ставропольского плато, и III — начала II в. до н.э. В первом случае это в основном декоративные изделия, видимо, использовавшиеся в церемониальных целях. Возможно, они свидетельствуют о длительном периоде стабильности в регионе, продолжавшемся до конца IV в. до н.э. Вторая группа включает массивные налобники и нащечники III — начала II в. до н.э., выполнявшие защитные функции, что, в свою очередь, предполагает их использование в ситуации политической нестабильности и военных походов.

Традиция использования бронзовых пластин в качестве конских налобников в Центральном Предкавказье появляется в V в. до н.э. В частности налобник подромбической формы обнаружен в могильнике «Ассиновские курганы» на территории Чеченской республики (Дударев 1991: табл. 51: 2; Прокопенко 2014b: 538, рис. 127: 1). Одновременно в этот период в регионе распространяются железные кольчатые удила с устражающими насадками (могила Брут, курган 1; могильник Орджоникидзевский, курган 2; могильник Шалушка, комплекс 2 и др.) (Прокопенко 2014b: 525, рис. 115). И те и другие характеризуют кочевое скифское и савроматское население предгорных районов.

На Ставропольской возвышенности в IV—III вв. до н.э. продолжал свою жизнедеятельность анклав кобанской культурно-исторической общности западного

варианта, известного традициями металлургии бронзы и металлообработки. Однако данный регион также находился в сфере культурного влияния и других племен Предкавказья. Судя по особенностям декора пластин IV в. до н.э., на примере памятников Ставропольского плато наблюдаются два основных вектора влияния на творчество местных бронзолитейщиков. Прослеживаются явные элементы традиционного искусства кобанской культурно-исторической общности и прикубанского варианта скифского звериного стиля.

Возникает вопрос, каким образом в составклада предметов, выполненных в традициях кобанского и прикубанского искусства, попали изделия, произведенные в районе Поднепровья? В качестве причины распространения в конце IV—III в. до н.э. в Центральном Предкавказье, в том числе на Ставропольской возвышенности, типов вооружения и образцов конского убора, характерных для меотов Прикубанья, а также античных импортов, мною ранее было названо возможное участие местных племен в военных конфликтах в Северном Причерноморье — в совместных с прикубанским союзом племен военных походах в Закавказье и др. (Прокопенко 2014b: 75). Хронологически данный период совпадает и с опустошением причерноморской Скифии (по последним данным следы разрушений на античных памятниках от Елизаветовского городища до ольвийской хоры, датируются 70—60-ми гг. III в. до н.э. (Виноградов и др. 1997: 94). По предположению А.В. Симоненко, участниками рейда или рейдов в Скифию в 70—60-х гг. III в. до н.э. (если дата этого события, предложенная Ю.А. Виноградовым, К.К. Марченко и Е.В. Роговым, верна) являлись меоты, оставившие могильники Северо-Западного Кавказа типа Тенгинская—Новолабинская 1 (Симоненко 2018: 35). В этих походах в Северное Причерноморье могли принимать участие и отряды из носителей культуры склеповых захоронений Ставропольской возвышенности. В этом контексте приднепровские нащечные бляхи, найденные в кладе, открытом в окрестностях г. Ставрополя, следует считать их военным трофеем, привезенным в числе другой захваченной добычи в районе Поднепровья (возможное ограбление могильников скифской знати).

Литература

- Беглова Е.А. 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника. В: Носкова Л.М. (ред.). *Материальная культура Востока*. Вып. 3. Москва: ГМВ, 157—168.
- Беглова Е.А. 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника. В: Медникова М.Б. (ред.). *OPUS: Междисциплинарные исследования по археологии*. Вып. 3. Москва: ИА РАН, 88—107.
- Беглова Е.А. 2008. Парадный конский набор IV—II вв. до н.э. из Предкавказья и Украины. В: *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21—25 апреля 2008 г. Тезисы докладов*. Владикавказ: СОИГСИ, 41—45.
- Виноградов В.Б. 1971. *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н.э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.А. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *ВДИ* 3, 93—103.
- Дударев С.Л. 1991. *Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии*. Грозный: ЧИГУ.
- Ильинская В.А. 1973. Скифская узда IV в. до н.э. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка.
- Канторович А.Р. 2015. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования* 3, 185—186.
- Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А. 1997. Две бронзовые пластины из комплекса предметов конского убора скифского времени из могильника Татарского городища. *Из истории народов Северного Кавказа* 1, 13—19.

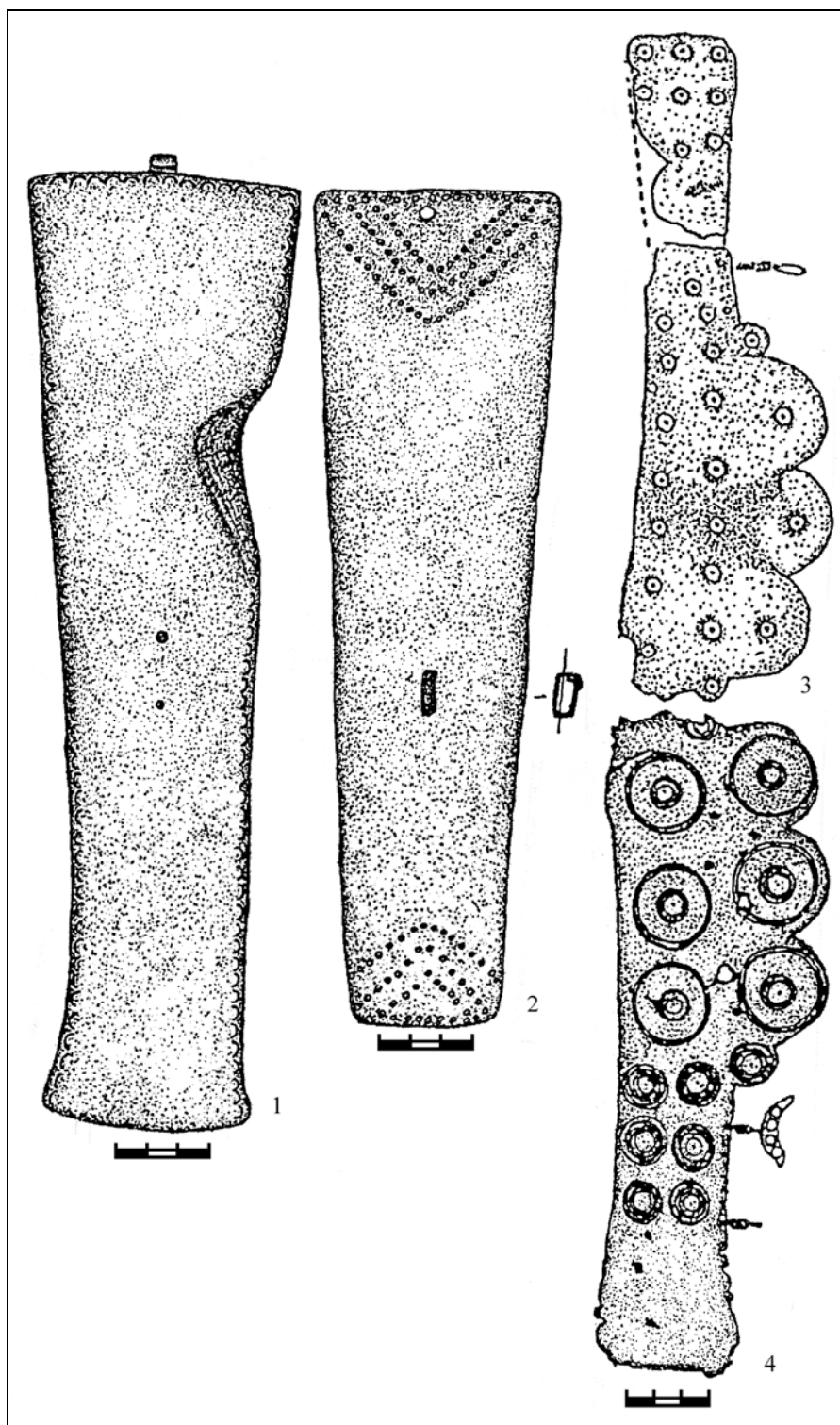

- Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя. *Донская археология* 2, 40—47.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2013. *Меоты Закубанья IV—III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: ГМВ.
- Марченко И.И., Лимберис И.И. 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья. *Археология, этнография и антропология Евразии* 3 (39), 69—76.
- Мозолевский Б.Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 155—167.
- Прокопенко Ю.А. 2004. Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V — начала II в до н.э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья. В: Новак К.В. (ред.). *Проблемы истории археологии Украины. Материалы V международной научной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина 4—6 ноября 2004 года*. Харьков: НМЦ «МД», 38—40.
- Прокопенко Ю.А. 2005. *Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.* Ставрополь: СГУ.
- Прокопенко Ю.А. 2010. Новые находки предметов вооружения и конской упряжи IX—VIII, VI, IV—III вв. до н.э. в окрестностях г. Ставрополя. В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 2. Ставрополь: Графа, 9—19.
- Прокопенко Ю.А. 2014а. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. I*. Ставрополь: СКФУ.
- Прокопенко Ю.А. 2014б. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. II*. Ставрополь: СКФУ.
- Прокопенко Ю.А., Кравцова С.Л. 2020. Коллекция предметов эпохи бронзы и раннего железного века из Ставропольского государственного музея-заповедника (собрание Г.Н. Прозрителева). В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 12—13. Ставрополь: Печатный двор, 21—39.
- Раев Б.А., Беспалый Г.Е. 2006. *Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Симоненко А.В. 2018. О сарматском завоевании Скифии. *НАВ* 17 (1), 27—49.
- Техов Б.В. 2002. *Тайны древних погребений*. Владикавказ: Проект-пресс.
- Шедевры 1987: Лесков А.М., Лапушнян В.Л. (ред.). 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. Москва: ГМВ.

References

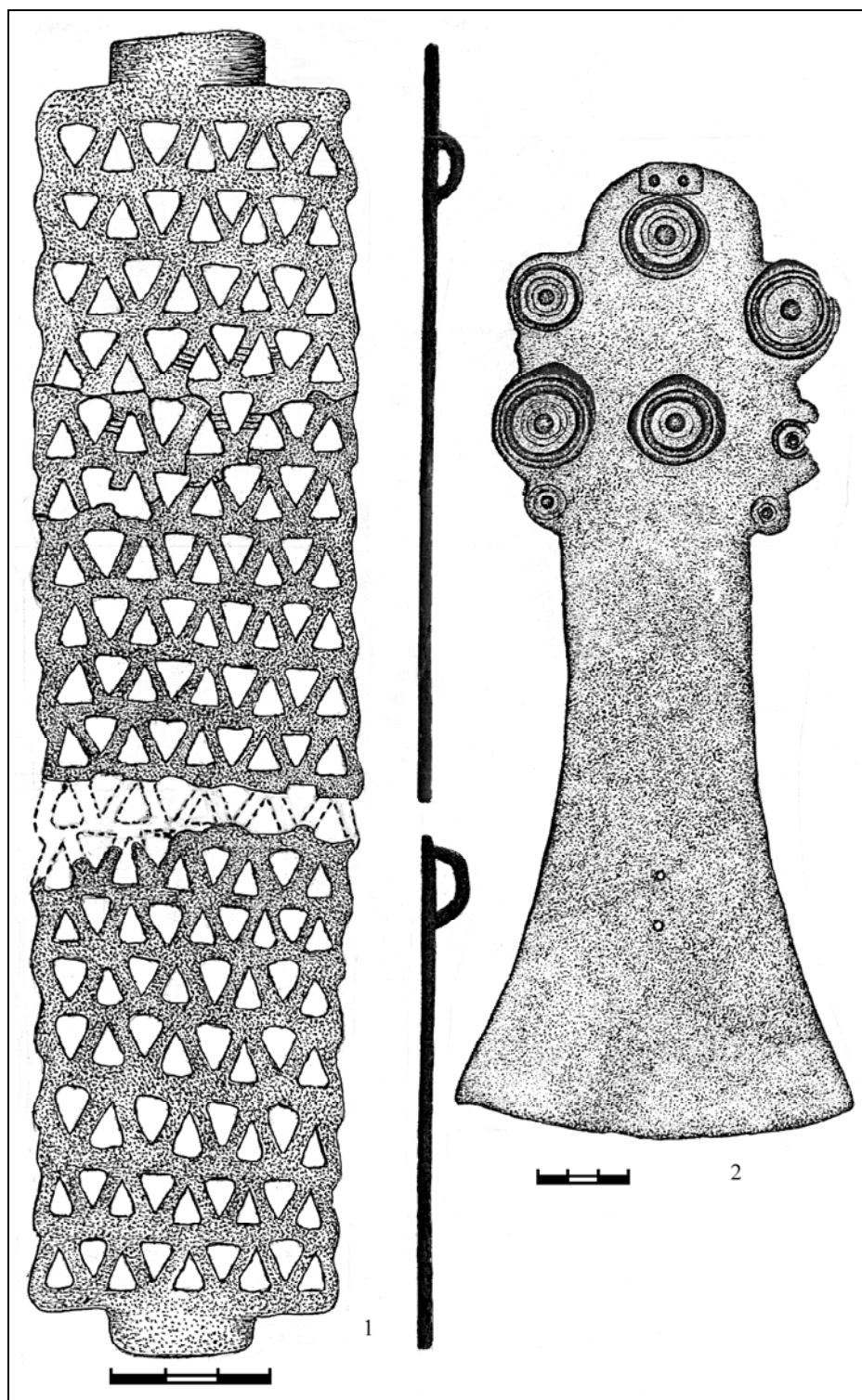
- Beglova, E.A. 2002. In: Noskova, L.M. (ed.). *Material'naya kul'tura Vostoka (Material culture of the East)*. Iss. 3. Moscow: GMV, 157—168 (in Russian).
- Beglova, E.A. 2004. In: Mednikova, M.B. (ed.). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya po arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology)*. Iss. 3. Moscow: IA RAN, 88—107 (in Russian).
- Beglova, E.A. 2008. In: *Otazheniye tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy: Yubileynye XXV «Krupnovskiye chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vladikavkaz, 21—25 aprelya 2008 g. Tezisy dokladov (Reflection of civilizational processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories: 25th Anniversary Krupnovskie readings on the archaeology of the North Caucasus. Vladikavkaz, April 21—25, 2008 Abstracts)*. Vladikavkaz: SOIGSI, 41—45 (in Russian).
- Vinogradov, V.B. 1971. *Tsentral'nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoye vremya (VII—IV vv. do n.e.): Voprosy politicheskoy istorii, evolyutsii kul'tur i etnogeneza (Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian time (7th — 4th centuries BCE): Questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)*. Grozny: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A., Marchenko, K.K., Rogov, E.A. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 3, 93—103 (in Russian).

- Dudarev, S.L. 1991. *Ocherk drevney kul'tury Checheno-Ingushetii (Essay on the ancient culture of Checheno-Ingushetia)*. Grozny: CHIGU (in Russian).
- Il'inskaya, V.A. 1973. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifskiye drevnosti (Scythian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kantorovich, A.R. 2015. In *Istoricheskiye issledovaniya (Historical Research)* 3, 185—186 (in Russian).
- Kudryavtsev, A.A., Prokopenko, Yu.A. 1997. In *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the peoples of the North Caucasus)* 1, 13—19 (in Russian).
- Kudryavtsev, A.A., Kudryavtsev, E.A., Prokopenko, Yu.A. 2000. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* 2, 40—47 (in Russian).
- Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV—III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы (Meots of Trans-Kuban region 4th — 3rd centuries BCE. Necropolis near the village Ulyap. Sanctuaries and ritual complexes)*. Moscow: GMV (in Russian).
- Marchenko, I.I., Limberis, I.I. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3 (39), 69—76 (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N. 1987. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya (Scythians of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Murzin, V.Yu., Chernenko, E.V. 1980. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz (Scythia and the Caucasus)*. Kyiv: Naukova dumka, 155—167 (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2004. In: Novak, K.V. (ed.). *Problemy istorii arkheologii Ukrainy. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 350-letiyu g. Khar'kova i 200-letiyu Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina 4—6 noyabrya 2004 goda (Problems of the history of archeology of Ukraine. Materials of the 5th International scientific conference dedicated to the 350th Anniversary of Kharkov and the 200th Anniversary of the Karazin Kharkiv National University on November 4—6, 2004)*. Kharkiv: NMTS “MD”, 38—40 (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2005. *Istoriko-kul'turnoye razvitiye naseleniya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Historical and cultural development of the population of the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st Millennium BCE)*. Stavropol: SGU (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2010. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 2. Stavropol: Grafa, 9—19 (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2014a. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st Millennium BCE)*. Pt. I. Stavropol: SKFU (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2014b. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st Millennium BCE)*. Pt. II. Stavropol: SKFU (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A., Kravtsova, S.L. 2020. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 12—13. Stavropol: Pechatnyi dvor, 21—39 (in Russian).
- Rayev, B.A., Bepalyi, G.E. 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha (A mound of the Scythian time at the ground burial ground of the Fourth Novolabinsky settlement)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2018. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17 (1), 27—49 (in Russian).
- Tekhov, B.V. 2002. *Tayny drevnikh pogrebeniy (Secrets of Ancient Burials)*. Vladikavkaz: Proyekt-press (in Russian).
- Shedevry 1987: Leskov, A.M., Lapushnyan, V.L. (eds.). 1987. *Shedevry drevnego iskusstva Kubani. Katalog vystavki (Masterpieces of the ancient art of the Kuban. Exhibition catalogue)*. Moscow: GMV (in Russian).

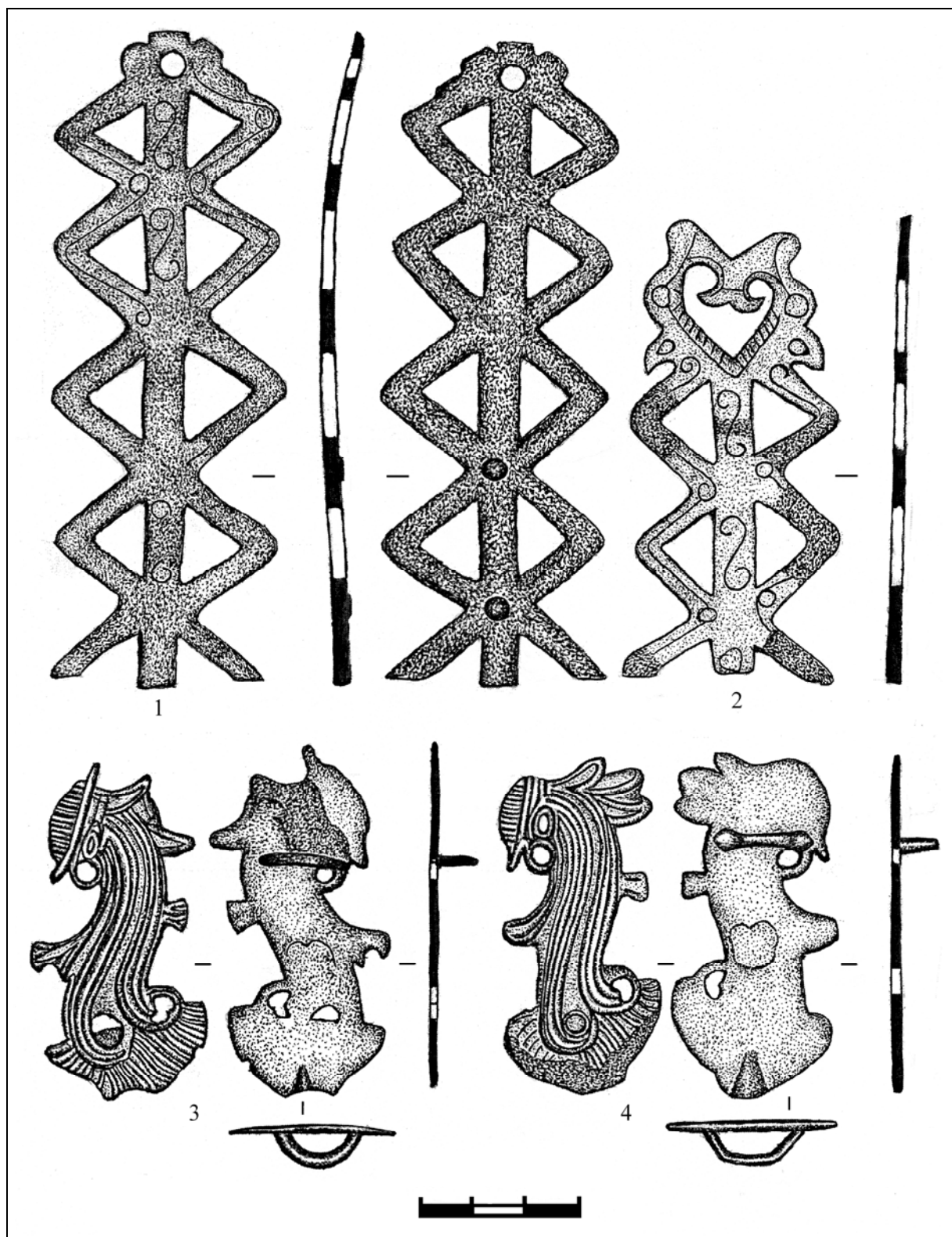
Рис. 1. Конские налобные и нащечные пластины IV—III вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности: 1—2 — налобники — находка в окрестностях г. Александровска (по Прокопенко 2014b); 3—4 — нащечники — ритуальные приношения в склепе № 1 могильника № 2 Татарского городища (по Кудрявцеву, Прокопенко 1997; Прокопенко 2014b). Все — бронза.

Fig. 1. Horse head and buccal plates of the 4th — 3rd centuries BCE from monuments of the Stavropol Upland: 1—2 — lobbies — a find in the vicinity of Aleksandrovsk (after Prokopenko 2014b); 3—4 — patches — ritual offerings in the crypt No. 1 of the burial ground No. 2 of the Tatarskoe settlement (after Kudryavtsev, Prokopenko 1997; Prokopenko 2014b). Everything is bronze.

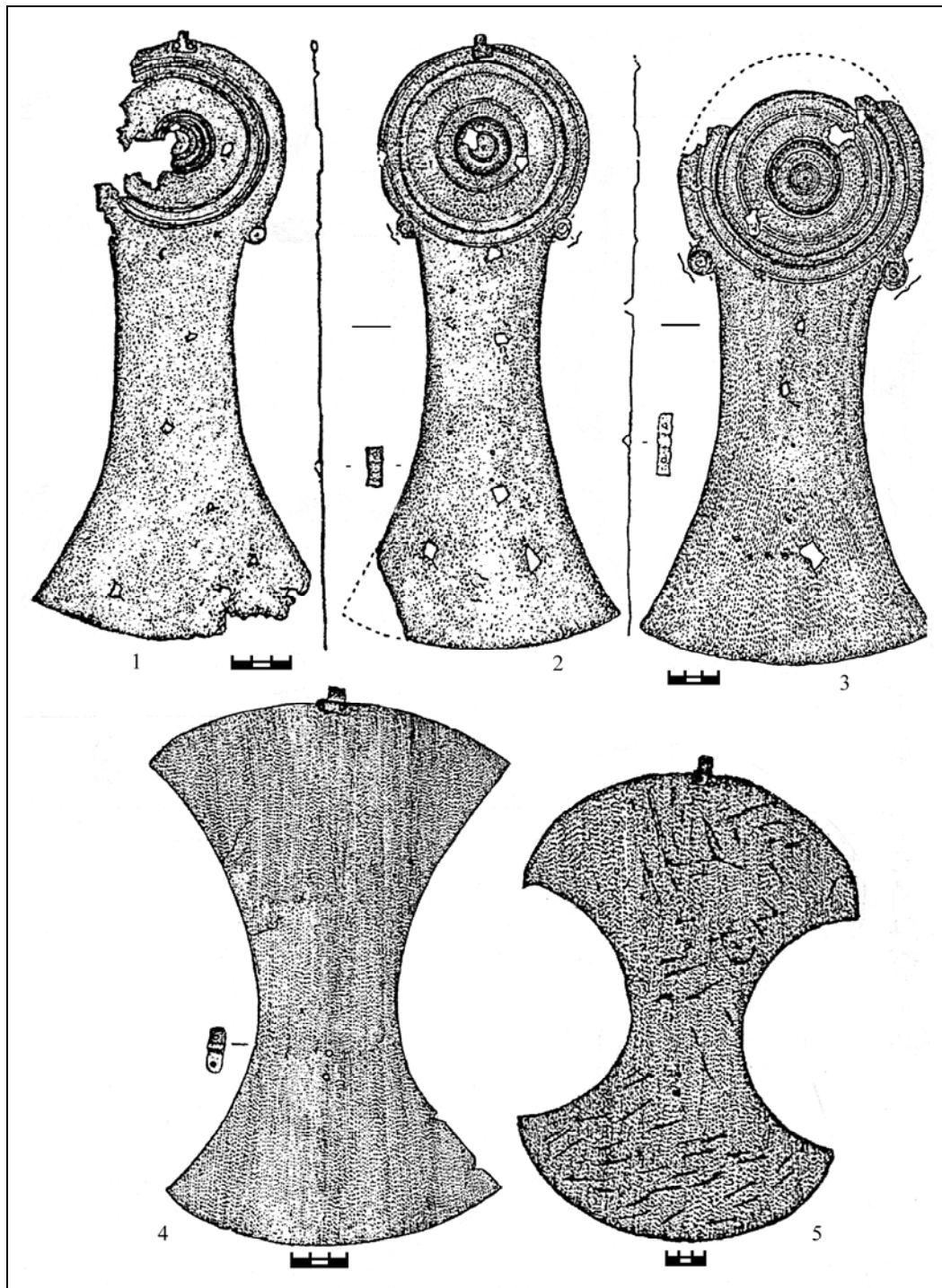
Рис. 2. Конские налобные пластины IV—III вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности: 1 — налобник IV в. до н.э. — клад предметов конского убора IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей г. Ставрополя (рисунок автора); 2 — налобник — находка в районе склепового могильника № 4 Татарского городища (по Прокопенко 2010). Все — бронза.

Fig. 2. Horse head plates of the 4th — 3rd centuries BCE from monuments of the Stavropol Upland: 1 — head plate of the 4th century BCE — treasure of horse dressing objects of the 4th — 2nd centuries BCE from the northwestern environs of Stavropol (author's drawing); 2 — head plate — a find in the area of the crypt burial ground No. 4 of the Tatar settlement (after Prokopenko 2010). Everything is bronze.

Рис. 3. Конские налобные и нащечные пластины из клада предметов конского убора IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей г. Ставрополя: 1—2 — налобники (наносники?) (рисунок автора); 3—4 — нащечники (рисунок автора). Все — бронза. Рисунки автора.

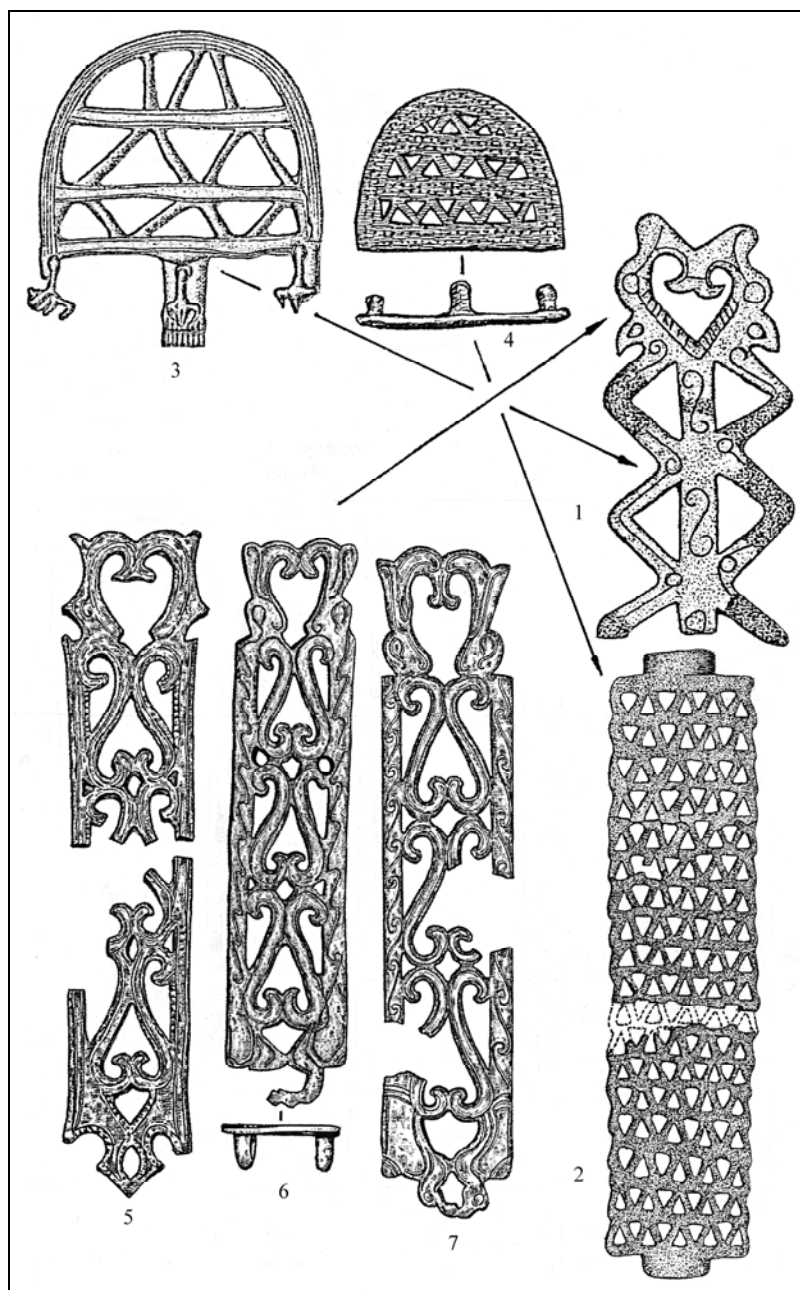
Fig. 3. Horse head and buccal plates from a treasure of horse dressing items of the 4th — 2nd centuries BCE from the northwestern environs of Stavropol: 1—2 — headstones (nanosnabs?); 3—4 — patches. Everything is bronze. Drawings of the author.

Рис. 4. Налобные пластины III — начала II вв. до н.э. из памятников в окрестностях г. Ставрополя: 1—3 — склеп № 1 могильника № 2 Татарского городища (по Кудрявцеву, Прокопенко 1997; Прокопенко 2014b); 4 — Ставрополь — юго-западнее Комсомольского пруда, гаражи по ул. Краснофлотской (по Прокопенко 2014b); 5 — Бучинская поляна — западные окрестности г. Ставрополя (по Прокопенко 2014b); 1—3, 5 — бронза; 4 — серебро.

Fig. 4. Head plates of 3rd — beginning of 2nd centuries BCE from monuments in the vicinity of Stavropol: 1—3 — crypt No. 1 of burial ground No. 2 of the Tatar settlement (after Kudryavtsev, Prokopenko 1997; Prokopenko 2014b); 4 — Stavropol — southwest of Komsomolsky pond, garages on the street Krasnoflotskaya (after. Prokopenko 2014b); 5 — Buchinskaya Polyana — the western environs of Stavropol (after Prokopenko 2014b); 1—3, 5 — bronze; 4 — silver.

Рис. 5. Ажурные налобные пластины из клада предметов конского убора IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей г. Ставрополя и аналогично украшенные бляхи из памятников Прикубанья и Центрального Предкавказья: 1, 2 — пластины из клада предметов конского убора IV—II вв. до н.э. из северо-западных окрестностей г. Ставрополя; бляха — подвеска из коллекции Г.Н. Прозрителева (по Прокопенко, Кравцовой 2020); ажурная бляха из погребения 378 Тлийского могильника (по Техову 2002); 5—7 — налобные (наносные?) пластины из кургана V Уляпского могильника (по Лескову и др. 2013).

Fig. 5. Openwork head plates from a treasure of horse dressing items of the 4th — 2nd centuries BCE from the northwestern environs of Stavropol and similarly decorated plaques from the monuments of Prikubanye and the Central Precaucasia: 1, 2 — plates from a treasure of horse dressing items of the 4th — 2nd centuries BCE from the northwestern environs of Stavropol; plaque — suspension from the collection of G.N. Prozritelev (after Prokopenko, Kravtsova 2020); openwork plaque from the burial of 378 Tliysky burial ground (after Tekhov 2002); 5—7 — head (deposit?) Plates from the mound of Fifth Ulyap burial ground (after Leskov et al. 2013).

УДК 903.25

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.96.26.013

С.С. Лысенко

ГАЛЬШТАТСКО-ЛАТЕНСКИЕ И ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ БРАСЛЕТЫ С ВЫСТУПАМИ*

Довольно часто в литературе используются название: браслеты с «выступами», «шишечками», «выпуклинами» и т.п. Причём изделия называемые таким образом имеют отличающийся декор и разную датировку. Зачастую исследователи приводят в качестве аналогий совершенно разнотипные вещи. Назрела необходимость более подробного и детального рассмотрения таких браслетов. В данной статье сделана подборка браслетов с выступами с территории Восточной Европы. Предлагается разделение этих изделий на типы, соответствующие периоду их бытования: гальштатские, латенские и позднеантичные.

Ключевые слова: Восточная Европа, гальштат, латен, позднеантичный период, украшения, браслеты с выступами, браслеты с шишечками.

Сведения об авторе: Лысенко Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

S.S. Lysenko

HALLSTATT — LA TÈNE AND LATE CLASSICAL BRACELETS WITH PROJECTIONS

Bracelets with “projections”, “knobs”, “bulges”, etc. are quite often terms used in the literature. Moreover, the items called in this way have different decor and different dates. Researchers often cite completely different types of things as analogies. There is a need for a more detailed study of these bracelets. This paper deals with the selection of bracelets with projections from the territory of Eastern Europe. It is proposed to divide these items into types corresponding to the period of their existence: Hallstatt, La Tène and late Classical.

Key words: Eastern Europe, Hallstatt, La Tène, late antique period, adornments, bracelets with projections, bracelets with knobs.

About the author: Lysenko Svetlana Stanislavovna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhgradu, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

В Восточной Европе встречается довольно разнообразная группа украшений, носящих широкое название «украшения латенского стиля» (или типа). Заметное место среди них занимают браслеты. Браслеты латенского стиля отличаются самобытным оформлением в

---

* Статья поступила в номер 12 ноября 2021 г.
Принята к печати 15 декабря 2021 г.

виде несложных рельефных украшений, отлитых вместе со стержнем. Особую группу среди таких браслетов представляют изделия в виде литого бронзового кольца, украшенного выступами, рядами или группами выступов. Выступающие элементы исследователи называют по-разному: выступы, шишечки, шарики, выпуклины, горошины и т.д. Выпуклины могут быть одиночными или групповыми. Группа может состоять из 1—3 отдельных, стоящих в ряд выпуклин или же образовывать из этих элементов фигуру, называемую пирамидкой, гроздью или розеткой. Форма выступов может быть шарообразной, овоидной, усечённо-конической, подпрямоугольной или сплющено-деформированной (грибовидной). А розетка может состоять из 2—5 выпуклин.

В качестве декора металлических украшений округлые или маленькие шарообразные выступы использовались и ранее. Например, в эпоху поздней бронзы в Венгрии были браслеты со спиральными щитками, где наряду с другими элементами декора использованы одинарные группы по три выступа в ряд, а так же браслеты со спиральными щитками и желобчатым стержнем, полностью покрытым группами шишечек по три в ряд (Mozsolics 1973: Taf. 100: *a—c*, 101: *1*) (рис. 1: *1—2*). Кроме того, в Закарпатье известны массивные литые браслеты с несходящимися концами (т.н. открытого типа), украшенные маленькими шарообразными выступами, расположенными по одному — на наружной поверхности браслета и на обеих боковых поверхностях, датируемые $BrD—HaA_1$ (Балагури 2001: 209, рис. 81: 5, 86: 9, 13) (рис. 1: 3—5). Причём, можно отметить, что разные элементы декора, такие как округлые выступы и тройные кольцевые выступы на некоторых браслетах эпохи поздней бронзы отчётливо напоминают такие же элементы декора на браслетах скифского (рис. 1: 6—8) и позднеантичного времени. Но если для эпохи поздней бронзы Восточной Европы браслеты с такими выступами не известны (Лысенко 2021а), то в финальной бронзе этот декор появляется и к раннежелезному веку оформляется устойчивое сочетание формы и декоративных элементов.

Есть ещё одна группа браслетов, которую следует рассмотреть в данном контексте. Ю.В. Кухаренко упоминал как «браслеты с шишечками» два экземпляра из могильника Чехи (Луговое) (Кухаренко 1959: 46). Это изделия, описываемые в литературе, как «браслеты с напаянными овальными щитками». На деле оказалось, что «щитки»-выпуклости не напаяны, а отлиты вместе с самим браслетом, так же как и все остальные браслеты с «выступами» или «шишечками», рассматриваемые в данной работе.

* * *

В своей типологии скифских украшений В.Г. Петренко рассмотрела только один браслет с выступами и отнесла его к **типу 11** — браслеты латенского типа, выполненные из круглого или сегментовидного в сечении литого стержня, снабжённого по наружной поверхности различными выступами (Петренко 1978: 55, табл. 44: *15*), подчёркивая, что это редкий тип. Однако в этот тип исследовательница включает, на наш взгляд, совершенно разнотипные браслеты, тем самым сильно размывая его.

Е.С. Нефёдова расширяет хронологические рамки латенских изделий и называет их гальштатско-латенскими. Она предлагает более подробную классификацию браслетов гальштатско-латенского круга, выделяя среди них 8 типов. Рассматриваемые нами браслеты она относит к **типу 6** — шишечки в три ряда равномерно покрывают поверхность; и **типу 8** — несколько шишечек (от 2 до 5) образуют розетку (Нефёдова 1992: 22, рис. 2а: 6, 2: 8, *14*). На наш взгляд, классификация Е.С. Нефёдовой тоже не идеальна, но всё-таки более детальна, чем **тип 11** по В.Г. Петренко.

Свою типологию колец с шишечками для находок латенского времени из Румынии разработал И. Глодариу. На ней стоит остановиться подробнее. И. Глодариу собрал подборку колец и браслетов с выступами, найденных на памятниках Румынии — им учтено более 60 экземпляров. Исследователь делит все изделия (независимо от диаметра, т.е. и браслеты, и кольца) на 4 типа:

Тип I — кольца, на которых выступы расположены на больших расстояниях: *вариант 1* — с одиночным выступом; *вариант 2* — с выступами, сгруппированными по три или реже по четыре в одном месте;

Тип II — изделия с группами выступов, на равном или почти равном расстоянии друг от друга: *вариант 1* — группы из трёх выступов; *вариант 2* — неоднородные группы; *вариант 3* — с неоднородными группами и основанием;

Тип III — включает изделия: *вариант 1* — с непрерывной цепочкой выступов; *вариант 2* — с тройными непрерывными цепочками выступов; *вариант 3* — с цепочками, в которых группы из трёх выступов чередуются с группами из двух или двух + один;

Тип IV — (смесь случайного или преднамеренного) включает: *вариант 1* — находки с неравным числом и несимметричным расположением выступов; *вариант 2* — в виде пряжки без язычка (Glodariu 1984: 64).

Это наиболее детальная типология для подобных изделий, хотя некоторые из типов (тип IV, например), вероятнее всего, являются не отдельным типом, а всего лишь последствием погрешностей литья.

Есть ещё небольшая классификация А.В. Богачёва для таких изделий I тысячелетия н.э. Он выделяет 2 разновидности (подтипа) кольцевых подвесок с выпуклинами (не разделяя на кольца и браслеты):

Подвески I подтипа — с тремя выпуклинами—шишечками в одной точке сечения кольца: одной на внешней стороне окружности, две другие по сторонам. Количество групп — 4—11, редко — 27—42. Комплексы датируются в пределах II в. до н.э. — III в. н.э.;

Подтип II — тройная выпуклина «заменена» на вздутие—утолщение. Количество утолщений от 4 до 18 (чаще — 7, 9, 11) (Богачёв 1998: 153—154). Отметим, что отнесённый исследователем к этому подтипу браслет из Кошибеево при увеличении рисунка имеет явные 3 выпуклины в ряд (или в одной точке сечения), а значит, относится к предыдущему типу.

Е.С. Нефёдова считает, что браслеты гальштатско-латенского круга бытуют довольно длительное время, при этом не слишком сильно меняя форму. Поэтому, собственно, форма браслета не является достаточной для датировки (Нефёдова 1992: 27). Но при подробном рассмотрении с этим сложно согласиться — для каждой эпохи есть определённые особенности расположения и формы выступов.

* * *

Нам удалось сделать подборку из 156 браслетов¹ (целых и фрагментированных), имеющих «напаянные щитки», «выступы» или «шишечки» и 2 литейные формы. В целом, по форме и расположению декора браслеты с выступами делятся на 3 типа:

---

¹ В этой работе задействованы только те изделия, чей диаметр позволяет использовать их как браслеты.

1. Гальштатские браслеты с выступами — это браслеты с одинарными уплощёнными выпуклостями;

2. Латенские браслеты с выступами — это браслеты с отдельностоящими выступами или группами по 2—5 выпуклостей, сгруппированных в розетки;

3. Позднеантичные браслеты с выступами — это браслеты с отдельностоящими одиночными выпуклостями и с выпуклинами по три в ряд:

вариант 1) с одинарными выступами;

вариант 2) с тремя выступами в ряд;

4. Хртанокские браслеты с выступами — это браслеты с одинарными удлинёнными выступами².

Браслеты по типам

1. Гальштатские браслеты с выступами. Это цельнолитые браслеты с округлым или подовальным сечением, украшенные по внешней поверхности одинарными уплощёнными овоидными выпуклостями, равноудалёнными друг от друга. Нам известны 8 целых таких изделий и 2 фрагмента (рис. 2: 1—9).

Два фрагмента браслетов (или, возможно, одного браслета) с таким декором известны из **Петрикова** — на одном сохранилось две выпуклины, на другом — три. Между выпуклинами браслет украшен орнаментом в виде поперечных линий и «ёлочки» (Бандрівський 2014: рис. 73: 16, 85: 4) (рис. 2: 3—4). По заключению Т.Ю. Гошко, этот орнамент гравировался инструментом с расплюснутым и немного округлённым рабочим краем шириной 0,4 см. Кроме того, исследование показало, что выпуклости, традиционно считавшиеся «напаянными щитками», отливались вместе с браслетом по восковой модели — микроструктурный анализ не выявил никаких признаков паяльных швов (Гошко 2011: 60—61). Н.С. Бандривский относит Петриковский могильник к раннему периоду высоцкой культуры (НаА — XII—XI вв. до н.э.) (Бандрівський 2002: 195, рис. 44).

Два целых браслета такого типа происходят из **Верхнего Поднепровья**. Они имеют овальную в плане форму и 7—8 овоидных выпуклин, на равном удалении друг от друга. Палина не позволила К. Журовскому рассмотреть есть ли орнамент между выпуклинами (Żurowski 1949: 177, 194) (рис. 2: 1—2). Н.С. Бандривский датирует эти изделия периодом НаА₂—НаВ₁ (XI—X вв. до н.э.) (Бандрівський 2011: 10).

Интересен браслет с пятью сохранившимися выпуклинами из погребения 67 **Рованцовского могильника**. Этот экземпляр, видимо, был цельнолитым, как и прочие браслеты этого типа, но случайно или специально для подгонки под детскую руку, разомкнут, а получившиеся концы заведены друг за друга. Д.Ю. Павлив относит могильник к ульвовецкой группе лужицкой культуры и датирует периодом НаА₁—НаВ₁ (XII—X вв. до н.э.) (Павлів 1993b: 35) (рис. 2: 5).

Очень похожи на предыдущий два браслета из **погребений 1 и 10** могильника **Чехи** (из раскопок И.И. Шараневича). Первый украшен четырьмя равноудалёнными друг от друга овально-приплюснутыми выпуклостями, у второго — 23 такие выпуклости следуют практически одна за другой по всей наружной поверхности браслета (рис. 2: 6—7). Если Т. Сулимирскому удалось корректно воссоздать инвентарный комплекс погребения 1 (Sulimirski 1931: 62—63), то, на основании сопутствующих гривны и булавы, этот комплекс

² Этот тип мы рассмотрели условно, по причинам, указанным ниже.

можно датировать не позднее HaD (VII—VI вв. до н.э.). Видимо, к тому же времени относится и браслет из погребения 10 этого же могильника (Sulimirski 1931: 64).

Аналогичен вышеупомянутому (Чехи, погребение 10) браслет из **Залевкинского клада**. Выпуклости на нём тоже расположены одна за другой по всей внешней поверхности браслета (Третьяков 1949: 230, рис. 7: 6). Но, так же, как и Рованцовский, этот экземпляр был, видимо, разомкнут для уменьшения диаметра. В результате, как видно на рисунке, из 11 сохранившихся выпуклин — одна оказалась обрезана (рис. 2: 8). В.И. Козенкова датирует Залевкинский клад серединой IX — серединой VIII вв. до н.э. (V фаза HaB₂—HaB₃, по К. Вински—Гаспарини) (Козенкова 2004: 76). А.И. Тереножкин относил поселение, на котором этот клад был найден ко второй ступени чернолесской культуры (Тереножкин 1976: 73).

Полным аналогом последнему изделию является браслет из **Тягловского могильника**. Он тоже разомкнут и имеет 14 выпуклин, расположенных одна за другой (рис. 2: 9). Д.Ю. Павлив относит могильник к ульвовецкой группе лужицкой культуры и датирует периодом HaB₁—HaB₂ (X—IX вв. до н.э.) (Павлів 1993b: 56).

* * *

Таким образом, учтено 7 браслетов с одинарными уплощёнными выпуклостями и 2 фрагмента (возможно, от одного браслета) такого типа. Большая часть изделий происходит из Галиции и Западной Волыни. Единственный экземпляр Залевкинского клада — полный аналог Тягловскому — оказался в Среднем Поднепровье.

Из семи целых изделий этого типа — у трёх разомкнуто кольцо, которое отливалось цельным. Возможно, размыкание браслетов происходило случайно — из-за погрешностей литья; механических повреждений или воздействия огня при кремации; или же намеренно — например, для изменения его диаметра. Декор в виде приплюснутых выпуклин использовался и для браслетов другого типа — таких как браслет с сужающимися несходящимися концами из Тарнобжега (Павлів 1993a: рис. 2: 5). Можно также согласиться с Д.Ю. Павливым, отметившим сходство декора — так называемого «напаянного щитка» — с браслетами чернолесского типа (Павлів 1993b: 54). Хотя, подчеркнём, на обоих типах браслетов щитки не напаяны, а отлиты вместе с браслетом по восковой модели.

Некоторые исследователи интерпретируют часть вышеприведённых изделий иначе, но на наш взгляд — это, безусловно, браслеты. В двух случаях браслеты этого типа были найдены на костях рук погребённых — в **Тяглове и Рованцах**. Это развеивает всякие сомнения в их интерпретации.

2. Латенские браслеты с выступами. Это браслеты в виде цельнолитого кольца, украшенного равноудалёнными друг от друга отдельно стоящими выступами или компактными группами выступов (розетками). В розетке может быть от 2 до 5 выпуклин. Количество розеток и расстояние между ними варьируются.

Браслет из погребения 1 кургана 23 у совхоза **Красный Перекоп** имел четыре одиночные уплощённо-овальные слабовыраженные выпуклины, возможно, сильно истёртые в древности или счищенные реставрацией (рис. 3: 3). В.Г. Петренко датирует выделяемый ею тип 11, в который включает и этот браслет, второй половиной IV — началом III вв. до н.э. (Петренко 1978: 55). В.С. Синика датирует этот комплекс серединой IV в. до н.э. на основании чернолаковых сосудов — лекифа и килика из погребения³.

³ Автор выражает признательность В.С. Синике за консультацию.

В кургане у с. **Прусы** были найдены два браслета одинакового диаметра с восемью группами выпуклин, но на одном — по 3 выпуклины сгруппированы в розетки, а на втором были группы в виде двух отдельно стоящих выпуклин. На фотографии в первой публикации этих изделий имеется интересная деталь — на обоих браслетах видны пришитые концы кожаных ремней (ДП 1899: 27, табл. XX: 323). Из-за этого они поначалу интерпретировались как элементы сбруи. Наличие в одном погребении браслетов двух разных вариантов данного типа, явно изготовленных в пару — об этом говорит их одинаковый диаметр и количество групп выступов — возможно, указывает на то, что второй браслет (с двумя отдельно стоящими выпуклинами) оказался просто репликой браслета с розетками (рис. 3: 1—2). Надо отметить, что все браслеты с выступами сугубо индивидуальны — это связано с тем, что большинство из них изготовлено по восковой модели. Если для декора в виде розеток аналогий достаточно, то для двух отдельно стоящих в ряд выпуклин нам удалось найти только одну — это браслет из раннесарматского погребения 5 кургана 4 Бердянского могильника (Оренбургская обл.), датируемого III—II вв. до н.э. На этом браслете тоже были зафиксированы следы кожи — «наружу выступали только шишечки» (Моргунова, Мещеряков 1999: 124—127, рис. 2: 5).

С.В. Полин, анализируя материал из кургана № 9 у с. Прусы, приходит к выводу, что его следует датировать не позднее середины IV в. до н.э. (Полин 2014: 73).

Браслет из **Карловки** имел семь розеток из строенных шариков (Рудинский 1928: 50, 61, табл. VII: 1) (рис. 3: 4). Так как условия его находки неизвестны, датировка по сопутствующим вещам невозможна. Однако, используя метод аналогий, его можно синхронизировать с наиболее сходным браслетом из Прус и датировать так же (не позднее середины IV в. до н.э.).

Найденный в погребении 5 кургана 13 **Золотобалковского** могильника браслет имеет 8 розеток по 3 шарика в каждой (рис. 3: 6). По-видимому, отлит он в двухстворчатой литейной форме и, возможно, количество шариков в розетках могло бы быть бóльшим, если бы не погрешности литья. С.В. Полин датирует это погребение второй четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014: 189).

Литейная форма из **Ольвии** очень схожа с вышеприведённым браслетом. Вторая её половина не была найдена, но если она тоже содержала по три вдавления в розетке, то количество шариков в отлитой розетке должно было равняться пяти. По сопутствующему материалу А.И. Фурманская датирует эту форму IV—III вв. до н.э. (Фурманська 1958: 48).

Из нижнего слоя поселения **Тушемля** происходит фрагмент браслета с очень часто расположенными розетками. Каждая розетка состоит из пяти шариков, скомпонованных пирамдкой (рис. 3: 5). П.Н. Третьяков определил время нижнего культурного слоя по облику относящихся к нему обломков этого и другого (иного типа) браслетов, которые он условно называет гальштадско-латенскими и широко датирует V—III вв. до н.э. (Третьяков 1963: 12, 47).

Фрагменты похожего браслета, но с бóльшим расстоянием между розетками были найдены на поселении **Новые Батеки** (рис. 3: 7). Е.А. Шмидт упоминает так же найденные здесь обломки глиняной литейной формы для отливки аналогичных браслетов по восковой модели. Исследователь широко датирует эти находки латенским временем (Шмидт 1963: 165). Но названная им же наиболее близкая для них аналогия — двухстворчатая литейная форма из Ольвии — позволяет уточнить датировку IV—III вв. до н.э.

Из **Ацела** происходит браслет, украшенный тремя розетками из строенных шариков гипертрофированных размеров (рис. 4: 8). И. Глодариу отнёс его к тому же типу, что и изделия из Окна Сибиулуй, а этот тип он датирует IV—III вв. до н.э. (Glodariu 1984: 70).

Браслет из **Муригиола** отлит в виде широкой полосы и украшен тремя розетками из строенных шариков (рис. 4: 6). Он был случайно найден на поверхности могильника (в основном кремационного), и, очевидно, связан с ним. А значит, можно пытаться его датировать по могильнику. Э. Бужор, отмечавший скифское и эллинистическое влияние на население, оставившее этот могильник, относит его к гетто-дакийской культуре и датирует концом IV — началом III вв. до н.э. (Бужор 1958: 136—141).

Довольно близким к вышеприведённому является один из браслетов в погребении 5 кургана 5 **Крихана Веке**. Он тоже украшен тремя розетками из строенных шариков (рис. 4: 5). Второй браслет из этого комплекса, найденный на костях правой руки погребённой женщины, имел четыре розетки по четыре выступа, скомпонованных ромбом (рис. 4: 4). Для прямой датировки этого погребения послужили сами рассматриваемые браслеты, которые, по мнению И. Чебану, имеют достаточно широкий интервал — между серединой IV — началом III вв. до н.э. (Ciobanu et al. 2017: 98—99).

Похожее сочетание браслетов наблюдается в погребении из **Окна Сибиулуй** — один браслет с тремя розетками из строенных выпуклин и другой — с тремя розетками из четверённых выпуклин (к сожалению, рисунок есть только для одного) (рис. 4: 7). Эти браслеты были обнаружены вместе со шлемом, обеспечивающим, по мнению И. Глодариу, их датирование IV—III вв. до н.э. (Glodariu 1984: 70).

Интересно, что ещё на одном памятнике встречены очень сходные браслеты, правда, в разных комплексах — это браслет с реконструируемыми четырьмя розетками по три шарика из погребения 6 кургана 16 группы **Глиное-Водовод**, где из-за литейного брака не хватает четвёртой розетки и одной шишечки в третьей розетке (рис. 4: 2). Браслет был надет на левую руку детского скелета. В.С. Синика датирует это погребение третьей четвертью IV в. до н.э. (Синика и др. 2021: 288).

И ещё один браслет с тремя розетками из четырёх выступов, скомпонованных ромбом был найден в погребении 1 кургана 71 **Глинянского** могильника (рис. 4: 1). Браслет был надет на правую руку погребённой женщины. Это погребение датируется концом IV — первой четвертью III вв. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 965).

Наконец, третий экземпляр с этого памятника — браслет с четырьмя розетками из спаренных выступов был надет на правое предплечье женского скелета в погребении 5 кургана 8 группы **Глиное-Сад** (рис. 4: 3). Это погребение В.С. Синика датирует последней четвертью IV в. до н.э. (Синика и др. 2018: 90).

Особого внимания заслуживает браслет из **Осоты** — он, кроме четырёх розеточек из строенных шариков имел ещё и другой элемент декора — сдвоенные (или строенные — по рисунку непонятно) дисковидные щитки, расположенные между розеточками (Фундуклей 1848: 73—74, рис. 13: 6) (рис. 4: 9). Учитывая описания сопровождавших браслет находок в работах И.И. Фундуклея, Л.И. Похилевича и В.Б. Антоновича (Похилевич 1864: 691; Антонович 1895: 116), С.Д. Лысенко предполагает, что комплекс может быть отнесён к сарматскому времени. Возможно, сочетание разных декоров является признаком более позднего периода бытования этого изделия в сравнении с остальными браслетами данного типа.

* * *

Таким образом, нами учтено 17 изделий с выступами и розетками и 2 литейные формы для их производства. Причём, 9 браслетов происходят из Северо-Западного Причерноморья

и Трансильвании. Места находок восьми остальных (в том числе и литейных форм) тяготеют к Поднепровью — начиная от Верхнего течения реки и заканчивая Нижним.

Надо отметить, что наличие половинки литейной формы из Ольвии указывает на возможность производства таких браслетов в двухсторонних литейных формах, однако большая часть изделий этого типа изготовлялась, видимо, литьём по восковой модели. Это подтверждает и описанная Е.А. Шмидтом разбитая литейная форма для литья по восковой модели с поселения Новые Батеки. К сожалению, изображение этой формы он не публикует (Шмидт 1963: 144). Об изготовлении по восковой модели может свидетельствовать и исключительная индивидуальность изделий с розетками. По мнению Т.Ю. Гошко, мастера—литейщики того времени во многих культурах Центральной Европы широко использовали технологию литья по восковой модели и изготовление подобных украшений не представляло для них никаких трудностей (Гошко 2011: 61). Однако данный тип браслетов на рассматриваемой территории не был широко распространён.

Способ использования таких изделий не оставляет никаких сомнений — 5 из них были зафиксированы на руках погребённых — 3 в разных погребениях **Глинянского** могильника; 1 — в погребении могильника **Крихану Веке** и ещё 1 — в **Красном Перекопе**. Причём, в трёх женских погребениях браслеты надеты на правую руку, а в детском — на левую. На левую же руку костяка неопределённого пола был надет браслет в **Красном Перекопе**.

3. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками. Некоторые исследователи настаивают на необходимости выделения браслетов с выступами (которые описаны выше) из массы браслетов с шишечками (о которых пойдёт речь ниже) (Высотская 1994: 109—110). Но, к сожалению, нам не удалось найти обсуждений этих нюансов, а большинство коллег традиционно, приводя аналогии, никак не различают эти два типа изделий, имеющих существенно разные хронологические рамки.

3.1. Позднеантичные браслеты с одинарными выступами.

И. Глодариу приводит 4 изделия с одинарными выступами: 2 — с четырьмя выступами — с дакского поселения **Пояны** и из крепости **Крайва** и 2 — с пятью выступами — с дакского поселения **Печика** и дакской крепости **Костешть** (рис. 5: 2—4, 8). Он датирует Пояну I в. до н.э., а Крайву, Костешть и Печик — концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 71, fig. 1: 1, 2, 3, 5). Три браслета имеют на рисунке гипертрофированные шарообразные выступы.

Три точно таких же гипертрофированных выступа имеет браслет из склепа 439/9 **Усть-Альминского** могильника (Пуздровский 2007: рис. 146: 7) (рис. 5: 1).

Т.к. данный вариант насчитывает только 5 учтённых изделий на рассматриваемой территории, то он отнесён к редким. Возможно, такой характер выступов заимствован из культурной традиции Центральной Европы. Кольца подобных пропорций известны, в частности, из могильника Ваце (Vače, Словения) (Starè 1955: pl. XLVI: 4, 6). Но там они имели диаметр около 2,3 см и крепились металлическими пластинами к ремням.

3.2. Позднеантичные браслеты с тремя выступами в ряд. Это наиболее многочисленная группа браслетов с выступами-шишечками. Среди них встречаются изделия с нерегулярным количеством шишечек в рядах, но это можно объяснить литейным браком или фантазией мастера, не перешедшей в устойчивую тенденцию.

Фрагмент браслета с сохранившимися шестью группами выступов по три в ряд из клада в **Великой Палади** (рис. 8: 2) имеет раннюю датировку — Э.А. Балагури датирует топор-

чекан из этого клада периодом BrD (XIII в. до н.э.) (Балагури 2001: табл. 10). Учитывая историю обнаружения клада, нельзя исключать, что данный фрагмент попал в состав клада случайно.

Браслет с поселения **Галиш-Ловачка**, судя по рисунку, имел 27 групп выступов по три в ряд и необычную форму сечения стержня. М.Б. Щукин датирует его периодом L_{2b} (вторая четверть III в. до н.э.) (Бидзиля, Щукин 1993: 79) (рис. 14: 1). Столь ранняя дата и необычное сечение браслета может объясняться влиянием на данный регион центральноевропейских традиций — это, например, уже упомянутые браслеты с желобчатым сечением украшенные сплошными рядами выступов-шишечек (рис. 1: 1).

Браслет из погребения 2 кургана 6 **Китаевки** имел 13 групп выступов, к двум из которых были привешены ручки ведёрковидной подвески. А.В. Коренько и В.А. Найденко датируют это погребение в рамках II — первой половины I в. до н.э. (Коренько, Найденко 1977: 243) (рис. 14: 5).

В кремационном погребении 22 **Долинянского** могильника был найден разомкнутый браслет с пятью сохранившимися группами выступов по три в ряд. Форма выступов близка к грибовидной (рис. 5: 12). Г.И. Смирнова датировала могильник в целом, второй половиной II — началом I в. до н.э. (Смирнова 1984: 205). К.В. Каспарова же, указывая на 3 фазы существования могильника, относит погребение 22 к III фазе поянешти—лукашевской культуры, а эта фаза, по её мнению, полностью синхронизируется с Латеном D₂ (вторая половина I в. до н.э.) (Каспарова, Максимов 1993: 93).

Случайно найденный в **Геже** браслет с шишечками имел 17 групп выступов по три в ряд и диаметр 5,5 см (рис. 8: 4). Он может быть датирован, по аналогии с такими браслетами, концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 66, fig. 4: 10).

В дакской крепости **Костешть** были найдены 3 целых браслета и 1 обломанный с диаметрами от 4,9 до 6,5 см и количеством групп выступов от 3 до 24 — по три в ряд (рис. 8: 10 — *рисунки есть только для одного*). Среди них был браслет с чередующимися размерами выступов — одна группа с большими, другая с маленькими. И ещё один фрагмент браслета, был переделан в кольцо (рис. 14: 2). И. Глодариу датирует этот памятник концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 64, fig. 2: 2; 4: 6).

В слое дакской крепости **Крайва**, кроме упомянутого в варианте 1, было найдено 5 браслетов с выступами. Диаметры их от 4,9 до 11 см, количество групп выступов у двух — 17 и 19 по три выступа в ряд (рис. 8: 13—14). У двух других из-за явного литейного брака выступы расположены нерегулярно (рис. 8: 9, 14: 6). И ещё одно изделие с неизвестным диаметром, по-видимому, было браслетом и имело 26 групп подквадратных выступов в ряд (рис. 8: 9). Датировка этой крепости такая же — конец II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 66, fig. 2: 10; 3: 5—6; 5: 9).

Из дакской крепости **Кэпилнат** происходят 2 браслета с шишечками: один с диаметром 5,4 см и четырьмя выступами по три в ряд (рис. 5: 11); другой — разомкнутый с размерами 7,3 × 6,5 см и с одиннадцатью сохранившимися выступами по три в ряд (некоторые выступы недолиты из-за литейного брака) (рис. 8: 12). И. Глодариу датирует памятник концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 64, fig. 1: 8, 3: 4).

Случайная находка из **Мэгеруш** имеет 16 выступов, из которых только 5 или 6 составляют группы по три в ряд (рис. 11: 1). Остальные выступы — одинарные. Расположение одинарных и групповых выступов нерегулярное. Вероятнее всего, это последствие погрешностей литья. Диаметр браслета 9 см. И. Глодариу датирует такие вещи концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 66, fig. 4: 2).

На дакском поселении **Рэкэау де Жос** был найден фрагмент браслета с тремя сохранившимися группами по три выступа в ряд (рис. 11: 4). И. Глодариу датирует его концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 67, fig.2: 3).

Из **Трансильвании** (без привязки к местности) происходит ещё один браслет, на котором группы из трёх выступов в ряд, чередуются с группами по два в ряд, и есть участок с пятью одиночными выступами. Диаметр его 7 см (рис. 14: 8). И. Глодариу датирует его концом II в. до н.э. — I в. н.э. (Glodariu 1984: 67, fig. 5: 5).

Случайно найденный фрагмент браслета из **Войцеховки** составляет примерно $\frac{1}{5}$ часть круга, реконструируемый диаметр его — около 8,5 см (рис. 8: 3). Сохранились 3 группы выступов по три в ряд (Лысенко и др. 2013: прил. 1.3, № 17). Датировка этого браслета затруднена из-за отсутствия сопутствующих вещей, но географически и морфологически он сближается с браслетами из румынских памятников и может быть широко датирован концом II в. до н.э. — I в. н.э.

В погребениях **Неаполя Скифского** были найдены 23 изделия такого типа, из которых 7 — фрагменты. Диаметры целых браслетов от 5,7 до 9,5 см. Количество групп выступов варьировалось от 14 до 45 (рис. 9—10, 14: 4). Погребения с такими браслетами датируются в пределах I в. до н.э. — III в. н.э. (Бабенчиков 1957: 122, 128; Сымонович 1983: 10, 41—75; Пуздровский 1992: 187—188).

Найденный в сарматском погребении из кургана 8 могильника **Аккермень II** браслет имел 18 групп выступов по три в ряд и диаметр 6 см (Вязьмитина и др. 1960: 87, рис. 69: 13) (рис. 8: 1). На сегодняшний день, на основании инвентарного комплекса, это погребение можно датировать I в. н.э.⁴

На дакском поселении **Сигишоара** были найдены два браслета: один — диаметром 6,6 см и с 24 группами выступов по три в ряд (рис. 11: 10); второй — диаметром 6 см с семью группами выступов по три в ряд (некоторые выступы недолиты) (рис. 5: 10). Датируется памятник I в. н.э. (Glodariu 1984: 67, fig. 5: 4, 6).

В сарматском кургане 96 у **Большой Дмитриевки** был найден браслет (Волков 1888: 287; Максимов 1957: 159, рис. 2: 3) диаметром около 8 см с 30 группами выступов по три в ряд (рис. 8: 5). По сопутствующему инвентарю Е.К. Максимов датировал вещевой комплекс этого погребения не позднее I — начала II вв. н.э. (Максимов 1957: 160).

В могильнике **Озёрный** было найдено 3 браслета с шишечками: два в одном погребении — диаметрами 5,4 и 8,1 см с 22 и 29 группами выступов по три в ряд; и один — в другом погребении — диаметром 7 см с 41 группой выступов по три в ряд (рис. 11: 5—7). Н.А. Богданова датирует могильник I—II вв. н.э. (Богданова 1960: 1—3, табл. III: 6, VI: 4).

На позднескифском могильнике **Бельбек IV** было найдено 27 браслетов с шишечками и 4 фрагмента таких браслетов (рис. 6—7). Их диаметры от 4,6 до 8,6 см. Количество выступов варьируется от 10 до 50 групп по три в ряд. Почти все погребения с такими браслетами отнесены к I—II вв. н.э.

В разных погребениях могильника **Заветное** были найдены 2 браслета диаметрами 7 и 8 см (Богданова 1961: 9, 12, табл. 24: 4, 35: 11). У первого было 25 групп выступов по три в ряд (рис. 8: 6). А второй, кроме 25 таких же выступов имел и другие элементы декора, не повторившиеся нигде более (рис. 14: 3). Видимо, такое сочетание декоров было обусловлено исключительно фантазией мастера и не получило развития. В целом, могильник датируется I—III вв. н.э. А для погребения с браслетом смешанного декора дата уточнена — I в. н.э. (Богданова, Гущина 1964: 325, 328).

⁴ Автор благодарит В.С. Синику за консультацию.

В могильнике **Скалистое III** было найдено 3 целых браслета и 1 фрагмент. Целые браслеты имели диаметры от 6,5 до 8 см и от 38 до 51 групп выступов по три в ряд (рис. 11: 8, 12—14). Могильник датирован I—III вв. н.э. (Богданова 1964: 9, 21, 28, 34, табл. 21: 3, 55: 2, 71: 3, 83: 9).

В погребениях **Усть-Альминского** могильника было найдено 18 браслетов с шишечками по три в ряд, с диаметрами от 5,4 до 8,5 см и количеством групп выступов от 17 до 42 (рис. 12—13, 14: 9—10). Погребения с такими браслетами датируются концом I—III вв. н.э. (Высотская 1979: 25; 1994: 144; Пуздровский 2007: 168—170; 2007а: 284).

В состав **Бережанского**клада входили 7 браслетов с шишечками: диаметрами от 4,5 до 8 см с количеством групп выступов от 4 до 27 по три в ряд (рис. 5: 5—7, 13—16). Клад отнесён к переходному периоду от зарубинецкой культуры к черняховской и датирован концом II — началом III вв. н.э. (Винокур 1969: 17, рис. 3: 6—12).

Из сарматского погребения 1 кургана 9 у с. **Нагорное** происходит разомкнутый браслет диаметром около 7,8 см с 57 сохранившимися группами выступов по три в ряд (Гудкова и др. 1981: 82—84, табл. LXIX: 2) (рис. 11: 3). Комплекс датируется III в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1984: 49).

Один браслет диаметром 6,4 см и 15 группами выступов по три в ряд происходит из могильника **Молога II**, датированного II в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1982: 77, рис. 11: 7) (рис. 11: 2).

В некрополе **Херсонеса** были найдены 3 браслета такого типа. К сожалению, рисунок есть только для одного из них (рис. 11: 11). Если верить рисунку, этот браслет имел диаметр 4,5 см и 17 выступов по три в ряд. В.М. Зубарь датировал памятник I—IV вв. н.э. (Зубарь 1982: 94—95, рис. 61: 9).

В погребении в кургане у с. **Липовец** был найден браслет диаметром более 5 см (ЗРАО 1901: 292—293, рис. 83). Судя по фото, браслет имел не менее 21 группы выступов по три в ряд и в одном месте — какое-то невразумительное утолщение (необработанный литник?), которое невозможно толком рассмотреть (рис. 8: 11). По мнению О.В. Гопкало, погребение может датироваться I—IV вв. н.э.⁵

Из погребения 29 рязано-окского могильника **Кошибеево** происходит браслет с одиннадцатью группами выступов по три в ряд (Спицын 1901: 20, 60, табл. VII: 10) (рис. 8: 8). По набору вещей, погребение может быть датировано второй половиной или даже третьей четвертью IV в. н.э.⁶

* * *

Браслеты с шишечками по три в ряд изготавливались методом литья по восковой модели, чем объясняется их разнообразие — буквально ни один браслет не является точной копией другому, даже в одном погребении. Учитывая значительное количество таких изделий на памятниках Крыма и Румынии, можно говорить об их местном производстве. Отметим, что нередко использовались и явно бракованные при литье экземпляры. Зафиксированы так же три случая переделки обломка браслета с шишечками в некое подобие кольца.

Форма выступов была различной (даже на одном памятнике): шарообразной, овоидной, цилиндрической, усечено-конической, подпрямоугольной и даже околोगрибовидной. Последняя форма могла быть случайно получена при неаккуратной упаковке восковой модели в глину. Кроме того, как уже отмечалось выше, Т.Н. Высотская проследила случаи, когда прямоугольные выступы, в результате коррозии металла, деформируются и воспринимаются «как шишечки» (Высотская 1994: 111). Исследования показали, что форма и количество групп выступов у браслетов этого типа никак не зависят от их датировки.

⁵ Автор благодарит О.В. Гопкало за консультацию.

⁶ Автор выражает признательность О.В. Гопкало за консультацию.

А.В. Коренько и В.А. Найденко отмечали, что в Закавказье и на Северном Кавказе таких изделий как в Китаевке немного, но здесь они появляются раньше, чем в Восточной Европе (Коренько, Найденко 1977: 243).

Нами учтено 130 браслетов с шишечками (целых и фрагментов). Из них в Румынии было найдено 26 изделий; в Крыму — 86 шт. и ещё 18 штук — в других регионах.

Самую раннюю датировку для браслетов такого типа имеет фрагмент из Великой Палади (Закарпатье) — XIII в. до н.э. Хронологический разрыв с остальными браслетами огромен. Есть вероятность, что этот фрагмент ошибочно отнесён к кладу более раннего периода, поэтому его датировку мы использовать не будем.

Браслет из Предкавказья (Китаевка) и находки из Румынии датируются, в основном, концом II в. до н.э. — I в. н.э. Самые ранние комплексы с такими браслетами в Крыму имеют чуть более позднюю дату I в. до н.э. — I в. н.э., а самые поздние — III в. н.э. Редкие изделия такого типа, найденные в других регионах (от Карпат до Поволжья), датируются в широких пределах конец II в. до н.э. — конец IV в. н.э.

Таким образом, наиболее ранние вещи данного типа практически одновременно появляются в Предкавказье — единично, и в гораздо большем количестве — в Карпато-Дунайском регионе. Отсюда браслеты с шишечками в незначительном количестве распространяются в Северном Причерноморье и массово — в Крыму, где традиции их использования продолжают дольше.

По поводу назначения рассмотренных вещей нами было проведено отдельное исследование, в результате которого однозначно доказано использования данного типа украшений в качестве браслетов (Лысенко 2020: 428—436).

4. Хртаноцкие браслеты с выступами — это изделия с одинарными удлинёнными выступами. Три браслета из могильника в ущелье **Хртаноц** имеют один ряд выступов: два браслета — по 17 выступов и один — 6 (рис. 2: 10—11). Причём у двух первых браслетов выступы выглядят, как ножка с шаровидным окончанием, а у третьего — просто как ножка. На третий браслет были надеты бусины из белой массы и ракушка. А.А. Мартиросян датировал инвентарь Хртаноцкого могильника VII—VI вв. до н.э. Он подчёркивает, что подобные браслеты из могильников всего Закавказья ему неизвестны (Мартиросян 1954: 24, 28, 92). Безусловно, Хртаноцкие браслеты представляют собой совершенно отдельный самобытный тип, отнесённый в данную подборку довольно условно. Но, так как и автор раскопок описывает эти изделия, как браслеты с выступами и другие исследователи приводят их среди таковых, мы были вынуждены рассмотреть их в этой статье.

Заключение

Итак, браслеты, традиционно именуемые в литературе «браслетами с напаянными щитками», «браслетами с выступами» или «браслетами с шишечками», на наш взгляд разумно поделить на три типа:

1. Галыштатские браслеты с выступами — это браслеты с одинарными уплощёнными выпуклостями.

2. Латенские браслеты с выступами — это браслеты с одинарными выступами или группами по 2—5 выпуклостей, сгруппированных в розетки.

3. Позднеантичные браслеты с выступами — это браслеты с отдельностоящими одиночными выпуклостями и с выпуклинами по три в ряд:

вариант 1 — с одинарными выступами;

вариант 2 — с тремя выступами в ряд.

4. Хртаноцкие браслеты с выступами — это браслеты с одинарными удлиненными выступами (рис. 15).

В целом, *гальштатские браслеты с выступами* происходят из Галиции и Западной Волыни (7—8 экз.), а также 1 экземпляр из Среднего Поднепровья. Их датировки укладываются в период с XII по VI вв. до н.э. Интерпретацию данных изделий как браслетов подтверждает находка двух из них на костях рук погребённых.

Что касается *латенских браслетов с выступами*, то они найдены в Трансильвании и Северо-Западном Причерноморье, а также в Поднепровье: Нижнем, Среднем и Верхнем. Датируются они IV—III вв. до н.э. Наличие двух литейных форм позволяет говорить о возможном местном производстве браслетов с розетками, причём двумя разными методами — в двухстворчатой литейной форме (Ольвия) и литьём по восковой модели (Новые Батеки). Однако масштабы производства были явно незначительны, о чём свидетельствует небольшое количество найденных браслетов с таким декором (15 экз.). Использование данных изделий в качестве браслетов подтверждается фиксацией четырёх из них на костях рук погребённых.

Наибольшую группу браслетов с выпуклинами составили *позднеантичные браслеты с выступами* — 130 экз. Из них в познескифских могильниках Крыма было найдено 86 экз.; в дакских крепостях Румынии — 26 экз. и 18 экз. — в других регионах — от Карпат до Поволжья. Датировки браслетов из Румынии (конец II в. до н.э. — I в. н.э.) почти полностью совпадают с ранними комплексами Крыма (I в. до н.э. — I в. н.э.), хотя здесь традиции их использования продолжают значительно дольше — до III в. н.э.

Изготавливались такие браслеты методом литья по восковой модели. Значительное количество этих изделий на памятниках Крыма и Румынии может говорить об их местном производстве. Имеется по крайней мере 9 случаев фиксации браслетов с шишечками на костях рук погребённых, что однозначно свидетельствует об их использовании в этом качестве.

КАТАЛОГ

Гальштатские браслеты с выступами

Верхнее Поднепровье. К. Журовский опубликовал ряд вещей, собранных перед войной в частных музеях Львова и поступивших в Археологический отдел Львовского Исторического музея. Среди них *два цельнолитых овальных браслета*, происходящих из неизвестной местности Верхнего Днестра. По наружной стороне браслетов имелись уплощённые овальные выпуклины. Из-за сильной патины не удалось рассмотреть есть ли на них орнамент. Размеры: 12,5 × 8,8 см (Żurowski 1949: 155, 177, 194, tab. LIII: 2, 3; Бандриковский 2011: 6). Судя по рисунку, на одном браслете было 7 выступов, на другом — 8 (рис. 2: 1—2).

Залевки (Черкасская обл., Смелянский р-н), **клад**. В южной части раскопа 3 — «Замка» на глубине 0,35—0,4 м, найден бронзовый сосуд в форме низкого горшка или миски, который лежал на боку на обломках нижней части большого глиняного сосуда грубой работы с жёлтой, несколько подлощенной поверхностью. В бронзовом сосуде найдены бронзовые украшения и удила, лежавшие кучей внутри *браслета* (Третьяков 1949: 230, рис. 7: 6). Судя по рисунку, *браслет* имеет подовальное сечение и украшен уплощёнными овальными выступами, расположенными друг за другом по всей внешней поверхности

браслета (рис. 2: 8). По-видимому, изначально цельнолитое кольцо браслета было разомкнуто — концы несимметричны, а из одиннадцати выступов один — обрезан.

Петриков (Тернопольская обл., Тернопольский р-н), **могильник**.

При открытии могильника **на поверхности** земли были найдены кости, в том числе человеческие, фрагменты керамики и несколько бронзовых предметов. Среди них — **фрагмент литого браслета** с двумя выпуклинами и гравированным орнаментом между ними. Сохранилась $\frac{1}{4}$ часть браслета. Толщина — 0,5—0,6 см (Сытник 1987: 60—61, рис. 69: 2). Из-за плохого качества приведённой фотографии, изображение пришлось в значительной степени реконструировать (рис. 2: 4).

Погребение 150. Кости погребённого растащены плугом. Неподалёку от черепа найдены фрагменты черпака и небольшой **фрагмент браслета**. С внешней стороны изделия сохранились три округло-овальных выпуклины, между ними — гравированный орнамент. Длина фрагмента 6,3 см, толщина 0,5—0,6 см, вместе с выпуклиной — 0,7 см (Бандрівський 2005: 5, рис. 5: 4) (рис. 2: 3).

Н.С. Бандривский приводит изображение этих двух фрагментов браслетов (Бандрівський 2014: рис. 73: 16, 85: 4), на котором видно, что толщина фрагментов, орнамент и выпуклины идентичны. Можно предположить, что данные фрагменты — от одного изделия.

Рованцы (Волынская обл., Луцкий р-н), **погребение 67**. Ребёнок 5—6 лет лежал вытянуто на спине. Правая рука поднята к лицу. На правое предплечье надет **браслет**, украшенный с внешней стороны пятью овально-приплюснутыми выпуклостями. Браслет разомкнут, концы заходят друг за друга (для подгонки на левую руку). Диаметр браслета 5 см, сечение круглое, толщиной 0,5 см (Павлів 1993b: 25—26, рис. 7: 6; фото 10) (рис. 2: 5). Д.Ю. Павлив в публикациях пишет, что выпуклостей 6, но на всех рисунках (включая Отчёт о раскопках) чётко видны только 5 выпуклин.

Тяглов (Львовская обл., Сокальский р-н), **могильник**. **Погребение черепов 4 и 5** — к ним, видимо, относятся не только кости ноги с браслетом, но и кости руки с другим браслетом с выступами. Части локтевой и лучевой костей руки с надетым на них **браслетом**. **Браслет** разомкнут, украшен по внешней стороне четырнадцатью овально-приплюснутыми выпуклинами, расположенными одна за другой. Диаметр браслета 7,1 см, сечение овальное, толщиной 0,6 см. Размеры выпуклин — 5—7 мм (Павлів 1993a: 47, рис. 19: 17, фото 17) (рис. 2: 9).

Чехи (Львовская обл., Бродовский р-н, совр. Луговое).

Погребение 1 (из раскопок Шараневича). В конце XIX в. профессор Шараневич раскопал 350—370 погребений на могильнике высоцкой культуры. Результаты раскопок были опубликованы, но, видимо, очень поверхностно и столь же неполной была, по мнению Т. Сулимирского, фиксация находок при раскопках. Т. Сулимирский, по возможности, собрал воедино данные о погребениях — то, что смог идентифицировать. В погребении 1 был обнаружен скелет в сопровождении нескольких украшений, среди которых бронзовый **браслет**.

Бронзовый цельный **браслет**, диаметром 6 см, из гладкой округлой проволоки, толщиной 0,6 см, с внешней стороны, на равном расстоянии расположены 4 овальных щитка размерами 1 × 1,2 см (Sulimirski 1931: 62—63, tab. XXVI: 2) (рис. 2: 7).

Погребение 10 (из раскопок Шараневича). Скелет длиной 170 см, головой на Юг. Рядом с ним «красивый» бронзовый *браслет* диаметром 7 см (рис. 2: б) и бронзовая булавка.

Т. Сулимирский пишет о нём: *Браслет* бронзовый, имеющий ссылку в публикации Шараневича на табл. VII: 19, указан также и при погребении 8; речь здесь, должно быть, идёт о браслете (табл. XXVI: 18), который имел диаметр 7 см, а у Шараневича опубликован на табл. VII: 18. Браслет замкнут, из округлой проволоки, толщиной 0,5 см, на внешней стороне — ряд помещённых один за другим кружков диаметром около 0,7 см, общим числом 23 (Sulimirski 1931: 64, tab. XXVI: 18).

Латенские браслеты с выступами

Ацел (Румыния, округ Сибиу). В музее Сигишоара хранится кольцо (браслет), происходящий из частной коллекции. Условия находки неизвестны. Бронзовый браслет с тремя розетками из строенных выступов. Диаметры: внутренний — 5,2 и внешний (без выступов) — 7,3 см (Glodariu 1984: 64, fig. 1: 9) (рис. 4: 8).

Глиное (Молдавия, Слободзейский р-н), **курган 71, погребение 1**. Погребение скифское, основное. *Браслет* был найден на костях правой руки женщины 15—20 лет.

Браслет бронзовый цельнолитой, округлый в сечении. На внешней стороне обода равномерно расположены четыре группы приплюснуто-шаровидных спаренных шишечек: с трёх сторон по две (по линии перпендикулярной ободу), и с одной стороны — одна. Диаметр браслета 6,58 × 6,22 см; внутренний диаметр 5,72 × 5,33 см. Сечение браслета 4,5 × 4 — 4,8 × 5,2 мм (Тельнов и др. 2016: 432—437; Лысенко 2021b: 71) (рис. 4: 3)⁷.

Глиное-Сад (Молдавия, Слободзейский р-н), **курган 8, погребение 5**. Это основное погребение в кургане, отнесённое к скифской культуре. *Браслет* обнаружен на правом предплечье женщины 40—50 лет.

Браслет бронзовый, цельнолитой, линзовидный в сечении. С трёх сторон украшен группами из четырёх уплощённых выступов скомпонованных ромбом. Диаметр браслета — 7,2 см. Сечение браслета — 7 × 3 — 7,5 × 5 мм. Общие размеры выступов — 2,2 × 1,3 × 1 см (Синика и др. 2018: 84—86, рис. 7: 1; Лысенко 2021b: 71) (рис. 4: 1).

Глиное-Водовод (Молдавия, Слободзейский р-н), **курган 16, погребение 6**. Погребение скифское, основное для третьей насыпи. *Браслет* был надет на левую руку ребёнка.

Браслет бронзовый цельнолитой, подокруглый в сечении (рис. 4: 2). На почти равном удалении друг от друга на внешней стороне браслета расположены группы строенных приплюснуто-шаровидных шишечек. С двух сторон расположено по три шишечки; с одной — две. Четвёртая группа отсутствует из-за явного литейного брака. Возможно, что нехватка третьей шишечки на предыдущем выступе тоже связана с литейным браком. Диаметр браслета — 5,1 × 5 см; внутренний диаметр — 3,85 × 4,2 см. Сечение браслета — 5 × 4 — 5,5 × 5 мм; в месте брака литья — 3 × 4 мм. Общая ширина выступов — 1,1 × 1,15 см, диаметры шариков — до 6—7 мм (Синика и др. 2018: 70, рис. 69: 1, 3; Лысенко 2021b: 71).

⁷ Рисунок С.Д. Лысенко.

Золотая балка (Херсонская обл., Нововоронцовский р-н), **курган 13, погребение 5** (скифское, впускное). Ребёнок лежал скорчено на спине. Слева от головы лежали *бронзовые браслет* и подвеска.

Бронзовый браслет круглый литой с восемью миниатюрными боковыми выступами в виде пирамидок из трёх шариков, равномерно распределённых по окружности. Диаметр 6,3 см (Полин 2014: 71, рис. 39: 4) Сечение браслета подовальное (рис. 3: б).

Карловка (Полтавская обл., райцентр), **случайная находка**. М. Рудинский публикует *браслет* из собрания Полтавского музея без подробностей находки (Рудинский 1928: 50, 61, табл. VII: 1). Бронзовый **браслет** с семью розетками в виде строенных шариков. Так же имеется не спиленный литник (описание по рисунку). Если верить масштабу, указанному М. Рудинским, то диаметр браслета около 9 см, а сечение — 8—9 мм (рис. 3: 4).

Красный Перекоп (Херсонская обл., Каховский р-н) могильник, **курган 23 погребение 1** (скифское, двойное). На глубине 2,5 м в вытянутом положении лежали 2 костяка. От первого сохранились только остатки черепа, рёбра и кости ног. Он был сдвинут вправо при погребении второго костяка, от которого уцелели лишь левая рука — с массивным бронзовым *браслетом* на запястье — и кости ног (Лесков и др. 1970: 36—37, рис. 294).

Браслет бронзовый цельнолитой (кол. 641, ящик 8, № 28), с четырьмя одинарными равноудалёнными выступами-выпуклинами на внешнем контуре. Выступы небольшие, овальные в плане; два из них слегка уплощены. Сечение браслета асимметрично-линзовидное, слегка уплощённое по внутреннему контуру. Диаметр браслета внешний — $7,52 \times 7,5$ см; внутренний — $6,7 \times 6,4$ см; габариты по выступам — $8,05 \times 7,83$ см. Сечение — до $0,5 \times 0,6$ см; сечение по выступам — до $0,7 \times 0,65$ см. Длина выступов в основании — до 0,95—1 см; ширина — до 0,5 см (рис. 3: 3)⁸.

В.Г. Петренко описывает его, как браслет со сдвоенными выступами, расположенными в четырёх местах по внешней поверхности (Петренко 1978: 55). Но при осмотре изделия мы никакой сдвоенности не обнаружили.

Крихана Веке, курган 5, погребение 5 (Молдавия, Кагульский р-н) (скифское, двойное, женщины). Погребение ограблено в древности. Скелеты были нарушены во время ограбления. Видимо, скелет А (женщина, 40—45 лет) лежал вытянуто на спине, руки — вдоль тела. Кости второго скелета разбросаны хаотично. На ногах скелета А лежала в сочленении её же правая (?) рука, на плечевой кости — надеты *два бронзовых браслета* (1—2). Третий *браслет* лежал у стенки ямы (3).

1) **Бронзовый браслет** с четырьмя розетками из **счетверённых** выступов, расположенных ромбом. Сечение округлое. Диаметр браслета — 7,4 см, диаметр сечения — 0,7 см; размеры розеток — $1,75 \times 1,2$ см (Ciobanu и др. 2017: 95, рис. 25: 1) (рис. 4: 4).

2) **Бронзовый браслет** с тремя выступающими группами тройных кольцообразных выступов. Цельнолитой, снабжён с внутренней стороны желобком. Сечение полукруглое с выемкой. Диаметр браслета — 7,15 см; толщина — 0,4 см. Размеры украшений — $1,12 \times 1,15 \times 1,25$ см (Ciobanu и др. 2017: 95, рис. 25: 3) (рис. 1: 7).

3) **Бронзовый браслет** с тремя розетками из **строенных** выступов. Цельнолитой, в сечении подпрямоугольный со скругленными углами. Диаметр браслета — 7,6 см; толщина

---

⁸ Рисунок С.Д. Лысенко.

— 0,8 см; расстояние между розетками — $5,4 \times 6,2 \times 5,9$ см. Размеры розеток — $1,6 \times 1,5$ см (Ciobanu et al. 2017: 95, pl. 25: 2) (рис. 4: 5).

Муригиол (Румыния, Добруджа, р-н Тулча), два могильника с кремациями. Бронзовый *браслет* был случайно найден в первом могильнике.

Браслет бронзовый, цельнолитой из широкой полосы, с тремя группами по три горошинки каждая (Бужор 1958: 136, рис. 7: 11) (рис. 4: 6).

Новые Батекй (Смоленская обл., Смоленский р-н), **поселение**. В слое найдены круглые литые массивные браслеты (количество не указано), украшенные шишечками в виде четырёхлепестковых розеток. Один браслет имеет диаметр около 6 см, розетки распределяются неравномерно и расстояние между ними составляет от 0,8 до 1,4 см. Размер розеток в поперечнике 7×10 мм при высоте 6—7 мм (Шмидт 1963: 163—165, рис. 13: 6). Возможно, множественное число используется потому, что было найдено 2 фрагмента одного браслета (как видно по рисунку) (рис. 3: 7). Если реконструировать по рисунку недостающую часть браслета, то количество розеток будет равно 11.

В культурном слое найдены были капли пролитого металла и обломки нескольких *глиняных литейных форм*. Формы были сделаны по восковым моделям. Формы снаружи были округлы и лепёшковидны. С одной стороны выделялся воронкообразный выступ с отверстием для литья металла. Одна из форм предназначалась *для отливки круглого браслета с шишечками*. Найдена в обломках, её длина с воронкообразным выступом 15,3 см, максимальная ширина 11 см, толщина 3,5 см, диаметр воронки 5,5 см. Каждая шишечка браслета представляла собой как бы четырёхлепестковый цветок с округлым выступом в середине. Диаметр браслета около 6,5 см. По своему облику он совершенно аналогичен описанному выше браслету с этого же городища. Отличает их только расположение выпуклостей в «цветках» по отношению к стержню браслета. Данная форма, вероятно, не была использована; ещё до отливки она раскололась и была выброшена (Шмидт 1963: 162—163).

Окна Сибиулуй (Румыния, округ Сибиу). С территории города, вероятно, из погребения, происходят *два браслета*, сопровождавшиеся, кроме прочего, шлемом.

1. *Бронзовый браслет* украшенный тремя розетками по 4 выступа в каждой. Диаметр внутренний 6,3 см; внешний — 7,9 см (рис. 4: 7)

2. *Бронзовый браслет* с тремя розетками по три выступа. Диаметр внутренний 5,5 см; внешний — 6,7 см (Glodariu 1984: 66; Zirra 1971: Abb. 3: 11). К сожалению, изображение нам удалось найти только для одного браслета, да и то, довольно схематичное.

Ольвия (Николаевская обл., Очаковский р-н, с. Парутино). В 1940 г., на раскопе И, в сопровождении материалов IV—III вв. до н.э., была найдена одна часть двусоставной *литейной формы* на известняковой плитке. Она служила для отливки браслета, орнаментированного по внешней стороне группами округлых рельефных выступов. Каждый из выступов состоял из трёх шариков (Фурманська 1958: 48, табл. IV: 5). Стоит отметить, что количество шариков у готового изделия могло быть большим за счёт не сохранившейся второй части литейной формы (прим. автора). Если верить масштабу на фото в публикации, диаметр негатива браслета был около 7 см (рис. 3: 8).

Осота (Кировоградская обл., Александровский район). В 1840 г. при починке плотины, «крестьяне открыли в одном овраге, вымытом в глине водой, человеческий и конский скелеты. При них найдено много вещей, относящихся к убору и вооружению» (Похилевич 1864: 691). Из них уцелели только несколько вещей. И.И. Фундуклей приводит рисунки двух из них и перечисляет остальные: «истуканчик медный» (статуэтка бронзовая), длиной **около вершка**; «кольцо из такого же металла, с фигурами плодов» — *браслет бронзовый с розетками*; золотой перстень с зелёным стеклом; золотой перстень с красным кровавиком; золотая привеска от серьги; застёжка бронзовая; перстень бронзовый; две золотые пуговицы, сделанные в виде урн. Кроме того, И.И. Фундуклей пишет: «По работе кольца и истукана видно, что они не греческие».

Браслет бронзовый, судя по рисунку, был с четырьмя равноудалёнными строенными розетками, между которых расположены двойные (или тройные) дисковидные щитки-выпуклости (Фундуклей 1848: 73—74, рис. 13: б). Указанный И.И. Фундуклеем размер «бронзового истуканчика» — около вершка — даёт основание предполагать, что диаметр браслета — около 6,2—6,3 см (видимо, вещи нарисованы в натуральную величину) (рис. 4: 9).

Прусы (Черкасская обл., Смелянский р-н, совр. Михайловка), **курган 9**. В.В. Хвойко раскопал несколько курганов. Подробностей о раскопках нет. Среди находок он публикует (как часть конской узды) *два бронзовых кольца с шишечками* (ДП 1899: 27, табл. XX: 323), видимо, относя их к конской сбруе. Судя по фотографии — на обоих закреплён кожаный ремешок. В.Г. Петренко относит эти изделия к браслетам (Петренко 1967: 97, табл. 25: 10, 11).

1. Бронзовый литой браслет. Судя по фото, браслет украшен девятью розетками из строенных округлых шишечек (рис. 3: 1).

2. Бронзовый литой браслет. Судя по фото, украшен девятью группами по 2 шишечки в ряд (рис. 3: 2).

Тушемля (Смоленская обл., Починковский р-н, близ д. Мокрядино, на берегу р. Тушемля), **поселение**. В нижнем слое найдены обломки двух литых гальштатско-латенских браслетов, один из которых был украшен шариками и полукруглыми выпуклостями, образующими как бы грозди (Третьяков 1963: 47, рис. 14: 4) (рис. 3: 5).

Позднеантичные браслеты с выступами

Аккермень II (Запорожская обл., Мелитопольский р-н, с. Ново-Филипповка), **курган 8** (сарматский). Костяк (женский) лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Среди инвентаря было *три браслета разных типов*. Один — на запястье правой руки, второй — справа от позвоночника, на поясе, и ещё *третий* — *с шишечками* — лежал на правом крыле таза. Все браслеты имели одинаковый диаметр. *Бронзовый литой браслет* с восемнадцатью поперечными рядами по три шишечки, расположенных обособленно (в ряд). Диаметр браслета 6 см, сечение круглое (Вязьмитина и др. 1960: 87, рис. 69: 13) (рис. 8: 1).

Бельбек IV (Крым, Севастополь), **некрополь**.

Погребение 3 (возможно, женское). Раскрыто во втором капонире, разрушено. Среди прочего, в нём найден бронзовый *браслет с выступами-шишечками*. Середина — третья четверть I в. н.э. (Гущина 1969: 2, рис. 4а; Гущина, Журавлёв 2016: 120, табл. 5: 2). Браслет имел 32 группы по три выступа в ряд и диаметр: внешний 8—8,3 и внутренний 6,6—7,1 см (рис. 6: 1).

Погребение 29. От костей остался только тлен. Кроме прочих вещей, в центре могилы, в области костей рук находились два браслета со змеиными головками и *два браслета различного диаметра с выступами-шишечками*. Последняя четверть I — возможно, начало II в. н.э. (Гущина 1970: 3, рис.8: *a, и*; Гущина, Журавлёв 2016: 124—125, табл.19: 20—21). Большой браслет имел 29 групп выступов по три в ряд и диаметр внешний 8,3—8,6 см и внутренний 7,1—7,4 см. Меньший браслет имел 22 группы выступов по три в ряд и диаметр внешний 5,4—5,5 см и внутренний 4,5—4,6 см (рис. 6: 3, 5).

Погребение 34. На дне камеры лежал на спине скелет погребенной женщины, руки вытянуты вдоль тела, голени ног сдвинуты. Среди прочих украшений, на правом запястье был надет браслет с расплюснутым концом, рядом с этим же запястьем — *бронзовый браслет с выступами-шишечками*, глиняное пряслице и бронзовый колокольчик. Конец I — начало II в. н.э. (Гущина 1970: 4, рис. 12: *б, д*; Гущина, Журавлёв 2016: 126, табл. 23: 7). Браслет имел 22 группы выступов по три в ряд и диаметр внешний 5,9 см и внутренний 5—5,1 см (рис. 6: 4).

Погребение 38. Скелет очень плохой сохранности, лежал на правом боку, ноги подогнуты в коленях. Среди прочих украшений — около костей рук (локтевого сгиба) найден бронзовый *браслет с выступами-шишечками*. Последняя четверть I — начало II в. н.э. (Гущина 1970: 5, рис.15: *a, б*; Гущина, Журавлёв 2016: 126—127, табл. 25: 4). Судя по рисунку, это довольно неаккуратно отлитый браслет — из десяти групп выступов только 6 состоят из 3 выступов в ряд, у остальных — из-за литейного брака не вылиты наружные выступы. Диаметр внешний 4,8 см и внутренний 4 см (рис. 5: 4).

Погребение 39. Во второй камере — **погребение 39(2)** — кости не сохранились. На дне камеры найдены украшения, среди которых был *браслет с выступами-шишечками и фрагмент аналогичного браслета*. Вторая половина I — первая четверть II в. н.э. (Гущина, 1970: 5, рис.16; Гущина, Журавлёв 2016: 127, табл. 26: 10, 9 — соотв.). Целый браслет имел 50 групп выступов по три в ряд и диаметр внешний 7,8 см и внутренний 7 см. Фрагмент второго браслета имел 7 сохранившихся выступов (рис. 6: 2, 14).

Погребение 47. Кости не сохранились, но, судя по тлену от них, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Среди прочих вещей, в центре могилы найден *браслет с выступами*. Последняя четверть I — начало II в. н.э. (Гущина 1970: 7, рис. 21: *a, б*; Гущина, Журавлёв 2016: 129, табл. 32: 8). Браслет имел 24 группы выступов по три в ряд и диаметр внешний 5,2—5,5 см и внутренний 4,7—4,9 см (рис. 6: 6).

Погребение 62. Костяк плохой сохранности, лежал вытянуто на спине. Кроме прочих вещей, у костей правой ноги был железный нож и *бронзовый браслет с выступами-шишечками*. Конец I — первая половина II в. н.э. (Гущина 1971: 5, рис. 16, 17в; Гущина, Журавлёв 2016: 132, табл. 39: 10 — рисунок дублирован из погребения 63). Судя по фото в отчёте, браслет имел 19 групп выступов по три в ряд и диаметр внешний 4,8 см и внутренний 3,8—4 см (рис. 6: 8).

Погребение 63. Скелет (пол неясен) лежал вытянуто на спине, сохранность костей очень плохая. Кроме прочих вещей, у запястья левой руки был найден *бронзовый браслет с выступами*. Первая половина II в. н.э. (Гущина 1971: 5, рис. 18, 19г; Гущина, Журавлёв 2016: 132, табл. 40: 3). Браслет имел 18 групп выступов по три в ряд (небольшие погрешности литья) и диаметр внешний 4,8—5 см, внутренний 4,1—4 см (рис. 6: 9).

Погребение 70. Скелет очень плохой сохранности (сохранились лишь незначительные фрагменты черепа и части костей рук). В районе кисти правой руки лежали бронзовая фибула, браслет с окончаниями в виде змеиных головок, *браслет с выступами*, раковина каури, фрагмент стеклянного сосуда, бусы, просверленная галька, бронзовые колокольчики.

Конец I — первая половина II в. н.э. (Гущина 1971: 7, рис. 27: *а, ж*; Гущина, Журавлёв 2016: 133, табл. 43: 3). Браслет имел 13 групп выступов по три в ряд и диаметр внешний 5,3—5,4 см и внутренний 4,3—4,4 см (рис. 6: 7).

Погребение 81. От костяка сохранились только кости голени. У левой руки лежали: кувшин, **бронзовый браслет с выступами**, три колокольчика, прикрепленные к бронзовому изображению головы быка, заклепка от щита во вторичном использовании, раковина, неопределенный железный предмет, бронзовое кольцо и бляшка (возможно, они лежали вместе в мешочке для амулетов). В месте предполагаемого нахождения правой руки лежали четыре бронзовых браслета и другие украшения. Около середины II в. н.э. (Гущина 1972: 3; Гущина, Журавлёв 2016: 135—136, табл. 49: 10). Браслет имел 42 группы выступов по три в ряд и диаметр внешний 7,6 см и внутренний 6,4—6,6 см (рис. 6: 12).

Погребение 106. Скелет очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине. У левой руки лежал **бронзовый браслет с выпуклыми шишечками**, ажурная подвеска с такими же выпуклинами, колокольчик и подвеска-шишка. Имелись и другие украшения. Вторая—третья четверти II в. н.э. (Гущина 1973: 1, рис. II: 1, III: 12; Гущина, Журавлёв 2016: 140, табл. 62: 9). На плане видно, что браслет находился на кости левого предплечья. Сохранился в 2 фрагментах с 31 группой выступов по 3 в ряд. Диаметр определяется — внешний 6,5—6,9 и внутренний 5,8—6,1 см (рис. 6: 13).

Погребение 108. Скелет не сохранился, лишь тлен от костей. Кроме прочих украшений, в области левой руки был **бронзовый браслет с шишечками**, пирамидальный колокольчик, две ажурные подвески, бронзовая фигурная подвеска (деталь римской упряжи), бронзовая заклепка, бронзовое кольцо, проволочная оплетка для вставки, а также бронзовая фибула в обломках. Первая половина II в. н.э. (Гущина 1973: 2, рис. VI: 1, VII: 11, 12; Гущина, Журавлёв 2016: 141, табл. 64: 7—8). В отчёте на плане и в описании второй браслет не значится — он есть только на фото. Большой браслет имел 24 сохранившихся группы выступов по 3 в ряд ($\frac{1}{4}$ часть изделия отсутствует). Диаметр внешний 5,5—5,7 см и внутренний 4,9—5 см. Маленький браслет имел 20 групп выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 4,2—4,6 см и внутренний 3,7—3,8 см (рис. 6: 10—11).

Погребение 132. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине. Среди инвентаря: на левой руке были бронзовый **браслет с шишечками** и браслет с утолщениями на концах. Первая четверть II в. н.э. (Гущина 1974: 2—3, рис. 13: *ж*; Гущина, Журавлёв 2016: 146, табл. 81: 25). Браслет имел 31 группу выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 8,5 см и внутренний 7,6—7,7 см (рис. 6: 15).

Погребение 156. Скелет женщины лежал, судя по следам тлена, вытянуто на спине. Кроме прочих украшений, в области костей рук были два бронзовых круглопроволочных браслета и 1 **браслет с выступами**. Конец I — первая четверть II в. н.э. (Гущина 1974: 12, рис. 126; Гущина, Журавлёв 2016: 152, табл. 96: 13). Браслет имел 28 групп выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 7,2—7,4 см и внутренний 6,4—6,6 см (рис. 7: 1).

Погребение 158. Скелет очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине. Кроме прочих вещей, на тазу и около рук лежали бронзовые зеркало—подвеска, **два браслета с округлыми выступами**, пирамидальный колокольчик, пряжка. Первая половина II в. н.э. (Гущина 1975: 1, рис. 2: *а, з, д*; Гущина, Журавлёв 2016: 152, табл. 99: 7, 13). На плане в отчёте — браслеты нарисованы на запястье левой руки. Один браслет имел 26 групп выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 7,8—8 см и внутренний 6,9—7,3 см. Вторым браслет — 48 групп выступов и диаметр внешний 7,8—8,4 см и внутренний 7,2—7,5 см (рис. 7: 2—3).

Погребение 159. Скелет очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине. Кроме прочих украшений, на левой руке было 2 браслета: один — с концами в виде змеиных

головок, *другой — с тремя рядами округлых выступов*. Первая половина II в. н.э. (Гущина 1975: 2, рис.2: а, и; Гущина, Журавлёв 2016: 152—153, табл. 97: 17). Браслет имел 26 выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 6,2 см и внутренний 5,6 см (рис. 7: 5).

Погребение 175. Скелет очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине. Кроме прочих украшений, у правой руки — два бронзовых браслета: один — с утолщениями на концах, *другой — с тремя рядами округлых выступов*. Последняя четверть I в. н.э. (Гущина 1975: 8, рис.19: а, з; Гущина, Журавлёв 2016: 156, табл. 112: 7). Браслет имел 24 группы выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 5,4—5,6 см и внутренний 4,9—4,8 см (рис. 7: 4).

Погребение 183. Костяк лежал вытянуто на спине. Среди других вещей, у левой руки найдены бусы и *браслет с выступами-шишечками*. Конец I в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 158, табл. 118: 8). Браслет имел 25 групп выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 6,2—6,8 см и внутренний 5,2—5,8 см (рис. 7: 6).

Погребение 191. Скелет женщины лежал вытянуто на спине. Кроме прочих украшений, на костях правой руки было два браслета: с расплюснутыми фигурными концами и со змеиными головками. На другой руке — два таких же браслета и круглопроволочный *браслет с тремя рядами округлых шишечек*. Конец I — первая четверть II в. н.э. (Гущина 1981: 2, рис. 10; Гущина, Журавлёв 2016: 160—161, табл. 124: 11). Браслет имел 34 группы выступов по 3 в ряд и диаметр внешний 7—7,4 см и внутренний 6,2—6,6 см (рис. 7: 12).

Погребение 204. На дне камеры найдены следы тлена от детского скелета и молочные зубы. Кроме прочих вещей, около левой руки был найден *обломок бронзового браслета с шишечками*, колокольчик, обломок бронзового предмета с отверстием. Последняя четверть I в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 163—164, табл. 134: 10). Фрагмент браслета имеет 10 сохранившихся групп выступов по 3 в ряд (рис. 7: 7).

Погребение 230. Погребенный лежал на дне вытянуто на спине, кисть левой руки на костях таза. Кроме прочего, у локтевой кости были найдены *обломок бронзового браслета с шишечками* и фрагмент неопределенного предмета с отверстием. Середина — вторая половина II в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 171, табл. 157: 7). Фрагмент имел 5 групп по 3 выступа в ряд (рис. 7: 8).

Погребение 238. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине. Среди многочисленных украшений, в области кисти левой руки лежали: два бронзовых браслета с окончаниями в виде змеиных головок, цилиндрическое навершие, три маленьких полусферических колокольчика, обломок зеркала-подвески, подвеска-сфера, *три браслета с шишечками* (один целое, два — в обломках), пять круглопроволочных перстней, все со вставками (два с геммами, один — с рельефным изображением), треугольная подвеска, раковина каури. Вторая—третья четверти II в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 173—174, табл. 164: 9, 13, 15). Целый браслет имел 42 группы выступов и диаметр внешний 6,1—6,3 см и внутренний 5,3—5,6 см. Второй браслет с 21 сохранившейся группой выступов ($\frac{2}{3}$ окружности) и диаметром внешним 5 см и внутренним 4,4 см. Третий браслет состоял из 2 фрагментов ($\frac{3}{4}$ окружности) и имел 20 сохранившихся групп выступов по 3 в ряд с диаметром внешним 7—7,2 см и внутренним 6,2—6,4 см (рис. 7: 9—10, 15).

Погребение 286. Погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука положена на кости таза. Кроме прочего, около правой руки было *браслет с шишечками*. Первая половина III в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 185, табл. 195: 11). Судя по рисунку, браслет имел 43 группы по 3 выступа в ряд и диаметр внешний 7,1—7,4 см и внутренний 7—6,7 см (рис. 7: 13).

Погребение 312. Умершая женщина лежала вытянуто на спине. Кроме прочих вещей, у левой руки было найдено *бронзовый браслет с выступами*, гладкое кольцо, ажурная подвеска и колокольчик. Конец I — начало II в. н.э. (Гущина, Журавлёв 2016: 191—192,

табл. 209: 4). Браслет имел 23 группы по 3 выступа в ряд и диаметр внешний 5,7 см и внутренний 5,1 см (рис. 7: 11).

Погребение 325. Погребенная женщина лежала на спине, правая рука положена на таз. Кроме прочих вещей, около левого бедра был найден железный нож, кольцо с несомкнутыми концами, маленькие колечки с остатками органики, зеркало-подвеска, подвеска-сфера, *браслет с выступами*, а также несколько небольших обломков. Вторая половина II — начало III в. н.э. (Гушина, Журавлёв 2016: 194, табл. 216: 7). Браслет имел 46 групп по 3 выступа в ряд и диаметр внешний 7,6—7,8 см и внутренний 6,6—6,9 см (рис. 7: 14).

Бережанка (Хмельницкая обл., Чемеровецкий р-н), **клад.** В 1965 г. в усадьбе местной жительницы на глубине 0,8—0,9 м был обнаружен раздавленный лепной сосуд, в котором лежали стеклянные и металлические изделия. Среди них было 7 *бронзовых литых браслетов*, украшенных тройными рядами «шишечек» (Винокур 1969: 17). Минимальный диаметр браслетов указан с опечаткой, а масштаб самого большого изделия не соответствует указанным 8 см. Если пересчитать диаметры изделий, исходя из максимального восьмисантиметрового диаметра, то получаем, что даже самый маленький из них мог бы использоваться как браслет (детский):

1) **Браслет 1** имел 4 группы выступов; диаметр внутренний 3,8 см и внешний 4,5—4,7 см (Винокур 1969: рис. 3: 6) (рис. 5: 6);

2) **Браслет 2** — 4 группы выступов; диаметр внутренний 4,2—4,5 и внешний 5—5,4 см (Винокур 1969: рис. 3: 7) (рис. 5: 5);

3) **Браслет 3** — 5 групп выступов; диаметр внутренний 4,5 и внешний 5,3 см (Винокур 1969: рис. 3: 8) (рис. 5: 7);

4) **Браслет 4** — 27(?) групп выступов; диаметр внутренний 5—5,5 и внешний 6—6,5 см (Винокур 1969: рис. 3: 9) (рис. 5: 15);

5) **Браслет 5** — 12 групп выступов; диаметр внутренний 6,1—6,9 и внешний 8 см (Винокур 1969: рис. 3: 10) (рис. 5: 13);

6) **Браслет 6** — 19 групп выступов; диаметр внутренний 5 и внешний 6 см (Винокур 1969: рис. 3: 11) (рис. 5: 16);

7) **Браслет 7** — 8(9) групп выступов; диаметр внутренний 6—6,3 и внешний 7—7,5 см (Винокур 1969: рис. 3: 12) (рис. 5: 14).

Клад отнесён к переходному периоду от зарубинецкой и черняховской культуре и датирован концом II — началом III в. н.э. (Винокур 1969: 21).

Битак (Крым, г. Симферополь), **могильник.**

Склеп 155, ярус 2. Среди инвентаря был фрагмент *браслета с шишечками* по три в ряд, переделанный после поломки в кольцо (Пуздровский 2007: рис. 42: 2). Сохранилось 16 групп выступов (рис. 14: 7).

Большая Дмитриевка (Саратовская обл.), **Курган 96** (сарматский). Скелет по тазовой кости определён женским (?). Тут же найдены разные предметы женского туалета и кухни. Среди них литой *бронзовый браслет* (Волков 1888: 287). Бронзовое литое кольцо с выступами-шишечками, расположенными по всей поверхности кольца. Одна пара шишечек соединена (литник). Выступы-шишечки имеют следы действия высокой температуры (Максимов 1957: 159, рис. 2: 3). Судя по фото, браслет имел 30 групп выступов по три в ряд и диаметр около 8 см (рис. 8: 5).

Великая Паладь (Закарпатская обл., Виноградовский р-н). В 1956 г. при добыче глины здесь был найден клад, включавший бронзовый втульчатый топор-чекан и 14 разнотипных браслетов. Среди них был фрагмент *браслета с шишечками*, обломанный в древности (судя по патине на сломе).

Обломок *браслета*, внешняя сторона которого украшена тремя отдельно стоящими довольно крупными зёрнами в ряд. Сохранилось 6 рядов. Расстояние между группами разное — 1,2—1,6 см. Толщина браслета 0,7 см, диаметр — 6 см (Потушняк 1958: 79—81, табл. XLVI: 2d) (рис. 8: 2)⁹. Потушняк датирует клад НаА — по Рейнеке. Видимо, позже на этом месте велись раскопки поселения (Балагури 2001: табл. 4: 378). Э.А. Балагури относит топор—чекан из Великой Палади к BrD (Балагури 2001: табл. 10). Кроме того, он указывает, что клад был найден на поселении и содержал 100 предметов. Исследователь относит этот памятник к культуре Станово (Балагури 2001: 369).

Войцеховка (Житомирская обл., Романовский р-н, совр. Колосовка), **случайная находка**. На площади курганный группы 6 Войцеховского могильника (Колодяжное-2) был найден ряд металлических изделий эпохи поздней бронзы — раннего железного века. Среди них был *фрагмент бронзового браслета* с выступами. Выступы подовально-выпуклые, расположены обособленно, по три в ряд. Сохранилось 3 ряда. Реконструируемый внешний диаметр браслета 8,5 см, внутренний 7 см. Сечение круглое — 6—7 мм (Лысенко и др. 2013: прил. 1.3: № 17) (рис. 8: 3)¹⁰.

Галиш-Ловачка (Закарпатская обл., Мукачевский р-н), **поселение**. В XIX в. в слое поселения был найден массивный круглый *бронзовый браслет*, отлитый якобы в двусторонней форме. Внешняя поверхность его украшена тремя рядами шарообразных выступов и двумя параллельными углублениями. Диаметр браслета 10 см (Бідзіля 1964: 125, табл. VIII: 19; Бидзіля, Шукин 1993: XXVI: 21) (рис. 14: 1). Судя по рисунку, браслет имеет необычный в разрезе стержень.

Гежа (Румыния, округ Муреш, коммуна Лудуш). В музее Клуж хранится браслет с семнадцатью группами выступов по три в ряд. Условия находки неизвестны. Диаметр: внутренний 4,8 и наружный 5,55 см. Тип III/2 по Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 4: 10) (рис. 8: 4).

Долиняны (Черновицкая обл., Хотынский р-н), **погребение 22**. Кремация. На дне ямки лежали пряслице, нож, 3 фибулы, *браслет*, оплавленные стеклянные бусы, бронзовый каплевидный слиток, спёкшийся железный предмет.

Массивный *бронзовый браслет*, отлитый, видимо, по восковой модели. Украшен в пяти местах отдельно стоящими выступами по три в ряд. Диаметр браслета 7—7,3 см, сечение круглое (Смирнова 1981: 201, рис. 7: 6; Каспарова, Максимов 1993: 92, табл. XXX: 8). Кольцо браслета разомкнуто, возможно, подгонялось под размер (рис. 5: 12).

⁹ Автору пришлось сделать реконструкцию изображения по очень неразборчивой фотографии.

¹⁰ Рисунок С.Д. Лысенко.

Заветное (Крым, Бахчисарайский р-н), **могильник**.

Могила 189. Костяк очень плохой сохранности — сохранились только длинные кости рук и ног. На правой берцовой кости лежал *браслет с шишечками* диаметром 7 см (Богданова 1961: 9, табл. 24: 4). Судя по фото, браслет имел 25 групп выступов по три в ряд (рис. 8: 6).

Могила 194. Сохранился только тлен от костяка. Среди инвентаря был *бронзовый браслет* на котором шишечки (по три в ряд) сочетались с другими элементами декора (рис. 14: 3). Диаметр браслета 8 см (Богданова 1961: 12, табл. 35: 11). По красноглиняному и стеклянному сосудам погребение датировано I в. н.э. (Богданова, Гущина 1964: 328, рис. 2: 5).

Китаевка (Ставропольский край, Новоселицкий р-н), **курган 6, погребение 2** (мужское). Скелет лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Среди прочего инвентаря — ближе к колену найдены: оселок, фрагменты пряжки, бусины, *бронзовое кольцо (браслет) с подвеской*.

Бронзовый литой браслет диаметром 7,2 см, украшенное в 13 местах тремя рядами отдельных шишечек (рис. 14: 5). На двух шишечках к кольцу была присоединена бронзовая подвеска в форме скифо-сарматского котла со сферическим туловом, поддоном и двумя вертикальными ручками (Коренько, Найденко 1977: 238, 242—243, рис. 4: 1).

Костешть (Румыния, округ Хунедоара, коммуна Орэштиоара де Сус). В дакской крепости были обнаружены 15 изделий с выступами, подавляющее большинство — в раскопках между двумя мировыми войнами. Только одно из них по аналогии было не известно в Печике. Семь изделий по размерам соответствуют браслетам:

1. *Браслет* подовальной формы с неравномерной толщиной стержня и пятью нерегулярно расположенными крупными одиночными выступами. Диаметр внутренний 3,7, внешний 4,4 см. Тип I/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 65, fig. 1: 3) (рис. 5: 8);

2. *Браслет* с тремя группами по три выступа. В святилище I. Диаметр: внутренний 4,1 и внешний 4,9 см. Тип I/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64 — без иллюстрации);

3. *Браслет* с 17 группами выступов. Найден в святилище IV. Диаметр: 4,2 и 5,6 см. Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64 — без иллюстрации);

4. *Браслет* с 15 чередующимися группами выступов (одна группа с большими, другая с маленькими и т. д.). Найден между башнями VI и VII. Диаметры: внутренний 7,9 и внешний 8,9 см. Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64 — без иллюстрации);

5. Фрагменты *браслета* с сохранившимися девятью группами выступов; в одной группе выступы неровные. Найден в святилище 1. Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: fig. 2: 2) (рис. 8: 10);

6. *Браслет*, у которого часть групп из трёх выступов отсутствует. В святилище 1. Диаметры: 4,3 и 6,2 см. Тип II/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64 — без иллюстрации);

7. *Браслет* с 24 группами на разных расстояниях и с грубыми выступами. Найден над лестницей. Диаметры: 5,1 и 6,5 см. Тип II/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64 — без иллюстрации);

8. Фрагмент *браслета*, переделанный в кольцо (рис. 14: 2). Тип III/2, фрагментарный, по И. Глодариу. Оставшаяся часть была согнута в форме кольца (Glodariu 1984: fig. 4: 6). На террасе между башнями VI и VII. Диаметры: 1,5 и 2,7 см.

Кошибеево (Рязанская обл., Елатомский р-н), **погребение 29**. От костяка сохранилась лишь часть зубов. Среди инвентаря — большое медное кольцо (браслет) с одиннадцатью узелками или выступами по краю (Спицын 1901: 20, 60, табл. VII: 10). Судя по прорисовке, выступы расположены по три в ряд. Диаметр браслета около 7 см (рис. 8: 8).

Крайва (Румыния, округ Алба, коммуна Крикэу). Во время археологических исследований дакской крепости в Пятра Крайва были обнаружены 15 колец с выступами разных типов. Пять из них по размерам соответствуют браслетам:

1. **Браслет** с четырьмя большими выступами на кольце. Диаметры: 4,5 и 5,8 см. Тип I/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 65, fig. 1: 2) (рис. 5: 2);

2. **Браслет** неодинаковый по толщине с 19 группами выступов. Диаметры: внутренний 9,6 и наружный 11 см. Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 2: 10) (рис. 8: 14);

3. **Браслет** с 17 группами выступов. Диаметры: внутренний 5,5 и наружный 6,6 см. Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 3: 5) (рис. 8: 13);

4. **Браслет** с двумя группами из трех выступов и остальные по одному. Диаметры: 4,2 и 5,3 см. Тип II/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 3: 6) (рис. 8: 9);

5. **Браслет** с пятью выступами, нерегулярно расположенными. Диаметр: 4 и 4,9 см. Тип IV/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 5: 9) (рис. 14: 6).

Ещё одно изделие, опубликованное И. Глодариу без промеров, вероятнее всего, может быть отнесено к категории **браслетов** — это массивное кольцо с «грубыми» подпрямоугольными выступами (рис. 8: 7). Всего — 26 групп выступов по три в ряд. Тип III/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66, fig. 5: 1).

Кэпилнат (Румыния, округ Алба, коммуна Сэсчиорь). Во время археологических раскопок в разных местах внутри дакской крепости были обнаружены восемь разных типов колец с выступами, два из которых по размерам могли быть браслетами:

1. **Браслет** с неравномерной толщиной кольца, с четырьмя группами по три отдельно стоящих грибовидных выступа (рис. 5: 11). Найден на террасе В, секция Х. Диаметры: внутренний 4,7 и наружный 5,4 см. Отнесён к типу I/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64, fig. 1: 8);

2. **Браслет** с выступами, расположенными группами по два и три (рис. 8: 12). Браслет разомкнут. Найден на террасе F, секция VI. Текущие диаметры: 6,2—6,5 и 6,7—7,3 см. Отнесён к типу II/3 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 64, fig. 3: 4).

Липовец (Киевская обл., Кагарлыкский р-н). В 1893 г. О.И. Макаревич произвёл здесь небольшие раскопки курганов. В первом из раскопанных курганов очень близко к поверхности оказался вытянутый скелет, уничтоженный по локоть более поздним погребением. На руках погребённого были низки бусин, возле ступней разбросан бисер. Между пальцами левой руки и коленом лежали вместе: большая раковина, камень с отверстием, в которое вставлена медная трубка и **медное кольцо (браслет)** более 5 см в диаметре известного типа с шипами (с выступами). Сверху к этим предметам примыкали ведёрковидные подвески (ЗРАО 1901: 292—293, рис. 83). Судя по фото, браслет имел не менее 21 группы выступов по три в ряд и какое-то нагромождение выступов, литейный брак или остатки ремешка — невозможно толком рассмотреть (рис. 8: 11). По мнению О.В. Гопкало, погребение может датироваться I—IV вв. н.э.¹¹

¹¹ Автор благодарит О.В. Гопкало за помощь в датировке комплекса.

Молога II (Одесская обл., Белгород-Днестровский р-н), **могильник**.

Склеп 2 (частично уничтожен оврагом). Содержал 5 костяков, лежавших очень тесно, попеременно валетом — видимо, захоронения происходили почти одновременно, и останки ещё не успевали полностью разложиться. **Погребение V**. Костяк вытянут на спине. На груди слева — бронзовая ведёрковидная подвеска и фибула, возле левого предплечья — кольцо-амулет (*браслет*) *с выступами* и продетый через него железный нож (Гудкова, Фокеев 1982: 77, рис. 11: 7). Судя по рисунку, браслет имеет 15 групп выступов по три в ряд и 6,4 см в диаметре (рис. 11: 2).

По совокупности находок на памятнике А.В. Гудкова и М.М. Фокеев датируют его II в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1982: 103).

Мэгерушь (Румыния, округ Муреш, коммуна Надеш). *Браслет с 16 маленькими грибовидными выступами*, в большинстве — одинарными. Условия находки неизвестны. Диаметр 9 см. И. Глодариу относит его к типу II/2 (Glodariu 1984: 66, fig. 4: 2) (рис. 11: 1).

Нагорное (Одесская обл., Ренийский р-н), **курган 9, погребение 1** (основное, сарматское, грабленое). Сохранилась только часть костяка — таз и ноги. Кроме прочего, в заполнении было найден *браслет с шишечками* (Гудкова и др. 1981: 82—84, табл. LXIX: 2). Судя по фото, браслет разомкнут, сохранилось 57 групп выступов по три в ряд (рис. 11: 3). Диаметр внешний — около 7,8 см, внутренний — 7 см. Комплекс датируется III в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1984: 49).

Неаполь Скифский (Крым, Симферополь), возле которого были исследованы различные группы погребальных сооружений, в том числе склепы и грунтовые погребения. Раскопки проводились в разные годы разными людьми.

Э.А. Сымонович опубликовал вещи из **дореволюционных раскопок и случайные находки**, среди которых: *браслет* с тридцатью группами выступов по три в ряд (масштаба нет) (рис. 9: 1); Фрагмент *браслета* (примерно $\frac{1}{3}$ круга) с сохранившимися пятнадцатью группами выступов по три в ряд (рис. 9: 3); *Браслет* малый с двадцатью пятью группами выступов по три в ряд (рис. 9: 2) (Сымонович 1983: 10, рис. 4: 8, 14, 15 — соответственно).

В.П. Бабенчиков упоминает, что в раскопанных им в 1947—1948 гг. тридцати погребениях «браслеты с “горошками” “сарматского типа”» встречались редко. Количество не оговаривается. Рисунок дан только для одного — из **могилы № 20** (Бабенчиков 1957: 122, 128, табл. III: 5). Подробностей нет. Судя по рисунку, *браслет с шишечками* имел 24 группы выступов по три в ряд и диаметр около 6,5 см (рис. 9: 4).

В 1983 г. раскопки могильника проводились разными отрядами и опубликованы разными авторами.

Могила 26, погребение 2. Скелет женщины вытянут на спине, левая рука согнута в локте. Кроме прочего инвентаря, в полотняном мешочке (?) возле левой руки зафиксированы **два фрагмента бронзовых браслетов** (или одного браслета) с выступами с заглаженными местами изломов. Время захоронения вторая половина II—III в. н.э. (Сымонович 1983: 63—64, табл. XLIII: 30, 33). В другой главе монографии Э.А. Сымонович пишет, что «под левой рукой погребённой лежали остатки сумочки из ткани...» (Сымонович 1983: 97)¹². Судя по рисунку в отчёте, *большой фрагмент* составлял почти $\frac{1}{2}$ круга, имел диаметр около 7,5 см и

¹² В отчёте за 1957 г. есть описание того, что Э.А. Сымонович счёл «сумочкой» (Марченко 1957: 30—31). К сожалению, его интерпретация не выглядит бесспорной.

сохранившиеся 22 группы выступов по три в ряд (Марченко 1957: табл. XIII: 9). Рисунок *второго фрагмента* в отчёте нет, а в публикации он изображён значительно меньшим по длине и с семью выступами по три в ряд (рис. 9: 5—6)¹³.

Могила 36. Это большой земляной склеп с останками 11 человек. **Погребение 1.** Мужское (45—55 лет), вытянутое. К нему относятся бусы, *бронзовый браслет с выступами* и фибула. Могила датируется I—II вв. н.э. (Сымонович 1983: 41—42, табл. XLIII: 21). Судя по рисунку, браслет имел диаметр около 6 см и 14 групп выступов по три в ряд (рис. 9: 8).

Могила 58. Костяк младенца почти совершенно истлел. Среди инвентаря был *фрагмент браслета с выступами*. Время захоронения I—II вв. н.э. (Сымонович 1983: 67—68, табл. XLIII: 32). Судя по рисунку, это был небольшой фрагмент браслета с сохранившимися 5—6 группами выступов по три в ряд (рис. 9: 7).

Могила 716/2 (1983). Два скелета один на другом. Среди вещей верхнего скелета был разомкнутый *браслет с шишечками*. Дата: I в. до н.э. — I в. н.э. (Пуздровский 1992: 187—188, рис. 5: 16). Судя по рисунку, браслет имеет 30 групп выступов по три в ряд и диаметр 7,5 см (рис. 9: 9).

Могила 73 (1983). Захоронение молодой женщины. У левой бедренной кости были *браслет с шишечками*, крупная гагатова бусина, кусочек румян, железный нож. Дата: конец I — начало II вв. н.э. (Пуздровский 1992: 188, рис. 6: 11). Судя по рисунку, браслет имел 25 групп выступов по три в ряд (рис. 9: 10).

Могила 75. Склеп с останками 29 человек использовался длительное время — с I в. до н.э. до II в. н.э. **Погребение 1.** Скелет женщины вытянут на спине. Кроме прочего инвентаря, найден «кожаный мешочек с *тремя бронзовыми кольцами с выступами*», двумя колокольчиками и двумя ведёрковидными подвесками. В другой главе монографии Э.А. Сымонович пишет: «в сумочке под рукой погребённого № 1 лежали три кольца с выступами» (Сымонович 1983: 50—52, 97, табл. XLIII: 26, 28, 35). К сожалению, никаких подробностей о «кожаном мешочке» или «сумочке» нет и непонятно — были ли остатки этого предмета найдены или же так интерпретировано нахождение трёх браслетов вместе. Судя по рисунку, *первый браслет* имел диаметр около 6 см и 18 групп выступов по три в ряд; *второй* — около 5,7 см и 20 групп выступов по три в ряд; *третий браслет* был разомкнут и имел диаметр около 8 см и 45 сохранившихся групп выступов по три в ряд (рис. 10: 7—9).

Могила 77. Склеп с захоронением не менее 19 человек. Среди инвентаря (без привязки к погребению) были *большой браслет с выступами* и *фрагмент кольца (браслета?) с выступами*. Время использования склепа I—II вв. н.э. (Сымонович 1983: 52, табл. XLIII: 36, 14 — соответственно). Судя по рисунку, *большой браслет* имел диаметр 9,5 см и 35 групп выступов по три в ряд (рис. 10: 1). *Обломанное изделие* имеет размер сечения, характерный для браслетов, но слишком маленький, видимо, изменённый диаметр. Сохранилась ½ круга со следами оплошностей литья и 7 групп выступов по три в ряд (рис. 14: 4).

Могила 79. Склеп с останками 27 человек датируется I—II вв. н.э. Кости перемешаны при ограблении. Среди инвентаря были кольца и *браслеты с выступами* (Сымонович 1983: 53, табл. XLIII: 29, 31, 34). Судя по рисунку, браслетов было три:

1. *Браслет*, диаметром 7 см и 22 группами выступов по три в ряд (Сымонович 1983: табл. XLIII: 29) (рис. 10: 2);

2. *Браслет*, диаметром 7 см и 25 группами выступов по три в ряд (Сымонович 1983: XLIII: 31) (рис. 10: 3);

¹³ В связи с явной схематичностью рисунка у Э.А. Сымоновича, мы взяли на себя смелость реконструировать изображение малого фрагмента на основании рисунка большого фрагмента из отчёта И.Д. Марченко.

3. *Браслет* в двух фрагментах, образующих почти полный круг, диаметром 8,5 см и 24 группами (14 и 10) выступов по три в ряд (Сымонович 1983: табл. XLIII: 34) (рис. 10: 5).

Могила 85. Двойное, один на другом. **Погребение 1.** Скелет женщины (?) вытянут на спине. Среди отнесённого к ней инвентаря был *браслет с выступами*. Время захоронения I—II вв. н.э. (Сымонович 1983: 72, табл. XLIII: 27). Судя по рисунку, браслет имел диаметр около 7 см и 28 групп выступов в ряд (рис. 10: 4).

Могила 96. Склеп с захоронением 21 человека датируется I—II вв. н.э. Среди инвентаря, не имеющего привязки к погребениям, был найден *браслет с выступами* (Сымонович 1983: 55—56, табл. XLIII: 23). Судя по рисунку, браслет имел диаметр 5,5 см и 18 групп выступов по три в ряд (рис. 10: 10).

Могила 97. Склеп с захоронением трёх человек, сооружённый, предположительно, в I в. н.э. Скелеты потревожены и полностью не определяются. Среди инвентаря была группа вещей, лежавших в одном месте (мешочке?) — между бедренных костей двух погребённых. В группу входил *бронзовый браслет с выступами*, колокольчик, бусинки, перстень, браслет, обломок железного крючка (Сымонович 1983: 56—57, рис. 13: 1, табл. XLIII: 37). Судя по рисунку, браслет был разомкнут (повреждён?), имел диаметр 7,8 см и сохранившиеся 26 групп выступов по три в ряд (рис. 10: 6).

Могила 104. Скелет женщины (?) лежал в вытянутом положении. Среди инвентаря были *2 обломка бронзовых браслетов* (возможно, от одного изделия) с выступами (Сымонович 1983: 75, табл. XLIII: 24, 25). Судя по рисунку, фрагменты составляют $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ части круга и имеют сохранившиеся 9 и 8 групп выступов по три в ряд (рис. 9: 11—12).

Озёрный (Крым, Бахчисарайский р-н, посёлок), **могильник**. Выборкой глины было, по-видимому, уничтожено **погребение**, в нём, среди материала были *2 браслета с выступами* по три в ряд (Богданова 1960: 1, табл. III: 6). Судя по фото, больший из них имел диаметр 8,1 см и 29 групп выступов по три в ряд, меньший — 5,4 см и 22 группы выступов по три в ряд (рис. 11: 6—5).

Могила 1. Костяк вытянут на спине, руки вдоль туловища. Кисть левой руки — на тазовых костях. Кроме прочего материала, у запястья правой руки лежал браслет со змеиными головками, и на коленном суставе правой ноги (бедренная кость отсутствует) *бронзовый браслет с шишечками*, диаметром 7 см, лежал (Богданова 1960: 3, табл. VI: 4). На плане погребения отчётливо видно, что на колене лежит браслет с разомкнутыми концами, а на руке — цельный. Судя по фото, браслет имел 41 группу выступов по три в ряд (рис. 11: 7). Н.А. Богданова датирует могильник I—II вв. н.э.

Папиу Илариа (Румыния, округ Муреш). Здесь, среди разбросанного инвентаря не менее чем двух захоронений обнаружены, видимо, *два браслета*. Тип III/2, по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66—67, fig. 5: 3). Диаметр: внутренний — 4,4 и внешний — 6,5 см. Рисунок дан только для одного. Это браслет с семнадцатью группами выступов по три в ряд (рис. 11: 9).

Печика (округ Арад). Из дакского поселения происходят два кольца разных типов, оба обнаружены в результате систематических исследований. Одно из них размером соответствует *браслету*, а для второго, найденного при старых раскопках, нет описания и рисунка.

Браслет с пятью большими выступами. Площадка Е, вне мастерской. Диаметры: 5,7 и 6,5 см. Тип I/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 66—67, fig. 1: 5) (рис. 5: 4).

Пояна (Румыния, округ Галац, коммуна Никорешть). На дакском поселении были обнаружены несколько колец с выступами двух типов. Один экземпляр размером соответствует браслетам. **Браслет** с четырьмя одинарными выступами. Диаметр — 5 см. Тип I/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 67, fig. 1: 1) (рис. 5: 3).

Рэкэтэу де Жос (Румыния, округ Бэкэу, коммуна Хоргешть). На поселении даков найден **фрагмент браслета** с сохранившимися тремя группами по три выступа в ряд (рис. 11: 4). Тип II/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 67, fig. 2: 3).

Сигишоара (Румыния, округ Муреш). Из старых раскопок на дакийском поселении в Витенберге есть пять колец с выступами разных типов. Два из них размерами соответствуют браслетам:

1. **Браслет** с 24 группами выступов по три в ряд. Диаметры: внутренний — 5,2 и внешний — 6,6 см. Тип III/2 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 67, fig. 5: 4) (рис. 11: 10);

2. **Браслет** четырьмя группами выступов по три в ряд и тремя одиночными выступами. Диаметры: внутренний — 4,8 и внешний — 6 см. Тип IV/1 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 67, fig. 5: 6) (рис. 5: 10).

Скалистое III (Крым, Бахчисарайский р-н), могильник.

Могила Б.12. Костяк потревожен прорытой канавой. Сохранились череп, кости левой руки, фаланги правой руки. На фалангах пальцев правой руки был **браслет** с тройными шишечками. Диаметр 7 см (Богданова 1964: 9, табл. 21: 3). Судя по фото, браслет имел 38 групп выступов по три в ряд и диаметр — 6,5—6,8 см (рис. 11: 12).

Могила Б.29. От костяка остался тлен. Там, где должны быть тазовые кости и кисти рук лежали разломленный **браслет с шишечками**, фибула, 2 перстня и 2 пряслица (Богданова 1964: 21, табл. 55: 2). Судя по фото, браслет имел 42 сохранившихся групп выступов и диаметр 6,7 см (рис. 11: 13).

Могила Б.37(1). Костей нет. В скоплении лежали вещи, среди которых был фрагмент **браслета с шишечками** (Богданова 1964: 28, табл. 71: 3). Судя по фото, фрагмент составляет примерно $\frac{1}{3}$ часть круга и имеет 13 сохранившихся групп выступов по три в ряд (рис. 11: 8).

Погребение Б.43. Двойное — костяки один на другом, плохой сохранности. Кроме прочего, на кисти левой руки верхнего скелета был **браслет с шишечками** (диаметр 8 см). Могильник датирован I—III вв. н.э. (Богданова 1964: 34, табл. 83: 9; Богданова и др. 1976: 144). Судя по фото, браслет имел 51 группу выступов по три в ряд (рис. 11: 14).

Трансильвания. В музее Клуж хранятся 2 кольца с выступами без привязки к местности, одно из них по размеру соответствует браслетам. **Браслет** на котором группы из трёх выступов в ряд, чередуются с группами по два в ряд и есть участок с пятью одиночными выступами (рис. 14: 8). Диаметры: внутренний — 6,1 и внешний — 7 см. Тип III/3 по И. Глодариу (Glodariu 1984: 67, fig. 5: 5).

Усть-Альма (Крым, Бахчисарайский р-н, с.Песчаное, устье р. Альма), **позднескифский могильник**.

Склеп 43/14. Среди многочисленного инвентаря было несколько браслетов, в том числе один *браслет с шишечками* (рис. 12: 2). Он украшен 30 группами выступов плоской подквадратной формы (Высотская 1994: табл. 10: 2). Браслет найден у бедра (Высотская 1994: 111).

Склеп 62/4. Среди инвентаря были 3 с половиной браслета, 5 фибул и т.д. Массивный *браслет с шишечками* (рис. 12: 6) имел 41 группу выступов плоской подквадратной формы (Высотская 1994: табл. 18: 24). Браслет найден у бедра (Высотская 1994: 111).

Склеп 88/2. Среди многочисленного инвентаря было несколько браслетов, один из которых — массивный *браслет с шишечками* (рис. 12: 4) имел 42 группы выступов плоской подквадратной формы (Высотская 1994: табл. 25: 14).

Склеп 88/10. Среди многочисленного инвентаря было три браслета, в том числе и массивный *браслет с шишечками* (рис. 12: 7), имевший около 37 групп выступов плоской подквадратной формы (Высотская 1994: табл. 27: 5). Он был найден у локтя левой руки (Высотская 1994: 111).

Склеп 92, костяк 8. Лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Инвентарь многочисленный. Рядом с локтем левой руки лежал *браслет с шишечками* (Высотская, Лобода 1974: 9, рис. 33). Это массивный браслет (рис. 12: 10) с равномерно распределёнными по ободу 22 группами круглых шишечек (Высотская 1994: табл. 30: 7).

Могила 174 (парное). Костяк молодой женщины лежал на спине, руки и ноги вытянуты. На груди — костяк младенца. Кроме прочего, **на правое предплечье** был надет *браслет с шишечками* (рис. 12: 1). Диаметр — 8 см. Могила датируется II—III вв. н.э. (Высотская 1979: 24—25, рис. 99: 72). Судя по рисунку, браслет имел 41 группу выступов по три в ряд.

Склеп 315. А.Е. Пуздровский публикует рисунки вещей из данного склепа без подробностей условий находки. Среди них: *браслет бронзовый с шишечками*, судя по рисунку, имел 42 группы выступов по три в ряд и диаметр 8,5 см (рис. 12: 5). *Браслет* и кольцо с шишечками (рис. 14: 9—10), соединённые проволокой. На браслете имеется ещё одна проволочная петелька для подвешивания. Судя по рисунку, браслет имел 17 групп по три выступа и диаметр 6 см. Кольцо — 15 групп выступов по три в ряд и диаметр 4 см (Пуздровский 2007: рис. 146: 4, 3 — соответственно).

Склеп 439/9. А.Е.Пуздровский публикует рисунки вещей из данного склепа без подробностей. Среди них: *браслет бронзовый с шишечками*, судя по рисунку, имел 3 гипертрофированных одинарных выступа и круглое сечение кольца (рис. 5: 1). Диаметр 5 см (Пуздровский 2007: рис. 146: 7).

Склеп 620/1 (в дубовом гробу). Скелет женщины 25—30 лет лежал вытянуто на спине, руки на тазовых костях. Инвентарь многочисленный. Справа от головы было скопление вещей, отнесённых к амулетам. Среди них было **2 браслета с шишечками** — большой и малый. Ещё один *браслет с шишечками* находился чуть ниже кисти левой руки, вместе с перстнями и фибулой. Склеп датируется третьей четвертью I в. н.э. (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002: 312—326, Abb. 17: 2, 3; 15: 17 — соответственно; Пуздровский 2007: 168, рис. 144: 2, 3, 30). Судя по рисунку, браслеты имели 34, 17 и 19 групп выступов по три в ряд. Диаметры: большого — 8 см, и остальные — около 6 см (рис. 12: 3, 8—9).

Склеп 853. Костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Инвентарь многочислен. В частности, слева от левой голени было скопление вещей, среди которых найдено **7 браслетов с шишечками**. А.Е. Пуздровский считает это скоплением культовых вещей, а погребённую — жрицей (Пуздровский 2007а: 278, рис. 1: 19а—д, 25). Из-за

отсутствия рисунков браслетов и низкого качества плана скопления вещей точно выяснить количество групп выступов можно не для всех браслетов. Видимо, браслеты имели диаметры: 8,5, 5,5, 5,7, 7,5, 7, 8 и 5,5 см и количество групп выступов по три в ряд: 28, 20, 17, 26, 25, 28, 22, соответственно. Изображения некоторых браслетов пришлось реконструировать (рис. 13: 1).

Херсонес (Крым, г. Севастополь, Херсонес Таврический), **некрополь**. В.М. Зубарь упоминает 3 браслета из Херсонесского некрополя без подробностей находки (Зубарь 1982: 94—95, рис. 61: 9). Судя по рисунку, один из браслетов имеет 17 групп выступов по три в ряд и диаметр около 4,5 см (рис. 11: 11) (хотя, пропорции деталей на рисунке говорят о возможном большем размере изделия).

Хртаноцкие браслеты с выступами

Хртаноц (Армения, с. Головино, ущелье), **могильник**. В 1929 г. при строительстве кирпичного завода был случайно обнаружен и в том же году раскопан могильник, к сожалению, без должной документации. Материалы раскопок были систематизированы и изданы гораздо позже А.А. Мартиросьяном. В разных кромлехах (групповых склепах) были найдены *три браслета*, отлитые из серебра (Мартиросян 1954: 24, 28, табл. V: 28, VIII: 6). Два из них с наружной стороны имеют 17 равноудаленных друг от друга выступов с шаровидными головками (прорисован только один), а третий имеет 6 подобных же выступов. Третий браслет был украшен надетыми на него бусами из белой массы. Диаметр браслетов равен 8,5 см, толщина в сечении—5 мм, высота выступов 5 мм (рис. 2: 10—11).

Литература

- Антонович В.Б. 1895. *Археологическая карта Киевской губернии* (Приложение к XV Т. «Древности»). Москва: Типография М.Г. Волчанинова.
- Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского. В: Шульц П.Н. (отв. ред.). *История и археология древнего Крыма*. Киев: АН УССР, 94—141.
- Балагури Э. 2001. *Население Верхнего Потисья в эпоху поздней бронзы*. Ужгород: Ужгородский национальный университет.
- Бандрівський 2005: НА ИА НАНУ. № 2005/277. Бандрівський М.С. 2005. Звіт про археологічні дослідження Західноподільської гальштатської постійнодіючої експедиції біля с. Петриків Тернопільського району Тернопільської області у 2005 році.
- Бандрицкий Н.С. 2011. Ещё раз об овальных кольцах эпохи железа и об их функциональном назначении. В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)*. Вып. 10. Армавир; Краснодар; Москва: Армавирский краеведческий музей, 4—15.
- Бідзіля В.І. 1964. Поселення Галіш-Ловачка. *Археологія* 17, 92—143.
- Бидзиля В.И., Щукин М.Б. 1993. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат. *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Москва: Наука, 67—82 (Археология СССР).
- Богданова 1960: НА ИА НАНУ. № 1960/41. Богданова Н.А. 1960. Отчёт об археологических раскопках и разведках Бахчисарайского историко-археологического музея за 1960 год.
- Богданова 1961: НА ИА НАНУ. № 1961/45. Богданова Н.А. 1961. Отчёт об археологических исследованиях 1961 г. могильников первых вв. н.э. в р-не с. Заветное и Красный Мак Бахчисарайского и Куйбышевского районов.
- Богданова 1964: НА ИА НИИУ. № 1964/51. Богданова Н.А. 1964. Отчёт об археологических исследованиях 1964 года могильника первых веков н.э. в районе с. Скалистое Бахчисарайского рна Крымской области.

- Богданова Н.А., Гущина И.И. 1964. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. *СА* 1, 324—330.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв. н.э.). *СА* 4, 121—158.
- Богачёв А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 151—166.
- Бужор Э. 1958. О Гето-дакийской культуре в Муригиоле. *Dacia* II, 125—141.
- Винокур І.С. 1969. Бережанський скарб. В: Бідзіля В.І. (відп. ред.). *Слов'яно-руські старожитності*. Київ: Наукова думка, 14—21.
- Волков И.А. 1888. Больше-Дмитриевские курганы. *Труды Саратовской ученой архивной комиссии*. Т. I. Вып. III, 285—293.
- Высотская 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/14а. Высотская Т.Н. 1973. Отчёт о работе Альминского отряда Крымской экспедиции в 1973 г.
- Высотская, Лобода 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/33. Высотская Т.Н., Лобода И.И. 1974. Отчёт о работах Альминского отряда в 1974 г.
- Высотская 1979: НА ИА НАНУ. № 1979/8к. Высотская Т.Н. 1979. Отчёт о работе Альминского отряда за 1979 г.
- Высотская Т.Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская академия евробизнеса.
- Вязьмитина и др. 1960: Вязьмитина М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень». *АП УРСР*. Т. VIII, 22—135.
- Гошко Т.Ю. 2011. *Металлообробка у населення Правобережної Лісостепової України за доби пізньої бронзи*. Київ: ІА НАНУ.
- Гудкова и др. 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбовский А.О., Тошев Г.Н., Фокеев М.М. 1981. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1981 г.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II. В: Гудкова А.В. (ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 55—113.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н.э.* Киев: Наукова думка.
- Гущина 1969: НА ИА НАНУ. № 1969/51. Гущина И.И. 1969. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в 1969 г.
- Гущина 1970: НА ИА НАНУ. № 1970/64. Гущина И.И. 1970. Отчёт о работе Крымской экспедиции ГИМ в 1970 г.
- Гущина 1971: НА ИА НАНУ. № 1971/59. Гущина И.И. 1971. Отчёт о работе Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1971 г.
- Гущина 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/53. Гущина И.И. 1973. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в 1973 г.
- Гущина 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/93. Гущина И.И. 1974. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1974 г.
- Гущина 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/117. Гущина И.И. 1975. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1975 г.
- Гущина 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/135. Гущина И.И. 1981. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1981 г.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Москва: Исторический музей.
- ДП 1901: *Древности Приднестровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко*. Вып. IV. *Эпоха великого переселения народов*. Киев: Фототипия и типография С.В. Кульженко.
- ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. 1—2. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 292—293.
- Зубарь В.М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н.э.* Киев: Наукова думка.
- Каспарова К.В., Максимов Е.В. 1993. Культура Поянешти-Лукашевка. В: *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Москва: Наука, 85—95 (Археология СССР).

- Козенкова В.И. 2004. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Археологические памятники раннего железного века юга России*. Москва: ИА РАН, 66—92.
- Коренько А.В., Найдено В.А. 1977. Погребения раннего железного века в курганах на реке Томузлавке. *СА* 3, 230—248.
- Кухаренко Ю.В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА* 1, 31—51.
- Лысенко, Лысенко, Клочко 2013: НА ИА НАНУ. № 2013. Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Клочко В.И. 2013. Отчёт о работах Фастовской археологической экспедиции в 2013 году.
- Лысенко С.С. 2020. Феномен браслетов-«не-браслетов». *МАИАСП* 12, 428—436.
- Лысенко С.С. 2021a. *Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы*. Киев; Кишенёв: Stratum plus.
- Лысенко С.С. 2021b. Скифские браслеты и кольца с выступами из могильника у села Глиное. *Нижеволжский археологический вестник* 20 (1), 69—81.
- Максимов Е.К. 1957. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. *СА* 4, 157—161.
- Мартиросян А.А. 1954. Раскопки в Головино. *Результаты работ археологических экспедиций Института истории Академии наук Армянской ССР и Комитета по охране древностей Армении в 1929 и 1950 гг.* Ереван: АН Армянской ССР (Археологические раскопки в Армении. Т. 4).
- Марченко 1957: НА ИА НАНУ. № 1957/12с. Марченко И.Д. 1957. Отчёт о работе археологического отряда ГМИИ им. Пушкина Тавро-Скифской экспедиции в г. Симферополе в 1957 г.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника. *Археологические памятники Оренбуржья* III, 124—145.
- Нефедова Е.С. 1992. К вопросу о браслетах латенского стиля. В: Щукин М.Б. (отв. ред.). *Проблемы хронологии латена и римского времени*. Санкт-Петербург: Научно-археологическое объединение «Ойум», 21—34.
- Павлів Д. 1993a. Про один тип браслетів ранньогальштатського часу з України. *Studia archaeologica* 1, 32—34.
- Павлів Д. 1993b. Нові пам'ятки «лужицької» культури на заході України. В: Крушельницька Л. (отв. ред.). *Пам'ятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті*. Киев: Наукова думка, 11—56.
- Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д4-5).
- Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филук.
- Потушняк Ф.М. 1958. *Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті*. Ужгород: Ужгородський державний університет.
- Похилевич Л.И. 1864. *Сказания о населенных местностях Киевской губернии или статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся*. Киев: Типография Кеевпечерской Лавры.
- Пуздровский А.Е. 1992. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского. *РА* 2, 181—199.
- Пуздровский А.Е. 2007a. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пуздровский А.Е. 2007b. Ритуальные предметы из погребений «жриц» Усть-Альминского некрополя. В: Зуев В.Б. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 278—285.
- Рудинский М. 1928. Археологічні збірки Полтавського музею. В: *Збірник присвячений 35-річчю музею*. Т. I. Полтава: Поліграф, 29—62.
- Синика и др. 2018: Архив Музея археологии Приднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 21. Синика В.С., Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Симоненко С.О. 2018. Отчёт о работах Днестровской археологической экспедиции по исследованию курганов у с.Глиное Слободзейского района в 2018 году.
- Синика и др. 2021: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Tyragetia*. S.N. Vol. XV [XXX]. Nr. 1, 239—296.
- Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с.Долиняны на Буковине. *СА* 3, 193—207.
- Спицын А.А. 1901. *Древности бассейнов рек Оки и Камы*. МАР 25.

- Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.
- Сытник 1987: НА ИА НАНУ. № 1987/108. Сытник А.С. 1987. Отчёт о работе Тернопольской палеолитической экспедиции в 1987 г.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.
- Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Третьяков П.Н. 1949. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. *АП УРСР* 1, 223—234.
- Третьяков П.Н. 1963. Древние городища Смоленщины. В: Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. *Древние городища Смоленщины*. Москва; Ленинград: АН СССР, 3—140.
- Фундуклей И.И. 1848. *Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное по высочайшему соизволению, киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем*. Киев: Типография Фелфила Гликсберга.
- Фурманська А.І. 1958. Ливарні форми з розкопок в Ольвії. *АП УРСР* 7, 40—60.
- Шмидт Е.А. Городище у д. Новые Батеки. В: Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. *Древние городища Смоленщины*. Москва; Ленинград: АН СССР, 141—176.
- Glodariu I. 1984. “Brăţările” cu nodozităţi Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.
- Loboda I.L., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. 2002. Prunkbestattungen des I. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 8, 295—247.
- Mozsolics A. 1973. *Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Starè F. 1955. Vače. Arheološki katalogi Slovenije. *Izdaja Narodni muzej v Ljubljani* 1.
- Sulimirski T. 1931. *Kultura wysocka*. Krakow: Nakladem Polskiej Akademii Umiejetnosci.
- Zirra V.I. 1971. Beiträge zur kenntnis deskeltischen Latine in Rumänien. *Dacia. Nouvelle série*. T. XV, 171—238.
- Żurowski K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu I wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd archeologiczny*. T. VIII. Z. 2, 155—247.

References

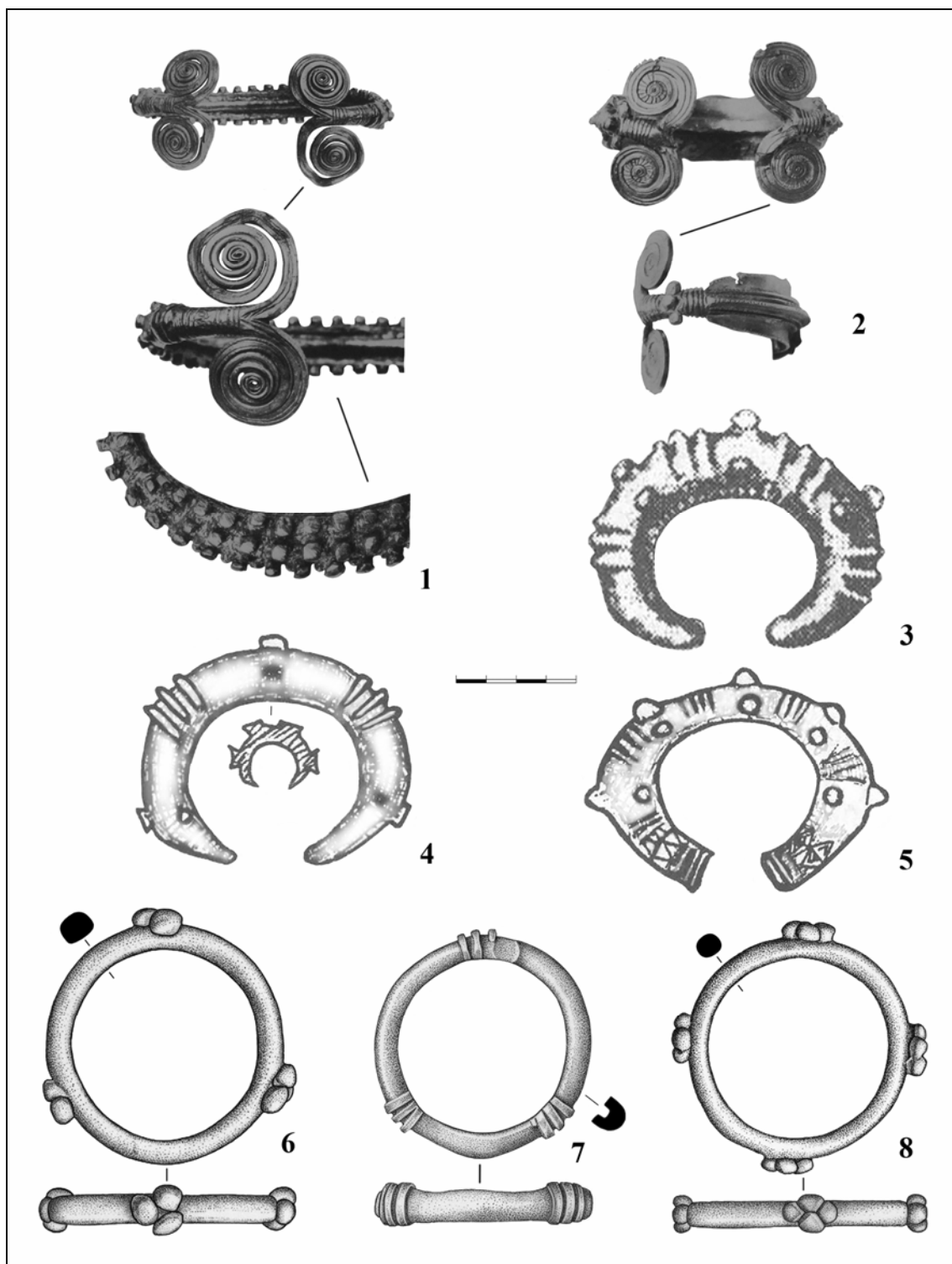
- Antonovych, V.B. 1895. *Arkheologicheskaya karta Kyevskey hubernii (Prylozhenye k XV T. “Drevnosty”) (Archaeological map of the Kiev province (Appendix to the Vol. XV “Antiquity”))*. Moscow: Typohrafiya M.H. Volchanynova (in Russian).
- Babenchikov, V.P. 1957. In: Shults, P.N. (ed.). *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma (History and archeology of ancient Crimea)*. Kyiv: AN USSR, 94—141 (in Russian).
- Balahury, E. 2001. *Naselenye Verkhneho Potys'ya v epokhu pozdney bronzy (Population of the Upper Potisie in the Late Bronze Age)*. Uzhhorod: Uzhhorodskiy natsional'nyi unyversytet (in Russian).
- Bandrivs'kyi 2005: NA YA NANU. No. 2005/277. Bandrivs'kyi M.S. 2005. Zvit pro arkheolohichni doslidzhennya Zakhidnopodil's'koyi hal'shtat-s'koyi postynodiyuchoyi ekspedytsiyi bilya s. Petrykiv Ternopil's'koho rayonu Ternopil's'koyi oblasti u 2005 rotsi.
- Bandrivskiy, N.S. 2011. In: Munchayev, R.M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya) (Historical and Archaeological Almanac (Armavir Museum of Local Lore))*. Iss. 10. Armavir; Krasnodar; Moscow: Armavirskiy krayevedcheskiy muzey, 4—15 (in Russian).
- Bidzilya, V.I. 1964. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 17, 92—143 (in Ukrainian).
- Bidzilya, V.I., Shchukin, M.B. 1993. *Pamyatniki latenskoy kul'tury na territorii Zakarpat'ya i k vostoku ot Karpat. Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.e. — pervoy polovine I tysyacheletiya n.e. (Monuments of La Tene culture in the territory of Transcarpathia and east of the Carpathians. Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BCE — the first half of the 1st millennium CE)*. Moscow: Nauka, 67—82 (Archaeology of USSR) (in Russian).
- Bogdanova 1960: NA IA NANU. No. 1960/41. Bogdanova N.A. 1960. Otchot ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya za 1960 god.
- Bogdanova 1961: NA IA NANU. No. 1961/45. Bogdanova N.A. 1961. Otchot ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1961 g. mogil'nikov pervykh vv. n.e. v r-ne s. Zavetnoye i Krasnoyy Mak Bakhchisarayskogo i Kuybyshevskogo rayonov.

- Bogdanova 1964: NA IA NINU. No. 1964/51. Bogdanova N.A. 1964. Otchot ob arheologicheskikh issledovaniyakh 1964 goda mogil'nika pervykh vekov n.e. v rayone s. Skalistoye Bakhchisarayskogo rna Krymskoy oblasti.
- Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I. 1964. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 324—330 (in Russian).
- Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 121—158 (in Russian).
- Bogachov, A.V. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (Questions of chronology))*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina, 151—166 (in Russian).
- Buzhor, E. 1958. In: Bidzilya, V.I. (ed.). *Slov'yano-rus'ki starozhitnosti (Slavic-Russian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka, 14—21 (in Ukrainian).
- Vynokur, I.S. 1969. In: Bidzilya, V.I. (ed.). *Slov'yano-rus'ki starozhytnosti (Slavic-Russian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka, 14—21 (in Ukrainian).
- Volkov, I.A. 1888. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)*. Vol. I. Iss. III, 285—293 (in Russian).
- Vysotskaya 1973: NA IA NANU. No. 1973/14a. Vysotskaya T.N. 1973. Otchot o rabote Al'minskogo otryada Krymskoy ekspeditsii v 1973 g.
- Vysotskaya, Loboda 1974: NA IA NANU. No. 1974/33. Vysotskaya T.N., Loboda I.I. 1974. Otchot o rabotakh Al'minskogo otryada v 1974 g.
- Vysotskaya 1979: NA IA NANU. No. 1979/8k. Vysotskaya T.N. 1979. Otchot o rabote Al'minskogo otryada za 1979 g.
- Vysotskaya, T.N. 1994. *Ust'-Al'minskoye gorodishche i nekropol' (Ust-Alma settlement and necropolis)*. Kyiv: Kiyevskaya akademiya yevrobiznesa (in Russian).
- Vyaz'mitina i dr. 1960: Vyaz'mitina, M.I., Illins'ka, V.A., Pokrovs'ka, E.F., Terenozhkin, O.I., Kovpanenko, H.T. 1960. In *Arkheolohichni pamyatky URSR (Archaeological monuments of the USSR)*. Vol. VIII, 22—135 (in Ukrainian).
- Hoshko, T.Yu. 2011. *Metalobrobka u naselennya Pravoberezhnoyi Lisostepovoyi Ukrayiny za doby pizn'oyi bronzy (Metalworking in the population of the Right Bank Forest-Steppe Ukraine during the Late Bronze Age)*. Kyiv: YA NANU (in Ukrainian).
- Gudkova i dr. 1981: NA IA NANU. No. 1981/1. Gudkova A.V., Dobrolyubskiy A.O., Toshchev G.N., Fokeyev M.M. 1981. Otchot o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii Instituta arheologii AN USSR v 1981 g.
- Gudkova, A.V., Fokeyev, M.M. 1982. In: Gudkova, A.V. (ed.). *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (Monuments of the Roman and medieval times in the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 55—113 (in Russian).
- Gudkova, A.V., Fokeyev, M.M. 1984. *Zemledel'tsy i kochevniki v nizov'yakh Dunaya I—IV vv. n.e. (Farmers and nomads in the lower reaches of the Danube 1st — 4th cc. CE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Gushchina 1969: NA IA NANU. No. 1969/51. Gushchina I.I. 1969: Otchot o rabote Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya v 1969 g.
- Gushchina 1970: NA IA NANU. No. 1970/64. Gushchina I.I. 1970. Otchot o rabote Krymskoy ekspeditsii GIM v 1970 g.
- Gushchina 1971: NA IA NANU. No. 1971/59. Gushchina I.I. 1971. Otchot o rabote Krymskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1971 g.
- Gushchina 1973: NA IA NANU. No. 1973/53. Gushchina I.I. 1973. Otchot o rabote Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya v 1973 g.
- Gushchina 1974: NA IA NANU. No. 1974/93. Gushchina I.I. 1974. Otchot o rabote Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1974 g.
- Gushchina 1975: NA IA NANU. No. 1975/117. Gushchina I.I. 1975. Otchot o rabote Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1975 g.
- Gushchina 1981: NA IA NANU. No. 1981/135. Gushchina I.I. 1981. Otchot o rabote Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1981 g.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (Necropolis of Roman time Belbek IV in the South-West Crimea)*. Moscow: Istoricheskiy muzey (in Russian).

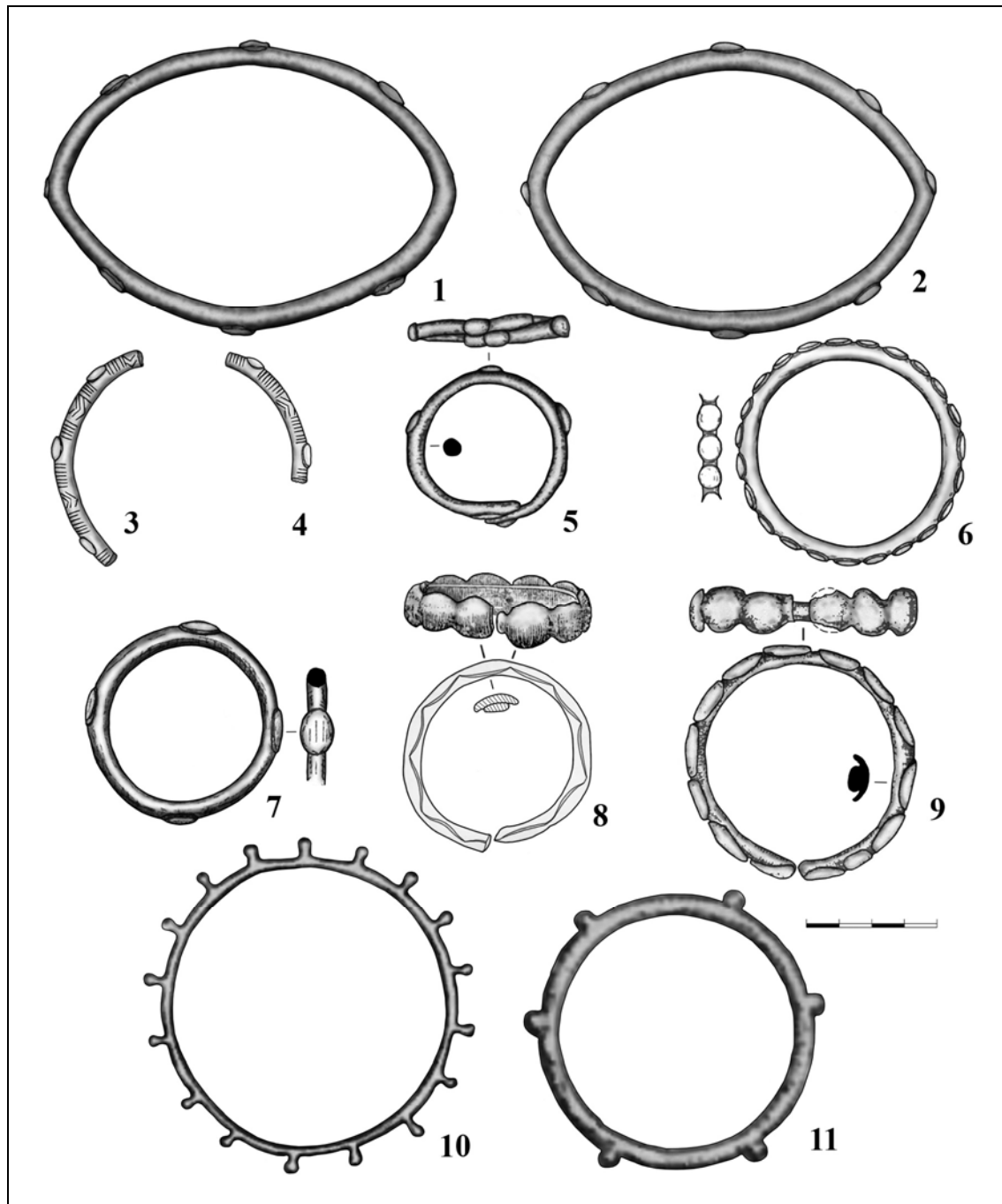
- DP 1901: *Drevnosti Pridneprov'ya. Sobraniye B.I. i V.N. Khanenko (Antiquities of the Dnieper region. Collection of B.I. and V.N. Khanenko)*. Iss. IV. *Epokha velikogo pereseleniya narodov (The era of the great migration of peoples)*. Kyiv: Fototipiya i tipografiya S.V. Kul'zhenko (in Russian).
- Zapiski russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Russian Archaeological Society)*. 1901. Vol. XII. Iss. 1—2. Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 292—293 (in Russian).
- Zubar, V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n.e. (Necropolis of Tauric Chersonesos Ist — 4th cc. CE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kasparova, K.V., Maksimov, E.V. 1993. In: *Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.e. — pervoy polovine I tysyacheletiya n.e. (Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BCE — the first half of the 1st millennium CE)*. Moscow: Nauka, 85—95 (Archaeology of USSR) (in Russian).
- Kozenkova, V.I. 2004. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki rannego zheleznogo veka yuga Rossii (Archaeological sites of the early Iron Age in the south of Russia)*. Moscow: IA RAN, 66—92 (in Russian).
- Korenyako, A.V., Naydenko, V.A. 1977. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 230—248 (in Russian).
- Kukhareno, Yu.V. 1959. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 31—51 (in Russian).
- Lysenko, S.S., Klochko V.I. 2013. NA IA NANU. No. 2013. Lysenko S.D., Lysenko S.S., Klochko V.I. 2013. Otchot o rabotakh Fastovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2013 godu.
- Lysenko, S.S. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 428—436 (in Russian).
- Lysenko, S.S. 2021a. *Ukrasheniya naseleniya Severnogo Prichernomor'ya epokhi pozdney bronzy (Jewelry of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age)*. Kyiv; Kishenov: Stratum plus (in Russian).
- Lysenko, S.S. 2021b. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (1), 69—81 (in Russian).
- Maksimov, E.K. 1957. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 157—161 (in Russian).
- Martirosyan, A.A. 1954. *Raskopki v Golovino. Rezul'taty rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Instituta istorii Akademii nauk Armyanskoy SSR i Komiteta po okhrane drevnostey Armenii v 1929 i 1950 gg. (Excavations in Golovino. Results of the work of archaeological expeditions of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR and the Committee for the Protection of Antiquities of Armenia in 1929 and 1950)*. Yerevan: AN Armyanskoy SSR (Archaeological excavations in Armenia. Vol. 4) (in Russian).
- Marchenko 1957: NA IA NANU. No. 1957/12s. Marchenko I.D. 1957. Otchot o rabote arkheologicheskogo otryada GMII im. Pushkina Tavro-Skifskoy ekspeditsii v g. Simferopole v 1657 g.
- Morgunova, N.L., Meshcheryakov, D.V. 1999. In *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological monuments of the Orenburg region)* III, 124—145 (in Russian).
- Nefedova, E.S. 1992. In: Shchukin, M.B. (ed.). *Problemy khronologii latena i rimskogo vremeni (Problems of the chronology of Latene and Roman times)*. Saint Petersburg: Nauchno-arkheologicheskoye ob'yedineniye "Oyum", 21—34 (in Russian).
- Pavliv, D. 1993a. In *Studia archaeologica* 1, 32—34 (in Ukrainian).
- Pavliv, D. 1993b. In: Krushel'nikaya, L. (ed.). *Pam'atki gal'shtats'kogo periodu mezhirichchya Visli, Dnistra i Prip'yati (Monuments of the Hallstatt period between the Vistula, Dniester and Pripyat rivers)*. Kyiv: Naukova dumka, 11—56 (in Ukrainian).
- Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e. (Decorations of Scythia of the 7th — 3rd cc. BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkovsky burial mound of the 5th — 4th cc. BCE in the Kherson region)*. Kyiv: Izdatel' Oleg Filyuk (in Russian).
- Potushnyak, F.M. 1958. *Arkheologichni znakhidki bronzovogo ta zaliznogo viku na Zakarpatti (Archaeological witnesses of the bronze and golden ages in Transcarpathia)*. Uzhgorod: Uzhgorodskiy derzhavniy universitet (in Ukrainian).
- Pokhilevich, L.I. 1864. *Skazaniya o naselennykh mestnostyakh Kiyevskoy gubernii ili statisticheskiye, istoricheskiye i tserkovnyye zametki o vseh derevnyakh, selakh, mestechkakh i gorodakh, v predelakh gubernii nakhodyashchikhsya (Legends about the populated areas of the Kiev province or statistical,*

- historical and church notes about all villages, villages, townships and cities located within the province*). Kyiv: Tipografiya Keyevopecherskoy Lavry (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 1992. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 181—199 (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 2007a. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nyye pamyatniki (Crimean Scythia 2nd c. BCE — 3rd c. CE. Funeral monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 2007b. In: Zuev, V.B. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. The sacred meaning of the region, monuments, finds. Materials of the scientific conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 278—285 (in Russian).
- Rudinskiy, M. 1928. In: *Arkheologichni zbirki Poltavs'kogo muzeyu. Zbirnik prisvyacheniy 35-richchu muzeyu (Archaeological collections of the Poltava Museum. The collection is dedicated to the 35th Anniversary of the museum)*. Vol. I. Poltava: Poligraf, 29—62 (in Ukrainian).
- Sinika i dr. 2018: Arkhiv Muzeya arkheologii Pridnestrov'ya PGU im. T.G. Shevchenko. No. 21. Sinika V.S., Tel'nov N.P., Razumov S.N., Lysenko S.D., Lysenko S.S., Simonenko S.O. 2018. Otchot o rabotakh Dnestrovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po issledovaniyu kurganov u s.Glinoye Slobodzeynskogo rayona v 2018 godu.
- Sinika i dr. 2021: Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Tyrageia*. S.N. Vol. XV [XXX]. Nr. 1, 239—296 (in Russian).
- Smirnova, G.I. 1981. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 193—207 (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1901. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 25 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1983. *Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo) (Population of the capital of the Late Scythian kingdom (based on the materials of the Eastern Burial-ground of Scythian Naples))*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Sytnik 1987: NA IA NANU. No. 1987/108. Sytnik A.S. 1987. Otchot o rabote Ternopol'skoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1987 g.
- Tel'nov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoye (Scythian cemetery 3rd — 2nd cc. BCE near Glinoe village)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriytsy (The Cimmerians)*. Kiyev: Naukova dumka (in Russian).
- Tretyakov, P.N. 1949. In *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 1, 223—234 (in Ukrainian).
- Tretyakov, P.N. 1963. In: Tretyakov, P.N., Shmidt, E.A. *Drevniye gorodishcha Smolenshchiny (Ancient settlements of the Smolensk region)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 3—140 (in Russian).
- Fundukley, I.I. 1848. *Obozreniye mogil, valov i gorodishch Kiyevskoy gubernii, izdannoye po vysochayshemu soizvoleniyu, kiyevskim grazhdanskim gubernatorom Ivanom Fundukleyem (Survey of graves, ramparts and settlements of the Kiev province, published by the highest permission, by the Kiev civil governor Ivan Funduklei)*. Kyiv: Tipografiya Felfila Gliksberga (in Russian).
- Furmans'ka, A.I. 1958. In *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 7, 40—60 (in Ukrainian).
- Shmidt, E.A. In: Tretyakov, P.N., Shmidt, E.A. *Drevniye gorodishcha Smolenshchiny (Ancient settlements of the Smolensk region)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 141—176 (in Russian).
- Glodariu, I. 1984. “Brăţările” cu nodozităţi Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.
- Loboda, I.L., Puzdrovskiy, A.E., Zajcev, J.P. 2002. Prunkbestattungen des I. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 8, 295—247.
- Mozsolics, A. 1973. *Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Starè, F. 1955. Vače. Arheološki katalogi Slovenije. *Izdaja Narodni muzej v Ljubljani* 1.
- Sulimirski, T. 1931. *Kultura wysocka*. Krakow: Nakladem Polskiej Akademii Umiejetnosci.
- Zirra, V.I. 1971. Beiträge zur kenntnis deskeltischen Latine in Rumânien. *Dacia. Nouvelle série*. T. XV, 171—238.
- Żurowski, K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu I wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd archeologiczny*. T. VIII. Z. 2, 155—247.

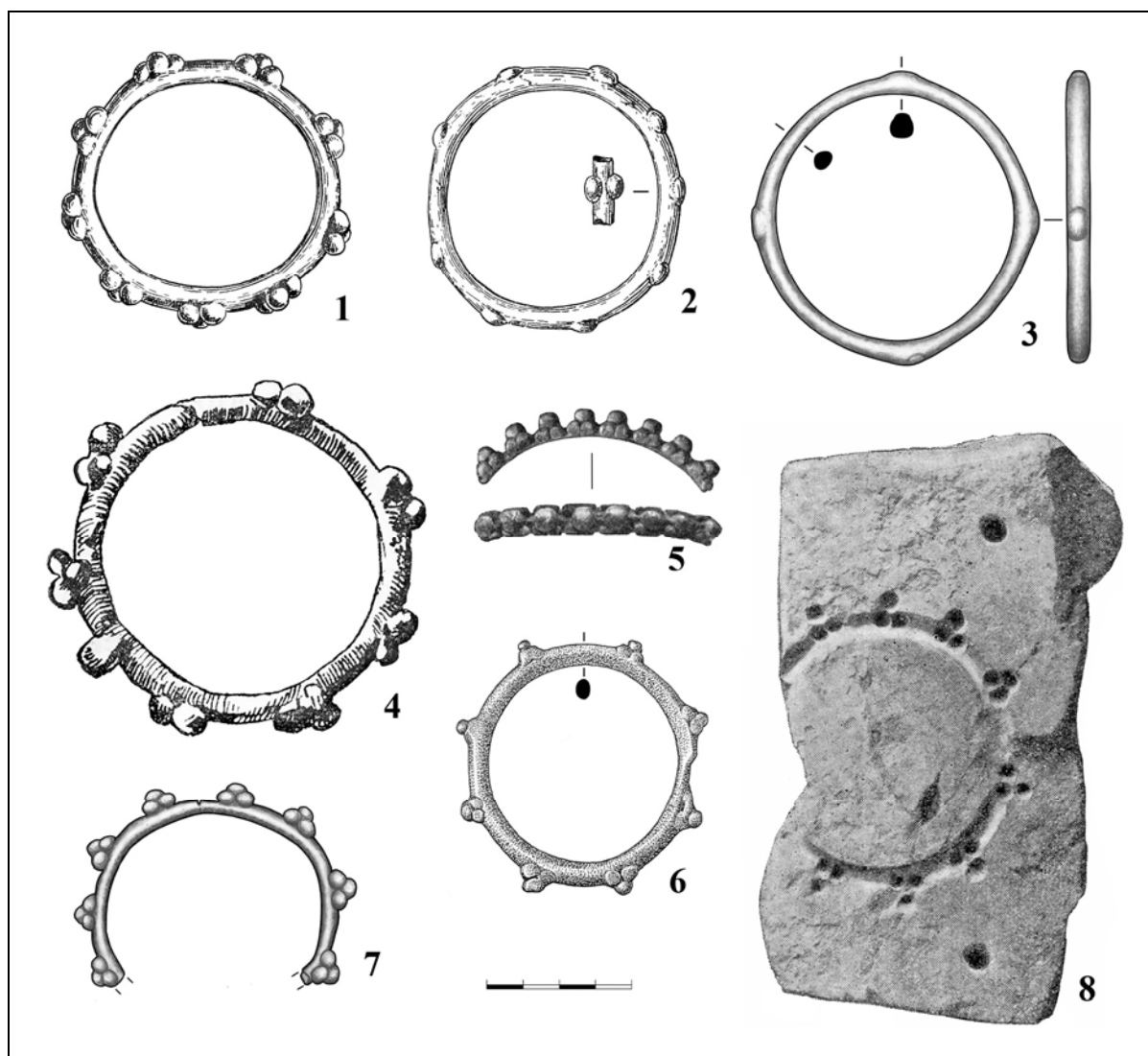
Рис. 1. Браслеты с выступами эпохи поздней бронзы и раннего железного века: 1—2 — Венгрия (по Mozsolics 1973: Taf. 100: *a—c*, 101: *1*); 3—5 — Закарпатье (по Балагури 2001: рис. 81: 5, 86: 9, 13); 6—8 — Молдавия, Крихана Веке, курган 5, погребение 5 (по Ciobanu и др. 2019: fig. 25: 1—3). 1—2 — без масштаба.

Fig. 1 Bracelets with protrusions of the Late Bronze Age and Early Iron Age: 1—2 — Hungary (after Mozsolics 1973: Taf. 100: *a—c*, 101: *1*); 3—5 — Transcarpathia (after Balahury 2001: fig. 81: 5, 86: 9, 13); 6—8 — Moldova, Krikhana Veche, mound 5, burial 5 (after Ciobanu et al. 2019: fig. 25: 1—3). 1—2 — no scale.

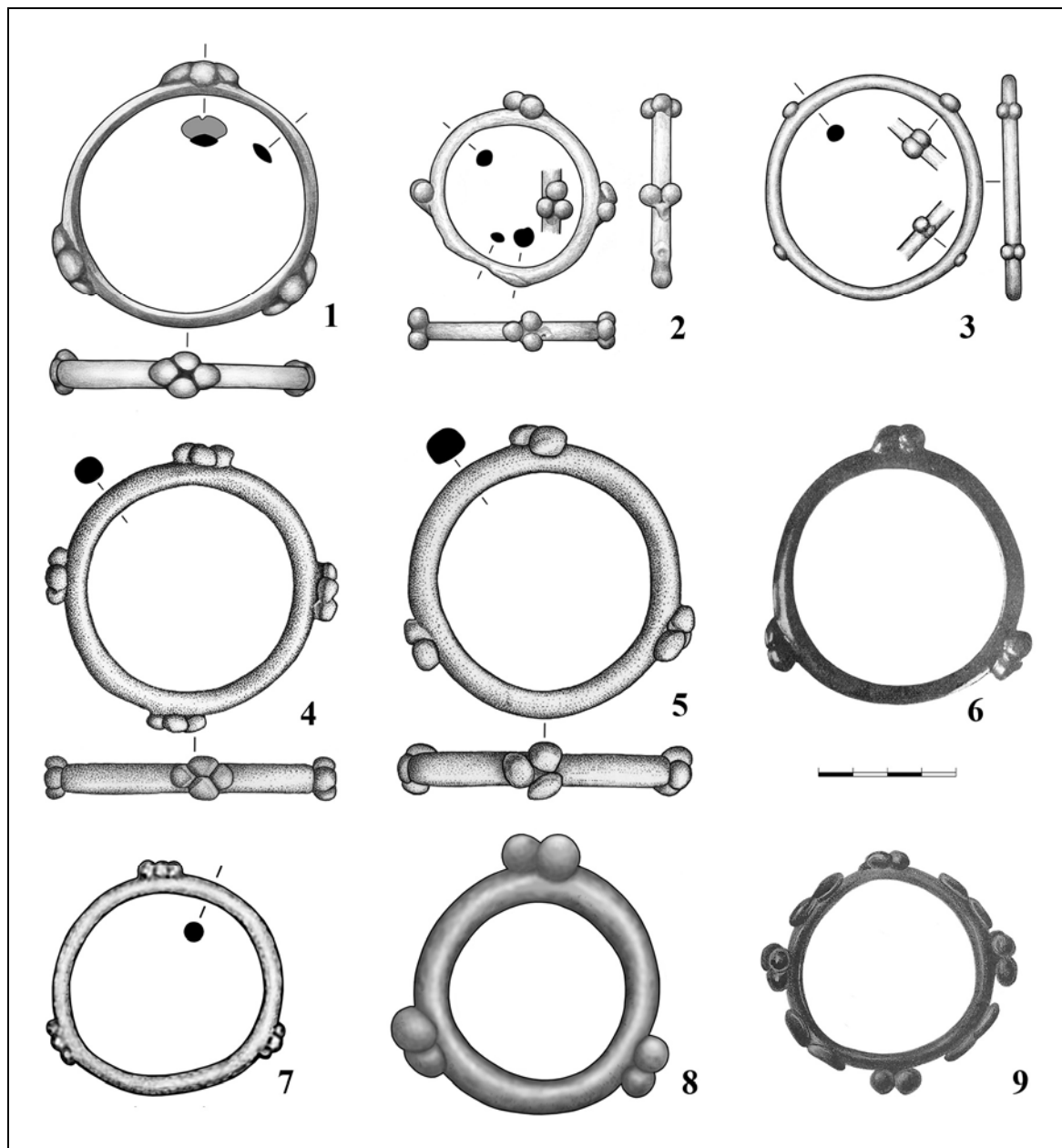
Рис. 2. Гальштатские браслеты и Хртаноцкие браслеты с выступами: 1—2 — Верхнее Поднестровье (по Żurowski 1949: tab. LIII: 2, 3); 3 — Петриков, погребение 150 (по Бандрівський 2005: рис. 5: 4); 4 — Петриков, на поверхности (по Сытник 1987: рис. 69: 2); 5 — Рованцы, погребение 67 (по Павлів 1993b: рис.7: 6); 6—7 — Чехи, погребения 10 и 1 (по Sulimirski 1931: табл. XXVI: 18, 2); 8 — Залевки, клад (по Третьяков 1949: рис. 7: 6); 9 — Тяглов, погребение 4—5 (по Павлів 1993a: рис. 19: 17); 10—11 — Хртаноц (по Мартirosyan 1954: табл. V: 28, VIII: 6).

Fig. 2. Hallstatt bracelets and Khrtanotsky bracelets with protrusions: 1—2 — Upper Dniester region (after Żurowski 1949: tab. LIII: 2, 3); 3 — Petrikov, burial 150 (after Bandrivskiy 2005: fig. 5: 4); 4 — Petrikov, on the surface (after Sytnik 1987: fig. 69: 2); 5 — Rovantsy, burial 67 (after Pavliv 1993b: fig. 7: 6); 6—7 — Chekhi, burials 10 and 1 (after Sulimirski 1931: pl. XXVI: 18, 2); 8 — Zalevki, treasure (after Tretyakov 1949: fig. 7: 6); 9 — Tyaglov, burial 4—5 (after Pavliv 1993a: fig. 19: 17); 10—11 — Khrtanots (after Martirosyan 1954: tab. V: 28, VIII: 6).

Рис. 3. Латенские браслеты с выступами: 1—2 — Прусы, курган 9 (по ДП 1899: табл. XX: 323); 3 — Красный перекоп, курган 23, погребение 1 (рисунок С.Д. Лысенко); 4 — Карловка (по Рудинский 1928: табл. VII: 1); 5 — Тушемля (по Третьяков 1963: рис. 14: 4); 6 — Золотая балка, курган 13, погребение 5 (по Полин 2014: рис. 39: 4); 7 — Новые Батеки (по Шмидт 1963: рис. 13: 6); 8 — Ольвия (по Фурманська 1958: 48, табл. IV: 5).

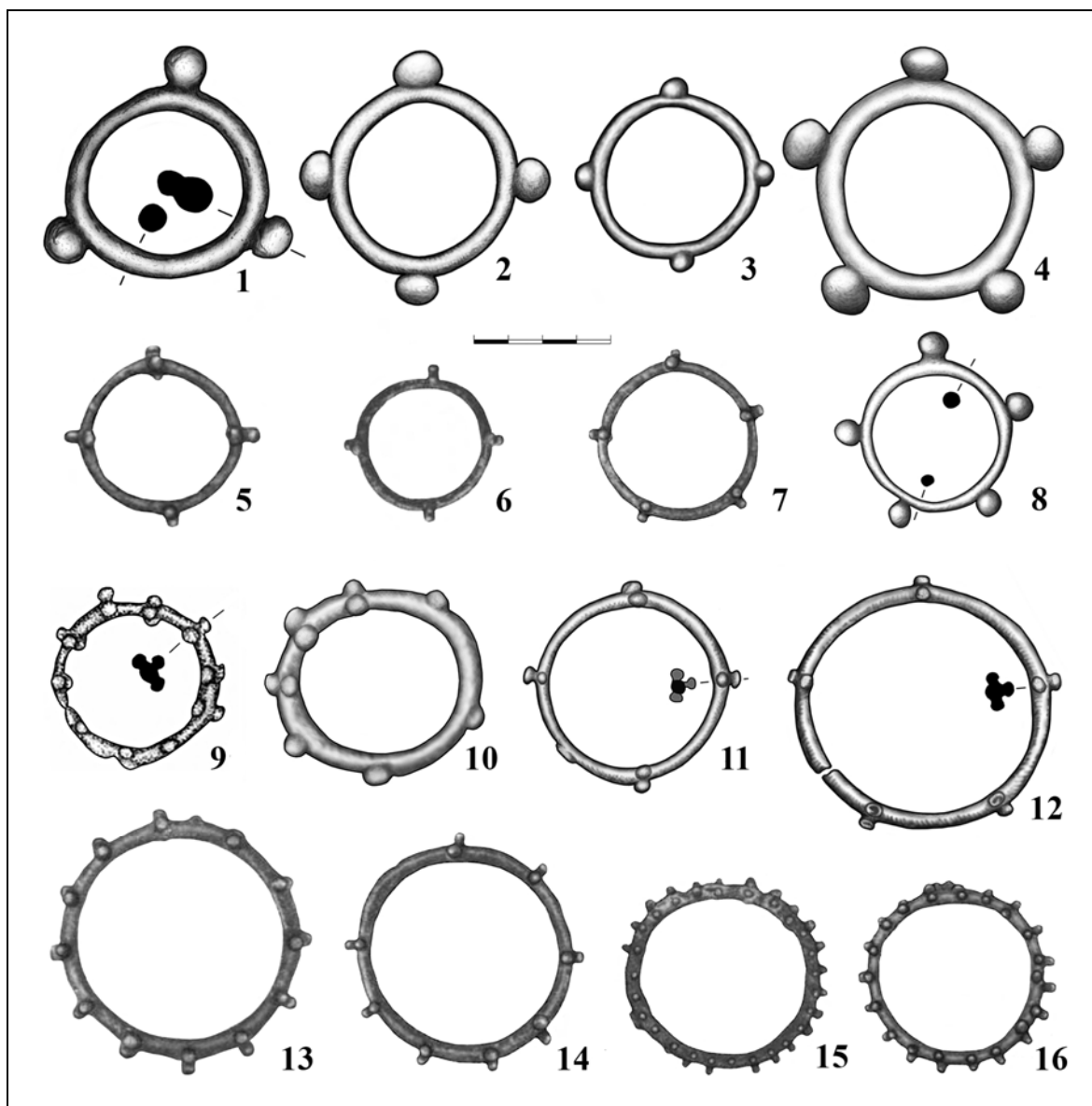
Fig. 3. Laten bracelets with protrusions: 1—2 — Prusy, mound 9 (after DP 1899: tab. XX: 323); 3 — Krasnyy perekop, mound 23, burial 1 (drawing by S.D. Lysenko); 4 — Karlovka (after Rudinskiy 1928: tab. VII: 1); 5 — Tushemlya (after Tretyakov 1963: fig. 14: 4); 6 — Zolotaya balka, mound 13, burial 5 (after Polin 2014: fig. 39: 4); 7 — Novie Bateki (after Shmidt 1963: fig. 13: 6); 8 — Olbia (after Furmans'ka 1958: 48, tab. IV: 5).

Рис. 4. Латенские браслеты с выступами: 1 — Глиное—Сад, курган 8, погребение 5 (по Синика, Тельнов, Лысенко 2018: рис. 7: 1); 2 — Глиное—Водовод, курган 16, погребение 6 (по Синика, Тельнов, Разумов и др. 2018: рис. 69: 1, 3); 3 — Глиное, курган 71, погребение 1 (рисунок С.Д. Лысенко); 4—5 — Крихана Веке, курган 5, погребение 5 (по Ciobanu и др. 2017: 95, рис. 25: 1, 3); 6 — Муригиол (по Бужор 1958: 136, рис. 7: 11); 7 — Окна Сибиулуй (по Zirra 1971: Abb. 3: 11); 8 — Ацел (по Glodariu 1984: fig. 1: 9); 9 — Осота (по Фундуклей 1848: рис. 13: б).

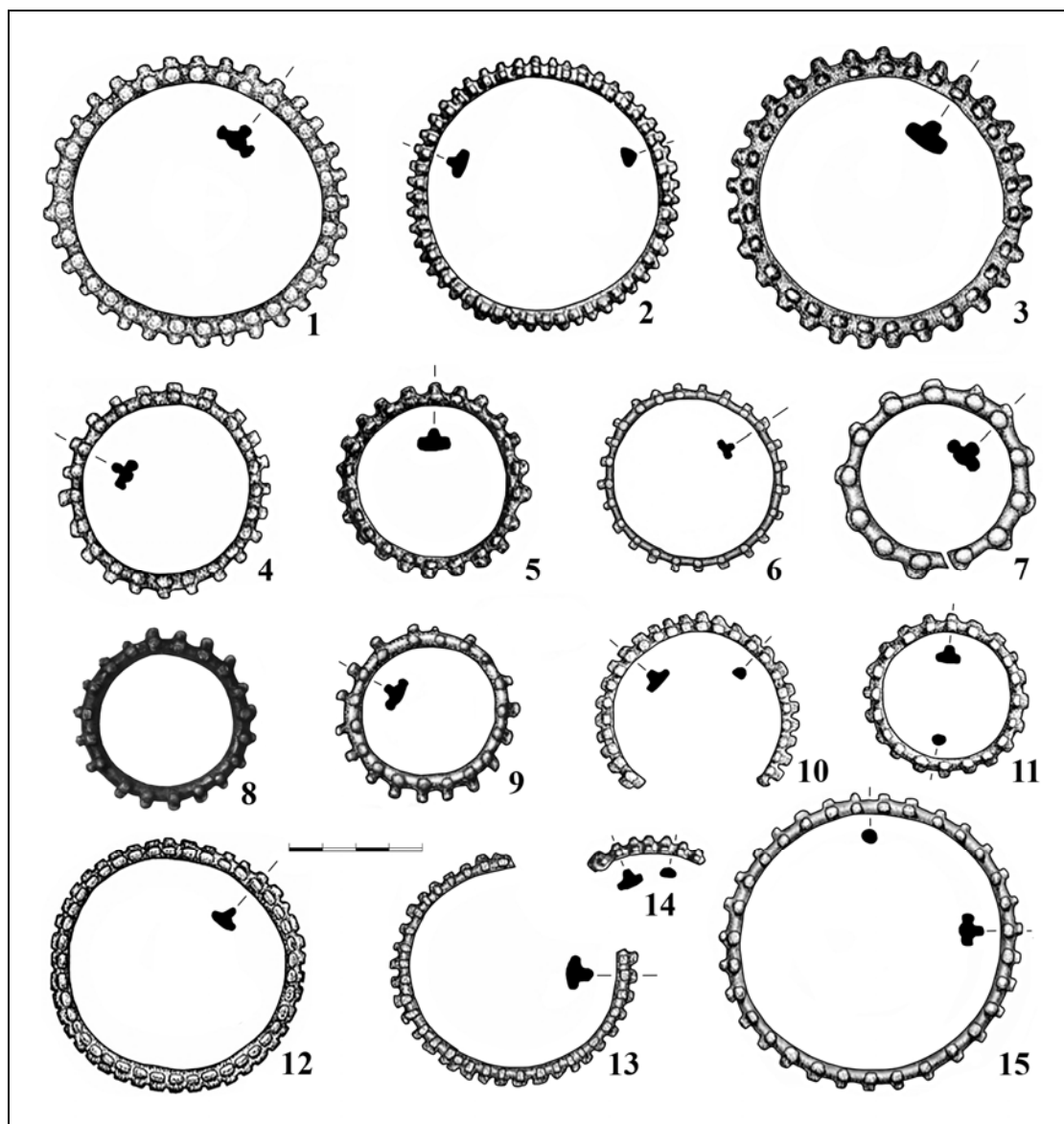
Fig. 4. Laten bracelets with protrusions: 1 — Glinoe-Sad, mound 8, burial 5 (after Sinika, Telnov, Lysenko 2018: fig. 7: 1); 2 — Glinoe—Vodovod, mound 16, burial 6 (after Sinika, Telnov, Razumov et al. 2018: fig. 69: 1, 3); 3 — Glinoe, mound 71, burial 1 (drawing by S.D. Lysenko); 4—5 — Krikhana Veke, mound 5, burial 5 (after Ciobanu et al. 2017: 95, fig. 25: 1, 3); 6 — Murigiol (after Buzhor 1958: 136, fig. 7: 11); 7 — Okna Sibiuluy (after Zirra 1971: Abb. 3: 11); 8 — Acel (after Glodariu 1984: fig. 1: 9); 9 — Osota (after Fundukley 1848: fig. 13: b).

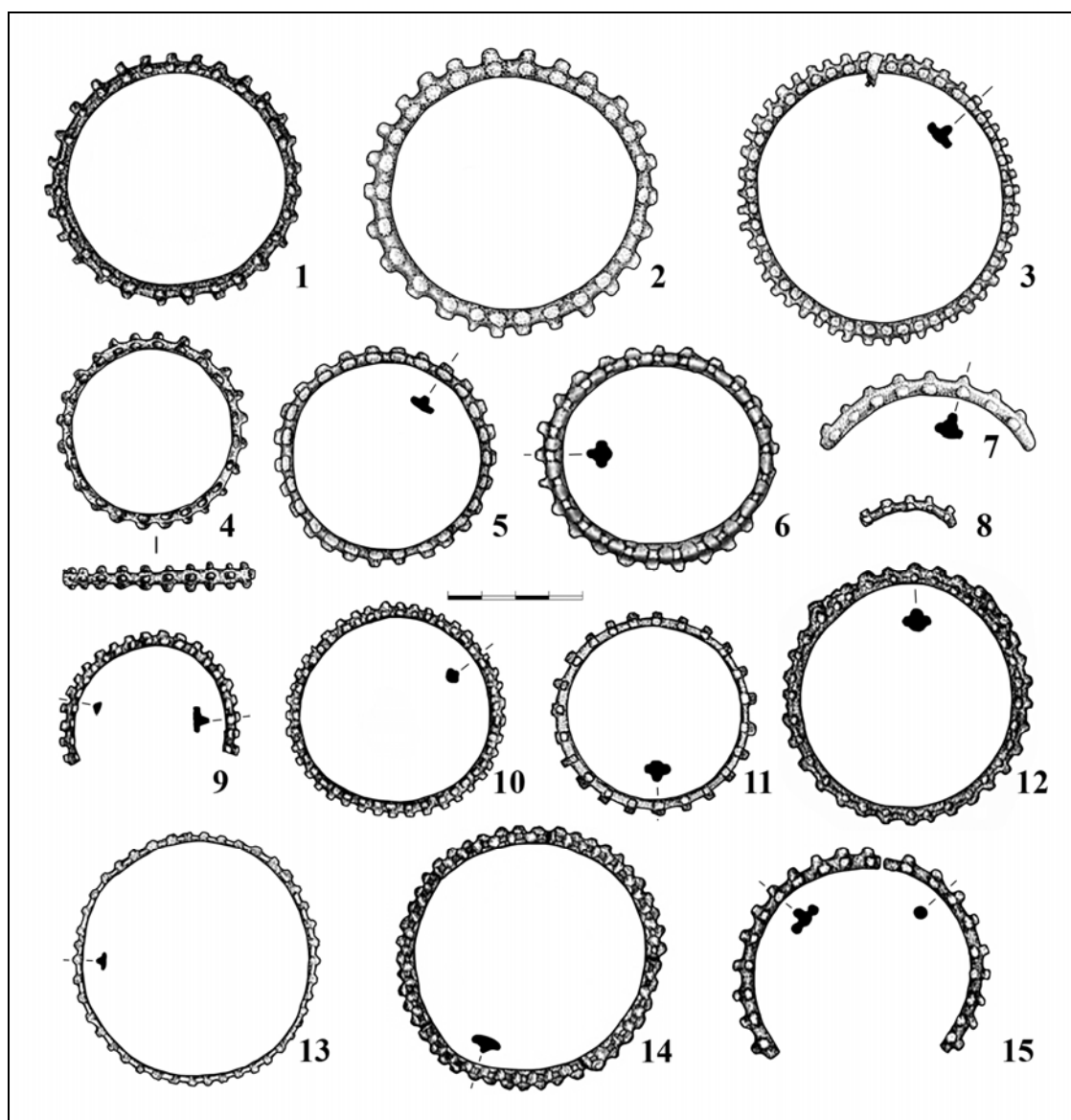
Рис. 5. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками: 1 — Усть-Альминский могильник, склеп 439/9 (по Пуздровский 2007: рис. 146: 7); 2 — Крайва (по Glodariu 1984: fig. 1: 2); 3 — Пояна (по Glodariu 1984: fig. 1: 1); 4 — Печика (по Glodariu 1984: fig. 1: 5); 5—7, 13—16 — Бережанский клад (по Винокур 1969: рис. 3: 6—12); 8 — Костешть (по Glodariu 1984: fig. 1: 3); 9 — Бельбек, погребение 38 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 25: 4); 10 — Сигишоара (по Glodariu 1984: fig. 5: 6); 11 — Кэпилнат (по Glodariu 1984: fig. 1: 8); 12 — Долиняны (по Смирнова 1981: рис. 7: 6).

Fig. 5. Late antique bracelets with projections-knobs: 1 — Ust-Alma burial ground, crypt 439/9 (after Puzdrovskiy 2007: fig. 146: 7); 2 — Krayva (after Glodariu 1984: fig. 1: 2); 3 — Poiana (after Glodariu 1984: fig. 1: 1); 4 — Pechika (after Glodariu 1984: fig. 1: 5); 5—7, 13—16 — Berezhansky treasure (after Vynokur 1969: fig. 3: 6—12); 8 — Costesti (after Glodariu 1984: fig. 1: 3); 9 — Belbek, burial 38 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 25: 4); 10 — Sighisoara (after Glodariu 1984: fig. 5: 6); 11 — Capilnath (after Glodariu 1984: fig. 1: 8); 12 — Dolinyany (after Smirnova 1981: fig. 7: 6).

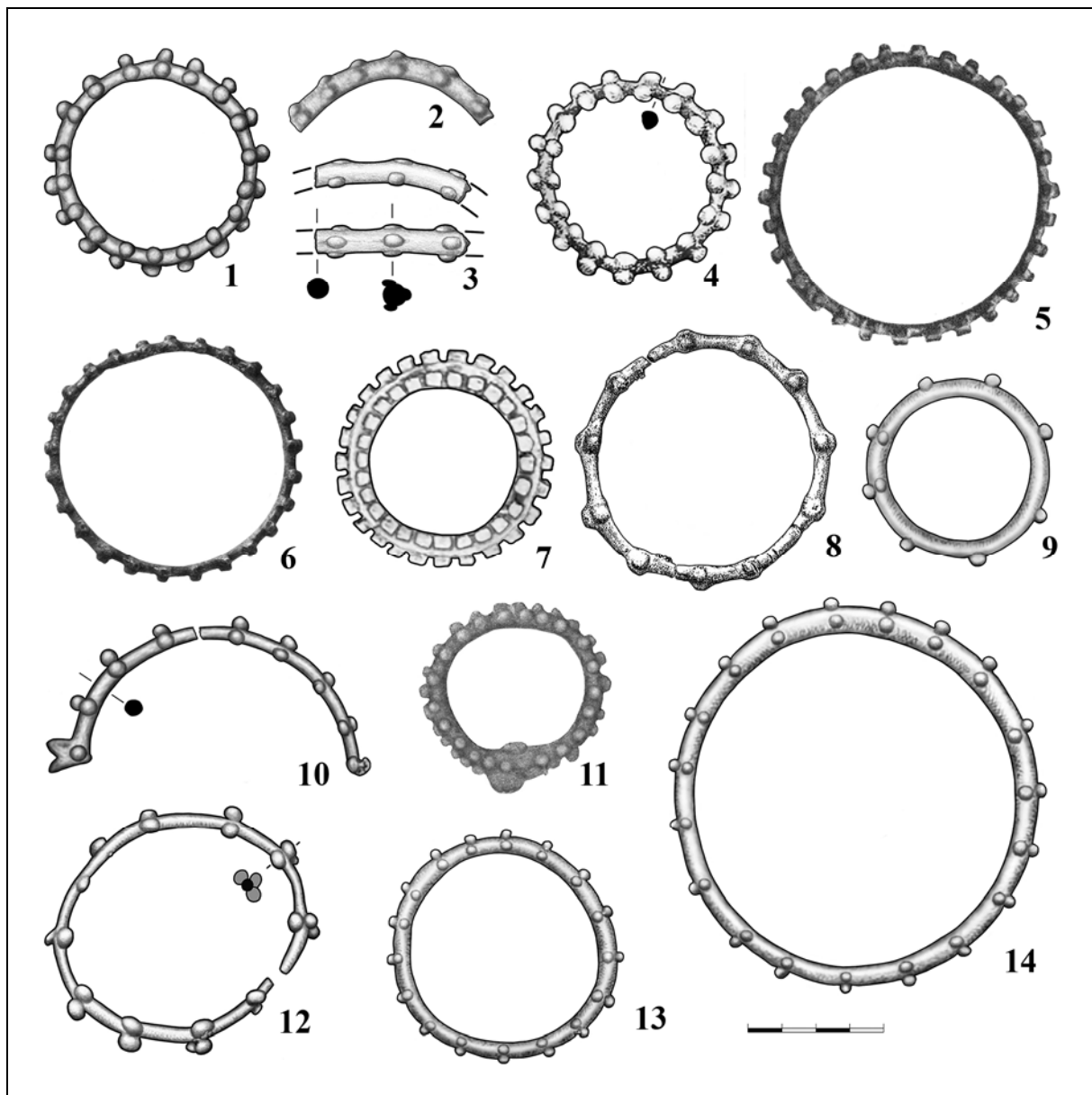
Рис. 6. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками из могильника Бельбек IV: 1 — погребение 3 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 5: 2); 2, 14 — погребение 39(2) (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 26: 9—10); 3, 5 — погребение 29 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 19: 20—21); 4 — погребение 34 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 23: 7); 6 — погребение 47 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 32: 8); 7 — погребение 70 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 43: 3); 8 — погребение 62 (по Гущина 1971: рис. 16: 17в); 9 — погребение 63 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 40: 3); 10—11 — погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 64: 7—8); 12 — погребение 81 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 49: 10); 13 — погребение 106 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 62: 9); 15 — погребение 132 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 81: 25).

Fig. 6. Late Antique bracelets with projections-knobs from the Belbek IV burial ground: 1 — burial 3 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 5: 2); 2, 14 — burial 39 (2) (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 26: 9—10); 3, 5 — burial 29 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 19: 20—21); 4 — burial 34 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 23: 7); 6 — burial 47 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 32: 8); 7 — burial 70 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 43: 3); 8 — burial 62 (after Gushchina 1971: fig. 16: 17в); 9 — burial 63 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 40: 3); 10—11 — burial 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 64: 7—8); 12 — burial 81 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 49: 10); 13 — burial 106 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 62: 9); 15 — burial 132 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 81: 25).

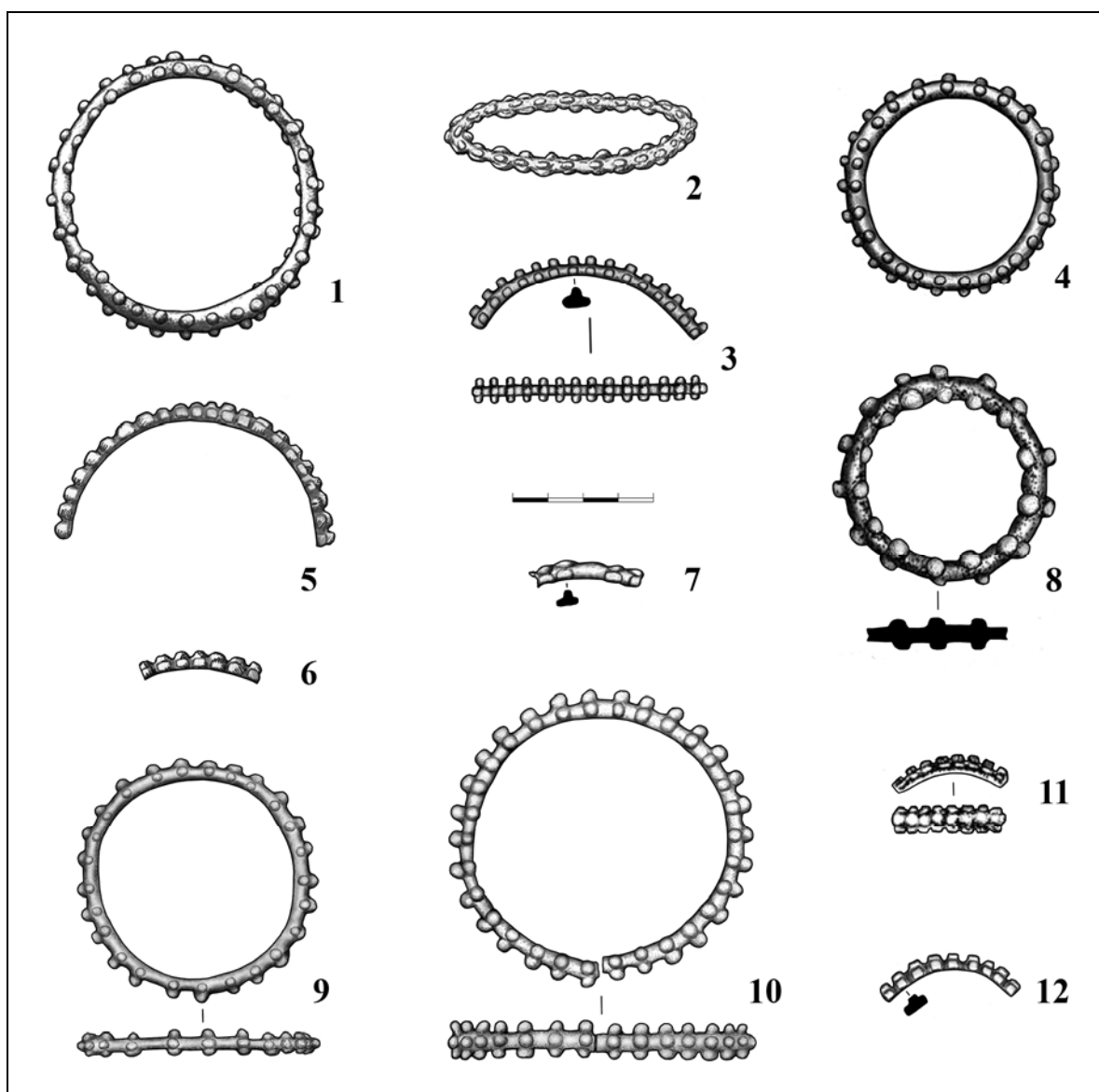
Рис. 7. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками из могильника Бельбек IV: 1 — погребение 156 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 96: 13); 2—3 — погребение 158 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 99: 7, 13); 4 — погребение 175 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 112: 7); 5 — погребение 159 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 97: 17); 6 — погребение 183 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 118: 8); 7 — погребение 204 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 134: 10); 8 — погребение 230 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 157: 7); 9—10, 15 — погребение 238 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 164: 9, 13, 15); 11 — погребение 312 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 209: 4); 12 — погребение 191 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 124: 11); 13 — погребение 286 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 195: 11); 14 — погребение 325 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 216: 7).

Fig. 7. Late antique bracelets with projections-knobs from the Belbek IV burial ground: 1 — burial 156 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 96: 13); 2—3 — burial 158 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 99: 7, 13); 4 — burial 175 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 112: 7); 5 — burial 159 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 97: 17); 6 — burial 183 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 118: 8); 7 — burial 204 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 134: 10); 8 — burial 230 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 157: 7); 9—10, 15 — burial 238 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 164: 9, 13, 15); 11 — burial 312 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 209: 4); 12 — burial 191 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 124: 11); 13 — burial 286 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 195: 11); 14 — burial 325 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 216: 7).

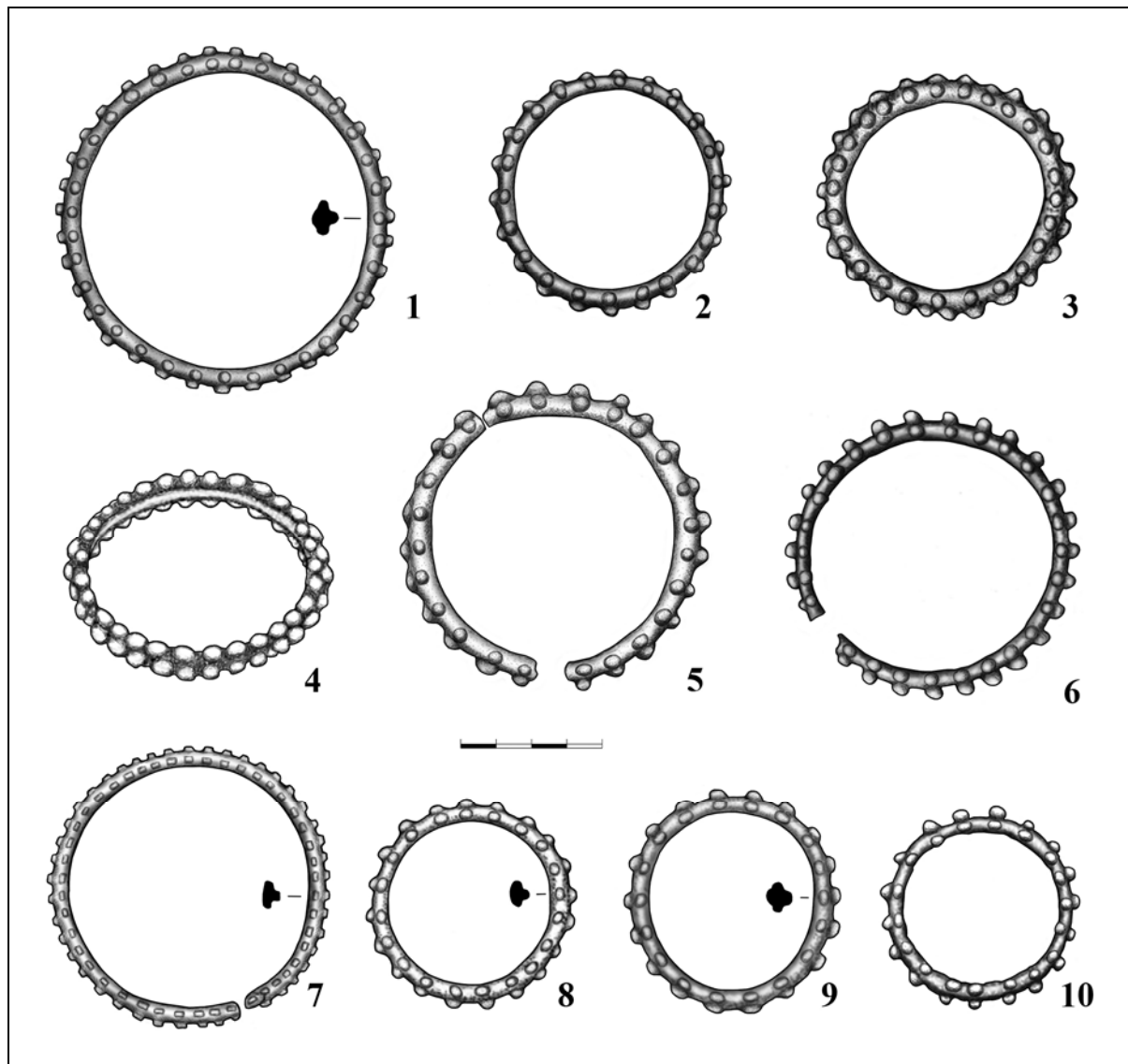
Рис. 8. Браслеты с выступами позднеантичного времени: 1 — Аккермень, курган 8 (по Вязьмитина и др. 1960: рис. 69: 13); 2 — Великая Паладь — реконструкция (по Потушняк 1958: табл. XLVI: 20); 3 — Войцеховка, курганная группа 6 (рисунок С.Д. Лысенко); 4 — Гежа (по Glodariu 1984: fig. 4: 10); 5 — Большая Дмитриевка (по Максимов 1957: рис. 2: 3); 6 — Заветное, могила 189 (по Богданова 1961: табл. 24: 4); 7, 9, 13—14 — Крайва (по Glodariu 1984: fig. 5: 1, 3: 6—5, 2: 10); 8 — Кошибеево, курган 8 (по Спицын 1901: табл. VII: 10); 10 — Костешть (по Glodariu 1984: fig. 2: 2); 11 — Липовец (по ЗРАО 1901: рис. 83); 12 — Кэпилнат (по Glodariu 1984: fig. 3: 4). 7 — без масштаба.

Fig. 8. Bracelets with protrusions of the late antique time: 1 — Akkermen, mound 8 (after Vyaz'mitina et al. 1960: fig. 69: 13); 2 — Velikaya Palad — reconstruction (after Potushnyak 1958: tab. XLVI: 20); 3 — Voytsekhovka, mound group 6 (drawing by S.D. Lysenko); 4 — Gezha (after Glodariu 1984: fig. 4: 10); 5 — Bolshaya Dmitrievka (after Maksimov 1957: fig. 2: 3); 6 — Treasured, grave 189 (after Bogdanova 1961: tab. 24: 4); 7, 9, 13—14 — Krayva (after Glodariu 1984: fig. 5: 1, 3: 6—5, 2: 10); 8 — Koshibeevo, mound 8 (after Spitsyn 1901: tab. VII: 10); 10 — Costesti (after Glodariu 1984: fig. 2: 2); 11 — Lipovets (after to ZRAO 1901: fig. 83); 12 — Capilnath (after Glodariu 1984: fig. 3: 4). 7 — no scale.

Рис. 9. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками из Неаполя Скифского: 1—3 — дореволюционные раскопки и случайные находки (по Сымонович 1983: рис. 4: 8, 14, 15); 4 — могила 20 (по Бабенчиков 1957: табл. III: 5); 5—6 — могила 26, погребение 2 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 30, 33), 6 — графическая реконструкция; 7 — могила 58 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 32); 8 — могила 36, погребение 1 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 21); 9 — могила 71б, погребение 2 (по Пуздровский 1992: рис. 5: 16); 10 — могила 73 (по Пуздровский 1992: рис. 6: 11); 11—12 — могила 104 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 24, 25). 1—4 — без масштаба.

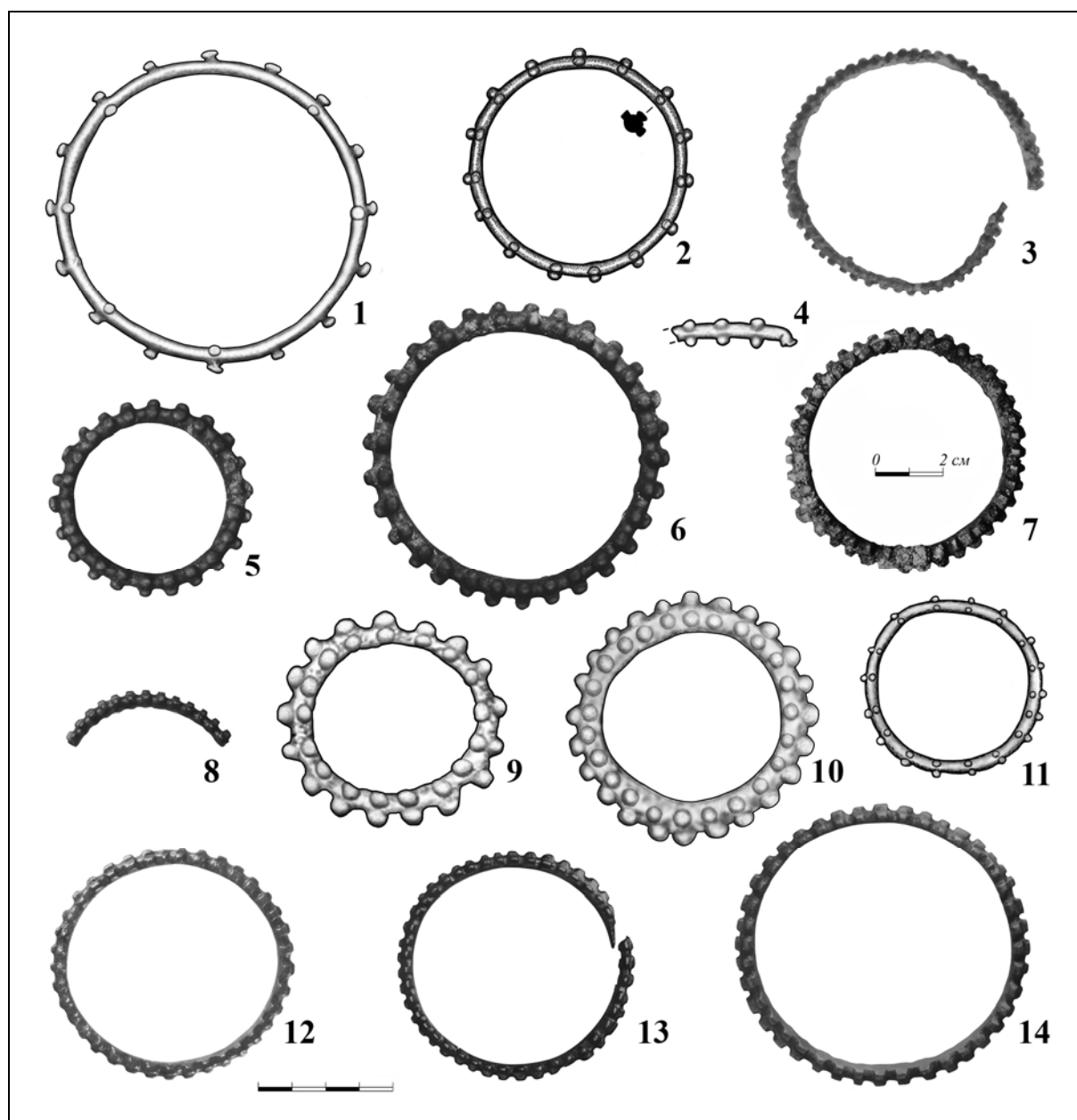
Fig. 9. Late antique bracelets with protrusions-knobs from Scythian Naples: 1—3 — pre-revolutionary excavations and accidental finds (after Symonovich 1983: fig. 4: 8, 14, 15); 4 — grave 20 (after Babenchikov 1957: tab. III: 5); 5—6 — grave 26, burial 2 (after Symonovich 1983: pl. XLIII: 30, 33), 6 — graphic reconstruction; 7 — grave 58 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 32); 8 — grave 36, burial 1 (after Symonovich 1983: pl. XLIII: 21); 9 — grave 71b, burial 2 (after Puzdrovskiy 1992: fig. 5: 16); 10 — grave 73 (after Puzdrovskiy 1992: fig. 6: 11); 11—12 — grave 104 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 24, 25). 1—4 — no scale.

Рис. 10. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками из Неаполя Скифского: 1 — могила 77 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 36); 2—3, 5 — могила 79 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 29, 31, 34); 4 — могила 85 (по Сымонович 1983: 72, табл. XLIII: 27); 6 — могила 97 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 37); 7—9 — могила 75, погребение 1 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 26, 28, 35); 10 — могила 96 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 23).

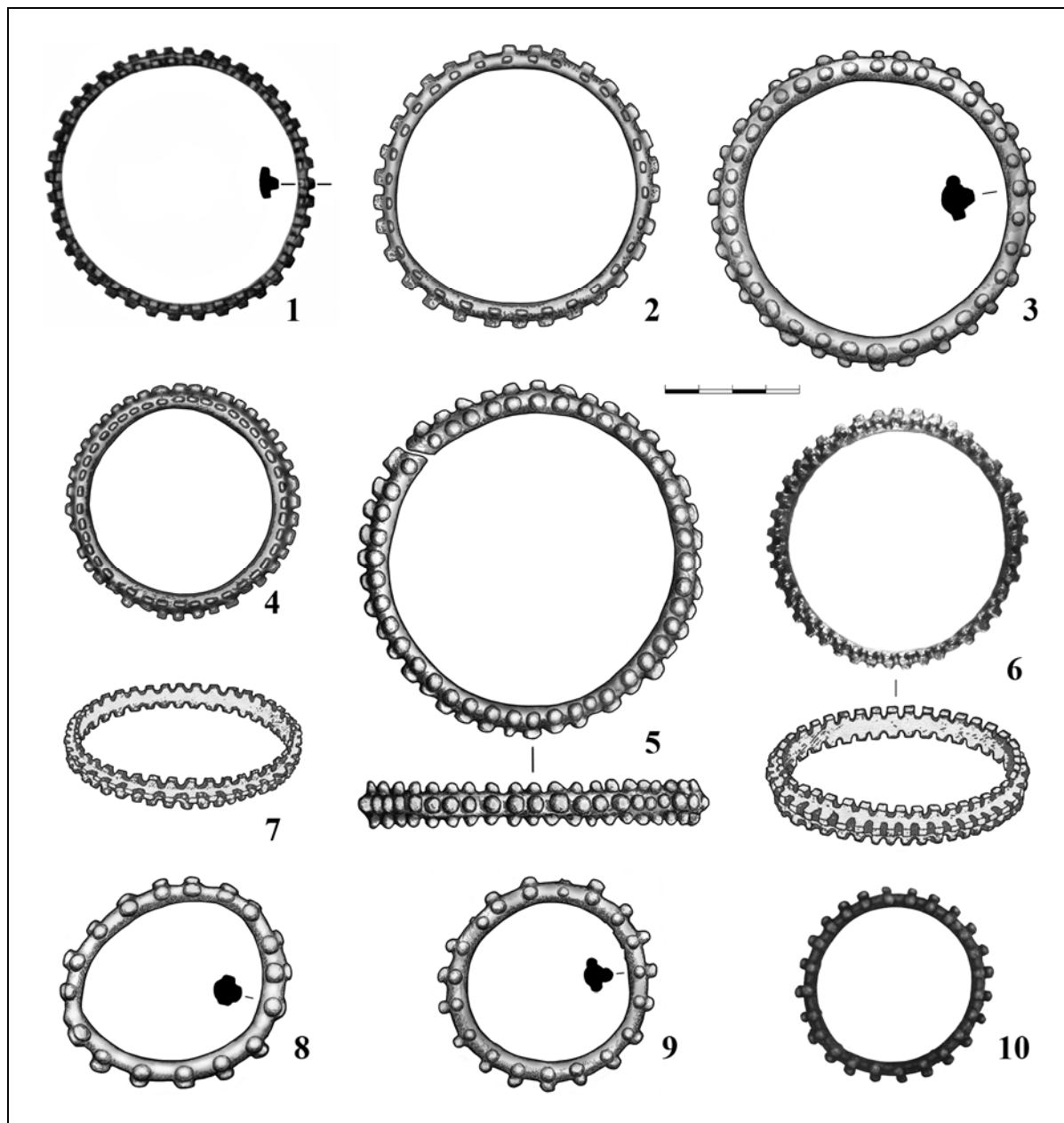
Fig. 10. Late antique bracelets with projections-knobs from Scythian Naples: 1 — grave 77 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 36); 2—3, 5 — grave 79 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 29, 31, 34); 4 — grave 85 (after Symonovich 1983: 72, tab. XLIII: 27); 6 — grave 97 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 37); 7—9 — grave 75, burial 1 (after Symonovich 1983: pl. XLIII: 26, 28, 35); 10 — grave 96 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 23).

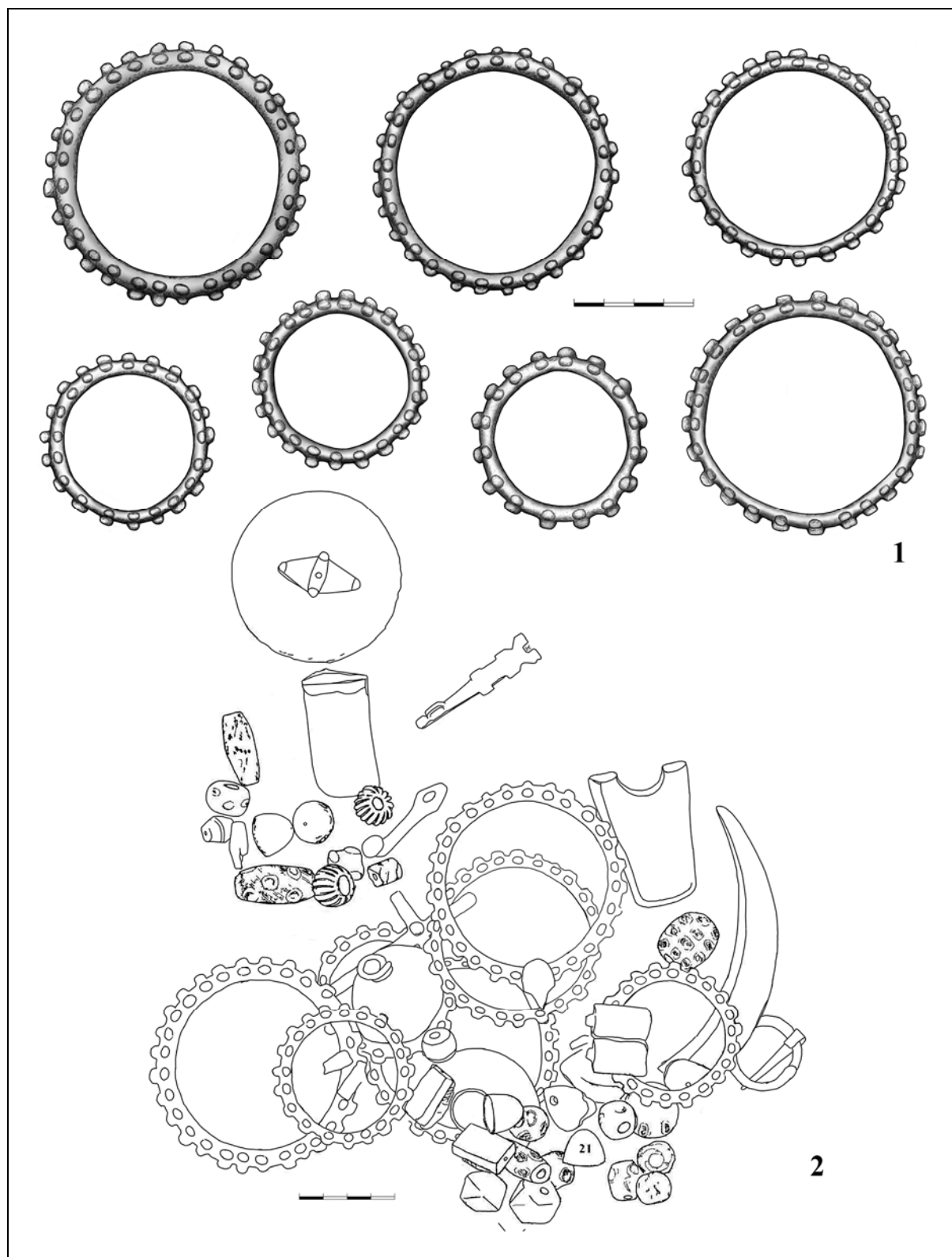
Рис. 11. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками: 1 — Мэгерушь (по Glodariu 1984: fig. 4: 2); 2 — Молога, склеп 2, погребение V (по Гудкова, Фокеев 1982: рис. 11: 7); 3 — Нагорное (по Гудкова и др. 1981: табл. LXIX: 2); 4 — Рэкетау де Жос (по Glodariu 1984: fig. 2: 3); 5—6 — Озёрный, разрушенное погребение (по Богданова 1960: табл. III: 6); 7 — Озёрный, могила 1 (по Богданова 1960: табл. VI: 4); 8, 12—14 — Скалистое, могилы 37(1), 12, 29 и 43 (по Богданова 1964: табл. 71: 3, 21: 3, 55: 2, 83: 9); 9 — Папиу Иллариа (по Glodariu 1984: fig. 5: 3); 10 — Сигишоара (по Glodariu 1984: fig. 5: 4); 11 — Херсонес (по Зубарь 1982: рис. 61: 9).

Fig. 11. Late antique bracelets with projections-knobs: 1 — Megerush (after Glodariu 1984: fig. 4: 2); 2 — Mologa, crypt 2, burial V (after Gudkova, Fokeev 1982: fig. 11: 7); 3 — Nagornoye (after Gudkov et al. 1981: tab. LXIX: 2); 4 — Racketau de Jos (after Glodariu 1984: fig. 2: 3); 5—6 — Ozernyi, destroyed burial (according to Bogdanova 1960: tab. III: 6); 7 — Ozernyi, grave 1 (after Bogdanova 1960: tab. VI: 4); 8, 12—14 — Rocky, graves 37 (1), 12, 29 and 43 (after Bogdanova 1964: tab. 71: 3, 21: 3, 55: 2, 83: 9); 9 — Papiu Illaria (after Glodariu 1984: fig. 5: 3); 10 — Sighisoara (after Glodariu 1984: fig. 5: 4); 11 — Chersonesus (after Zubar 1982: fig. 61: 9).

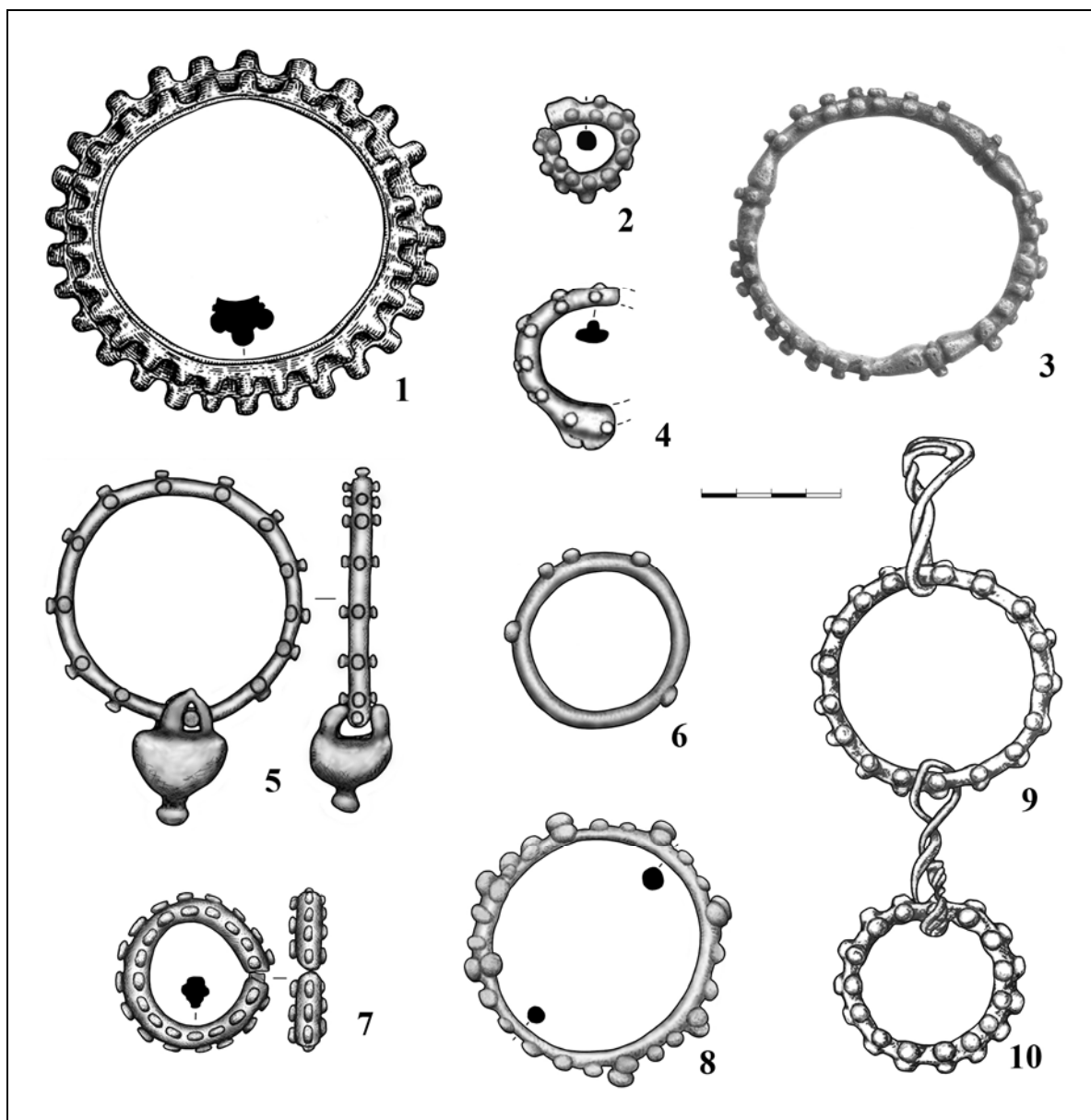
Рис. 12. Позднеантичные браслеты с выступами-шишечками из Усть-Альминского могильника: 1 — могила 174 (по Высотская 1979: рис. 99: 72); 2 — склеп 43/14 (по Высотская 1994: табл. 10: 2); 3, 8—9 — склеп 620/1 (по Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002: Abb. 15: 17; 17: 2, 3; Пуздровский 2007: рис. 144: 30, 2, 3); 4 — склеп 88/2 (по Высотская 1994: табл. 25: 14); 5 — склеп 315 (по Пуздровский 2007: рис. 146: 4, 3); 6 — склеп 62/4 (по Высотская 1973: рис. 47; 1994: табл. 18: 24); 7 — склеп 88/10 (по Высотская 1994: табл. 27: 5); 10 — склеп 92, костяк 8 (по Высотская, Лобода 1974: рис. 33).

Fig. 12. Late antique bracelets with projections-knobs from the Ust-Alma burial ground: 1 — grave 174 (after Vysotskaya 1979: fig. 99: 72); 2 — crypt 43/14 (after Vysotskaya 1994: tab. 10: 2); 3, 8—9 — crypt 620/1 (after Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002: Abb. 15: 17; 17: 2, 3; Puzdrovskiy 2007: fig. 144: 30, 2, 3); 4 — crypt 88 / 2 (after Vysotskaya 1994: tab. 25: 14); 5 — crypt 315 (after Puzdrovskiy 2007: fig. 146: 4, 3); 6 — crypt 62/4 (after Vysotskaya 1973: fig. 47; 1994: tab. 18: 24); 7 — crypt 88/10 (after Vysotskaya 1994: tab. 27: 5); 10 — crypt 92, skeleton 8 (after Vysotskaya, Loboda 1974: fig. 33).

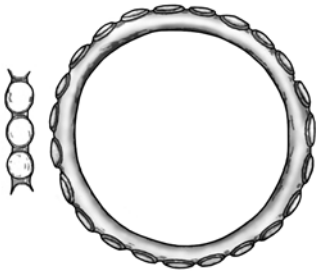
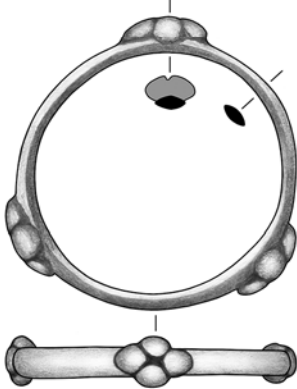
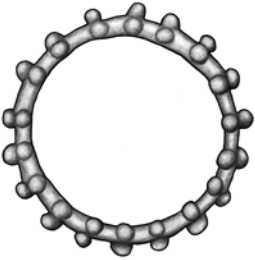
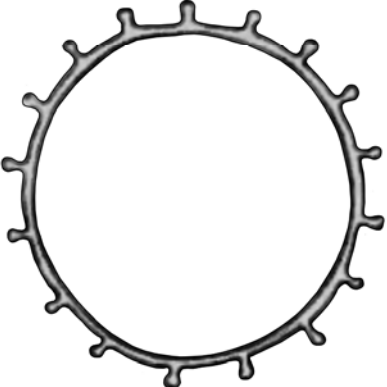
Рис. 13. Инвентарь из склепа 853 Усть-Альминского могильника: 1 — браслеты с выступами—шишечками (по Пуздровский 2007а: рис. 1: 19а—д, 25); 2 — фрагмент плана погребения со скоплением вещей (по Пуздровский 2007а: рис. 1).

Fig. 13. Inventory from crypt 853 of the Ust-Alma burial ground: 1 — bracelets with projections—knobs (after Puzdrovskiy 2007a: fig. 1: 19a—d, 25); 2 — fragment of the burial plan with an accumulation of things (after Puzdrovskiy 2007a: fig. 1).

Рис. 14. Позднеантичные браслеты с некоторыми особенностями и фрагменты браслетов, переделанные в кольца: 1 — Галиш—Ловачка (по Бидзиля, Щукин 1993: XXVI: 21); 2 — Костешть (по Glodariu 1984: fig. 4: 6); 3 — Заветное, могила 194 (по Богданова 1961: табл. 35: 11); 4 — Неаполь Скифский, могила 77 (по Сымонович 1983: табл. XLIII: 14); 5 — Китаевка (по Кореньяко, Найденко 1977: рис. 4: 1); 6 — Крайва (по Glodariu 1984: fig. 5: 9); 7 — Битак, склеп 155 (по Пуздровский 2007: рис. 42: 2); 8 — Трансильвания (по Glodariu 1984: fig. 5: 5); 9—10 — браслет и кольцо из Усть-Альминского могильника, склеп 315 (по Пуздровский 2007: рис. 146: 4, 3).

Fig. 14. Late antique bracelets with some features and fragments of bracelets, converted into rings: 1 — Galish—Lovachka (after Bidzilya, Shchukin 1993: XXVI: 21); 2 — Costesti (after Glodariu 1984: fig. 4: 6); 3 — Zavetnoye, grave 194 (after Bogdanova 1961: tab. 35: 11); 4 — Scythian Naples, grave 77 (after Symonovich 1983: tab. XLIII: 14); 5 — Kitaevka (after Korenyako, Naidenko 1977: fig. 4: 1); 6 — Krayva (after Glodariu 1984: fig. 5: 9); 7 — Bitak, crypt 155 (after Puzdrovskiy 2007: fig. 42: 2); 8 — Transylvania (after Glodariu 1984: fig. 5: 5); 9—10 — bracelet and ring from the Ust-Alminsky burial ground, crypt 315 (after Puzdrovsky 2007: fig. 146: 4, 3).

<p>Браслеты с выступами гальштатского временей</p>		<p>HaA – HaD XII – VI вв. до н.э.</p>
<p>Браслеты с выступами латенского времени</p>		<p>IV – III вв. до н.э.</p>
<p>Браслеты с выступами позднеантичного времени</p>		<p>II в. до н.э. – IV в. н.э.</p>
<p>Хртыноцкие браслеты с выступами</p>		<p>VII-VI вв. до н.э.</p>

Рис. 15. Типология и датировка браслетов с выступами.

Fig. 15. Typology and dating of bracelets with protrusion

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.17.22.014

Ю.К. Гугуев, С.А. Наumenко

ПОДВАЛ II В. Н.Э В РАЙОНЕ ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ ТАНАИСА (РАСКОП XIX)*

В 1996 г. германским отрядом Нижне-Донской археологической экспедиции в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX) был открыт подвал 3 постройки 4 (Восточный подвал). Он принадлежит к числу археологических комплексов, образовавшихся в результате разгрома города поздними сарматами около середины II в. н. э. Из заполнения подвала происходит большое количество находок: амфоры, краснолаковая, столовая, гончарная сероглиняная и лепная посуда, светильник, два наконечника стрел, два ключа, замок, астрагал, костяной предмет, железные гвозди, пять монет (от Аспурга до Реметалка). Среди амфор — красноглиняная типа Зеест 84, оранжевоглиняная типа Танаис/Усадьбы 20-21, коричневоглиняная неустановленного центра, узкогорлые светлоглиняные гераклейские типа С по Шелову и др. Краснолаковая керамика представлена различными формами понтийской сигилатты А и двумя фрагментами пергамской сигиллатты. В целом, датировки амфор и краснолаковой посуды укладываются в промежуток от конца I до середины II в. н.э. В наборе неантичной гончарной сероглиняной керамики сосуда аланского производства составляют заметное количество (6 из 14-ти экземпляров), тогда как в мусорных слоях, сформировавшихся в результате очистки города после разгрома, меотские фрагменты абсолютно доминируют над аланскими. На одном из меотских сосудов оттиснут рельефный тамгообразный сарматский знак; другой сосуд представлял собой блюдо («столик») на трёх низких ножках, подобное тем, которые использовались в быту кочевниками — сарматами и ранними аланами Кавказа. Указанные факты, возможно, свидетельствуют о варварском происхождении владельца подвала.

Ключевые слова: Танаис, подвал, мусорный слой, поздние сарматы, меоты, аланы, амфоры, краснолаковая керамика, неантичная гончарная сероглиняная керамика, тамгообразный знак.

Сведения об авторах: Гугуев Юрий Константинович¹, независимый исследователь; Наumenко Светлана Андреевна², ведущий археолог, ГАУК РО «Донское наследие».

Контактная информация: ¹344058, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Коммунистический, д. 2; e-mail: guguev2009@rambler.ru; ²344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29, ГАУК РО «Донское наследие»; e-mail: naumenkos16@mail.ru.

Yu.K. Guguev, S.A. Naumenko

THE BASEMENT OF THE 2nd c. CE IN CITY SQUARE AREA OF TANAIS (EXCAVATION UNIT XIX)

In 1996, a basement of a building was excavated by the German research team of the Lower Don Archaeological Expedition in the city square area of Tanais. The basement feature (No. 3, so-called Eastern basement) was revealed to make a part of the building No. 4 within the excavation unit XIX. The basement is referred to among complexes resulted from ravage caused by the late Sarmatians as they defeated the city around the mid-2nd century. In the filling of the basement, a large number of finds have been discovered: amphorae, red slip ware, fine tableware, wheelmade gray clay ware, handmade pottery, a lamp, two arrowheads, two keys, a lock, an astragalus, a bone object, iron nails, and five coins (from Aspurgus to Rhoemetalses). Among the amphorae, many varieties have been represented, such as (a) red clay ones of the

* Статья поступила в номер 02 декабря 2021 г.
Принята к печати 24 декабря 2021 г.

Zeest 84 Type, (b) orange clay ones of the Tanais Homesteads 20-21 Type, (c) brown clay one produced by unidentified centre, with high handles and flat bottom, (d) narrow-necked ones from Heraclea made of light-coloured clay (Shelov's Type C), and (e) others. Red slip ware is represented by various forms of the Pontic sigillata A and by two fragments of the Pergamene sigillata. In general, the dating of amphorae as well as that of red slip ware falls within the interval from the late 1st to the mid-2nd century CE. Among non-antique pottery, gray clay vessels made by the Alans make up a noticeable amount of six out of fourteen items, while in the dump layers formed as a result of the cleaning of the city after the defeat is finished, fragments of Maeotian ceramics absolutely prevailed as compared with Alan ones. On the surface of one of the Maeotian vessels, a relief tamga-like Sarmatian sign is imprinted, the other one represents a 'table' with three short legs, similar to those used in everyday life by the nomads like the Sarmatians and the early Alans of the Caucasus. It is these facts which may testify a "barbaric" origin of those who owned the basement.

Key words: Tanais, basement, Middle and Late Sarmatian cultures, Alans and Meotians, amphorae, red-lacquer ceramics, non-antique grey-clay pottery, tamga-shaped symbols.

About the authors: Guguyev Yuriy Konstantinovich¹, independent researcher; Naumenko Svetlana Andreyevna², leading archaeologist, State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage".

Contact information: ¹344058, Russian Federation, Rostov-on-Don, 2 Kommunistichesky Ave.; e-mail: guguev2009@rambler.ru; ²344022, Russia, Rostov-on-Don, 29 Nizhnebulvarnaya Str., State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage"; e-mail: naumenkos16@mail.ru.

В 1996 г. германским отрядом (руководитель Б. Беттгер) Нижне-Донской археологической экспедиции под руководством Т.М. Арсеньевой на XIX раскопе был открыт подвал 3 постройки 4 (так называемый Восточный подвал). Участок работ расположен в юго-восточной части основного четырехугольника городища (рис. 1, 2: 1). Данный комплекс не является чем-то особенным по сравнению с остальными немногочисленными постройками II в. н.э. Но в то же время его следует выделить по нескольким причинам. Во-первых, он принадлежит к числу весьма малочисленных закрытых комплексов конца I — первой половины II вв. н.э., погибших в пожаре около середины II в. н.э. в результате нападения позднесарматских племен, пришедших с востока на территорию Нижнего Подонья (Безуглов 2001: 111, 119; Арсеньева, Науменко 2004: 59—60). Из-за этой акции в городе серьезно пострадали не только жилые постройки (на сегодняшний день известно 10 построек с подвалами), но и 4 башни, две из которых более не восстанавливались (Шелов 1972: 27, 34; Арсеньева, Шелов 1974: 131—132; Арсеньева, Науменко 2004: 35—36; 2007: 37; Арсеньева и др. 2009: 39—43). Следов разрушений этого времени и связанных с ними последующих перестроек на территории цитадели зафиксировано довольно много во всех исследованных городских кварталах. Едва ли не в каждом подвальном помещении, погибшем в середине III в. н.э., отмечались строительные остатки и артефакты II в. под полами, а иногда и серьезные перепланировки. Часто расширялись площади за счет появления новых стен. В одном случае в огромном подвале середины III в. н.э. на XIX раскопе зафиксирована специальная пристройка к южной стене, куда был сброшен мусорный слой с материалом первой половины II в. (Arsen'eva, Böttger 1998: 389—398). Иногда старый подвал засыпался грунтом со строительными остатками и предметами материальной культуры и над ним воздвигался новый более крупный склад, как например, подвал МБ (Арсеньева, Науменко 1993: 62—63. рис. 1; Безуглов 2001: 109—110). Во-вторых, несмотря на свои незначительные размеры, подвал 3 постройки 4 привлекает внимание исследователей богатым составом разнообразных находок, позволяющих отнести его к одному из важных хронологических индикаторов этого времени. После пожара середины II в. н.э. он более не восстанавливался, а все рухнувшие внутрь строительные остатки и вещи были погребены под слоем выравнивания поверхности под сооружение дворика и новых помещений.

По данным авторов раскопок, подвал был построен в конце I в. н.э. и разрушен около середины II в. Над ним была наземная одноэтажная часть помещения, которая не сохранилась. Подвал узкий, прямоугольной формы, ориентирован длинной осью по линии восток — запад. Размеры его примерно $4,8 \times 1,75$ м, площадь около 8,5 кв. м. Он был вырублен в скале, его стены частично были сооружены из камня, за исключением южной стены: она была скальная. Пол также был скальный, а образовавшаяся со временем продольная трещина вдоль северной стены была заложена плоскими камнями, укрепленными со стороны стены орфостатными плитами (рис. 2: 2—4, 3: 1). Во время пожара обрушение здания происходило, видимо, с юго-западного угла. Вместе со строительными остатками вниз рухнули и предметы, находившиеся в наземной части помещения. В засыпи подвала зафиксировано значительное число разных форм краснолаковой, столовой, серолощенной и лепной посуды, гвозди, два наконечника стрел, замок, два ключа, обломки стеклянных сосудов, целый светильник, рыболовное грузило, астрагалы, костяное изделие, а также 5 бронзовых монет. Что касается амфорных находок, то их обнаружено немного, при этом часть из них открыта *in situ* на полу (рис. 3: 2). Важно, что состав амфор в данном комплексе абсолютно совпадает с набором сосудов тех же производственных центров в аналогичных постройках и в мусорных свалках времени чистки города после катастрофы середины II в. как внутри города, так и за его пределами. Внутри города нам известны факты сброса мусора в общегородскую цистерну на раскопе XIX (постройка 6), где было открыто беспрецедентное количество керамического материала (Arsen'eva, Böttger 1999: 423—427, Abb. 19—20), засыпь наземной части 16-й усадьбы в центральной части городища в квартале III (помещение ЕЗ) (Арсеньева, Науменко 1992: 58—59), а также засыпь башни 3 второго периода (Арсеньева, Науменко 2004: 35—36, 68—71, табл. 5—8). За пределами города известно использование заброшенных построек в Западном городском районе после прекращения его существования в I в. н.э. На основании материалов, полученных при исследовании этих комплексов в 1960—1961 гг., И.С. Каменецкому удалось проследить все формы керамической тары, поступавшей в город на протяжении I—II вв. н.э. (Каменецкий 1969: 139—147, табл. I—II, IV: 1—8, 11—18). Кроме того, огромное число фрагментов разбитых амфор, краснолаковой и столовой посуды I — первой половины II вв. н.э. было сброшено в пустую яму-глинище в северной части города за пределами оборонительного рва цитадели (Арсеньева, Власкин 1998: 18; Арсеньева, Науменко 2001: 60). Раскопки самого крупного мусорного холма в Нижнем городе у реки к югу от железной дороги, проведенные в 2000—2003 гг. (Казакова 2004: 234), дали аналогичный материал.

В публикуемом комплексе зафиксировано две целых амфоры и значительное число фрагментов — как профильных частей, так и стенок. У западной стены подвала лежала амфора очень похожая по форме на сосуды типа Зеест 84 (Зеест 1960: 116, 171, табл. XXXV: 84). У этих сосудов красная или розоватая с фиолетовым оттенком глина, венчик в виде округлого широко подрезанного снизу валика, а на горле часто 3—4 рельефных желобка. Коническая ножка в большинстве случаев имеет следы от подставки для просушивания. Емкость подобных сосудов от 70 до 80 л, в то время как объем нашей амфоры лишь 53,7 л. Она меньше и по размеру, венчик менее выразительный, да и глина светлая оранжеватая (рис. 3: 2, 4: 1).

Самая крупная в подвале амфора типа Усадьбы 20-21 (Арсеньева, Науменко 1992: 141—142, рис. 20—21). Она является одним из нескольких вариантов типа оранжевоглиняных сосудов, бытовавших в Танаисе в I—II вв. н.э. Впервые на эти амфоры обратил внимание И.С. Каменецкий, обрабатывая материалы из раскопок 1960 г. на одном из восточных участков западного городского района. Он выделил серию венчиков, ручек и ножек красноглиняных амфор, определив для них по данным стратиграфии нижнюю границу — рубеж н.э., верхнюю —

II в. н.э. Однако исследователь не смог объединить отдельные профильные части в типы из-за чрезвычайной фрагментарности материала, происходившего главным образом из мусорных напластований, перекрывших комплексы последних двух веков до н.э. (Каменецкий 1969: 136—147). И.Б. Зеест в своем каталоге приводит один экземпляр, похожий на эту серию сосудов, который датирует рубежом н.э. — II вв. н.э. (Зеест 1960: 111, 165, табл. XXIX: 69). Коллекция музея Танаиса располагает несколькими целыми формами и огромным числом фрагментов, обнаруженных на территории городища в немногочисленных закрытых комплексах середины II в. н.э. вместе с амфорами типа С по Шелову, типа Зеест 83, сосудами с воронковидным горлом, синопскими амфорами типа Син II по Внукову (Внуков 2006: 16, рис. 1: 12), а также в переотложенных слоях и мусорных свалках. Это довольно крупные амфоры с более или менее массивными венцами, имеющими разную профилировку, с широкими, расширяющимися книзу горлами; с сильно покатыми плечами и коническими туловами, плавно завершающимися высокими и массивными коническими или цилиндрическими ножками, иногда со спиралевидным рифлением. Их ручки, имеющие разную профилировку, массивные, широко расставлены; глина часто идентична, в основном, оранжевая, отличается примесями, иногда в тесте присутствует слюда, золотистая или белая. Очевидно, что этот тип производился в разных центрах. Следует отметить, что подобные амфоры, иногда менее крупные, широко использовались во II в. н.э. для погребения в них детей. На основании танаисских материалов представляется возможным выделить среди этой серии многочисленных широкогорлых сосудов семь вариантов, которые поступали в город, очевидно, с начала II в. н.э., а некоторые варианты и с конца I в. н.э. и бытовали до середины II в. н.э. и позже. Лишь единичные экземпляры встречены в закрытых комплексах первой половины III в. н.э.; очевидно, эта форма бытовала в Танаисе в течение II—III вв. н.э. (Арсеньева, Науменко 1992: 141—142, 156, рис. 20—21, 36: 2). Находки амфор этого типа известны в Кноссе как тип 39 (Hayes 1983: 155, fig. 25: 91), распространены в Нижнем Подунавье в период II—III вв. н.э. (Oraiț 1980: 308, fig. X: 2, XV: 1; 1987: 247—250, fig. 2: 1, 3a-b, 3: 1—2), зафиксированы они в погребальных комплексах II—III вв. н.э. в Томах (Radulescu 1976: 103—104, fig. III: 3; IV: 1—2). Похожие амфоры изданы в одной из последних работ Д. Кассаб-Тезгер, отмечающей их как имитацию типа Зеест 75, что не совсем корректно, поскольку и морфологически, и по глине они сильно отличаются и, как нам представляется, центры производства у них разные. Лишь несколько экземпляров, практически идентичных типу Усадьбы 20-21 из музеев Синопы, Амастрии и Эрегли, она относит к типу Troemis X = Aegyssus IB, ссылаясь при этом на А. Опайта, на его публикации 1987 и 2016 гг. Она отмечает, что, по мнению А. Опайта, в этих сосудах кроме вина, транспортировались и рыба, и оливки, а датирует он их I в. и третьей четвертью II в. н.э. (Dominique Kassab Tezgör 2021: 64—66, 146—147, pl. XXIV—XXV, cat. 133—136).

У нашего экземпляра венчик низкий и широкий валик, слегка загнутый внутрь, верхняя площадка профилирована желобком и чуть скошена наружу, сбоку он округлен, а снизу глубоко рассечен. Горло широкое и высокое, под венчиком припухлое, книзу плавно расширяется, переход к плечам выделен изнутри утолщением и ребром, под венчиком между ручками узкая врезная линия; плечи узкие и слабо покатые. Тулово коническое, стенки у дна слабовыпуклые; ножка массивная и высокая, коническая; ручки в сечении овальные расходятся в стороны за пределы тулова, максимальный размах их в верхней части, на внешней поверхности широкий асимметричный валик, крепятся широкими прилепами под венчиком, чуть приподнимаются кверху, изгибаются широкой дугой и опускаются на края плечей. Глина плотная, коричневато-красная с оранжевым оттенком, с черными и белыми частицами и редко мельчайшей слюдой. Высота сосуда 103 см. диаметр венчика 20,4 см,

диаметр тулова 46,0 см, объем амфоры примерно от 57 до 70 л. (рис. 4: 2). Центры производства этой серии сосудов из оранжевой глины точно пока не установлены.

Еще одна амфора из коричневой глины с широким плоским дном, более похожая на кувшин, была открыта в заполнении подвала. Центр производства таких сосудов пока не установлен. Они встречаются в Танаисе в основном в закрытых комплексах середины II в. н.э. и просуществовали, очевидно, до середины III в. н.э.; во всяком случае, они встречаются редко в закрытых комплексах середины этого столетия (Арсеньева, Шелов 1974: 141, табл. VI: 4; Арсеньева, Науменко 1992: 81, рис. 60: 6; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, рис. 11, 1; Arsen'eva, Böttger 1999: 426, Abb. 19: 3). Отличаются устойчивостью формы и незначительными колебаниями оттенков коричневой глины от светло-оранжевого до бежевого, иногда с небольшим количеством мелкой слюды. Характерным является расположение ручек на плечах. Аналогичная амфора известна в комплексе ямы середины II в. н.э. на акрополе Пантикапея вместе с амфорой типа С (Журавлев, Ломтадзе 1999: 98, рис. 2: 15). Венчик у нашей амфоры отогнут наружу, с утолщенным и округленным сверху краем, образующий воронку, сбоку профилирован желобком, снизу косо подрезан. Горло узкое, книзу расширяется; плечи широкие, выпуклые; тулово коническое. Донце широкое, плоское; ручки в форме арки, уплощенно-овальные в сечении, профилированы снаружи одним широким желобком, крепятся на плечах. Глина рыхлая, темно-красная с оранжевым оттенком, к ядру коричневая с мелкими белыми и черными частицами. Высота 48,0 см, диаметр венчика 9,9 см, диаметр тулова 28,4 см, диаметр дна 10,8 см, объем около 13,2 л. (рис. 4: 3).

В подвале были зафиксированы и находки одной из важных для датировки групп сосудов — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа С (Шелов 1978: 17, рис. 6) или тип С IV, вариант С, гераклеяского производства (Внуков 2006: 16, 167, рис. 1: 9). Это 2 амфоры без горл, 4 горла, 2 ножки (рис. 3: 2, 5: 1—3). Наши экземпляры относятся к самому раннему варианту этого типа с датой первая половина II в. н.э. Танаисская коллекция статистически насчитывает более 4 000 единиц целых и профильных частей по состоянию на 2000 г. Морфологически выделены самые ранние образцы амфор типа С, существенно отличающиеся от предшествующего типа В, прежде всего формой венчика, тулова и профилировкой ручек. Высота их такая же, или чуть ниже, но объем, наоборот, увеличивается. Венчик становится более массивным и широким при таком же высоком и узком горле, но уже без припухлости в верхней части, тулово сильно раздувается в верхней части, а ножка становится шире, чем у второго варианта типа В, ручки также широко расставлены, но их профилировка изменилась, превратившись в один боковой валик, рассеченный врезной линией, образующей два разновеликих валика (Науменко 2012: 65—66, 79, рис. 5: 2—3; Науменко 2017: 25, рис. 4: 4 C1).

Кроме того, в комплексе встречены фрагменты довольно редких форм сосудов, укладываемых в дату до середины II в. н.э. Это и обломки вариантов амфор с воронковидным горлом, и фрагменты других сосудов пока неустановленных центров (рис. 5: 4—6).

Краснолаковая керамика, являющаяся также одним из важнейших хронологических маркеров в закрытых комплексах Танаиса, представлена тарелками, мисками, чашами и кубками в основном понтийского производства (понтийская сигиллата А) и несколькими фрагментами пергамской сигиллаты, дата которых укладывается в период конец I — первая половина II в. н.э. Так среди тарелок образцы понтийской сигиллаты А: тарелки формы 3.1 по Журавлеву, на кольцевом поддоне с сильно или менее сильно вогнутым бортиком, на дне одной из них оттиснуто клеймо *planta pedis*, окруженное тремя кольцевыми нарезками (рис. 6: 1, 3) (Журавлев 2010: 135—136, кат. 94; Гущина, Журавлев 2016: 30). Еще три тарелки формы 4.2 по Журавлеву с прямым и невысоким бортиком, дно их украшено двумя или

четырьмя поясками насечек, на одной из них в центре нечеткое клеймо, возможно, *planta redis* (рис. 6: 2, 4—5) (Журавлев 2010: 135—137, кат. 106, 108, 117; Гущина, Журавлев 2016: 31). Еще одна тарелка формы 6.3 по Журавлеву на кольцевом поддоне с полусферическим туловом и горизонтально отогнутым краем, на дне орнамент в виде трех рядов косых насечек (рис. 7: 1) (Журавлев 2010: 138, кат. 132; Гущина, Журавлев 2016: 33). Встречены и тарелки с полусферическим туловом, с невысоким прямым бортиком, похожим на сосуды формы 9 по Журавлеву, и уплощенным отогнутым наружу краем, образующим «площадку» (Журавлев 2010: 139, кат. 141; Гущина, Журавлев 2016: 34). У одной из тарелок на стенке у кольцевого поддона волнистость (рис. 7: 2, 3). Подобная форма тарелок находит аналогии в продукции итальянских мастеров (Журавлев 2006: 167, рис. 1: 11—12).

Среди мисок два экземпляра формы 14.3 по Журавлеву с расширяющимся кверху туловом и чуть загнутым внутрь и подрезанным изнутри краем. На дне орнамент из двух рядов насечек (рис. 7: 4—5) (Журавлев 2010: 141, кат. 155; Гущина, Журавлев 2016: 36).

Что касается чаш, то выделяются три экземпляра: одна из них глубокая, на кольцевом поддоне, неширокий край горизонтально отогнут, стенки у поддона волнистые. Ниже под краем врезная бороздка, на ней ручка-налеп (рис. 8: 1). Другая чаша формы 30.3 по Журавлеву с вогнутыми стенками, чуть отогнутым внутрь бортиком, край чуть подрезан снаружи, дно почти плоское, с внешней стороны бортика имеются кольцевые бороздки (рис. 8: 2) (Журавлев 2010: 146, кат. 206; Гущина, Журавлев 2016: 39). Третья чаша с вогнутым бортиком, отогнутым внутрь и закругленным краем (рис. 8: 3). В подвале обнаружены и фрагменты кубка (дно и ручки не сохранились) формы 31 по Журавлеву с округленным туловом, чуть отогнутым венчиком и скругленным краем (рис. 8: 4) (Журавлев 2010: 147, кат. 217; Гущина, Журавлев 2016: 39). Отметим еще и фрагмент канфара с верхней частью ручки, орнаментированной сверху елочкой. Венчик сосуда горизонтально отогнут и сверху профилирован желобком, снизу выделен валиком (рис. 9: 1). В подвале зафиксированы и два образца пергамской сигиллаты (мастерская Чандарли). Это миски с прямым бортиком и резко выступающим нижним ребром, край скруглен, дно на кольцевом поддоне. На внешней поверхности тулова одной из мисок круговые бороздки (рис. 9: 2—3). Подобные сосуды известны в Танаисе в комплексах II в. н.э. (Арсеньева 1985: 83, рис. 3: 1—4; Журавлев 1998: 34—35, табл. 2: 1—3). Среди краснолаковых сосудов в подвале были и фрагменты кувшинчиков. Столовая посуда представлена гончарными крышками, мисками, кувшинами, среди которых один крупный сосуд с одной ручкой, похожий на амфору (рис 10: 1).

Среди прочих артефактов отметим костяной предмет в виде прямоугольной в сечении трубочки, все грани которой орнаментированы прямыми или крестообразными насечками. Поверхность тщательно заполирована. Возможно, он служил игольником (рис 9: 4). Еще одна интересная находка — гончарный светильник (тип 7 по Арсеньевой). Резервуар круглый со слегка вогнутым щитком, обрамленным двумя вдавленными желобками, в центре сквозное отверстие для масла. Рожок короткий с округленным окончанием и отверстием для фитиля. Ручка возвышается над резервуаром, она снабжена листовидной пластиной подтреугольной формы. На пластине рельефный орнамент в виде елочки, в верхней части и у основания пластины округлые выпуклости. В своей работе Т.М. Арсеньева отмечала, что светильники, украшенные подобного рода пластинами на ручках, встречаются довольно часто, но в Танаисе были открыты пока удлиненной формы с вытянутым рожком. Однако пластина, приведенная ею в каталоге под № 2 абсолютно идентична пластине на нашем светильнике (Арсеньева 1988: 49—50, табл. I: 6; X: 2; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 19). Форма подобных светильников широко известна, варьирует только иконография. Они

производились в различных центрах, в том числе и в провинциально-римских мастерских (Журавлев, Турова 2016: 356—357, табл. 8: 32; Böttger 2002: 12, 90, Cat. 46, Taf. 4: 46).

Лепная кухонная посуда (не менее 13 экземпляров) представлена в основном простыми горшками, реже встречены миски и крышки. Горшки, как правило, с высокими прямыми венчиками, отогнутыми наружу в той или иной степени, с округлыми или скошенными наружу краями, орнаментированными насечками или вдавлениями. На плечах часты орнаменты из косых бороздок, а также мелкие вертикальные налепы, иногда рассеченные выемкой. Поверхность часто шершавая и покрыта расчесами (рис. 11). Они практически не отличаются от лепных сосудов из закрытых комплексов середины III в. н.э. (Арсеньева 1969: 183, 189, табл. II: 2, VII: 12, 15; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 16—17).

В подвале зафиксировано 27 железных гвоздей, две железные трехлопастные стрелы, железный замок и ключи (Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 18). На разных уровнях заполнения в комплексе найдены 5 монет, одна из которых плохой сохранности. Монеты охватывают время от Аспурга (14—37 гг. н.э.) до Реметалка (131—154 гг. н.э.) и подтверждают дату прекращения функционирования подвала около середины II в. н.э. (Arsen'eva, Böttger 1997: 451; Bezuglov 1998: 427, 445, Cat 94, Abb. 2: 94; 446, Cat 102, Abb. 1: 102; Bezuglov 2001: 287—288, кат. 803—804, 808, 811), что соответствует дате позднесарматского разгрома Танаиса, установленной на основании анализа нумизматического материала из остальных подобных комплексов — между концом 30-х и началом 70-х гг. II н.э. (Безуглов 2001: 110, 112).

Довольно любопытен набор неантичной кружальной сероглиняной лощёной керамики из Восточного подвала, состоящий из фрагментов 14 типологически определимых (за исключением одного) сосудов. Как и везде в жилых комплексах Танаиса II—III вв. н.э., такая керамика подразделяется на две отчётливо различающиеся в технологическом отношении группы: меотскую (8 экз.) и аланскую (6 экз.). Ниже мы ещё коснёмся этих различий, которые известны специалистам с тех пор, как были достаточно подробно описаны (Гугуев 1993: 114—115, 117; Гугуев и др. 2017). А пока обратимся к рассмотрению аналогий нашим сосудам в синхронных памятниках Нижнего Дона и Центрального Предкавказья.

Некоторые изделия первой группы принадлежат к типам, очень часто встречающимся в Танаисе, на городищах его округи, а также в степных сарматских захоронениях Нижнего Подонья и Поволжья. Миски с наклонённым внутрь прямым бортиком и венчиком-выступом, аналогичные найденным в Восточном подвале (рис. 13: 2—3, 5), распространяются во II в. н.э. (Косяненко 2006: 66—68). Такие сосуды обнаружены и в относящейся, по-видимому, ко II в. н.э. одной из меотских гончарных печей, исследованных на Кобяковом городище (Братченко, Косяненко 1994: 80—85, рис. 35: 1—8). В конце этого столетия и в первой половине следующего данный тип постепенно вытесняет поздние варианты мисок с желобчатым бортиком, которые уже не встречаются в танаисских помещениях, погибших в начале 50-х гг. III в. н.э. (Гугуев, 2020: 209).

Кубышки средних размеров — с высоким слегка отогнутым прямым венчиком (его можно описать и как слабо расширяющееся кверху горло без выделенного венчика) и округло-биконическим туловом (рис. 12: 1) и близкая к ней по форме, но отличающаяся более низким сильнее отогнутым, изогнутым венчиком и более округлым туловом (рис. 12: 2)¹ — принадлежат не к такому распространённому, как упомянутые миски, типу (типам?). Похожий сосуд найден, к примеру, в погребении I в. н.э. некрополя Крепостного городища (Горбенко, Косяненко 2011: 74—75, 327, табл. XIX: 11, рис. 93: 4). Уникальной особенностью второй кубышки из Восточного подвала является наличие на ней рельефного

¹ Ранее данный сосуд был неверно атрибутирован нами как аланский (Науменко, Гугуев 2020: 271, рис. 1: 3).

тамгообразного знака (рис. 12: 2, 16: 1). Необычно и горизонтальное размещение тамги на гончарном изделии². Знаки такой схемы встречаются в северопонтийском регионе и далеко за его пределами, однако точной аналогии тамге на сосуде обнаружить не удалось. У известных нам подобных знаков внутри «двузубцев» отсутствует дуговидный выступ (см., например, знаки на германских железных наконечниках копий II—III вв. н.э. (Яценко, Добжаньска 2012: 500, 505, рис. 2: 6, 4: 19)). Как ни странно, ближе всего по начертанию к танаисской тамге знак из сасанидского Ирана (Драчук 1975: 150, табл. XXVI: 49), что, вероятно, просто совпадение.

Два меотских сосуда из Восточного подвала относятся к довольно редким типам. На Дону нам известно только одно керамическое изделие, близко напоминающее по форме обнаруженное в подвале средних размеров блюдо с горизонтально отогнутым венчиком, вертикальным бортиком и слабо выпуклым дном на трёх симметрично расположенных L-образных ножках («сапожках») (рис. 13: 1, 16: 2) — блюдец («вазочка») из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества (Беспаспортная случайная находка: Арх-401 КП 3779) (Кат. Раев 1979: ном. 30, отд. II: 23). От танаисского сосуда оно отличается меньшими размерами (диаметр 14,2 см, общая высота 4,8—5,0 см), несколько иной профилировкой бортика (сильнее отогнут, венчик-выступ приострён, верхний слегка выпуклый его край наклонён наружу) и дна (вогнутое), а также количеством симметрично расположенных L-образных ножек (четыре) (рис. 17). Несмотря на то, что блюдец заложено на круге, его рыхловатое светло-коричневое тесто, содержащее чуть более тёмные, чем наполнитель, частицы размером до 1 мм (рис. 17), совсем не похоже на формовочные массы меотской или аланской лощёной гончарной сероглиняной керамики. На внутренней поверхности дна в центре блюдца есть слабо различимое неправильно-овальное пальцевое вдавление (имитация клейма?). Такое впечатление, что блюдец представляет собой античную же реплику средиземноморского или понтийского гончарного сосуда большего размера. И, вероятно, именно такие крупные сосуды послужили образцом для нижнедонского гончара-меота, изготовившего блюдо на ножках из Восточного подвала³.

Найти в литературе эту гипотетическую форму нам пока не удалось. Отдельные её элементы присущи некоторым типам подобных сосудов. Например, трёхногие гончарные сероглиняные тарелки, близкие сосуду из Восточного подвала по размерам, а в ряде случаев и по профилировке бортика, известны в погребениях Дакии и Нижней Мезии (где они, вероятно, и произведены) середины II в. н.э. Правда, их ножки не L-образные, а образованы прорезями в высоком полом коническом поддоне (Exhibition Cat 2018: 120, 138, 139: num. 314, 367—369, 370). В понтийской сигиллате В, датирующейся II в. н.э. (без первой его четверти), известно небольшое краснолаковое блюдо на трёх ножках: форма его ножек и резервуара несколько иная (Catalogue of the exh. 2006: num. 89). Очень похожий, но более крупный краснолаковый сосуд («тарелка») на трёх ножках происходит из Пантикапея⁴.

² Не связано ли оно с крупными размерами знака? По длине (высоте) он несколько превышает ширину свободной от орнамента нижней части плечиков, на которую был нанесен. Имей знак вертикальное положение, нижняя его часть оказалась бы на перегибе формы, тогда как обычно тамги размещали на плоской поверхности.

³ Лепная меотская «вазочка» на трёх L-образных ножках происходит из ограбленной могилы (Раскопки А.А. Алейникова 2017 г., раскоп I, погребение 8) середины II — первой половины III в. н.э. некрополя Нижне-Гниловского городища. По размерам она очень близка новочеркасской (диаметр около 14 см, общая высота около 5 см), но имеет близкую к полусферической форму резервуара и её бортик иной конфигурации, чем у новочеркасского и танаисского сосудов (информация В.К. Гугуева).

⁴ Выражаем благодарность ст. науч. сотр. ГИМ канд. ист. наук Д.В. Журавлёву, указавшему нам на некоторые античные параллели меотскому сосуду на трёх ножках из Восточного подвала.

На наш взгляд, наряду с античными морфологическими параллелями блюду из Восточного подвала стоит обратить внимание и на возможные функциональные соответствия ему в посуде местных приазовских и северокавказских племён. В этой связи приходят на ум, прежде всего, средних и крупных размеров меотские и аланские блюда («миски», «вазы») на полый цилиндрической или конической ножке из грунтовых меотских погребений I — первой половины II в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 77—78, 327, табл. XXI: 7; рис. 93: 5; Ларенок, 2016: 219—220, табл. 87: 9) и позднесарматских курганных и грунтовых меотских второй половины II — первой половины III в. н.э. (Беспалый, Лукьяшко 2008: 66, 84, табл. LXVI: 9, LXXXIV: 6; Ларенок 2013: 80, табл. 52: 17)⁵.

Интересно, что подобные сосуды делались также из дерева. В ограбленной катакомбе грунтового могильника Танаиса, где уцелели разнообразные предметы из органических материалов, было обнаружено средних размеров деревянное блюдо с низким загнутым внутрь бортиком на конической ножке (Беспалый 2016: 40, рис. 372, 373)⁶. Ещё одно деревянное блюдо на высокой ножке («ваза») найдено в склепе № 595 («Склеп жриц») Усть-Альминского грунтового могильника (Зайцев 2000: 304, илл. 7: 5; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58, рис. 4: 3), в инвентаре которого, как справедливо указывают исследователи, отражено восточное (сарматское) влияние на культуру поздних скифов Крыма (Мордвинцева, Зайцев 2002: 61—62). Судя по выразительному уздечному набору позднесарматского облика (Зайцев 2000: 207, илл. 8), данный комплекс, скорее всего, датируется в пределах второй половины II — начала III в. н.э.

Вероятно, сосуд из Восточного подвала по назначению был близок также гончарному сероглиняному сосуду на трёх круглых в сечении низких ножках из грунтовой аланской катакомбы 734 Бесланского (Зилгинского) могильника в Северной Осетии, датирующейся первой половиной III в. н.э. (Малашев, Албегова 2018: 24—25, рис. 3). Авторы публикации причисляют свою находку к категории подносов (блюд) и сравнивают её, с одной стороны, с деревянным столиком-подносом с зооморфными ручками на четырёх съёмных ножках I в.

⁵ Среди нижнедонских меотских комплексов, содержащих блюда на ножке, особенно интересно погребение 73 Кобяковского могильника, раскопки 2000 г. — типичная меотская катакомба со шкурами животных во входной яме, в инвентаре которой, тем не менее, присутствовали яркие вещи степной позднесарматской воинской моды: серебряный уздечный набор и узкий длинный меч с длинной рукоятью, увенчанной халцедоновым навершием (Безуглов 2009: 410; Ларенок 2013: 79—82, табл. 50—52). Подобные захоронения, несомненно, одно из свидетельств степного влияния на Танаис и городища его окружи («сарматизации»), которое имело множество аспектов и особенно усилилось в конце II — первой половине III в. н.э. (см. ниже).

⁶ Данное погребение (раскопки Г.Е. Беспалого, 2012 г., погребение 30) само по себе весьма примечательно — широтно ориентированный земляной склеп-«катакомба» с каменным закладом и прямоугольной камерой, куда были помещены останки женщины в дощатом деревянном гробу. Кроме упомянутого блюда, в инвентарь могилы входили деревянный ритуальный сосуд-«котелок» (в отчёте — «глубокая деревянная миска») с отломанными от него фигурками («набор амулетов») козлика, птички и кошачьего хищника (по-видимому, сосуд функционально близок найденным в склепах №№ 595 и 700 Усть-Альминского могильника (Зайцев, 2000: 302—304, 315—316, илл. 5, 6; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58—61, рис. 4: 1, 2, 5: 3) и в погребении 73 Кобяковского могильника (Ларенок 2013: 80, табл. 52: 16), шкатулка с костяными накладками, бронзовыми и железными деталями, два оригинальной формы лепных сосуда («светильника»), аналог которым известен в одном из донских подкурганных сарматских захоронений, горшок и параллелепипедная (позднесарматская) курильница на ножке, стеклянные стаканы, бусы, золотые бляшки и многое другое (Беспалый 2016: 37—41, рис. 257—385). Этот яркий комплекс относится к группе грунтовых и курганных склепов Танаиса второй половины II — первой половины III в. н.э., которых к настоящему времени раскопано более двух десятков. Несомненно, самые крупные, глубокие и богатые склепы, в инвентаре и обряде которых элементы боспорской и провинциально-римской культуры органически сочетаются с варварскими (сарматскими), принадлежали социальной элите Танаиса, в указанный период, в основном, позднесарматской по происхождению (Безуглов, Ильяшенко 2016). Кстати, в двух комплексах данной группы (курган 12, погребение 1, раскопки И.С. Каменецкого, 1972 г.; погребение 640, раскопки Г.Е. Беспалого, 2012 г.), помимо амфор, краснолаковых и стеклянных сосудов, обнаружена скромная аланская гончарная керамика (кувшинчики-кружки, кубышка).

н.э. из Карабудахкента (Дагестан) и трёхногими чашами-столиками городища Таргу (Дагестан) албано-сарматского времени, с другой — с деревянными столиками из аланских катакомб эпохи раннего и развитого средневековья, в которых все специалисты практически единодушно видят функциональные аналоги (ранние варианты) традиционного осетинского «фынга» — ритуального/бытового столика (подобные столики используются и донныне многими народами Кавказа) для мяса и пирогов (Гаджиев, Давудов 2010: 354—356, рис. 1, 3: 1—16; Малашев, Албегова 2018: 28—32, рис. 4: 1—12). Отметим сходство танаисского и бесланского керамических изделий с подавляющим большинством средневековых аланских и известных этнографически более поздних «фынгов» по количеству ножек (три), которое было семантически значимо и акцентируется в осетинском фольклоре (Гаджиев, Давудов 2010: 356—357). Резное деревянное блюдо (столлик-поднос) на четырёх низких квадратных в сечении ножках происходит из синхронного вышеупомянутому «Склепу жриц» склепа №700 Усть-Альминского могильника (Крым) (Мордвинцева, Зайцев 2002: 58—59, рис. 5: 4)⁷. Внутри этого блюда лежали кость крупного рогатого скота и железный нож, что, на наш взгляд, не оставляет сомнений в главной функции всех подобных предметов первых вв. н.э. — столики-подносы для мяса.

Высказано мнение, что тогда как столики с высокими ножками предполагали наличие стульев или табуретов, низкие подносы-блюда были рассчитаны на принятие пищи сидя на корточках и, таким образом, могут претендовать на роль специфической посуды, зародившейся ещё у скотоводов в эпоху бронзы, а затем используемой кочевниками раннего железного века и средневековья, в том числе сарматами и ранними аланами Кавказа (Гаджиев, Давудов 2010: 353—354; Малашев, Албегова 2018: 28). Подчеркнём, что в тех случаях, когда деревянные/керамические подносы-блюда встречены в меотских (Нижнее Подонье) или позднескифских (Крым) погребениях II—III вв. н.э., обрядность и инвентарь таких комплексов (см. выше) далеки от «стандарта» и выделяются наличием ярких степных (позднесарматских) черт.

Не нашлось прямых морфологических аналогий происходящему из Восточного подвала средних размеров меотскому сосуду («котелку», «кастрюле») с двумя(?) массивными наклонёнными вниз короткими ручками-упорами и венчиком выступом (рис. 13: 4)⁸. Высокий, слегка выпуклый и едва заметно загнутый внутрь бортик этого сосуда в верхней части оформлен горизонтальными желобками, что напоминает соответствующее оформление бортика массового типа нижнедонских мисок I—II вв. н.э. (Косяненко 2006: 64—66, 68; Гугуев, Нечипорук 2020: 209), отдельные варианты которого заходят в III в. н.э., но, как было сказано выше, по-видимому, не доживают до его середины.

Завершая характеристику меотской посуды из Восточного подвала, упомянем типологически неопределимый фрагмент дна с придонной частью тулова, принадлежавший закрытому сосуду, вероятно, кувшину или горшку средних размеров.

Керамика второй группы из подвала (аланская) представлена в основном распространёнными типами. К ним относятся миски с загнутым бортиком и прогибом стенок

⁷ Возможно, аналогичное блюдо входило и в набор посуды из «Склепа жриц», где обнаружена деревянная «тарелка» высотой 7,0 см с плоским дном и прямым отогнутым наружу венчиком диаметром 32,0 см. По дну «тарелки» прочерчена сетка с крупными ячейками, в неё вписаны две схематичные фигуры лошадей (Зайцев 2000: 304, рис. 7: 4, 4a; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58, рис. 4: 5). Отсутствие ножек у этого сосуда, очень близкого по форме и размерам к упомянутому блюду из склепа 700, может быть связано просто с неполной сохранностью.

⁸ Если только единственная уцелевшая ручка-упор, не стыкующаяся с небольшой отреставрированной частью тулова данного сосуда, действительно имела к нему отношение. Впрочем, по фактуре и цвету поверхности, составу керамического теста она очень похожа на фрагменты бортика и тулова.

у дна (рис. 14: 1, 15: 3) и небольшой кувшинчик-кружка с утраченной ручкой (кубышка?) со слегка расширяющимся кверху горлом и грушевидным («приземистым») туловом (рис. 15: 2). У аланов Кавказа во II—V вв. н.э. миски с загнутым бортиком абсолютно доминировали над другими мисками: на городищах это один из самых распространённых типов керамики, в катакомбных могильниках — наиболее часто встречающийся тип (Абрамова 1993: 142, 160, рис. 55: 1—4, 64: 1—6, 8; Деопик 1988: 183—184, рис. 12, 13; Габуев, Малашев 2009: 116—117, рис. 126: 9, 127). Множество аланских мисок с загнутым бортиком найдено в нижнедонских памятниках II — первой половины III в. н.э.: степных сарматских курганных захоронениях (Мошкова 1980: 50; Гугуев, Гугуев 1989: 73) и в Танаисе (Гугуев 1994: 120—121, рис. 11: 2; Гугуев и др. 2007: 439, рис. 7: 2—4, 8: 2). Попадают они и в грунтовых некрополях донских меотов (Гугуев, Гугуев 1989: 70, рис. 2: 3, 4; Ларенок 2021: 249, 273, табл. 163: 2, 176: 12, фото 6: 8, 11). Аланские кувшинчики-кружки обычно снабжены зооморфными ручками — петлевидными с налёпами разных форм или со срезанным отростком в верхней части (характерное для аланской керамики стилизованное изображение кабана) (Абрамова 1993: 138, рис. 52: 14—17; Деопик 1988: 182, рис. 10в; Габуев, Малашев 2009: 117—119, рис. 128: 1—4, 7, 12, 13; Гугуев 1993: 118—119, рис. 7: 3, 5, 6). Такие сосуды есть в нижнедонских памятниках II — первой половины III в. н.э. (Гугуев 1993: 118—119, рис. 7: 3, 5, 6; Гугуев, Гугуев 1989: 70, рис. 2: 1; Гугуев 2017: 135, рис. 8: 4). Аланские кубышки (Абрамова 1993: 136, 158, рис. 51: 4, 63: 15) также встречаются на Дону (Горбенко, Косяненко 2011: 74—75, табл. XIX: 8, 9).

Сосуд со сфероконическим туловом и слегка расширяющимся кверху горлом, декорированным в нижней части горизонтально проложенными желобками (рис. 15: 4), несмотря на отсутствие у него венчика и ручки, по-видимому, также можно отнести к массово производившейся разновидности аланских средних и крупных лощёных (и нелощёных — с заглаженной томлёной поверхностью) кувшинов II—IV вв. н.э. Такие сосуды, встречающиеся как в Центральном Предкавказье, так и на Нижнем Дону, обычно имеют валикообразный (иногда, впрочем, без валика) венчик и слабо изогнутую ручку, зачастую со слабо намеченным стилизованным зооморфным выступом сверху (Деопик 1988: 182, рис. 3б: 1, 2, 10а; Габуев, Малашев 2009: 120, рис. 130: 1—5; Гугуев 1993: 118, рис. 6: 1—4, 7: 1; Гугуев и др. 2007: 437—438, рис. 3: 1, 3—5).

К распространённой в Предкавказье и Нижнем Дону разновидности аланской посуды принадлежит средних размеров корчага со слегка отогнутым утолщённым венчиком, высоким туловом и парой симметрично расположенных на плечиках подковообразных налёпов—ушек, в которых проделано вертикальное отверстие для подвешивания. Её тулово ниже плечиков декорировано двумя широкими полосами ломаного зигзага из сгруппированных по три проложенных параллельных желобков. Зигзагообразные полосы разделены полоской из двух горизонтально проложенных желобков и ограничены сверху и снизу аналогичными полосками (рис. 15: 1, 16: 4). Подобные сосуды среднего и крупного размера изготавливались аланами во II—V вв. н.э. в нескольких вариантах: 1) с низким сфероконическим туловом и ушками для подвешивания на плечиках (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 3; Габуев, Малашев 2009: 121), 2) с аналогичной формы туловом и парой крупных ручек (как у аланских двуручных кувшинов) в месте наибольшего расширения тулова (Деопик 1988: 182, рис. 11; Габуев, Малашев 2009: 121), 3) с аналогичной формы туловом, парой ручек и парой ушек, расположенными перпендикулярно (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 4; Габуев, Малашев 2009: 121, рис. 72: 1, 112: 4, 131: 3, 4). Существуют также небольшие корчажки с ушками, полностью повторяющие по форме более крупные сосуды без ручек (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 5). Венчики корчаг и корчажек высокие вертикальные, часто с

небольшим наклоном внутрь или, как в нашем случае, отогнутые и утолщённые. Корчаги и корчажки нередко накрывались крышкой — с прямым вертикальным краем или иного типа (Габуев, Малашев 2009: 43—44, рис. 72: 1, 2), но сосуд из Восточного подвала крышки, вероятно, не имел. Необычным элементом его морфологии является высокое («бомбовидное») тулово. Подобные корчаги нам неизвестны. Вообще, этот сосуд — один из наиболее ранних экземпляров данной разновидности формы, с чем, возможно, и связана названная его особенность. Пролощенный декор из полос ломаного зигзага, ограниченных горизонтальными желобками, не редкость для разных типов аланской посуды II—IV вв. н.э., в частности, кувшинов (Arzhantseva et al. 2000: fig. 7; Габуев, Малашев 2009: рис. 15: 3, 93: 14), тогда как для меотской кружалной керамики он совсем не характерен.

Типологическую атрибуцию крупного кувшина (рис. 14: 2, 16: 3) затрудняет плохая сохранность. Тем не менее, основные элементы его формы (расширяющееся кверху горло, которое, кстати, могло иметь и ойнохоевидный слив, слабо изогнутая овальная в сечении ручка с округлым налёпом—выступом в верхней части) характерны именно для аланской керамики Кавказа и Нижнего Дона II—IV вв. н.э.

Долгое время один из авторов этих строк, вслед за М.П. Абрамовой и М.Г. Мошковой, считал всю найденную на Нижнем Дону и, в частности, в Танаисе аланскую сероглиняную посуду первых вв. н.э. импортом из Центрального Предкавказья (Абрамова 1979: 47—48; Мошкова 1980: 45—55; Гугуев, Гугуев 1989: 72—75; Гугуев и др. 2007: 434, 436—440, 442). Такой версии не противоречили результаты выполненных в 2003—2004 гг. минералогическо-петрографических исследований нескольких десятков её образцов из Танаиса в сравнении с эталонами, собранными на городищах Северной Осетии (Зилгинское, Брутское, Карджинское, Киевское) (Гугуев и др. 2017). Однако в последнее десятилетие получены новые принципиальные данные о существовании на Крепостном и Подазовском меотских городищах (левый берег Дона, в черте современного г. Азов) очага аланского гончарства. Здесь по кавказской технологии (крупные примеси в тесте, круг медленного вращения, ленточное наращивание тулова и горла, крепление ручек через отверстие в стенке, рельефные знаки и отпечатки досок круга на дне) производилась керамика специфических аланских типов — миски с загнутым бортиком, горшки с отогнутым, декорированным косыми насечками венчиком, кувшины с валикообразным венчиком, крупные двуручные кувшины и др. (Масловский, Косяненко 2011: 371—387, рис. 2—9). Особенно важны находки изготовленных посредством наращивания узкими лентами полых трубчатых («муфтообразных») цилиндрических предметов не вполне ясного функционального назначения (подставки—разделители для сушки или обжига мисок? сопла между горном и мехами?) (Гончарова и др. 2016: 76—77), которые раньше ошибочно считались курильницами (Березин 2019). «Подставки» такой формы практически никогда не встречаются у меотов и надёжно маркируют аланское керамическое производство II—IV вв. н.э. (Гугуев и др. 2017: 53; Березин 2019: 54—55)⁹.

Новейшие исследования не оставляют сомнений в том, что аланские гончарные мастерские функционировали уже во II в. н.э., т.к. в слое, заполнявшем ров Подазовского городища, фрагменты перечисленных выше типов сероглиняной посуды обнаружены вместе с обломками амфор конца I—II вв. н.э.: гераклейских светлоглиняных с профилированными

---

⁹ Меотские подставки, найденные внутри печей и связанные с производством гончарной керамики, имеют более крупные размеры и выглядят несколько иначе: они больше похожи на античные (Косяненко 2006: 83—84, рис. 31: 6—8).

ручками типов CIV варианта С (он преобладал) и CIV варианта В, типа Син II по Внукову, типов Зеест 90 и 83 и оранжевоглиняных неизвестных центров¹⁰.

Таким образом, можно утверждать, что формирование в первой половине II в. н.э. или самое начало развития (вторая половина II в. н.э.) в Центральном Предкавказье аланской археологической культуры (Габуев, Малашев 2009: 148—153) ознаменовалось переселением на Нижний Дон части её носителей. Это первое переселение, по-видимому, не было столь масштабным, как миграция кавказских аланов-кочевников в середине следующего столетия, которая имела характер военной экспансии, радикально изменившей культурный облик обширного степного региона между Волгой и Дунаем (Безуглов 2008: 285—292). Скорее всего, во II в. н.э. с Кавказа на Нижний Дон переместилось только небольшое количество оседлых аланов (гончары с семьями?). Они поселились на меотских городищах (только левобережных?) и, может быть, в Танаисе, где, наряду с огромным количеством аланской посуды (Гугуев 1993; Гугуев и др. 2007; Гугуев и др. 2017), были обнаружены единичные цилиндрические «подставки» (Арсеньева 1965: 187, табл. V: 1): в свете новой информации эти давние находки уже не выглядят как случайность¹¹.

Изложенные выше факты и соображения заставляют нас вернуться к гипотезе, объясняющей наличие аланских гончарных изделий в Танаисе римского времени сочетанием импорта с местным производством, которая была сформулирована одним из авторов настоящей работы (Гугуев 1993: 23), но до сих пор не рассматривалась им в качестве основной. По-видимому, единственное технологическое отличие аланской керамики с левобережных донских городищ от произведённой в Центральном Предкавказье состоит в

¹⁰ Шурф во рву Подазовского городища, раскопки А.П. Минаева, 2019 г., пласты 16—22. Материал пока не опубликован. Типологические определения и датировка профильных частей амфор из шурфа выполнены С.А. Науменко.

¹¹ Сходные следы присутствия центральнокавказских аланов отмечены и на ряде меотских городищ (пососедству с городищами) правобережья Средней Кубани. Производственный комплекс аланской культуры был исследован в 1986 г. возле ст. Старокорсунской на обрывистом, абразирующем берегу Краснодарского водохранилища, где фиксировался перекрывший меотский грунтовой могильник городища Старокорсунского № 3 культурный слой. В нём было обнаружено несколько десятков целых и фрагментированных полых цилиндрических «подставок», а также фрагменты другой аланской гончарной керамики (горшков с отогнутым, декорированным насечками венчиком, мисок с загнутым бортиком и др.) (Кондрашов 1986: 122—123, илл. 614—619; Каминский, Кондрашов 1988: 60—61, 63—64, рис. 1, 2). Часть этого материала находилась в 0,5—0,9 м от дневной поверхности на «площадке» неправильных очертаний, вытянутой по линии ВСВ—ЗЮЗ, имевшей размеры 1,6 × 0,5 м и «выложенной» комками обожжённой глины. Здесь же была обнаружена небольшая железная крица. С ВСВ стороны «площадка» была ограничена «алтариком в форме полукруга» с обожжёнными горизонтальным дном и вертикальными стенками, сохранившимися в высоту на 0,1—0,2 м. Дно «алтарика», на котором фиксировался тонкий слой золы, было покрыто небольшими комками обожжённой глины в два слоя. На чертеже в отчёте видно, что пол «площадки» при переходе в дно «алтарика» образует плавную низкую ступеньку (Кондрашов 1986: 122—123). Вероятно, краснодарские археологи доследовали разрушенный аланский горн (гончарный, сыродутный?), однако не разобрались, с чем имеют дело, поскольку над ними довлело почерпнутое из литературы представление о полых цилиндрических «подставках», как о курительницах, относящихся к эпохе средневековья. В результате производственный комплекс был ошибочно интерпретирован в качестве «святилища» и получил дату VII—IX вв., что, впрочем, не помешало исследователям дать ему правильную культурную атрибуцию — аланскую (Каминский, Кондрашов 1988: 60—61, 63—64). Довольно многочисленные фрагменты и целые экземпляры полых цилиндрических «подставок» и аланской кружальной посуды происходят с других городищ правого берега Кубани, а также из Закубанья (Каминский, Кондрашов 1988: 57, рис. 1: 7; Каменецкий 2006: 193—196, рис. 6: 34, 46, 47, 7: 66, 67). Пока не вполне ясно, как датируются все эти находки, комплексы и слои. А.В. Пьянков рассматривает их в контексте аланского присутствия на Кубани во второй половине III—IV в. н.э. (т.е. уже после исчезновения меотской культуры), которое вполне очевидно (Пьянков 2015: 257, 261—262). Однако, учитывая вышеупомянутые нижнедонские реалии, данный материал может отражать и факт проживания центральнокавказских аланов (аланских гончаров?) среди кубанских меотов в более ранний период — с середины II в. н.э. Актуальная тема аланских миграций на Западный Кавказ в первые века н.э. пока крайне слабо разработана, но, благодаря накопившемуся материалу, вполне могла бы стать предметом отдельного исследования.

отсутствии в тесте первой темноцветных минералов, входящих в состав песчано-гравийной смеси с берегов Терека и его притоков, и чёрного магнитного стекла¹², которые использовались в качестве отошителя кавказскими гончарами (Гугуев и др. 2017: 49, 51—52, рис. 5—9). На Подазовском и Крепостном городищах вместо них аланы добавляли в формовочную массу главным образом среднезернистую фракцию местного кварцевого песка (Масловский, Косяненко 2011: 371—384)¹³. Различие между нижнедонской и импортной аланской керамикой подчас трудноуловимо, т.к. с одной стороны, не вся собственно кавказская посуда содержит в тесте тёмные частицы, с другой, в аланской посуде, изготовленной на Дону, иногда есть искусственные или естественные примеси (шамот, бежевые включения) (Масловский, Косяненко 2011: 384), которые можно принять за вышеупомянутые кавказские. Данное обстоятельство затрудняет определение места производства ряда найденных в Танаисе и вообще на Нижнем Дону аланских сосудов, целых или представленных фрагментами: во всяком случае, при визуальном осмотре их поверхности и изломов. К примеру, как понять, в Центральном Предкавказье или на донских городищах (в Танаисе?) был изготовлен публикуемый нами крупный кувшин с расширяющимся горлом и налепом-выступом на ручке (рис. 4: 3), в тесте которого не заметно характерных кавказских примесей?

Впрочем, независимо от того, где была произведена аланская посуда, обнаруженная в Восточном подвале, обращает на себя внимание само её количество. Оно не столь велико, как в помещениях, погибших при разгроме Танаиса столетием позднее (около 251 г. н.э.), которые демонстрируют преобладание аланских гончарных изделий над меотскими в пропорции от 2 : 1 до 4 : 1 (Гугуев 1993: 122; Гугуев и др. 2007: 436—437, 440), но всё-таки довольно внушительно: 6 экземпляров из 14. Интересно, что это резко отличается от соотношения фрагментов меотских и аланских сосудов в мусорных слоях, образовавшихся единовременно в результате чистки города после сарматского разгрома середины II в. н.э.: мощном холме к югу от железной дороги или в огромной яме-глинище к северу от цитадели (см. выше). По нашим наблюдениям, сделанным при осмотре коллекций массового материала из этих объектов в фондах АМЗ «Танаис», обломки аланской сероглиняной посуды единичны, тогда как фрагменты меотской исчисляются многими десятками. Понятно, что соотношение меотских и аланских фрагментов в мусорном слое должно отражать общее соотношение двух названных больших групп неантичной гончарной керамики в Танаисе на момент разгрома середины II в. н.э. И возникает вопрос, почему в одном из закрытых комплексов, сформировавшихся в ходе этих событий, доля аланской посуды оказалась существенно выше, чем в целом по городу? В поисках возможного ответа на данный вопрос вернёмся к другой гипотезе одного из авторов этих строк, объясняющей широкое распространение аланской гончарной посуды в эмпории на Танаисе во II — первой половине III в. н.э. его экономическими контактами и присутствием в нём сарматов.

Надо сказать, что тема сарматского присутствия, и, в более широком смысле, той роли, которую сыграли степные номады в истории самого отдалённого северопонтийского центра

¹² Чёрное магнитное стекло является результатом преобразования в металлургическом производстве при температуре 1000—1100°C высокожелезистого хлорита-шамозита, содержащегося в большом количестве (до 30—35%) в кавказских неогеновых песках (например, возле Брутского городища в Северной Осетии). Примесь такого стекла в составе керамического теста свидетельствует о том, что в Центральном Предкавказье аланские гончары, по-видимому, использовали в качестве отошителей также металлургические отходы (Гугуев и др. 2017: 49, 51—52).

¹³ Местная меотская кружальная серолощёная посуда всегда содержит примесь мелкого (зерно размером до 0,1—0,25 мм) или измельчённого (пылевидного) кварцевого песка (маршалита), частички которого (размер менее 0,25 мм) видны только под микроскопом (Гугуев и др. 2017: 49—51, рис. 3, 4).

античной цивилизации, остаётся одной из наиболее актуальных и обсуждаемых для нескольких поколений исследователей Танаиса¹⁴. В последние годы специалисты всё больше обращают внимание на свидетельства разных источников о седентаризации ираноязычных кочевников в городе и на меотских поселениях его округа уже начиная с середины I — первой половины II в. н.э. (Гугуев 2017: 135—137), т.е. столетием ранее, чем считалось прежде (Гугуев 1993: 123—123). По мнению историка и лингвиста С.В. Кулланды, небольшое количество (до 13%) иранских имён есть в танаисских надписях первой половины II в. н.э. (Внуков 2007: 169). С середины I в. н.э. на нижнедонских меотских городищах и в Танаисе распространяются сарматские тамги, причём в городе их применение становится массовым (Гугуев 2017: 135). Тогда же в некрополях названных памятников появляются погребения с наборами характерных среднесарматских лепных курильниц, состоящими из крупного сосуда в форме соленоида и цилиндрического сосуда меньшего размера («стопки») (Гугуев 2017: 136). Вероятно, справедлива точка зрения, в соответствии с которой ещё до разгрома Танаиса позднесарматскими племенами (середина II в. н.э.) здесь в течение многих десятилетий проживали сарматы, но их имена редко попадали в надписи, поскольку первоначально данная группа не имела гражданских прав. Ситуацию изменил упомянутый политический кризис, после чего в городе возникла община сарматов-«танаитов». Он сопровождался очередным притоком в город степного населения — в первую очередь местных (нижнедонских) средних сарматов¹⁵, а потом и представителей новой позднесарматской волны кочевников (Внуков 2007: 168—170).

Во II — первой половине III в. в. н.э. функционировал сухопутный торговый путь, связывавший Танаис с аланскими протогородами Центрального Предкавказья. Возможно, в его обслуживании в качестве своего рода контрагентов принимали участие степные сарматы¹⁶, тогда как их живущие в городе соплеменники и родственники были торговцами, которые отправляли на юг вино в амфорах (находки винных гераклейских светлоглиняных

¹⁴ Краткий историографический обзор и анализ основных итогов разработки данной темы к середине 2000-х гг. см. (Гугуев и др. 2007: 432—434).

¹⁵ Кстати, такая версия находит ряд подтверждений в археологическом и антропологическом материале. В частности, во второй половине II — первой половине III в. н.э. варварское население Танаиса продолжало использовать в домашних и погребальных обрядах лепные среднесарматские курильницы, сменившиеся в степи на позднесарматские (Базилевич, Гугуев 2012: 159—160). В танаисских краниологических сериях II—III вв. н.э. «основным морфологическим типом становится мезокранный череп со среднешироким лицом, высокими орбитами и резко выступающим носом, определенно обладающий сходством со среднесарматской поздней группой» (Батиева 2011: 89).

¹⁶ Информация письменных источников об участии кочевников—сарматов в обслуживании торговых путей крайне скудна и, по сути, ограничивается регулярно цитируемым исследователями кратким пассажем Страбона об аорсах, которые сопровождали («конвоировали») прибывавшие из Индии и Переднего Востока через Мидию и Армению караваны по южнорусским степям, получая за это вознаграждение (по-видимому, часть транспортируемого золота и драгоценностей) в качестве платы за обеспечение безопасности (Виноградов 1994: 161). Данное свидетельство передаёт реалии финала эллинистической эпохи. Есть все основания полагать, что и в римское время номады волго-донских степей были глубоко инкорпорированы в систему античной торговли и товарообмена через эмпорий на Танаисе. Их роль в торговле города в устье Дона, возможно, была сопоставима с ролью печенегов в обслуживании дальних экономических связей раннесредневекового Херсонеса, о которой мы знаем благодаря сообщению Константина Багрянородного: «Они (печенеги) торгуют с херсонитами и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как то: влатии, прандии, харерии, пояса, перец, алые парфянские кожи и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям». По мнению историка, приводящего и комментирующего в своей работе данное место трактата, речь идёт именно о торговых поручениях, т.е. о своего рода доверенности и поручительстве (Богданова 1991: 60—61). Надо сказать, что подобная и множество других форм участия номадов в торговле оседлых обществ хорошо известны и описаны специалистами, в основном, применительно к афро-азиатскому региону от эпохи средневековья до новейшего времени (Хазанов 2002: 337—341).

амфор, правда немногочисленные, известны на городищах и в могильниках центральнокавказских аланов), а в обмен на него получали оттуда какие-то товары. Некоторые из этих продуктов, по-видимому, поступали в Танаис в керамической таре — крупных двуручных кувшинах и больших горшках, много которых оказалось в домах горожан на момент катастрофы начала 50-х гг. III в. н.э. Что же касается аланской столовой и кухонной посуды, то, вероятно, её широко применяли в быту и для нужд погребального обряда оседавшие в городе сарматы (Гугуев 1993: 123—124), а теперь можно предположить, что и выходцы непосредственно из Центрального Предкавказья. Наверное, только у названных групп горожан имелись причины для использования такой зачастую не слишком презентабельной посуды там, где в изобилии имелась самого высокого качества привозная (краснолаковая и др.) и местная (меотская гончарная сероглиняная) керамическая продукция. Может быть, ряд столовых и кухонных аланских керамических форм был лучше приспособлен к некоторым традиционным видам пищи и напитков варваров-«танаитов»¹⁷. С другой стороны, для этих людей, скорее всего, оставались значимыми религиозно-магические представления, выражавшиеся в таких особенностях морфологии и декора аланской посуды, как ручки в виде реалистичных или стилизованных изображений животного, соляные знаки и клейма.

Примером высокой концентрации аланской керамики (всего около 32 сосудов разных функциональных форм и типов против 8 меотских) в жилом комплексе Танаиса, хозяином которого был богатый торговец, вероятнее всего, иранского происхождения, является погибшая в середине III в. н.э. усадьба 2 на раскопе IV (помещения И и М с подвалами). Уникальность данного жилого и хозяйственного комплекса в том, что на происходящих из него амфорах сохранились многочисленные дипинты и одно граффито, являющиеся аббревиатурой имени владельца в разных её вариантах — *Οσι Μαρδ*, *Οσια Μαρδ*, *Οσιαδ Μαρδα*. Патронимикон достаточно надёжно реконструируется как *Μάρδαυος* (Мардав, вероятно, от иранского корня *mār* — «убивать», ср. осетинское *mard* — «убитый, мертвец, труп») — на основании танаисской фиасной надписи 228 г. н.э., в которой фигурирует человек по имени *Μάρδαυος Ζαράνδου* (Заранд принадлежит к группе древнеосетинских (аланских) и означает «старый»). Кстати, в этой усадьбе обнаружен также специфический позднесарматский культовый предмет — лепная курильница в форме параллелепипеда с прочерченными на боковых гранях косыми крестами (Гугуев и др. 2007: 432—436, 449—444).

К сожалению, имя владельца Восточного подвала нам неизвестно. Однако в обрисованном контексте заметное количество аланской гончарной керамики в хозяйстве этого горожанина, наверное, может свидетельствовать в пользу его варварского, сарматского или аланского (ранние аланы Кавказа) происхождения. Тем более что с сарматами определённым образом ассоциируются и два принадлежавших ему меотских гончарных сосуда: кубышка с рельефной тамгой и блюдо-поднос на низких ножках. Кубышка, например, могла быть изготовлена и помечена личным знаком хозяина подвала по его заказу.

¹⁷ Например, крупные цилиндрические и бочонковидные кружки с одной—двумя массивными зооморфными ручками в виде стилизованных фигурок кабана, найденные в Танаисе как во фрагментах, так и целыми (Науменко, Гугуев 2020: 271, рис. 1: 9). Эти сосуды, бытовавшие у аланов Центрального Предкавказья в III—IV вв. н.э. (Абрамова 1997: рис. 69: 8, 12, 13), в погребениях обычно сопровождаются крышками (Габуев, Малашев 2009: 35, 59, 122, рис. 51, 107: 1, 2), и, по всей вероятности, предназначалась для пива. В античной столовой керамике Танаиса первых вв. н.э. подобные формы практически не встречаются. Большие цилиндрические (или слегка расширяющимся кверху) гончарные кружки со стилизованной зооморфной или петлевидной ручкой, а также их лепные реплики характерны и для донских меотов во II—III вв. н.э. (Косяненко 2008: 68—69, табл. 2: 58—62, рис. 34: 6, 126: 2, 127: 5). Однако меотские кружки не имеют крышек. Возможно, их функциональное назначение было иным.

Что же касается блюда на ножках — функциональной формы, достаточно популярной у степных сарматов и аланов Кавказа (см. выше) — то его присутствие в наборе сероглиняной посуды, может быть, также не случайно, а объяснялось привычками и предпочтениями этого горожанина (и членов его семьи?).

Естественно, авторы не настаивают на своей версии происхождения владельца танаисского подвала середины II в. н.э., которая основана исключительно на анализе ряда предметов из закрытого комплекса. Однако, как мы стремились показать выше, в ней нет ничего, что противоречило бы здравому смыслу и множеству самого разного рода фактов из истории и археологии Танаиса римского времени. По нашему мнению, в указанный период этническая принадлежность отдельных жителей эмпория в устье Дона, порой так ярко выраженная в погребально-поминальной обрядности и инвентаре захоронений (Безуглов, Ильяшенко 2016; Гугуев 2019), должна была каким-то образом проявлять себя и на бытовом уровне. Будем надеяться, что новые детальные исследования материала из погибших жилых и хозяйственных построек, а также из культурных напластований города позволят специалистам оценить, насколько вероятна наша догадка.

Приложение. Описание неантичной гончарной сероглиняной керамики из Восточного подвала

Нижнедонская меотская керамика

1. Фрагментированный сосуд (кубышка) с высоким прямым слегка отогнутым и чуть утолщённым венчиком, край которого скруглён, плавно переходящим внизу в округло-биконическое тулово, и вогнутым дном. У дна стенки имеют выраженную закраину. Переход венчика в плечики декорирован невысоким горизонтальным валиком. Поверхность коричневая, снаружи лощёная. Тесто аналогичного цвета, тонкое, с примесью кварцевого песка, слоится. На внутренней поверхности горизонтальные бородки и отчётливо выраженное рифление. Диаметр венчика 11,0 см, тулова (реконструируемый) около 19,4 см, дна 8,4 см. Высота (реконструируемая) сосуда около 21,7 см (рис. 12: 1).

2. Фрагментированный сосуд (кубышка) с высоким отогнутым слегка утолщённым венчиком, плавно переходящим внизу в тулово, по форме близкое к сферическому (его средняя часть утрачена), и вогнутым дном. Верх плечиков декорирован пояском из трёх широких горизонтально пролощенных желобков. На плечиках имеется крупный рельефный налеп — тамга, расположенный горизонтально. Тамга имеет вид пары соединённых посередине прямой линией зеркально-симметричных п-образных фигур («двузубцев») с отогнутыми наружу окончаниями и маленьким дуговидным «выступом» внутри по центру. Поверхность красно-коричневая, снаружи хорошо залощена. Тесто такого же цвета, очень тонкое, без видимых примесей. На внутренней поверхности горизонтальные бородки и слабо выраженное рифление, а напротив тамги — едва заметные отпечатки пальцев (вероятно следы поддержки изнутри при нанесении знака). Диаметр венчика 11,0 см, тулова (реконструируемый) около 22,2 см, дна 10,1 см. Высота (реконструируемая) сосуда около 22,7 см. Размеры налёпа 7,4 × 4,3 см, высота налёпа над поверхностью сосуда 0,15 см. (рис. 12: 2, 16: 1).

3. Фрагментированное блюдо с широким горизонтально отогнутым венчиком, имеющим плоский верхний край, низкими прямыми чуть расширяющимися кверху стенками, резко переходящими в широкое слегка выпуклое тонкое дно, к краям которого симметрично прилеплены три прямоугольные в поперечном сечении изогнутые наружу L-образные ножки-«сапожки». Поверхность светло-серая со светло-коричневыми пятнами, снаружи и внутри хорошо залощена. Тесто коричневатое-серое (бежевое), очень тонкое, без видимых

примесей. Диаметр венчика 21,2 см, дна 19,1 см. Общая высота сосуда 7,0 см: «чаши» 3,5 см, ножек 3,5 см. Размеры сечения ножек $1,9 \times 1,8$ см (рис. 13: 1, 16: 2).

4. Немногочисленные фрагменты открытого сосуда («кастрюли» или «котелка») с венчиком—выступом и высоким чуть выпуклым и слегка наклонённым внутрь бортиком, плавно переходящими в придонную часть тулова. К нижней части бортика были прилеплены (две?) массивные круглые в сечении горизонтальные, чуть наклонённые вниз ручки-упора с плоско срезанным окончанием. Под венчиком бортик декорирован двумя горизонтально пролощенными желобками. Поверхность серая, снаружи лощёная. Тесто такого же цвета, очень тонкое, с примесью мелкого кварцевого песка. На внутренней поверхности горизонтальные бороздки от круга. Диаметр венчика (реконструируемый) около 20,8 см, тулова (реконструируемый) около 21,5 см. Высота (реконструируемая) сохранившейся части сосуда около 9,0 см. Длина ручки около 4,1 см, размеры сечения $3,6 \times 3,4$ см (рис. 13: 4).

5. Фрагментированная миска с венчиком-выступом, резко загнутым внутрь прямым бортиком, прямыми стенками и толстым слегка вогнутым дном. Поверхность серо-коричневая, снаружи и внутри тщательно залощена. Тесто такого же цвета, очень тонкое, почти без видимых примесей — с редкими мельчайшими белыми включениями. Диаметр венчика 19,9 см, бортика 20,4 см, дна 8,0 см. Высота сосуда 7,7 см (рис. 13: 2).

6. Фрагмент миски с венчиком-выступом и прямым вертикальным бортиком. Поверхность серая, снаружи и внутри лощеная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр венчика около 17,8 см, бортика около 17,4 см. Высота сохранившейся части сосуда 5,7 см (рис. 13: 3).

7. Фрагмент миски с венчиком-выступом и прямым загнутым внутрь бортиком. Поверхность серая, лощеная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр венчика около 19,5 см, бортика около 20,4 см. Высота сохранившейся части сосуда 3,8 см (рис. 13: 5).

8. Фрагмент придонной части тулова и тонкого вогнутого дна размеров закрытого сосуда. Поверхность снаружи серая, хорошо залощена. Тесто аналогичного цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр дна 10,2 см. Высота сохранившейся части сосуда 3,1 см.

Аланская керамика

1. Фрагментированный сосуд (кувшинчик-кружка или кубышка) с валикообразным венчиком, расширяющимся кверху горлом, плавно переходящим внизу в приземистое (грушевидное) тулово. Дно и ручка(?) утрачены. Низ горла декорирован двумя горизонтально пролощенными желобками. Поверхность светло-коричневая с тёмными пятнами, снаружи лощёная. Тесто такого же цвета, довольно тонкое, с обильной примесью тёмных частиц, более редкими крупными кварцевыми(?) песчинками и частичками слюды крупного и среднего размера. Диаметр венчика 8,8 см, горла (минимальный) 7,3 см, тулова около 12,5 см. Высота сохранившейся (реконструируемой) части сосуда 14,1 см (рис. 15: 2).

2. Фрагментированный кувшин с расширяющимся кверху горлом, плавно переходящим внизу в тулово, по форме близкое к сфероконическому. Верх горла с венчиком, ручка и дно утрачены. В средней части плечика сохранился след нижнего прилепа ручки. Низ горла декорирован двумя горизонтально пролощенными желобками. Поверхность светло-коричневая, снаружи тщательно залощена, внутри на горле следы горизонтального ленточного наращивания. Тесто такого же цвета, тонкое с примесью тёмных частиц и редкими белыми включениями. Диаметр горла (минимальный) около 8,0 см, тулова около 26,5 см. Высота сохранившейся (реконструируемой) части сосуда 25,1 см (рис. 15: 4).

3. Фрагменты кувшина. Сильно расширяющееся кверху («воронкообразное») горло (с ойнохоевидным сливом?) без выделенного венчика плавно переходит внизу в яйцевидное тулово. У самого дна стенки слегка прогнуты внутрь. Дно вогнутое. Овальная в сечении, слегка расширяющаяся книзу ручка, верх которой оформлен снаружи округлым налепом-выступом с вдавлением посередине ровной площадки, верхним концом крепится к горлу (вероятно, штифтом через отверстие в стенке, но утверждать этого с определённой уверенностью нельзя, т.к. внутренняя поверхность горла в этом месте тщательно заглажена), а нижним прилеплена к верхней части тулова. Переход горла в плечики декорирован тонким горизонтальным валиком, а на некоторых участках ещё и желобком. Поверхность светло-коричневая с красноватым оттенком, снаружи тщательно залощена. Тесто такого же цвета, довольно тонкое, с редкими белыми включениями и ещё более редкой примесью шамота. Максимальный диаметр горла не более 19,5 см, минимальный около 11,8 см. Диаметр тулова около 29,6 см, дна 11,0 см. Реконструируемая высота сосуда около 42,5 см. Размер сечения ручки в верхней части $2,4 \times 1,5$ см, в нижней части $3,1 \times 1,6$ см. Размеры налёпа $1,5 \times 1,0$ см, высота 0,6 см (рис. 14: 2, 16: 3).

4. Фрагментированная корчага со слегка отогнутым утолщённым венчиком и высоким «бомбовидным» туловом. Низ тулова и дно утрачены. Внизу плечиков имелась пара симметрично расположенных подковообразных налепов-ушек (одно сохранилось), в верхней части которых проделано круглое поперечное (вертикальное) отверстие для подвешивания. Тулово декорировано неглубоким пролощенным орнаментом: двумя широкими полосами ломаного зигзага из трёх параллельных желобков, ограниченными сверху и снизу тремя парами горизонтальных желобков. Поверхность светло-коричневая, снаружи лощёная. Внутри местами заметны следы ленточного наращивания тулова. Тесто такого же цвета, грубоватое, с обильной примесью тёмных частиц, более редкими белыми включениями и частичками слюды крупного и среднего размера. Диаметр венчика 14,3 см, тулова 19,8 см. Размеры ушка $3,7 \times 2,7$ см, диаметр отверстия 0,5 см. Высота сохранившейся части сосуда 22,2 см (рис. 15: 1, 16: 4).

5. Фрагменты миски с загнутым чуть скруглённым бортиком и слегка прогнутыми внутрь стенками. Поверхность тёмно-серая, снаружи и внутри лощёная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мелкого песка, мелкими белыми включениями и редкими тёмными частицами(?). Диаметр устья около 28,7 см, бортика около 30,8 см. Высота сохранившейся части сосуда 7,1 см (рис. 14: 1).

6. Фрагмент миски с загнутым скруглённым бортиком и плоским(?) дном. Поверхность светло-коричневая, снаружи и внутри лощёная. Тесто такого же цвета, грубоватое, с обильными белыми включениями, редкими частицами слюды и тёмными частицами. Диаметр устья около 15,3 см, бортика около 17,1 см. Высота сосуда 5,0 см (рис. 15: 3).

Литература

- Абрамова М.П. 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. *СА* 2, 31—50.
- Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: Наука.
- Абрамова М.П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа в III—V вв. н.э.* Москва: ИА РАН.
- Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Античные древности Подонья-Приазовья*. Москва: Наука, 173—219.
- Арсеньева Т.М. 1985. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса. *КСИА* 182, 74—84.
- Арсеньева Т.М. 1988. *Светильники Танаиса*. Москва: Наука.

- Арсеньева Т.М., Власкин М.В. 1998. Археологические исследования северного участка грунтового некрополя Танаиса в 1996—1997 гг. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1995—1997 гг.* 15. Азов: Азовский музей-заповедник, 17—18.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. *Усадьбы Танаиса*. Москва: ИА РАН.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1993. Комплекс находок из подвала МБ II—III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 1, 61—113.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2001. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4, 56—124.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2004. Новые данные о фортификации Танаиса. *ДБ* 7, 29—73.
- Арсеньева и др. 2009: Арсеньева Т.М., Науменко С.А., Ильяшенко С.М. 2009. Новые закрытые комплексы Танаиса II—III вв. н.э. *ДБ* 13, 38—78.
- Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К. 2012. О средне- и позднесарматском компонентах в составе населения Танаиса в середине II — первой половине III в. н.э. (по материалам лепных курильниц сарматских типов). В: Гаджиев М.С. (ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной конференции 23—28 апреля 2012 г.* Махачкала: Мавраев, 159—161.
- Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Безуглов С.И. 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. — V в. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. Москва: ИА РАН.
- Безуглов С.И. 2008. Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Проблемы современной археологии: сб. памяти Владимира Александровича Башилова*. Москва: Таус, 284—301 (МИАР 10).
- Безуглов С.И. 2009. О степных связях населения Закубанья в позднесарматскую эпоху (по материалам раскопок Н.И. Веселовского 1909 г.). *НАВ* 10, 408—415.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2016. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н.э. (культурно-исторический облик). В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.-сост.). *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2016 г.)*. Санкт-Петербург: ПАЛЛАЦО, 181—186.
- Березин Я.Б. 2019. О стакановидных керамических предметах из Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н.э. *РА* 1, 50—59.
- Беспалый Г.Е. 2016. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис»» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. РГИА. Ф. 1. Р. 1. № 51121, 51126.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России I).
- Богданова Н.М. 1991. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. *Причерноморье в средние века. К XVIII Международному конгрессу византистов*. Москва: МГУ, 8—172.
- Братченко С.Н., Косяненко В.М. 1994. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ). *Донские древности* 2, 80—101, 197—206.
- Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.
- Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. II*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Внуков С.Ю. 2007. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье. *ВДИ* 4, 163—177.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва: Таус.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. 2010. Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан). В: Давудов О.М. (ред.). *Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, профессора Х.А. Амирханова*. Махачкала: Наука ДНЦ, 352—364.
- Гончарова и др. 2016: Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харченко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. 2016. Археологические исследования в городе Азове в 2013—2014

- годах. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013—2014 гг.* 29. Азов: Азовский музей-заповедник, 50—126.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). *Донские древности* 11.
- Гугуев В.К. 2017. Структура ритуала некрополей донских меотв (о роли сарматов в формировании населения городищ). *Вестник Танаиса* 4, 128—148.
- Гугуев В.К. 2019. Курганы на восточном участке некрополя Танаиса. *Вестник Танаиса* 5 (1), 92—123.
- Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2020. Погребение с импортами из некрополя Темерницкого городища. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 189—214.
- Гугуев В., Гугуев Ю. 1988. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984—1985 гг.). *Известия РОМК* 5, 67—75.
- Гугуев Ю.К. 1993. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы). *Вестник Танаиса* 1, 114—139.
- Гугуев и др. 2007: Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2007. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе. В: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой*. Москва: Таус, 432—457 (МИАР 8).
- Гугуев и др. 2017: Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. 2017. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минералогическо-петрографических исследований). *НАВ* 16 (1), 45—61.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Москва: ГИМ (Труды ГИМ 205).
- Деопик Д.В. 1988. Керамика Центрального Предкавказья в I—IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия). *Материальная культура Востока*. Ч. II. Москва: Наука, 171—220.
- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Журавлев Д.В. 1998. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени. В: Журавлев Д.В. (отв. ред.). *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*. Москва: ГИМ, 31—51 (Труды ГИМ 102).
- Журавлев Д.В. 2006. О происхождении понтийской сигиллаты. В: Бжания В.В. (отв. ред.). *Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья и их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции*. Сухум: Алашарбага, 165—169.
- Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Северо-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: БФ «Деметра».
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 1999. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея. *ДБ* 2, 98—113.
- Журавлев Д.В., Турова Н.П. 2012. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея. *БИ XXVI*, 335—400.
- Зайцев Ю.П. 2000. Склеп жриц Усть-Альминского позднескифского некрополя. В: Акимов Л.И., Кишин А.Г. (ред.). *Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 294—318.
- Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. Москва: Наука (МИА 83).
- Казакова Л.М. 2004. Ещё раз о топографии городища Танаис (по поводу заметки Б.А. Раева). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г.* 19. Азов: Азовский музей-заповедник, 229—235.
- Каменецкий И.С. 1969. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Античные древности Подонья—Приазовья*. Москва: Наука, 136—172.
- Каменецкий И.С. 2006. Тбилисское городище. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 6, 192—204.
- Каминский В.И., Кондрашов А.В. 1988. Находки аланских курильниц на Средней Кубани. В: Кузнецов В.А. (отв. ред.). *Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа*. Орджоникидзе: Ир, 57—64.
- Кат. Раев 1979: Раев Б.А. (сост.). 1979. *Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества.

- Кондрашев 1987: РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11370. Кондрашев А.В. 1987. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника в ст. Старокорсунской (Советский район г. Краснодара) в 1986 г. Альбомы иллюстраций к отчету.
- Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: Азовский музей-заповедник.
- Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Ларенок В.А. 2016. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000—2001, 2002, 2004 годов.* Ч. II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Ларенок В.А. 2021. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок некрополя Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса «Метро кэш энд керри» в 2007 г.* Ч. III. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Малашев В.Ю., Албегова З.Х. 2018. Погребение аланской культуры III в. н.э. с керамическим столиком. *РА* 3, 23—35.
- Масловский А.Н., Косяненко В.М. 2011. Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г.* 25. Азов: Азовский музей-заповедник, 371—390.
- Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П. 2002. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар 13—15 июня 2001 г.* Краснодар: Музей истории донского казачества, 57—67.
- Мошкова М.Г. 1980. О месте производства некоторых групп сарматской лощёной керамики. *КСИА* 162, 45—52.
- Наumenко С.А. 2012. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I — середины III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 3, 63—85.
- Наumenко С.А. 2017. Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом. *Вестник Танаиса* 4, 22—31.
- Наumenко С.А., Гугуев Ю.К. 2020. Торговые связи Танаиса с Северным Кавказом и Прикубаньем. В: Гаджиев М.С. (ред.). *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20—25 апреля 2020 г.* Махачкала: Мавраевъ, 269—271.
- Пьянков А.В. 2015. К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани во второй половине III — третьей четверти IV в. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4.* Ч. 1. Тула: Государственный Музей-заповедник «Куликово поле», 256—264.
- Хазанов А.М. 2002. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Шелов Д.Б. 1972. *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. Москва: Наука.
- Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. *КСИА* 156, 16—21.
- Arzhantseva et al. 2000: Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. In Kazanski M., Soupault A. (eds.). *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age*. Leiden; Boston: Brill, 211—250.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1997. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz, 437—487.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1998. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1997. *Eurasia Antiqua* 4. Mainz, 383—424.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5. Mainz, 411—443.
- Bezuglov S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.
- Böttger B. 2002. *Die keizerzeitliche Lampen vom Kerameikos*. München: Hirmer Verlag.
- Catalogue 2006: Bodzek J. (ed.). 2006. *Skarby znad Morza Czarnego : złoto, rzeźba, ceramika z Muzeum Archeologicznego w Odessie : katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie, marzec — czerwiec 2006*. Kraków : Muzeum Narodowe.

- Tezgör D.K. 2021. *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire*. Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress Archaeology.
- Exhibition Catalogue 2018: Rusu-Bolideț V, Botiș F.O. (eds.). 2018. *The Supply of Ceramic Goods in Dacia and Lower Moesia: Imports and Local Developments*. Cluj-Napoca: Mega.
- Hayes J. 1983. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens* 78, 97—169.
- Opaiț 1980. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-buzantine din Dobrogea. *Peuce* VIII, 291—327.
- Opaiț A. 1987. Amfore romane de mare capacitate. Considerații tipologice. *SCIIVA* 38 (1—2), 245—258.
- Radulescu A 1976. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica* IX.

References

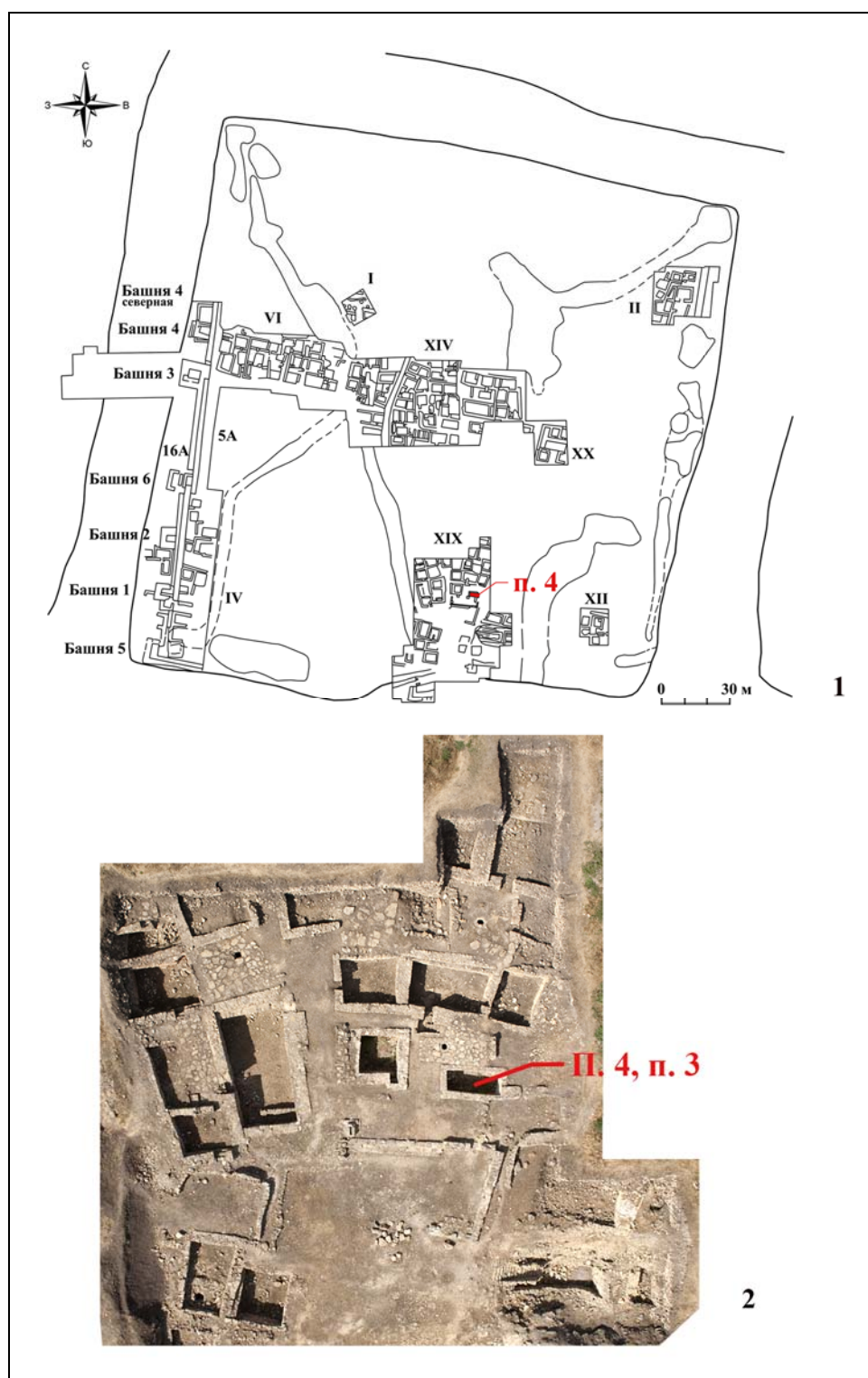
- Abramova, M.P. 1979. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 31—50 (in Russian).
- Abramova, M.P. 1993. *Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (3rd c. BCE — 4th c. CE))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Abramova, M.P. 1997. *Ranniye alany Severnogo Kavkaza v III—V vv. n.e. (Early Alans of the North Caucasus in the 3rd — 5th cc.)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1969. In: Shelov, D.B. (ed.). *Antichnyye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya (Ancient antiquities of the Don-Azov region)*. Moscow: Nauka, 173—219 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1985. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 182, 74—84 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1988. *Svetil'niki Tanaisa (Lanterns of Tanais)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Vlaskin, M.V. 1998. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1995—1997 gg. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 1995—1997)* 15. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 17—18 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 1992. *Usad'by Tanaisa (Estates of Tanais)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* I, 61—113 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 2001. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 4, 56—124 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 29—73 (in Russian).
- Arsen'yeva i dr. 2009: Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A., Il'yashenko, S.M. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 38—78 (in Russian).
- Bazilevich, L.O., Guguyev, Yu.K. 2012. In: Gadjeiev, M.S. (ed.). *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiy chteniye. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii 23—28 aprelya 2012 g. (The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Conference April 23—28, 2012)*. Makhachkala: Mavrayev, 159—161 (in Russian).
- Batiyeva, E.F. 2011. *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye) (The population of the Lower Don in the 9th c. BCE — 4th c. CE (paleoanthropological study))*. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2001. Monetary circulation of Tanais (3rd c. BCE — 5th c. CE). PhD Thesis. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2008. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii: sb. pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova*. Moscow: Taus, 284—301 (Materials and research on the archaeology of Russia 10) (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 408—415 (in Russian).
- Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2016. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22—25 noyabrya 2016 g.) (Elite of the Bosporus and the Bosporan elite culture. Proceedings of the international round table (Saint Petersburg, November 22—25, 2016))*. Saint Petersburg: PALLATSO, 181—186 (in Russian).

- Berezin, Ya.B. 2019. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 50—59 (in Russian).
- Bespalyi G.E. 2016. Otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok na uchastkakh stroitel'stva muzeynogo zdaniya, ob'yektov infrastruktury i ekspozitsionnogo pokaza v granitsakh ob'yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Arkheologicheskiiy muzey-zapovednik «Tanais»" v khut. Nedvigovka Myasnikovskogo rayona Rostovskoy oblasti v 2012 g. RGIA. F. 1. R. 1. No. 51121, 51126.
- Bespalyi, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino (Ancient population of the interfluvium of the Don and Kagalnik. Burial mound near the village Vysochino)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia I) (in Russian).
- Bogdanova, N.M. 1991. In *Prichernomor'ye v sredniye veka. K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Black Sea region in the Middle Ages. To the 18th International Congress of Byzantines)*. Moscow: MGU, 8—172 (in Russian).
- Bratchenko, S.N., Kosyanenko, V.M. 1994. In *Donskiye drevnosti (Don Antiquities)* 2, 80—101, 197—206 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 151—170 (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2006. *Prichernomorskiye amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Black Sea amphoras of the 1st c. BCE — 2nd c. CE)*. Pt. II. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2007. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 163—177 (in Russian).
- Gabuyev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alans in the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Taus (in Russian).
- Gadjiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2010. In: Davudov, O.M. (ed.). *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Yevrazii: Sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora Kh.A. Amirkhanova (Studies of the Primitive Archaeology of Eurasia: Collection of Articles for the 60th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor Kh.A. Amirkhanov)*. Makhachkala: Nauka DNTS, 352—364 (in Russian).
- Goncharova i dr. 2016: Goncharova, S.A., Shirochenko, E.B., Kharchenko, M.V., Goncharov, M.Yu., Maslovskiy, A.N., Minayev, A.P., Yudin, N.I. 2016. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2013—2014 gg. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2013—2014)* 29. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 50—126 (in Russian).
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Donskiye drevnosti (Don antiquities)* 11 (in Russian).
- Guguev, V.K. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 4, 128—148 (in Russian).
- Guguev, V.K. 2019. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 5 (1), 92—123 (in Russian).
- Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2020. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd c. BCE — 4th c. CE))*. Simferopol: OOO "Firma «Salta» LTD", 189—214 (in Russian).
- Guguev, V., Guguev, Yu. 1988. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya (News of the Rostov Regional Museum of Local Lore)* 5, 67—75 (in Russian).
- Guguev, Yu.K. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 1, 114—139 (in Russian).
- Guguev i dr. 2007: Guguev, Yu.K., Il'yashenko, S.M., Kazakova, L.M. 2007. In: Kozenkova, V.I., Malashev, V.Yu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy (The North Caucasus and the world of nomads in the early Iron Age: a collection in memory of M.P. Abramova)*. Moscow: Taus, 432—457 (Materials and research on the archaeology of Russia 8) (in Russian).
- Guguev i dr. 2017: Guguev, Yu.K., Malashev, V.Yu., Rylov, V.G. 2017. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (1), 45—61 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (Necropolis of the Roman time Belbek IV in the South-Western Crimea)*. Moscow: GIM (Proceedings of the State Historical Museum 205) (in Russian).
- Deopik, D.V. 1988. In *Material'naya kul'tura Vostoka (Material culture of the East)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 171—220 (in Russian).
- Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Systems of signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 1998. In: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'ye (Hellenistic and Roman ceramics in the Northern Black Sea region)*. Moscow: GIM, 31—51 (Proceedings of the State Historical Museum 102) (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2006. In: Bzhaniya, V.V. (ed.). *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya. Posvyashchena pamyati Yu.N. Voronova. Drevniye kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya i ikh vzaimodeystviye s kul'turami sosednikh regionov. Sokhraneniye kul'turnogo naslediya. Materialy konferentsii*

- (*First Abkhaz International Archaeological Conference. Dedicated to the memory of Yu.N. Voronova. Ancient cultures of the Caucasian Black Sea region and their interaction with the cultures of neighboring regions. Preservation of cultural heritage. Conference materials*). Sukhum: Alasharbaga, 165—169 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovoaya keramika Severo-Zapadnogo Kryma I—III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) (Red-lacquer ceramics of the North-Western Crimea of the 1st — 3rd cc. CE (Based on materials from the late Scythian necropolises of the Belbek Valley))*. Simferopol: BF “Demetra” (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 1999. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 2, 98—113 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Turova, N.P. 2012. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XXVI, 335—400 (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 2000. In: Akimova, L.I., Kifishin, A.G. (eds.). *Zhertvoprinosheniye: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney (Sacrifice: Ritual in culture and art from antiquity to the present day)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 294—318 (in Russian).
- Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic container of the Bosporus)*. Moscow: Nauka (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 83) (in Russian).
- Kazakova, L.M. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2002)* 19. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 229—235 (in Russian).
- Kamenetskiy, I.S. 1969. In: Shelov, D.B. (ed.). *Antichnyye drevnosti Podon'ya—Priazov'ya (Ancient antiquities of the Don-Azov region)*. Moscow: Nauka, 136—172 (in Russian).
- Kamenetskiy, I.S. 2006. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and research on the archaeology of the Kuban)* 6, 192—204 (in Russian).
- Kaminskiy, V.I., Kondrashov, A.V. 1988. In: Kuznetsov, V.A. (ed.). *Metodika issledovaniya i interpretatsii arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza (Methods of research and interpretation of archaeological materials of the North Caucasus)*. Ordzhonikidze: Ir, 57—64 (in Russian).
- Kat. Rayev 1979: Raev, B.A. (ed.). 1979. *Katalog arkheologicheskikh kollektsey Muzeya istorii donskogo kazachestva (Catalog of archaeological collections of the Museum of the history of the Don Cossacks)*. Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva (in Russian).
- Kondrashev 1987: RGIA. F. 1. Op. 1. D. 11370. Kondrashev A.V. 1987. Otchet o provedenii okhrannospasatel'nykh raskopok gruntovogo mogil'nika v st. Starokorsunskoy (Sovetskiy rayon g. Krasnodara) v 1986 g. Al'bomy ill'yustratsiy k otchetu.
- Kosyanenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of Kobyakovo settlement (based on materials from excavations in 1956—1962))*. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik (in Russian).
- Larenok, V.A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of Kobyakovo settlement from excavations in 1999—2000)*. Pt. I. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Larenok, V.A. 2016. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 2000—2001, 2002, 2004 godov (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakovo settlement from the excavations of 2000—2001, 2002, 2004)*. Pt. II. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Larenok, V.A. 2021. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok nekropol'ya Kobyakova gorodishcha na ploshchadke stroitel'stva trgovogo kompleksa “Metro kesh end kerri” v 2007 g. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakovo settlement from the excavations of the necropolis of the Kobyakov settlement at the construction site of the Metro Cash and Carry shopping complex in 2007)*. Pt. III. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Malashev, V.Yu., Albegova, Z.Kh. 2018. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 23—35 (in Russian).
- Maslovskiy, A.N., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2009 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2009)* 25. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 371—390 (in Russian).
- Mordvintseva, V.I., Zaytsev, Yu.P. 2002. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 8-go arkheologicheskogo seminar. Krasnodar 13—15 iyunya 2001 g. (Ancient civilization and the barbarian world. Materials of the 8th archaeological seminar. Krasnodar June 13—15, 2001)*. Krasnodar: Muzey istorii donskogo kazachestva, 57—67 (in Russian).

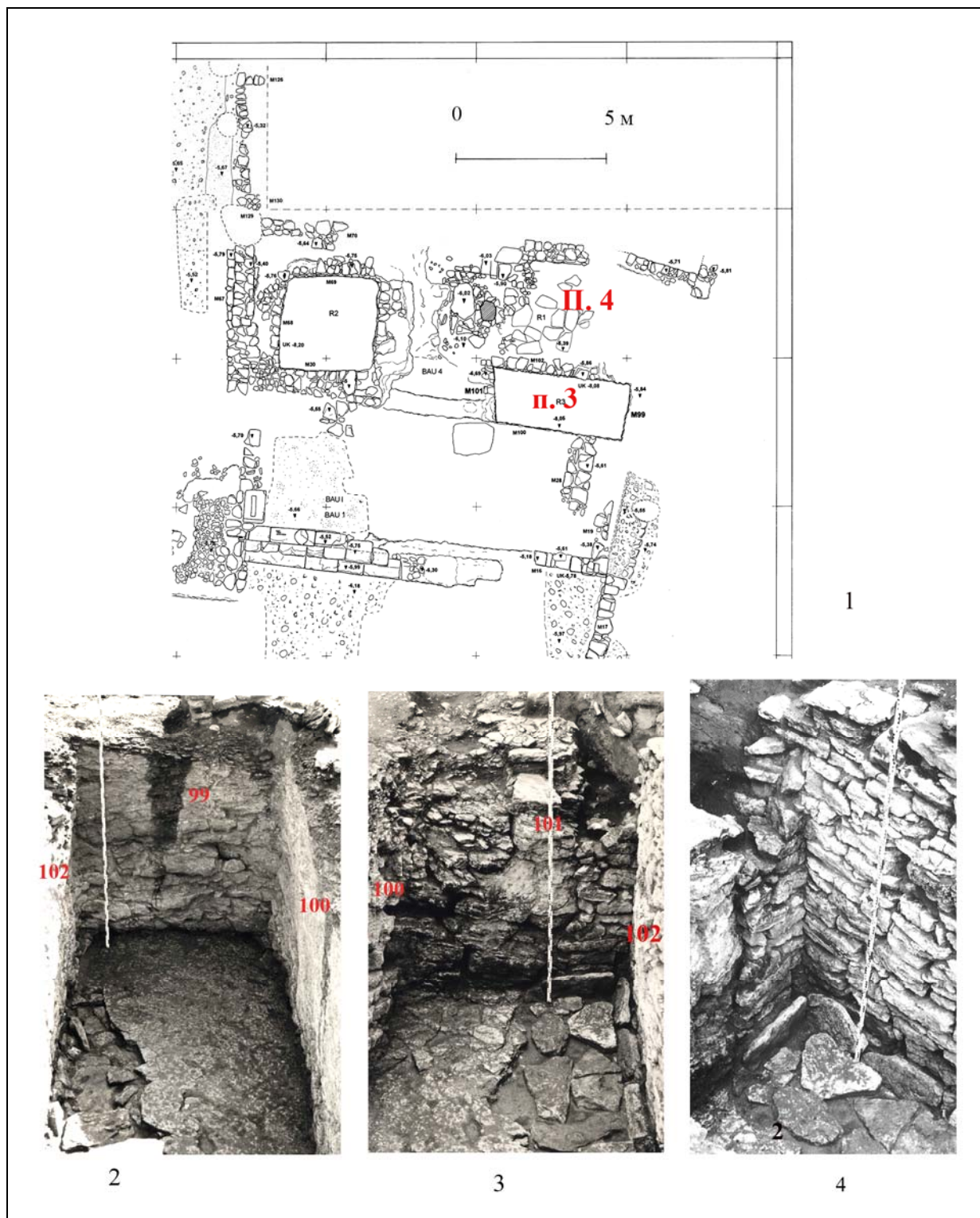

- Moshkova, M.G. 1980. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 162, 45—52 (in Russian).
- Naumenko, S.A. 2012. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 3, 63—85 (in Russian).
- Naumenko, S.A. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 4, 22—31 (in Russian).
- Naumenko, S.A., Guguev, Yu.K. 2020. In: Gadjeiev, M.S. (ed.). *Arkheologicheskoye nasledie Kavkaza: aktual'nyye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskiy chteniy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Makhachkala, 20—25 aprelya 2020 g. (Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent archaeological expedition. Makhachkala, April 20—25, 2020)*. Makhachkala: Mavrayev, 269—271 (in Russian).
- P'yankov, A.V. 2015. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 4)*. Pt. 1. Tula: Gosudarstvennyy Muzei-zapovednik "Kulikovo pole", 256—264 (in Russian).
- Khazanov, A.M. 2002. *Kochevniki i vneshniy mir (Nomads and the outside world)*. Almaty: Dayk-Press (in Russian).
- Shelov, D.B. 1972. *Tanais i Nizhniy Don v pervyye veka nashey ery (Tanais and the Lower Don in the first centuries of our era)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shelov, D.B. 1978. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 156, 16—21 (in Russian).
- Arzhantseva et al. 2000: Arzhantseva, I., Deopik, D., Malashev, V. 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. In Kazanski, M., Soupault, A. (eds.). *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age*. Leiden; Boston: Brill, 211—250.
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1997. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz, 437—487
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1998. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1997. *Eurasia Antiqua* 4. Mainz, 383—424
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5. Mainz, 411—443
- Bezuglov, S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.
- Böttger, B. 2002. *Die keizerzeitliche Lampen vom Kerameikos*. München: Hirmer Verlag.
- Catalogue 2006: Bodzek, J. (ed.). 2006. *Skarby nad Morza Czarnego : złoto, rzeźba, ceramika z Muzeum Archeologicznego w Odessie : katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie, marzec — czerwiec 2006*. Kraków : Muzeum Narodowe.
- Tezgör, D.K. 2021. *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire*. Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress Archaeology.
- Exhibition Catalogue 2018: Rusu-Bolideț, V., Botiș, F.O. (eds.). 2018. *The Supply of Ceramic Goods in Dacia and Lower Moesia: Imports and Local Developments*. Cluj-Napoca: Mega.
- Hayes, J. 1983. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens* 78, 97—169.
- Opaiț, 1980. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-bizantine din Dobrogea. *Peuce* VIII, 291—327.
- Opaiț, A. 1987. Amfore romane de mare capacitate. Considerații tipologice. *SCIIVA* 38 (1—2), 245—258.
- Radulescu, A. 1976. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica* IX.

Рис. 1. План основного четырехугольника городища Танаис: 1 — местоположение постройки 4, помещения 3; 2 — раскоп XIX с подвалом 3 постройки 4, вид сверху.

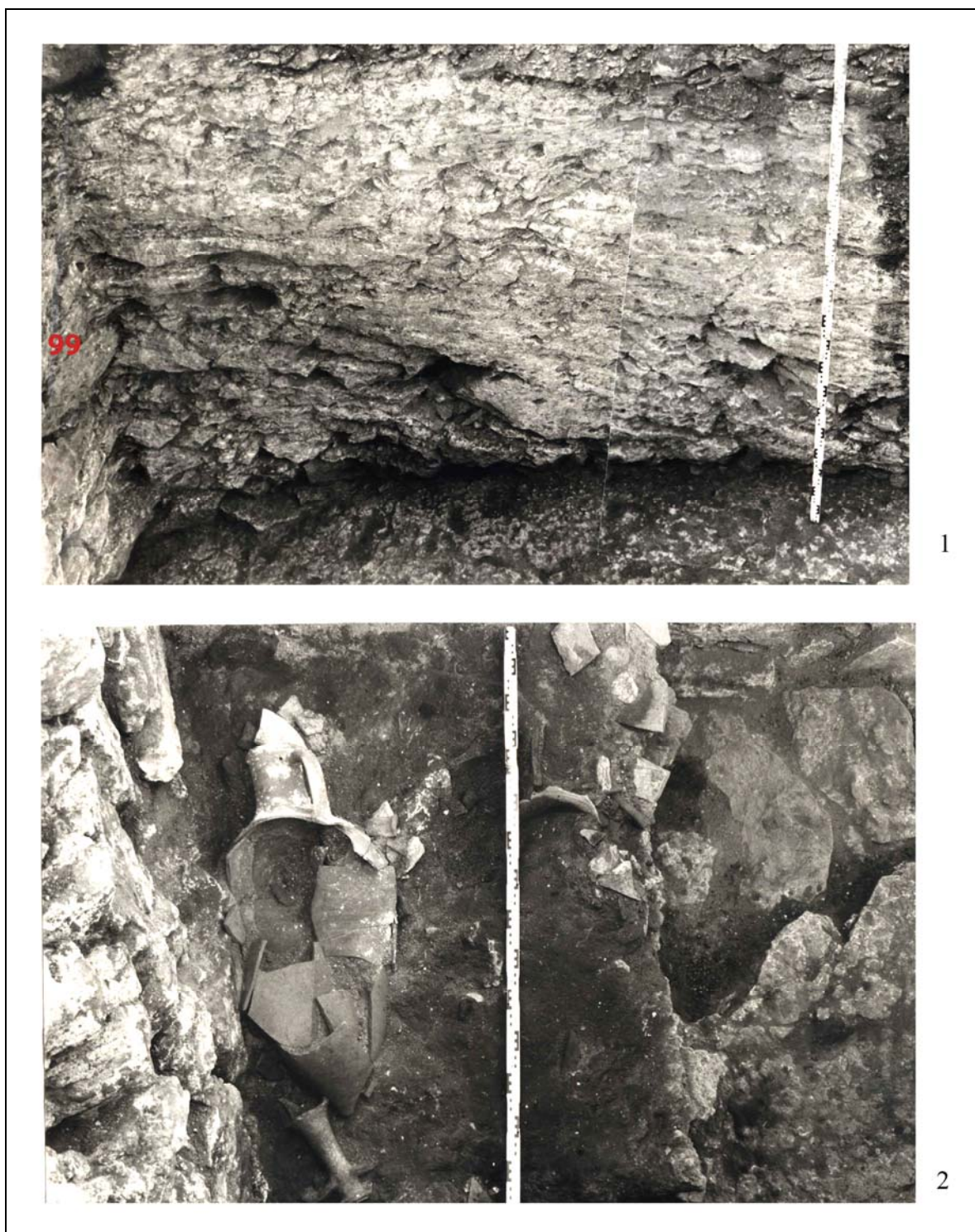
Fig. 1. Plan of the main part of Tanais: 1 — location of the building 4, room 3; 2 — Trench XIX with the basement 3 of building 4, view from above.

Рис. 2. Постройка 4, помещение 3 на раскопе XIX: 1 — план постройки 4; 2 — подвал 3, вид с запада; 3 — подвал, вид с востока; 4 — северо-западный угол подвала, вид с ЮВ.

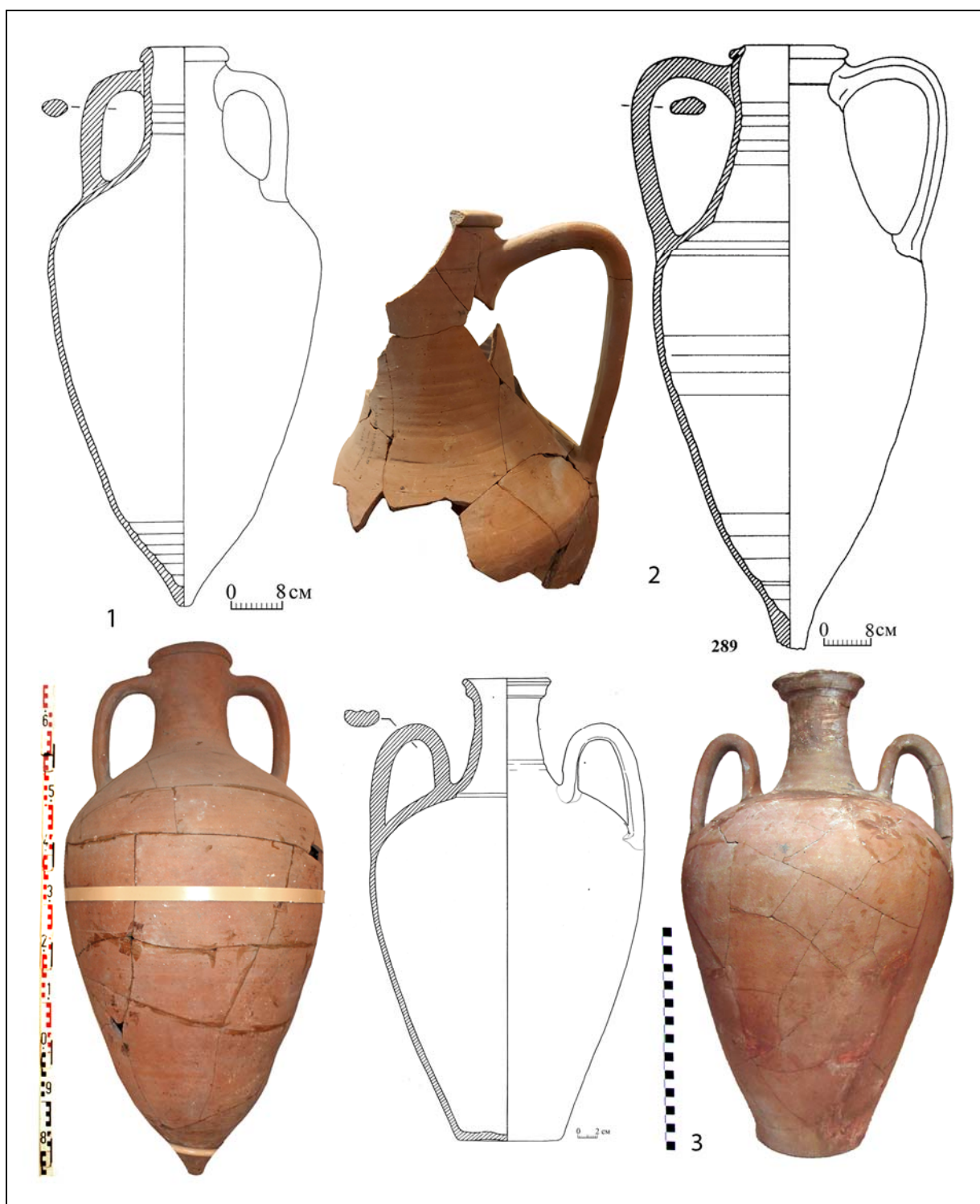
Fig. 2. Building 4, room 3 on the Trench XIX: 1 — plan of the building 4; 2 — basement 3, view from the west; 3 — basement. view from the east; 4 — north-western corner of the basement, view from the south-east.

Рис. 3. Постройка 4, подвал: 1 — южная скальная стена 100, вид с севера; 2 — находки амфор типа С и красноглиняной типа Зеест 84 на полу, вид с юга сверху.

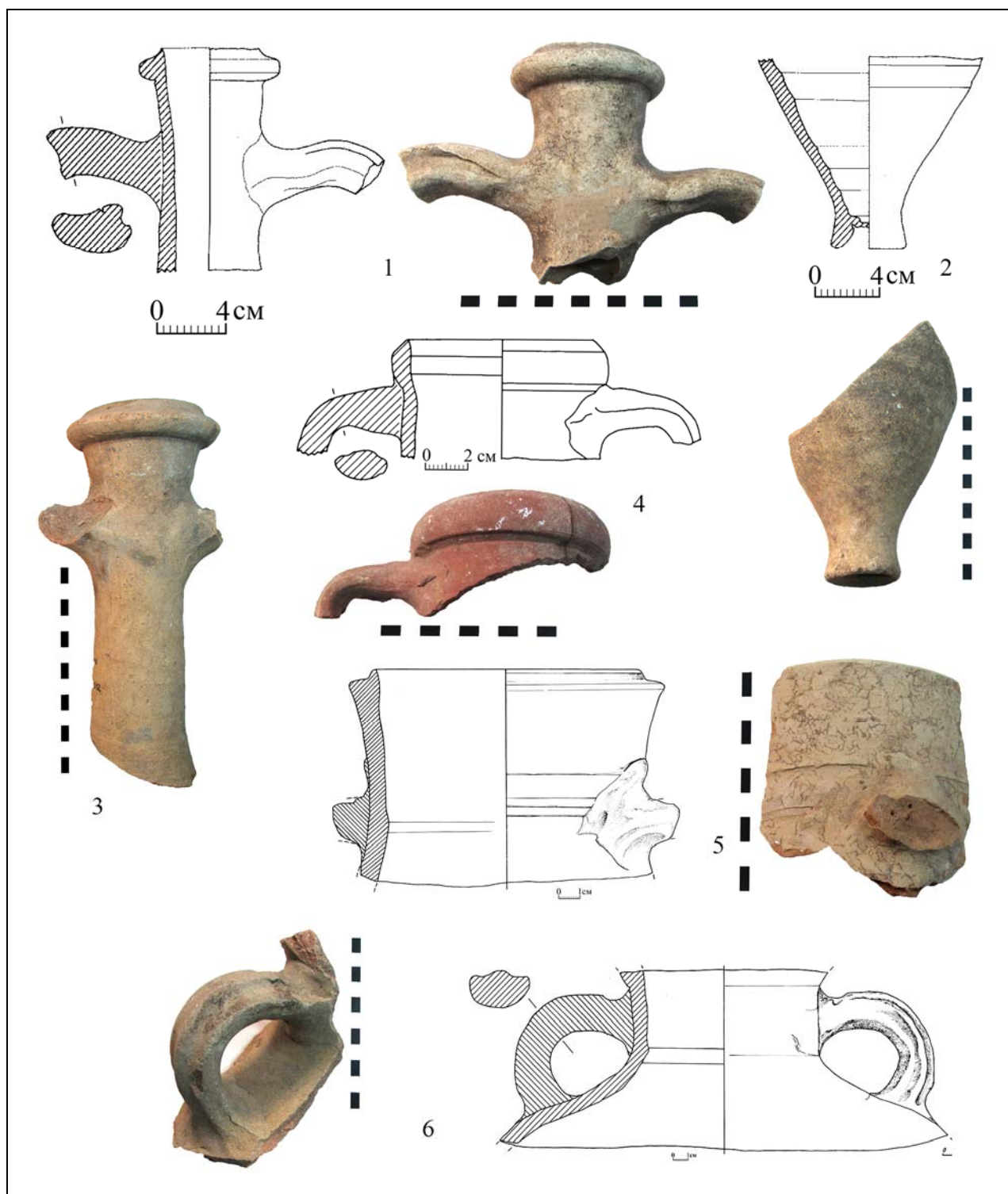
Fig. 3. Building 4, basement: 1 — southern wall 100 cut in the bedrock, view from the north; 2 — type C and red-clay Zeest 84 type amphorae discovered on the floor, view from the south from above.

Рис. 4. Амфоры: 1 — амфора типа Зеест 84; 2 — амфора типа Усадьбы 20-21; 3 — амфора из коричневой глины.

Fig. 4. Amphorae: 1 — Zeest 84 amphora type; 2 — Tanais' homestead 20-21 amphora type; 3 — brown clay amphora.

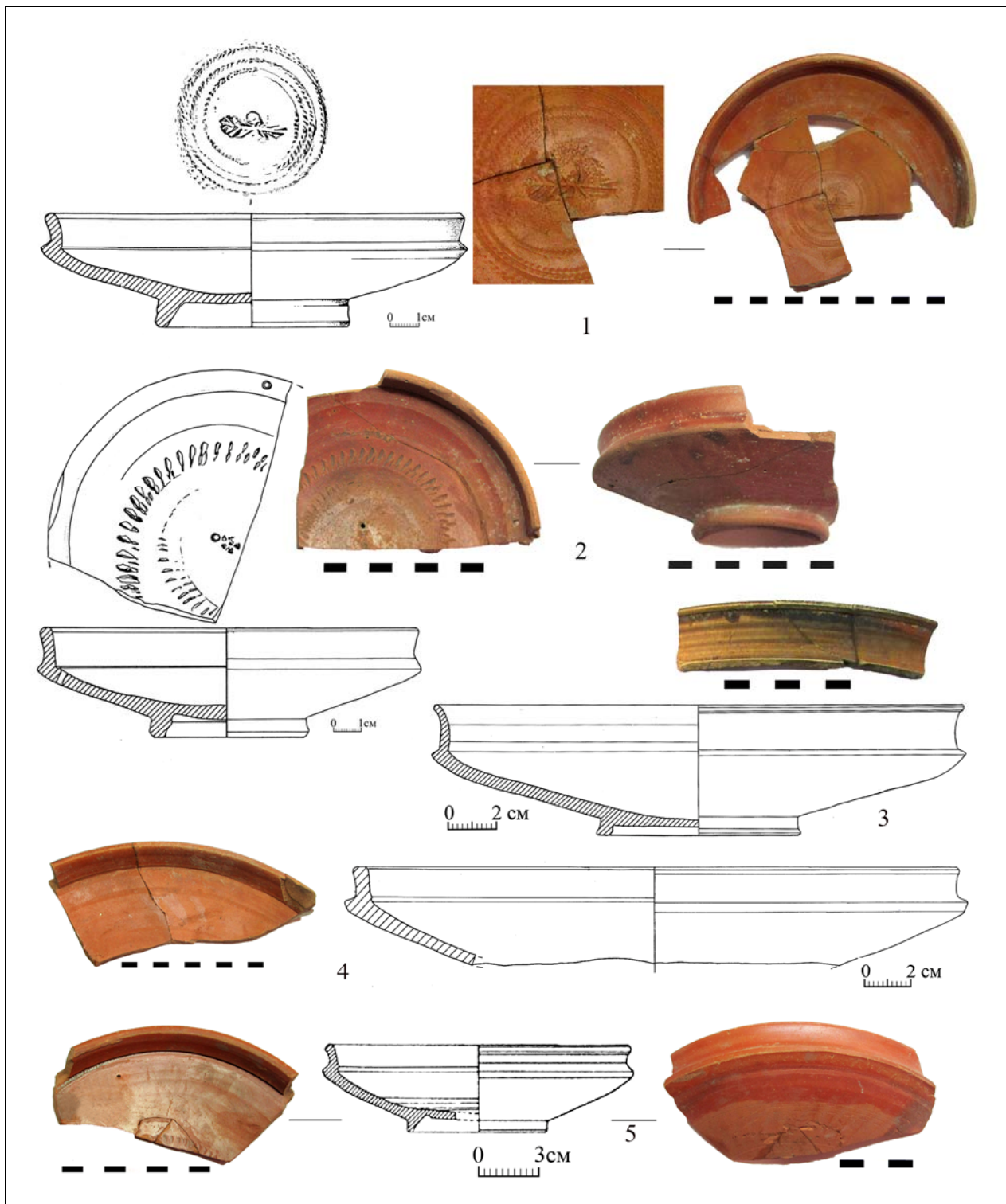

Рис. 5. Амфоры: 1—3 — амфоры типа С (по Шелову); 4—6 — амфоры из неустановленных центров; 5 — вариант амфоры с воронковидным горлом.

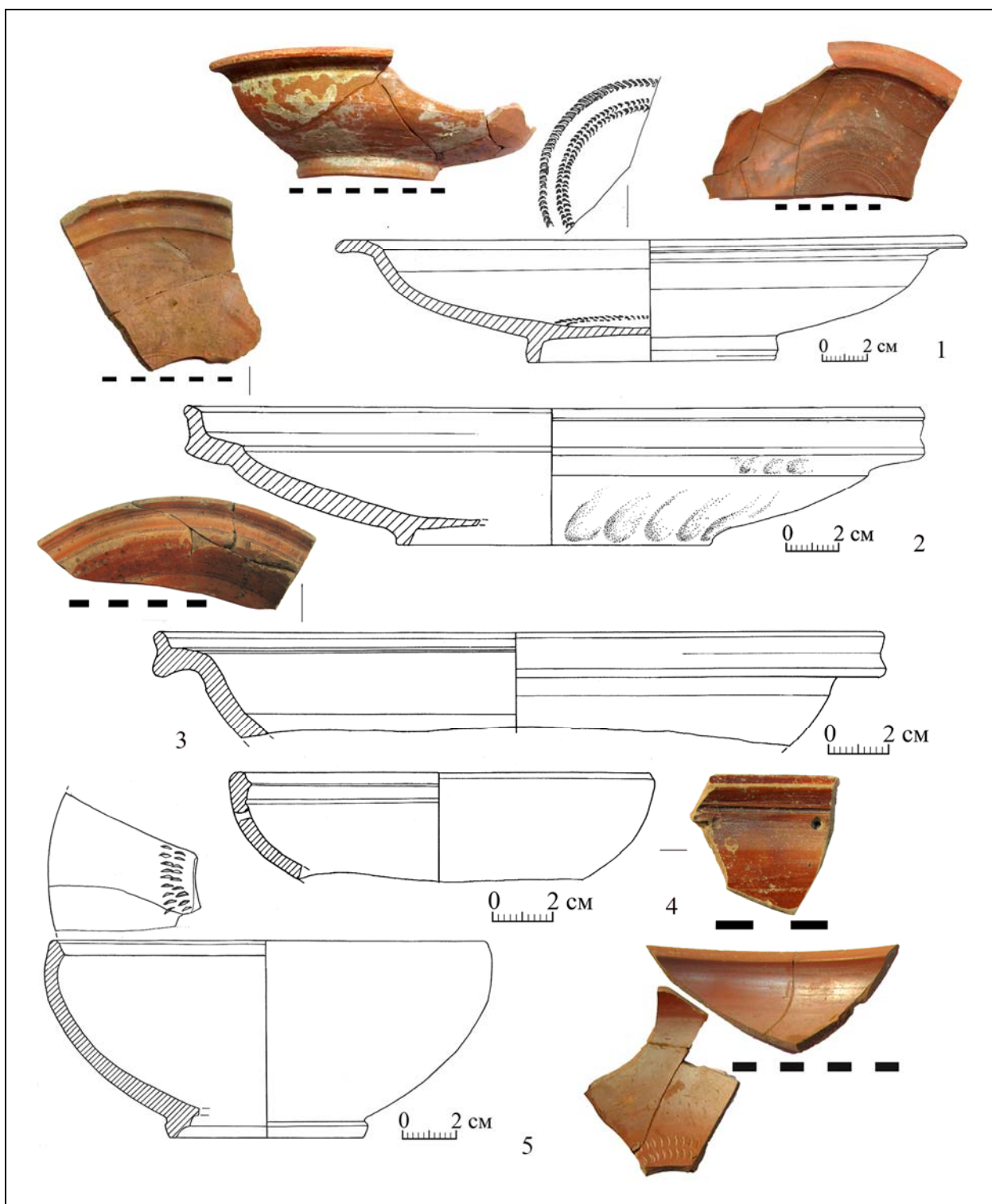
Fig. 5. Amphorae: 1—3 — type C amphorae (after Shelov); 4—6 — amphorae of unidentified centers; 5 — variant of amphora with a funnel-shaped neck.

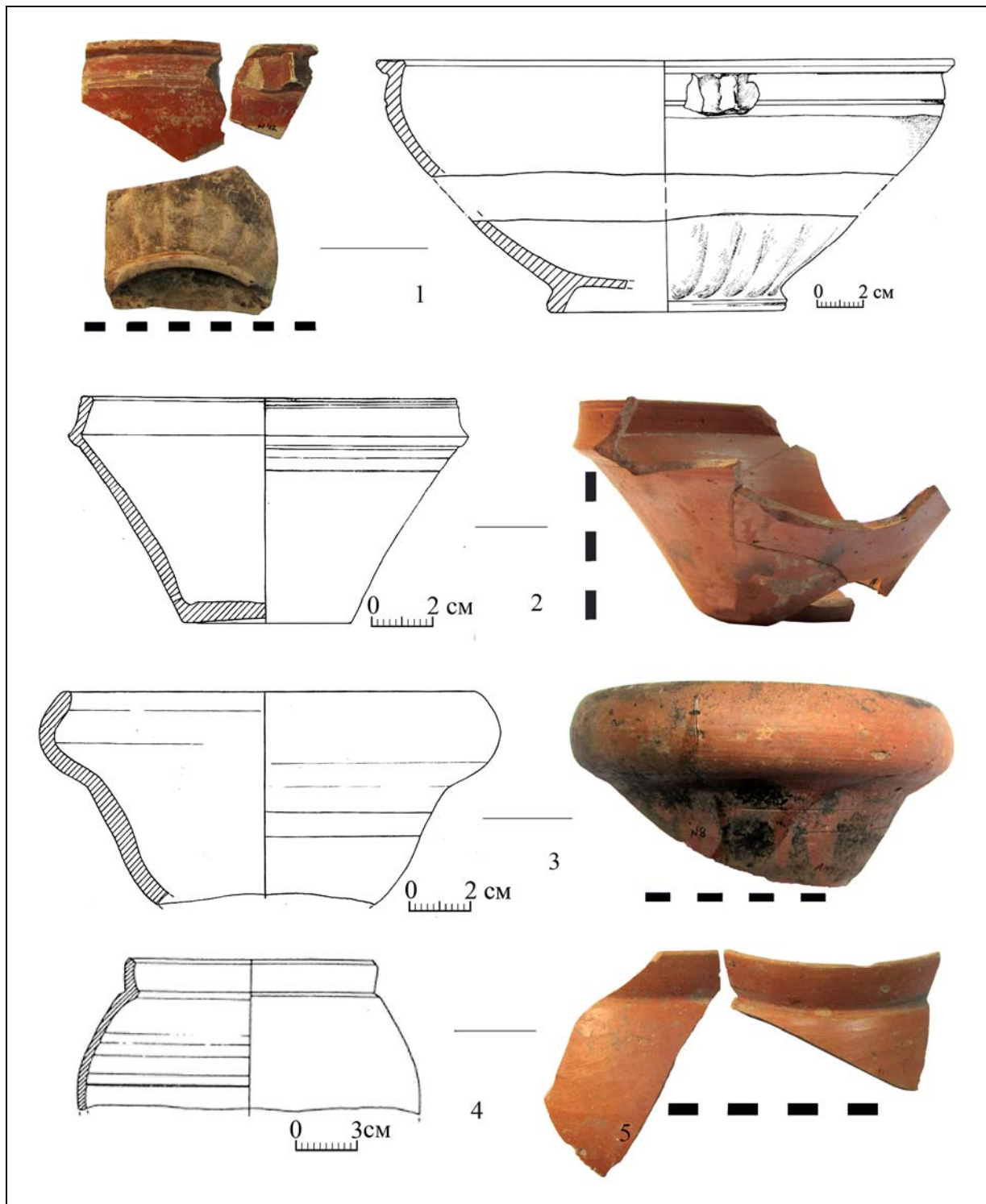
Рис. 6. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Тарелки: 1, 3 — форма 3.1 по Журавлеву); 2, 4, 5 — форма 4.2 (по Журавлеву).

Fig. 6. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Dishes: 1, 3 — form 3.1 (after Zhuravlev); 2, 4, 5 — form 4.2 (after Zhuravlev).

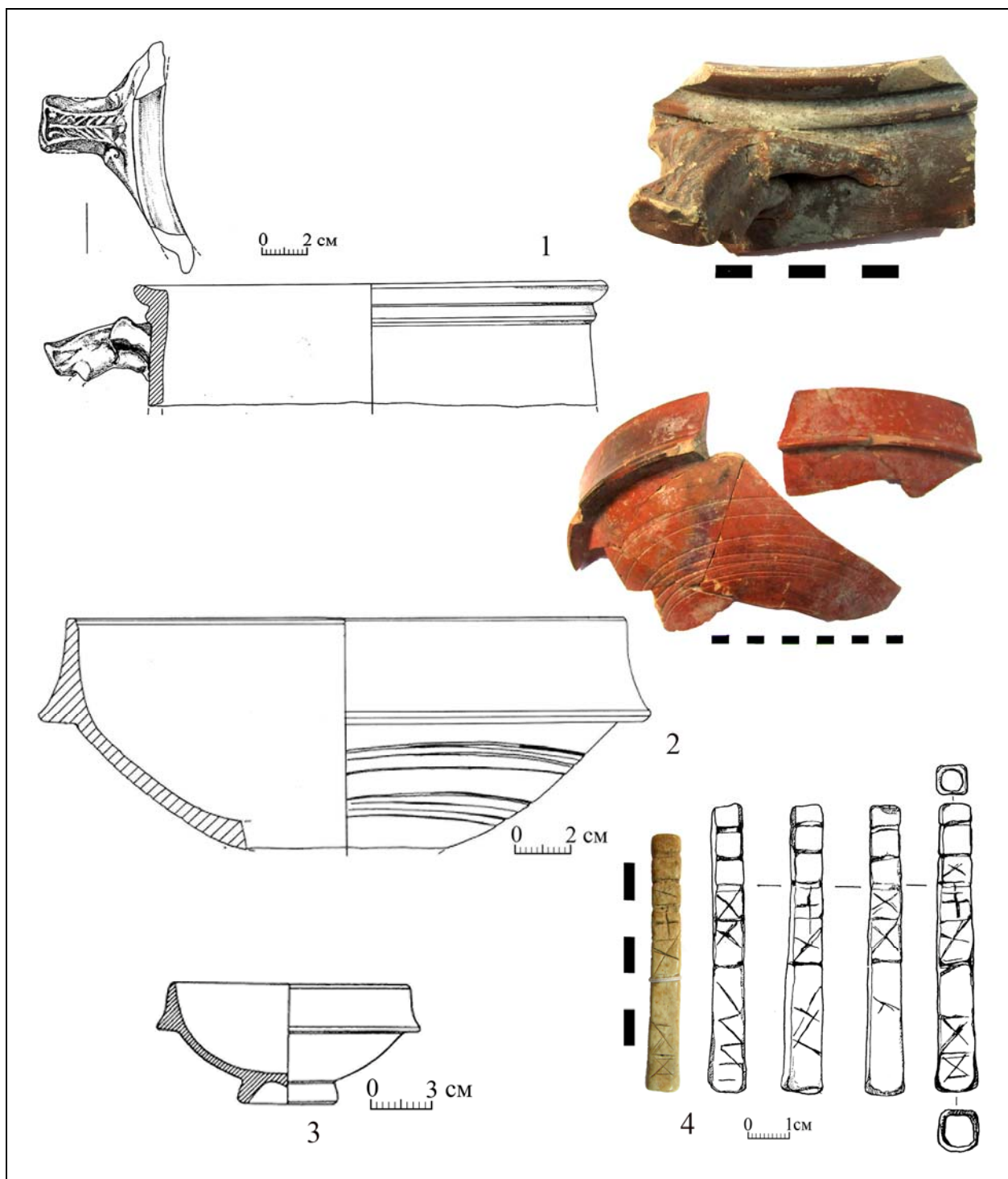
Рис. 7. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Тарелки: 1 — форма 6.3 (по Журавлеву); 2—3 — с «площадкой» как у формы 9 (по Журавлеву). **Миски:** 4—5 — форма 14.3 (по Журавлеву).

Fig. 7. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Dishes: 1 — form 6.3 (after Zhuravlev); 2—3 — with a “platform” similar to form 9 (after Zhuravlev). **Bowls:** 4—5 — form 14.3 (after Zhuravlev).

Рис. 8. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Чаши: 1 — с ручкой-налепом; 2 — форма 30.3 (по Журавлеву); 3 — с вогнутым бортиком. **Кубки:** 4 — форма 31 (по Журавлеву).

Fig. 8. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Bowls: 1 — with adhered handle; 2 — form 30.3 (after Zhuravlev); 3 — with concave upper part of the walls. **Cups:** 4 — form 31 (after Zhuravlev).

Рис. 9. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А: 1 — канфар. Пергамская сигиллата: 2—3 — миски; 4 — костяной предмет.

Fig. 9. Red slip wares. Pontic sigillatta A: 1 — kantharos. Pergamene sigillatta: 2—3 — bowls; 4 — bone object.

Рис. 10. Находки из подвала: 1 — верхняя часть кувшина; 2 — гончарный светильник.

Fig. 10. Finds from the basement: 1 — upper part of the jug; 2 — wheelmade lamp.

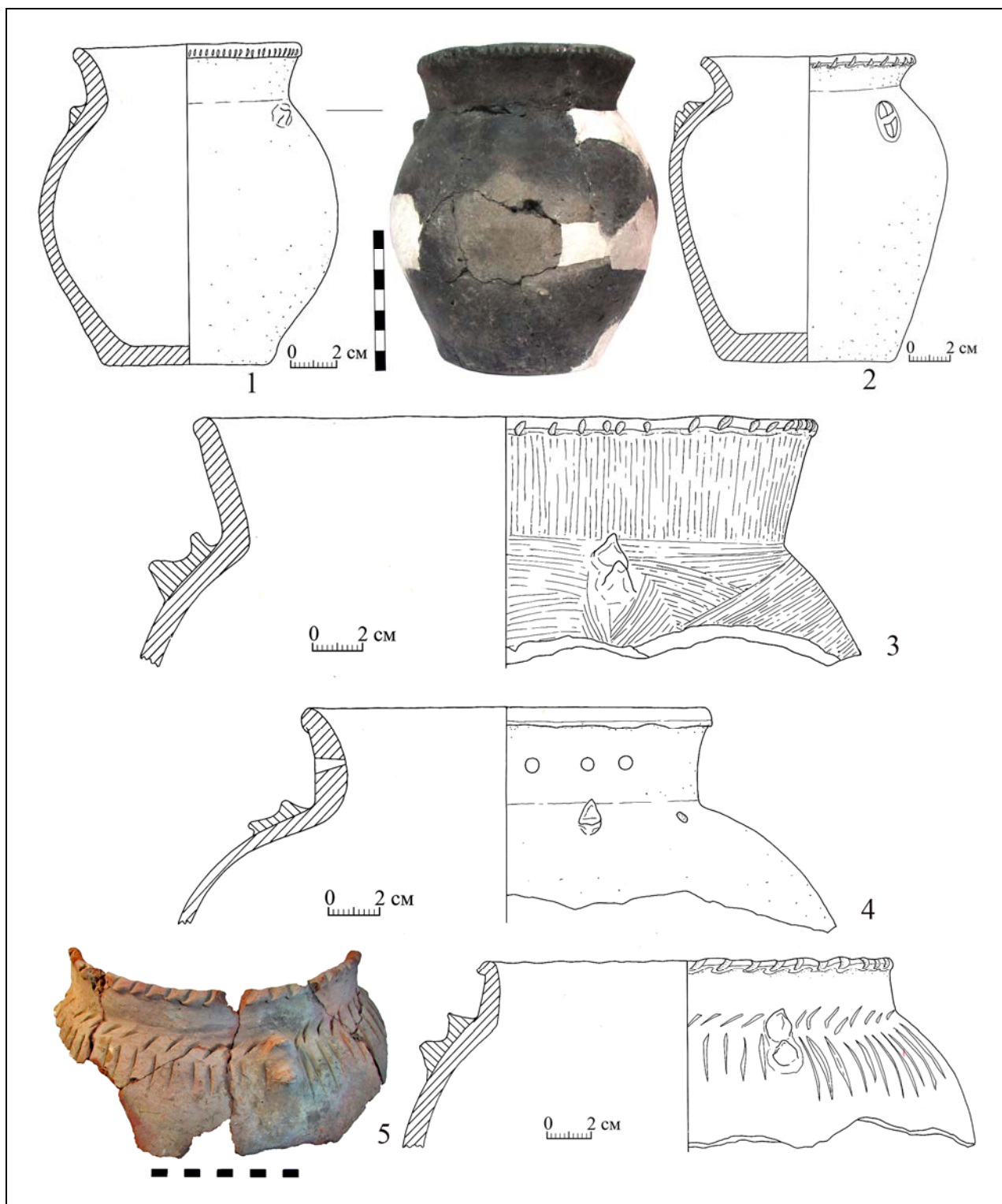
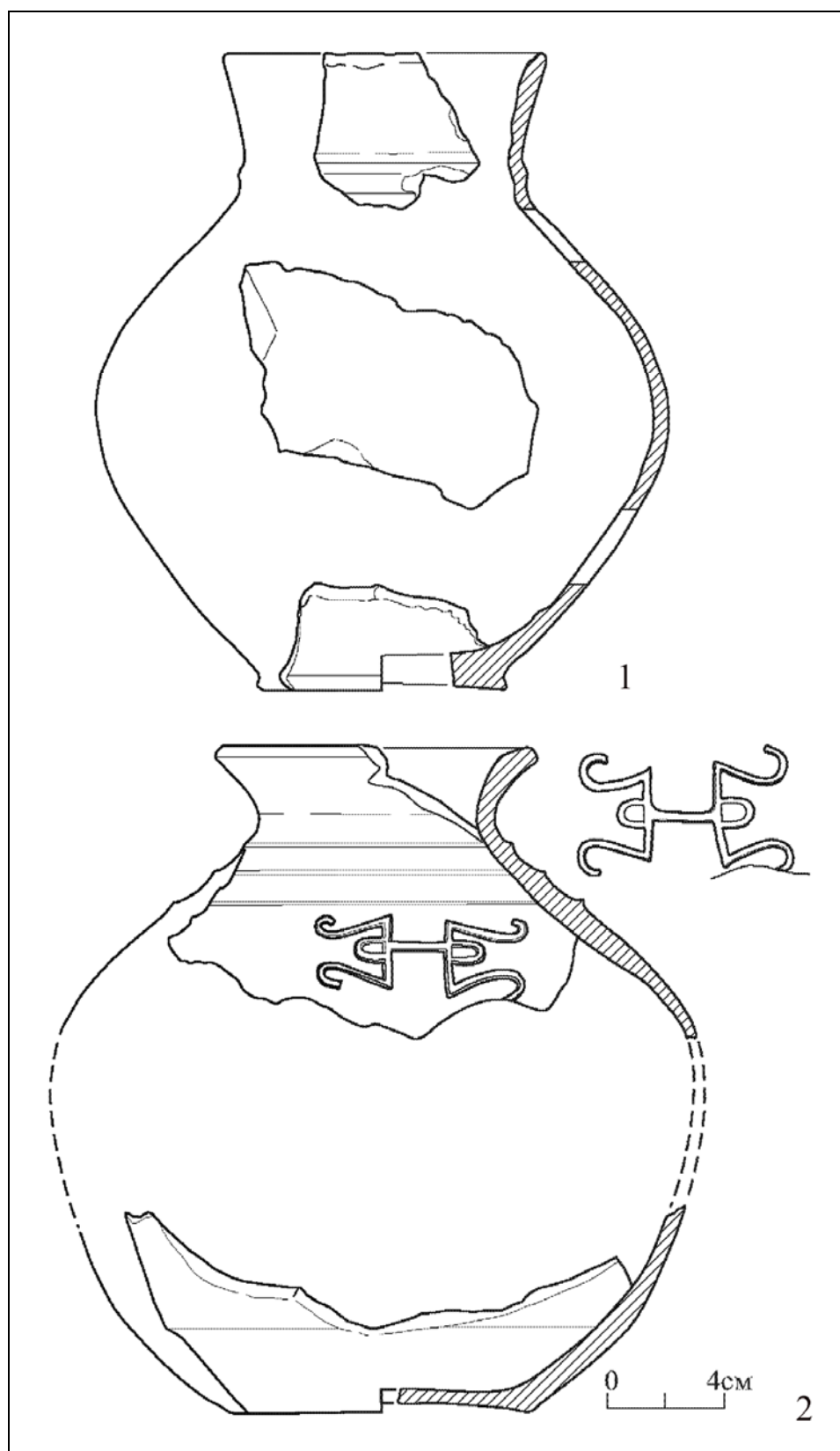

Рис. 11. Постройка 4, подвал 3. Лепная посуда: горшки.

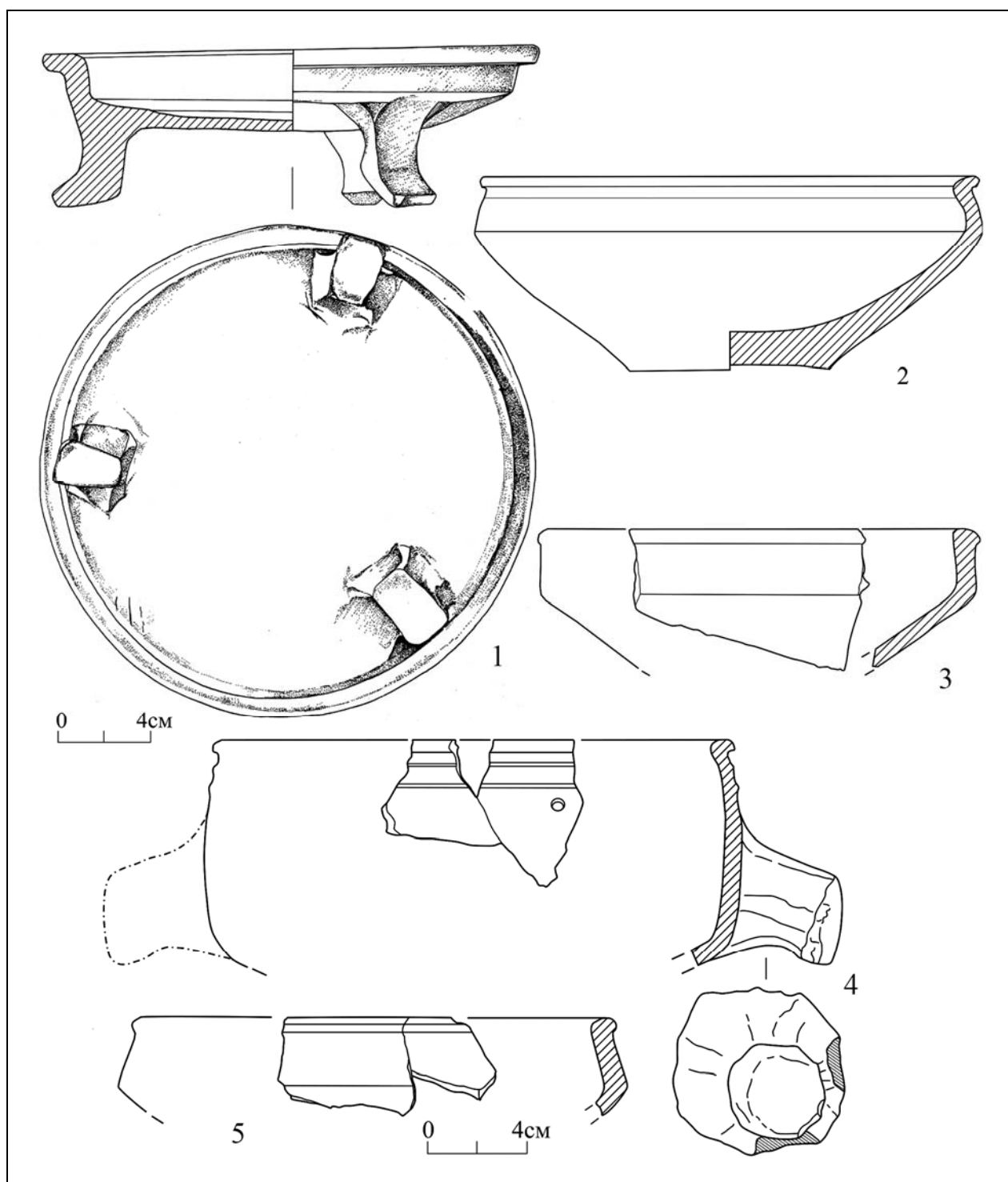
Fig. 11. Building 4, basement 3. Handmade pottery: pots.

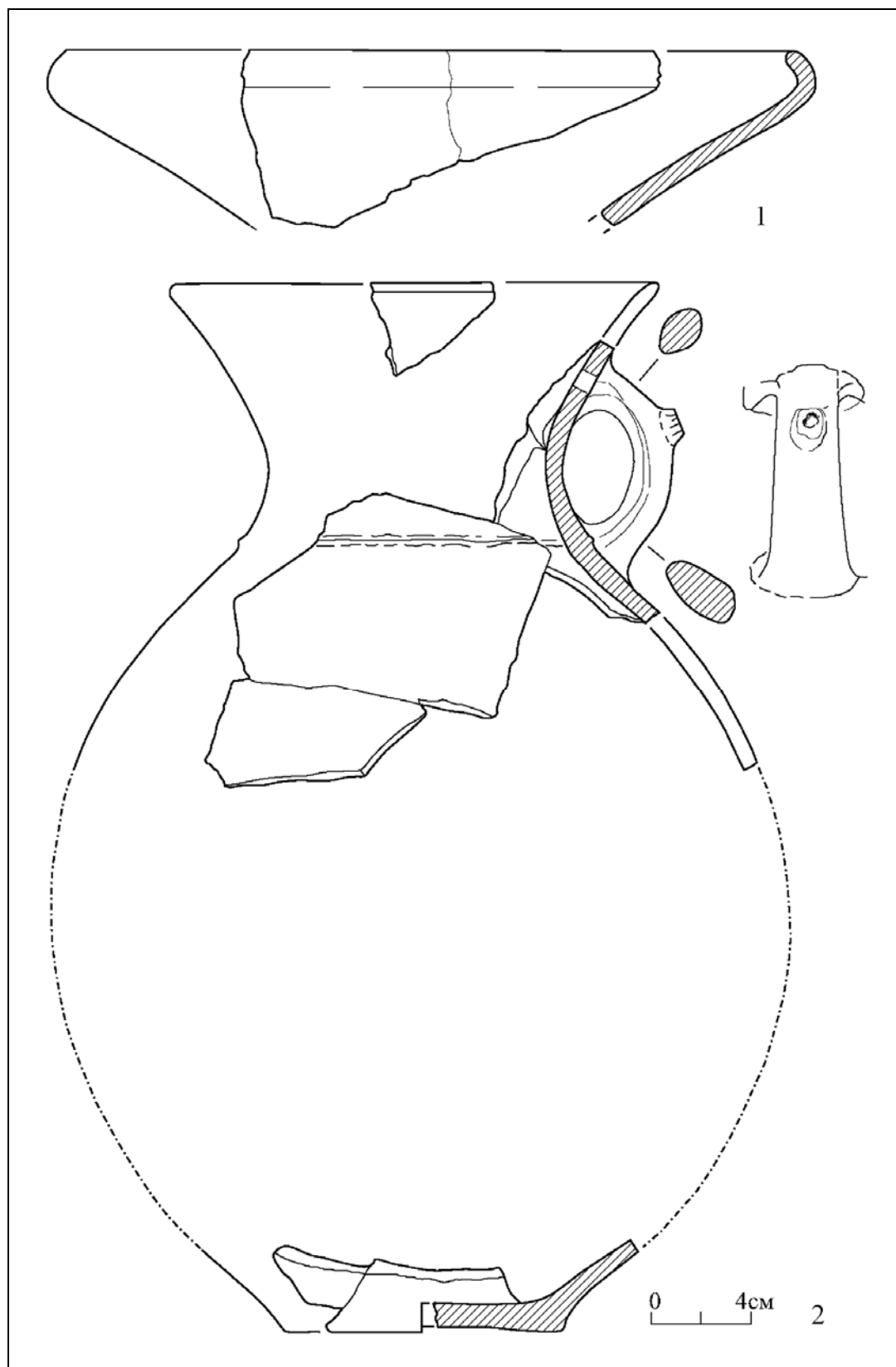
Рис. 12. Нижнедонская меотская гончарная сероглиняная керамика: 1—2 — кубышки (реконструкция).

Fig. 12. Lower Don Meotian wheelmade grey-clay pottery: 1—2 — ceramic vessels “kubyshki” (reconstruction).

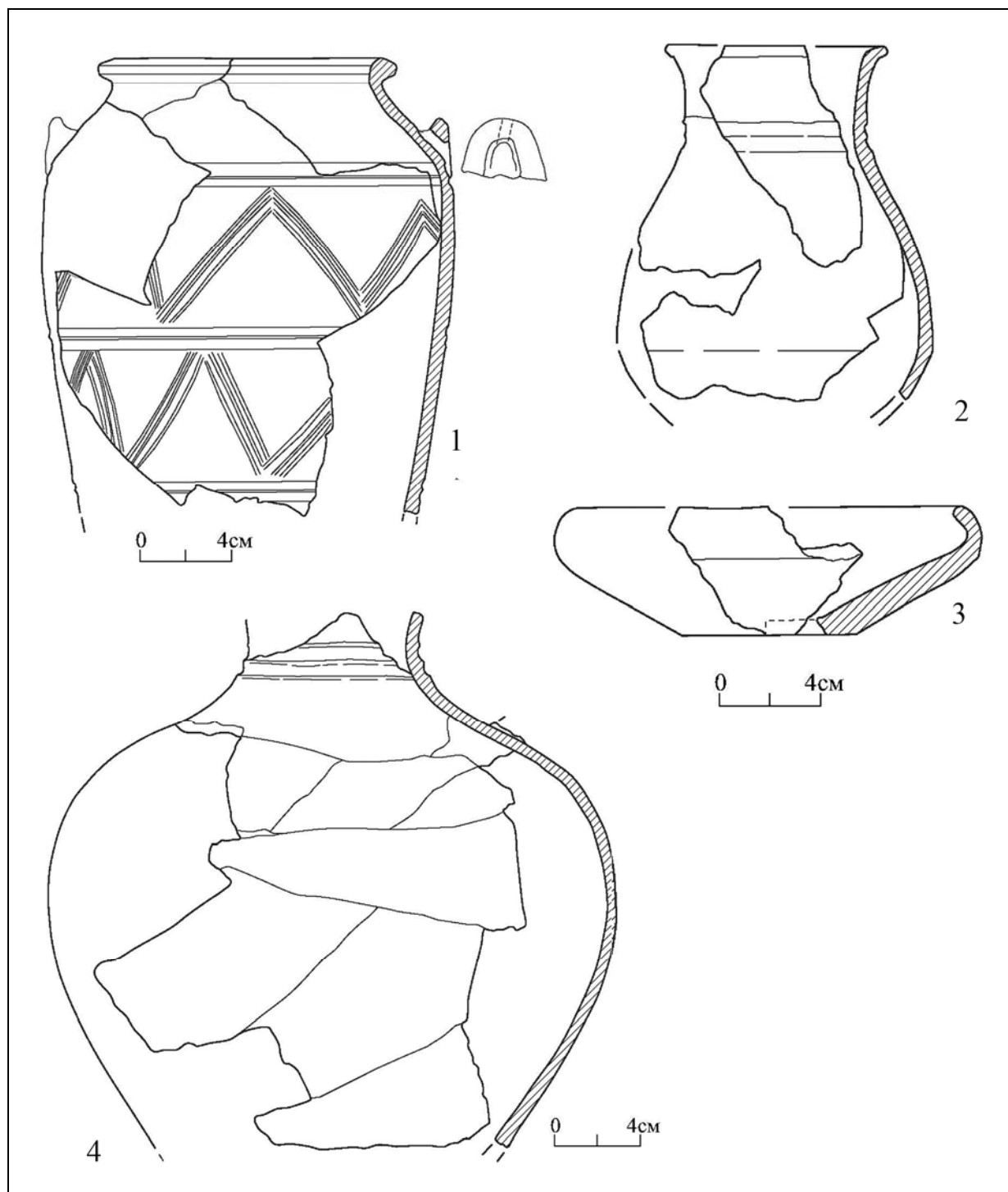
Рис. 13. Нижнедонская меотская гончарная сероглиняная керамика: 1 — блюдо на ножках (реконструкция); 2 — миска; 3, 5 — миски (реконструкция); 4 — сосуд с ручками-упорами (вариант реконструкции).

Fig. 13. Lower Don Meotian wheelmade grey-clay pottery: 1 — plate on the stands (reconstruction); 2 — bowl; 3, 5 — bowls (reconstruction); 4 — vessel with handles (variant of reconstruction).

Рис. 14. Аланская гончарная сероглиняная керамика: 1 — миска (реконструкция); 2 — кувшин (вариант реконструкции).

Fig. 14. Alan wheelmade grey-clay pottery: 1 — bowl (reconstruction); 2 — jug (variant of reconstruction).

Рис. 15. Аланская гончарная сероглиняная керамика: 1 — корчага с ушками (реконструкция); 2 — кувшинчик-кружка (кубышка?) (реконструкция); 3 — миска (реконструкция); 4 — кувшин (реконструкция).

Fig. 15. Alan wheelmade grey-clay pottery: 1 — large earthenware pot with handles (reconstruction), 2 — jug-cup (“kubyshka”?) (reconstruction); 3 — bowl (reconstruction); 4 — jug (reconstruction).

Рис. 16. Гончарная сероглиняная керамика (фотографии): 1 — фрагмент нижнедонской меотской кубышки с рельефным тамгообразным знаком; 2 — фрагменты нижнедонского меотского блюда на ножках; 3 — фрагмент аланского кувшина; 4 — фрагменты аланской корчаги с ушками.

Fig. 16. Wheelmade grey-clay pottery (photos): 1 — fragment of Lower Don, Meotian vessel (“kubyshka”) with relief tamga-like sign; 2 — fragment of Lower Don, Meotian plate on stands, 3 — fragment of Alan jug; 4 — fragment of Alan large earthenware pot.

Рис. 17. Античное гончарное блюдо из Новочеркасского музея истории донского казачества. Беспаспортная случайная находка (Арх-401 КП 3779).

Fig. 17. Antique wheelmade vessel from the Novocherkassk Museum of history of Don Cossacks. Passportless accidental find (Ark-401 KP 3779).

УДК 94(3); 94(395.1)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.65.89.015

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев, Е.В. Шушунова

**ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»)***

Главной целью исследования является определение религиозной сущности обрядовых действий совершенных на городище «Белинское», расположенном на западных рубежах Боспорского царства. Обряд был выполнен в специальной яме в золистом святилище и датируется позднеантичным временем. Используя сравнительно-типологический метод исследования, авторы пришли к выводу, что здесь был проведен обряд героизации умершего, похороненного, скорее всего, где-то рядом со святилищем или на некрополе. То, что данный обряд был совершен не на могиле умершего, а на старом зольнике между некрополем и жилой застройкой, свидетельствует о сохранении населением городища древней скифской традиции. Особенности ритуальной ямы в достаточной степени специфичны, так как, по-видимому, отражают своеобразную региональную трансформацию религиозных представлений в сложном пограничном регионе, в результате влияния античной и варварских культур в эпоху кризиса античной цивилизации и боспорской государственности.

Ключевые слова: Боспорское царство, культ предков, героизация умерших, хтонические культы.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович¹, доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич², доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Шушунова Елена Валерьевна³, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: ^{1,2,3}300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: ¹s-yartsev@yandex.ru; ²parosta@mail.ru; ³schuschunova.elena@yandex.ru.

S.V. Yartsev, V.G. Zubarev, E.V. Shushunova

**FEATURES OF THE CULT OF ANCESTORS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION
OF THE LATE CLASSICAL TIME
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENT “BELINSKOYE”)**

The main purpose of the study is to determine the religious essence of the ritual actions performed at the settlement Belinskoye, located on the western borders of the Bosporan Kingdom. The rite has been performed in a special pit in the ashy sanctuary and dates back to the late Classical time. Using a comparative typological method of research, the authors concluded that a ceremony of glorification of a deceased person was held here, who was buried, most likely, somewhere near the sanctuary or on the necropolis. The fact that this rite was performed not on the grave of the deceased, but on the old ash pit between the necropolis and residential buildings, testifies to the preservation of the ancient Scythian tradition by the population of the settlement. The features of the ritual pit are sufficiently specific, since, apparently, they reflect a kind of regional transformation of religious beliefs in a complex border region, as a result of the influence of ancient and barbaric cultures in the era of the crisis of ancient civilization and Bosporan statehood.

Key words: Bosporan kingdom, ancestor cult, heroization of the dead, chthonic cults.

* Статья поступила в номер 12 декабря 2021 г.
Принята к печати 29 декабря 2021 г.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich¹, Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Victor Gennadievich², Dr. habil. (History), Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Shushunova Elena Valerievna³, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: ^{1,2,3}300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: ¹s-yartsev@yandex.ru; ²parosta@mail.ru; ³schuschunova.elena@yandex.ru.

Городище «Белинское», расположенное вблизи современного села Белинское на Керченском полуострове, является одним из самых укрепленных городищ на западных рубежах Боспорского царства. Только площадь территории крепости внутри оборонительных стен равняется 8,2 га. Одной из причин возведения в начале II в. н.э. такого крупного центра вдали от столицы являлась необходимость обеспечения контроля над важнейшими путями, связывающими территории Центрального Крыма и Таманского полуострова, на которые претендовал Боспор (Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016: 110—136; Зубарев, Смекалов, Ярцев 2018: 110—118). За время своего существования городище не менее двух раз подвергалось тотальному разрушению (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 116—173). Во II в. н.э. после серии войн с крымскими скифами часть позднескифского населения в качестве зависимого варварского населения была переселена в район городища для занятия земледелием с целью бесперебойного снабжения продовольствием воинского гарнизона (Зубарев, Ярцев 2016: 209—216). Все это, безусловно, самым непосредственным образом отразилось на специфике отправляемых населением городища культов.

За годы раскопок¹ на городище было исследовано большое количество сакральных памятников, различного уровня и функционального назначения. Из них выделяется сакральный комплекс на раскопе «Восточный», на котором в свете последних исследований необходимо остановиться подробнее (рис. 1). Он состоит из серии каменных кругов и алтарной вымостки с жертвенником, предназначенным для обряда возлияния (рис. 2, 3). Данные объекты были обнаружены в позднеантичном слое золистой супеси и перекрывающем его раннесредневековым слое темно-серой супеси, что, безусловно, свидетельствует о длительном этапе функционирования данных сооружений. Неслучайно поэтому некоторые из данных круглых конструкций со временем подвергались ремонту и восстановлению при помощи возведения новых рядов кладок (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 416—419). Схожие конструкции, в том числе и по отправлению обрядов возлияния жидкости, были выявлены на некрополе Илурата, где они также датируются позднеантичным периодом (Ханутина, Хршановский 2003: 315—328; Хршановский 2015: 145—146; Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 421—426).

Ранее нами уже высказывалось предположение, что расположенный рядом с кругами зольник позднеантичного времени, возможно, имел отношение к позднескифским хтоническим верованиям, наличие которых уже отмечалось на городище (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 427). В дальнейшем в ходе проведения раскопок 2018—2019 гг. под слоем зольника был выявлен и раскопан еще один круг с внутренним диаметром 4,6 м, который ограничивал помещение № 55 площадью 23,75 кв. м. (рис. 4). Скорее всего, данная конструкция также была связана с отправлением культа хтонического характера. На это указывают многочисленные находки в непосредственной близости предметов культового характера: переносных алтарей, жертвенника, культовых тарапанов (один из которых был даже специально вставлен в кладку

¹ Раскопки городища с 1996 г. проводит Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого под руководством профессора В.Г. Зубарева.

каменного круга (рис. 5)), наличие в соседнем помещении алтаря и т.д. (Зубарев, Ярцев 2020: 160—173). В пользу сакрального характера выявленного на восточном участке комплекса свидетельствуют и обнаруженные в непосредственной близости от кругов безинвентарные захоронения. Точное время данных погребений установить не представляется возможным, однако очевидно, что речь идет о позднеантичном периоде (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 369—370). Что же касается так называемого помещения № 55, то, по-видимому, это самый ранний из кругов на восточном участке Белинского городища. Исходя из анализа материала находок, он датируется последней четвертью III в. н.э., то есть временем правления царя Фофорса, когда на Боспоре проходили восстановительные строительные работы после периода варварских нашествий и политической нестабильности (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 139—142; Зубарев, Ярцев 2020: 164).

Конечно, круглые сооружения на Белинском городище в отличие от подобных сооружений на Илурате (Хршановский 2015: 142—147) или Танаиса (Толочко 2014: 156) не выложены непосредственно на некрополе. Однако платообразная оконечность скального мыса, где был возведен сакральный комплекс, располагается буквально напротив противоположного склона Аджиэльской балки, на котором находится некрополь городища «Белинское». Очевидно, что это не может являться простой случайностью. Кроме того, исследованный в 2018—2019 гг. указанный самый ранний каменный круг Белинского городища, как мы уже сказали, после прекращения его функционирования был перекрыт зольником, время формирования которого определяется нами первой четвертью IV в. н.э. (Зубарев, Ярцев 2020: 163—164). Ранее мы уже указывали на связь подобных зольных культовых объектов с земледельческой магией и почитанием женского божества. В нашем случае, исходя из характера зольника (Зубарев, Ярцев 2019: 132—133), речь идет о хтонических богинях плодородия, вера в которых в позднеантичный период трансформировалась в единый синкретический культ Великой Матери (Молев, Молева 2007: 88). Отчасти это объясняет круглую форму святилищ связанных с данными верованиями. Дело в том, что у многих народов, как, например, у степных и крымских скифов, подобные верования были неразрывно связаны с магией круга, который, по-видимому, являлся отражением солярных мифов и представлений о божественной хранительнице священного огня (очага) (Гуляев 2019: 473—474), а также воплощением круга земного — царства Великой богини (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 427—428).

В ходе проведения дальнейших археологических исследований удалось уточнить характер и особенности сакрального комплекса на Белинском городище. Новым важным объектом стала обнаруженная в 1,0 м к юго-востоку от каменного круга яма—ботрос № 158, имеющая отчетливо выраженное культовое предназначение. Яма была выявлена на глубине 0,6 м от дневной поверхности непосредственно в слое зольника. Форма ямы грушевидная в разрезе. Верхняя часть ямы впущена в слой золы, нижняя прорезает слой желтого суглинка. Дно ямы вырублено в скале. Горловина и стенки ямы не укреплены, что свидетельствует о разовом ее использовании. Диаметр горловины — 0,5 м. Диаметр дна — 0,77 м. Глубина — 0,8 м. Дно плоское. Соединение со стенками слегка закруглено (рис. 6, 7).

Грунт заполнения ямы однороден — рыхлая зола, частично напоминающая серый пепел, с фрагментами печины и мелкими кусками горелого ракушечника. На глубине 0,4—0,55 м от горловины ямы выявлены 18 компактно сложенных фрагментов печины. Материал из грунта заполнения располагался в нем неравномерно. Все отдельные фрагменты керамики, попавшие в яму при ее засыпке, выявлены выше закладки из печины. Это ножка светлоглиняной амфоры с воронкообразным горлом второй половины IV — начала V в. н.э. и ручка лепного сосуда. Ниже печины, на глубине 0,7 м от горловины, обнаружен развал

верхней части позднеантичной амфоры со сбитыми профилированными частями. Под ним по центру на глубине 0,8 м от горловины, то есть на самом дне ямы, найден фрагмент топора эпохи бронзы из черного гранита (в античное время топор использовался в качестве ложила или тёрочника) (рис. 8).

Время заполнения ямы определяется по амфоре, которая судя по форме сохранившейся верхней части тулова и красно-глиняному тесту, с включением темных частиц и кварцевого песка, соответствует типу Антонова I (Антонова и др. 1971: 82—83, рис. 1—2) или 103 по И.Б. Зеест (Зеест 1960: 121, табл. XL: 103) (рис. 9). Такие амфоры обычно датируют довольно широко в пределах второй половины IV—VII вв., однако их детальная типология пока не разработана (Зинько, Зинько 2019: 174—175; Смокотина 2020: 522). До этой находки на городище «Белинское» немногочисленные фрагменты амфор данного типа представлены в основном обломками ручек из слоя светлой золистой супеси и из заполнения ям (Зубарев 2021: 192).

Структура заполнения ямы № 158 и археологические предметы, обнаруженные в ней, однозначно позволяют утверждать об отправлении здесь какого-то сложного обряда, связанного с культом предков. В первую очередь этот вывод основан на том, что похожие ритуальные ямы хорошо известны у поздних скифов. Так, на самом известном позднескифском святилище поселения римского времени Молога II — крупнейшем пункте позднескифской ойкумены расположенном на берегу Днестровского лимана, обнаружено уже более 200 ям и 7 зольников (Малюкевич 2013: 296—306). Во многих из этих ям действительно размещали части красноглиняных широкогорлых амфор и фрагменты другой посуды (Малюкевич 2013: 298). Для проведения же обряда возлияния в отдельных объемных ямах специально устанавливались красноглиняные амфоры, нередко со сбитыми профилированными частями и отбитым днищем, аналогичные амфоре из ямы—ботроса с Белинского городища (Малюкевич 2013: 302, 309, рис. 2, 5). Конечно, характер заполнения ямы в нашем варианте имеет отличие от указанных поминально-тризновых жертвенных ям, совершенных по скифскому обряду. Здесь нет подмазывания глиной стенок ямы, другой посуды, кремня, галек—окатышей, каменных и глиняных шариков, переносных жаровень, и самое главное — костей жертвенных животных (Высотская 2001: 78; Малюкевич 2013: 302). Однако на этом основании мы не можем полностью исключить варварское участие в отправлении культов на Белинском городище. И дело даже не в том, что ранее нами уже фиксировалось позднескифское влияние на духовную культуру местного населения (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 361—365). Выбор места для религиозного комплекса — на крайнем участке скалистого плато с высоким береговым обрывом, расположенным между некрополем и хозяйственно-жилой застройкой городища, практически вплотную к последней, был произведен в четком соответствии с древней скифской традицией (Малюкевич 2013: 296—297). Правда, организация таких отдельных ритуальных ямных комплексов не стала характерной для позднескифского населения Крыма (Малюкевич 2013: 303). Однако обстоятельства поражения в войне, массового пленения и насильственного переселения на территорию победителей, усугубленные жестоким разгромом городища во второй половине III в. н.э., могли способствовать возвращению попавшего в зависимость позднескифского населения к архаичным формам организации своих ритуальных комплексов.

Обряд возлияния хтоническим божествам и душам умерших предков также хорошо известен поздним скифам. При этом не всегда он, как и на Белинском городище, был связан непосредственно с захоронениями. Так, в одном из помещений царского дворца Неаполя Скифского жертвенник был образован из вертикально установленной синопской амфоры II в. до н.э. с отбитой ножкой. Соответственно, жидкость при проливе уходила в землю, что,

скорее всего, действительно было связано с заупокойным культом и могло иметь прямое отношение к смерти хозяина дворца царя Скилура (Сон 1993: 116; Зайцев 1997: 47; Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 439). Жертвенники для возлияний установленные над небольшими ямами внутри помещений на городище Чайка также представляют собой вертикально установленные горловины амфор или же каменные загородки над крупными камнями с отверстием по центру (Попова 1990: 196—197). В этой связи уместно напомнить, что аналогичный камень из разрушенного жертвенника был найден в соседней яме, здесь же на раскопе Восточный (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 431).

Тем не менее, необходимо учитывать, что ритуальные возлияния также хорошо были известны и в Греции (Саго 1943: 11; Колобова 1961: 30; Акимова 1990: 233; Папанова 2006: 159; Винокуров, Крыкин 2019: 67). Поэтому можно согласиться с предположением, что постоянное соприкосновение скифов с греками могло привести к культурному заимствованию варварами специфики этого обряда (Попова 1990: 202). Тем более что непосредственно в Северном Причерноморье в эллинистический и римский периоды использование античным населением фрагментов сосудов и камней с отверстиями в качестве жертвенников в погребальных сооружениях не было редким явлением (Попова 1990: 202; Малюкевич 2013: 304). В качестве примера можно привести использование амфор без дна в качестве алтарей на некрополе Ольвии. Довольно частое возлияние вина через эти амфоры приводило к разрушению частей скелетов погребенных (Папанова 2006: 159). Отметим, что аналогичный обряд известен не только на некрополях (Сорокина 1963: 61), но и непосредственно на античных городищах, например, в Тиритаке, где в качестве алтаря для возлияний была использована перевернутая вниз верхняя часть амфоры расположенная в оградке из камней. Ниже находилась квадратная яма глубиной менее 1 м, стенки которой были частично облицованы каменной кладкой. Сооружение было справедливо интерпретировано в качестве алтаря для возлияний (Зинько 2007: 138). Подобный обряд, связанный с возлиянием подземным богам с использованием частей амфор, выявлен и на Артезиане. Н.И. Винокуров предполагает здесь фракийское влияние (Винокуров, Крыкин 2019: 56—92).

Тем не менее, попытка свести специфику обряда выявленного на Белинском городище к похожей античной и позднескифской традиции поминально-тризнового характера вряд ли поможет в правильной интерпретации совершенных ритуальных действий. Дело в том, что амфора из ямы—ботроса Белинского городища, даже если и была использована в качестве алтаря для возлияния, в конечном итоге, почему-то оказалась лежащей почти на самом ее дне. Это было сделано специально, еще до заполнения ямы, то есть в ходе проведения ритуала. Более того, амфору не только положили на бок, но и аккуратно раскололи на две почти одинаковые части, между которыми и немного ниже поместили древний топор из черного гранита. Только после этого яма была засыпана золой, которая на определенном уровне была целенаправленно выложена слоем, состоящим из фрагментов аккуратно и компактно размещенной печины (рис. 10). Следовательно, если в начале обряда в качестве алтаря для возлияния использовалась относительно целая амфора, лишенная только профилированных частей и нижней части, в конце же ритуальных действий возникла необходимость уже в двух половинках амфоры. По нашему мнению, все эти манипуляции с последней, равно как и продуманное трех уровневое заполнение ямы (сверху вниз: печина, две половинки амфоры и топор—тёрочник), не могут являться простой случайностью. Безусловно, имеет значение даже то, что амфора для обряда была выбрана с глиняным тестом красноватого цвета. Очевидно, что такая особенность вместе с использованием золы, имеет прямое отношение к имитации огня — одного из главных составляющих обрядовых действий. Если, например, вновь обратиться к скифской традиции, то можно убедиться, что

пепельная подсыпка и красный цвет в погребальном обряде были необходимы для верований, связанных с плодородием, обеспечивающих переходное состояние организма между жизнью и смертью, а также дающих надежду на продолжение жизни, новое рождение, то есть на оживление умерших (Бессонова 1990: 31).

Если это так, то необходимо еще раз проанализировать сакральные уровни выявленной нами ямы—ботроса с целью определения идеологической нагрузки каждого из них. Если начать с верхнего уровня, то необходимо сразу отметить, что характер нашего комплекса не предполагает использования в нем печины производственного характера. Судя по характеру золистого заполнения ямы, данный уровень явно имел отношение к домашнему очагу, который в античное время нередко изготавливался из глины и имел непосредственное отношение к хранительнице домашнего семейного очага Гестии. Культ этой богини — «первейшей между богами» (*Hymn. Hom. In Venerem.*, 30—32) был связан именно с очагом, вокруг которого происходили различные обряды, заключались брачные союзы, на пятый день рождения обносились новорожденные, справлялись семейные праздники с надеждой на защиту, тепло и надежду на благополучное будущее (Nilsson 1976: 337—338; Simon 1998: 99—107; Русяева 2005: 182—185; Крапивина 2012: 184—185, 188). Как и огонь, Гестия была чиста и целомудренна. Будучи «хранительницей всего домашнего» (*Cic. De nat. deor.*, II, 67), богиня являлась покровительницей неугасимого огня, который объединял богов, людей и каждую семью, в чем, безусловно, проявлялась трехвалентность данного культа (Салбиев 2019: 255). Видимо неслучайно в трагедии Еврипида «Алкеста» в преддверии смерти главная героиня просит у своего очага всемогущую богиню беречь ее детей (*Eurip. Alc.*, 162—169). Это объясняет, почему место особого почитания Гестии на городище Козырка в виде полукруглой каменной загородки заполненной золой в углу помещения II—III вв. н.э., располагается именно там, где очень много погребенных детей в жилых домах (Крапивина 2012: 199). Поэтому вполне справедливо отождествить множественность Гестий царского очага у скифов (*Herod.*, IV, 68) именно с хтонической сущностью богини, позволяющей видеть в ней мать и повелительницу духов—предков (Ельницкий 1960: 50).

Следующий сакральный уровень нашей ямы—ботроса, расположенный ниже слоя печины, представлен амфорой без профильных частей, которая, как уже говорилось, вначале использовалась в качестве алтаря для возлияния. Однако последующие действия, связанные с расколом этой амфоры на две половины и укладкой их параллельно друг другу, явно несут в себе какую-то важную религиозно-семантическую нагрузку. Действительно, если учитывать влияние культа Гестии на людей совершавших данные ритуальные действия, а, следовательно, почитание ими огня как священной стихии и солнца, то можно допустить, что они руководствовались отголосками индоевропейской традиции, представлявшей мир в виде двух половинок мироздания. В центре этих верований находится солнце, а лучи солнечной колесницы связывают земную сферу людей с солнечной, небесной, божественной сферой. Заупокойный культ мертвых, в этом случае, основывается на том, что душа после смерти человека отправляется к солнцу на колеснице (Кузьмина 1974: 83—85; Прокопенко 2014: 179).

Подобные взгляды сохраняются и в более поздний период. В позднеантичное время, когда широко распространяется вера в бессмертие души, особое развитие получают представления о вознесении души умершего к звездам — покровителям мертвых (*Plut. Romul.*, XXVIII) при помощи крылатых фигур или колесниц. Это подтверждается изображениями, как апофеозов императоров (Wendland 1907: 182, *taf.* IV; Амбрамзон 1995: 451, *илл.* 76), так и собственно героизацией обычных людей (Cumont 1942: 486—487; Richmond 1950: 39; Matz 1958: 3—15; Cumont 1959: 103; Turcan 1966: 76). Однако здесь сразу обращает на себя внимание, что эта двойственность мироздания, дуализм, хорошо известный по античной философии, наиболее

отчетливо выражен в праиндоевропейском космогоническом мифе о золотом зародыше — мировом яйце. Известно, что смерть первого существа родившегося из этого яйца, привела к появлению первой пары разнополых близнецов (перволюдей, Неба и Земли и т.д.) (Прокопенко 2014: 179—180). В греческой традиции миф о мировом яйце был непосредственно связан с богами. Так, известен орфический миф, по которому из мирового яйца возник божественный творец Фанес—Протогон, отождествленный с Дионисом (Orph. h. VI, 30) (Тахо-Годи 1988: 33). Есть мифы, в которых фигурирует бог Кронос и появившееся из яиц чудовище Тифон (Лосев 1996: 837—838). Но в наиболее распространенных их версиях фигурирует Зевс (в облике лебедя), от связи с которым у Леды рождается яйцо, а из последнего появляется Елена (Apollod., III, 10,7; Eurip. Hel., 16—22) или же яйцо рождается от связи Зевса—лебедя и богини Немесиды—гусыни, а Леда лишь сохраняет его (Apollod., III, 10,7).

Все эти и некоторые другие схожие мифы объясняют причину важной роли, которую стали играть представления о мировом яйце в эллинском культе мертвых (Папанова 2006: 213; Шауб 2007: 410—411). При этом не только греки и римляне стали класть в могилы яйца, но и некоторые другие народы, как например скифы, также старались размещать в жертвенных ямах морскую гальку, каменные и глиняные шарики (Малюкевич 2013: 302), а в погребениях использовать яичную скорлупу (Высотская 1979: 175—176). Тем не менее, важно отметить, что в культе предков предметы и объекты, символизирующие животворящую силу мирового яйца, могли принимать особые, довольно сложные формы. Например, в скифских курганах в могилах иногда создавали конструкцию, явно имитирующую желток в яйце. В могильнике же раннесарматского времени у с. Китаевка на территории Центрального Предкавказья, в одном из погребений с двух сторон человеческого скелета без головы была вообще размещена разрубленная надвое лошадь. Таким образом, человек специально был заключен в определенный овал, где лошадиные половины являлись зеркальным отражением друг друга. При этом челюсти половинок лошадиного черепа соединялись там, где должна быть голова погребенного, что справедливо связывается с мифом о творении мира из яйца и с парой близнецов от incestуальной связи которых должна появиться новая жизнь (Прокопенко 2014: 179—180).

Обращает на себя внимание, что идеологическую нагрузку данного обряда, довольно точно копирует вариант с размещением двух половинок амфоры в яме—ботросе на Белинском городище. Яйцевидная форма целой верхней части амфоры лишенная профильных частей, даже у современных людей вызывает ассоциации с яйцом, что, безусловно, было замечено и в древности. Следовательно, если в погребении у с. Китаевка две лошадиные половины, символизируя мировое яйцо, способствовали новому рождению погребенного, то в культовой яме на Белинском городище две половины амфоры должны были обеспечить новую жизнь тому, кого символизировал фрагмент топора бронзового века, размещенный между ними. Конечно, на первый взгляд, без собственно погребенного данный обряд не имеет смысла, ведь только при его наличии есть необходимость имитировать яйцо, которое и должно стать гарантией возрождения умершего (Nilsson 1957: 139—142; Кастанаян 1959: 238; Мелитинский 1976: 206; Каковкин 1990: 86—87). Однако нам неизвестно, что люди, которые проводили обряд, подразумевали под фрагментом древнего для них топора. Очевидно, что данная проблема является ключевой для понимания сакрального смысла исследуемых нами обрядовых действий.

Тем не менее, несмотря на важность третьего, самого нижнего сакрального уровня ямы—ботроса на Белинском городище, сказать что-либо определенное по нему сейчас довольно трудно. Он представлен фрагментом топора эпохи бронзы, ставшего в античное время тёрочником или лоцилом, расположенного хотя и несколько ниже, но точно по центру между

двумя половинами расколотой амфоры. Случайным такое пространственное размещение предметов в ритуальной яме быть не может. Правда, локализация древней вещи на самом нижнем уровне с уверенностью позволяет предположить, что речь идет о хтонической составляющей отправляемого культа, ведь сюда же вниз, в землю, было направлено и возлияние, которое совершилось при помощи амфоры, по-видимому, сразу же после засыпки топора слоем золы.

Действительно, черный гранит, из которого был сделан данный предмет, также как и кремнь вполне может высекать искры, что хорошо соотносится с культом Гестии и священного огня (Салбиев 2019: 263). Более того, необходимо учитывать, что такие находки, как лошила или тёрочки в ритуальных ямах и святилищах, неразрывно связаны с характером своего «двойного назначения». Считается, что именно преобразующие качества этих предметов, которые разрушают старую и порождают новую сущность, были востребованы в обрядовой практике (Тульпе, Хршановский 1994: 108—109). Являясь символом перехода и преобразования, данные вещи неоднократно фиксировались в составе ритуальных комплексов (Кузина, Масленников 2019: 114). Тем не менее, требует объяснения и связь подобных предметов с некоторыми из женских божеств, в культе которых прослеживается сильная хтоническая составляющая. Так, например, еще с VI в. до н.э. в святилище Кибелы в Ольвии в качестве votivных предметов использовались каменные топоры более ранних эпох (Носова 2002: 65). Там же в Ольвии, в яме—ботросе, посвященной Афродите, были специально размещены три крупных каменных растиральника (Крапивина 2002: 25). На Боспоре присутствие подобных предметов (обломки каменного топора, кремневые отщепы) в поминальных комплексах также не редкость (Хршановский 2019: 164). В некоторых из них, судя по сохранившимся граффити, обращались к Афродите, Деметре, Дионису (Хршановский 2019: 161).

С одной стороны, использование в ритуальных целях «чужих» вещей — реликтов эпохи энеолита и бронзы, разумеется, не случайно, и в какой-то степени определяется их значимостью для боспорян в мифоритуальной сфере (Хршановский 2014: 433—436). С другой стороны, женские божества плодородия, обладающие достаточно сильными сотерическими и воскрешающими функциями, в религиозном сознании людей находились наиболее ближе к земле и земледельческим культам, что, безусловно, оказывало влияние на выбор votivов для приношения. Что же касается нашего предмета, то, например, тот же тёрочник можно использовать для растирания растительного сырья, а лошила в идеале подходит для работы над природным материалом — кожей, шерстью, деревом.

Однако если отождествлять третий нижний сакральный уровень ямы—ботроса на Белинском городище, представленный фрагментом древнего топора (тёрочника/лошила) с хтоническим женским божеством, то возникает следующее серьезное противоречие. Учитывая, что данный предмет был специально размещен между двумя половинами амфоры, непонятно, зачем потребовалось воскрешать в новой жизни женское божество, обращаясь, с этой просьбой, к нему же. Не будет ли вернее предположить, что здесь мы наблюдаем обряд отождествления покойного с божеством, сложного явления того же порядка, что и героизация. По нашему мнению, это было возможно только в случае, если важный предмет, подходящий для ритуала и обладающий к тому же ценностью в глазах соотечественников (например, достаточно древний), являлся собственностью умершего и возможно был связан с родом его занятий. Следовательно, сакральным смыслом такого обряда являлось не создание особых почестей своему умершему предку, а в стремлении обеспечить ему лучшую участь в загробном мире. Тем более, если эта лучшая участь ассоциировалась уже не с мрачным Аидом, а с райской обителью героев (Диатроптов 2001: 58—59). Напомним, что к

позднеантичному времени месторасположения такой обители в сознании людей постепенно менялось от веры в царство Элизиума и островов Блаженных на краю света до восприятия представлений восточного происхождения, в которых души мертвых отправлялись на небеса (Plato. *Republ.*, 614, 621; Plut. *Romul.*, XXVIII; Cumont 1959, 103; 105, 167—169; Штаерман 1961: 288; Соломоник 1973: 70—77).

Может именно поэтому в сакральной яме с Белинского городища, тому, кто руководил ритуальными действиями, пришлось символически воспроизводить вертикаль религиозно-мифологической вселенной, столь важной для осуществления героизации умершего. Учитывая двойственность божественного мира, характерную для религиозного сознания людей в римский период, мы действительно видим здесь сочетание небесных и поземных богов, которые, по-видимому, должны были обеспечить божественный статус и последующее бессмертие умершего родственника. На самом верху нашего пантеона располагается Гестия, которая только на первый взгляд принадлежала исключительно к земным богам. Целомудренная и безбрачная Гестия была не только богиней домашнего очага, она являлась старшей дочерью Кроноса и Реи и в полном покое пребывала на Олимпе, символизируя незыблемый космос (Hes. *Theog.*, 448—452; Apollod., I, 1,5; Тахо-Годи 1987: 299; Farnell 2010: 345—373). Ниже располагался третий сын бога Кроноса, бог неба и всего мира Зевс, с помощью которого получил развитие космогонический миф о мировом яйце — важного и крайне необходимого элемента для нового рождения погребенного. Самый нижний уровень представлен женским хтоническим божеством, символизм которого обеспечил предмет, по-видимому, при жизни принадлежащий умершему. Ритуальные действия, связанные с возлиянием, касались именно этого нижнего загробного мира, богиня которого, по-видимому, должна была обожествить покойного, допустить его слияние с собой, вдохнуть в него божественные силы. Задача же небесных представителей нашего пантеона, судя по всему, заключалась в обеспечении его рождения в новом качестве и в перемещении обожествленного героя в область небесной сферы к своим предкам. Конечно, как точно проходили ритуальные действия нам неизвестно. Но если, например, перед статуей Афродиты, которой отводилась роль Надгробной, и без того совершался довольно непростой обряд с возлияниями и мистическими молитвами с обращениями к усопшим (Plut. *Mor. Quest. Rom.*, 23), то вряд ли выполнение сложного обряда героизации умершего предка было проще по своему исполнению.

Особый интерес также вызывает то обстоятельство, что выявленные нами особенности сакральных уровней ямы—ботроса Белинского городища довольно точно совпадают с трехчленной религиозно-мифологической системой скифов, характеристику которой приводил еще Геродот: «Они почитают только следующих богов. Прежде всего Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них Аполлона и Афродиту Уранию, Геракла и Ареса ... На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) — Папей, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Урания — Аргимпаса ...» (Herod., IV, 59). Д.С. Раевский в своей реконструкции организации космоса по вертикали в мифологическом понимании скифов объяснил главенство Гестии/Табити над другими божествами скифского пантеона определением последней в качестве богини, обнимающей все мироздание в целом (Раевский 2006: 148—153). Более того, по мнению ученого, одной из причин выхода на первые позиции этого божества в скифском пантеоне, являлось состояние варварского общества в V в. до н.э., когда происходило усиление скифской государственности, превращение Гестии/Табити в покровительницу царя и хранительницу царского очага (Раевский 2006: 118—120). Богиня фактически стала олицетворением священного огня царского очага, в котором воплотилось единство скифского

народа (Гуляев 2019: 473). Заметим, что все это происходило, несмотря на несомненный архаизм, ведь имя «Табити», как справедливо обратил внимание В.И. Гуляев, фигурирует еще в Махабхарате (Топати — дочь Солнца, по-видимому, общее божество для предков иранцев и индоарийцев) (Гуляев 2019: 473).

Таким образом, тенденция к архаизации религиозных представлений, так ярко проявившаяся на Белинском городище в позднеантичный период, также должна находить свое объяснение. По нашему мнению, причина этого явления кроется в серьезных изменениях в области идеологии в позднеантичный период, в переходе от избранной единичной героизации к широкому апофеозу умерших. Теперь посмертная героизация становится делом практически каждой семьи и ею занимаются ближайшие родственники умершего. Следовательно, всех их, включая ушедших ранее предков, теперь объединяет семейный очаг. Это объясняет причины усиления хтонических культов в позднеантичный период и повышение внимания к религиозным представлениям, касающихся огня и семейного очага. Теперь именно родственники должны были умиловить богов с целью обожествления своего умершего, обеспечить его рождение в новом статусе и отправить последнего в божественную сферу, туда, где пребывают прославленные предки. Обычно для этого требовалось не только обеспечить умершему соответствующее погребальное сооружение, установить надгробную статую или рельеф с характерным изображением, но и провести ритуальные действия на могиле с жертвенным возлиянием. На Боспоре необходимость в подобных действиях диктовалось и неустойчивым временем духовного, экономического и внешнеполитического кризиса. Тем более, период которым датируется яма—ботрос на Белинском городище, однозначно способствовал возвышению роли хтонических божеств с защитными и воскрешающими функциями. В это время Боспорское царство вступило в сложные взаимоотношения с появившимися в Северном Причерноморье гуннами, что, безусловно, накладывало свой отпечаток на характер проживания местного населения, тем более в пограничных районах государства. Видимо в это беспокойное время, на старом золистом святилище городища местными жителями был проведен обряд героизации умершего, похороненного, скорее всего, где-то рядом или на некрополе. То, что данный обряд был совершен не на могиле умершего, а на старом зольнике между некрополем и жилой застройкой, свидетельствует о сохранении населением городища древней скифской традиции. На это, возможно, указывают и особенности трехуровневой ямы—ботроса, демонстрирующей следы трехчленной организации космоса скифской мифологии, которая по замыслу и должна была обеспечить обожествление, новое рождение и отправку умершего на небеса. Кроме того, использование зольника для ритуальной ямы также было характерно для поздних скифов. Тем не менее, содержание скифских жертвенных ям в таких зольниках сильно отличается от набора вещей из ямы—ботроса на Белинском городище. Не являются они типичными и для античного населения Северного Причерноморья, которые стремились совершать обрядовые действия в рамках отправления культа предков (тризны, жертвоприношения, возлияния в честь богов подземного мира и героизированных умерших) непосредственно на могилах своих ушедших родственников. Античные ямы—ботросы посвященные подземным богам, также имеют мало общего со спецификой ритуальной ямы с Белинского городища. Особенности последней в достаточной степени специфичны, т.к., по-видимому, отражают своеобразную региональную трансформацию религиозных представлений в сложном пограничном регионе в результате влияния античной и варварских культур в эпоху кризиса античной цивилизации и боспорской государственности.

Литература

- Абрамзон М.Г. 1995. *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. Москва: Магнитогорский дом печати.
- Акимов Л.И. 1990. Об отношении геометрического стиля к обряду кремации. В: Иванов В.В., Невская Л.Г. (ред.). *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. Москва: Наука, 229—237.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ* 7, 81—107.
- Бессонова С.С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений. В: Зубарь В.М. (ред.). *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев: Наукова думка, 17—40.
- Винокуров Н.И., Крыкин С.М. 2019. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное. *ПИФК* 4, 56—92.
- Высотская Т.Н. 2001. К вопросу о позднескифских зольниках. *РА* 3, 77—87.
- Высотская Т.Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.
- Гуляев В.И. 2019. *Скифы Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н.э. (старые проблемы — новые решения)*. Москва: ИА РАН.
- Диатроптов П.Д. 2001. *Культ героев в античном Северном Причерноморье*. Москва: Индрик.
- Ельницкий Л.А. 1960. Из истории древнескифских культов. *СА* 4, 46—55.
- Зайцев Ю.П. 1997. Южный дворец Неаполя Скифского. *ВДИ* 3, 36—50.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора. Москва: АН СССР (МИА 83).
- Зинько В.Н. 2007. Культово-сакральные объекты Тиритаки первых вв. н.э. (предварительное сообщение). В: Зинько В.Н. (ред.). *БЧ VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты*. Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 137—140.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. 2019. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки. *МАИЭТ XXIV*, 173—185.
- Зубарев В.Г. 2021. О датировке античных и ранневизантийских слоев на городище «Белинское» в Восточном Крыму. *ДБ* 26, 178—198.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. 2016. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль. *БИ XXXIII*, 110—136.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. 2016. Особенности варварских миграций на территорию Боспора в первые века нашей эры (по материалу городища «Белинское»). В: Буданова В.П. (ред.). *Цивилизация и варварство. Т. V. Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства*. Москва: Аквилон, 209—228.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. 2018. Основные дороги Европейского Боспора в римский период. *БИ XXXVI*, 100—118.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. 2019. Археологические исследования в урочище Аджиэль в 2018 г. *История и археология Крыма XI*, 131—138.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. 2020. Круглые каменные сооружения на городище «Белинское» в Восточном Крыму. *ДБ* 25, 155—175.
- Каковкин А.Я. 1990. О двух группах коптских памятников с античными сюжетами. *ВДИ* 1, 80—92.
- Кастанаян Е.Г. 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н.э. и местные их особенности. *МИА* 69, 257—295.
- Колобова К.М. 1961. *Древний город Афины и его памятники*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Крапивина В.В. 2002. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. II. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 24—29.
- Крапивина В.В. 2012. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья. *БИ XXVI*, 182—217.
- Кузина Н.В., Масленников А.А. 2019. Находки, связанные с морской стихией, из сельских святилищ Крымского Приазовья. В: Кузнецов В.Д., Завойкина А.А. (ред.). *Нурanis. Труды отдела классической археологии Института археологии Российской Академии Наук*. Вып. 1. Москва: Институт археологии Российской Академии Наук, 110—118.

- Кузьмина Е.Е. 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. *ВДИ* 4, 68—87.
- Лосев А.Ф. 1996. *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль.
- Малюкевич А.Е. 2013. Культовые жертвенники Мологи. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *БЧ XIV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории*. Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 296—309.
- Мелетинский Е.М. 1976. *Поэтика мифа*. Москва: Наука.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 2007. О культовой принадлежности архитектурного комплекса II—V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища. В: Зинько В.Н., Крапивина В.В. (ред.). *Древности Северного Причерноморья в античное время*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения А.Е. Крымского НАН Украины, 84—89.
- Носова Л.В. 2002. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса). В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. II. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 62—68.
- Папанова В.А. 2006. *Урочище Сто могил — некрополь Ольвии Понтийской*. Киев: Знання України.
- Попова Е.А. 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка». *СА* 3, 196—203.
- Прокопенко Ю.А. 2014. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.* Ч. 2. Ставрополь: СКФУ.
- Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.
- Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стилос.
- Салбиев Т.К. 2019. Скифо-сарматское ядро осетинской религиозно-мифологической системы (культ огня). *NARTAMONGÆ. Журнал Алано-осетинских исследований: Эпос, Мифология, Язык, История XIV* (1—2), 237—288.
- Смокотина А.В. 2020. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени. В: Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. 3. *Археологические комплексы второй половины III—VII вв.* Симферополь; Керчь: НИЦИАК КФУ, 509—618.
- Соломоник Э.И. 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам). *ВДИ* 1, 55—77.
- Сон Н.А. 1993. *Тира римского времени*. Киев: Наукова Думка.
- Сорокина Н.П. 1963. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. *КСИА* 95, 60—65.
- Тахо-Годи А.А. 1987. Гестия. В: Токарев С.А. (ред.). *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 299.
- Тахо-Годи А.А. 1988. Античная гимнография. В: Тахо-Годи А.А. (ред.). *Античные гимны*. Москва: МГУ, 5—56.
- Толочко И.В. 2014. Погребения грунтового некрополя Танаиса I—III вв. н.э. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 155—161.
- Тульпе И.А., Хршановский В.А. 1994. Жернова на некрополе. В: Дмитриев Т.Н., Хршановский В.А. (ред.). *Вещь в контексте культуры: материалы научной конференции*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры, 108—109.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2003. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата. *БИ* III, 315—328.
- Хршановский В.А. 2014. Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато). В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *БЧ XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. Керчь: Крымское отделение Института востоковедения, 433—438.
- Хршановский В.А. 2015. Круглые святилища на илуратском плато: Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. *Таврические студии. Исторические науки* 7, 142—147.
- Хршановский В.А. 2017. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато и Китейской равнины). *Таврические студии. Исторические науки* 12, 158—166.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Штаерман Е.М. 1961. *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи*. Москва: АН СССР.

- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. В: Масленников А.А. (ред.). *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе)*. Тула: ТГПУ им. Л.Н.Толстого.
- Caro G. 1943. *An Attic cemetery: Excavations in the Kerameikos at Athens under Gustav Oberlaender and the Oberlaender Trust*. Philadelphia: The Oberlaender Trust.
- Cumont F. 1942. *Recherches sur le Symbolisme Funéraire des Romains*. Paris: Paul Geuthner (Haut-Commissariat de l'État Français en Syrie et au Liban. Service des Antiquités, Bibliothèque archéologique et historique. T. XXXV).
- Cumont F. 1959. *After life in Roman Paganism*. New York: Dover.
- Farnell L.R. 2010. *The Cults of the Greek states*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz F. 1958. *Ein römisches Meisterwerk: Der Jahreszeitensarkophag Badminton*. New York; Berlin: Walter de Gruyter and Co.
- Nilsson M.P. 1957. *The Dionysiac mysteries of the Hellenistic and Roman age*. Lund: Gleerup (Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae. Series 8. Vol. V).
- Nilsson M.P. 1976. *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. *Die Religion Griechenlands bis auf die griechische Weltherrschaft*. München: Beck.
- Richmond J.A. 1950. *Archaeology and the After-Life in Pagan and Christian Imagery (University of Durham: Riddell Memorial Lectures)*. Oxford: Oxford University Press.
- Simon E. 1998. *Die Götter der Griechen*. München: Hirmer.
- Turcan R. 1966. *Les Sarcophages romains à représentations Dionysiaques: Essai de Chronologie et d'Histoire Religieuse. (Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome, 210.)*. Paris: E. de Boccard.
- Wendland P. 1907. *Die hellenistisch-römische kultur in ihren beziehungen zu judentum und christentum*. Tübingen: J.C.B. Mohr.

References

- Abramzon, M.G. 1995. *Monety kak sredstvo propagandy oficial'noy politiki Rimskoy imperii (Coins as a means of promoting the official policy of the Roman Empire)*. Moscow: Magnitogorskiy dom pečati (in Russian).
- Akimova, L.I. 1990. Ob otnoshenii geometricheskogo stilya k obryadu krematsii. Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. In: Ivanov, V.V., Nevskaya, L.G. (eds.). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy duhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyi obryad (On the relationship of the geometric style to the rite of cremation. Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture. Funeral rite)*. Moscow: Nauka, 229—237 (in Russian).
- Antonova, I.A., Danilenko, V.N., Ivashuta, L.P., Kadeev, V.I., Romanchuk, A.I. 1971. In: *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 7, 81—107 (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1990. In: Zubar, V.M. (ed.). *Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy (Scythian burial complexes as a source for the reconstruction of ideological ideas. Rituals and beliefs of the ancient population of Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 17—40 (in Russian).
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 4, 56—92 (in Russian).
- Vysotskaya, T.N. 2001. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 3, 77—87 (in Russian).
- Vysotskaya, T.N. 1979. *Neapol' — stolica gosudarstva pozdних skifov (Naples is the capital of the state of the late Scythians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Gulyaev, V.I. 2019. *Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII—IV vv. do n.e. (starye problemy — novye resheniya) (Scythians of the Northern Black Sea region in the 7th — 4th cc. BCE (old problems — new solutions))*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Diatroptov, P.D. 2001. *Kul't geroev v antichnom Severnom Prichernomor'e (The cult of heroes in the antique Northern Black Sea region)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Elnickiy, L.A. 1960. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 4, 46—55 (in Russian).
- Zaycev, Yu.P. 1997. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 36—50 (in Russian).
- Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic container of the Bosporus)*. Moscow: AN SSSR (Materials and research on archeology of the USSR 83) (in Russian).
- Zin'ko, V.N. 2007. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* VIII. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Svyatilishha i sakral'nye obekty (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Sanctuaries and sacred objects)*. Kerch: Krymskoe otделение Instituta vostokovedeniya NAN Ukrainy, 137—140 (in Russian).

- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. 2019. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archeology, history and ethnography of Tavria)* XXIV, 173—185 (in Russian).
- Zubarev, V.G. 2021. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 26, 178—198 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. Yartsev, S.V. 2016. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XXXIII, 110—136 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2016. In: Budanova, V.P. (ed.). *Civilizaciya i varvarstvo (Civilization and barbarism)*. Vol. V. *Vyzovy destrukcii v labirinte migracii varvarstva (Challenges of destruction in the labyrinth of migration of barbarism)*. Moscow: Akvilon, 209—228 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. Yartsev, S.V. 2018. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XXXVI, 100—118 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2019. In *Istoriya i arheologiya Kryma (History and archeology of Crimea)* XI, 131—138 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2020. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 25, 155—175 (in Russian).
- Kakovkin, A.Ya. 1990. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 80—92 (in Russian).
- Kastanayan, E.G. 1959. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)* 69, 257—295 (in Russian).
- Kolobova, K.M. 1961. *Drevniy gorod Afiny i ego pamyatniki (The ancient city of Athens and its monuments)*. Leningrad: Leningradskiy universitet (in Russian).
- Krapivina, V.V. 2002. In: Vahtina, M.Yu., Zuev, V.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishha (Bosporan phenomenon: burial monuments and sanctuaries)*. Vol. II. Saint Petersburg: Gosudarstvenniy Ermitazh, 24—29 (in Russian).
- Krapivina, V.V. 2012. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXVI, 182—217 (in Russian).
- Kuzina, N.V., Maslennikov, A.A. 2019. In: Kuznetsov, V.D., Zavoykina A.A. (eds.). *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii Instituta arheologii Rossiyskoy Akademii Nauk (Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences)*. Iss. 1. Moscow: IA RAN, 110—118 (in Russian).
- Kuz'mina, E.E. 1974. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 68—87 (in Russian).
- Losev, A.F. 1996. *Mifologiya grekov i rimlyan (The mythology of the Greeks and Romans)*. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Malyukevich, A.E. 2013. In: Aybabin, A.I., Zin'ko, V.N. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* XIV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arheologicheskiy ob'ekt v kontekste istorii (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history)*. Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NAN Ukrainy, 296—309 (in Russian).
- Meletinskiy, E.M. 1976. *Poyetika mifa (The poetics of myth)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Molev, E.A., Moleva, N.V. 2007. In: Zin'ko, V.N., Krapivina, V.V. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoe vremya (Antiquities of the Northern Black Sea Region in Antiquity)*. Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya A.E. Krymskogo NAN Ukrainy, 84—89 (in Russian).
- Nosova, L.V. 2002. In: Vahtina, M.Yu., Zuev, V.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishha (Bosporan Phenomenon: Burial Monuments and Sanctuaries)*. Vol. II. Saint Petersburg: Gosudarstvenniy Ermitazh, 2002, 62—68 (in Russian).
- Papanova, V.A. 2006. *Urochishhe Sto mogil — nekropol' Ol'vii Pontiyskoy (The tract Sto mogil — the necropolis of Pontic Olbia)*. Kyiv: Znaniya Ukrainy (in Russian).
- Popova, E.A. 1990. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 3, 196—203 (in Russian).
- Prokopenko, Yu.A. 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury Central'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture of the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BCE)*. Pt. 2. Stavropol: SKFU (in Russian).
- Raevskiy, D.S. 2006. *Mir skifskoy kul'tury (The world of Scythian culture)*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (in Russian).
- Rusayaeva, A.S. 2005. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epohu: Mify. Svyatilishha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev (The Religion of the Pontic Hellenes in Antiquity: Myths. Sanctuaries. Cults of the Olympic gods and heroes)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Salbiev, T.K. 2019. In: *NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-osetinskih issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya (NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language)* XIV (1—2), 237—288 (in Russian).

- Smokotina, A.V. 2020. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, A.V., Ponomarev, L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI (Tiritaka. Excavation XXVI)*. Vol. 3. *Arheologicheskie komplekсы vtoroy poloviny III—VII vv (Archaeological complexes of the second half of the 3rd — 7th cc.)*. Simferopol; Kerch: NICIAK KFU, 509—618 (in Russian).
- Solomonik, E.I. 1973. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 55—77 (in Russian).
- Son, N.A. 1993. *Tira rimskogo vremeni (Thira of the Roman time)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Sorokina, N.P. 1963. In *Kratkie soobshheniya Instituta Arheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)* 95, 60—65 (in Russian).
- Taho-Godi, A.A. 1987. In: Tokarev, S.A. (ed.). *Mify narodov mira. Enciklopediya (Myths of the peoples of the world. Encyclopedia)*. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 299 (in Russian).
- Taho-Godi, A.A. 1988. In: Taho-Godi, A.A. (ed.). *Antichnye gimny (Antique hymns)*. Moscow: MGU, 5—56 (in Russian).
- Tolochko, I.V. 2014. In Zuev, V.Yu., Khrshansovsky, V.A. (eds.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo carstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashhennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova (Burial culture of the Bosphorus kingdom. Materials of the Round Table dedicated to the 100th Anniversary of the birth of M.M. Kublanov)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 155—161 (in Russian).
- Tul'pe, I.A., Khrshansovsky, V.A. 1994. In: Dmitriev, T.N., Khrshansovsky, V.A. (eds.). *Veshh' v kontekste kul'tury: materialy nauchnoy konferencii (A Thing in the Context of Culture: Proceedings of a Scientific Conference)*. Saint Petersburg: IIMK, 108—109 (in Russian).
- Hanutina, Z.V., Khrshansovsky, V.A. 2003. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* III, 315—328 (in Russian).
- Khrshansovsky, V.A. 2014. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* XV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy hronologii (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Actual problems of chronology)*. Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya, 433—438 (in Russian).
- Khrshansovsky, V.A. 2015. In *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki (Tauride studios. Historical sciences)* 7, 142—147 (in Russian).
- Khrshansovsky, V.A. 2017. In *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki (Tauride studios. Historical sciences)* 12, 158—166 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII—IV vv. do n.e.) (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region (7th — 4th cc. BCE))*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Shtaerman, E.M. 1961. *Moral' i religiya ugnennykh klassov Rimskoy imperii (Morality and Religion of the Oppressed Classes of the Roman Empire)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskiy, A.Yu. 2015. In: Maslennikov A.A. (ed.) *Greko-varvarskiy Krym v period pozdney antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskikh pohodov do bitvy pri Adrianopole) (Greco-barbarian Crimea in the period of late antiquity (3rd — 4th cc. CE: from sea campaigns to the Battle of Adrianople)*. Tula: TGPU im. L.N.Tolstogo (in Russian).
- Caro, G. 1943. *An Attic cemetery: Excavations in the Kerameikos at Athens under Gustav Oberlaender and the Oberlaender Trust*. Philadelphia: The Oberlaender Trust.
- Cumont, F. 1942. *Recherches sur le Symbolisme Funéraire des Romains*. Paris: Paul Geuthner (Haut-Commissariat de l'État Français en Syrie et au Liban. Service des Antiquités. Bibliothèque archéologique et historique. T. XXXV).
- Cumont, F. 1959. *After life in Roman Paganism*. New York: Dover.
- Farnell, L.R. 2010. *The Cults of the Greek states*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz, F. 1958. *Ein römisches Meisterwerk: Der Jahreszeitensarkophag Badminton*. New York; Berlin: Walter de Gruyter and Co.
- Nilsson, M.P. 1957. *The Dionysiac mysteries of the Hellenistic and Roman age*. Lund: Gleerup (Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae. Series 8. Vol. V).
- Nilsson, M.P. 1976. *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. *Die Religion Griechenlands bis auf die griechische Weltherrschaft*. München: Beck.
- Richmond, J.A. 1950. *Archaeology and the After-Life in Pagan and Christian Imagery (University of Durham: Riddell Memorial Lectures)*. Oxford: Oxford University Press.
- Simon, E. 1998. *Die Götter der Griechen*. München: Hirmer.
- Turcan, R. 1966. *Les Sarcophages romains à représentations Dionysiaques: Essai de Chronologie et d'Histoire Religieuse. (Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome, 210.)*. Paris: E. de Boccard.
- Wendland, P. 1907. *Die hellenistisch-römische kultur in ihren beziehungen zu judentum und christentum*. Tübingen: J.C.B. Mohr.

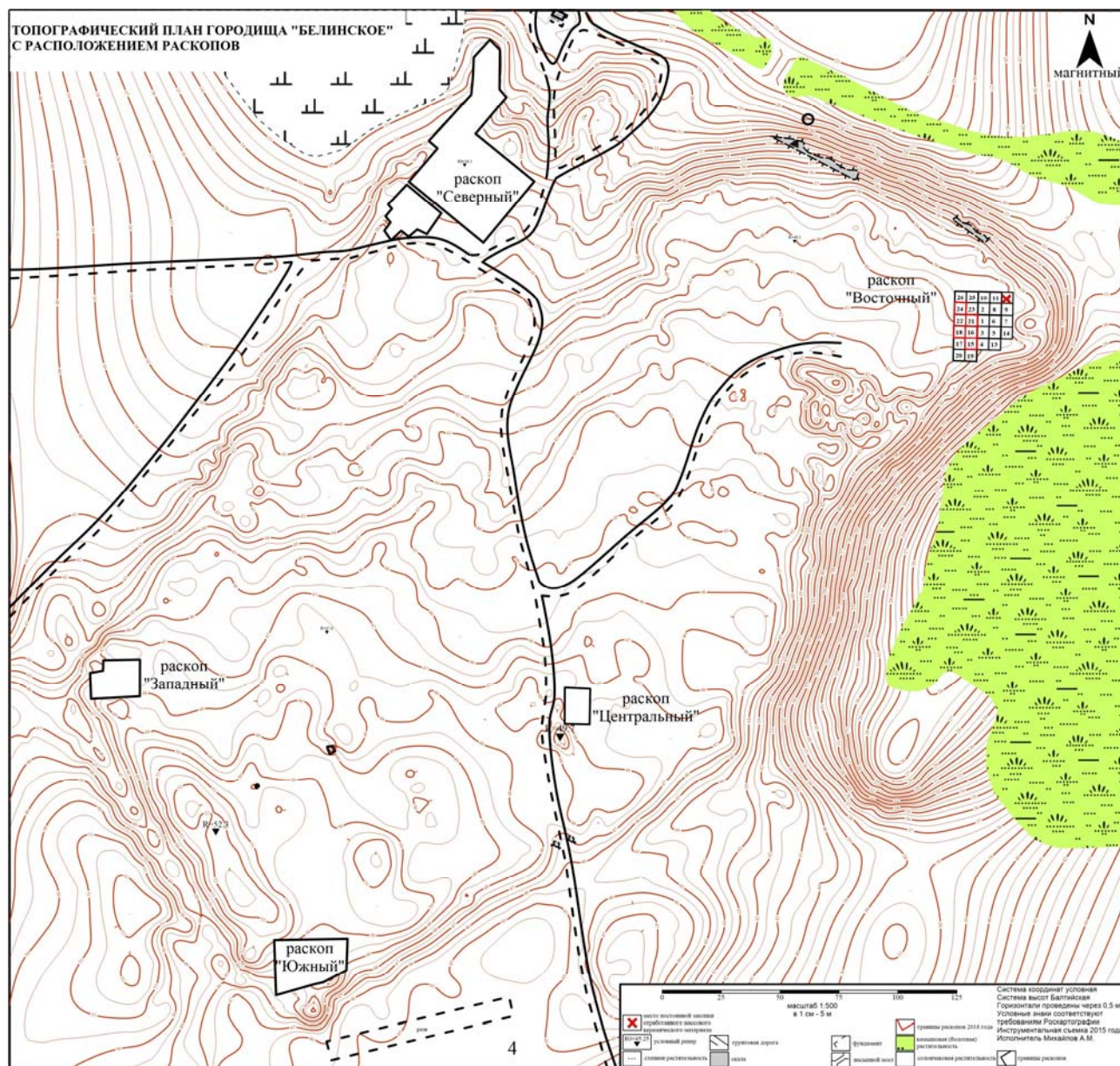

Рис. 1. Топографический план городища «Белинское» с расположением раскопов.

Fig. 1. Topographic plan of the settlement Belinskoye with the location of the excavations.

Рис. 2. Каменные круги на раскопе «Восточный» городища «Белинское».

Fig. 2. Stone circles at the excavation Vostochny site of the settlement Belinskoye.

Рис. 3. Алтарная вымостка с жертвенником на раскопе «Восточный» городища «Белинское».

Fig. 3. Altar pavement with an altar at the excavation Vostochny site of the settlement Belinskoye.

Рис. 4. Помещение № 55 на раскопе Восточный городища «Белинское».

Fig. 4. Room No. 55 at the excavation Vostochny site of the settlement Belinskoye.

Рис. 5. Фрагмент таракана в кладке круглого помещения № 55 на раскопе Восточный городища «Белинское».

Fig. 5. A fragment of a cockroach in the masonry of the round room No. 55 at the excavation Vostochny of the settlement Belinskoye.

Рис. 6. Яма № 158 на раскопе Восточный городища «Белинское». Вид с запада.

Fig. 6. Pit No. 158 at the excavation Vostochny site of the settlement Belinskoye. View from the west.

Рис. 7. Яма № 158 на раскопе Восточный городища «Белинское». Вид сверху.

Fig. 7. Pit No. 158 at the excavation Vostochny site of the settlement Belinskoye. View from above.

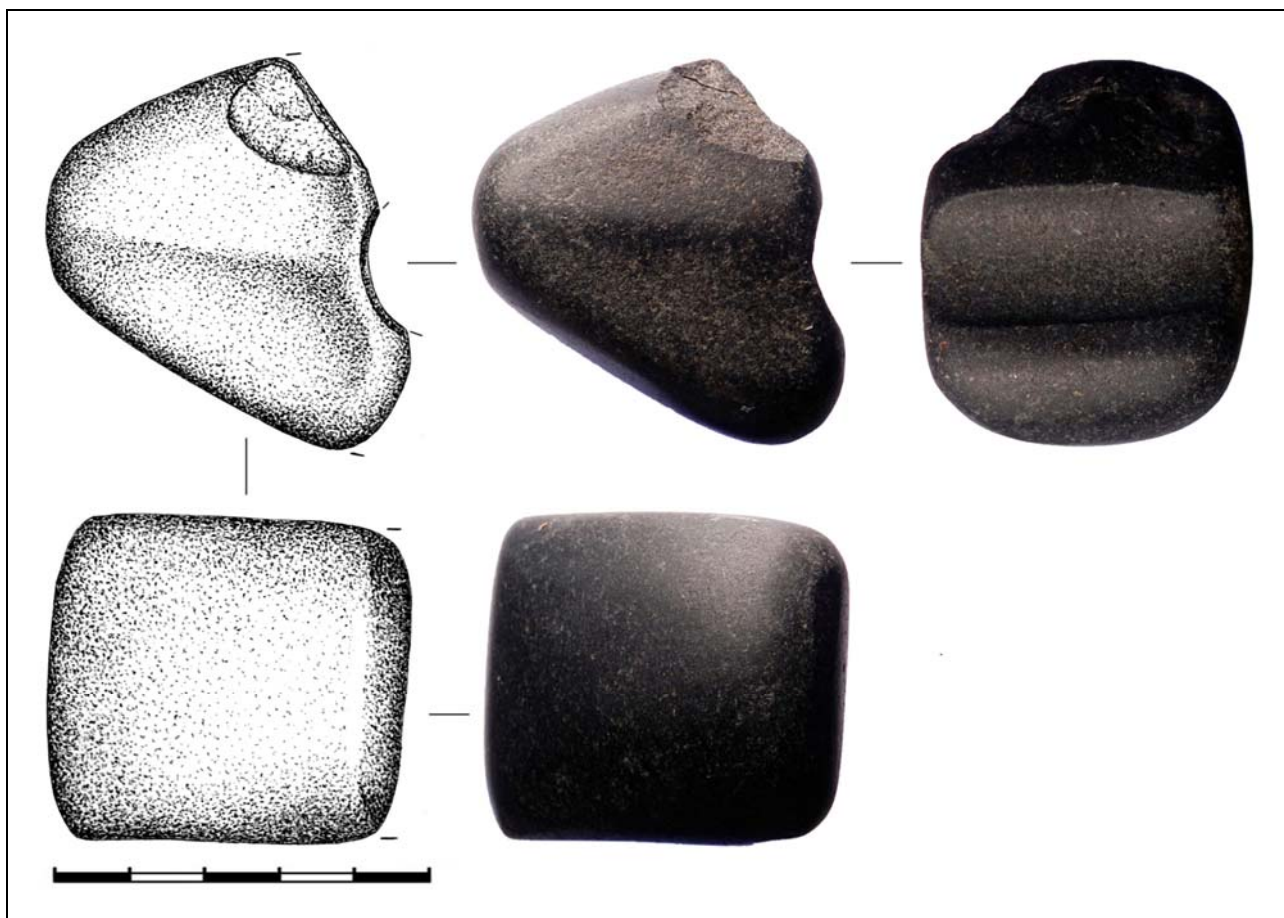
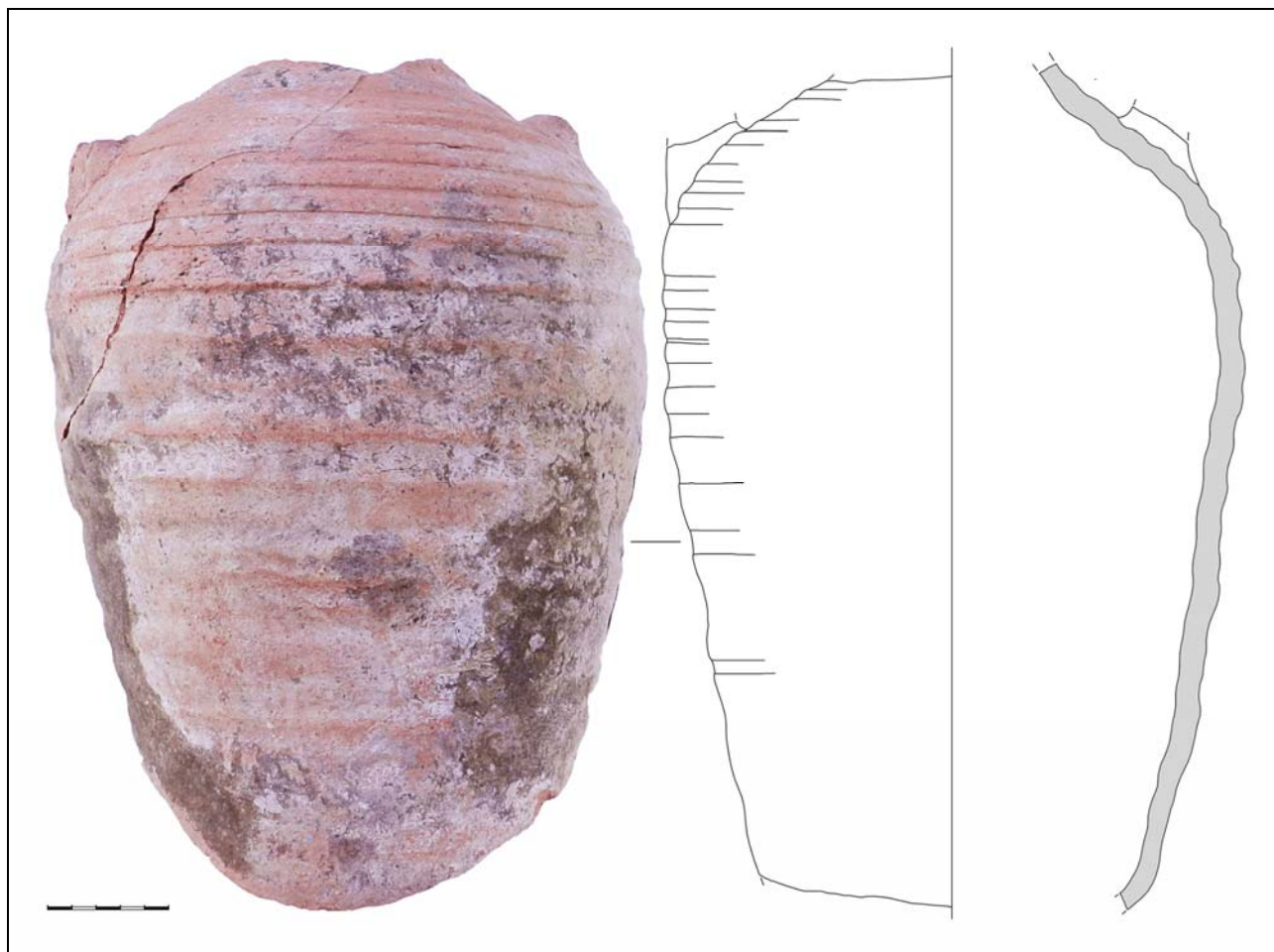

Рис. 8. Фрагмент топора бронзового века из ямы № 158 на раскопе Восточный городища «Белинское».

Fig. 8. Fragment of a Bronze Age ax from pit No. 158 at the excavation Vostochny of the settlement Belinskoye.

Рис. 9. Фрагмент амфоры из ямы № 158 на раскопе Восточный городища «Белинское».

Fig. 9. A fragment of an amphora from pit No. 158 at the excavation Vostochny of the settlement Belinskoye.

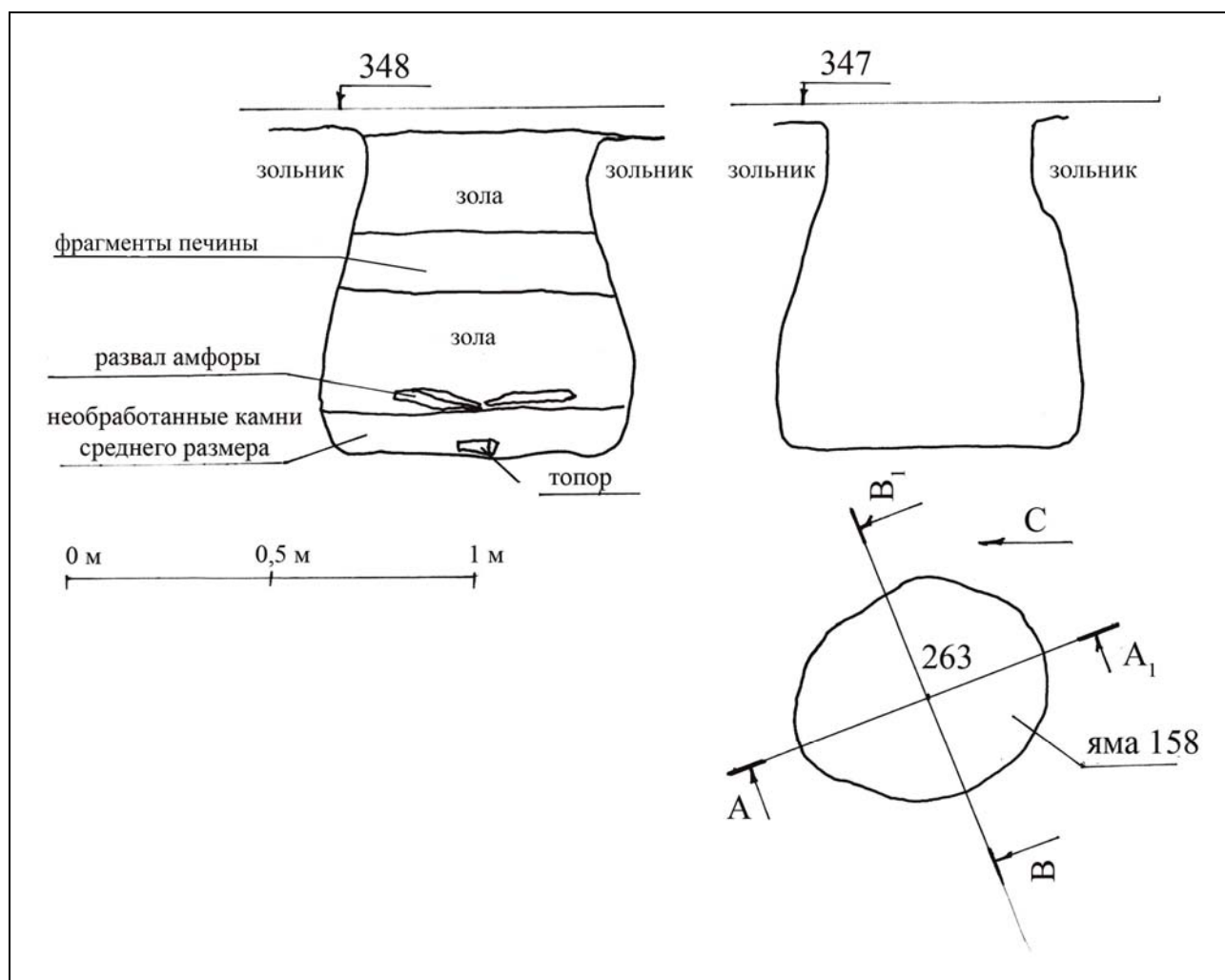

Рис. 10. План и разрезы ямы № 158 на раскопе Восточный городища «Белинское».

Fig. 10. Plan and sections of pit No. 158 at the excavation Vostochny of the settlement Belinskoye.

УДК 903.53

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.18.78.016

М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, А. Тюрк

РАННЕВЕНГЕРСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ДЕКОРАТИВНЫМИ ОБУВНЫМИ НАКЛАДКАМИ У С. ГЛИНОЕ*

Рассматривается ранневенгерский погребальный комплекс Глиное/Водовод 4/1, исследованный в 2016 г. у с. Глиное Слободзейского района, что на левобережье Нижнего Днестра, и ошибочно интерпретированный в 2017 г. как скифское захоронение. Погребение было впущено в скифский курган. В состав инвентаря входили золотая фольга и две позолоченные накладки из серебра. Анализ погребального инвентаря позволил датировать комплекс Глиное/Водовод 4/1 в пределах середины IX — начала X в. С учётом радиоуглеродной даты время захоронения может быть ограничено 850—870-ми гг. Прямые аналогии найденным накладкам в женских погребениях венгров Карпатской котловины позволяют утверждать, что они украшали обувь. Исследованное захоронение не только дополняет список памятников, маркирующих территорию обитания венгерских племен в Северо-Западном Причерноморье перед обретением родины, но и является частью представительной группы венгерских погребений, исследованных у с. Глиное. Это позволяет констатировать присутствие в данном микрорегионе большой семьи либо рода, как это было зафиксировано ранее в Слободзейском могильнике.

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, древние венгры, середина IX — начало X вв., металлические накладки на обувь.

Сведения об авторах: Квитницкий Максим Валерьевич¹, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович², кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Тюрк Аттила³, Dr. habil. (History), Институт археологических наук, Католический университет Петера Пазманы.

Контактная информация: ^{1,2}3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: ¹kvitnitskiy@i.ua; ²telnov_nikolai@mail.ru; ³2087, Венгрия, г. Пилишчаба, 1 Egyetem St., Институт археологических наук, Католический университет Петера Пазманы; e-mail: turk.attila@btk.mta.hu.

M.V. Kvitnytskyi, N.P. Telnov, A. Türk

EARLY HUNGARIAN GRAVE WITH DECORATIVE SHOE SOLES NEAR THE GLINOE VILLAGE

The article deals with the Early Hungarian grave Glinoe/Vodovod ('Water distribution system') 4/1 investigated in 2016 near Glinoe village, Slobodzeyia district, on the left bank of the Lower Dniester and erroneously interpreted in 2017 as a Scythian burial; the burial pit, however, was indeed dug through the mound of a Scythian barrow. The grave inventory consisted of golden foil and two gilded plates of silver, the fact which made it possible to set the burial within the time range from the middle of the 9th century until the beginning of the

* Исследование реализовано в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие», Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петера Пазманы; TUDFO/51757—1/2019/ITM) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований Венгрии, развития и инноваций при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.

Статья поступила в номер 01 ноября 2021 г.

Принята к печати 20 ноября 2021 г.

10th century. Taking into account the radiocarbon dating, the time of the interment can be limited more accurately between the years 850 and 870. Appliqués of gold and silver are basically found in female burials of the Hungarians elsewhere in the Carpathian Basin and are thought to have been footwear adornments. The investigated grave not only supplements the list of sites marking the habitat of the Hungarian tribes in the Northwest Black Sea region before finding their homeland, but is also a part of the representative group of Hungarian burials discovered near Glinoe village. It is argued therefore that some large family or a tribal clan have inhabited the micro-region, just like they most probably did when the burial ground was established in the area around present-day Slobodzeya.

Key words: Left bank of the Lower Dniester, ancient Hungarians, the middle of the 9th — the beginning of the 10th century, metal shoe soles.

About the authors: Kvitnytskiy Maksym Valer'evich¹, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Telnov Nicolai Petrovich², PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Türk Attila³, Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University.

Contact information: ^{1,2}3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: ¹kvitnitskiy@i.ua; ²telnov_nikolai@mail.ru; ³2087, Hungary, Piliscsaba, 1 Egyetem St., Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University; e-mail: turk.attila@btk.mta.hu.

В 2016 г. сотрудниками Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко был раскопан курган 4 группы «Водовод», расположенной в 3 км к северу-северо-востоку от северной окраины с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. В кургане было исследовано два погребения: основное скифское и впускное ранневенгерское, ошибочно интерпретированное как скифское (Синика и др. 2017). Актуализация и повышенный интерес к изучению проблематики ранневенгерского присутствия в Северном Причерноморье (венгры Этелькёза) на этапе, предшествующем обретению родины (Комар 2018), повлекли пересмотр материалов исследованных ещё начиная с рубежа XIX—XX вв. курганных и грунтовых погребений. В результате в Северо-Западном Причерноморье была выделена представительная группа ранневенгерских погребений (Синика и др. 2019), количество которых постепенно дополняется новыми комплексами. Повторное обращение к материалам захоронения Глиное/Водовод 4/1 позволяет определить его как ранневенгерское, и пересмотреть интерпретацию инвентаря.

Курган 4 группы «Водовод» располагался в 3,754 км к северо-востоку (азимут 31°) от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района. Исследовался с использованием техники методом выбирания параллельных траншей и с оставлением трёх стратиграфических бровок по линии север—юг. Ширина всех бровок по 0,6 м, длина — 24 м. Расстояние между Западной (данная бровка оказалась за пределами действительной насыпи кургана и на его плане не отражена) и Центральной бровками 4 м, между Центральной и Восточной бровками — 3,7 м.

В кургане обнаружены ров и два захоронения: основное скифское и впускное ранневенгерское (рис. 1: 1, 2).

Погребение 1 (ранневенгерское, впускное) обнаружено под Восточной бровкой, в 2,5 м югу от её центра. Совершено в яме (рис. 1: 3, 4).

Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,90 × 0,50 м. Дно зафиксировано на уровне 0,80 м от R₀, глубина от уровня фиксации контура могильной ямы — 0,16 м. Была ориентирована длинной осью по линии запад—восток. На дне расчищен костяк взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад. Череп развернут влево, руки вытянуты вдоль тела. Бедренные кости ног потревожены норой землеройного

животного. По сохранившимся берцовым и голеностопным костям правой ноги положение ног устанавливается как выпрямленное.

По определению антрополога, погребение принадлежало, вероятно, женщине («женщина?») возрастом 35—50 лет. На одном из левых рёбер отмечены следы зажившего перелома, на левой глазнице — решётчатость (*cribra orbitalia*). На обеих теменных костях в области сагиттального шва отмечена травма от удара тупым предметом (Łukasik 2018: 4).

При исследовании костяка в заполнении черепа найден обресток золотой фольги (1), в районе стоп, ближе к правому голеностопному суставу, зафиксированы две серебряные накладки (2)¹.

Описание находок

1. Обресток золотой фольги прямоугольной формы размерами 11,4 × 4,6 мм и толщиной 0,1 мм (рис. 1: 7).

2. Серебряные накладки двух типов:

— накладка дисковидной формы с отогнутым бортиком диаметром 14,5 мм, по центру углубление округлой формы диаметром до 4 мм. В углублении и на торце сохранились остатки позолоты. Общая высота шляпки 3 мм, толщина 0,8 мм. С обратной стороны симметрично располагались штифты крепления, сохранился один толщиной 1,8 мм (рис. 1: 5);

— накладка—заклепка полусферической формы (грибовидная) диаметром 7—8 мм, общая высота шляпки 5 мм; толщина пластины 0,5 мм. С обратной стороны сохранился штифт крепления, круглый в сечении, толщиной 1,3 мм (рис. 1: 6);

Несмотря на скудость погребального инвентаря, изучение накладок позволяет утверждать, что такие предметы известны в наборах металлической гарнитуры IX—X вв. и связаны с древностями ранних мадьяр. Находка золотой фольги в районе черепа также является характерным элементом в погребальной практике ранних венгров Северо-Западного Причерноморья.

Итак, рассмотрим более подробно находки из комплекса — наладку дисковидной формы, а также полусферическую наладку—заклепку и золотую фольгу. По предложенной В.В. Мурашевой классификации бляшек поясных наборов, происходящих из так называемых «дружинных» курганов (IX—XI вв.), накладки дисковидной формы с углублением по центру относятся к III классу — с отогнутым бортиком и геометрическим углубленным орнаментом. Находка из погребения Глиное/Водовод 4/1 близка к изделиям 1 группы (с плоской верхней стороной), виду 1В (рис. 2: 2). Также стилистически очень близки типы IIIА и IIIБ, имеющие прямые аналогии среди венгерских древностей IX—X вв. (Мурашева 2000: 29, рис. 32). Стилистически идентичные дисковидной наладке с углублением по центру находки известны из раскопок 1959 г. В.С. Стоколоса в Зауралье в материалах раннемадьярского могильника Синеглазово в Челябинской области (рис. 2: 3) (Боталов 2012: 141, рис. 13: 5—20). Накладки, схожие с рассматриваемой, происходят из Орадя—Салка в Румынии (рис. 2: 4—6) (Рябцева, Рабинович 2018: 447, рис. 6: 25, 27, 28). Идентичные по форме и стилю накладки с отверстиями для пришивания были найдены и при исследовании археологического комплекса у с. Ханска в Молдавии (рис. 2: 7, 8). С.С. Рябцева и Р.А. Рабинович отнесли изделия из Орадя и Хански к группе древностей венгерского круга IX—X вв. Пруто-Днестровского региона (Рябцева, Рабинович 2018: 436, 437, рис. 2: 68, 69).

¹ Помимо этих находок, в заполнении ямы был обнаружен фрагмент ручки греческой амфоры. Данная находка связана с основным скифским захоронением кургана Глиное/Водовод 4, и в данной работе не рассматривается.

Находки подобных типов изделий и полностью аналогичных накладок хорошо известны в составе инвентаря венгерских погребений периода обретения родины. Аналогичные накладки происходят из комплекса в Либahalомроль (Libahalomról) в медье Яс—Надькун—Сольнок (рис. 2: 9—11) (Csallány 1905: 38, kép. IV:9—11), такие же найдены в погребении № 1 в Шорокшаре (рис. 2: 12—14) (Bencze, Szigeti 2010: 53, 54 67, kép. 3: 3). Серебряные с позолотой накладки, полностью схожие с находкой из комплекса Глиное/Водовод 4/1, происходят из могильника Вестё—Котпушта в медье Бекеш (рис. 2: 15) (Medgyesi 2015: 166). Шестнадцать таких накладок найдены при исследовании погребения № 690 периода обретения венграми родины в могильнике Вёрш—Папкерт Б в Задунавье (рис. 2: 16—18) (Költő, Szentpéteri 2020: 51, kép. 12).

Накладки—заклепки полусферической формы известны как для древностей IX—XI вв., так и для более позднего времени. С.Г. Боталов относит такие изделия из могильника Уелги к выделенной им 2-й урало-казахской стилистической группе вещей. Исследователь отмечает, что накладки этой группы хорошо известны по материалам памятников IX—XI вв. Южного Приуралья (Боталов 2018: 13, 20, рис. 1: 1). Идентичные находки часто встречаются в захоронениях венгров периода обретения родины. В инвентаре они представлены как отдельными элементами ременной гарнитуры и аксессуаров костюма, так и в виде заклепок, крепивших детали металлической посуды и скреплявших различные декоративные пластины с тканевыми либо кожаными основами (накладки на сумочки — ташки, зажимы—накосники, пластины—украшения конской сбруи). Такие изделия в виде заклепок—крепежей вместе с металлическими пластинами ташек и как отдельные элементы найдены в погребениях 3, 14, 19 и 21 могильника X в. возле Кенезлё (рис. 2: 22—25) (Jósa 1914: 307, 321, 332, 333, kép. XIII, XXX, XLII, XLIV), в погребении 5 и 7 в Бихаре (сейчас территория Румынии) (рис. 2: 20, 21) (Karácsonyi 1903: 407, 411, ábra. 8: 4—6, 8, ábra. 11: 8—14), в комплексе из Ференчаллаш в медье Чонград—Чанад (Kada 1912: 325, ábra c), и многих других. Аналогичными, чуть более массивными, полусферическими заклепками — крепежами крепилась ручка блюда из Коробчино (рис. 2: 26, 27) (Комар 2020: 138, 139, рис. 2: 8—11). Начиная с первой половины X в. такие накладки становятся продукцией производства болгарских ремесленных центров. В частности, идентичные бронзовые накладки с одним и двумя штифтами для крепления зафиксированы как часть продукции ремесленной мастерской, исследованной у с. Новосел Шуменской области в Болгарии. По типологии С. Дончевой они относятся к ремненным накладкам геометрической формы группы А (рис. 2: 28, 29). Исследователь указала на аналогии таким изделиям из производственных центров в Надарево и около Варны, среди находок в Среднем Подунавье и из Кароша в Венгрии (Бонев, Дончева 2011: 123, 124, 290, табл. XLVIII: 527—529).

Обе рассматриваемые накладки были найдены «in situ» в районе стоп, ближе к правому голеностопному суставу. Местоположение накладок позволяет утверждать, что ими была украшена обувь. Кости левого голеностопного сустава, вследствие деятельности землеройных животных, отсутствовали, что не позволяет уверенно определить наличие либо отсутствие украшений — накладок для обуви на левой ноге. В тоже время необходимо отметить, что для ранневенгерских погребений женщин периода обретения родины известны находки как парно украшенных сапожек, так и только одного украшенного (правого) сапожка. В качестве примера укажем женское погребение № 3 в Тисаесларе (медье Сатмар—Сабольч—Берег), где 45-ю полусферическими накладками был украшен только правый сапожок (рис. 3: 1) (Csallány 1970: 267—270, abb. 8, 10). Парно такими накладками была украшена обувь в погребении № 5 в Хенциде (медье Хайду—Бихар), в погребении в Коронко (медье Дьёр—Мошон—Шопрон) (рис. 3: 2, 3) (Csallány 1970: 291, 292, abb. 25, 26) и обувь в

погребении № 4 в Мадараш—Арвай—Флор (медье Бач—Кишкун) (рис. 3: 4) (Kőhegyi 1980: 214, 218, 221 abb. 9, 17: 11). Известны украшения женских сапожек дисковидными накладками с углублениями по центру. Такие находки происходят из погребения № 38 в Чонград—Вендельхалом и погребения № 115 с улицы Чонград в Кечкемете (медье Бач—Кишкун) (рис. 3: 5, 6) (Csallány 1970: 285, 286, abb. 19, 20).

Золотая фольга в виде обрезка прямоугольной формы обнаружена в районе лицевой части черепа (рис. 1: 3, 6). Точно установить, что именно было украшено такой фольгой, невозможно. Можем только предположить, что подобным образом мог быть украшен головной убор, возможная налобная лента либо, вероятнее всего, погребальная лицевая маска. Изучая погребальные маски венгров Карпатского бассейна в X в., Т.Б. Бодор выделил четыре группы изделий, использовавшихся для погребальных лицевых масок ранних венгров. Нашивавшиеся на покрывающую лицо ткань квадратные и прямоугольные наглазные и ротовые пластинки из тонкой золотой фольги либо, в основном, из серебряной фольги выделены во вторую группу. В процентном соотношении в 77% погребения с лицевыми масками принадлежали мужчинам, 18% — женщинам, и 5% относятся к погребенным, чья половая принадлежность осталась неустановленной (Bodor 2018: 131, 134). Прямоугольные кусочки золотой фольги, использованные в качестве накладок на глаза и рот, были найдены в ранневенгерском погребении Дмитровка 1/2 в Среднем Поднепровье (Супруненко 2011: 112).

Говоря об ранневенгерской погребальной практике в общем, отметим факт традиционного присутствия в ранневенгерских захоронениях Северо-Западного Причерноморья золотой, реже серебряной, фольги, которую нашивали на матерчатую либо кожаную основу ремней и одежды или использовали для обёртывания деревянных рукоятей и ножен. Золотая фольга найдена в таких погребениях как Балабаны II 6/4 (Квитницкий и др. 2020: 331, 333, рис. 3: 3—13), Белолесье 3/2 (Субботин и др. 1998: 67, рис. 24: 1—9), Глиное 14/2 (Квитницкий и др. 2019: 318, рис. 3: 4), Казаклия 5/2 (Сава и др. 2019: 122, рис. 84: 3—5), Коржеуцы 6/1 (Leviţki, Demcenko 1994: 221, fig. 4: 3—10), Маркулешты 1/3 (Левинский, Тентюк 1990: 94—96, рис. 1: 5, 6), Окница 3/11 (Манзура и др. 1992: 26, рис. 11: 11, 12), Мреснота Могила 1/10 (Гудкова и др. 1985: 70, рис. 40: 5), Петрешты 2/1 (Чирков 1990: 161, рис. 3: 7), Плавни 13/13 (Андрух и др. 1985: 47, рис. 18: 14), Плавни—II 1/2 (Фокеев и др. 2019: 334, рис. 1: 3), Пуркары 2/11 (Яровой 1990: 97), Румянцево 1/14 (Бубулич 1992: 16, рис. 14: 2, 3), Севирова 2/9 (Naheu, Gukin 1997: 197, fig. 7: 4), Олонешты 13/1 (Квитницкий и др. 2020: 331, 332, рис. 2: 4—13), Старые Бедражи 3/7 и 10/10 (Чирков 1990: 161—162, 165), Струмок 5/9 (Гудкова и др. 1980: 21—22, табл. XVII: 1), Тецканы 2/1 (Глазов, Курчатов 2005: 311, рис. 7: 11), Фрикацей 8/2 (Добролюбский 1986: 101, табл. VIII: 1).

Известны находки золотой фольги и в венгерских погребениях Среднего и Нижнего Поднепровья. Они происходят из упомянутого комплекса Дмитровка 1/2 (Супруненко 2011: 110—122), а также из разрушенных погребений в Коробчино (Чурилова, Ходас 2011: 102) и Новокайры 2/8 (Тоцев, Самар 1990: 42—43, рис. 7: 1—7).

Расположение серебряных накладок в погребении Глиное/Водовод 4/1 позволяет рассматривать их как часть украшения женских сапожек, исходя из аналогий в ранневенгерских захоронениях женщин Карпатской котловины. Датированные прямые аналогии накладкам и дополняющая их находка прямоугольного обрезка золотой фольги позволяют в совокупности датировать комплекс Глиное/Водовод 4/1 серединой IX — началом X в., и уверенно относить его к ранневенгерским погребениям.

Независимо от этого, в Киевской радиоуглеродной лаборатории в 2021 г. было проведено радиоуглеродное датирование антропологического материала из погребения

Глиное/Водовод 4/1. Калибрование полученной радиоуглеродной даты ($1270 \pm 50 \text{ BP}$) было произведено с использованием программы OxCalv4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020) (рис. 4). Полученный интервал (2σ — 660—878 гг.), во-первых, пересекается с археологической датой (на отрезке 850—878 гг.), и, во-вторых, ограничивает её верхний предел концом 870-х гг.

Таким образом, археологическая дата, полученная на основании сравнительно-типологического метода, а также калиброванная радиоуглеродная дата позволяют заключить, что венгерское захоронение Глиное/Водовод 4/1 было совершено в 850—870-х гг.

В завершении необходимо отметить, что публикуемый в настоящей работе погребальный комплекс является не единственным памятником ранних венгров, исследованным у с. Глиное Слободзейского района. В 2018 г. в этой же курганный группе было изучено древневенгерское воинское погребение Глиное/Водовод 14/2, археологическая и радиоуглеродная дата которого пересекаются в интервале 850—881 гг. (Квитницкий и др. 2019: 327, рис. 4: 1). Причём последнее захоронение располагалось в 0,71 км к юго-западу от кургана 4 группы «Водовод» у с. Глиное.

В 2016 г. в кургане 2 курганный группы «ДОТ» у с. Глиное зафиксировано погребение № 9. Костяк взрослого человека был смещен бульдозером при снятии бровки, «in situ» сохранились только кости стоп, инвентарь не обнаружен. Радиоуглеродная дата ($\text{DeA} = 11323 \pm 1186 \pm 20 \text{ BP}$), полученная в 2018 г. в Дебреценской лаборатории (Венгрия), и её калиброванный интервал (2σ — 773—889 гг.) указывают на то, что погребение было совершено не позже 889 г. (Разумов и др. 2019: 124, 125, 131, 132). Отметим, что курган Глиное/ДОТ 2 располагался в 1,155 км к западу—юго—западу от кургана Глиное/Водовод 14.

К ранневенгерским также следует относить исследованный в 2008 г. средневековый комплекс Глиное 13/2, где за головой погребенного располагалась кость животного (барана) (Тельнов и др. 2016: 126, 127). В свою очередь, этот курган находился в 1,575 км югу от кургана Глиное/ДОТ 2.

Кроме того, как ранневенгерские определяются комплексы Глиное/Клин 2/6, 2/11 (исследованы в 2020 г. в 2,15 км к востоку—юго—востоку от кургана Глиное/Водовод 14) и Глиное/Дот 7/3 (исследован в 2021 г. в 0,275 км к юго—востоку от кургана Глиное/ДОТ 2)².

Таким образом, в настоящее время в окрестностях с. Глиное зафиксировано не менее 7 ранневенгерских погребений. Примечателен тот факт, что верхние границы калиброванных радиоуглеродных дат трёх захоронений (Глиное/Водовод 4/1 — 878 г.; Глиное/Водовод 14/2 — 885 г.; Глиное/Дот 2/9 — 889 г.), как отмечалось выше, если не совпадают полностью, то весьма близки. Данное обстоятельство позволяет говорить о проживании в 870—890-х гг. в данной местности (в бассейне р. Красная) компактной кочевой группы венгров. Напомним, что в 9 км к западу—северо—западу располагался Слободзейский могильник, оставленный, очевидно, более крупным формированием ранних венгров.

Литература

- Андрух и др. 1985: Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тошев Г.Н. 1985. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. ИНИОН АН СССР. № 21110.
- Бонев С., Дончева С. 2011. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер.
- Боталов С.Г. 2012. Новые аспекты и перспективы в исследованиях проблемы «Magna Hungaria». *Вестник Челябинского государственного университета*. № 11 (265). История. Вып. 50, 128—146.

² Указанные комплексы готовятся к печати.

- Боталов С.Г. 2018. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги. *АЕС* 6, 13—34.
- Бубулич В.Г. 1992. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. Архив Национального музея истории Молдовы. № 334.
- Глазов В., Курчатова С. 2005. Тецканские курганы. Новое в погребальном обряде сармат Днестровско-Прутского региона. *Revista arheologica* s. n. I (1), 301—320.
- Гудкова и др. 1980: Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. 1980. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г. Научный архив ИА НАНУ. № 1979/5.
- Гудкова и др. 1985: Гудкова А.В., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. 1985. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Научный архив ИА НАНУ. № 1984/158.
- Добролюбский А.О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Квитницкий и др. 2019: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2019. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (5), 317—331.
- Квитницкий и др. 2020: Квитницкий М.В., Тюрк А., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Синика В.С. 2020. Два венгерских погребения IX века в Дунай-Днестровских степях. *Stratum plus* (5), 329—339.
- Комар А.В. 2018. *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции*. Будапешт: Martin Opitz Kiadó.
- Комар А.В. 2020. Чаша из Коробчино. In: Türk A. (eds.). *Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology*. Vol. 18. *Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok*. Vol. 1. *Первый Молдо-Венгерский археологический круглый стол, посвященный вопросам раннего средневековья Восточной Европы Кишинев, 10—11 июня 2015 г.* Budapest: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 135—153.
- Левинский А.Н., Тентюк И.С. 1990. Исследование курганов у с. Мэркулешть. В: Дергачев В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 93—100.
- Манзура и др. 1992: Манзура И.В., Ключко Е.О., Савва Е.Н. 1992. *Каменные курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Мурашева В.В. 2000. *Древнерусские ремешковые наборы украшений (X—XIII вв.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Разумов и др. 2019: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2019. Курганы бронзового века №2 группы «ДОТ» у с. Глиное на Нижнем Днестре. *Revista* (1), 119—144.
- Рябцева С.С., Рабинович Р.А. 2018. Древности венгерского круга IX—X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения). В: Тюрк А., Зеленков А. С. (отв. ред.). III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, 429—464.
- Сава и др. 2019: Сава Е., Агульников С., Манзура И. 2019. *Исследования курганов в Буджакской степи (1980—1985 гг.)*. Кишинёв: Bons Offices (Biblioteca «Tyragetia» XXIX).
- Синика и др. 2017: Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А. 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник*. Т. 6. № 2 (19), 108—113.
- Синика и др. 2019: Синика В.С., Тельнов Н.П., Квитницкий М.В. 2019. Венгерские памятники IX — первой половины X в. в Северо-Западном Причерноморье. В: Sudár B., Türk A. (Szerk.). *«Hadakútján». A népvándorlaskor fiatalkutatóinak XXIX. Konferenciája*. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, 7—10.
- Субботин и др. 1998: Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 1998. *Археологические древности Буджака. Курганы у сёл Вишинёвое и Белолесье*. Одесса: ИА НАНУ.
- Супруненко О.Б. 2011. Давньоугорський некрополь поблизу с. Дмитрівки в нижній течії Псла. *АДІУ* 7, 105—124.
- Тельнов и др. 2016: Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифський могильник III—II вв. до н.е. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).
- Тощев Г.Н., Самар В.А. 1990. Исследование могильника эпохи бронзы на Херсонщине. *ДСПК* I, 30—66.

- Фокеев и др. 2019: Фокеев М.М., Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2019. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. *Stratum plus* (5), 333—342.
- Чирков А.Ю. 1990. Новые данные о поздних кочевниках Среднего Попрутья. В: Дергачев А.В. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 158—168.
- Чурилова Л.Н., Ходас В.А. 2011. Древневенгерские памятники в коллекции Днепропетровского Национального исторического музея им. Д.И. Яворницкого. *АДИУ* 7, 100—104.
- Яровой Е.В. 1990. *Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднепровья*. Кишинев: Штиинца.
- Bencze Z., Szigeti J. 2010. Honfoglalás kori temető Soroksár határában (M0 BP 09). *Budapest Régiségei* 42—43 (2009—2010), 53—81.
- Bodor T.B. 2018. Funerary eye and mouth plates in the Carpathian Basin in the 10th Century. *AAC* LIII, 129—142.
- Csallány D. 1970. Weiblicher Haarflehteschmuck und Stiefelbeschläge aus der Ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* XXII, nos. 1—4, 261—299.
- Csallány G. 1905. Régi magyar emlékek a szentesi múzeumban. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXV, 33—44.
- Haheu V., Gukin V. 1997. Rezultatele investigațiilor unor complexe tumulare din raionul Florești. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: AȘM, 188—210.
- Jósa A. 1914. Honfoglalás-kori emlékek Szabolcsban. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXXIV, 4—5, 214—224.
- Kada E. 1912. Kecskemét vidékéről való leletek. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXXII, 323—329.
- Karácsonyi J. 1903. A bihari honfoglaláskori lovas—sírokról. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXIII, 405—412.
- Kőhegyi M. 1980. Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Madaras (Komitat Bács—Kiskun). *Acta Archaeologica Hungaricae* XXXII. Fas. 1—4, 205—239.
- Költő L., Szentpéteri J. 2020. A Kárpát-medence az avar kor végén és a magyar honfoglalást (895) követően. In: Türk A. (eds.). *Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology*. Vol. 18. *Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok*. Vol. 1. *Первый Молдо-Венгерский археологический круглый стол, посвященный вописам раннего средневековья Восточной Европы Кишинев, 10—11 июня 2015 г.* Budapest: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 29—53.
- Levițki O., Demcenko T. 1994. Grupul tumular de la Corjeuți—Briceni (R. Moldova). *Memoria antiquitatis* XIX, 213—233.
- Medgyesi P. 2015. Honfoglalók a békési tájakon. Békés megye jelentősebb 10—11. századi sírleletei. *Munkácsy Mihály Múzeum Évkönyve* III (40). Szerk: Ando György. Békéscsaba.
- Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon*. Iss. 4. *IntCal20: Calibration Issue, August 2020*, 725—757.
- Łukasik S. 2018. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrow 2—6 and 8. Poznań, 8 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

References

- Andrukh i dr. 1985: Andrukh, S.I., Dobrolyubskiy, A.O., Toshchev, G.N. 1985. *Kurgany u s. Plavni v nizov'yakh Dunaya* (Burial-mounds near the village Plavni in the lower Danube). Odessa: OGU (in Russian).
- Bonev, S., Doncheva, S. 2011. *Starobolagarski proizvodstven tsentar za khudozhestven metal pri s. Novosel, Shumensko* (Old Bulgarian production center for artistic metal near the village of Novosel, Shumen region). Veliko Tarnovo: Faber (in Bulgarian).
- Botalov, S.G. 2012. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Chelyabinsk State University). No 11 (265). *Istoriya* (History). Iss. 50, 128—146 (in Russian).

- Botalov, S.G. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 13—34 (in Russian).
- Bubulich V.G. 1992. Otchet o polevykh issledovaniyakh Prutskoy novostroyechnoy arkheologicheskoy ekspeditsii u ss. Rumyantsevo i Doyna Kantemirskogo rayona v 1991 g. Arkhiv Natsional'nogo muzeya istorii Moldovy. No. 334.
- Glazov, V., Kurchatov, S. 2005. In *Revista arheologica* s.n. I (1), 301—320 (in Russian).
- Gudkova i dr. 1980: Gudkova A.V., Dobrolyubskiy A.O., Toshchev G.N., Fokeyev M.M. 1980. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1979 g. Nauchnyy arkhiv IA NANU. No. 1979/5.
- Gudkova i dr. 1985: Gudkova A.V., Toshchev G.N., Fokeyev M.M., Andruk S.I. 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1984 g. Nauchnyy arkhiv IA NANU. № 1984/158.
- Dobrolyubskiy, A.O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya (Nomads of the North-Western Black Sea region in the Middle Ages)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kvitnitskiy i dr. 2019: Kvitnitskiy, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. In *Stratum plus* (5), 317—331 (in Russian).
- Kvitnitskiy i dr. 2020. Kvitnitskiy, M.V., Türk, A., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2020. In *Stratum plus* (5), 329—339 (in Russian).
- Komar, A.V. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and archaeology of the ancient Magyars in the era of migration)*. Budapesht: Martin Opitz Kiadó (in Russian).
- Komar, A.V. 2020. In: Türk A. (eds.). *Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology*. Vol. 18. *Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok*. Vol. 1. *Perviy Moldo-Vengerskiy arkheologicheskii kruglyy stol, posvyashchennyy voposam rannego srednevekov'ya Vostochnoy Yevropy Kishinev, 10—11 iyunya 2015 g. (The first Moldo-Hungarian archaeological round table dedicated to the issues of the early Middle Ages in Eastern Europe Chisinau, June 10—11, 2015)*. Budapest: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 135—153 (in Russian).
- Levinskiy, A.N., Tentyuk, I.S. 1990. Issledovaniye kurganov u s. Merkulesht'. In: Dergachev, V.A. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological research of young scientists of Moldova)*. Chisinau: Shtiintsa, 93—100 (in Russian).
- Manzura i dr. 1992: Manzura, I.V., Klocho, E.O., Savva, E.N. 1992. *Kamenskiye kurgany (Kamensk burial mounds)*. Chisinau: Shtiintsa (in Russian).
- Murasheva, V.V. 2000. *Drevnerusskiye remennyye nabornyye ukrasheniya (X—XIII vv.) (Old Russian belt typesetting (10th — 13th cc.))*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Razumov i dr. 2019: Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2019. In *Revista* (1), 119—144 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovich, R.A. 2018. In: Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (3rd International Magyar Symposium)*. Budapesht: Martin Opitz Kiadó, 429—464 (in Russian).
- Sava i dr. 2019: Sava, E., Agulnikov, S., Manzura, I. 2019. *Issledovaniya kurganov v Budzhakskoy stepi (1980—1985 gg.) (Exploration of burial mounds in the Budzhak steppe (1980—1985))*. Chisinau: Bons Offices (Biblioteca “Tyragetia” XXIX) (in Russian).
- Sinika i dr. 2017: Sinika, V.S., Telnov, N.P., Zakordonets, O.A. 2017. In *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*. Vol. 6. No. 2 (19), 108—113 (in Russian).
- Sinika i dr. 2019: Sinika, V.S., Telnov, N.P., Kvitnitskiy, M.V. 2019. In: Sudár, B., Türk, A. (Szerk.). *“Hadakútján”. A népvándorlaskor fiatalkutatóinak XXIX. Konferenciája*. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, 7—10 (in Russian).
- Subbotin i dr. 1998: Subbotin, L.V., Dzigovskiy, A.N., Ostroverkhov, A.S. 1998. *Arkheologicheskiye drevnosti Budzhaka. Kurgany u sel Vishnovoye i Beloles'ye (Archaeological antiquities of Budjak. Mounds near the Vishnovoe and Belolesye villages)*. Odessa: IA NANU (in Russian).
- Suprunenko, O.B. 2011. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 7, 105—124 (in Ukrainian).
- Telnov i dr. 2016: Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinnoye (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Basin III) (in Russian).
- Toshchev, G.N., Samar, V.A. 1990. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the steppe Black Sea region and Crimea)* I, 30—66 (in Russian).

- Fokeyev i dr. 2019: Fokeyev, M.M., Kvitnikiy, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. In *Stratum plus* (5), 333—342 (in Russian).
- Chirkov, A.Yu. 1990. In: Dergachev, A.V. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological research of young scientists of Moldova)*. Chisinau: Shtiintsa, 158—168 (in Russian).
- Churilova, L.N., Khodas, V.A. 2011. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 7, 100—104 (in Russian).
- Yarovoy, E.V. 1990. *Kurgany eneolita — epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ya (Mounds of the Chalcolithic — Bronze Age of the Lower Dniester Region)*. Chisinau: Shtiintsa (in Russian).
- Bencze, Z., Szigeti, J. 2010. Honfoglalás kori temető Soroksár határában (M0 BP 09). *Budapest Régiségei* 42—43 (2009—2010), 53—81.
- Bodor, T.B. 2018. Funerary eye and mouth plates in the Carpathian Basin in the 10th Century. *AAC* LIII, 129—142.
- Csallány, D. 1970. Weiblicher Haarflehteschmuck und Stiefelbeschläge aus der Ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* XXII, nos. 1—4, 261—299.
- Csallány, G. 1905. Régi magyar emlékek a szentesi múzeumban. *Archaeologiai Értesítő (ÚF)* XXV, 33—44.
- Haheu, V., Gukin, V. 1997. Rezultatele investigațiilor unor complexe tumulare din raionul Florești. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: AȘM, 188—210.
- Jósa, A. 1914. Honfoglalás-kori emlékek Szabolcsban. *Archaeologiai Értesítő (ÚF)* XXXIV, 4—5, 214—224.
- Kada, E. 1912. Kecskemét vidékéről való leletek. *Archaeologiai Értesítő (ÚF)* XXXII, 323—329.
- Karácsonyi, J. 1903. A bihari honfoglaláskori lovas—sírokról. *Archaeologiai Értesítő (ÚF)* XXIII, 405—412.
- Kőhegyi, M. 1980. Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Madaras (Komitat Bács—Kiskun). *Acta Archaeologica Hungaricae* XXXII. Fas. 1—4, 205—239.
- Költő, L., Szentpéteri, J. 2020. A Kárpát-medence az avar kor végén és a magyar honfoglalást (895) követően. In: Türk, A. (eds.). *Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology*. Vol. 18. *Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok*. Vol. 1. *Perviy Moldo-Vengerskiy arkheologicheskii kruglyy stol, posvyashchennyy voposam rannego srednevekov'ya Vostochnoy Yevropy Kishinev, 10—11 iyunya 2015 g. (The first Moldo-Hungarian archaeological round table dedicated to the issues of the early Middle Ages in Eastern Europe Chisinau, June 10—11, 2015)*. Budapest: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 29—53.
- Levițki, O., Demcenko T. 1994. Grupul tumular de la Corjeuți—Briceni (R. Moldova). *Memoria antiquitatis* XIX, 213—233.
- Medgyesi, P. 2015. Honfoglalók a békési tájakon. Békés megye jelentősebb 10—11. századi sírleletei. *Munkácsy Mihály Múzeum Évkönyve* III (40.) Szerk: Ando György. Békéscsaba.
- Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon*. Iss. 4. *IntCal20: Calibration Issue, August 2020*, 725—757.
- Łukasik, S. 2018. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrow 2—6 and 8. Poznań, 8 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

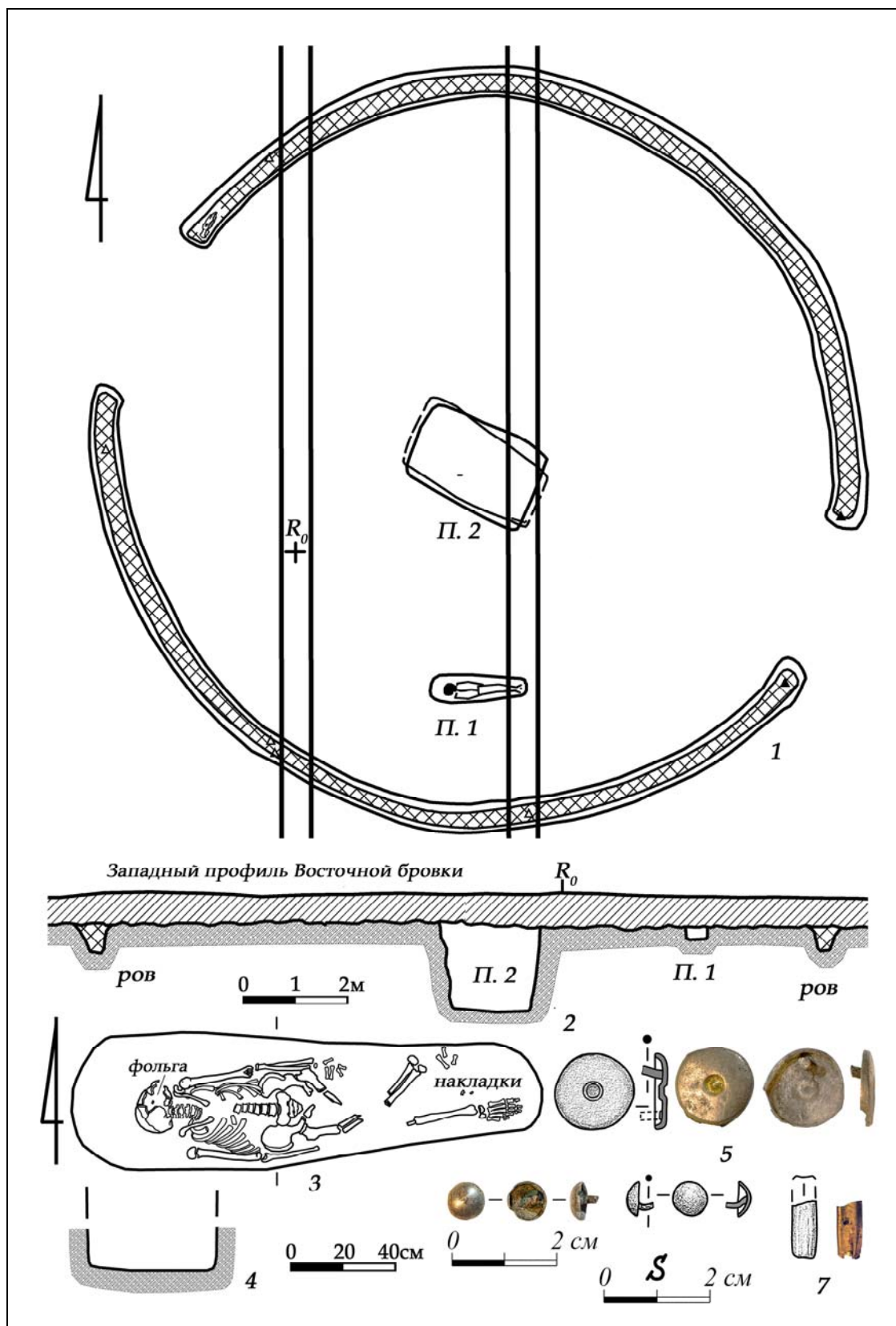
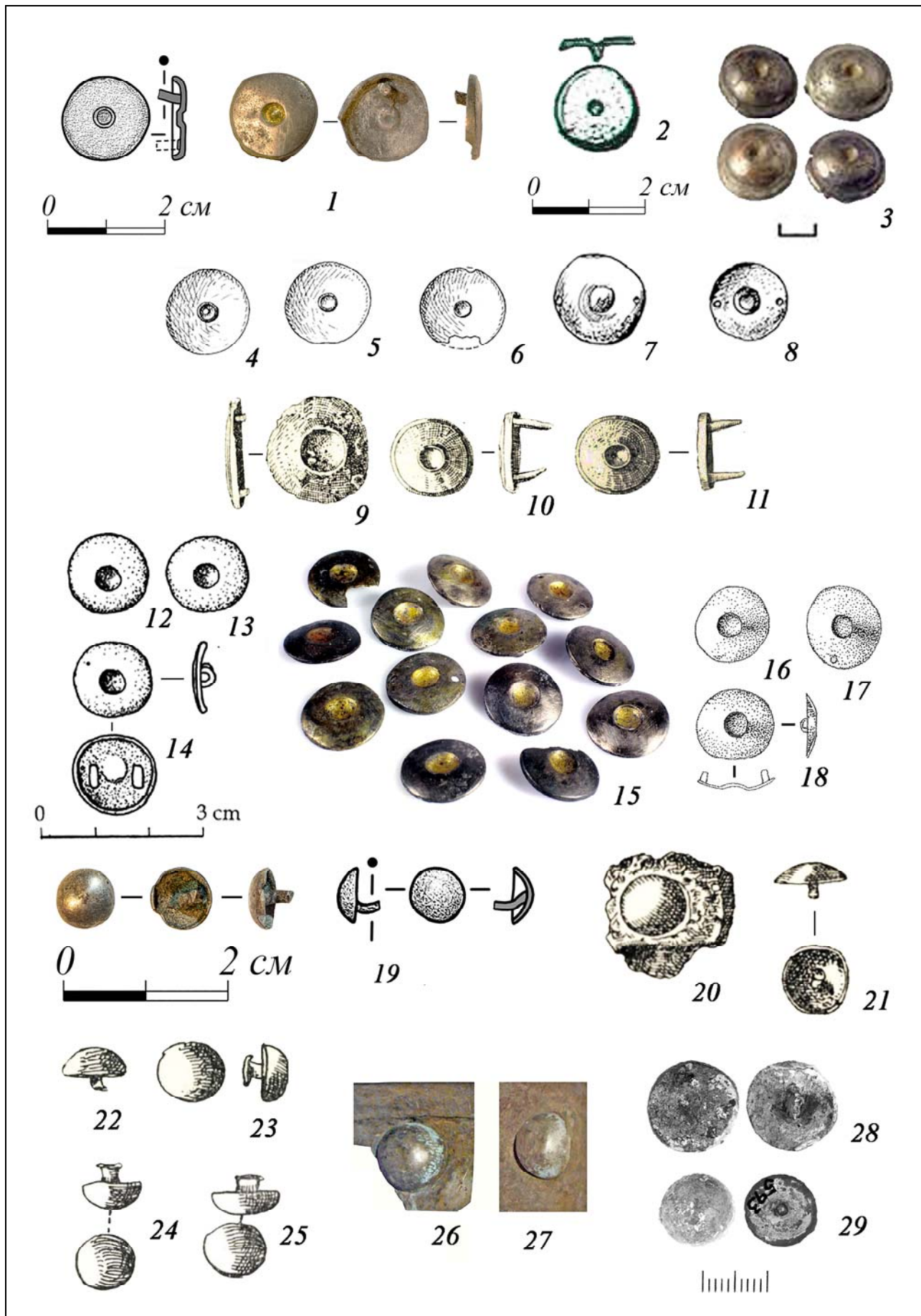

Рис. 1. План и профиль кургана 4 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (1, 2). Погребение 1 (3, 4) и его инвентарь (5—7).

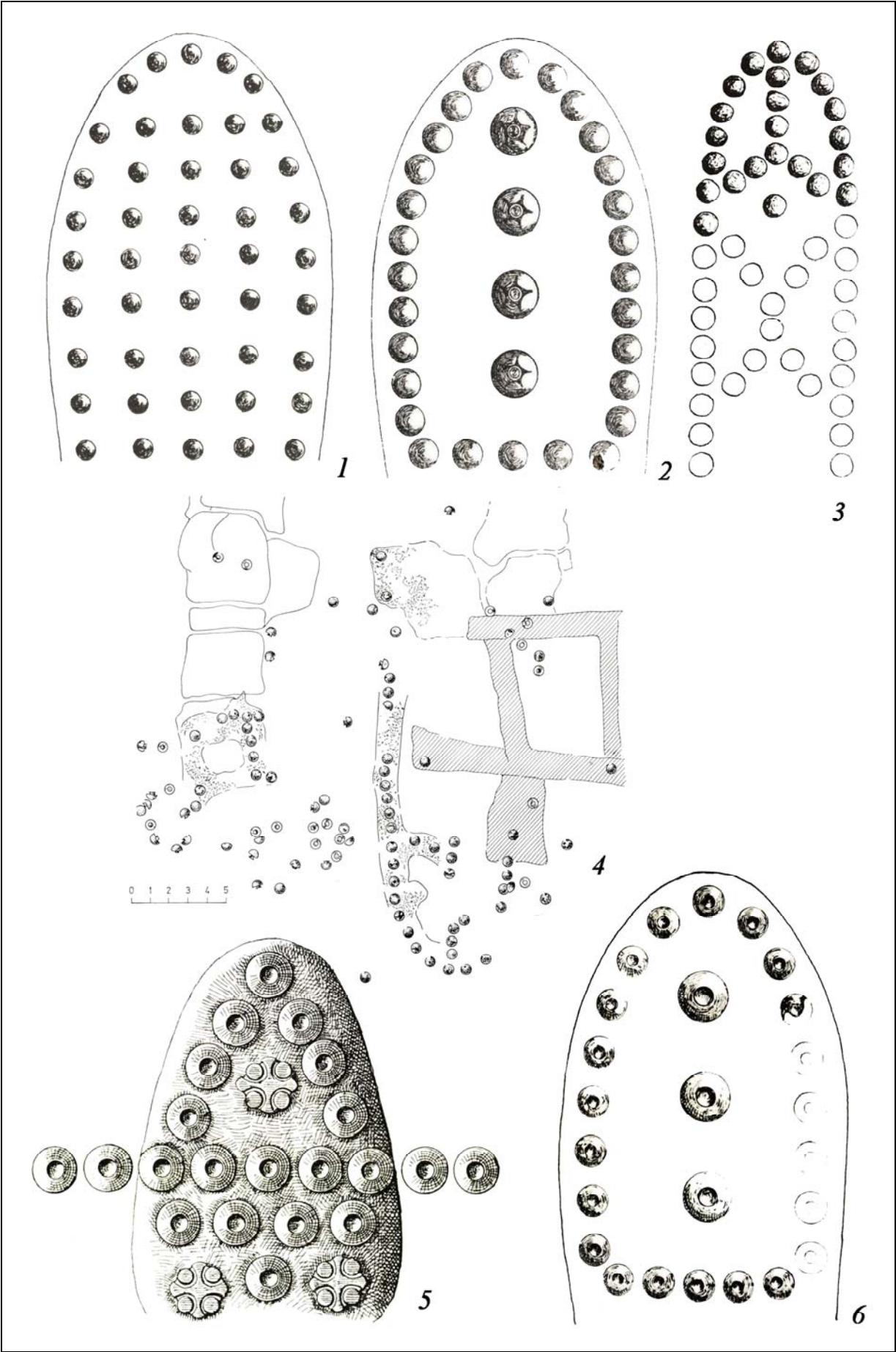
Fig. 1. The plan and profile of the barrow 4 of the “Sluiceway” (Vodovod) group near Glinoe village, Slobodzeya region, on the left bank of the Lower Dniester (1, 2). Grave 1 (3, 4) and its inventory (5—7).

Рис. 2. Дисковидные (1—18) и полусферические (19—29) бляшки—накладки из памятников IX—X вв.: 1 — Глиное/Водовод 4/1; 2 — тип IIIA (по Мурашева 2000: 29, рис. 32); 3 — Синеглазово (по Боталов 2012: 141, рис. 13: 5—20); 4—6 — Орадя—Салка (по Рябцева, Рабинович 2018: 447, рис. 6: 25, 27, 28); 7, 8 — Ханска (по Рябцева, Рабинович 2018: 436, 437, рис. 2: 68, 69); 9—11 — Либаломроль (по Csallány 1905: 38, kép. IV: 9—11); 12—14 — Шорокшар 1 (по Bencze, Szigeti 2010: 53, 54 67, kép. 3: 3); 15 — Вестё—Котпушта (по Medgyesi 2015: 166); 16—18 — Вёрш—Папкерт Б 690 (по Költő, Szentpéteri 2020: 51, kép. 12); 19 — Глиное/Водовод 4/1; 20, 21 — Бихар 5 (по Karácsonyi 1903: 407, ábra. 8: 4—6, 8); 22, 23 — Кенезлё 19; 24, 25 — Кенезлё 21 (по Jóna 1914: 332, 333, kép. XLII, XLIV); 26, 27 — Коробчино (по Комар 2020: 138, 139, рис. 2: 8—11); 28, 29 — Новосел (по Бонев, Дончева 2011: 123, 124, 290, табл. XLVIII: 527—529).

Fig. 2. Disc-shaped (1—18) and hemispherical (19—29) plaques from the sites of the 9th—10th cc.: 1 — Glinoe/Vodovod 4/1; 2 — type IIIA (after Мурашева 2000: 29, рис. 32); 3 — Sineglazovo (after Боталов 2012: 141, fig. 13: 5—20); 4—6 — Oradea—Salca (after Рябцева, Рабинович 2018: 447, рис. 6: 25, 27, 28); 7, 8 — Hansca (after Рябцева, Рабинович 2018: 436, 437, рис. 2: 68, 69); 9—11 — Libahalomról (after Csallány 1905: 38, kép. IV: 9—11); 12—14 — Soroksár 1 (after Bencze, Szigeti 2010: 53, 54 67, kép. 3: 3); 15 — Vésztő — Kótpusztá (after Medgyesi 2015: 166); 16—18 — Vörs—Papkert B 690 (after Költő, Szentpéteri 2020: 51, kép. 12); 19 — Glinoe/Vodovod 4/1; 20, 21 — Bihar 5 (after Karácsonyi 1903: 407, ábra. 8: 4—6, 8); 22, 23 — Kenezlyo 19; 24, 25 — Kenezlyo 21 (after Jóna 1914: 332, 333, kép. XLII, XLIV); 26, 27 — Korobchino (after Комар 2020: 138, 139, рис. 2: 8—11); 28, 29 — Novosel (after Бонев, Дончева 2011: 123, 124, 290, табл. XLVIII: 527—529).

Рис. 3. Полусферические (1—4) и дисковидные (5, 6) бляшки—накладки на женской обуви из ранневенгерских погребений IX—X вв.: 1 — Тисаеслар 3 (по Csallány 1970: 267—270, abb. 8, 10); 2 — Хенцида 5; 3 — Коронко—Бабота (по Csallány 1970: 291, 292, abb. 25, 26); 4 — Мадараш—Арвай—Флюр 4 (по Kőhegyi 1980: 214, 218, 221 abb. 9, 17: 11); 5 — Чонград—Вендельхалом 38; 6 — Кечкемет 115 (по Csallány 1970: 285, 286, abb. 19, 20).

Fig. 3. Hemispherical (1—4) and disc-shaped (5, 6) plaques on women's shoes from early Hungarian graves of the 9th—10th cc.: 1 — Tiszaeszlár 3 (after Csallány 1970: 267—270, abb. 8, 10); 2 — Hencida 5; 3 — Koroncó—Bábota (after Csallány 1970: 291, 292, abb. 25, 26); 4 — Madaras—Árvai—Flur 4 (after Kőhegyi 1980: 214, 218, 221 abb. 9, 17: 11); 5 — Csongrad—Vendelhalom 38; 6 — Kecskemét 115 (after Csallány 1970: 285, 286, abb. 19, 20).

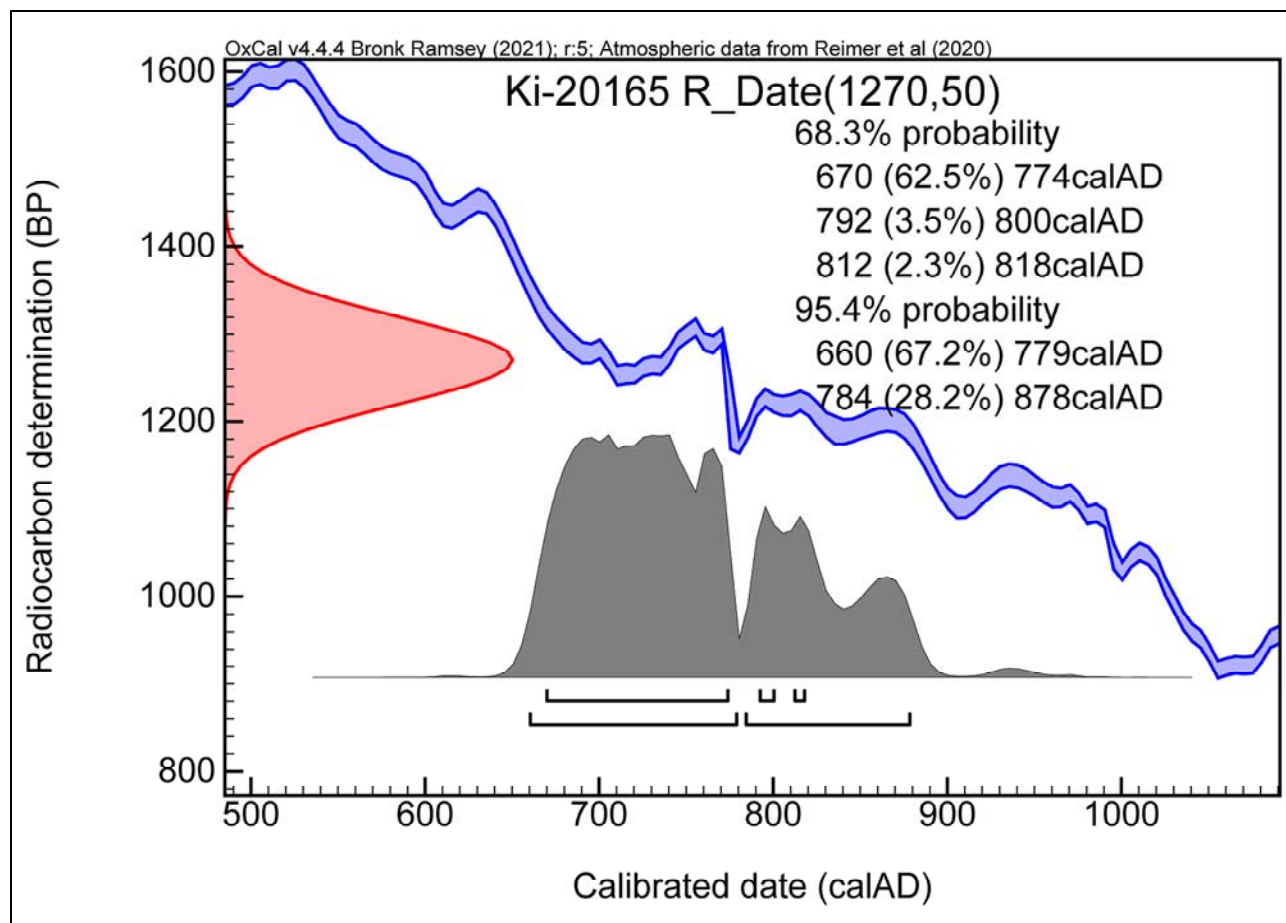

Рис. 4. Радиоуглеродная и калиброванная даты погребения Глиное/Водовод 4/1.

Fig. 4. Radiocarbon and calibrated dates for the grave Glinoe/Vodovod 4/1.

УДК 904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.33.13.017

М.С. Гаджиев, А.Л. Будаичев, А.М. Абдулаев, Р.Х. Мамаев

НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ—ШЕСТОПЕРА ИЗ ДЕРБЕНТА *

В статье рассматривается железное навершие булавы—шестопера, обнаруженного в ходе археологических исследований в Дербенте. Находка была выявлена на территории новооткрытого мусульманского могильника, датируемого последней третью XI—XII вв. и включающего более 80 каменных саркофагообразных надмогильных памятников. Появление таких погребальных памятников в Дербенте и других местах Дагестана связывается с пребыванием здесь сельджукских воинских контингентов. Обстоятельства обнаружения навершия шестопера указывают на то, что шестопер специально был подложен под плиту ограды обособленного погребального комплекса, который объединял четыре саркофагообразных надмогильных памятника. Авторы приводят аналоги, определяют датировку шестопера и его значение как статусного предмета вооружения. Найденный шестопер мог принадлежать погребенному здесь одному из командиров сельджукского воинского гарнизона, упомянутых в списке «Мучеников Баб ал-абваба» и похороненных на кладбищах Дербента.

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, Баб ал-абваб, сельджуки, булава, шестопер, погребальный комплекс.

Сведения об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович¹, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Будаичев Арсен Лахманович², Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Абдулаев Абдула Магомедович³, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Мамаев Рашид Хамидович⁴, Чеченский государственный университет.

Контактная информация: ^{1,2,3}367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: ¹murgadj@rambler.ru; ²arseneihae@yandex.ru; ³realhigh87@mail.ru; ⁴364024, Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова 32, Чеченский государственный университет; e-mail: borz85@list.ru.

M.S. Gadjiyev, A.L. Budaychiev, A.M. Abdulaev, R.H. Mamaev

HEAD OF MACE-SHESHPER FROM DERBENT

The article examines the iron head of the mace-*sheshper* found during archaeological research in Derbent. The find was made on the territory of a newly discovered Muslim burial ground dating from the last third of the 11th — 12th centuries and including more than 80 stone sarcophagus-shaped burial monuments. The appearance of such tombstones in Derbent and other places of Daghestan is associated with the stay of the Seljuk military contingents here. The circumstances of the discovery of the head of *sheshper* indicate that it was specially laid under the fence plate of a separate funeral complex, which included four sarcophagus-shaped tombstones. The authors point to the analogous finds, determine the dating of the *sheshper* and its value as a status weapon and fix the status of this type of maces in Seljuk Empire. The found mace could belong to one of the commanders

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07002 «История развития военного дела народов Северного Кавказа в эпоху средневековья (VIII—XIV вв.): комплексное исследование предметов вооружения».

Статья поступила в номер 18 апреля 2021 г.

Принята к печати 10 мая 2021 г.

of the Seljuk military garrison which are mentioned in the list of “Martyrs of Bab al-Abwab” and were buried in the cemeteries of Derbent.

Key words: Dagestan, Derbent, Bab al-abwab, Seljuks, mace, sheshper, funeral complex.

About the authors: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich¹, Dr. habil. (History), Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Budaychiev Arsen Lakhmanovich², Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Abdulaev Abdula Magomedovich³, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Mamaev Rashid Hamidovich⁴, Chechen State University.

Contact information: ^{1,2,3}367030, Russia, Makhachkala, M. Yaragsky st. 75, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: ¹murgadj@rambler.ru; ²arseneihae@yandex.ru; ³realhigh87@mail.ru; ⁴364024, Russia, Grozny, A. Sheripov st. 13, Chechen State University; email: borz85@list.ru.

Находки предметов вооружения в средневековых, домонгольского и золотоордынского периодов, культурных напластованиях Дербента немногочисленны. Они представлены несколькими железными наконечниками стрел различных типов, двумя втоками копий, а также бронзовыми бутеролью и шаровидной гирькой с выпуклостями кистеня, бронзовым перекрестием кинжала и недавно найденным железным навершием шестопёра. О последнем и пойдет ниже речь. Уникальность этой находки определяется ее соотношением с определенным, хорошо датированным археологическим комплексом и исходящими из этого выводами.

Археологический контекст обнаружения навершия шестопера

Зимой—весной 2020 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН проводила археологические наблюдения в рамках мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия федерального значения — достопримечательное место «Цитадель и исторический город в крепостных стенах Дербента» — на территории городского парка им. Низами Гянджеви, расположенного за северной городской оборонительной стеной средневекового города, рядом с ней, на участке между башнями № 46—50. В ходе проведенных работ был выявлен средневековый мусульманский могильник, представляющий обособленный участок некогда обширного средневекового городского некрополя, раскинувшегося за пределами архитектурного выделенного шахристана (рис. 1).

На расстоянии 70—130 м к СЗ от башни 47 северной городской стены города на площади 1500 кв. м (60 × 25 м) был выявлен и расчищен 81 средневековый мусульманский каменный надмогильный саркофагообразный (сундукообразный) памятник, которые условно именуются «саркофаги» (№ 1—81) (рис. 2). Саркофагообразные надмогильные памятники, изготовленные из цельных камней местного ракушечника, состоят из верхней части — так называемого корпуса, и нижних боковых выступов — полы саркофага. Они подразделяются по форме корпуса (с полукруглым, стрельчатым, прямоугольным поперечным сечением, полые и сплошные), размерам (от 0,7 до 2,5 м в длину) и иным, в том числе декоративным, элементам на несколько типов и подтипов.

Все обнаруженные саркофаги лежали *in situ*, некоторые из них были немного потревожены, наклонены, имели старые повреждения. Все они длинной осью были ориентированы в западный сектор и имели преимущественно ориентацию по линии СВВ—

ЮЗЗ в соответствии с мусульманской нормой ориентировки погребальных памятников. Нахождение данных массивных надмогильных памятников *in situ* указывает на нахождение под ними погребений, имеющих такое же широтное направление. Собственно расположенные под ними погребения не вскрывались в соответствии с разрешительным документом и по просьбе мусульманского духовенства города, но, судя по нашим наблюдениям, захоронения под выявленными надмогильными памятниками представляют погребения в ящиках-цистах, сложенных из крупных, хорошо обработанных каменных плит (2—4 продольных и 2 поперечных).

Большинство саркофагов были сконцентрированы в несколько обособленных территориальных групп, в том числе выделенных каменными оградками и, возможно, представляющими фамильные (родовые) или социально статусные участки.

Обособленная группа № 1 представляла огороженный вертикально поставленными, хорошо обработанными крупными плитами прямоугольный участок с внутренними размерами около 4,7 × 8,3 м, ориентированный длинной осью по линии СВВ—ЮЗЗ (рис. 3). В площади участка были обнаружены и зачищены четыре саркофагообразных надмогильных камня (саркофаги № 1—4), имеющих ту же ориентировку СВВ—ЮЗЗ (рис. 4, 5). Они представляют различные типы крупных саркофагов длиной 200—215 см, общей (с учетом ширины полы) шириной 65—74 см, общей (с учетом толщины полы) высотой 49—55 см. Три саркофага имеют дополнительные религиозно-декоративные детали, расположенные на верху корпуса у его обоих концов (рис. 6): у саркофага № 1 (рис. 7) — это углубленная сплошная (нелинейная) равносторонняя восьмиконечная звезда «в изголовье» и подквадратное углубление «в ногах»; у саркофага № 2 (рис. 8) — аналогичные две звезды у обоих концов; у саркофага № 3 (рис. 9) — по два парных углубленных сплошных прямоугольника на концах корпуса, а также врезное условное изображение мечети (?) на западной торцевой стороне корпуса. Еще один саркофаг (№ 4) имеет обычную сильно сжатую стрельчатую, почти полуцилиндрическую форму.

Наконец, в западной половине этого огороженного участка *in situ* располагались две массивные каменные прямоугольные плиты с пазами (рис. 3—5), плотно прилегающие друг к другу и образующие своеобразную платформу-постамент с «нишей» в центре — вырезанные пазы на их обращенных друг к другу продольных сторонах образовывали «просвет» прямоугольной формы. Очевидно, что некогда на этой возвышенной платформе был установлен еще один саркофаг, который до нас не дошел.

В ходе зачистки восточной стенки ограды непосредственно под подошвой угловой плиты с внутренней стороны на уровне, соответствующем подошве близ расположенных саркофагов № 1, 2 и близком к древней дневной поверхности, было найдено лежавшее *in situ* железное навершие шестопера (рис. 10). Оно покоилось чуть наклонно, было обращено отверстием втулки наружу, а верхом — под плиту. Обстоятельства нахождения и местоположение, отсутствие деформации данного участка стенки оградки и смещения плиты, под которой было найдено навершие, положение находки свидетельствуют о том, что шестопер специально был подложен под плиту, а не случайно утерян и т.п. Обращает внимание также то, что навершие было подложено под плиту, очевидно, без древка-рукояти — никаких остатков дерева (пропитанного окислами железа или в виде трухи, как это обычно наблюдается) внутри железной втулки обнаружено не было.

Описание находки, аналоги

Железное навершие шестопера (рис. 11, 12) имеет тулово-втулку цилиндрической формы на протяжении большей части своей длины, и только выше верхнего края лопастей-перьев навершие переходит в колоколовидную форму и увенчано небольшой шишечкой. Шесть узких высоких (длиной около 60 мм, шириной в основании до 8 мм и высотой по центру до 14 мм), равномерно размещенных вертикальных лопастей, имеющих полуовальную форму, расположены под небольшим углом, почти радиально относительно центральной оси палицы. Общая высота навершия — 12,0 см, ширина боевой части — 5,6 см, диаметр втулки внешний — 2,9 см, диаметр втулки внутренний — 2,3 см, глубина конической формы втулки — 5,8 см. Отверстие на втулке для устойчивого закрепления рукояти с помощью штифта/гвоздя отсутствует. Нижняя кромка втулки частично обломана. Края заостренных лопастей повреждены коррозией, одна из лопастей имеет небольшой облом; край еще одной лопасти слегка согнут, что, вероятно, свидетельствует об использовании предмета по назначению.

Как известно, шестоперы в средневековые получили достаточно широкое распространение в Евразии; им и в целом характеристике различных типов ударно-дробящего оружия (палиц, булав, перначей и т.д.) посвящена довольно обширная литература отечественных и зарубежных исследователей. На Северном Кавказе известно уже более десятка находок наверший шестоперов и типологически близких им перначей (см., напр.: Чахкиев 1986: 8; 2019: 96—98; Нарожный, Чахкиев 2003: 127, 129—130, 145, рис. 3; Горелик 2017: 279, 288, рис. 6: 19; Дружинина 2017: 96—104; Дружинина, Чхаидзе 2013: 74—81; 2020: 212—225), что может указывать на их относительную распространенность в регионе в средневековый период.

Точной аналогии шестоперу из Дербента мы не обнаружили, но типологически близкие ему (по форме и деталям корпуса, форме лопастей-перьев) представлены как среди находок на территории Кавказа (Грузия, Северный Кавказ), так и за его пределами (Балканы, Русь). При этом, как представляется, наиболее важной деталью при сравнительно-типологическом анализе наконечников шестоперов выступают форма и параметры корпуса и лопастей (в нашем случае овальная). Наиболее близким представляется шестопер из Стара Загоры (Болгария), который имеет относительно длинную втулку, колоколовидный верх с шишечкой-кнопкой и, что особенно важно, невысокие овальной формы лопасти (Nicolle 1988: 8, fig. K; D'Amato 2011: 29, fig. 20; Bakradze 2016: 207—210, fig. 2, 3; Tsurtsumia 2018: 99, fig. 1: 3, 4)¹. Ему почти идентичен шестопер из Грузии, отличающийся прямоугольной формой лопастей (Bakradze 2016: 207—208, fig. 1; Tsurtsumia 2018: 99, fig. 1: 1). Старозагорскому и дербентскому экземплярам очень близок другой шестопер с Балкан, который отличается тем, что верх навершия представляет заостренный конус наподобие шишака (D'Amato 2011: 42—43, fig. 28: 3; Bakradze 2016: 210—211, fig. 4; Tsurtsumia 2018: 99, fig. 1: 4). Близок по форме шестопер из раскопок Пронского городища (Рязанская область), который тоже имеет колоколовидное навершие с шишечкой, но отличается тем, что у него подтреугольной формы лопасти и изготовлен он из бронзы (Монгайт 1961: 208—210, рис. 89: 7; Кирпичников, Медведев 1985: 341, табл. 129: 12).

Из кавказских аналогов укажем на шестопер из святилища Реком (Северная Осетия), который имеет подобной формы ударные лопасти, но у него отсутствует колоколовидное

¹ В публикации И. Бакрадзе в подписи к фотографии навершия шестопера из Стара Загоры ошибочно указано, что оно происходит из Долиште (Болгария) — путаница возникла из-за воспроизведения фотографии и прорисовки одного и того же предмета, принятого за разные (Bakradze 2016: 207—210, fig. 2, 3).

навершие (Дружинина, Чхаидзе 2013: 77—79, рис. 2), а также — на экземпляр из Ангелинского Ерика (Кубань) с колоколовидным навершием с шишечкой и плохо сохранившимися, вероятно, овальными лопастями (Волков, 2005: 351, 376, рис. 6: 1; Горелик 2008: рис. 6: 19).

В ряду изобразительных источников, к которым обращаются исследователи при изучении булав, перначей, укажем на фреску позднего XIV в. в монастыре Дискури в Милопотамосе (Крит) с изображением трех конных святых воинов-великомучеников, у одного из которых (св. Димитрий) изображен шестопер с навершием, близким дербентскому и ему подобным образцам (D'Amato 2011: 9, 22, fig. 2).

Датировка

Упомянутые выше шестоперы и подобные им образцы исследователи датируют в диапазоне XIII—XV вв., уже — XIV—XV вв. и связывают их появление на Балканах, Кавказе, в Западной и Восточной Европе с византийским, золотоордынским, хулагуидским, иранским влиянием (см. упомянутые и др. публикации). Так, например, Д. Николл полагает, что европейские булавы-перначи и шестоперы (the flanged maces, the winged maces) имели прототипом византийские или исламские (созданные в Иране) образцы (Nicolle 1999: 222). Р. Д'Амато, вслед за Д. Николлом, также связывал появление их в XIII в. сначала в Восточной Европе, а затем в Западной Европе с восточным влиянием — византийским или исламским (иранским) (D'Amato 2011: 29).

Дербентская находка позволяет несколько иначе взглянуть на вопрос путей и времени появления шестоперов на Кавказе. Р. Д'Амато (D'Amato 2011: 27) обратил внимание на описание наверший булав (араб. 'amūd, dabbūs), изготовленных для султана Салах ад-дина (1138—1193), которое приводит Мурда (Марди) ибн Али ат-Тарсуси (XII в.) в своей *Табсира* (полное название: *Табсират арбаби ал-альбаб фи кайфийати ан-наджат фи ал-хуруб мин ал-асва* — «Разъяснение обладателям разума способа избежания неприятностей в сражениях»), написанной около 1187 г.: он кроме собственно булавы со сферическим навершием и железными коваными шипами, называет и пернач, имеющий, по его описанию, форму огурца с саблевидными отростками—лопастями (al-Tarsusi 1847—1948: 139; см. также: al-Tarsusi 1968). Это свидетельство допускает датировку шестоперов XII в., возможно, даже концом XI веком, т.е. сельджукским периодом.

Описанные выше обстоятельства и археологический контекст обнаружения шестопера в Дербенте позволяет относительно синхронизировать эту находку с погребальным комплексом, на территории которого она была обнаружена.

Представленные саркофагообразные надмогильные памятники, получившие распространение в южной части Дагестана — в Дербенте и его округе, в исторических областях Табасаран, Хайдак (Кайтаг) и Лакз — датируются последней третью XI—XII вв., связываются с военно-религиозной экспансией сельджуков на Восточном Кавказе и фиксируют места размещения сельджукских военных гарнизонов (Гаджиев 2018: 10—22). Хронологическим репером, помимо косвенных оснований (арабские куфические надписи, выполненные почерком куфи, в т.ч. цветущим куфи, и иные доводы), для датировки этих памятников служит эпитафия на аналогичном надмогильном камне, установленном, как гласит куфическая надпись на нем, на могиле Махмуда б. Аби-л-Хасана, «сына убитого за веру» в 469 г.х. / 1076—1077 г. (Лавров 1966: 61, 266, табл. II: 10—10г; Шихсаидов 1984: 15—20). Этот камень вместе с несколькими подобными установлен на южном кладбище Дербента, на участке, издавна известном у местного населения под названием Джум-джум

(имя могущественного мифического царя), с которым связываются легендарные известия, записанные еще Адамом Олеарием (Олеарий 1906: 413—414).

Ранее в Дербенте насчитывались сотни, если не тысячи, подобных саркофагообразных надмогильных памятников. Они изображены на известной гравюре 1638 г. с видом Дербента Адама Олеария (рис. 1), побывавшего в городе и записавшего в своем дневнике: «По сю сторону Дербента мы застали чрезвычайно много надгробных и могильных плит; их было несколько тысяч штук; они были длиною более человеческого роста, закруглены вроде полуцилиндра и выдолблены, так что можно было лежать в них; на них были высечены арабские и сирийские письма. Об этих могилах жители рассказывали следующую историю. Жил будто бы в древние времена, однако уже после Магомета, в Индии царь по имени Кассан, по происхождению из нации “окус”, живущей за Эльбурсом в Табессеране, где теперь много живет иудеев. У него была ожесточенная битва с дагестанскими татарами, которых они зовут лезги, в этом самом месте. Он победил их, убив несколько тысяч человек; могилы наиболее знаменитых из убитых он велел выложить могильными плитами такого рода и такой формы, как показано на прилагаемом рисунке. Среди других мест погребения еще особое, окруженное стеной, находилось в сторону моря. Здесь лежали рядом сорок подобных длинных огромных надгробных плит и были водружены многие флаги. Персы называют это место погребения джалтенан, а турки и татары — керхлер. Здесь, как говорят, погребены 40 князей, святых мужей, погибших в той же битве; персы и татары ежедневно приходят сюда молиться» (Олеарий 1906: 414). Позднее эти сведения повторил Ян Стрейс (Стрейс 1935: 236), посетивший Дербент в 1671 г.

На почитаемой мусульманской святыне Дербента — кладбище *Кырхляр* (в пер. с тюрк.: «Сороковник»; перс. *Чэхэл танан*) — за северной городской оборонительной стеной, недалеко от ворот Кырхляр-капы (в пер. с тюрк. «Ворота сорока [мучеников]»; араб. *Баб ал-джихад* — «Ворота священной войны»), расположено 43 саркофагообразных памятника (длиной 1,80—3,25 м, ширина 0,5—1,0 м, высота 0,5—0,9 м), на некоторых из них ранее были видимы ныне полностью стершиеся арабские тексты в стиле цветущего куфи (Шихсаидов 1984: 124—127; Аликберов 2014: 370—391). Имена погребенных на этом и других (!) кладбищах Дербента фигурируют в числе 50 мучеников Дербента в петербургском списке «Дербенд-наме» в приложении, озаглавленном *Баб ал-абваб Шухедалери* — «Мученики (*шахиды*) Баб ал-абваба» (Derbend-Nameh 1851: 152—154). А.Р. Шихсаидов обратил внимание на то обстоятельство, что почти все поименно названные мученики-*шахиды* (47 из 50) носят тюркский титул *султан*, а многие из перечисленных — тюркские имена (Чумчех, Туфан, Гут-хан, Геййум, Хечем, Хар-кеш, Кутчек, Деде и др.), и связал появление этого титула и сам некрополь с сельджуками (Шихсаидов 1969: 146—148; 1984: 126—127, 387—388). А.К. Аликберов поддержал это мнение и интерпретировал кладбище Кырхляр как место погребения «предводителей отрядов *газиев*, иначе говоря, местных *сар-лаишкар*ов, которых в сельджукскую эпоху почетно титуловали *султанами*» — как известно в последней трети XI в. при сельджукских наместниках Йагме и Сау-Тегине, Дербент стал военно-политическим аванпостом Сельджукской империи на Кавказе (Аликберов 2003: 484; 2014: 385—386)². Недавно М.С. Гаджиев развил это мнение (Гаджиев 2018: 10—22).

² Не исключая сопоставление наименования кладбища *Кырхляр* (Сороковник) с 40 севадийскими мучениками восточнохристианской традиции (Аликберов 2014: 383—384), обратим внимание на вероятную связь этого названия с воинской организацией сельджуков — известно, что у сельджукских султанов и эмиров имела личная дружина, состоявшая из 40 отборных конных воинов (Гусейнов 1967: 136). Интересно, что близ крупного кладбища Ахлат XII—XVI вв. (Турция, провинция — *иль* Битлис) (Karamağaralı 1992), в одноименном городе (арм. Хлат), являвшимся в сельджукский период важным военно-политическим центром и столицей

Приведенные данные позволяют отнести выявленный могильник, представляющий собой участок обширного средневекового мусульманского некрополя Дербента, к последней трети XI—XII вв. — ко времени господства сельджуков в Дербенте и на Восточном Кавказе. Учитывая сообщения Себасти (XIII в.) о нахождении в Дербенте «войска турок» во время вторжения монгол под предводительством Джебэ и Субудая в 1220 г. (Армянские источники 1962: 23) и анонимной персидской хроники «Чудеса мира» (*Аджаиб ад-дунья*) о нахождении в это время укреплений Дербента в руках мусульман и турок, верхнюю дату саркофагообразных памятников можно поднять до первой трети XIII в. Соответственно этой дате, в пределах последней трети XI — первой трети XIII в., а если узко, то XII веком, следует датировать и обнаруженное навершие шестопера, которое предстает на сегодня самым ранним экземпляром этого вида боевого оружия на Кавказе.

Не исключено, что появление шестопера, как особого вида ударного оружия, связано с сельджукской военной организацией³, с развитием военного дела и вооружения в государстве Сельджуков. Но учитывая то, что турецкое название шестопера (*şesper*) происходит из персидского (*šešpar*, *gorz-e šešpar* — «палица/булава с шестью перьями/крыльями»), можно предполагать иранское происхождение этого вида оружия⁴, принимая во внимание также то, что армия Сельджуков состояла не только из легко вооруженной огузской конницы: знаменитый визирь великих Сельджуков Низам ал-Мульк (1019—1092) указывал на необходимость комплектования постоянного войска из различных народов — дейлемитов, хорасанцев и др. (Низам ал-Мульк 1949: 109). Только на пятый год такой *гулям*, проявивший себя службе, мог рассчитывать на получение «лучшего седла, узды со звездами, *каба*⁵ из *дараи*⁶ и булавы (здесь и далее выделено нами — авт.), которую он вешал на кольцо. На шестой год он получал одежду *анван*⁷, на седьмой — палатку с одной верхушкой и шестнадцатью клиньями, в свой отряд он получал трех *гулямов*, его именовали *висак-баши*, он надевал черный войлочный головной убор, расшитый серебром, и гянджийскую *каба*. С каждым годом увеличивали почтение, украшение, отряд, чины, пока он не становился *хейль-баши*, затем — *хаджибом*» (Низам ал-Мульк 1949: 111).

Статусность шестопера

В приведенном пространном пассаже из *Сиасет-наме* («Книга о правлении») Низам ал-Мулька наглядно продемонстрировано значение булавы, как статусного оружия, демонстрирующего заработанный годами службы авторитет и положение конного воина в армейской иерархии. Исследователи уже многократно указывали на социальную статусность булав, выполнявших роль символа определенной (государственной, административной, военной) власти, являвшихся предметом вооружения определенной категории воинов, занимавших в структуре войска командующие позиции. И, очевидно, что материал, художественное оформление, декор этого социального символа, знакового церемониального

эмирата Ахлатшахов (Шах-Арменидов, 1100—1207 гг.), имеется квартал (деревня) Киркляр (*Kirkklar mahalles*) с одноименными мечетью (*Kirkklar Cami*) и кладбищем (*Kirkklar Mezarlik*).

³ О военной организации сельджукской армии (Гусейнов 1967: 131—147; Запорожец 2011: 148—153).

⁴ Русские *шестопёр* и *пернат* о *шести перах* (Даль 1955: 631; Словарь 1988: 308), вероятно, представляют кальку с указанных персидских названий.

⁵ *Каба* (араб.) — халат, верхняя рубаха.

⁶ *Дараи* (перс.) — плотная шелковая ткань.

⁷ *Анван* — неопределенный, но, очевидно, более представительный и дорогой вид шелковой одежды. По данным других списков *Сиасет-наме*, на шестой год гулям получал чин кравчего, в знак чего ему вручался кубок, который он носил на поясе (Низам ал-Мульк 1949: 326—327, прим. 186; Nizām al-Mulk 1960: 107).

и утилитарного, в некоторой степени элитарного, оружия отражали общественный статус его обладателя, приданные ему социальные полномочия.

Рассматриваемый экземпляр булавы—шестопера из Дербента — это не представительный церемониальный предмет, а боевое оружие и командирский жезл, вероятно, использовавшийся по своему прямому назначению. Он не имеет декоративно-художественной отделки и, тем не менее, это не отвергает его статусность, былую принадлежность его какому-то военачальнику определенного ранга. В нашем случае место находки железного навершия шестопера, как представляется, согласуется с наблюдениями исследователей о социально значимом характере этого вида вооружения.

Как отмечалось выше, навершие было обнаружено в пределах обособленной группы захоронений, окруженных прямоугольной оградой из хорошо отесанных крупных каменных плит. В пределах этого участка располагается и специальный постамент из крупных хорошо обработанных плит для установки саркофага. Обращает внимание, что три из четырех представленных на этом участке саркофагообразных надмогильных памятников, как на то обращалось внимание, выделяются своим оформлением среди всех остальных саркофагов данного могильника: на верху их корпусов расположены резные религиозно-декоративные элементы. В двух случаях (саркофаги № 1, 2) — это восьмиконечная звезда (араб. *rub' al-hizb, najmat al-Quds*) — известный мусульманский символ, именуемый иногда «исламская звезда», но более известный в литературе под названием «сельджукская звезда» (тур. *Selçuklu Yıldızı*), который получил распространение в Сельджукской империи в архитектурном декоре и декоративно-прикладном искусстве (художественная керамика, металл) в различных вариациях. Этот факт, очевидно, служит и дополнительным доводом в пользу историко-культурной и этнокультурной связи данного типа надмогильных памятников с сельджуцким миром.

Наличие отдельной, огороженной территории, специфически декорированных «саркофагов», особой каменной платформы-подиума для установки «саркофага» позволяют рассматривать данный участок могильника, как специально выделенное мемориальное место, где были захоронены представители одной социальной группы (члены одной фамилии, представители воинского сословия), занимавшей неординарное положение в социальной иерархии средневекового города. На это может указывать и находка в пределах данного участка престижного оружия. В свою очередь, и социально-репутационный характер этого погребального комплекса подчеркивает значение обнаруженного предмета вооружения, как социально статусного символа. Можно только предполагать, что найденный шестопер мог принадлежать погребенному здесь одному из упомянутых в списке «Мучеников Баб ал-абваба» командиров сельджукского воинского гарнизона, расквартированного в Дербенте.

В завершении отметим, что пока остается необъясненной связь находки навершия шестопера с погребальной обрядностью данного мусульманского комплекса. Конечно, можно предложить различные версии, но они на данный момент будут умозрительны. Например, может быть, мы имеем дело с отголоском доисламской огузской погребальной обрядности, и статусный предмет был помещен не в могилу (что запрещено мусульманскими погребальными нормами), а вблизи от нее, в укромном месте под плитой ограды. Возможно, в будущем и эта деталь найдет свое более веское толкование.

Литература

- Аликберов А.К. 2003. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.)*. Москва: Восточная литература.
- Аликберов А.К. 2014. Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру». В: Седов А.В. (сост., отв. ред.). *Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского*. Москва: Государственный музей Востока, 370—391.
- Армянские источники: Галстян А.Г. (пер., пред. и прим.). 1962. *Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII—XIV вв.* Москва: Восточная литература.
- Волков И.В. 2005. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение). *Материалы и исследования по археологии Кубани* 5, 348—379.
- Гаджиев М.С. 2018. Поселение Пирмешки и его некрополь. *История, археология и этнография Кавказа* 14.2, 10—22.
- Горелик М.В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным). *Археология евразийских степей* 5, 274—296.
- Горелик М.В. 2017. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным). *Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБ НЦ РАН* 15, 158—189.
- Гусейнов Р.А. 1967. Сельджукская военная организация. *Палестинский сборник* 17(80), 131—147.
- Даль В.В. 1955. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дружинина И.А. 2017. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.). *Археология евразийских степей* 5, 96—104.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2013. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком. В: Козенкова В.И. (отв. ред.). *Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова*. Москва: Таус, 74—81.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2020. Шестопер их аланского святилища Реком. В: Рукавишников И.В., Радюш О.А. (отв. ред.). *Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potencia ad actum. Ad honores. Сборник, посвященный Д.В. Рукавишникову*. Москва: ИА РАН, 212—225.
- Запорожец В.М. 2011. *Сельджуки*. Москва: Воениздат.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение. В: Колчин Б.А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Москва: Наука (Археология СССР. Т. 15).
- Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 1. *Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения*. Москва: Наука.
- Миклухо-Маклай Н.Д. 1954. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. *УЗ ИВАН СССР* IX, 175—219.
- Монгайт А.Л. 1961. *Рязанская земля*. Москва: АН СССР.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII—XV вв.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 2, 126—153.
- Низам ал-Мульк 1949: Заходер Б.Н. (пер., прим.). 1949. *Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Олеарий А. 1906. В: Ловягин А.М. (пер., комм.). *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*. Санкт-Петербург: А.М. Суворин.
- Словарь 1988: Шмелев Д.Н. (ред.). 1988. *Словарь русского языка XI—XVII вв*. Вып. 14. *Отрава — Персона*. Москва: Наука.
- Стрейс Я. 1935. В: Бородин Э. (пер.), Морозова А. (ред.). 1935. *Три путешествия*. Москва: ОГИЗ; СОЦЭГИЗ.
- Чахкиев Д.Ю. 1986. *Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII—XVIII вв.)*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Чахкиев Д.Ю. 2019. *Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII—XVIII вв.)*. Магас: Южный издательский дом.
- Шихсаидов А.Р. 1969. *Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.)*. Махачкала: Типография Дагестанского ФАН СССР.

- Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.
- Al-Tarsusi. 1947—1948. Tabsira. In: Cahen C. (ed.). Une traité d'armurerie composé pour Saladin. *Bulletin d'Études Orientales* 12, 103—163.
- Al-Tarsusi. 1968. Tabsira. In: Boudot-Lamotte A. *Contribution à l'étude de l'archerie musulmane. Principalement d'après le manuscrit d'Oxford Bodléienne Huntington*. No. 264. Damascus: Institut Français de Damas.
- D'Amato R. 2011. Σιδηροράβδιον, βαρδούκιον, ματζούκιον, κορόνη: The war-mace of Byzantium, the 9—15 c. AD. New evidences from the Balkans in the collection of the World Museum of Man, Florida. *Acta Militaria Mediaevalia* VII, 7—48.
- Bakradze I. 2016. A Rare Type of Flanged Mace in the Collection of The Georgian National Museum in Tbilisi. *Acta Militaria Mediaevalia* XII, 207—216.
- Derbend-Nameh 1851: Kazem-Beg A. (transl.). 1851. *Derbend-Nameh or the History of Derbend*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Karamağaralı B. 1992. *Ahlat Mezartaşları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- Nicolle D. 1988. *Hungary and the fall of Eastern Europe, 1000—1568*. London: Osprey Publishing.
- Nicolle D. 1999. *Arms and armour of the Crusading Era, 1050—1350: Islam, Eastern Europe and Asia*, London: Greenhill Books.
- Nizām al-Mulk 1960. In: Hubert D.H. (transl.). *The Book of Government or Rules for Kings. The Siyāsat-nāma or Siyar al Mulūk of Nizām al-Mulk*. New Haven: Yale University Press.
- Tsursumia M. 2018. The Mace in Medieval Georgia. *Acta Militaria Mediaevalia* XIV, 87—114.

References

- Alikberov, A.K. 2003. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiiskaya entsiklopediya "Raikhan al-khaka'ik" (XI—XII vv.) (The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'ik", 11th — 12th cc.)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Alikberov, A.K. 2014. In Sedov, A.V. (ed.). *Issledovaniya po Aravii i islamu: Sbornik statei v chest' 70-letiyakh Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo (Researches on Arabia and Islam: The collection of articles in honor of Mikhail Borisovich Piotrovsky's 70th Anniversary)*. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka, 370—391 (in Russian).
- Armyanskiye istochniki: Galstyan, A.G. (transl., prev., comm.). 1962. *Armyanskiye istochniki o mongolakh: Izvlecheniya iz rukopisey XIII—XIV vv. (Armenian sources about the Mongols: Extracts from manuscripts of the 13th — 14th cc.)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Volkov, I.V. 2005. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and research on the archeology of the Kuban)* 5, 348—379 (in Russian).
- Gadjiev, M.S. 2018. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza (History, archeology and ethnography of the Caucasus)* 14.2, 10—22 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2008. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 5, 274—296 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2017. In *Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy pravitel'stva KBR i KB NTS RAN (Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the KBR and KB SC RAS)* 15, 158—189 (in Russian).
- Guseynov, R.A. 1967. In *Palestinskiy sbornik (Palestinian collection)* 17 (80), 131—147 (in Russian).
- Dal', V.V. 1955. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. Vol. IV. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey (in Russian).
- Druzhinina, I.A. 2017. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 5, 96—104 (in Russian).
- Druzhinina, I.A., Chkhaidze, V.N. 2013. In: Kozenkova, V.I. (ed.). *Ocherki srednevekovoy arkheologii Kavkaza. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Kuznetsova (Essays on medieval archaeology of the Caucasus. To the 85th Anniversary of the birth of V.A. Kuznetsov)*. Moscow: Taus, 74—81 (in Russian).
- Druzhinina, I.A., Chkhaidze, V.N. 2020. In: Rukavishnikova, I.V., Radyush, O.A. (eds.). *Drevniye pamyatniki, kul'tury i progress. A caelo usque ad centrum. A potencia ad actum. Ad honores. Sbornik,*

- posvyashchennyy D.V. Rukavishnikovu (Ancient monuments, cultures and progress. A caelo usque ad centrum. A potencia ad actum. Ad honores. A collection dedicated to D.V. Rukavishnikov)*. Moscow: IAN RAN, 212—225 (in Russian).
- Zaporozhets, V.M. 2011. *Sel'dzhuki (Seljuks)*. Moscow: Voenizdat (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N., Medvedev, A.F. 1985. In: Kolchin, B.A. (ed.). *Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. City, castle, village)*. Moscow: Nauka (Archaeology of the USSR. Vol. 15) (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1966. *Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish)*. Pt. 1. *Nadpisi X—XVII vv. Teksty, perevody, kommentarii, vvedeniye i prilozheniya (Inscriptions of the 10th — 17th centuries. Texts, translations, comments, introduction and attachments)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Miklukho-Maklay, N.D. 1954. In *Uchenyye zapiski Instituta vosstokovedeniya AN SSSR (Scientific notes of the Institute of Eastern Studies of the Academy of Sciences of the USSR)* IX, 175—219 (in Russian).
- Mongayt, A.L. 1961. *Ryazanskaya zemlya (Ryazan' land)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Narozhnyy, E.I., Chakhkiyev, D.Yu. 2003. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and research on the archeology of the North Caucasus)* 2, 126—153 (in Russian).
- Nizam al-Mul'k 1949: Zakhoder, B.N. (transl., comm.). 1949. *Siaset-name. Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka (Siaset-name. A book about the reign of the 11th c. wazir Nizam al-Mulk)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Oleariy, A. 1906. In: Lovyagin, A.M. (transl., comm.). *Opisaniye puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno (Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back)*. Saint Petersburg: A.M. Suvorin (in Russian).
- Slovar' 1988: Shmelev, D.N. (ed.). 1988. *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. (Dictionary of the Russian language 11th — 17th cc.)*. Iss. 14. Otrava — Personya. Moscow: Nauka (in Russian).
- Streys, Ya. 1935. In: Borodina, E. (transl.), Morozova, A. (ed.). 1935. *Tri puteshestviya (Three journeys)*. Moscow: OGIZ; SOTSEGIZ (in Russian).
- Chakhkiyev, D.Yu. 1986. Weapons and questions of military art of the late medieval Ingush and Chechens (13th — 18th cc.). PhD Thesis. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).
- Chakhkiyev, D.Yu. 2019. *Oruzhiye i voprosy voyennogo iskusstva pozdnesrednevekovykh ingushey i chechentsev (XIII—XVIII vv.) (Weapons and issues of military art of the late medieval Ingush and Chechens (13th — 18th cc.))*. Magas: Yuzhnyy izdatel'skiy dom (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R. 1969. *Islam v srednevekovom Dagestane (VII—XV vv.) (Islam in medieval Dagestan (7th — 15th cc.))*. Makhachkala: Tipografiya Dagestanskogo FAN SSSR (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R. 1984. *Epigraficheskiye pamyatniki Dagestana X—XVII vv. kak istoricheskiy istochnik (Epigraphic monuments of Dagestan 10th — 17th cc. as a historical source)*. Moscow: Nauka.
- Al-Tarsusi. 1947—1948. Tabsira. In: Cahen, C. (ed.). *Une traité d'armurerie composé pour Saladin. Bulletin d'Études Orientales* 12, 103—163.
- Al-Tarsusi. 1968. Tabsira. In: Boudot-Lamotte, A. *Contribution à l'étude de l'archerie musulmane. Principalement d'après le manuscrit d'Oxford Bodléienne Huntington*. No. 264. Damascus: Institut Français de Damas.
- D'Amato, R. 2011. Σιδηροράβδιον, βαρδούκιον, ματζούκιον, κορύνη: The war-mace of Byzantium, the 9—15 c. AD. New evidences from the Balkans in the collection of the World Museum of Man, Florida. *Acta Militaria Mediaevalia* VII, 7—48.
- Bakradze, I. 2016. A Rare Type of Flanged Mace in the Collection of The Georgian National Museum in Tbilisi. *Acta Militaria Mediaevalia* XII, 207—216.
- Derbend-Nameh 1851: Kazem-Beg, A. (transl.). 1851. *Derbend-Nameh or the History of Derbend*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 1851.
- Karamağaralı, B. 1992. *Ahlat Mezartaşları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- Nicolle, D. 1988. *Hungary and the fall of Eastern Europe, 1000—1568*. London: Osprey Publishing.
- Nicolle, D. 1999. *Arms and armour of the Crusading Era, 1050—1350: Islam, Eastern Europe and Asia*. London: Greenhill Books.
- Nizām al-Mulk 1960. In: Hubert, D.H. (transl.). *The Book of Government or Rules for Kings. The Siyāsāt-nāma or Siyar al Mulūk of Nizām al-Mulk*. New Haven: Yale University Press.
- Tsursumia, M. 2018. The Mace in Medieval Georgia. *Acta Militaria Mediaevalia* XIV, 87—114.

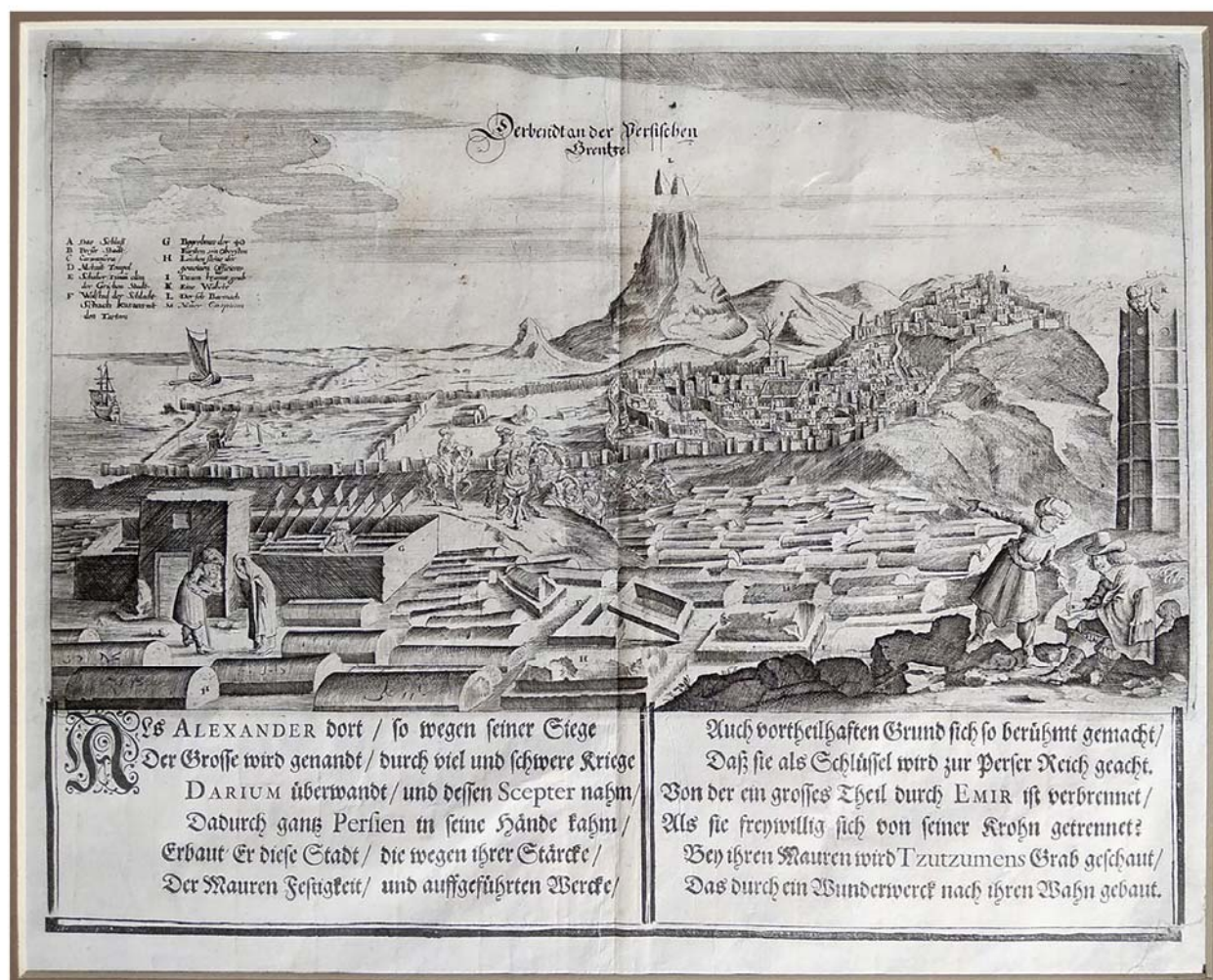

Рис. 1. Дербент. Вид с севера. Гравюра Адама Олеария, 1638 г.

Fig. 1. Derbent. View from the north. Engraving by Adam Olearius, 1638.

Рис. 2. Дербент. Общий вид выявленного мусульманского могильника, последняя треть XI—XII вв. Вид с севера.

Fig. 2. Derbent. General view of the discovered Muslim burial ground, the last third of the 11th — 12th centuries. View from the north.

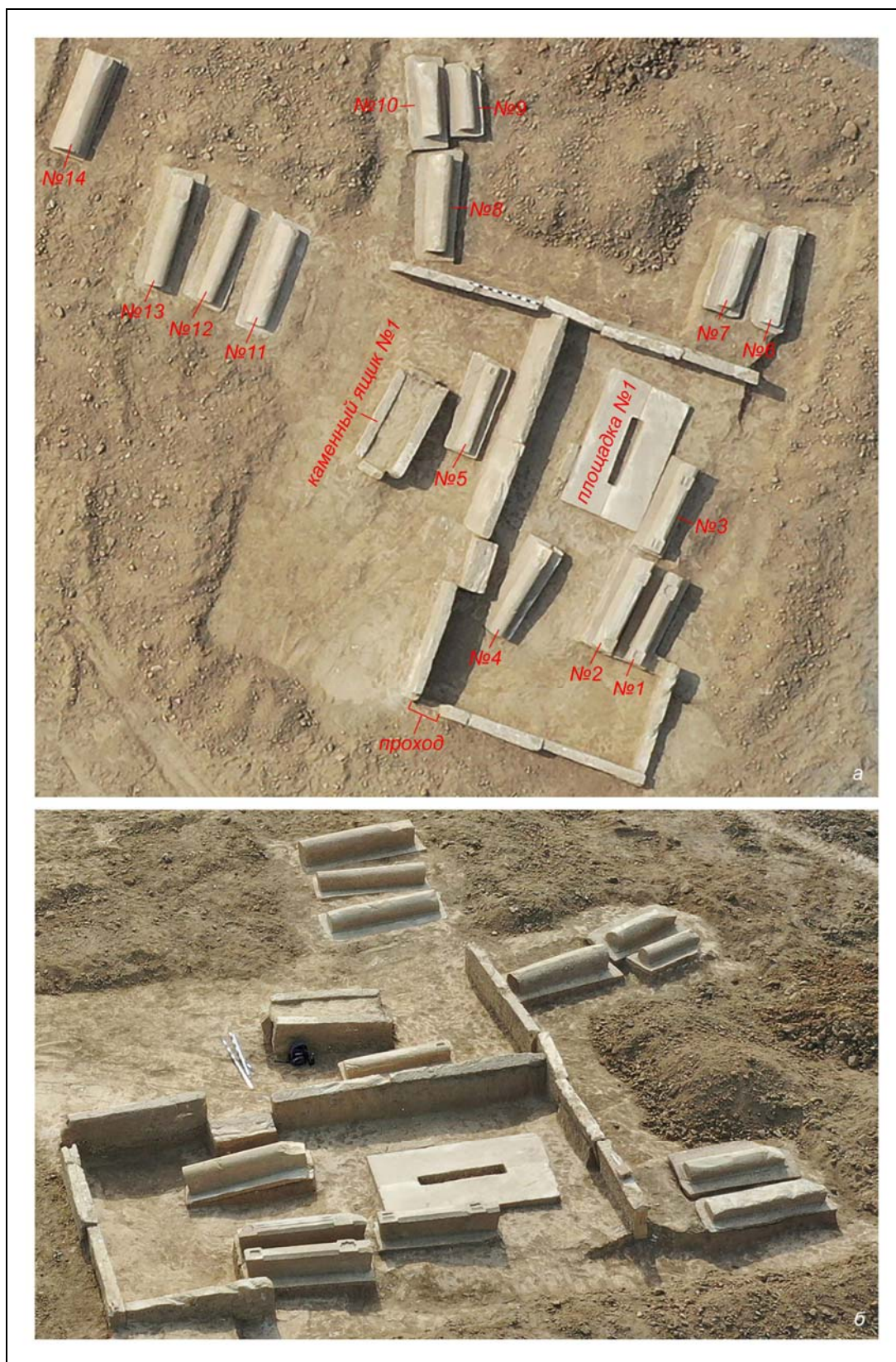

Рис. 3. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI–XII вв. Обособленная группа погребений: *а* — вид с ССВ, *б* — вид с севера.

Fig. 3. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. A separate group of burials: *a* — view from the NNE, *b* — view from the north.

Рис. 4. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI–XII вв. Обособленная группа погребений: *а* — вид с СВВ, *б* — вид с ЮЗЗ.

Fig. 4. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. A separate group of burials: *a* — view from the NEE, *б* — view from the SWW.

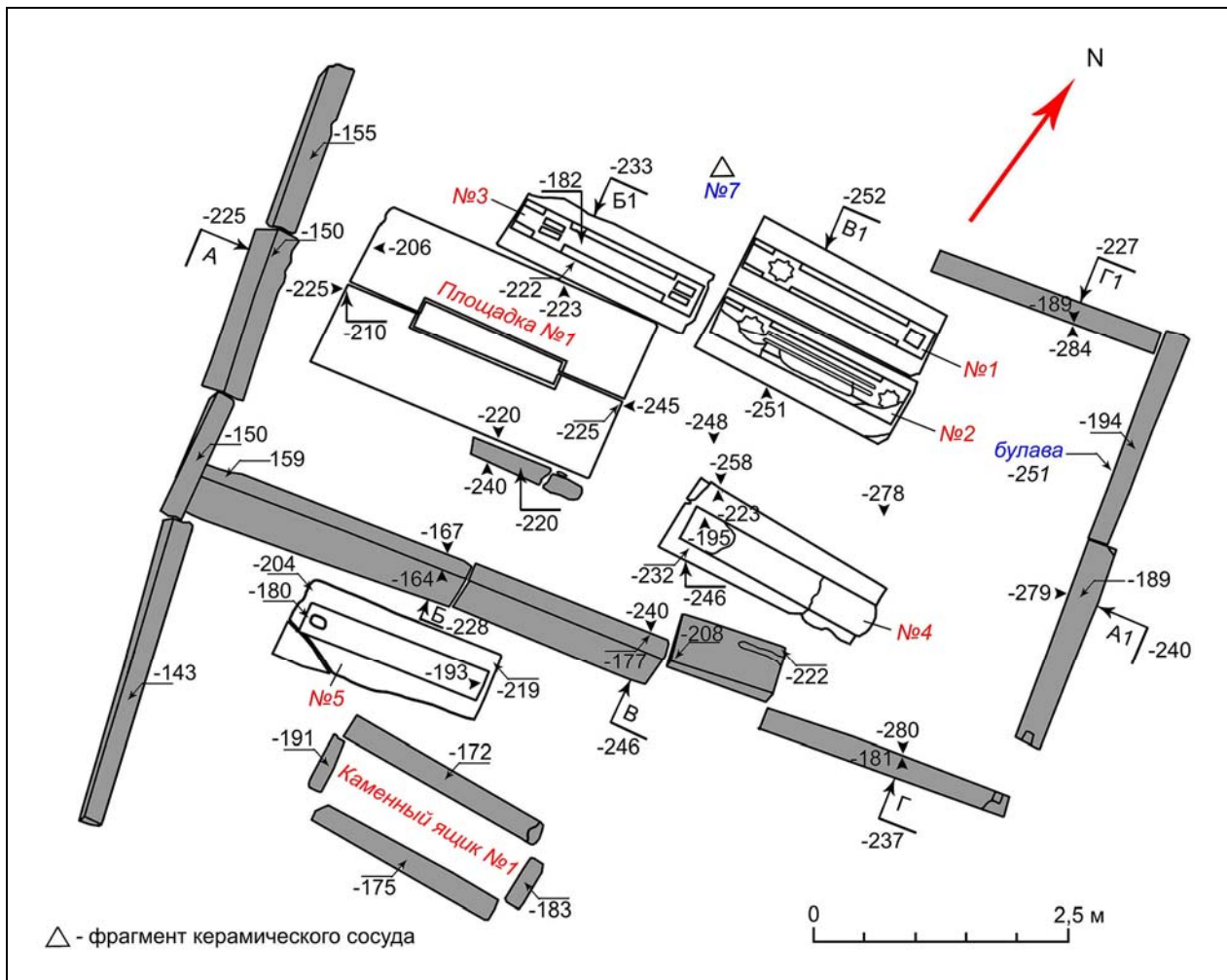

Рис. 5. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Обособленная группа погребений. План.

Fig. 5. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. A separate group of burials. Plan.

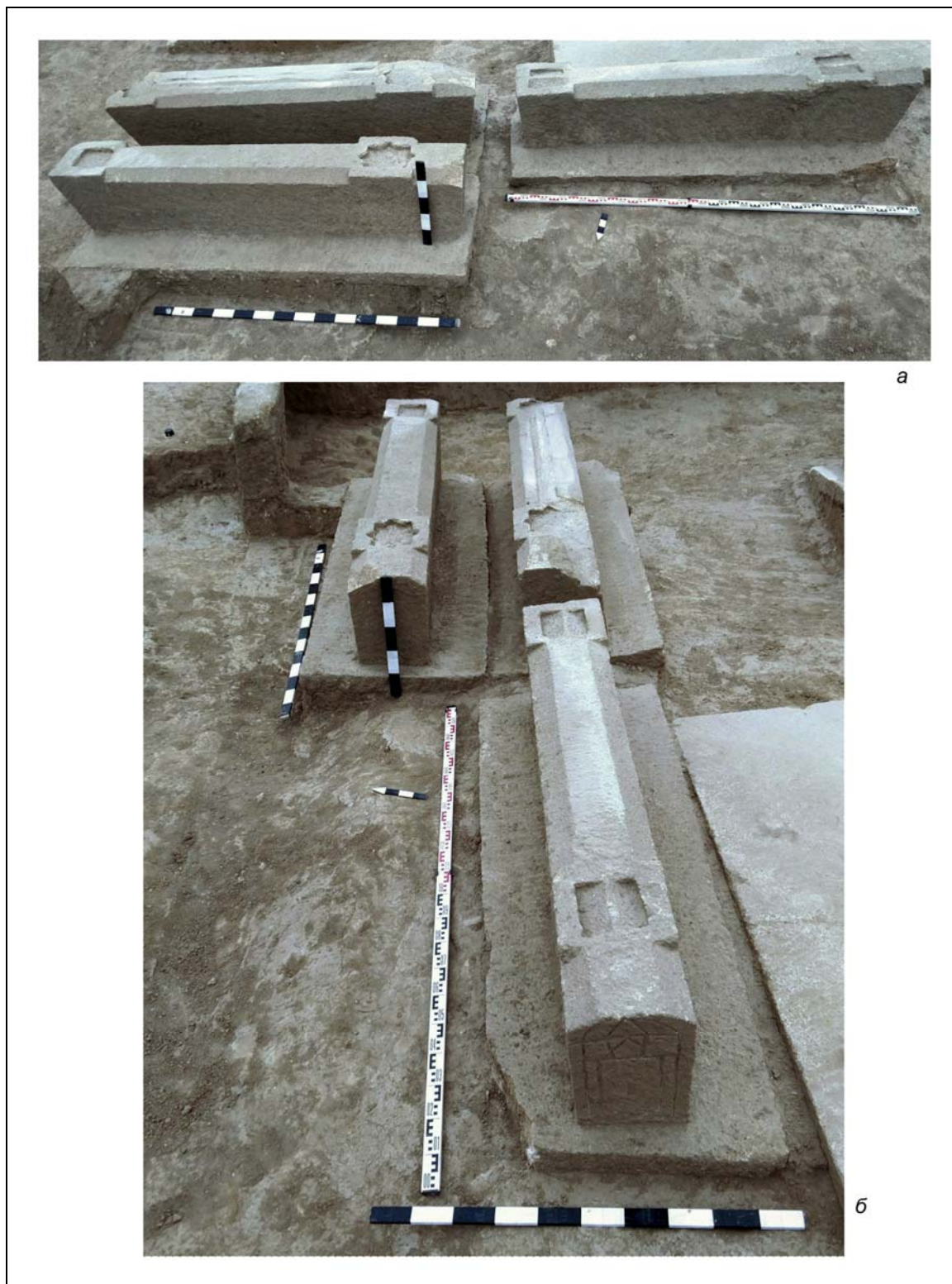

Рис. 6. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Обособленная группа погребений. Саркофагообразные надмогильные памятники № 1—3: *а* — вид с севера, *б* — вид с запада.

Fig. 6. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. A separate group of burials. Sarcophagus-shaped tombstones No. 1—3: *a* — view from the north, *b* — view from the west.

Рис. 7. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 1.

Fig. 7. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. Sarcophagus-shaped tombstone No. 1.

Рис. 8. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 2.

Fig. 8. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. Sarcophagus-shaped tombstone No. 2.

Рис. 9. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 3.

Fig. 9. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. Sarcophagus-shaped tombstone No. 3.

Рис. 10. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Обособленная группа погребений. Железное навершие булавы-шестопера in situ (а, б).

Fig. 10. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. A separate group of burials. An iron head of mace-sheshper in situ (a, b).

Рис. 11. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Железное навершие булавы-шестопера (фото).

Fig. 11. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. An iron head of mace-sheshper (photo).

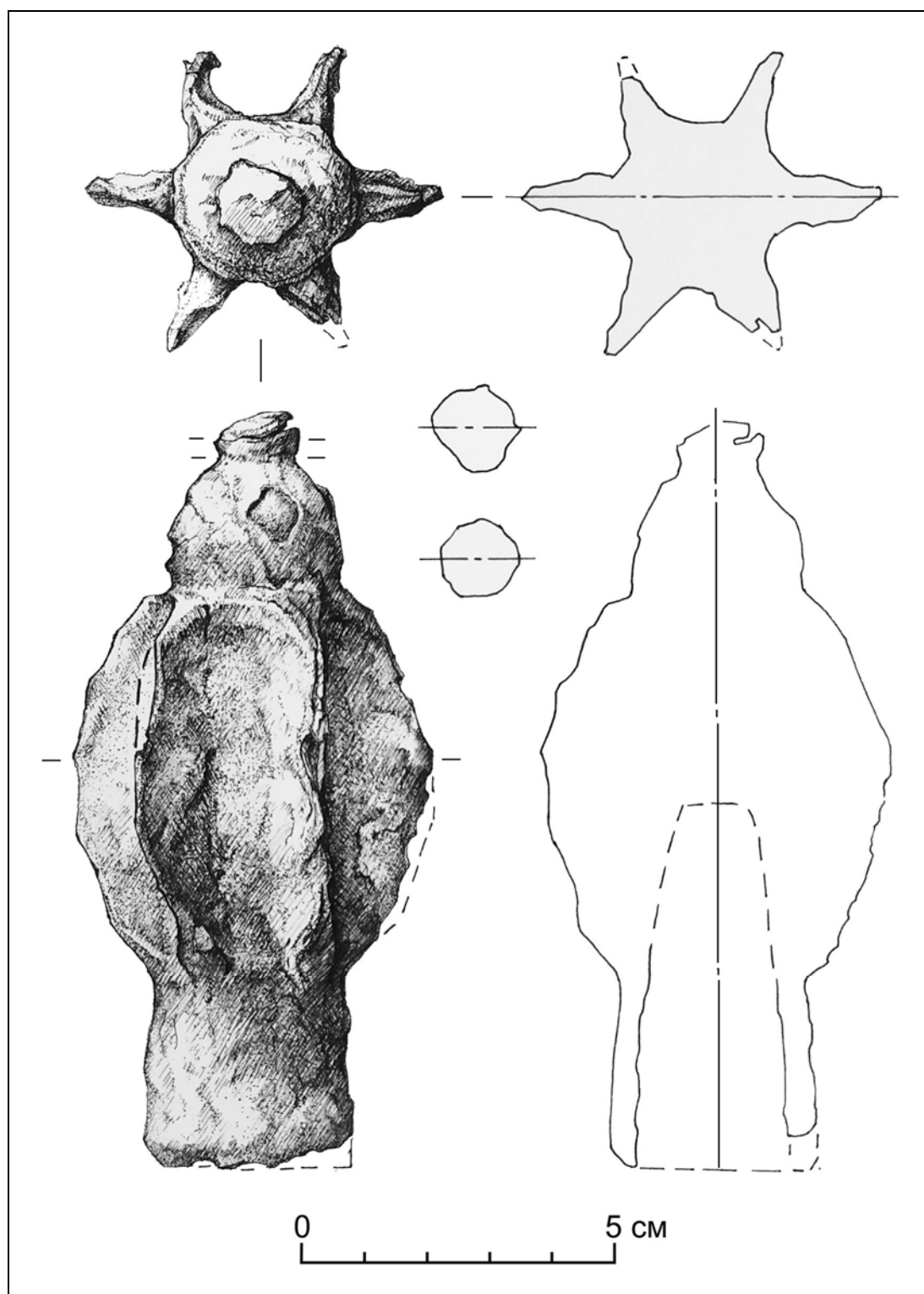

Рис. 12. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Железное навершие булавы-шестопера (рисунок).

Fig. 12. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. An iron head of mace-sheshper (drawing).

УДК 904.23(477.75)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.58.44.018

И.Б. Тесленко

**КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАМКА ФУНА В ЮЖНОМ КРЫМУ:
КОЛЛЕКЦИЯ ПОСУДЫ ИЗ ВЫГРЕБНЫХ ЯМ***

Крепость Фуна является одним из ключевых памятников для изучения фортификационного зодчества Северного Причерноморья XV в. Планомерные археологические раскопки памятника проводились с 1980 г. в течение 11 полевых сезонов. К настоящему времени в деталях изучена строительная история и воссоздан архитектурный облик крепостного ансамбля Фуны, однако полная публикация материалов его раскопок остаётся актуальной. Наиболее яркие археологические комплексы относятся к завершающему этапу жизни крепости — 1459—1475 гг. Среди прочих обращали на себя внимание выгребные ямы донжона и общественного туалета возле казармы. Они были заполнены керамическим материалом, несмотря на их специфические функции. Среди частично или полностью реконструированных находок 1 двуручный кувшин, 3 кухонных горшка, 2 из которых привозные, 1 небольшой кубок и 14 глазурованных мисок. Большую часть глазурованной керамики составляют местные простые изделия и изделия сграффито, два из которых были украшены вензелем князя Александра, владельца замка. Три чаши привезены из Испании и, предположительно, из Анатолии. Их детальному анализу посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Южный Крым, княжество Феодоро, крепость Фуна, XV в., керамический комплекс.

Сведения об авторе: Тесленко Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: teslenko.i2016@gmail.com.

I.B. Teslenko

**CERAMIC ASSEMBLAGES OF THE FUNA CASTLE IN THE SOUTHERN CRIMEA:
COLLECTION OF VESSELS FROM CESSPOOLS**

The Funa fortress is one of the key sites for the study of the 15th c. fortification architecture of the Northern Black Sea Region. The archaeological excavations were carried out there during 11 field seasons from 1980 till 1995. To date, the history of construction has been studied in detail and the architecture of the fortress ensemble has been recreated. However, the publication of materials from excavation of the site is still an actual question. The richest archaeological assemblages relate to the final stage of the fortress's life — 1459—1475. Cesspools of the donjon and of the public toilet near the barracks drew attention among others. They were full of ceramic material despite their specific functions. There are 1 two-handed jug, 3 kitchen pots, 2 of which are imported, 1 small goblet and 14 glazed bowls among the finds that were partially or fully reconstructed. The most of glazed ceramics are the local plain and sgraffito wares, two of which were decorated with the monogram of Prince Alexander, the owner of the castle. Three bowls are imported from Spain and, presumably, Anatolia. A detailed analysis of these findings is represented in the proposed study.

Key words: Southern Crimea, the Principality of Theodoro, the Funa fortress, the 15th c., a ceramic assemblage.

---

* Статья поступила в номер 29 октября 2021 г.
Принята к печати 15 ноября 2021 г.

About the author: Teslenko Iryna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, Heroiv Stalinhrada ave. 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: teslenko.i2016@gmail.com.

Введение. Крепость Фуна расположена в 2,0 км к северу от с. Лучистое (Южный Крым) и в 7,1 км от побережья Чёрного моря, у подножья юго-западного склона горы Южная Демерджи, на скале Кельсенин-Хаясы, на высоте 580 м н.у.м. Крепость возведена около 1423 г. владельцами Готии — христианского княжества с ромейскими корнями, известного также под названиями Мангупского или Феодоро, на границе с приморскими владениями генуэзцев (Кирилко 2005: 6—7, 33—59; Мыщ 2009: 72—86). В конце 1450-х гг., после капитальной реконструкции, она была преобразована в родовой замок феодоритов, став резиденцией принца, а затем и князя Александра (Кирилко 2005: 63, 89—107; Мыщ 2009: 362—370, 401—402). Новый архитектурный ансамбль просуществовал около 16 лет и был сожжён во время экспансии турок примерно в конце июля — августе 1475 г. (Кирилко 2005: 63).

Планомерные археологические раскопки памятника проводились в течение 11 полевых сезонов — 1980—1986, 1990—1991, 1994—1995 гг. Горно-Крымской экспедицией Отдела античной и средневековой археологии Крыма ИА АН УССР, с 1992 г. — Крымского филиала ИА НАНУ, под руководством В.Л. Мыща, а затем В.П. Кирилко¹. На основании полученных данных разработана детальная периодизация крепостного ансамбля Фуны, выделено 3 периода в его строительной истории: 1423, 1425—1434 или 1450-е гг., 1459—1475 гг. (Кирилко 2005: 35—81). Это позволило датировать архитектурно-археологические комплексы памятника в узких хронологических рамках, превращая материалы из них в надёжные хроноиндикаторы для второй — третьей четверти XV в. Однако, несмотря на важность полученной информации, детальная публикация итогов раскопок все ещё далека от завершения. В этой связи введение в научный оборот археологических комплексов крепости остаётся актуальным. Наиболее репрезентативные из них относятся к третьему строительному периоду, завершение которого маркируют слои пожара 1475 г. Это, в первую очередь, материалы из раскопок донжона, хозяйственного блока, обустроенного в северо-восточном секторе замка, казармы, кордегардии, иных жилых и хозяйственных строений (рис. 1), которые к настоящему времени частично опубликованы (Мыщ 1988: 106—108, рис. 6, 7; 1991: 100—102, рис. 40—42; 2009: рис. 320—328; Кирилко 2005: 63—67, 214, 218—219, рис. 47—58, 166, 168; Тесленко 2016; 2020; 2021 др.). Кроме того, среди объектов инфраструктуры замка внимание привлекают два резервуара для сбора нечистот. Один из них предназначался для накопления канализационных стоков отводимых из внутренних помещений донжона, второй выполнял функцию выгребной ямы общественного отхожего места (гарнизонного туалета?), обустроенного внутри крепости, вблизи казармы (рис. 1—3). Раскопки объектов осуществлялись в 1986 и 1990 г. под началом В.Л. Мыща². Найденные здесь артефакты также весьма примечательны.

¹ Больше об истории исследования Фуны см.: (Кирилко 2005: 12—34). Благодарю авторов раскопок за предоставленную возможность работы с материалом.

² В 1990 г. работами на крепости непосредственно руководил архитектор В.П. Кирилко. Он же вёл дневник (НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723), выполнил полевые чертежи, обмеры архитектурных объектов и рисунки ряда находок, подготовил текст отчёта и таблицы иллюстраций. В.Л. Мыщ осуществлял общее руководство экспедицией, составил полевую и коллекционные описи находок (НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723), выполнил фотофиксацию исследованных объектов и некоторых артефактов.

Накопитель нечистот донжона исследован в 1986 г. (НА ИА НАНУ. № 1986/25. Л. 27—28). Архитектура сооружения детально проанализирована В.П. Кирилко (2005: 189—192). Накопитель расположен с внешней стороны восточной стены жилища феодала, примыкает к ней вплотную, обустроен в котловане прямоугольной в плане формы с вертикальными стенками объёмом около 2,76 куб. м (рис. 2). При его сооружении полностью выбран культурный слой и частично разобраны стены строений, предшествовавших укреплению (рис. 2) (Кирилко 2005: 189, рис. 70). Стоки поступали в резервуар по специальному каналу, устроенному в восточной стене башни. Канал в сечении прямоугольный, размером — 18,0 × 20,0 см. Он начинался внутри второго этажа здания и завершался над резервуаром снаружи, на уровне около 0,50—0,60 м от дневной поверхности. Основной объём ямы был заполнен рыхлым серо-зелёным грунтом, который перекрывали слои, насыщенные остатками сгоревших конструкций и продуктами разрушения каменных стен (НА ИА НАНУ. № 1986/25. Л. 28).

В нижней пачке отложений найдено 4 керамических изделия: один небольшой неполивной красноглиняный кубок, сохранившийся полностью и 3 поливные чаши, форма которых реконструирована из фрагментов (рис. 4: 1—4, 7: 7, 8: 5, 9). Все изделия по визуально фиксируемым признакам могут быть отнесены к группе керамики Юго-Восточного Крыма³. Для них характерен плотный жёлто-красный черепок с включениями мелких частиц рыхлого минерала белого цвета (известь) и мелкодроблёного шамота (замечен не всегда).

Кубок закрытой формы с шаровидным туловом, плавно переходящим в высокую монолитную ножку на расширенной опорной плоскостью (рис. 4: 1, 7: 7). Венчик слегка отогнут наружу, утончён к краю. Полезный объём сосуда составляет около 55—60 мл. Вероятно, он предназначался для употребления жидкостей. На венчике заметно пятно зелёной поливы. По-видимому, сосуд обжигался вместе с глазурованной посудой. Подобные кубки не были в массовом употреблении на территории Крыма, по крайней мере, аналогий изделию среди синхронных древностей полуострова найти пока не удалось.

Чаши относятся к двум типам: с вертикальным, прямым, профилированным небольшим выступом бортом, отделённым от корпуса чётко выраженным ребром (рис. 4: 2); со скруглённым бортом и вертикальным либо слегка отогнутым наружу венчиком, которые соответствуют типам 9.1А и 9.2В по И. Б. Тесленко (рис. 4: 3, 4), распространённым в XV в. (Тесленко 2021: 82, рис. 74).

По способу оформления внешней поверхности сосуда принадлежат к двум отделам — без дополнительного декора (рис. 4: 2) и с орнаментом сграффито, подцвеченным пятнами зелёной и коричневой краски (рис. 4: 3, 4, 8: 5, 9). Полива внутри светло-жёлтая, снаружи по борту — зелёная. Декоративные мотивы типичны для крымской керамики XV в. и находят параллели как среди материалов Фуны, так и других синхронных памятников (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003: рис. 98: 16а; Тесленко 2010: 228, рис. 4; др.).

Выгребная яма гарнизонного туалета⁴ исследована в 1990 г. (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 18—19). Сооружение располагается в южной части двора 2, встроено в пространство между северной стеной хозяйственного строения XXXII, замыкающего двор с юга и капитальными кладками, ограничивавшими двор с запада и юго-востока, сложено из камня с использованием известкового раствора и глины (рис. 1—3). В плане оно прямоугольной формы. Параметры внутреннего пространства — 3,6 × 3,8 × 1,2 м. Мощность

³ Детальнее о группе см., напр.: (Тесленко 2010; 2021: 77—90).

⁴ «Помещение XXXIII» в полевой и отчётной документации (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 18—19).

культурных отложений в заполнении — 0,8—2,55 м. Структура этих напластований осложнена многочисленными слоями и прослойками. На стратиграфическом разрезе отражены на менее 18 из них (рис. 3: 5). Верхняя часть заполнения ямы образована слоями рыхлого светло-серого и зеленовато-серого грунта, насыщенного продуктами горения (фрагментами обугленных деревянных конструкций, золы, прокалённого грунта и глины) и разрушения каменных стен (камни, деструктурированный известковый раствор). Слой пожара стратиграфически связан с аналогичными отложениями во дворах № 1 и 2, то есть, скорее всего, является следствием синхронного по времени события (рис. 3: 5, 6). В нижней части отмечены слои зеленовато-серого и зеленовато-жёлтого грунта «с явными признаками органических остатков...» (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 19)⁵. Здесь же найдены череп и отдельные кости поросёнка, а также черепа двух взрослых особей и двух детёнышей кошачьих. Особенности структуры и состава заполнения сооружения позволили авторам раскопок интерпретировать его как выгребную яму туалета (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 19). Верхняя, посещаемая часть строения не сохранилась⁶. Её пол, судя по обилию обугленных деревянных конструкций в выгребной яме, был образован, скорее всего, деревянным настилом.

Обнаруженный здесь археологический материал довольно обилен, по слоям не разделялся. Подавляющее его большинство составляют керамические изделия, отдельно отмечены «многочисленные фрагменты стеклянных чаш и сосудов, обнаруженные на самом дне ямы»⁷ (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 19), а также фрагмент железного предмета неопределённого назначения, черешковый наконечник стрелы с ромбовидным острием и гвоздь (НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723. № 186—188; НА ИА НАНУ. № 1990/21а. № 63, 64). Керамика в отчёте охарактеризована бегло, на иллюстрациях представлено всего 11 предметов (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 19, рис. 91, 104, 107, 110—112, 128, 130—132). В разное время было опубликовано 8 наиболее примечательных изделий (Мыщ 2005: 295—296; рис. 8; Тесленко 2004: 470, 487, рис. 1: 4, 2: 2, 2010: 225, рис. 3: 1; 2011: 60, 61, рис. 2: 2, 3; 2014: 498—499, рис. 11: 1.1, 12: 2; 2015а: 429, рис. 2: 2, 3; 2016: рис. 5: ж, д, 6: в, 7: и; 2016: fig. 3: 7, 8, 4: 8; 2018, fig. 2: b). Общий анализ керамической коллекции ещё не предпринимался⁸.

В целом из заполнения выгребной ямы происходит 25 полностью или частично реконструируемых форм сосудов и 163 разрозненных фрагмента керамических изделий. Среди них обломки черепицы, пифосов, среднегабаритная тара и кухонно-столовые сосуды.

Черепица представлена двумя обломками поля и борта красноглиняной керамики и одним краем коричневоглиняного калиптера (НА КФ ИА НАНУ, Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723. № 155, 156). Детальная характеристика из-за отсутствия самих изделий затруднительна.

⁵ С внешней стороны северной стены, между двумя уровнями подсыпки двора № 2 отмечены линзы «жёлто-зеленоватого и ржавого рыхлого грунта с органическими остатками» (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 16). Возможно, в период своего функционирования выгребная яма как минимум единожды чистилась. При этом вынутое содержимое было складировано тут же, под северной стеной, во дворе № 2 и затем засыпано слоем грунта.

⁶ Остатки её, вероятно, были окончательно разобраны при возведении каменной постройки над ямой в XVIII—XIX вв. (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Л. 15, рис. 37).

⁷ Рисунок этих сосудов, выполненный В. П. Кирилко, был опубликован В. Л. Мыщом в 2009 г. (2009: рис. 348: 1, 5—7). Их детальное изучение ещё предстоит.

⁸ Керамический материал из раскопок Фуны 1990 г. длительное время хранился на базе Горно-Крымской археологической экспедиции в г. Алушта, в 2009—2012 гг. был обработан и передан в Алуштинский историко-краеведческий музей (филиал «Центрального музея Тавриды») автором этой статьи. Некоторые находки к тому времени были утрачены.

Пифосы составляют около 44,7% фрагментированного керамического материала. Из них около $\frac{1}{5}$ — обломки венчиков и стенок красноглиняных сосудов, сопоставимых с группой Северное Причерноморье (далее СП)⁹ и около $\frac{4}{5}$ — коричневоглиняных пифосов, предположительно группы Юго-Западный Крым (далее ЮЗК)¹⁰. Часть стенок украшена наклепными валиками с пальцевыми вдавлениями и орнаментом, прочерченным многорядной гребёнкой в виде волн и ломаных линий, характерным для крупногабаритной домашней тары данной группы (Тесленко 2014: 496—497, рис. 1—4).

Со среднегабаритной тарой с уверенностью можно соотнести частично реконструируемую верхнюю часть крупного двуручного кувшина группы ЮЗК, тип 1В по И. Б. Тесленко (2014: 497, рис. 8; 9), украшенного росписью белым ангобом в виде вертикальных полос (рис. 5: 3, 7: 3). Реконструируемый объем сосуда около 5—6 л. В полевой описи изображены сечения ещё двух ручек, которые могут принадлежать подобным кувшинам, однако достоверно судить об этом сложно.

Кухонно-столовая керамика более многочисленна (не менее 55% фрагментированных керамических изделий коллекции и 24 реконструированных в разной степени форм), включает два блока изделий — неполивные и поливные.

Первый из них (41% кухонно-столовой керамики) объединяет посуду двух различных по происхождению групп. В нём около 96% составляют фрагменты изделий группы ЮЗК, среди которых абсолютно преобладают обломки сосудов закрытой формы. Один горшок восстановлен полностью (рис. 5: 5, 7: 2). Это крупный (объем около 5,5 л) плоскодонный, одноручный сосуд с расширенным овалоидным туловом и низким раструбообразным горлом, украшенным двумя горизонтально прочерченными бороздками. Он относится к типу 1.1А по И. Б. Тесленко (2014: 498, рис. 11). Подобные горшки были в широком употреблении в Крыму и в небольшом количестве вывозились за его пределы на протяжении XIV—XV вв. (Тесленко 2014: 498, 503, рис. 11—15). Интерес также представляют 2 обломка от сосудов предположительно зооморфных очертаний (рис. 4: 11, 12, 7: 5, 6). Один из них напоминает голову оленя с ветвистыми рогами и мог служить декоративным оформлением верхней части сосуда (рис. 4: 11, 7: 6). На его поверхности сохранились остатки росписи белым ангобом в виде «ёлочки». Второй, вероятно, является фрагментом тулова этого же или другого сосуда (рис. 4: 12; 7: 5). Часть подобного изделия происходит из слоя подсыпки во дворе № 1 (Тесленко 2020, рис. 20: 1). Иные параллели отыскать пока не удалось, реконструкция формы затруднительна. Кроме того, в полевой описи отмечен обломок коричневоглиняной крышки с нижним прилепом ручки и «шишковидным навершием» (НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6, № 1359. П. № 1723. № 185)¹¹. Подобные крышки типичны для группы ЮЗК (Тесленко 2014: 500, рис. 11: 5.1, 25, 26).

Около 4% представлены так называемой группой горшков с рельсовидным венчиком (далее ГРВ)¹². Для них характерен жёлто-красный, красно-коричневый или темно-коричневый черепок, значительное количество мелкого, чёрного, блестящего остроугольного песка в формовочной массе, шероховатая поверхность и тонкие стенки. Реконструировано две полные формы и верхняя часть корпуса с венчиком и ручкой трёх одноручных горшков (рис. 5: 1, 2, 4, 7: 1, 4). Все они принадлежат к типу 1.1 по И. Б. Тесленко (2015а: 429—430,

⁹ Детальнее о группе см.: (Тесленко 2015b: 132—135).

¹⁰ Эти изделия также отсутствуют в музейной коллекции, поэтому определение их принадлежности к группам СП и ЮЗК предположительно, однако весьма вероятно, так как именно эти две группы пифосов наиболее часто использовались в хозяйстве обитателями крепости (Тесленко 2015b). Детальную характеристику группы ЮЗК см.: (Тесленко 2014).

¹¹ Сам фрагмент в коллекции отсутствует.

¹² Детальнее о группе см.: (Тесленко 2015а).

рис. 1, 2). Объем восстановленных экземпляров около 1,8 и 4,0 л. Их поверхность частично пережжена до чёрного цвета, вероятно, в процессе эксплуатации. Подобная кухонная утварь появляется в Крыму около середины XV в. предположительно с территории Османского государства (Тесленко 2015а: 433—434).

Второй блок (около 59% кухонно-столовой керамики) включает одну группу местной (ЮВК) и две — импортной посуды. Местные изделия составляют 95,5% поливной посуды. Абсолютно преобладают сосуды открытой формы, лишь два фрагмента стенок в полевой описи отмечены как принадлежащие изделиям закрытой формы. Сосуды открытой формы представлены преимущественно чашами, предназначенными для индивидуального употребления пищи и напитков. Частично или полностью реконструировано 18 форм¹³ (рис. 4: 5—10, 6, 8: 1, 4, 7, 8, 9: 1—4). Они принадлежат к четырём морфологическими типам 9.1В, 9.2А, 9.3, 9.4В по И.Б. Тесленко (Тесленко 2021: 82, рис. 2). По способу оформления внешней поверхности эти чаши подразделяются на три отдела.

Четыре сосуда лишены дополнительного декора. Три из них переданы в музейную коллекцию (рис. 4: 5—7, 8: 1—2): одна чаша колоколовидной формы (тип 9.3), две — со скруглённым вертикальным бортом и слегка отогнутым наружу венчиком (тип 9.2А). Полива прозрачная, внутри жёлтая, снаружи по борту зелёная. На лицевой поверхности поля одной из чаш по обожжённой глине нанесено граффити в виде креста (рис. 4: 6). Аналогичное по месторасположению и манере исполнения граффити отмечено на чаше из слоя пожара во дворе № 1 Фунской крепости (Тесленко 2020: рис. 11: 2).

Три чаши оформлены монограммами, выполненными в центре поля до обжига. На одной из них знак состоит из двух литер «П», расположенных одна над другой (рис. 6: 6, 8: 3)¹⁴. Подобное изображение известно на сосудах из нивелировочной подсыпки во дворе № 1 (Тесленко 2020: рис. 20: 8; 24: 9). Значение символов раскрыть пока не удалось (Мыц 2005: 295—296). На двух других чашах нанесена монограмма с центральным знаком в виде литеры «А» (рис. 6: 3, 8: 8), читаемая как *Александр*¹⁵. Чаши с подобным изображением довольно частая находка в крепости. Из разных объектов памятника происходит ещё не менее 16 экземпляров с аналогичными символами: по четыре — из слоя пожара донжона и двора № 1; четыре — из подсыпки во дворах № 1, 2 и восточной продольной улицы; одна — из заполнения пифосной ямы во дворе № 3; три — из помещений № VI (1) и XXVIII (2), примыкающих к восточной куртине¹⁶. За пределами Фуны посуда с такой монограммой пока не встречалась. Предполагается, что эти изделия составляли сервиз, выполненный по заказу владельца замка мангупского принца Александра (Мыц 1991: 101). Отмечено два стиля начертания монограммы, что может свидетельствовать о двух партиях сервиза, изготовленных разными мастерами (Мыц 2005: 295).

Остальные изделия украшены орнаментом сграффито с подцветкой мазками зелёной и коричневой краски под прозрачной, слабо окрашенной в жёлтый или зеленовато-жёлтый цвет глазурью (рис. 4: 8—10, 6: 1, 2, 4, 5, 7, 8: 4—7, 9, 9: 1—4). Большинство элементов

¹³ Из них 6 утрачены, информация о них содержится лишь в полевой и коллекционной описях (НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6, № 1359. П. № 1723. К.о. № 39, 46, 48, 56, 57, 59), 1 из этих предметов отражён на фото в отчёте (НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Рис. 130) и на (рис. 6: 7) к этой статье.

¹⁴ Эта же чаша была ранее опубликована В.Л. Мыцом (2005: 295—296, рис. 8: 2). Однако приведённый автором рисунок не точен, профиль, соотносённый с этим сосудом на рис. 8: 2, не имеет к нему отношения.

¹⁵ Одна из чаш утрачена.

¹⁶ Из них опубликовано 6 экземпляров: две чаши из слоя пожара донжона (Мыц 1991: рис. 41: 10; 2005: рис. 3: 8, 9; 2009: рис. 323); две — из слоя пожара во дворе № 1 (Мыц 2005: рис. 8: 1; 2009: рис. 330; Тесленко 2010: рис. 3: 1; 2016: рис. 5: и; 2020: рис. 11: 6, 7; Teslenko 2015: fig. 4); две — из подсыпки двора № 1 и восточной улицы (Тесленко 2020: рис. 20: 12, 13).

декора характерно для поливной посуды XV в. (см. напр.: Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: рис. 69, 77; 73, 86; Герцен, Науменко 2005: рис. 8; Тесленко 2010: 228, рис. 4; Teslenko 2015; 2018; др.). Некоторой оригинальностью отличается изображение девятилепестковой розетки, заполняющей все поле сосуда (рис. 6: 2, 9: 4). Точной аналогии ему найти пока не удалось, хотя всевозможные вариации розеток с удлинёнными миндалевидными лепестками — один из наиболее популярных мотивов декора местной керамики XV в. (Тесленко 2021: рис. 94—100).

Импортная поливная посуда представлена тремя изделиями двух групп. Две чаши — разные варианты испанской майолики валенсийских мастерских (рис. 6: 9, 10, 9: 6, 7)¹⁷. Одна из них украшена подглазурной кобальтовой росписью (рис. 6: 9; 9: 7)¹⁸, относится к бело-голубой майолике серии *Loza valenciana azul compleja* (LVAC) (см., напр.: Coll Conesa 2009b: 76—79)¹⁹. Чаша полусферической формы, с вертикальным, слегка зауженным к краю венчиком, на низком, углублённом изнутри поддоне, типичная для этой декоративной группы в период с середины XIV и примерно по конец первой четверти XV вв. (Lerma et al. 1986: 187, fig. 3: 3). Рисунок покрывает лицевую поверхность изделия, состоит из трёх концентрических орнаментальных зон. В центре помещена пальметта в обрамлении четырёх равных сегментов с вертикальной штриховкой, дополненной небольшим завитком (мотив *paralelas y espirales* — параллели и спирали). Следующую зону заполняет пояс из расположенных зигзагообразно пальметт. Под венчиком нанесена полоса сложного орнамента из дуг, завитков и прямых линий, известного как *orla de peces* — рыба окантовка.

Бело-голубая майолика производилась в мастерских Валенсии (Манисес, Патерна, Валенсия) на протяжении XIV—XV вв. В разные периоды ей были присущи различные декоративные стили с использованием различных декоративных мотивов. Стил LVAC в целом получает распространение примерно с третьей четверти XIV в. (Coll Conesa 2009b: 76—79, 92—93). В некоторых исследованиях этот период ограничивается 1360—1450 гг. (García Porras 2012: 425). При этом отмечается, что мотив *paralelas y espirales* использовался непродолжительное время — преимущественно в первой половине XV в. (Gutiérrez 2000: 38, fig. 2: 20a; Ray 1999: 62—64). В то же время *orla de peces* встречается в разных вариациях с последней четверти XIV до конца XV вв. и, как считается, являлся плодом подражания декору на китайском фарфоре династии Мин (1368—1644) (Gutiérrez 2000: 38, fig. 2: 20a; Coll Conesa 2009a: 19). Ряд из пальметт более характерен для классических экземпляров LVAC (Coll Conesa 2009a: fig. 1, 3). Все три элемента декора использовались как в продукции Патерны, так и Манисеса (Francovich, Gelichi 1981: 301, tav. IV: 2—4; fig. 3; Ray 1999: 62; Coll Conesa 2009a). Наиболее близкие аналогии фунской чаше происходят из Манисеса (Валенсия, Испания), где датируются третьей четвертью XIV в. (García Porras et al. 2012: 425, fig. 1, 4: 3); из Авиньона (юго-восток Франции), где найдены в комплексе 1410-х гг. (Carru 1995: 63, № 91); из провинции Тоскана (Италия), где атрибутированы как продукция Патерны и датированы XIV в. по аналогиям из Прованса (Francovich, Gelichi 1981: 301, tav. IV: 2—4, fig. 3). Экземпляры майолики с аналогичными орнаментальными мотивами в иных комбинациях представлены в Национальном музее керамики и изобразительного искусства Гонсалеса Марти в Валенсии и Музее керамики Манисеса, Испания (Coll Conesa 2009a: fig. 1, 3, 14, 16; 2009b: fig. 146, 147).

¹⁷ Обе чаши опубликованы (Тесленко 2004: 487—488; рис. 1: 4, 2: 2), однако в данной статье уточняется атрибуция и круг аналогий изделий.

¹⁸ Эта чаша утрачена в 1990-е гг.

¹⁹ О технике росписи кобальтом под оловянной глазурью см., напр.: (Coll Conesa 2009a).

Таким образом, сочетание элементов декора на чаше из выгребной ямы в совокупности с её морфологическими особенностями и в соответствии с найденными аналогиями позволяют определить время её производства не позже первой четверти XV в. (1410—1420-х гг.). Условия находки этого артефакта в комплексе третьего строительного периода, указывают на длительный период его использования — не менее 35—50 лет. Это, в свою очередь, может свидетельствовать как об определённой ценности предмета для его обладателя, так и о существенном запаздывании товара, доставляемого в Крым. Однако, очевидно, что в конечном итоге чаша утратил свою значимость для владельца, так как практически целое изделие было выброшено в туалет.

Вторая чаша относится к серии *Losa valenciana dorada* (LVD), то есть была расписана исключительно люстром поверх белой опаковой глазури (рис. 6: 10, 9: 6). Корпус полусферический, с горизонтальными ручками-ушками, крепящимися к краю венчика. Уцелела примерно треть сосуда с остатками прилепа одной из ручек. Днище не сохранилось. Судя по аналогиям, оно, скорее всего, было вогнутым (см., напр: Lerma et al. 1986: 190, fig. 5; González Ballesteros 2015: 513—514, fig. 12). Красочный слой также утрачен практически полностью. Отдельные элементы рисунка в виде наклонных штрихов между двух замкнутых по обводу линий просматриваются лишь снаружи изделия. Подобный способ оформления внешней поверхности был распространён довольно широко в конце XIV — первой половине XV в., возможно и позже (см., напр: Carru 1995: 61, 64, 66—69). Несколько уточнить хронологическую позицию чаши позволяют её морфологические особенности. По наблюдениям испанских исследователей, такая форма была присуща изделиям серии LVD в первой — третьей четверти XV в. (см., напр.: Lerma et al. 1986: 190, fig. 5).

Вопрос о происхождение ещё одной чаши сплошь, кроме поддона, покрытой бирюзовой глазурью, пока остаётся открытым. Сосуд полусферической формы, со слегка отогнутым наружу, скруглённым венчиком, на поддоне средней высоты, выполненном в технике кольцевого налёпа, практически полностью восстановлен из 11 обломков (рис. 6: 8, 9: 5). Черепок плотный, жёлто-красный. В формовочной массе заметна примесь разнородного песка и отдельные мелкие золотистые блёстки (слюда?). В центре поля отчётливо видны отпечатки треногой разделительной подставки. На внутренней стороне дна, близко к его оси, по обожжённой глине острием прочерчено граффити в виде пучка из четырёх тонких линий.

По морфологическим характеристикам чаша близка к продукции Изника — крупного производственного центра Анатолии, более известного своими изделиями с росписью кобальтом, так называемыми *Miletus Ware* (далее MW) (см. напр.: Hayes 1992: 238—242, fig. 110: 8.4—73.1). Кроме MW в Изнике изготавливалась также неорнаментированная красноглиняная керамика с бирюзовой поливой (Aslanspa 1989: 283; Hayes 1992: 256). Возможно, что чаша из Фуны представляет именно эту разновидность его продукции. К тому же, группа MW присутствует на крепости в довольно значительном количестве (Тесленко 2005: 391—393; Teslenko 2007: 191—192, tab. 1). Не исключено, что бирюзовая чаша могла появиться здесь вместе с ней. Прямых аналогий изделию из синхронных комплексов найти пока не удалось.

Выводы. Таким образом очевидно, что выгребные ямы как туалета в жилище феодала, так и общественной уборной, помимо своего прямого назначения — накопления нечистот, использовались также для сброса пришедшей в негодность керамической и стеклянной посуды. Очевидно, что резервуар гарнизонного туалета использовался с этой целью чаще. Хотя и в туалет донжона, несмотря на опасность образования затора в сточном канале, также порой выбрасывались битые чаши (как минимум — три) и даже вполне пригодный для использования кубок, которые по неизвестной причине не хотели утилизировать иным

образом, например, вынести за пределы здания. Вероятно, в данном случае посуда разбилась в одном из помещений донжона и внутренняя туалетная комната была ближайшим местом для сокрытия черепков.

В общественную уборную помимо прочего попал 1 тарный двуручный кувшин, 3 кухонных горшка и не менее 18 поливных чаш, форма которых частично или полностью реконструирована. Из них 14 сосудов (в том числе 1 местный и 2 импортных горшка, 9 местных и 2 импортных поливных чаши) восстанавливаются полностью, с минимальными утратами. То есть они, скорее всего, были выброшены вскоре после повреждения практически в полном комплекте. Попытки ремонта сосудов явно не предпринимались даже в случае с импортными изделиями. Очевидно, что владелец или владельцы посуды не испытывали недостатка в такого рода утвари.

Следует отметить, что утилизация битой керамики проходила в крепости по разному. В подсыпках дворов и улиц также найдено большое количество черепков, в том числе довольно крупных обломков разнообразной столовой посуды. Из каких соображений часть изделий использовалась в подсыпке поверхностей улиц, а часть выбрасывалась в выгребные ямы — судить сложно. Несомненно только то, что они попали туда в период с конца 1450-х до осени 1475 г.

Литература

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2003. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.
- Герцен А.Г., Наumenко В.Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, 257—287.
- Кирилко В.П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны 1423—1475 гг.* Киев: Стилос.
- Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. В: Бибииков С.Н. (ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 97—115.
- Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.
- Мыц В.Л. 2005. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV—XV вв. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, 288—305.
- Мыц В.Л. 2009. *Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- НА ИА НАНУ. № 1986/25. Мыц В.Л. 1986. Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустан и Фуна в 1986 г.
- НА ИА НАНУ. № 1990/21а. Мыц В.Л., Кирилко В.П. 1990. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г.
- НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723. Полевой дневник арх. В.П. Кирилко по археологическому исследованию средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое.
- НА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1359. П. № 1723. Полевая опись находок из раскопок средневековой крепости Фуна в 1990 г.
- Тесленко И.Б. 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму. В: Куковальская Н.М. (ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, 467—494.
- Тесленко И.Б. 2005. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, 385—410.
- Тесленко И.Б. 2010. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Ч. I: Типология, распространение, происхождение. *Древности* 9, 216—234.

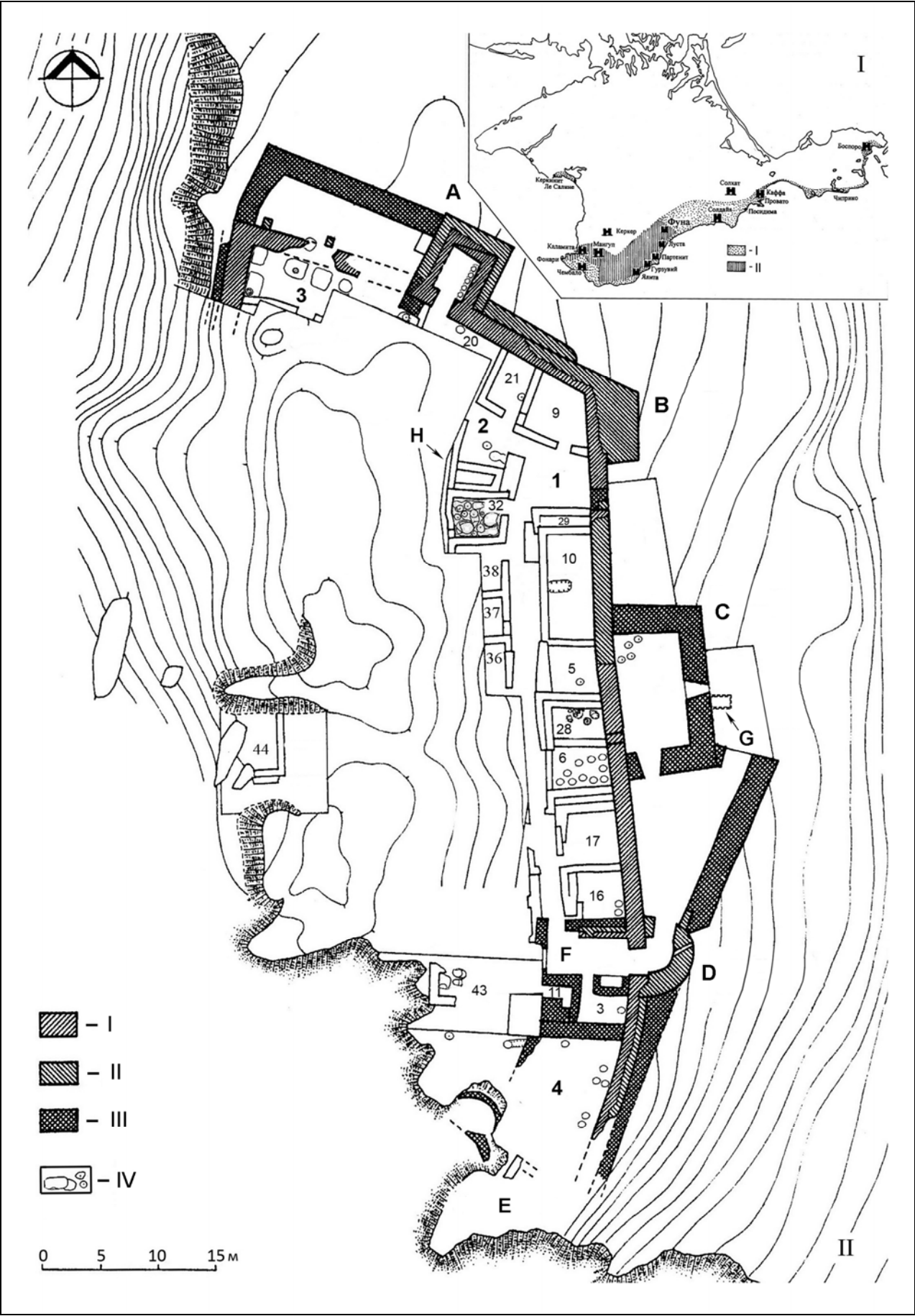
- Тесленко И.Б. 2014. Одна из гончарных традиций Таврики XIV—XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма). *История и археология Крыма* I, 495—512, 541—560.
- Тесленко И.Б. 2015а. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция. *История и археология Крыма* II, 428—436, 636, 637.
- Тесленко И. Б. 2015b. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв. В: Бочаров С.Г. (отв. ред.). *Крымская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum Plus, 125—163.
- Тесленко И. Б. 2016. Керамика замка Фуна (Крым), краткая характеристика комплекса. В: Борисов Б.Д. (ред.). *Великотърновският университет «Св. Св. Кирил и Методий» и българската археология 2. Проф. д-р Борис Борисов ученици и приятели*. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 641—654.
- Тесленко І.Б. 2018. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу. *Археологія і давня історія України* 4 (29), 7—83.
- Тесленко І.Б. 2020. Керамічні комплекси третьої чверті XV ст. замку Фуна: начиння «гарнізонної кухні». *Археологія і давня історія України* 1 (34), 31—67.
- Тесленко И.Б. 2021. *Керамика Крыма XV века*. Киев: ИА НАН Украины.
- Aslanspa O., Yetkin S., Altun A. 1989. *The Iznik Tile Kiln Excavations (The Second Round: 1981—1988)*. Istanbul: The Historical Research Foundation Istanbul Research Center.
- Carru D. 1995. De l'Orient à la table du Pape: L'importation des céramiques dans la région d'Avignon au Moyen âge tardif, XIVE-XVIe siècles. *Documents d'archéologie vaclusienne* 5. Service régional de l'archéologie, 25—75.
- Coll Conesa J. 2009a. Cobalt blue in medieval ceramic production in the Valencian workshops. Manises, Paterna and Valencia, Spain. *Medieval Ceramics* 31, 11—24.
- Coll Conesa J. 2009b. *La Cerámica Valenciana (apuntes para una síntesis)*. Valencia: Rm Ediciones.
- Francovich R., Gelichi S. 1986. La ceramica spagnola in Toscana nel Bassomedioevo. In: Zozaya J. (ed.). *Segundo Coloquio Internacional de Ceramica medieval en el Mediterraneo Occidental*. Madrid: Ministerio de Cultura, 297—313.
- García Porras A., Coll Conesa J., Romero Pastor J., Cabella R., Cardell Fernández C., Nuevos C.C. 2012. Datos arqueométricos sobre la producción cerámica de Paterna y Manises durante el siglo XIV. In: *I Congreso Internacional Red Europea de Museos de Arte Islámico. Actas*. Granada: Patronato de la Alhambra y Generalife; Victoria and Albert Museum, 419—426.
- González Ballesteros J.A. 2015. Aproximación al análisis de la cerámica bajomedieval de reflejo metálico en la judería del castillo de Lorca. In: Fernández Díaz A. (ed.). *I encuentro de jóvenes investigadores en arqueología de la región de Murcia: de la arqueología prehistórica a la arqueología industrial*. Espinardo: Servicio de Publicaciones. Universidad de Murcia, 497—538.
- Gutiérrez A. 2000. *Mediterranean Pottery in Wessex Households (13th to 17th centuries)*. Oxford: Biddles LTD (BAR 306).
- Hayes J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery*. Princeton: Princeton University Press.
- Lerma J.V., Marti J., Pascual J., Soler M.P., Escriba F., Mesquida M. 1986. Sistematización de la loza gotico-mudéjar de Paterna/Manises. *Atti del III Congresso internazionale La ceramica medievale nel Mediterraneo occidentale (Siena, 8—12 ottobre 1984, Faenza, 13 ottobre 1984)*. Firenze: All'Insegna del Giglio, 183—203.
- Ray A. 1999. *Spanish Pottery 1248—1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum*. London: V&A publication.
- Teslenko I. 2015. The Crimean Glazed Pottery of the 15th century (Local Production before Turkish Invasion). In: Gonçalves M.J., Gómez-Martínez S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo*. Silves; Mértola: Gráfica commercial de Loulé, 849—854.
- Teslenko I. 2018. Ceramic Import and Export of Crimea at the Final Stage of the Genoese Domination in the Black Sea Region. In: Yenişehirlioğlu F. (ed.). *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, October 19—24, 2015, Antalya*. Antalya: VEKAM, 159—163.

References

- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2003. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2002 godu (Report on the archaeological research of the medieval fortress Cembalo (Balaklava) in 2002)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. *Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 godu (Report on the archaeological research of the medieval fortress Cembalo (Balaklava) in 2002)*. Saint Peterburg, Simferopol: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Gertsen, A.G., Naumenko, V.E. 2005. In: Bocharov, S.G., Myts, V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomorya i Prichernomorya X—XVIII vv. I (Glazed pottery of Mediterranean and Black Sea Region of the 10th — 18th centuries)*. Kiev: Stylos, 257—287 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2005. *Krepostnoy ansambl' Funy 1423—1475 gg. (Funa fortress ensemble of 1423—1475)*. Kiev: Stylos (in Russian).
- Myts, V.L. 1988. In: Bibikov S.N. (ed.). *Arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu (Architectural and Archaeological Research in Crimea)*. Kiev: Naukova dumka, 97—115. (in Russian).
- Myts, V.L. 1991. *Ukrepleniya Tavriki X—XV vv. (Fortresses of Taurica of the 10th — 15th cc.)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Myts, V.L. 2005. In: Bocharov, S.G., Myts, V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomorya i Prichernomorya X—XVIII vv. I (Glazed pottery of Mediterranean and Black Sea Region of the 10th — 18th cc.)*. Kiev: Stylos, 288—305 (in Russian).
- Myts, V.L. 2009. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty (Caffa and Theodoro. Contacts and conflicts)*. Simferopol: Universum (in Russian).
- NA IA NANU. № 1986/25. Myts V.L. 1986. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovykh ukrepleniya Aluston i Funa v 1986 g.*
- NA IA NANU. No. 1990/21a. Myts V.L., Kirilko V.P. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniya Funa v 1990 g.*
- NA KF IA NANU. Inv. Kn. 6. No. 1359. P. No. 1723. *Polevoy dnevnik arkh. V.P. Kirilko po arheologicheskomu issledovaniyu srednevekovogo ukrepleniya Funa bliz s. Luchistoye.*
- NA KF IA NANU. Inv. Kn. 6. No. 1359. P. No. 1723. *Polevaya opis nahodok iz raskopok srednevekovoy kreposti Funa v 1990 g.*
- Teslenko, I. B. 2004. In: Kukovalskaya, N.M. (ed.). *Sugdeyskiy sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Kiev; Sudak: Academperiodika, 467—494 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2005. In: Bocharov, S.G., Myts, V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomoria i Prichernomoria X—XVIII vv. I (Glazed pottery of Mediterranean and Black Sea Region of the 10th — 18th cc.)*. Kiev: Stylos, 385—410 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2010. In *Drevnosti (Antiquities)* 9, 216—234 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2014. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* I, 495—512, 541—560 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2015a. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* II, 428—436, 636, 637 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2015b. In: Bocharov, S.G. (ed.). *Krymskaya Gazariya i Zolotaya Orda (Crimean Gazaria and Golden Horde)*. Kishinev: Stratum Plus, 125—163 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2016. In: Borisov, B.D. (ed.) *Velikot'rnovskiyat universitet "Sv. Sv. Kiril i Metodiy" i B'lgarskata arkheologiya (Veliko Tarnovo University "St. St. Kiril and Methodius" and Bulgarian Archaeology)* 2. *Prof. d-r Boris Borisov uchenitsi i priyateli (Prof. Dr. Boris Borisov Students and Friends)*. Veliko T'rnovo: Universitetsko izdatelstvo "Sv. sv. Kiril i Metodiy", 641—654 (in Russian).
- Teslenko, I.B. 2018. In *Arkheologiya i davnia istoria Ukrainy (Archaeology and Early History of Ukraine)* 4 (29), 7—83 (in Ukrainian).
- Teslenko, I.B. 2020. In *Arkheologhiia i davnia istoriia Ukrainy (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 1 (34), 31—67 (in Ukrainian).
- Teslenko, I.B. 2021. *Keramika Kryma XV veka (Ceramics of Crimea of the 15th century)*. Kiev: IA NAN Ukrainy (in Russian).
- Aslanspa, O., Yetkin, S., Altun, A. 1989. *The Iznik Tile Kiln Excavations (The Second Round: 1981—1988)*. Istanbul: The Historical Research Foundation Istanbul Research Center.
- Carru, D. 1995. *De l'Orient à la table du Pape: L'importation des céramiques dans la région d'Avignon au Moyen âge tardif, XIVE-XVIe siècles. Documents d'archéologie vauchusienne 5. Service régional de l'archéologie*, 25—75.
- Coll Conesa, J. 2009a. Cobalt blue in medieval ceramic production in the Valencian workshops. Manises, Paterna and Valencia, Spain. *Medieval Ceramics* 31, 11—24.
- Coll Conesa, J. 2009b. *La Cerámica Valenciana (apuntes para una síntesis)*. Valencia: Rm Ediciones.

- Francovich, R., Gelichi, S. 1986. La ceramica spagnola in Toscana nel Bassomedioevo. In: Zozaya, J. (ed.). *Segundo Coloquio Internacional de Ceramica medieval en el Mediterraneo Occidental*. Madrid: Ministerio de Cultura, 297—313.
- García Porras, A., Coll Conesa, J., Romero Pastor, J., Cabella, R., Cardell Fernández, C., Nuevos, C.C. 2012. Datos arqueométricos sobre la producción cerámica de Paterna y Manises durante el siglo XIV. In: *I Congreso Internacional Red Europea de Museos de Arte Islámico. Actas*. Granada: Patronato de la Alhambra y Generalife; Victoria and Albert Museum, 419—426.
- González Ballesteros, J.A. 2015. Aproximación al análisis de la cerámica bajomedieval de reflejo metálico en la judería del castillo de Lorca. In: Fernández Díaz, A. (ed.). *I encuentro de jóvenes investigadores en arqueología de la región de Murcia: de la arqueología prehistórica a la arqueología industrial*. Espinardo: Servicio de Publicaciones. Universidad de Murcia, 497—538.
- Gutiérrez, A. 2000. *Mediterranean Pottery in Wessex Households (13th to 17th centuries)*. Oxford: Biddles LTD (BAR 306).
- Hayes, J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery*. Princeton: Princeton University Press.
- Lerma, J.V., Marti, J., Pascual, J., Soler, M.P., Escriba, F., Mesquida, M. 1986. Sistematización de la loza gotico-mudéjar de Paterna/Manises. *Atti del III Congresso internazionale La ceramica medievale nel Mediterraneo occidentale (Siena, 8—12 ottobre 1984, Faenza, 13 ottobre 1984)*. Firenze: All’Insegna del Giglio, 183—203.
- Ray, A. 1999. *Spanish Pottery 1248—1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum*. London: V&A publication.
- Teslenko, I. 2015. The Crimean Glazed Pottery of the 15th century (Local Production before Turkish Invasion). In: Gonçalves, M.J., Gómez-Martínez, S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo*. Silves; Mértola: Gráfica comercial de Loulé, 849—854.
- Teslenko, I. 2018. Ceramic Import and Export of Crimea at the Final Stage of the Genoese Domination in the Black Sea Region. In: Yenişehirlioğlu, F. (ed.). *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, October 19—24, 2015, Antalya*. Antalya: VEKAM, 159—163.

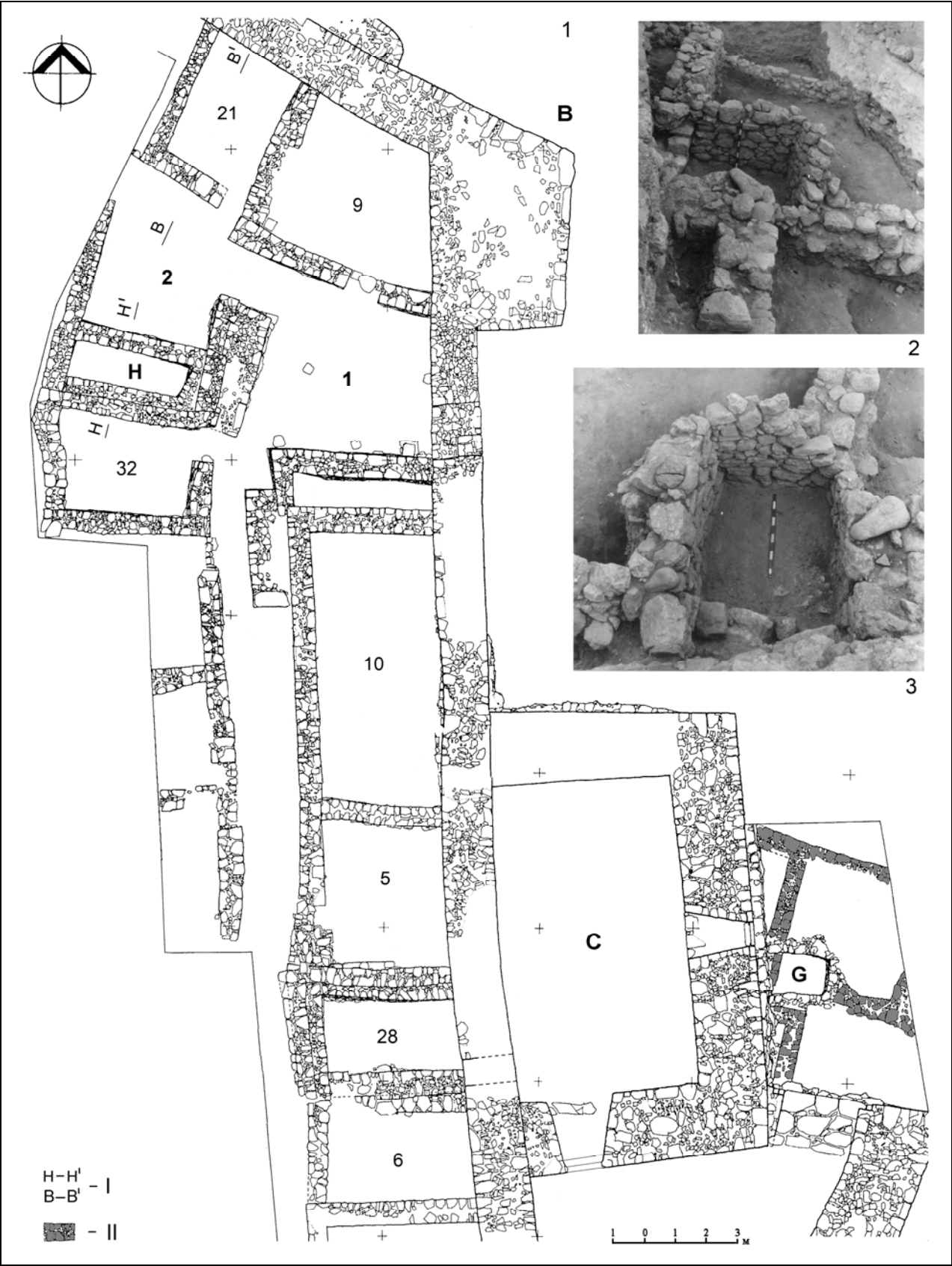

Рис. 1. Замок Фуна: I — локализация в Таврике первой четверти XV в.: I — территория коммуны Генуи; II — владения Феодоро (по Мыц 2009); II — план крепости и картограмма строительных периодов фортификационных сооружений: I — 1423 г.; II — вторая четверть XV в.; III — 1459—1475 гг. (по Кирилко 2005); IV — пифосы и пифосные ямы; I—4 — дворы; 9 — кордегардия; 10 — казарма; 5, 6 ... 44 — жилые, хозяйственные и др. строения; A — северная башня; B — угловая башня; C — донжон; D — въездная башня; E — цистерна; F — надвратная церковь; G — накопитель нечистот донжона; H — выгребная яма гарнизонного туалета.

Fig. 1. Funa Castle: I — localization in Taurica in the first quarter of the 15th c.: I — territory of ‘Commune di Genova’; II — possession of Theodoro principality (after Myts 2009); II — plan of the fortress and a cartogram of building periods of fortifications: I — 1423; II — second quarter of the 15th c.; III — 1459—1475 (after Kirilko 2005); IV — pithoi and pits; I—4 — yards; 9 — guardhouse; 10 — barracks; 5, 6 ... 44 — dwellings and other buildings; A — northern tower; B — corner tower; C — donjon; D — entrance tower; E — cistern; F — gate church; G — cesspool of the donjon; H — cesspool of the garrison toilet.

Рис. 2. Замок Фуна: 1 — план северо-восточной части крепости: *I* — линии стратиграфических разрезов; *II* — остатки построек предшествовавших крепости; *B* — угловая башня; *C* — донжон; *G* — накопитель нечистот донжона; *H* — выгребная яма гарнизонного туалета; *1, 2* — дворы; *9* — кордегардия; *10* — казарма; *5, 6, 21, 28, 32* — жилые и хозяйственные строения; *2* — выгребная яма донжона и остатки кладок строений, предшествовавших крепости, общий вид с юга; *3* — выгребная яма донжона, вид с запада, сверху (по Кирилко 2005).

Fig. 2. Funa Castle: 1 — plan of the north-eastern part: *I* — lines of stratigraphic sections; *II* — remains of buildings that preceded the fortress; *B* — corner tower; *C* — donjon; *G* — cesspool of the donjon; *H* — cesspool of the garrison toilet; *1, 2* — yards; *9* — guardhouse; *10* — barracks; *5, 6, 21, 28, 32* — dwellings and storage rooms; *2* — cesspool of the donjon and the remains of the structures that existed before the fortress, a general view from the south (after Kirilko 2005); *3* — cesspool of the donjon, view from the west (after Kirilko 2005).

1

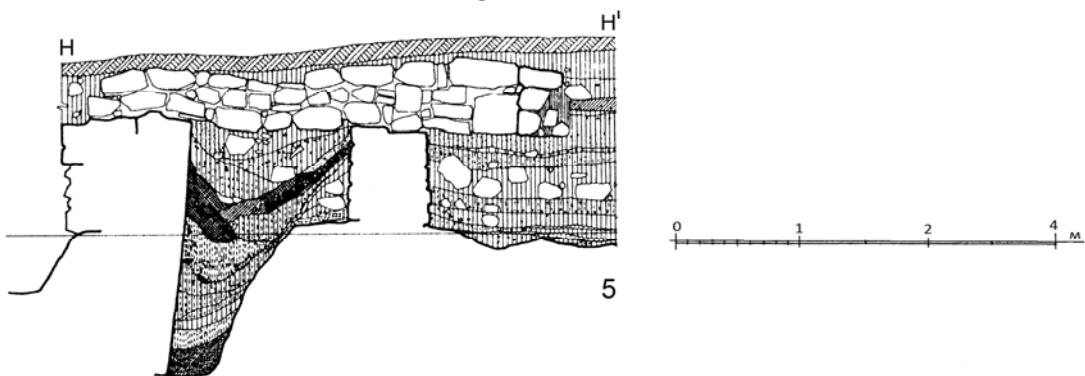
2

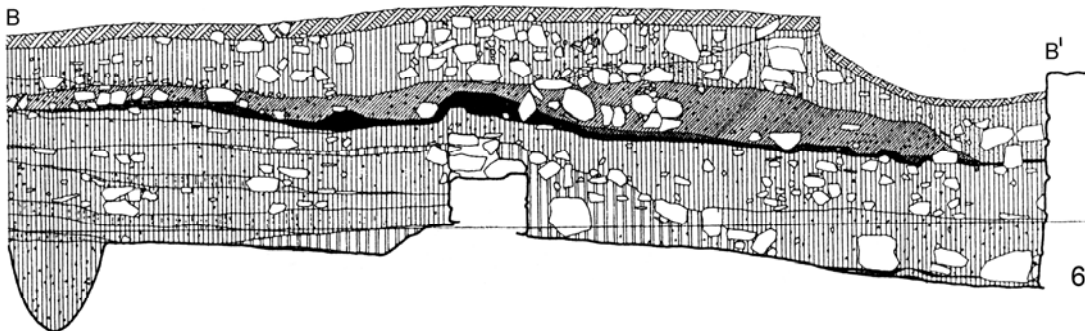
3

4

5

6

Рис. 3. Замок Фуна: 1 — кладка дома XVIII—XIX вв., перекрывавшая стены гарнизонного туалета, вид с северо-востока; 2 — двор № 2, выгребная яма гарнизонного туалета, хозяйственное строение № 32, вид с севера; 3 — проход между дворами № 1 и 2, фундамент каменной лестницы второго строительного периода (кладка № 133), выгребная яма, хозяйственное строение № 32, вид с востока; 4 — выгребная яма гарнизонного туалета, вид с запада (по НА ИА НАНУ. № 1990/21а); 5, 6 — стратиграфические разрезы.

Fig. 3. Funa Castle: 1 — masonry of the 18th — 19th cc. over the walls of the garrison toilet, view from the northeast; 2 — yard No. 2, cesspool of the garrison toilet, building No. 32, view from the north; 3 — the passage between yards No. 1 and 2, the remains of a stone staircase of the second building period (masonry No. 133), a cesspool, building No. 32, view from the east; 4 — cesspool of the garrison toilet, view from the west; 5, 6 — stratigraphy.

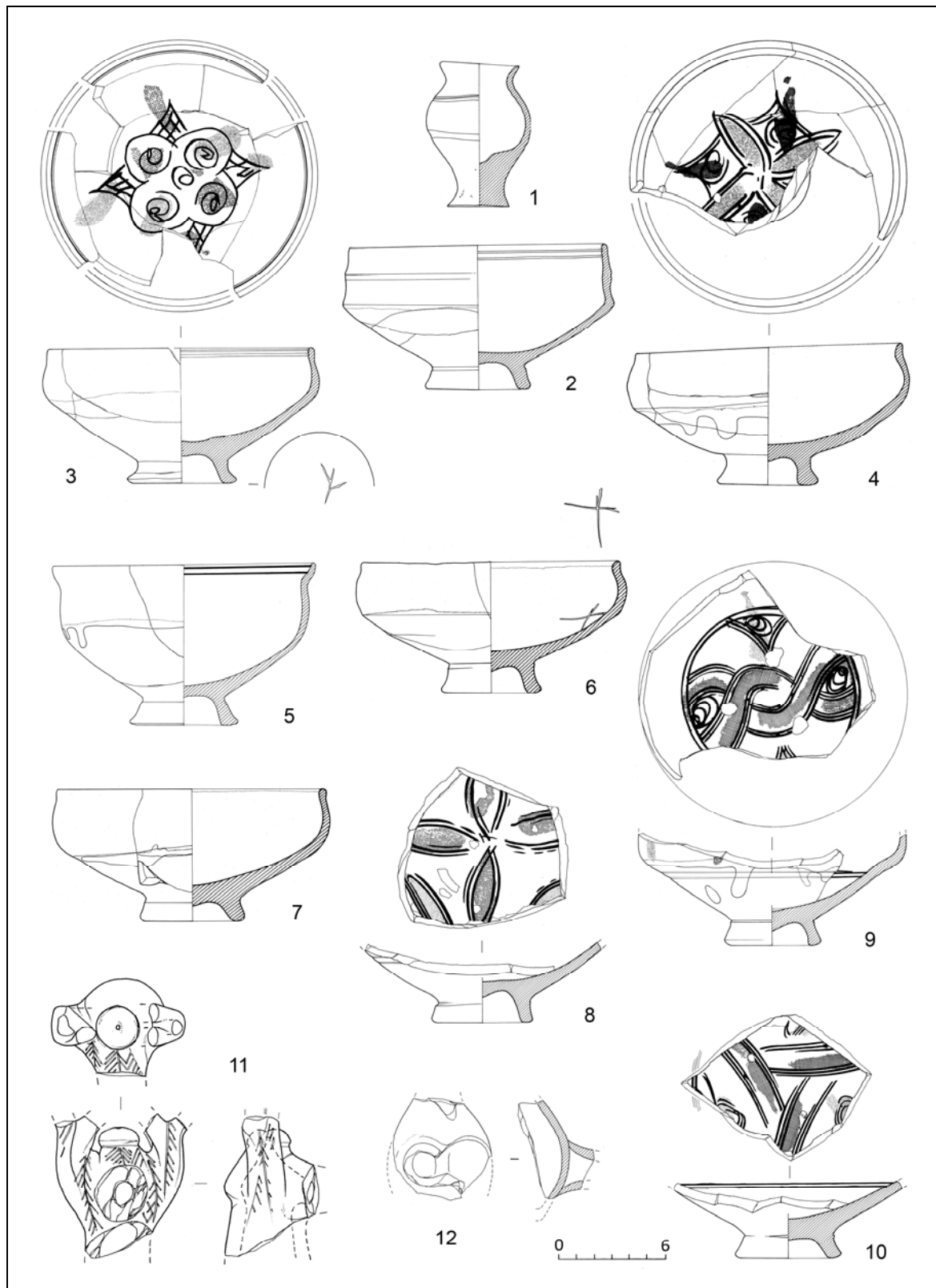
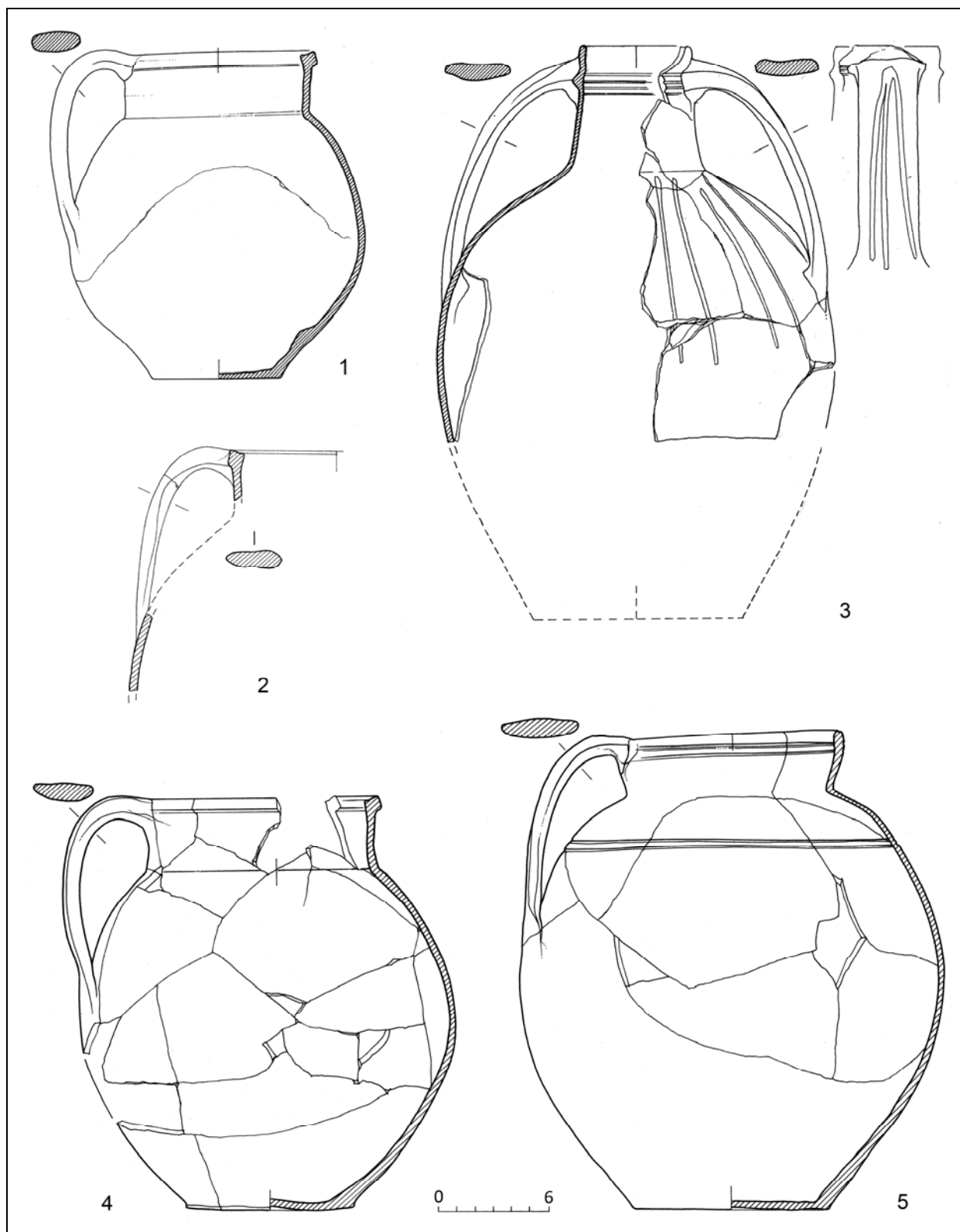

Рис. 4. Крепость Фуна, накопитель донжона (1—4) и выгребная яма гарнизонного туалета (5—12). Неполитая (1, 11, 12) и политая (2—10) керамика: 1—10 — группа ЮБК; 11, 12 — группа ЮЗК.

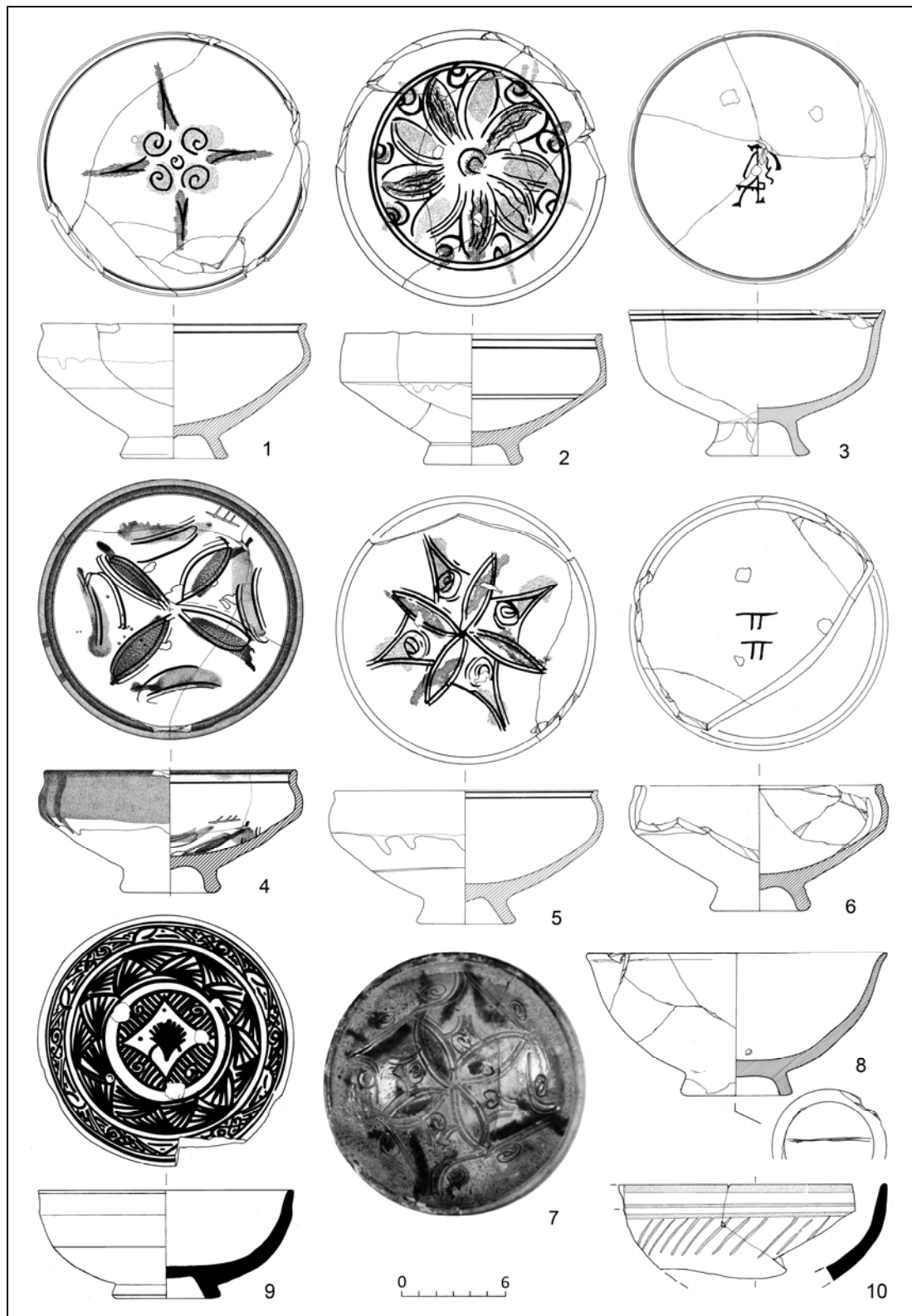
Fig. 4. Funa Fortress, the donjon (1—4) and the garrison (5—12) cesspools. Nonglazed (1, 11, 12) and glazed (2—10) ceramics: 1—10 — the Southeast Crimea Group; 11, 12 — the Southwest Crimea Group.

Рис. 5. Крепость Фуна, выгребная яма гарнизонного туалета. Неполивные сосуды: 1, 2, 4 — горшки группы ГРВ; 3, 5 — кувшин и горшок группы ЮЗК.

Fig. 5. Fortress Funa; the cesspool of the garrison toilet. Nonglazed vessels: 1, 2, 4 — imported pots of the 'Pots with a Rail-shaped Rims' Group; 3, 5 — the local pitcher and a pot of the Southwest Crimea Group.

Рис. 6. Крепость Фуна, выгребная яма гарнизонного туалета. Поливная посуда: 1—7 — чаши группы ЮВК, местное производство; 8 — чаша предположительно Анатолийского центра; 9, 10 — испанская майолика.

Fig. 6. Fortress Funa; the cesspool of the garrison toilet. Glazed ceramics: 1—7 — local bowls of the Southeast Crimea Group; 8 — a bowl presumably from Anatolian centres; 9, 10 — Spanish Majolica.

Рис.7. Крепость Фуна, выгребная яма гарнизонного туалета. Неполивная керамика: 1—6 — группа ЮЗК; 7 — группа ЮБК.

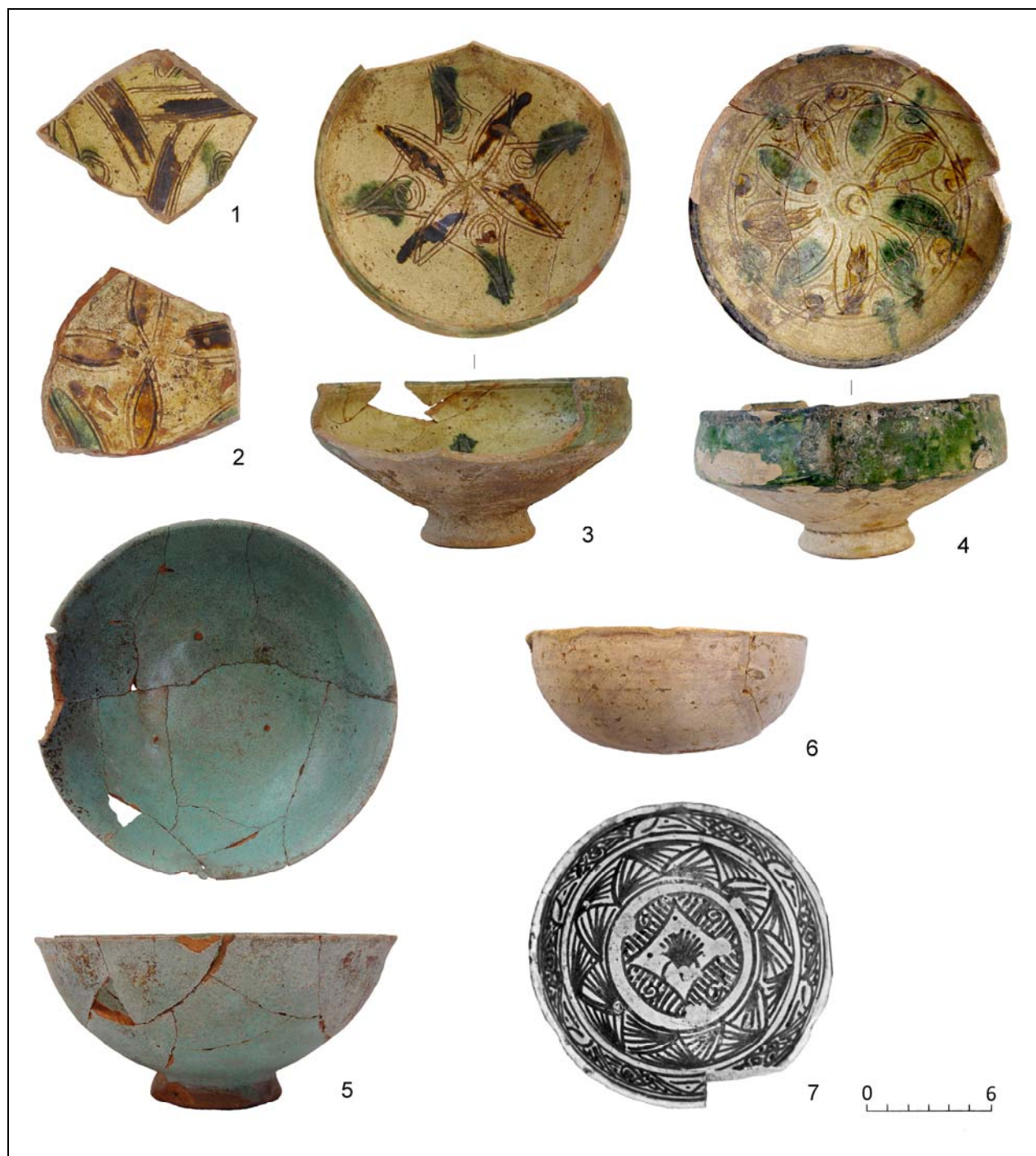
Fig. 7. Funa Fortress; the garrison cesspools. Nonglazed ceramics: 1—6 — the Southwest Crimea Group; 7 — the Southeast Crimea Group.

Рис. 8. Крепость Фуна, накопитель донжона (5, 9) и выгребная яма гарнизонного туалета (1—4, 6—8). Поливная керамика, группа ЮВК.

Fig. 8. Funa Fortress; the donjon (5, 9) and the garrison (1—4, 6—8) cesspools. Glazed ceramics, the Southeast Crimea Group.

Рис. 9. Крепость Фуна, выгребная яма гарнизонного туалета. Поливная посуда: 1—4 — чаши группы ЮВК, местное производство; 5 — чаша предположительно Анатолийского центра; 6, 7 — испанская майолика.

Fig. 9. Fortress Funa; the cesspool of the garrison toilet. Glazed ceramics: 1—4 — local bowls of the Southeast Crimea Group; 5 — a bowl presumably from Anatolian workshop; 6, 7 — Spanish Majolica.

УДК 902/904+551.1

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.71.26.019

В.Б. Панковский

**АРХЕОСФЕРА ЗЕМЛИ
(АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АРХЕОСФЕРЫ)***

Специализированное видение планетной «сферы древнего» отрефлексировано, сформулировано и соотнесено с концептами внеземной археосферы, антропогенно изменённой тверди, ископаемой реальности, археологической записи, всеобщности памятников. Форма, характер, сущность и функция археосферы раскрыты изучением её компонентного состава ввиду процессов культурогенеза и археогенеза во всеохватности взаимоотношений археологических универсалий. Новая модель рассматривает археосферу как глобальную систему упокоенных и возвращаемых, связно-иерархически универсализированных объектов двойственного генезиса; это системное запечатление поведенческих и неповеденческих преобразующих процессов циклического характера — депонирования и реактивации сложного многообразия феноменов культурно-природной синергии. Прогнозируется обсуждение структуры и периодизации археосферы, её места среди земных систем. Дисциплины же и субдисциплины археологической науки заняты созданием археосферной концепции реальности.

Ключевые слова: Земля, археосфера, культурогенез, археогенез, универсалии, археология, археистория.

Сведения об авторе: Панковский Валентин Борисович, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной академии наук Украины; e-mail: vpns@ukr.net.

V.B. Pankowski

**THE ARCHAEOSPHERE OF EARTH
(AN ARCHAEOLOGICAL CONCEPTION OF ARCHAEOSPHERE)**

A specialized vision of a “sphere of the archaic” is proposed. Extraterrestrial archaeosphere, humanly modified ground, fossil reality, archaeological record, and totality of archaeological objects are among the concepts that have contributed to the newer construct. The archaeosphere’s form, nature, essence, and function are revealed by analyzing its components in terms of formation processes as well as in view of the mutuality continuum amongst archaeological universals. The model treats this global system as a coherent universalized hierarchy of double-natured entities which are subject to deposition and recovery, an extensive systemic imprint of behavioral and non-behavioral conversion of the variety of phenomena of culture-to-nature synergy. Further discussion is expected, with the archaeosphere amidst Earth systems, its structure and periodization under special vigilance. What the archaeological megadiscipline regularly does is creating an archaeospheric conception of reality.

Key words: Earth, archaeosphere, cultural genesis, archaeogenesis, universals, archaeology, archaeohistory.

About the author: Pankowski Valentin Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: vpns@ukr.net.

---

* Статья поступила в номер 11 декабря 2021 г.
Принята к печати 28 декабря 2021 г.

Суть дела

«Major e longinquo reverentia» — сказал бы Тацит (Ann., I, 47), доведись ему интересоваться историей понятия «археосфера». Известно ведь, что автор термина (Capelotti 2009) отнёс к археосфере места мягких и жёстких посадок космических аппаратов на Марсе и на Луне, где, кстати сказать, есть и ударный кратер с когноменом автора «Анналов».

Итак, поначалу археосфера означала приметы людской деятельности у далёких пределов антропосферы, на поверхностях небесных тел. Недавно оформилось также земное межсферное понимание археосферы как объекта междисциплинарных исследований (Edgeworth et al. 2015: 54; Edgeworth 2017). При этом область интересов, пределы компетенции и характер связей собственно археологии в изучении этого планетного явления по-прежнему нуждаются в основательной проработке, а без целостной и обстоятельной отраслевой концепции археосферы здесь никак не обойтись. «Отраслевой» не означает «узкой», «выборочной» или «частной»; лучше сказать «специальной», так как концепция призвана отвечать как давно очевидным, так и едва зародившимся запросам археологии и, вместе с тем, обогащать общенаучное понимание археосферы и теорию земных систем в целом.

Подступы к такой концепции и представлены ниже. Представлению предшествовало исследование. Его цель — выработка концепции — достигалась путём сближения теоретической археологии и междисциплинарной теории земных сфер. Далее следует особым образом сфокусированное толкование нескольких специализированных трудов, выполненное с намерением актуализировать, предуготовить и сформулировать проект археологической концепции археосферы Земли. Взят, разумеется, лишь минимально необходимый базис подходящих работ, идей и постулатов, тогда как всякому повторному обращению к проблеме надлежит осваивать куда более пространное мыслительное изобилие мирового археологизирования.

Космическая концепция

Первоначально археосфера определялась, во-первых, как область интересов аэрокосмической археологии и, во-вторых, как пространство и пункты её исследований. Такое двоякое понимание (Capelotti 2009: 855—866) представляется весьма глубокомысленным и действенным. Так, предметная познаваемая сторона упомянутой области интересов — это сама разумная жизнь, в т. ч. людская за пределами Земли; орбитальная археология именует себя археологией разумной жизни. Объектную же сторону составляют источники знаний о разумной жизни вкупе с методами их обнаружения, опознания и изучения.

Пространство археосферы — Вселенная. Вселенная вмещает археосферу. Элементарной единицей археосферы выступает археологическое *запечатление* (*примета, знак*) разумной жизни. Археосфера структурируется по уровням наблюдения запечатлений (местонахождение, район, планета, галактика), а также в стратиграфическом отношении — на поверхностную, приповерхностную и глубинную (подземную, подводную).

Земная археология занята депозитами. Но учитывая поистине вселенские измерения пространственно-временного контекста археосферы, а также специфику приёмов наблюдения и контроля, для постижения её двойственной сущности критически важны как всякое запечатление, так и всякое прямое, длящееся *свидетельство* разумной жизни. И если запечатление — это понятийное детище и облюбленный объект аэрокосмической

археологии, то её материнская дисциплина — астробиология (экзобиология) — интересуется именно свидетельствами (контактами, визитами, действующими аппаратами и прочими активными артефактами разумной жизни), особо не акцентируя свойства отложения, упокоения и, если угодно, ископаемости. Тем более примечательно, что, в силу пространственно-временных свойств необъятного, моделирование возможностей обнаружить запечатления и свидетельства с необходимостью оперирует не чем иным, как стадиями технологического развития и культурной эволюции! Да-да, Азимов следовал Чайльду. Стадиальное ранжирование применяется потому, что поступление реальных запечатлений и свидетельств разумной жизни, различных средствами дистанционного зондирования, можно ожидать только со стороны высокотехнологических внеземных цивилизаций — былых и нынешних. Весьма отдалённые охотники-собиратели и земледельцы-скотоводы — былые и нынешние — не могли и не могут явить себя в поле земного восприятия. Как бы то ни было, сама идея о давно или недавно отживших цивилизациях, способных, наряду с предполагаемыми ныне существующими, оставить доступные знаки и руины, подразумевает отжившее и депонированное состояние запечатлений, т.е. археосферу.

Безмолвно-непроницаемое громадьё искусственной биосферы Дайсона, буде в таковой иссякнет жизнь, как раз и составило бы лабораторную модель археосферы, модель субгалактического ранга, внутри замкнутости которой формировались бы и откладывались запечатления былых деяний. Земные мерилы времени-и-пространства к этим запечатлениям не вполне применимы. Конечно, по данным орбитальных и наземных инструментов, работающих с различными видами электромагнитного излучения, обе археологии, земная и аэрокосмическая, формируют образы *артефактов* и *структур* в контексте местонахождений, как регулярно делается в реальном времени с заброшенными и погребёнными объектами на Земле. Речь идёт о производимых дистанционными и контактными методами фотограмметрии и магнитометрии, георадарном сканировании и зондировании, измерении электрического сопротивления грунтов (Rączkowski 2012: 376—389). Но к археологическим запечатлениям (*sic!*) относят и *тёмную область пространства*, где, по предположению, излучение центральной звезды некой планетной системы всецело поглощается (поглощалось) некой артефактной дайсоновой сферой. Логически мысля, опознавательным свойством подобного запечатления, если не самим запечатлением, следует считать *радиоизлучение*, маркирующее тёмную область, независимо от того, жива она или мертва в любой из моментов земного времени. Таким образом, достигающие земных телескопов радиовсплески, понимаемые в экзобиологии как сигналы, сообщения, т.е. *свидетельства*, на деле представляют собой всё те же волновые *запечатления*, *знаки*: их источники или уже угасли, или, по допущению, изменились до неузнаваемости. Такую вот пограничную, переходную сущность свидетельств и запечатлений выражает нейтральный термин *показатель* разумной жизни; он, к тому же, гибко приспособлен к обсуждению всякого рода мнимых индикаторов, а также естественных средовых показателей (маркёров) пригодности локуса для жизни. На функциональном же уровне трактовка предельно конкретна: радиоволновые передачи суть возможные эманации самой разумной жизни, тогда как зримые структуры — её продукт, но не она сама. Под структурами понимаются не только *сооружения*; это также *следы (отпечатки)* и *остатки* некой регулярной конфигурации. Другое дело — поиск сравнительных экспертных доводов за и против принадлежности той или иной структуры к артефактам разума.

Космическая археосфера (дословно «изучаемая археосфера») обособлена в пространственном и средовом отношениях от сфер Земли: она далека (Capelotti 2009: 862,

864). Она отдельна от окружения по природе и составу. Это наводит на мысль, что во всяком биосферно-литосферном (а также гидро- и атмосферном) контексте памятники разумной жизни подлежат обособлению концептуальными и классификационными средствами от иных планетных сфер.

Стало быть, археосфера есть и на Земле? Есть, и об этом — в следующем разделе. Здесь же важно уловить и усвоить уроки аэрокосмической концепции. Итак, археосфера

- наделена пространственно-временной протяжённостью,
- характеризуется собственной специфической топографией,
- иерархически структурирована и
- представляет собой ресурс археологических источников к познанию былых цивилизаций.

Концепция археосферы пользуется технологической стадийной периодизацией и, с другой стороны, расположена устанавливать локальные культурно-хронологические секвенции археологических общностей.

Геостратиграфическая концепция

Археосфера осмысляется в археологии, геологии и почвоведении в связи со стратиграфическими критериями антропоцена. Антропоцен, по мнению ряда исследователей, — это геологическая эпоха, в которой воздействия человека на земные системы приобрели глобальный размах (обзор см.: Braje 2015). Согласно другим специалистам, антропоцен не является геологической эпохой, так как рассредоточен во времени и не выражен самостоятельными собственно геологическими отложениями (Edgeworth et al. 2015: 33, 34, 53). Археосфера же понимается как *видоизмененные человеком отложения, антропогенно преобразованная твердь верхней части геосферы* (Edgeworth et al. 2015: 35, 36, 53-54), где «верхняя часть геосферы» означает приповерхностные и поверхностные отделы литосферы и педосферу. У археосферы, в таком понимании, имеется нижняя твердо-, газо- или жидкофазная граничная поверхность, или Граница А, отделяющая её от природных отложений — граница диффузная, ступенчатая, перемешанная. В Восточной Азии она известна как несогласное напластование Жэньцзы (Edgeworth et al. 2015: 35—36, 48, 54, fig. 1).

К началу дискуссии о стратиграфии антропоцена геологи уже давно распознавали искусственную (антропогенную) твердь. С точки зрения специалистов по археосфере (Edgeworth et al. 2015: 36), в археологии представления о ней и её нижней границе сложились в учения о культурном слое и процессах образования, отразившись в терминах «поверхность природного», «материк». Принимая во внимание комбинирование методов и понятий археологии, геологии и почвоведения, а также экологии, в осмыслении пограничного, межсферного характера археосферы и её границы (Edgeworth et al. 2015: 34—35, 39, 44), нетрудно заметить, что в рассматриваемой концепции как таковой, а также в выборе идей, понятий и терминов, называемых предтечами, положительно преобладает геостратиграфическое видение с нацеленностью на антропогенно преобразованную твердь. Она — вмещающая среда для всяческих рукотворных включений; она и есть археосфера. Факторами её формирования являются, прежде всего, стимулируемые человеком межслойные взаимодействия. Она результируется как материальная остаточная часть техносферы или антрозоны (Edgeworth et al. 2015: 34, 36, 39, 43; Edgeworth 2017).

На этом обзор археосферы с позиций геостратиграфии прерывается. Но к нему понадобится обратиться ещё не раз при обсуждении археологической концепции.

Предпосылки собственно археологической концепции

Рассмотренные концепции уже содержат элементы и отношения, необходимые и полезные для построения отраслевой археологической концепции археосферы Земли, хотя ни первая, ни вторая таковой не являются. Обе воздерживаются от ввода археосферы в ряд земных систем с позиций теоретического самоопределения археологии. Археологическое исследование, тем временем, исходит из того, что совокупный источник происхождения ископаемых реалий включает:

- человека современного биологического вида с его ископаемыми предками — индивидуальных и собранных в популяции освоителей Земли,
- общество как форму освоения и адаптации,
- культуру как видовое приспособительное свойство информационно-нормативного межпоколенного характера и
- земные системы, составляющие среду освоения и адаптации.

Всё это не что иное, как *компоненты* антропосферы — сложной открытой системы человеческого на Земле. Подобные *специфические компоненты археосферы* как раз и следует отыскать, прежде чем соотносить её с главными геосферами и их компонентами. Можно выразиться и по-другому: соотношение станет возможным при наличии системного представления о сущностной форме, внутреннем характере, собственной сущности и функции археосферы.

О зыбких, лежалых и твердокаменных

Литостратиграфическое понимание археосферы в составе более крупных единиц обусловило анализ *частей*, составляющих её и входящих в её состав, но не *компонентов*. Во всяком случае, понятие своего рода *веществ археосферы*, в развитие взглядов В.И. Вернадского, пока не выработано.

К частям археосферы, если обобщить упоминания (Edgeworth et al. 2015: 36, 40, 52), относятся:

- антросолы, техносолы, пахотные земли;
- сосредоточенные отложения населённых пунктов;
- свалки;
- дорожные и береговые покрытия, насыпные конструкции;
- полостные и объёмные объекты в земной тверди.

Артефакты же и некоторые компактные (сравнительно с отложениями) материалы занимают иное место в геостратиграфических воззрениях. Подобно руководящим ископаемым, *технофоссилии* служат граничными и внутренними указателями, чем и определяется их группирование. С одной стороны, они предстают разновидностями технологического вещества (керамика, металлы, химические удобрения, пластик, радионуклиды). Тогда, независимо от форм и назначения предметов (если это предметы), они маркируют послойные границы важнейших технологических фаз антропоцена внутри археосферы (Edgeworth et al. 2015: 42, 43, 44, 53). С другой стороны, артефакты (напр., орудия) и конгломераты технологического вещества (напр., мусор) рассматриваются отвлечённо от их материала как привнесенные включения и приметы археосферы и её частей (напр., антросолов) (Edgeworth et al. 2015: 36, 39, 43). Маркёры (эпохально значимые вещества) и приметы (по свойству рукотворности), считаясь содержимым археосферы, не считаются её частями. Учитывая длительность фаз антропоцена и разновременное продолжительное внедрение древнейших рубежных достижений (земледелия, керамики и металлопроизводства), геостратиграфическая концепция не нуждается в утончённом анализе артефактов для расстановки стратиграфических границ: достаточно опознать руководящее технологическое вещество отложений известного

генезиса, а последовательности и датировки эпохальных сдвигов заимствуются из региональных культурно-хронологических схем. Не случайно значимость свойств и признаков керамики оценивается по возможности применить их для датировки и сравнения отложений (Edgeworth et al. 2015: 42). Артефакты, сооружения, фаунистические и растительные остатки, состав и культурное структурирование отложений мыслятся индивидуальными и согласуемыми маркёрами археосферы, которые могут выноситься за её пределы естественными процессами (Edgeworth et al. 2015: 52), и тогда они, следственно, уже не являются ни маркёрами, ни приметами. Людские останки — органический «палеонтологический» маркёр. Правда, они привычно концентрируются и пространственно организуются, внося регулярность в нижнюю границу археосферы, сопрягая артефакты и образуя особые смешанные феномены, где технофоссилии, иногда токсичные для среды, совмещены с останками в виде протезов, имплантов и пломб¹ (Edgeworth et al. 2015: 44, 52).

Это очень добротное и ясное, но, конечно, не единственно возможное видение. Археология выработала и другие, выводящие, пусть и не напрямую, а с уточнениями и дополнениями, на компоненты археосферы.

Искапаемая реальность

Для начала — материал, близкий восточноевропейским исследователям.

Как фундаментальную теоретическую проблему Ю.Н. Захарук (1975а; 1975б; 1976; 1978; 1990) рефлексировал природу и статус археологической культуры. Искомость категорийного статуса разумелась как выбор между объективным существованием и функцией познавательности. Природа археологической культуры — это единство её генезиса, сущностной формы, внутреннего характера и познавательной функции, отличающих её от собственно культуры.

Ю.Н. Захарука заботил домен археологии как исторической науки с её предметом, источниками и методами, которые негоже рассеивать, туманить и раздавать, а напротив — надлежит спланировать, очищать и хранить. Ему чуждо представление археологической культуры в виде многообразной целостности традиционной культуры, а точнее — в виде той крупной порции традиционной культуры, которой занимается археология (меньшая — за этнографией). Годится ли всерьёз уравнивать то, что могут наблюдать и этнограф, и археолог, и то, что ни археолог, ни этнограф наблюдать не могут? Культура 1975 г. до н.э. познаваема, но не наблюдаема, культура 1975 года н.э. наблюдаема и познаваема. Археологическая культура Ю.Н. Захарука — понятие систематизационное и процедурное; это *не культура*. Отсюда и вопрос о природе археологической культуры, а на деле, исходно — о природах двух действительностей.

(В раннем тезисном нарративе *наблюдения* нет. Сказано, что культура и общество в природном окружении суть предметы *познания* тогда, когда доступны *познанию* непосредственно в настоящем (Захарук 1975б: 13). Так как настоящему противополжено будущее, можно было бы счесть это суждением о непредметности и непознаваемости того, что не есть действительность. Однако рядом, заодно, пристроились культура, общество и природа прошлой действительности; чем не предметы познания, если они познаются, и на то есть археологическая культура (Захарук 1975б: 14)? Отсюда и дополнение: непосредственная доступность познанию предполагает *наблюдение* действительности, тогда как ненаблюдаемая прошлая действительность познаётся по следам и останкам (ср.: Захарук 1976: 7; 1978: 53). Принимая такую интерпретацию, в целях данного исследования можно

¹ Очень древние пломбы см. в Oxilia et al. 2017.

впредь не отвлекаться на нескладности, повсеместно ожидающие специалиста, заранее не осведомлённого об особенностях прочтения онтологического и гносеологического в трудах Ю.Н. Захарука. Сказанное не означает, что ситуация теперь уже вовсе не заслуживает внимания; анализ противоречий и следствий применительно к проблематике археологической культуры см., напр., в Клейн 1991: 180—183; 2012: 285, 286).

Итак, согласно Ю.Н. Захаруку, *историческая действительность* есть особая динамическая система с тремя структурными феноменами (компонентами). Это:

- культура — человеческая деятельность с её результатами,
- общество и
- природа, т.е. собственно *natura*.

И вот, некая системная действительность более не наблюдаема. Человек, общество и натура пока отступают на задний план: теперь в основном обсуждается культура — как *культура*, — и вводится понятие второй действительности.

Это *ископаемая действительность* — наблюдаемая, объективированная совокупность (агрегат) *следов* и *останков* культуры исторической действительности прошлого (= с. и о. прошлого). Любая обособленная единица из числа этих феноменов есть археологический объект; стало быть, и некое множество (не совокупность!) следов и останков можно называть археологическими объектами.

Само же ископаемое категоризируется надвое.

(1) Археологическая культура — исследованная, научно зафиксированная и систематизированная совокупность источников познания исторической действительности прошлого в трёх её компонентах. Источники эти исторические, но особые — ископаемые вещественные.

(2) Непоименованная категория — неисследованная часть, резервуар объектов.

В категории «следы» (опять категория; это, как видно, стационарные объекты) различимы две субкатегории, где сравнительно обширное включает то, что помельче:

<i>следы</i>		<i>останки</i>
<u>памятники</u> <i>или</i> <u>местонахождения</u>	[следовые] <u>объекты</u>	предметы изделия
поселения могильники	жилища погребения хозяйственные сооружения культовые сооружения	

Останки же (объекты движимые) «в органическом и функциональном единстве» распознаются как комплексы (комплексы останков!); соотношения комплексов со следами и субкатегориями следов не специфицированы, но это было бы уместно сделать, в частности, с погребениями. Акцентируется другое свойство следов: многокомпонентные, накопительные памятники характеризованы как компрессивные объекты, хотя компрессии подвержены следы и останки в целом. Поэтому *археологический универсум* и определяется как результирующая совокупность памятников или же глобальная суммативная система следов и останков, где самое раннее соотносится с предками современного человека, а позднейшее — средневековое (Захарук 1976: 8). Следуя представленной выше дихотомии, ископаемая действительность всё же получается шире универсума, который не есть целостная данность древностей, но суть добытый и систематизированный источник (Захарук 1975б; 1976: 8;

1978: 49, 54), своего рода глобальная археологическая культура (Захарук 1975б), хотя иные прочтения склонны отождествлять ископаемую реальность и универсум (напр., Классификация 2013: 12). Вмещающая среда понимается как условия естественного залегания: ископаемая реальность *in toto* обособлена в них и от них по природе, а конкретно универсум необходимо извлечён и препарирован. Рядом залегли «палеонтологические» и «палеоантропологические» объекты — следы и останки природной среды и общества, не принадлежащие ископаемой реальности, можно сказать — универсумы других наук в помощь археологии (однако в Захарук 1978: 50 они прямо названы принадлежащими ископаемой действительности; см. тж.: Захарук 1964: 20, 23—24).

Генезис археологической культуры связывается с прекращением культурной деятельности. Хорошо. Но объяснять, что археологическая культура лишена деятельности, динамичности и развития — это ли уместный дидактический приём? С одной стороны, указанием на отсутствие он аналогизирует археологическую культуру с той самой культурой настоящей действительности, от которой взяли было концептуально обособиться. А с другой — так ли уж и лишена? Это не вопрос для беглого разбора, да и утверждение Ю.Н. Захарука возникло неспроста.

В самом деле, природа ископаемой действительности и её фракций представлялась исследователю недвижимой. Взять, для начала, сущностную форму. Так, археологические объекты — это не сами результаты былой культурной деятельности, а следы и останки результатов. Если речь идёт о природе крупных общностей материала, то, прежде всего, о внутреннем характере «мира следов и останков» (Захарук 1975а; 1975б; 1976; 1978; 1990):

<i>характеристики феноменов</i>		<i>«живая» культурная деятельность и её результаты</i>	<i>«мёртвые» следы и останки результатов</i>
тип системы		динамичная развивающаяся	статичная завершённая
источники развития		внутренние	внешние
показатели компонентов	наличие	полное	выборочное
	состояние	целостное, подлинное	фрагментарное, изменённое
	диагностичность	полная	частичная
	связи	органичные	агрегативные
	функции	актуальны	утрачены
позиция времени		наблюдаемая	компрессивная

В общем, в упомянутых до сих пор составляющих природы ископаемой действительности разлиты непричастность живому, прекращение, выход и — как очень зримые выражения — накопление, стяжение в единую колонку. С перечисленным согласуется и познавательная функция археологической культуры, направленная на прошлую действительность уже как на систему со всеми компонентами. Следы и останки теперь представляют и общество, и взаимодействие общества с природной средой.

Таким образом, самый интересный в нынешнем случае урок Ю.Н. Захарука — об ископаемой действительности, всеобщности археологических рукотворных объектов. Те, которые систематизированы, таксономически организованы, слагают археологическую культуру или универсум — глобальное полотно, из которого типо-комплексными средствами кроются и сшиваются малые археологические культуры. Ископаемая действительность, как вмещающее целое, тоже, разумеется, глобальна, а также вместительна

по датировкам — настолько, насколько длительно человеческое (кроме постсредневекового), избирательно распространяясь на следы и останки самого рода людского и на следы и останки его контактов со средой; следовательно, познавательность охватывает феномены первой действительности отраслевой выборкой источников. Но эти же источники служат познанию самой ископаемой действительности. Похоже, что это не только об археологическом источниковедении, но и о познании ископаемого как оно есть, безотносительно познания исторической реальности. Действительно, накопительная компрессия запускается выпадением следов и остатков «из исторического процесса»; в условиях естественного залегания памятники фрагментируются, теряя в опознаваемости и характеризуемости как источники. Раскопки и лабораторные работы прекращают это разрушение, активируя новое и внося различные изменения. Это важные указатели на длительное *формирование* ископаемого. Но вторая действительность у Ю.Н. Захарука — уже готовая, залёжная, статичная, а системный коллапс первой предстаёт неким схлопыванием — то затяжным, то внезапным выпадением исторического в ископаемое. Между тем, вторая действительность должна была как-то и когда-то образовываться. И это, думается, происходило отчасти в ходе культурной деятельности и в условиях общественной практики, в их взаимодействии со средой: формирующая функция феноменов познаваема помимо их привычных системных функций. Формирует культура, формирует и среда. Затем каких-то, если не всех, социокультурных и природных факторов первой действительности уж нет и в помине, и в дело вступают аналогичные новые. Сказано, что системная деятельность первой действительности явлена следами и останками результатов деятельности; только вот *формирование* этой второй действительности — ввиду его собственной далёкой от завершения долготы, а также открытости того, что уже сложилось, всяческим воздействиям, включая научное вмешательство — наделяло и наделяет следы и останки тем, чем не могли их наделить ни сама деятельность, ни её прекращение. И «наделение» объекта/источника — это и собственно привнесение, но, разумеется, и прогрессирующая убыль, и непрерывный переход, и небывалые прежде агенты и соотношения.

Третья действительность? Или вторая, но — другая?

Поведенческая теория трансформаций

Место глобальной целостности у М.Б. Шиффера (Schiffer 1996: XVIII, 3, 6—8, 10) занимает *археологическая запись, данность (record)*, включающая

- артефакты,
- структуры и
- депозиты, но не

• экофакты, относимые к особым *средовым записям* в роли *свидетельств (evidence)* (Schiffer 1996: 7, 9, 199, 290—291). Дело здесь в различении культурных и средовых процессов образования, сказывающихся в системных (поведенческих) и археологических (депозиционных) контекстах (Schiffer 1996: XVII—XIX, 3—11). Процессы же образования действовали (и действуют!) в крупном региональном измерении, и отсюда уже вовсе недалеко до археосферы, функцией которой они, стало быть, и выступают. Убыль, видоизменение, перераспределение — вот формы, принимаемые свидетельством в образующейся записи. Бытование в поведенческих контекстах, а затем забвение, разрыв с культурой, ископаемость вносят в запись свидетельство о связях и отношениях вне былых намерений, норм и деяний. Антропо-, социо- и культуроцентризм теории преобразований специально фокусируются на искажениях манифестаций материальной культуры ввиду

интереса к былому обществу; геосферный характер записи в этих построениях как бы припрятан из-за присущего им подхода к разграничению/увязыванию сред и контекстов и, в частности, из-за концептуальной изоляции экофактов.

Археологические объекты и археологические памятники

У В.С. Бочкарёва (2014) археологический *памятник* — это ископаемое свидетельство человеческой деятельности, объективная данность, изучаемая и видоизменяемая в процессе изучения и тогда становящаяся источником. Определение памятника наследует и расширяет дефиницию археологического объекта — «обособленного объекта, подлежащего ведению археологии» (Клейн 1991: 350).

Но отчего же памятники, а не объекты? Объекту, осмысленному как артефакт или универсалия иного уровня, отведено место в образе былой культуры. Отныне это памятник (Бочкарёв 1975). Собственно же *объект* уместно определять — пользуясь переиначенной дефиницией памятника по В.С. Бочкарёву — как рукотворное, преобразованное культурой или сопричастное человеческой деятельности ископаемое явление. Почему же памятники, а не источники? Памятники были, есть и будут независимо от того, произойдёт ли их иное научное освоение, помимо включения в ряд универсалий. Памятники могут выступать археологическими, преисторическими и иными источниками.

Ещё одним ключевым свойством памятника, наряду с ископаемостью, является рукотворность. Данному критерию отвечают следующие разновидности памятников:

- артефакт,
- комплекс артефактов (в частности — замкнутый, вроде клада или погребения) и
- артефактная структура.

Артефакт и структура у В.С. Бочкарёва — памятники *простые*. В *сложном* памятнике или *комплексе* (это не обязательно «комплекс артефактов» из списка) множественные простые памятники включены в *культурный слой* (культурно-природное образование) в сопровождении *экофактов* (образцов природной среды).

В определении сложного памятника термин «комплекс» акцентирует его многокомпонентность. Он не равен комплексу артефактов как разновидности памятников. Если следовать дефиниции, предложенной В.С. Бочкарёвым, не все комплексы артефактов, достающиеся археологам в ископаемом состоянии, являются сложными памятниками. Взять, к примеру, погружённый в болото или спрятанный в дуплистом дереве глубоко в лесной чаще клад металлических изделий; в таких местах не окажется культурного слоя, а экофакты былого природного окружения отлагались там и без сокрытия клада. Кроме того, не всякое погребение является комплексом артефактов или, хотя бы, контекстом одного артефакта; таково, например, захоронение, где нет (и не было?) ничего, кроме останков человека. В то же время, многие погребения оказываются сложными памятниками — в них и артефакты, и структуры, и кости от мясных приношений, и перемешанное заполнение, и многое другое в тех или иных сочетаниях. Но в таких погребениях есть экофакты и преобразованный грунт, а потому они не являются только комплексами артефактов и, более того, в своей целостности оказываются шире двойственной (ископаемой рукотворной) сущности памятника.

Сложный памятник осмысляется через связь простого памятника с *местонахождением*, а множества простых и сложных памятников осмысляются ещё и через связи между собой. Это служит напоминанием о дефиниции у Л.С. Клейна (1978: 98), где памятник (местонахождение) — это «совокупность сооружений, отложений и вещей, оставленных людьми в одном месте и связанных в силу этого в одно целое ещё в жизни или уже при

отложении или после такового». Оценивая совместное отложение и общность постдепозиционных судеб памятников посредством некой пространственной локализации с определёнными условиями, нет необходимости ставить местонахождение в ряд с прочими разновидностями памятников. Ведь единичный артефакт *in situ* образует местонахождение (*a site, a findspot, der Fundort, die Fundstelle*). Этот же артефакт, исследуемый «в поле» и перемещаемый в лабораторию с информацией о контексте и доступных наблюдению условиях местонахождения, становится в процессе изучения археологическим, преисторическим или иным источником (Бочкарёв 2014: 47, 48). Таким образом, местонахождение (пункт, локус) — одно из свойств памятников, свойство пространственно-соотносительное, описывающее их всеобщие и частные склонности бывать здесь, там и повсюду. О свойствах ещё будет сказано специально. В практике же учёта и охраны всякое местонахождение (пункт с памятником / памятниками) для краткости называется памятником.

Обсуждение надо бы завершить чем-то рациональным, но прежде есть уточнение касательно экофактов.

Итак, об экофактах

Теории трансформаций они сообщают о природных процессах, без которых ничто не обходится в археологическом формировании. Ладно бы и так, но экофакты нередко сообщают и о процессах культурных. В общем, теорию трансформаций занимает любое формирование записи, но экофакт — не запись; это из-за нерукотворной внекультурности, вторгающейся в то состояние культуры, какое застаёт. Можно ещё сказать, что получившийся депозит — это и вправду вклад, то и дело изымаемый целиком или частями в другой контекст, где его опять немедля обступают экофакты. Запись М.Б. Шиффера и памятники В.С. Бочкарёва объективированы этиологически: они рукотворны, а у В.С. Бочкарёва вдобавок ископаемы. Эпистемология М.Б. Шиффера — в свидетельстве, В.С. Бочкарёва — в источнике, и экофакт — натуральный спутник культурно-природной двойственности памятника.

На подступах же к искомой концепции натурогенный материал депозита — в любых формах — вполне представим как относящийся ко всеобщему археологическому, где природное *тоже* представляет археосферу, а на правах свидетельства/источника информирует о поведении общества, о средовом окружении общества (Hester, Grady 1982: 35—36) и — для полноты картины — о среде без общества.

Обсуждение сути и частных сказанного с необходимостью продолжается как обсуждение классификационное.

Седименты и смещённые фракции поселений и вправду полны такого, что нельзя сходу отнести к чему-то поведенческому и археологическому (Schiffer 1996: 290—291, 394) без пытливой и разносторонне внимательной экспертизы (Lyman 1987; Антипина 2004). В закрытых же комплексах именуемое экофактами там и тут вписывается в отношения культуры. В целом, конвенциональный статус экофакта как записи/памятника и свидетельства/источника зависит и от логоса экспертизы, и от фокуса наблюдения. Так, находки растений и пробы сконцентрированных растительных остатков в могилах документируют вовлечённость в обряд (Гольева 1999: 188—192; Гольева и др. 2001; Шишлина, Пахомов 2001), тогда как на поселениях в той же местности такие материалы и ситуации вряд ли уцелеют. Похоже и с образцами фауны. Но те и другие, едва задетые культурным вмешательством, подпадают под широкое определение артефакта (Schiffer 1996:

3; Классификация 2013: 11, 100—101). Дело за малым — распознать приметы рукотворного и поведенческий контекст. А если ни то ни другое не распознаётся, не документируется обликом и веществом объекта, но устанавливается (достоверно допускается) по контекстуальным связям, по аналогии? Тогда — принимая известные ограничения археологического контекста — следует останки человека, а также иные *причастные культурным деяниям* натурогенные образцы без определимых примет рукотворности именовать *натурфактами* и, тем самым, обособить их от вклада среды, от экофактов. Формоследовые же видоизменения, причинённые артефактам, экофактам и натурфактам фауной, флорой, водой, горными породами и т. п. вносят в них дополнительное комплексное запечатление среды и/или культурных деяний. Наделять что-то приметами экофакта (пусть это что-то и без того является экофактом!) суть формирующая функция подобных видоизменений. Градация и субградация наверняка разделят натрое и далее многие выборки твёрдых тканей организмов и минеральные фракции из мест людского обитания (что-то, конечно, останется неопределённым). Так, останки человека в их анатомическом единстве нередко бывают обработаны (напр., трепанированы) и посему относимы к смешанным органо-технологическим объектам (Edgeworth et al. 2015: 44). Когда порезы и разломы от разделки соседствуют на костях с погрызами хищников и личиночными пустотами, тогда впору говорить об артефактах с приметами экофактов, причём последние сообщают нечто как о средовых процессах образования, так и о культурных (Панковский, Яниш 2018); совместность того и другого придаёт особую пикантность экспертизе и толкованию артефактов/экофактов и натурфактов/экофактов остеофагии (Рассадников 2017). Трасология стеблевых кремнезёмных проточин на резцах крупного рогатого скота (Панковский и др. 2015) учит(ся) отличать экофакты износа зубов от нарезных поделок. При этом, получая и созерцая столь важные для различительной экспертизы инталии зубного дефекта, она обнаруживает там реальные запечатления опознаваемых жёстких кормов.

Теперь желательно приостановиться, обобщить сказанное и подвести краткий рабочий итог.

Промежуточное сопоставление, или ускользающие компоненты

Итак, былой ввод натурогенных объектов в поведенческие контексты результируется в натурфактах и артефактах контекстов археологических. Разностадиальные процессы образования последовательно придают этому множеству характер культурно-природных объектов и, в определённый момент, культурно-природных депозитов; в частности, средовыми процессами вносятся экофактные приметы. Собственно же экофакты — это природные сущности археологического контекста, тем или иным образом приобщавшиеся к былым поведенческим контекстам.

Археологический памятник — рукотворный, преобразованный культурой или сопричастный человеческой деятельности ископаемый объект. Учитывая сказанное, целесообразно различать такие разновидности памятников:

- артефакт,
- натурфакт,
- экофакт,
- артефактная структура (сооружение — постройка, изъятие грунта и т.п.),
- комплекс (разной сложности, с артефактами или без них — клад, погребение и т.п.),
- культурно-природная структура (слой, грунтовое заполнение и т.п.),
- след и следовые комплексы,

• остатки (дискуссию о следах и остатках, а также новые постулаты см. (Гиря 2015; 2017; Pankowski 2019: 198).

Статус памятников двойственен. Это класс культурно-природных объектов (Бочкарёв 2014: 47, 48, 51), отделённых от природы ввиду рукотворности и обособленных в системе культуры в силу ископаемости и подверженности природным трансформациям. Убыль сопровождается депозиционным и постдепозиционным перераспределением, характеризую трансформационную функцию археосферы, где системное поведенческое становится археологическим или, иначе, рукотворное становится ископаемым культурно-природным.

Былое теории трансформаций — культурное: запись создана и обусловлена намеренным и ненамеренным общественным поведением и культурным отложением. Среда относительно поведения, материальной культуры и записи — внешняя сила; двойственность записи отсюда не выводится, хотя препятствий этому нет. Культурно-природная двойственность памятников (Бочкарёв 2014) и преобразованной тверди (Edgeworth et al. 2015: 52) подразумевает, что норма, цель и контроль не касаются всякой рукотворности и всякого же поведения: взять, к примеру, микроизнос орудий. Повседневная и катастрофическая работа стихий природы и социума результируется в археосфере (Edgeworth et al. 2015: 53—54). Без природной среды упокоения археологическое невозможно. Артефакт вне поведенческого контекста предан забвению, удалён, скрыт. Это обратимо, но если он всецело отдан произволу природы, то культура не управляет этим натиском. Артефакт, возвращённый в поведенческий контекст, будет отчасти прежним и активным; артефакт длительного депонирования приобретает свойства, изначально ему не присущие и зачастую несовместимые с его назначением; его технологическая эпоха прошла. Памятник в упокоении, вне поведения — это не часть антропосферы или техносферы, но объект археосферы.

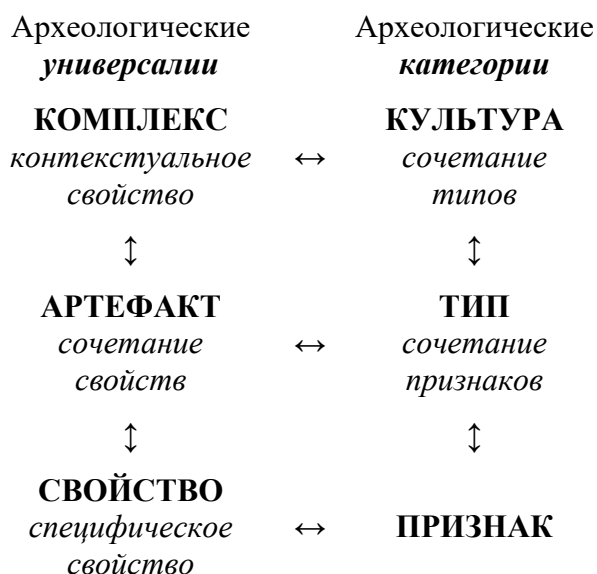
И Ю.Н. Захарук, и М.Б. Шиффер, и В.С. Бочкарёв по-разному указывают на относительное свойство археологического пребывать в настоящем, прибывая из былого; это факт настоящего и резервуар данных о былом. Познаваемость свидетельства предполагает познающего: быть записью, вещностью, но не объективироваться и не становиться свидетельством означает для некоторой части уже имеющейся и ныне возникающей археосферы быть помимо человека, общества и культуры. При этом у Ю.Н. Захарука собирание и сжатие ископаемой действительности прекратились давно; она — завершённость, годная как свидетельство. Пусть так; но всецелая изоляция второй действительности от нынешних культуры, общества и природы не подтверждается: *такое, давнее* ископаемое *тоже* наличествует, всё ещё открыто формирующим процессам, активно изымается в новые поведенческие контексты (sic! Захарук 1978: 52) и востребовано как свидетельство — о себе самом, о былом и, стало быть, о теперешнем. Историческое, по Ю.Н. Захаруку, существовало прежде, существует и в настоящем, ископаемое же — всецело в настоящем, а что не уцелело, то не существует, не наблюдается. Но эта вторая реальность — включая то, что не уцелело — существовала, когда (с)формировалась бок о бок и в разнообразных соприкосновениях с неким прежним историческим, системно принадлежа тому историческому.

Археосфера в геостратиграфическом понимании суть вмещающая среда для памятников, слагаемая фациями — отложениями и обширными структурами. В археологическом понимании всё перечисленное, а также следы и остатки — это памятники. Таким образом, археологическая концепция археосферы получает образ сущностной формы археосферы как всеобщего множества памятников, а также идею генезиса археосферы, которая рукотворна, окультурена и, при этом, заброшена, ископаема, однако во всяком состоянии причастна

веществам Земли. Межсферная позиция археосферы требует особого анализа и отдельного обсуждения. Памятники не классифицируются так, как вещества геосфер: они рукотворны, бывали и бывают в обороте технологий, в игре нормированного поведения, в сетях рутинного габитуса; выход объектов из среды культуры, упокоение и постдепозиционные превращения творились и творятся не так, как переход биогенного вещества в земную твердь (Lyman 1987; 2010; Behrensmeyer et al. 2000). Что же в археосфере такого, чего нет ни в одной земной системе? Каковы её компоненты? Памятники ли это как таковые и ничего более?

Связующие тезисы ...

Разнообразие связей и отношений всеобщего «археологического материала» (Бочкарёв 2014: 51) не исчерпывается вышеизложенным. Памятники в полноте свойств составляют натуральный ряд археологии (универсалий), источники — ряд генерализованный аналитический (категорий), и ряды находятся в неразрывной познавательной и процедурной взаимосвязи (Бочкарёв 1975; 2014: 51). Л.С. Клейн (1991: 211—219) расширил и преобразовал эту модель, но здесь фигурирует именно первичный её образ, что совершенно достаточно в целях данного исследования:

Система основных археологических понятий не работает напрямую с понятиями натурфакт, экофакт, культурно-природная структура, следы, остатки. Но при необходимости они могут быть встроены в неё (ср.: Клейн 1991: 211—219, 372—376; Бочкарёв 2014).

Ископаемый материальный объект принадлежит культуре в силу рукотворности, определяемой по приметам изготовления, преобразования. Трасологи отнесут к таковым следы обработки и использования. В.С. Бочкарёв полагает качества ископаемости и рукотворности важными, но не достаточными для обособления *археологического объекта* внутри универсально-категорийной модели; нужно, чтобы системная исследовательская стратегия опознала его как *артефакт*, т.е. обосновала представление о функциях объекта в культуре. Но вот что интересно: приметы отношения объекта к ископаемым и рукотворным допустимо и целесообразно изучать изолированно друг от друга и отдельно от самого объекта — как таковые и как образцы для идентификации других примет и объектов. Тогда

может статься, что ископаемый объект не обладает качеством рукотворности, что его целостная форма и видоизменения — натуральные. Не попадая в ряды и уровни модели (не артефакт же), он не перестаёт быть археологическим объектом (оставаясь ископаемым и связанным с археологическим контекстом), но должен получить аттестацию, например, экофакта. В целях данного экскурса важно, что модифицирующие следы любого происхождения выделяются здесь на уровне исследуемых *свойств*. Артефакт В.С. Бочкарёва — будь то отдельная черта портативного объекта, весь объект, недвижимое сооружение или организованное пространство — тоже обладает свойствами для изолированного изучения. К числу свойств, объяснимых в свете многообразия культурных функций артефакта, трасологи отнесут следы использования. Но только ли о свойствах речь? Коль скоро артефактами являются отдельные черты объектов (напр., декор), то таковыми вполне могли бы считаться, как минимум, фиксируемые следоведами устойчивые образы видоизменений на портативных объектах (процарапанный или оттиснутый узор, износ). Возможно ли было прежде вынесение образов видоизменений и следовых образов (не отдельных следов и не фактов их наличия!) из свойств и признаков на другой уровень (к артефактам и типам) в иерархии? Нет. Восприятие следов как микроскопических и, во всяком случае, весьма некрупных утилизационных образований на поверхностях изделий определяло статус следов как свойств, а позднее как признаков (Коробкова, Щелинский 1996: 21—23). Эти аналитически сепарируемые свойства и признаки на деле были неотделимы от своих носителей. Новая археологическая трасология мыслит свой объект не свойством, а сочетанием взаимосвязанных природных свойств и рукотворных признаков, археологическим объектом и памятником; это последовательное и подчас весьма непростое наложение следов различного происхождения на исходные (в т. ч. собственные) поверхности — изготовленные и натуральные. Всякое следообразование воспринимается как закономерное, специфичное, а искусственное — ещё и как типологически изменчивое. Для его более ясного понятийного и процедурного обособления уже выработана модель взаимосвязи формо- и следообразования (Гиря 2015; 2017; Pankowski 2019: 198), которую ещё предстоит модифицировать и адаптировать к артефактным структурам и сооружениям.

... и принципиальные выводы

Итак, *сущностная форма* археосферы Земли — это всеобщность её объектов. Как это понимать?

С одной стороны, данное утверждение оперирует понятием археосферы, выработанным в археологии и на материале археологии; говорится, следовательно, о всеобщности *археологических* объектов. Для такой аттестации в ископаемых (упокоенных) объектах требуется распознать рукотворность, преобразованность культурой, сопричастность деяниям людей, и сделать это в целях *археологизирования*; наивный логос, вполне объективирующий «старину» или «древность», подобных целей не знает. Археология, между тем, углубляется во всеобщность взаимоотношений *универсалий* — артефактов, их свойств и комплексов, — извлекая на свет *внутренний характер* археосферы, или археологический *универсум* (Бочкарёв 1975: 39). Универсалии суть разноуровневые и всесторонне характеризующие приметы археологических объектов и — на этом новом уровне — сигнатуры археологических *памятников*. Представленное выше расширение списка памятников обнаруживает в универсуме археосферы как принадлежность нерукотворного к

археологическому, так и ненормированную спонтанность рукотворного². Отсюда выводятся культурно-природная *собственная сущность* археосферы, а также *функция* археосферы — передел инструментов культуры в планетное тело. То и дело приключается и обратный передел образующихся таким образом объектов земных сфер в инструменты культуры; многократная переработка и повторное использование археосферы происходят, например, на пахотных угодьях (Edgeworth et al. 2015: 36, 49—50). Взаимосвязанные принципиальные свойства археосферы Земли просматриваются в её компонентах. Межсферные взаимодействия и вторжения наблюдаются в каждом компоненте, однако экофакты особенно хороши как наглядный пример. Но разве памятники содержательно равны компонентам и наоборот? Отчасти. Как компоненты археосферы, а не единицы учёта и хранения, памятники раскрываются в отношениях археологического универсума.

С другой стороны, памятники, становясь источниками, открыты не одной лишь археологической науке, будучи и оставаясь объектами. Из них очень многие, ввиду состояния изученности и уровня имеющихся знаний, не занимают твёрдо определённых позиций в ряду универсалий и среди разновидностей памятников, а многие другие известны только фактами пребывания в упокоении или предполагаются, как существующие, по косвенным данным. Иные данности могут сколь угодно долго объективироваться — в частности как ископаемые — без распознавания их связей с культурой, в то время как ошибочно или надуманно определённые курьёзы и подделки подолгу приживаются в семействе памятников. Во всяком случае, наука ясно распознаёт и познаёт не только интригующее наличие, но и своего рода *curticulum* археосферы, её донаучную длительность, которая в целом и покомпонентно переоформлялась в разных своих фазах (ср.: Клейн 1978: 55), и это под взором и с участием поколений, которые, при всей наблюдательности, понятия не имели об археологической классификации древностей. Поэтому-то и целесообразно говорить об *археосферных* объектах и, далее, об археосферных местонахождениях, слагающих археосферное же пространство.

Заключение

Отраслевое определение археосферы отличается от аэрокосмического и геостратиграфического тем, что нацелено на процессы формирования в культурогенезе и археогенезе, где археосфера — не геологическая свита, не столбец литосферной летописи, но обширное системное запечатление поведенческих и неповеденческих процессов преобразующего цикла, охватывающего депонирование и реактивацию сложного многообразия феноменов синергии культуры и натуры. Археосфера (ἡ σφαῖρα τοῦ ἀρχαίου) — земная система упокоенных и возвращаемых, связно-иерархически универсализированных объектов культурно-природного генезиса.

Археосферное определение отрасли наследует представленным дефинициям. Объектом археологической науки предлагается считать археосферу — «земную систему...» и далее по отраслевому определению. Предметом археологической науки видится разнообразие системных связей и отношений, явленное компонентами археосферы, сообща и порознь воплощающими её форму, характер, сущность и функцию. Следовательно, археологическое знание суть знание о реализации общественного культурно-адаптивного в археосферном; преисторическое (археоисторическое) знание суть знание об общественном культурно-адаптивном по его реализации в археосферном. Это аналогично позиции

² Вот почему охране и разумному использованию подлежит археологическая *среда*. Археологическое наследие толкуется всё больше как подвижность и неподвижность.

палеонтологической науки по отношению к былым формам жизни; археология и преистория (археистория) заняты действительностью в её социокультурном и соционатурном выражениях. Таким образом, археологическая наука — это комплекс дисциплин и субдисциплин, создающих археосферную концепцию реальности.

Статья завершена, принципы представлены. Приобщить археосферу к земным системам означает детализировать её компоненты, распознать структуру, выявить взаимоотношения структуры и целого с основными и вторичными земными системами, преобразовать дефиницию. Немаловажна и периодизация. Геостратиграфическое толкование археосферы оперирует геологическими подразделениями. Специальное археологическое понимание археосферы располагает «системой (трёх) веков», и думается, что попытки приноровить эту чуткую и подвижную классификацию перемен в культурогенезе и археогенезе к планетному явлению — вместе с оппонирующими изысканиями — обернутся для теории археологической науки весьма нетривиальными событиями.

Литература

- Антипина Е.Е. 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Антипина Е.Е., Черных Е.Н. (отв. ред.). *Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина*. Москва: Языки славянской культуры, 7—33.
- Бочкарёв В.С. 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий. В: Массон В.М., Боряз В.Н. (отв. ред.). *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975*. Ленинград: Наука, 34—42.
- Бочкарёв В.С. 2014. О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников. В: Алёшин В.А. (отв. ред.). *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 47—52 (Труды ИИМК РАН XLII).
- Гиря Е.Н. 2015. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций). В: Лозовская О.В., Лозовский В.М., Гиря Е.Ю. (отв. ред.). *Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 232—268.
- Гиря Е.Н. 2017. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст. В: Васильев С.А., Щелинский В.Е. (отв. ред.). *Древний человек и камень: технология, форма, функция*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 34—45.
- Гольева А.А. 1999. Растительные подстилки эпохи бронзы Калмыкии. В: Шишлина Н.И. (отв. ред.). *Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей*. Москва: ГИМ, 185—203 (Труды ГИМ 109).
- Гольева А.А., Белинский А.Б., Калмыков А.А. 2001. Биоморфный анализ материалов из погребений катакомбной культуры (Ставропольский край). В: Белинский А.Б. (гл. ред.). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа II*. Москва: Памятники исторической мысли, 163—182.
- Захарук Ю.М. 1964. Проблеми археологічної культури. *Археологія* XVII, 12—42.
- Захарук Ю.Н. 1975а. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования. В: Массон В.М., Боряз В.Н. (отв. ред.). *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975*. Ленинград: Наука, 4—6.
- Захарук Ю.Н. 1975б. К вопросу о природе археологической культуры. В: Баран В.Д. (отв. ред.). *Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции)*. Ч. III. Киев: ИА АН УССР, 12—14.
- Захарук Ю.Н. 1976. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? В: Кольцов Л.В., Зимина М.П., Гадзяцкая О.С. (отв. ред.). *Восточная Европа в эпоху камня и бронзы*. Москва: Наука, 3—10.

- Захарук Ю.Н. 1978. Парадокс археологической культуры. В: Кропоткин В.В., Матюшин Г.Н., Петерс Б.Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 49—54.
- Захарук Ю.Н. 1990. Спорное и бесспорное в изучении археологических культур. *КСИА АН СССР* 201, 3—9.
- Классификация 2013: Колпаков Е.М. (отв. ред.). 2013. *Классификация в археологии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Клейн Л.С. 1978. *Археологические источники*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Клейн Л.С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.
- Клейн Л.С. 2012. *Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога*. Кн. 1. Донецк: ДНУ.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. 1996. *Методика микро-макроанализа древних орудий труда*. Ч. 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН (Археологические изыскания 36).
- Панковский В.Б., Гиря Е.Ю., Саблин М.В. 2015. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями. *Stratum plus* (1), 169—184.
- Панковский В.Б., Яниш Е.Ю. 2018. О происхождении отверстий и углублений на костях животных из Александропольского кургана. В: Полин С.В., Алексеев А.Ю. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 741—755 (Курганы Украины 6).
- Рассадников А.Ю. 2017. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам). *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2 (37), 163—168.
- Шишлина Н.И., Пахомов М.М. 2001. Определение сезона погребений могильников Му-Шарет в Калмыкии (по результатам палинологического анализа). В: Цуцкин Е.В., Шишлина Н.И. (отв. ред.). *Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование*. Москва; Элиста: Полтекс, 116—120.
- Behrensmeyer A.K., Kidwell S.M., Gastaldo R.A. 2000. Taphonomy and Paleobiology. *Paleobiology* 26 (4), 103—147.
- Braje T.J. 2015. Earth Systems, Human Agency, and the Anthropocene: Planet Earth in the Human Age. *Journal of Archaeological Research* 23, 369—396.
- Capelotti P.J. 2009. Surveying Fermi's Paradox, Mapping Dyson's Sphere: Approaches to Archaeological Field Research in Space. In: Darrin A.G., O'Leary B.L. (eds). *Handbook of Space Engineering, Archaeology and Heritage*. Boca Raton: Taylor and Francis; CRC Press, 855—867.
- Edgeworth M. 2017. Humanly modified ground. In: DellaSala D.A., Goldstein M.I. (eds). *The Encyclopedia of the Anthropocene*. Oxford: Elsevier, 157—161.
- Edgeworth et al. 2015: Edgeworth M., de Richter D.B., Waters C., Haff P., Neal C., Price S.J. 2015. Diachronous beginnings of the Anthropocene: The lower bounding surface of anthropogenic deposits. *The Anthropocene Review* 2 (1), 33—58.
- Hester J.J., Grady J. 1982. *Introduction to Archaeology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Lyman R.L. 1987. Zooarchaeology and Taphonomy: a General Consideration. *Journal of Ethnobiology* 7 (1), 93—117.
- Lyman R.L. 2010. What Taphonomy Is, What it Isn't, and Why Taphonomists Should Care about the Difference. *Journal of Taphonomy* 8 (1), 1—16.
- Oxilia et al. 2017: Oxilia G., Fiorillo F., Boschini F., Boaretto E., Apicella S.A., Matteucci Ch., Panetta D., Pistocchi R., Guerrini F., Margherita C., Andretta M., Sorrentino R., Boschian G., Arrighi S., Dori I., Mancuso G., Crezzini J., Riga A., Serrangeli M.C., Vazzana A., Salvadori P.A., Vandini M., Tozzi C., Moroni A., Feeney R.N.M., Willman J.C., Moggi-Cecchi J., Benazzi S. 2017. The dawn of dentistry in the late upper Paleolithic: An early case of pathological intervention at Riparo Fredian. *American Journal of Physical Anthropology* 163 (3), 1—16.
- Pankowski V. 2019. The Late Tripolye and the Funnel Beaker Industries of Bone and Antler from Volhynia to Galicia: The UPTE Contribution. In: Diachenko A., Rybicka M., Król D., Sîrbu Gh. (eds). *Between the East and the West: Dynamics of Social Changes from the Eastern Carpathians to the Dnieper in the 4th — beginning of 3rd Millennium BC (Preliminary study)*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 197—216.
- Rączkowski W. 2012. Metody w archeologii. In: Tabaczyński S., Marciniak A., Cyngot D., Zalewska A. (red.). *Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 367—408.

Schiffer M.B. 1996. *Formation Processes of the Archaeological Record*. Salt Lake City: University of Utah Press.

References

- Antipina, E.E. 2004. In: Antipina, E.E., Chernykh, E.N. (eds). *Noveyshiye arkheozoolicheskiye issledovaniya v Rossii: k stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina (The current archaeozoological investigations in Russia: to the centenary of the birth of V.I. Tsalkin)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 7—33 (in Russian).
- Bochkaryov, V.S. 1975. In: Masson, V.M., Boryaz, V.N. (eds). *Predmet i ob'yekt arkheologii i voprosy metodiki arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy simpoziuma metodologicheskogo seminara LOIA AN SSSR. Aprel' 1975 (Subject and object of archaeology and issues of methods of archaeological research. Materials of the symposium of the methodological seminar of the LBA of the USSR Academy of Sciences)*. Leningrad: Nauka, 34—42 (in Russian).
- Bochkaryov, V.S. 2014. In: Alyokshin, V.A. (ed.). *Arkheologiya drevnikh obshchestv Yevrazii: khronologiya, kul'turogenez, religioznye vozreniya. Pamyati Vadima Mikhaylovicha Massona (03.05.1929-19.02.2010) (Archaeology of ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views. In memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929-19.02.2010))*. Saint Petersburg: IIMK RAN; Art-Ekspres, 47—52 (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences XLII) (in Russian).
- Girya, E.Yu. 2015. In: Lozovskaya, O.V., Lozovskiy, V.M., Girya, E.Yu. (eds). *Sledy v istorii. K 75-letiyu Vyacheslava Yevgen'yevicha Shchelinskogo (Traces in history. To the 75th Anniversary of Vyacheslav Evgenievich Shchelinsky)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 232—268 (in Russian).
- Girya, E.Yu. 2017. In: Vasil'yev, S.A., Shchelinskiy, V.E. (eds). *Drevniy chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya (Ancient man and stone: technology, form, function)*. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 34—45 (in Russian).
- Gol'yeva, A.A. 1999. In: Shishlina, N.I. (ed.). *Tekstil' epokhi bronzy Yevraziyskikh stepey (Bronze Age textiles of the Eurasian steppes)*. Moscow: GIM, 185—203 (Proceedings of the State Historical Museum 109) (in Russian).
- Gol'yeva, A.A., Belinskiy, A.B., Kalmykov, A.A. 2001. In: Belinskiy, A.B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza (Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus) II*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 163—182 (in Russian).
- Zakharuk, Yu.M. 1964. In *Arkheologiya (Archaeology)* XVII, 12—42 (in Ukrainian).
- Zakharuk, Yu.N. 1975a. In: Masson, V.M., Boryaz, V.N. (eds). *Predmet i ob'yekt arkheologii i voprosy metodiki arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy simpoziuma metodologicheskogo seminara LOIA AN SSSR. Aprel' 1975 (Subject and object of archaeology and issues of methods of archaeological research. Materials of the symposium of the methodological seminar of the LBA of the USSR Academy of Sciences)*. Leningrad: Nauka, 4—6 (in Russian).
- Zakharuk, Yu.N. 1975b. In: Baran, V.D. (ed.). *Noveyshiye otkrytiya sovetskikh arkheologov (tezisy dokladov konferentsii) (The latest discoveries of Soviet archaeologists (abstracts of the conference reports))*. Pt. III. Kyiv: IA AN USSR, 12—14 (in Russian).
- Zakharuk, Yu.N. 1976. In: Kol'tsov, L.V., Zimina, M.P., Gadzyatskaya, O.S. (eds). *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy (Eastern Europe in the Stone and Bronze Ages)*. Moscow: Nauka, 3—10 (in Russian).
- Zakharuk, Yu.N. 1978. In: Kropotkin, V.V., Matyushin, G.N., Peters, B.G. (eds). *Problemy sovetskoy arkheologii (Problems of Soviet archaeology)*. Moscow: Nauka, 49—54 (in Russian).
- Zakharuk, Yu.N. 1990. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 201, 3—9 (in Russian).
- Klassifikatsiya 2013. Kolpakov E.M. (ed.). 2013. *Klassifikatsiya v arkheologii (Classification in archaeology)*. Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).
- Kleyn, L.S. 1978. *Arkheologicheskiye istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningradskiy universitet (in Russian).
- Kleyn, L.S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological Typology)*. Leningrad: AN SSSR (in Russian).

- Kleyn, L.S. 2012. *Arkheologicheskoye issledovaniye: Metodika kabinetnoy raboty arkheologa* (Archaeological Research: Archaeologist's Office Work Technique). Vol. 1. Donetsk: DNU (in Russian).
- Korobkova, G.F., Shchelinskiy, V.E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda* (Methods of micro-macroanalysis of ancient tools). Pt. 1. Saint Petersburg: IIMK RAN (Archaeological research 36) (in Russian).
- Pankowski, V.B., Giryа, E.Yu., Sablin, M.V. 2015. In *Stratum plus* (1), 169—184 (in Russian).
- Pankowski, V.B., Yanish, E.Yu. 2018. In: Polin, S.V., Alekseyev, A.Yu. *Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'ye* (Scythian royal mound of Alexandropol of the 4th c. BCE in the Lower Dnieper region). Kyiv; Berlin: Vidavets' Oleg Filyuk, 741—755 (Mounds of Ukraine 6) (in Russian).
- Rassadnikov, A.Yu. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography) 2 (37), 163—168 (in Russian).
- Shishlina, N.I., Pakhomov, M.M. 2001. In: Tsutskin, E.V., Shishlina N.I. (eds). *Mogil'niki Mu-Sharet v Kalmykii: kompleksnoye issledovaniye* (The Mu-Sharet burial grounds in Kalmykia: a comprehensive study). Moscow; Elista: Polteks, 116—120 (in Russian).
- Behrensmeyer, A.K., Kidwell, S.M., Gastaldo, R.A. 2000. Taphonomy and Paleobiology. *Paleobiology* 26 (4), 103—147.
- Braje, T.J. 2015. Earth Systems, Human Agency, and the Anthropocene: Planet Earth in the Human Age. *Journal of Archaeological Research* 23, 369—396.
- Capelotti, P.J. 2009. Surveying Fermi's Paradox, Mapping Dyson's Sphere: Approaches to Archaeological Field Research in Space. In: Darrin, A.G., O'Leary, B.L. (eds). *Handbook of Space Engineering, Archaeology and Heritage*. Boca Raton: Taylor and Francis; CRC Press, 855—867.
- Edgeworth, M. 2017. Humanly modified ground. In: DellaSala, D.A., Goldstein, M.I. (eds). *The Encyclopedia of the Anthropocene*. Oxford: Elsevier, 157—161.
- Edgeworth et al. 2015: Edgeworth, M., de Richter, D.B., Waters, C., Haff, P., Neal, C., Price, S.J. 2015. Diachronous beginnings of the Anthropocene: The lower bounding surface of anthropogenic deposits. *The Anthropocene Review* 2 (1), 33—58.
- Hester, J.J., Grady, J. 1982. *Introduction to Archaeology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Lyman, R.L. 1987. Zooarchaeology and Taphonomy: a General Consideration. *Journal of Ethnobiology* 7 (1), 93—117.
- Lyman, R.L. 2010. What Taphonomy Is, What it Isn't, and Why Taphonomists Should Care about the Difference. *Journal of Taphonomy* 8 (1), 1—16.
- Oxilia et al. 2017: Oxilia, G., Fiorillo, F., Boschin, F., Boaretto, E., Apicella, S.A., Matteucci, Ch., Panetta, D., Pistocchi, R., Guerrini, F., Margherita, C., Andretta, M., Sorrentino, R., Boschian, G., Arrighi, S., Dori, I., Mancuso, G., Crezzini, J., Riga, A., Serrangeli, M.C., Vazzana, A., Salvadori, P.A., Vandini, M., Tozzi, C., Moroni, A., Feeney, R.N.M., Willman, J.C., Moggi-Cecchi, J., Benazzi, S. 2017. The dawn of dentistry in the late upper Paleolithic: An early case of pathological intervention at Riparo Fredian. *American Journal of Physical Anthropology* 163 (3), 1—16.
- Pankowski, V. 2019. The Late Tripolye and the Funnel Beaker Industries of Bone and Antler from Volhynia to Galicia: The UPTE Contribution. In: Diachenko, A., Rybicka, M., Król, D., Sîrbu, Gh. (eds). *Between the East and the West: Dynamics of Social Changes from the Eastern Carpathians to the Dnieper in the 4th — beginning of 3rd Millennium BC* (Preliminary study). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 197—216.
- Rączkowski, W. 2012. Metody w archeologii. In: Tabaczyński, S., Marciniak, A., Cyngot, D., Zalewska, A. (red.). *Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 367—408.
- Schiffer, M.B. 1996. *Formation Processes of the Archaeological Record*. Salt Lake City: University of Utah Press.

*Военная история
и археология*

---

*Military History
and Archaeology*

УДК 904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.73.99.020

А.Е. Негин

ИМПЕРАТОРСКИЙ ОРУЖЕНОСЕЦ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИГУРЫ С РЕЛЬЕФА «БОЛЬШОГО ТРАЯНОВСКОГО ФРИЗА»*

В статье даётся интерпретация персонажа, несущего шлем мчащегося в бой императора, на одном из сохранившихся рельефов с Большого Траяновского фриза, первоначально принадлежавшего неизвестному памятнику эпохи Траяна, а впоследствии украсившего арку Константина. Эта фигура облачена в те же доспехи, что и окружающие императора кавалеристы из состава *equites singulares*. Однако, несмотря на это, логичнее видеть в данном персонаже не рядового телохранителя, и даже не конюшего императора, а его личного камергера — кубикulario. На основе имеющихся сообщений античных авторов, а также с привлечением иконографического материала, сделан вывод, что рядом с императором изображён человек с высоким статусом. В ряде случаев эти люди носили титул «хранителя кинжала» (*a pugio*), что может указывать на функцию, связанную с хранением императорского *pugio*, а это позволяет интерпретировать кубикulario в качестве императорского оруженосца.

Ключевые слова: шлемы, доспехи, император, оруженосцы, Римская империя.

Сведения об авторе: Негин Андрей Евгеньевич, доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: aenegin@mail.ru.

А.Е. Negin

THE EMPEROR'S ARMOUR-BEARER: TO THE INTERPRETATION OF THE FIGURE FROM RELIEF OF THE GREAT TRAJANIC FRIEZE

The paper gives an interpretation of a person, wearing in his hands Emperor's helmet, on one of the surviving reliefs from the Great Trajanic frieze, which originally belonged to an unknown monument of the Trajan era, and later adorned the Arch of Constantine. This figure is wearing the same type of armour as the *equites singulares* (cavalrymen) surrounding the Emperor. However, despite this, it is more logical to see in this character not an ordinary bodyguard, and not even an Emperor's groom, but his chamberlain — *cubicularius*. Based on the available ancient sources, as well as with the involvement of iconographic material, the author concluded that the figure depicted behind the Emperor is a person with a high status. In some cases, these people had the title of "keeper of the dagger" (*a pugio*), which may indicate a function associated with the storage of the Emperor's *pugio*, which allows *cubicularius* to be interpreted as an Emperor's armour-bearer.

Key words: helmets, armour, emperor, armour-bearers, Roman Empire.

About the author: Negin Andrey Evgenovich, Doctor of Historical Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: aenegin@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 15 декабря 2021 г.
Принята к печати 30 декабря 2021 г.

На одном из сохранившихся рельефов с Большого Траяновского фриза, первоначально принадлежавшего неизвестному памятнику эпохи Траяна, а впоследствии украсившего арку Константина, воспроизведена сцена из военных кампаний Траяна против даков (101—102 и 105—106 гг.). Впереди воинов изображен скачущий в гущу битвы император. Он показан на коне, в мускульной кирасе и в военном плаще. Однако голова его остается непокрытой (рис. 1, 2).

Подобный сюжет, изображающий рвущегося в бой императора, присутствует и на других античных рельефах. Точно такой же вступающий в бой император или полководец изображен и на знаменитом Большом саркофаге Людовизи (Künzl 2010), саркофаге из Палермо (Hamberg 1945: 175—176; Tusa 1995: 76—77, № 77), а также на имитациях конских парадных нагрудников, изготовленных для конных статуй. Таковые изображения присутствуют на экземплярах из Аосты (Holscher 2003: 7, pl. III: 2), Брешии (Labus 1838: 197, tav. LIII), Аркалии (Domaszewski 1888: 138—145), Индустрии (Mercando, Zanda, Beschi 1998: fig. LVII) и собрания Художественно-исторического музея в Вене (Sacken 1883: 56—60, taf. IV). Другое императорское изображение присутствует на фрагментах сразу нескольких шлемов, обнаруженных в составе клада в Халлатоне (Лестершир, Великобритания) (Score 2011; Sharp, James 2012: 40). На нащёчниках шлемов показана конная фигура императора в доспехах, над которым парит крылатая богиня победы — Ника или Виктория (Rucinski 2013: № WK 28—30). Всадник показан как победитель, его конь вздымается над покорённым варваром, изображённым посреди захваченного трофейного оружия.

Присутствие на изображении богини-покровительницы, покорённого варвара и груды трофейного оружия практически не оставляет сомнения в интерпретации всадника в качестве победоносного императора. Дело в том, что кроме перечисленных выше составляющих, включаемых в пропагандистские сюжет победы римского оружия, небезынтересен также тот факт, согласно которому в античности немаловажным было личное участие правителя в качестве верховного главнокомандующего в военных кампаниях, предполагающее его присутствие на поле боя (Stäcker 2003: 87—126). Полководец должен был перед битвой верхом на коне объезжать выстроенные войска и поднимать их боевой дух (Onas. Strat., 33, 6) (Goldsworthy 1996: 116—170; Махлаюк 2013а: 253—265; 2013b: 27—38; Махлаюк, Негин 2012: 371—394; Moore 2013: 464—469). Для этого военачальнику следовало быть визуально узнаваемым благодаря экипировке (Gilliver 2007: 12). Таким отличительным элементом снаряжения был алый или пурпурный полководческий плащ (*paludamentum*), который и виден на конной фигуре с нащёчников из Халлатона. Также, чтобы быть более узнаваемым в бою, полководец должен был снять свой шлем (Тас. Ann., II, 21, 3; App. B.C., IV, 135). Таким образом, изображение в декоре доспеха фигуры императора-триумфатора, который топчет своим конём захваченное у врага оружие, должно было придавать оружию победителей определённое смысловое значение, заключавшееся в пропаганде образа всепобеждающего правителя, находящегося под неусыпным покровительством богов.

Если изображения полководца или императора без шлема довольно многочисленны в римском искусстве, то сюжеты с участием его оруженосца довольно редки¹. На саркофаге

---

¹ Следует отметить, что изображения оруженосца или слуги, который несет шлем, следуя за всадником с непокрытой головой, относятся не только к изображениям полководца или императора. Аналогичный сюжет присутствует и на надгробных рельефах воинов. В данном случае речь идет об иконографическом каноне, символизирующем храбрость и добродетель покойного, который, подобно императору, идет в бой с незащищённой головой. Косвенным указанием на героический символизм снятого с головы воина шлема являются изображения богини Виртус, которая в некоторых случаях сопровождает полководца и держит в своих руках его шлем (Schäfer 1979: 367—369). Более того, такое ношение шлема впереди или позади всадника не ограничивается контекстом боя. Например, в III в. этот сюжет появляется на некоторых надгробиях *equites*

Боргезе (Hamberg 1945: 179—181; Andrae 1956: 16, № 16; Schäfer 1979) мы также видим рядом с военачальником/императором в палудаментуме оруженосца, в руках которого находится шлем довольно большого размера с тремя гребнями. В нынешнем состоянии можно проследить лишь частично обломанные гребни шлема и рельефно отчеканенные на тулье бараньи рога. Воин, у которого нет оппонента—противника, вероятно, держал шлем в правой руке, которая откололась вместе с передним краем наголовья (Schäfer 1979: 91, 363). Этот большой шлем с тройным гребнем может быть реминисценцией изображения шлема богини Афины. Он известен нам по знаменитой статуе работы Фидия для Парфенона, детально описанной Павсанием (Paus., I, 24, 5). Шлем статуи имел три продольных гребня; боковые были оформлены в виде грифонов, а центральный был изготовлен в виде фигуры сфинкса. На греческих и эллинистических монетах, изображавших шлем Афины, гребни в виде грифонов часто заменялись гребнями, оформленными в виде летящих пегасов (Head 1888: pl. VIII, XIII). Сфинкс же вообще мог не изображаться, а его место занимали четыре (или более) лошади (Head et al. 1911: 378).

Данный иконографический канон был известен и римлянам. Вергилий в «Энеиде» описывает трехгребневый шлем, который носит Турн (Verg. Aeneid., VII, 5, 785—788). Силий Италик описывал шлем консула Фламиния (Sil. Ital., 5, 130—139), который он взял в качестве трофея у предводителя бойев. Шлем героя был изготовлен из бронзы; на его вершине имелся тройной гребень, в который была вставлена копна свевских волос, а сам фигурный гребень изображал размахивающую сломанным веслом Сциллу и ее нижние конечности, превращенные в злобных собак. Как видим, в большинстве случаев такой богато украшенный шлем с тремя гребнями ассоциируется с полководцами. Исходя из этого, можно заключить, что и рельеф саркофага Боргезе изображает трёхгребневый шлем полководца в руках его оруженосца.

Саркофаг из коллекции маркиза Винченцо Джустиниани (Andrae 1956: 16, № 15) также демонстрирует возле фигуры мчащегося в бой полководца воина, в руках которого находится поврежденный предмет, напоминающий шлем. На рисунке XVII в., воспроизводящем этот рельеф, в руке воина показан венец (рис. 3). Однако нет никаких других сведений о состоянии рельефа в то время. Винченцо Джустиниани сотрудничал со скульпторами уровня Джан Лоренцо Бернини, проводившими реставрацию античных памятников для его коллекции (Montanari 2021: 92—97), и какие-то части рельефа вполне могли подвергаться восстановлению согласно представлениям того времени. С другой стороны, некоторые детали на рисунке не соответствуют даже тем, что довольно хорошо сохранились до наших дней. Так, в нижней части рельефа отсутствует изображение миниатюрной *spolia* со щитом. Это позволяет усомниться в правильности передачи некоторых деталей на рисунке, и привело Т. Шефера к выводу о том, что на самом деле, на рельефе был изображён шлем, а не венец (Schäfer 1979: 369).

Этот же сюжет изображён на круглой урне для пепла, хранящейся во Дворце консерваторов (Schäfer 1979: 373, Abb. 4)². Конечно же, нельзя с уверенностью утверждать, что во всех случаях перед нами именно изображение императора (а не просто полководца), хотя такая трактовка была бы соблазнительна, учитывая его героизированный эллинистический образ и окружение. Вместе с тем, наиболее вероятно, что рельеф Большого Траяновского фриза на арке Константина

---

singulares в сочетании с изображениями охоты на кабана. На этих изображениях шлем изображён в руках слуги (*calo* или *strator*) (Schäfer 1979: Abb. 5—8).

² Следует отметить, что сюжет с оруженосцем со шлемом в руках не ограничивается сценами сражений. В ряде случаев шлем в руках слуг изображён на некоторых надгробиях в сочетании с изображениями охоты на кабана, например, на некоторых изображениях *equites singulares* (Schäfer 1979: 374—375, Abb. 5—8).

изображает именно фигуру императора, т.к. вокруг него мы видим императорскую гвардию (*equites singulares Augusti*). Рядом с фигурой императора изображён персонаж, несущий его шлем. Воин одет в точно такие же доспехи, как и остальные кавалеристы, окружающие императора. Но можно ли судить на основании внешнего вида его доспеха кем был этот человек — телохранителем из числа императорских гвардейцев или личным слугой (*strator*) (SHA., Car., VII, 1)? Чтобы ответить на данный вопрос обратимся к сообщениям античных авторов. При описании битвы при Солицинии Аммиан Марцеллин рассказывает, как императору Валентиниану, выехавшему на разведку в сопровождении верных телохранителей, пришлось спастись бегством при внезапном нападении врага, а его спальник (*cubicularius*) совсем сгинул вместе с украшенным золотом и драгоценными камнями шлемом императора, который он вёз (Amm. Marc., XXVII, 10, 11). Из данного сообщения можно заключить, что функцию оруженосца императора выполнял кубикулярий, а не *calo* (слуга) или *strator* (конюший)³. Хотя сообщение Аммиана Марцеллина относится к более позднему времени, совершенно очевидно, что подобную функцию кубикулярий мог выполнять и в эпоху принципата. Несомненно, эта должность была престижна уже в то время и упоминается в прочих нарративных источниках (Suet., Iul. 4, 1, Dom., 17, 2; Tac. Ann., XI, 33). Тацит упоминает кубикулярия Нарцисса, который стал на один день префектом претория (Tac. Ann., XI, 33). Кубикулярии также носили титул «хранителя кинжала» (*a pugione*). Пугио был символом жизни и смерти, а также власти (Krenn 2011: 172—193). Говоря о Нарциссе, следует отметить, что данный титул был присвоен ему, т.к. он был *ab epistulis* (Dio Cass., LX, 30, 6^b). Всё это подтверждает престиж должности кубикулярия, которая давала огромный потенциал власти человеку, практически постоянно сопровождавшему императора. Более того, определённо можно утверждать, что в ряде случаев занимавшие эту должность были связаны с армией, или же некогда были гладиаторами, так или иначе знакомыми с военным делом. Кубикулярий Калигулы Сабин был гладиатором — фракийцем, став впоследствии трибуном отряда германских телохранителей (Jos., AJ 19, 15; Dio Cass., LX, 28, 2). Есть мнение, что главный кубикулярий командовал *equites singulares Augusti* (Turner 1981: 97—100). В связи с этим необходимо вспомнить Клеандра — кубикулярия Коммода (Dio Cass., LXXII, 12, 1—72, 13, 6; Herod., 1, 12, 3, 13, 6; SHA., Comm., 6, 3—7). Он также носил титул «хранителя кинжала» (*a pugione*). Но, по мнению К. Кренн, титул *a pugione* мог выражать привилегию владения оружием, которое даровалось императором *praefecti praetorio* как внешний символ ранга, а также носитель этой титулатуры был «ответственным за императорский *pugio*» (Krenn 2011: 194, 196). Наконец, титул мог просто указывать на функцию, связанную с хранением императорского *pugio* (Krenn 2011: 196). Данная интерпретация ближе к трактовке кубикулярия как человека, который в определённых условиях мог выполнять функцию императорского оруженосца. Об этом косвенно может свидетельствовать сообщение, согласно которому кубикулярий Элект сопровождал Коммода на арене во время гладиаторских выступлений (Dio Cass., LXXII, 19, 4). Хотя Дион Кассий и не даёт никаких уточнений, по-видимому, в описываемом случае спальник нёс вслед за императором его гладиаторское оружие. Во всяком случае, именно так можно объяснить его присутствие на арене.

Таким образом, на основании вышеизложенного, представляется возможным интерпретировать кавалериста, показанного на рельефе с Большого Траяновского фриза рядом с императором и несущего его шлем, не в качестве рядового воина из состава *equites singulares*, которому доверили сопровождать императора и заботиться о его шлеме, а как приближённую к императору фигуру с титулом «хранителя кинжала» (*a pugione*). И хотя

---

³ Следует отметить, что Дион Кассий упоминает и собственно оруженосцев, хотя и не в связи с императором (Dio. Cass., LXXIX, 26).

персонаж изображён в тех же самых доспехах и шлеме, что и остальные окружающие императора всадники, следует отметить совершенное сходство его боевого наголовья с императорским, что также говорит не в пользу причисления данного персонажа к рядовым воинам лишь на основе анализа его доспеха. По-видимому, изображённый мог быть именно камергером-кубукулярием, а по совместительству и командиром *equites singulares*.

Литература

- Махлаюк А.В. 2013а. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (I). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6 (1), 253—265.
- Махлаюк А.В. 2013б. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (II). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 4 (3), 27—38.
- Махлаюк А.В., Негин А.Е. 2012. *Римские легионы в бою*. Москва: Эксмо; Язуа.
- Andreae B. 1956. *Motivgeschichtliche Untersuchungen zu den römischen Schlachtsarkophagen*. Berlin: Mann.
- Bellori G.P. 1690. *Veteres arcus Augustorum triumphis insignes: ex reliquiis quae Romae adhuc supersunt cum imaginibus triumphalibus restituti*. Romae: De Rubeis.
- von Domaszewski A. 1888. Römischer Pferdeschmuck aus Siebenbürgen. *Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn* 12, 138—145.
- Duquesnoy et al. 1631: Duquesnoy F., Matham Th., Mellan C., von Sandrart J. 1631. *Galleria giustiniana del marchese Vincenzo Giustiniani*. Vol. 2. Roma: [s.n.].
- Gilliver K. 2007. Display in Roman Warfare: The Appearance of Armies and Individuals on the Battlefield. *War in History* 14. Iss. 1, 1—21.
- Goldsworthy A.K. 1996. *The Roman Army at War 100 BC — AD 200*. Oxford: Clarendon Press.
- Hamberg P.O. 1945. *Studies in Roman Imperial Art*. Copenhagen: E. Munksgaard.
- Head et al. 1911: Head B.V., Hill G.F., MacDonald G., Wroth W.W. 1911. *Historia Numorum, a Manual of Greek Numismatics*. Oxford: Clarendon Press.
- Head B.V. 1888. *Catalogue of Greek coins: Attica-Megaris-Aegina. British Museum Catalog of Greek Coins*. Vol. XI. London: British Museum.
- Holscher T. 2003. Images of War in Greece and Rome: Between Military Practice, Public Memory, and Cultural Symbolism. *Journal of Roman Studies* 93, 1—17.
- Krenn K. 2011. Cleanders Stellung am Hof des Commodus. Zur Deutung des Titels a pugione. *Tyche* 26, 165—197.
- Künzl E. 2010. *Ein Traum von Imperium: Der Sarkophag Ludovisi — Grabmal eines Feldherrn Roms*. Regensburg: Schnell & Steiner.
- Labus G. 1838. *Museo Bresciano illustrato*. Brescia: Tipografia della Minerva.
- Mercando L., Zanda E., Beschi L. 1998. *Bronzi da Industria*. Torino: Edizioni De Luca.
- Montanari T. 2021. Bernini Father and Son as Restorers for Vincenzo Giustiniani: A Venus and a Goat. In: Settis S., Gasparri C. (eds). *The Torlonia Marbles: Collecting Masterpieces*. Milan: Electa.
- Moore R.L. 2013. Generalship: Leadership and Command In: Campbell B., Tritle L.A. (eds.). *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 457—473.
- Rucinski E. 2013. *Studien zu verzierten Wangenklappen römischer Reiterhelme der frühen bis späten Kaiserzeit*. Köln: Bachelorarbeit an der Universität zu Köln.
- von Sacken E. 1883. Über einige römische Metall- und Emailarbeiten. *Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses* 1, 41—60.
- Schäfer T. 1979. Zum Schlachtsarkophag Borghese. *Mélanges de l'école française de Rome*. T. 91. No. 1, 355—382.
- Score V. 2011. *Hoards, Hounds and Helmets. A Conquest-period Ritual Site at Hallaton, Leicestershire*. Leicester: University of Leicester Archaeological Services.
- Sharp H., James S. 2012. Reconstructing the Hallaton helmet. *Current Archaeology* 264, 38—41.
- Stäcker J. 2003. *Princeps und miles. Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim: G. Olms.
- Turner C. 1981. *The role of the Praetorian Guard in the personal security precautions of the Roman emperor, 30 B.C. — A.D. 235, and contemporary perceptions of the security problem*. PhD Thesis. Adelaide: University of Adelaide.

Tusa V. 1995. *I Sarcofagi Romani in Sicilia*. Rome: L'Erma di Bretschneider.

References

- Mahlayuk, A.V. 2013a. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 6 (1), 253—265 (in Russian).
- Mahlayuk, A.V. 2013b. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 4 (3), 27—38 (in Russian).
- Mahlayuk, A.V., Negin, A.E. 2012. *Rimskie legiony v boyu (Roman legions in battle)*. Moscow: Eksmo; Yauza (in Russian).
- Andreae, B. 1956. *Motivgeschichtliche Untersuchungen zu den römischen Schlachtsarkophagen*. Berlin: Mann.
- Bellori, G.P. 1690. *Veteres arcus Augustorum triumphis insignes: ex reliquiis quae Romae adhuc supersunt cum imaginibus triumphalibus restituti*. Romae: De Rubeis.
- von Domaszewski, A. 1888. Römischer Pferdeschmuck aus Siebenbürgen. *Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn* 12, 138—145.
- Duquesnoy et al. 1631: Duquesnoy, F., Matham, Th., Mellan, C., von Sandrart, J. 1631. *Galleria giustiniana del marchese Vincenzo Giustiniani*. T. 2. Roma: [s.n.].
- Gilliver, K. 2007. Display in Roman Warfare: The Appearance of Armies and Individuals on the Battlefield. *War in History* 14. Iss. 1, 1—21.
- Goldsworthy, A.K. 1996. *The Roman Army at War 100 BC — AD 200*. Oxford: Clarendon Press.
- Hamberg, P.O. 1945. *Studies in Roman Imperial Art*. Copenhagen: E. Munksgaard.
- Head et al. 1911: Head, B.V., Hill, G.F., MacDonald, G., Wroth, W.W. 1911. *Historia Numorum, a Manual of Greek Numismatics*. Oxford: Clarendon Press.
- Head, B.V. 1888. *Catalogue of Greek coins: Attica-Megaris-Aegina. British Museum Catalog of Greek Coins*. Vol. XI. London: British Museum.
- Holscher, T. 2003. Images of War in Greece and Rome: Between Military Practice, Public Memory, and Cultural Symbolism. *Journal of Roman Studies* 93, 1—17.
- Krenn, K. 2011. Cleanders Stellung am Hof des Commodus. Zur Deutung des Titels a pugione. *Tyche* 26, 165—197.
- Künzl, E. 2010. *Ein Traum von Imperium: Der Sarkophag Ludovisi — Grabmal eines Feldherrn Roms*. Regensburg: Schnell & Steiner.
- Labus, G. 1838. *Museo Bresciano illustrato*. Brescia: Tipografia della Minerva.
- Mercando, L., Zanda, E., Beschi, L. 1998. *Bronzi da Industria*. Torino: Edizioni De Luca.
- Montanari, T. 2021. Bernini Father and Son as Restorers for Vincenzo Giustiniani: A Venus and a Goat. In: Settis, S., Gasparri, C. (eds). *The Torlonia Marbles: Collecting Masterpieces*. Milan: Electa.
- Moore, R.L. 2013. Generalship: Leadership and Command In: Campbell, B., Tritle, L.A. (eds.). *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 457—473.
- Rucinski, E. 2013. *Studien zu verzierten Wangenklappen römischer Reiterhelme der frühen bis späten Kaiserzeit*. Köln: Bachelorarbeit an der Universität zu Köln.
- von Sacken, E. 1883. Über einige römische Metall- und Emailarbeiten. *Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses* 1, 41—60.
- Schäfer, T. 1979. Zum Schlachtsarkophag Borghese. *Mélanges de l'école française de Rome*. T. 91. No. 1, 355—382.
- Score, V. 2011. *Hoards, Hounds and Helmets. A Conquest-period Ritual Site at Hallaton, Leicestershire*. Leicester: University of Leicester Archaeological Services.
- Sharp, H, James, S. 2012. Reconstructing the Hallaton helmet. *Current Archaeology* 264, 38—41.
- Stäcker, J. 2003. *Princeps und miles. Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim: G. Olms.
- Turner C. 1981. *The role of the Praetorian Guard in the personal security precautions of the Roman emperor, 30 B.C. — A.D. 235, and contemporary perceptions of the security problem*. PhD Thesis. Adelaide: University of Adelaide.
- Tusa, V. 1995. *I Sarcofagi Romani in Sicilia*. Rome: L'Erma di Bretschneider.

Рис. 1. Рельеф большого Траяновского фриза с арки Константина. Гравюра Пьетро Санти Бартоли (по Bellori 1690: 44).

Fig. 1. Relief of the Great Trajanic Frieze from the Arch of Constantine. Engraving by Pietro Santi Bartoli (after Bellori 1690: 44).

Рис. 2. Деталь гравюры Пьетро Санти Бартоли (по Bellori 1690: 44).

Fig. 2. Detail of an engraving by Pietro Santi Bartoli (after Bellori 1690: 44).

Рис. 3. Саркофаг из коллекции маркиза Винченцо Джустиниани (по Duquesnoy et al. 1631: tav. 72).

Fig. 3. Sarcophagus from the collection of the Marquis Vincenzo Giustiniani (after Duquesnoy et al. 1631: tav. 72).

Рис. 4. Медальон Луция Вера посвящённый его победе над Арменией (рисунок автора).

Fig. 4. Medallion of Lucius Verus dedicated to his victory over Armenia (author's drawing).

Религиоведение

Religious studies

УДК 902

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021

И.Ю. Шайб

ГОРГОНА В РЕЛИГИИ МЕОТОВ*

Огромная популярность изображений Горгоны Медузы (преимущественно горгоней) на различных артефактах, обнаруженных в курганах Скифии и Боспора, обычно объясняется апотропеическим значением её образа, которое было обусловлено влиянием греческой культуры на варваров. Однако находку золотого горгоней, который был главным объектом поклонения в одном из меотских святилищ у аула Уляп (Адыгея), таким образом интерпретировать невозможно. Сходство между Горгоной Медузой и древней чеченской и ингушской богиней-матерью Тушоли, которая почиталась в виде зловещей маски, позволяет предполагать, что в горгонее меоты видели образ одной из главных ипостасей Великой богини, которую почитали и другие местные племена Причерноморья. Кроме того, у варваров, которые практиковали ритуальное отсечение человеческой головы и окружали её религиозным почитанием, горгоней должен был ассоциироваться с этим культом.

Ключевые слова: античная археология Причерноморья, Скифия, Боспор, Адыгея, меоты, чеченцы, ингуши, религия и культы, Горгона Медуза, Тушоли, Великая богиня, культ отрубленной человеческой головы.

Сведения об авторе: Шайб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: schaubigor@mail.ru.

I.Yu. Schaub

GORGON IN THE RELIGION OF MAEOTES

The immense popularity of the images of the Gorgon Medusa (mainly the gorgoneus) on various artifacts found in the mounds of Scythia and the Bosphorus is usually explained by the apotropaic significance of her image, which was due to the influence of Greek culture on the barbarians. However, the finding of the golden gorgoneus, which was the main object of worship in one of the Maeotian sanctuaries near the village of Ulyap (Adygea), cannot be interpreted in this way. The similarity between the Gorgon Medusa and the ancient Chechen and Ingush Mother goddess Tusholi, who was worshiped in the form of an ominous mask, suggests that the Maeotes saw in the gorgonea the image of one of the main hypostases of the Great Goddess, who was also worshiped by other local tribes of the Black Sea region. In addition, among the barbarians, who practiced the ritual cutting off of the human head and religiously revered it, the gorgoneus should have been associated with this cult.

Key words: antique archaeology of the Black Sea region, Scythia, Bosphorus, Adygea, Maeotes, Chechens, Ingush, religion and cults, Gorgon Medusa, Tusholi, Great Goddess, cult of the severed human head.

About the author: Schaub Igor Yurievich, Dr. habil. (History), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

---

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 18A, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Самым распространённым греческим мотивом на различных артефактах, обнаруженных в курганах Скифии (Раевский 1985: 173) и Боспора (Цветаева 1968: 4) является изображение Горгоны Медузы (чаще всего в виде её головы — горгонея)¹; не редок этот мотив и на Кавказе (Авалиани 2012). У меотов горгоней пользовался столь большой популярностью, что, к примеру, головной убор жрицы², погребенной в кургане Карагодеуашх, украшали 50 золотых бляшек с изображением головы Горгоны Медузы (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 32—33, 160), а в кургане Курджипс было найдено 29 терракотовых позолоченных имитаций горгонеев (Галанина 1980: 88)³. Подобные терракотовые горгонеи часто встречаются и на других меотских памятниках; более всего их было найдено в погребениях (Малышев 1992) и в святилищах (Erlikh 2011; Эрлих 2012). Особое внимание среди изображений Горгоны Медузы, найденных на территории, где обитали меоты, привлекает к себе золотой горгоней, который был главным объектом поклонения в святилище, обнаруженном в кургане № 5 у аула Уляп (Адыгея). Вот описание этого священного предмета: «Бляха (возможно, налобник) в виде диска из листового золота с прочеканенным лицом Медузы Горгоны. Изображение слегка помято. Лицо круглое, с пухлыми щеками, глаза расширены, рот оскален, на голове крупными прядями развеваются волосы. По краям диска размещено шесть небольших отверстий с продетыми сквозь них серебряными проволочками. Этими проволочками-заклепками диск крепился к серебряной плоской рамке с двумя небольшими выступами по бокам. Между рамкой и диском был проложен кусок кожи (сохранился кожаный тлен) <...> Диаметр 5,9 см» (Лесков и др. 2013: 48, № 116, рис. 28: 14) (рис. 1: а, б).

Эта бляха была прикреплена к столбу, который находился «в самом сакральном центре сооружения» (Лесков и др. 2013: 89). Поскольку курган № 5 датируется временем в пределах первой половины IV в. до н.э., именно здесь мы имеем наиболее раннее проявление меотского ритуала, в котором главную роль играет особое почитание изображения Медузы Горгоны (Лесков и др. 2013: 89). Думается, что отнюдь не случайно в том же святилище кургана № 5 были найдены золотые бляшки с изображением головы Медузы (Лесков и др. 2013: 45, № 95—6; 46, № 96—8), а также крупные стеклянные бусины с «масками—личинами», весьма напоминающими горгонеи (Лесков и др. 2013: 45, № 93; 48, № 117).

Со второй половины IV в. до н.э. в погребальных и ритуальных сооружениях меотской культуры начинают встречаться керамические горгонеи. «Большинство их имеет на лицевой стороне рельефное изображение Медузы Горгоны как с высунутым языком, так и без него. По ободку проходит линия жемчужника, а обратная сторона имеет два отверстия, куда вставлялась тонкая бронзовая проволочка, служившая для подвески» (Лесков и др. 2013: 89). В Прикубанье известно уже более 20 мест находок подобных медальонов раннеэллинистического времени, причем, как уже упоминалось выше, значительная их часть

---

¹ Каталог изображений Горгон на артефактах, найденных в Северном Причерноморье, см.: (Скржинская 2010: 238—240). Однако он далеко не полон: в частности, в нём отсутствуют горгонеи, которые рассматриваются нами ниже.

² Аргументацию в пользу этого утверждения см.: (Шауб 2017: 313—318). Следует отметить, что изображение горгонеев представлено и в нижнем регистре золотой треугольной пластины, украшавшей этот головной убор (Шауб 2007: рис. 3).

³ Здесь же приведены аналогии этим терракотовым украшениям как в Греции, так и в Северном Причерноморье и Прикубанье.

происходит из святилищ. По мнению В.Р. Эрлиха, медальоны с изображением Медузы привозились на Кубань из Северной Греции, где позолоченная терракота в раннеэллинистический период изготавливалась специально для погребений. Однако «разнообразие штампов может указывать на то, что центров производства было несколько» (Малышев 1992: 51). Вероятно, отнюдь не случаен тот факт, что в Греции известны только единичные случаи находки медальонов в виде горгонеев в святилищах (Лесков и др. 2013: 89).

О популярности культовой роли горгонеев у меотов говорит тот факт, что после прекращения их поставок из Северной Греции в III в. до н.э. на Кубани начинают изготавливать местные подражания керамическим дискам с изображением Горгоны. Эти медальоны изготовлены из глины худшего качества с крупными включениями, штамп всегда нечеткий, на обороте уже нет отверстий для петли, что исключает их использование в ожерельях (Erlikh 2011: 113 след, рис. 9: 1—8). Публикаторы результатов своих раскопок закубанских святилищ признаются, что «не в состоянии объяснить на базе имеющихся в настоящее время данных популярность образа Медузы у меотов и его частое использование на Кубани в ритуальной практике». Они лишь замечают, что использование керамических горгонеев «служит отличительным признаком меотской ритуальной и погребальной практики от скифской» (Лесков и др. 2013: 89)⁴.

На вопрос о причине популярности образа Медузы у меотов и его частом использовании в их ритуальной практике попыталась ответить Е.А. Беглова, которая в «почитании в меотских ритуалах культа Горгоны Медузы» видит «следы греческого влияния». В то же время она допускает, что культ этого божества, образ которого «воплощал в себе страх и смерть», «был адаптирован к местным представлениям о заупокойном мире, к существовавшему воинскому ритуалу, основной целью которого было устрашение врагов и темных загробных сил» (Беглова и др. 2014: 43). Что касается тезиса о распространении горгонеев в меотской среде под влиянием греческого культа Медузы, то в эпоху начала контактов меотов с греками у последних он уже едва ли существовал. В то же время, мысль об адаптации её образа и связанных с ней мифологических представлений к местным верованиям сомнений не вызывает (Раевский 1985: 173; Шауб 1992; 1999 и др.). Для того чтобы попытаться разобраться в Характере этих местных верований и ритуалов, стоит вспомнить некоторые наши мысли об особенностях мировидения других причерноморских варваров — скифов. Характерный для их искусства принцип соединения в одном образе черт противоположных по своей сути живых существ («зооморфные превращения»)⁵, напоминает (естественно, *mutatis mutandum*) китайскую концепцию инь-ян⁶. Это сходство (кроме самого принципа динамического сочетания противоположностей) мы усматриваем и в свойственной обоим феноменам экспрессии, и в их шаманистической подоснове, и в характерной для них обоим связью с экстатическими культами и ритуальной переменой пола. И подобно тому, как в даосизме, сохранившем многое из древних верований и аграрных культов, принцип инь-ян, который основывается на представлении о мире как взаимном сопряжении противоположных сущностей, кристаллизовался в знаменитом знаке, у скифов подобная

⁴ Последнее утверждение не совсем верно. Если изредка встречающиеся в могилах Европейского Боспора керамические горгонеи могли принадлежать покойникам—меотам, то гораздо труднее предположить подобное для хозяина (хозяйки?) гробницы, найденной в Никонии. Здесь «чёрные археологи» в «исследованном» ими склепе V в. до н.э., где был погребён знатный скиф (скифянка?), обнаружили возле его (её?) головы скопление глиняных «кружочков», изображающих Горгону Медузу; глиняные горгонеи были плакированы или окрашены золотом (Рябова, Лежух 2001: рис. 5: 3).

⁵ Об этом явлении в искусстве скифов см.: (Канторович 2002).

⁶ Об этой концепции двух противоположных и взаимодополняющих начал, см., например: (Маслов 2003: 29—36).

интуиция, вероятно, нашла отражение и в системе «зооморфных превращений», и в изображениях сцен терзания, и в монструозных образах (Шайб 2017). Многие сказанное о скифах можно смело отнести и к явно близким к ним по менталитету меотам, которых в образе Горгоны Медузы, судя по всему, привлекло совмещение таких противоположных начал, как тёмное и светлое, женское и мужское, воинственность и материнство⁷.

Нужно сказать, что образ Горгоны Медузы в верованиях причерноморских варваров был тесно связан с образом змееногой богини⁸ — наиболее оригинально и ярко представленном на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (Шайб 2007: рис. 14). Тот факт, что аналогичный сюжет — змееногая богиня с ножом в правой руке и отрубленной головой сатира в левой — фигурирует на золотой пластине из кургана у станицы Ивановской (Шайб 2007: рис. 19), который находится на территории, где обитали меоты, свидетельствует об их знакомстве с образом этого божества⁹. М.И. Ростовцев предположил, что источником происхождения иконографии змееногой богини является древний ионийский мотив Медузы (Rostovtzeff 1922: 108). Это совершенно правильно, т.к. в античном искусстве антропоморфному змееногому персонажу предшествует именно змееногая Горгона, которая представлена на ряде ручек бронзовых позднеархаических кратеров (Шайб 2007: рис. 12), а на о. Крит получеловеческий—полузмеинный персонаж до сих пор называется «Горгоной» (Gimbutas 1989: 132). В то же время М. И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 382), как и подавляющее большинство других исследователей прошлого и настоящего, объяснял исключительную популярность горгонеев в Скифии (а также на Боспоре) лишь тем апотропеическим значением, которое приписывалось им в Греции; из последних работ см., например: (Русяева 2002; Дувакин 2009, Скржинская 2010: 202—205; Рахно 2019).

Действительно, представление о том, что всё странное, чужое, непонятное, а тем более пугающее, служит знаком скрытых сил, является характерной особенностью человеческой психики. «Всё... чудовищное становится вместилищем магико-религиозных сил и, в зависимости от обстоятельств, предметом поклонения или страха», — справедливо отмечает М. Элиаде (Элиаде 1999: 28—29)¹⁰. Однако этого объяснения отнюдь не достаточно для понимания глубинных пластов чрезвычайно сложного образа Горгоны Медузы¹¹, которая, в полном соответствии со своим именем «Владычица», первоначально сама являлась ипостасью Великой богини (Frothingham 1911: 349 след.; 1922; Marinatos 1927—1928: 7 след.; Christou 1968: 147) — владычицей жизни и смерти (Шайб 1992; 1999; 2007; 2008; 2011; 2014).

Совсем недавно исследование интересующего нас образа в аналогичном ключе предприняла О.А. Золотникова (Zolotnikova 2016). При этом она опиралась на исследование Артура Л. Фротингема (Frothingham 1911: 349 след.), который утверждал, что Горгона была древней Критской и, шире, — Эгейской, богиней дикой природы, плодородия и рождения, а также покровительницей детей и женщин; при этом она имела примитивную устрашающую наружность. В начале исторического периода она была замещена Артемидой и попала в услужение к Афине¹² и Зевсу (Zolotnikova 2016: 359).

⁷ О наличии в образе Горгоны Медузы этих и ряда других базовых черт, характерных для всеобъемлющего божества, см.: (Шайб 1999 и др.)

⁸ И близкой к ней Скилле (Шайб 2009).

⁹ Прочие аргументы в пользу не только знакомства меотов с образом змееногой богини, но и с существованием у них связанного с нею мифа, см.: (Шайб 2011: 94 след.)

¹⁰ Некоторые исследователи ассоциируют образ Горгоны с подсознательными эмоциями и считают её, вслед за З. Фрейдом, персонификацией страха (Rose 1928: 29—30).

¹¹ Подавляющее большинство антиковедов придерживается традиционного взгляда на Горгону как на чисто мифологического монстра; см, например: (Ziegler 1912; Krauskopf 1988).

¹² По мнению А.Ф. Лосева, Горгона — это alter ego хтонической Афины (Лосев, 1999: 244, 252), что можно рассматривать как суженный вариант гипотезы А. Фротингема.

Проанализировав богатые материалы Великой Греции (другие области греческой колонизационной деятельности остались вне её поля зрения), О.А. Золотникова пришла к выводу, что жители этой области «дольше, усерднее и преданнее сохраняли в своих религиозных верованиях образ Горгоны в той форме, в которой он существовал в материковой Греции в начале исторического периода и в которой он был перенесен в Италию первыми колонистами. Это вполне понятно: вынужденные жить отдельно от своей метрополии, греки—колонисты особенно настойчиво соблюдали и сохраняли религиозные традиции своей родины такими, какими они были в момент основания колоний. Поэтому в Великой Греции Горгона как богиня, изначально имевшая две природы и две стороны — добрую и злую, красивую и ужасную, соответственно — оставалась такой в течение всего архаического периода, а в материковой Греции религиозные представления, стремительно изменяясь, привели к финальной дифференциации между Олимпийской гармонией и красотой и примитивной доолимпийской дикостью и грубостью» (Zolotnikova 2016: 365—366).

По словам исследовательницы, в религиозной образности Западной Греции Горгона в качестве древней богини природы и покровительницы всего живого никогда полностью не теряла свое доброе и красивое обличье и никогда не воспринималась только как монстр в такой степени, как это произошло в религиозных представлениях материковой Греции в середине архаического периода.

Возможно, сохранению жившими в Италии греками образа Горгоны в первоначальной форме способствовало почитание, которым она была окружена у этрусков. Северные соседи греков в Италии устойчиво поклонялись Горгоне как покровительнице жизни; вероятно, полагает О.А. Золотникова, именно они одними из первых изобразили Горгон как привлекательных женщин уже в третьей четверти VI в. до н.э. (Zolotnikova 2016: 366)

Учитывая приведённые выше соображения, есть все основания полагать, что и в Северном Причерноморье происходила подобная консервация в образе Горгоны её архаических черт. Это должно было способствовать восприятию меотами образа Горгоны как одного из главных воплощений Великой богини, которую почитали и другие местные племена Причерноморья (Шауб 1999 и др.). О том, что Горгона в этой ипостаси, выступая в обличье Владычицы зверей, была известна в варварской среде, может свидетельствовать её изображение на золотой пластине — украшении деревянного сосуда (?) из разграбленного погребения кургана Шахан, или Семиколенный, близ станицы Тульской Майкопского района (Бессонова 1983: 86, рис. 9: 2), а также на серебряном ритоне из Келермесса (Шауб 2007: рис. 6)¹³. На Боспоре великолепно исполненное изображение Горгоны со змеями в руках (т.е. в аспекте Владычицы змей) представлено на инталии начала V в. до н.э., найденной в одной из из пантикапейских могил (Шауб 2007: рис. 18).

Кроме того, у варваров, которые практиковали ритуальное отсечение человеческой головы и окружали её религиозным почитанием (Шауб 1987: 16; 2007; 2011: 118—120; Лесков и др. 2013: 77), горгонею должен был ассоциироваться с этим культом¹⁴. О широком

¹³ К сожалению, лицо богини почти полностью разрушено коррозией. Это божество, несомненно, близко изображенной на Келермесском зеркале Владычице зверей (обычно их полностью отождествляют), но его иконография имеет существенные отличия. Во-первых, на ногах божества небольшие крылышки, что в античном искусстве не типично для изображения Владычицы зверей, но характерно для Горгоны Медузы, как и поза «коленипреклоненного бега».

Кроме того, грифоны в качестве Владычицы зверей вообще не типичны для восточно-греческого искусства (Бессонова 1983: 86).

¹⁴ Судя по всему, у причерноморских варваров наряду с оргиастической женской формой культа отсеченной человеческой головы, сопоставимого с аналогичными ритуалами Восточного Средиземноморья, существовала и воинская мужская разновидность подобного культа. Однако состояние наших источников не позволяет провести между этими формами культа резкую грань, а возможно, ее и вовсе не было (Шауб 2011: 120).

распространении этой практики у меотов свидетельствуют как памятники изобразительного искусства (золотой колпачок из Курджипса, пластина из Зубова кургана и др.) (Шауб 2007: рис. 24, 31), так и отрубленные головы, найденные в их святилищах и ритуальных комплексах (см., например: (Лесков и др. 2013: 58, 68, 69, 73, 77, 79 и др.))¹⁵. В связи с этими фактами нужно отметить, что, согласно логике мифологического мышления, Медуза («Владычица») до того, как стать объектом декапитации со стороны героя Персея, должна была сама мыслиться способной обезглавливать и, соответственно, в качестве покровительницы подобных ритуалов.

Вполне вероятно, что популярности изображений горгонеев в Скифии могла способствовать и вера в существование здесь женщин, могущих убивать взглядом (Plin. Nat. Hist. VII., 17), что имеет несомненное сходство с греческими представлениями о Горгоне, взгляд которой убивает (или превращает в камень).

Описывая этих женщин, Плиний сообщает, что они отличаются двойным зрачком в одном глазу¹⁶ и образом коня в другом. В связи с этим нужно вспомнить, что Медуза Горгона иногда изображалась с лошадиным телом, а также считалась матерью крылатого коня Пегаса, родившегося от Посейдона, который принял обличье коня. К рассказу Плиния интересную деталь добавляет Солин: эти женщины губят своим взглядом, если случайно на кого-нибудь посмотрят в гневе (Solin., I, 101).

Эти рассуждения отнюдь не противоречат тому, что в Северном Причерноморье, как и в метрополии, греки видели в изображении Горгоны могучий апотропей, но не столько в силу его устрашающего облика (который в IV в. до н.э. уже не был таковым), а потому, что в нем сохранялась сакральная мощь могучего древнего божества (подробнее см: Шауб 2010: 13—14, прим. 61, 62).

Параллели с греческой Горгоной Медузой можно найти в мифологиях и на памятниках изобразительного искусства по всему миру (см., например: Гусева 1977: 139; Smith 1926; Wilk 2000: 55 след.). Однако представляется отнюдь не случайным разительное сходство между нею и богиней-матерью Тушоли — одним из наиболее почитавшихся божеств у кавказцев, особенно у чеченцев и ингушей (Цароева 2012)¹⁷. По словам В.Б. Виноградова, популярность этой древней богини плодородия и урожая, культ которой существовал до конца XIX в., выходила далеко за пределы Чечни и Ингушетии, «так как до недавнего времени она почиталась и хевсурами, тушинами, а в древности, конечно, и еще более широким кругом близкородственных кавказских племен» (Виноградов 1966: 86).

Тушоли — единственное горское божество, у которого было антропоморфное изображение в виде деревянного идола с женской маской на нем. Тушоли так и называлась у чеченцев и ингушей — «даьла юхъ Тушоли», т.е. «божий лик (образ) Тушоли» (Виноградов 1966: 86). Самый интересный и важный объект её культа — металлическая пластина в виде полумаски, служившая «лицом» идола Тушоли — была найдена Е.С. Шиллингом (Шиллинг 1931: 33) (рис. 2)¹⁸. Графическое изображение на лбу маски напоминает статую Тушоли (рис. 3), представленную одновременно в прямом и перевёрнутом виде. Знаток ингушской

¹⁵ Лесков и др. 2013: 77. Наряду с этим (главным) у меотов практиковались и другие виды человеческих жертвоприношений, которые, вполне вероятно, сочетались с ритуальным каннибализмом (Лесков и др. 2013: 75, 81, 83, 87—88).

¹⁶ О связи двойного зрачка и Великой богини см., например: (Андерсен 2007: 15).

¹⁷ А.А. Захаров уже давно нашёл черты, роднящие Тушоли с Сирийской богиней (Захаров 1934—1935), а Л.П. Семёнов — с Кибелой (Семёнов 1959). Обе эти родственные Тушоли богини являлись ипостасями Великой богини Ближнего Востока.

¹⁸ За присылку этой иллюстрации, а также фотографии скульптурного изображения Тушоли (рис. 3), благодарю И.М. Булатбиева — сотрудника отдела языка и литературы Академии наук Чеченской Республики.

этнографии Д.Д. Мальсагов так описывает один из обрядов, совершаемых в честь Тушоли: «Из святилища в селении Ког весной в праздник Тушоли жрец (цїена саг) выносил к народу деревянный идол Тушоли с железной маской на лице. Народ в ужасе падал ниц, не смея взглянуть на богиню» (цит. по: Виноградов 1966: 86; выделено нами — И.Ш.).

«Разрушенные временем деревянные идолы богини уступали место новым. Не раз заменялись и металлические маски. Но каждый новый божий лик Тушоли обязательно передавал суровое и печальное выражение лица богини, соответствующее содержанию окружавших ее суеверий», — пишет В.Б. Виноградов, отмечая: «Рождение культа богини плодородия Тушоли уходит в глубокую древность, и бытование его в VIII—VI вв. до н.э., когда была отлита бронзовая маска женского божества, отнюдь не представляется неожиданным» (Виноградов 1966: 87). Речь идёт о культовой бронзовой маске VIII—VI вв. до н.э. из селения Нар. Л.П. Семенов, сравнив её с одной из позднейших масок Тушоли и ее деревянным идолом, указал на очевидное стилистическое и композиционное сходство обоих изображений женских лиц. «И сходство это, конечно, не случайно — за ним скрывается тождество объектов почитания», — комментирует В.Б. Виноградов (Виноградов 1966: 87).

Таким образом, культ, основным объектом которого была металлическая маска, присоединённая к деревянной основе, очень схож с тем, который зафиксирован в меотском святилище в кургане № 5 у аула Уляп. Почитание Тушоли прослеживается до VIII—VI вв. до н.э., т.е. восходит ко времени формирования меотской культуры. Причём аналогия между обоими культами заключается не только в маске как главной черте облика как Горгоны, так и Тушоли, но и в той опасности, которая исходила от их лицезрения. Кроме того, атрибутами и того, и другого божества были змеи¹⁹.

Итак, исследование памятников с изображениями Горгоны Медузы, которые были найдены на территории, где обитали меоты, показывает, что авторитетное в научной литературе мнение о сохранении чисто греческого характера этого образа у варваров и его непереносимой связи с сюжетами эллинской мифологии (Скржинская 2010: 202—205), явно несостоятельно. Значение образа Горгоны Медузы в религиозно-мифологических представлениях меотов (а также других варваров, живших на Боспоре) существенно отличалось от той роли, которую он играл в Греции эпохи классики и эллинизма (см., например: Krauskopf 1988: 285 след.; Wilk 2000). Несомненное наличие у меотов культа, в котором главную роль играли горгоней, а также сходство образа Горгоны Медузы и религиозно-мифологических представлений о ней с образом и особенностями почитания Великой кавказской богини-матери Тушоли, свидетельствует об адаптации греческого образа к местным верованиям.

Эти факты являются важным дополнительным аргументом в пользу уже давно выдвинутой нами гипотезы о том, что обитавшие в Северном Причерноморье варвары видели в Горгоне Медузе одну из ипостасей своей Великой богини (Шауб 1992; 1999 и др.). В связи с этим нужно отметить, что, если единственным антропоморфным образом, пленившим воображение меотов, обитавших близ современного аула Уляп, был образ Горгоны Медузы²⁰, который меотские мастера даже пытались копировать²¹, то в одном из Тенгинских святилищ наряду с горгоней зафиксированы терракотовые изображения

¹⁹ О змеях как атрибутах Тушоли см.: (Акиева 2017: 22)

²⁰ Если не считать весьма схематически запечатлённого на одном амулете (Лесков и др. 2013: 46, № 97) египетского андрогинного бога Бэса. Но и его роднят с Горгоной Медузой такие черты, как безобразное лицо с высунутым языком и змея в качестве одного из главных атрибутов.

²¹ Не только здесь, но и в других местах обитания меотов; см.: (Марченко 1996: 237, рис.18: E 2; 278, рис. 58: 4).

рогатой Ио (Эрлих 2002: 234, рис. 1, 20)²² — ещё одной наследницы образа Великой богини Эгеиды (Шауб 2020)²³.

Будем надеяться, что наше небольшое исследование позволит несколько расширить крайне скудные представления о религиозной жизни меотов²⁴.

Литература

- Авалиани Э. 2012. Монстры эллинского мифа и их периферийные варианты. *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. Вып. 6. № 2, 306—322.
- Акиева П.Х. 2017. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН.
- Андерсен В.В. 2007. Мифологические основы предания о лидийском царе Гиге. *Новый Гермес* I, 10—16.
- Беглова и др. 2014: Беглова Е.А., Габуев Т.А., Ксенофонтова И.В., Носкова Л.М. 2014. *Археология Северного Кавказа. Путеводитель по «Особой кладовой. Археология»*. Москва: Государственный Музей Востока.
- Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Виноградов В.Б. 1966. *Тайны минувших времен*. Москва: Наука.
- Галанина Л.К. 1980. *Курджипский курган*. Ленинград: Искусство.
- Гусева Н.Р. 1977. *Индуизм*. Москва: Наука.
- Дувакин Е.Н. 2009. Голова Медузы Горгоны: семантика апотропея. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 9, 97—104.
- Захаров А.А. 1934—1935. Ингушская богиня Тушоли и Dea Syria Лукиана. *Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения* VI.2, 118—128.
- Канторович А.Р. 2002. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии. В: Евлевский А.В. (ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 1. Донецк: ДонНУ, 77—130.
- Круглов Е.А., Подопригра А.Р. 2017. Андрогинная Горгона римской Британии. *Новый Гермес* 10, 191—201.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. 1894. *Курган Карагодеуаих*. МАР 13.
- Лесков и др. 2013: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2013. *Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н.э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Наука.
- Лосев А.Ф. 1999. Афина Паллада. В: Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. *Греческая культура в мифах, символах и терминах*. Санкт-Петербург: Алетей, 227—328.
- Малышев А.А. 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье. В: Кокорина Ю.Г., Переводчиков В.В. (ред.). *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии*. Москва: МГУ, 49—56.
- Марковин В.И. 1994. *Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии*. Москва: Русская книга.
- Марченко И.И. 1996. *Сибеки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Маслов А.А. 2003. Инь и ян: хаос и порядок. В: Маслов А.А. (ред.). *Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз*. Москва: Алетей, 29—36.
- Раевский Д.С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э.* Москва: ГРВЛ.

²² В. Р. Эрлих называет Ио просто «женским рогатым божеством» (Эрлих 2002: 234).

²³ Подкрепляет гипотезу об Ио как одной из ее ипостасей Великой богини и существование подобных религиозных верований у южных соседей меотов — колхов (Шауб 2020: 135, прим. 32).

²⁴ В связи с почитанием Горгоны меотами и аналогичного образа некоторыми народами Индии, где этот образ представляет одну из аватар местной Великой богини (Гусева 1977: 139), встаёт вопрос (который мы оставляем открытым): не обусловлен ли этот феномен их общим индоарийским происхождением, о котором могут свидетельствовать данные лингвистики (Трубачев 1976)?

- Рахно К. 2019. Горгона в будівельній кераміці античності: витоки та семантика апотропею. *Археологічна Керамологія. Описне*. № 2 (2), 93—119.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: Государственная академия истории материальной культуры.
- Русяева М.В. 2002. Горгонейоны на произведениях торевтики из Скифских курганов. В: *БЧЗ. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: Центр археологических исследований, 216—218.
- Рябова В.А., Лежух И.П. 2001. «Чёрная археология» и история царя Скила. *Восточноевропейский археологический журнал* 2(9). URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/ryabova_lezhukh.htm (дата обращения 25.11.2021).
- Семенов Л.П. 1959. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. *Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы*. Т. 1. Вып. 1. История, 197—219.
- Скржинская М.В. 2010. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 202—205.
- Трубачев О. Н. 1976. *О синдах и их языке*. ВЯ 4, 39—63.
- Цароева М. 2012. *Тушоли — последняя богиня-мать Кавказа*. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом.
- Шауб И.Ю. 1987. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья. В: Максименко В.Е., Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару)*. Новочеркасск: [б.и.], 16.
- Шауб И.Ю. 1992. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье. В: *Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 26—28 ноября 1991 г.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 70—72.
- Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—224.
- Шауб И.Ю. 2006. Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии. *Итальянский сборник* 9, 5—22.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Шауб И.Ю. 2008. *Италия—Скифия: культурно-исторические параллели*. Москва; Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Шауб И.Ю. 2009. О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана. В: Вахтина М.Ю., Соколова О.Ю., Грицик Е.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 276—280.
- Шауб И.Ю. 2010. Об архаических чертах в культе Деметры в Ольвии. *Новый Гермес* 4, 5—14.
- Шауб И.Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.)*. Saarbrücken: LAP.
- Шауб И.Ю. 2014. Боспорские курганы и захоронения представления боспорян. *БИ XXX*, 639—694.
- Шауб И.Ю. 2017a. Боспорское жречество. *БИ XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*, 288—324.
- Шауб И.Ю. 2017b. Монстры в культуре скифов. *Новое прошлое* 4, 25—47.
- Шауб И.Ю. 2019. Монстры в древности. Первобытность. Эгейская культура. Древний Восток. *Античный мир*. Фуртай Ф.В. (ред.). *Архетип Ночи в мировой культуре*. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 211—234.
- Шауб И.Ю. 2020. Боспорская Ио. *Новый Гермес* 12-1, 130—138.
- Шиллинг Е.М. 1931. *Ингуши и чеченцы. Религиозные верования народов СССР*. Т. 2. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 9—40.
- Элиаде М. 1999. *Очерки сравнительного религиоведения*. Москва: Ладомир.
- Эрлих В.Р. 2002. Украшения из Тенгинских святилищ. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 232—236.
- Эрлих В.Р. 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время). В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (отв. ред.).

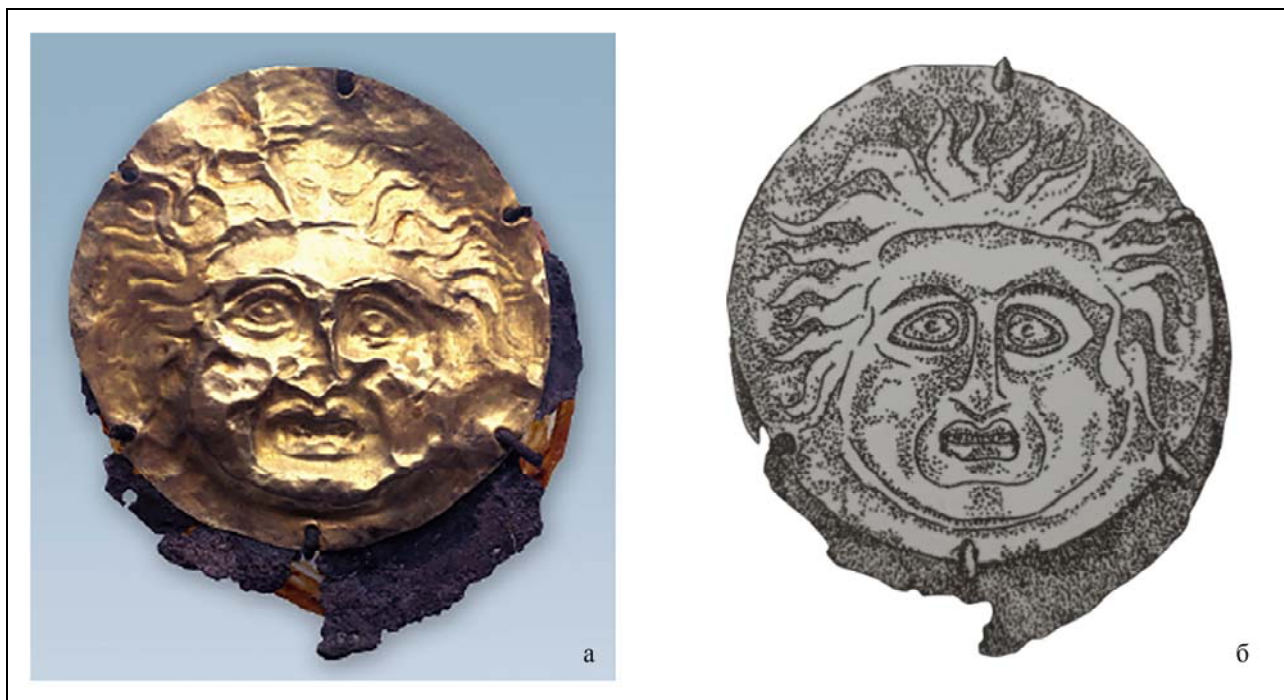
- Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Москва: ГИМ, 259—273 (Труды ГИМ 191).
- Christou A.Ch. 1968. Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. PhD Thesis. Thessalonike.
- Erlikh V. 2011. Gilded Terracotta Jewellery from Meotian Sites of the Kuban Region: the Problem of Intercultural Contact in the Early Hellenistic Period. *PONTIKA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st — 26th April 2008, Kraków*, 113—128 (BAR Intern. ser. 2240).
- Frothingham A.L. 1911. Medusa, Apollo and the Great Mother. *AJA*. Vol. 15. No. 3, 349—377.
- Frothingham A.L. 1922. Medusa as Artemis in the Temple at Corfu. *AJA*. Vol. 26. No. 1, 84—85.
- Gimbutas M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Krauskopf I. 1988. Gorgo, Gorgones. *LIMC IV*: 285—330.
- Marinatos S. 1927—1928. Γοργόνες καὶ Γοργόνεια. *Αρχαιολογική Έφημερίς* 1927—1928, 7—41.
- Rostovtzeff M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Rose H. 1928. *Handbook of Greek Mythology*. London: Methuen & Co.
- Smith S. 1926. The face of Huwawa. *Journal of the Royal Asiatic Society* 26, 440—442.
- Wilk St. 2000. *Medusa: solving the mystery of the Gorgon*. Oxford: Oxford University Press.
- Ziegler K. 1912. Gorgo. In: Wissowa G., Kroll W. (Hrsg.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Bd. 14. Hb. 2. *Glykyrrh—Helikeia*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1630—1655.
- Zolotnikova O.A. 2016. A hideous monster or a beautiful maiden?: Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? In: Reid H.L., Tanasi D. (eds.). *Philosopher Kings and Tragic Heroes: Essays on Images and Ideas from Western Greece*. Sioux City: Parnassos Press, 353—370.

References

- Avaliani, E. 2012. In: *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya (ΣΧΟΛΗ. Philosophical antiquity and the classical tradition)*. Iss. 6. No. 2, 306—322 (in Russian).
- Akueva, P.Kh. 2017. Archetypal in the ethnoculture of the Ingush (on the material of mythology, the Nart epos and rituals of the life cycle). Dr. habil. Thesis Abstract. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Andersen, V.V. 2007. In *Novyy Germes (New Hermes)* I, 10—16 (in Russian).
- Beglova i dr. 2014: Beglova, E.A., Gabuyev, T.A., Ksenofontova, I.V., Noskova, L.M. 2014. *Arkheologiya Severnogo Kavkaza. Putevoditel' po "Osoboy kladovoy. Arkheologiya" (Archaeology of the North Caucasus. Guide to the "Special Pantry. Archaeology")*. Moscow: Gosudarstvennyy Muzei Vostoka (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov (Religious representations of the Scythians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Vinogradov, V.B. 1966. *Tayny minuvshikh vremen (Secrets of past times)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Galanina, L.K. 1980. *Kurdzhipskiy kurgan (Kurdzhip barrow)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Guseva, N.R. 1977. *Induizm (Hinduism)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Duvakin, E.N. 2009. In *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology)* 9, 97—104 (in Russian).
- Zakharov, A.A. 1934—1935. In *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta krayevedeniya (Proceedings of the Ingush Research Institute of Local Lore)* VI.2, 118—128 (in Russian).
- Kruglov, E.A., Podoprighora, A.R. 2017. In *Novyy Germes (New Hermes)* 10, 191—201 (in Russian).
- Lappo-Danilevskiy, A., Mal'mberg, V. 1894. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 13 (in Russian).
- Leskov i dr. 2013: Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya v seredine VI — nachale III vv. do n.e.: Nekropoli u ayla Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nyye komplekсы (Meots of the Trans-Kuban region in the middle of the 6th — beginning of the 3rd cc. BCE: Necropolis near the village of Ulyap. Sanctuaries and ritual complexes)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Losev, A.F. 1999. In: Takho-Godi, A.A., Losev, A.F. *Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh (Greek culture in myths, symbols and terms)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 227—328 (in Russian).

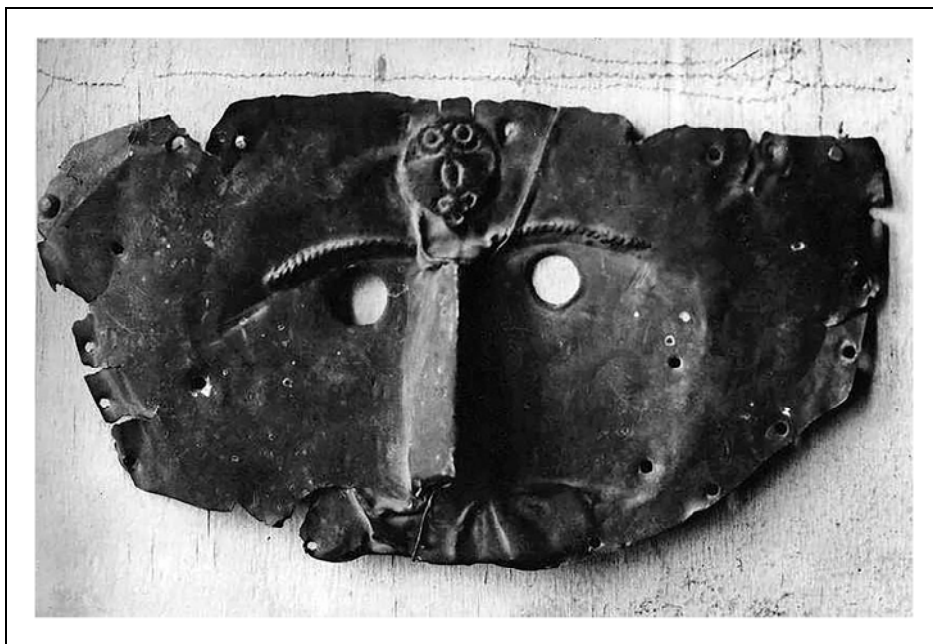
- Malyshev, A.A. 1992. In: Kokorina, Yu.G., Perevodchikov, V.V. (eds.). *Grakovskiye chteniya na kafedre arkheologii MGU 1989—1990 gg. Materialy seminara po skifo-sarmatskoy arkheologii (Grakovsky readings at the Department of Archaeology of Moscow State University 1989—1990. Materials of the seminar on Scythian-Sarmatian archaeology)*. Moscow: MGU, 49—56 (in Russian).
- Markovin, V.I. 1994. *Kamennaya letopis' strany vaynakhov. Pamyatniki arkhitektury i iskusstva Chechni i Ingushetii (Stone chronicle of the Vainakh country. Monuments of architecture and art of Chechnya and Ingushetia)*. Moscow: Russkaya kniga (in Russian).
- Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) (Siraces of the Kuban (Based on materials from barrow burials in the Lower Kuban))*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).
- Maslov, A.A. 2003. In: Maslov, A.A. (ed.). *Kitay: Ukroshcheniye drakonov. Dukhovnyye poiski i sakral'nyy ekstaz (China: Taming of dragons. Spiritual quest and sacred ecstasy)*. Moscow: Aleteyya, 29—36 (in Russian).
- Rayevskiy, D.S. 1985. *Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov yevraziyskikh stepey I tysyacheletiya do n.e. (Model of the world of Scythian culture. Problems of the worldview of the Iranian-speaking peoples of the Eurasian steppes of the 1st millennium BCE)*. Moscow: GRVL (in Russian).
- Rakhno, K. 2019. In *Arkheologichna Keramologiya. Opishne (Archaeological Keramology. Opishne)*. No. 2 (2), 93—119 (in Ukrainian).
- Rostovtsev, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and the Bosporus. Critical review of literary and archaeological monuments)*. Leningrad: Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury (in Russian).
- Rusayeva, M.V. 2002. In: *Bosporskiye chteniya (Bosporan readings) 3. Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages)*. Kerch: Tsentral'nyy arkheologicheskikh issledovaniy, 216—218 (in Russian).
- Ryabova, V.A., Lezhukh, I.P. 2001. "Chornaya arkheologiya" i istoriya tsarya Skila. *Vostochnoyevropeyskiy arkheologicheskii zhurnal (Eastern European Archaeological Journal) 2(9)*. Available at: http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/ryabova_lezhukh.htm (accessed 25.11.2021) (in Russian).
- Semenov, L.P. 1959. In *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury*. Vol. 1. Iss. 1. *Istoriya (History)*, 197—219 (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 2010. *Kul'turnyye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya (Cultural traditions of Hellas in the ancient states of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 202—205 (in Russian).
- Kantorovich, A.R. 2002. In: Evglevskiy, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskiye issledovaniya v arkheologii (Structural-semiotic research in archaeology)*. Vol. 1. Donetsk: DonNU, 77—130 (in Russian).
- Trubachev, O. N. 1976. In *Vosprosy yazykoznaniya (Questions of linguistics) 4*, 39—63 (in Russian).
- Tsaroyeva, M. 2012. *Tusholi — poslednyaya boginya-mat' Kavkaza (Tusholi - the last mother goddess of the Caucasus)*. Rostov-on-Don: Yuzhnyy izdatel'skiy dom (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1987. In: Maksimenko, V.E., Rayev, B.A. (eds.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir v Podon'ye-Priazov'ye (tezisy dokladov k seminaru) (Antique Civilization and the Barbarian World in the Don-Azov Region (abstracts for the seminar))*. Novocherkassk: [s.n.], 16 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1992. In: *Drevniye kul'tury i arkheologicheskiye izyskaniya. Materialy k plenumu IIMK 26—28 noyabrya 1991 g. (Ancient cultures and archaeological research. Materials for the plenum of IIMK November 26—28, 1991)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 70—72 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1999. In *Stratum plus 3*, 207—224 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2006. In *Ital'yanskiy sbornik (Italian collection) 9*, 5—22 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th cc. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2008. *Italiya—Skifiya: kul'turno-istoricheskiye paralleli (Italy—Scythia: cultural and historical parallels)*. Moscow; Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2009. In: Vakhtina, M.Yu., Sokolova, O.Yu., Gritsik, E.V., Zuyev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Ancient World. Materials of the international scientific conference)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 276—280 (in Russian).

- Shaub, I.Yu. 2010. In *Novyy Germes (New Hermes)* 4, 5—14 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiye vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI—IV vv. do n.e.) (Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (6th — 4th cc. BCE))*. Saarbrücken: LAP (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 639—694 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2017a. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXIV (in Russian). *Elita Bospora Kimmeriyskogo: Traditsii i innovatsii v aristokraticheskoy kul'ture dorimskogo vremeni (The elite of the Cimmerian Bosporus: Traditions and innovations in the aristocratic culture of the pre-Roman period)*, 288—324 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2017b. In *Novoye proshloye (New Past)* 4, 25—47 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2019. In Furtay, F.V. (ed.). *Arkhetip Nochi v mirovoy kul'ture (Archetype of Night in world culture)*. Saint Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 211—234 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2020. In *Novyy Germes (New Hermes)* 12-1, 130—138 (in Russian).
- Shilling, E.M. 1931. Ingushi i chechentsy. Religioznyye verovaniya narodov SSSR. T. 2. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy, 9—40 (in Russian).
- Eliade, M. 1999. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya (Essays in Comparative Religion)*. Moscow: Ladomir (in Russian).
- Erlikh, V.R. 2002. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon: funerary monuments and sanctuaries. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 232—236 (in Russian).
- Erlikh, V.R. 2012. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evrasiya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy (Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: GIM, 259—273 (Proceedings of the State Historical Museum 191) (in Russian).
- Christou, A.Ch. 1968. Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. PhD Thesis. Thessalonike.
- Erlikh, V. 2011. Gilded Terracotta Jewellery from Meotian Sites of the Kuban Region: the Problem of Intercultural Contact in the Early Hellenistic Period. *PONTIKA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st — 26th April 2008, Kraków*, 113—128 (BAR Intern. ser. 2240).
- Frothingham, A.L. 1911. Medusa, Apollo and the Great Mother. *AJA*. Vol. 15. No. 3, 349—377.
- Frothingham, A.L. 1922. Medusa as Artemis in the Temple at Corfu. *AJA*. Vol. 26. No. 1, 84—85.
- Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Krauskopf, I. 1988. Gorgo, Gorgones. *LIMC* IV: 285—330.
- Marinatos, S. 1927—1928. Γοργόνες καὶ Γοργόνεια. *Αρχαιολογική Ἐφημερίς* 1927—1928, 7—41.
- Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Rose, H. 1928. *Handbook of Greek Mythology*. London: Methuen & Co.
- Smith, S. 1926. The face of Huwawa. *Journal of the Royal Asiatic Society* 26, 440—442.
- Wilk, St. 2000. *Medusa: solving the mystery of the Gorgon*. Oxford: Oxford University Press.
- Ziegler, K. 1912. Gorgo. In: Wissowa, G., Kroll, W. (Hrsg.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Bd. 14. Hb. 2. *Glykyrrh—Helikeia*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1630—1655.
- Zolotnikova, O.A. 2016. A hideous monster or a beautiful maiden?: Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? In: Reid, H.L., Tanasi, D. (eds.). *Philosopher Kings and Tragic Heroes: Essays on Images and Ideas from Western Greece*. Sioux City: Parnassos Press, 353—370.

Рис. 1. Бляха (конский налобник) с изображением головы Горгоны Медузы. Курган № 5 у аула Уляп (Республика Адыгея), первая половина IV в. до н.э., золото, серебро: *а* — фото (по Беглова и др. 2014: 42); *б* — прорисовка (по Лесков и др. 2013: рис. 28: 14).

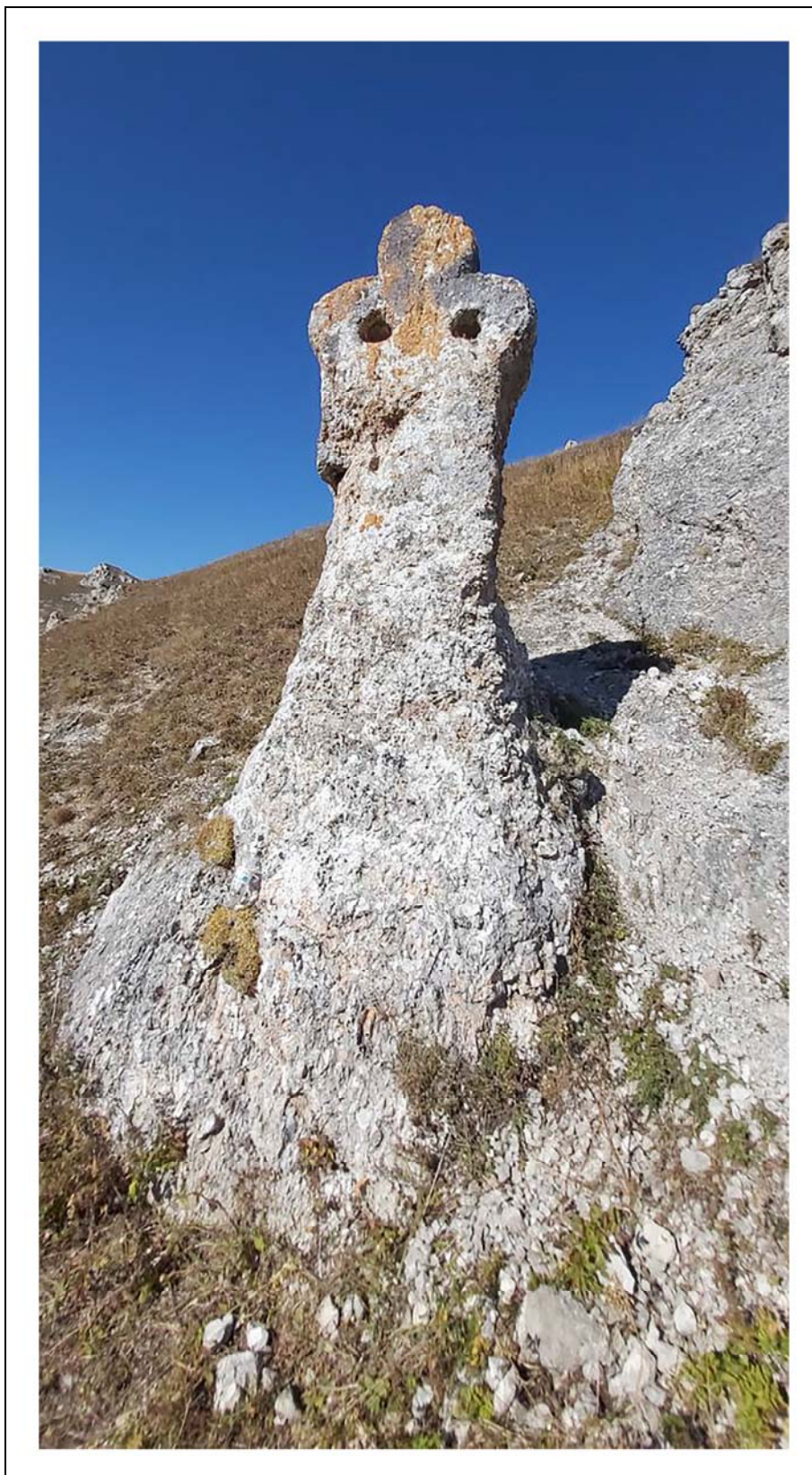
Fig. 1. Badge (horse forehead) depicting the head of the Gorgon Medusa. Mound No. 5 near of the Ulyap village (Republic of Adygea), first half of the 4th c. BCE, gold, silver: *a* — photo (after Beglova et al. 2014: 42); *b* — drawing (after Leskov et al. 2013: fig. 28: 14).

Рис. 2. Медная маска богини Тушоли. Джейрахский район, с. Ког. (Ингушетия), XVI—XVII вв. (фото И.М. Булатбиева).

Fig. 2. Copper mask of the goddess Tusholi. Dzheirakhsky district, with Cog village (Ingushetia), 16th — 17th cc. (photo by I.M. Bulatbiev).

Рис. 3. Каменная статуя Тушоли. Высота 430 см. Юго-запад Чечни, территория Ялхарой (фото И.М. Булатбиева).

Fig. 3. Stone statue of Tusholi. Height 430 cm. South-west of Chechnya, territory of Yalkharoy (photo by I.M. Bulatbiev).

УДК 903.2

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.13.42.022

Н.И. Суворова

**К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ
ПОНТИЙСКОГО СИНКРЕТИЧЕСКОГО КУЛЬТА
МЕНА—МИТРЫ—АТТИСА НА БОСПОРЕ***

Объектами исследования стали терракотовые статуэтки, обнаруженные в Танаисе и на окраине с. Ремонтное Ростовской области. Датируем их I в. до н.э. — I в. н.э. Иконографический и морфологический анализ позволяют интерпретировать эти статуэтки как изображения Мена, Митры и Аттиса. Их синкретический культ проник в наш регион из Понта во II в. до н.э. Прослеживается связь данных культов с более ранним культом земледельческих богов кабиров. Что же касается исследуемых статуэток, то сам факт их обнаружения на Нижнем Дону и в удаленных районах Ростовской области свидетельствует о популярности этого синкретического понтийского культа у населения восточной окраины Боспорского царства и сопредельных территорий на рубеже н.э.

Ключевые слова: Боспор, понтийские культы, кабиры, Мен, Митра, Аттис, терракотовая статуэтка-марионетка, мист.

Сведения об авторе: Суворова Надежда Игоревна, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Контактная информация: 346780, Россия, Ростовская область, г. Азов, ул. Московская, 38/40, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; e-mail: w.falke@mail.ru.

N.I. Suvorova

**TO THE QUESTION OF EXPANSION
OF THE PONTIC SYNCRETIC CULT
OF MĒN—MITHRA—ATTIS IN BOSPORUS**

The objects of study are the terracotta figurines, discovered in Tanais and on the periphery of Remontnoye village, Rostov Oblast, which are dated 1st c. BCE — 1st c. CE. Iconographic and morphological analysis interprets the figurines as depictions of Mēn, Mithra and Attis. Their syncretic cult found its way in the region from Pont in 2nd c. BCE. The connection of these cults with the Kabeiri's earlier cult of agricultural deities can be clearly observed. As for the studied figurines, the fact that they were discovered on Lower Don, as well as in remote regions of Rostov Oblast, demonstrates that this Pontic syncretic cult was popular among settlers of the eastern periphery of Bosporan Kingdom and neighboring territories in 1st c. BCE — 1st c. CE.

Key words: Bosphorus, Pontic cults, Kabeiri, Mēn, Mithras, Attis, terracotta figurine-marionette, myst.

About the author: Suvorova Nadezhda Igorevna, Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve.

Contact information: 346780, Russia, Rostov region, Azov, 38/40 Moskovskaya St., Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve; e-mail: w.falke@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 28 сентября 2021 г.
Принята к печати 19 октября 2021 г.

В 2015 г. на окраине с. Ремонтное Ростовской области был обнаружен фрагмент античной терракотовой статуэтки (рис.1). Сейчас он находится в частной коллекции. Сохранилась верхняя часть объемной статуэтки, изображающей ребенка: голова, верхняя часть торса, фрагменты рук (рис. 2). Вероятно, голова была отмыта в форме. Лицо округлое, широкое, детально не проработано. Большой лоб, прямой небольшой нос, маленький рот, округлый подбородок, пухлые щеки, короткая массивная шея. Пышные вьющиеся волосы частично спускаются на лоб и виски. Затылочная часть головы вытянута. Возможно, изображает головной убор в виде шапочки, плотно облегающей голову и сужающейся к затылку, напоминающей усеченный конус. Верхняя часть мощного торса с частью худых рук, по-видимому, были вылеплены от руки. При лепке туловища, терракота, вероятно, надевалась на твердую подставку в виде усеченного конуса, так как на внутренней поверхности сохранились его правильные очертания (рис. 3). Спереди на туловище фрагмент неясного предмета, прилепленный вручную. На внешней поверхности светлый ангоб, следы от стеки и отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, красно-коричневого цвета с мелкими блестящими включениями. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся части — 6,5 см, ширина — 5,7 см. Вероятно, боспорское производство, I в. до н.э. — I в. н.э.

На оборотной стороне этой терракоты, в нижней части, слева, был обнаружен след пальца мастера, размером 17 × 12 мм, имеющий в своем отображении неопределенный тип узора левой латеральной зоны (рис. 4). Несмотря на то, что след отобразился не полностью, он оказался пригодным для идентификации по нему личности. К сожалению, определить пол мастера, отминавшего данную терракоту, оказалось невозможно. Для определения предположительного возраста мастера, выполнившего данную терракоту, просчитывался гребневой счет папиллярных узоров следа пальца руки и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435, точностью измерения до 0,1 мм, и прикладывалась на следы. В расстояние 5 мм вмещалось от 9 до 10 папиллярных линий, что соответствует взрослому человеку, возраст которого 18 лет и старше¹ (Трасология 1997: 97, табл. 2.11).

Полной аналогии данной статуэтки найти не удалось. Наиболее стилистически близкой является фрагмент терракоты, хранящейся в Музее национальной истории и археологии в Констанце (Canarache 1969: 163, рис. 238). Она изображает головку мальчика с прической из коротких прядей на лбу и удлиненной затылочной частью, которую трудно интерпретировать однозначно: изображение головного убора или искусственной деформации (рис. 5).

Иконографический тип пухлого мальчика с густыми вьющимися волосами в античной коропластике известен с VI в. до н.э. В 1957 г. на горе Митридат был обнаружен фрагмент терракотовой статуэтки «храмового мальчика», изготовленный в привозной форме и датируемый V в. до н.э. (Кобылина 1961: 50). Аналогичный тип терракот встречался на Родосе, в Камиресе. Близкий к нему тип был найден в Беотии, во Фракии, в Олинфе. Подобные статуэтки местного производства были обнаружены в Пантикапее, Нимфее, Фанагории (Кобылина 1961: 49). Их относили к культу кабиров, что свидетельствует о существовании культа земледельческих божеств на Боспоре с VI в. до н.э. Терракотовые статуэтки кабиров и «храмовых мальчиков», датируемые VI в. до н.э. — III в. н.э. были обнаружены в Ольвии (Леви 1970: 39), Херсонесе (Шевченко 2016: 80), в святилище на

---

¹ Дактилоскопическое исследование было проведено подполковником полиции А.Н. Грачевым, начальником отдела криминалистических учетов ЭКЦ ГУ МВД России по Ростовской области.

Майской Горе (Марченко 1974: 35), на о. Левка (Клейман 1970: 24) и о. Березань (Скуднова 1970: 32), в некрополе Горгиппии (Алексеева 2009: 17) (рис. 6).

Кабиры — великие боги, божества света, покровители плодородных сил природы, имевшие силу избавлять от бед и опасностей, культ которых был распространен с VI в. до н.э. в Беотии, Самофракии, Делосе, Лемносе (Новосадский 1891: 55). В позднеэллинистическую эпоху культ великих богов-кабиров соединился с культом братьев-близнецов Диоскуров, о чем свидетельствует храм в святилище Великих Самофракийских богов на Делосе, построенный в их честь при Митридате VI в самом конце II в. до н.э. Культ божественных братьев Кастора и Полидевка, почитавшихся греками под именем Тиндаридов, но чаще как Диоскуры, при Митридате Евпаторе становится официальным и даже царским. Он должен был пропагандировать образ царя как героя или бога—спасителя, а также приобщать подданных к эллинским культам (Сапрыкин 2009: 115). В понтийской городе Кабире существовали храм Диоскуров и алтарь. Диоскуры—Кабиры олицетворяли воинственность, достижение победы и успеха, спасение и защиту от врагов. Их изображали в остроконечных шапках-пилосах, со звездами и рогом изобилия. Сохранились статуи Диоскуров—Кабиров, терракотовые статуэтки, а также их изображения на монетах.

Облик пухлого мальчика в остроконечной шапке имели и местные божества Восточной Анатолии: Мен, Митра, Аттис. Культ Мена, фригийского бога лунного света, был одним из самых популярных в северо-западных и западных областях Малой Азии. Этот культ имел индо-персидские корни. Бога Мена почитали в основном сельские жители как покровителя детей, деревень и сельских общин. При понтийском царе Фарнаке I этот культ был возведен в разряд царских исключительно из политических соображений. Главной задачей Фарнака I было овладеть Галатией, Пафлагонией и Великой Фригией, включая сопредельные регионы, где Мена широко почитало местное население. Под этим углом зрения понтийский царь сделал этого бога — носителя света, счастья и успеха как бы провозвестником своих будущих побед, в результате которых эти области должны были войти в царство Понт (Сапрыкин 2009: 146). Мена изображали с петухом, рогом изобилия, звездами и полумесяцем.

Другим популярным божеством во Фригии был Аттис, паредр Кибелы или Великой Матери богов, ее сын и возлюбленный, бог плодородия, а также умирающей и возрождающейся природы, покровитель стад и пастбищ. Его часто изображали в виде пухлого мальчика во фригийской шапке, в восточных одеждах, с птицей, собакой, виноградом, шишкой пинии.

В восточной части Понтийского царства, Каппадокии и Колхиде сохранялись традиции почитания иранских богов, среди которых важное место занимал Митра — бог света, правды и справедливости, покровитель воинов, дарующий победу. Не случайно имя этого бога звучит в названии династии Митридатидов. Понтийские цари считали Митру своим покровителем как исконно персидского бога. Использование культа Митры давало им возможность внушать подданным, что в Понте сохранялись древние религиозные традиции, а царская власть выступала преемницей и хранительницей обычаев рода Ахеменидов, отождествляемого в сознании местного населения со светлым началом и справедливостью (Сапрыкин 2009: 153). От имени бога Митры произошло название религиозного верования «митраизм», которого впоследствии придерживались римские солдаты. Типы изображений бога Митры в эллинистическом мире весьма разнообразны: в виде божества, сидящего на троне с короной из солнечных лучей; стоящего божества в восточных одеждах; в компании с царем; на коне; на колеснице; Митры—тавроктона, убивающего быка (Кошеленко, Масленников 2003: 186).

Таким образом, разные божества — Диоскуры-Кабиры, Мен, Аттис и Митра — выполняли схожие функции, что вело к синкретизации этих богов и к появлению общего иконографического образа. Это соответствовало внешней и внутренней политике Понтийского царства и концепции обожествления его царей. При этом идентификация Мена и Аттиса больше характерна для Пафлагонии и западных районов Понта, где проживало фракоговорящее население и были распространены фригийские культы. Ассоциация с Митрой в большей мере наблюдалась в восточной половине Понта, Каппадокии и Колхиде, где сохранялись традиции почитания иранских богов (Сапрыкин 2009: 150).

Во II—I вв. до н.э. на Боспоре появляются новые религиозные культы, в том числе и культ синкретического бога Мена—Митры—Аттиса. Их появление связывают с вхождением Боспорского государства в состав царства Митридата VI Евпатора, а также с переселением части жителей из восточных районов Анатолии, где иранского бога солнца Митру отождествляли с Аттисом и Меном. Однако на Боспоре были сильны греческие религиозные культы. В качестве бога солнца боспоряне предпочитали Гелиоса—Аполлона, а бога плодородия — Диониса. Несмотря на то, что культ Мена—Митры—Аттиса на Боспоре не стал государственным (он оставался частным), однако в ираноязычной скифо-сарматской среде имел больший отклик, поскольку образ этого солнечного божества как покровителя власти соответствовал местным традициям.

Существование в Северном Причерноморье культа Мена—Митры—Аттиса подтверждают найденные в некрополях, святилищах и жилищах предметы коропластики. Бога Мена изображали обычно в виде ребенка во фригийской шапочке верхом на петухе и спокойно стоящем коне (рис. 7). Подобные терракоты, датируемые II в. до н.э. — III в. н.э., были обнаружены в Горгии (Алексеева 2009: 18), Фанагории (Кобылина 1974: 27), Тиамбе (Коровина 1974: 12), Кепях (Николаева 1974: 16; Сорокина 1974: 19), Михайловке (Петерс 1970: 113), Пантикапее (Кобылина 1961: 98; Силантьева 1974: 30, 36) и Херсонесе (Шевченко 2016: 121).

На Нижнем Дону фрагмент терракоты, изображающей Мена на петухе, был обнаружен в Танаисе (рис. 1) при исследовании акрополя в 1989 г.² (Суворова 2016: 469). Он был найден на раскопе XIV при расчистке каменного завала в помещении ИЦ, прекратившем свое существование в III в. н.э. (Арсеньева, Науменко 1992: 102). Сохранилась часть лицевой стороны объемной статуэтки: туловище петуха с частью шеи, хвоста и ног, нижняя часть сидящего на нем Мена (рис. 8). Статуэтка была отмыта в форме. На внешней поверхности сохранился светлый ангоб, следы от стеки. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми включениями. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся части — 7,6 см, ширина — 7,5 см. Вероятно, боспорское производство. I в. н.э.

Изображения Аттиса отличаются большим разнообразием сюжетов. Его изображали в распахнутой одежде, во фригийской шапочке, опирающимся на щит, с виноградом или птицей, танцующим. Подобные терракоты, датируемые IV в. до н.э. — III в. н.э., были обнаружены в Ольвии (Леви 1970: 44; 54), Херсонесе (Шевченко 2016: 121), Мирмекии (Денисова 1981: 124), Пантикапее (Силантьева 1974: 23; 27), Илурате (Денисова 1981: 127), Фанагории (Кобылина 1974: 28), Тиамбе (Коровина 1974: 12), Горгии (Алексеева 2009: 18), Мысхако (Шишлов 2016: 65) и на Елизаветовском городище (Копылов 2015: 125).

В экспозиции Археологического музея-заповедника «Танаис» хранится статуэтка, изображающая всадника. Она была найдена случайно на акрополе в 1987 г. (Суворова 2016:

² Т-89, XIV, пом. ИЦ, № 142.

469). Статуэтка объемная. Лицевая сторона отмыта в форме, оборотная заглажена от руки. Конь изображен скачущим галопом вправо: голова и передние ноги вытянуты вперед, хвост развевается параллельно туловищу. На груди и боку коня изображены два круглых крупных фалара. Всадник изображен сидящим на коне, развернувшись вправо, плотно прижавшись к его шее и обхватив ногами живот коня. В правой поднятой руке он держит предмет округлой формы. На нем короткий кафтан, штаны, короткие полусапожки, за спиной развевающийся плащ, сколотый на правом плече округлой крупной фибулой. На голове высокий фригийский колпак конической формы. Нижняя часть лицевой стороны статуэтки и головы коня не сохранились. На оборотной стороне в верхней части статуэтки округлое отверстие, диаметром 2,1 см. На внешней поверхности светлый ангоб. На внутренней и внешней поверхностях следы от стеки и отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми включениями. На поверхности следы копоты и сколы, поверхность заизвесткована. Высота статуэтки — 11,5 см. Боспорское производство. I в. н.э. (рис. 9)³ По классификации В.И. Пругло, данная терракота относится к I типу — всадник на мчащемся галопом коне (Пругло 1977: 178). По-видимому, данная терракота изображает Митру, покровителя воинов и дарующего победу. На это указывает традиционная для изображений Митры одежда: короткий кафтан, штаны, мягкие короткие сапожки, высокая шапка-колпак фригийского типа и развевающийся плащ, сколотый круглой фибулой на правом плече. Подтверждает эту мысль и поза изображенного всадника с победно поднятой правой рукой. Округлый предмет в руке напоминает венок, вручаемый победителям. Аналогичные терракоты были обнаружены в Михайловке (Петерс 1970: 114), Пантикапее (Силантьева 1974: 34; Кобылина 1961: 168), Феодосии (Кобылина 1970: 82) и на поселении «Полянка» (Масленников 2006: 29) (рис.10).

На Боспоре известны также изображения бога Митры—тавроктона — закалывающего быка. Подобные терракоты, датируемые I в. до н.э. — I в. н.э., были обнаружены в Пантикапее (Силантьева 1974: 27), Мирмекии (Денисова 1981: 122) и на поселении «Полянка» (Масленников 2006: 27).

Фрагмент статуэтки, найденный на окраине с. Ремонтное, по-видимому, можно отнести к вышеописанному синкретическому понтийскому культу. Отмытая в форме голова статуэтки, изображающая пухлого ребенка, стилистически близка к терракотам Мена—Митры—Аттиса I в. до н.э. — I в. н.э. Однако, вылепленное от руки туловище, сближает данную терракоту с фигурками-марионетками с подвесными ногами и колоколовидным туловом первых веков нашей эры. Возможно, она изображает Аттиса в виде миста, участника религиозного праздника плодородия и производящих сил природы, спутника Кибелы. В левой руке, возможно, он держит рог изобилия, который сохранился частично.

Для боспорской коропластики первых веков нашей эры характерно использование различных технологий в изготовлении статуэток: часть деталей отминалась в сохранившихся эллинистических формах, другие лепились вручную. Примером тому может служить статуэтка Эрота из некрополя Белинского городища, датируемая III в. н.э. Голова Эрота, выполненная на высоком художественном уровне, была отмыта в форме, а туловище, руки и ноги, не соразмерные с головой, вылеплены от руки (Зубарев 2007: 188). Другим примером служит терракотовая марионетка III в. н.э. из Илурата, изображающая жрицу, голова и туловище которой были отмыты в форме, а руки и головной убор вылеплены вручную (Пругло 1970: 117).

³ АМЗТ, КП 3 АЭ 15/36.

В коропластике первых веков нашей эры на Боспоре произошли большие изменения. Многие исследователи отмечают сокращение количества распространенных ранее сюжетов, отход от эллинистических традиций и усиление элементов условности и примитивизма (Кобылина 1961:158; Денисова 1981: 81). Самыми распространенными в это время были статуэтки, изображающие Кибелу, Афродиту, Деметру, Мена, Аттиса, а также марионетки с подвесными ногами, изображающие музыкантов, певцов, танцоров, мистов и жрецов. Многие терракотовые статуэтки этого времени утрачивают утонченные эллинистические формы и все больше приобретают вид идолов, весьма далеких от человеческого облика и наполненных особым мистическим смыслом. Вероятно, это является следствием кризиса традиционных античных религиозных представлений и художественных ценностей в первые века нашей эры на Боспоре. В идеологических представлениях и верованиях основной массы населения произошли большие изменения: первостепенную роль начинают играть мистические культы. В связи с этим изменилось отношение к терракотовым статуэткам: из копий богов и героев, подобных человеку, они превратились в оторванные от жизни изображения, наделенные сверхъестественной силой и мистическим содержанием (Зубарь 2007: 100).

Находки терракотовых статуэток, изображающих Мена—Митру—Аттиса, на Нижнем Дону и в удаленных районах Ростовской области свидетельствует о распространении данного синкретического понтийского культа среди жителей окраины Боспорского царства и сопредельных территорий.

Литература

- Алексеева Е.М. 2009. Коропластика в Горгииппии. *ДБ* 13, 17—36.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. *Усадьбы Танаиса*. Москва: ИА РАН.
- Денисова В.И. 1981. *Коропластика Боспора*. Ленинград: Наука.
- Зубарев В.Г. 2007. Терракотовые и лепные статуэтки городища «Белинское» и его некрополя. *ДБ* 11, 185—194.
- Зубарь В.М. 2007. Коропластика Боспора первых веков нашей эры и характер религиозных верований. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: ГЭ, 99—100.
- Клейман И.Б. 1970. Терракоты с о. Левка (Белого озера) из святилища Ахилла-Понтарха. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 24 (САИ Г1-11).
- Кобылина М.М. 1961. *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. Москва: АН СССР.
- Кобылина М.М. 1970. Терракоты из г. Феодосии. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 78—82 (САИ Г1-11).
- Кобылина М.М. 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Ч. IV. Москва: Наука, 20—30 (САИ Г1-11).
- Копылов В.П. 2015. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону. *БИ XXXI*, 121—126.
- Коровина А.К. 1974. Терракоты Тирамбы. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Ч. IV. Москва: Наука, 11—13 (САИ Г1-11).
- Кошеленко Г.А., Масленников А.А. 2003. Еще раз о культе Митры-Аттиса на Боспоре. *ДБ* 6, 184—187.
- Леви Е.И. 1970. Терракоты из Ольвии. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 33—49 (САИ Г1-11).
- Марченко И.Д. 1974. Терракоты из святилища на Майской Горе (Блеваке). В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Ч. IV. Москва: Наука, 31—35 (САИ Г1-11).
- Масленников А.А. 2006. *Античное святилище на Меотиде*. Москва; Тула: ИА РАН.

- Николаева Э.Я. 1974. Терракоты города Кеп. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Ч. IV. Москва: Наука, 13—16 (САИ Г1-11).
- Новосадский Н.И. 1891. *Культ кабиров в Древней Греции*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- Петерс Б.Г. 1970. Терракоты из городища у с. Михайловка. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 112—114 (САИ Г1-11).
- Пругло В.И. 1970. Терракоты из Илурата. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 114—118 (САИ Г1-11).
- Пругло В.И. 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре. В: Кобылина М.М. (ред.). *История и культура античного мира*. Москва: Наука, 177—183.
- Сапрыкин С.Ю. 2009. *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. Москва; Тула: Институт всеобщей истории РАН.
- Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Пантикапей*. Ч. III. Москва: Наука, 5—37 (САИ Г1-11).
- Скуднова В.М. 1970. Статуэтки с о. Березань. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 31—33 (САИ Г1-11).
- Сорокина Н.П. 1974. Терракоты из некрополя Кеп. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Ч. IV. Москва: Наука, 16—20 (САИ Г1-11).
- Суворова Н.И. 2016. Терракота Танаиса I—III вв. н.э. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). БЧ XVII. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. Керчь: ООО «Соло-Рич», 468—471.
- Трасология 1997: Степанов Г.Н., Бронников А.И. 1997. *Трасология. Справочник криминалиста*. Т. 1. Гомеоскопия. Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России.
- Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Шишлов А.В. 2016. Терракотовые статуэтки некрополя «Мысхако». *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 8, 63—71.
- Canarache V. 1969. *Măști și figurine Tanagra din atelierele de la Callatis — Mangalia*. Constanta: Muzeul de arheologie Constanta.

References

- Alekseyeva, E.M. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 17—36 (in Russian).
- Arsenyeva, T.M., Naumenko, S.A. 1992. *Usad'by Tanaisa (Estates of Tanais)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Denisova, V.I. 1981. *Koroplastika Bospora (Coroplasty of the Bosporus)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Zubarev, V.G. 2007. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 11, 185—194 (in Russian).
- Zubar, V.M. 2007. In: Zuev V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporus phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Pt. I. Saint Petersburg: GE, 99—100 (in Russian).
- Kleyman, I.B. 1970. In: Kobylyina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 24 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Kobylyina, M.M. 1961. *Terrakotovyye statuetki Pantikapeya i Fanagorii (Terracotta figurines of Panticapaeum and Phanagoria)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Kobylyina, M.M. 1970. In: Kobylyina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 78—82 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Kobylyina M.M. 1974. In: Kobylyina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. Pridonye and Taman Peninsula)*. Pt. IV. Moscow: Nauka, 20—30 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Kopylov, V.P. 2015. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Research)* XXXI, 121—126 (in Russian).
- Korovina, A.K. 1974. In: Kobylyina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. Pridonye and Taman Peninsula)*. Pt. IV. Moscow: Nauka, 11—13 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).

- Koshelenko, G.A., Maslennikov, A.A. 2003. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 6, 184—187 (in Russian).
- Levi, E.I. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 33—49 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Marchenko, I.D. 1974. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. Pridonye and Taman Peninsula)*. Pt. IV. Moscow: Nauka, 31—35 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 2006. *Antichnoye svyatilishche na Meotide (Antique sanctuary at Meotida)*. Moscow; Tula: IA RAN (in Russian).
- Nikolayeva, E.Ya. 1974. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. Pridonye and Taman Peninsula)*. Pt. IV. Moscow: Nauka, 13—16 35 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Novosadskiy, N.I. 1891. *Kul't kabirov v Drevney Gretsii (Cult of the Cabiri in Ancient Greece)*. Warszawa: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga (in Russian).
- Peters, B.G. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 112—114 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Pruglo, V.I. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 114—118 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Pruglo, V.I. 1977. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Istoriya i kul'tura antichnogo mira (History and culture of the ancient world)*. Moscow: Nauka, 177—183 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2009. *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni (Religion and Cults of Pontus Hellenistic and Roman Times)*. Moscow; Tula: Institut vseobshchey istorii RAN (in Russian).
- Silant'yeva, P.F. 1974. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pantikapey (Terracotta figurines. Panticapaeum)*. Pt. III. Moscow: Nauka, 5—37 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Skudnova, V.M. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracotta of the Northern Black Sea Region)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 31—33 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Sorokina N.P. 1974. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. Pridonye and Taman Peninsula)*. Pt. IV. Moscow: Nauka, 16—20 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
- Suvorova, N.I. 2016. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bosporskiye chteniya XVII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya (Bosporan Readings XVII. Bosphorus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research)*. Kerch: OOO "Solo-Rich", 468—471 (in Russian).
- Trasologiya 1997: Stepanov, G.N., Bronnikov, A.I. 1997. *Trasologiya. Spravochnik kriminalista (Trasology. Criminalist's Handbook)*. Vol. 1. *Gomeoskopiya (Homeoscopy)*. Volgograd: Volgogradskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii (in Russian).
- Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i yego blizhney sel'skoy okrugi (Terracotta of ancient Chersonesos and its surrounding countryside)*. Simferopol: Naslediye tysyacheletiy (in Russian).
- Shishlov, A.V. 2016. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 8, 63—71 (in Russian).
- Canarache, V. 1969. *Măști și figurine Tanagra din atelierele de la Callatis — Mangalia*. Constanta: Muzeul de arheologie Constanta.

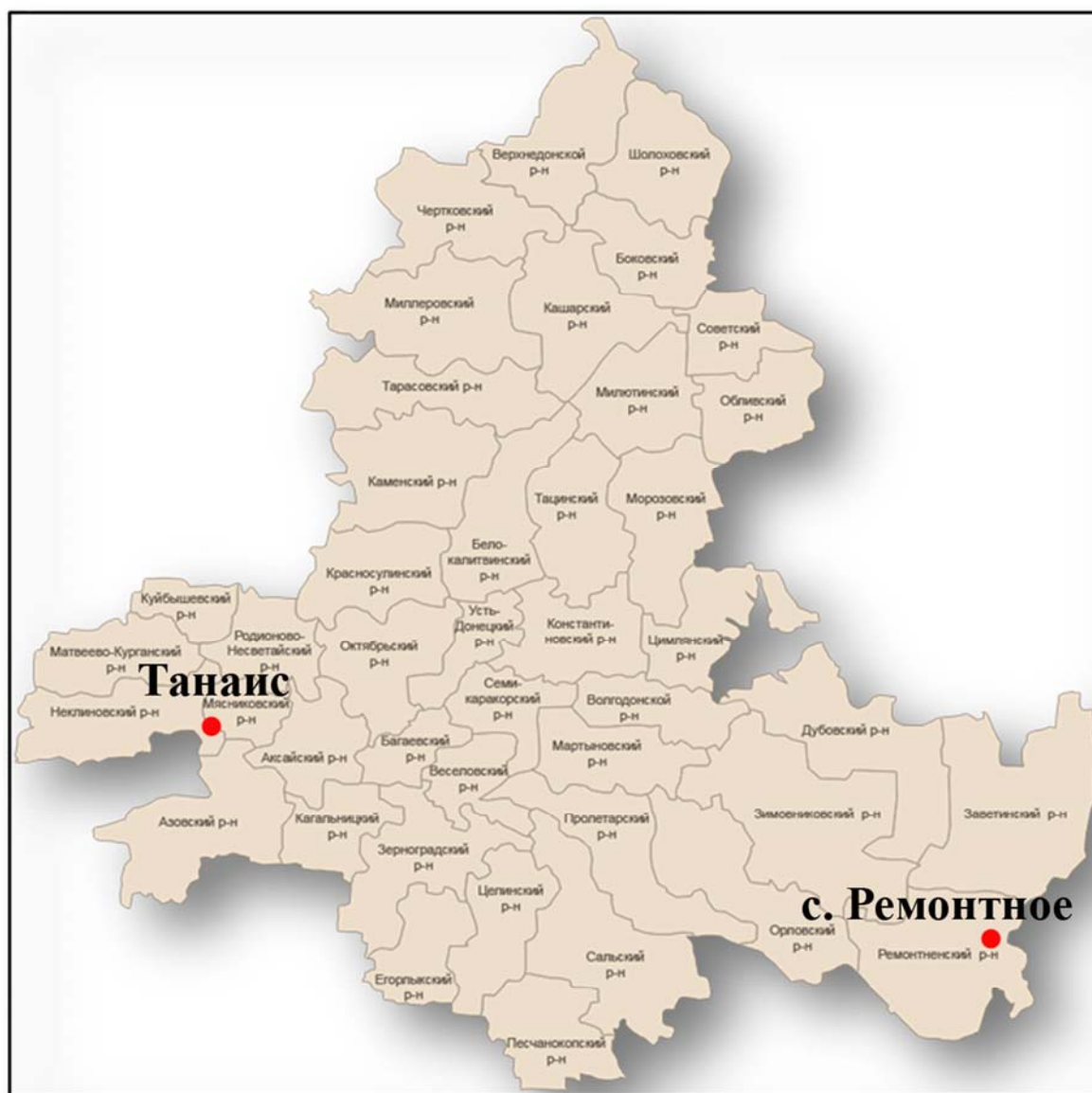

Рис. 1. Места обнаружения терракот на карте Ростовской области.

Fig. 1. The place of discovery of terracotta figurines on the map of Rostov region.

Рис. 2. Фрагмент статуэтки, найденной на окраине с. Ремонтное Ростовской области.

Fig. 2. Fragment of a figurine found on the periphery of Remontnoye village, Rostov region.

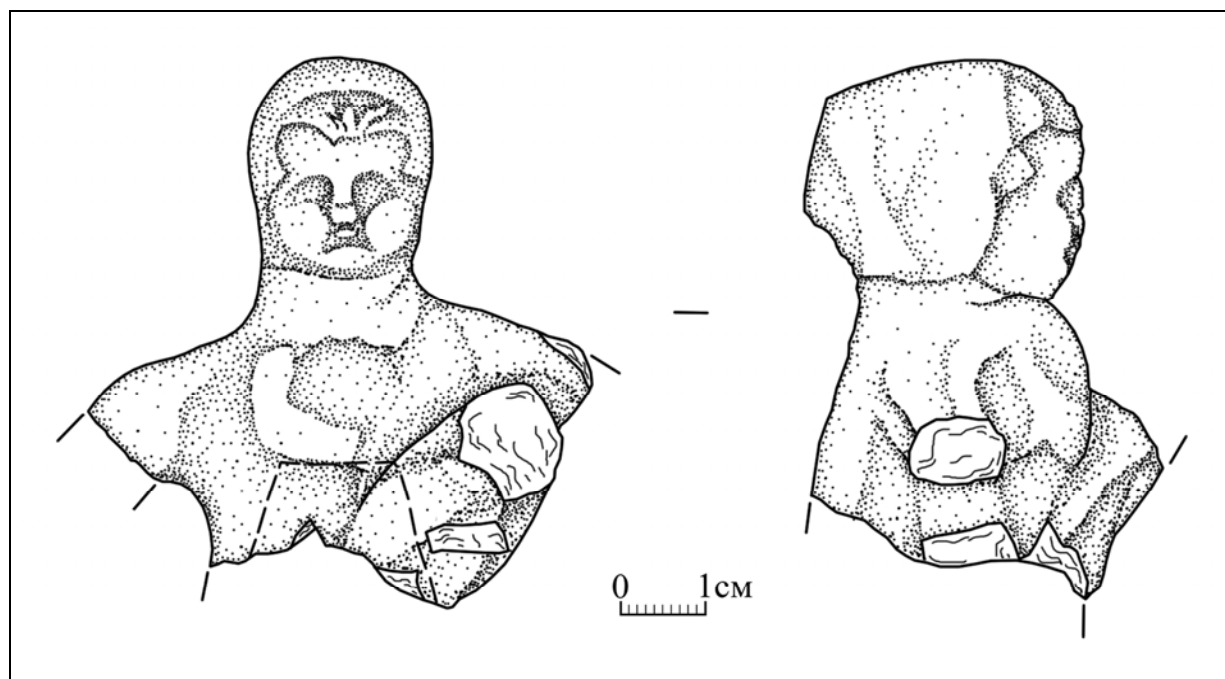

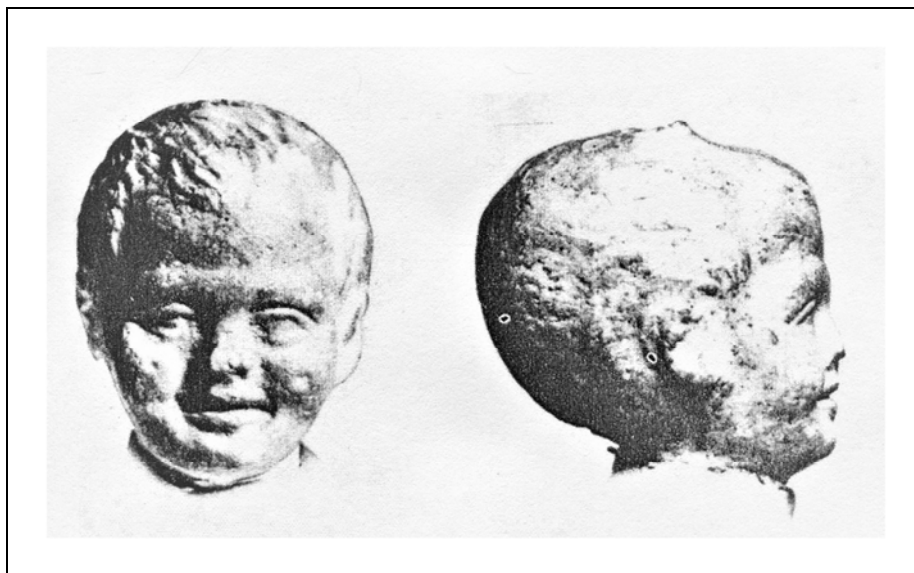
Рис. 3. Рисунок статуэтки, найденной на окраине с. Ремонтное Ростовской области.

Fig. 3. A drawing of a figurine found on the periphery of Remontnoye village, Rostov region.

Рис. 4. След пальца руки мастера на оборотной стороне терракоты.

Fig. 4. The master's fingerprint on the reverse side of the terracotta.

Рис. 5. Фрагмент терракоты, хранящейся в Музее национальной истории и археологии в Констанце (по Canarache 1969: 163, рис. 238).

Fig. 5. Fragment of a terracotta stored in the Museum of national history and archeology in Constanta (after Canarache 1969: 163, fig. 238).

Рис. 6. Терракотовые статуэтки, изображающие кабиров и «храмовых мальчиков»: 1 — из Пантикапея (по Кобылина 1961: табл. VI: 2); 2 — из Камироса (фото Н.И. Суворовой); 3, 4 — из Ольвии (по Леви 1970: табл. 11: 2, 12: 5); 5 — с о. Левка (по Клейман 1970: табл. 1: 1); 6 — из Березани (по Скуднова 1970: табл. 9: 5).

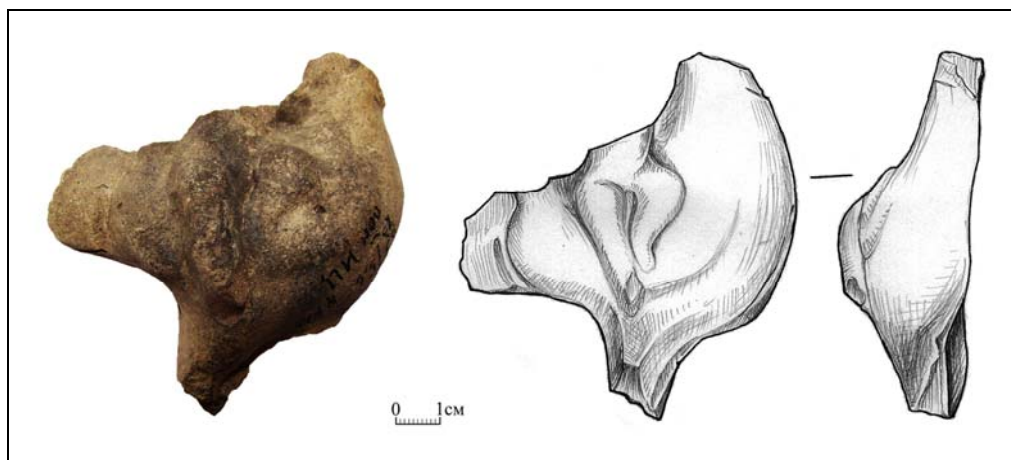
Fig. 6. Terracotta figurines depicting kabeiri and “temple boys”: 1 — from Panticapaeum (after Kobylina 1961: tab. VI: 2); 2 — from Kamiros (photo by N.I. Suvorova); 3, 4 — from Olbia (after Levi 1970: tab. 11: 2, 12: 5); 5 — from the island of Levka (after Kleiman 1970: tab. 1: 1); 6 — from Berezan (after Skudnova 1970: tab. 9: 5).

Рис. 7. Терракотовые статуэтки, изображающие Мена на петухе: 1—4 — из Пантикапея (Кобылина 1961: табл. XV: 1; Силантьева 1974: табл. 34: 1, 2, 49: 1); 5 — из Михайловки (Петерс 1970: табл. 53: 9).

Fig. 7. Terracotta figurines depicting Mēn on a rooster: 1—4 — from Panticapaeum (after Kobylyina 1961: tab. XV: 1; Silant'yeva 1974: tab. 34: 1, 2, 49: 1); 5 — from Mikhaylovka (Peters 1970: tab. 53: 9).

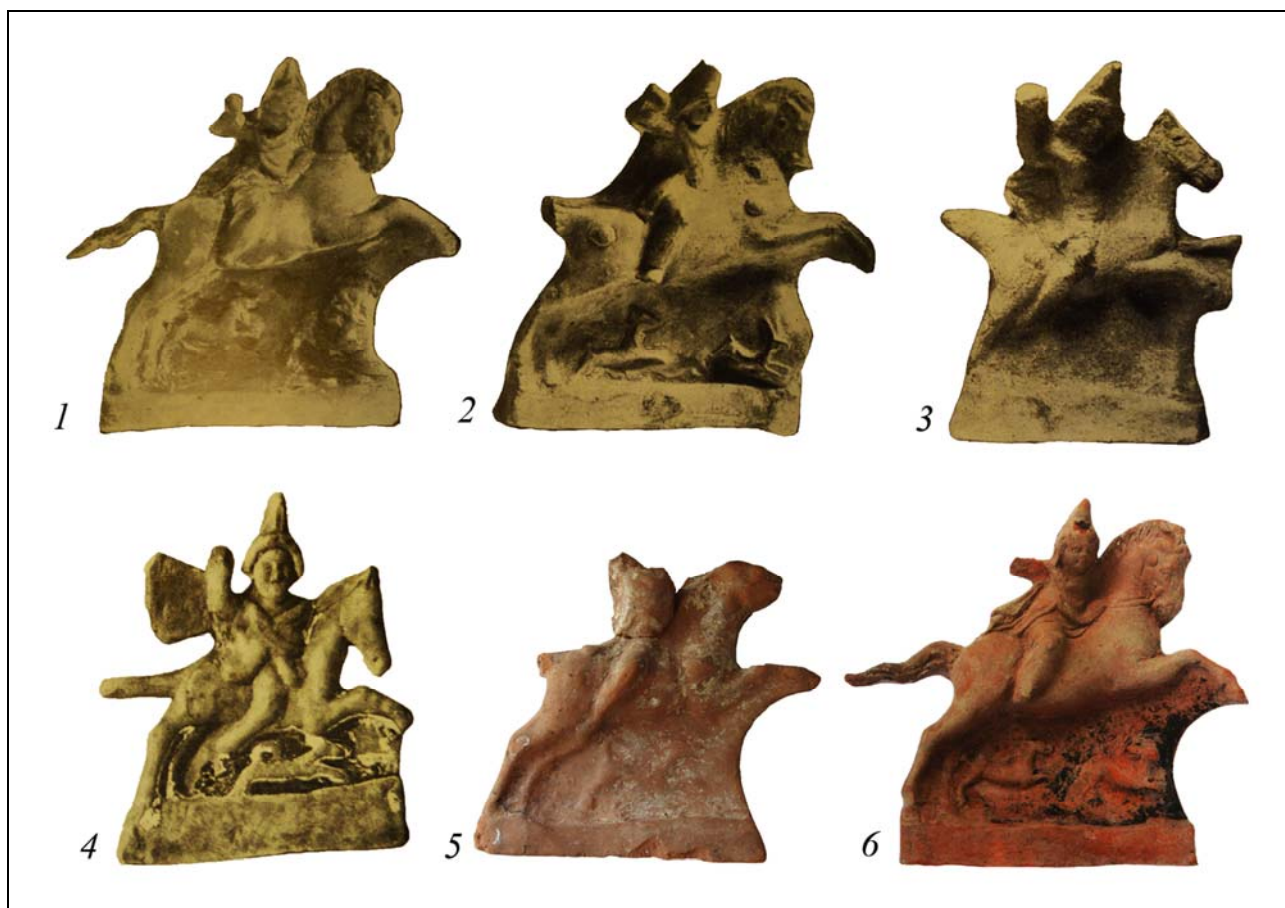
Рис. 8. Фрагмент терракотовой статуэтки из Танаиса, изображающей Мена на петухе (рисунок Н.Е. Беспалой).

Fig. 8. Fragment of a terracotta figurine of Tanais, depicting Mēn on a rooster (picture by N.E. Bespalova).

Рис. 9. Терракотовая статуэтка Митры из Танаиса (фото Н.И. Суворовой).

Fig. 9. A Terracotta figurine of Mithras of Tanais (photo by N.I. Suvorova).

Рис. 10. Терракотовые статуэтки Митры: 1—4 — из Пантикапея (по Кобылина 1961: табл. XXXV: 4; Силантьева 1974: табл. 46: 1, 2, 4); 5 — из Феодосии (фото Н.И. Суворовой); 6 — с поселения «Полянка» (Масленников 2006: рис. 26).

Fig. 10. A Terracotta figurine of Mithras: 1—4 — from Panticapaeum (after Kobylina 1961: tab. XXXV: 4; Silant'yeva 1974: tab. 46: 1, 2, 4); 5 — from Feodosia (photo by N.I. Suvorova); 6 — from settlement Polyanka (Maslennikov 2006: fig. 26).

История

History

УДК 7.04

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023

С.А. Яценко, А.Е. Рогожинский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ЗНАКАХ-ТАМГАХ САРМАТОВ И ИХ СОСЕДЕЙ*

Публикуются прототипы сарматских зеркал-подвесок с тамгами, известные во II—I вв. до н.э. вокруг оз. Балхаш в Казахстане. Там же представлены позднетагарские сюжеты в искусстве и тамги будущих правителей более западных территорий. В тагарском Большом Салбыкском кургане тамги позднего времени, аналогичные сарматским, изображены узкими полосами по краям. В поздний период использования храма Байте III среди сарматских региональных тамг преобладают знаки Нижнего Дона и «варварского» Крыма I — начала II вв., когда торговля была наиболее интенсивной. Интересны обряды над стелой с тамгами в Мингурюке. На конской упряжи и поясах римских офицеров второй четверти — середины II в. н.э. сарматские тамги относятся к среднесарматской культуре и представляют самые сильные группировки (Аорсия на западе Украины и Алания на Нижнем Дону). Эти знаки на эффектных трофеях стали частью «сарматской моды» кавалерии, наряду с военной экипировкой номадов. Рассмотрены единичные важные находки с тамгами, связанные с Ольвией и Пантикапеем.

Ключевые слова: знаки—тамги, сарматы, родина сарматских зеркал-подвесок, тамги и тагарские сюжеты у оз. Балхаш, «сарматская мода» на тамги в римской армии, ритуальное использование изделий с тамгами.

Сведения об авторах: Яценко Сергей Александрович¹, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; Рогожинский Алексей Евгеньевич², кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: ¹125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; e-mail: alexeyro@hotmail.com.

S.A. Yatsenko, A.E. Rogozhinskii

SOME NOTES ON THE TAMGA-SIGNS OF SARMATIANS AND THEIR NEIGHBOURS

The prototypes of Sarmatian mirrors-pendants with tamgas known in the 2nd — 1st centuries BCE around Balkhash Lake, Kazakhstan. There are also late Tagar subjects in art and also tamgas of future rulers of more western territories. In the Tagar Great Salbyk Barrow tamgas of late time, similar to Sarmatian ones, were depicted in narrow stripes along the edges. In the late period of use of Bayte III temple the signs of the Lower Don and the “Barbarian” Crimea predominate among the Sarmatian regional tamgas in the 1st — early 2nd cc. CE when trade was most intense. The rituals over the stele with tamgas in Minguriuk are interesting. On the horse harness and belts of the Roman officers of the 2nd quarter — middle 2nd c. CE the tamgas belong to the Middle Sarmatian culture and represent the strongest groups (Aorsia in the west of Ukraine and Alania on the Lower Don). These signs on spectacular trophies become the part of “Sarmatian fashion” for cavalry, along with the military equipment of nomads. The single important finds with tamgas associated with Olbia and Panticapaeum are analyzed also.

Key words: tamga-signs, Sarmatians, the birthplace of Sarmatian mirrors-pendants, tamgas and Tagar motifs near Balkhash Lake, “Sarmatian fashion” for tamgas in the Roman army, ritual use of artifacts with tamgas.

---

* Статья поступила в номер 12 декабря 2021 г.
Принята к печати 30 декабря 2021 г.

About the authors: Yatsenko Sergey Aleksandrovich¹, Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities; Rogozhinskii Alexey Evgenievich², PhD (History), A.Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: ¹125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²050010, Kazakhstan, Almaty, 28 Shevchenko st., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology; e-mail: alexeyro@hotmail.com.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть несколько разнотипных ситуаций с изучением тамг сарматов и связанных с ними более восточных кочевых соседей, а также тамг, скопированных римскими военными во II в. н.э. Нас будут интересовать как одиночные артефакты и их серии, так и стоящие за ними историко-культурные процессы¹.

1. Центральноазиатская прародина небольших сарматских зеркал-подвесок с боковой ручкой и отверстием. Присутствие в этих комплексах тамг. Такие сарматские зеркала-подвески встречаются обычно в могилах взрослых женщин и предположительно были их брачными амулетами (Яценко 2001: 42). Каждое зеркальце при этом уникально (хотя бы в мелких деталях); они отливались из бронзы, в условиях европейской степной зоны — в разных производственных центрах, и имеют разный состав металла. Такие зеркальца делались по индивидуальному заказу и явно не подлежали продаже и т.п. Часто они имели декоративный кольцевой бордюр и вписанный в него центральный медальон круглой или квадратной формы, подчас — с отростками на дальних концах, различные солярные символы и реже — стилизованные растительные побеги. В медальоне иногда изображалась и тамга хозяйки, видимо — клана ее отца. При довольно частых в контактных зонах браках сарматок из рядовых кланов и оседлых «поздних скифов», донских и кубанских меотов, реже — боспорских греков, нетрудно догадаться, что в этих ритуализированных случаях этничность отчасти актуализировалась. Поэтому именно в хорошо изученных больших некрополях (вроде позднескифских в Бельбеке IV и Усть-Альме, меотского в Кобяково) картографирование находок и анализ тамг на зеркалах-подвесках по участкам некрополя, по периодам и исходным регионам их хозяев дают нам очень интересную картину (Яценко 2018a: 218—223, 229—235, рис. 1—2, 7—9; 2018b: 102—105, рис. 4). Происхождение таких зеркал, возможность их производства в кочевой среде и некоторые другие вопросы оставались до недавнего времени дискуссионными. Между тем, главные свидетельства раннего бытования подобных зеркал в Великой Степи все еще не опубликованы.

Весной 2018 г. А.Е. Рогожинский обратил внимание на пару находок изображений таких зеркал-подвесок среди т.н. «пост-сакских» петроглифов II—I вв. до н.э. — I в. н.э. на краю Семиречья (Кульджабасы на западной его границе, в Чу-Илийских горах) и в Центральном Казахстане (Калмак-Эмель в Северном Прибалхашье). Об этом лишь бегло упоминалось в одной из публикаций пятилетней давности (Яценко 2018a: прим. 3). К сожалению, публикация этих важных для истории Сарматии изображений на скальных плоскостях задержалась на несколько лет (отчасти — из-за участия соавторов в совместных международных монографиях по тамгам Центральной Азии и по археологии Кангюя). Ниже эти материалы предлагаются читателю. Петроглифы пост-сакского облика, выделенные нами

¹ Участие одного из соавторов (А.Е. Рогожинского) заключается, прежде всего, в работе над первым, весьма важным для статьи очерком. Мы благодарны специалисту по петроглифам Южной Сибири Елене Александровне Миклашевич (Кемерово) за консультации, ряд наблюдений и представленные фотоматериалы, и за консультацию — Ольге Александровне Брылевой (Москва).

в 2015 г. — это особый, вполне удивительный культурный феномен, возникший в степях Казахстана (и отчасти — в приграничных районах Кыргызстана) в середине II в. до н.э., когда, по китайским источникам, в этот регион прибыли гонимые усилившимися сюнну усунь, которые сохранили в живых часть старого сакского населения, но также задержали у себя часть двигавшихся еще дальше таких же беженцев — юэчжей. Собственно скопления петроглифов пост-сакского типа — это необычное сочетание в одном комплексе изображений разных животных (чаще всего — в стилистике IV—III вв. до н.э. уже погибшей на Северном Алтае пазырыкской культуры, а также с элементами, присущими прежним местным сакам), оригинальных причудливых монстров, групп антропоморфных персонажей и серии тамг (последние, как известно, не использовались ни саками Южного и Центрального Казахстана, ни с II—I вв. до н.э. — собственно усунями в своих владениях в Семиречье, у Исск-Куля и в пограничных районах Синьцзяна). Они образуют подчас довольно сложные композиции (Rogozhinskii, Yatsenko 2015; Рогожинский 2016; Яценко и др. 2019: 142—143, рис. 1—2). Отсутствие и подобных сюжетов и самих тамг как у более ранних саков Казахстана, так и у пришедших в более южные районы усуней, уже давно позволило соавторам видеть в создателях этого стиля наскального искусства, прежде всего, такой знаменитый и оказавший затем большое влияние на судьбы Средней Азии, Афганистана и Северной Индии народ, как юэчжи.

Как сами изображения зеркал, так и пункты находок тамг среди пост-сакских петроглифов (на дальних подступах к оз. Балшах — на юго-западу и к северу от него, и к востоку — у хребта Тарбагатай (Rogozhinskii, Yatsenko 2015: fig. 1; Яценко и др. 2019: 142, рис. 1), увы, пока не сопровождаются находками подлинных зеркал в могилах, т.к. всегда речь идет о крайне поверхностно изученных археологами районах. Для пунктов с изображениями зеркал основной ландшафт вокруг в обоих случаях — полупустыня с преимущественно полынным травостоем и включением злаков (рис. 1)².

В северобалхашском Калмак-Эмеле, в Центральном Казахстане (рис. 1: 2, 2), где пост-сакские гравировки встречены в нескольких соседних небольших ущельях, интересующее нас зеркало выбито очень аккуратно и точно, на ровной наклонной плоскости высотой не более 1 м, у мини-расщелины на краю небольшого скального массива. Ранее выяснено, что петроглифы пост-сакского типа подчас образовывали единую композицию и на серии соседних скальных плоскостей (например — на всем склоне небольшой скалы) и предназначались для осмотра с довольно большого расстояния (Rogozhinskii, Yatsenko 2015: 112—113, fig. 3). В меньшей степени это относится к одиночному изображению зеркала, но и от него наивно было бы ожидать размера «в натуральную величину» (около 5—6 см): такую мини-гравировку было бы крайне трудно заметить на пересеченной местности; поэтому реальные размеры диска зеркала — около 30 см. В Калмак-Эмеле зеркало имеет центральный медальон с 8 лучами и внешний круг с 12 лучами; этот декор имеет близкие аналогии у сарматов Кубани и Крыма (см., например: Драчук 1975: табл. XVI: 33—34). На петельке боковой ручки — не одна сравнительно большая (как в Сарматии), а две очень маленьких дырочки для крепления на нить или конский волос (рис. 3).

² В тех же Чу-Илийских горах, в Южном Казахстане (горы Каратау) и на юге Кыргызстана (в Саймалы-Таш на Ферганском хребте) в контексте петроглифов известна также серия зеркал эпохи бронзы (Рогожинский 2011: 95, рис. 4; Сулайманова, Жолдошов, Дуйшаналиева 2016: 33, 39). В Чу-Илийских горах представлены и зеркала в наскальном искусстве сакского времени (Рогожинский, Аубекеров, Сала 2004: 73—74, рис. 1: 2). Специальный комплексный и детальный анализ этого «царства зеркал» в петроглифах разных эпох в контексте соответствующих сюжетов — тема будущего исследования соавторов.

В Кульжабасы, в глубине низких Чу-Илийских гор, на западной границе Семиречья (недалеко от границы владений Усунь и будущего Кангюя), представлен не менее, а во многом — более интересный образ зеркала-подвески (рис. 4—5). Прежде всего, это зеркало включено в оригинальную композицию с более схематичными и синхронными фигурками животных. К тому же, это не единственное зеркало на краях этой сцены: здесь представлено и зеркало иного типа, имеющее аналогии с сарматов как раз II—I вв. до н.э. (рис. 5: 2). При этом из всех объектов только зеркало-подвеска передано очень точно и со множеством мелких деталей. В целом композиция с зеркалами, вписанная в округлую ровную плоскость сланца, выглядит так (рис. 4). Главная часть ее, в известной мере — верхняя: здесь в центре изображена вертикально фигура кошачьего хищника, ниже его в его сторону по бокам смотрят стоящие козел и лошадь. Над лошадью изображено уже упомянутое зеркало с длинной, расширяющейся книзу ручкой (2), правее бежит небольшая лошадка с длинным хвостом. Ниже этой сцены, в центральную линию, представлено более-менее горизонтально «шествие» 6 козлов, и его также замыкает справа зеркало-подвеска (от которого отходит кверху нечто вроде шнура) (1). Заметим, что оба зеркала разных типов представлены в горизонтальном положении. В нижнем ярусе гравирована довольно крупная фигура оседланной лошади (?) и два небольших животных сзади ее. В самом низу композицию замыкают два миниатюрных козла. В целом в этой сцене — четыре яруса изображений; три лошади изображены здесь в правой части; определимые козлы представлены парами³.

Особый интерес представляет для нас зеркало-подвеска (рис. 4: 1). У него нет выделенного линиями декоративного бордюра, а боковой выступ, как и в Калмак-Эмеле, имеет два миниатюрных отверстия. В центре зеркала находится тамга из двух находящихся рядом кружков. Она известна у сарматов, например, на т.н. «писаной плите» с примерно 480 знаками, найденной в бывшей столице Боспора в 1870 г. (Драчук 1975, табл. XXXV: кв. 32—33). Но еще более важно то, что та же самая тамга изображена (сдублирована) очень аккуратно сверху над зеркалом, в 4 см от него (3)⁴. При отсутствии завершеного декоративного бордюра, на зеркале есть явственный символический намек на него: между выступом с подвеской и тамгой в ряд прочерчены несколько точек, а также, видимо, два схематичных трилистника (позже — популярный элемент декора подобных сарматских зеркал). Итак, мы видим в этой сложной сцене ряд удвоений: две одинаковых тамги (на зеркальце и рядом с ним), два зеркала в горизонтальном положении по правому краю. Из животных представлены 3 лошади и 7 козлов (священные числа), а по левому краю в разных ярусах, возможно — две собаки. Если зеркало с длинной ручкой замыкает сложную композицию сверху, то зеркальце-подвеска замыкает «шествие» ряда козлов по центру.

Для того, чтобы уточнить место композиций с зеркалами-подвесками в кругу пост-сакских петроглифов вокруг Балхаша, стоит **обратиться к ряду других сюжетов того же стиля в Калмак-Эмеле**. В них представлена как серия важных для понимания ситуации тамг, так и довольно неожиданная серия южносибирских «инноваций», но связанная уже не с бывшими «пазырыкцами», а с тесинским этапом культуры позднетагарского времени в

³ Связь зеркала с образом животного проявлялась в ритуале по-разному. Так, по любезному сообщению В.Р. Эрлиха, на Кубани, в погребении 177 второй половины II в. до н.э. Тенгинского грунтового могильника сарматизованных меоты у знатной дамы («жрицы») на крупное зеркало был аккуратно положен труп любимой маленькой собачки (Беглова, Эрлих 2018).

⁴ Интересно, что на плитке с тамгами из кангюйского кургана каунчинской культуры в некрополе у городища Мингуюк в Чаче (рис. 17) часть знаков сопровождается парой отдельных точек (маленьких кружков), являющихся неким важным элементом. То же мы видим на тамгах с некоторыми зеркалами-подвесками в таком большом некрополе Малой Скифии, как Бельбек IV, в между 100 и 250 гг. н.э. (Яценко 2018а: рис. 1: периоды 2 и 6).

Хакассии (между тем, Минусинская котловина удалена от этого пункта только напрямую примерно на 1 200 км и находится в совершенно иных природных условиях). Прежде всего, в одной из композиций в соседнем небольшом ущелье рядом с фигурой лошади видим очень интересную тамгу, которая, похоже, была поновлена в средневековые (рис. 6: 1). Этот знак важен для понимания этнополитической истории Центральной Азии. Он вскоре представлен на хорезмийских монетах (в частности — царя Вазамара, Т8 по Б.И. Вайнберг (рис. 7: 2), а его чуть упрощенную версию мы видим у коня кангюйского аристократа на костяных бляхах пояса I в. н.э. из Орлата (в уточненной прорисовке Дж.Я. Ильясова) (Яценко и др. 2019: 150—151, рис. 8: 8—9, 12—13) и на кангюйском же изображении волка в южноказахстанском Ешкильмесе (Яценко и др. 2020: 165, рис. 7.1). Однако прототипом его можно считать такой же знак (нижняя часть которого перекрыта несколько более поздним изображением) на тесинском изображении из музея в Минусинске (Хакассия) (рис. 6: 3)⁵. Как стало недавно ясно, в полупустынях и горах на юго-востоке Казахстана и в пограничных с ним горах Кыргызстана, в малонаселенных районах, во II—I вв. до н.э. проживали истинные «делатели королей» (как выразились бы англичане в конце средневековья). Трудно не согласиться этим: ведь знаки, которые принадлежали «скромным» местнымномадам того времени, мы вскоре увидим на монетах двух ранних царей Хорезма, великого кушанского императора Канишки I, одного из Боспорских царей первой половины I в. н.э. и у Инисмея Аорского! (рис. 7).

На этом замечательном фоне не затеряется еще один знак (рис. 6: 2). Он представляет собой небрежно исполненную свастику со скругленными углами, на одном из концов которой видим небольшую дополнительную и более тщательно исполненную S-видную тамгу, оставившую свой след от озера Балхаш до монет Боспорского царства (Яценко, Чореф 2022: рис. 1, 3). Не меньший интерес, чем предыдущие, представляют собой неоднократно встреченная в Калмак-Эмеле тамга тагарско-тесинского происхождения в форме стилизованного конского копыта (в Прибалхашье она обводилась кружком) (рис. 8, 9: 2). Эти тамги Минусинской котловины до Сарматии не дошли. В одном случае такой знак явно был центром сложной композиции (рис. 8). Он окружен семью (священное число) идущими вправо вокруг него копытными (лошадьми и козлами) и собаками. На другой плоскости в том же Калмак-Эмеле (рис. 9: 2) такая тамга тоже сопровождается копытными, идущими вправо (козлом, верблюдом и лошастью); выше представлен олень, вероятно, преследуемый собакой. Необычной особенностью пост-сакских гравировок Калмак-Эмеля можно считать неоднократно представленные характерные фигуры «тагарских человечков» (по Е.А. Миклашевич — тесинских) (рис. 10: 2—3), в том числе — с характерными тагарскими султанчиками на головных уборах (рис. 9: 1). Не менее показательны и аналогичные хакасским фигуры оленей «в жертвенной позе» (рис. 10: 3).

Итак, на северной границе зоны петроглифов пост-сакского стиля, в полупустынях вокруг Балхаша, мы наблюдаем целую серию изображений в манере позднетагарского (тесинского) времени Хакассии (которые, по нынешнему мнению Е.А. Миклашевич, наносились тесинцами на более ранних тагарских памятниках), включая и характерные тамги, а также первые из известных зеркал-подвесок, попавших затем к сарматам. Как прокомментировать такую ситуацию? Думается, некоторые полезные комментарии мы без труда найдем в существующей научной литературе. Так, еще в своей докторской диссертации А.С. Скрипкин неоднократно отмечал попадание серии специфических деталей костюма «тесинцев» Хакассии во II—I вв. в степи Сарматии, причем — минуя собственно

⁵ Фото Е.А. Миклашевич любезно представлено авторам 04.02.2022 г.

Среднюю Азию, более северным «степным коридором» через Центральный Казахстан (Скрипкин 1992: 9, 19, 23, 26). Позже антрополог М.А. Балабанова считала наиболее близким будущим «поздним сарматам» (чья культура окончательно оформилась около середины II в. н.э. на Южном Урале) именно население «тесинской» Хакассии (Балабанова 2012: 87—88). При этом местом зарождения самой позднесарматской культуры ведущий современный сарматолог М.Ю. Малашев с высокой вероятностью считает Центральный Казахстан (Малашев, Мошкова 2010: 49), где и располагается Калмак-Эмель⁶.

2. Тамги сарматского облика в Хакассии тесинского времени. Этот сюжет, как увидим, тесно связан с предыдущим. Его удобно рассмотреть на примере самого большого скопления тамг ранних кочевников в Минусинской котловине — на угловом (юго-восточном) большом (длиной 4,35 м, высотой 4,12 м и толщиной 0,5 м) камне № 14 ограды «царского» тагарского кургана Салбык (основной комплекс которого раскопщик склонен датировать еще началом VII в. до н.э.). На внутренней стороне этой массивной песчаниковой вертикальной плиты были нанесены сотни знаков, большинство из которых принадлежало самим «тагарцам» (а также более поздним «тесинцам»), и, кроме них — немалое число средневековых тамг (поверхность которых менее патинизирована), определимых «этнографических» тамг хакасов, христианских крестов и сопровождающих их надписей, дат посещения и имен недавних туристов и т.п. (рис. 11). Похоже, практически вся внутренняя плоскость плиты была в древности покрыта сотнями древних тамг. При прорисовке знаков в первоначальной публикации мы с Л.С. Марсадоловым использовали более всего детальные старые фото плиты середины XX в. (Marsadolov, Yatsenko 2004: 95, fig. 4: 1—2, 5: 1) (рис. 12). С.А. Яценко удалось сфотографировать детально все сохранившиеся знаки этого камня примерно 70 лет спустя, в сентябре 2021 г. (рис. 13). За это, сравнительно короткое время поверхность плиты сильно пострадала: происходило весьма интенсивное отслаивание песчаника, и практически не сохранилась верхняя часть изображений; сильно пострадали (сильнее стерлись) и все изображения справа (по отношению к зрителю), на западном краю плиты. Еще до первых фото этого замечательного комплекса отслоились также изображения верхнего восточного угла и внизу по западному краю (на рисунке — вверху слева и внизу справа). Тем не менее, и сегодня статистически представительная выборка изображений разных эпох сохранилась в нижнем ярусе. Проведем простой эксперимент. Попробуем вычленить (как по старым фото, так и по современным) только те знаки, которые имеют точные или очень близкие аналоги в Сарматии. Мы получим весьма любопытную картину (рис. 14). Такие тамги размещены на обширной поверхности плиты очень неравномерно: они идут узкой полосой по нижнему краю видимой поверхности, а справа и вверху нередко образуют линии (как горизонтальные, так и наклонные). При этом тамги, аналогичные сарматским, обычно малого размера и явно были вписаны в свободное от тагарских знаков пространство. Перед нами, наверняка, именно знаки «тесинцев», которые оказали, как говорилось выше, влияние на будущие сарматские группировки.

3. Сарматские тамги в основных скоплениях *in situ* в бывшем храме Байте III на плато Устюрт: хронологический и региональный аспекты. Как известно, по данным сейсмологов, первоначальный храм IV в. до н.э. сильно пострадал от мощного землетрясения в III—II вв. до н.э., вскоре был частично отремонтирован сарматами, а затем был совсем

⁶ Близкие аналогии в Сарматии имеет, как известно, и скопление тамг на скале Айгыр Ушкан в 130 км к юго-востоку от Караганды, у горы Конысбай (Яценко и др. 2019: 311—313, рис. 3: 1).

заброшен путниками после второго сильного землетрясения XIV в. Сарматами и другими народами он в отчасти отремонтированном виде использовался на шедшем здесь еще в раннем средневековье торговом пути. Эта трасса, видимо, стала актуальной после 20 г. до н.э., когда государь «кочевой империи» Кангюй наконец решился дать заложников из своей семьи в китайскую столицу и помириться с давним врагом «рад выгод торговли» (Яценко и др. 2020: 30, 49—51).

Два самых крупных скопления знаков 1 и 2 находятся при входе в миниатюрный дворик в форме мальтийского креста (соответственно — под лестницей и на соседнем выступе стены). Сарматские знаки рубежа н.э. — III в. н.э. в некоторых из 5 скоплений дают около 50% общего числа (наряду с сугубо местными, а также более редкими хорезмийскими, кушанскими, кангюйскими и пост-тагарскими). В целом здесь преобладают сарматские тамги среднесарматского времени (начало I — середина II вв. н.э.) (Яценко и др. 2019: 85). Увы, немалое число таких тамг сегодня еще нельзя связать с сарматскими кланами конкретных культур (средне- и позднесарматской) и отдельными регионами Сарматии, т.к. большинство из них известны в Восточной Европе лишь на межрегиональных (и нередко — длительного использования) скоплениях-«энциклопедиях». Обо всем этом нам уже приходилось писать, в т.ч. со ссылками на конкретные сарматские аналогии (Яценко и др. 2019: 70, 72—81, 85—88, рис. 2: 4, 3). Однако сейчас попробуем выяснить: не даст ли нам интересную информацию анализ размещения сарматских тамг (самых многочисленных в комплексе с 273 типами знаков) по двум сарматским культурам, и по определяемым на сегодня клановым символам из конкретных регионов Сарматии? Нумерация знаков нами дается по их итоговой таблице (Яценко и др. 2019: 82, рис. 6).

Начнем с самого обильного тамгам *участка 1* (всего там выявлено 98 знаков 89 типов) (рис. 15). 42 знака имеют здесь точные аналогии в Сарматии, но, увы, большинство из них на сегодня не локализуется по конкретным регионам. Попытаемся поработать только с теми из них, которые идентифицируются для регионов; думаем, мы получим вполне представительную выборку, отражающую ряд общих тенденций для сарматских знаков этого святого места в целом (буквы С или П рядом с конкретными знаками на рис. 15—16 указывают на их принадлежность среднесарматской (а иногда и времени рубежа н.э.) или позднесарматской культуре, числа означают номер знака в общем каталоге по Байте III).

Прежде всего, мы обнаружим, что такие определяемые региональные знаки размещены не по всей зоне нанесения тамг (их нет на верхнем и нижнем краях, но много в самом плотном скоплении знаков слева). Далее, мы видим господство именно тамг среднесарматской культуры. Среди них преобладают четыре типа знаков бассейна Нижнего Дона (№ 208 — три раза⁷, № 84 — 2 раза рядом, тамги S № 103 и № 136 — по одной) и «варварских» районов Крыма (№ 6 — дважды; № 163, № 273 (Яценко 2018а: 224, рис. 3: 1), № 124 — по одной). Северное Приазовье представлено двумя типами (№ 36, 133). Остальные регионы Северного Причерноморья представлены по одному типу знаков: Кубань (№ 9, дважды), Боспор (№ 70 — «знак царицы Динамии») и днепровское Правобережье (№ 168а). Интересно их размещение: нижнедонские размещены горизонтальной полосой в верхней части, крымские — ниже (при этом три из четырех идут в одну линию), одинаковые кубанские — у левого края. Позднесарматские тамги малочисленны, и по одной представляют Европейский Боспор (№ 77), Крым (№ 179) и днепровское Правобережье (№ 172), то есть — западные окраины Сарматии. Они образуют вертикальную линию в центре главного скопления.

⁷ Этот тип тамги встречен на золотых бляшках женского платья донских аристократок неоднократно.

На участке 2 (92 знака, 78 типов) сконцентрированы 23 тамги, идентичные сарматским и еще 9 — имеющие близкие аналогии (рис. 16). Обратимся опять к определяемым региональным знакам Сарматии. Во-первых, здесь все такие тамги сконцентрированы только в левой части, отделенной от соседнего массива стены узкой трещиной от раннего землетрясения. Во-вторых, только один поздний донской знак № 54 представлен трижды, остальные одиночны. В-третьих, среднесарматские тамги тоже явно господствуют.

Рассмотрим вначале среднесарматские образцы. Как и в скоплении 1, здесь более всего нижнедонских эмблем (№ 104, 136, 150, 236). На втором месте снова крымские тамги (№ 90, 163). Подобно скоплению 1, оба кубанские знака принадлежат к тому же типу № 9/11 (известному на золотом амулете с «Золотого кладбища»). Донские тамги при этом разбросаны парами—тройками вверху и внизу, а крымские практически представлены в одну линию. Очень простые позднесарматские знаки — это тоже, прежде всего, донские (№ 54 — трижды, № 233 (они размещены по правому краю до трещины) и один боспорский (№ 148). Эти поздние знаки представлены как бы на периферии основной зоны размещения.

Итак, какую информацию дает нам такой анализ? Представленные знаки в Сарматии обычно происходят из достоверных комплексов региональной знати. Самую большую группу для обоих периодов дают нижнедонские номады, на втором месте — крымские сарматы и сарматизованные «поздние скифы». Многие районы распространения сарматских тамг здесь вообще не представлены (Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Верхний Дон — то есть наиболее удаленные и в целом восточные области, хотя они, казалось бы, должны быть территориально ближе к Байте III). Представляется, что такая ситуация наглядно характеризует структуру торговых операций сарматской знати на караванном пути Дон — Южное Приуралье — Хорезм, функционировавшем, судя по тамгам, прежде всего, в I и начале II вв. н.э. (Яценко 2017; Яценко и др. 2020: 49—55, рис. 3-1). В I—II и во II—III вв. сарматские группировки в низовьях Дона (на наиболее плодородных пастбищах Сарматии) были самыми многочисленными и весьма сильными, а жители крымской Малой Скифии получали (судя хотя бы по их некрополям) особенно много греко-римских изделий. На памятниках обоих регионов неоднократно встречались кости верблюдов, необходимых для караванной торговли, обе обитали у важных портов на Черном и Азовском морях. Именно выходцы из них и отметились более всего в частично восстановленном храме Байте III.

4. Обряды с плитами с серией тамг и антропоморфными / зооморфными изображениями (Минугурык, Кривой Рог, округа Ольвии). В 1997 г. в Ташкенте, на месте предполагаемого курганного некрополя каунчинской культуры Кангюя (тесно связанного с разными сарматскими группировками), видимо, в его насыпи (курган оказался на школьном дворе) была найдена небольшая плитка из песчаника подпрямоугольной формы с заостренным верхом (высота 37 см., толщина — 5 см) (Богомолов 2003: 84, 92, рис. 1—2). На ней представлены 10 сложных тамг (то есть, видимо — принадлежавших знати, т.к. рядовым кланам сложные формы были в быту ни к чему) по периметру прямоугольной рамки с антропоморфной фигурой в ней, солярным знаком наверху и неясной сложной композицией внизу (рис. 17). К сожалению, описание плиты весьма краткое, и в основном статья содержит серию смелых догадок Г.И. Богомолова о трактовке сюжетов гравировок (сделанных очень аккуратно металлическим чеканом) и о назначении самой мини-стелы.

Нас эта миниатюрная плита интересует только в одной аспекте: в плане предполагаемых обрядов, которые с нею смогли совершать. Дело в том, что недавно одним из авторов и двумя коллегами из Одессы в совместной статье были разнопланово проанализированы две давно известные сарматские стелы из неогенового известняка из Одесского

археологического музея более крупного размера (высотой 100—110 см, шириной до 80 см, толщиной около 15 см). Они происходят из Кривого Рога и «Анапы» (в ранней музейной документации удалось уточнить, что в действительности — из Ольвии или ее округи) и также имеют антропоморфную или зооморфную композицию в центре и серию тамг вокруг (Яценко, Шевченко, Усенко 2022: рис. 1—11). Они крепились в грунте вертикально с помощью нижнего выступа—шипа и, вероятно, первоначально были установлены на возвышении типа кургана. Геологом В.П. Усенко в ходе специальных исследований последовательных минералогических наслоений и разрушений на поверхности плит было установлено, что после III в. н.э. обе они были представителями более поздних культур (готами или гуннами, или же более поздними тюркскими племенами) вначале вывернуты из земли вместе с шипом, затем положены лицевой стороной вверх под небольшим наклоном (в начале склона?) и, видимо, немного присыпаны грунтом. Много позже, в XVIII — начале XIX вв., их выкопали местные крестьяне, частично поновили изображения, установили на открытом воздухе и, похоже, использовали их в целях метеорологической магии. Для нас важно, что с обеими сходными стелами (несмотря на немалое расстояние между пунктами, где они стояли) поступили после их основного функционирования на всех этапах совершенно одинаково.

Интересно сопоставить эту ситуацию с той, которую мы наблюдаем для миниатюрной плитки из Мингурюка. Здесь картина восстанавливается следующим образом. Предположение Г.И. Богомолова о том, то эта тонкая плитка устанавливалась на кургане вертикально, кажется нам невероятным: ведь вся ее лицевая поверхность покрыта изображениями, и никакого нижнего выступа для ее вкапывания нет (версия о том, что она могла вставляться в некую особую (деревянную?) рамку для этого, выглядит весьма экзотичной). Более интересны некоторые его описания артефакта, из которых можно сделать ряд выводов. Во-первых, плита явно оформлена, со всеми изображениями, одновременно, и, видимо — для одной конкретной акции (скорее всего, отражающей военно-политическое единство тех 10 кланов, представители которых участвовали в мероприятии), которая наверняка сопровождалась неизбежными клятвами, пирушкой и т.п. Во-вторых, затем плиту, видимо, перевернули лицевой стороной вниз, и она долго лежала на поверхности в таком положении, т.к. лишь на ее тыльной стороне отложились известковые наслоения (образовавшиеся под воздействием атмосферных осадков). В-третьих, стелу, похоже, закопали (захоронили) недалеко от поверхности кургана, предварительно очень аккуратно разбив ее на три части (без малейших сколов и малых трещин), то есть «убив» ее, т.к. сколы на момент находки выглядели старыми. Получается, что, в отличие от двух сарматских плит с Украины, все обряды с кангюйской мини-стелой проводили представители одной и той же культуры.

5. Сарматские тамги в оформлении конской упряжи и поясов римской армии II в. н.э. Несколько лет назад Д.А. Костромичевым были обобщены соответствующие находки и проанализирована «мода» на сарматские тамги в римской армии, начиная, видимо, с императора Адриана (117—138), при котором легионеры стали активно перенимать сарматскую тактику и вооружение, прежде всего — в кавалерии. Автор формулирует свою задачу как исследование «оформления деталей римского военного снаряжения стилизованными тамгообразными знаками», и затем ведет речь «только об орнаменте вещей, а не о полном воспроизведении чужеродных образцов предметов» (Костромичев 2016: 126, 134). Когда подобные находки имеют «узкую» датировку, можно говорить о второй четверти — середине II в. н.э. (Костромичев 2016: 129—131).

Внимание к изображениям сарматских тамг у нас с Д.А. Костромичевым заметно отличается: его не интересует, в какое именно время и в каких регионах бытовали исходные идентичные формы сарматских тамг, были ли они вообще точно воспроизведены, как именно началась стилизация их форм и т.п. У нас также разный стаж работы с тамговым материалом: так, те воспроизведения тамг, которые автору кажутся очень стилизованными (на упряжи из Сисции: Костромичев 2016: 131, рис. 3: 6) для нас — вполне точно переданная тамга. Напротив, свастика с округлыми окончаниями — настолько распространенный в разных культурах знак, что включить его в сводку мы бы не решились (псалий из Цугмантеля) (Костромичев 2016: рис. 3: 7). Эти моменты сказываются и на характере выводов. Не всегда удачно выглядит отбор «римских» изделий для изучения: так, целый и уникальный комплекс предметов сарматской всаднической экипировки в могиле знатного фракийца в Рошава-Драгане является скорее военным трофеем, и он раньше остальных (вторая половина I в. н.э.), а упряжь в варварском погребении в Муше (за пределами Римской империи) не имеет близких аналогий в оформлении конского снаряжения в собственно имперских владениях. Из материалов, предоставленных Д.А. Костромичевым, вполне ясно, что сильная стилизация форм тамг и дизайнерские фантазии на этой почве начались еще во второй четверти II в. н.э.; они представлены именно на ажурных деталях поясов в Новиодуне у румынского устья Дуная, в Сингидуме (северная Сербия) и в более дальнем Цугмантеле (Германия) (Костромичев 2016: рис. 4: 1—3, 11—15, 5: 3).

Обратимся теперь только к пунктам, где на изделиях есть вполне различные сарматские тамги. Таких пунктов всего лишь пять, они находились как на линии лимесов, так и на некотором от них отдалении. Это, прежде всего, Дуросторум в Болгарии, где стоял XI Клавдиев легион; Сисция в Хорватии, где была римская военная колония; фракийская могила в Брезово в Болгарии, где есть и детали римской кавалерийской экипировки; два пункта в Мавритании (Марокко), где стояли (в Волюбилисе и Тамусиде) против набегов сахарских берберов кавалерийские алы, недавно воевавшие у Дуная (рис. 18). Показательно, что в четырех комплексах из пяти это предметы конской упряжи — псалии и подвески, и лишь в одном пункте (Дуросторум, ближе всех находившийся к сарматским кочевьям) — накладки поясов. Итак, попробуем вначале выяснить: есть ли среди 8 типов известных тамг (рис. 18) позднесарматские (ведь для ряда комплексов предполагается время по середину II в. н.э., когда начала распространяться позднесарматская культура), и как территориально распределяются клановые эмблемы в целом? Нам неожиданно повезло: все типы тамг имеют локальную территориальную «прописку», что для таких серий бывает редко.

№ 1 представлен на узде из Тамусиды (Мавритания / Марокко). Этот тип тамги определенно связан с низовьями Дона. Самая раннее его документированное изображение — на зеркале-подвеске из парного погребения супругов в катакомбе 10 1999 г. в Кобяково, которая датируется первой половиной II в. н.э. (Ларенок 2013: 10—12, 264, 269, табл. 7: 8—1).

№ 2 известен на упряжи из Сисции. В Сарматии он бытовал в двух вариантах, являвшихся зеркальным отражением друг друга по горизонтали, и, скорее всего, принадлежал к одному клану. Первое его изображение представлено в виде граффити на миске из некрополя Битак на окраине Неаполя Скифского; подбойная могила 40 датируется первой половиной II в. н.э., а сам знак имеет центральноазиатское (кангюйское) происхождение (Яценко 2018а: 224, рис. 3: 1).

№ 3 — единственный, представленный в римской военной амуниции неоднократно (дважды) — на упряжи из Брезово и на поясе из Дуросторума. Он связан с днепровским

Правобережьем и изображен финифтью на днище золотого флакона I в. н.э. из Ольвии, найденного около 1865 г. (Соломоник 1959: № 63).

№ 4 видим на ажурных накладках пояса из Дурострума. У сарматов он бытовал в комплексах достоверно среднесарматского времени на Правобережной Украине и в одном случае — на каменной стеле в Запорожье, на восточном берегу Днепра у переправы (курган 2 1957 г.). Он известен в одиночку на стеле из Тецкан, в скоплении — на стеле из Кривого Рога, а также на бронзовом зеркале из Ольвии (Драчук 1975, табл. XXXI: 2—3; Яценко 2001: рис. 5: 84, 19: 1).

№ 5 на упряжи из Сиссии весьма оригинален. Он имеет близкую аналогию также на упряжи (железной) из среднесарматской могилы кургана 2 в Красноармейском, в низовьях Дона (Яценко 2001: рис. 5: 27). Отличается он тем, что кружок помещен не на нижнем, а на верхнем краю фигуры, что обычно для вариантов знака родственников.

№ 6 представлен на упряжи из Волюбилиса в Марокко и исходно, видимо, связан с бассейном Нижнего Дона: очень близкий вариант представлен в начале I в. н.э. на серебряном сосуде из Жутово (Яценко 2001: рис. 4: 9), идентичный — в скоплении знаков I—II вв. в гроте 37 Каменной Могилы в Северном Приазовье (Яценко 2001: 69—70, рис. 13: *IIIb*).

№ 7 изображен на упряжи в Волюбилисе (Марокко). Он известен на трофейном сарматском мече из Рошава-Драганы второй половины I в. н.э. (Яценко 2001: рис. 5: 105) и явно связан с сарматами Правобережной Украины. Еще раньше, в первой половине I в. н.э., этот знак представлен в виде ряда однотипных на сосуде из крепости Артезиан под Керчью, где на боспорской службе, видимо, были представители нескольких сарматских объединений (Винокуров 2007).

№ 8 видим на ажурных деталях пояса из Дорострума. Он бытовал в низовьях Дона еще в первой половине I в. н.э. и известен, в частности, на бронзовом котле из кургана 1 у совхоза Донской (Винокуров 2007: рис 4, № 15).

Итак, в нашей коллекции нет ни одного знака позднесарматского времени. Среди представленных господствуют нижнедонские (4 типа, 4 пункта) и западноукраинские (3 типа, 4 пункта), и лишь знак № 2 — крымский. Такое «представительство» не может быть случайным: ведь именно в низовьях Дона и на Западной Украине после середины I в. н.э. обитали две сильнейшие кочевые группировки Сарматии, известные в источниках как «Аорсия» и лукиановская «Алания». При этом донские аланы проживали гораздо дальше от римских владений, чем аорсы Западной Украины, но зато для них источниками документируются достаточно регулярные очень дальние рейды (на Армению, Северный Иран и др.). Интересно, что та же картина представлена и у кавалеристов в далеком Марокко (два знака — нижнедонских и один — западноукраинский).

Как интерпретировать такую историко-культурную ситуацию? Приведенные знаки в основном (кроме № 1 и 2) связаны с аристократическими кланами, подчас представлены на цельнозолотых изделиях, на декорированном золотом оружии, очень редких у сарматов элитных надмогильных каменных стелах и т.п. Известно, что со времен Марка Аврелия (после 161 г. н.э., то есть уже после интересующего нас времени) сарматы поставляли Империи подчас крупные вспомогательные контингенты кавалерии, а решающий переход к местному комплектованию легионов произошел как раз при Адриане (Банников 2013: 33—36). Однако трудно себе представить представителей знатнейших родов Алании и даже Аорсии, бросившими зачем-то свои владения и добровольно пошедшими на не слишком высоко оплачиваемую регулярную службу в римской кавалерии, причем очень далеко от своих родных кочевий (от устья Дона, тамги откуда известны в наибольшем числе, до ближайших мест находки таких изделий — не менее 1 200 км только напрямую, без учета

дорог, переправ и т.п.). Поэтому представляются реальными два объяснения этого явления. Во-первых, использование тамг в результате побратимства участников сарматских набегов и римских офицеров кавалерии при заключении перемирий и т.п.: с точки зрения номадов, это делало такое употребление легитимным. Во-вторых, учитывая переход во времена Адриана части римской кавалерии на некоторые сарматские приемы ведения боя, на появление у нее серии воинских сарматских атрибутов (некоторых типов холодного оружия, доспеха, шлемов, штандартов-драконов и т.п.), оформление дорогой и экзотической экипировки знатных противников-сарматов., добытой как трофеи в ходе пограничных стычек, то они могли стать престижным элементом копирования, проявлением своеобразной «сарматской моды». Римских заказчиков и мастеров могла также привлечь и сложная орнаментика сарматских щитов, шлемов и колчанов, которая детально и, похоже, вполне корректно передана на базе колонны Траяна в Риме, на триумфальной монете Марка Аврелия 176 г. и др. (Яценко 2022: рис. 11). Именно этот, второй вывод, сделанный в основном, Д.А. Костромичевым, кажется нам наиболее реальным объяснением. Разумеется, сакральные и прочие функции таких тамг у сарматов римскому провинциальному офицерству были при этом совершенно безразличны⁸. В рамках такого видения сарматских тамг в римской армии понятна и сильная их стилизация и изрядные дизайнерские фантазии на эту тему на поясах из Новоиодуна, Лозена, Сингидуна и Айнинга на дунайском лимесе, а также в поясе из Цегмантеля — на рейнском (Костромичев 2016: рис. 4—5). В достоверных случаях такие находки датируются около середины II в. н.э. (Костромичев 2016: 131). Любопытным результатом осмысления этого процесса можно считать и появление боспорских «наградных офицерских» ажурных пряжек с местными царскими тамгами с третьей четверти II в. н.э. (ср. Treister 2000: 372).

6. Свинцовый диск из Ольвии. До сих пор мы говорили о сериях сарматских (и аналогичных им) знаков и объектах с ними. Теперь рассмотрим две интересные единичные находки, которые ранее публиковались, но еще не получили, на наш взгляд, адекватной интерпретации. Одной из них является тонкий свинцовый диск размером в среднем около 3,6 см, найденный в 2003 г. в Верхнем городе в Ольвии, у основания развала оборонительной стены цитадели II—III вв. Он был сильно поврежден окислами, и знаки удалось более-менее ясно представить лишь благодаря микроскопу. К сожалению, в прорисовку В.В. Крапивиной попали и многочисленные царапины, участки которых подчас принимались за причудливые выступы на основном знаке (Крапивина 2004: 205, рис. 1—3). На нашей иллюстрации все очевидные царапины для ясности удалены (рис. 19). Находчица затруднялась интерпретировать этот уникальный предмет, как и датировать его изготовление. Ниже мы попробуем это сделать.

Начнем со стороны, где представлены сразу два знака (она кажется более важной). Они не имеют точных аналогов в регионах. Знак № 1 представлен пока только в скоплении на льве № 2 из Ольвии (Драчук 1975: табл. LI: 57). Знак № 2 является результатом перпендикулярного наложения двух исходных знаков других кланов: крупный из них имеет близкую аналогию на глиняной плакетке I в. н.э. из Сырского городища в верховьях Дона (Яценко 2001: рис. 24: IV)⁹, а второй компонент известен у среднесарматской знати Нижнего Дона (Кирсановский III) (Яценко 2001: рис. 1: I). На оборотной стороне представлен хорошо

⁸ Ср. версию С.В. Воронятова, основанную на мнении Ф. Кардини, о якобы сознательном магическом «присвоении геральдики» противниками сарматов с середины II в. н.э. и нашу критику ее (Яценко 2020: 413).

⁹ Это также скопление из 4 знаков, видимо — этой и прилегающих с юга к этому глухому лесостепному району сарматского мира территорий.

известный и уже упоминавшийся знак аристократии западноукраинской Аорсии № 3. В целом, похоже, на одной стороне могли быть представлены нижнедонские знаки, связанные с аланами, а на другой — связанный с Аорсией Фарзоя, Инисмея, Умабия и др. В таком случае мы опять видим представительство двух крупнейших тогдашних сарматских объединений (сходную ситуацию мы наблюдаем и среди множества знаков на арфре I в. н.э. из могилы 1918 г. в Козырке у той же Ольвии (Яценко 2001: 77—78, рис. 25: I). Что касается назначения этого изделия, то думается, оно было изготовлено для нескольких общих гаданий (типа современного метания монетки, падающей лицевой или обратной стороной). Сам мягкий материал (свинец) говорит о том, что на большое количество таких метаний диск изначально не рассчитан, и оно не требовалось. Не исключено, что таких дисков был целый набор, подобный сарматским комплектам игральных / гадательных альчиков овцы (Яценко 2016: 39—40).

7. Костяной нож из окрестностей Керчи. В одной из частных коллекций Е.Я. Туровский около 20 лет назад смог посмотреть и зарисовать (увы, в масштабе это было сделать нельзя) уникальное костяное изделие. По словам владельца, оно было найдено на пахоте в районе разрушающейся курганной группы. Поскольку остальные интересные находки из данного пункта явно были скифскими, публикатор посчитал и этот артефакт синхронным. Между тем, нечитаемая по-гречески, тщательно вырезанная надпись греческими буквами сопровождается здесь сложной сарматской тамгой (рис. 20). По наиболее близкой известной аналогии форме тамги (в склепе 16 в Усть-Альме) мы вначале предполагали среднесарматскую датировку (Яценко 2009: 545). Однако в феврале 2022 г. М.М. Чореф любезно датировал надпись по особенностям почерка III—IV вв. н.э. — периодом наибольшей варваризации и кризиса Боспора. По его мнению, хотя текст не читается по-гречески, в нем присутствуют элементы, характерные для индоевропейских языков (ср. Гамкрилизде, Иванов 1984). Расшифровка этого текста — дело будущего. Интересно, что тамга вырезана здесь как некое важное дополнение к надписи, ее своеобразное продолжение. Итак, малозначащая, на первый взгляд, случайная находка из разрушенного кургана оказывается интереснейшим памятником позднебоспорской культуры.

Наши очерки были построены таким образом, чтобы продемонстрировать разные возможности и приемы работы с тамговым материалом как самих сарматов, так и связанных с ними самой Историей их ближних и дальних соседей, а также характер включенности этих клановых эмблем в разнообразные культурные процессы. Учитывая дальние миграции предков сарматских группировок, активную военную деятельность сарматов вне своих кочевий, их интенсивные контакты с оседлыми соседями, для этого нам вместе с читателем пришлось проделать основательное путешествие в разные пункты от Хакасии до атлантического побережья Марокко.

Литература

- Балабанова М.А. 2012. О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3, 82—91.
- Банников А.В. 2013. *Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана)*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника)*. Москва: Нестор-История.

- Богомолов Г.И. 2003. Каменная стела из окрестностей Мингурюка. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 83—95.
- Винокуров Н.И. 2007. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан. В: Гулдагер Билде П., Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 190—199.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. *Инодоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Тбилисский университет.
- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Костромичев Д.А. 2016. Тамга солдата: сарматский стиль в римском военном снаряжении. *Stratum plus* 4, 125—138.
- Крапивина В.В. 2004. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии. В: Зинько В.И. (ред.). *БЧ V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 205—208.
- Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. 1. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. 2010. Происхождение позднесарматской культуры: к постановке проблемы. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)*. Волгоград: ВГУ, 37—56.
- Рогожинский А.Е. 2011. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья. В: Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. (ред.). *Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)*. Материалы международной научной конференции. Т. 2. Кемерово: САИПИ, 87—99.
- Рогожинский А.Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня: след движения кочевников из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры. В: Деревянко А.П., Молодин Е.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 527—549.
- Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р. 2004. Памятники Казахстана. В: Рогожинский А.Е. (ред.). *Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы: ЮНЕСКО, 45—92.
- Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнической истории. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва: ИА РАН.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Сулайманова А.Т., Жолдошев Ч.М., Дуйшаналиева А.Т. 2016. *Археологический ландшафт Саймалуу-Таши. Книга-альбом*. Бишкек: Археологическое наследие «Ала-Тоо».
- Туровский Е.Я. 2004. Новые памятники материальной культуры скифов с территории Керченского полуострова. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 245—248.
- Яценко и др. 2019: Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б., 2019. *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ.
- Яценко и др. 2020: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С., 2020. *Археология и история Кангуйского государства*. Шымкент: Элэм.
- Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6 (в печати).
- Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I—III вв. н.э. *ДБ* 13, 539—552.
- Яценко С.А. 2016. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности. *Новое прошлое* 4, 31—48.
- Яценко С.А. 2017. Китай, Фергана, Кангуй и сарматы в торговле рубежа н.э. — середины III в. н.э. В: Вдовченков Е.В. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической конференции*. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 256—277.

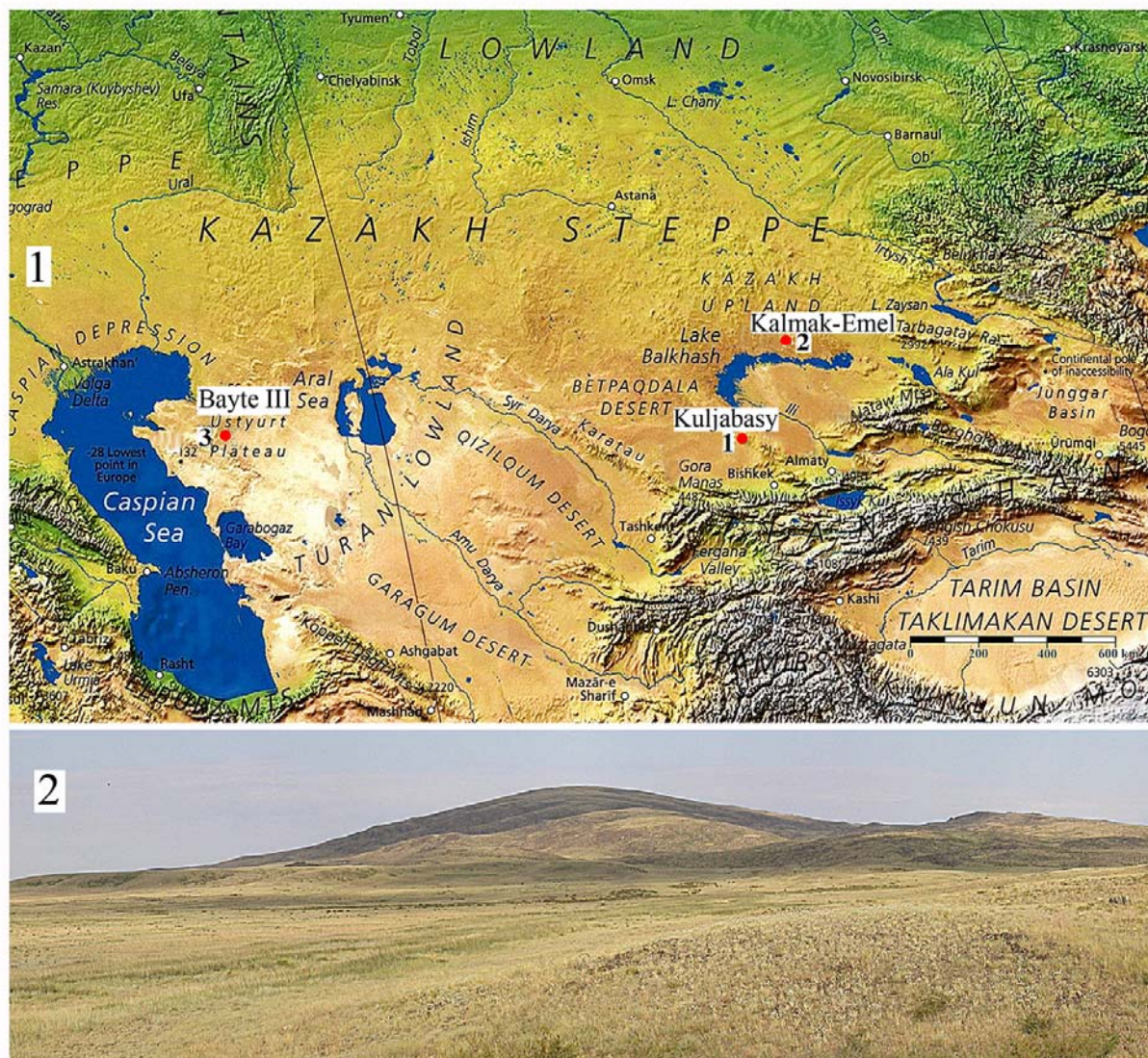
- Яценко С.А. 2018а. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus* 6, 217—242.
- Яценко С.А. 2018б. Заметки по планиграфии Усть-Альминского некрополя в крымской Малой Скифии. *МАИАСП* 10, 98—117.
- Яценко С.А. 2020. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I—IV вв. н.э. *Археологическое наследие* 1 (3). *Античность, скифы, сарматы*, 409—420.
- Яценко С.А. 2022. О сарматской орнаментике. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 15 (в печати).
- Яценко С.А., Чореф М.М., 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6 (в печати).
- Marsadolov L.S., Yatsenko S.A. 2004. Accumulation of tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakasia, South Siberia). *Silk Road Art and Archaeology* 10, 291—304.
- Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. 2015. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE — the 2nd Century CE. *The Silk Road* 13, 109—125.
- Treister M. 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporean Kingdom. In: Thomas R. (ed.). *Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Fsten des 14. International Kongresses für antike Bronzen*. Köln: Gebr. Mann, 363—373.

References

- Balabanova, M.A. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography) 3, 82—91 (in Russian).
- Bannikov, A.V. 2013. *Evolutsiya rimskoy voyennoy sistemy v I—III vv. (ot Avgusta do Diokletiana)* (The evolution of the Roman military system in the 1st — 3rd cc. (from Augustus to Diocletian)). Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).
- Beglova, E.A., Erlikh, V.R. 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* (Meots of the Trans-Kuban region in the Sarmatian time (based on the materials of the Tenginsky soil burial ground)). Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Bogomolov, G.I. 2003. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia) 4, 83—95 (in Russian).
- Vinokurov, N.I. In: Guldager Bilde, P., Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon: Sacred Meaning of the Region, Monuments, Finds. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 1. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 190—199 (in Russian).
- Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1984. *Inoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* (Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture). Tbilisi: Tbilisskiy universitet (in Russian).
- Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya* (Systems of signs of the Northern Black Sea region). Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kostromichev, D.A. 2016. In *Stratum plus* 4, 125—138 (in Russian).
- Krapivina, V.V. 2004. In: Zin'ko, V.I. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporan readings) V. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. ethnic processes)*. Kerch: Tsentral'no-arkheologicheskikh issledovaniy BF "Demetra", 205—208 (in Russian).
- Larenok, V.A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of Kobyakovo settlement from excavations in 1999—2000)*. Pt. 1. Rostov-on-Don: Donskoy izdatel'skiy dom (in Russian).
- Malashev, V.Yu., Moshkova, M.G. 2010. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkheologicheskim i yestestvennonauchnym dannym)* (Formation and development of late Sarmatian culture (according to archaeological and natural science data)). Volgograd: VGU, 37—56 (in Russian).

- Rogozhinskii, A.E. 2011. In: Miklashevich, E.A., Mukhareva, A.N. (ed). *Naskal'noye iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Rock art in modern society (to the 290th Anniversary of the scientific discovery of the Tomsk rock art site). Materials of the international scientific conference)*. Vol. 2. Kemerovo: SAIPI, 87—99 (in Russian).
- Rogozhinskii, A.E. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, E.I. (eds.). *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: IAE SO RAN, 527—549 (in Russian).
- Rogozhinskii, A.E., Aubekerov, B.Zh., Sala, R. 2004. In: Rogozhinskii, A.E. (ed). *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Tsentral'noy Azii: obshchestvennoye uchastiye, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya (Monuments of rock art of Central Asia: public participation, management, conservation, documentation)*. Almaty: YUNESKO, 45—92 (in Russian).
- Skripkin, A.S. 1992. Asian Sarmatia. Problems of chronology, periodization and ethnic history. Dr. Habil. Thesis Abstracts. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Sulaymanova, A.T., Zholdoshev, Ch.M., Duyshanaliyeva, A.T. 2016. *Arkheologicheskiy landschaft Saymaluu-Tash. Kniga-al'bom (Archaeological landscape of Saimaluu-Tash. Book-album)*. Bishkek: Arkheologicheskoye naslediye “Ala-Too” (in Russian).
- Turovskiy, E.Ya. 2004. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov (The Bosporan Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 245—248 (in Russian).
- Yatsenko i dr. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyyev, K.Sh, Baratov, S.R., Il'yasov, Dzh.Ya., Babayarov, G.B., 2019. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii / Tamgas of pre-Islamic Central Asia*. Samarkand: MITSAT (in Russian and English).
- Yatsenko i dr. 2020: Yatsenko, S.A. Avizova, A.K., Torgoyev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Erzhitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S., 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archaeology and history of the Kangju state)*. Shymkent: Ælem (in Russian).
- Yatsenko, S.A, Shevchenko, E.B, Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6 (in print) (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 13, 539—552 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2016. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 31—48 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2017. In: Vdovchenkov, E.V. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Yevropy i Dal'nego Vostoka. Materialy XII mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (Problems of archeology of Eastern Europe and the Far East. Materials of the 12th International Archaeological Conference)*. Rostov-on-Don; Taganrog: YUFU, 256—277 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018a. In *Stratum plus* 6, 217—242 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 98—117 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2020. In *Arkheologicheskoye naslediye (Archaeological heritage)* 1 (3). *Antichnost', skify, sarmaty (Antiquity, Scythians, Sarmatians)*, 409—420 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2022. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 15 (in print) (in Russian).
- Marsadolov, L.S., Yatsenko, S.A. 2004. Accumulation of tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakasia, South Siberia). *Silk Road Art and Archaeology* 10, 291—304.
- Rogozhinskii, A.E., Yatsenko, S.A. 2015. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE — the 2nd Century CE. *The Silk Road* 13, 109—125.
- Treister, M. 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporan Kingdom. In: Thomas, R. (ed.). *Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Fften des 14. International Kongresses für antike Bronzen*. Köln: Gebr. Mann, 363—373.

Рис. 1. Основные упоминаемые объекты на территории Казахстана: 1 — основа карты любезно предоставлена В.А. Новоженовым; 2 — Калмак-Эмель, общий вид (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 1. The main mentioned objects on the territory of Kazakhstan: 1 — the basis of the map is kindly provided by V.A. Novozhenov; 2 — Kalmak-Emel, general view (photo by A.E. Rogozhinskii).

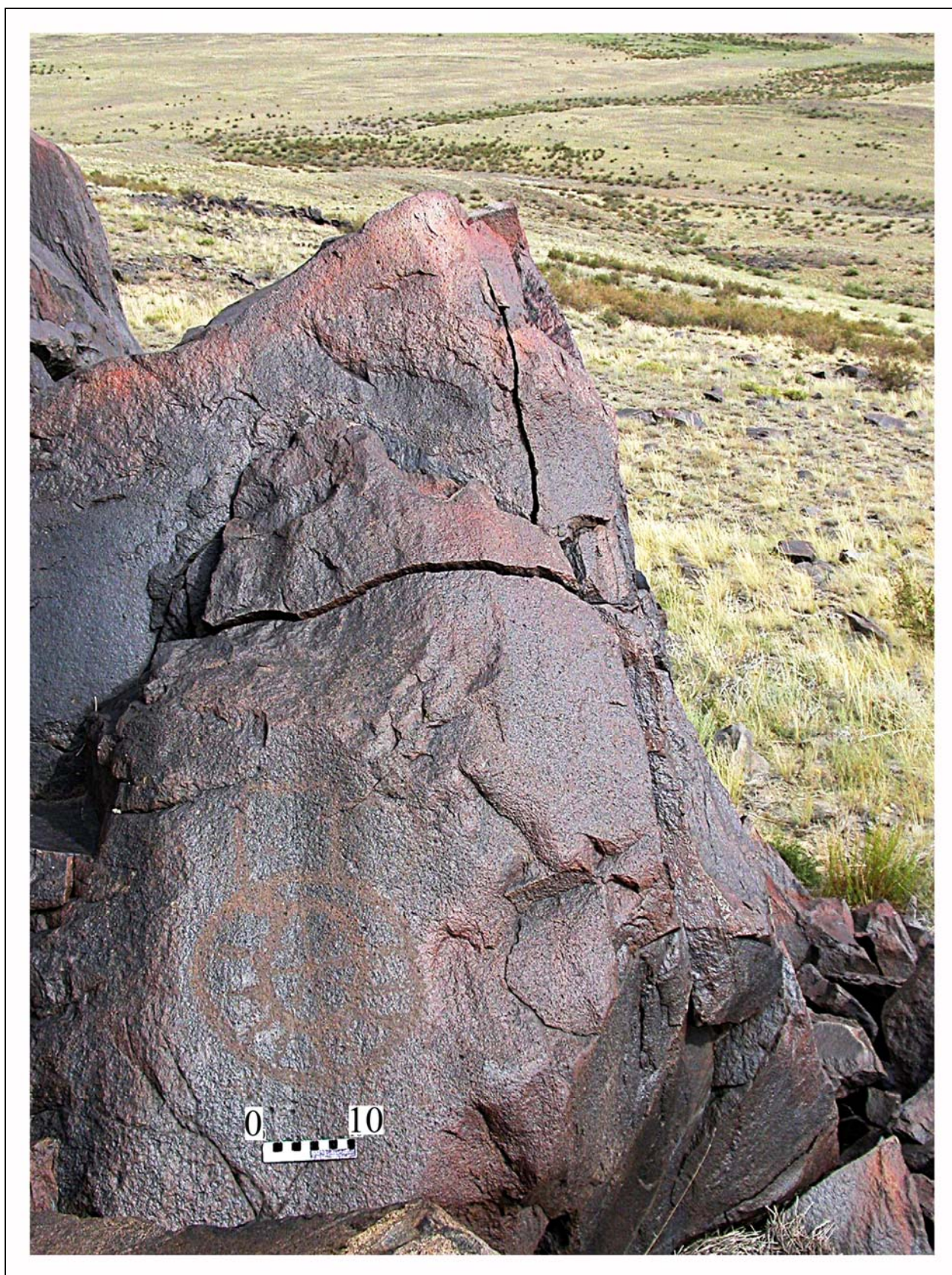
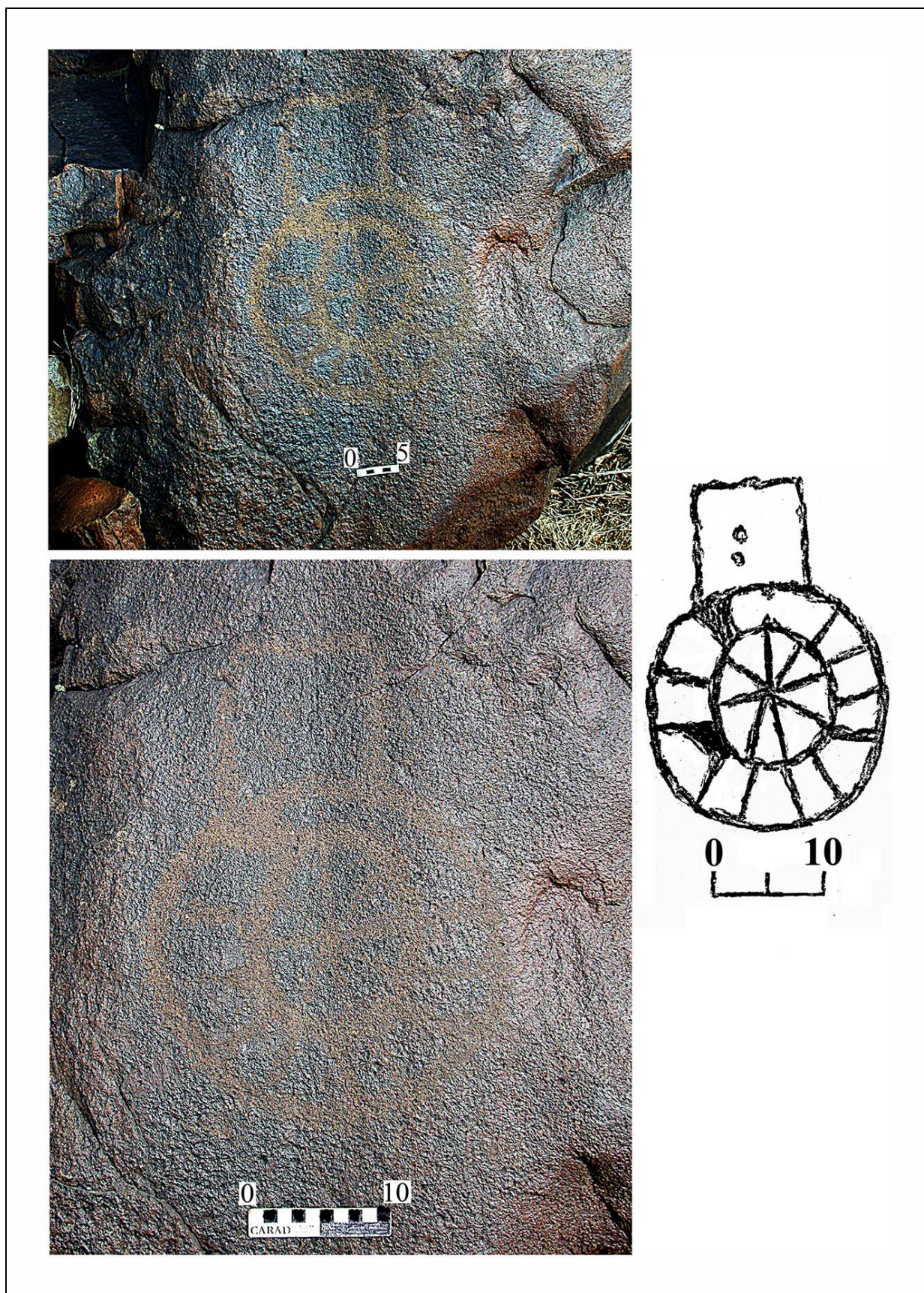

Рис. 2. Калмак-Эмель. Скальная плоскость с изображением зеркала-подвески (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 2. Kalmak-Emel. A rock plane with the image of a mirror-pendant (photo by A.E. Rogozhinskii).

Рис. 3. Калмак-Эмель. Зеркало-подвеска (фото А. Е. Рогожинского, рис. С.А. Яценко).

Fig. 3. Kalmak-Emel. The mirror-pendant (photo by A.E. Rogozhinskii, drowing by S.A. Yatsenko).

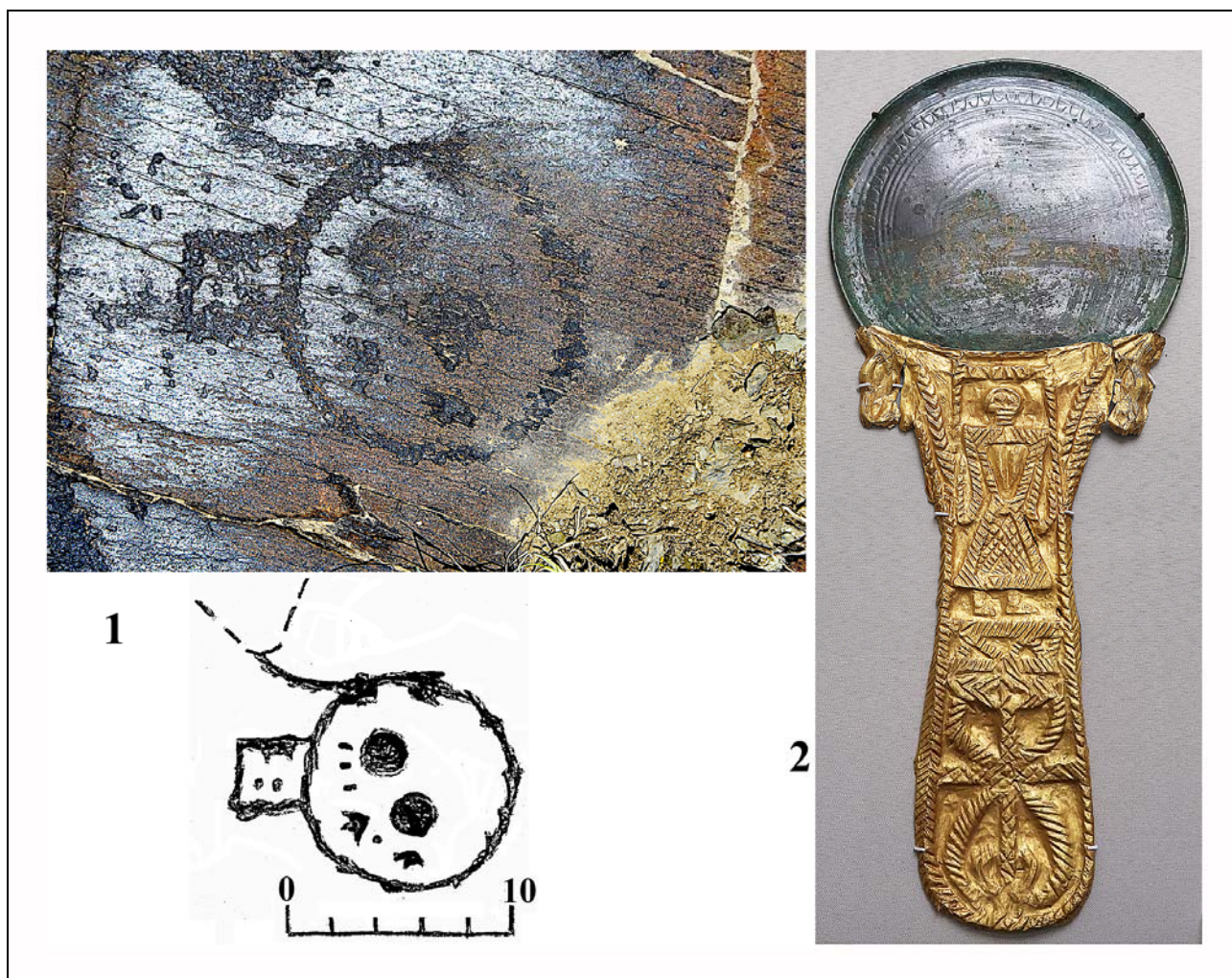

Рис. 4. Кульжабасы. Сцена с животными и двумя зеркалами (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 4. Kuljabasy. The composition with animals and two mirrors (photo by A.E. Rogozhinskii).

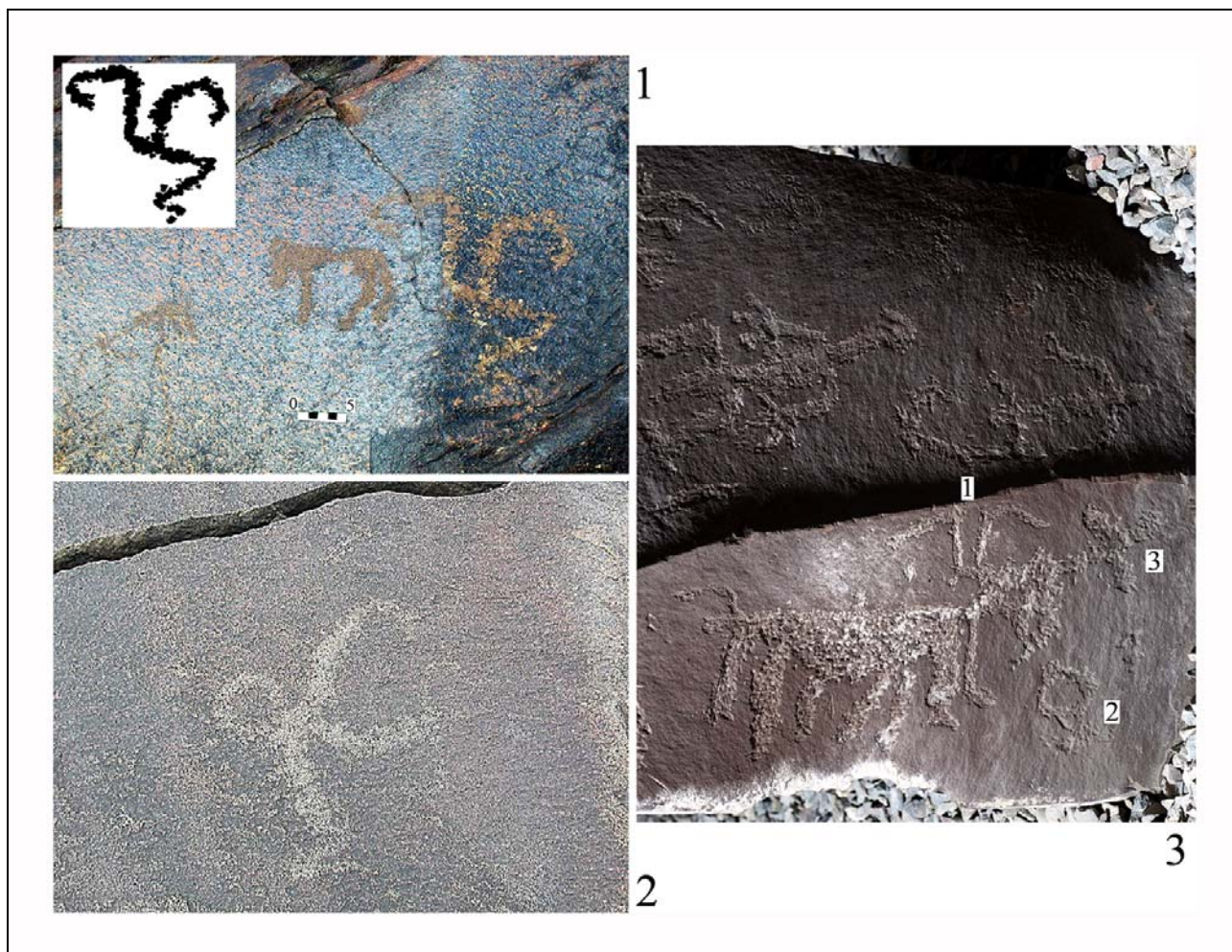

Рис. 5. Зеркало-подвеска из Кульжабасы (фото А.Е. Рогожинского, рис. С.А. Яценко) и раннесарматская аналогия зеркалу с длинной ручкой, Волгоградская обл. (фото С.А. Яценко, ГИМ, май 2021 г., выставка «Европа без границ»).

Fig. 5. The mirror-pendant from Kuljabasy (photo by A.E. Rogozhinskii, drawing by S.A. Yatsenko) and the Early Sarmatian analogy to a mirror with a long handle, Volgograd Region (photo by S.A. Yatsenko, State Historical Museum, May 2021, the exhibition “Europe without a borders”).

Рис. 6. Калмак-Эмель. Тамги и их аналогии: 1—2 — фото А.Е. Рогожинского; 3 — тесинская тамга на стеле из Минусинского музея (фото Е.А. Миклашевич).

Fig. 6. Kalmak-Emal. Tamga-signs and their analogies: 1—2 — photo by A.E. Rogozhinskii; 3 — Tesino tamga on the stele from Minusinsk Museum (photo by E.A. Miklashvich).

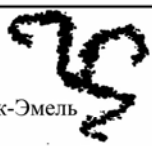

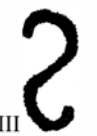

МОНЕТЫ	ЗНАК	УСТИЮРТ МАНГЫСТАУ	ТАЛАС	СЕМИРЕЧЬЕ	ПРИБАЛХАШЬЕ
Хорезм 1		 Байте III		 Чу-Илийские горы	
Хорезм 2 Вазамар					 Калмак-Эмель
Хорезм 3 Артрамуш		 Каракабак		 Чу-Илийские горы	 Жельдебе
Боспор 4 Митридат III					
Кушания 5 Канишка I			Чу-Илийские горы		
Аорсия 6 Иненсимей			 Чийимташ		

Рис. 7. Царские тамги на монетах и их центральноазиатские прототипы (составлено авторами).

Fig. 7. The kings' tamgs on a coins and their Central Asiatic prototypes (compiled by the authors).

Рис. 8. Калмак-Эмель. Тамга позднетагарского облика и связанная с нею композиция (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 8. Kalmak-Emel. Tamga of the Late Tagar type and the compositon connected with it (photo by А.Е. Rogozhinskii).

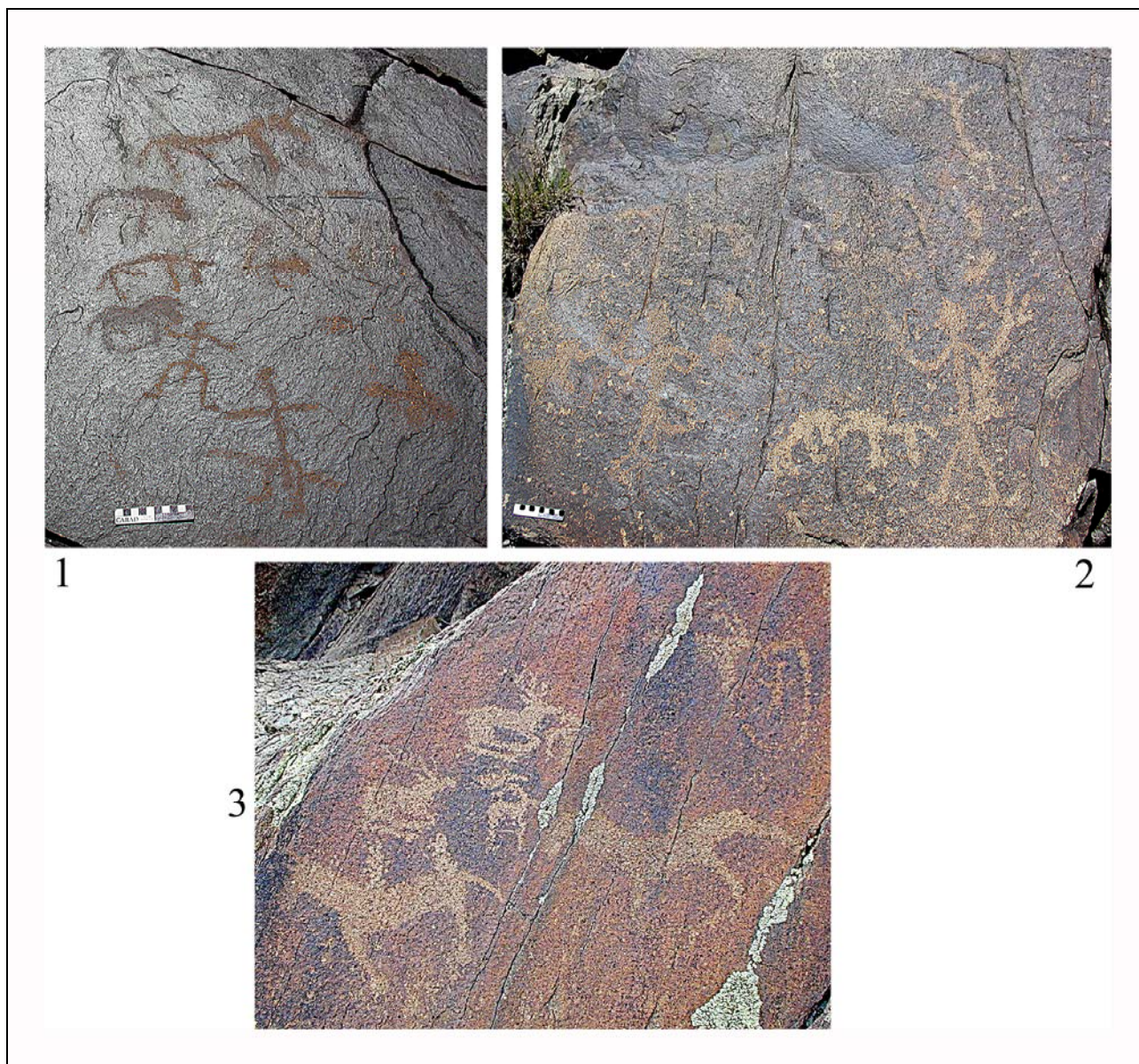

Рис. 9. Калмак-Эмель. Позднетагарские мотивы: 1 — головной убор с султанчиком; 2 — тамга в форме лошадиного копыта и связанные с нею животные (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 9. Kalmak-Emel. The Late Tagar motifs: 1 — a headdress with a plume; 2 — tamga in the shape of a horse's hoof and the animals connected with it (photo by A.E. Rogozhinskii).

Рис. 10. Калмак-Эмель. Позднетагарские мотивы: 1—2 — сцены с «тагарскими человечками»; 3 — олени, лошади и фигура человека в рамке (фото А.Е. Рогожинского).

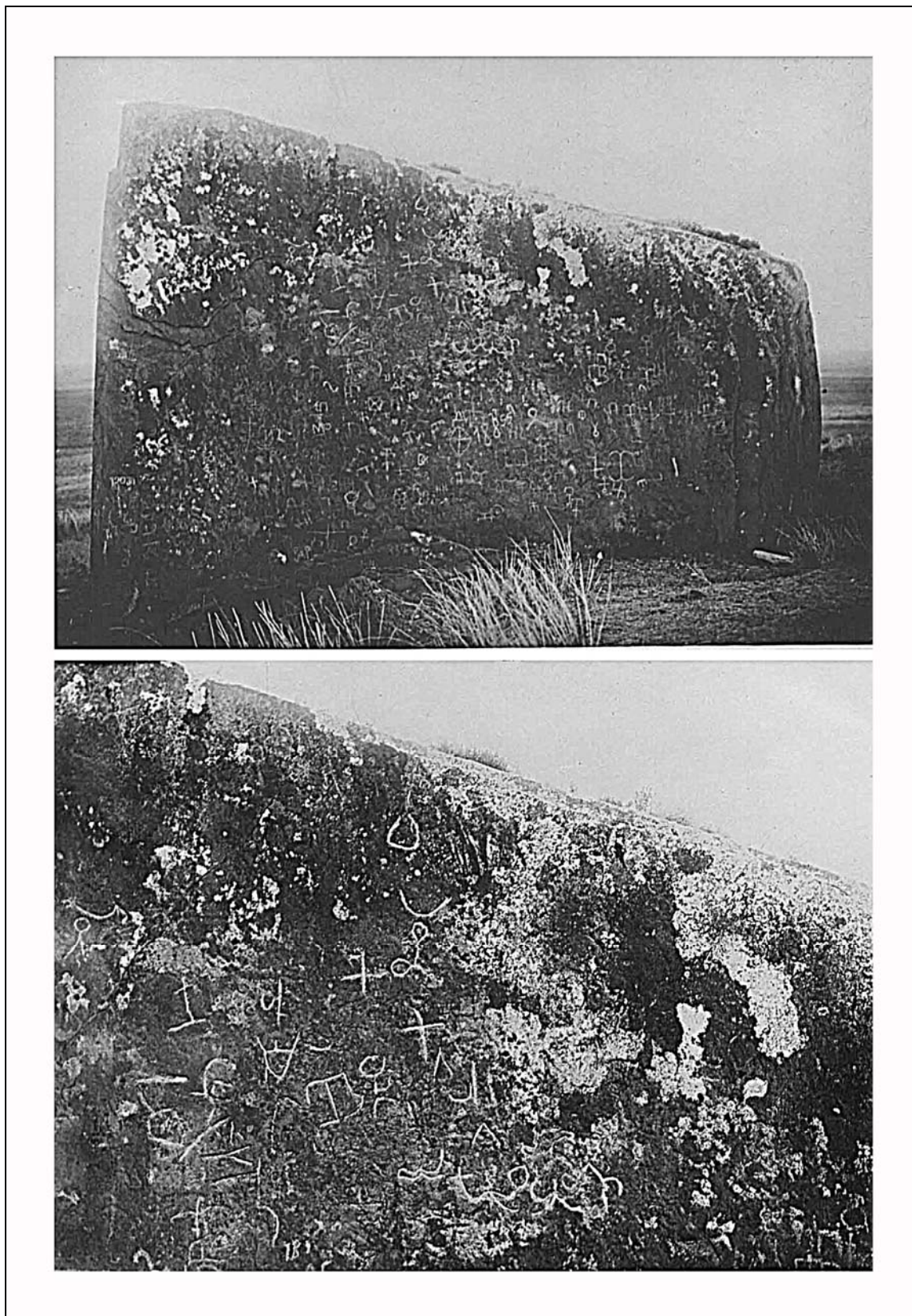
Fig. 10. Kalmak-Emal. The late Tagar motifs: 1—2 — the compositions with the “Tagar little men”; 3 — deers, horses and a framed figure of man (photo by A.E. Rogozhinskii).

Рис. 11. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 с тамгами (фото С.А. Яценко).

Fig. 11. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 with tamgas (photo by S.A. Yatsenko).

Рис. 12. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 с тамгами, фото середины XX в. (по Marsadolov, Yatsenko 2004).

Fig. 12. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 with tamgas, the middle 20th c. photo (after Marsadolov, Yatsenko 2004).

Рис. 13. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 (фото С.А. Яценко).

Fig. 13. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 (photo by S.A. Yatsenko).

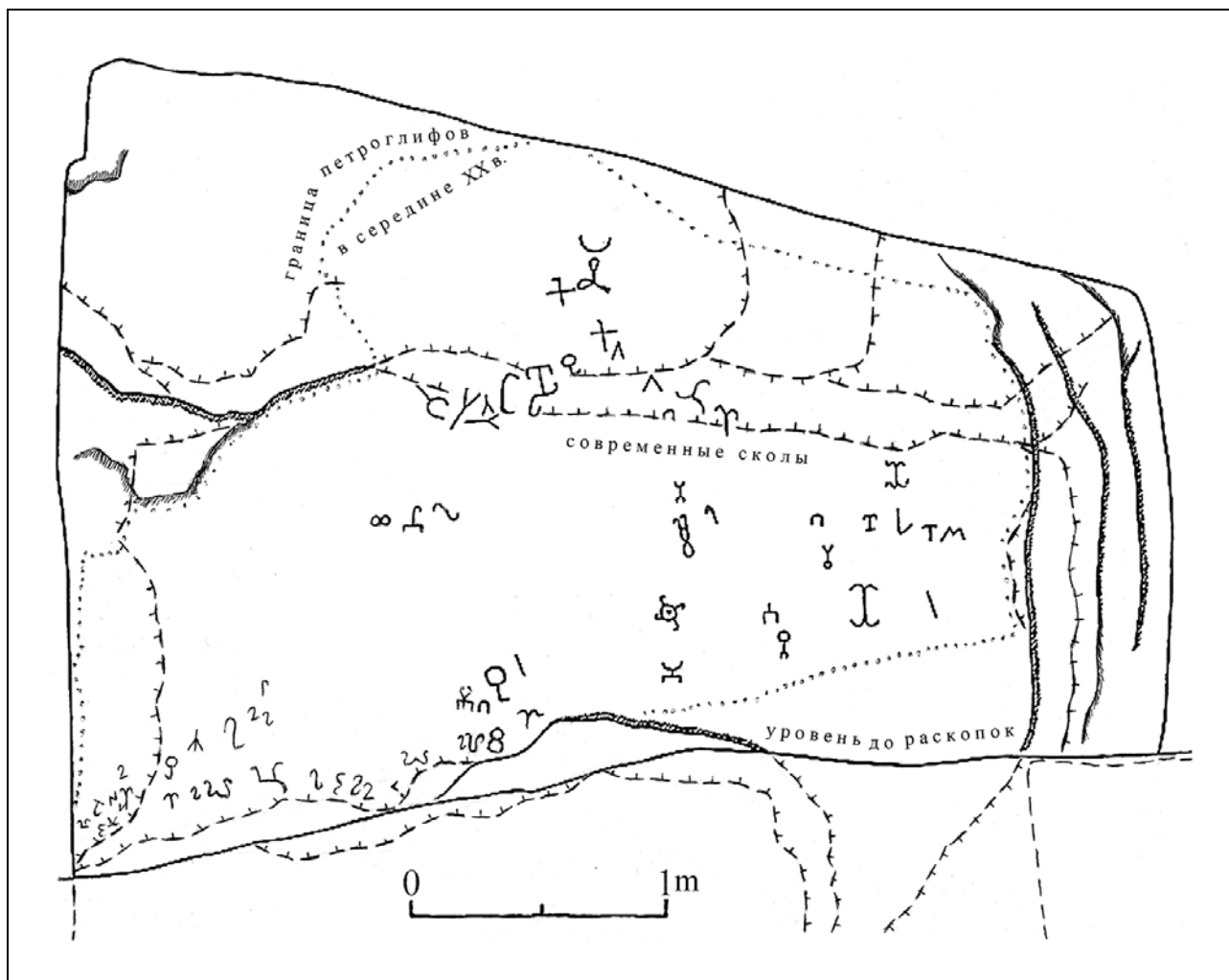

Рис. 14. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14. Размещение тамг, аналогичных знакам Сарматии (рисунок С.А. Яценко).

Fig. 14. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14. The distribution of tamgas analogous to Sarmatian ones (drawing by S.A. Yatsenko).

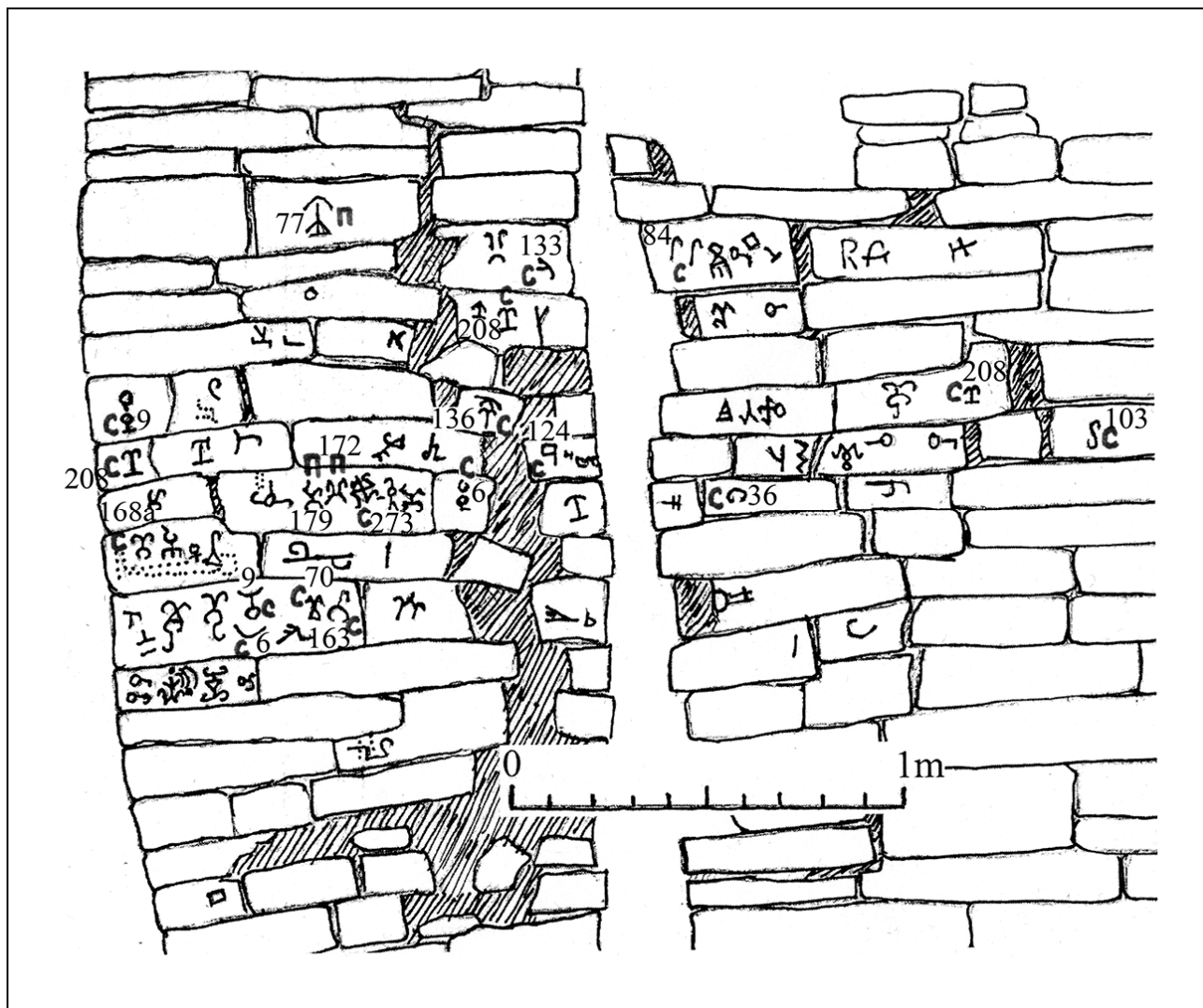

Рис. 15. Храм Байте III. Скопление тамг № 1. Распределение сарматских тамг по культурам и регионам (рисунок С.А. Яценко).

Fig. 15. Bayte III temple. Accumulation of signs No 1. The distribution of Sarmatian tamgas by cultures and regions (drawing by S.A. Yatsenko).

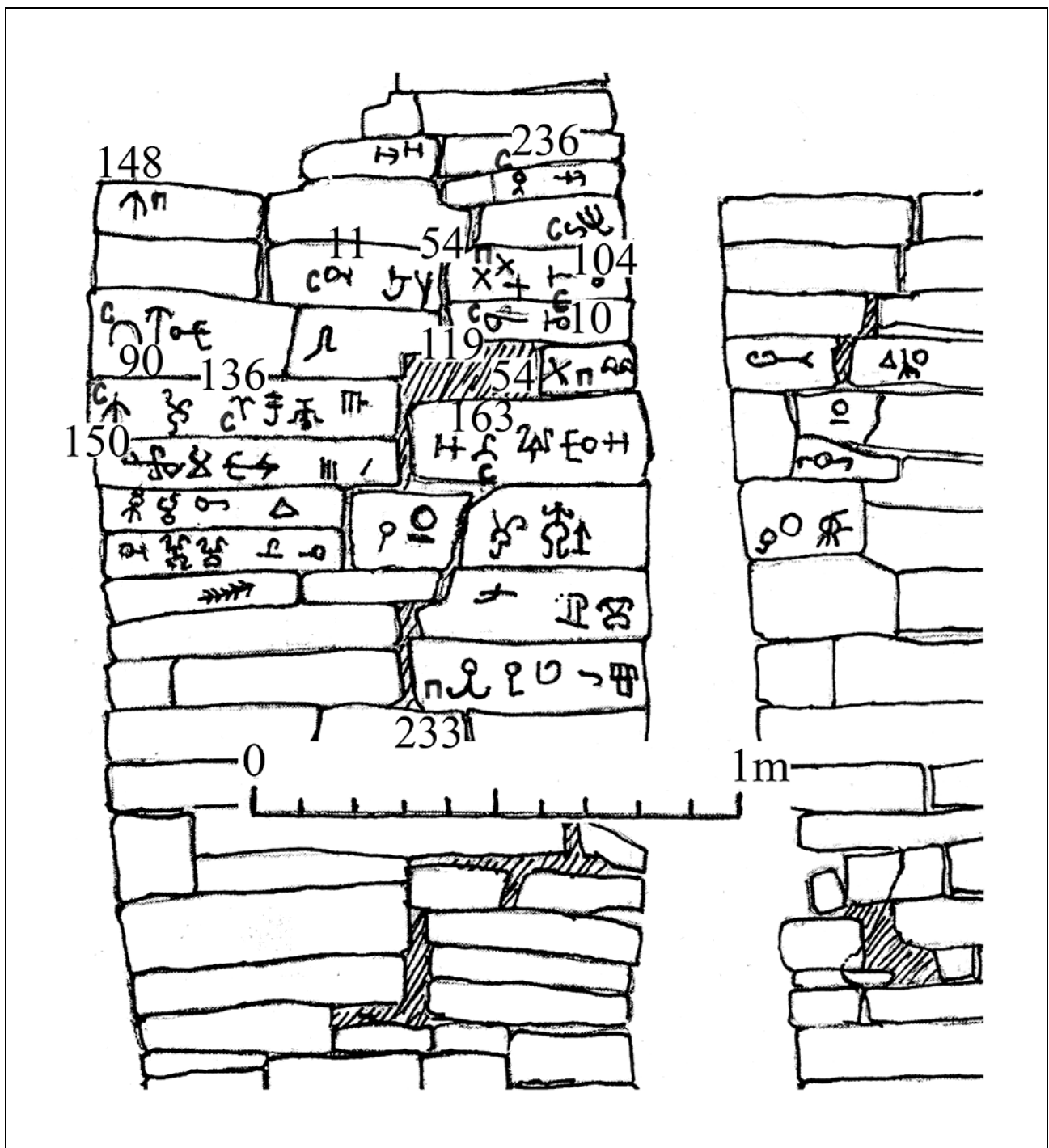

Рис. 16. Храм Байте III. Скопление тамг № 2. Распределение сарматских тамг по культурам и регионам (рисунок С.А. Яценко).

Fig. 16. Bayte III temple. Accumulation of signs No 2. The distribution of Sarmatian tamgas by cultures and regions (drawing by S.A. Yatsenko).

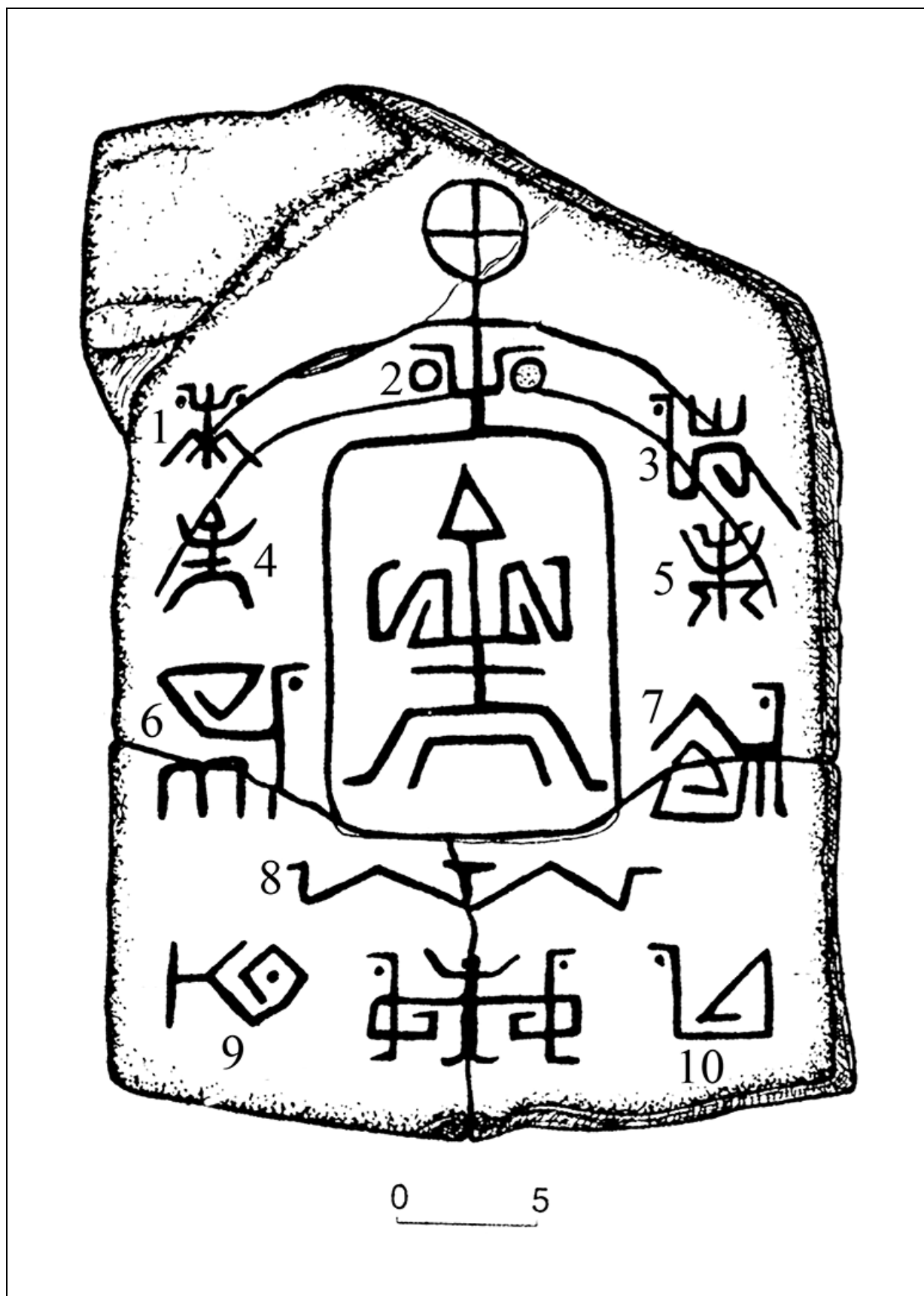
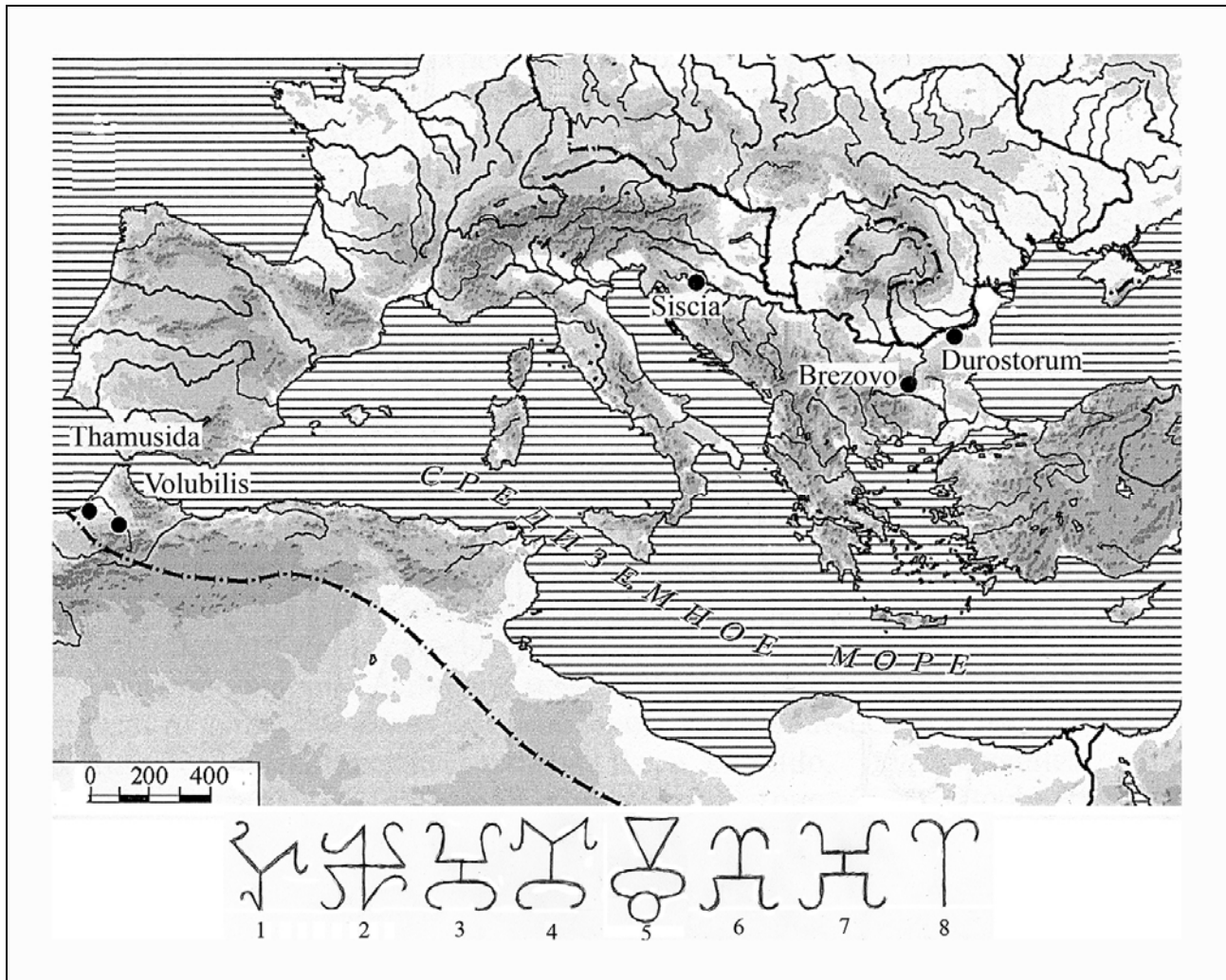

Рис. 17. Стела из некрополя городища Мингурюк (по Яценко и др. 2019: 201).

Fig. 17. Stele from the necropolis of Minguriuk hill fortress (after Yatsenko i dr. 2019: 201).

Рис. 18. Сарматские тамги на конской упряжи и поясах римской армии второй четверти — середины II в. н.э. (для основы карты использовано: Костромичев 2016: рис. 1); типы знаков — рисунок С.А. Яценко.

Fig. 18. Sarmatian tamgas on the horse harness and belts of the Roman army of the 2nd quarter — middle of the 2nd c. CE (the basis of map used partly from: Kostromichev 2016: fig. 1); the types of signs — S.A. Yatsenko drawing.

Рис. 19. Свинцовый диск из Ольвии (Крапивина 2004, с уточнениями С.А. Яценко).

Fig. 19. The lead disc from Olbia (after Krapivina 2004, with the additions of S.A. Yatsenko).

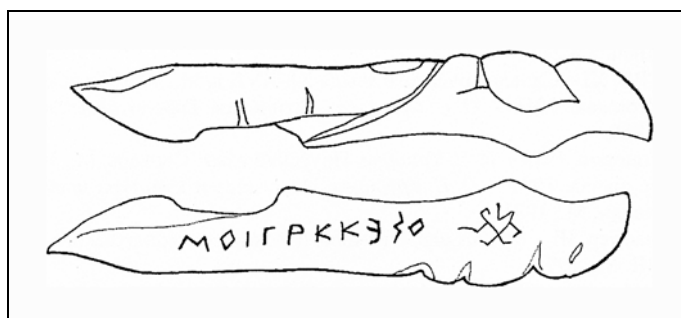

Рис. 20. Костяной нож из кургана у г. Керчь (по Туровский 2007).

Fig. 20. The bone knife from a barrow near Kerch (after Turovskii 2007).

УДК 340.153; 94(47)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.55.38.024

Р.Ю. Почекаев

**КОГО МОГЛИ И КОГО НЕ МОГЛИ СУДИТЬ ГИРЕИ?
К ИСТОРИИ СУДА И ПРОЦЕССА В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ***

В статье анализируются полномочия монархов Крымского ханства в судебной сфере на протяжении всего времени существования этого государства с XV по XVIII вв. Выявляются основные уровни и направления судебной деятельности крымских ханов — как высшей судебной инстанции в ханстве, как участника суда дивана, полномочия ханов в области организации и деятельности судов беев и шариатских судов в Крыму. Предпринимается попытка ответить на вопрос, почему судебная компетенция крымских ханов была существенно ограничена по сравнению с аналогичной компетенцией правителей Монгольской империи и Золотой Орды. При этом принимаются во внимание особенности политического положения Крыма (как вассала Османской империи и государства с высокой степенью политической нестабильности) и религиозной ситуации на полуострове. В качестве источников исследования выступают официальные документы Крымского ханства — ханские ярлыки и судебные реестры, исторические хроники, а также записки иностранных дипломатов и путешественников, побывавших в Крыму в XVI—XVIII вв. Автор приходит к выводу, что крымские ханы, номинально сохраняя прежние чингизидские традиции (в т.ч. статус верховного судьи в государстве), фактически были весьма ограничены в судебной сфере в пользу официальных шариатских судов и феодальной верхушки ханства. Однако отдельные категории судебных дел продолжали оставаться в их исключительном ведении, кроме того, у ханов были значительные полномочия в сфере организации суда в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Крымское ханство, ханская власть, суд и процесс, традиционное право, мусульманское право, ханские ярлыки, записки путешественников.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контактная информация: 198099, Россия, г. Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 17, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: rpochekaev@hse.ru.

R.Yu. Pochekaev

**WHO COULD BE AND WHO COULD NOT BE JUDGED BY GIRAYS:
ON COURT AND TRIAL IN THE KHANATE OF CRIMEA**

The article is an analysis of the judicial functions of khans of the Crimea since 15th to 18th c. Basic levels and directions of the khan's justice as the supreme court of the khanate are clarified. Besides that khans are also characterized as organizers of the court of divan, beys' courts and courts of qadis in accordance with Shariat. Author attempts to answer the question why the justice of Crimean khans was substantially limited in comparison with monarchs of the Mongol Empire and the Golden Horde. At that specific feature of political statement of the Crimean Khanate (as a vassal of the Ottoman Empire and a state with unstable

---

* Статья представляет собой расширенную и переработанную версию доклада, представленного на международном симпозиуме «Золотая Орда и ее наследие» (Стамбул, 25—26 ноября 2019 г.).

Статья поступила в номер 16 декабря 2021 г.

Принята к печати 30 декабря 2021 г.

political situation), religious situation in the Crimean Peninsula are taken into account. The sources for the study are official documents of the Crimean Khanate such as khans' yarliks, court registers, historical chronicles and notes of foreign travelers who visited Crimea in 16th — 18th cc. Author finds that khans of Crimea de-jure saved Chinggisid traditions (as supreme judges in the khanate), but were substantially limited in their court power de-facto because of feudal aristocracy and courts of qadis. Nevertheless, several kinds of cases as before remained in their competence. Also khans had wide potentialities in the field of organization of the court system of khanate.

Key words: Khanate of Crimea, khan's power, court and proceedings, traditional law, Islamic law, yarliks of khans, travelers' notes.

About the author: Pochekaev Roman Yulianovich, Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, National Research University Higher School of Economics.

Contact information: 198099, Russia, Saint Petersburg, 17 Promyshlennaya Str., National Research University Higher School of Economics; e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Вопросы суда и процесса в Крымском ханстве неоднократно привлекали внимание исследователей еще в XIX в. (Хартахай 1866; 1867; Биярсланов 1889; 1890; Лашков 1895; 1896). Однако настоящий прорыв, полагаем, в этом направлении был сделан уже в начале XXI в., когда ряд специалистов провели детальный анализ судебной системы (Аметка 2004), связи суда и права с социально-экономическим (Э.Э. Абибуллаева) и политическим развитием Крымского ханства (Krolikowska-Jedlinska 2018), судебных реестров (Рустемов 2015; 2016a; 2016b; 2017), отдельных категорий разбирательств и даже конкретных судебных дел (Çiğdem 2005a; 2005b; 2005c; 2010; 2011). Результатом деятельности специалистов — востоковедов, источниковедов, историков и даже филологов стало введение в оборот значительного числа судебных документов, что позволяет изучать данную тематику и в историко-правовом аспекте.

Вместе с тем, использование в качестве основных судебных реестров (кадиаскерских книг) Крымского ханства обусловило тот факт, что основным объектом исследования специалистов становится организация и деятельность преимущественно мусульманских судебных институтов — судов кади, действовавших на основе шариата. В то же время сравнительно мало внимания уделено другой ветви судебной власти — системе ханского правосудия, унаследованной Крымскими ханством от Золотой Орды, прямым преемником которой оно являлось (Аметка 2004: 9). Лишь отдельные вопросы, связанные с деятельностью этих судов, были затронуты в трудах Ф.Ф. Лашкова, В.Е. Сыроечковского, Н. Кроликовской-Жедлинской и др.

Между тем, являясь прямыми наследниками ханов Золотой Орды, а через них — и Монгольской империи, крымские ханы из династии Гиреев наряду с другими властными атрибутами и прерогативами (монополия рода на ханский титул, издание ярлыков и пр.) унаследовали также и статус верховных судей-арбитров в своем государстве. Однако особенности политико-правового и культурного развития Крымского ханства обусловили и специфику реализации этой ханской прерогативы на протяжении всего времени существования государства. Данная статья представляет собой попытку выявить эту специфику и охарактеризовать особенности становления и реализации системы ханского правосудия в Крыму XVI—XVIII вв.

Основными источниками исследования являются официальные документы Крымского ханства — ханские ярлыки и кадиаскерские тетради, содержащие как базовые принципы организации «ханского суда», так и конкретные примеры их применения на практике. Они неоднократно исследовались и публиковались (в т.ч. в русском переводе) М. Биярслановым,

Ф.Ф. Лашковым, В.Д. Смирновым, С.Ф. Фаизовым, Р.Р. Абдужемилевым, О.Д. Рустемовым. Дополнительную информацию по тематике исследования содержат крымские исторические хроники: «Тарих-и Сахиб-Гирей» Мехмеда Нидаи (Реммаль-ходжи), «Умдет ал-ахбар», Абд ал-Гаффара Кырыми, «Тарих-и Ислам-Гирей» Мехмеда Сенаи, «Розовый куст ханов» Халил-Гирей-султана и др.¹. Наконец, значительную ценность представляют записки иностранных путешественников, побывавших в Крымском ханстве в XVI—XVIII вв. и представивших «внешний» взгляд на осуществление ханами своих судебных прерогатив. Среди них — польско-литовские дипломаты Михалон Литвин (Венцеслав Миколаевич) и Мартин Броневский, английский авантюрист Джон Смит, турецкий путешественник Эвлия Челеби, французский консул в Крыму Шарль Клод де Пейссонель, австрийский путешественник Николас Эрнст Клееман и др.

Сразу следует отметить, что в Крымском ханстве, в отличие от Золотой Орды, уже на раннем этапе его существования наибольшее распространение в судебной сфере приобрели суды кади, осуществлявшие свою деятельность на основе шариата (Хартахай 1866: 193). Они разбирали большинство дел как уголовно-правового, так и гражданско-правового характера. Причиной преобладания шариатских судов было не только то, что ислам являлся официальной религией в Крымском ханстве, но и то, что они имели давние традиции организации и осуществления правосудия, были четко институционализированы, характеризовались отлаженной процедурой, разработанной документацией и пр.

Вместе с тем, нельзя сказать, что крымские ханы были полностью лишены судебных прерогатив по сравнению со своими предшественниками — монархами Золотой Орды. Подобно всем ханам в тюрко-монгольских государствах (и не только), они официально являлись высшей судебной инстанцией и, как следствие, разбирали самые серьезные преступления против государства, судили высших государственных сановников государства ([Броневский] 1867: 355—356; Михалон Литвин 1994: 69—70; Калашников 2013: 25; Пейссонель 2013: 52). В отдельные периоды к компетенции ханов также относились дела, связанные с разбоем и фальшивомонетничеством, поскольку и эти преступления воспринимались как наиболее опасные для государственной и социально-экономической жизни (Аметка 2004: 10; Рустемов 2017: 236—237). Существенно возрастала ханская судебная компетенция во время похода, если хан сам возглавлял войска в походе ([Де Лука] 1789: 482; Хартахай 1867: 147). В случае совершения воинских преступлений хан судил быстро, и его приговоры приводились в исполнение немедленно, включая даже смертную казнь — правда, если дело касалось рядовых воинов. Если же виновными оказывались представители родоплеменной аристократии, ханы не имели права судить их столь же сурово и оперативно. Например, во время одного из походов крымские беи составили против хана Сахиб-Гирея I заговор, который был раскрыт, «Однако не было такого падишахского закона, который позволял бы убить беев во время военной кампании», и хану пришлось проявить «к ним прежнее отношение» (Абдужемилев 2018а: 189—190).

Таким образом, нельзя не обратить внимания, что формальные полномочия и реальные возможности ханов в судебной сфере нередко не совпадали. Завися во многом от влиятельных родоплеменных вождей, приобретших прочную политическую и социально-экономическую основу в Крыму задолго до образования здесь самостоятельного ханства, Гиреи зачастую не могли приговаривать к смерти высокопоставленных сановников или владетельных беев, ограничиваясь приговорами лишь в отношении не слишком

---

¹ В связи с этим нельзя не отметить плодотворную работу Р.Р. Абдужемилева, который в последние годы активно вводит в русскоязычный научный оборот комментированные переводы ярких образцов крымско-ханской историографии XVI—XVIII вв.

высокопоставленных преступников из числа собственных чиновников ([Клееман] 1783: 208; Фаизов 2003: 121) или подчиненных собственных родственников (Абдужемилев 2019: 164—165). Лишь наиболее властные монархи могли позволить себе привлечь к суду крупного сановника или военачальника из числа крымской знати и вынести ему суровый приговор. Но и для этого им необходимо было провести значительную подготовительную работу, чтобы склонить на свою сторону других влиятельных беев и тем самым обеспечить себе их поддержку, если приговоренный посмел бы сопротивляться ханской воле. Одним из ярких, весьма подробно описанных примеров такого рода является суд крымского хана Сахиб-Гирея над мангытским карачи-беем Баки: прежде чем привлечь его к ответственности за заговор, хану пришлось длительное время обращать внимание других представителей знати на его прегрешения, в результате чего их общее мнение сформировалось против бея, и хан, почувствовав себя увереннее при их поддержке, наконец, смог приговорить Баки к смерти и приказать привести приговор в исполнение (Абдужемилев 2018b: 219—231; см. также: Трепавлов 2020: 292—295)².

Тем не менее, формально крымские ханы унаследовали от золотоордынских монархов судебные прерогативы, включая как дела, относившиеся к их собственной компетенции, так и право пересмотра судебных решений и приговоров, вынесенных нижестоящими судебными органами. Более того, в Крымском ханстве сохранилась древняя степная традиция, согласно которой к ханскому суду мог апеллировать любой подданный, и хан не должен был отказывать ему в правосудии ([Бронеvский] 1867: 356; Абдулгаффар Кырыми 2014: 156). Подобные решения и приговоры традиционно оформлялись в виде ханских указов-ярлыков. Правда, в большинстве случаев ханы могли выдавать ярлыки и добиваться их реализации лишь в тех случаях, когда их судебное решение сводилось к подтверждению прав и привилегий, дарованных истцам ранее их предшественниками на троне. Ярким примером является целая серия ханских ярлыков крымским караимам XVII в., которые в течение 1610—1699 гг. неоднократно обращались к крымским ханам с жалобами на своих соседей, которые захватывали их пастбища и даже возводили на них собственные ограды. В результате было выписано не менее пяти ярлыков ханов Джанибек-Гирея (1610 г.), Инайет-Гирей (1635 г.), Мухаммад-Гирея IV (1642 г.), Мурад-Гирея (1679 г.) и Девлет-Гирея II (1699 г.), которыми нарушителям предписывалось освободить захваченные пастбища и снести уже возведенные на них ограждения, а в дальнейшем караимам предписывалось обращаться в суд кади-аскера и местных судей-кадиев (Фиркович 1890: 63—102).

Право обращения к ханскому суду имелоcь и у иностранцев, оказавшихся на территории Крымского ханства и испытавших, по их мнению, несправедливость со стороны подданных Гиреев. Н. Кроликовска-Жедлинска анализирует три ярких примеров ханского правосудия в отношении иностранцев. Так, литовский татарин, попавший в плен и проданный в плен, обратился к суду хана Джанибек-Гирея в 1610/1611 г., упирая на то, что, как мусульманин, не мог находиться в рабстве у своих единоверцев, и было вынесено решение «на основе Корана». В 1636 г. священник Иннокентий Фелици с Мальты, в течение ряда лет находившийся на службе у крымских ханов в качестве переводчика посольств к европейским государям, был обвинен, во-первых, в получении взятки во время посольства в Вену, во-

² Отметим, что хроника Реммаль-ходжи, посвященная Сахиб-Гирею — едва ли не единственный источник в крымско-ханской историографии, в котором подробно описывается судебная практика хана. Дело в том, что другие хронисты, стараясь представить ханов ревностными мусульманами, не акцентировали внимание на отправлении ими «светского» правосудия, поскольку официально в Крымском ханстве судебными полномочиями обладали шариатские суды кади (личная консультация д-ра ист. наук, профессора И.В. Зайцева, 17.09.2018).

вторых, в многолетнем сожительстве с мусульманской женщиной. Благодаря посредничеству одной из ханских жен, его друзья сумели добиться рассмотрения дела ханом, который счел возражения священника обоснованными и повелел разобраться в деле судье-кади, поставив дело под контроль собственного визиря. Наконец, уже в 1760-х гг. вышеупомянутый голландец Н.Э. Клееман, сопровождая ханское войско, был ограблен неким армянином и обратился к суду ханского наместника — каймакана, который признал справедливость иска и велел ответчику вернуть украденное, направив соответствующее письмо-инструкцию судье-кади, чтобы тот обеспечил выполнение решения (Krolikowska-Jedlinska 2015: 144, 147, 149—150).

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что система ханского суда испытала значительное влияние ислама, нашедшее отражение в формально-юридических показателях. Во-первых, чтобы ханское судебное решение приобрело законный характер, его исполнение следовало поручить шариатскому суду в лице кади. Во-вторых, сама процедура разбирательства дел в ханском суде происходила во многом по образу и подобию суда кади, да и сами ханы (или их уполномоченные сановники) старались демонстрировать участникам процесса, что основывают свои решения на принципах и нормах шариата (Аметка 2004: 12, 14—15; Krolikowska-Jedlinska 2015: 150).

Следующей по значению судебной инстанцией Крымского ханства являлся диван — коллегиальный совещательный орган при хане, к компетенции которого также относились серьезные государственные и уголовные преступления (Хартахай 1867: 144; Эвлия Челеби 1996: 97; Аметка 2004: 10). При некоторых ханах именно диван, а не сами монархи, разбирал дела о преступлениях или взаимных претензиях членов правящего рода Гиреев ([Клееман] 1783: 203). В качестве главы государства ханы могли председательствовать в судебных заседаниях дивана и в обязательном порядке должны были утверждать (или отменять) смертные приговоры, выносившиеся этим органом (Эвлия Челеби 2008: 95—96; Пейссонель 2013: 51; ср.: [Де Лука] 1789: 482). Без ханского утверждения преступники, приговоренные к смерти диваном, не могли быть казнены. С другой стороны, и ханские приговоры в отношении наиболее высокопоставленных сановников нуждались в одобрении дивана, которое ханы не всегда получали ([Клееман] 1783: 229). Таким образом, можно говорить о своеобразной «системе сдержек и противовесов» в крымской системе ханского правосудия.

На региональном уровне судебные дела рассматривались, помимо шариатских судов, также и правителями областей — калга-султаном, нураддин-султаном, беями и мурзами. Формально их можно считать наследниками золотоордынских наместников (даруг или баскаков) и, соответственно, они должны были осуществлять правосудие по волеизъявлению монарха и на основе его предписаний, получая от него утверждение смертных приговоров и т.д. ([Бронеvский] 1867: 355; Орешкова 1990: 266; Аметка 2004: 8; Эвлия Челеби 2008: 96; Калашников 2013: 24—25). Среди вассальных Крымскому ханству ногайских орд номинально всей полнотой судебной власти обладали ханские наместники — сераскер-султаны, которые, впрочем, в своей деятельности должны были учитывать местные обычаи и позицию родовой знати (Грибовский 2009: 74; Сень 2020: 399—400). Однако по причинам, упомянутым выше, ханы фактически не имели рычагов влияния на правителей отдельных регионов ханства и поэтому не вмешивались в их действия, и беи могли осуществлять суд на основе норм и принципов обычного права или даже собственного усмотрения (Лашков 1896: 108; [Д'Асколли] 1902: 114). При этом сами беи зачастую не пытались урегулировать споры между собой в ханском суде, а предпочитали их силовое решение и вступали в междоусобицы (Хартахай 1867: 141—142, 146).

Что же касается низового звена судебной системы в рамках «ханского суда», которая имела широкое распространение в Золотой Орде в лице судей-дзаргучи, в Крыму она не действовала. И именно это обусловило невозможность ханов контролировать судебную сферу на местном уровне, отдавая правосудие в регионах и отдельных местностях полностью на откуп знати и мусульманским судам кади.

Однако, несмотря на то что шариатский суд строился на основе принципов мусульманского права и, казалось бы, не имел никакого отношения к системе ханского правосудия, у крымских ханов имелись некоторые полномочия и в организации судов кадиев. Именно ханами назначались (в ряде случаев фактически — «рекомендовались») судьи в крупных областях — Бахчисарае, Ак-Меджиде, Гезлеве, Ор-Капы и др. И уже эти ханские ставленники, в свою очередь, назначали кадиев в судебные округа — кадилыки (Орешкова 1990: 266, 268; Хартахай 1867: 143). При этом интересно отметить, что если кади сам нарушал закон, его дело разбирали мусульманские правове́ды, которые выносили решение или приговор и обеспечивали его исполнение — без вмешательства хана (Эвлия Челеби 2008: 98).

Также ханы имели возможность оказать определенное влияние на организацию судебной деятельности шариатских судов, в частности, устанавливая фиксированные сборы и пошлины, взимавшиеся кадиями при совершении определенных действий — внесение записей в судебные реестры, составление выписок из решений, составление актов о наследстве, выдачи вольных грамот и пр. (Рустемов 2017: 225; ср.: Михалон Литвин 1994: 84). Надо полагать, подобное «вмешательство» ханов в деятельность судов на основе шариата было обосновано тем, что данные сборы и пошлины формально не относились к основным мусульманским налогам и, как следствие, могли быть (и даже должны быть!) урегулированы ханскими ярлыками.

Однако в отношениях ханов с судами кадиев была и обратная сторона: в кадиаскерских тетрадах имеется целый ряд записей о том, что ханы или члены ханского рода (как султаны, так и царевны) могли состоять в гражданско-правовых отношениях с собственными подданными и в этом качестве привлекаться к участию в судебном процессе. Имеются судебные решения, связанные с возмещением ханского долга, распределением наследства, заключение брака представительницами ханского рода и т.д. (Биярсланов 1889: 48; Лашков 1896: 101; Рустемов 2017: 213). Значение мусульманских судов было настолько велико, что хан или член ханского рода даже не мог сам освободить своего раба или рабыню собственным указом: такой указ (ярлык) являлся всего лишь основанием для того, чтобы этот вопрос был передан на рассмотрение в суд кадия, а сам такой документ выступал лишь как доказательство по делу и в этом качестве вносился в кадиаскерскую тетрадь (Биярсланов 1890: 74; Лашков 1895: 121—128; Абибуллаева 2016: 215; Рустемов 2016: 608; 2017: 118—120, 159, 220—222).

Не всех ханов устраивало подобное положение дел в судебной сфере, и некоторые из них предпринимали попытки ее реформирования. Наиболее известной является попытка хана Мурад-Гирея (1678—1683), который в начале своего правления попытался передать основные судебные полномочия из суда кадиев в суд торе-баши — на основе традиционного степного права. Однако влиятельное крымское духовенство выступило против и заставило хана отказаться от своего намерения (см. подробнее: Смирнов 2005: 248; Почекаев 2009). Последний крымский хан Шахин-Гирей (1777—1783) также провел реформу, учредив шесть наместничеств во главе с каймаканами в Бахчисарае, Ак-Мечети, Карасубазаре, Гезлеве, Кефе и Перекопе, которые, в свою очередь, были поделены на 44 судебных округа — кадилыка. В отличие от Мурад-Гирея, он не преследовал цель лишить судей-кади

полномочий, а, напротив, попытался придать им еще и статус административных чиновников в соответствующих округах, тем самым намереваясь поставить их под контроль светских ханских наместников (Лашков 1886: 22).

Наконец, нельзя не отметить, что на ханские prerogatives в судебной сфере оказывало известное влияние и политическое положение ханства по отношению к соседним державам, что в свое время никоим образом не сказывалось на внутренней судебной организации Золотой Орды. Большую часть своего существования Крымское ханство находилось в той или иной степени вассальной зависимости от Османской империи. Соответственно, представители Османов в Крыму — беи Кефе, — формально не вмешиваясь во внутреннюю политику ханов, все же имели определенное влияние на дела ханства, включая и судебную сферу. В некоторых случаях кафинские наместники заступались за приговоренных ханами крымских сановников, которые в глазах Османов являлись лояльными вассалами и проводниками турецких интересов в Крыму (Абдужемилев 2018b: 201). А иногда наместники Кефе влияли на ханов и при рассмотрении прошений о назначении пенсий и т.д. (Рустемов 2017: 128).

Лишь в отдельных случаях имели место обратные ситуации, когда крымские ханы своими решениями защищали жителей Крыма от произвола османских наместников. Так, в 1553 г. к хану Девлет-Гирею I в 1553 г. обратились жители одной из областей с жалобой, что с них, якобы, по воле османского сутана собирают подать с дыма (т.е., по сути, налог на жилье). Хан тут же обратился к султану Сулейману I Великолепному с заявлением, что такой налог в Крымском ханстве никогда не взимался, и добился от султана распоряжения османским чиновникам отменить его (Мустакимов 2019: 90). Еще один пример связан с вышеупомянутым видом имущества — военной добычей: к хану Ислам-Гирею III, вернувшегося из победоносного набега на Польшу, обратился представитель османского султана, потребовав передать ему всех пленных польских аристократов («гяурских беев»), на что хан также осмелился возразить, заявив, что это — по закону добыча его собственных беков, и они одни имеют право на получение выкупа за пленников (Абдужемилев 2016: 340—341).

В последние годы существования ханства аналогичную роль в Крыму играли дипломатические представители Российской империи, под протекторатом которой полуостров находился в 1774—1783 гг. Так, российские дипломаты заступались за несправедливо (по их мнению) наказанных крымских и ногайских мурз, считавшихся сторонниками России, и просили отменить наказание в их отношении (см., напр.: Дубровин 1885: 319). Когда Шахин-Гирей намеревался сурово наказать своих родственников и знать, восставших против него в 1782 г., российские власти, опять же, вмешались и заставили его смягчить свой приговор (СИРИО 1880: 231).

Таким образом, крымские ханы, подобно монархам Золотой Орды, обладали судебной компетенцией, более того, отправление правосудия и обеспечение справедливости даже официально являлось частью их правового статуса. Но по сравнению с золотоордынским периодом судебная власть Гиреев была существенно ограничена и мусульманскими судами, и высшей аристократией ханства, и представителями властей государств-соседей, что объясняется особенностями политического развития Крымского ханства, влиянием различных внутренних и внешних факторов.

Литература

- Абдужемилев Р.Р. 2016. *Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Абдужемилев Р. 2018а. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан». *Крымское историческое обозрение* 1, 179—195.
- Абдужемилев Р. 2018b. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан». *Крымское историческое обозрение* 2, 193—233.
- Абдужемилев Р. 2019. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан». *Крымское историческое обозрение* 1, 147—174.
- Абдулгаффар Кырыми. 2018. В: Каримова Ю.Н., Миргалеев И.М. (пер.). *Умдет ал-ахбар*. Кн. 2. *Перевод*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Абибуллаева Э.Э. 2016. К истории судебных реестров Крымского ханства. *Золотоордынская цивилизация* 9, 214—220.
- Али-заде А.А. 1976. Предисловие. Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.
- Аметка Ф.А. 2004. Судебная власть в Крымском ханстве в конце XV — середине XVIII вв. В: Куковальская Н.М. (ред.). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской международной конференции (12—16 сентября 2004 г.)*. Ч. II. Киев; Судак: Академперіодика, 6—15.
- Биярсланов М. 1889. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017—1022 хиджры (1608/9—1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления. *ИТУАК* 8, 41—51.
- Биярсланов М. 1890. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017—1022 хиджры (1608/9—1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления. *ИТУАК* 10, 74—78.
- [Броневский М.] 1867. В: Шершеневич И.Г. (пер.). Описание Крыма Мартина Броневского (Tartariae Descriptio). *ЗООИД* VI, 333—368.
- Грибовский В.В. 2009. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40—60-е годы XVIII в.). *Тюркологический сборник 2007—2008*, 67—97.
- [Д'Асколли Э.Д.] 1902. В: Пименов Н. (пер.). Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколли, префект Каффы, Татари и проч. 1634. *ЗООИД* XXIV. 1902. Отд. II, 89—180.
- [Де Лука Ж.]. 1879. В: Юрченко Н. (пер.). Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625 г.). *ЗООИД* XI, 473—493.
- Дубровин Н. 1885. *Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения*. Т. I. 1775—1777 гг. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Калашников В.М. 2013. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII — первой четверти XIX столетия). Днепропетровск: [б.и.].
- [Клееман Н.Э.] 1783. В: Одинцов И. (пер). *Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, а также в земли буджакских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 гг. с приобщением описания достопамятностей крымских*. Санкт-Петербург: Государственная военная коллегия.
- Лашков Ф.Ф. 1886. *Шагин-Гирей, последний крымский хан (исторический очерк)*. Киев: Типография А. Давиденко.
- Лашков Ф.Ф. 1895. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. *ИТУАК* 23, 118—129.
- Лашков Ф.Ф. 1896. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. *ИТУАК* 24, 72—137.
- Михалон Литвин 1994. В: Матузова В.И. (пер.), Хорошкевич А.Л. (отв. ред.). *О нравах татар, литовцев и москвитян*. Москва: Московский университет.
- Мустакимов И.А. 2019. Документы о разграничении податных территорий и податного населения между Высокой Портой и Крымским ханством в середине XVI в. *Средневековые тюрко-татарские государства* 11, 88—92.

- Орешкова С.Ф. 1990. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества. *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура*. Москва: Наука, 228—305.
- Пейссонель Ш.-К. де. 2013. В: Лотошникова В.Х. (пер.), Грибовский В.В. (вступ. ст., прим., коммент.). *Записка о Малой Татарии*. Киев: Институт украинской археографии и источниковедения НАН Украины.
- Почекаев Р.Ю. 2009. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея. *Тюркологический сборник 2007—2008*, 320—326.
- Рустемов О.Д. 2015. Образцы судебных решений (хукем) из судебных сборников Крымского ханства: особенности структуры и стиля. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика* 1, 55—62.
- Рустемов О.Д. 2016a. Лингвистическая составляющая в идентификации сословных титулов, званий, должностей населения Крымского ханства по материалам судебных реестров судов шариата XVII—XVIII вв. *Ученые записки Крымского федерального университета. Серия «Исторические науки»*, 2, 4, 63—79.
- Рустемов О.Д. 2016b. Проблемы в изучении крымских судебных реестров XVII—XVIII вв. *Золотоордынское обозрение* 3, 602—615.
- Рустемов О. 2017. *Кадияскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы*. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского.
- Сень Д.В. 2020. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII в. — XVIII в.): Избранные труды*. Ростов-на-Дону: Альтаир.
- СИРИО. 1880. Т. XXVII.
- Смирнов В.Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в.* Москва: Рубежи XXI.
- Трепавлов В.В. 2020. *История Ногайской Орды*. Москва: Квадрига.
- Фаизов С.Ф. 2003. *Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654—1658*. Москва: Гуманитарий.
- Фиркович З.А. 1890. *Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов*. Санкт-Петербург: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского.
- Хартахай Ф. 1866. Историческая судьба крымских татар. *Вестник Европы* II, 182—236.
- Хартахай Ф. 1867. Историческая судьба крымских татар. *Вестник Европы* II, 140—174.
- [Эвлия Челеби] 1996. В: Кизилов М.Б. (пер.). *Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641—1667 гг.)*. Симферополь: Таврия.
- Эвлия Челеби. 2008. В: Бахревский Е.В. (пер.). *Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Симферополь: ДОЛЯ.
- Çiğdem R. 2005a. Crimes threatening bodily integrity (assault and battery): a legal analysis of four cases from the juridical registers of the Bakhchisaray/Crimea law court. *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi* 54, 61—71.
- Çiğdem R. 2005b. Khul or Dissolution of Marriage by a Woman: A Historical Background and Two Cases from the Bakhchisaray/Crimea Court. *Dokuz Eylül Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi* 21, 95—115.
- Çiğdem R. 2005c. The Judicial Registers of the Bakhchisaray/Crimea Law Court: A Study of Murder Crimes. *Hamdard Islamicus* 28, 4, 41—53.
- Çiğdem R. 2010. Two juridical records of the Bakhchisaray law-court: A study of fornication. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 63, 2, 179—196.
- Çiğdem R. 2011. Tax law in Crimea in the light of two yarliks. *Russian History* 38, 4, 429—466.
- Krolikowska-Jedlinska N. 2015. Foreigners in front of the Crimean khan's courts in the seventeenth and eighteenth centuries. *International Crimes and History* 16, 139—154.
- Krolikowska-Jedlinska N. 2018. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532—1774). With Special Reference to the Reign of Murad Giray (1678—1683)*. Leiden; Boston: Brill.

References

- Abduzhemilev, R.R. 2016. *Khronika Mehmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoy khudozhestvennoy literatury XVII v. (The chronicle of Mehmede Senai as a monument of literature o the Crimean tatars of the 17th c.).* Kazan: Institut istorii imeni Sh. Majani AN RT (in Russian).
- Abduzhemilev, R. 2018a. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 1, 179—195 (in Russian).
- Abduzhemilev, R. 2018b. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 2, 193—223 (in Russian).
- Abduzhemilev, R. 2019. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 1, 147—174 (in Russian).
- Abdulgaffar Kyrymi. 2018. In: Karoimova, Yu.N., Mirgaleev, I.M. (transl.). *Umdet al-akhbar. Bk. 2. Perevod (Translation).* Kazan: Institut istorii im. Sh. Majani AN RT (in Russian).
- Abibullaeva, E.E. 2016. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (The Golden Horde civilization)* 9, 214—220 (in Russian).
- Ametka, F. 2004. In: Kukoval'skaya, N.M. (ed.). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kulture: Materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy konferentsii (12—16 sentyabrya 2004 g.) (Black Sea Region, Crimea and Rus' in the history an culture: Materials of the Second Sudak International Conference (September 12—16, 2004)),* pt. II. Kiev; Sudak, Akademperiodika, 6—15 (in Russian).
- Biyarslanov, M. 1889. In *Izvestiya Tavricheskoy uchyonoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Taurian scientific archival commission)* 8, 41—51 (in Russian).
- Biyarslanov, M. 1890. In *Izvestiya Tavricheskoy uchyonoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Taurian scientific archival commission)* 10, 74—78 (in Russian).
- Broniowski, M. 1867. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of history and antiquities)* 6, 333—368 (in Russian).
- Gribovsky, V. 2009. *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkic Studies Collection)* 2007—2008, 67—97 (in Russian).
- [D'Ascoli, E.D.] 1902. In *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of history and antiquities)* 24, 89—180 (in Russian).
- [De Luca, J.] 1879 In *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of history and antiquities)* 11, 473—493 (in Russian).
- Dubrovin, N. 1885. *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma, relyatsii i doneseniya (Joining the Crimea to Russia. Rescripts, letters, communiqués and reports).* Vol. I. 1775—1777 gg. (1775—1777). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).
- Kalashnikov, V.M. 2013. *Britanskiy vzglyad na Krym (khroniki, memuary, dnevniki XVII — pervoy chetverti XIX stoletiya) (British view on Crimea (chronicles, memoirs, diaries of the 17th — first quarter of the 19th centuries).* Dnepropetrovsk: [s.n.] (in Russian).
- Kleeman, N.E. 1783. *Kleemanovo puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuyu Kiliyu, a takzhe v zemli budzhakskikh i nagaikikh tatar i vo ves' Krym, s vozvratom cherez Konstantinopol', Smirnu i Triest v Avstriyu. V 1768, 1769 i 1770 gg. S priobshcheniev dostopamyatnostey krymskikh (The voyage of Kleeman from Vienna to Belgrad and New Kilia as well as to the lands of Budjak and Nogay Tatars and to Crimea in general, with return through Constantinople, Smirna and Triest to Austria. In 1768, 1769 and 1770. With addition of the Crimean memorabilities).* Saint Petersburg: Gosudarstvennaya voyennaya kollegiya (in Russian).
- Lashkov, F.F. 1886. *Shagin-Girey, posledniy krymskiy khan (istoricheskiy ocherk) (Shahin Geray, the last Crimean khan (historical essay).* Kiev: Tipografiya A. Davidenko (in Russian).
- Lashkov, F. 1895. In *Izvestiya Tavricheskoy uchyonoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Taurian scientific archival commission)* 23, 118—129 (in Russian).
- Lashkov, F. 1896. In *Izvestiya Tavricheskoy uchyonoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Taurian scientific archival commission)* 24, 72—137 (in Russian).
- Mikhalon Litvin 1994. In: Matuzova, V.I. (transl.). *O npravakh tatar, litovtsev i moskvityan (On customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites).* Moscow: Moskovskiy universitet (in Russian).
- Mustakimov, I.A. 2019. In *Srednevekovye turko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatr States)* 11, 88—92 (in Russian).
- Oreshkova, S.F. 1990. In: *Osmanskaya imperiya: gosudarstvennaya vlast' i sotsial'no-politicheskaya struktura (The Ottoman Empire: state power and social-political structure).* Moscow: Nauka, 228—305 (in Russian).

- de Peyssonel, Ch. 2013. In: Lotoshnikova, V.Kh. (transl.), Gribovskiy, V.V. (ed.). *Zapiska o Maloy Tatarii (Note on the Little Tartaria)*. Kiev: Institute of the Ukrainian archeography and source study of National Academy of Science of the Ukraine (in Russian).
- Pochekaev, R. 2009. In *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkic Studies Collection)* 2007—2008, 320—326 (in Russian).
- Rustemov, O.D. 2015. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie (St. Petersburg University Herald. Series 13: Oriental Studies)* 1, 55—62 (in Russian).
- Rustemov, O. 2016a. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" (Proceedings of the Crimean Federal University. Series "History")* 2, 4, 63—79 (in Russian).
- Rustemov, O.D. 2016c. In *The Golden Horde Review* 4, 3, 602—615 (in Russian).
- Rustemov, O.D. 2017. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo khanstva: issledovaniya, teksty i perevody (Kadiasker books of the Crimean Khanate: studies, texts and translations)*. Simferopol: Mediatsentr im. I. Gasprinskogo (in Russian).
- Sen', D.V. 2020. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranich'e: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII v. — XVIII v.): Izbrannye trudy (Russian-Crimean-Ottoman Borderland: areas, phenomena, people (ending of the 17th — 18th centuries). Selected works)*. Rostov-on-Don: Altair (in Russian).
- SIRIO 1880: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva (Collected works of the Imperial Russian Historical Society)*. Vol. XXVII (in Russian).
- Smirnov, V.D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoy Porty tdo nachala XVIII v. (Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Empire till the beginning of the 18th c.)*. Moscow: Rubezhi XXI (in Russian).
- Trepavlov, V.V. 2020. *Istoriya Nogayskoy Ordyy (History of the Nogay Horde)*. Moscow: Kvadriga (in Russian).
- Faizov, S. 2003. *Pis'ma khanov Islam-Gireya III i Mukhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhailovichu I korolyu Yanu Kazimiru. 1654—1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni (Letters by Khans Islam Giray III and Mehmed Giray IV to Tsar Aleksey Mikhailovich and King Jan Casimir. 1654—1658. Crimean Tatar diplomacies within the context of post-Pereyaslav period)*. Moscow: Gumanitariy (in Russian).
- Firkovich, Z.V. 1890. *Sbornik starinnykh gramot i uzakoneniy Rossiyskoy imperii kasatel'no prav b sostoyaniya russko-piddannykh karaimov (Collection of ancient edicts and statements of the Russian Empire on rights and status of Karaites as Russian subjects)*. Saint Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo (in Russian).
- Khartakhai, F. 1866. In *Vestnik Evropy (European Herald)* 2, 182—236 (in Russian).
- Khartakhai, F. 1867. In *Vestnik Evropy (European Herald)* 2, 140—174 (in Russian).
- Evliya Chelebi. 1996. In: Kizilov, M.B. (transl.). *Kniga puteshestviy Evlii Chelebi. Pokhody s tatarami i puteshestviya po Krymyu (1641—1667 gody) (Book of Travels by Evliya Çelebi. Campaigns with the Tatars and Travels through Crimea (1641—1667))*. Simferopol: Tavriya (in Russian).
- Evliya Chelebi. In: Bakhrevskiy, E.V. (transl.). *Kniga puteshestviya. Krym I sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka (Book of Travels. Crimea and the Neighbouring Regions. Abstracts from the Work by a Turkish Traveler of the 17th century)*. Simferopol: DOLYA (in Russian).
- Çiğdem, R. 2005a. Crimes threatening bodily integrity (assault and battery): a legal analysis of four cases from the juridical registers of the Bakhchisaray/Crimea law court. *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi* 54, 61—71.
- Çiğdem, R. 2005b. Khul or Dissolution of Marriage by a Woman: A Historical Background and Two Cases from the Bakhchisaray/Crimea Court. *Dokuz Eylül Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi* 21, 95—115.
- Çiğdem, R. 2005c. The Judicial Registers of the Bakhchisaray/Crimea Law Court: A Study of Murder Crimes. *Hamdard Islamicus* 28, 4, 41—53.
- Çiğdem, R. 2010. Two juridical records of the Bakhchisaray law-court: A study of fornication. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 63, 2, 179—196.
- Çiğdem, R. 2011. Tax law in Crimea in the light of two yarliks. *Russian History* 38, 4, 429—466.
- Krolikowska-Jedlinska, N. 2015. Foreigners in front of the Crimean khan's courts in the seventeenth and eighteenth centuries. *International Crimes and History* 16, 139—154.
- Krolikowska-Jedlinska, N. 2018. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532—1774). With Special Reference to the Reign of Murad Giray (1678—1683)*. Leiden; Boston: Brill.

УДК 94(47).043

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.83.49.025

Н.В. Белов, А.Б. Белова

ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 г.*

В статье анализируются события военной кампании сентября—октября 1565 г. на русско-крымском пограничье. Расширение источниковой базы за счет обращения к неопубликованным частным разрядным книгам, посольским книгам, новооткрытому летописцу дворян Загряжских, а также использование новейших военно-исторических методик позволили впервые рассмотреть такие важные вопросы, как действие русской разведки осенью 1565 г., причины местнического конфликта в армии кн. И.Д. Бельского, отступления крымского войска и др. Комплексное изучение Болховской кампании позволило прийти к следующим выводам. Поход крымского хана Девлет-Гирея I на русские земли осенью 1565 г. стал очередной вехой затяжного военного противостояния двух государств — Крымского ханства и Российского царства. В результате конфликта хана с представителями татарского служилого сословия поход, первоначально задуманный как политическая акция, превратился в грабительский набег, имевший целью добычу ясыря. Девлет-Гирей I обманул ожидания московского командования, нанеся удар по слабо защищенной Болховской крепости. Однако умелые действия русской разведки помогли отследить пути движения крымского войска и предотвратить прорыв татарских контингентов в южные районы страны. Приближение посланной навстречу крымцам армии кн. И.Д. Бельского вынудило Девлет-Гирея I снять осаду Болхова и, не принимая большого сражения, отступить в Степь. В Приложении публикуются выдержки из Летописца Загряжских и Разрядной книги Болтиных с новыми сведениями о Болховской кампании 1565 г.

Ключевые слова: Московское царство, Крымское ханство, Иван IV Грозный, Девлет-Гирей I, русско-татарские войны, воеводский корпус, военно-служилая аристократия, опричнина, местничество.

Сведения об авторах: Белов Никита Васильевич¹, НОУ «УВК "Взмах"»; Белова Анна Борисовна², Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

Контактная информация: ¹198216, г. Санкт-Петербург, Трамвайный пр., д. 20, НОУ «УВК "Взмах"»; e-mail: belovnikita1997@yandex.ru; ²199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук; e-mail: beloniria@mail.ru.

N.V. Belov, A.B. Belova

THE CAMPAIGN OF DEVLET GIRAY I TO THE RUSSIAN LANDS AND THE DEFENSE OF BOLKHOV IN OCTOBER 1565

The article analyzes the events of the military campaign of September—October 1565 on the Russian-Crimean border. Presently, the historical record database expands greatly with unpublished private rank books, ambassadorial books, as well as newly discovered Chronicle of the nobles of Zagryazhski. The authors who use the newest research methods in military historiography make the first ever attempt to consider such substantial issues as the actions of Russian reconnaissance in the mid-fall of 1565, the causes of the regional conflict in the army of Prince Ivan D. Belsky, and the retreat of the Crimean army to mention but a few. As a result of comprehensive study of the Bolkhov campaign, they have reached the following

* Статья поступила в номер 15 декабря 2021 г.
Принята к печати 30 декабря 2021 г.

conclusions. The campaign of the Crimean Khan Devlet Giray I to the Russian lands was another milestone of the protracted military confrontation between the two states, the Crimean Khanate and the Russian Tsardom. As a result of the conflict between khan and representatives of the Tatar noble class, the campaign conceived primarily as a political action turned into a robbery raid aimed at taking prisoners. At first, Devlet Giray I deceived the expectations of the Russian command by attacking the poorly defended Bolkhov fortress. However, the skillful actions of the Russian intelligence helped to track the paths of the Crimean army and prevent the Tatar contingents from breaking through to the south of the country. The approach of the army of Prince Ivan D. Belsky who was sent to meet the Crimeans forced Devlet Giray I to lift the siege of Bolkhov and, without taking a big battle, retreat to the Steppe. In the addendum, excerpts from Chronicle of Zagryazhski and Rank Book of the Boltins are cited, with some new data on the Bolkhov campaign.

Key words: Moscow State, Crimean Khanate, Ivan IV the Terrible, Devlet Giray I, Russian-Tatar wars, voivods' corps, military-serving aristocracy, oprichnina, mestnichestvo.

About the authors: Belov Nikita Vasilyevich¹, “Vzmakh” Educational Complex; Belova Anna Borisovna², Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: ¹198216, Russia, St. Petersburg, 20 Tramvayni Proezd St., “Vzmakh” Educational Complex; e-mail: belovnikita1997@yandex.ru; ²199034, Russia, St. Petersburg, 4 Naberezhnaya Makarova St., Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; e-mail: beloniria@mail.ru.

Светлой памяти Юрия Георгиевича Алексеева (1926—2017) посвящается

Середина 1560-х гг. стала временем серьезных изменений во внутри- и внешнеполитической жизни Московского государства, заложивших объективные предпосылки и, отчасти, ставших непосредственной причиной долгосрочного системного кризиса конца правления царя Ивана IV Грозного. Введение в январе 1565 г. опричнины нанесло серьезный удар по традиционному политическому укладу Российского царства, нормальному функционированию Государева двора и всей военно-служилой корпорации, нарушило привычный диалог царской власти с высшим духовенством и органами земского самоуправления. Ситуация усугублялась обострением внешнеполитического положения страны. На западном «фронте» продолжалась тяжелая война с Великим княжеством Литовским. Триумфальное взятие Иваном Грозным в феврале 1563 г. литовского города Полоцка вскоре омрачилось чувствительным поражением русского войска на реке Уле 26 января 1564 г. Последовавшая затем «стабилизация фронта», во многом связанная с поразившей русско-литовское пограничье масштабной чумной эпидемией, к лету 1565 г. позволила царскому правительству высвободить значительный воинский контингент с литовских «украин» для его переброски на гораздо более важное и уязвимое южное направление (Янушкевич 2013: 103—106; Филюшкин, Кузьмин 2017: 49—63; Пенской 2019: 134—170; Волков 2020: 136—145).

Начавшаяся летом 1552 г. «Война двух царей»¹ — русского царя Ивана IV и крымского хана Девлет-Гирея I — тянулась с переменным успехом вот уже более десяти лет. Очередной виток русско-крымского противостояния пришелся на 1564 г.: осенью этого года подстрекаемый собственной знатью Девлет-Гирей I совершил масштабный набег на рязанские земли и едва не взял саму Рязань. В июне следующего 1565 г. в Москву были доставлены грамоты Девлет-Гирея I, адресованные царю Ивану. Хан требовал увеличения присылаемых в Крым «поминков» и доведения их объемов до уровня «Магмет-Киреевских»

---

¹ Термин введен В.В. Пенским для обозначения растянувшейся на четверть столетия вооруженной борьбы Русского царства и Крымского ханства в 1552—1577 гг. за передел сфер влияния на постордынском пространстве (Пенской, Пенская 2019).

(т.е. — бывших при хане Мухаммед-Гирее в начале 1520-х гг.), а также просил царя уступить Казань и Астрахань (Виноградов 2007: 54—55; Пенской 2012а: 139—147). На непомерно завышенные требования Девлет-Гирея I Иван IV ответил категоричным отказом. Стало ясно, что хан, скорее всего, попытается оказать давление на несговорчивого московского соседа. Итогом неудачной дипломатической дуэли стала очередная военная кампания. И на этот раз главным боестолкновением предстояло развернуться на западном участке крымской «украины», в районе небольшого укрепленного города Болхова.

События Болховской кампании (рис. 1) сентября—октября 1565 г. неоднократно привлекали внимание исследователей. К ним обращались в связи с рассмотрением начального этапа опричной политики Ивана Грозного (Садиков 1950: 25; Зимин 1964: 156; Скрынников 1992: 266, 289—290), первого боевого выхода опричных войск (Кобрин 2008: 103; Курукин, Булычев 2010: 149, 179; Володихин 2011: 125; 2014: 254), биографий «больших государевых воевод» князей И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского, И.П. Шуйского и Д.И. Хворостинина (Каргалов 2002: 67; Преснякова 2013: 48; Володихин 2014: 18, 104—105; 2020а: 92; 2020b: 279—280), местнического «дела» князя И.А. Шуйского (Абрамович 1991: 109; Козляков 2007: 33—34; Аксаян 2020: 131; Белов 2021b), русско-крымских и русско-литовских отношений середины 60-х гг. XVI в. (Новосельский 1948: 22; Загоровский 1991: 147; Граля 1994: 292; Волков 2001: 112; 2005: 242; 2016: 60; Хорошкевич 2003: 429; Филлюшкин 2007: 414—415; Пенской 2019: 172—173), истории г. Болхова (Неделин 2012: 22—23) и др.² К настоящему времени наиболее обстоятельно ход крымского набега, его подготовка и дипломатические последствия получили освещение в работах А.В. Виноградова (Виноградов 2007: 56—57) и, в особенности, В.В. Пенского (Пенской 2012а: 148—152). В недавнее время А.М. Молочников и М.А. Несин предприняли новую попытку восстановить хронологию прихода крымского «царя» под Болхов, на наш взгляд, крайне неудачную и плохо согласующуюся с данными источников (Молочников, Несин 2019: 184—185).

Тем не менее, отдельные аспекты Болховской кампании не получили освещения в литературе. Вопросы о численности сторон, действии русской разведки в «поле», маршрутах ханской и царской армий, наконец, причинах поспешного бегства Девлет-Гирея I из-под Болхова в специальных работах практически не затрагивались. В рамках настоящей статьи мы предпримем попытку комплексного рассмотрения военных действий на южной границе Российского государства, привлекая как ранее известные, так и впервые вводимые в оборот архивные источники.

Основные сведения о Болховской кампании осени 1565 г. содержатся в официальном летописании и разрядных книгах. Летописный рассказ о набеге Девлет-Гирея I дошел до наших дней в составе Александро-Невской летописи — копии непереpletенной финальной части Лицевого летописного свода (в том числе его Синодального тома), выполненной в середине XVII в. и сохранившей те фрагменты оригинального текста, которые в настоящее время признаны безвозвратно утраченными (Богданов, Пентковский 1984)³. Разрядные источники более многочисленны. Краткий вариант интересующего нас разрядного текста представлен в официальном Государевом разряде второй половины XVI в. (РК 1966: 221—

² Участие в Болховском походе крымского полководца Дивея мурзы упомянуто в новейшем биографическом очерке со ссылкой на неопубликованные посольские книги по связям России с Крымом (Бахтин 2021: 403).

³ Интересующий нас фрагмент Александро-Невской летописи опубликован в составе «Полного собрания русских летописей» дважды. Первый раз — при восполнении пропусков Синодального тома (подг. текста С.Ф. Платонова) (ПСРЛ 1906: 398—399), а затем повторно — при издании полного текста Александро-Невской летописи (подг. текста А.Г. Кузьмина) (ПСРЛ 1965: 347—348). В настоящей статье мы даем ссылки на вторую, более современную и исправную, публикацию.

224), пространный — в компилятивной частной Разрядной книге 1475—1605 гг., окончательно сложившейся к 20-м — началу 40-х гг. XVII в. (РК 1981: 200—208)⁴. Их сведения в ряде случаев могут быть дополнены по другим частным разрядным книгам и документам разрядного происхождения. Отрывочные сообщения о походе читаются также в посольской документации по связям России с Крымом и Литвой. Вместе эти источники дают хотя и не исчерпывающее, однако же весьма подробное представление о подготовке кампании, ходе боевых действий и их влиянии на последующие международные отношения.

В ожидании татарского нашествия

16 сентября стоявший на Конских Водах (ныне — р. Конка в Запорожской области) Девлет-Гирей I с основными силами отправился в поход на русские земли (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 51 об. — 52 об.)⁵.

В Москве еще не знали о выдвижении крымской орды. Тем не менее, с началом нового 7074 г. московское правительство решило укрепить оборону южных рубежей. 2 сентября в приказной канцелярии был составлен разрядный список новых воевод, направленных в приграничные крепости. На городовую службу они должны были заступить с Никитина дня (15 сентября) (РК 1966: 221; РК 1981: 201—203). Можно полагать, что составленный в Разрядном приказе список не вполне удовлетворил царя Ивана. Уже 13—14 сентября по его приказу в ряд городов крымской «украины» были посланы грамоты о перемене некоторых воевод (РК 1966: 221—222; РК 1981: 201). С какой целью была произведена данная кадровая перестановка — не вполне ясно. С точки зрения П.А. Садикова, Иваном IV была осуществлена «частичная чистка командного состава в действующих войсках», напрямую связанная с кадровыми «перетасовками» первых месяцев существования опричнины (Садиков 1950: 25). Д.М. Володихин совершенно справедливо, на наш взгляд, усомнился в столь однозначной трактовке разрядных записей, отметив, что «перемещения могут объясняться не только “чисткой”, но и простыми тактическими или же административными соображениями» (Володихин 2009а: 79; 2011: 125). Анализ служебных карьер отозванных по воле царя воевод и правда не дает оснований для столь категоричных выводов. Ни один из них не подвергся опале в первые годы опричнины, по крайней мере, вплоть до широкомасштабного следствия по «делу» И.П. Федорова-Челяднина лета 1568 г. Создается устойчивое впечатление, что назначения новых воевод в «украинные» города не являлись совокупным воплощением какого-либо единого царского замысла, а происходили

⁴ Основные этапы складывания этого источника подробно освещены в работе: (Анхимюк 2005: 151—210).

⁵ Очевидно, Девлет-Гирей I колебался, выступая в поход против Московского государства. По сообщению русского посла в Крыму А.Ф. Нагого, в самом начале экспедиции хан встретил на «поле» царского гонца С. Бортенева и хотел приостановить движение своей армии, однако под напором всей «земли» был вынужден уступить и продолжить свой путь (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 29 об.), подробно см.: (Виноградов 2007: 56). Два года спустя в послании царю Ивану IV сын Девлет-Гирея I калга Мухаммед также утверждал, что, стоя с отцом на Конских Водах, попытался отговорить его от похода в русские земли. Это встретило сопротивление «воинских людей», которые «царя (Девлет-Гирея I. — Н.В., А.Б.) и меня не послушали — не воротились» (ПКМК 2016: 99). Конфликт хана со знатью на Конских Водах, по всей видимости, привел к изменению цели боевой экспедиции. Если изначально Девлет-Гирей I своим набегом планировал «надавить» на несговорчивого Ивана IV и, кроме того, исполнить обязательства перед союзником — польско-литовским королем Сигизмундом II Августом (Филюшкин 2007: 414—415), то после его встречи с Бортеневым необходимость в столь масштабном военном предприятии как будто отпадала. Однако внезапный для Девлет-Гирея I протест «всей земли», требовавший продолжения похода в расчете на приобретение богатого ясыря, вынудил его все-таки выступить по направлению к московской границе. Политические мотивы задуманной ханом кампании отступили на второй план. Вынужденно пойдя на поводу у собственной знати, Девлет-Гирей I объявил о начале грабительского набега на русские земли.

непоследовательно и во многом случайно (табл. 1). Так, в Михайлове и Карачеве они привели к явному «понижению» качества городских воевод, в Одоеве, напротив, этот показатель заметно «улучшился». Трое новых воевод — кн. А.В. Репнин, кн. Н.Р. Одоевский и Ю.Ф. Морозов — во время счастливого для царя Ивана IV Полоцкого похода 1562/63 г. находились непосредственно при особе государя и должны были пользоваться его несомненным доверием⁶.

Таблица 1. Перемена воевод «украинных» городов 13—14 сентября 1565 г.⁷

Город	Воеводы до 13—14 сентября	Воеводы после 13—14 сентября
Пронск	кн. В.Д. Палецкий (с 1561 г., 2 назначения, боевой опыт неизвестен)	кн. Ф.М. Троекуров (с 1562 г., 1 назначение, участник взятия Полоцка)
Михайлов	Ф.В. Шереметев (с 1555 г., ок. 13 назначений, участник походов в Ливонию и взятия Полоцка)	кн. А.В. Репнин (с 1562 г., 3 назначения, участник взятия Полоцка)
Дедилов	кн. Ф.М. Трубецкой (с 1562 г., 2 назначения, участник взятия Полоцка)	кн. Н.Р. Одоевский (с 1562 г., 2 назначения, участник взятия Полоцка)
	кн. Ф.И. Татев (с 1551 г., более 10 назначений, участник походов на Казанское ханство и Литву, взятия Полоцка)	Ф.А. Карпов (с 1554 г., 6 назначений, участник походов в казанские земли и Ливонию, взятия Полоцка)
Мценск	кн. Ф.В. Сисеев (с 1554 г., ок. 10 назначений, участник похода в казанские земли)	Г.Н. Борисов Бороздин (с 1551 г., ок. 5 назначений, участник взятия Полоцка)
Одоев	кн. В.Ю. Голицын Булгаков (с 1562 г., 2 назначения, участник взятия Полоцка)	В.В. Ложкин Карпов (с 1558 г., ок. 10 назначений, участник походов в Ливонию и взятия Полоцка)
Болхов	кн. И.А. Золотой Оболенский (с 1559 г., 4 назначения, участник походов в Ливонию)	кн. В.В. Приимков Ростовский (с 1558 г., 6 назначений, участник походов в Ливонию)
Карачев	М.А. Карпов (с 1558 г., 4 назначения, участник походов в Ливонию)	Ю.Ф. Морозов (с 1562 г., 1 назначение, участник взятия Полоцка)

15 сентября на совещании царя с Боярской думой был принят приговор, по которому в «боевую готовность» приводился центр русской обороны на южной границе. В Туле и Михайлове должны были разместиться три полка под командой опытных воевод — бояр кн. М.И. Воротынского, И.П. Хирона Яковлева и И.В. Меньшого Шереметева. Им надлежало «беречь» государеву «украину» и, в случае обнаружения неприятеля, «ходить по вестям», «сходясь» с остальными «украинными» воеводами, для нанесения упреждающего удара. Общее командование операцией возлагалось на двоюродного брата царя, удельного князя Владимира Андреевича Старицкого (РК 1966: 222; РК 1981: 203—204). Из текста этого приговора можно сделать два принципиально важных вывода о планах русского командования относительно хода грядущей военной кампании. Прежде всего — о предполагаемом направлении главного удара крымских войск. В Москве, очевидно,

⁶ О благотворном влиянии Полоцкого похода на дальнейшие судьбы некоторых представителей служилого сословия см.: (Володихин 2011: 171, 217, 254; 2016: 601, 603; 2018: 127—129; Подчасов 2015). См. также на примере воеводских «карьер» князей И.Д. Бельского (Преснякова 2013: 46—47), Ф.М. Трубецкого (Подчасов 2018: 19), И.А. Шуйского (Аксаньян 2020: 130, 134), А.П. Телятевского (Володихин 2009b: 92—93), Аф.И. Вяземского (Володихин 2016: 279), Ал.И. Вяземского Глухого (Некрасова 2016: 10—11), дворянина М.А. Безнина (Володихин 2016: 296—299).

⁷ Составлено по: (РК 1966; РК 1981; Петров 2004).

полагали, что крымские татары пойдут наиболее короткой дорогой, по междуречью Дона и Оки, и далее — по направлению к Туле или Рязани. Именно тульские и рязанские земли были основательно прикрыты трехполковой ратью князей Старицкого и Воротынского, и именно на этих направлениях воеводам предписывалось вести наиболее тщательную «степную» разведку. Кроме того, в приговоре содержалось косвенное указание и на предполагавшийся размер крымского войска: «только придут на которые места царевичи...» (РК 1966: 222; РК 1981: 204). Скорее всего, вероятность прихода самого крымского хана в Москве оценивалась как весьма незначительная. Этим может объясняться и довольно скромная численность размещенной в Туле и Михайлове полевой армии (три полка с тремя воеводами). Соединившись с воеводами «украинных» городов, такая воинская группировка вполне могла противостоять относительно немногочисленному войску крымских «царевичей», но — не самого «царя»⁸.

Справедливости ради стоит сказать, что Иван IV и его правительство решили перестраховаться и приговорили, что в случае неожиданного прихода «царя крымского» или «больших крымских людей», т.е. более серьезного боевого контингента, на Коломну будут немедленно посланы дополнительные воинские силы во главе с руководителями земской Думы, первыми аристократами царства, кн. И.Д. Бельским, И.Ф. Мстиславским, П.М. Щенятевым и В.С. Серебряным. В условиях масштабного крымского набега, стоя на берегах Оки, в тылу тульско-михайловской «группировки» князя Владимира Старицкого, они составляли бы своеобразный резерв, отряд прикрытия, защищавший подступы к столице и при необходимости способный оказать поддержку передовой линии обороны. В соответствии с текстом нового приговора, датированного 19 сентября, в случае военной опасности воеводам предписывалось действовать по собственному разумению, без оглядки на Москву, «государевым делом промышлять, смотря по тамошнему делу» (РК 1966: 222; РК 1981: 204).

На этом основные военные приготовления были завершены. 21 сентября Иван Грозный в сопровождении царицы Марии и сыновей Ивана и Федора покинул столицу. Он направился в Троице-Сергиев монастырь, где должен был присутствовать на торжественном богослужении по случаю дня памяти преподобного Сергия Радонежского (25 сентября). В дальнейшем царь намеревался совершить традиционный ежегодный объезд замосковных городов: его путь лежал «в Олександровскую слободу, а из слободы в Переславль, в Ростов, в Ярославль, на Вологду»⁹. На время царской поездки власть в Москве сосредотачивалась в руках земских бояр, должных «дела воинские и всякие земские (государственные. — Н.Б., А.Б.) дела управлять». В случае, если худшие опасения оправдаются, и орда Девлет-Гирея I обрушится на южные рубежи страны, бояре должны были немедленно послать к государю гонца, а сами, в полном соответствии с приговором 19 сентября, не мешкая выступить на Оку (ПСРЛ 1965: 347).

Никто в Москве не знал, что в тот день, когда царь Иван уезжал на богомолье, далеко в степи, в самом начале Изюмского шляха, на берегах Северного Донца русские станичники заметили войско крымского хана. До масштабного татарского вторжения на Русь оставались считанные дни. Тревожное ожидание завершилось, наступила пора решительных действий.

⁸ Двумя годами ранее, в 1563 г., подобный трехполковый заслон успешно отразил набег двух крымских «царевичей», пришедших к крепости Михайлов (Пенской 2012а: 137—138). В тот раз русская разведка, возможно, несколько преувеличенно оценила численность пришедшего с «царевичами» воинского контингента в 10 тыс. всадников (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 111). В целом, во второй половине 60-х — первой половине 70-х гг. XVI в. нападавшие на русскую «украину» отряды ханских сыновей, согласно данным пограничных сторожей, обыкновенно насчитывали до 6—7 тыс. человек (Белов 2020b: 179—180).

⁹ О маршрутах и времени паломнических поездок Ивана IV см.: (Мельник 2018).

Поход Девлет-Гирея I и подготовка к обороне русских «украин»

Весть о надвигающейся беде пришла в столицу на восьмой день после отъезда Ивана IV в Троицкую обитель. 29 сентября в Москву прибыл гонец от путивльского наместника князя Г.Ф. Мещерского. Доставленные им сведения были весьма тревожны: восемью днями ранее, 21 (по другим сведениям — 20) сентября, крымских татар видели на переправах через Северный Донец. Все говорило о том, что это — не рядовой набег отдельных «царевичей», а масштабное военное предприятие. По словам станичников, сакмы (пути следования татарского войска) были «биты до черные земли», то есть — сильно вытоптаны. Видели станичники и следы «болших телег», на которых перевозился пушечный наряд, наблюдали в ночи горение «многих огней», слышали доносившуюся из крымского лагеря ружейную и пушечную пальбу. Всего этого было вполне достаточно, чтобы заключить: в поход на русские земли отправился сам крымский хан (ПСРЛ 1965: 348; РК 1966: 223; РК 1974: 43; РК 1975: 154; РК 1981: 205).

О том, каких размеров воинский контингент оказался под знаменами Девлет-Гирея I, сказать можно лишь приблизительно. Из расспросных речей взятых под Болховом крымских «полоняников» известно, что вместе с ханом на Русь пришли «дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей царевич, а с ними все крымские люди» (ПСРЛ 1965: 348). О мобилизации «всего войска» Крымского ханства впоследствии писал Ивану IV и русский посол в Крыму А.Ф. Нагой (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 29 об.). По-видимому, в осенний поход 1565 г. собралась довольно значительная часть воинов Крымского ханства. По подсчетам В.В. Пенского, в середине — третьей четверти XVI в. Девлет-Гирей I мог выставлять в большие походы до 35—40 тыс. конных воинов (Пенской 2014: 702)¹⁰. Но это — скорее исключение, обыкновенно татары на «русском направлении» действовали куда более скромными силами. Если верить данным самого Ивана IV, полученным, скорее всего, от обнаруживших крымскую орду путивльских станичников, под началом Девлет-Гирея I осенью 1565 г. собралось «тысеч с пятнатцать или з дватцать» (СРИО 1892: 344). Полагаем, названная царем цифра вполне соответствовала истине. Во всяком случае, у царя Ивана не было никакой нужды преуменьшать размер крымского войска¹¹. Если же мы вспомним, что двумя годами ранее все те же крымские «царевичи» Мухаммед и Адыл Гирей вкуче с Дивеем мурзой и еще некоторыми крымскими «князьями» совершили набег на окрестности Михайлова, имея, по сообщению русской разведки, 10 тыс. бойцов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 111), названная Иваном IV усредненная цифра ханского войска получит дополнительное косвенное подтверждение¹². Помимо конных татар в поход осени 1565 г. отправилась ханская артиллерия. Из показаний источников явствует, что в распоряжении Девлет-Гирея I имелись не только легкие орудия, но и тяжелый наряд, используемый татарами в том числе для разрушения крепостных укреплений (ПСРЛ 1965: 348)¹³. По резонному предположению В.В. Пенского, вместе с ханом на Русь отправилась и его «гвардия» — организованный на манер турецких янычар корпус мушкетеров-тюфенгджи, насчитывавший порядка 1000 человек (Пенской 2012а: 150)¹⁴.

¹⁰ Сходные подсчеты см. также: (Шейхумеров 2019: 73—76).

¹¹ В настоящее время принято говорить о «корпоративном авторстве» дипломатических посланий Ивана IV (Моисеев 2021: 793—794). В таком случае интересующие нас числовые данные могли быть озвучены как самим государем, так и сотрудником Посольского приказа, равно имевшими доступ к бумагам Царского архива.

¹² Для сравнения, в 1588 г. по данным русского посланника в Крыму И.А. Судакова, хан Ислам-Гирей II с сыном отправились в набег на Литву, имея под своими знаменами около 18 тыс. всадников (Лашков 1891: 68).

¹³ Об артиллерии Девлет-Гирея I см.: (Пенской 2014: 704—705; Шейхумеров 2019: 56).

¹⁴ Об организации ханской «гвардии» см.: (Пенской 2014: 704—705; Шейхумеров 2019: 32—37, 42—44).

О значительных размерах армии крымского хана свидетельствуют обстоятельства ее переправы через Северный Донец. Переправа осуществлялась по трем «перевозам»: Саввиному, Изюмскому и Каменному, отстоящим друг от друга на расстоянии около 20 верст, «а [через] Донец, — сообщали станичники, — возились два дни» (РК 1966: 223)¹⁵.

По получении тревожных вестей «с Поля» на Москве стали готовиться к отражению татарского набега. В соответствии с разработанным ранее планом, на Оку отправились бояре и воеводы во главе с «вождями» Думы кн. И.Д. Бельским, И.Ф. Мстиславским и П.М. Щенятевым. Основные силы русской армии расположились в поокских городах Коломне, Кашире, Серпухове и Калуге (РК 1966: 223).

Какие силы могло противопоставить Московское государство армии крымского хана? За полгода до описанных событий в ожидании крымского вторжения на Оке встала пятиполковая рать во главе с князем И.Д. Бельским. Указанное в разрядной книге число воевод и голов позволяет рассчитать приблизительную численность находившихся под их руководством ратных людей: 8—9 тыс. детей боярских вместе с послужильцами (РК 1981: 183—189; Пенской 2012а: 147). В условиях усугубления военной опасности осенью 1565 г. «береговая» рать неизбежно должна была быть усилена; едва ли ее численность была ниже 10 тыс. человек поместной конницы без учета стрелецких и казачьих частей (на их долю приходилась примерно треть всей рати). В случае прихода крымского «царя» воеводам «береговой» рати надлежало объединиться с подвижными конными гарнизонами «украинных» городов, в первую очередь — с трехполковой ратью князя Владимира Старицкого, охранявшей подступы к Оке на центральном направлении и расположившейся к югу от Оки, в городах Туле и Михайлове. В сумме такая армия вполне могла составлять порядка 15 тыс. конных детей боярских и их послужильцев; со стрельцами, казаками и артиллерийским нарядом ее численность могла достигать 20 тыс. человек и более¹⁶. Таким образом, осенью 1565 г. русские войска не только не уступали орде Девлет-Гирея I, но и, скорее всего, несколько превосходили ее количественно. Другое дело, что даже основной костяк русской армии был растянут на огромном расстоянии от Коломны до Калуги, остальные же ее части — рассеяны по многочисленным городам крымской «украины». В подобном положении многое зависело от проницательности верховного командования, способного разгадать наступательные планы врага и сконцентрировать главные войсковые силы в месте предполагаемого удара, а также от эффективности работы войсковой разведки.

Как уже говорилось ранее, московское правительство ожидало, что, пройдя по Изюмскому шляху, хан двинется по короткой Серпуховской дороге к Туле либо повернет на северо-восток, к Михайлову и на рязанские «места». Именно этими маршрутами были совершены два предыдущих набега крымских татар — 1563 и 1564 гг. (Пенской 2012а: 140—142). Здесь же осенью 1565 г. оказались сосредоточены основные силы изготовившейся к обороне русской армии.

Вопреки ожиданиям, Девлет-Гирей I предпочел нанести главный удар в совершенно ином месте — там, где его не ждали и, как казалось, не могли дать должного отпора. Источники умалчивают, по каким именно дорогам шли ханские войска в сентябре—октябре 1565 г. после того, как были замечены русскими сторожами на переправах через Северный Донец. Однако, зная конечный пункт похода татарской орды — г. Болхов — мы можем

¹⁵ О расположении перевозов см.: (КБЧ 1950: 72).

¹⁶ По подсчетам В.В. Пенского, в кампанию 1571 г. на южной границе было сосредоточено 35—40 тыс. человек, в кампанию 1572 г. — примерно столько же (Пенской 2012b: 148—149; Пенской, Пенская 2013: 192); по предварительной росписи 1572 г. пятиполковое «береговое» войско насчитывало 20 тыс. человек, из них 12 тыс. поместной конницы (Буганов 1959: 174—177).

реконструировать пути следования воинства Девлет-Гирея I, опираясь на данные, относящиеся к другому военному предпринятию крымских татар — набегу 1571 г. Форсировав Северный Донец и пройдя по Изюмскому шляху, хан вместо того, чтобы по обыкновению продолжать движение на север, к Туле, по-видимому, свернул на северо-запад и стал продвигаться по Пахнутцевой дороге¹⁷. Неподалеку от устья реки Ицки (район позднейших городов-крепостей Кром и Орла) крымцы «перелезли» через Оку по одному из имевшихся там бродов и вновь повернули на север¹⁸. Вскоре на горизонте показался передовой форпост русской обороны — небольшая степная крепостца Болхов.

Приход Девлет-Гирея I к Болхову

Город Болхов был заложен по приказу царя Ивана IV летом 1555 г. Вытянутая с севера на юг крепость расположилась на узкой возвышенности, зажатой с двух сторон речками Нугрю и впадавшей в нее Болховкой. Таким образом, Болховский кремль оказывался надежно прикрыт с запада, юга и востока естественными водными преградами, представлявшими едва ли не непреодолимое препятствие для татарской конницы (РК 1966: 148, 161; Неделин 2012: 20, 46—50). О численности болховского гарнизона можно судить лишь приблизительно. Так, в Полоцкий поход 1562/63 г. Болхов выставил 170 (Петров 2004: 44), а в поход 1580 г. против Литвы — 150 служилых людей (СМАМЮ 1914: 6—7, 10). Примерно столько же болховичей принимало участие в военных походах 10-х гг. XVII в. В то время общая численность защитников Болхова (детей боярских, городских стрельцов, казаков, пушкарей, «подымных» и посадских людей) составляла порядка 600 человек, из которых на долю профессиональных военных приходилось примерно две трети от общего числа (РК 1849а: 47, 70; РК 1849b: 25—26, 34, 43, 128). Можно предположить, что приблизительно такой же численность и структура болховского гарнизона могла быть и в середине 1560-х гг. В июле 1562 г. крымские татары впервые совершили набег на «болховские места», однако были разбиты объединенными силами болховичей и карачевцев (ПСРЛ 1965: 299).

Почему Девлет-Гирей I решил нанести удар именно по Болхову? Выше мы уже писали, что из Крыма хан вышел с относительно небольшим войском¹⁹. Во многом это было обусловлено главной целью похода, ограничивавшейся грабежом пограничных регионов Руси и добычей ясыря. Конечно, ни хан Девлет, ни его окружение не собирались вступать в противоборство с главными силами царской армии. Логика предыдущих вторжений подсказывала, что «государевы большие воеводы» будут поджидать татар на центральном или же юго-восточном направлениях — в тульских, рязанских и пронских землях. При подобном раскладе нападение на юго-западные рубежи Московского государства, достаточно уязвимые, не имевшие значительных воинских гарнизонов и при этом находящиеся на почтительном удалении от районов сосредоточения основных русских ратей представлялось весьма перспективным. Можно полагать, что татар привлекали лежащие к северо-западу от Болхова «козельские места» — этот край давно находился в сфере

¹⁷ О ней см.: (КБЧ 1950: 103).

¹⁸ Описание этого участка дороги см., напр.: (КБЧ 1950: 114—115).

¹⁹ Предполагаемая численность армии Девлет-Гирея I (15—20 тыс. чел.) была, разумеется, весьма внушительной. Однако в по-настоящему большие ханские «выходы» из Крыма, имевшие целью прямое боестолкновение с главными частями русского войска, обыкновенно отправлялось куда большее число воинских людей. Так, например, по расчетам В.В. Пенского, в кампанию 1541 г. под знаменами хана Сахиб-Гирея I собралось от 30 до 40 тыс. крымских всадников (Пенской 2011b: 43). Примерно столько же бойцов участвовало и в походе хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. (Пенской 2010: 19).

внимания крымской элиты, был мало потрепан вражескими набегами, а потому сулил богатую добычу²⁰.

Рассказ о дальнейших событиях, связанных с русско-крымским военным противостоянием под Болховом, в официальном летописании и разрядных книгах имеет, как может показаться на первый взгляд, серьезные различия. Так, согласно Александро-Невской летописи, 7 октября хан приступил к Болхову, татары «из наряду по городу стреляли и к городу приступали, и князь Иван Золотова з детми боярскими из города выходил и с ним дело делал и языки поимал, а посаду ближних дворов пожечи не дал». 19 октября хан снял осаду и ушел в степь (ПСРЛ 1965: 348). В разрядных же книгах приход и отступление крымской орды датируется одним днем — 9 октября (РК 1966: 224; РК 1974: 45). В научной литературе показания источников получили различную трактовку. В.В. Пенской последовательно привел обе версии, отметив лишь, что датировка отхода хана 19 октября в летописи является явной опiskeй (Пенской 2011а: 13; 2012а: 150)²¹. Пересказ обеих версий случившегося содержится и в работе А.В. Виноградова (Виноградов 2007: 56—57). В.П. Загоровский кратко упомянул только об одном, разрядном (Загоровский 1991: 147), а А.Л. Хорошкевич — лишь о летописном описании болховского «дела» (Хорошкевич 2003: 429). А.М. Молочников и М.А. Несин, основываясь на собственных ошибочных вычислениях, всецело отдали предпочтение летописной версии событий (Молочников, Несин 2019: 184—185). Тем не менее, представляется, что летописная и разрядная трактовки имеют много общего и позволяют достаточно точно реконструировать ход кампании.

Поход «береговой рати» и оборона Болхова

После того, как 29 сентября в Москве стало известно о движении татарской орды, пятиполковая рать под руководством князя И.Д. Бельского заняла позиции на Оке. Сохранившаяся в разрядных книгах роспись «береговой рати» датируется 1 октября. В соответствии с ней, воеводские должности в изготовившейся в ожидании крымцев русской армии распределялись следующим образом:

- Большой полк — кн. И.Д. Бельский, С.В. Яковлев;
- полк Правой руки — кн. И.Ф. Мстиславский, И.П. Хирон Яковлев;
- Передовой полк — кн. П.М. Щенятев, И.В. Меньшой Шереметев;
- Сторожевой полк — кн. И.И. Турунтай Пронский, кн. А.И. Прозоровский;
- полклевой руки — кн. И.А. Шуйский, кн. А.И. Татев (РК 1966: 223; РК 1974: 44; РК 1981: 206—207).

По-видимому, в тот день состоялись окончательное «разряжение» воевод «по полком», сопровождавшееся вручением им разрядных списков, а также смотр оказавшихся под их началом служилых людей. В ходе этой процедуры произошел неприятный инцидент: возглавлявший полклевой руки кн. И.А. Шуйский разместничался, «списков детей боярских

²⁰ «Козельские места», вероятно, рассматривались в качестве одной из целей ханского похода 1555 г. (ПСРЛ 1904: 270). Крымская знать настойчиво советовала Девлет-Гирею I отправиться воевать «козельские места» и во время трагического для России татарского набега 1571 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 23—23 об.).

²¹ В пользу предположения В.В. Пенского свидетельствует сам характер привлеченного им источника. Как уже говорилось выше, оригинал летописного рассказа о Болховской кампании в Синодальном томе не сохранился. Его текст известен нам по копии, снятой с Синодального тома в середине XVII в. Возникновение подобных ошибок при копировании рукописных материалов вполне естественно и не должно удивлять современных исследователей.

не взял, а сказал, что ему в Лево́й руке быти неместно для князь Петра Щенятева да для князь Ивана Пронско́во» (РК 1981: 207)²². Обстоятельства, побудившие кн. И.А. Шуйского вступить в рискованный местнический конфликт накануне важнейшей боевой экспедиции, на протяжении длительного времени оставались загадкой для исследователей. Пролить свет на эту тайну смогла уникальная запись, не так давно обнаруженная одним из авторов этих строк в тексте неопубликованной частной разрядной книги дворян Болтиных (НИОР РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 183. Л. 140—140 об.)²³. В соответствии с ее показаниями, в ходе окончательной росписи воевод 1 октября кн. П.М. Щенятев, И.И. Пронский и И.А. Шуйский получили новые боевые назначения:

Таблица 2. Перемена полковых воевод Берегового разряда 1 октября 1565 г.

Должность	Разряд конца сентября 1565 г.	Разряд 1 октября 1565 г.
Передовой полк, первый воевода	кн. И.И. Пронский	кн. П.М. Щенятев
Сторожевой полк, первый воевода	кн. И.А. Шуйский	кн. И.И. Пронский
Полк Лево́й руки, первый воевода	кн. В.С. Серебряный	кн. И.А. Шуйский

Как можно видеть из таблицы, следствием подобной кадровой перестановки²⁴ стало «понижение» кн. И.А. Шуйского с должности первого воеводы Сторожевого полка на формально равную ей, но фактически более «уязвимую» в местническом плане должность первого воеводы полка Лево́й руки. Желая сохранить местнические позиции своего рода и не допустить «потерьки», кн. Шуйский выступил против своих «обидчиков» — кн. Щенятева и Пронского. Местническую тяжбу, однако же, удалось пресечь на корню: главнокомандующий кн. И.Д. Бельский вкупе с другими полковыми воеводами отправили царю Ивану IV возмущенное послание, которое, надо полагать, было направлено против

²² Аналогичная запись читается также в ряде других «пространных» частных разрядных книг, в том числе восходящих к архетипу опубликованной в РК 1475—1605 гг.

²³ Исследование и публикацию текста данной разрядной записи см.: (Белов 2021b), переиздана в Приложении к настоящей работе. Уже после написания означенной статьи мы выявили еще два источника, повествующие о перипетиях интересующего нас местнического конфликта. Речь идет о нескольких «памятках» из состава местнического «дела» кн. В.Ю. Голицына с кн. И.П. Шуйским (ноябрь 1579 г.) и уже названного «дела» кн. А.И. Голицына с кн. А.И. Шуйским (апрель—август 1582 г.) (РИС 1838: 18—20, 40—41, 44—45, 49—51, 56—57). Все четверо участников указанных «дел», а также сын кн. И.А. Шуйского, кн. В.И. Шуйский, в текстах своих «памятей» неоднократно апеллировали к конфликту осени 1565 г., приводя, однако же, принципиально разнящиеся между собой версии произошедших событий. Если кн. Голицыны со ссылкой на разряды утверждали, что кн. И.А. Шуйский был «менши» кн. П.М. Щенятева и кн. И.И. Пронского, то князья Шуйские с опорой на те же самые разрядные записи возражали, что кн. И.А. Шуйский «списков не взял» и, следовательно, «в розряде не был», «а приехав с службы государю бил челом, его посылали за посмех». Аргументация Шуйских едва ли заслуживает доверия: у нас нет надежных доказательств того, что кн. И.А. Шуйский в итоге все же не принял под свою команду полк Лево́й руки и не отправился в поход к Болхову. Сохранившиеся разряды свидетельствуют: кн. Иван Андреевич все-таки участвовал в Болховской экспедиции, хотя и счел это назначение за несомненную «поруху» родовой «чести». Оба упомянутых «дела» сохранились в подлинниках и описаны в литературе (Мельников 1978: 276—277; Эскин 2017: 17—19).

²⁴ В условиях ведения стремительной степной войны XVI в. Передовому полку, как правило, отводилась особая, чрезвычайно важная, роль; высокие требования предъявлялись и к его руководству (Курбатов 2011: 66; Белов 2021a: 132). Кн. П.М. Щенятев за свою служебную биографию трижды возглавлял Передовой полк, а его боевой опыт был не в пример значительнее, чем у кн. И.И. Пронского (Белов 2019b: 104—107; 2020a: 63—65). Вероятно, именно это обстоятельство способствовало его переводу на должность первого воеводы Передового полка в самый канун ответственной боевой экспедиции против крымского хана Девлет-Гирея I.

своеволия кн. И.А. Шуйского. Наметившийся было конфликт удалось разрешить: воеводы остались при своих «местех», а руководимая ими русская армия изготавилась к нанесению решающего удара по неприятелю.

Полагаем, что вслед за воеводской росписью и произведением общевоисковых смотров пятиполковая «береговая» рать выступила навстречу Девлет-Гирею I. Произошло это вскоре после получения итоговых разрядных списков и известий о движении крымских татар к Болхову, вероятнее всего, 5 или 6 октября. К этому соображению нас подводит анализ перемещений ханских войск, а также событий, последовавших сразу после прихода татар к Болхову. Начнем по порядку.

Прежде всего, обратим внимание на скорость движения армии Девлет-Гирея I после форсирования ей Северного Донца. Оставшуюся часть Изюмского шляха, Пахнутцеву дорогу и отрезок пути от верховьев Оки до Болхова (порядка 550—600 км) крымские части преодолели за неполных 17 дней без учета переправы через Оку (которая, по аналогии с переправой через Северный Донец, могла занять от 1 до 2 дней). Таким образом, мы можем заключить, что орда двигалась со средней скоростью от 30 до 40 км/день — со скоростью весьма небольшой, обусловленной значительным размером ханской армии и присутствием в ее составе артиллерийского парка²⁵. К 1 октября, дню окончательной росписи воевод «береговой» рати, хан должен был пройти порядка 350 км, то есть — находиться примерно на половине своего пути по Пахнутцевой дороге. Небольшая скорость движения татар, несомненно, облегчала задачу постоянного отслеживания их воинства. Действовавшие на южных рубежах станичники должны были регулярно отправлять в Москву сведения о путях следования крымского войска. В первых числах октября стало очевидным, что Девлет-Гирей I повернул на северо-запад. Вступив на Пахнутцеву дорогу, он неизбежно должен был выйти к верховьям Оки, а оттуда — пойти в практически незащищенные болховские и козельские земли.

Удостоверившись в том, что Девлет-Гирей I движется к Болхову, береговые воеводы поспешили к нему навстречу²⁶. По мере продвижения пятиполковой рати на юго-запад в нее вливались гарнизоны «украинных» городов. Скорее всего, движение объединенного войска происходило через тульские земли, где к воеводе князю И.Д. Бельскому должен был присоединиться стоявший там трехполковый корпус удельного князя Владимира Старицкого²⁷. В этом походе впервые приняли участие два отряда служилых людей «из опришнины»: один из них был отправлен к Болхову из Москвы, второй — из соседней с Болховом крепости Белев (РК 1966: 224; РК 1974: 45; РК 1981: 208)²⁸. Посылка

²⁵ Согласно расчетам А.А. Шейхумерова, средняя скорость движения крымского войска в Поле, до вступления на территорию противника, составляла примерно 20—40 км в сутки (Шейхумеров 2020: 115—117).

²⁶ Об этом прямо сообщает летописец начала XVII в.: «И писали ко государю царю, что крымской царь идет к Болхову, и бояре и воеводы по тем вестем пошли против царя к Болхову» (ОР РНБ. Ф.IV.726. Л. 792). Некоторые записи этого летописца кратко отмечены в литературе в связи с освещением событий крымского набега мая 1571 г. (Зимин 1964: 453—455; Скрынников 1992: 426, 427, 441; Колобков 2004: 414, 415, 418, 420; Белов 2018: 50). А.А. Зимин высказал предположение о «близости» этого памятника к Разрядному приказу. В действительности, летописец составлен в семье московских дворян Загряжских. Годовые статьи летописца текстуально сближаются с записями Государева разряда, но имеют добавочные чтения. Памятник изучается Н.В. Беловым. Статья летописца о Болховском походе публикуется в Приложении к настоящей работе.

²⁷ Согласно приговору от 15 сентября, в случае военной опасности из Тулы и Михайлова на соединение с главными силами русской армии должны были выступить три полка под началом кн. М.И. Воротынского, И.П. Хирона Яковлева и И.В. Меньшого Шереметева (РК 1981: 203—204). Запись Разрядной книги 1557—1601 гг. подтверждает, что названные воеводы действительно были «по полком в сходе под людьми по росписи» (НИОР РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева. № 77. Л. 74 об.).

²⁸ По сообщению Разрядной книги 1559—1605 гг., воеводы белевского отряда кн. Д.И. Вяземский и М.А. Безнин были посланы к Болхову «без мест» (РК 1974: 45). Эта запись присутствует и в ее источнике,

немногочисленных опричных отрядов против татар носила экстренный и во многом случайный характер. Оценив опасность крымского вторжения, находившийся в Троицком монастыре Иван IV бросил на южный рубеж недавно сформированные подразделения опричников. Опричные части не были разделены на полки и, наравне с гарнизонами «украинных» городов, являлись вспомогательными силами, посланными «в прибавку» к пятиполковой земской армии (Кобрин 2008: 103).

Расстояние от Коломны до Тулы и от Тулы до Болхова — около 250 км (Петров 1950: 122, 137) — русской армии пришлось преодолевать форсированным маршем. Из источников нам известно, что в случаях острой необходимости крупные конные соединения как русской, так и татарской армий могли покрывать в день 70—80 км и больше (ПСРЛ 1906: 488; Курбский 2015: 31; Шейхумеров 2020: 119—120). Следовательно, марш-бросок войск князя Бельского к Болхову, вероятно, мог занять не более 4—5 дней.

Когда же крымский хан подошел к Болхову и что произошло впоследствии? Внимательно присмотримся к упомянутым ранее двум версиям событий: летописной и разрядной. Соглашаясь с В.В. Пенским в том, что приведенная в копии официальной летописи дата отступления хана неверна (очевидно, следует читать — 9, а не 19 октября), констатируем, что в летописном тексте говорится о трехдневном «стоянии» татар под Болховом 7—9 октября, в разрядах же оно ограничивается половиной суток: от полудня («половины дни») до полуночи 9 октября. Что же за это время успел сделать Девлет-Гирей I? В соответствии с текстом летописи, едва подойдя к городу, татары произвели артиллерийский обстрел, после чего предприняли попытку поджечь посад, однако были отброшены контратакой защитников под предводительством князя И.А. Золотого Оболенского²⁹. Все действие заняло несколько часов. Потерпев досадную неудачу, хан не успел «распустить войну», так как узнал о приближении основных сил русской армии. Тогда-то, очевидно, в ставке Девлет-Гирея I и было принято тяжкое решение: отступить в степь. В районе полуночи под покровом ночной темноты крымцы покинули лагерь (ПСРЛ 1965: 348; РК 1966: 224). Итак, при внимательном анализе летописного текста становится очевидным, что происходившие под Болховом боевые столкновения и последующее ретирование хана укладываются ровно в один день, задержаться на более длительный срок хан не имел возможности. Более того, посольская документация также сообщает, что Девлет-Гирей I «и одное ночи в государя нашего земле не начевал и людей в розгон не распустил, и не токмо что полону взяли, и корму взяти не дали и пошел от украины спешно» (СРИО 1892: 344).

Какого числа произошло сражение под Болховом? И летопись (если принять во внимание описку хрониста), и разряды говорят об уходе крымцев в ночь с 9 на 10 октября. Причем Девлет-Гирей I явно спешил, как если бы «государевы большие воеводы» были совсем близко. Произведем соответствующие расчеты: армия князя И.Д. Бельского покинула Коломну в первые дни октября (наиболее вероятно, 5 или 6 числа). Следовательно, немного поторопившись, Бельский должен был достигнуть окрестностей Болхова едва ли не в одно

Разрядной книге 1564—1604 гг. (НИОР РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева. № 340. Л. 110 об.). Полагаем, решение о «безместье» было связано с неумным честолюбием Михаила Безнина, активно участвовавшего в местнических стычках. Зная эту особенность своего слуги, царь Иван до поры до времени, очевидно, сдерживал местнические споры в опричной среде, недавно созданной, а потому должной избегать внутренних социальных конфликтов. Два года спустя М.А. Безнин безропотно принял более низкое назначение, чем кн. Д.И. Вяземский в опричной армии под Калугой (РК 1982: 221), о службах этих воевод см.: (Володихин 2011: 205, 209—211). Другие записи разрядов о «безместии» с начала опричнины и до конца 1560-х гг. неизвестны (Эскин 2009: 199).

²⁹ О роли второго городского воеводы, кн. В.И. Скокова Кашина, в обороне Болхова неизвестно. Его имя в связи с событиями осени 1565 г. кратко упомянуто в официальной летописи и ряде частных разрядных книг (ПСРЛ 1965: 348; РК 1981: 198).

время с крымской ордой. Судя по всему, вечером 9 октября по завершении неудачного налета татар на посад Болхова разведка Девлет-Гирей I доложила о приближении русских ратей. Это стало полной неожиданностью для крымского хана. Не желая вступать в бой с главными силами царя Ивана, он почел за лучшее поспешно отступить. По сообщению болховского воеводы князя И.А. Золотого Оболенского, уже «в полночь царь и царевичи от города пошли прочь» (ПСРЛ 1965: 348)³⁰.

Таким образом, и приход хана к Болхову, и артиллерийский обстрел городских стен, и сражение за болховский посад произошли в течение дня 9 октября. В ночь на 10-е число Девлет-Гирей I обратился в бегство. Что касается летописного сообщения о прибытии татар к Болхову 7 октября, то — здесь мы склонны согласиться с В.В. Пенским (Пенской 2019: 172) — в этот день в окрестностях города могли появиться передовые татарские разъезды, предвещавшие приход главных сил крымского войска, очевидно, задержавшихся на переправах через Оку в одном-двух дневных переходах к югу от Болхова.

Изложенная выше версия событий находит косвенное подтверждение в записи, читающейся в ряде «пространных» частных разрядных книг. В соответствии с ней, окончательный «сход» главных сил русской армии князя И.Д. Бельского с воеводами «украинных» городов произошел «на Дольцах» (вероятнее всего — позднейший погост Долецкий, село Старые Дольцы Руцкого стана Белевского уезда (Елагин 1858: 504), в 20 км к северу от болховской крепости)³¹. По всей видимости, это событие и стало причиной стремительного отступления крымской орды: вслед за известием о «сходе» полков в Разрядной книге 1478—1603 гг.³² содержится указание, что «царь, услышав государевых воевод, побежал от Болхова прочь на поле»³³ (другой вариант: «царь крымской побежал, посылав государевых людей»³⁴). Сходным образом объяснял бегство Девлет-Гирей I и официальный летописец, опиравшийся, по всей видимости, на документацию разрядного архива: «слышав про царевых и великого князя воевод и про людей многих приход к Болхову, ... царь и царевичи от города и прочь пошли» (ПСРЛ 1965: 348). Аналогичен рассказ летописца Загряжских, сообщающий дополнительные детали о скором бегстве крымских войск: «И послышел царь, что идут государевы воеводы противу его со многими людьми, и побежал от Болхова прочь о полночи того же числа, а городу ничтоже не сотворил, но Божию милостию, и Пречисто[й] Матери, и великих чюдотворец умолением посыла государевых воевод, побежал от города, никим же гоним, но гневом Божиим, пометали бо во станех многие лошади, и ратную збрую, и верблюды» (ОР РНБ. F.IV.726. Л. 792).

Вместе с ханом ушли не все. Девлет-Гирей I шел от Болхова столь стремительно, что оставил в своем тылу отправленных на поиски «корма» фуражиров. Они-то и попали под горячую руку осмелевших защитников города: «и Божиим милосердием тех людей крымских побивали и корму имати им не давали» (ПСРЛ 1965: 348). По окончании преследования татарских «летучих отрядов» 11 октября воевода кн. И.А. Золотой Оболенский отправил в Москву официальную весть о победе над татарами (ПСРЛ 1965: 348).

³⁰ То же в Летописце Загряжских (ОР РНБ. F.IV.726. Л. 792).

³¹ Название места сбора войск в рукописях читается по-разному: «Донцех / Дольцех / Больцех» (списки РК 1475—1605 гг. (РК 1981: 199)), «Дольцех» (Колюбакинский список РК 1478—1603 гг. (НИОР РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 4464. Л. 233 об.)), «Донце» (списки Основной и Сокращенной редакций РК 1478—1603 гг. (ОР РНБ. F.IV.174. Л. 128 об.; ОР РНБ. Q.IV.89. Л. 205 об.)).

³² Согласно Ю.В. Анхимюку, Разрядная книга 1478—1603 гг. или ее архетип послужили одним из источников опубликованной Разрядной книги 1475—1605 гг. (Анхимюк 2005: 248).

³³ Так в списках Основной редакции (ОР РНБ. Q.IV.89. Л. 207 об. — 208) и компилятивном Колюбакинском списке (НИОР РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 4464. Л. 237). То же читается в зависимой от нее Разрядной книге 1557—1601 гг. (НИОР РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева. № 77. Л. 74 об.).

³⁴ Так в списках Сокращенной редакции (ОР РНБ. F.IV.174. Л. 129 об.).

Можно предположить, что, скорым маршем уйдя от погони, армия Девлет-Гирея I продолжила путь в спокойном темпе. По сообщению посольской документации, хан вернулся в Крым лишь 6 ноября — практически через месяц после бегства из-под Болхова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 59).

Иван IV по достоинству оценил расторопность своих полководцев. С приходом в Москву вести об отступлении крымской армии по царскому приказу «к бояром и воеводам з золотыми послано и велено отпустить воевод и людей по домом» (РК 1966: 224). Командный состав «береговой» армии кн. И.Д. Бельского и «тульской» группировки кн. Владимира Старицкого удостоился монаршей милости³⁵. Опале не подвергся даже зачинщик местнической свары кн. И.А. Шуйский, действия которого вполне могли привести к срыву ответственной боевой операции (Белов 2021b)³⁶. Отдельно следует сказать о руководителе болховской обороны — кн. И.А. Золотом Оболенском. Его участие в отражении крымского набега вызывает много вопросов. Еще 13 сентября, за полмесяца до того, как стало известно о движении татар к русской границе, по распоряжению Ивана IV кн. И.А. Золотой должен был оставить свою службу в Болхове — на его место был назначен новый воевода кн. В.В. Приимков Ростовский (РК 1966: 222). Вопреки царскому указу, в течение трех недель перемена городских воевод так и не была осуществлена. Можно допустить, что кн. И.А. Золотой не успел передать дела своему сменщику или же был оставлен в должности решением земской Боярской думы и «береговых» воевод, на время богомольной поездки царя получивших право «царя и великого князя делом промышляти, посморя по делу» (РК 1966: 222). Службу при дворе кн. Иван Андреевич начал не позднее середины 1550-х гг. (ТКиДТ 1950: 119). В 1559—1560 гг. он служит полковым воеводой на ливонском «фронте», в должности головы (позднее — есаула) присутствует при взятии Полоцка Иваном Грозным, а в 1562—1563 гг. получает назначение первым воеводой ливонских крепостей Вильяна, а затем — Алыста (РК 1966: 189, 190, 192, 201; Петров 2004: 50, 77). Оборона Болхова от армии Девлет-Гирея I в октябре 1565 г. стала последней известной службой князя Ивана. С этого времени его имя в источниках не фигурирует, а 3 января 1567 г. по его душе был сделан вклад в Троице-Сергиев монастырь (ВКТСМ 1987: 125)³⁷. Находились ли его отставка и скорая кончина в какой-то связи с охлаждением царя к кн. Щепиным Оболенским³⁸ или же с масштабной эпидемией второй половины 1560-х гг.³⁹ — увы, источники не дают ответа на этот вопрос.

³⁵ Это обстоятельство весьма показательно: в предшествующие годы один только неуспех воевод на крымской «украине» мог стать поводом для их обвинения в прямой государственной измене (Белов 2021с: 68—72).

³⁶ П.А. Садиков и А.А. Зимин полагали, что местнический конфликт между кн. И.А. Шуйским, П.М. Щенятевым и И.И. Пронским полностью парализовал действия «береговой» армии; в результате последовавшего затем сыска кн. Петр Щенятев подвергся царской опале (Садиков 1950: 25; Зимин 1964: 155—156). Данное заключение противоречит известным источникам и должно быть признано безусловно ошибочным (Белов 2019а: 181—182).

³⁷ Уточнить время смерти князя Ивана по троицким синодикам не удалось. В датированной части синодика 1575 г. указан некий «князь Гавриил Оболенской Золотой», неизвестный по родословцам и очевидно скончавшийся в начале 1570-х гг. В общем родовом поминании князей Золотых Оболенских имя Ивана Андреевича отсутствует (НИОР РГБ. Ф. 304/III. Троицкое собр. № 25. Л. 162—162 об., 215). Он записан в кормовом синодике 1660 г., скорее всего в связи с упомянутым вкладом по его душе, однако без каких-либо указаний на дату его кончины (НИОР РГБ. Ф. 304/I. Троицкое собр. № 814. Л. 68).

³⁸ См., напр.: (Скрынников 1992: 242—243; Ерусалимский 2017: 28).

³⁹ См., напр.: (Зимин 1964: 390). В Разрядной книге Болтиных известие о море помещено сразу же после воеводских росписей Болховского похода (РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 183. Л. 140 об.).

* * *

Набег осени 1565 г. обернулся неудачей для Крыма. Татарская армия смогла уклониться от лобового столкновения с царскими войсками, однако какого-либо значимого успеха не достигла. Заблаговременное выступление «государевых больших воевод» к месту предполагаемого вторжения, обеспеченное, как можно полагать, слаженными действиями русской разведки на «поле», стало неожиданностью для Девлет-Гирея I и вынудило его начать поспешное отступление. Дипломатические последствия похода были весьма велики. Разочаровавшись в своем союзнике, польско-литовском короле Сигизмунде II Августе, не начавшим активные боевые действия на западном «фронте» и тем самым не оттянувшим на себя часть вооруженных сил Московского государства, хан Девлет-Гирей I в декабре 1565 г. приступил к ведению мирных переговоров с прибывшим в Крым русским посольством. Активизация военного конфликта турецкой Порты с Габсбургами в Венгрии и неуклонное ухудшение крымско-литовских отношений уже в следующем 1566 г. привело ко временному прекращению татарских набегов на Россию (Виноградов 2007: 57—59; Пенской 2012а: 151—152).

Хронология Болховской кампании 1565 г.

2 сентября — «разряжение» воевод в пограничные города крымской «украины».

13—14 сентября — перемена воевод в семи городах крымской «украины» по приказу Ивана IV.

15 сентября — царско-боярский приговор об усилении гарнизонов Тулы и Михайлова.

16 сентября — начало похода Девлет-Гирея I с Конских Вод к русской границе.

19 сентября — царско-боярский приговор об организации усиленной обороны крымских рубежей.

21 сентября — отъезд Ивана IV на богомолье в Троице-Сергиев монастырь; обнаружение крымского войска русскими сторожами на переправах через р. Северный Донец.

29 сентября — получение в Москве вести о походе Девлет-Гирея I.

1 октября — роспись «больших воевод» пятиполковой армии на р. Оке; местнический конфликт кн. И.А. Шуйского с кн. П.М. Щенятевым и И.И. Пронским.

5—6 октября (или около этой даты) — выступление армии кн. И.Д. Бельского к Болхову.

7 октября — появление передовых частей крымских татар у Болхова.

9 октября — приход Девлет-Гирея I к Болхову, артиллерийский обстрел крепости, бой за болховский посад с людьми кн. И.А. Золотого Оболенского; отступление Девлет-Гирея I при известии о приближении главных сил русской армии.

10 октября — бои с «летучими отрядами» крымских татар в окрестностях Болхова.

11 октября — отправка в Москву болховским воеводой кн. И.А. Золотым Оболенским вести о победе над татарами.

6 ноября — возвращение Девлет-Гирея I в Крым.

Приложение

Неизданные записи о Болховском походе из летописца Загряжских и Разрядной книги Болтиных публикуются в упрощенной орфографии. Титла раскрыты, выносные и восстановленные буквы введены в основной текст. Буква «ъ» на конце слов опускается.

№ 1

Из летописца Загряжских начала XVII в.

Основная часть летописной статьи совпадает с текстом Государева разряда. Едва ли эта статья появилась в результате сокращения записи официальной разрядной книги; вероятнее всего, она восходит к общему протографу двух памятников. Уникальны известия летописца о времени выступления «береговой» армии к Болхову и обстоятельствах поспешного бегства Девлет-Гирея I. Указанная в летописце причина отступления крымского войска — получение ханом вести о приближении главных сил русской армии — подтверждается другими источниками разрядного происхождения.

Лѣта 7074 сентября в 29 день писал ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю ис Путимля намѣсник князь Григорей Мещерской, что прибежал к нему в Путимль от станичной головы от Романа Семичюва сын боярской ноугородец Гриша Яцково, а сказывал, что ехал Роман верх Корца, и на Каменом броду сентября в 21 дня стоят многие люди, и огни горят многие, и пушки слышали. А князь Григорей писал ко государю по Романове же присылке Семичова, что пришли люди в Русь на Изюм курган да на Савин перевоз, а Донец возились два дни.

И по тѣм вестем бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич Бельской с товарищи пошли с Москвы на Коломну, да на Коломне же велел государь быти царевичю Кайбуле да царевичю Ибаку.

И писали ко государю царю, что крымской царь идет к Болхову, и бояре и воеводы по тем вестем пошли против царя к Болхову. А из опришнины были воеводы и ходи под царя з бояры и воеводами со князем Иваном Дмитриевичем Бельским князь Ондрѣй Петрович Телятевской да князь Дмитрий да князь Ондрѣй Ивановичи Хворостинины.

И пришел крымской царь к Болхову октября в 9 день о полудни. И послышел царь, что идут государевы воеводы противу его со многими людьми, и побежал от Болхова прочь о полночи того же числа, а городу ничтоже не сотворил, но Божию милостию и Пречисто[й] Матери, и великих чюдотворец умолением, послыша государевых воевод, побежал от города, никим же гоним, но гневом Божим, пометали бо во станех многие лошади и ратную збрую, и верблюды.

ОР РНБ. F.IV.726. Л. 792

№ 2

Из Разрядной книги дворян Болтиных последней четверти XVII в.

Текст Разрядной книги Болтиных складывался на протяжении всего XVII столетия. В интересующей нас части она, возможно, восходит к несохранившейся разрядной книге князей Ростовских (Анхимюк 2005: 406). Годовая статья за 7074 (1565/1566) г. близка к

записям опубликованных РК 1559—1605 гг. и РК 1475—1605 гг., но содержит оригинальное окончание. Она отразила процесс кадровой перестановки в «береговой» армии кн. И.Д. Бельского накануне похода к Болхову. Именно эта перетасовка военного командования спровоцировала местнический выпад кн. И.А. Шуйского против кн. П.М. Щенятева и кн. И.И. Турунта Пронского (Белов 2021b).

(л. 139 об.) Лѣта 7074-го сентября в 19 день по государеву приговору со всеми бояры нынѣ, что царь крымской или бальшии воинския люди пойдут на государеву украину, и баяром и воеводам князю Ивану Федоровичю Бельскому да князю Ивану Федоровичю Мстисловскому, да князю Петру Михайловичю Щенятеву, да князю Василью Семеновичю Серебряному итти на Коломню и государевым делом промышляти, смотря⁴⁰ по делу.

Того же месяца в 29 день по путим[ль]ским вестям, что чают царева приходу, и князь Иван Бельской да князь Петр Щенятев пошли на Коломню, да на Коломне же быти царевичю Ибаку. На Коширу баярин князь Иван Федорович Мстисловской. А которым воеводам на Коломне по украиным городом итти, и тому роспись:

На Коломнѣ баярин князь Иван Дмитриевич Бельской да князь Иван Иванович Турунтай Пронской, да Иван Петрович Яковлев, да воевода князь Андрѣй Иванович Татев. На Коломнѣ же князь Петр Михайлович Щенятев да князь Василей Семенович Серебряной.

// (л. 140) На Кошире Семен Васильевич Яковлева.

В Серпухове князь Иван Андрѣевич Шуйской да князь Александр Иванович Прозоровской⁴¹.

В Калуге баярин Иван Меньшой Шереметев.

А как крымской царь приходил к Болхову, были баяря и воеводы по полком:

В Большом полку баярин князь Иван Дмитриевич Бельской да Семен Васильевич Яковлев. Да в Большом же полку быти бала царевичю Ибаку, и он не был, а был болен.

В Правой руке баярин князь Иван Федорович Мстисловской да Иван Петрович Яковлев. Да в Правой же руке был царевич Кайбула, а с ним князь Иван князь Григорьев сын Долгарукова.

В Передовом полку баярин князь Петр Михайлович Щенятев да Иван Меньшой Шереметев.

В Сторожевом полку баярин князь Иван Иванович Турунтай Пронской да князь Александр Прозоровской.

В Левой руке воеводы князь Иван Андрѣевич Шуйской да князь Андрей Татев.

И к государю писал князь Иван Бельской и все баяре, что князь Иван Шуйской списав не взял⁴², что ему в Левой руке быти невмесно для князь Петра Щенятева.

Того же лѣта 7074-го на Коломне были воеводы по полком:

В Большом полку князь Иван Дмитриевич Бельской да Иван Петрович Яковлев.

// (л. 140 об.) В Правой на Кошире князь Иван Федорович Мстисловской да Микита Романович Юрьев.

В Передовом полку в Колуге князь Иван Иванович Турунтай Пронской да Иван Васильевич Шереметев Меньшой.

В Сторожевом полку в Серпухове князь Иван Андрѣевич Шуйской да князь⁴³ Михайло Иванович Воротынской.

⁴⁰ В рукописи: спотря.

⁴¹ В рукописи: Прочеровской.

⁴² В рукописи: взел.

⁴³ Приписано над строкой другим почерком.

В Лево́й руке на Коломнѣ князь Василей Семенович Серебряной да и Василей Иванович Умно́й.

А как царь крымский пошел под Болхов, и государь велел быти в Большом полку з Бельским Семену Васильевичю Яковлеву. А Ивану Петровичю Яковлеву велел государь быти со Мстисловским в Правой руке. А в Передовом полку государь велел быти князю Петру Михайловичю Щенятеву. А из Передового полку князю Ивану Пронскому велел государь быти в Сторожевом полку. А князю Ивану Андрѣевичю и[з] Сторожевого полку, а князю Ивану велел государь быти в Лево́й руке князю Ондрѣю Татеву.

Того же году стало оприщина у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси.

Того же год было поветрия на людии.

РГБ. Ф. 205. Собрание ОИДР. № 183. Л. 139 об. — 140 об.

Литература

- Абрамович Г.В. 1991. *Князья Шуйские и Российский трон*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Аксаньян К.Э. 2020. Служилая биография князя Ивана Андреевича Шуйского по материалам разрядных книг. *Клио* 10, 128—135.
- Андрей Курбский. 2015. В: Яковлев В.Ю. (ред.). *История о делах великого князя московского*. Москва: Наука.
- Анхимюк Ю.В. 2005. *Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков*. Москва: Древлехранилище.
- Бахтин А.Г. 2021. Жизнь и смерть мангытского карачи-бека Дивея. *Золотоордынское обозрение* 9/2, 395—422.
- Белов Н.В. 2018. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского. *Вестник «Альянс-Архео»* 26, 47—55.
- Белов Н.В. 2019а. Антиопричное выступление князя Петра Михайловича Щенятева. *Novogardia* 1, 179—195.
- Белов Н.В. 2019б. Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского. *Русь, Россия: Средневековье и Новое время* 6, 104—107.
- Белов Н.В. 2020а. Князья Щенятевы — воеводы Московского государства XVI в. *Историческое обозрение* 21, 61—67.
- Белов Н.В. 2020б. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях* 1, 174—186.
- Белов Н.В. 2021а. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III. *Novogardia* 1, 116—146.
- Белов Н.В. 2021б. О причинах местнического конфликта князя И.А. Шуйского с князьями П.М. Щенятевым и И.И. Пронским накануне Болховского похода 1565 года. В: Дружинин П.А. (отв. ред.). *Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955—2018)*. Москва: Древлехранилище, 34—40.
- Белов Н.В. 2021с. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины. *Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований* 2, 62—88.
- Богданов А.П., Пентковский А.М. 1984. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного. *Русская речь* 5, 92—100.
- Буганов В.И. 1959. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. *Исторический архив* 4, 166—183.
- Виноградов А.В. 2007. *Русско-крымские отношения (50-е — вторая половина 70-х годов XVI века)*. Т. 2. Москва: Институт российской истории РАН.
- ВКТСМ 1987: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*. Москва: Наука.
- Волков В.А. 2001. *Войны Московской Руси конца XV—XVI вв.* Москва: Русский мир.
- Волков В.А. 2005. *Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV — первой половины XVII вв.*: дисс. ... д-ра ист. наук. Т. 1—2. Москва: МПГУ.
- Волков В.А. 2016. *Войско грозного царя*. Т. 1. Москва: Прометей.
- Волков В.А. 2020. *Были и небыли Ливонской войны 1558—1583 годов*. Москва: Прометей.

- Володихин Д.М. 2009а. Происхождение калужской разрядной записи 7073 (1564/1565) г. (К вопросу о персональном составе опричного воеводского корпуса). *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 2, 73—80.
- Володихин Д.М. 2009б. «Смело выдвигал новых людей...»: опричные полководцы. *Диалог со временем* 27, 75—101.
- Володихин Д.М. 2011. *Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Володихин Д.М. 2014. *Воеводы Ивана Грозного*. Москва: Вече.
- Володихин Д.М. 2016. *Иван Грозный и его окружение*. Москва: Академический проект.
- Володихин Д.М. 2018. *Иван IV Грозный. Царь-сирота*. Москва: Молодая гвардия.
- Володихин Д.М. 2020а. *Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного*. Москва: Центрполиграф.
- Володихин Д.М. 2020б. *Полководцы Московского царства*. Москва: Молодая гвардия.
- Граля И. 1994. *Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в.* Москва: Радикс.
- Елагин Н. 1858. *Белевская вивлиофика. Т. 1. Список с писцовой книги Белевского уезда 7138 года*. Москва: Типография В. Готье.
- Ерусалимский К.Ю. 2017. Московско-литовская война 1562—1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики. *Российская история* 1, 3—31.
- Загоровский В.П. 1991. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж: ВГУ.
- Зимин А.А. 1964. *Опричнина Ивана Грозного*. Москва: Мысль.
- Каргалов В.В. 2002. *Московские воеводы XVI—XVII вв.* Москва: Русское слово.
- КБЧ 1950: Сербина К.Н. (ред.). 1950. *Книга Большому Чертежу*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кобрин В.Б. 2008. *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды*. Москва: РГГУ.
- Козляков В.Н. 2007. *Василий Шуйский*. Москва: Молодая гвардия.
- Курбатов О.А. 2011. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. В: *Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее*. Вып. 2. Москва: Русская панорама, 58—91.
- Курукин И.В., Булычев А.А. 2010. *Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного*. Москва: Молодая гвардия.
- Лашков Ф. 1891. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587—1588 году. *ИТУАК* 14, 43—80.
- Мельник А.Г. 2018. Богомолья царя Ивана Грозного. *Сообщения Ростовского музея* 23, 61—79.
- Мельников Ю.Н. 1978. Описание местнических дел 80-х гг. XVI в. *Археографический ежегодник за 1977 год*, 275—285.
- Моисеев М.В. 2021. Дипломатические материалы как источники по истории политической мысли в постордынских государствах XVI века (к постановке проблемы). *Золотоордынское обозрение* 9/4, 791—806.
- Молочников А.М., Несин М.А. 2019. Об основании Орла по распоряжению Ивана IV. К вопросу об основании Иваном Грозным крепостей в годы опричнины на территории земщины. *Novogardia* 2, 181—196.
- Неделин В.М. 2012. *Древние города земли Орловской. XII—XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт*. Орел: Вешние воды.
- Некрасова Я.В. 2016. Воевода князь А.И. Вяземский-Глухой: реконструкция служилой биографии по материалам разрядных источников. *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 4, 3—14.
- НИОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 4464. Разрядная книга 1478—1603 гг., посл. четв. XVII в.
- НИОР РГБ. Ф. 205. Собрание ОИДР. № 183. Сборник разрядно-документальный, посл. четв. XVII в.
- НИОР РГБ. Ф. 256. Собрание Н.П. Румянцева. № 340. Сборник разрядно-документальный, 70—80-е гг. XVII в.
- НИОР РГБ. Ф. 29. Собрание И.Д. Беляева. № 77. Разрядная книга 1557—1601 гг., 70-е гг. XVII в.
- НИОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиева монастыря. № 814. Синодик кормовой Троице-Сергиева монастыря 1660 г.
- НИОР РГБ. Ф. 304/III. Собрание ризницы Троице-Сергиева монастыря. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г.
- Новосельский А.А. 1948. *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. Москва; Ленинград: АН СССР.

- ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. F.IV.174. Сборник разрядно-родословный, кон. 30-х — 40-е гг. XVIII в.
- ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. F.IV.726. Летописец Загряжских, нач. XVII в.
- ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q.IV.89. Разрядная книга 1478—1603 гг., 2-я четв. XVII в.
- Пенской В.В. 2010. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. *История в подробностях* 5, 16—29.
- Пенской В.В. 2011а. Там, вдали, за рекой... *История в подробностях* 9, 6—15.
- Пенской В.В. 2011б. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году. *Военно-исторический журнал* 12, 41—47.
- Пенской В.В. 2012а. *Иван Грозный и Девлет-Гирей*. Москва: Вече.
- Пенской В.В. 2012б. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. *История военного дела: исследования и источники* 2, 127—236.
- Пенской В.В. 2014. Военное дело Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. В: *История татар с древнейших времен: в семи томах*. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 700—709.
- Пенской В.В. 2019. *Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562—1570*. Москва: Центрполиграф.
- Пенской В.В., Пенская Т.М. 2013. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. *История военного дела: исследования и источники* 4, 183—226.
- Пенской В.В., Пенская Т.М. 2019. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей». *Золотоордынское обозрение* 7/3, 524—544.
- Петров В.А. 1950. Географические справочники XVII века. *Исторический архив* 5, 74—165.
- Петров К.В. 2004. *Книга Полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст)*. Санкт-Петербург: РНБ.
- ПКМК 2016: Моисеев М.В. (ред.). 2016. *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567—1572 гг.* Москва: Фонд «Русские Витязи».
- Подчасов Н.А. 2015. Полоцкий поход 1562/1563 г. как переломный момент в карьере русских аристократических семейств: источниковедческий аспект. *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 4, 3—10.
- Подчасов Н.А. 2018. Возможности привлечения разрядных источников для реконструкции слабоизученных моментов биографии военно-политических деятелей России XVI в. на примере кн. Ф.М. Трубецкого. *Клио* 5, 18—21.
- Преснякова Л.П. 2013. Служилая биография князя И.Д. Бельского по данным разрядных книг, летописей и записок Генриха Штадена. *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 6, 39—50.
- ПСРЛ 1904: *Полное собрание русских летописей*. 1904. Т. 13. Ч. 1. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
- ПСРЛ 1906: *Полное собрание русских летописей*. 1906. Т. 13. Ч. 2. *Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
- ПСРЛ 1965: *Полное собрание русских летописей*. 1965. Т. 29. *Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись*. Москва: Наука.
- РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Кн. 10. Крымская посольская книга 1562—1564 гг.
- РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Кн. 12. Крымская посольская книга 1565—1568 гг.
- РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Кн. 14. Крымская посольская книга 1571—1578 гг.
- РИС 1838: *Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских*. 1838. Т. 2.
- РК 1849а: Разрядная книга 7124 года. 1849. *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 2, 1—86.
- РК 1849б: Разрядная книга 7125 г. 1849. *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 3, 1—140.
- РК 1966: *Разрядная книга 1475—1598 гг.* 1966. Москва: Наука.
- РК 1974: *Разрядная книга 1559—1605 гг.* 1974. Москва: Институт истории СССР.
- РК 1975: *Разрядная книга 1550—1636 гг.* 1975. Т. 1. Москва: Институт истории СССР.
- РК 1981: *Разрядная книга 1475—1605 гг.* 1981. Т. 2. Ч. 1. Москва: [б. и.].
- РК 1982: *Разрядная книга 1475—1605 гг.* 1982. Т. 2. Ч. 2. Москва: [б. и.].
- Садиков П.А. 1950. *Очерки по истории опричнины*. 1950. Москва; Ленинград: АН СССР.

- Скрынников Р.Г. 1992. *Царство террора*. Санкт-Петербург: Наука.
- СМАМЮ 1914: *Сборник Московского архива министерства юстиции*. 1914. Т. 6. *Псков и его пригороды*. Кн. 2. Москва: Печатня А. Снегиревой.
- СРИО 1892: *Сборник Императорского Русского исторического общества*. 1892. Т. 71. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*. Т. 3: 1560—1571 гг. Санкт-Петербург: Типография А.Л. Катанского и К^о.
- ТКиДТ 1950: Зимин А.А. (ред.). *Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Филлюшкин А.И. 2007. *Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Филлюшкин А.И., Кузьмин А.В. 2017. *Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563—1579 гг.* Москва: Фонд «Русские витязи».
- Хорошкевич А.Л. 2003. *Россия в системе международных отношений середины XVI в.* Москва: Древлехранилище.
- Шейхумеров А.А. 2019. *Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV—XVIII вв.)*. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Шейхумеров А.А. 2020. Скорость марша крымскотатарских армий в XVI—XVIII вв. *Novogardia* 3, 114—132.
- Эскин Ю.М. 2009. *Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв.* Москва: Квадрига.
- Эскин Ю.М. 2017. *Описание подлинных местнических дел*. Москва: Квадрига.
- Янушкевич А.Н. 2013. *Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558—1570*. Москва: Квадрига; Русская панорама.

References

- Abramovich, G.V. 1991. *Knyaz'ya Shuiskie i Rossiiskii tron (The Shuysky Princes and the Throne of Russia)*. Leningrad: Leningradskiy universitet.
- Aksan'yan K.E. 2020. In *Klio* 10, 128—135 (in Russian).
- Andrei Kurbskii. 2015. In: Yakovlev, V.Yu. (ed.). *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo (History of the Affairs of the Grand Duke of Moscow)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Ankhimyyuk, Yu.V. 2005. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV — nachalo XVII vekov (Private Rank Books with records for the last quarter of the 15th — beginning of the 17th cc.)*. Moscow: Drevlekhranilishche (in Russian).
- Bakhtin, A.G. 2021. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 9/2, 395—422 (in Russian).
- Belov, N.V. 2018. In *Vestnik "Al'yans-Arkheo" ("Al'yans-Arkheo" Bulletin)* 26, 47—55 (in Russian).
- Belov, N.V. 2019a. In *Novogardia* 1, 179—195 (in Russian).
- Belov, N.V. 2019b. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya (Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times)* 6, 104—107 (in Russian).
- Belov, N.V. 2020a. In *Istoricheskoe obozrenie (Historical Review)* 21, 61—67 (in Russian).
- Belov, N.V. 2020b. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh (Paleorosiya. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas)* 1, 174—186 (in Russian).
- Belov, N.V. 2021a. In *Novogardia* 1, 116—146 (in Russian).
- Belov, N.V. 2021b. In: Druzhynyn, P.A. (ed.). *Okno v Evropu: Sbornik statei pamyati doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Laptevoi (1955—2018) (Window to Europe: Collection of articles in memory of Doctor of Historical Sciences Tatiana Alexandrovna Lapteva (1955—2018))*. Moscow: Drevlekhranilishche, 34—40 (in Russian).
- Belov, N.V. 2021c. In *Slovesnost' i istoriya. Zhurnal filologicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniy (Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies)* 2, 62—88 (in Russian).
- Bogdanov, A.P., Pentkovskii, A.M. 1984. In *Russkaya rech' (Russian Speech)* 5, 92—100 (in Russian).
- Buganov, V.I. 1959. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 4, 166—183 (in Russian).
- Vinogradov, A.V. 2007. *Russko-krymskie otnosheniya (50-e — vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka) (Russian-Crimean Relations from the 1550s to second half of 1570s)*. Pt. 2. Moscow: Institut rossiiskoy istorii RAN (in Russian).

- VKTSM 1987: In: Rybakov, B.A. (ed.). *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya (The Contribution Book of the Trinity-St. Sergius Monastery)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Volkov, V.A. 2001. *Voiny Moskovskoi Rusi kontsa XV — XVI vv. (Wars of the Moscow Rus from the end of 15th to 16th century)*. Moscow: Russkii mir (in Russian).
- Volkov, V.A. 2005. Main problems of the military history of the Russian state in the late 15th and first half of the 17th cc. Dr. habil. Thesis. Pt. 1—2. Moscow: MPGU (in Russian).
- Volkov, V.A. 2016. *Voisko groznogo tsarya (The Terrible tsar's troop)*. Pt. 1. Moscow: Prometei (in Russian).
- Volkov, V.A. 2020. *Byli i nebyli Livonskoi voiny 1558—1583 godov (Truths and Legends of the Livonian War, 1558—1583)*. Moscow: Prometei (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2009a. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya (Bulletin of Moscow University. Series 8: History)* 2, 73—80 (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2009b. In *Dialog so vremenem (Dialogue with Time)* 27, 75—101.
- Volodikhin, D.M. 2011. *Sotsial'nyi sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV (Social structure of the Russian army high-ranking officers under Ivan IV)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2014. *Voevody Ivana Groznogo (Military leaders of Ivan the Terrible)*. Moscow: Veche (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2016. *Ivan Grozny i ego okruzhenie (Ivan the Terrible and his entourage)*. Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2018. *Ivan IV Grozny. Tsar'-sirota (Ivan IV the Terrible. The orphan tsar)*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2020a. *Knyaz' Ivan Shuiskii. Voevoda Ivana Groznogo (Prince Ivan Shuisky. Commander of Ivan the Terrible)*. Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).
- Volodikhin, D.M. 2020b. *Polkovodtsy Moskovskogo tsarstva (The warlords of the Moscow Tsardom)*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).
- Gralya, I. 1994. *Ivan Mikhailov Viskovatyi: Kar'era gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v. (Ivan Mikhailov Viskovatyi: Career of a statesman in 16th century Russia)*. Moscow: Radiks (in Russian).
- Elagin, N. 1858. *Belevskaya vivliofika (Belevskaya vivliofika)*. Vol. 1. *Spisok s pistovoi knigi Belevskogo uyezda 7138 goda (List from the Scribe book of Belevsky uyezd 7138)*. Moscow: Tip. V. Got'e (in Russian).
- Erusalimskii, K.Yu. 2017. In *Rossiiskaya istoriya (Russian History)* 1, 3—31 (in Russian).
- Zagorovskii, V.P. 1991. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke (History of the entry of the Central Black Earth region into the Russian state in the 16th century)*. Voronezh: VGU (in Russian).
- Zimin, A.A. 1964. *Oprichnina Ivana Groznogo (Oprichnina of Ivan the Terrible)*. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Kargalov, V.V. 2002. *Moskovskie voevody XVI—XVII vv. (Moscow voivodes of the 15th and 16th centuries)*. Moscow: Russkoe slovo (in Russian).
- KBCh 1950: Serbina, K.N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu Chertezhu (The Big Blueprint Book)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Kobrin, V.B. 2008. *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: Izbr. trudy (Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy: Selected works)*. Moscow: RGGU (in Russian).
- Kozlyakov, V.N. 2007. *Vasilii Shuiskii (Vasily Shuisky)*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).
- Kurbatov, O.A. 2011. In: *Voennaya arkheologiya. Sbornik materialov Problemnogo Soveta "Voennaya arkheologiya" pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Military Archaeology. Collection of materials of the Problem Council "Military Archeology" at the State Historical Museum)*. Vol. 2. Moscow: Russkaya panorama, 58—91 (in Russian).
- Kurukin, I.V., Bulychev, A.A. 2010. *Povsednevnyaya zhizn' oprichnikov Ivana Groznogo (Everyday life of Ivan the Terrible's oprichniks)*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).
- Lashkov, F. 1891. In *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Bulletin of the Tavrichesky Scientific Archival Commission)* 14, 43—80 (in Russian).
- Mel'nik, A.G. 2018. In: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya (Rostov Museum Notes)* 23, 61—79 (in Russian).
- Mel'nikov, Yu.N. 1978. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1977 g. (Archeographic Yearbook of 1977)*, 275—285 (in Russian).
- Moiseev, M.V. 2021. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 9/4, 791—806 (in Russian).

- Molochnikov, A.M., Negin, M.A. 2019. In *Novogardia* 2, 181—196 (in Russian).
- Nedelin, V.M. 2012. *Drevnie goroda zemli Orlovskoi. XII—XVIII veka. Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt.* (Old Cities of Oryol Land. 12th—18th centuries. History. Architecture. Life and way of life). Orel: Veshnie vody (in Russian).
- Nekrasova, Ya.V. 2016. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* (Bulletin of Moscow University. Series 8: History) 4, 3—14 (in Russian).
- NIOR RGB. F. 29. Sobranie I.D. Belyaeva. No. 77.
- NIOR RGB. F. 178. Muzeinoe sobranie. No. 4464.
- NIOR RGB. F. 205. Sobranie ODR. No. 183.
- NIOR RGB. F. 256. Sobranie N.P. Rumyantseva. No. 340.
- NIOR RGB. F. 304/I. Glavnoe sobranie biblioteki Troitse-Sergieva monastyrya. No. 814.
- NIOR RGB. F. 304/III. Sobranie riznitsy Troitse-Sergieva monastyrya. No. 25.
- Novosel'skiy, A.A. 1948. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* (The Struggle of the Muscovite State with Tatars in the first half of 17th century). Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- OR RNB. F. 550. OSRK. F.IV.174.
- OR RNB. F. 550. OSRK. F.IV.726.
- OR RNB. F. 550. OSRK. Q.IV.89.
- Penskoi, V.V. 2010. In *Istoriya v podrobnostyakh* (History in Detail) 5, 16—29 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2011a. In *Istoriya v podrobnostyakh* (History in Detail) 9, 6—15 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2011b. In *Voенно-istoricheskii zhurnal* (Military Historical Journal) 12, 41—47 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2012a. *Ivan Grozny i Devlet-Girei* (Ivan the Terrible and Devlet Girey). Moscow: Veche (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2012b. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* (History of Military Affairs: Research and Sources) 2, 127—236 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2014. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v semi tomakh* (History of Tatars from the most ancient times: in seven volumes). Vol. 4. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 700—709 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2019. *Polotskaya voyna. Ocherki istorii russko-litovskogo protivostoyaniya vremen Ivana Groznogo. 1562—1570* (The Polotsk War. Essays on the history of the Russian-Lithuanian confrontation of Ivan the Terrible. 1562—1570). Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).
- Penskoi, V.V., Penskaya, T.M. 2013. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* (History of Military Affairs: Research and Sources) 4, 183—226 (in Russian).
- Penskoi, V.V., Penskaya, T.M. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie* (Golden Horde Review) 7/3, 524—544 (in Russian).
- Petrov, V.A. 1950. In: *Istoricheskii arkhiv* (Historical Archive). Vol. 5. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 74—165 (in Russian).
- Petrov, K.V. 2004. *Kniga Polotskogo pokhoda 1563 g. (issledovanie i tekst)* (The Book of the Polotsk Campaign of 1563. (Research and Text)). Saint Petersburg: RNB (in Russian).
- Podchasov, N.A. 2015. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* (Bulletin of Moscow University. Series 8: History) 4, 3—10 (in Russian).
- Podchasov, N.A. 2018. In *Klio* 5, 18—21 (in Russian).
- PSRL 1904: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). 1904. Vol. 13. Pt. 1. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* (Nikon Chronicle). Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova (in Russian).
- PSRL 1906: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). 1906. Vol. 13. Pt. 2. *Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga* (Additions to the Nikon Chronicle. The Book of Tsardom). Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova (in Russian).
- PSRL 1965: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). 1965. Vol. 29. *Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'* (Chronicle of the Beginning of Tsardom. Chronicle of the Alexander Nevsky Lavra. Lebedev Chronicle). Moscow: Nauka (in Russian).
- PKMK 2016: Moiseev, M.V. (ed.). 2016. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567—1572 gg. (Ambassadorial Book on the Relations of the Muscovite State with Crimea. 1571—1577)*. Moscow: Fond "Russkie Vityazi" (in Russian).

- Presnyakova, L.P. 2013. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya (Bulletin of Moscow University. Series 8: History)* 6, 39—50 (in Russian).
- RK 1849a: In: *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh (The Temporary Book of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities)*. 1849. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1—86 (in Russian).
- RK 1849b: In: *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh (The Temporary Book of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities)*. 1849. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1—140 (in Russian).
- RK 1966: *Razryadnaya kniga 1475—1598 gg. (Rank Book. 1475—1598)*. 1966. Moscow: Nauka (in Russian).
- RK 1975: *Razryadnaya kniga 1550—1636 gg. (Rank Book. 1550—1636)*. 1975. Vol. 1. Moscow: Institut istorii SSSR (in Russian).
- RK 1974: *Razryadnaya kniga 1559—1605 gg. (Rank Book. 1559—1605)*. 1974. Moscow: Institut istorii SSSR (in Russian).
- RK 1981: *Razryadnaya kniga 1475—1605 gg. (Rank Book. 1475—1605)*. 1981. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: [s.n.] (in Russian).
- RK 1982: *Razryadnaya kniga 1475—1605 gg. (Rank Book. 1475—1605)*. Vol. 2. Pt. 2. Moscow: [s.n.] (in Russian).
- RGADA. F. 123. Krymskie dela. Op. 1. Kn. 10.
- RGADA. F. 123. Krymskie dela. Op. 1. Kn. 12.
- RGADA. F. 123. Krymskie dela. Op. 1. Kn. 14.
- RIS 1838: *Russkii istoricheskii sbornik, izdavaemyi Obshchestvom istorii i drevnostei rossiiskikh (Russian Historical Digest, published by the Society of Russian History and Antiquities)*. 1838. Vol. 2 (in Russian).
- Sadikov, P.A. 1950. *Ocherki po istorii oprichniny (The History of the Oprichnina Essays)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- SMAMYu 1914: *Sbornik Moskovskogo arkhiva ministerstva yustitsii (Collection of the Moscow Archive of the Ministry of Justice)*. Vol. 6. *Pskov i ego prigorody (Pskov and its suburbs)*. Bk. 2. Moscow: Pechatnya A. Snegirevoi (in Russian).
- SRIO 1892: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society)*. Vol. 71. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom (Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state)*. Pt. 3. 1560—1571 gg. (1560—1571). Saint Peterburg: Tipografiya A.L. Katanskogo i K^o (in Russian).
- Skrynnikov, R.G. 1992. *Tsarstvo terrora (The Tsardom of terror)*. Saint Peterburg: Nauka (in Russian).
- TKiDT 1950: Zimin A.A. (ed.). 1950. *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v. (The Thousand Book of 1550 and the Court Notebook of the 50s of the 16th century)*, Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Filyushkin, A.I. 2007. *Andrei Mikhailovich Kurbskii: Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskii kommentarii k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu (Andrei Mikhailovich Kurbsky: Prosopographic study and hermeneutical commentary on Andrei Kurbsky's lists to Ivan the Terrible)*. Saint Peterburg: SPbGU (in Russian).
- Filyushkin, A.I., Kuzmin, A.V. 2017. *Kogda Polotsk byl rossiiskim. Polotskaya kampaniya Ivana Groznogo 1563—1579 gg. (When Polotsk was Russian. Ivan the Terrible's Polotsk Campaign 1563—1579)*. Moscow: Fond "Russkie vityazi" (in Russian).
- Khoroshkevich, A.L. 2003. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI v. (Russia in the system of international relations in the mid-16th century)*. Moscow: Drevlekhramilishche (in Russian).
- Sheikhumerov, A.A. 2019. *Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV—XVIII vv.) (The Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (15th—18th centuries))*. Kazan; Simferopol: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).
- Sheikhumerov, A.A. 2020. In *Novogardia* 3, 114—132 (in Russian).
- Eskin, Yu.M. 2009. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI—XVII vv. (Essays on the history of mestnichestvo in Russia in the 16th—17th centuries)*. Moscow: Kvadriga (in Russian).
- Eskin, Yu.M. 2017. *Opisanie podlinnykh mestnicheskikh del (Description of the original mestnichestvo cases)*. Moscow: Kvadriga (in Russian).
- Yanushkevich, A.N. 2013. *Livonskaya voyna. Vil'no protiv Moskvy: 1558—1570 (Livonian War. Vilna versus Moscow: 1558—1570)*. Moscow: Kvadriga; Russkaya panorama (in Russian).

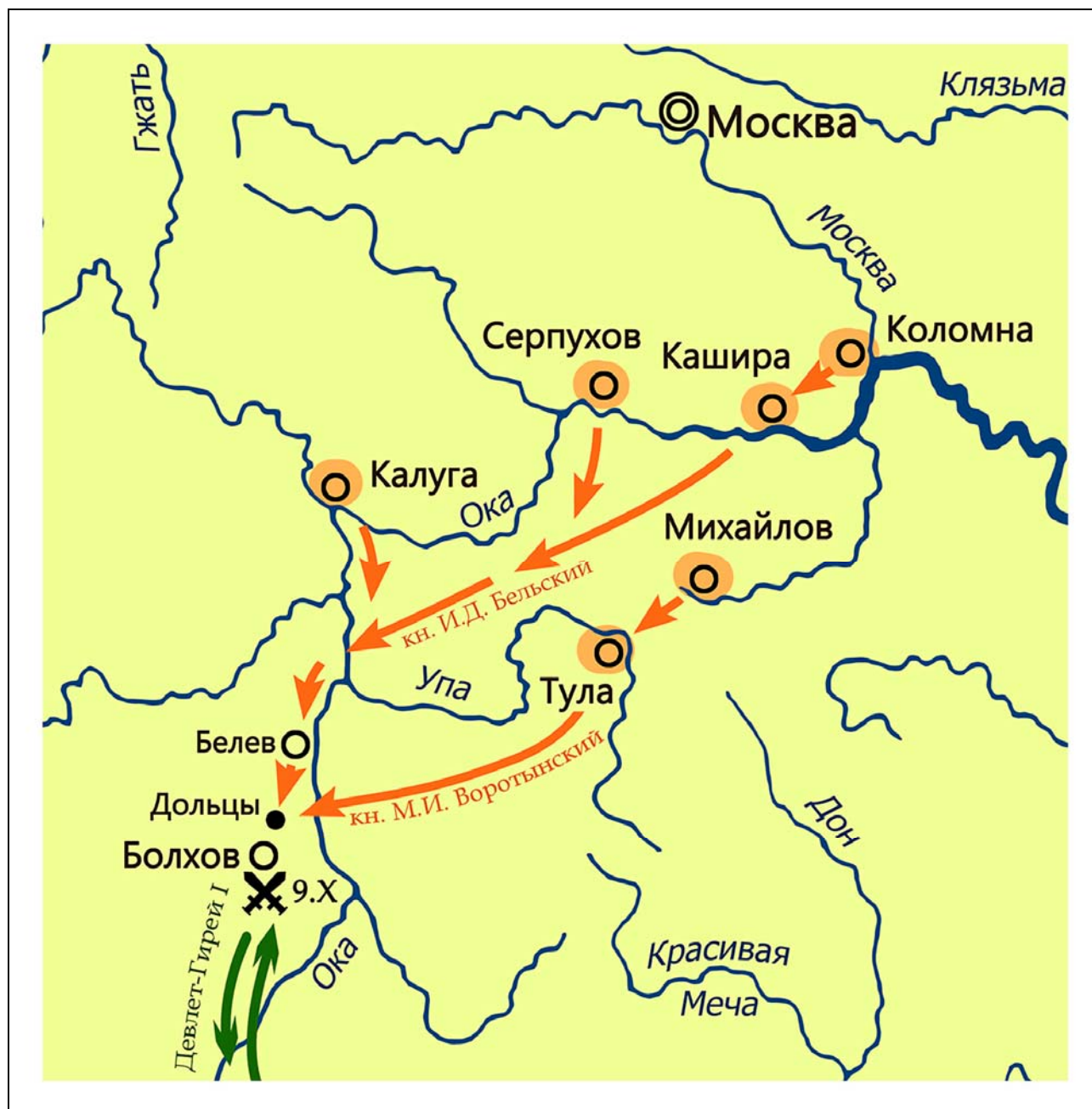

Рис. 1. Поход Девлет-Гирея I к Болхову и встречное движение русских армий (5—9 октября 1565 г.). Авторская реконструкция.

Fig. 1. The march of Devlet Giray I to Bolkhov and the counter-movement of the Russian armies (October 5—9, 1565). Author's reconstruction.

УДК: 94(477) «16/17»

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.92.51.026

В.Н. Филас

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА КАРТУШАХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ XVI — НАЧАЛА XVIII вв.: ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВОСПРИЯТИЯ*

Формирование представления о Северном Причерноморье происходило не только путем научного познания, но и другими путями — в первую очередь художественным. С накоплением знаний о Северном Причерноморье сформировался определенный образ, бытовавший в европейском обществе. Этот образ транслировался в различных формах, одной из которых стали картуши на географических картах, которые сейчас можно считать одним из важных источников, обладающим высоким информационным потенциалом, способным раскрыть основные черты региона и представления о нем на протяжении XVI—XVIII вв.

Структурный анализ картушей дает возможность говорить как о реальной информации, отображающей историческую действительность, так и об устоявшихся стереотипах и информации программного характера. Сюжеты картушей в основном апеллировали к историческому прошлому, воплощали социальную пропаганду европейских ценностей, поляризовали образы цивилизационного Запада варварскому Востоку, указывали на особенности противостояния в северо-причерноморских степях.

Ключевые слова: карта, картуш, образ, представление, противостояние, Северное Причерноморье, сюжет.

Сведения об авторе: Филас Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Хортицкая национальная академия.

Контактная информация: 69017, Украина, г. Запорожье, ул. Наукового городка 59, Хортицкая национальная академия; e-mail: filasvn@gmail.com.

Viktor Filas

NORTHERN BLACK SEA REGION ON CARTOUCHES OF GEOGRAPHICAL MAPS OF THE 16th — EARLY 18th cc.: FEATURES OF EUROPEAN PERCEPTION

The formation of the understanding of the Northern Black Sea region took place not only through scientific knowledge, but also in other ways — primarily artistic. With the accumulation of knowledge about the Northern Black Sea region, a certain image was formed in European society. This image was transformed in various forms, one of which became cartouches on geographical maps, which can now be considered as one of the important sources with high information potential, capable of revealing the main features of the region and ideas about it during the 16th — 18th centuries.

Structural analysis of cartouches makes it possible to talk about both real information that reflects historical reality, and about established stereotypes and information of a program nature. The plots of the cartouches mainly appealed to the historical past, embodied the social propaganda of European values, polarized the images of the civilizational West to the barbaric East, pointed to the peculiarities of the confrontation in the Northern Black Sea steppes.

Key words: map, cartouche, image, representation, opposition, Northern Black Sea region, plot.

---

* Статья написана при поддержке Canadian Institute of Ukrainian Studies (Edmonton, Canada).

About the author: Filas Viktor, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Khortytsya National Academy.

Contact Information: 69017, Ukraine, Zaporizhzhia, 59 Naukove Mistechko Str., Khortytsia National Academy; e-mail: filasvn@gmail.com.

Начиная с эпохи Возрождения, составной частью многих географических карт становится еще один элемент — художественный картуш, обрамляющий легенду карты, а история картографии получает ещё один «текст» для исследований. Говоря о картуше в картографии, следует понимать, что, перейдя из формы архитектурного декора эпохи барокко и рококо в картографию, картуш сохранил одно из своих предназначений — создание плоскости для текста, сохранив свой изначальный декоративный смысл. Впоследствии, картуш «разросся» до понимания многослойной художественно-информационной составляющей карты.

Структурно картуши карт Северного Причерноморья XVI — начала XVIII вв. состоят из трех частей: базовой, орнаментальной и предметно-художественной. Каждая из этих частей несет определенную функцию и информацию. Базовая часть в художественном выражении представляет собой условный щит, овал, круг, кусок ткани, деревянную тумбу, камень или собственно картуш как архитектурную форму, на которой размещается текст, содержащий название карты, масштаб, имя её автора и гравера, а также место и год издания. Иногда текст базовой части содержит и посвящение. Базовая часть часто имела орнаментальное оформление в виде растительного, иногда животного или простого геометрического декора. Орнаментальная часть выполняет эстетические функции и несет информацию о стиле, периоде, вкусах и особенностях декора представленной эпохи. Последняя часть картушей карт представляет собой предметно-художественную композицию, которая, в свою очередь, может быть двух видов: простой — предметно-образной, или сложной — сюжетной. Предметно-образные картуши обычно содержат изображение одного или нескольких предметов или образов, символически относящихся к данной территории или реже к картографии. Они отображают известные особенности территории, представляя её предметно-образные маркеры. Сюжетные картуши, по выражению Н. Финягиной, представляют собой художественные элементы, объединенные общим замыслом в единую композицию, и помогают воспринимать карту (Финягина 2006: 10—11). Сюжетная композиция включает в себя программно-информационные компоненты, а также может иметь предметно-образные маркеры, связанные одним замыслом и несущие аллегорические, иносказательные и другие смыслы. Художественные композиции выполняют эстетическо-программные функции и как любые иконические символы способны нести в себе визуальную оценочную информацию.

Период с XVI по XVIII в. был временем, когда декоративные картуши не только заполняли пространство карт, но и были неотъемлемой их частью (Barberand, Boardin 1993: 76). Важнейшей составляющей этих картушей, кроме практических данных и эстетической нагрузки, была и визуальная информация о картографируемой территории, зашифрованной в различные образы, аллегии, иносказания и т.д. Считается, что первыми картуш на карту добавили итальянские картографы XVI в. Эту традицию продолжили французские и немецкие картографы (Lynam 1953: 48). На начальных этапах художественного оформления карт в подавляющем большинстве случаев картуш имел лентообразную форму, куда было вписано её название. Художественное оформление карт, в том числе и картушей, в общем контексте художественных стилей и эстетики позднего Возрождения и барокко

перекочевало из Италии в Голландию. Голландцы стали лидерами в области картографических изданий, которые первоначально копировали карты своих итальянских предшественников. Шаблоны для картушей голландские мастера нашли в искусстве итальянского Возрождения, в первую очередь, в скульптуре, резьбе по дереву, архитектурном декоре и декоративной штукатурке. Впоследствии голландские мастера стремились «оживить» и «осмыслить» эти «шаблоны», иллюстрируя картуши предметами, животными и фигурами, относящихся к территории, изображенной на карте. Именно голландская художественно-оформительская традиция превратила картуш в художественное произведение и визуальное информационное сообщение, которым он оставался в картографии вплоть до середины XIX в.

Трансформации картуша в XVI—XVIII вв. предшествовала бурная «капиталистическая» трансформация голландской экономики и превращение этой страны в ведущую морскую торговую державу. Такое превращение закономерно тесно связано с развитием картографии. Интенсивность голландского мореплавания постепенно расширяла географические знания о мире и приводила к нанесению и уточнению этих знаний на карте. Голландские мастера все чаще предпочитали более затратную резьбу по металлу более простой в технологическом исполнении ксилографии. Гравюра на металле позволяла давать тоньше линию и создавать другие эффекты, недоступные ксилографии. Эти особенности техники гравюры на металле давали возможность, во-первых, точнее и детальнее отображать на карте картографируемые объекты, а во-вторых, — вместить гораздо больше визуальной информации. Кроме этого гравюра дает в десятки раз больше оттисков, чем ксилография. Это сделало гравюру в условиях «коммерциализации» картографии в Голландии доминирующей и удобной техникой тиражирования карт. Карта в Голландии XVII в. стала товаром, ориентированным на массового потребителя.

На «товаризацию» и «коммерциализацию» картографии естественно оказал влияние и стремительный расцвет живописи и графики, известный как «Золотой век голландской живописи», представленный именами таких мастеров, как Рембрандт, Франс Халс, Ян Вермеер, Питер де Хох, Ян Стен, Герард Терборх, Якоб ван Рёйсдал и других. Их работы оказали принципиальное влияние на последующие эпохи развития изобразительного искусства во всем мире. Географическая карта в Голландии становится большим, нежели просто графически исполненная обобщенная модель географических пространственных знаний. Карта приобретает значение не только с практической точки зрения, но и обретает свою новую сущность как предмета эстетики интерьера. Карта в голландский золотой век становится объектом живописи. Достаточно взглянуть на работы Яна Вермеера, творчество которого принято считать вершиной искусства золотого века Голландии. В работах «Молодая женщина с кувшином воды», «Женщина с лютней», «Женщина, читающая письмо», «Аллегория Живописи», «Офицер и смеющаяся девушка» и других бытовых полотнах мастера карта является доминантой заднего плана в интерьерах. Кроме того, изображенные карты являются не вымышленными, а реальными, изданными в основном известной издательской мануфактурой Блау, ведущей в тот момент в Голландии. Карта становится объектом живописи, с одной стороны, и, с другой стороны, живопись приходит на карту в виде различного рода изображений на плоскости карты, а также оформления картушей.

Одним из результатов этого взаимопроникновения стало появление визуального текста карт, несущего порой неожиданную информацию о картографируемой территории. Этот визуальный срез состоит как из реальной информации, отображающей историческую действительность, так и из устоявшихся стереотипов и информации программного

характера, что отображает представление, или формирует мнение о территории. Это делает картуши, особенно их предметно-художественную часть, очень важным источником в исследованиях, посвященных формированию образов и представлений о регионе, а также визуальным идеологическим «освоениям» территорий. Особенно данный тезис актуален на фоне того, что в историко-картографических исследованиях картуши на картах воспринимались лишь как эстетическое сопровождение, повышающее привлекательность карты. И этому есть свое объяснение. Чтобы прочесть визуальный текст картушей недостаточно только картографических знаний. Без специальных знаний семиотики, искусствоведения, истории картографируемого региона невозможно получить какую-либо информацию, полезную для историка. Поэтому, естественно, к картушам не присматривались и не стремились «замечать» в нем источник.

Картуши зачастую несут символический смысл и информацию о картографируемой территории. В картушах в основном звучат темы экономики, однако присутствуют и исторические, религиозные и политические тематические направления. Это отмечали многие исследователи картографии в своих работах. Впервые на картуш как исторический источник по истории Северного Причерноморья обратила внимание Н. Финягина. Она на примере исследования Российского атласа 1792 г. показала, как сюжетные картуши раскрывают значение различных административных единиц, в том числе Екатеринославского наместничества и Таврической области, в экономической и культурной жизни Российской империи в её историческом прошлом (Финягина 2006: 43, 45).

Тематическое содержание предметно-художественной части картушей карт Северного Причерноморья на протяжении XVI—XVIII вв. изменялось в соответствии с событиями и фактами в жизни региона, а также в связи с трансформацией европейских политических, социально-экономических и культурных парадигм. Тематически сюжеты в основном апеллировали к историческому прошлому, воплощали социальную пропаганду европейских ценностей, поляризовали образы цивилизационного Запада варварскому Востоку, указывали на особенности цивилизационного противостояния в северо-причерноморских степях. Северное Причерноморье в публикации понимается как историко-географический регион, являющийся западным краем большого пояса евразийских степей. Такое понимание региона достаточно популярное в археологических исследованиях, а также в исследованиях древней и средневековой истории.

Самая ранняя тематика северо-причерноморских картушей апеллирует к историческому прошлому Тавриды или античному «civilis». Картуш, который содержал «смысловое» значение, впервые появился на карте северо-причерноморского региона, изданной в Амстердаме в 1595 г. известным картографом Герардом Меркатором (1512—1594). Данная карта содержала картуш в виде овального щита, который сверху и снизу украшен стилизованной парой рогов быка (Mercator 1595). Это животное еще с античных времен связывают с Таврикой и племенами тавров. Действительно, Диониса Загрея изображали с рогами. Из-за этой символической связи возникло убеждение, что он первым запряг быков в плуг. Учтем, что эллины дали название таврам с учетом того, что они почитали быков. Это дает нам право утверждать, что «легендарная» пара быков и основной их визуальный маркер — два рога, в европейской средневековой традиции соотносились с Таврикой и с Северным Причерноморьем. Собственно говоря, этот графический символический посыл есть не что иное, как наследие эпохи Возрождения с её ориентацией на античные заимствования и как следствие «возрождения» античной памяти, выразившейся в виде символа быка на картуше, который визуально олицетворяет регион.

В 1644 г. карта Г. Меркатора была переиздана в Амстердаме, но уже другим издателем — Яном Янсониусом (1588—1684) и с новым сюжетным картушем. Этот картуш представляет собой изображение мужчины с цепом в руке и собаки справа, а слева — женщины, прижимающей к себе сноп пшеницы. Над картушем «нависают» слева двое детей с колосьями все той же пшеницы, а справа два тучных быка (Janssonius 1644). Собственно говоря, сюжет картуша иконографически вообще никакого отношения к Северному Причерноморью не имеет. В одежде мужчины и женщины явно прослеживаются особенности кроя, присущего крестьянской одежде Голландии или Фландрии. Сюжет этого картуша представляет собой аллгорию достатка и семейного благополучия, взятый из визуальной традиции Голландии.

В сюжете этого картуша воплотилась социальная пропаганда ценностей, таких как благополучие, богатство и труд. Сюжет картуша Я. Янсониуса привлекает внимание к существованию этих ценностей в Голландии. Разместив их на карте в виде художественного оформления картуша, издатель как бы поляризует эти положительные символы протестантской этики с уже известным «варварским» образом северо-причерноморского региона. Это вполне укладывается в веберовское объяснение роли протестантской этики, выдвинутое позже уже в XIX в., которая была обусловлена трудовым рвением и рациональной организацией труда, создавала благополучие и богатство европейской и американской экономик (Вебер 2017). Популярность этой карты говорит о том, что она спустя почти сорок лет с таким же картушем была переиздана в 1680 г. в Лондоне известным картографом и гравером Питером Шенком (Schenk 1680).

Карту Северного Причерноморья Г. Меркатора в 1645 и 1657 гг. переиздавал также известный голландский издатель, картограф и гравер Ян Блау (1596—1673). Картуши этих карт были художественно «скромнее» предыдущих. Они выполнены в лучших традициях барокко и представляли собой завитые листы бирюзового и золотистого цветов, внутри которых на распластанной обработанной шкуре красовалось название карты (Blaeu 1645). Такой элемент декора картуша как шкура всегда семиотически апеллировал к «дикости» и «отсталости», что мы увидим и в других картушах применительно к Северному Причерноморью. Именно этим маркером Я. Блау и обозначил одно из европейских восприятий северо-причерноморских территорий, изображая шкуру как элемент картуша. Распластанная обработанная шкура толкает нас к пониманию того, что она принадлежала некогда быкам Диониса, который принес в Тавриду античный «цивилизационный» уклад, но пришлые «варвары» (скифы, татары) этот уклад не восприняли и уничтожили. Здесь на лицо конфликт земледельческого (античного, европейского) и кочевого (скифского, татарского) хозяйственного уклада. Для первых был это, в первую очередь, тягловая сила и средство производства, а для вторых — это пища (мясо) и сопутствующие материалы (шкура). Идеологический барьер взаимопонимания между европейским миром и северо-причерноморским регионом имел не только политическое или религиозно-культурное происхождение. Он укреплялся и разным пониманием значения тех или иных средств производства в условиях разных хозяйственно-культурных типов (рис. 1).

Начиная с 1595 г., времени появления первой карты Северного Причерноморья с картушем Г. Меркатора, имеющим «смысловое» значение, и вплоть до середины XVII в. наполнение визуальных текстов картушей формировалось на основе двух тематических композиций. Во-первых, визуальные тексты картушей рефлексировали по прошлому региона, где некогда существовал «прогрессивный», античный «civilis», ставший основой европейской цивилизации. Во-вторых, в сюжетах картушей присутствует тема демонстрации западноевропейского экономического успеха.

С середины XVII в. тематика картушей становится разнообразней за счет появления новых тематических решений, которые восходят к бытующим в то время в Европе историко-идеологическим установкам и ментально-географическим представлениям. Эти новые тематические направления, исходя из особенностей построения композиций и наполнения картушей, можно условно назвать — поляризацией и противостоянием. Поляризация, композиционно представленная по вертикали, противопоставляет образы цивилизационного Запада варварскому Востоку, тем самым указывая на доминирование (расположенного в картуше выше) европейского культурного и экономического уклада над восточным. Подобная вертикальная ориентация сюжета восходит еще к древнеегипетскому искусству, когда мир мертвых изображался внизу, а живых сверху. Этот прием, но уже с новыми образами, использовался в христианской иконописной традиции, получивший широкое распространение и в эпоху Возрождения, и последующие периоды. Ориентируя сюжет сверху вниз художники поляризовали добро и зло, светлое и темное, жизнь и смерть, рай и ад, тем самым несли идею триумфа положительного над отрицательным. Противостояние же, в отличие от поляризации, имеет горизонтальную композиционную ориентацию и формирует представление об остроте и особенностях цивилизационных противоречий в степях Северного Причерноморья.

Поляризация присутствует на картуше к карте французского историка и картографа Николя Сансона (1600—1667) «*Tartarie Europeenne ou Petite Tartarie*», вышедшей в 1665 г. Следует отметить, что территория Крымского ханства цивилизационно для европейцев была составной частью субрегиона «Великая Тартария» и входила в её состав под названием «Малая Тартария» («*Petite Tartaria*», «*Piccola Tartaria*»). Картуш карты не имеет сюжетного сопровождения, однако его орнаментальная часть подчеркивает цивилизационную «полярность» жителей Европы и Тартарии. Базовая часть картуша представляет собой мантию, в которую вписано название карты, дата и место издания. Базовую часть обрамляет растительный орнамент и фигурки путти (художественный образ маленького мальчика или мальчика-ангела, популярный в искусстве Возрождения, барокко и рококо) (Sanson 1665). При общем впечатлении композиционного единства в картуше при анализе семиотики деталей орнамента наблюдается четкое идеологическое и цивилизационное разделение на верхнюю и нижнюю части. Верхняя часть картуша увенчана лавровым венком — символом триумфа и победы. Этот же символ триумфа и победы обрамляет картуш слева и справа — в виде пальмовых венков, окутанных красной триумфальной лентой. Сверху мантию с данными о карте придерживают два парящих ангела-путти. В нижней же части эту мантию поддерживают тоже два путти, восседающие на меандровых листьях. Однако нижние путти представляют собой изображение людей, только по пояс, ниже они уже переходят в зверей с шерстью и копытами. Этим подчеркивалось наличие в них «нечеловеческих» черт. Верхняя часть картуша олицетворяет «civilis», а нижняя — «barbarus» (рис. 2).

Подобное поляризационное тематическое композиционное решение применено и в карте «*Tabula geographica qua pars Russiae Magnae pontus Euxinus seu Mare Nigrum*» авторства Иоганна Баптиста Хаманна (1663—1724), вышедшей предположительно в 1720 г. в Нюрнберге. Базовая часть картуша с названием и данными о карте представляет собой мантию, увенчанную российским гербом. Эту мантию поддерживают, паря в небе, три ангела. Левый облачен в шлем Минервы — богини мудрости и войны, а центральный держит меч — символ победы и ратной славы. У путти слева присутствует развевающийся на ветру элемент античной драпировки в одежде. Под базовой частью внизу изображена восседающая на облаках полуголая мужская фигура, прикрытая шкурой животного, сидящая напротив зеркала. При этом сама фигура отображается в зеркале в виде черного кота (Homann 1720).

Композиционный замысел сюжета картуша сводится к тому, чтобы на контрасте продемонстрировать циничность и двуличие «варваров», которым не следует доверять (рис. 3).

Дело в том, что европейцы еще с античного «civilis» четко противопоставляли себя северо-причерноморскому «barbarus» и считали их опасными и контрпродуктивными. Впоследствии в средние века и новое время на цивилизационный критерий наложился и религиозный с его христианской этикой как основой экономического прогресса. Теперь «civilis», который ассоциировался с «christianitas» (христианство), противопоставлял себя «barbarus», за которым закрепилось «religia pagana» (язычество) или «inf deles» (неверные) (Filas 2018: 13). Татары и скифы, как в средние века, так и новое время считались в Европе народами тождественными. Об этом писали многие авторы. Так, Л. Вульф приводит цитату британского капитана Дж. Смита, который находился в татарском плену в 1603 г. и под впечатлениями отметил, что: «...Татария и Скифия — одно и то же...» и «... эти (татары) крайне варварский народ» (Вульф 2003: 44). Известный британский историк и мемуарист Э. Гиббон, который никогда не был в Северном Причерноморье, смело отождествлял татар со скифами, считая их естественно варварами, «приближенных к звериному состоянию» (Gibbon 1906: 341). «Нет нужды повторять несложное и всем известное описание татарской морали» — особо не углубляясь в подробности, давал оценку человеческим качествам татар Э. Гиббон (Gibbon 1906: 180). Естественно, что мнение Э. Гиббона опиралось на устоявшиеся стереотипные знания в Европе о нравах жителей региона, сформированных в более ранние эпохи. Ранние средневековые источники фиксируют продолжение «античного формата» восприятия образа Северного Причерноморья. Они часто давали племенам, обитавшим в регионе в IV—X вв. такие характеристики, как «отвратительные и худшие из рода людей» (Загадки 1995: 417), «жестокое злодеи, которые едят человеческое мясо» (Бременский А. 1989: 138), «свирепые, звероподобные, которые едят сырое мясо и пьют человеческую кровь» (Оттон Фрайзингенский 2010: 238—239), «худшие и самые жестокие из всех язычников, обитающих на земле» (Кверфуртский 2010: 57—58). Подобные эпитеты говорят о том, что средневековые авторы неоднократно акцентировали внимание на враждебности и деструктивности северо-причерноморского населения для европейского мира.

Нарративы средневековых авторов нашли свое продолжение и в новое время, отобразившиеся в визуальных текстах, где в образах скифов, которых считали предками татар, присутствуют элементы антично-средневекового мифологически-религиозного представления европейцев о регионе к востоку от христианской Европы. Ксилография Авраама де Брейна, изображающая скифского всадника, изданная в 1581 г., является характерным примером стереотипного «варварского» восприятия этого народа. Источником для работы А. Брейну служили устные представления, легенды и воображения о некогда кочующем степями Северного Причерноморья народе, которые он «перевел» в визуальный текст ксилографии. Не имея представления об одежде скифов, А. Брейн «одел» воина в одежду европейского покроя. Однако материалом одежды всадника были не произведенные ткани как маркер экономического прогресса, а обычная сильно ворсистая и плохо обработанная шкура животных как свидетельство хозяйственной отсталости. Тем самым автор подчеркнул экономическое и культурное положение скифов по отношению к цивилизованным мирам. Суровый и злобный нрав скифов подчеркнут изображением колчана для стрел, сделанным из человеческой руки и наличием трех отрубленных голов, привязанных к седлу. В руке скифский воин держит двухсторонний топор — сагарис, который был распространен у скифов (Hrd., VII, 64). На острие топора насажена человеческая голова, в которой узнаются «греческие» черты (борода, курчавые волосы, овал

лица). Голова скифа и его жертвы находятся на одном уровне. При этом скиф вглядывается в лицо «грека». Этим Брейн пытался визуальнo выразить противостояние «античного» и «варварского», а также показать пагубность существования варваров для развития «цивилизованных» народов и подчеркнуть их непонимание и недооценивание культурно-экономических достижений Европы (рис. 4).

Рефлексия к исторически-родственному цивилизационному прошлому и демонстрация современного экономического успеха на картушах карт отображали идеологию европейского цивилизационного христианского единства, которое поляризовало себя к «отсталому» и «варварскому» Востоку. Условная линия разграничения «своего» европейского и «чужого» варварского проходила по степям Северного Причерноморья. Это цивилизационное противостояние на фронтах в степях, а также стереотипные представления о народах Северного Причерноморья с особой силой отобразилось на картушах карт, начиная со середины XVII в. События Освободительной войны Богдана Хмельницкого (1648—1654 гг.) сделали определенный резонанс в Европе. Они привлекли внимание и вызвали интерес в европейском обществе к Северному Причерноморью как сопредельному региону с Гетманщиной и Речью Посполитой, где в основном и происходили события восстания. Одной из реакций, направленной на удовлетворение интереса в Европе к региону, стало издание в 1650 г. первой подробной карты гетманской Украины и смежных с нею земель, в том числе и Северного Причерноморья. Карту от руки составил французский военный инженер и картограф Гийом де Боплан (1595—1673) еще в 1638 г., а через десять лет её гравировал и издал Вильгельм Гондиус (1598—1652/58) в Данциге.

На картуше слева от надписи названия карты и герба Речи Посполитой изображен вооруженный казак, позади которого стоят украинские крестьянин и крестьянка. Слева изображен сидящий татарин с руками за спиной, а рядом женщина со скорбным лицом. Сущность этого европейского визуального посыла можно трактовать как положительный образ казака «защитника» украинского народа от татар, которых он победил. Об этом говорит обратное изображение обезоруженного татарина в профиль с опущенной головой и руками назад. Рядом сидит опечаленная женщина (Hondius 1648).

Более динамично представлена сцена цивилизационного противостояния в Северном Причерноморье на картуше голландской карты «*Tractus Borysthenis*», изданной в 1662 г. известным издателем Я. Блау (Blaeu 1662: 4). Четвертый лист карты отображает участок Днепра от современных Черкасс до его впадения в Черное море — регионе повышенной напряженности, противостояния «исламского» и «христианского». Картуш этой части с двух сторон уравновешен вооруженными людьми. В центре композиции изображена плоскость с названием карты, орнаментированной в стиле барокко. По краям этот орнаментированный картуш одной рукой держат справа казак, а слева татарин. В другой руке у казака кирка, а у татарина булава. Рядом возле этих фигур синхронно расположены стреляющие лучники, на заднем фоне обеих композиций изображены наступающие войска. Наличие кирки у казака — символа труда и освоения, и булавы у татарина, символизирующую власть, аллегорично отсылает нас к пониманию того, что татары владеют землями в Нижнем Поднепровье, а казаки пытаются их осваивать. И все это происходит на фоне постоянных военных конфликтов, о чем свидетельствует динамика и структура сюжета.

К карте «*Tractus Borysthenis*» приложены и картуши с масштабом и условными знаками, между которыми изображены домашние животные, которые являлись основой хозяйства населения Нижнего Поднепровья (видимо в порядке важности — лошади — на переднем плане, далее на заднем — крупный рогатый скот, овцы и козы).

Очень динамичное и в чём-то даже драматичное представляет собой сюжетное обрамление картуша карты Джованни Джакомо Росси (1627—1691), изданной в Риме в 1684 г. (Rossi 1684). Здесь изображено смертельное противостояние казаков и татар с характерным для барокко переплетением тел, подчеркивающих драматургию и усиливающих динамику восприятия происходящего. Сюжетным картушем, где раскрыта тема фронтирного противостояния в Северном Причерноморье, оформлена и карта «Великой Тартарии» известного французского картографа Гийома Делиля (1675—1726), изданная в 1706 г. в Париже. На карте хоть и представлены земли субрегиона «Великая Тартария» (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ и Северное Причерноморье), однако сюжет картуша образно связан только с Северным Причерноморьем. Сюжет картуша статичен и имеет четыре основных элемента. Слева изображена конная фигура казака в «гетманской» шапке, который тащит плененного татарина. Снизу — казак, седлающий лошадь для похода (вероятней всего против татар). Справа в полушаге — идущий лучник с явными признаками «европейской» одежды. Над плоскостью с названием карты изображена юрта — традиционное жилище кочевых народов (Del'Isle 1706). Этот сюжет также отсылает нас еще к боплановской аллегории казака — христианина и защитника мирных земледельцев от набегов кочевников — не христиан.

Как видим, картушная изобразительная традиция положительно изображает казачество, в отличие от татар, видя в них союзников в борьбе с опасным врагом в большей степени благодаря тому, что казаки были христианами и часто выступали на стороне европейских армий. Многие европейские авторы пишут о казаках как о защитниках христианской веры и отважных воинах, которые противостоят угрозе с Востока. Так, военный деятель Речи Посполитой, итальянец по происхождению Александро Гваньини, проявляет в отношении к населению Северного Причерноморья градацию по религиозному принципу. Запорожских казаков он воспринимает положительно. «Хорошо, что казаки есть», пишет А. Гваньини, намекая на их роль в сдерживании татарских набегов. Зато татары вызывают у него недоверие: «... язычникам (татарам) не можно верить, потому что мы их хорошо знаем по их делам» (Гваньини 2007: 428). Подобную позицию высказывает и Г. Боплан, когда он говорит о татарах, как о «других», отличных от христиан, которые рождаются как звери с закрытыми глазами и с присущей им природной жестокостью и дикарством в отношении к христианским народам, а казаков, наоборот, идеализирует и хвалит за природный военный талант (Боплан 1832: 41, 52).

Таким образом, рефлексия к античному прошлому, демонстрация благополучия системы, поляризация себя к отсталому и дикому Востоку, а также острота цивилизационного противостояния стали темами, которые сопровождали сюжеты картушей карт Северного Причерноморья и отображали образ региона для европейского христианского мира XVI — начала XVIII в. Этот образ служил как для укрепления внутриевропейских «единств», так и был клапаном для снятия возникающих напряжений. Эти две способности идеологии — укреплять социальные группы и «выпускать социальный пар», К. Гирц в своей теории напряжений назвал соответственно солидаристской и катартической (Гирц 2004: 235—236). Образ Северного Причерноморья как региона с его сформированным в античность и средневековье набором популярных символов, стереотипов и страхов, которые эмоционально напоминали христианскому миру о постоянно грядущей опасности, в значительной степени цементировало как общеевропейскую идеологическую ориентацию на солидарность, так и «отводила» социальные напряжения.

Литература

- Боплан Г. 1832. *Описание Украины*. Санкт-Петербург: Типография К. Крайя.
- Бременский А. 1989. Деяния Гамбургских Архиепископов. В: Свердлов М.Б. (сост.). *Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Средине XII — средине XIII в.* Москва; Ленинград: Институт истории АН СССР, 138.
- Вебер М. 2017. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.
- Вишленкова Е.А. 2011. *Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гваньїні О. 2007. *Хроніка європейської Сарматії*. Київ: Києво-Могилянська академія.
- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. Москва: РОССПЭН.
- Загадки 1995: Загадки послания сестре и переписка Бонифация. 1995. В: Иванов С.А., Литаврин Г.Г., Ронин В.К. (сост.). *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. 2. Москва: Восточная литература, 417.
- Кверфуртский Б. 2010. Послание к Германскому кролю Генриху II. В: Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Подосинова А.В. (ред.). *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. Т. 4. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 57—58.
- Оттон Фрайзингенский. 2010. Хроника (История о двух градах). В: Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Подосинова А.В. (ред.). *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. Т. 4. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 238—239.
- Blaeu J. 1645. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. Amsterdam: Edited by Willem and Joan Blaeu.
- Blaeu J. 1662. *Tractvs Borysthenis Vulgo Dniepr et Niepr dicti, a Chortika Ostro ad Urbem Oczakow. Atlas Maior*. Vol. II. Amsterdam: Edited by Willem and Joan Blaeu.
- Bruin A. 1581. *Ein reuter aus den land Schithia. Imperii ac Sacerdotii Ornatus. Diuersarum item gētium peculiaris vestitus*. Coloniae: [s.n.].
- Del'Isle G. 1706. *Carte de Tartarie. Dressee sur les relations de plusieurs voyageurs de differentes nations et sur quelques observations qui ont ete faites dans ce pais la par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences*. Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or avec privilege.
- Filas V. 2018. Tradition of European Perception of the Northern Black Sea Region and Its Population at the Time of Antiquity and the Middle Ages. *Східноєвропейський історичний вісник* 8, 8—17.
- Gibbon E. 1906. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. New York: Fred de Fau and Co.
- Homann I.B. 1720. *Tabula geographica qua pars Russiae Magnae, Pontus Euxinus seu Mare Nigrum et Tartaria Minor: cum finitimis Bulgariae, Romaniae et Natoliae Provinciis exhibe[n]tur*. Noribergae: Homann (Schul-Atlas von zwanzig General- und Special-Landkarten).
- Hondius G. 1648. *Delineatio generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina : cum adjacentibus provinciis / bono publico erecta per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan*. Danzig: Willem Hondius.
- Janssonius J. 1644. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. Amsterdam: Excudebant Janssonio-Waesbergii et Moses Pitt.
- Mercator G. 1595. *Taurica Chersonesus, Nostra aetate. Przecopsca, et Gazara dicitur*. Amsterdam: Gerard Mercator.
- Rossi G.G. 1684. *Tartaria D Europa ouero Piccola Tartaria divisa da Giacomo Cantelli da Vignola ne Tartari Nogai e del Crim, o di Precop Soggetti al proprio Kam ne Tartari di Budziack, d Oczackow, e di Dobruss, Soggetti al Turco. ne Tartari Circassi, e di Mordua soggetti al Gran Duca di Moscovita e nelle Due Uckraine una abitata da Cosacchi Tanaiti Soggetti al Moscovita, l'altra da Cosacchi di Zaporowa, ora liberi, e già dipendenti dalla Polonia*. Roma: Domenico de Rossi.
- Sanson N. 1665. *Tartarie Europeenne ou Petite Tartari ou sont Les Tartares, Du Crim, ou de Perecop; De Nogais, D'Oczakow, et de Budziak*. Paris: Mariette P.
- Schenk P. 1680. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. London: Janssonius-Waesberg / Pitt.

References

- Boplan, G. 1832. *Opisaniye Ukrainy (Description of Ukraine)*. Saint Petersburg: Tipografiya K. Kraya (in Russian).
- Bremenskiy, A. 1989. In: Sverdlov, M.B. (ed.). *Latinoyazychnyye istochniki po istorii Drevney Rusi: Sredina XII — sredina XIII v. (Latin-language sources on the history of Ancient Russia: Middle 12th — middle 13th c.)*. Moscow; Leningrad: Institut istorii AN SSSR, 138 (in Russian).
- Veber, M. 2017. *Izbrannoye. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma (Favorites. Protestant ethics and the spirit of capitalism)*. Moscow; Saink Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).
- Vishlenkova, E.A. 2011. *Vizual'noye narodovedeniye imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu" (Visual Ethnic Studies of the Empire, or "Not everyone can see Russian")*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Vulf, L. 2003. *Izobretaya Vostochnuyu Eevropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya (Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment)*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Gvanini, O. 2007. *Khronika evropeys'koi Sarmatii (Chronicle of the European Sarmatian)*. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya (in Ukrainian).
- Girts, K. 2004. *Interpretatsiya kul'tur (Interpretation of Cultures)*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Zagadki 1995: Zagadki poslaniya sestre i perepiska Bonifatsiya (Riddles of the message to the sister and the correspondence of Boniface). 1995. In: Ivanov, S.A., Litavrin, G.G., Ronin, V.K. (eds.). *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh (The collection of the oldest written information about the Slavs)*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 417 (in Russian).
- Kverfurtskiy, B. 2010. In: Dzhakson, T.N., Konovalovoy, I.G., Podosinova, A.V. (eds.). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov (Ancient Russia in the light of foreign sources)*. Vol. 4. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 57—58 (in Russian).
- Otto of Freising. 2010. In: Dzhakson, T.N., Konovalovoy, I.G., Podosinova, A.V. (eds.). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov (Ancient Russia in the light of foreign sources)*. Vol. 4. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 238—239 (in Russian).
- Blaeu, J. 1645. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. Amsterdam: Edited by Willem and Joan Blaeu.
- Blaeu, J. 1662. *Tractvs Borysthenis Vulgo Dniepr et Niepr dicti, a Chortika Ostro ad Urbem Oczakow. Atlas Maior*. Vol. II. Amsterdam: Edited by Willem and Joan Blaeu.
- Bruin, A. 1581. *Ein reuter aus den land Schithia. Imperii ac Sacerdotii Ornatus. Diuersarum item gētium peculiaris vestitus*. Coloniae: [s.n.].
- Del'Isle, G. 1706. *Carte de Tartarie. Dressee sur les relations de plusieurs voyageurs de differentes nations et sur quelques observations qui ont ete faites dans ce pais la par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences*. Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or avec privilege.
- Filas, V. 2018. In *Skhidnoyeuropeys'kyi istorychnyi visnyk (Eastern European Historical Bulletin)* 8, 8—17.
- Gibbon, E. 1906. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. New York: Fred de Fau and Co.
- Homann, I.B. 1720. *Tabula geographica qua pars Russiae Magnae, Pontus Euxinus seu Mare Nigrum et Tartaria Minor: cum finitimis Bulgariae, Romaniae et Natoliae Provinciis exhibe[n]tur*. Noribergae: Homann (Schul-Atlas von zwanzig General- und Special-Landkarten).
- Hondius, G. 1648. *Delineatio generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina : cum adjacentibus provinciis / bono publico erecta per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan*. Danzig: Willem Hondius.
- Janssonius, J. 1644. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. Amsterdam: Excudebant Janssonio-Waesbergii et Moses Pitt.
- Mercator, G. 1595. *Taurica Chersonesus, Nostra aetate. Przecopsca, et Gazara dicitur*. Amsterdam: Gerard Mercator.
- Rossi, G.G. 1684. *Tartaria D Europa ouero Piccola Tartaria divisa da Giacomo Cantelli da Vignola ne Tartari Nogai e del Crim, o di Precop Soggetti al proprio Kam ne Tartari di Budziack, d Oczackow, e di Dobruss, Soggetti al Turco. ne Tartari Circassi, e di Mordua soggetti al Gran Duca di Moscovia e nelle Due Uckraine una abitata da Cosacchi Tanaiti Soggetti al Moscovita, l'altra da Cosacchi di Zaporowa, ora liberi, e già dipendenti dalla Polonia*. Roma: Domenico de Rossi.
- Sanson, N. 1665. *Tartarie Europeenne ou Petite Tartari ou sont Les Tartares, Du Crim, ou de Perecop; De Nogais, D'Oczacow, et de Budziak*. Paris: Mariette P.
- Schenk, P. 1680. *Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur*. London: Janssonius-Waesberg / Pitt.

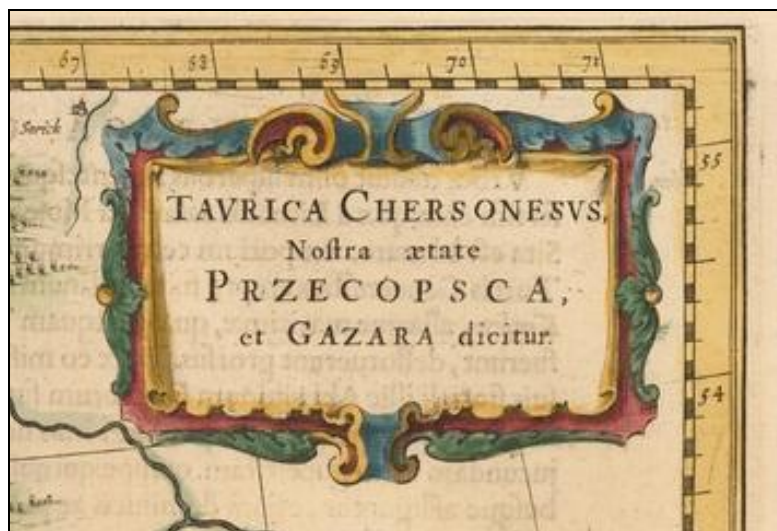

Рис. 1. Картуш к карте Я. Блау «Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur» 1645 (по Blaeu 1645).

Fig. 1. Cartouche to the map of Jan Blaeu “Taurica Chersonesus, Hodie Przecopsca, at Gazara dicitur” 1645 (after Blaeu 1645).

Рис. 2. Картуш к карте Н. Сансона (по Sanson 1665).

Fig. 2. Cartouche to the map of N. Sanson (after Sanson 1665).

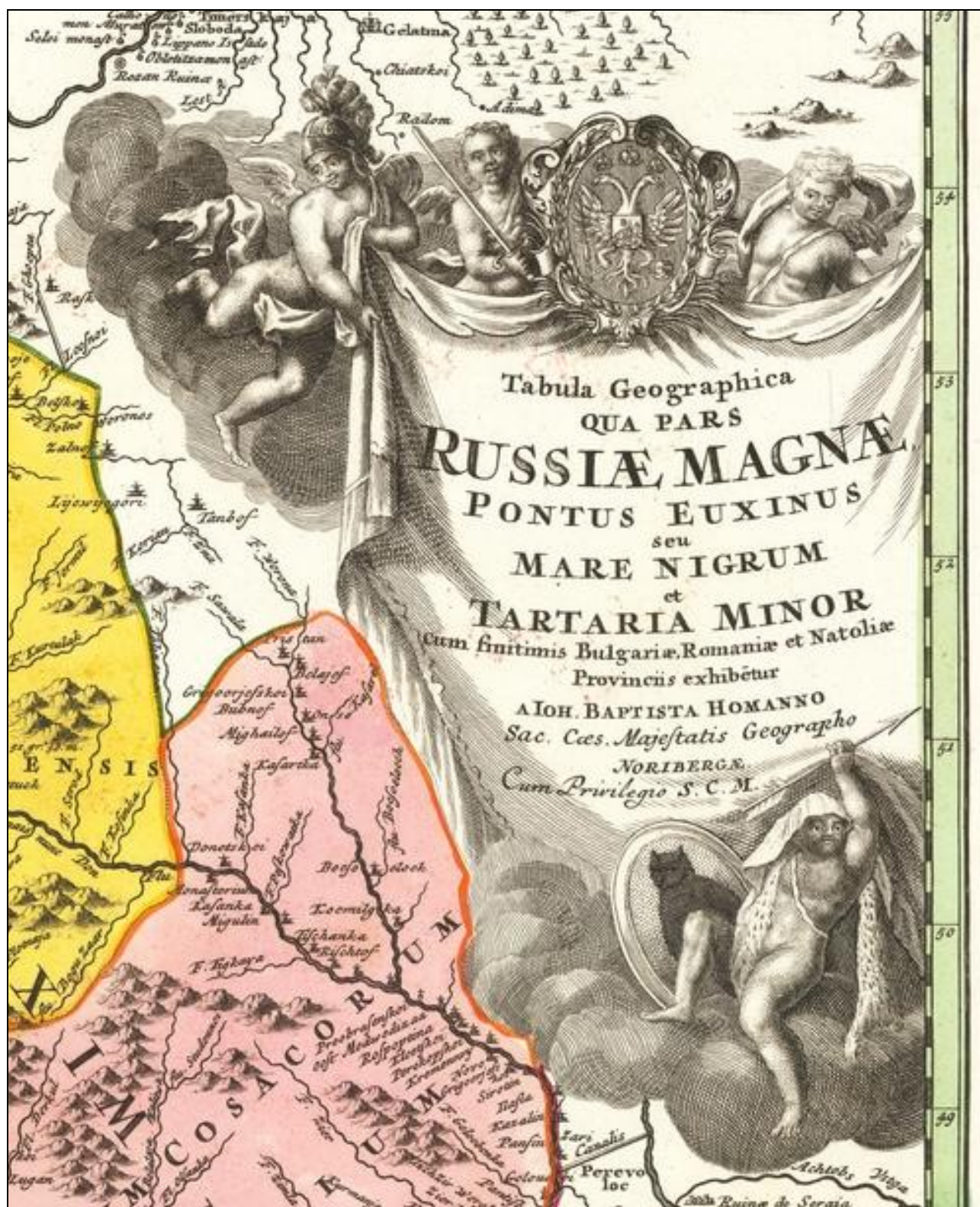

Рис. 3. Картуш к карте И.Б. Хаманна (по Homann 1720).

Fig. 3. Cartouche to the map of Johann Baptist Homann (after Homann 1720).

Рис. 4. Скифский всадник работы А. Брейна (по Bruin 1581).

Fig. 4. Scythian horseman by A. Brain (after Bruin 1581).

УДК 930.1

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.26.93.027

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

**О ВЫДВИЖЕНИИ Ф.И. ШМИТА
В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР***

Федор Иванович Шмит — крупный отечественный византист, историк и теоретик искусства, музеевед. Данная статья посвящена одному из эпизодов его научной деятельности в середине — второй половине 1920-х гг.: взаимоотношениям с Академией наук СССР и попытке выдвижения его кандидатуры в действительные члены АН СССР в 1928—1929 гг. Теоретические построения Шмита не находили понимания у представителей академической корпорации, однако с энтузиазмом принимались учеными более молодого поколения. В частности, представители музейного мира активно поддержали выдвижение Шмита в академики.

Ключевые слова: византиноведение, история науки, архивы, Российская академия наук, С.А. Жебелёв, Ф.И. Шмит.

Сведения об авторах: Ананьев Виталий Геннадьевич¹, доктор культурологии, доцент, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; Бухарин Михаил Дмитриевич², доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Контактная информация: ¹199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: v.ananьев@spbu.ru; ²119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, Институт всеобщей истории РАН; e-mail: michabucha@gmail.com.

V.G. Ananiev, M.D. Bukharin

**ON THE PROPOSAL OF THE CANDIDATURE OF F.I. SCHMIT
TO THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR**

Fyodor Ivanovich Schmit was a prominent Russian Byzantinist, art historian and museologist. This article is devoted to one of the episodes of his academic biography in the mid — second half of the 1920th: his relations with the Academy of Sciences of the USSR and an attempt to propose him as a full member of the Academy of Sciences of the USSR in 1928—1929. Schmit's theoretical conceptualizations did not find understanding among members of the academic corporation, but they were enthusiastically accepted by scholars of the younger generation. In particular, representatives of the museum world actively supported Schmit's election to the Academy.

Key words: Byzantine studies, history of science, archives, Russian Academy of Sciences, S.A. Zhebelyev, F.I. Schmit.

About the authors: Ananiev Vitaliy Gennadievich¹, Dr. habil. (Cultural Studies), Associate Professor, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; Bukharin Michael Dmitrievich², Dr. habil. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: ¹199034, Russian Federation, Saint Petersburg, 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg State University; e-mail: v.ananьев@spbu.ru; ²119334, Russian Federation, Moscow, 32a Lenin Av., Institute of World History, Russian Academy of Sciences; e-mail: michabucha@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 02 июня 2021 г.
Принята к печати 25 июня 2021 г.

Личность и научное наследие Федора Ивановича Шмита — крупного российского историка и теоретика искусства, музееведа — неизменно привлекают внимание ученых с рубежа 1980—1990-х гг. Можно говорить об «историографическом образе» Шмита, сложившемся в отечественной научной литературе (Сыченкова 2012). Однако по-прежнему актуальными остаются задачи введения в научный обиход новых архивных материалов и реконструкции тех аспектов и направлений его деятельности, которые пока еще остаются недостаточно исследованными или попросту неизвестными. К числу таковых можно отнести вопрос о связи Шмита с кругами академической науки Ленинграда во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., т.е. в тот период, когда он, уже будучи сложившимся ученым и академиком Всеукраинской академии наук, вернулся в 1924 г. из Украины в родной город и пытался найти собственное место в сложившихся здесь сетях отношений.

По возвращении в Ленинград Шмит приступил к преподаванию в родном университете и возглавил в качестве директора Институт истории искусств. Это были важнейшие центры интеллектуальной жизни города в первое послереволюционное десятилетие. По сравнению с дореволюционным состоянием они пережили весьма существенные трансформации и, хотя и по-разному, адаптировались к новой обстановке. Третий важнейший центр — Академия наук — к середине 1920-х гг. оставался гораздо более консервативным. Отношения Шмита с ним в этот период кажутся весьма осторожными.

Безусловно, прибытие в город крупного ученого, выпускника Санкт-Петербургского университета и бывшего ученого секретаря Российского археологического института в Константинополе не прошло незамеченным. 10 февраля 1925 г. член-корреспондент Академии наук СССР видный антиковед С.А. Жебелёв писал находившемуся в эмиграции в Чехословакии академику Н.П. Кондакову: «У нас появилось новое светило — Ф.И. Шмит, тот, кто писал о Кахриэ-Джами. Быстрок невероятный и, должно быть, бросил совсем заниматься наукою. Все изыскивает новые методы или, как у нас теперь говорят, “подходы”» (Тункина 2004: 752). В том же письме Жебелёв констатировал: «Недавно читал доклад о греческом искусстве, к которому, как он выразился, нужно придумать какую-нибудь этикетку. Таковою оказалось “движение”, а у всего последующего искусства, оказывается, такою этикеткою служит “пространство”» (Тункина 2004: 752).

Теория развития искусства, разрабатывавшаяся Шмитом на рубеже 1910—1920-х гг. и привлекавшая внимание ряда искусствоведов и культурологов конца XX в., не встретила понимания у представителей академической науки: она ассоциировалась со спекулятивными построениями, открытыми идеологическим манипуляциями, получившими распространение в 1920-е гг. В письме Жебелёва речь шла о докладе Шмита «Основная проблема античного искусства», сделанном 7 февраля 1925 г. на совместном заседании Объединенного совещания разрядов греко-римского искусства, археологии Скифии и Сарматии Российской академии истории материальной культуры, Отдела древностей Государственного Эрмитажа и Отделения античного искусства Института истории искусств под председательством Б.В. Фармаковского. Против основного тезиса доклада выступили и председатель, и такие авторитетные специалисты, как О.Ф. Вальдгауер и Б.Л. Богаевский. Дискуссии по докладу продолжались и на заседании 21 февраля (в отсутствии самого докладчика), когда свои соображения по этому поводу озвучил уже С.А. Жебелёв, не высказавший их в прошлый раз «за поздним временем» (ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30. Л. 10—15).

Формально отношения возглавляемого Шмитом института и Академии наук были вполне корректными и даже дружественными. О юбилее института Шмит, например, писал находившемуся в командировке Вальдгауеру: «Юбилей института мы торжественно отпраздновали и заседанием, и спектаклями, концертами, докладами, выставками. Все сошло

прекрасно — без сучка и задоринки, как говорится; получено много приветствий, личных (в том числе от А.П. Карпинского, президента АН), телеграфных (прекрасную телеграмму прислал из Москвы Н.Я. Марр) и письменных» (АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376. Л. 9). Однако тесным сотрудничеством на личном уровне не получалось. Если в первой половине 1920-х гг., при основателе и первом директоре института В.П. Зубове непреременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург все же принимал участие, пусть и спорадическое, в деятельности института, Шмиту установить с ним контакты не удавалось¹. 11 апреля 1926 г. Ольденбург писал Шмиту: «Жалею, что недостаток времени не позволяет мне быть на целом ряде интереснейших сообщений в Вашем институте, который, как слышу, живет весьма интенсивно» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.). Безуспешными, судя по всему, были и попытки Шмита, участвовавшего в подготовке искусствоведческих статей для Большой советской энциклопедии, привлечь Ольденбурга к этой работе.

Переезд Шмита в Ленинград нашел отражение и в переписке Жебелёва с академиком В.П. Бузескулом, жившим в Харькове и хорошо знавшим ученого. 21 марта 1926 г. Бузескул писал в Ленинград: «Ф.И. Шмит, без сомнения, — способный и прекрасный лектор, даже его небольшой физический недостаток этому несколько не мешает; он может даже нравиться. Ф.И. Шмит пользовался у нас большим успехом, имел всегда большую аудиторию, привлекал многих к занятиям историей искусства. Мы были довольны им как коллегой, избирали его в деканы на Высших Женских Курсах. Вот только его “философия истории” внушала нам большие сомнения; нам, старикам, казалось, что тут много легкомыслия и мало знакомства с историей вопроса, и мы не раз возражали Ф.И., а он объяснял это, по-видимому, нашу “отсталость”, нашу рутину» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 162. Л. 9 об. — 10).

Отношение ленинградских коллег к Шмиту было более настороженным. 12 марта 1925 г. Жебелёв писал Бузескулу: «Вы спрашиваете, был ли Ф.И. Шмит на чествовании Ф.И. Успенского? Был, но встреча обоих Федоров Ивановичей была довольно краткая и кислая. Ф.И. Шмит старается действовать вовсю. В возглавляемом им Институте истории искусств нет, однако, денег, а теперь без денег ничего не сделаешь. В Академии материальной культуры Ф.И. Шмит читал и будет еще продолжать читать об архитектуре и мозаиках монастыря на Хиосе ... Работа была им написана еще в 1912 г., когда он не был еще столь знаменитым, как теперь и, должен сказать, работа его очень хорошая и обстоятельная. *Sic transit*². К счастью, должен подчеркнуть это, Ф.И. Шмит и теперь во внешних сношениях очень корректен и не склонен к излишней болтовне, чем теперь многие грешат. Думается мне, что у нас он долго не уживется: слишком узко для него поле деятельности. Правда, говорят о привлечении его в Академию наук, но, я думаю, это злая болтовня его конкурентов» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76. Л. 18 об. — 19). И добавлял 6 апреля 1925 г.: «Что касается Ф.И. Шмита, то одно делает ему, по теперешним временам, бесспорную честь: держится вполне корректно и, пока что, инсинуациями не занимается. Все же, кажется, он чувствует себя неудовлетворенным» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76. Л. 21 об.).

¹ См., например, в письмах Шмита Вальдгауеру: «Необходимо теперь же принципиально решить и вопрос о новой Секции Восточного Искусства. Я Вам о ней говорил: как будто И.А. Орбели, С.Ф. Ольденбург и др. приветствуют это дело»; «...уже начал переговоры с С.Ф. Ольденбургом и И.А. Орбели об организации Секции Восточного (без России и Византии) Искусства, куда мог бы войти и Г.И. Котов, а может быть — Н.Н. Пунин или еще кто-нибудь» (АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376. Л. 11 об., 12 об.).

² Начальная часть выражения «*sic transit gloria mundi*» — «так проходит слава мира» (лат.).

В июне того же 1925 г. появились слухи о возможной причине этой неудовлетворенности. Стало известно, что «немецкая партия» в Эрмитаже попыталась добиться снятия с должности директора музея С.Н. Тройницкого: «Говорят даже, что на его место прочат Ф.И. Шмита. Если он попадет, не удивлюсь ... чего ради Ф.И. Шмит перебрался в наш город. Быть директором Эрмитажа импозантно». Когда в 1927 г. Тройницкий все же был снят с должности, имя Шмита по-прежнему называлось среди имен возможных преемников. Искусствовед и сотрудник Эрмитажа Ф.Ф. Нотгафт писал 22 мая 1927 г. искусствоведу и коллекционеру П.Е. Корнилову: «В Эрмитаже беда — уволен С.Н. Тройницкий. Очень тревожно, что будет дальше. Вальдгауер, Орбели, Марр, Бартольд, Федор Шмидт или кто другой» (ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 909. Л. 14). Однако возглавить Эрмитаж Шмиту так и не пришлось.

Его идеи явно в большей степени импонировали молодежи. Известно, что вслед за ним из Украины в Ленинград перебралось несколько его учеников, в том числе, например, Е.Э. Липшиц и А.С. Гущин, впоследствии ставшие крупными учеными. Оставшиеся вспоминали о нем и интересовались его судьбой на новом месте. Так, например, молодой искусствовед и музейный работник П.А. Кульженко писала художнице Е.К. Эвенбах: «Как работает у Вас в Ленинграде Шмит? Довольны ли им ленинградцы? Мы все очень жалеем о его отсутствии, — это был один из самых живых у нас людей» (ОР ГРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 172. Л. 1 об.).

Когда к концу 1920-х гг. положение Шмита в Институте истории искусств, раздираемом внутренними конфликтами и испытывавшем все более и более жесткое давление складывающегося тоталитарного государства сталинского образца, стало совсем тяжелым, а ситуация в постоянно реформируемом (а фактически — уничтожаемом) университете не могла ощущаться как сколько-нибудь стабильная, избрание в Академию наук вполне могло рассматриваться ученым как путь к некоторой стабильности (иллюзорной, как вскоре покажет трагедия Академического дела). Нами уже было сделано предположение, что приписав выбор темы своей магистерской диссертации именно Ф.И. Успенскому, Шмит пытался в очерке, посвященном памяти покойного академика, сконструировать прямую линию научной преемственности и делал это с оглядкой на возможное замещение академического кресла по византистике (Ананьев 2019).

Косвенным свидетельством этого может служить записка, адресованная Шмиту С.А. Жебелёвым (к тому времени уже академиком) и датированная 12 июля 1929 г.:

Глубокоуважаемый Федор Иванович!

не считите за комплимент — написали Вы о Вашем покойном тезке очень живо и увлекательно. Мне казалось бы только, что хорошо было бы прибавить к заглавию, в скобках, «по моим воспоминаниям», или что-либо в этом, дабы читатель не ожидал в Вашей статье найти больше, чем она дает. Так как типография академическая с 15 июля по 15 августа гуляет, то дать ход статье можно будет только после этого срока.

Преданный Вам
С. Жебелёв.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 123. Л. 16).

Таким образом, становится очевидным, что свой текст Шмит написал почти через год после смерти Успенского и пытался опубликовать именно в академическом издании в

преддверии академических выборов. Публикация, однако, не состоялась. Но выдвижение кандидатуры все же произошло. И вновь по инициативе научной молодежи! Для этого Шмиту пришлось обратиться к своим ученикам: как в Харькове, так и в Ленинграде.

Как пишет Е.Ю. Басаргина, «Шмит уже в 1928 г. понимал, что скоро наступит конец его карьере в Институте, и попытался занять кафедру византиноведения в Академии наук, освободившуюся в сентябре 1928 г. после смерти Ф.И. Успенского. Уже 3 октября 1928 г. Шмит обратился к своему бывшему ученику по Харьковскому университету Д.П. Гордееву с просьбой предложить его кандидатуру. Гордеев с готовностью откликнулся на эту просьбу и составил от Харьковской секции научно-исследовательской кафедры искусствоведения при УАН и ряда харьковских музеев представление <...> Все необходимые для представления документы Гордеев направил Н.Я. Марру с просьбой выставить кандидатуру Шмита, “если к тому не встретится препятствий”. В 1928 г. выборов, однако, не было, а в следующем, 1929 г., научная общественность поддержала кандидатуру Д.В. Айналова, который, к сожалению, тоже не прошел» (Басаргина 1999: 488).

Приводим письма Шмита.

№ 1

Ф.И. Шмит — Д.П. Гордееву

3 октября 1928 г.

Дорогой Дмитрий Петрович,

Пишу Вам совершенно доверительно и по странному делу. Заранее прошу Вас на это странное дело посмотреть с тою прямою, с какою я решился Вам написать, и на вопрос, который я намерен Вам поставить, ответить «да» или «нет», не считаясь ни с чем, кроме как с собственным пониманием и сути дела, и своих прав и обязанностей.

Скончался академик Ф.И. Успенский. Кафедра его будет в ближайшее время объявлена вакантною. Замещаться она будет в том же порядке, который определяется уставом АН — в течение 2 месяцев всем желающим учреждениям и лицам дано право представлять своих кандидатов (с приложением обязательно полных мотивировок и документов), затем в течение 2 месяцев идет публичное обсуждение названных кандидатур, а затем все делопроизводство обсуждается и голосуется в АН.

На кафедру Ф.И. Успенского возможны следующие кандидатуры: В.Н. Бенешевича, «чистого историка», т.е. историка византийской церкви и, в какой-то мере, византийской государственности; Д.В. Айналова — о нем я могу не распространяться; наконец, моя. Должен признаться, что живых византинистов, которые могли бы претендовать на академическое кресло, я других сейчас не вижу ни в Питере, ни в Москве, ни где-либо.

В.Н. Бенешевич известен, как яростный контрреволюционер, так что, по всему вероятно, будет отведен. Кроме того, насколько я знаю его труды, В.Н. Бенешевич не является человеком, способным выйти за традиционные рамки; я совершенно искренне убежден, что он будет бледным академиком, — а византиноведение сейчас находится в угрожаемом состоянии, и мы себе роскошь иметь бледного академика-византиниста позволить не можем.

Д.В. Айналов выставлен кандидатом уже в число 42. Или он пройдет — и вопрос о нем отпадет; или он не пройдет — тогда вновь поставить вопрос о нем в непосредственном будущем тоже не представится возможным.

Можно было бы выставить кандидатуру А.А. Васильева³ — и если бы А.А. Васильев не сбежал (хотя и с законным паспортом, но на чрезмерно долгий срок) за границу, он, несомненно, был бы очень сильным кандидатом. Но при сложившихся обстоятельствах, А.А. Васильев будет, наверное, отведен.

Остаюсь я. Чтобы я был особенно желательным для АН или для Правительства или для Партии кандидатом — никто и утверждать не станет. Но я не думаю, что меня кто-нибудь отведет. Если не выставить мою кандидатуру, легко может оказаться, что кафедру Ф.И. Успенского займет не-византинист. Это было бы жаль. А для моего себялюбия (я не говорю о самолюбии, потому что я никогда вопросов чести из внешних обстоятельств жизни не делал и не намерен делать) было бы жаль, если академический оклад, который может обеспечить самую возможность плодотворной работы, пропал бы раз навсегда для византистики.

Мне очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь выдвинул мою кандидатуру, хорошо ее мотивировав. Кто мог бы это сделать? В Киеве в Академии некому писать отзыв — да едва ли Киевская Академия станет рекомендовать своих сочленов в АН СССР. В нашем Институте мне неловко поднимать вопрос — все-таки: директор, которого рекомендуют его, так сказать, подчиненные. Остается один Харьков, т.е. Вы.

Если Вы сочтете для себя возможным такое дело, напишите мне, и я Вам немедленно вышлю все нужные Вам материалы — жизнеописание, список работ. Если Вы промолчите, я буду знать, что Вы считаете для себя предприятие неудобным. Будьте уверены, что ни в какой мере и ни на одну минуту Ваше молчание не испортит наши с Вами старинные дружеские отношения.

Искренне Ваш

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35. Л. 1—1 об.)

№ 2

Ф.И. Шмит — Д.П. Гордееву

На бланке с талоном о приеме на почте заказного отправления
21 октября 1928 г.

Дорогой Дмитрий Петрович,

Телеграмму Вашу получил и в ответ высылаю материалы, т.е. жизнеописание, список печатных трудов, набросок характеристики. За точность фактов жизнеописания и списка трудов я ручаюсь, так что Вы ими можете оперировать, как Вам угодно. Из списка трудов я уже изъял много всякого хлама. Возможно, что Вы, более объективно, чем возможно для автора, выкинете из списка и еще кое-что — №№ 4, 7, 8, 9, 13, 20, 23, 25, 27, 30, 32, 33, 35, 39, 47, 59, например ... останется 47 №№ и довольно. Ведь список пойдет не от моего имени, а от Вашего! Что касается характеристики, я в ней изложил, как я сам понимаю ход своего научного развития, — но это все для Вас уж окончательно ни в какой мере не обязательно.

---

³ Васильев, Александр Александрович (1867—1953) — российский, американский византинист, в мае 1925 г. по ходатайству РАН и РАИМК по линии Наркомпроса поехал в Берлин и Париж в научную командировку сроком до 15 сентября, однако в августе 1925 г. направился в США на один год для преподавательской работы, командировка продлевалась до 1 июля 1928 г. (Бонгард-Левин, Тункина 1997: 260); профессор Висконсинского университета, член-корреспондент РАН (1919), с 1919 г. — в РАИМК (в 1920—1921 гг. — ее председатель).

Теперь, еще одно: если Вы напишите и проведете через какую-то харьковскую научную организацию (это, по-видимому, совершенно необходимо) — для этого, может быть, потребуется специальное разрешение или согласование с Укрнаукою? — свое представление, направьте его частным образом Н.Я. Марру. Марру виднее, стоит ли возбуждать вопрос обо мне в качестве наследника Ф.И. Успенского, или не стоит. По-моему, Вы могли бы вполне положиться на Марра в этом вопросе: Марр лично ко мне относится несомненно хорошо, так что совет даст верный.

Сердечно Вас любящий

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35. Л. 2).

План этот нашел полную поддержку у Гордеева. В двадцатых числах октября он писал в Ленинград (точную дату установить не представляется возможным, т.к. на месте второй цифры в письме стоит след от дырокола):

№ 3

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Ваше письмо, от 3.Х. с.г., мне переслали сюда и тогда же вчера Вам телеграфировал. Повторяю — сделаю все возможное по этому делу. Я предполагаю внести заявление от здешней Ассоциации востоковедения (уже предварительно говорил вчера с Риттером, который снесется с Бузескулом о формальной стороне дела). Далее, когда Озерский (зав. Укранукой) вернется в Харьков (полагается около 25.Х), я запрошу — не встречается ли со стороны Укрнауки препятствий, чтобы Харьковская секция Научно-исследовательской кафедры искусствоведения подала такую же заявку, а равно и ряд харьковских музеев. Всю агитацию я, конечно, провожу по своей инициативе — надеюсь, это не встретит от Вас возражения. Если почему-либо возникнут задержки по линии учреждений, то гарантирована подача заявления от группы ученых — вчера, от своего имени, я уже беседовал с членами секции и другими. Как только получу от Вас обещанные в письме материалы — немедленно составлю все нужные документы для заявки <и> вышлю, куда Вы мне укажете. Если с первым пакетом — на телеграмму — не выслали, то дополнительно вышлите сюда точную инструкцию, куда и в какой срок и каким образом направить заявку в АН. Или, быть может, лучше все бумаги я мог бы направить Вам для предварительного ознакомления, а Вы, если одобрите редакцию и текст, уже сами перешлете в Ленинграде по назначению?

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 6—6 об.).

Следующее октябрьское письмо Гордеева содержало более конкретную информацию о проделанной работе:

№ 4

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Вчера получил Вашу открытку от 25 с.мес., — очень рад; спасибо за указания по БСЭ. По делу о Вашей кандидатуре могу сообщить следующее — 1) записка «Ф. И. Шмит как историк византийского искусства etc», подписанная мною, Зуммером и Таранушенко, уже совместно с *curriculum vitae* и списком трудов имеет хождение. Сегодня говорил с зав. Укрнаукой Наркомпроса УССР т. Озерским о желании секции и харьковских научных музеев выставить Вашу кандидатуру на византиноведческую вакансию в АН СССР и не встретил к тому с его стороны возражений, «подтримати» же он отказался, потому что состоит в комиссии (по выборам 42 в АН). Спрашивал лишь, как у Вас по политической части, вспоминая Харьковский процесс. Имейте это ввиду и, если будет нужно, то информируйте Марра о фактах, чтобы был в курсе дела. 2) Сейчас собираю подписи по секциям и музеям под отношениями к Николаю Яковлевичу, согласно Вашему желанию, раз по укрнауковской линии все устроено. При сем пересылаю для сведения копии обоих отношений — и от секций и от музеев, а равно и копию препроводительного письма к Николаю Яковлевичу; направлю ему все, как только соберу все нужные подписи. 3) В ближайшее же время постараюсь провести это дело и по Ассоциации востоковедения здешней. Копию и их отношения своевременно дошлю.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 9—9 об.).

В ноябре Гордеев отправил следующее письмо:

№ 5

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Я здесь задержан Укрнаукой — бумажными волокитами. Это дало возможность повидаться с вернувшимся сюда В.П. Бузескулом. О разговоре с ним пишу и Марру — выкопировав эту часть письма посылаю при сем. Добавлю, что Владислав Петрович в частном разговоре не очень-то меня обнадеживал, рисуя общую ситуацию в АН. Из его отдельных замечаний я составил себе следующее представление о положении дела — по-видимому, у ряда академиков есть желание иметь заместителем Ф.И.⁴ — Васильева (и он ведь не эмигрант, а в законном отпуску, где печатает работы в Англии и Америке, «возможно, что с ним будут списываться»). Ф.И. перед смертью, оказывается, решительно высказался за Бенешевича, как за своего преемника, однако, его кандидатура, по-видимому, у многих не встречает сочувствия. Айналов выдвинут по искусству, но о нем был разговор уже и как о византистике. Относительно Вас как кандидате Владислав Петрович⁵ — общей ситуации, а не лично (тут он был очень тепло настроен) — сказал, что в нынешнем, не расширенном составе, сомнительно большинство, но «подать заявление, конечно, можно». После январских выборов расширенного состава эта кандидатура возможно и пройдет. Когда официально будет объявлено о вакансии, а это — как видите — состоится по-видимому в

---

⁴ Имеется в виду академик Ф.И. Успенский.

⁵ Речь идет об академике В.П. Бузескуле.

январе или несколько позднее (Вам об этом виднее следить, кажется такие публикации даются в московских «Известиях»), то тогда уведомите меня, чтобы я, если будет нужно, написал тогда Ник. Яковл.⁶, чтобы напомнить.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 8—8 об.).

В письме Марру Гордеев писал:

В дополнение официального письма от 31.X.c.г. должен в частном порядке добавить нижеследующее:

1) т.к. я был задержан получением бумаг Укрнаукой, то я смог повидаться сегодня с вернувшимся из Ленинграда академиком В.П. Бузескулом, с каковым говорил и о выдвижении кандидатуры Ф.И. Шмита. По его словам, объявление о вакансии на кафедру византиноведения состоится после выборов академиков по увеличению штата АН, по-видимому, в январе 1929 г. Поэтому отношения секций и музеев, а равно и наша записка посылаются недатированными. Если в соответствующий момент Вы найдете, согласно желанию Ф.И. Шмита, желательным и возможным представление его кандидатуры, то тогда мы просим нужными числами датировать эти документы. 2) Если бы потребовалось представить еще какие-либо заявления или изменить форму представления — благоволите уведомить для выполнения.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 10).

Как показывают материалы, сохранившиеся в московских архивах, представлений в 1929 г. было как минимум два. Одно, действительно, было направлено в Академию наук от четырех харьковских научных учреждений, три из которых были музеями. В фонде самого Шмита сохранилась машинопись, текст которой практически идентичен первой части этого представления. На ней в верхнем правом углу первого листа рукой Шмита простым карандашом указаны авторы: Д.П. Гордеев, В.М. Зуммер, С.А. Таранушенко (ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 164. Л. 1). Второе подписано руководством пригородных дворцов-музеев Ленинграда, в которое в этот период входило несколько молодых людей, часть которых, вероятно, училась у Шмита в университете, а другие хорошо знали его по совместной работе пригородных дворцов-музеев и Института истории искусств, в середине 1920-х гг. активно включившегося в музейное строительство Ленинграда. Таким образом, именно представители музейного мира оказались наиболее отзывчивы к многогранной научной деятельности Шмита.

17. ШМИТ, Федор Иванович — Ленинград⁷

I

1. Харьковские секции научно-исследовательской кафедры искусствоведения при Всеукраинской А.Н.

II. Харьковский Государственный Художественно-Исторический Музей.

III. Харьковский Археологический музей

IV. Харьковский Музей Украинского Искусства.

⁶ Имеется в виду академик Н.Я. Марр.

⁷ Здесь зачеркнуто: Киев.

а) Шмит не замыкается ни в области изучения византийского искусства, ни даже в области истории искусства вообще: за последние 12 лет он выступал и как педагог, и как теоретик исторического процесса, и как практик-организатор научной работы.

1) В области истории византийского искусства Шмит, прежде всего, опубликовал ряд дотоле неизвестных или неудовлетворительно известных памятников первостепенного значения: мозаики Кахриэ-джами⁸, мозаики кипрской Панагии Ангелозданной⁹, мозаики Архиепископской капеллы в Равенне¹⁰, мозаики равеннской церкви Михаила Архангела¹¹, мозаики никейской церкви Успения¹²; новые данные опубликованы им и о мозаиках киевской св. Софии¹³ и киевского Михайловского Златоверхого собора¹⁴. Кроме того, Шмит впервые в печати сообщил точные сведения о росписи Погановского монастырского собора¹⁵, обследовал (после Ш. Диля¹⁶, Шульца и Барнсли¹⁷ и пр.) мозаичную роспись собора преподобного Луки в Стириде¹⁸. Большая публикация архитектуры и мозаик церкви хиосского Нового монастыря, уже напечатанная в очередном Т. XV «Известий Русского Археологического Института в Константинополе»¹⁹ и погибшая в 1914 г. при начале русско-турецкой войны, в настоящее время, по сохранившимся корректурным оттискам, вновь готовится к печати и должна появиться в одном из ближайших томов издаваемого в Мюнхене *Byzantinisches Archiv*²⁰.

Как исследователь истории византийского искусства Шмит начал с иконографических штудий о цикле богородичных легенд в Кахриэ-джами, о Благовещении²¹, о Крещении²² и т.д. Еще напечатанная в 1913/14 г. статья о мозаиках монастыря преподобного Луки отличается чисто иконографическим характером, также как статья о Равеннских мозаиках 1112 года²³, появившаяся в 1914 г., и написанная много раньше, но изданная только в 1917 г., статья «Заметки о поздневизантийских храмовых росписях»²⁴. Но уже в статье «Что такое

⁸ Имеется в виду Храм Христа-Спасителя в Полях ансамбля монастыря в Хоре в Стамбуле, хорошо сохранивший первоначальный вид; построен в 1077—1081 гг., перестроен в 1315—1321 гг. Мозаики и фрески храма — выдающийся пример поздневизантийского (палеологовского) Ренессанса. С 1948 по 2020 гг. — музей; см.: (Шмит 1906).

⁹ Имеется в виду базилика Всесвятой Богородицы Ангелозданной, расположенная в окрестностях Ларнаки (о. Кипр); построена, предположительно в XII в., перестроена в XVI в. В конхе алтарной апсиды Я.И. Смирнов открыл мозаику Богоматери Одигитрии с Младенцем-Христом, которую Ф.И. Шмит датировал IX в.; см.: (Шмит 1911с: 206—239).

¹⁰ Имеется в виду Капелла Св. Апостола Андрея, построенная в конце V — начале VI в. при Теодорихе.

¹¹ Имеется в виду церковь Сан-Микеле-ин-Афричиско, освященная в 547 г.; перестраивалась в XIII и XVI—XVII вв.; мозаики апсиды в настоящее время находятся в Музее Боде, Берлин; см.: (Шмит 1915: 47—54).

¹² Имеется в виду церковь Успения Пресвятой Богородицы в монастыре Иакинфа в Никее (совр. Изник, Турция); построена не позднее 726 г.; см.: (Schmit 1927).

¹³ Шмит 1913: 3—22.

¹⁴ Шмит 1919: 79—85.

¹⁵ Schmit 1908: 121—128.

¹⁶ Diehl 1889: 1—73; 1896: 231—246; 1905: 370—391; 1910: 476—479.

¹⁷ Schultz, Barnsley 1901: 1—76.

¹⁸ Монастырь Св. Луки Элладского — выдающийся памятник византийского искусства X в., расположенный недалеко от Стириды (Греция) на дороге из Ливадии в Дельфы. Ф.И. Шмит в частности отстаивал датировку мозаик кафоликона XII в.; см.: (Шмит 1912а: 45—50; 1914а: 318—334).

¹⁹ Как следует из ниже приведенного изложения, речь идет о работе «История византийской монументальной живописи XI—XIV вв.». В томе XV ИРАИК изданы три работы Ф.И. Шмита, но в них мозаики хиосского монастыря Неа Мони не анализируются. Очевидно, том формировался заново после того, как первый вариант набора был утерян в ходе боевых действий.

²⁰ Опубликована не была. О ее судьбе см.: (Басаргина 1999: 493—494).

²¹ Шмит 1911b: 31—72.

²² Шмит 1911с: 73—91.

²³ Шмит 1914b: 7—36.

²⁴ Шмит 1917: 62—126.

византийское искусство?» в «Вестнике Европы» за 1912 г.²⁵ и столь же остро в статье «La Renaissance de la peinture byzantine au IV siècle», появившейся в том же 1912 г. в «Revue archéologique»²⁶, вопрос ставится уже не о сюжетах, а о стиле, и не об отдельных памятниках, а о построении всего исторического процесса развития, поскольку он сказывается в истории византийского искусства.

И раз эти большие вопросы выдвинулись для Шмита на первый план, он по необходимости расширил поле своих исследований.

2) В своем университетском курсе 1914/15 г. Шмит попытался, далеко за пределами своей византиноведческой специальности, на искусстве древнего Востока проверить нащупанные им в развитии византийского искусства закономерности. Появляется книга «Законы истории», вып. 1²⁷. Разумеется, никакого выпуска 2 за этим первым не последовало: стало ясно, что нельзя говорить о закономерностях развития, раз самая суть художественных явлений остается неведомою. Шмит убедился, что те изменения содержания, которые он констатировал в искусстве древнего Востока и в искусстве Византии, не могут быть объективно и точно устанавливаемы, пока не будут прослежены те бесспорные формальные изменения стиля, которые происходят с течением времени. Книга 1919 г. «Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция»²⁸, поставившая все вопросы теории искусства в новом разрезе, должна была ответить на них лучше, чем это было сделано в «Законах истории».

Смену стилей в искусстве Шмит охарактеризовал рядом стилистических проблем, которые сменяются по мере роста образного мышления человечества, и которые обуславливают особую структуру мышления, господствующую в каждую данную эпоху. Так как количество этих проблем ограничено, вся история должна повторяться, т.е. вся история человечества должна распадаться на отдельные циклы, в каждом из которых исторический процесс развертывается однообразно—закономерно, проходя через ряд фаз и исчерпывая себя в этом прохождении. Отныне вопрос о повторяемости стилей, вопрос, следовательно, о стилях, как обще-исторических категориях, занял первое место в работе Шмита.

3) В неблагоприятной обстановке империалистической войны, революции и гражданской войны нельзя было и думать о том, чтобы предпринять в общеоисторическом масштабе те исследования, которые только и позволили бы в деталях проверить получившиеся в результате теоретической работы выводы на фактах. Шмит поэтому решил приложить эти выводы к изучению детского художественного творчества: если биогенетический закон и должно формулировать очень осторожно, то развитие образного мышления, если оно происходит законообразно, должно протекать одинаково и у детей, и у человечества, потому что законосообразность развития основана на существовании образного мышления, а не на метафизике. Шмит организует в Харькове сбор детских рисунков, основывает в Харькове целый музей детского художественного творчества и публикует результаты своих наблюдений в брошюре²⁹, затем в книге на украинском языке³⁰, наконец, — в книге «Почему и зачем дети рисуют», изданной ГИЗом в Москве в 1924 г.³¹ Все развитие ребенка, как оказалось, действительно, распадается на несколько циклов, в

²⁵ Шмит 1912b: 221—225.

²⁶ Schmit 1912: 127—142.

²⁷ Шмит 1916. В этом выпуске рассматривались закономерности развития искусства древнего Египта, Месопотамии и крито-микенской цивилизации.

²⁸ Шмит 1919b.

²⁹ Шмит 1918a; 1918b; Шмит 1919d.

³⁰ Шмит 1921.

³¹ Шмит 1924.

пределах которых можно отчетливо различать все исторические и теоретически установленные фазы — об этом свидетельствуют огромные массы подлинных материалов, накопившихся в киевском академическом Кабинете достижения дитячей творчости.

4) Но педологический материал показал с полной убедительностью, что смена структур образного мышления совпадает со сменой возрастов, с глубокими изменениями, следовательно, которые происходят в самом организме. И так как Шмит к педагогическим вопросам подходил все время в надежде извлечь из наблюдений над детьми материал для исторических выводов и обобщений, он не мог пройти мимо и этой закономерности. В области истории эти закономерности называются историческим материализмом. Шмит силою вещей был поставлен лицом к лицу с марксистскою теорией. Но так как марксистская теория именно в применении к искусству еще не разработана, Шмит не мог удовлетвориться простым заимствованием плехановских или иных положений, а тщательно прорабатывает вопрос. Оба издания книжки «Предмет и границы социологического искусствоведения» свидетельствуют об этой работе.

В настоящее время Шмит, считая общую схему исторического процесса в грубых чертах твердо установленной, занят детальными изысканиями в области вопроса о скоростях исторического Продвижения, о влиянии т.н. «заимствований» на эти скорости, о сложении скоростей и т.д. Эти изыскания могут быть проведены только на конкретном материале, и Шмит поэтому возвращается к тем византиноведческим темам, которыми он, как будто, пренебрегал в течение ряда лет: уже появилась его монография о Никее, готовится к печати новая монография о хиосском Новом монастыре³², задуман ряд работ о русско-византийских памятниках средневековья.

5) Как организатор научной работы Шмит проявил себя уже в Харькове, где он принял чрезвычайно деятельное участие как в деле строительства харьковских Высших женских курсов, так, особенно, в 1913—1921 гг. в деле музейного строительства³³. Таким же организатором Шмит остался и в Киеве, и в Ленинграде, где он с начала 1925 г. работает в качестве директора Государственного Института истории искусств.

6) Шмит родился 3/15 мая 1877 в Санкт-Петербурге. Среднее образование получил там же <в> 1886—1894 <гг.> в классической гимназии. <В> 1895 <г.> поступил на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Университета и кончил курс <в> 1899 <г.> по классическому отделению. <В> 1900 <г.> сдал государственные экзамены и был оставлен при Университете «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре теории и истории искусств.

Еще до сдачи государственных экзаменов Шмит осенью 1899 <г.> уехал в Италию, заняв должность домашнего учителя в доме тогдашнего русского посла в Риме А.И. Нелидова³⁴. Две зимы, проведенные в Риме, и ряд поездок по художественным центрам Италии дали Шмиту возможность ознакомиться с памятниками и античного, и средневекового, и нового искусства, причем, под влиянием такого тонкого знатока Византии, каким был А.И. Нелидов, интересы Шмита все больше сосредоточивались на средневековье, которое казалось мостом между классическою древностью и ренессансом. Поэтому Шмит исходатайствовал себе командировку в Русский Археологический Институт (1901—1904) в Константинополе.

³² Работа над ней велась ученым во второй половине 1920-х гг. Не опубликована. См. выше прим. 14.

³³ Шмит 1919с.

³⁴ Нелидов, Александр Иванович (1835—1910) — дипломат, посол в Италии (1897—1903) и Франции (1907—1910).

Немедленно по приезде в Константинополь Шмит, по предложению Директора РАИК академика Ф.И. Успенского, приступил к монографическому исследованию архитектуры, мозаик и фресок знаменитейшего памятника искусства эпохи Палеологов Кахрие-джами. Когда работа над самим памятником, к лету 1905 г., была закончена, Шмит использовал третий год командировки для длительного путешествия на Афон, в Салоники, Смирну, по Греции, Сицилии, Южной Италии, в Рим. Проработав несколько месяцев над греческими рукописями Ватиканской библиотеки, Шмит снова пустился в путь, посетил весной 1904 <г.> Ассизи, Римини, Болонью, Милан, Дженову, Верону, работал затем в библиотеках Мюнхена и Вены и, наконец, к осени вернулся в Санкт-Петербург.

Здесь Шмит с начала учебного года занял должность преподавателя истории и древних языков в Петергофской гимназии. Закончив вчерне текст диссертации о Кахрие-джами, Шмит летом 1905 г. вновь поехал в Константинополь для окончательной отделки книги и съездил в Грац, чтобы посоветоваться с знаменитым византинистом Й. Стржиговским³⁵. Летом 1905 <г.> Шмит отправился в Софию (Болгария), чтобы лично наблюдать за печатанием своей книги³⁶ и ознакомиться попутно с болгарскими средневековыми памятниками. Болгарское правительство пригласило Шмита на следующий год специально приехать в Болгарию для разработки плана археологического изучения страны. Летом 1907 г. Шмит, действительно, посвятил три месяца систематическому обследованию памятников всей Болгарии и положил начало той работе, которая с тех пор ведется болгарскими Археологическим обществом и Археологическим институтом.

Летом 1908 <г.> Шмит, сдав тем временем магистерские экзамены, был назначен и.д. ученого секретаря КЛИ³⁷, в каковой должности был утвержден весной 1909 <г.> по защите диссертации в Санкт-Петербургском университете. В университете Шмит заведовал библиотекою и художественно-историческими собраниями. При каждой возможности Шмит предпринимал более или менее длительные поездки по центрам византийского искусства: на Хиос, в Смирну, в Салоники, в Никею. Весной 1912 <г.> Шмит был представителем Института на международном конгрессе ориенталистов и использовал командировку для того, чтобы обойти еще не виденные им части Греции — Скрипу³⁸, Стириду³⁹, Дельфы⁴⁰, Мега-Спилеон⁴¹, и чтобы исследовать архитектурные памятники Монебвасии⁴².

Осенью 1912 <г.> Шмит был избран Историко-филологическим факультетом и Советом Харьковского университета на кафедру теории и истории искусств; по приезде в Харьков Шмит стал также профессором Высших Женских Курсов и преподавателем Художественного училища, позднее — еще и профессором Консерватории. На 1913, 1914,

³⁵ Стржиговский, Йозеф (Strzygowski, Józef; 1862—1941) — австрийский искусствовед-востоковед широкого профиля, профессор университета Граца (1892), директор Института истории искусств при Венском университете (1909—1933), сторонник идеи о сильном влиянии Византии на формирование западноевропейского искусства; поддерживал тесные контакты с российскими коллегами — Д.В. Айналовым, С.Ф. Ольденбургом. О нем и о его контактах с российскими коллегами, в том числе о конфликтах, см. пристрастную, но информативную публикацию: Marchand 2015: 257—285.

³⁶ Имеется в виду работа (Шмит 1906).

³⁷ Так в тексте. Ошибка в машинописи. Правильное чтение — КАИ, что можно трактовать как Константинопольский археологический институт.

³⁸ До 1955 г. название г. Орхоменос в Беотии (Центральная Греция). В нем расположен монастырь Панайа с церковью Успения Пресвятой Богородицы; датируется 873—874 гг.

³⁹ Местность, рядом с которой расположен Монастырь Св. Луки Элладского, см. выше прим. 12.

⁴⁰ Город в Юго-Восточной Фокиде.

⁴¹ Μέγα Σπήλαιο — «великая пещера»: один из древнейших монастырей Греции, расположен в Пелопоннесе рядом с г. Калавриты.

⁴² Название деревни на одноименном острове рядом с Пелопоннесом, происходит от др.-греч. μόνη ἐμπλασία — «один вход». Сохранилась церковь Св. Софии (1150 г.).

1916, 1917 и 1919 <гг.> Шмит избирался деканом Историко-филологического факультета ВЖК, а в январе 1920 <г.>, по установлении Советской власти на Украине и по слиянии ВЖК с университетом, был избран деканом факультета в университете. В этой должности Шмит оставался до 15 июня 1921 <г.>, когда Харьковский университет был упразднен. За время 1913—1921 <гг.> Шмит состоял членом и председателем многочисленных факультетских и советских комиссий, как в Университете, так и на ВЖК. Непосредственно после февральской революции Шмит был бессменным председателем всех общих собраний научных работников Харькова. <В> 1919 <г.> Шмит стоял во главе им же основанного Вольного Факультета искусств.

За время 1912—1921 <гг.> Шмит предпринял ряд поездок с научной целью; летом 1913 <г.> — сначала в Северную Италию для специального изучения Равеннских мозаичных росписей, а затем в Новгород и Псков, летом 1914 <г.> — в Берлин для работы в музеях и библиотеках (начало империалистической войны помешало продолжить путешествие дальше на юг); зимою 1915—1916 <гг.> — в Санкт-Петербург для работы в архиве Археологической комиссии и разыскания материалов о византийских памятниках Украины; летом 1916 <г.> — в Трапезунд для участия в работе экспедиции академика Ф.И. Успенского, причем была проведена расчистка фресковой росписи св. Софии и составлено монографическое описание этого памятника; многократно <в> 1915—1919 <гг.> — в Киев для налаживания⁴³ дела исследования, воспроизведения и издания киевской св. Софии.

Со времени окончательного утверждения Советской Власти на Украине, с конца декабря 1919 г. — Шмит принимал деятельное участие в организации, регистрации и охране памятников искусства и старины и в деле музейного строительства, сначала в качестве члена Коллегии Всеукраинского Комитета охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС), потом — в качестве его Заместителя Председателя и Заведующего Научным отделом. Одновременно Шмит заведовал Музейным Отделом Харьковского ГубКОПИС'а⁴⁴, разработал план полной реорганизации музейной сети в Харькове и осуществил его. В январе 1921 <г.> Шмит по поручению Художественного сектора ГлавПолитПросвета УССР стал организовывать Секцию научных исследований и эстетики, и принял участие в устройстве первой после Октября художественной выставки в Харькове. Кроме того, Шмит в 1920—1921 г. был членом Редколлегии УкрГосИздата, заведующим художественным отделом издательства.

В мае 1921 <г.> Шмит поехал в Киев, чтобы провести в Украинской Академии Наук свой давнишний проект учреждения специальной комиссии для научного описания, исследования и издания киевской св. Софии. Первое Отделение Академии проект Шмита одобрило, комиссию учредило и Шмит был единогласно избран ее председателем. Вслед за тем Шмит был избран действительным академиком УАН, переселился в Киев, где председательствовал кроме Софийской комиссии, еще и в Археологической Комиссии⁴⁵ и в К<омите>те Музея УАН им. Ханенко⁴⁶. <В> 1921—1924 <гг.> Шмит преподавал в Художественно-архитектурном и Музыкально-драматическом Институтах, был ректором Археологического института, а с июля 1922 <г.> директором («керовником»⁴⁷) научно-

⁴³ В оригинале — «налажения».

⁴⁴ Губернский комитет охраны памятников искусства и старины.

⁴⁵ Императорская археологическая комиссия — в 1859—1919 гг. — главный государственный орган, отвечавший за проведение археологических исследований в Российской империи, предтеча РАИМК.

⁴⁶ Музей, основанный коллекционерами Б. и В. Ханенко, передавшими свое собрание Всеукраинской академии наук; в настоящее время — Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко.

⁴⁷ От польского «kierownik» — наставник, руководитель.

исследовательской «кафедры» искусствоведения. С осени 1923 <г.> Шмит был директором Софийского и Лаврского музеев.

Весною 1924 <г.> Шмит сложил с себя вышеперечисленные должности, кроме только должностей действительного академика, директора Научно-исследовательского института искусствоведения и ректора Археологического института и перенес центр своей работы в Москву, где еще <в> 1921 <г.> заочно был избран заведующим Отделом великокняжеских древностей московского Исторического музея, а позднее и членом Института искусствоведения и археологии РАНИОН⁴⁸. Осенью 1924 <г.> Шмит был назначен профессором 1 МГУ⁴⁹, членом Музейно-библиотечной секции ГУС⁵⁰ и членом президиума Художественно-педагогической подсекции Научно-педагогической секции ГУС.

С января 1925 <г.> Шмит занял должность директора Государственного института истории искусств в Ленинграде и вошел в штат Государственной академии истории материальной культуры, членом которой состоял с 1919 г., года основания Академии. Одновременно он вышел из штата УАН, сохранив звание действительного академика (пожизненное), и из штата РАНИОН, сохранив звание действительного члена. С февраля 1925 <г.> Шмит стал профессором ЛГУ и ведет преподавание на Государственных Высших Курсах искусствоведения при ГИИИ.

В октябре — декабре 1926 <г.> Шмит отправился в заграничную командировку для устройства в Германии выставки копий ГИИИ с памятников древнерусской монументальной живописи⁵¹.

В настоящее время Шмит состоит действительным членом Украинской АН, Государственной академии истории материальной культуры, Государственного института истории искусств, Института искусствознания и археологии РАНИОН, Германского и Болгарского Археологических институтов, действительным членом и членом-корреспондентом многих русских и иностранных научных организации и обществ, членом-корреспондентом Государственной академии художественных наук.

в) Список печатных научных трудов.

В настоящий список не вошли многочисленные газетные и журнальные статьи публицистического характера в русских и иностранных органах печати; кроме того, в список не вошли три крупнейшие работы, которые были совершенно приготовлены к печати или напечатаны, но не вышли в свет по причинам, от автора не зависевшим — «История византийской монументальной живописи XI—XIV вв.», частью напечатанная в погибшем <в> 1914 <г.> в начале русско-турецкой войны в Константинополе XV томе «Известий Русского Археологического Института»; «Равеннские мозаики» — монография, рукопись которой была украдена <в> 1916 <г.> в Трапезунде и, по-видимому, раскурена солдатами на сигарки; «История мозаичной живописи», находившаяся в одной из псковских типографий в работе в момент эвакуации Пскова <в> 1915 г., и, по-видимому, погибшая окончательно⁵².

Добавить нужно еще, что Шмит вместе с И.Э. Грабарем редактирует подраздел изобразительных искусств Большой Советской Энциклопедии.

⁴⁸ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук — объединение научно-исследовательских учреждений гуманитарного и общественно-научного профиля; существовала в 1924—1930 гг.

⁴⁹ Официальное название МГУ им. Ломоносова в 1918—1930 гг.: 1-й Московский государственный университет.

⁵⁰ ГУС — Государственный Ученый совет — руководящий орган Наркомпроса в 1919—1933 гг., подразделялся на несколько секций.

⁵¹ Irmscher 1994: 240—247.

⁵² Далее следует список печатных трудов Шмита, в данной публикации не воспроизводящийся.

II

Непременному Секретарю Академии Наук СССР

Объединение Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев, Гатчинский дворец-музей и объединение Детско-сельских и Павловского дворцов-музеев поддерживают кандидатуру директора Института истории искусств Федора Ивановича ШМИТА в действительные члены Всесоюзной академии наук.

Профессор Ф.И. Шмит, обладающий богатой и разносторонней эрудицией, не только ведет теоретическую научную работу по созданию новой марксистской науки об искусстве, но участвует и в практической перестройке и приближении к широким массам трудящихся научных, учебных и музейных учреждений.

Новые молодые работники ленинградских пригородных дворцов-музеев в своей работе по превращению бывших царских дворцов из памятников реликвий в политико-просветительные музеи, встретили в лице Ф.И. ШМИТА человека, оказывавшего им постоянную поддержку и идейно руководившего их новыми работами.

Ф.И. ШМИТ вполне достоин звания действительного члена всесоюзной Академии Наук, способен содействовать перерождению старой Академии и вовлечению ее на путь строительство новой пролетарской культуры.

Заместитель Заведующего Объединением Петергофских и Ораниенбаумского дворцов-музеев
(А. Шеманский)⁵³

Заведующий Гатчинским Дворцом-Музеем
(Крылов)⁵⁴

Заведующий Научной частью Гатчинского Дворца-Музея
(Галич)⁵⁵

Заместитель Заведующего Объединением Детско-Сельских и Павловского дворцов-музеев по Научно-музейной части
(А. Комелова)⁵⁶
21. VIII. 29 г.

с подлинным верно:

Делопроизводитель Секретариата Академии Наук СССР
(К. Ушакова)

(Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2. Л. 378—385 = ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 55. Л. 1, 2—8).

⁵³ Шеманский, Анатолий Владимирович (1904—1941) — музейный деятель, в 1922—1926 гг. — учился в Петроградском университете, член Общества социологии и истории искусства (куда входил и Шмит), с 1925 г. — в Управлении Петергофских дворцов-музеев.

⁵⁴ Крылов И.В. — в 1927—1931 гг. возглавлял Гатчинский дворец-музей в качестве заведующего, затем — директора.

⁵⁵ Галич Илья Илларионович (1900—?) — в 1922—1925 гг. учился в Петроградском университете, в 1928—1932 гг. заведующий научной частью Гатчинского дворца-музея, погиб в годы Великой Отечественной войны.

⁵⁶ Комелова, Анна Сергеевна (?—?) — искусствовед, художник, сотрудник Детскосельских музеев с 1917 г., в 1924 г. окончила Академию художеств, в 1926 г. выступала в Институте истории искусств на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства с докладом «Возникновение и рост обывательского города Царское Село».

Литература

- АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376.
Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2.
ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 55.
ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 909.
ОР ГРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 172.
ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30.
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 162.
СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 114.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 123.
Ананьев В.Г. 2019. Ф.И. Шмит по эпистолярным материалам из архивного фонда С.Ф. Платонова. *Scripta antiqua* 7, 393—410.
Басаргина Е.Ю. 1999. Ф.И. Шмит: материалы к биографии. В: Медведев И.П. (ред.). *Рукописное наследие русских византинистов*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 478—496.
Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. 1997. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. В: Бонгард-Левин Г.М. (ред.). *Скифский роман*. Москва: РОССПЭН, 259—287.
Сыченкова Л.А. 2012. Историографический образ Федора Шмита. *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 154. Кн. 3, 199—208.
Тункина И.В. 2004. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни: (по материалам эпистолярного наследия). В: Медведев И.П. (ред.). *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 641—765.
Шмит Ф.И. 1906. Кахриэ-Джами. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики Нарфигов. С альбомом в 92 таблицы. *ИРАИК XI*.
Шмит Ф.И. 1911a. Παναγία Ἀγγελόκτιστος. *ИРАИК XV*, 206—239.
Шмит Ф.И. 1911b. Благовещение. *ИРАИК XV*, 31—72.
Шмит Ф.И. 1911c. Один из иконографических вариантов крещения Спасителя. *ИРАИК XV*, 73—91.
Шмит Ф.И. 1912a. Памятники византийского искусства в Греции. *ЖМНП. Новая серия X*, 45—50.
Шмит Ф.И. 1912b. Что такое византийское искусство. *Вестник Европы*. Октябрь, 221—255.
Шмит Ф.И. 1913. Киевский Софийский собор. *Светильник* 8, 3—22.
Шмит Ф.И. 1914a. Мозаики монастыря преподобного Луки. В: *Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула*. Харьков: Печатное дело (Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 21), 318—334.
Шмит Ф.И. 1914b. Равеннские мозаики 1112 г. *Светильник* 7, 7—36.
Шмит Ф.И. 1915. Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне. *Светильник* 3—4, 47—54.
Шмит Ф.И. 1916. *Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств*. Вып. 1. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья.
Шмит Ф.И. 1917. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. *ВВ* 22, 62—126.
Шмит Ф.И. 1918a. Психология рисования. *Внешкольное просвещение* 3, 23—27.
Шмит Ф.И. 1918b. Психология рисования. *Внешкольное просвещение* 4—6, 22—34.
Шмит Ф.И. 1919a. *Искусство Древней Руси — Украины*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919b. *Искусство — его психология, его эволюция, его стилистика*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919c. *Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919d. *О психологии рисования*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1921. *Психологія малювання для педагогів*. Київ: Державне видавництво.
Шмит Ф.И. 1924. *Почему и зачем дети рисуют. Педологический и педагогический очерк*. Москва: ГИЗ.
Diehl Ch. 1889. L'église et les mosaïques du couvent de Saint-Luc en Phocide. *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome LV*, 1—73.

- Diehl Ch. 1896. Mosaïques byzantines de Saint-Luc. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. T. 3. Fs. 2, 231—246.
- Diehl Ch. 1905. *Études byzantines*. Paris: A. Picard et fils.
- Diehl Ch. 1910. *Manuel d'art byzantin*. Paris: A. Picard et fils.
- Irmischer J. 1994. Die Ausstellung «Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei», Berlin 1926. *Byzantina Symmeikta* 9, 240—247.
- Marchand S. 2015. Appreciating the Art of Others: Joseph Strzygowski and the Austrian Origins of Non-Western Art History. In: Dglosz M., Scholz P.O. (eds). *Von Biala nach Wien: Josef Strzygowski und die Kulturwissenschaften*. Vienna: Ibero Verlag; European University Press Verlagsgesellschaft m.b.H., 257—285.
- Schmit Th. 1908. Die Malerei des bulgarischen Klosters Poganovo. *Byzantinische Zeitschrift* 17, 121—128.
- Schmit Th. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIV siècle. *Revue archéologique. IV série* XX, 127—142.
- Schmit Th. 1926. *Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei. Russische Abteilung*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schmit Th. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia: Das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schultz R.V., Barnsley S.H. 1901. *The Monastery of St. Luke of Stiris Phocis and the Dependent Monastery of St. Nicolas in the Fields near Skripou Beotia*. London: Macmillan and Co. Ltd.

References

- AGE. F. 6. Op. 1. D. 376.
- Arhiv RAN. F. 518. Op. 4. D. 2.
- GARF. F. 3316. Op. 45. D. 55.
- OR GRM. F. 145. Op. 2. D. 909.
- OR GRM. F. 203. Op. 1. D. 172.
- OR NA IIMK RAN. F. 2. Op. 1. 1925. D. 30.
- SPbF ARAN. F. 729. Op. 2. D. 162.
- SPbF ARAN. F. 825. Op. 2. D. 76.
- CGALI SPB. F. 389. Op. 1. D. 35.
- CGALI SPB. F. 389. Op. 1. D. 98.
- CGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 114.
- CGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 123.
- Ananiev, V.G. 2019. F.I. In *Scripta antiqua* 7, 393—410 (in Russian).
- Basargina, E.Yu. 1999. In: Medvedev, I.P. (ed.). *Rukopisnoye naslediye russkikh vizantinistov (The handwritten heritage of the Russian Byzantinists)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 478—496 (in Russian).
- Bongard-Levin, G.M., Tunkina, I.V. 1997. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.). *Skifskiy roman (Scythian novel)*. Moscow: ROSSPEN, 259—287 (in Russian).
- Sychenkova, L.A. 2012. In *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnyye nauki” (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. Vol. 154. Bk. 3, 199—208 (in Russian).
- Tunkina, I.V. 2004. In: Medvedev, I.P. (ed.). *Mir russkoy vizantinistiki: materialy arkhivov Sankt-Peterburga (The world of Russian Byzantine studies: materials from the archives of Saint Petersburg)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 641—765 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1906. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XI (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911a. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 206—239 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911b. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 31—72 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911c. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 73—91 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1912a. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Education)*. Novaya seriya (New series) X, 45—50 (in Russian).

- Schmit, F.I. 1912b. In *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe)*. Oktober, 221—255 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1913. In *Svetil'nik (Lamp)* 8, 3—22 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1914a. In: *Sbornik statey v chest' prof. V.P. Buzeskula (Collection of articles in honor of Professor V.P. Buzeskul)*. Kharkiv: Pechatnoye delo (Collection of the Kharkiv Historical and Philological Society. Vol. 21), 318—334 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1914b. In *Svetil'nik (Lamp)* 7, 7—36 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1915. In *Svetil'nik (Lamp)* 3—4, 47—54 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1916. *Zakony istorii. Vvedeniye k kursu vseobshchey istorii iskusstv (The laws of history. Introduction to the course of general art history)*. Iss. 1. Kharkiv: Tipografiya i Litografiya M. Zil'berberg i synov'ya (in Russian).
- Schmit, F.I. 1917. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 22, 62—126 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1918a. In *Vneshkol'noye prosveshcheniye (Out-of-school education)* 3, 23—27 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1918b. In *Vneshkol'noye prosveshcheniye (Out-of-school education)* 4—6, 22—34 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919a. *Iskusstvo Drevney Rusi — Ukrainy (Art of Ancient Rus — Ukraine)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919b. *Iskusstvo — ego psikhologiya, yego evolyutsiya, yego stilistika (Art is its psychology, its evolution, its style)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919c. *Istoricheskiye, etnograficheskiye, khudozhestvennyye muzei. Ocherk istorii i teorii muzeynogo dela (Historical, ethnographic, art museums. Essay on the history and theory of museum affairs)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919d. *O psikhologii risovaniya (About the psychology of drawing)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1921. *Psikhologiya malyuvannya dlya pedagogiv (Psychology of painting for teachers)*. Kyiv: Derzhavne vidavnistvo (in Ukrainian).
- Schmit, F.I. 1924. *Pochemu i zachem deti risuyut. Pedologicheskij i pedagogicheskij ocherk (Why and why children paint. Pedological and pedagogical sketch)*. Moscow: GIZ (in Russian).
- Diehl, Ch. 1889. L'église et les mosaïques du couvent de Saint-Luc en Phocide. *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome* LV, 1—73.
- Diehl, Ch. 1896. Mosaïques byzantines de Saint-Luc. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. T. 3. Fs. 2, 231—246.
- Diehl, Ch. 1905. *Études byzantines*. Paris: A. Picard et fils.
- Diehl, Ch. 1910. *Manuel d'art byzantin*. Paris: A. Picard et fils.
- Irmscher, J. 1994. Die Ausstellung «Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei», Berlin 1926. *Byzantina Symmeikta* 9, 240—247.
- Marchand, S. 2015. Appreciating the Art of Others: Joseph Strzygowski and the Austrian Origins of Non-Western Art History. In: Dglosz, M., Scholz, P.O. (eds). *Von Biala nach Wien: Josef Strzygowski und die Kulturwissenschaften*. Vienna: Ibero Verlag; European University Press Verlagsgesellschaft m.b.H., 257—285.
- Schmit, Th. 1908. Die Malerei des bulgarischen Klosters Poganovo. *Byzantinische Zeitschrift* 17, 121—128.
- Schmit, Th. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIV siècle. *Revue archéologique. IV série* XX, 127—142.
- Schmit, Th. 1926. *Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei. Russische Abteilung*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schmit, Th. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia: Das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schultz, R.V., Barnsley, S.H. 1901. *The Monastery of St. Luke of Stiris Phocis and the Dependent Monastery of St. Nicolas in the Fields near Skripou Beotia*. London: Macmillan and Co. Ltd.

*Историческая
филология*

Historical Philology

УДК 811

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.62.23.028

Paul David Buell, Kutluay Erk

**SOME NOTES ON PROPER NAMES AND OFFICIAL TITLES
IN THE MONGYOL-UN NIYUCA TOBČIYAN: INAL/INANČA/INAQ***

Mongyol-un niyuca tobčiyān, the “Secret History of the Mongol,” is the only work of its kind from the era of the Mongolian world Empire, it has a complex history as a text but was originally written in (Middle) Mongolian. It is a linguistically very rich source, not only for the Mongols but for many other groups who are seen allied with or appear fighting against the Mongols, the latter bearers of the power of Eternal Heaven and of the potent sanction of the ancestors. Thus, in addition to overt political assertions to guide the new Mongolian Empire, and its rulers’ managers, and commanders, and containing carefully selected and crafted statements of events of myth and history. These are designed to buoy up the imperial state of affairs and Mongolian society in general, Adapted documents and even works of a literary character are among the devices used to this end. Given its nature, it is only to be expected too that the “Secret History” also is a rich source of a full history behind the scenes of told by the personal names and epithets, and titles of Mongols, but also the names, epithets, and titles of many non-Mongols who had military, political and diplomatic contacts with the Mongols in the early 13th century. These names, epithets, and titles tell entirely their own story. Thus, grasping their potential importance, these names, epithets and, titles have been studied by many researchers, from a variety of perspectives.

Here, we, a Mongolist and a Turkologist, have banded together, to follow in the footsteps of these investigators who have gone before, offering our historical-comparative analysis of the related words inal/inanča/inaq, and their semantic and morphological structure, examined within a larger context of the “Secret History” and its monumental, literary linguistic and cultural world. Our analysis will be primarily based on the “Secret History,” but also on other historical texts and documents, as well as information offered by Mongolists, but also provided by those in closely related disciplines, in Turkology in particular, for example, this is only natural since Mongols and Turks closely interacted in building an empire, and the new, often mixed cultures that emerged from it.

Key words: Mongyol-un niyuca tobčiyān, Middle Mongolian, personal name, title, *ina-.

About the authors: Buell Paul David¹, PhD (History), University of North Georgia; Erk Kutluay², PhD (Philology), Ege University, Institute of Turkish World Studies, Department of Turkish Language and Dialects.

Contact information: ¹30597, USA, Dahlonga, 82 College Cir, University of North Georgia; e-mail: paul.buell@ung.edu; ²35040, Turkey, Bornova/İzmir, Ege University, Institute of Turkish World Studies; e-mail: kutluay.erk@windowslive.com.

Р.Д. Бьюэлл, Кутлуай Ерк

**НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ
ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ТИТУЛАХ
В MONGYOL-UN NIYUCA TOBČIYAN: INAL/INANČA/INAQ**

Mongyol-un niyuca tobčiyān, «Тайная история монголов», является единственным в своем роде произведением эпохи Монгольской мировой империи, оно имеет сложную историю как текст, но изначально было написано на (средне) монгольском языке. Это очень богатый с лингвистической точки зрения источник не только для монголов, но и для многих других групп, которые были

---

*Статья поступила в номер 21 июля 2021 г.
Принята к печати 12 августа 2021 г.

замечены в союзе с монголами или воюющими против них, последними носителями силы Вечного Неба и могущественной санкции предков. Таким образом, в дополнение к открытым политическим утверждениям, направленным на руководство новой Монгольской империей, ее правителями, менеджерами и командирами, а также содержащими тщательно отобранные и обработанные утверждения о событиях мифа и истории. Они предназначены для поддержки имперского положения дел и монгольского общества в целом. Среди средств, используемых для этой цели, адаптированные документы и даже произведения литературного характера. Учитывая ее характер, следует также ожидать, что «Сокровенная история» также является богатым источником полной закулисной истории, рассказанной личными именами, эпитетами и титулами монголов, а также именами, эпитетами, и титулы многих немонголов, имевших военные, политические и дипломатические контакты с монголами в начале XIII в. Эти имена, эпитеты и титулы говорят сами за себя. Таким образом, понимая их потенциальное значение, эти имена, эпитеты и титулы изучались многими исследователями с различных точек зрения.

Здесь мы, монголист и тюрколог, объединились, чтобы пойти по стопам этих исследователей, которые пошли раньше, предлагая наш историко-сравнительный анализ родственных слов инал/инанча/инак, их семантической и морфологической структуры, рассматривается в более широком контексте «Тайной истории» и ее монументального, литературно-языкового и культурного мира. Наш анализ будет основываться, прежде всего, на «Сокровенной истории», но также и на других исторических текстах и документах, а также на информации, предложенной монголистами, но также предоставленной представителями близкородственных дисциплин, в частности тюркологии, например, это вполне естественно, поскольку монголы и тюрки тесно взаимодействовали в построении империи и возникших из нее новых, часто смешанных культур.

Ключевые слова: Mongyol-un niyuca tobčiyan, среднемонгольский язык, личное имя, титул, *ina-.

Сведения об авторах: Бьюэлл Пол Дэвид¹, PhD (History), Университет Северной Джорджии; Эрк Кутлуай², PhD (Philology), Эгейский университет, Институт изучения тюркского мира, кафедра турецкого языка и диалектов.

Контактная информация: ¹30597, США, г. Далонга, 82 College Cir, Университет Северной Джорджии; e-mail: paul.buell@ung.edu; ²35040, Турция, Борнова/Измир, Эгейский университет, Институт изучения тюркского мира; e-mail: kutluay.erk@windowslive.com.

Mongyol-un niyuca tobčiyan (MNT), in addition to its many other riches as a source, and importance as a linguistic document, contains a virtual lexicological treasure house in terms of its personal names, epithets, and titles which have by now been studied by many researchers. Firstly, F.W. Cleaves collected Mongolian and non-Mongolian proper names, most of all with full identities, and published under the title *Index Nominum* in his 1982 study (Cleaves 1982: 220—270). Likewise, Laureano Ramirez Bellerin's study in 2000 included the anthroponyms, toponyms, or ethnonyms of the main text of the Chinese version. In his study, a name appears first in its Mongolian reconstruction, followed (between parentheses) by the original name in pinyin, and in Chinese characters, and the epigraphs in which it appears. The pinyin does not appear in those cases in which the transcription coincides with the Mongolian reconstruction (Bellerin 2000: 391—401). In addition to these, the most comprehensive study on this subject belongs to Volker Rybatzki. In his work entitled *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente, Eine Lexikalische Untersuchung*, published in 2006, Historical texts of Mongolian and of Turkic languages were handled comparatively. This corpus consists of 1500 keywords and the various possibilities in the etymologies. About 5000 words are examined, without word derivatives. Of the 1500 headwords, around 900 can be classified as personal names, the rest are mainly titles (PTMD: xvii—xxxiii, xxxiv). Before him, Ahmet Temir, in the Index part of his work in 1972, examined proper names also including a subtitle. He made a detailed classification and discussed the identities, duties, and kinship/relationship degrees of the characters (Temir 1986: 253—268). On the other hand, Igor de Rachewiltz classified the words in his study as tribe, nation, person in the

section of his work where he examined proper names and place names together (Rachewiltz 2006b: 1195—1314; 2013: 187—201). Tuncer Gülensoy had many studies on the names and titles in Altan Tobci. Especially in his 2008 work called Altan Tobçi (Moğol Tarihi) contains a detailed index (Gülensoy 1987: 44—59; 1997: 1124, 1128; 2008: 123—140). Lastly, Carl Fredrik Sverdrup has cataloged main Mongol and main non-Mongolian characters chronologically in an appendix entitled Battles of the Mongols and Their Allies (Sverdrup 2017: 358—366).

In our analysis based on the MNT, the following three forms derived from the Turkish root *ina- are seen: inal/inanča/inaq. The root *ina- has not been attested in the written sources of the historical Turkic languages, but the form of inan- developed with the -n suffix has been attested in the texts of Old Turkic and Middle Turkic¹.

1. inal: “ein Häuptling der Kirgis” (Haenisch 1941: 196).

A. von Gabain stated that the suffix -l in the word inal is the same as in Old Mongolian, and compared it with the word oci-l in MNT “give, tax” (Gabain 2000: 53); inal ‘confidant’ < *ina- ‘to trust’ (Clauson 1962: 154). The word is explicitly recorded as a title in the Turfan texts (Donuk 1988: 16). The word inal has functioned as both an official title and a personal name since the Old Turkish stage; inal “büyük bir memur ünvanı, şahıs ismi” (Gabain 2000: 273). inal ‘(bir unvan), vekil (?)’ (Mayt: 392). inal ‘sadık’, bir unvan (Yen, Kır) (YKI 2013: 502). inal ‘trustworthy, a title of office’ (Vásáry 1995: 484); Inal (ائىنال/ائىنال) ‘trustworthy’ < *ina- (Tekin 1979—1980: 872, 873, 875). Volker Rybatzki, who works meticulously on this subject, also defined the mentioned function difference as “title or n. pr.” He referred to as a distinction (Rybatzki 2004: 150, 152). There are also examples in the historical Turkish language where the word derived with -y² (yināl) (the front sound).

Proper Name And Title with Inal (in Old Turkic)

Adaq-Totuq-inal (Rybatzki 2004: 152)
 Ädgü-qutluğ inal (Rybatzki 2004: 151)
 Ädsiz- inal (Rybatzki 2004: 151)
 ai ayaz (navaz?) inal arıy ayaz inal TIII-16 (Müller 1915: 6—12, 22, 23)
 Alp ay-ayaz (navaz?) inal (Rybatzki 2004: 151)
 Alp inal (Rybatzki 2004: 151)
 Är inal (or Är-inal) (Rybatzki 2004: 151)
 Arıy ayaz inal (Rybatzki 2004: 151)
 Arpayur inal (Rybatzki 2004: 151)
 Artı inal (Rybatzki 2004: 151)
 âsag tûlîs yînâl tamğântarxân (Rybatzki 2004: 151)
 Äsân-inal (Rybatzki 2004: 151)
 bæg inal (Rybatzki 2004: 151)

¹ OT. inan- ‘inanmak, güvenmek’ (HUAS 1941: 85; AY-III 1991: 94); inan- ‘inanmak, iman etmek’ (ETŞ 1992: 307). MT; inan- ‘inanmak, güvenmek’ (KB: 182; AH: XXVIII; DLT-Atalay 2006: IV-217). Kh. inan- ‘inanmak’ (NF 1998: 177; MM 2008: 223); inan- ‘inanmak’ (KE 1997: 270); ынанмак ‘верить’ (HŞ 1979: 455). GH. inan- ‘inanmak’ (AO 1996: 216); inan- ‘güven’ (MG 1984: 156); Mam; inan- ‘inanmak’ (İMS 1992: 535); inan- ‘inanmak, iman etmek’ (KMES 1994: 262); inan- ‘inanmak, doğrulamak’ (KMT 2002: 108); inan- ‘iman etmek, inanmak’ (GT 1989: 348); inan- ‘inanmak’ (KFLT 1989: 1008).

² Yināl: Muhammad b. Yināl al-Tarjuman: ‘the interpreter’; In the period of the Buwayhids, the officer who was in charge of military contacts between the Turks and the local Daylami elements in the Buwayhid army and took part in the service of the Turks (Bosworth-Clauson 1965: 10; Bosworth 2001: 306). Yināl-aş-Şaghîr. Yināliyān: During the Seljuk period, one of the two cavalry groups was led by Ibrahim İnāl (other Seljūqiyān) (Bosworth 1961: 437; Bosworth 2001: 306). âsag tûlîs yînâl, the tamğântarxân “Äsag-tulîş Yînal, the Tamyan-tarqan” (Rybatzki 2004: 151).

bäg ingal (Rybatzki 2004: 151)
bäg ingal ügä (Rybatzki 2004: 151)
Bägičük- inal (Rybatzki 2004: 151)
Basana inal (Rybatzki 2004: 151)
Bay-inal “n. pr. m. Großvater” (Rybatzki 2004: 151)
Birtäm-ädgü-inal (Rybatzki 2004: 151)
Bolađ-buqa inal (Rybatzki 2004: 151)
Busardu-inal (Rybatzki 2004: 151)
Buzayu-inal (Rybatzki 2004: 151)
Buyanlıq-inal (Rybatzki 2004: 151)
bütürmiş (butur-?) inal (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
Bütürmiş-inal (Rybatzki 2004: 151)
Čärig-inal (Rybatzki 2004: 151)
čubuč inal (Rybatzki 2004: 152; PTMD: 60, 154)
El-ičgermiş-inal (Rybatzki 2004: 151)
El-mängü-inal (Rybatzki 2004: 151)
El-ornadmiş-///-turmış inal (Rybatzki 2004: 151)
İnal Tudun Ch’üle (Beckwith 1993: 137).
içim Bägičük-inal (Rybatzki 2004: 142)
il ičkärmiş inal (Müller 1915: 6-12; 22, 23)
inal bäg (Rybatzki 2004: 138, 151)
inal bilgä TIII-6 (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
inal bilge (Rybatzki 2004: 151)
inal buyat (Rybatzki 2004: 22)
inal čor (Rybatzki 2004: 151)
inal čor (Rybatzki 2004: 151)
inal qayan (Rybatzki 2004: 151)
İnal qoç (Rybatzki 2004: 151)
İnal qutluy (Rybatzki 2004: 151)
inal sangun (Rybatzki 2004: 151)
inal tarqan (Rybatzki 2004: 151)
inal taš (Rybatzki 2004: 151)
inal tuymış (Rybatzki 2004: 151)
inal urungu (Rybatzki 2004: 151)
inal ügä (Rybatzki 2004: 151)
inal ügä Qan (Rybatzki 2004: 151)
İnal-bars (Rybatzki 2004: 151)
İnal-baš (Rybatzki 2004: 151)
İnal-sıngur (Rybatzki 2004: 151)
İnal-tuymış (Rybatzki 2004: 149)
inim(i)z t(ä)ngridä bulmış inal TIII-16 (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
İsig İnal (E 23 Čaa-Hol XI) (Useev 2015: 30, 32, 33).
itte inal (ETŞ 1992: 307, 320, 332).
Kädin-inal n. pr. m. “Vater (ata)” (Rybatzki 2004: 151)
Käk-sini inal (Rybatzki 2004: 151)
Kalıktık İnal Öge (E 49,2, Kök Tirig) (Useev 2015: 30, 32, 33).
kedin inal (ETŞ 1992: 307, 320, 332).

kičig balıqlay ĩnallar (Rybatzki 2004: 152)
kičig ĩnallar (Rybatzki 2004: 152)
kūn {rıy ĩnal TIII-15 (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
Lačĭn-inal n. pr. m. “Großvater” (Rybatzki 2004: 151)
Maḥmud ĩnal (Rybatzki 2004: 151)
oγul ĩnal TIII-13 (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
Ödüs-inal (Rybatzki 2004: 151)
Ögdem Alık İnal (E 38 Ak-Yüs) (Useev 2015: 30, 32, 33).
qamal ügä ĩnal buyat TIII-17 (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
Qanturmiš-inal (Rybatzki 2004: 151)
Qaramuq-inal (Rybatzki 2004: 151)
Qar-ärdäm-inal (Rybatzki 2004: 151)
Qayač-inal (Rybatzki 2004: 151)
Qıtay-bört-inal (Rybatzki 2004: 151)
Quanši-im-toyĭn-qulä-inal (Rybatzki 2004: 151)
Qutl[uγ]-inal (Rybatzki 2004: 151)
Sansız-inal (Rybatzki 2004: 151)
Sarıγ-toyĭn ĩnal (Rybatzki 2004: 151)
Sarman-inal (Rybatzki 2004: 151)
Šılaqay-inal (Rybatzki 2004: 151)
Sulayĭ-inal (Rybatzki 2004: 151) “Großvater”
Sumana-inal (Rybatzki 2004: 152)
Süngü-inal (Rybatzki 2004: 152)
tarqan-inal (Rybatzki 2004: 152)
Tasyan-inal (Rybatzki 2004: 152)
Taz-inal (Rybatzki 2004: 152)
Tayay-inal (Rybatzki 2004: 152)
Tayĭna-inal (Rybatzki 2004: 152)
Terbi-inal (Rybatzki 2004: 152)
tngridä-bolmiš ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Tolun-toyrĭl-inal (Rybatzki 2004: 152) “älterer Bruder”
Toyrĭl-inal (Rybatzki 2004: 152)
[T]urmĭš-inal (Rybatzki 2004: 152)
trz (taz) ĩnal (Müller 1915: 6—12; 22, 23)
Uqmĭš-inal (Rybatzki 2004: 152)
Yäm ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Yan ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Yašqan ĩnal Etmĭš tnrgrim (Rybatzki 2004: 152)
Yorčuq ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Yusuf ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Yüč ĩnal (Rybatzki 2004: 152)
Yüz ĩnal (Rybatzki 2004: 152).

In the Middle Turkic period, the word was now an indication of nobleness due to lineage. inal ‘anası hakan soyundan babası halktan olan bütün gençlere verilen unvan, beyzâde, inanılır kimse’ (KB: 182). inal ‘anası hatun kökten, babası ortalık adamı olan gençlere verilen ungun’ (DLT: IV-217). See for more Mam. inal ‘yakıynen bilen’ (İML 1988: 33). comp. → inalcık (Rachewiltz 1962:

55 59); inalchuq “governor” comp. Inalchuq Qadir Khan “the governor of Otrar”, Inal Ghayir Khan “(frontier governor) a cousin of Sultan Muhammad’s mother” (Atwood 2004: 306, 307, 431); Īnāltegin (Bosworth 2001: 306). Ināl-khān: governor in Uṭrār (Korobeinikov 2014: 356).

Yedi Īnal MNT: 239 “chief of the Kirgisud” (Cleaves 1982: 270). Yedi Īnal: “seven” + the tribal chief’s title Īnal (Rachewiltz 2006b: 853). Yedi -inal “Noyan (=Turkic beg) of the Kirgisut” “...etymologically it must originally have meant something like “trustworthy”, but in practice it seems to be used only as a title of office.” (Rybatzki 2004: 150; 169).

... tümen kirgisut-tur gürü’esü kirgisud-un noyat yedi-inal aldi-er
örebek-digin kirgisud-un noyat elsen oroju caqa’a-nu’ut singqot
caqa’a-nu’ut aqtas qara-nu’ut buluqat abu’at irejü joci-da...
(Rachewiltz 1972: 136)

“When he reached the territory of the Tümen Kirgisut, their leaders Yedi Īnal, Aldi Er and Örebek Digin-these leaders of the Kirgisut-came to submit. Bringing with them gifts of the white gerfalcons, white geldings and black sables, they paid homage to joči” (Temir 1986: 160; Rybatzki 2004: 111; Rachewiltz 2006a: 164; 2006b: 1244).

There are a large number of personal names that are compounds with numbers (Râsonyi 1961: 46). We can compare this with the ethnic name Naiman, meaning “eight³” in Mongolian⁴. While Peter Golden has said that these numbers might perhaps indicate the number of clans or subgroupings that constituted a union, the question of their ethnolinguistic affiliation, but he also stated that the issue is still unclear (Golden 2009: 23). In addition, we should point out that among the Inner Asian peoples, especially the Turks and Mongols, the numbers three and nine have possessed special religious significance from earliest times, according to present-day scholars. Of even greater weight, is the combination of two numbers, e.g., in the formula $3 \times 3 = 9$ (Moses 1986: 287). Two numbers and their combinations are important for religious cosmology, and the ritual practices of Shamanism. There is, thus, a long history of the significance of the number in both religion and politics. The number nine in the Secret History is used, for example, only in reference to Chinggis (Moses 1986: 287). According to Tuncer Gülensoy, some numbers have sacred meaning in MNT and AT in a parallelism with the Turkish tradition (3 days, 3 nights, 3 times, a road of three days, 7 hills, Seven-Tabluks (name of individual), 9 days, 9 times, 9 offenses, a pennant of 9 pieces...) (Gülensoy 1986b: 22—23).

Other Names Compound With Numbers: Ede Tukluk (Inandj’s son), “bilgeliğin yedi kısmını bilen (kişi)” (Murayama 1959: 188); Yidi Tuyluy “person who has seven banners” (Murayama 1959: 188); Yedi Tubluq of the Naiman, “Noyan of Buyıruq-qan” (MNT 158/19) (Rybatzki 2004: 169; Rachewiltz 2006a: 80; 2013: 98); Yedi Tubluq < “who has seven balls” (Rachewiltz 2004a: 582); Yetikān Sudur (Rybatzki 2004: 170); Säkiz sālängä (Rybatzki 2004: 112); AT: 78r/2440 yisün örlög tabun tayisi tabun öngge dörben qari ulus quriyaju; “(Cinggis-qan), gathering the Nine Örlög (“Paladin”), the Five Tayisi, (the People of the) Five Colours, the Four Vassal People” (Rybatzki 2004: 125); AT: 81r/2559 tabun öngge dörben qari-yi emün-e ben ciyulyaju. aldi-er “Noyan (= Turkic bāg) of the Kirgisut” MNT: 239/9323 (Rybatzki 2004: 135; PTMD: 101). aldi-er AT: 87r/2727 (Rybatzki 2004: 135): Jirgo’an “n. pr. “six”; of the Oronar”

³ Küçlög as-segizi “the chief of Naiman” (İnan 1960: 541).

⁴ Dörben Oirat (Dörben “four”), Senggür Müren (Senggür “eight” (Golden 2009: 24).

MNT: 120/3117 (Rybatzki 2004: 135); Altı bilgä-bäg oylınga “for the sons of Altı bilgä-bäg (or: the six bilgä-bäg)” (Rybatzki 2004: 135).

1.1. Īnalči MNT 239/9332, 9333 “Oyirat. Son of Quduqa-beki, brother of Törelci and Oγultutmiš; husband of Ceceyigen, a daughter of Cinggis-qan”; inalciyin aqa “elder brother of Īnalči” (Haenisch 1941: 196; Cleaves 1982: 243; Rybatzki 2004: 152)

...a’ulja’ulba oyirad-un quduqa beki-yi uqtun urida elsen tümen-oyirad-ıyan uduridun ireba ke’en soyşurqaju kö’ün-e inu inalci-da ceceyigen-i ökba inalciyin aqa törölci-da joci-yin öki qoluiqan-ökba... (Rachewiltz 1972: 137)

“Čingis Qa’an welcomed Quduqa Beki of the Oyirat, saying, ‘He came to submit before the others, leading the Tümen Oyirat.’ And he showed to favour to him, giving Čečeyigen to his son Īnalči. He gave joči’s daughter Qoluiqan’ to Törölči, elder brother of Īnalči.’ (Temir 1986: 160; Rachewiltz 2006a: 164; 2006b: 1211)

A. von Gabain stated that the suffix in this word is also in the form of +ci in Mongolian (Gabain 2000: 43). Titles formed with the +cI//+cU/+čI suffix are frequently seen in both Mongols and Turks.

Personal names with the suffix +cI//+cU/+čI in Middle Mongol:

abaci (PTMD: 1)
abalduyci (PTMD: 13)
abuyaci/abuycin (PTMD: 9)
adaruqci (PTMD: 43)
adaruqci (PTMD: 43)
adûci/aduyuci (PTMD: 30)
adûci/aduyuci (PTMD: 30)
aiyuci (PTMD: 52)
alci (PTMD: 96)
alciq bawurci (PTMD: 98)
alciy-a-u qorci (PTMD: 98)
alginci (PTMD: 108)
aqtaci/n/aytaci (PTMD: 49)
a’ucu (PTMD: 47)
audaci (PTMD: 49)
balaqaci (PTMD: 242)
baliqci (PTMD: 243)
baqaji (PTMD: 206)
bara’andaji (PTMD: 265)
barsuci (PTMD: 269)
bawurci (PTMD: 217)
baysilayci (PTMD: 225)
bicigeci (PTMD: 185)
bigiçi (Gülensoy 2008: 126)
boğorçi (Gülensoy 2008: 125)
bo’orcu/boğorcu (PTMD: 217)

borci (PTMD: 260)
bültecü (PTMD: 242)
daruyaci (PTMD: 420)
elci (PTMD: 97)
eljigedei (PTMD: 99)
eüdeci (PTMD: 68)
gereci (PTMD: 568)
güyügci (PTMD: 546)
inal (PTMD: 135)
inalci (PTMD: 135)
inanca (PTMD: 136)
jamuci/jamuči (PTMD: 305)
jaryuci (PTMD: 317)
keleci (PTMD: 551)
kelimeci (PTMD: 555)
körümči (PTMD: 23)
köteci (PTMD: 537)
medegci (PTMD: 585)
Mergenci<Mergenci (Rybatzki 2004: 152)
Törölci (Rybatzki 2004: 169)
nomci (PTMD: 633)
nuntuyuci (PTMD: 638)
ongyacaci (PTMD: 131)
qabici (PTMD: 448)
qaci (PTMD: 45)

2. **inaq** MNT 266-11019, 11020 (Rachewiltz 1972: 137)

...kitat irgen-ü altan-qan-nu itegelten ina'ut mongqol'un ebüges eciges-i baraqsan qara-kitat jüyin irgenaju'ui-je edö'e minu iteltegen ina'ut bo'orcu muqali ta qoyar buyu-je ke'en jarliq bolba... (Rachewiltz 1972: 137)

"The trusted friends of Altan Qan of the Kitat people are the Kara Kitat jüyin people who have destroyed the ancestors of the Mongols. Now, you two, Bo'orcu and Muqali, are my trusted friends" (Rachewiltz 2006a: 198; 2006b: 972, 1324).

The word in question is attested in the MNT only in plural form: ina'ut (comp. itegelten). N. Poppe stated that the word is one of the Turkish loanword in Middle Mongolian (Poppe 1955: 39). According to Volker Rybatzki, the word is originally Turkic (< ina-), but the form of inaq is a reborrowing from Mongolic (Rybatzki 2011: 194). The word attested also in AT 73 as a proper name. ...Bundan sonra (Kağan) İnağ Çağan'ı yavaşça oradan uzaklaştırdı... "After that (Kağan) slowly drove away İnağ Çağan from there." (Gülensoy 1986a: 51; 2008: 127). inaq (ināq/ināgh/ināk) 'close friend, confidant, trustworthy person' (Bregel 1982: 419, 420).

The word attested in Old and Middle Turkic with basic meaning, not a title. inaq 'dayanak, sığınmak, güvence, inanılacak-güvenilecek şey/kimse' (AY-III 1991: 94). inaq 'inanç, sığınak, güven, melce, destek' (ETŞ 1992: 307). inaq "melce, dayanak" (Mayt: 392). comp. inagsız 'sığınaksız, dayanacak yeri-kimsesi olmayan' (AY-III 1991: 94). Kh. ынағ 'друг; товарищ; близкий' (HŞ 1979: 453). inaq 'emin, güvenilir' (ME 1993: 127). inaq 'emin, güvenilir dost' (KE 1997: 255). inah/inaq "confidant" CC-G 82a/19 (Erk 2015: 777). Mam. inaq 'dost' (KMT 2002: 108). Chag. inak 'nâyb ve mukarrib' (AL: 81). inak, ynaq 'friend, confidant; the one who can be trusted; counsellor; minister' (Balaskovics 1973: 196). comp. Davlathvāğa İnāq (Woods 1984: 335, 337). inākān/inākiyān: umārā wa inākiyān, muḡarribān wa inākān, khawwāṣṣ wainākān, farzandān wa nūkarān wa inākiyān; ināk-i kalān, ināk-i khurd; inākids (Bregel 1982: 419, 420). İnak et-Türkî (Yıldız 1971: 53; Yıldız 2000: 257; Pamukçu 1994: 144); inak > Yinö: One of the seven tribes of Hungarians living under the Khazar Khanate (Taşağıl 2000: 255).

3. **İnanča** "of the Naiman" (Cleaves 1982: 243)

3.1. İnanča Bilge Qan "ein Fürst der Naiman (unter Tayang)" (Haenisch 1941: 196; Temir 1986: 118; Rachewiltz 2006b: 1211). Inanca Bilge "the ruler of the strong Naiman tribe, the Naiman lord, one of most notable Inner Asian tribal leader" (Sverdrup 2017: xix, 52, 59, 82, 93, 339). İnanča Bilge Bügü Qan⁵ (Rachewiltz 2006b: 1211). Inancha Bilge Khan (Atwood 2004: 397)

5823 ...qoroqcu qarcu naiman-u inanca-bilge-qan-tur buru'utcu oroju-uje...

(Rachewiltz 1972: 87)

"After that Erke Qara requested troops from Inanča Bilge Qan of the Naiman and moved against you." (Temir 1986: 101; Rachewiltz 2006a: 98)

189/6526 ...mawui bolbi inanca-bilge-qan ügülele' eme jala'ui ere bi (Rachewiltz 1972: 97)

"Inanča Bilge Qan formerly said" (Temir 1986: 111; Rachewiltz 2006a: 111)

194/6914 yeke noyan qori-sübeci ügülerün inanca-bilge-qan ecige cinu

194/6915 saca nökör-e ereyin aru aqta-yin qarqam ese üje'ülüle'e edö'e

"...Upon these words Qori Sübeçi, a high official who held command under Tayang Qan, said, 'Your father Inanča Bilge Qan never showed a man's back or a gelding's rump to an enemy that was his match.' (Rachewiltz 2006a: 117).

⁵ For the genealogy of İnanča Bilge Bügü Qan, see (İnan 1960: 542).

Pengling Wang read the word as *inanci*, showed its origin as the Chitan *yilai* (*yelü*) “sun” and was associated with Tocharic. ToB. *yilai* “king”, Kit. *yilai* “the supreme ruler’s name”, Naiman *inanci/inanca* < **ilan-* “the supreme ruler’s title”. (Wang 1995: 185). While stating in which source he saw the word, he did not mention why he recorded two different phonetic variants as *inanci/inanca*. The title in question provided evidence for the subject in the study of the Japanese Altaist Shichirō Murayama, in which he examined whether the Naimans were Turkish or Mongolian (Murayama 1959: 1; İnan 1960: 539, 541). The word is attested in Old and Middle Turkic with three functions: basic meaning “belief”, personal name, title. *inanç* ‘(bir unvan), mutemet (?)’ (Mayt: 392), *inanç* ‘bir memurluk unvani güvenilen bey’ (Hsüan-X 1975: 142), *inanç* ‘bir unvan, bir memuriyet unvanı; maiyet’ (AY-III 1991: 94); *inanç* ‘inanç, itimat, itikad’ (ETŞ 1992: 308); *inanç*; *YNNC: ‘güvenilir kişi, sadık dost, bakan’ anlamlarını taşıyan bir unvan (İKPÖ 1998: 150); *inançı/inançu*: bir unvan (YKI 2013: 502); *inanç*: ünvan, *inançu*: şahıs ismi (Gabain 2000: 54); MT. *inanç/inançu*: yüksek bir rütbe, şahıs ismi; *inanç* ‘güvenilen, inanılan’, *İnanç Beg* ‘inanılan, itimad edilen Bey’ (DLT: I-133; IV-217); *inanç* ‘güvenilen, inanılan; güvenme, inanma’ (KB: 183; AH: XXVIII); *inanç* ‘güvenilen, inanılan’, *inanç beg* ‘inanılan, güvenilen bey’ (DLT: IV-217); Kh. *inanç* ‘inanç’ (KE 1997: 270); *inanç* ‘inanç, inanılacak güvenilecek kimse’ (İML 1988: 33); GH. *inanci* ‘güvenilen, inanılan’ (BV 1986: 195). comp. *İnanch Sonqor* (Bosworth 2012: 105, 106).

Proper Name And Title with *Inanč/Inanču/ İnanči* (in Old Turkic)

Külüg Onı Öz Inançu (UKY 2011: 101)

inançu apa yargan tarkan (Aydın 2012: 164, 179)

tarduş *inançu* çor (Aydın 2012: 164, 179)

inanç buyruk

inanč-ügä (Rybatzki 2004: 151).

İnanč bağ (Rybatzki 2004: 138)

Qutadmış-baş öz-inanč totuq-bäg (Rybatzki 2004: 138)

İnanču tarqan bağ (Rybatzki 2004: 138)

İnanč bağlar “bevollmächtigte bağ”

İnanču-külüg čigši- bağ (Rybatzki 2004: 138)

bäg yangılsar İnanči tapar (Rybatzki 2004: 137).

3.2. *İnanča Qan* 151 (Rachewiltz 2006b: 1211) *Nayman hükümdarı* (Temir 1986: 80); *Inanch Khan* (Sverdrup 2017: 153, 158, 160, 167—168, 361—363)

4539 *te’ün-ü qoyina ong-qan-nu de’ü erke-qara ong-qan*

4540 *aqa-da’an alaqqarun buru’utcu otcu naiman-u inanca-qan-tur*

4541 *oroju’ui inanca-qan ceri’üt ilē’ju jici ong-qan qurban balat* (Rachewiltz 1972: 69)

“After that, when Ong Qan’s younger brother Erke Qara was about to be killed by his elder brother Ong Qan, he escaped and submitted to Inanča Qan of the Naiman. Inanča Qan dispatched his troops, but Ong Qan in his wanderings had already passed three cities and had made his way to the *gür qan* of the Qara Kitad.” (Rachewiltz 2006a: 73, 74).

Conclusion:

The Turkic root **ina-*, including its middle derivative *inan-*, is put to good use in the MNT, and in the present study is seen put-to-good use elsewhere as well. Here we survey its use based on a comparative examination of one source, an important one, but at the same time suggesting the

wealth of material there is out there with references to other sources as well, including some classic ones. Like the Mongolian world itself, words from *ina- show complex cultural interactions, especially between Turks and Mongols, the two key player groups in the Mongolian Empire at the time when the MNT was conceived and written.

References

- Ağar, M.E. 1986. *Baytaratü'l-Vâzih (İnceleme-Metin-İndeks)*. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. İstanbul: Marmara Üniversitesi.
- Ağar, M.E. 1989. *Kitabu Fi'l Fıkh Bi-Lisani Turki (İnceleme-Metin-Sözlük)*. Doktora Tezi. İstanbul: Marmara Üniversitesi.
- Alimov, R., Aydın, E., Yıldırım, F. 2013. *Yenisey-Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig*. Ankara: Bilgesu.
- Arat, R.R. (haz.). 2006. *Atabetü'l-Hakayık*. Ankara: TDK.
- Arat, R.R. (haz.). 1979. *Kutadgu Bilig*. Ankara: TDK.
- Arat, R.R. (haz.). 1991. *Eski Türk Şiiri*. Ankara: TTK.
- Ata, A. 1997. *Kışaşı'l-Enbiyâ (Peygamber Kıssaları), Giriş-Metin-Tıpkıbasım*. Ankara: TDK.
- Ata, A. 1998. *Nehcü'l Ferâdis, III Dizin-Sözlük*. Ankara: TDK.
- Atalay, B. 1970. *Abuşka Lugati Veya Çağatay Sözlüğü*. Ankara: TDK.
- Atalay, B. (haz.) 2006. *Divanü Lugat-it-Türk*. Ankara: TDK.
- Atwood, Ch. P. 2004. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. Bloomington: Indiana University.
- Aydın, E. 2011. *Uygur Kağanlığı Yazıtları*. Konya: Kömen.
- Aydın, E. 2012. *Orhon Yazıtları, Köl Tegin Bilge Kağan, Tonyukuk, Ongi, Köli Çor*. Konya: Kömen Yayınları.
- Bellerin, L. R. 2000. *Historia secreta de los mongoles*. Madrid: Miraguano Ediciones.
- Bosworth, C.E. 1982. *The Secret History of the Mongols*. Vol. 2. Cambridge, Massachusetts: Harvard-Yenching Institute by Harvard University Press.
- Bosworth, C.E. 2001. Notes on Some Turkish Names in Abu 'l-Faḍl Bayhaqī's Tārīkh-i Mas'ūdī. *Oriens* 36, 299—313.
- Bosworth, C.E. 2012. Notes on Some Turkish Personal Names in Seljuq Military History. *Der Islam*, 89 (2), 97—110.
- Bregel, Yu. 1982. İnak. In: Bosworth, C.E., van Donzel, E., Lewis, B., Pellat, Ch. (eds.). *The Encyclopedia of Islam*. Leiden: Brill.
- Clauson, S.G. 1962. *Studies in Turkic and Mongolic Linguistics*. London: Royal Asiatic Society Books.
- Cleaves, F.W. 1982. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Massachusetts: Harvard-Yenching Institute by Harvard University Press.
- Erdal, M. 1991. *Old Turkic Word Formation*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Erk, K. 2015. Codex Cumanicus Temelinde Kıpçak Türkçesinin Tarihi-Karşılaştırmalı Söz Varlığı. Doktora Tezi. İzmir: Ege Üniversitesi-Türk Dünyası Araştırmaları Enstitüsü.
- Gabain, A.V. 2000. *Eski Türkçenin Grameri*. Ankara: TDK.
- Golden, P.B. 2009. Inner Asia c. 1200. In: *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gülensoy, T. 1986a. Altan Topçı II. *Belleten*. Cilt 50. Sayı 196, 9—72.
- Gülensoy, T. 1986b. An Assessment Of “Secret History Of The Mongols” And “Altan Topci” From The Viewpoint Of The Turkish Lingual And Cultural History. *Belleten*. Cilt 34. Sayı 1986, 17—23.
- Gülensoy, T. 1987. Altan Topçı III. *Belleten*. Cilt 51. Sayı 199, 19—66.
- Gülensoy, T. 1997. The Value of “Altan Tobci” in Regards of the History of Turkish Language”. *Belleten*. Cilt 9. Sayı 27, 1119—1128.
- Gülensoy, T. 2008. *Altan Topçı (Moğol Tarihi)*. Ankara: Kültür Ajans.
- Güzeldir, M. 2002. *Abuşka Lügati (Giriş-Metin-İndeks)*. Doktora Tezi. Erzurum: Atatürk Üniversitesi.
- Hacıeminoğlu, N. 2000. *Kutb'un Hüseyin ü Şirin'i*. Ankara: TDK.
- Haenisch, E., Schaeder, H. 1941. *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Leipzig: Otto Harrassowitz.
- Hamilton, J.R. (çev: Vedat Köken) 1998. İyi Ve Kötü Dunhuang Mağarası'nda Bulunmuş Buddhacılığa İlişkin Uygurca El Yazması Prens Öyküsü. Ankara: TDK.
- İnan, A. 1960. Nayman Boyunun Soyu Meselesi. *Belleten*. Cilt. XXIV, Ekim, Sayı 96, 539—545.
- Karamanlioğlu, A.F. 1989. *Gülistan Tercümesi*. Ankara: TDK.
- Korobeinikov, D. 2014. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. New York: Oxford University Press.
- Le Coq, A.von (çev. Himran S.). 1941. *Huastuanift*. Ankara: Ulusal Matbaa.

- Moses, L. 1986. Triplicated Triplets: The Number Nine in the Secret History of the Mongols. *Asian Folklore Studies* 45, 287—294.
- Murayama, Sh. 1959. Sind Die Naiman Türken Oder Mongolen? *Central Asiatic Journal*. Vol. 4. No. 3, 188—198.
- Müller, F.W.K. 1915. *Zwei Pfahlinsschriften aus den Turfanfunden*. Berlin: Verlag der Königl; Akademie der Wissenschaften.
- Ölmez, M. 1991. *Altun Yaruk III. Kitap (=5. Bölüm)*. Ankara: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi.
- Ölmez, M. 2012. *Moğolistan'daki Eski Türk Yazıtları*. Ankara: BilgeSu.
- Özkan, A. 1994. *Kitab u Mukaddime-i Ebu'l-Leysi's-Semerkandi (İmla-Gramer-Tenkidli Metin-İndeks. Yüksek Lisans Tezi*. Konya: Selçuk Üniversitesi.
- Özyetgin, M. 1996. *Altın Ordu, Kırım Ve Kazan Sahasına Ait Yarlık Ve Bitiklerin Dil Ve Üslup İncelemesi, İnceleme, Metin, Tercüme, Notlar, Dizin, Tıpkıbasım*. Ankara: TDK.
- Pamukçu, E. 1994. *Bağdat'ta İlk Türkler*. Ankara Kültür: Bakanlığı.
- Poppe, N. 1955. The Turkic Loan Words in Middle Mongolian. *Central Asiatic Journal*. Vol. 1. Nr. 1, 36—42.
- de Rachewiltz, I. 1962. The Hsi-Yu Lu 西遊錄 By Yeh-Lü Ch'u-Ts'ai 耶律楚材. *Monumenta Serica*. Vol. 21, 1—128.
- de Rachewiltz, I. 1972. Index To The Secret History of the Mongols, Indiana University. *Ural and Altaic Studies* 121.
- de Rachewiltz, I. 2004a. *The Secret History of the Mongols, Translation*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill.
- de Rachewiltz, I. 2004b. *The Secret History of the Mongols, Translation*. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill.
- de Rachewiltz, I. 2006a. *The Secret History of the Mongols, Translation*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill.
- de Rachewiltz, I. 2006b. *The Secret History of the Mongols, Translation*. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill.
- de Rachewiltz, I. 2013. In: Drompp, M.R., DeWeese, D. (eds.). *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Vol. 3 (Supplement). Leiden; Boston: Brill (Brill's Inner Asian library. Vol. 7/3).
- Râsonyi, L. 1961. Les Noms de Nombre Dans L'anthroponymie Turque. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 12. No. 1/3, 45—71.
- Rybatzki, V. 2004. Personal Names and Titles of the "Forest-Folk. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 90, 109—186.
- Rybatzki, V. 2006. *Die Personennamen und Titel Der Mittelmongolischen Dokumente, Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy.
- Rybatzki, V. 2011. *Classification of Old Turkic Loanwords in Mongolic. From Ötüken to İstanbul 1290 Years of Turkish (720—2010)*. İstanbul: Büyükşehir.
- Street, J. C., 1990. Nominal Plural Formations in the "Secret History". *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 44. No. 3, 345—379.
- Sverdrup, C.F. 2017. *The Mongol Conquests The Military Operations of Genghis Khan and Sübe'etei*. Solihull: Helion & Company Limited.
- Taymas, A.B. 1988. *İbn-i Mühennâ Lûgati*. Ankara: TDK.
- Taşagıl, A. 2000. 'İnak', İslam Ansiklopedisi. *Türkiye Diyanet Vakfı*. Cilt. 22, 255—256.
- Tekin, Ş. 1976. Uygurca Metinler II: Maytrisimit. Burkancıların Mehdisi Maitreya ile Buluşma, Uygurca İptidaî Bir Dram (Burkancılığın Vaibhâşika Tarikatına Ait Bir Eserin Uygurcası). Ankara: Ankara Üniversitesi Yayınları.
- Temir, A. 1986. *Moğolların Gizli Tarihi-Tercüme*. Cilt. 1. Ankara: TTK.
- Tezcan, S. 1975. *Eski Uygurca Hsüan Tsang Biyografisi X*. Ankara: Bölüm.
- Toparlı, R. 1992. *İrşadu'l Müluk ve's- Selatin*. Ankara: TDK.
- Toparlı, R., Argunşah, M. 2008. *Mu'inü'l Mürid*. Ankara: TDK.
- Toparlı, R., Çögenli, S., Yanık, N.H. 2000. *Kitab-ı Mecmu-ı Tercüman-ı Türki ve Acemi ve Mugali*. Ankara: TDK.
- Uğurlu, M. 1984. Münyetü'l-Ğuzât (Metin-İndeks). Yüksek Lisans Tezi. Ankara: Gazi Üniversitesi.
- Vásáry, I. 1995. Mongolian Impact on the Terminology of the Documents of the Golden Horde. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 48. No. 3. *Studia Orientalia. Prof. Susannae Kakuk Septusgennariae Dedicata (1995)*, 479—485.
- Wang, P. 1995. *Tokharian Words in Altaic Regnal Titles*. Vol. 39. No. 2, 165—207.
- Woods, J.E. 1984. Turco-Iranica II: Notes on a Timurid Decree of 1396/798. *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 43. No. 4 (Oct., 1984), 331—337.
- Yıldız, H.D. 1971. Abbasiler Devrinde Türk Kumandanları II: Inak et-Türkî. *Tarih Enstitüsü Dergisi*. Ekim. Sayı. 2, 51—58.
- Yıldız, H.D. 2000. Inak et-Türkî. *İslam Ansiklopedisi*. Cilt. 22, 256—257.
- Yüce, N. 1993. *Mukaddimetü'l Edeb, Giriş-Dil Özellikleri-Metin-İndeks*. Ankara: TDK.

Нумизматика

Numismatics

УДК 94(395)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.64.74.029

B. Zlateva, M. Doychinova, I. Prokopov

XRF ANALYSES OF ELECTRUM COINS OF THE 7th — 4th cc. BCE: COIN HOARD (HOARDS?) OR SEVERAL GROUPS OF COINS*

The subject of the publication is a group of electrum coins of Mysia — Kyzikus, Ionia — Lesbos, Mytilene, Phokaia, and Erythrae. The coins are 83 in number and were found together in a shipment of smuggled traffic. The numismatic term coin hoard, in this case, is not preferable by the authors and the group of coins is called *coin pile*. Given the need to prepare expertise for authenticity, some of the coins were analyzed for their metal composition. Detailed information is represented on the identification of coins and X-ray fluorescence analysis. In a catalog, the coins are arranged for convenience following thematic and chronological order.

Key words: numismatics, electrum coinage, coin hoard, elemental composition of the metal.

About the authors: Zlateva Boika¹, PhD, Sofia University “St. Kliment Ohridski”; Doychinova Marina², PhD student in ancient numismatics, Regional History Museum — Sofia; Prokopov Ilya³, PhD (Archaeology and Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), South-West University “Neofit Rilski”, University of Library Studies and Information Technologies.

Contact information: ¹1504, Bulgaria, Sofia, 15 Tzar Osvoboditel Blvd., Sofia University “St. Kliment Ohridski”; e-mail: ahbz@chem.uni-sofia.bg; ²1000, Bulgaria, Sofia, 1 Banski Sq., Regional History Museum — Sofia; e-mail: numismatics@sofiahistorymuseum.bg; ³2700, Bulgaria, Blagoevgrad, 66 Ivan Mihaylov Str., South-West University “Neofit Rilski”; e-mail: ilya.prokopov@gmail.com.

Б. Златева, М. Дойчинова, И. Прокопов

XRF-АНАЛИЗЫ ЭЛЕКТРОВЫХ МОНЕТ VII—IV вв. ДО Н.Э.: МОНЕТНЫЙ КЛАД (КЛАДЫ?) ИЛИ НЕСКОЛЬКО ГРУПП МОНЕТ

Предмет публикации — группа монет из электрума Мисии (Кизик) и Ионии (Лесбос, Митилена, Фокея, Эрифры). Авторы не называют эту *стопку монет* нумизматическим термином «монетный клад». Всего монет 83, и обнаружены они были вместе в партии контрабанды. Учитывая необходимость подготовки экспертизы подлинности, был проанализирован состав металла некоторых монет. Приводится все данные по идентификации и рентгенофлуоресцентному анализу этих весьма редких образцов. Для удобства монеты расположены в каталоге в тематическом и хронологическом порядке.

Ключевые слова: нумизматика, чеканка электра, монетный клад, сплав, элементный состав металла.

Об авторах: Златева Бойка¹, PhD, Софийский университет «Св. Климент Орхидский»; Дойчинова Марина², Региональный исторический музей — София; Прокопов Илья³, PhD (Archaeology, Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), Юго-Западный университет «Неофит Рилски», Университет библиотекведения и информационных технологий.

Контактная информация: ¹1504, Болгария, София, бул. Царя Освободителя, д. 15, Софийский университет «Св. Климент Орхидский»; e-mail: ahbz@chem.uni-sofia.bg; ²1000, Болгария, София, Бански сквер, д. 1, Региональный исторический музей — София; e-mail: numismatics@sofiahistorymuseum.bg; ³2700,

*Статья поступила в номер 20 октября 2021 г.
Принята к печати 15 ноября 2021 г.

Болгария г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66, Юго-западный университет «Неофит Рилски»; e-mail: ilya.prokopov@gmail.com.

Introduction

On the territory of the Republic of Bulgaria, such finds only from electrum coins are not common. More precisely, a few coin hoard are known only with Kyzikus coins composed of a small number of coins. The authors cannot answer the question of whether these are one or two coin treasures. The reason is the complete lack of information about the origin of the coins and the place of their discovery. The coins were detained by the Bulgarian border services on the Bulgarian-Turkish border.

The coins subject to this publication are probably the result of traffic. The authors did not receive any information about their localization. All coin types and denominations represented in the coin pile are well known. It is not a problem to identify and cite them. In order to have a positive result, the authors divided the work into two parts. The first is to perform numismatic analysis. The second part is X-ray fluorescence analyses and commentary by a specialist chemist and archaeometrist.

In addition to the numismatic methodology, proof of this is the metal composition of the electron, which varies from 9.6 K to 24 K ratio of gold to silver. The conducted expertise and the results give grounds to accept the coins are authentic.

Numismatic analysis by M. Doychinova and I. Prokopov

The total number of electrum coins included in the catalog is 83: Kyzikus — 37 or 38; Lesbos, Mytilene — 26; Phokaia — 10; Erythrae — 3; Uncertain mint. Phocaic standard — 4; Unspecified — 2.

Coin nominals: Staters — 6; Hektes — 52; Hemihektes — 18; Myshemihektes — 5; $\frac{1}{48}$ Staters — 2.

When performing the identification, the authors had to answer two questions. The first is whether the coins were found on the territory of the Republic of Bulgaria? The second is whether it is one, two, or more coin hoards? In order to give an answer to the questions, the authors examined the history of similar finds from the Republic of Bulgaria reflected in publications. The detailed inventory for the collective finds issued in Bulgaria reflects all the finds containing electrum coins (ICHB I).

The review of the collective and individual finds is first focused on the southeastern and southern parts of the Republic of Bulgaria including the Black Sea coast. The following finds were registered in the southeastern region of the border with Turkey:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Ahtopol after 2000, Region Burgas	EL 1	hekte Kyzikus	Орачев 2015: No. 23	
Sozopol 2001, Region Burgas	EL hoard?	Kyzikus	ICHB I: 67	
Nessebar area 1988, Region Burgas	EL 20+	stater Kyzikus	IGCH 881	1 coin kept in the Regional Museum Burgas (ICHB I: 53)
Kameno 1943, Region Burgas	EL 1	stater Kyzikus	Карайотов 2011: 23; ICHB I: 48	
Sveti Vlas 1948, Region Burgas (IGCH 689)	EL 3	2 hekte Kyzikus	ICHB I: 63	
		⅓ stater Kroisos		

Electrum coin hoards have also been registered in the southern part of the country bordering Turkey:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Ovcharovo-1959, Region Haskovo	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 690; CCCHBulg. VII: No. 465	One coin of them kept in the Regional Museum
Slavyanovo-1943, Region Haskovo	EL 2	stater Kyzikus	ICHB I: 693; CCCHBulg. VII: No. 466	One coin of them kept in the Regional Museum
Shishmanovo-1900, Region Haskovo	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 697	
Bolyarovo-1939 (Today a quarter of the town of Haskovo)	EL 2	Stater Kyzikus	ICHB I: 679	
Momchilgrad-1938, Region Kardzali	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 252	

Collective hoards and single coins were also found in the central part of Southern Bulgaria:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Banya-1946, Region Plovdiv	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 430	Regional museum, Inv. No. 1906
Dabene-1979, Region Plovdiv	EL 9 +	stater Kyzikus, 8 + AR other coins	ICHB I: 437	
Plovdiv area – 1943	2 + : EL	stater Kyzikus	ICHB I: 457	One coin of them kept in the NAIM-BAS Sofia, Inv. No. 586
Starosel-1929, Region Plovdiv	5 + : EL	stater Kyzikus	ICHB I: 463	
Nova Zagora-1943, Region Sliven	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 550	
Rajena-1929, Region Stara Zagora	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 634	Kept in History museum in Kazanlak
Stara Zagora-1926	2 + EL	stater Kyzikus	ICHB I: 638	

There is also a non-localized find from Southern Bulgaria:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
South Bulgaria-1943	EL 2	stater and hekte Kyzikus	ICHB I: 774	NAIM-BAS Sofia, Inv. Nos. 8252, 993

Three finds are reflected in the literature from Western Bulgaria. They are from Sofia district:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Jivkovo-1905, Region Sofia (IGCH 714)	EL 41	40 staters, 1 hekte Kyzikus	ICHB I: 587—588	
Muhovo-1936, Region Sofia	EL 3	1 stater Kyzikus; AR 2	ICHB I: 592	
Sofia-1944 (IGCH 713)	EL 1	stater Kyzikus	ICHB I: 599	

Only two finds are known in Northeastern Bulgaria. There is only a single coin on the Black Sea coast:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Topoli-1943, Region Varna	EL 1	: stater Kyzikus	ICHB I: 107	

There is one large find on the banks of the Danube River in Bulgaria:

Region	Number of coins	Nominal	References	Notes
Silistra-1905 (IGCH 734)	207+ - EL 7, AR 200+		ICHB I: 534	

The analysis of the electrum coin finds clearly shows activity towards the eastern coast of the Black Sea and the connection with the Sea of Azov. In particular, the area from the town of Olbia to the Taman Peninsula and the Kerch Strait: “Olbia-1966”; “Kerch-1904”; “Taman’ Peninsula-1866-67” and “Taman’ Peninsula-1845” (IGCH 1002, 1011, 1012, 1013). The trace of trade relations marked by electrum coins is obvious. The authors do not intend to comment on the findings outside the delineated area, but they will note that the finds from Bulgaria fall partly in the northern zone of the flow of electrum coins. It is important to emphasize the main conclusion. The analysis clearly shows that in Bulgaria there are no registered coins of Phocaea and Mytilene. The authors assume that the coin pile/hoards? was most likely not found on Bulgarian territory. The question of whether this is one, two, or more finds cannot be answered unequivocally. Examination of the finds with electrum coins shows a rather rare mixing of the coins of Kizik in Moesia with those of the cities of Ionia.

XRF analysis of electrum coins by Boika Zlateva

The analysis of the provided coins was performed with an X-ray fluorescence spectrometer, Bruker S1 Titan. Due to the high content of gold and the chemical properties of it (non-corrosive metal) surface of the coins has not been pre-cleaned. Internal and external (SRM Airubis 3000) calibration of the device is used. The concentration of 44 chemical elements was measured. The table (see Table 1) below shows the concentration (in mass %) for the elements that have concentrations above the lower limit of determination (LOD of the method).

The tested coins are reflected with a laboratory code. Index 1 marks the analysis of the reverse of the coins.

Table 1. Elemental composition of the investigated coins (in mass %).

Lab. Code	Ti	Fe	Cu	Ag	Au	Alloy type
Series A:						
C-100.SOF	0.069±0.008	0.203±0.011	10.74±0.53	44.35±2.21	44.84±1.79	10.9 K Gold
C-100-1.SOF	0.219±0.021	< LOD	10.20±0.50	45.33±2.22	44.06±1.68	10.7 K Gold
C-101.SOF	0.135±0.012	< LOD	1.25±0.05	27.58±1.38	71.04±2.84	17.2 K Gold
C-101-1.SOF	0.384±0.032	< LOD	1.40±0.06	24.57±1.25	73.44±2.88	17.5 K Gold
C-102.SOF	< LOD	< LOD	3.90±0.19	27.52±1.38	68.58±2.60	16.6 K Gold
C-102-1.SOF	< LOD	< LOD	4.29±0.38	27.69±1.39	68.02±2.60	16.2 K Gold
C-103.SOF	< LOD	0.243±0.012	9.88±0.48	50.54±2.53	39.58±1.60	9.6 K Gold
C-103-1.SOF	0.137±0.014	0.231±0.012	9.18±0.45	53.62±2.68	36.76±1.57	9.6 K Gold
C-104.SOF	< LOD	< LOD	1.64±0.07	30.89±1.54	67.47±2.59	16.3 K Gold
Series B:						
C-105.SOF	< LOD	< LOD	4.83±0.40	36.33±1.82	58.60±2.30	14.2 K Gold
C-106.SOF	< LOD	< LOD	3.21±0.15	37.60±1.88	58.96±2.32	14.3 K Gold
C-107.SOF	< LOD	< LOD	2.41±0.11	39.63±1.98	57.96±2.29	13.8 K Gold
C-108.SOF	< LOD	< LOD	5.18±0.25	41.16±2.06	53.66±2.16	13.0 K Gold
C-109.SOF	< LOD	< LOD	4.99±0.25	40.51±2.03	54.50±2.17	13.2 K Gold
Series C:						
C-110.SOF	< LOD	< LOD	1.63±0.08	33.73±1.69	64.63±2.60	15.4 K Gold
C-111.SOF	0.22±0.02	< LOD	1.83±0.07	31.51±1.58	66.44±2.65	15.8 K Gold
C-111.SOF	0.071±0.065	< LOD	2.68±0.22	39.27±1.97	57.64±2.28	13.7 K Gold
C-113.SOF	< LOD	0.264±0.013	2.49±0.12	36.19±1.81	61.32±2.44	14.6 K Gold
C-114.SOF	0.059±0.006	< LOD	3.10±0.14	42.26±2.12	54.58±2.20	13.2 K Gold
Series D:						
C-115.SOF	< LOD	0.229±0.011	7.29±0.35	47.42±2.37	45.29±1.81	11.0 K Gold
C-116.SOF	< LOD	< LOD	7.62±0.36	49.36±2.47	42.76±1.71	10.4 K Gold
C-117.SOF	< LOD	0.395±0.020	7.98±0.39	53.51±2.68	38.51±1.54	-
C-117.SOF	< LOD	0.421±0.021	7.75±0.36	54.05±2.70	37.97±1.52	-
C-118.SOF	< LOD	< LOD	6.70±0.33	52.54±2.63	40.76±1.61	9.9 K Gold
Series E:						
C-119.SOF	< LOD	0.370±0.018	3.81±0.20	36.63±1.85	59.16±2.40	14.3 K Gold
C-120.SOF	< LOD	< LOD	3.76±0.20	37.06±1.85	59.18±2.40	14.1 K Gold
C-121.SOF	< LOD	< LOD	3.14±0.15	38.64±1.94	58.22±2.32	14.1 K Gold
C-122.SOF	2.23±0.02	< LOD	1.11±0.05	29.38±1.46	66.46±2.65	16.1 K Gold
C-123.SOF	0.587±0.061	< LOD	3.18±0.16	34.27±1.71	61.64±2.48	14.9 K Gold
Series F:						
C-124.SOF	< LOD	< LOD	1.01±0.05	37.21±1.85	61.78±2.50	14.7 K Gold
C-125.SOF	< LOD	< LOD	1.66±0.08	39.31±1.96	59.04±2.36	14.3 K Gold
C-126.SOF	< LOD	< LOD	3.96±0.20	36.07±1.80	59.97±2.42	14.5 K Gold
Series G:						
C-127.SOF	< LOD	< LOD	< LOD	0.252±0.01	99.75±4.00	23.8 K Gold
C-128.SOF	< LOD	< LOD	< LOD	0.447±0.02	99.55±3.98	24.0 K Gold

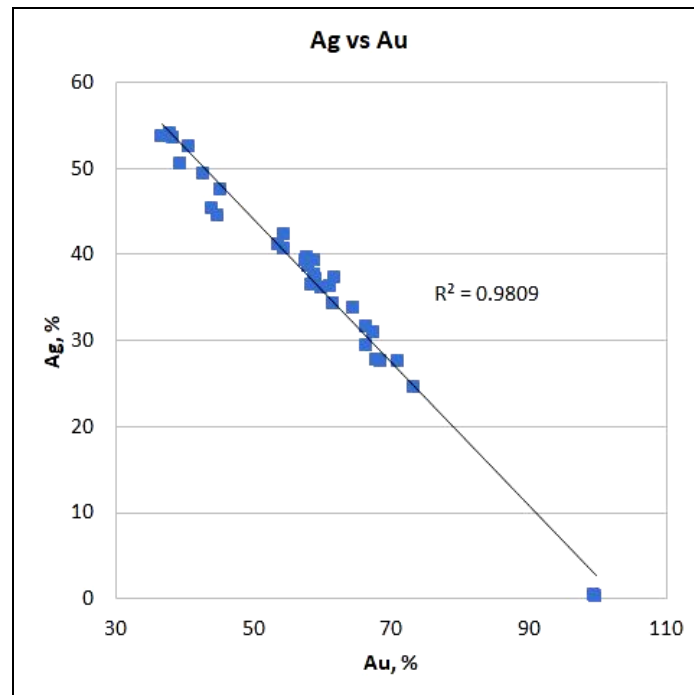
With the exception of sample C-117, the type of alloy was determined. It ranges from 9.6 to 24 K gold.

Electrum is known to consist of gold and silver, often mixed with small amounts of copper, platinum, or other metals. Usually the metals registered in the natural electrum are copper, iron, bismuth and palladium. The name electron can be applied to any natural gold-silver alloy that contain 20—80% gold and 80—20% silver. The artificial electron is called “green gold” or “green silver” depending on which metal predominates in the alloy. The natural electrum found today in Western Anatolia contains 70% to 90% gold. Most examples of ancient electrum are coins that contain lower amounts of gold. Most examples of ancient electrum are coins that contain less gold. Researchers believe that the raw material is further alloyed to maintain profits at a lower quantity of gold (Helmenstine 2020). The early Ionian coins studied have evidence of the addition of silver. It has been found that some of the concentrations of silver are remarkably high for natural levels and certainly contain added copper. The same can be said of the Lydian coins analyzed by Kraay (Kraay 1958: 21—23). The percentages of copper given by Kraay for Ionic and Lydian coins determined through surface analysis by X-ray fluorescence should be considered as minimum values. Paszthory examined two Lydian coins using X-ray fluorescence and wet chemical analysis. (Paszthory 1980). The results show that they contain enough iron and copper, so they must have been made from unrefined electrum with added copper.

The content of silver suggests that it may have been added. The lead content may allow the addition of about one piece of silver to four parts of the electrum accordingly. This means a content of about $\frac{2}{3}$ gold before “dilution”. Such a finding is made for some of these coins written in Lydian letters, WALWEL, which is interpreted as “lion” (Wallace 1988). In both the natural electron alloy and the synthesized metal, the amounts of gold and silver vary considerably. In the electron from which coins were minted in archaic Greece, silver varies from 10 to 30%. An analysis reported by Wallace (Wallace 1987) confirms and round out this hypothesis: “The silver content of early coins varies from approximately 20% to 75%, with most coins having more than 45% silver”.

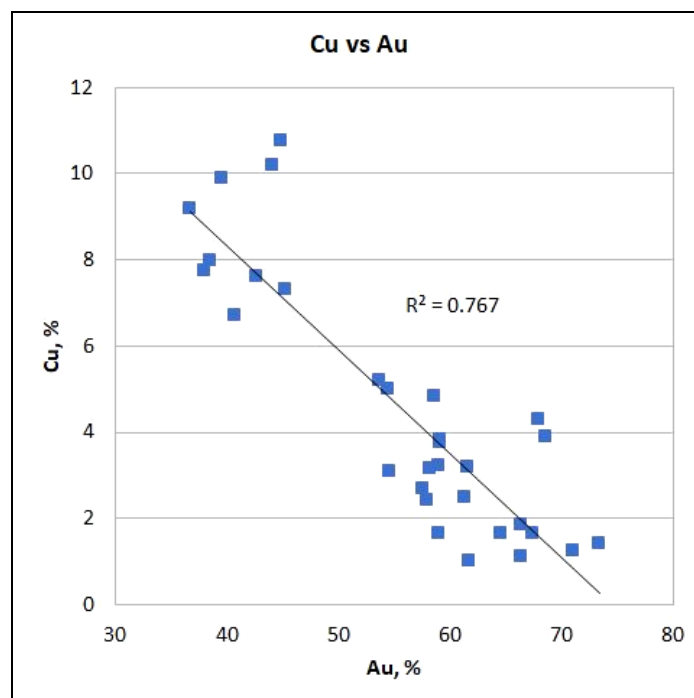
In the analyzed coins the lowest silver content is shown by coins with numbers C-127 and C-128. It is respectively 0.252 and 0.447% and the gold content is over 99%. In the other cases, silver varies from 24.57% to 54.05%, with an average value of 36.95%.

The C-117 coin has the lowest gold content and the presence of a relatively high copper content — over 7.8 % and the same time has the highest iron content — about 0.4%. This implies the use of unrefined electrum for its production but this conclusion is not certain. It could be rejected or confirmed by analysis by other methods. The obtained values for the elements that are discriminatory — Bi, Pb, Sn, Hg — are below the detection limits of the method.

Fig. 1. Two-dimensional distributional of silver and gold.

The average amount of copper is 4.76%, and the content varies from 1.1% to over 10% (Fig. 2).

Fig. 2. Two-dimensional distributional of copper and gold.

Looking at the coins in series, it is noticeable that the same series includes coins with different types of alloy. Exceptions are series E, F, and G respectively with a very similar composition of the alloy. This could be an indication of production on one technology and/or in one production center.

Should be noted again the positive correlation between the content of copper and gold — but with a lower correlation coefficient. This fact could be explained by the different periods and places of production of the coins. As well as by the use of unrefined electrum to make some of them.

Conclusion

The performed X-ray fluorescence analysis is suitable for determining the type of alloy used to make electrum coins. The limitations of the method are taken into account: analysis only of the surface layer of the alloy and the high lower limit of determination.

Additional information on the manufacturing technology, as well as the trends in the change in the amount of gold / silver, can be obtained using the information from the numismatic analysis. In order to obtain results, it is necessary to compare the weights of the coins, their dating, as well as a possible place of mining.

CATALOGUE

MYSIA, KYZIKOS (in chronological order). Fig. 3, nos. 1—38.

Kyzikos. Circa 600—550 BCE.

Obv. Fish to left, tunny fish below.

Rev. Quadripartite incuse square.

1. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.9.

Hurter & Liewald III 3.

Obv. Head of a tunny fish to right; above and below, small tunnies swimming to left.

Rev. Quadripartite incuse square.

2. El Hemihekte 9 mm; No. in a coll.: 4.3.
3. El Hemihekte 9 mm; No. in a coll.: 4.7.
4. El Hemihekte 10 mm; No. in a coll.: 4.8.

Greenwell 166; Hurter & Liewald III 13.2; SNG France 173; von Fritze I 28.

Obv. Tunny left with wing of griffin above.

Rev. Quadripartite incuse square.

5. El Hemihekte 10 mm; No. in a coll.: 4.10.

Hurter & Liewald III 37.2; von Fritze I 33.

Obv. Head of boar right, holding in its mouth a tunny.

Rev. Quadripartite incuse square.

6. El Hemihekte 9 mm; No. in a coll.: 7.1.

von Fritze I 34 (stater & hemihekte); Hurter & Liewald II 35; SNG Berry 926.

Obv. Head of tunny left; below, headless tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

7. El Hemihekte 9 mm; No. in a coll.: 7.3.

Hurter & Liewald III 12.2; SNG France 165 (hekte); Rosen 416 = SNG von Aulock 7262.

Kyzikos Circa 550—500 BCE.

Obv. Head of goat with long beard to left; tunny fish upward behind.

Rev. Quadripartite incuse square.

8. EL Stater. 18 mm; No. in a coll.: 2.1.

9. EL Stater. 18 mm; No. in a coll.: 2.2.

von Fritze I 48, pl. I: 49; Rosen pl. XI: 184; SNG France 186.

Obv. Head of Athena to left, wearing Corinthian helmet; tunny fish downward behind.

Rev. Quadripartite incuse square.

10. EL Stater. 18 mm; No. in a coll.: 2.4.

von Fritze I 63; Greenwell 26; SNG France -; Boston MFA 1432 = Warren 1445; Gillet 1058; Jameson 2168; Gulbenkian II 608.

Obv. Winged dog seated to left, head reverted to right; tunny fish to left below.

Rev. Quadripartite incuse square.

11. EL Stater. 18 mm; No. in a coll.: 2.3.

von Fritze I 104; Greenwell 140; Boston MFA 1433; SNG France 245; Weber 5019.

Obv. Head of boar left; to right, tunny upward

Rev. Quadripartite incuse square.

12. EL Stater 17 mm; No. in a coll.: 2.5.

Hurter & Liewald I 45a.

Obv. Satyr in kneeling-running stance to left, holding in his extended right hand a tunny fish by the tail Rev. Quadripartite incuse square.

13. EL Stater. 18 mm; No. in a coll.: 2.6.

von Fritze I 122; Boston 1461.

Obv. Youthful male head to left, wearing laurel wreath with blossom at his brow; behind to right, tunny fish swimming downwards.

Rev. Quadripartite incuse square.

14. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.6.

15. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 3.12.

Boston MFA 1431 = Warren 1498; Greenwell 79; von Fritze I 62.

Kyzikos. Circa 550—450 BCE.

Obv. Satyr kneeling left, holding a tunny fish by the tail in his extended right hand.

Rev. Quadripartite incuse square.

16. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 3.1.

17. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.2.

SNG France 270; von Fritze I 122.

Obv. Forepart of ram left; to right, tunny upward.

Rev. Quadripartite incuse square.

18. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.3.

19. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 3.13.

Cf. Boston MFA 1420; Jameson 2166; SNG von Aulock 1175.

Obv. Prow to left, the lower hull decorated as a winged forepart of a wolf, the head of which forms the ship's ram; below, tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

20. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.11.

SNG von Aulock 1183.

Obv. Forepart of lion left, [devouring prey]; to right, tunny upward.

Rev. Quadripartite incuse square.

21. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 4.1.

22. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 4.2.

23. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 4.6.

von Fritze I 41; Boston MFA 1416 = Warren 1534; cf. SNG France 181 (hekte).

Obv. Head of Athena to left, wearing crested Attic helmet; below, tunny to left.

Rev. Quadripartite incuse square. SNG France -, cf. 195 (hemihekte). von Fritze I 67.

24. El Hemihekte 8 mm; 8 mm; No. in a coll.: 4.4.

SNG France 195 (hemihekte); von Fritze I 67.

Obv. Ram seated left, with head turned back; below, tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

25. El Hemihekte 7 mm; No. in a coll.: 4.5.

For nominal stater: von Fritze I 47; Greenwell 131; Boston MFA 1419 = Warren 1555; BMC 14 48; Jameson 2167; Weber 5016.

Obv. Forepart of Pegasos left on tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

26. El Hemihekte 7 mm; No. in a coll.: 4.14.

von Fritze I 102; cf. Boston MFA 1434–6 (larger denominations); SNG France 243.

Obv. Bearded head of male left, in archaic style, on tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

27. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.4.

von Fritze I 66; Greenwell 78; Boston MFA -; SNG France 194; Jameson 2170.

Kyzikos. Circa 500—450 BCE.

Obv. Lion at bay to left on tunny.

Rev. Quadripartite incuse square.

28. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.4.

SNG France 212; von Fritze I 83.

Obv. Forepart of Pegasos left on tunny left.

Rev. Quadripartite incuse square.

29. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 3.7.

30. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 3.8.

SNG France 241; Boston MFA 1435.

Obv. Satyr in kneeling-running stance to left, holding in his extended right hand a tunny fish by the tail. Rev. Quadripartite incuse square.

31. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 4.9.

von Fritze I 122; cf. Boston MFA 1461 (stater); SNG von Aulock 7289 (hekte); SNG France 270 (hekte).

Obv. Griffin seated to left, raising right foreleg; below, tunny fish to left.

Rev. Quadripartite incuse square.

32. El Hemihekte 7 mm; No. in a coll.: 4.13.

Cf. von Fritze I 101 (unlisted denomination); cf. Boston MFA 1437—1438 (stater and hekte)

MYSIA, Kyzikos. Circa 550-450 BC

Obv. Head of lion left; to right, tunny upward.

Rev. Quadripartite incuse square.

33. El Myshemihekte 6.5 mm; No. in a coll.: 7.4.

von Fritze I 39; Greenwell 115; Boston MFA 1415 = Warren 1539; SNG France 179—180.

Kyzikos Circa 450 BCE.

Obv. Head of goat left, tunny fish behind.

Rev. Quadripartite incuse square.

34. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 3.10.

von Fritze I 48 (stater); SNG France 186 (stater).

Kyzikos Circa ?

35. El Hemihekte 7 mm; No. in a coll.: 4.11.

von Fritze I 15; Hurter & Liewald 36.

Kyzikos Circa ?

Obv. Forepart of a lion, head turned back.

Rev. Quadripartite incuse square.

36. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 4.12.

Kyzikos Circa ?

Obv. Tunny fish right, above ?

Rev. Quadripartite incuse square.

37. El Hemihekte 7 mm; No. in a coll.: 4.15.

Kyzikos or Ionia?

Obv: Forepart of harpy left, holding tunny?

Rev: Quadripartite incuse square.

38. El Hemihekte 8 mm; No. in a coll.: 7.2.

SNG France 207 or von Fritze I 24.

IONIA

Lesbos, Mytilene Circa 521—478 BCE. Fig. 3, nos 39—64.

Obv. Head of roaring lion to right.

Rev. Incuse head of calf to right; rectangular punch behind.

39. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 5.4.

40. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 5.5.

SNG Cop. 301; SNG von Aulock 1685; HGC 6.

Lesbos, Mytilene Circa 454—428/7 BCE.

Obv. Youthful male head to right, wearing tainia.

Rev. Wreathed and bearded male head to right within shallow square incuse.

41. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.13.

Bodenstedt 52; SNG Cop. 325; SNG von Aulock 7730; HGC 6, 978.

Obv. Bearded head of the Satyr facing r.
Rev. Rams heads confronted, flower above, all within shallow incuse square.
42. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.14.
Bodenstedt 37.

Lesbos, Mytilene. Circa 412—378 BCE.

Obv. Bearded head of Dionysos right, wearing tainia and wreath of ivy in hair, of archaized style.
Rev. Head of Kalathiskos (dance performer) right in linear square within incuse square.
43. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 5.10.
Bodenstedt 76; HGC 6, 1002.

Obv. Head of Athena to right, wearing crested Attic helmet.
Rev. Head of Artemis-Kybele to right, wearing stephane, within linear incuse square.
44. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.11.
45. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.12.
Bodenstedt 73; HGC 6, 999.

Obv. Laureate head of Apollo to right
Rev. Female head with long hair inside incuse linear square
46. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 5.14.
SNG von Aulock 1713; Bodenstedt 70.

Obv. Head of Io right, wearing tainia.
Rev. Head of Dionysos to right, wearing wreath of ivy and fruit, within linear square within incuse square.
47. El Hekte 11 mm; No. in a coll.: 5.19.
Bodenstedt 77; SNG Cop. 326; SNG von Aulock 1720.

Obv. Forepart of winged lion l.
Rev. Sphinx seated r. in linear square within incuse square.
48. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.11.
Bodenstedt 63; HGC 6, 989 corr. (winged lion, not boar); SNG von Aulock 1704; BMC 14 35.

Lesbos, Mytilene. Circa 377—326 BCE.

Obv. Head of Dionysos to right, wearing wreath of ivy and fruit.
Rev. Bald facing head of Silenos with long beard and two animal ears within rectangular incuse.
49. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.1.
50. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.2.
51. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.3.
Bodenstedt 90; SNG Cop. 323—324; SNG von Aulock 1718.

Obv. Veiled head of Demeter to right, wearing wreath of grain ears.
Rev. Tripod tied with fillet; all within linear square within incuse square.
52. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 5.8.
53. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.9.
Bodenstedt 91; HGC 6, 1017; SNG von Aulock 1726.

Lesbos, Mytilene. Circa 380/377—326 BCE.

Obv. Head of Athena facing, looking slightly to right, wearing triple-crested Attic helmet.

Rev. Draped bust of Hermes to right, with his petasos hanging behind his neck; all within linear square.

54. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.20.

55. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.21.

Bodenstedt 86; HGC 6, 1012; SNG von Aulock 1709, 7738.

Obv. Head of Hermes right, wearing petasos.

Rev. Lion standing right in linear square [within shallow incuse square].

56. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 6.7.

Bodenstedt 83; HGC 6, 1009.

Obv. Laureate head of Zeus to right.

Rev. Half-length bust of Nike with spread wings to right, two stars above, all within linear square.

57. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.15.

58. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.16.

Bodenstedt 101; SNG von Aulock 7741.

Obv. Laureate head of Apollo right; coiled serpent behind neck.

Rev. Head of Artemis right, hair bound in sphendone, in linear square within [incuse square].

59. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.17.

60. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 5.18.

Bodenstedt 100B; HGC 6, 1026.

Obv. Head of Kabeiros right, wearing wreathed cap; two stars flanking.

Rev. Head of Persephone right within linear square.

61. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.15.

Bodenstedt 99; HGC 6, 1025.

Obv. Half length bust of Maenad, hair in sphendone, right.

Rev. Race torch in linear square within shallow incuse square.

62. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.16.

Bodenstedt 92; HGC 6, 1018; SNG Cop. 320; BMC 14 122; Boston MFA 1744; Jameson 1478; *Traité* II 2219; Weber 5643.

Obv. Laureate head of Apollo right.

Rev. Kithara in linear square within incuse square.

63. El Hekte 10 mm; No. in a coll.: 6.17.

Bodenstedt 94; HGC 6, 1020.

Obv. Head of Persephone right, wearing barley-wreath.

Rev. Bull charging left, within linear square frame.

64. El Hekte 9 mm; No. in a coll.: 6.13.

Bodenstedt 88; SNG Lockett 2765; SNG von Aulock -; SNG Cop. 321; HGC 6, 1014.

Phokaia. Circa 625/0—600 BCE. Fig. 3, nos. 65—78.

Obv. Head of griffin with open mouth to right; pellet above.

Rev. Quadripartite incuse square.

65. El Forty-eighth Stater 5 mm; 0.33 g; No. in a coll.: 7.9.

Bodenstedt El a; Rosen 317; SNG von Aulock 7789; *Traité* I, 170.

Phokaia. Circa 625—522 BCE.

Obv. Head of boar left; seal below.

Rev. Irregular incuse square.

66. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:3.5.

Bodenstadt Em.14; Jameson 1509.f.

Asia Minor, uncertain mint. Phocaic standard 6th c. BCE.

Obv. Swastika in relief on raised square.

Rev. Quadripartite incuse square.

67. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.5.

Obv. Swastika in relief on raised square.

Rev. Quadripartite incuse square /Incuse punch.

68. El Myshemihekte 6 mm; No. in a coll.:7.5.

69. El Myshemihekte 7 mm; No. in a coll.:7.6.

SNG von Aulock 1778; Rosen -, cf. 319 (hecte).

Obv. Swastika in relief on raised square.

Rev. Incuse punch.

70. El Forty-eighth Stater 5 mm; 0.33 g; No. in a coll.:7.8.

Traité I 238; Traité II.2, 238, pl. 5: 37.

Phocaea. Ca. 477—388 BCE.

Obv. Head of Athena left wearing crested Attic helmet ornamented with crouching griffin; below, small seal left.

Rev. Quadripartite incuse square.

71. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.18.

Bodenstedt 91; SNG von Aulock 2131—2132.

Phokaia, Ca. 387—326 BCE.

Obv. Laureate female head l., hair in sakkos; below, inverted seal r.

Rev. Quadripartite incuse square.

72. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:5.6.

73. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.9.

BMC 14 63—65; Bodenstedt 102.

Obv. Head of Omphale left, wearing lion skin; club behind neck; below, small seal left.

Rev. Quadripartite incuse square.

74. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.8.

75. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.12.

76. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.19.

Bodenstedt 107; SNG von Aulock 2133; Boston MFA 1917.

Obv. Young female head left; below, small seal left.

Rev. Quadripartite incuse square.

77. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:5.7.

Bodenstedt 90.

Obv. Female head to left, wearing a laurel wreath and with her hair in a sakkos; below neck, here off the flan, seal.

Rev. Quadripartite incuse square.

78. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.10.

BMC 14 63—65; Bodenstein 102.

Erythrae. Ca. 550—500 BCE. Fig. 3, nos. 79—81.

Obv. Head of Heracles left, wearing lion skin headdress.

Rev. Quadripartite incuse square.

79. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.1.

80. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.2.

81. El Hekte 8 mm; No. in a coll.:6.3.

SNG von Aulock, 1942; SNG Kayhan 2002, 737—738.

Unspecified: Fig. 3, nos. 82—83.

Obv. Unclear. According to the angle, it can be a Ketos, a griffin's head or another animal.

Rev. Quadripartite incuse square.

82. El Myshhemihekte 6 mm; No. in a coll.: 7.7.

Obv. Facing gorgoneion, mouth opened and tongue protruding between her teeth.

Rev. Quadripartite incuse square.

83. El Hekte 8 mm; No. in a coll.: 6.6.

References

- BMC 1876: Head, B.V., Poole, R.S. (eds.). 1892. *Catalogue of the Greek coins. Sicily*. London: British Museum (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum).
- Bodenstedt: Bodenstedt, Fr. 1981. *Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene*. Tübingen: Wasmuth.
- Boston MFA: Brett, A.B. *Catalogue of Greek Coins*. Boston: Boston Museum of Fine Arts.
- CCCHBulg. VII: Prokopov, I. (ed.). 2017. *Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria*. Vol. VII. *Numismatic Collections of the museums at Haskovo. Coins and coin hoards from VI to I century BC*. Sofia; Haskovo: ProVias.
- Greenwell, W. 1887. *The electrum coinage of Cyzicus*. London: Rollin and Feuardent.
- Gulbenkian II: Robinson, E.S.G., Castro Hipolito, M. 1971. *A Catalogue of the Calouste Gulbenkian Collection of greek Coins*. Pt. 2. Greece to East. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian.
- Helmenstine, A.M. 2020. Electrum Metal Alloy. ThoughtCo, Feb. 11, 2020. Available at: [thoughtco.com/electrum-metal-alloy-facts-608460](https://www.thoughtco.com/electrum-metal-alloy-facts-608460) (accessed 10.10.2021).
- HGC 6: Hoover, O.D., Ashton, R. 2010. *Handbook of coins of the islands: Adriatic, Ionian, Thracian, Aegean, and Carpathian seas, excluding Crete and Cyprus: sixth to first centuries BC*. Lancaster: Classical numismatic Group.
- Hurter & Liewald: Hurter, S.M., Liewald, H.-J. 2006. Die Frühesten Typen der Elektronprägung von Kyzikos. Thunfische, Thunfischköpfe und -hinterhälften. *Schweizerische Numismatische Gesellschaft* 85, 5—17.
- ICHB I: Teodosiev, N. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nakhodki ot Bulgariya (An Inventory of Coin Hoards from Bulgaria)*. Vol. I. *Ot domonetnata epokha do 498 g. sl. Khr. (From the Pre-Coin Era to 498CE)*. Sofia: Nikolai (in Bulgarian).
- IGCH: Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, K.M., 1973. *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York: American Numismatic Society.
- Jameson, R. 1913. *Collection R. Jameson*. T. 1. *Monnaies grecques antiques*. Paris: Feuardent.
- Karaiotov, I. 2011. *Drevni i srednovekovni selishta v Burgas i burgaskiya zaliv (Ancient and medieval settlements in Burgas and the Burgas Bay)*. In: Karaiotov, I. (ed.). *Istoriya na Burgas: ot drevnostta do*

- sredata na XX vek (History of Burgas: from antiquity to the middle of the 20th c.)*. Burgas: Regionalna biblioteka "Peio Yavorov", 7—52 (in Bulgarian).
- Kraay, C.M. 1958. The Composition of Electrum Coinage. *Archaeometry* 1, 21—23.
- Orachev, A. 2015. *Blazheniyat grad Akhtopol / Agatopolis (The blessed city of Ahtopol / Agathopolis)*. Sofia: Sdruzhenie Chernomorska Strandzha.
- Paszthory, E. 1980. Investigations of the Early Electrum Coins of the Alyattes Type. *Metallurgy in Numismatics* 1. London: Royal Numismatic Society, 151—56, pl. 12—17 (Royal Numismatic Society Special Publication 13).
- Rosen: Waggoner, N.M. 1983. *Early Greek Coins from the Collection of Jonathan P. Rosen*. New York: American Numismatic Society (Ancient coins in North American collections 5).
- SNG Berry: Thompson, M. 1961—1962. *Sylloge Nummorum Graecorum: The Burton Y. Berry Collection*. New York: The American Numismatic Society.
- SNG Cop.: Breitenstein, N., Schwabacher, W. (eds.). 1946. *Sylloge Nummorum Graecorum, Copenhagen*. Pt. 22—24. *Ionia. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum*. Copenhagen: E. Munksgaard.
- SNG France: Levante, E. 1993. *Sylloge Nummorum Graecorum, France*. Vol. 2. *Bibliothèque nationale de France: Cilicie*. Paris: Bibliothèque Nationale de France.
- SNG Kayhan: Konul, K. 2002. *Sylloge Nummorum Graecorum, Turkey* 1, *The Muharrem Kayhan Collection*. Istanbul; Bordeaux: Ausonius Publications.
- SNG Lockett: Robinson, E.S.G. 1938. *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. III. The Lockett Collection. London: Oxford University Press.
- SNG von Aulock: von Aulock, H., Kleiner, G. 1957. *Sylloge Nummorum Graecorum: Deutschland*. Berlin: Mann.
- Traité I: Babelon, E. 1907. *Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième Partie: Description historique*. Vol. I. Paris: E. Leroux.
- Traité II: Babelon, E. 1910. *Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième Partie: Description historique*. Vol. II. Paris: E. Leroux.
- von Fritze I: von Fritze, H., Gaebler, H. (Hrsg.). 1907. *Nomisma: Untersuchung auf dem Gebiete der Antiken Münzkunde*. Bd. 1. Berlin: Mayer & Müller.
- Wallace, R.W. 1987. The Origin of Electrum Coinage. *American Journal of Archaeology* 91. No. 3 (July 1987), 385—397.
- Wallace, R.W. 1988. WALWE. and .KALI. *Journal of Hellenic Studies* 108, 203—207.
- Weber: Weber, H. 1926. *Descriptive Catalogue of the Collection of Greek Coins*. Vol. III. Pt. 1. London: L. Forrer.

Fig. 3. Photos of coins.

Fig. 3. Photos of coins (continued).

Fig. 3. Photos of coins (continued).

УДК 94(495)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

**ПРИВОЗНЫЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ,
НАЙДЕННЫЕ БЛИЗ С. ПАРТИЗАНСКОЕ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ),
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

Публикуется небольшая, но весьма интересная подборка монет, найденных в начале XXI в. жителями села на поверхности холма Тавель. Это бронзовые монеты, отчеканенные в Сиракузах при Гикете II и Гиероне II, а также в Александрии или на Кипре при Птолемах II, VI и VIII, а также IX или X. Вряд ли эти монеты могли одновременно использоваться в Юго-Западной Таврике в качестве платежных средств, т.к. выпущены они в двух достаточно удаленных государствах по различным стопам, из малоценного бронзового сплава. Речь идет, очевидно, о разновременных подношениях местному святилищу, находившемуся в III—I вв. до н.э. на холме Тавель. Монеты жертвовали, вероятно, потому, что чтили размещенные на них изображения. Сам же факт обнаружения этих артефактов свидетельствует о наличии контактов между населением предгорий Таврики и государств Центрального и Восточного Средиземноморья в указанный период.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, скифы, привозная монета.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович¹, Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович², кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: ¹190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru; ²603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

D.V. Andriyevskiy, M.M. Choref

**IMPORTED HELLENISTIC COINS
FOUND NEAR PARTIZANSKOE VILLAGE (SOUTHWEST CRIMEA)
AS A HISTORICAL SOURCE**

Our attention was attracted by rather small yet interesting numismatic sample of the Hellenistic times. The coins were gathered at the beginning of the 2000s by the residents of the village on the present-day surface of the Tavel hill. The sample consists of bronze coins minted in Syracuse under Hiketas II and Hieron II as well as in Alexandria or in Cyprus under Ptolemies II, VI, and VIII, as well as IX or X. Judging by the fact that coins were released by rather remote polities using different standards of coinage based on low-value bronze alloys, it seems unlikely that they could be simultaneously used in Southwest Taurica as means of payment. We believe that we are dealing with offerings repeatedly made for the local sanctuary which situated upon Tavel hill between the 3rd and the 1st century BCE. We assume that the reason why coins were donated to the sanctuary was that the images placed on them were honored. The very fact of the discovery may surely testify that some contacts took place in the time range mentioned above between the population of the foothills of Taurica and those of the polities in Central and Eastern Mediterranean.

Key words: archaeology, history, numismatics, Scythian, imported coin.

---

* Статья поступила в номер 3 сентября 2021 г.
Принята к печати 18 сентября 2021 г.

About the authors: Andrievskiy Denis Vadimovich¹, Russian Geographical Society; Choref Mikhail Mikhailovich², PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: ¹190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru; ²603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

Уже не первое поколение археологов, исследующих скифские древности Юго-Западного Крыма, отдают должное изучению памятников Альминской (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 35—73) и Курцево-Сабловской (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 74—101) долин. В результате на территории первой из них было обнаружены городища: Усть-Альминское, Бурлюк, Заячье, Плодовое, Альма-Кермен, Болта-Чокрак, Кизиловка (Карагач), Альминское (Почтовое), Малиновское, на г. Чабовского и Терек-Эли. В Курцево-Сабловской долине к настоящему времени выявлены поселения Мангушское (на г. Длинной), Змеиное, Таш-Джарган, Залесье, Красная Горка, Долгий Бугор и Развилка. Что дало основания Т.Н. Смекаловой, С.Г. Колтухову и Ю.П. Зайцеву заключить, что «в долине Альмы и ее притоков находится наибольшее, по сравнению с другими реками Юго-Западного Крыма, количество позднескифских городищ» (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 35).

Однако все еще нет оснований полагать, что все памятники этого региона обнаружены и изучены в полной мере. Дело в том, что весьма интересный подъемный материал обнаруживают на ранее не обследованных территориях. Так что есть все основания полагать, что археологическая карта региона все еще может быть уточнена.

В нашей статье пойдет речь о пяти бронзовых монетах, найденных в начале 2000-х гг. жителями с. Партизанское близ этого населенного пункта, на поверхности земли ранее не исследованного холма Тавель¹ (рис. 1). Сравнительно недавно нам удалось изучить эти артефакты²:

1. Сиракузы. Гикет II (287—278 гг. до н.э.).

Л.с.: Голова Зевса Геллания³ в лавровом венке вправо. В левой части поля видны фрагменты точечного ободка. Правее лица божества просматриваются следы нечитаемой надписи. Полагаем, что на этом фрагменте монетного поля была отчеканена фраза «ΔΙΟΣ ΕΛΛΑΝΙΟΥ».

О.с.: Орел, стоящий на молнии, развернутый влево. Правее и левее — остатки стертой легенды. По-видимому, речь должна идти об этниконе «ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ».

AE 28 (BMC 1876: No. 481).

Диаметр — 2,8 см. Вес — 16,89 г.

Монета сильно потерта (рис. 2: 1).

¹ Не следует путать его с с. Тавель (совр. с. Краснолесье), находящееся на одноименной реке, в долине р. Салгир, близ которого был обнаружен некрополь IV в. до н.э. — I в. н.э. (Пуздровский 2007: 22—23). Примечательно то, что в расположенном на его территории кургане № 2 были найдены две сильно стертые монеты: ольвийская III в. до н.э. и херсонесская I в. н.э., использовавшиеся в качестве подвесок. Мы вернемся к трактовке этого факта в свое время.

² Первую и четвертую монеты опубликовал Д.В. Андриевский (Андриевский 2020). Остальные нам удалось изучить летом 2021 г.

³ Его вполне можно принять за Аполлона. Дело в том, что Зевса Геллания изображали безбородым. Однако наличие на аверсе хорошо сохранившихся монет этой разновидности надписи «ΔΙΟΣ ΕΛΛΑΝΙΟΥ» (BMC 1876: No. 481) убеждает нас в том, что на них отчеканили все же голову царя богов.

2. Сиракузы. Гиерон II (275/274—215 гг. до н.э.).

Л.с.: Голова Посейдона в диадеме влево. В нижней части поля просматривается точечный ободок.

О.с.: [ΙΕΡΩ]ΝΟΣ. Трезубец Посейдона, богато украшенный растительным орнаментом. По сторонам — фигурки дельфинов. Под легендой различимы эмиссионные символы ☉ и ✚. В них следует видеть «Θ» и «Φ». Вполне возможно, что они были первыми буквами имен магистратов, ответственных за денежную эмиссию.

АЕ 20 (ВМС 1876: No. 609).

Диаметр — 2,0 см. Вес — 6,32 г.

Монета хорошей сохранности (рис. 2: 2).

3. Государство Птолемеев. Птолемей II Филадельф (284—247 гг. до н. э.). Чекан Александрии, 271 г. до н.э.

Л.с.: Голова Зевса в лавровом венке вправо.

О.с.: Орел с опущенными крыльями, стоящий на молнии, развернутый влево. Левее следы монограммы, под ней — кельтский щит. В нижней части поля — контрамарка «трезубец». По мнению И.Н. Свороноса, этот эмиссионный символ был свойственен монетному двору Бейрута (Σβωρώνος 1904а: No. 839—840).

Обол (Σβωρώνος 1904а: No. 586, pl. XIII: 22; SNG Cop. 1979: No. 123).

Диаметр — 2,5 см. Вес — 15,74 г.

Монета сильно потерта (рис. 2: 3).

4. Государство Птолемеев. Птолемей VI Филометор (181/180—146/145 гг. до н.э.) и Птолемей VIII Эвергет II (170—116 гг. до н.э.). Чекан Александрии, 169—163 гг. до н.э.

Л.с.: Голова Зевса—Амона в лавровом венке вправо.

О.с.: ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Два орла с опущенными крыльями, развернуты влево. Левее их — двойной рог изобилия.

Гемиибол (Σβωρώνος 1904b: No. 1426, pl. XLVIII: 14; SNG Cop. 1979: No. 311—314).

Диаметр — 1,9 см. Вес — 9,03 г.

Монета сильно потерта (рис. 2: 4).

5. Государство Птолемеев. Птолемей VIII Эвергет II, Птолемей IX Сотер II Лафур (116—107, 89—81 гг. до н.э.) или Птолемей X Александр I (116—88 гг. до н.э.). Чекан Александрии или Кипра, 145—88 гг. до н.э.

Л.с.: Голова Зевса—Амона в лавровом венке вправо.

О.с.: Орел с опущенными крыльями, стоящий на молнии, развернутый влево. Слева — следы фрагментированной надписи ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

Халк (Σβωρώνος 1904b: No. 1715, pl. LVIII: 31; SNG Cop. 1979: No. 669).

Диаметр — 1,4 см. Вес — 2,09 г.

Монета сильно потерта (рис. 2: 5).

Попытаемся объяснить факт обнаружения этих монет в Юго-Западной Таврике. И сразу же заметим, что в этом регионе обращались отнюдь не только монеты чекана таврических государств. Хотя, судя по материалам варварских поселений и могильников, они крайне редки (Дашевская 1991: 21, табл. 1; Тункина 2002: 543—544; Зайцев 2003: 15, 19, 33, рис. 16: 68, 17: 21; Сапрыкин 2005; Пуздровский 2007: 23).

В этом аспекте крайне интересны сведения, собранные С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2005). Так, по данным, приведенным ученым, в ходе раскопок 1890—1914 гг. на Маячном полуострове были найдены 2 бронзы Византия и Калхедона. При этом там же обнаружено 39 разменных монет чекана Херсонеса. К сожалению, определение привозных бронз затруднительно в силу того, что их типы не указаны (Сапрыкин 2005: 69). Далее, на поселении Кара-Тобе были найдены медные монеты Месембрии (тип «шлем с нащечниками в профиль — кельтский щит с четырьмя перекрещивающимися спицами в три четверти фаса») второй четверти — середины III — начала II в. до н.э. и Вифинии, чекана Апамеи или Пруссия II первой половины II в. до н.э. (Сапрыкин 2005: 98—99). По справедливому мнению С.Ю. Сапрыкина, они могли поступить в регион, минуя Херсонес (Сапрыкин 2005: 99). Действительно, не случайно в Северо-Западной Таврике находят монеты Ольвии (Сапрыкин 2005: 99). Есть все основания полагать, что артефакты были привезены купцами, проживавшими в этом полисе, посещавшими регион с целью приобретения у скифов дешевого зерна (Сапрыкин 2005: 99—100).

Соглашаемся, их могли использовать поданные Поздескифского царства. Заметим, что в Юго-Западной Таврике обнаружены также сикли Ахеменидов. Причем они были найдены близ Неаполя Скифского (Чореф 2017). Так же есть все основания полагать, что причерноморские варвары чеканили реплики боспорских тетрахапков серии «безбородый сатир — голова льва» (Чореф 2018: 395—396, рис. 3). Следовательно, можно заключить, что у них существовало денежное обращение, усваивавшее не только выпуски Херсонеса и Боспора, привозную монету, а также реплики им.

Однако заметим, что не считаем этот вывод бесспорным. Ведь не ясно, по какой причине владельцы изучаемых монет отдавали предпочтение только бронзам правителей Сиракуз и Птолемеев. Учтем и тот факт, что изучаемые монеты основательно потерты (рис. 2). Так что обращались они довольно долго.

И сразу подчеркнем, что использовать бронзы, отчеканенные по разным стопам, для проведения платежей было довольно затруднительно. Да и не было смысла накапливать сбережения в таких платежных знаках. Ведь они, будучи выпущенными из малоценного сплава, являлись кредитными деньгами. Учтем и тот факт, что эмитировавшие их государства, в силу своей удаленности от Таврики, не могли гарантировать курс своих платежных знаков. Оценив эти факты, заключаем, что привозные разменные монеты, поступавшие в Таврику в тот период не из сопредельных государств, ценились скифами не за металл, из которого они были изготовлены, а за размещенные на них изображения. Полагаем, что в них видели своего рода талисманы.

И, действительно, как верно отметил М.Ю. Трейстер, в Боспорском государстве ценили бронзовые и костяные перстни с изображениями государей из династии Птолемеев (Трейстер 1985). Ученый справедливо заметил, что их популярность может быть объяснена «политическими контактами между двумя государствами в III в. до н.э.» (Трейстер 1985: 139). Что же касается вопроса о культе Птолемеев, то он, вслед за О.Я. Неверовым справедливо заметил, что раз Боспор не зависел от Египта, то не чтит его государей (Неверов 1974: 113; Трейстер 1985: 138—139).

Добавим, что Е.М. Краснодубец ввела в научный оборот сведения о перстнях «птолемеевского» типа из Херсонеса и его округа (Краснодубец 2018). Исследователь также пришла к выводу, что Херсонес также поддерживал контакты с Птолемеевским Египтом (Краснодубец 2018: 112), но, очевидно, не зависел от него.

Немаловажно и то, что М.Ю. Трейстер объяснил и интерес боспорян к щитам кельтского типа. Ученый справедливо заметил, что сведения о них могли поступить на Боспор также из Птолемеевского Египта, в армии которого служили как боспоряне, так и галаты (Трейстер 1985:

134—136). Добавим, что наемниками в этом войске могли состоять и выходцы из Западной Таврики. Этим обстоятельством следует объяснять многочисленность находок перстней, описанных Е.М. Краснодубец (Краснодубец 2018). В результате чего у жителей региона мог возникнуть интерес к щитам кельтского типа⁴.

А это, в свою очередь, как нельзя лучше убеждает нас в том, что привозные бронзовые монеты в III—I вв. до н.э. ценили в Таврике не как платежные средства, а как талисманы. Правда, они были ниже рангом, чем бронзовые и костяные перстни. Но, тем не менее, их ценили. Так что не случайно в кургане № 2 Тавельского некрополя были найдены подвески, изготовленные из стертых монет Ольвии III в. до н.э. и Херсонеса I в. н.э. (Пуздровский 2007: 22). Определенно, позднейшие собственники видели в них не платежные знаки, а украшения. Судя же по длительности использования, эти артефакты могли являться семейными реликвиями, вполне возможно, что оберегами⁵.

Мы находим этот вывод достаточно перспективным. Дело в том, что сама редкость привозных разменных монет в Западной Таврике и разнообразие их типов говорит о том, что развитое денежное обращение на базе их использования существовать не могло. Не известны они и вкладах. Так что очевидно, что мы имеем дело не с платежными знаками. Не могли они, в силу своей малоценности, быть и средствами сбережения.

Развивая этот тезис, заметим, что купцы вряд ли везли в Таврику единичные бронзовые монеты для торговых целей. Вполне возможно, что объекты нашего изучения поступили в регион не вследствие осуществления операций купли—продажи. Допускаем, что их привезли в Таврику местные жители. Они могли взять их с собой на родину в качестве оберегов. В Таврике же эти артефакты могли быть со временем пожертвованы в святилища. Полагаем, что одно из них находилось на холме Тавель. В результате чего на нем и были найдены 5 разновременных, отчеканенные по разным стопам монеты Сиракуз и Птолемеевского Египта. Этим обстоятельством объясняем, как исключительную редкость монет такого рода в нашем регионе, так и концентрацию их вдали от эллинистических торговых центров.

Полагаем, что предложенное нами объяснение изученного явления будет благосклонно воспринято научным сообществом. Допускаем, что в ближайшем будущем удастся выявить в Юго-Западной Таврике новые разновидности привозных монет. Что позволит уточнить наши выводы. В любом случае, рассчитываем на то, что нам вскоре удастся вернуться к проблеме обращения привозной бронзовой монеты в Таврике в эллинистический период.

Литература

- Андриевский Д.В. 2020. Привозные монеты эллинистических государств из Таврики. В: Чореф М.М. (отв. ред.). *МИИР*. Вып. 12. Нижневартовск: Киммерия, 5—8.
- Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).
- Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.
- Краснодубец Е.М. 2018. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы 15-й международной научной конференции*. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 105—112.

⁴ Полагаем, что этим фактом можно объяснить поступление в Ката-Тобе монеты Месембрии с кельтским щитом на реверсе.

⁵ Аналогичное явление было прослежено М.М. Чорефом на нумизматическом материале из Северо-Восточного Причерноморья. Исследователь описал обол Пантикапея III в. до н.э. с надчеканкой ✱, которую есть все основания датировать концом I в. до н.э. (Чореф 2019).

- ТК 1988: Генеральный штаб. Симферополь. L-36-117. 1: 100 000. URL: <http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-117.html> (дата обращения 25.08.2021).
- Неверов О.Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских култов в Северное Причерноморье). *ВДИ* 1(127), 106—115.
- Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко- numизматическое исследование*. Москва: Наука.
- Трейстер М.Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. *ВДИ* 1, 126—129.
- Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.
- Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.
- Чореф М.М. 2019а. Звездовидная надчеканка I в. до н. э. на боспорском оболе III в. до н. э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургин. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.
- BMC 1876: Poole R.S. (eds.). 1876. *Catalogue of the Greek coins. Sicily*. London: British Museum (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum).
- Σβορώνος I.N. 1904a. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μετ. Α'. Αθήναι: Σακελλαρίου.
- Σβορώνος I.N. 1904b. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μετ. Γ'. Αθήναι: Σακελλαρίου.
- SNG Cop. 1979: Mørholm O., Kromann A. (eds.). 1979. *The Royal Collection of Coins and Medals. Danish. National Museum. Vol. 8. Egypt: The Ptolemies*. Copenhagen: E. Munksgaard.

References

- Andriyevskiy, D.V. 2020. In: Choref, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii (Materials and research on the history of Russia)*. Iss. 12. Nizhnevartovsk: Kimmeriya, 5—8 (in Russian).
- Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-7) (in Russian).
- Zaitsev, Yu.P. 2003. *Neapol' skifskiy (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Naples (2nd c. BCE — 3rd c. CE))*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Krasnodubets, E.M. 2018. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy 15-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Materials of the 15th International scientific conference)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 105—112 (in Russian).
- ТК 1988: General Staff. Simferopol. L-36-117. 1: 100 000. Available at <http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-117.html> (accessed 25.08.2021).
- Neverov, O.Ya. 1974. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (127), 106—115 (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nyye pamyatniki (Crimean Scythia in 2nd c. BCE — 3rd c. CE. Funeral monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashchenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Treister, M.Yu. 1985. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 126—129 (in Russian).
- Tunkina, I.V. 2002. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science about classical antiquities of the South of Russia (18th — mid 19th c.))*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
- Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
- BMC 1876: Poole, R.S. (eds.). 1876. *Catalogue of the Greek coins. Sicily*. London: British Museum (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum).
- Σβορώνος, I.N. 1904a. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μετ. Α'. Αθήναι: Σακελλαρίου.
- Σβορώνος, I.N. 1904b. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μετ. Γ'. Αθήναι: Σακελλαρίου.
- SNG Cop. 1979: Mørholm, O., Kromann, A. (eds.). 1979. *The Royal Collection of Coins and Medals. Danish. National Museum. Vol. 8. Egypt: The Ptolemies*. Copenhagen: E. Munksgaard.

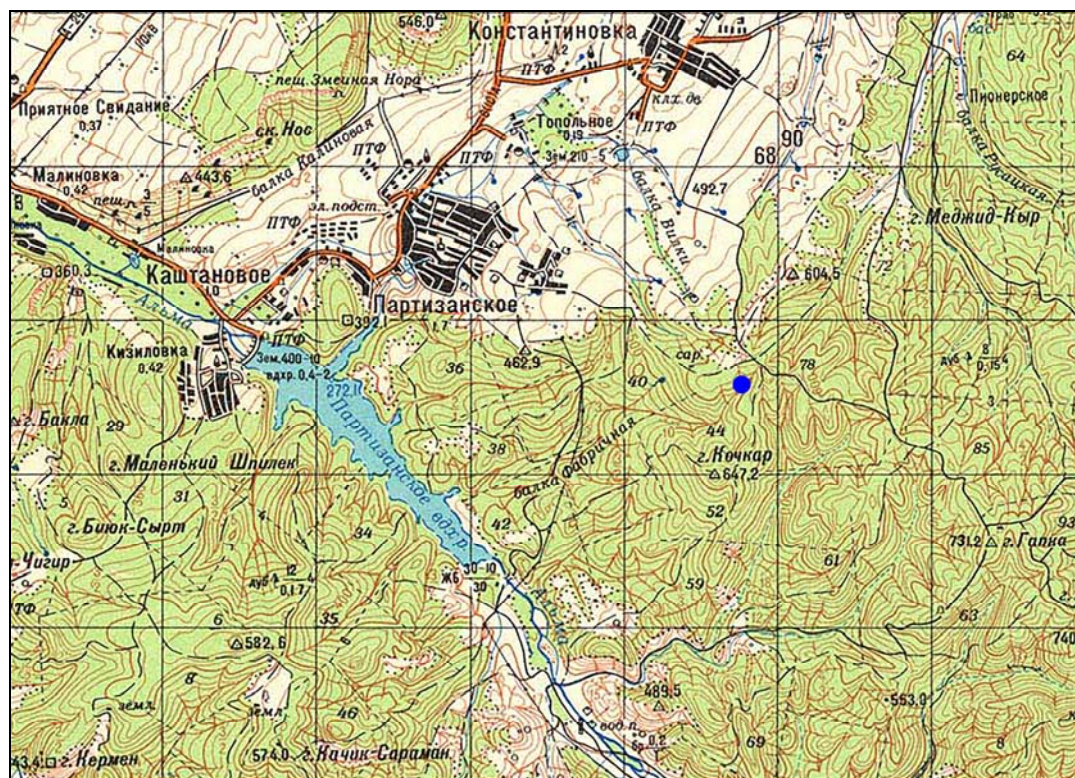

Рис. 1. Карта местности (по ТК 1988). Значком ● обозначен холм Тавель.

Fig. 1. Map of the area (after TK 1988). The icon ● indicates Tavel hill.

Рис. 2. Монеты, найденные на холме Тавель (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 2. Coins found on Tavel hill (photo by D.V. Andrievskiy).

УДК 94(495)

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031

М.М. Чореф

**БРОНЗЫ САВРОМАТА II
С СИДЯЩЕЙ НА ТРОНЕ АФРОДИТОЙ НА РЕВЕРСЕ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ***

Интерес к монетам этой группы обусловлен тем, что изображение сидящей на троне Афродиты не было свойственно нумизматике Боспорского государства до Савромата II, при котором ее стали чтить как главное божество местного пантеона. Немаловажно и то, что правее и левее фигуры божества оттиснуты метки эмиссионных центров — как столичного, так и периферийных, расположенных в европейской и в восточной частях государства. Там монеты оформляли с учетом местных представлений о символике Афродиты. Следовательно, в тот период единой идеологии на Боспоре не существовало, что свидетельствует об ослаблении царской власти, вполне объяснимом в период кризиса, вызванного Второй Боспорской войной.

Ключевые слова: история, нумизматика, Боспор, Савромат II, Вторая Боспорская война.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

**BRONZES OF SAUROMATES II
WITH APHRODITE SITTING ON A THRONE ON REVERSE
AS SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION**

Our interest in the coins of this group is by no means accidental. It is due to the fact that the image of Aphrodite sitting on a throne was not characteristic for the numismatics of the Bosporan state before Sauromates II. We believe that it is under him that they began to honor Aphrodite as the main deity of the local pantheon. Importantly, the marks of emission centers are imprinted to the right and to the left of the figure of the deity, with both of the capital one and of those peripheral located in the European and eastern parts of the Bosporan Kingdom. The coins were issued there with taking into account local ideas about symbolism of Aphrodite. Consequently, there has been no common ideology throughout the Bosphorus at that time, the fact testifying the weakening of the royal power which seems to be quite understandable during the crisis caused by the Second Bosporan War.

Key words: history, numismatics, Bosphorus, Sauromates II, Second Bosporan War.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

---

* Статья поступила в номер 31 мая 2021 г.
Принята к печати 10 августа 2021 г.

Продолжаем изучение монетного дела Боспорского государства периода правления Савромата II¹ (174/175—210/211) (Чореф 2012: 175—178, рис. 1: 1—9; 2019b: 79—93). Перейдем к бронзам этого правителя с сидящей на троне богиней на реверсе (рис. 1—5). И сразу же заметим, что эти монеты давно и хорошо известны. Их выявили еще на заре становления нумизматики как науки. Так, уже Б.В. Кёне составил подробную справку по истории их изучения² (de Koehne 1857: 293—295, No. 45—52). Добавим только, что эти монеты были впервые описаны Ф. Кари (Cary 1752: 71—72, pl. III: 7, 9), а позже их переиздала М. Гатри (Guthrie 1802: 368—369, pl. III: 7, 9). Но наша ремарка не критична. В любом случае, мы не можем не отметить тот факт, что Б.В. Кёне ввел в научный оборот описания восьми интересующих нас монет³, хранившихся в коллекции В.В. Кочубея:

1. Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя, облаченного в хламиду, в диадеме, развернутый вправо. Перед ним знак ☼, в котором Б.В. Кёне видел изображение розы⁴.
- О.с.: Богиня в зубчатой короне⁵, в синдоне и в хитоне-подересе восседает на престоле с четырехугольной спинкой⁶, развернутом влево. Она держит в правой руке

¹ Наш интерес к истории правления Савромата II отнюдь не случаен. Дело в том, что при нем Боспорское государство достигло вершины своего могущества (Гайдукевич 1949: 336). Известно, что Савромату II удалось разгромить сираков и скифов и «присоединить Таврику по договору», а также сделать безопасной для мореплавания южную часть Понта Эвксинского (КБН 1965: № 1237; КБН 2004: № 1237), т.е. он установил контроль над территорией, входившей в сферу влияния Рима. При этом нет оснований считать Савромата II безрассудным завоевателем. Так, он уделил внимание укреплению обороны Боспора. При нем регулярно восстанавливались укрепления Танаиса (КБН 1965: № 1242, 1243; КБН 2004: № 1242, 1243). Нет оснований сомневаться и в благочестии Савромата II. Он восстановил храм Ареса в Пантикапее (КБН 1965: № 63; КБН 2004: № 63) и Посейдона в Горгиппии (КБН 1965: № 34; КБН 2004: № 34). Памятникам эпиграфики вторят монеты этого государя. Речь, в первую очередь, идет о бронзах, предназначавшихся для обращения в среде народа. Их серии прославляли свершения государя, и, в знак пиетета перед Римом, правящего императора (Чореф 2019b: 75—98). На них присутствует победная символика (Анохин 1986: 114—116; 1999: 155; Фролова 1997: 317—330; Чореф 2019b: рис. 2—9, 11: 6). Однако положение Боспора при Савромате II не было безоблачным. Серьезным потрясением стала Вторая Боспорская война (конец II — начало III в.). Савромат II смог победить в ней только при поддержке Рима (Sarnowski 1991: 137—144; Иванчик 2013: 59—77; Чореф 2019b: 75—98). Как и успехи, так и перенапряжение сил Боспорского государства нашли свое отражение в памятниках нумизматики. При Савромате II статеры стали чеканить не из золота, а из электра (Фролова 1997: 163—164). Что, как верно заметили В.М. Зубарь и В.Н. Зинько, свидетельствует о начале экономического кризиса (Зубарь, Зинько 2006: 205). Заключаем, что монеты Савромата II являются довольно точными индикаторами состояния дел на Боспоре.

² Б.В. Кёне именвал его Савроматом III (de Koehne 1857: 272—299). Ученый считал, что Савромат I правил с 8 г. до н.э. по 11 г. н.э. (de Koehne 1857: 195—202, No. 1—3). Судя по описанию, Б.В. Кёне датировал его правлением бронзу Савромата I (93/94—123/124) с бюстом Траяна (98—117) на реверсе (de Koehne 1857: 198). Ученый также полагал, что статеры с монограммами X и NE (de Koehne 1857: 199—200, No. 1—3) были выпущены при этом же государе. Его утверждения явно ошибочны.

³ Б.В. Кёне полагал, что публикует сестерции (de Koehne 1857: 293—295, № 45—52). Мы же считаем, что речь должна идти о драхмах. Учитываем тот факт, что на изученных Б.В. Кёне монетах нет обозначения монетного достоинства «МН», характерного для боспорских сестерциев (рис. 1—6). А в знаке X на монетах Боспора нет оснований видеть символ денария. Наша методика определения номинала крупных бронз Савромата II изложена и обоснована в (Чореф 2012: 175—178).

⁴ Действительно, цветок розы считали одним из символов Афродиты. Но вряд ли он мог быть использован в данном случае в качестве дифферента. Ведь знак ☼ известен только на монетах Савромата II. А Афродиту почитали на Боспоре веками (Бондаренко 2007: 137—145). Мы уже высказали соображения по вопросу об атрибуции знака ☼ (Чореф 2012: 172, 177, 178). Чуть ниже мы сформулируем нашу точку зрения на проблему локализации использовавшего его эмиссионного центра.

⁵ Полагаем, что она все же башенная. Основываемся на результатах изучения монет хорошей сохранности (рис. 1—5).

⁶ Исследователь видел в нем «эмблему», свойственную монетному делу Боспора, характерную не только для выпусков Савромата II, но и его наследников (de Koehne 1857: 294). Мы эту точку зрения принять не можем.

яблоко, в котором Б.В. Кёне видел шар, а левой опирается на спинку престола. За троном знаки ✕ и ❁ (de Koehne 1857: 293, No. 45).

2. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже. Перед богиней оттиснута литера «В», а выше наложена надчеканка «бюст Септимия Севера» (de Koehne 1857: 293, No. 46).

3. Л.с.: Тоже. Знак ❁ отсутствует.

О.с.: Тоже. В левой руке богини скипетр. За троном размещен знак ✕ (de Koehne 1857: 293—294, No. 47).

4. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже. Трон с передней львиной ножкой. Задние ножки не просматриваются. За спиной богини — четырехугольник, разделенный на четыре части, в каждой — по шару. Над ним знак ✕, в котором Б.В. Кёне видел ✕. Ниже его ученый рассмотрел нечто похожее на букву «М»⁷. Левее, на уровне лица богини, Б.В. Кёне выявил надчеканку «бюст Септимия Севера». Под левой рукой божества ученый определил символ «В» (de Koehne 1857: 294, No. 48).

5. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже, но контрамарка «бюст Септимия Севера» выбита под правой рукой богини (de Koehne 1857: 294, No. 49).

6. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже, перед богиней фигурка Эроса, протягивающего к ней руки. Над ним — «бюст Септимия Севера» (de Koehne 1857: 295, No. 50).

7. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже, в руках у Эроса по факелу⁸, а за богиней — ✕. Спинка престола округлая (de Koehne 1857: 295, No. 51).

8. Л.с.: Тоже.

О.с.: Тоже, за богиней — «В» (de Koehne 1857: 295, No. 51).

Б.В. Кёне высказал также весьма немаловажное соображение по вопросу об атрибуции изображения богини. Ученый допустил, что это Астарта, т.е. Афродита Урания. Ведь не случайно у ее ног размещена фигурка Эроса. Развивая этот тезис, Б.В. Кёне допустил, что

Ведь на монетах Боспора, выпущенных при Рескупориде II (211/212—228/229), Котисе III (227/228—233/234), Савромате III (229/230—231/232) и Рескупориде III (233/234—235/236) трон такой конструкции не запечатлен (Анохин 2011: № 1903—2009). Он ненадолго появляется только при Ининфимее (233/234—241/421) (Анохин 2011: 2018, 2019). Причем мы всегда наблюдаем его вид слева. В любом случае, изображение престола весьма необычно и примечательно. Его задние ножки не просматриваются. Вполне возможно, что на монетах Савромата II выбили репродукцию трона с одной из почитаемых тогда статуй божеств. Обоснуем этот тезис по мере изложения материала.

⁷ По мнению Б.В. Кёне, это «знак резчика монеты или монетчика» (de Koehne 1857: 294). Мы с этим тезисом также согласиться не можем. Наша трактовка этого элемента оформления будет приведена ниже.

⁸ Возможно, что исследователь имел дело с монетой плохой сохранности. Дело в том, что на известных в настоящее время экземплярах монет этой группы факелы в руках Эроса отсутствуют (Фролова 1997: 329, табл. XCV: 13—16).

речь должна идти о синкретическом божестве — об Афродите—Персефассе или Венере Прозерпине, «богине хтонической природы» (de Koehne 1857: 295). Действительно, изображенная, увенчанная короной, восседает на троне, а у ее ног размещена фигурка Эрота с поднятыми вверх в жесте мольбы руками (de Koehne 1857: 295, No. 50).

Вопрос о ее «хтонической природе» мы рассмотрим чуть позже. Пока же вернемся к изложению истории исследования монет этой группы. Значительный вклад в их изучение внесли А.Н. Зограф, В.А. Анохин и Н.А. Фролова⁹. Первый из них предположил, что интересующие нас монеты — изначально денарии Савромата II, номинал которых в результате наложения надчеканки «В», а, в последующем, размещения этого обозначения на штемпеле реверса, был увеличен вдвое (Зограф 1951: 204—206). При этом он полагал, что «редкие денарии этого периода отличаются тем, что на них сидящая богиня изображается с Никой подле нее»¹⁰ (Зограф 1951: 204). Развивая это допущение, В.А. Анохин выделил семь разновидностей бронз этой группы, которые, по его логике, можно разделить на три серии:

Денарии (период правления Коммода, вторая эмиссия)

1. Богиня сидит на троне, в поле — ✱ (Анохин 1986: 166, № 616, табл. 28: 616);
2. Тоже, в левой руке богини скипетр (Анохин 1986: 166, № 616а, табл. 29: 616а);
3. Тоже, надчеканка «В» (Анохин 1986: 166, № 617, табл. 28: 617).

Двойные денарии (период правления Септимия Севера, первая эмиссия)

4. Богиня без скипетра в левой руке, в поле надчеканка «бюст Септимия Севера», а также дифференты «В» и ✱ (Анохин 1986: 166, № 622, табл. 29: 622);
5. Тоже, в левой руке богини скипетр (Анохин 1986: 166, № 623, табл. 29: 623);
6. Тоже, перед богиней фигурка Эрота или Ники (Анохин 1986: 166, № 624, 627, табл. 29: 624, 627).

Денарии (период правления Септимия Севера, вторая эмиссия)

7. Тоже, перед богиней фигура Ники (Анохин 1986: 166, № 627, табл. 29: 627).

В свою очередь, Н.А. Фролова заключила, что монеты интересующей нас группы были выпущены во второй и в третий периоды эмиссии бронз Савромата II (Фролова 1997: 152, 154, 322—323, 327—329). По ее логике, к первой серии следует отнести денарии с изображением богини на троне со скипетром или без него и со знаком ✱ на реверсе. Н.А. Фролова также считала, что их номинал был удвоен в результате наложения надчеканок «В» и «бюст Септимия Севера» (Фролова 1997: 322—323). Исследователь допустила, что эта операция прошла в третий период эмиссии бронз Савромата II. Тогда же, как она полагала, были отчеканены двойные денарии с вышеперечисленными обозначениями на оборотной стороне (Фролова 1997: 327—328), а также с фигурками Эрота (Фролова 1997: 328). Одновременно, по мнению Н.А. Фроловой, были эмитированы денарии с фигуркой Ники (Фролова 1997: 329).

⁹ К сожалению, эти ученые не высказали каких-либо новых соображений по вопросу об атрибуции женского божества. Так, А.Н. Зограф вслед за Б.В. Кёне видел в нем изображение Афродиты Урании (Зограф 1951: 204). В.А. Анохин изначально осторожно именовал ее «богиней» (Анохин 1986: 165, № 616—617, 622—624, 627). Но позже признал точку зрения Б.В. Кёне (Анохин 2011: № 1888—1890, 1897—1899). В свою очередь, Н.А. Фролова поддержала первоначальный вывод В.А. Анохина (Фролова 1997: 152, 154, 322—323, 327—329).

¹⁰ Сведения о монетах, изображения которых приведены на рис. 1, собраны составителями каталога «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4), а также приведены в RPC (RPC IV.1: No. 3886).

Сразу же заметим, что умозаключения А.Н. Зографа, В.А. Анохина и Н.А. Фроловой по вопросу о трактовке обозначений ✱, «В» и «бюст Септимия Севера» не кажутся нам убедительными. Начнем с того, что не видим оснований видеть в первых двух из них обозначения монетного достоинства. Этот тезис был нами изложен и подробно обоснован в (Чореф 2012: 174—175, 177—178). Чтобы не повторяться, заметим только, что обозначения ✱ и «В» известны на статерах III—IV вв. (Чореф 2012: 174—175). Что же касается надчеканки «бюст Септимия Севера», то и ее не отгискивали на бронзах как указатель на номинал. Не следует видеть в ней и знак особого пиетета боспорского государя по отношению к Септимию Северу. Как верно заметил А.И. Иванчик, Савромат II и его сын Рескупорид II (211/212—228/229) приняли титулы *δεσπότης* и *κύριος*, а также эпитет *θεϊότατος*, ранее характерные только для римских императоров (Иванчик 2013: 63). Об исключительно утилитарном значении контрамарки «бюст Септимия Севера» свидетельствуют и факты наложения поверх нее надчеканок «орел» и «В», используемых только при Савромате II (Чореф 2019b: рис. 11: 5, 6). Полагаем, что штамп с изображением императора использовался для контрамаркирования монет, обращавшихся в зоне действия римских войск в период Второй Боспорской войны (Чореф 2019b: 90).

Основываясь на результатах ранее проведенных исследований (Чореф 2012: 171—200; 2019a: 34—43; 2019b: 75—98), допускаем, что все дополнительные элементы монетного типа, которые будут выявлены нами в ходе изучения драхм интересующей нас разновидности, также могут быть истолкованы как эмиссионные обозначения. А их атрибуция, в свою очередь, позволит не только выявить монетные дворы Боспорского царства, но и уточнить наши представления о его территориально-административном устройстве в период правления Савромата II. Попытаемся разрешить эту задачу.

Но первым делом попытаемся объяснить причину появления на реверсе изучаемых бронз изображения сидящей на троне богини. Ведь не случайно эта композиция является основным элементом монетного типа. Подчеркнем, что это изображение не было характерно для выпусков эмиссионных центров Боспора до восшествия на престол Савромата II (Анохин 1986; 2011: № 918—1760; Фролова 1997: 165—300, табл. Ia—LXXII: 1—14).

Эта проблема уже привлекла внимание исследователей (Ростовцев 1913: 1—62, 133—140; Харко 1946: 137—141; Иванова 1950: 104—109; Сокольский 1973: 88—92; Бунин 2005; Бондаренко 2007: 137—145; Шауб 2007: 325—336; Трейстер 2015: 308—337). Так, Д.С. Бунин, обобщив выводы своих предшественников (Ростовцев 1913: 1—62, 133—140; Харко 1946: 137—141; Иванова 1950: 104—109; Сокольский 1973: 88—92), заключил, что «трактовка образа богини на боспорских монетах синкретична и полисемантична» (Бунин 2005: 114). Развивая этот тезис, ученый заметил, что скипетр в левой руке Афродиты Урании — «древнейший символ власти, соответствующий короне на голове» (Бунин 2005: 115). Д.С. Бунин не обошел вниманием и тот факт, что богиня восседает на троне. Это обстоятельство позволило ему заключить, что она обладает чертами Потнии Терон (Бунин 2005: 115).

Весьма интересна и предложенная Д.С. Буниным атрибуция предмета, который богиня держит в правой руке. На экземплярах, описанных Б.В. Кёне, он передан жирной точкой. Похоже, что это яблоко. Но, допустив, что это божество является Госпожой зверей, Д.С. Бунин заключил, что речь не всегда должна идти о плоде. Ученый предположил, что богиня держит в руке некий сосуд, что «отражает систему варварских религиозных представлений» (Бунин 2005: 115).

Далее, исследователь пришел к выводу, что появление изображений Афродиты Урании на монетах может быть объяснено «особыми почестями, оказываемых богине в связи с

одержанными в конце II в. победами» (Бунин 2005: 115). Действительно, в надписи Зенона от 193 г. н.э. она упомянула совместно с Зевсом и Аресом (КБН 1965: № 1237; КБН 2004: № 1237). Нет сомнений в том, что боспоряне считали Афродиту Уранию как одно из божеств, дарующих победу (Бунин 2005: 99—104, 106—108, 110, 115, 116).

И это не случайно. Д.С. Бунин также обратил внимание на то обстоятельство, что Афродиту Уранию чтили на Боспоре как покровительницу государей (Бунин 2005: 43, 128, 131). Причем поклонение ей активизировалось в римский период из-за необходимости что-либо противопоставить императорскому культу. Есть все основания считать, что правители Боспора считали Афродиту Уранию своей прародительницей¹¹ (Бунин 2005: 131—132). А в первых веках н.э. эту богиню чтили как главное божество государственного пантеона (Бондаренко 2007: 145; Шауб 2007: 325).

Не менее важно и то, что Афродита Урания почиталась как покровительница и спутница героизированных и обоженных умерших¹². Д.С. Бунин допустил, что изображение богини или ее инкарнаций размещались на погребальных стелах и на фресках из склепов II—III вв. (Бунин 2005: 117—127). Причем, что немаловажно, ее часто изображали сидящей на троне¹³ (Бунин 2005: 121—122). Этим же обстоятельством следует объяснять популярность образа сидящего женского божества¹⁴ в коропластике Боспора (Денисова 1981: табл. I: *T-2—T-4, M-1, M-2, VI: M-54, XIV: T-12, M-117—M-120, XIV: M-116, XVI: II-3, II-4*). Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что почитаемую скифами Великую богиню, именуемую также Великой Матерью, греки отождествили с Афродитой Уранией (Бунин 2005: 54; Шауб 1999: 207—223; 2007: 80—123, 336).

В свою очередь, М.Ю. Трейстер поддержал тезис Д.С. Будина о создании или восстановлении статуи на Боспоре Афродиты Урании (Бунин 2005: 115), справедливо заметив, что при Савромате II почитание этой богини должно было достигнуть нового, невиданного доселе, высочайшего уровня. По этой причине ее изображения украсили бронзовые монеты и медальоны из Кубанской области, Илурата и Новоотрадного (Трейстер 2015: 324).

Однако не ясно, почему Афродиту изобразили на монетах Савромата II сидящей. Ведь ранее на боспорских монетах выбивали бюст этой богини. Получается, что на Боспоре произошло немаловажное событие, побудившее Савромата II отойти от обычаев и ввести столь существенную новацию в культ этого божества. И, вполне возможно, он действовал тогда с учетом предпочтений местного, варварского населения.

Заметим, что высказанные нами соображения не новы. Их сформулировал и наилучшим образом обосновал И.Ю. Шауб. Ученый тщательно изучил следы культа Великой богини в

¹¹ Как помним, Юлии также вели свой род от Венеры. А позже Диоклетиан (284—305) и Максимиан (285—305, 306—310) почитались как Йовий и Геркулий. Собственно, многие античные государи сакрализовали свою власть. Полагаем, что боспорские Тиберии Юлии, как и представители вышеупомянутого римского рода и вышеперечисленные императоры, могли по политическим соображениям пропагандировать культ Афродиты Урании как своей прародительницы и покровительницы.

¹² О ее хтонической функции см. (Бунин 2005: 53, 57—59, 61—63).

¹³ Так, весьма интересные изображения женщин на резных тронах приведены в каталогах боспорских надгробий, составленных Л.И. Давыдовой (Давыдова 1990: № 30—38), а также Т.А. Матковской, А. Твардецкий, С.Р. Тохтасьевым и А.П. Бехтер (Матковская, Твардецкий, Тохтасьев, Бехтер 2009: №. 121—214). Вслед за Д.С. Буниным полагаем, что на этих надгробиях высекли изображения Афродиты. Заметим, что образ сидящей на троне богини был популярен и в Херсонесе (Шевченко 2016: 287, табл. XLIX: 287). Так что прослеживается тенденция, характерная для всего Таврического региона. В связи с этим следует отметить недавно выпшедшую статью А.В. Быковской. Исследователь высказала весьма перспективное соображение, что предметы, которые сидящая богиня прижимает к своей груди, являются вотивами (Быковская 2021: 46—68).

¹⁴ Что, однако, не дает оснований трактовать их все как изображения Афродиты. Этот вопрос детально разобран М.Ю. Трейстером. Ученый установил, что на Боспоре почитали синкретическое божество, сочетавшее признаки Афродиты, Артемиды и Тюхэ (Трейстер 2015: 309—311, 326).

Северном Причерноморье (Шауб 1999: 207—223; 2007: 83—123; 2020: 202—210). Развивая мысли М.И. Ростовцева (Rostovtzeff 1919: 465), А.П. Ивановой (Иванова 1951: 27—34), Б.А. Рыбакова (Рыбаков 1981: 366, 367), он принял точку зрения М.И. Артамонова (Артамонов 1961: 71), заключившего, что речь должна идти о синкретическом божестве, ипостатями которого были изначально Апи, Аргимпаса и Табити (Шауб 2007: 86), а позже, в период греческой колонизации — Потния Терон (Шауб 2007: 87), Астарта (КБН 1965: № 1015; КБН 2004: № 1015; Шауб 2007: 88—89), змееногая богиня (Шауб 2007: 89—99, 113, 114—115, рис. 7—9, 14, 16, 18, 19), Дева (Шауб 2007: 111, 114—115, 117) и Афродита Апатура (Шауб 2007: 111—115). И.Ю. Шауб пришел к выводу о близком родстве трех последних божеств (Шауб 2007: 114—119). Причем, по мнению исследователя, «культ Афродиты пользовался исключительной популярностью на Боспоре, а на азиатской его стороне был главным» (Шауб 2007: 325). В том числе, ее почитали в образе женщины, сидящей на троне (Шауб 1999: 202, 2007: 103, 104, рис. 22).

Мы находим выявленное обстоятельство крайне важным. Полагаем, что монетная эмиссия отразила активизацию культа не только Афродиты Урании, но и Афродиты Апатуры¹⁵ — одной из ипостасей Великой богини. Этим обстоятельством можно объяснить вариации изображений Афродиты на изучаемых монетах. Они могли появиться из-за того, что их эмиссия проходила не только в столице, но и в регионах Боспорского государства. А в них вполне могли бытовать различные представления о чтимом божестве. Но, в любом случае, на монетах размещали изображения почитаемых на всем Боспоре статуи (Треистер 2015: 324). Учитывая это обстоятельство, попытаемся проследить последовательность выпуска серий монет изучаемой группы и локализовать центры их производства.

Начнем с изображений монет на рис. 1. На их аверсе выбит развернутый вправо бюст Савромата II в хламиде и в диадеме. Вокруг выбита легенда «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ». На оборотной стороне — богиня в синдоне и в хитоне-подересе, восседающая на развернутом влево резном троне с мощными, слегка изогнутыми поручнями (рис. 1: 1, 2) или на нетипичном престоле (рис. 1: 3—5) — с львиными передними ножками и с развернутой к зрителю левой частью, разделенной на четыре квадрата с крупными точками по центру. В ее углах просматриваются точечные украшения. Как помним, этот престол привлек внимание Б.В. Кёне (de Koehne 1857: 294, No. 48). Похоже, что он оббит богато украшенной тканью или инкрустирован. Правее размещены знаки ✕ (рис. 1: 1—3) и ✕ (рис. 1: 4, 5). В нижней части монетного поля реверса бронз на рис. 1: 3—5 просматривается нечто, похожее на букву «М».

В левой руке богини — скипетр. Только на рис. 1: 1, 2 он передан как следует, тонкой линией, а на рис. 1: 3—5 — непропорционально широкой, сопоставимой по толщине с рукой божества.

Мы находим эти обстоятельства немаловажными. Очевидно, что штемпели реверса последних трех монет (рис. 1: 3—5) оформил человек, не имеющий представления о виде и сущности скипетра как символа власти.

И, наконец, головы богини на реверсе монет венчают разные головные уборы. На рис. 1: 1 она, похоже, в лавровом венке. На рис. 1: 2 на голове у божества нечто схожее на башенную корону, ограниченное сверху толстой линией. Вполне возможно, что этот элемент появился на монете из-за повреждения штемпеля. А на рис. 1: 3—5 на голове у божества башенная корона.

Попытаемся проследить порядок поступления в обращение этих монет. Полагаем, что их эмиссия была начата с бронзы, изображение которой приведено на рис. 1: 1. На ее аверсе был

¹⁵ Полагаем, что ее изображения разместили на монетах Савромата II.

оттиснут портрет Савромата II, а на реверсе выбита фигура богини, восседающей на троне. Причем голову божества венчает лавровый венок. Эмиссия монет этой разновидности прошла в столице государства, о чем свидетельствует знак ✱.

Вскоре к производству монет этой группы подключили нового мастера. Он оформил штемпели аверса и реверса, оставившие свои оттиски на монете на рис. 1: 2. Этот мастер не смог отобразить головной убор богини. Судя по наличию на реверсе монеты эмиссионного знака ✱, он также работал на столичном монетном дворе.

Потребности в платежных средствах росли, и к производству монет интересующего нас типа подключили еще одного мастера. Он оформил штемпель, оставивший оттиск на бронзе на рис. 1: 3. Его подготовка оставляла желать лучшего. У него не получилось отобразить трон. Он украсил его львиными передними, но не передал задние ножки. Складывается впечатление, что божество сидит не на троне, а на небольшой возвышенности, вполне возможно, что на камне, как и сидящий скиф с секирой в правой руке на монетах Керкинитиды (Анохин 2011: № 611—619). А левая часть трона дана как своеобразное знамя.

Этим же обстоятельством можно объяснить появление на оборотной стороне монеты элемента оформления, схожего на «М» (рис. 1: 3). Полагаем, что имеем дело с неординарной передачей резных украшений трона или, что куда вероятнее, ниспадающей с сидения материи. Не случайно этот элемент обозначен точками. Так что на изучаемой монете нет дифферента «М».

Столь же важно и то, что богиня на этой монете держит некий шарообразный предмет пальцами правой руки. Возможно, что это цветок розы или мирта. Однако допускаем, что это все же яблоко.

Определенно, мы имеем дело с репродукцией иного изображения Афродиты¹⁶. Вполне возможно, что Афродиты Апатуры. Причем оно не было известно резчикам штемпелей, участвовавших в оформлении бронз, фотографии которых приведены на рис. 1: 1, 2. Допускаем, что речь должна идти о второй статуе, высеченной позже поступления в обращение этих монет.

Учитывая все эти обстоятельства, заключаем, что, хотя на реверсе бронзы на рис. 1: 3 и размещен знак ✱, но неординарность передачи трона и скипетра свидетельствует о том, что ее отчеканили не в столице. Полагаем, что во вновь организованный монетный двор был передан чекан аверса, а быстро разрушающийся в процессе чеканки штамп реверса оформили на месте, копируя почитаемый в регионе культовый объект.

Подчеркнем, что третий мастер не видел столичную статую Афродиты Урании. Вполне возможно, что ему не привелось посетить Пантикапей и осмотреть царский трон. Он видел другую статую богини. В результате чего вполне стандартное изображение божества, которое он мог копировать с прежде выпущенных монет, восседает у него на нестандартном троне. Определенно, мы имеем дело с региональным выпуском.

Где же работал этот мастер? Полагаем, что эта проблема может быть разрешена. Дело в том, что тот же мастер изготовил штемпель, используемый при чеканке монеты, изображение которой приведено на рис. 1: 4. Судим по стилистике образа богини. Причем в ее правой руке яблоко¹⁷. Но куда важнее то, что правее фигуры Афродиты Урании выбит знак ✱. Определенно, это эмиссионное обозначение. Причем использовали его довольно долго. Судим по тому, что знак ✱ присутствует и на поздней монете, оттиснутом штемпелем, на котором размещен бюст Септимия Севера (рис. 1: 5). В таком случае, нам остается только установить ареал использования этого знака.

¹⁶ Мы еще вернемся к этому факту.

¹⁷ Так что мы наблюдаем развитие монетного типа.

И сразу же заметим, что схожие эмблемы — косые кресты с точками в Северном Причерноморье крайне редки. Они были обнаружены только в ходе раскопок поселения Ильичевка¹⁸, расположенного близ дер. Ильич (Сапрыкин, Масленников 2007: № 174—178 (1125—1129); Емец 2012: 253, № 1024, 1026, 1028). Их процарапали на пирамидальном ткацком грузиле. На нем выявлены крестообразные знаки¹⁹ без, с тремя и с четырьмя точками: ✕, ✖ и ✗ (рис. 6). Вряд ли оно могло быть привозным. Ведь процесс производства грузил был крайне прост, да и предназначались они для бытовых функций. Так что у нас нет оснований сомневаться в том, что этот артефакт был изготовлен в поселении Ильичевка, и там же на него нанесли обозначения ✕, ✖ и ✗²⁰.

Однако есть весьма немаловажный нюанс. Это грузило датируют как IV (Сапрыкин, Масленников 2007: 205), так и VI (Емец 2012: 252) в. Дело в том, что позднеантичные слои поселения Ильичевка были значительно потревожены во время существования византийской крепости (Емец 2012: 252). Так что вполне допустима мысль, что на грузиле — христианские символы. Но вряд ли это так. Как уже было сказано выше, у привлечших наше внимание знаков разное количество точек (рис. 6). Да и вряд ли могла возникнуть необходимость испещрить разными крестами изделие со столь очевидно бытовыми функциями. Так что у нас есть все основания принять точку зрения С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова, датировавших грузила из Ильичевки IV в. (Сапрыкин, Масленников 2007: 205).

Попробуем развить вывод этих исследователей в важном для нас направлении. Да, на грузиле из поселения Ильичевка размещены знаки. И, судя по уже отмеченной узости ареала их использования, свойственным только местным кланам. Следовательно, эмиссия монет с обозначением ✖ могла быть проведена под их контролем. Полагаем, что оно являлось одной из форм группы знаков ✕, ✖ и ✗, выявленных на грузилах из поселения Ильичевка, а, возможно, одной из их ранних разновидностей.

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Дело в том, что ранее мы допустили, что появление на одних и тех же драмах эмиссионных символов ✖ и «В» может быть объяснено только как следствие подчинения Пантикапейского монетного двора властям стратегии Боспор (Чореф 2012: 174—175, 177—178). Полагаем, что комбинация ✖ и «В» появилась на монетах по той же причине. Только бронзы с ней были отчеканены не в Восточной Таврике, а в регионе Азиатского Боспора, при Савромате II вошедшего в состав вышеупомянутой стратегии. Так что не случайно в регион были доставлены штемпели аверса из Пантикапея.

Перейдем к изображениям монет²¹ на рис. 2. Есть все основания считать большую их часть (рис. 2: 2—4) также выпусками регионального эмиссионного центра. Судим по тому, что на их аверсе (рис. 2: 2, 3) и реверсе (рис. 2: 4) различим дифферент ✧. Полагаем, что он

¹⁸ Это было довольно большое поселение. Его площадь — 25 га. В его центральной части находилось укрепление площадью в 8 га, окруженное стеной из сырцового кирпича, земляным валом и рвом (Емец 2012: 252). Есть все основания видеть в поселении Ильичевка важный административный центр.

¹⁹ Заметим, что С.А. Яценко датировал знак ✕ на котле из Ярощевки (Соломоник 1959: № 142) серединой I — серединой II в. (Яценко 2001: 145, рис. 17: III: b: 8). Вполне возможно, что это обозначение является ранней формой привлечшей наше внимание группы знаков.

²⁰ В связи с этим крайне интересны выводы, сделанные С.А. Яценко в результате изучения оселков с несколькими сарматскими тамгами из Средней Кубани и устья Дона, обнаруженных в курганных погребениях мужчин—воинов и на городищах зависимых оседлых племен. Ученый заключил, что на них наносили знаки либо кочевых кланов региона, либо в сочетании с эмблемами соседних или удаленных групп (Яценко 2018: 72—89). Полагаем, что обозначения ✕, ✖ и ✗ могли появиться на грузиле из поселения Ильичевка по первой из причин.

²¹ Они опубликованы составителями каталога «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

также являлся эмиссионным символом — меткой монетного двора. Но, в данном случае, располагавшегося в европейской части Боспорского государства (Чореф 2012: 177).

Действительно, монеты на рис. 2 нет оснований отнести к той же разновидности, что и бронзы на рис. 1. Так, Афродита Апатура на их реверсе изображена с обнаженным торсом и без скипетра. Она держит пальцами правой руки цветок²². И, наконец, левой рукой, согнутой в локте, она опирается на левую часть трона²³.

Стоит обратить внимание и на дифференты. Так, на аверсе монеты, изображение которой приведено на рис. 2: 2, размещены эмиссионные обозначения ✱ и «В». Что весьма нетривиально. Обычно последний дифферент помещали на реверс. Причем, что крайне важно, обозначение «В» прорезали на штемпеле лицевой стороны уже после размещения легенды. В результате чего оно задело символы «С», «I» и «Λ» в слове «ΒΑΣΙΛΕΥΣ».

Полагаем, что штамп аверса этой монеты был изготовлен в столице, а правил его мастер во вновь организованном эмиссионном центре. Развивая этот тезис, заметим, что чеканы, созданные в Пантикапее, могли оставить отпечатки на монете, изображение которой приведено на рис. 2: 1. Учитываем тот факт, что на ее реверсе выбит только один дифферент — ✱. Примечательно, что левая часть трона богини на ее реверсе разделена на два прямоугольника (рис. 2: 1). А на прочих монетах (рис. 2: 2—4) она такая же, что и на монетах на рис. 1: 3, 4. Только на бронзах на рис. 2: 2, 3 не просматриваются точки по центру.

Попытаемся установить порядок поступления в обращение бронз на рис. 2. Для этого рассмотрим одеяние богини и изображение трона на реверсе. Итак, на оборотной стороне монеты на рис. 2: 1 отчеканена женская фигура, на которой различима только накидка, прикрывающая ее правое плечо и левую ногу²⁴. Она восседает на престоле, на сидение которого наброшено покрывало, ниспадающий конец которого обозначен точками.

Задние ножки трона не просматриваются. Вполне возможно, что мастер не отобразил их на штемпеле. Что, повторимся, весьма неординарно. Ведь воспроизвести на штемпеле престол куда проще, чем фигуру богини²⁵. Далее, по монетам на рис. 2: 2—4 прослеживаются этапы стилизации трона. Причем появились новые детали. Так, на монете на рис. 2: 2 из верхних углов левой трона исходят выступы. Львиные передние ножки переданы весьма небрежно. Они отображены такими же точечными линиями, что и края ниспадающего с трона покрывала. Задние ножки переданы слабо изогнутыми линиями. На монете на рис. 2: 3 как передние, так и задние ножки трона обозначены точками. В том же стиле, что и ниспадающий край покрывала. На рис. 2: 4 неординарно изогнутые передние и задние ножки, а также край покрывала вновь переданы кривыми линиями. А левая часть трона украшена четырьмя точками, размещенным в центрах квадратов. В любом случае, мы имеем дело с попытками воспроизвести на монете один и тот же культовый объект.

Приходим к выводу, что имеем дело с двумя параллельными эмиссиями. Одновременно в центры ✱ и ✱ из столицы поступили чеканы аверса и реверса. Причем на последних были вырезаны репродукции двух статуй Афродиты. Полагаем, что Афродиты Урании и Афродиты Апатуры. Похоже, что были учтены религиозные предпочтения местных жителей. В дальнейшем эти центры не контактировали.

Примечательно и то, что на бронзах этой разновидности присутствуют надчеканки. Это «бюст Септимия Севера» и «В» (рис. 2: 4). Полагаем, что первую наложили по распоряжению

²² Вспомним о монете, изображение которой приведено на рис. 1: 3.

²³ Это точно не спинка. В противном случае левая рука божества покоилась бы не на левой части трона, а на правой.

²⁴ Головной убор из-за износа монеты различить не удалось.

²⁵ Мы вернемся к этому вопросу в свое время.

командования римского контингента, принимавшего участие во Второй Боспорской войне (Чореф 2019b: 89—92). Вторая же контрамарка была оттиснута по распоряжению властей стратегии Боспор. Ее появление вполне логично. Дело в том, что на бронзах на рис. 2: 2—4 ее изначально не оттиснули. Следовательно, эмиссионный центр ☼ в период их эмиссии не входил в стратегию Боспор²⁶. А обращение бронзовых монет на ее территории в период Второй Боспорской войны жестко регламентировалось. По той же причине на монете на рис. 2: 4 оттиснули контрамарку «бюст Септимия Севера» (Чореф 2019b: 90).

Не менее интересны и бронзы²⁷, фотографии которых приведены на рис. 3. На их реверсе выбито изображение богини с обнаженным торсом в башенной короне, восседающей на троне с высокой прямой спинкой, без поручней, с украшениями по краям, переданными двумя рядами точек. В ее правой ладони — яблоко. Левая рука богини согнута. Но она не опирается ею на левую часть трона. Складывается впечатление, что богиня согнула руку и зафиксировала ее в районе груди. Но вряд ли это имело смысл. Полагаем, что резчик штемпеля не смог или, что вероятнее, не захотел в точности воспроизвести статую Афродиты Апатуры. Так что не случайно она у него восседает на престоле Афродиты Урании²⁸.

Над изображением божества — бюст Септимия Севера. Под ним (рис. 3: 1, 2) или на противоположной стороне монетного поля (рис. 3: 3) — эмиссионный символ ✖. Как уже было сказано выше, он известен на ткацких грузилах из Ильичевки, которые датированы С.Ю. Сапрыкиным и А.А. Масленниковым IV в. (Сапрыкин, Масленников 2007: 205). Полагаем, что знак ✖ могли использовать и в III в. Учитывая это обстоятельство, допускаем, что эмиссия монет на рис. 3 прошла в восточной части Боспорского государства, в центре, использовавшем ранее дифферент ✖.

Итак, нам представилась возможность развить тезис Д.С. Бунина (Бунин 2005: 115) и М.Ю. Трейстера (Трейстер 2015: 324). Определенно, боспорские монетчики копировали не одну, а две статуи: не только Афродиты Урании, но и Афродиты Апатуры. Причем на ряде монетных дворов практиковали размещать на монетах атрибуты обеих богинь. В любом случае, вторая скульптура появилась при Савромате II. Где она находилась — неизвестно. Вернее всего, в Апатуре — в культовом центре Афродиты Апатуры.

Не менее интересны и монеты²⁹, фотографии которых приведены на рис. 4. На оборотной стороне первой выбито изображение богини в зубчатой короне, в синдоне и в хитоне-подересе на троне с яблоком в правой и со скипетром в левой руке. Как видим, воспроизведена статуя Афродиты Урании. Напротив лица богини — крупный бюст Септимия Севера. Под ним — дифферент «В». Под тронем — нечто, схожее на символ «М». Но вряд ли это буква. Полагаем, что, как и в предыдущих случаях, монетчик передал покрывало, ниспадающее с сиденья трона. Правее фигуры богини отчеканены дифференты ✖ и ● (рис. 4: 1). Полагаем, что последний был символом одного из восточных боспорских регионов (Чореф 2012: 178, прим. 34). А первый возник в результате удвоения ✖. Заключаем,

²⁶ Заметим, что изначально эмиссионный центр ☼ входил в состав стратегии Боспор. Так, в разгар Второй Боспорской войны на нем были отчеканены бронзы с изображением царя на коне (Чореф 2019b: 90, рис. 3: 3), а в память о победе в ней выпущены монеты Зевсом на троне (Чореф 2019b: 86—87, рис. 6: 2). Можно лишь догадываться о причинах прослеживаемых административных преобразований. Однако допустим, что они были обусловлены ходом военных действий.

²⁷ Сведения о них см.: (bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11).

²⁸ Заметим, что на монетном дворе ✖ выпустили драхмы с изображением Афродиты Урании, восседающей на престоле Афродиты Апатуры (рис. 1: 3, 4). Полагаем, что в результате выявления таких нюансов удастся проследить особенности религиозного мировоззрения жителей боспорских регионов.

²⁹ Первая из них описана В.А. Анохиным (Анохин 2011: № 1898). Сведения о второй приведены в каталоге «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 12).

что знак * являлся меткой монетного двора, функционирующего в восточной части Боспорского государства.

Этому не противоречит и воспроизведение трона. Его высокая левая часть разделена на четыре квадратами с точками по центру. Аналогичные троны известны на монетах на рис. 1: 3, 4, 2: 4.

Перейдем к монете на рис. 4: 2. На ее реверсе второй выбита та же композиция. Богиня в короне, в синдоне и в хитоне-подересе, со скипетром в левой руке восседает на троне. Единственное отличие — над левой частью трона просматривается обозначение *. Однако вряд есть основания выделять его в дифферент. Дело в том, что оно весьма схоже с *. Чтобы удостовериться в этом, достаточно сравнить написание и наклоны составляющих их черточек. Полагаем, что * образовался в результате разрушения *. И прорезал их на штемпеле, судя по почерку, один и тот же мастер.

Перейдем к бронзам³⁰, изображения которых приведены на рис. 5. На их реверсе выбито уже привычное изображение Афродиты Урании, восседающей на троне. Причем ее престол вполне обычен: с высокой спинкой и с мощными витыми поручнями. В правой руке богини — яблоко, а в левой — скипетр. Левее ее лица выбит бюст Септимия Севера. На монете на рис. 5: 1 он развернут вправо, а на бронзе на рис. 5: 2, 3 — влево³¹. За троном видны дифференты * (рис. 5) и «В» (рис. 5: 1). У ног богини размещены фигуры Эрота (рис. 5: 1) и Ники (рис. 5: 2, 3).

Монеты на рис. 5, безусловно, столичного чекана. Судим по безупречной передаче бюста Савромата II на аверсе и по тщательности проработки деталей композиции реверса. Причем чеканка этих бронз была достаточно обильной (Зограф 1951: 204). Заметим, что нет оснований считать их ранними выпусками интересующей нас группы³². Дело в том, что бюст Септимия Севера на них появился не в результате надчеканивания, а был выгравирован на штемпеле. Учитывая это обстоятельство, допускаем, что эти монеты поступили в обращение позже бронз, изображения которых приведены на рис. 1 и 2. Вполне возможно, что их чеканили одновременно с монетами, фотографии размещены на рис. 3 и 4.

Но все же допускаем, что имеем дело с завершающей эмиссией этой группы. Обратим внимание на то обстоятельство, что композиция реверса этих монет довольно сложна. Кроме фигуры Афродиты на троне на нем оттиснуты изображения Эрота с поднятыми вверх в жесте мольбы руками (рис. 5: 1) и Ники, передающей ей венок (рис. 5: 2, 3). Похоже, что перед нами победные серии, которые могли быть выпущены после завершения успешной войны. Об этом говорит символика: фигурки Эрота и Ники. Вполне возможно, что эти бронзы были отчеканены в память о завершении Второй Боспорской войны.

Полагаем, что по той же причине на реверсе монет на рис. 5 помещена репродукция статуи Афродиты Урании. Мы отслеживаем очевидную попытку консолидировать идеологические устои общества путем усиленной пропаганды культа этого божества, что, очевидно, имело смысл только после преодоления кризиса.

Итак, в ходе нумизматического исследования нам удалось уточнить общепринятые представления о царствовании Савромата II. Вторая Боспорская война была столь опасной, что этот государь был вынужден санкционировать помещение на монетах изображений как Афродиты Урании, так и Афродиты Апатуры. Причем статуя последней была высечена в

³⁰ Информация об этих монетах почерпнута из каталога «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15).

³¹ На реверсе бронзы на рис. 5: 3 он весьма примечателен. Видна только борода императора. Судим развороту бюста. Вполне возможно, что штемпель подправляли. В результате чего лицо императора оказалось скрыто бородой. Так что мы имеем дело с последствиями разрушения чекана из-за активного использования.

³² К такому же выводу пришли А.Н. Зограф (Зограф 1951: 204), В.А. Анохин (Анохин 1986: 117, 166, № 624, 627, табл. 29: 624, 627; 2011: № 1899, 1902) и Н.А. Фролова (Фролова 1997: 329, табл. ХСV: 13—24).

период его же правления. В этом мы видим уступку местному населению. По завершению войны царь попытался укрепить свою власть. Для этого была выпущена серия монет, пропагандирующая культ Афродиты Урании. Что может быть истолковано как свидетельство консолидации режима Савромата II в последние годы его правления.

Литература

- Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.
- Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия, 1999.
- Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог*. Киев: Стилос.
- Артамонов М.И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *АСГЭ* 2, 57—87.
- Бондаренко М.Е. 2007. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. Москва: МАКС Пресс.
- Бунин Д.С. 2005. *Кульτ Афродиты на Боспоре*: дисс. ... канд. ист. наук. Москва: МГОПУ им. М.А. Шолохова.
- Быковская А.В. 2021. Образ богини на троне в коропластике раннеэллинистического Боспора. *Человек и культура* 3, 46—68. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.3.35728.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Давыдова Л.И. (сост.). 1990. *Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. — III в. н.э. Каталог выставки*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Денисова В.И. 1981. *Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы)*. Ленинград: Наука.
- Емец И.А. 2012. *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу)*. Москва: Спутник +.
- Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. Москва: АН СССР (МИА 16).
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ XII*.
- Иванова А.П. 1950. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре. *ВДИ* 3, 104—109.
- Иванова А.П. 1951. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины. *КСИА* 39, 27—34.
- Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1, 59—77.
- КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- КБН 2004: Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Т. II. Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Матковская Т., Твардецкий А., Тохтасьев С., Бехтер А. 2009. *Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э.* Киев: Мистецтво (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 3. Кн. 2. Ч. I).
- Ростовцев М.И. 1913. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62, 133—140.
- Рыбаков Б.А. 1981. *Язычество древних славян*. Москва: Наука.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. Киев: АДЕФ-Украина (БИ Suppl. 1).
- Сокольский Н.И. 1973. Кульτ Афродиты в Кепях в VI—V вв. до н.э. *ВДИ* 4, 88—92.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.
- Трейстер М.Ю. 2015. Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгиппии первых веков н.э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре. *ПИФК* 1 (47), 308—337.
- Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. I. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Харко Л.П. 1946. Кульτ Афродиты на Боспоре Киммерийском. *КСИИМК* XIII, 137—141.
- Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* 4, 171—200.
- Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н. э. на боспорском обеле III в. до н. э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.
- Чореф М.М. 2019b. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.
- Шауб И.Ю. 1999. Кульτ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—223.

- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Шауб И.Ю. 2020. Ответ критику. *Новый Гермес* 12-2, 202—210.
- Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2018. Оселки с несколькими тамгами на территории Сарматии. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 10. Ставрополь, 72—89.
- bosporan-kingdom.com: 1: Паспорт монеты: 617-4798-27. URL: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/27.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 2: Паспорт монеты: 617-4798-3. URL: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/3.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 3: Паспорт монеты: 617-4798-9. URL: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/9.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 4: Паспорт монеты: 617-4798-33. URL: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/33.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 5: Паспорт монеты: 616-4964-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/616-4964/1.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 6: Паспорт монеты: 616-4592-16. URL: <https://bosporan-kingdom.com/616-4592/16.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 7: Паспорт монеты: 616-4755-2. URL: <https://bosporan-kingdom.com/616-4755/2.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 8: Паспорт монеты: 616-4799-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/616-4799/1.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 9: Паспорт монеты: 622-4789-3. URL: <https://bosporan-kingdom.com/622-4789/3.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 10: Паспорт монеты: 622-4789-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/622-4789/1.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 11: Паспорт монеты: 622-5131-4. URL: <https://bosporan-kingdom.com/622-5131/4.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 12: Паспорт монеты: 623-4047-18. URL: <https://bosporan-kingdom.com/623-4047/18.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 13: Паспорт монеты: 624-4637-4. URL: <https://bosporan-kingdom.com/624-4637/4.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 14: Паспорт монеты: 627-4378-13. URL: <https://bosporan-kingdom.com/627-4378/13.html> (дата обращения 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 15: Паспорт монеты: 627-4378-21. URL: <https://bosporan-kingdom.com/627-4378/21.html> (дата обращения 01.08.2021).
- Cary F. 1752. *Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmerien éclaircie par médailles*. Paris: Ches Desaint & Saillant.
- de Koehne B. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kotschoubey d'après son catalogue manuscrit et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie, ainsi que des royaumes du Pont et du Bosphore cimmérien*. Vol. II. St. Pétersbourg: Imprimerie des papiers de la couronne.
- Guthrie M. 1802. *A tour, performed in the year 1795—6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London: Nichols and son.
- Rostovtzeff M. 1919. Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *REG.* T. XXXII. Fs. 146—150, 462—481.
- RPC IV.1: RPC IV.1, 3886 (temporary). URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3886> (дата обращения 01.08.2021).
- Sarnowski T. 1991. Barbaricum und ein bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav. *ZPE* 87, 137—144.

References

- Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosphorus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosphorus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).

- Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Artamonov, M.I. 1961. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of the State Hermitage)* 2, 57—87 (in Russian).
- Bunin, D.S. 2005. *The cult of Aphrodite in the Bosporus*: PhD Thesis. Moscow: MGOPU im M.A. Sholohova (in Russian).
- Bondarenko, M.E. 2007. *Gosudarstvennye panteony drevnegrecheskih polisov Severnogo Prichernomor'ya (The State Pantheons of Ancient Greek Polises in the Northern Black Sea region)*. Moscow: MAKSS Press (in Russian).
- Bykovskaya, A.V. 2021. In *Chelovek i kul'tura (Man and culture)* 3, 46—68. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.3.35728 (in Russian).
- Gaydukevich, V.F. 1949. *Boporskoye tsarstvo (The Kingdom of the Bosporus)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Davydova L.I. (ed.). 1990. *Bosporskiye nadgrobnyye rel'yefy V v. do n.e. — III v. n.e. Katalog vystavki (Bosporan tombstone reliefs of the 5th century BCE. — 3rd century CE. Catalogue of the Exhibition)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).
- Denisova, V.I. 1981. *Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiya, Ilurata i sel'skoy usad'by) (Coroplasty of the Bosporus (based on materials from Tyritake, Myrmekion, Illuration and a rural estate))*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Emets, I.A. 2012. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu) (Graffiti and dipinty from the ancient cities of the Northern Black Sea region (preparatory materials for the Corpus))*. Moscow: Sputnik + (in Russian).
- Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR (Materials and Researches in the Archaeology of USSR 16) (in Russian).
- Zubar, V.M., Zin'ko, V.N. 2006. *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* (in Russian).
- Ivanova, A.P. 1950. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 3, 104—109 (in Russian).
- Ivanova, A.P. 1951. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 39, 27—34 (in Russian).
- Ivanova, A.P. 2013. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 59—77 (in Russian).
- KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
- KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Vol. II. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).
- Matkovskaya, T., Tvardetski, A., Tokhtasiev, S., Bekhter, A. 2009. *Bosporskiye nadgrobiya II v. do n.e. — III v. n.e. (Bosporus tombstones of the 2nd century BCE — 3rd century CE)*. Kiev: Mistetstvo (From the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Lapidary collection. Vol. 3. Bk. 2. Pt. I) (in Russian).
- Rostovtzeff, M.I. 1913. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 49, 1—62, 133—140 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavyan (Paganism of the ancient Slavs)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2007. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora (Graffiti and dipinty choirs of the ancient Bosporus)*. Kiev: ADEF-Ukraina (Bosporan Studies. Suppl. 1) (in Russian).
- Sokol'skiy, N.I. 1973. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 4, 88—92 (in Russian).
- Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2015. In *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(47), 308—337 (in Russian).
- Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (middle of 1st century BCE — middle of 4th century CE))*. Pt. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n.e. — 210/211 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 49/48 BCE — 210/211 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Kharko, L.P. 1946. In *Kratkie soobshheniya instituta istorii material'noj kul'tury (Brief Communications on Papers and Field Research from the Institute for the History of Material Culture)* XIII, 137—141 (in Russian).
- Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus* 4, 171—200 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1999. In *Stratum plus* 3, 207—223 (in Russian).

- Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't i ritual v Severnom Prichernomorie (VII—IV vv. do n.e.) (Myth, Cult and Ritual in the North Pontic Region (the 7th — 4th cc. BCE))*. Saint Petersburg: SpbGU (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2020. In *Novyy Germes (New Hermes)* 12-2, 202—210 (in Russian).
- Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i yego blizhayshey sel'skoy okrugy (Terracotta of ancient Chersonesos and its nearest rural surroundings)*. Simferopol: Naslediye tysyacheletiy (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Tamgha Signs of Iranian-speaking Peoples of Antiquity and the Early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of Culture of Peoples of the Northern Caucasus)* 10, 72—89.
- bosporan-kingdom.com: 1: Passport of coins: 617-4798-27. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/27.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 2: Passport of coins: 617-4798-3. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/3.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 3: Passport of coins: 617-4798-9. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/9.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 4: Passport of coins: 617-4798-33. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/617-4798/33.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 5: Passport of coins: 616-4964-1. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/616-4964/1.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 6: Passport of coins: 616-4592-16. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/616-4592/16.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 7: Passport of coins: 616-4755-2. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/616-4755/2.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 8: Passport of coins: 616-4799-1. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/616-4799/1.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 9: Passport of coins: 622-4789-3. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/622-4789/3.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 10: Passport of coins: 622-4789-1. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/622-4789/1.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 11: Passport of coins: 622-5131-4. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/622-5131/4.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 12: Passport of coins: 623-4047-18. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/623-4047/18.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 13: Passport of coins: 624-4637-4. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/624-4637/4.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 14: Passport of coins: 627-4378-13. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/627-4378/13.html> (accessed 01.08.2021).
- bosporan-kingdom.com: 15: Passport of coins: 627-4378-21. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/627-4378/21.html> (accessed 01.08.2021).
- Cary, F. 1752. *Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmerien éclaircie par médailles*. Paris: Ches Desaint & Saillant.
- de Koehne, B. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kotschoubey d'après son catalogue manuscrit et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie, ainsi que des royaumes du Pont et du Bosphore cimmérien*. Vol. II. St. Pétersbourg: Impl. des papiers de la couronne.
- Guthrie, M. 1802. *A tour, performed in the year 1795—6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London: Nichols and son.
- Rostovtzeff, M. 1919. Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *REG.* T. XXXII. Fs. 146—150, 462—481.
- RPC IV.1: RPC IV.1, 3886 (temporary). Available at: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3886> (accessed 01.08.2021).
- Sarnowski, T. 1991. Barbaricum und ein bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav. *ZPE* 87, 137—144.

Рис. 1. Драхмы с сидящей Афродитой Уранией на реверсе чекана Пантикапейского монетного двора (1, 2) и эмиссионного центра X (3, 4) (по bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; RPC IV.1: No. 3886).

Fig. 1. Drachmas with seated Aphrodite Urania on the reverse of the coinage of the Panticapaeum mint (1, 2) and the emission center X (3, 4) (after bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; RPC IV.1: No. 3886).

Рис. 2. Монеты с сидящей Афродитой Апатурой на реверсе эмиссионного центра ❖ (по bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

Fig. 2. Coins with seated Aphrodite Apatura on the reverse of the emission center ❖ (after bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

Рис. 3. Драхмы с сидящей Афродитой Апатурой на реверсе эмиссионного центра ❖ (по bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11).

Fig. 3. Drachmas with seated Aphrodite Apatura on the reverse of the emission center ❖ (after bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11).

Рис. 4. Драхмы с сидящей Афродитой Уранией на реверсе эмиссионного центра * (по Анохин 2011: № 1898; bosporan-kingdom.com: 12).

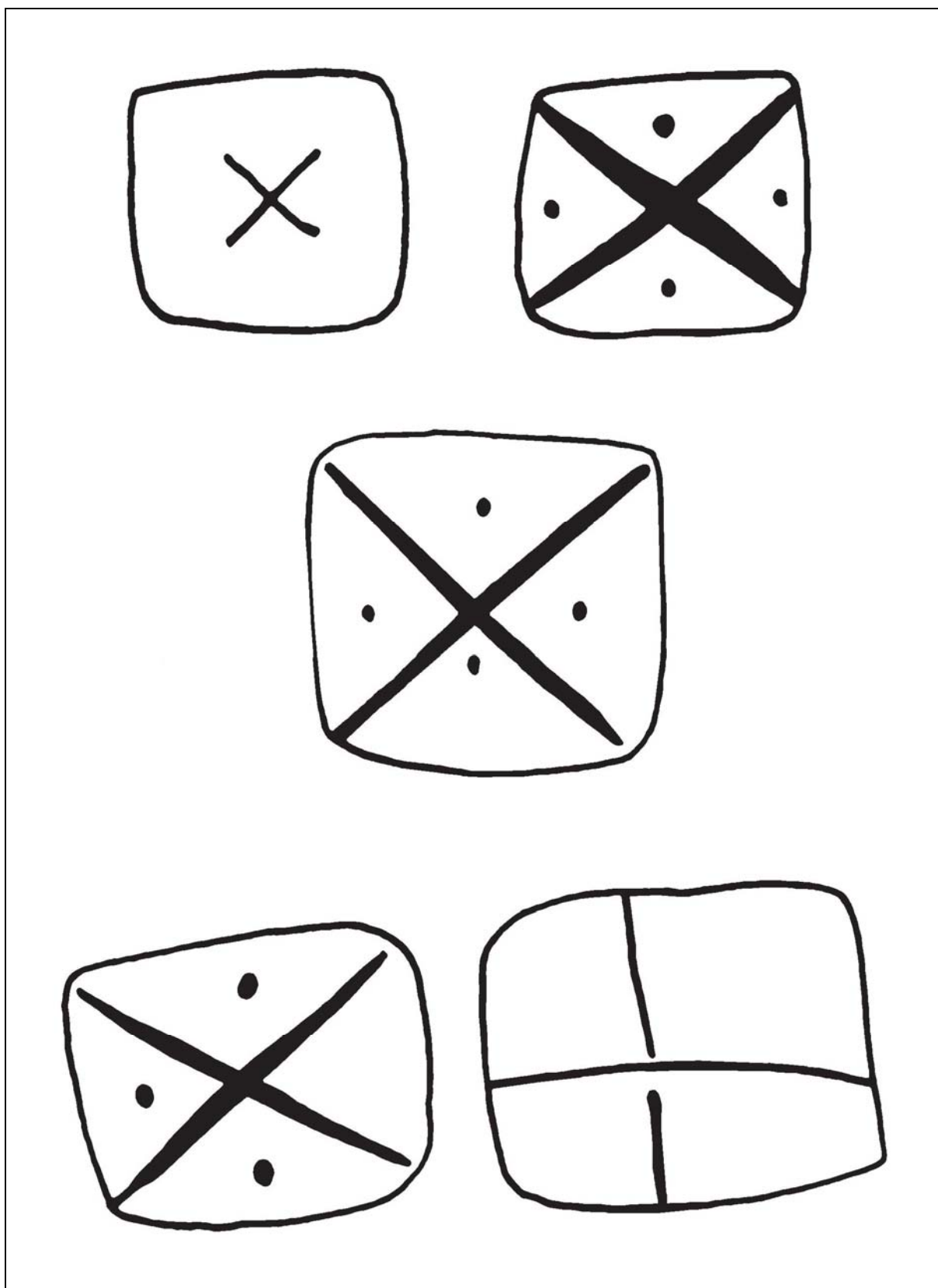
Fig. 4. Drachmas with seated Aphrodite Urania on the reverse of the emission center * (after Anokhin 2011: № 1898; bosporan-kingdom.com: 12).

Рис. 5. Драхмы с сидящей Афродитой Уранией на реверсе чекана Пантикапея с фигурками Эроса (1) и Ники (2, 3) (по bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15).

Fig. 5. Drachmas with seated Aphrodite Urania on the reverse of the Panticapaeum coinage with figures of Eros (1) and Nika (2, 3) (after bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15).

Рис. 6. Знаки на ткацком грузиле из поселения Ильичевка (по Сапрыкин, Масленников 2007: 205, № 174—178 (1125—1129)).

Fig. 6. Signs on a weaving weight from the Ilyichevka settlement (after Saprykin, Maslennikov 2007: 205, No. 174—178 (1125—1129)).

УДК 930.2(574)«12/13»

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.92.25.032

П.Н. Петров

**ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИИ НА ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
НА ПРИМЕРЕ КЛАДА 2014 г. ЧАГАТАИДСКИХ ДИРХАМОВ XIII—XIV вв.
ИЗ ПРИСЫРДАРЬИНСКОГО БОЗОКА***

Целью исследования является установление влияния традиции в отношении к серебряной монете на особенности денежного обращения, а также введение в научный оборот необычного клада дирхамов, найденного в районе археологического памятника Присырдарьинский Бозок в 2014 г. В ходе изучения клада чагатаидских дирхамов конца XIII — начала XIV вв. в его составе было обнаружено 117 монет, в том числе присутствие 12 их обломков. Это необычные факт для обращения чагатаидских дирхамов, который ранее не отмечался в научной литературе. Единичные находки обломков таких же дирхамов указывают на их использовании в монетном обращении. Установлено, что это связано с древней традицией ломать серебряные монеты и использовать эти фрагменты в денежном обращении. В статье подробно описан состав клада, который был найден в районе археологического памятника Присырдарьинский Бозок. Скрытие клада т.р.к. 700/1301—1302 гг.

Ключевые слова: Государство Чагатаидов, Южный Казахстан, XIII—XIV вв., нумизматика востока, клад, монета, дирхам, монетное обращение.

Сведения об авторе: Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, Центральный Государственный музей Республики Казахстан.

Контактная информация: 050059, Республика Казахстан, г. Алматы, микрорайон «Самал-1», д. 44, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru.

P.N. Petrov

**THE INFLUENCE OF TRADITION ON MONETARY CIRCULATION
ON THE EXAMPLE OF THE TREASURE OF CHAGHATAYID DIRHAMS (2014)
OF THE 13th — 14th CENTURIES FROM THE PRISYRDARYA BOZOK**

The purpose of the study is to establish the influence of the tradition in relation to the silver coin on the peculiarities of monetary circulation, as well as to introduce into scientific circulation an unusual treasure of dirhams found in the area of the archaeological site of Prisyrdarya Bozok in 2014. During the study of the treasure of Chaghatayid dirhams of the late XIII — early XIV centuries, there were found 117 coins in its composition, including the presence of 12 of their fragments. This is an unusual fact for the conversion of Chaghatayid dirhams, which has not previously been noted in the scientific literature. Isolated finds of fragments of the same dirhams indicate their use in coin circulation. It is established that this is due to the ancient tradition of breaking silver coins and using these fragments in monetary circulation. The article describes in detail the composition of the treasure that was found in the area of the archaeological site of Prisyrdarya Bozok. Hiding the treasure took place q. 700/1301—1302.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта № AP09261233 Грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021—2023 гг.

Статья поступила в номер 31 марта 2021 г.

Принята к печати 15 апреля 2021 г.

Key words: Chaghatayid State, Southern Kazakhstan, XIII—XIV centuries, numismatics of the East, treasure, coin, dirham, coin circulation.

About the author: Petrov Pavel Nikolaevich, PhD (History), Central State Museum of the Republic of Kazakhstan.

Contact information: 050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, Samal-1, 44, The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru.

Важной составляющей денежного обращения в Средней Азии (и не только) в IX—XI вв. является использование обломков серебряных дирхамов. Это хорошо известный и многократно описанный различными нумизматами факт (Довуди 2007; Кулешов, Якушечкин 2016: 29—31; и др.). В связи с обнаружением на городище древнего Душанбе клада сасанидских драхм V в. н.э., содержащего ломаные экземпляры, Давлатходжа предполагает, что традиция обращения ломаных серебряных монет возникла на Востоке ранее (Довуди 2007: 93—94). По нашему мнению, это вполне возможно, поскольку подтверждается аналогичными находками из Китая в провинции Гуандун (Cribb 2019: 5—11). Там в кладе V в. из 20 сасанидских серебряных и золотых монет 11 были обломаны, причем 9 из этих 11 экземпляров составляли $\frac{1}{4}$ часть монетных кружков.

С наступлением «серебряного кризиса», когда стоимость добычи конкретного веса серебра стала больше стоимости этого же веса серебра уже в отчеканенной монете, процесс изготовления серебряных монет претерпел серьезные изменения. Так в Караханидских каганатах количество серебра в дирхамах упало до величин сначала менее 50% (Байтанаев и др. 2020: 50—51), а позднее и вовсе обозначалось посеребрением поверхности медных монет. Казалось бы, в обламывании таких монет и обращении их на рынках в виде частей смысла нет, ведь там мизерное количество собственно серебра. Тем не менее в Южном Казахстане обломки караханидских низкопробных дирхамов XI в. и медных посеребренных дирхамов XII в. встречается достаточно много. Встречаются даже обломки медных посеребренных дирхамов середины XIII в., битые в Отраре и относящиеся к эмиссиям Великой Монгольской империи (Байтанаев и др. 2020: 186). Справедливости ради стоит отметить, что на территории Юго-Западной Руси также были зафиксированы обломки, однако, византийских серебряных монет первой половины XIII в. в кладовом комплексе (Гурулева 2018: 144—146). Т.е. в XIII в. не только в Средней Азии фрагментировали монету, однако, исключительно серебряную! Но совсем необычным было обнаружить обращение обломков серебряных дирхамов Чагатайидского государства времен Кайду в Южном Казахстане. В этом плане наше внимание приковал к себе клад серебряных чагатайидских дирхамов начала XIV в.

Присырдарьинский Бозок (Бузук, Бузык, Бозуктобе), находящийся на левом берегу Сырдарьи в 2,5 км от села Коктобе, расположен практически на одной параллели с г. Туркестан (рис. 1), представляет собой интереснейший археологический памятник средневековья — остатки города Аркук¹ (цитадель на фото. 1). Городище было открыто в 1947 г. Южно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А.Н. Бернштама. Оно было отмечено на карте расположения городищ и поселений Отрарского оазиса и склонов Каратау в 1972 г. (Акишев и др. 1972: рис. 1). В 2004 г. археологической экспедицией МКТУ (под руководством М. Елеуова) установлены внешние параметры цитадели и сделаны некоторые наблюдения. Памятник датируется Мадыаром Елеуовым X—XV вв. Раскопок на памятнике не проводилось, и причин его датировки X—XV вв. автором не сообщается (Елеуов 2007: 178—179). Более подробные

¹ Впервые городище Бозок было соотнесено со средневековым Аркуком в работе К.М. Байпакова в 1977 г. (Байпаков 1977: 206).

сведения об Аркуке, но уже с XV по XVIII вв., приведены в книге К.М. Байпакова. Этим же периодом автор и датирует памятник на основании анализа подъемного материала (Байпаков 2014: 97—98). Разные мнения исследователей обуславливают постановку вопроса: в какой промежуток времени существовал город: с X по XVIII вв. или с XV по XVIII вв.? Поскольку раскопок на городище не проводилось, то отсутствует и стратиграфия и, соответственно, достоверная археологическая датировка памятника. В этих условиях информация о нумизматических находках на его территории крайне важна с точки зрения датировки хотя бы верхних слоев. Кроме того, следует отметить, что в непосредственной близости друг от друга в разные исторические эпохи здесь размещалось несколько городов. Поэтому их рабады охватили огромную территорию и сейчас трудно отличить с какого рабада какие нумизматические находки происходят. Кроме того, судя по предварительным рекогносцировочным данным, вблизи от памятника (цитадели), но в стороне от рабада располагалась торговая площадка. Все это свидетельствует в пользу необходимости серьезного, системного археологического исследования археологического памятника/памятников. Монетные находки, зафиксированные нами с территории 3 × 10 км, охватывают период от Кушанского царства до XIX в.

Целью настоящей статьи является установление влияния традиции на формирование особенности монетного обращения на территории Южного Казахстана, а также введение в научный оборот клада 2014 г. серебряных чагатайских монет, происходящего с территории левобережного Присырдарьинского городища Бозок.

Клад был обнаружен местным жителем случайно. Он находился практически на поверхности земли, почему и был обнаружен без использования технических средств. Монеты были сконцентрированы в одном месте, что обеспечило их сбор практически полностью — последующая проверка места находки металлодетектором позволила найти еще лишь одну монету. Следов емкости или упаковки, в которой хранился клад, по словам находчика, обнаружено не было. В 2014 г. нам удалось ознакомиться с полным составом этого комплекса и подробно его зафиксировать. К сожалению, как это часто бывает, клад достаточно быстро разошелся по рукам.

Находка состояла из 117 серебряных чагатайских дирхамов рубежа XIII—XIV вв. Атрибуция и метрология монет приводится в табл. 1.

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г.

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы ²	Примечание
Самарканд					
1	68 (=680)	1,83	22,1—21,5	<i>Плетенка.</i> Тамга — 2 волны. Круговая легенда.	Фототабл. 1. Год цифрами в круговой.
2	68 (=680)	1,84	21,3—21,2	<i>Плетенка.</i> Тамга — 2 волны. Круговая легенда.	Год цифрами в круговой.
3	[680]	1,77	21,7—21	<i>Плетенка.</i> Тамга — 2 волны. Круговая легенда.	Выкушен кусок монеты.

² Столбец «реперы» (см. также фототабл. 3) введен в таблицу с целью пояснения, на каком основании произведены уточнения времени чеканки монет, на которых не сохранился год выпуска. Основные реперы записаны косым шрифтом вначале ячейки, они маркируют хронологический интервал, в течение которого эти реперы фиксируются на монетах (их изображения приведены в фототабл. 3). Второстепенные реперы расположены либо в верхней части тамги (справа, слева), либо в нижней части тамги, и иногда помогают отличать только монеты конкретного года. Реперы отмечены только для одной стороны монеты — оборотной (сторона с тамгой).

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г. (продолжение)

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы	Примечание
4	[680]	0,77	21,4	Тамга — 2 волны. Круговая легенда.	Обломок.
5	[680]	1,78	21—20,5	<i>Плетенка.</i> Тамга — 2 волны. Круговая легенда.	Непрочекан ¼ площади обеих сторон монеты.
6	[680]	0,85	20,5	Тамга — 1 волна справа. Круговая легенда.	Обломок (~½ дирхама).
7	[680]	1,80	22	<i>Плетенка.</i> Тамга — 1 волна справа. Круговая легенда.	Фототабл. 1. Погнута.
8	685	1,86	23,2—21,5	<i>Плетенка.</i> Круговая легенда.	Фототабл. 1. Двойной удар штемпеля на оборотной стороне.
9	685	1,91	22,5—22,2	<i>Плетенка.</i> Круговая легенда.	
10	[680—685]	1,69	23,2	<i>Плетенка.</i> Тамга — две точки вверх. Круговая легенда.	Фототабл. 1. Обломана и погнута.
11	[680—685]	0,92	21,6	<i>Плетенка.</i> Круговая легенда.	Обломок (½ дирхама).
12	[6]87	1,80	22,1—21,2	<i>Плетенка.</i> Круговая легенда.	
13	68(6/7?)	1,85	22—21,3	<i>Плетенка.</i> Круговая легенда.	Погнута. Год написан полностью справа от тамги.
14	687	1,91	21—20,1	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — колечко.	Сильно сглаженный рельеф букв в центре с обеих сторон — непрочекан.
15	687	1,75	21,5—21	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга утрачена.	Сильно сглаженный рельеф букв с обеих сторон — непрочекан.
16	687	1,91	21,5—21,1	<i>[Ал-а'зам].</i> Тамга — колечко.	Фототабл. 1. Непрочекан ¼ обеих сторон монеты.
17	687	1,93	22—21,2	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — колечко.	Непрочекан ¼ обеих сторон монеты.
18	687	1,81	21	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — колечко.	Фототабл. 1. Погнута.
19	[686—688]	1,72	21,5—21,7	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — колечко.	
20	[686—688]	1,92	22—22	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга утрачена.	Непрочекан половины монеты с обеих сторон.
21	[686—688]	1,84	21—20,8	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга утрачена.	Непрочекан по центру обеих сторон.
22	[686—688]	1,78	20,5—20,2	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга утрачена.	
23	[6]8[6—8].	1,81	21,5—21,5	<i>Ал-а'зам.</i>	
24	[686—688]	1,94	21,4—21,2	<i>Ал-а'зам.</i>	
25	[686—688]	1,87	22,3—22,6	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — петелька.	
26	[686—688]	1,80	21,2—20,8	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — петелька.	
27	[686—688]	1,93	21,2—21	<i>Ал-а'зам.</i> Тамга — петелька.	
28	689	1,85	20,5—20,4	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	Цифра 9 написана словом справа от тамги. Выкушен очень маленький кусочек.
29	[6]89	1,91	21—20,9	<i>Ихтийар</i> Тамга утрачена	Цифра 9 написана словом справа от тамги.

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г. (продолжение)

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы	Примечание
30	689	1,90	21,1—21,1	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	Фототабл. 1. Цифра 9 написана словом справа от тамги.
31	6(8?)х	1,80	20,6—20,3	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан $\frac{2}{3}$ обеих сторон монеты.
32	691	1,90	20,3	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок с тремя отростками.	Непрочекан $\frac{1}{3}$ обеих сторон монеты.
33	691	1,86	21,8—21,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок с тремя отростками.	Слабый рельеф, есть локальный непрочекан.
34	691	1,85	21,2—20,8	Утрачены.	Двойной удар с поворотом штемпелей.
35	691	1,97	20,5—20,3	<i>Ихтийар.</i> Тамга — крупная точка.	Фототабл. 2.
36	691	1,83	22—20,7	<i>Ихтийар.</i> Тамга — крупная точка.	
37	691	1,91	21,3—21	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок с тремя отростками.	
38	691	1,72	21,2—21,1	Утрачены.	Непрочекан $\frac{2}{3}$ обеих сторон монеты.
39	[6]91	1,84	20,8—20,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена.	Непрочекан $\frac{2}{3}$ обеих сторон монеты.
40	6[9]1?	1,92	20,5—20	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена.	Непрочекан $\frac{2}{3}$ обеих сторон монеты.
41	[691]	1,16	20,1	Тамга — кружок с тремя отростками.	Обломок.
42	[6]91	1,89	20,8—20,7	<i>Ихтийар.</i>	Сильно сглаженный рельеф, непрочекан.
43	612 (=691—692?)	1,85	21,6—21,1	Утрачено.	Фототабл. 2. Возможно написано 614, тогда год =694 г.х. Центр обеих сторон непрочеканен.
44	612 (=691—692?)	1,91	20,7—20,6	Утрачено.	Возможно год 614, тогда =694 г.х. Центр обеих сторон непрочеканен.
45	692	1,85	21—20,4	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	Цифры единиц и десятков видны слабо.
46	[6]92	1,79	20	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан обеих сторон монеты.
47	492 (=694)	1,78	19,7—19,3	Утрачены.	Непрочекан $\frac{1}{2}$ обеих сторон монеты. Цифра 4 изображена зеркально.
48	492 (=694)	1,76	21,1—21	<i>Ихтийар.</i> Тамга — «айн».	Фототабл. 2. Цифра 4 изображена зеркально.
49	492 (=694)	1,95	20,1—20	<i>Ихтийар.</i> Тамга — «айн».	Фототабл. 2. Цифра 4 изображена зеркально.
50	492 (=694)	1,79	20,7—19,7	<i>Ихтийар.</i> Тамга — «айн».	Цифра 4 изображена зеркально.
51	49[2] (=694)	1,84	20	<i>Ихтийар.</i> Тамга — «айн».	Фототабл. 2. Погнута. Непрочекан половины монеты с обеих сторон. Цифра 4 изображена зеркально.
52	696	1,91	20,4—20,1	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	Фототабл. 2.
53	696	1,75	20,5—20,2	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	Двойной удар с обменом местами положения штемпелей.
54	[6]96	1,86	20,6—20,4	<i>Ихтийар.</i> Тамга — нолик.	

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г. (продолжение)

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы	Примечание
55	[6]66 (=696)	0,89	20,1	Утрачены.	Фототабл. 3. Обломок.
56	[666? (=696?)]	1,81	20,5—20,3	<i>Ихтийар</i> (написано тонко).	
57	6(6)[6? (=6[96?])]	1,86	20,1—20	<i>Ихтийар</i> (написано тонко).	
58	699	1,92	21,7—20,8	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена.	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
59	699	1,86	19,6—19,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена.	
60	699	1,89	20—19,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга — точка.	Фототабл. 3.
61	699	1,77	20—19,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга — точка.	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
62	699	1,81	20,1—19,7	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
63	699	1,83	20,3—20	<i>Ихтийар.</i> Тамга утрачена	
64	69х	1,23	19	<i>Ихтийар.</i>	Обломок.
65	700	1,93	20,5—20,2	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок с отрогками.	
66	700	1,84	20—19,7	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	Фототабл. 3.
67	700	1,86	21—20,9	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	
68	700	1,78	20,7	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	Непрочекан ½ площади лицевой стороны.
69	700	1,87	20,5—20,4	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	
70	700	1,78	19,5—19,6	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	Непрочекан ½ площади лицевой стороны.
71	700	0,68	19,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	Обломок.
72	[7]00	1,92	20	[<i>Ихтийар</i>]. Тамга — 2 треугольника и точка.	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
73	[7]00	1,81	20,1—20	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок с отрогками.	
74	[7]00	1,73	21,2—20,9	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	
75	[7]00	1,93	19,8—19,3	<i>Ихтийар.</i> Тамга — 2 треугольника и точка.	
76	7[00]	1,66	20	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отрогками.	Незначительные следы вспенивания металла (температурное воздействие).

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г. (продолжение)

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы	Примечание
77	[700]	1,83	20,2—19,6	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
78	[700]	1,81	19,8—19,5	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
79	[700]	1,96	19,4—19,3	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
80	[700]	1,85	19,6—19,1	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
81	[700]	1,85	19,5—19,4	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
82	[700]	1,88	20,2—20	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	
83	[700]	1,87	19	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок с отроутками.	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
84	[700]	1,90	20,1—20	<i>Ихтийар</i> . Тамга — 2 треугольника и точка.	Непрочекан ½ площади лицевой стороны.
85	[700]	1,75	20,7—20,6	<i>Ихтийар</i> . Тамга — 2 треугольника и точка.	
86	[700]	1,78	20—19,4	<i>Ихтийар</i> . Тамга — 2 треугольника и точка.	
87	[700]	1,85	20,5—20,5	<i>Ихтийар</i> . Тамга — 2 треугольника и точка.	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
88	[700]	1,05	20	<i>Ихтийар</i> . Тамга — 2 треугольника и точка.	Обломок.
89	7[xx]	1,86	20,5	<i>Ихтийар</i> Тамга — кружок.	
90	7[xx]	1,90	20—19,5	<i>Ихтийар</i> . Тамга утрачена.	
91	6[89—99]	1,92	21—20,7	<i>Ихтийар</i> . Тамга — нолик.	
92	6[89—99]	1,95	20,5—20	<i>Ихтийар</i> . Тамга — кружок.	Край монеты погнут. Штемпель (с ихтийар) тот же, что у №106.
93	6[89—99]	1,82	21,2	<i>Ихтийар</i> .	Непрочекан по центру сторон.
94	6[89—99]	1,84	20,8—20,3	<i>Ихтийар</i> . Тамга — жирная точка.	
95	[689—699]	1,86	21,1—20,6	<i>Ихтийар</i> . Тамга — жирная точка.	
96	6[89—99]	1,87	20,5—20	Утрачено.	95% непрочекан с обеих сторон.
97	6[89—99]	1,91	21,8—21,2	<i>Ихтийар</i> .	Непрочекан по центру сторон. Погнут с краю.
98	[689—700]	1,83	19,5—19,4	<i>Ихтийар</i> . Тамга — нолик.	
99	[689—700]	1,80	20,2—20	<i>Ихтийар</i> . Тамга — точка.	

Таблица 1. Состав Присырдарьинского Бозокского клада монет 2014 г. (продолжение)

№	Год, г.х.	Вес, г	Диаметр, мм	Реперы	Примечание
100	[689—700]	0,82	19,5	<i>Ихтийар</i> (написано тонко).	Обломок.
101	[689—700]	1,21	20,3	<i>Ихтийар.</i>	Обломок.
102	[689—700]	1,74	20,1—20	<i>Ихтийар</i> (написано тонко).	
103	[689—700]	1,95	21,5—20,9	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ¼ обеих сторон монеты.
104	[689—700]	1,54	20,2	<i>Ихтийар.</i>	Обломок.
105	[689—700]	1,75	21—20,8	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ¼ обеих сторон монеты.
106	[689—700]	1,93	20—19,8	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
107	[689—700]	1,96	20—19,5	<i>Ихтийар.</i> Тамга — кружок.	Непрочекан.
108	[689—700]	1,82	21,1—21	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ½ обеих сторон монеты.
109	[689—700]	1,84	20,3—20	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ⅔ обеих сторон монеты.
110	[689—700]	1,79	20,7—20	<i>Ихтийар.</i>	Непрочекан ¾ обеих сторон монеты.
111	—	1,81	20,5—20	Утрачено.	95% непрочекан с обеих сторон.
112	—	1,83	19,4—19	Утрачено.	
113	—	0,44	17	Утрачено.	Обломок.
114	—	1,88	20—19,8	Утрачено.	95% непрочекан с обеих сторон.
115	—	0,61	19,5	Утрачено.	Обломок.
б/н	—	1,54	21,4—20	Утрачено.	На поверхности монеты наплывы, следы микро расслоений. Побывала в огне?
Бухара					
116	Не указан [695—700]	1,96	20,5—20,2	нет	Непрочекан по центру с обеих сторон. По картушу на обеих сторонах монеты и младшей монете клада датируется периодом после 695 г.х. и до 700 г.х. включительно.

Изучение элементного состава выборки из 16 монет из этого комплекса было проведено с помощью физико-химических методов исследования РФА и ОЭСА, а результаты опубликованы в двух статьях (Байтанаев и др. 2019; Петров и др. 2020). Собственно, анонимные дирхамы Самарканда и Бухары конца XIII в. подробно описаны во многих публикациях (Давидович 1972: 147; Fedorov et al. 2008: No. 969, 970, 968 [ошибочно год вместо 689 прочел 684 г.х.], 973; Восточные монеты 2013; Восточные монеты 2014), поэтому здесь описания приводиться не будут.

Судя по годам на монетах, выпуск всех дирхамов укладывается в 20 лет — с 680 по 700 гг.х. (если не учитывать, что чеканка в 701 и 702 гг.х. могла вестись с «замороженной датой», т.е. под 700 г.х.). При визуальном осмотре состояния монет замечено, что часто дирхамы плохо прочеканены, размер штемпеля всегда больше размера монетного кружка. Кромки гурта монет 699—700 гг.х. острые (в отличие от выпусков 680-х гг.х.), т.е. они практически не были в обращении. В кладе зафиксировано 12 обломков и 6 экземпляров, согнутых до трещины (приготовлены для отделения части монеты). Одна из 6 — уже была ранее обломана (учтена в упомянутом количестве обломков). На гурте монет видны следы вырубki кружка круглым (почти круглым) ножом (из трубы).

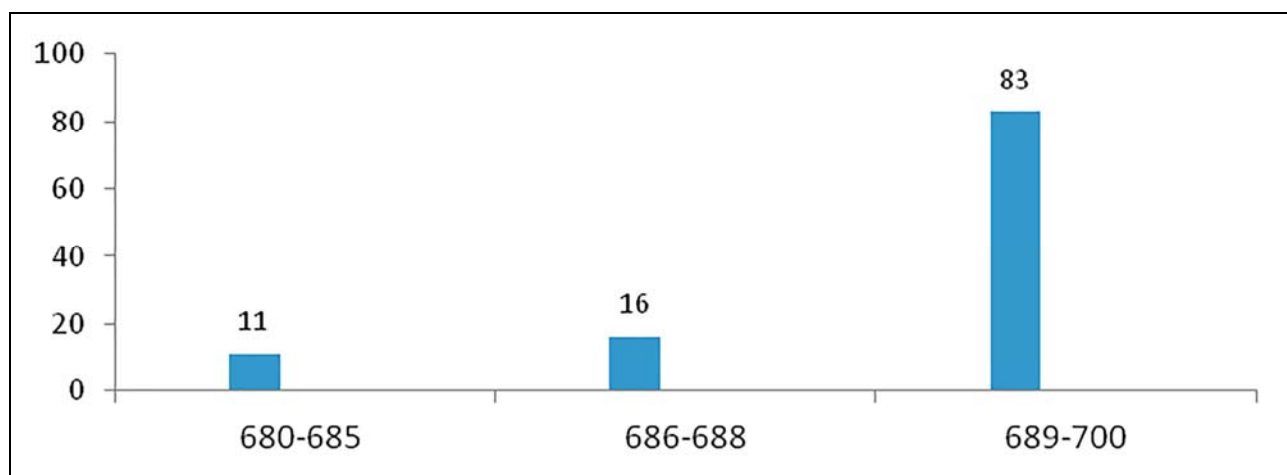
Примечательно, что 116 дирхамов из 117 биты на монетном дворе Самарканд и лишь один — на монетном дворе Бухара. На оборотной стороне дирхамов Самарканда обнаружены устойчивые реперы для хронологической атрибуции, названные нами основными. Клад позволил соотнести *основные* реперы (рис. 3) с хронологическими периодами, в течение которого чеканились самаркандские дирхамы клада. Заключаем, что:

1. *плетенка* и наличие круговой легенды на оборотной стороне (далее о.с.) монеты (с тамгой) помещались с 680 по 687 гг.х.;
2. особенность написания буквы *за* в слове *ал-а'зам* (=величайший), а также исчезновение *плетенки* и круговой легенды произошло в 687 г.х. Этот репер фиксируется не долго, возможно, до 688 г.х. включительно;
3. появление слова *ихтийар* (=выбор, отбор) на монетах приходится на 689 г.х. и фиксируется по данным только этого клада до 700 г.х. включительно.

Эти реперы полезны, поскольку позволяют датировать по конкретным периодам монеты, на которых год не сохранился, что и было продемонстрировано в табл. 1.

Обратил на себя особое внимание выпуск, датированный 666 г.х., который в действительности таковым являться не может, т.е. год на этих монетах искажен и относится, судя по присутствующему реперу (*ихтийар*), к 690-м гг.х. (696 или 692 гг.х.).

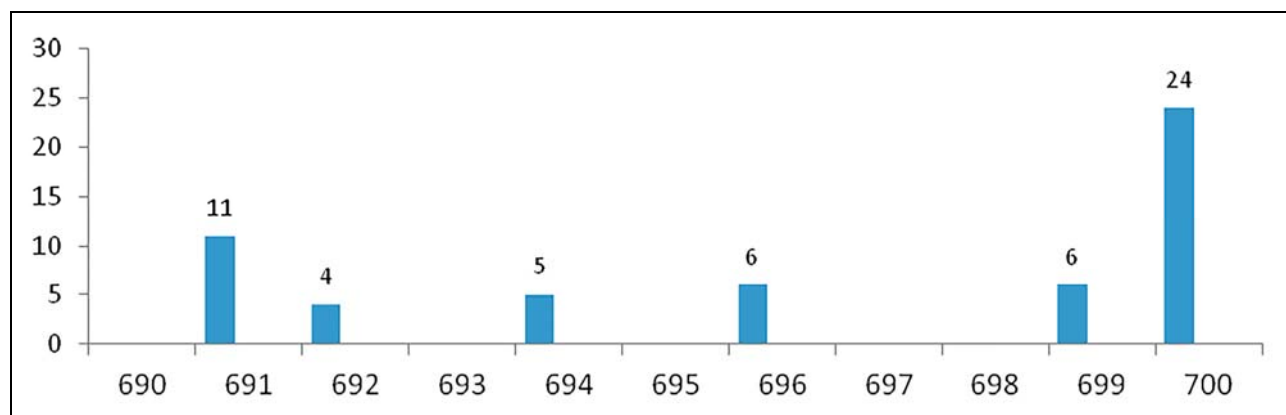
Клад сокрыт *terminus post quem* (t.p.q.) 700/1301—1302 г. Поскольку в комплексе нет массово выпускавшихся в Самарканде дирхамов 705 г.х., и нет монет 703 и 704 гг.х., выпуски которых нам известны, можно предположить, что время его сокрытия может быть отнесено к 700—702/1301—1303 гг. Учет редкости самаркандских выпусков серебряных дирхамов в 703 и 704 гг.х. заставляет расширить хронологические рамки времени сокрытия клада с 700/1301—1302 г. до 704/1304—1305 г. Некоторое уточнение по времени сокрытия клада можно попытаться получить из графика его хронологического состава (гистограмма 1).

Гист. 1. Хронологический состав Присырдарьинского Бозокского клада 2014 г. чагатаидских дирхамов по основным реперам. Ось «X» — хронологический период, гг.х.; ось «Y» — количество монет в шт.

Hist. 1. Chronological composition of the Syr Darya Bozok hoard of 2014 of the Chagataid dirhams by main benchmarks. Axis “X” — chronological period, AH.; axis “Y” — the number of coins in pieces.

Если построить график хронологического состава клада за последнее десятилетие по годам, то он будет выглядеть следующим образом:

Гист. 2. Хронологический состав части Присырдарьинского Бозокского клада чагатаидских дирхамов 2014 г. за 690—700 гг.х. Ось «X» — хронологический период, г.х.; ось «Y» — количество монет в шт.

Hist. 2. Chronological composition of a part of the Syr Darya Bozok treasure of the Chagataid dirhams in 2014 for 690—700 AH. Axis “X” — chronological period, AH.; axis “Y” — the number of coins in pieces.

На гистограмме 2 для 696 г.х. были учтены и 3 экземпляра с годом 696, и 3 экземпляра монет с годом 6«66» г.х.

Гистограмма 2 фиксирует на монетах с младшей датой (700 г.х.) максимальное количество экземпляров, что не характерно для сокрытия клада в этом году, т.е. в 700 г.х. Опыт изучения подобных графиков хронологического состава указывает на то, что если бы годом сокрытия клада был 700 г.х., то максимальное количество монет падало бы на предшествующий год (на 699 г.х. в нашем случае), и минимальное — на год сокрытия клада. Это обусловлено медленным наполнением рынков вновь отчеканенной монетой последнего года выпуска. В нашем случае можно полагать, что клад действительно был сокрыт вскоре после 700/1302 г. Кроме того, гистограмма 2 показывает неравномерность интенсивности работы монетного двора Самарканд в течение этого десятилетия. Отсутствие работы монетного двора в 701 г.х. может быть связано с ожиданием серьезных изменений во внутривосточной ситуации в государстве Чагатаидов вследствие гибели хана Кайду в этом году (Рашид ад-Дин 1960: 13). Этим может объясняться возможность чеканки в Самарканде дирхамов в 701 и 702 гг.х. (в период *tempus interregnum*) с «замерзшим» годом 700 г.х., а также наблюдаемый нами характер гистограмм 1 и 2.

Следует отметить необычный состав монетной массы этого клада, состоящей практически исключительно из самаркандских выпусков. Город Аркук в конце XIII в. посещали люди из г. Самарканда (или местные бывали в Самарканде), поскольку изучаемый состав монет кошелька³ мог быть привезен только от туда. Если проследить тамги на серебряных дирхамах последней трети XIII в. Бухары, Самарканда, Ташкента и Отрара, то обнаружится, что все эти монетные производства ставили лишь одну тамгу Кайду, а значит, эти территории принадлежали и контролировались лично ханом. Соответственно логично предположить, что это владение распространялось и на средневековый город Аркук.

³ В настоящее время термином *кошелек* некоторые исследователи обозначают способ вывода денег из обращения, т.е. случайную потерю, что, на мой взгляд, не представляется вполне обоснованным. Здесь под этим термином подразумевается лишь небольшой объем денег.

Не менее важным является наблюдение за качеством монетной массы, её внешними характеристиками. Так среди 117 монет клада 12 экземпляров были обломаны или обрезаны, а один из них и еще 5 не обломанных дирхамов были погнуты, т.е. приготовлены для отламывания части монет. Причем, обломы и обрезы по торцам явно старые, а не современные, сделанные в ходе обнаружения клада. Кроме обломков монет в кладе были найдены на территории городища в качестве единичных находок около 10 обломков таких же чагатаидских серебряных монет конца XIII — начала XIV вв. То есть, нахождение обломков дирхамов в составе клада не является случайностью или результатом работы ювелира. Это результат умышленного обламывания чеканного серебра с целью запуска его в обращение на местном рынке. Процесс этот, скорее всего, был вызван нехваткой разменной монеты в этом средневековом городе или, традицией обращения *дирхамов* (=серебряных монет) в качестве серебра. Использование обломанных серебряных монет (т.е. просто кусочков монетного серебра) не было характерной чертой денежного обращения в Чагатайском государстве, и данная особенность наблюдается нами впервые.

Поскольку дирхамы 699 и 700 гг.х., как отмечалось выше, имеют острые края и явно неистертую поверхность сторон монет, свидетельствующие об отсутствии, сколько-нибудь, длительного их использования и потери веса в процессе обращения, то становится возможным установить весовой стандарт изучаемых экземпляров. При построении гистограммы зависимости количества монет Самарканда от значений их веса не учитывались обломанные и поврежденный (б/н) экземпляры, а также дирхам с весом 1,66 г.

Вначале оценим средний вес монет в группах, разбитых по «реперам»:

1 группа с *плетенкой* — средний вес = 1,827 г;

2 группа с особенностью написания буквы *за* в слове *ал-а'зам* — средний вес = 1,851 г;

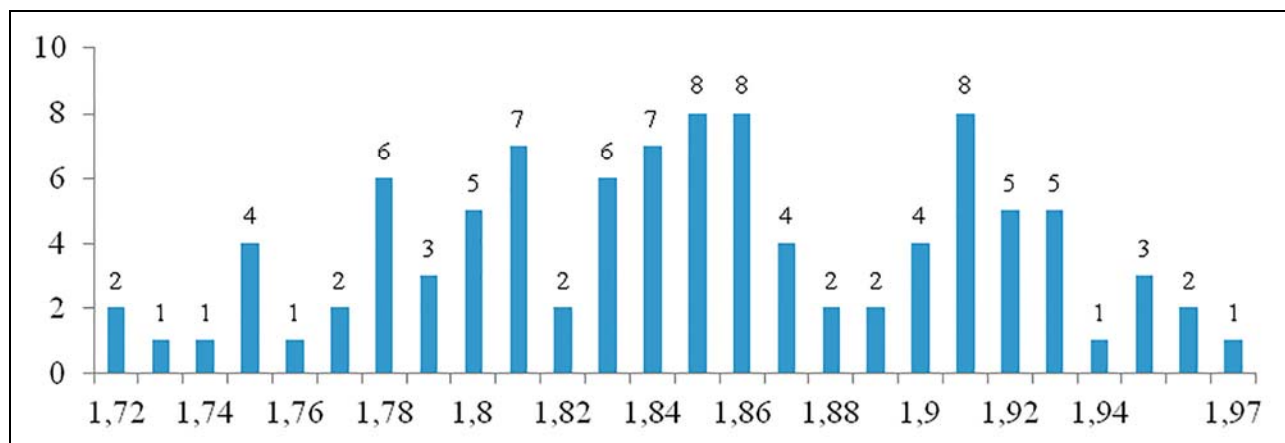
3 группа со словом *ихтийар* — средний вес = 1,849 г.

Группа 1 самая старшая группа монет в кладе и за длительный срок обращения ее экземпляры естественно потеряли вес от той изначальной весовой нормы чеканки, при которой они были выпущены. И это видно по состоянию поверхности самих монет и округлости кромок гуртов. Самые поздние монеты этой группы могут быть датированы 686—687 гг.х., то есть к 700 г.х. они были в обращении 13—14 лет. Если бы дирхамы чеканились изначальной по весовой норме, близкой к 1,85 г, то в среднем в год теряли бы $\delta = (1,85 - 1,827)/14 = 0,0016$ г, что крайне мало⁴ и не могло бы привести к тем следам потертости поверхности, которые наблюдаются на самих монетах. Надо полагать, что весовая норма чеканки была несколько больше величины 1,85 г. В то же время необычным является и разница в среднем весе между монетами 2 и 3 групп, причем, 3-я группа имеет средний вес монет несколько меньше (хоть не значительно, но меньше), чем 2-я группа ($\sigma_{2-3} = 1,849 - 1,851 = -0,002$ г). Если все эти монеты чеканились изначальной по одной весовой норме и монеты группы 3 практически не были в обращении, а дирхамы 2-й группы уже к 700 г.х. обращались те же 13 лет, то такой отрицательной разницы в весе не может наблюдаться. Было сделано предположение, что весовая норма чеканки монет в Самарканде в период с 689 г.х. (когда начало проставляться слово *ихтийар*) и до 700 г.х. (которым помечены самые младшие монеты клада) изменялась в меньшую сторону. Для проверки такой возможности рассчитаем

⁴ Расчет Е.А. Давидович показал скорость истирания пореформенных дирхемов $\sim 0,012$ г/год (Давидович 1972: 90), аналогичный результат был получен (для периода до ~ 710 г.х.) при анализе клада из-под Хоргоса (Петров 2004) — этот расчет не приведен, поскольку для достоверного анализа в кладе не содержалось необходимого количества монет Мас'удовской реформы.

средний вес монет только двух годов — 699 и 700 гг.х. и получаем величину в 1,8427 г. То есть, действительно нельзя исключить некоторое понижение весового стандарта чеканки в указанный нами период, однако, обнаруженное расхождение значений среднего веса 2-й и 3-й групп может носить и чисто технический характер, поскольку взвешивание производилось нами на электронных весах с точностью 0,01 г. А точность весовых стандартов в конце XIII в. вполне могла иметь отклонения в несколько тысячных грамма на 1 монету. Окончательное решение этого вопроса требует анализа еще нескольких групп монет Самарканда из разных кладов. Рассмотрим зависимость количества самаркандских монет Бозокского клада от значений их веса.

Гист. 3. Зависимость количества самаркандских монет Присырдарьинского Бозокского клада 2014 г. от значений их веса. Учено 100 монет. Шаг 0,01 г, допуск $\pm 0,004$ г.

Hist. 3. Dependence of the number of Samarkand coins of the Syr Darya Bozok hoard in 2014 on the values of their weight. Considered 100 coins. Step 0.01 g, tolerance ± 0.004 g.

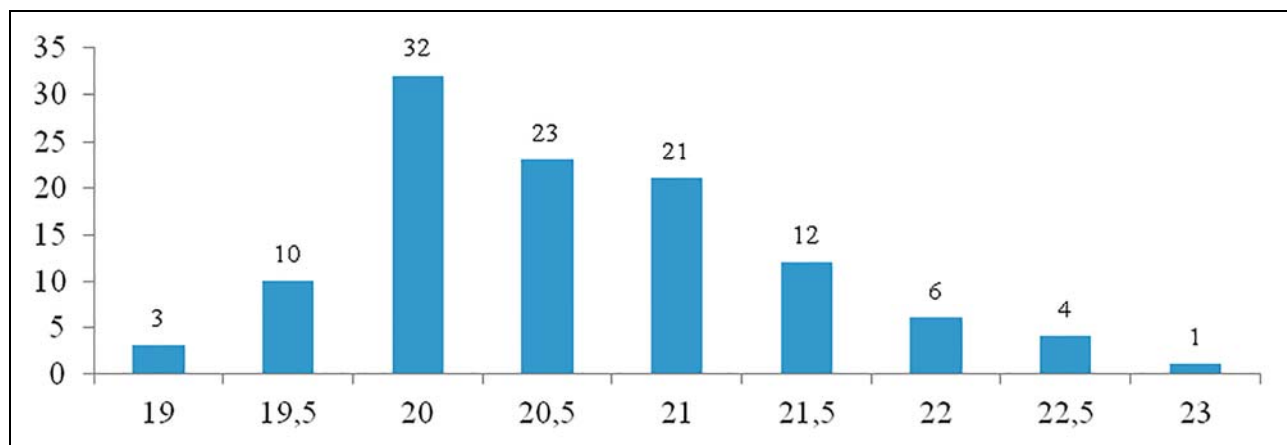
На графике можно отметить два максимума на значениях 1,85—1,86 г и на значении 1,91 г. К сожалению, для построения гистограммы зависимости количества самаркандских монет Бозокского клада 2014 г. от их веса с годами 699 и 700 гг.х. недостаточно статистических данных (29 экз.), и построение такого графика требует округления весовых данных и увеличения, соответственно, шага гистограммы минимум до 0,03 г. Гистограмма здесь не приводится, но она показывает лишь один максимум на значении $1,85 \pm 0,01$ г.

Единая весовая норма чеканки серебряных дирхамов последней трети XIII в. была обнаружена Е.А. Давидович и впервые приведена в работе 1972 г., это $\sim 2,1$ г с ремедиумом примерно $\pm 0,12$ г (Давидович 1972: 90, 94, 100). Но спустя 15 лет автор засомневалась в правильности своего первоначального исчисления и отметила, что весовой стандарт самаркандских дирхамов находится в интервале 2,06—2,14 г, а их средний вес равен 2,0 г при ремедиуме в 0,2 г. В качестве рабочей гипотезы было предложено считать весовой стандарт этих монет равный «половине шариатского мискаля в $4,26 \text{ г} = 2,13 \text{ г}$ » (Давидович 1987: 10, п. 2, 3). Заметим, что в результате анализа этого клада автор практически получила ту же расчетную весовую норму чеканки, что и раньше, только указала ее с допусками: $2,06\text{—}2,14 \text{ г} = 2,1 \pm 0,04 \text{ г}$. Если оценить допуск предыдущего исчисления, в результате которого была получена величина 2,1 г, то окажется, что он составляет практически ту же величину $\pm 0,042$ г. Это не дает основания сомневаться в правильности предыдущих вычислений и лишь подтверждает их справедливость.

В нашем случае средний вес самаркандских дирхамов никак не дотягивает до 2,0 г, примерно 0,15 г, а ремедиум также не превышает $\pm 0,12$ г, что дает нам право говорить о существовании иной весовой нормы чеканки при сохранении внешнего облика более тяжелых монет (в 2 г весом). Новые весовые стандарты чеканки пореформенных Мас'удбека монет обнаружены нами не впервые. Так, например, при изучении клада с дирхамами Тараза, Отрар и Кендже первой половины 670-х гг.х. были обнаружены весовые нормы чеканки 1,35 г (при среднем весе 1,33 г), группа монет с весом от 0,43 до 0,84 г (Петров, Кошевар 2004: 230—231), по другим кладам нам известны весовые стандарты близкие к величинам 0,3; 1; 1,78; 2,37—2,47 г.

Таким образом, следует заключить, что в Чагатайском государстве существовала многономинальная монетная система. И хотя ее изучение еще только начинается, но уже можно сказать, что она напоминает спектр разрешенных значений весовых норм чеканки, который мог использоваться монетными дворами в зависимости от потребностей заказчика в условиях свободной чеканки дирхамов (из давальческого серебра). Эта система очень напоминает джучидскую, которая была обнаружена в Булгарском вилайате XIII — первой трети XIV вв. (Бугарчев, Петров 2018).

Оценим среднее значение диаметра самаркандских монет клада. Оно составляет 20,6 мм. Гистограмма 4 зависимости количества монет от их диаметра для самаркандских монет клада указывает на максимум количества при значении диаметра $20 \pm 0,19$ мм. В то же время монет с диаметром в интервале значений от 20 до 21 мм почти 70% от всех учтенных.

Гист. 4. Зависимость количества самаркандских монет Присырдарьинского Бозокского 2014 г. клада от значений их диаметра. Учтено 112 монет. Шаг 0,5 г, допуск $\pm 0,19$ г.

Hist. 4. Dependence of the number of Samarkand coins of the Syr Darya Bozok hoard of 2014 on the values of their diameter. Considered 112 coins. Step 0.5 g, tolerance ± 0.19 g.

Итак, на территории рабада левобережного Присырдарьинского городища Бозок зафиксирован клад серебряных чагатайских монет рубежа XIII—XIV вв., а также обнаружены единичные находки на значительном удалении от места обнаружения клада — 10 обломков и обрезков серебряных монет конца XIII в., что свидетельствует о существовании средневекового города Аркук (или его предшественника, возможно, города с иным названием) как минимум в конце XIII в.

Однородный состав клада по эмиссионному центру указывает на то, что монеты были привезены из Самарканда. На некоторых монетах комплекса видны следы воздействия

высокой температуры, возможно, пожара. Соккрытие клада t.p.q. 700/1301—1302 гг. Обнаружен еще один новый весовой стандарт чеканки самаркандских дирхамов конца XIII в., который на $\sim(0,25\pm 0,1)$ г меньше ($\sim 1,85\pm 0,01$ г при ремедиуме $\pm 0,12$ г), обнаруженного ранее в работах Е.А. Давидович ($\sim 2,1$ г). То есть, в Чагатайском государстве существовала многономинальная монетная система. При чеканке монет разных номиналов, видимо, существовал спектр разрешенных значений весовых норм, который мог использоваться монетными дворами в зависимости от потребностей заказчика в условиях свободной чеканки дирхамов. И, в то же время, существовала традиционная практика обламывания серебряных дирхамов и обращения их на вес. Обращение обломков чагатайских дирхамов на территории современного Узбекистана и Таджикистана нами пока не зафиксировано ни лично, ни по сообщениям профессиональных нумизматов этих стран. В дальнейшем предстоит установить географические границы активного использования этой традиции в конце XIII в., пришедшей из глубины веков, а также выяснить на каком хронологическом отрезке времени (после XIII в.) эта традиция прекратила свое существование в Южном Казахстане. Этот пример свидетельствует о том, что локальность денежного обращения может заключаться не только в характере денежной массы, состоящей из монетной продукции местного производства, выход которой за пределы определенной территории оказывался мизерным, но и в характере отношения местных территориальных рынков (обеспечивающих это обращение) к целостности монетных кружков.

Литература

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1972. *Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы)*. Алма-Ата: Наука.
- Байпаков К.М. 1977. О локализации позднесредневековых городов Казахстана. *СА* 2, 201—209.
- Байпаков К.М. 2014. *Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV—XVIII в. В: Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции)*. Кн. III. Ч. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.
- Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Брагин А.О. 2020. *Денежное обращение в Южном Казахстане в III—XV вв.* Кн. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.
- Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф. 2019. Монетная реформа Кепек хана в свете результатов исследования состава монетного серебра методом РФА. *ПА* 4, 43—54.
- Бугарчев А.И., Петров П.Н. 2018. *Монетные клады Булгарского вилайата XIII — первой трети XIV вв.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Восточные монеты 2013: Алимбай Н., Петров П., Белтенев Ж. (ред.). 2013. *Восточные монеты из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатайских монет. Иллюстрированный научный каталог*. Т. 1. Кн. 1. Алматы: Центральный государственный музей РК.
- Восточные монеты 2014: Алимбай Н., Петров П., Белтенев Ж. (ред.). 2014. *Восточные монеты из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатайских монет. Иллюстрированный научный каталог*. Т. 1. Кн. 2. Алматы: Центральный государственный музей РК.
- Гурулева В.В. 2018. Каменец-Подольский клад фрагментов византийских и имитационных монет XIII в. *НиЭ XX*, 144—173.
- Давидович Е.А. 1972. *Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.)*. Москва: Наука.
- Давидович Е.А. 1987. Метод определения весового стандарта монет по их среднему весу. В: *Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Москва: [б.и.], 7—10.
- Довуди Д. 2007. *Клад Чаганианских дирхемов XI в. из Хасара*. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Респ. Таджикистан.

- Елеуов М. 2007 *Городище Бузык*. Алматы: Аруна (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область).
- Кулешов В.С., Якушечкин А.В. 2016. Комплекс фрагментированных дирхамов халифата VIII—IX вв. из Белгородского района Крыма. В: Захаров Е.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016 года. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: ООО «Ширяков и Ко», 29—31.
- Петров П.Н. 2004. Находки нумизматических памятников XIV века близ Хоргоса в собрании ГМИИ. *Монеты и медали. Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина* II, 169—239.
- Петров П.Н., Кошевар В.Г. 2004. Клад № 4 из Киргизии. *ДПДР*. Вып. V. Т. 4. Москва; Нижний Новгород: Нумизматическая Литература, 226—234.
- Петров П.Н., Байтанаев Б.А., Шайхутдинова Е.Ф. 2020. Квантитативный анализ монетного серебра денежной реформы хана Кепека методом ОЭСА. *Археология Казахстана* 3, 107—121.
- Рашид ад-Дин. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Cribb J. 2019. Fifth Century Sasanian Coins Found in Guangdong Province, South China. *Journal of the Oriental Numismatic Society* 236. Summer, 5—10.
- Fedorov M., Kočnev B., Kurbanov G. 2008. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. XVa Buhara / Samarqand. Mittelasien / Central Asia*. Berlin: Ernst Wasmuth.

References

- Akishev, K.A., Baypakov, K.M., Yezakovich, L.B. 1972. *Drevniy Otrar (topografiya, stratografiya, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Almaty: Nauka (in Russian).
- Baypakov, K.M. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 2, 201—209 (in Russian).
- Baypakov, K.M. 2014. In: *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition))*. Bk. III. Pt. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana (in Russian).
- Baytanayev, B.A., Petrov, P.N., Bragin, A.O. 2020. *Denezhnoye obrashcheniye v Yuzhnom Kazakhstane v III — XV vv. (Currency circulation in South Kazakhstan in the 3rd — 15th centuries)*. Bk. 1. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana (in Russian).
- Baytanayev, B.A., Petrov, P.N., Shaykhutdinova, E.F. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 4, 43—54 (in Russian).
- Bugarchev, A.I., Petrov, P.N. 2018. *Monetnyye klady Bulgarskogo vilayata XIII — pervoy treti XIV vv. (Coin treasures of the Bulgar vilayat of the 13th — the first third of the 14th centuries)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).
- Vostochnyye monety 2013: Alimbay, N., Petrov, P., Beltenov, Zh. (eds.). 2013. *Vostochnyye monety iz fondov Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan. Almatinskiy klad chagataidskikh monet. Illyustrirovanny nauchnyy katalog (Oriental coins from the funds of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Almaty treasure of Chagataid coins. Illustrated scientific catalogue)*. Vol. 1. Bk. 1. Almaty: Tsentral'nyy gosudarstvennyy muzey RK (in Russian).
- Vostochnyye monety 2014: Alimbay, N., Petrov, P., Beltenov, Zh. (eds.). 2014. *Vostochnyye monety iz fondov Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan. Almatinskiy klad chagataidskikh monet. Illyustrirovanny nauchnyy katalog (Oriental coins from the funds of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Almaty treasure of Chagataid coins. Illustrated scientific catalogue)*. Vol. 1. Bk. 2. Almaty: Tsentral'nyy gosudarstvennyy muzey RK (in Russian).
- Guruleva, V.V. 2018. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XX, 144—173 (in Russian).
- Davidovich, E.A. 1972. *Denezhnoye khozyaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoyevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.) (The monetary economy of Central Asia after the Mongol conquest and the reform of Mas'ud-bek (13th century))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Davidovich, E.A. 1987. In *Vtoraya Vsesoyuznaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy (Second All-Union Numismatic Conference. Abstracts of reports and messages)*. Moscow: [s.n.], 7—10 (in Russian).

- Dovudi, D. 2007. *Klad Chaganianskikh dirkhmov XI v. iz Khasara (Treasure of Chaganiian dirhams of the 11th century from Hasar)*. Dushanbe: A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Rep. Tajikistan (in Russian).
- Yeleuov, M. 2007. *Gorodishche Buzyk (Settlement Buzyk)*. Almaty: Aruna (Collection of monuments of history and culture of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda region) (in Russian).
- Kuleshov, V.S., Yakushechkin, A.V. 2016. In: Zakharov, E.V. (ed.). *Numizmaticheskiye chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2016 goda. Moskva, 22 i 23 noyabrya 2016 g. Materialy dokladov i soobshcheniy (Numismatic readings of the State Historical Museum 2016. Moscow, November 22 and 23, 2016. Materials of reports and communications)*. Moscow: OOO "Shiryakov i Ko", 29—31 (in Russian).
- Petrov, P.N. 2004. In *Monety i medali. Sbornik statey po materialam kollektsii otdela numizmatiki GMII im. A.S. Pushkina (Coins and medals. Collection of articles based on materials from the collection of the numismatics department of the Pushkin State Museum of Fine Arts)* II, 169—239 (in Russian).
- Petrov, P.N., Koshevar, V.G. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov (Antiquities of the Volga region and other regions)*. Iss. V. Vol. 4. Moscow; Nizhniy Novgorod: Numizmaticheskaya Literatura, 226—234 (in Russian).
- Petrov, P.N., Baytanayev, B.A., Shaykhutdinova, E.F. 2020. In *Arkheologiya Kazakhstana (Archaeology of Kazakhstan)* 3, 107—121 (in Russian).
- Rashid ad-Din. 1960. *Sbornik letopisey (Collection of chronicles)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Cribb, J. 2019. Fifth Century Sasanian Coins Found in Guangdong Province, South China. *Journal of the Oriental Numismatic Society* 236. Summer, 5—10.
- Fedorov, M., Kočnev, B., Kurbanov, G. 2008. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. XVa Buhara / Samarqand. Mittelasien / Central Asia*. Berlin: Ernst Wasmuth.

Рис. 1. Местоположение городища Присырдарьинский Бозок по отношению к расположению г. Туркестан.

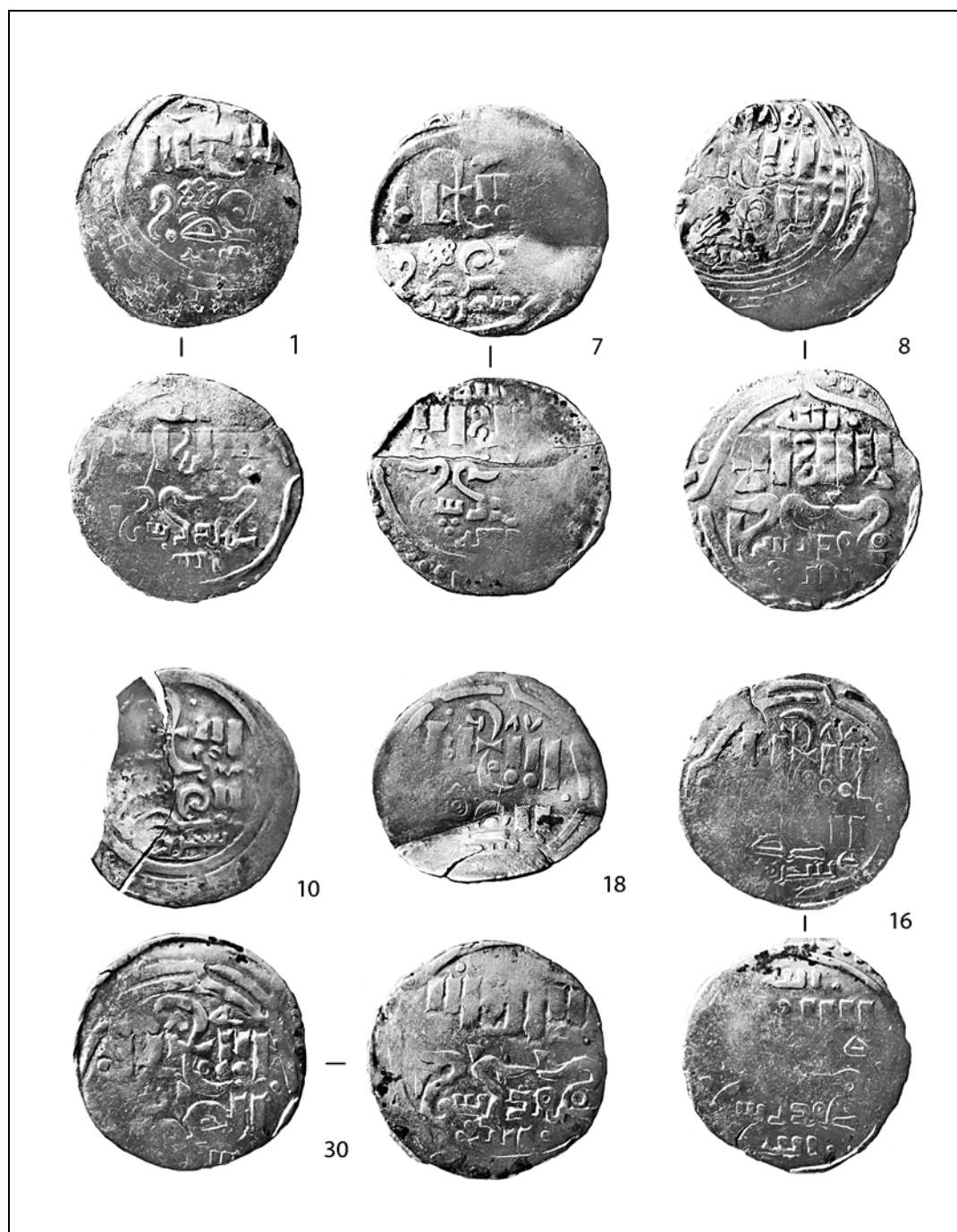
Fig. 1. The location of the settlement of Prisyrdarya Bozok in relation to the location of Turkestan.

Рис. 2. Развалины цитадели городища Бозок.

Fig. 2. The ruins of the citadel of the settlement of Bozok.

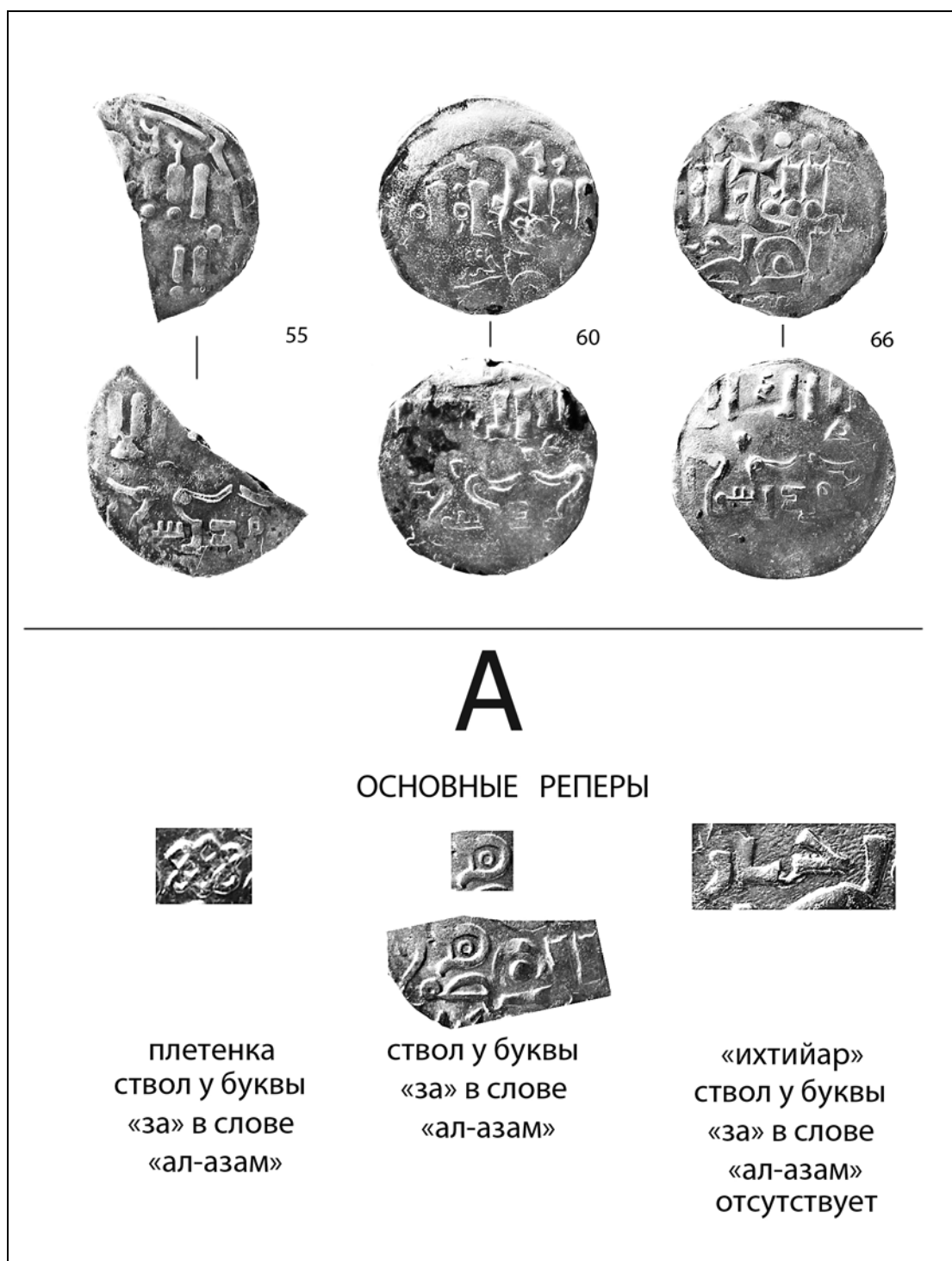
Фототабл. 1. Дирхамы Самарканда из клада, найденного в 2014 г. в ближайшей округе городища Присырдарьинский Бозок.

Phototabl. 1. Dirhams of Samarkand from a treasure found in 2014 in the nearest district of the settlement of Prisyrdarya Bozok.

Фототабл. 2. Дирхамы Самарканда из клада, найденного в 2014 г. в ближайшей округе городища Присырдарьинский Бозок.

Phototabl. 2. Dirhams of Samarkand from a treasure found in 2014 in the nearest district of the settlement of Prisyrdarya Bozok.

Фототабл. 3. Дирхамы Самарканда из клада, найденного в 2014 г. в ближайшей округе городища Присырдарьинский Бозок. А — основные реперы на монетах, помещавшиеся в определенные годы чеканки монет.

Phototabl. 3. Dirhams of Samarkand from a treasure found in 2014 in the nearest district of the settlement of Prisyrdarya Bozok. A — the main reference points on coins that were placed in certain years of coinage.

Эпиграфика

Epigraphy

УДК 930

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.35.71.033

Natia Phiphia, Ekaterine Kobakhidze

**TO THE QUESTION OF THE IDENTIFYING KING AMAZASP OF IBERIA,
QUEEN DRACONTIS AND A ROYAL OFFICIAL ANAGRANES MENTIONED
IN THREE GREEK INSCRIPTIONS FOUND IN MTSKHETA***

Three Greek inscriptions found in Mtskheta reveal interesting information about Ancient Iberian royal court. However, identification of each of the persons, especially the king, is quite problematic. Still, there are some possibilities to deal. King of Iberia is mentioned in all three inscriptions, one of them reveals his name fully, another one partially, while king's name is lost in the third one, however, one passage may still give us some hints about his identity or at least about Roman aspirations of Iberian court. Queen Dracontis is known only from one inscription. As for the royal official — commander in-chief and the only minister of Iberian king Anagranes, he is mentioned in all three inscriptions, being himself the sponsor of all the constructions. The paper focuses more on the issue of identification of King Amazasp mentioned in these inscriptions and some other issues connected with the major topic.

Key words: Iberia, Mtskheta, Amazasp, Dracontis, Anagranes, Epitropos.

About the authors: Phiphia Natia¹, PhD in History, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Kobakhidze Ekaterine², PhD in Philology, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Contact Information: ¹20179, Georgia, Tbilisi, Chavchavadze av. 1. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: ¹ntpipia@yahoo.com; natia.phiphia@tsu.ge. e-mail: ²ekaterine.kobakhidze@tsu.ge.

Натия Пипия, Екатерина Кобахидзе

**К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЦАРЯ ИБЕРИИ АМАЗАСПА,
КОРОЛЕВЫ ДРАКОНТИСЫ И КОРОЛЕВСКОГО ЧИНОВНИКА АНАГРАНА,
УПОМЯНУТЫХ В ТРЕХ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ, НАЙДЕННЫХ В МЦХЕТЕ**

Три греческие строительные надписи, найденные в г. Мцхета, содержат весьма ценную информацию о царском дворе Древней Иберии. Но идентификация каждой персоны, особенно иберийского царя, по ним крайне проблематична. Однако некоторые выводы все же можно сформулировать. Так, царь Иберии упомянут во всех трех надписях. Первая из них содержит его имя полностью, вторая — частично, а в третьей оно утрачено, хотя один пассаж все-таки дает возможность его установить, а также указывает на проримскую ориентацию Иберийского царского двора. Царица Драконтис известна только по одной надписи. Главнокомандующий и единственный министр Иберийского царя Анагранес упомянут во всех трех надписях. Что не случайно. Ведь он выделил средства на постройки. Статья в основном касается идентификации царя Амазаспа, упомянутого в этих надписях, а также других вопросов, связанных с этой проблемой.

Ключевые слова: Иберия, Мцхета, Амазасп, Драконтис, Анагранес, Эпитропос.

Сведения об авторах: Пипия Натия¹, доктор истории, Тбилисский государственный университет им. Ивана Джавахишвили; Кобахидзе Екатерина², доктор филологических наук, Тбилисский государственный университет им. Ивана Джавахишвили.

---

* The research was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation (SRNSF). Research grant “Greek and Roman Epigraphy of the Graeco-Roman Era as a Source for Georgian History” (№ FR-18-2216).

Статья поступила в номер 16 августа 2021 г.

Принята к печати 5 сентября 2021 г.

Контактная информация: ^{1,2}0179, Грузия, г. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 1, Тбилисский Государственный Университет им. Ивана Джавахишвили; e-mail: ¹ntpipia@yahoo.com; natia.phiphia@tsu.ge; ²ekaterine.kobakhidze@tsu.ge.

In 1993 and 1995, two well-processed fragments of a sandstone were found in the Bagineti district of Mtskheta, which are preserved at the Mtskheta Archaeological Institute (No. 01/2-8; No. 01-2-69). The inscription on it will be referred below as **“Queen Dracontis’ Inscription from Bagineti”**.

According to T. Kaukhchishvili, the sizes of the lower part of the fragment are: $12.5 \times 17,5 \times 9$ — 10 cm., while the sizes of the upper part — $11 \times 11 \times 8$ — 8.4 cm. Greek inscription is beautifully engraved on the tile and transcribed through Greek capital letters. The corners of the letters are incised and then connected by linking lines. At the top of the fragment are the remnants of two lines of inscription and only one letter is preserved at the top of the third line. There are seven lines on the lower fragment. The upper four lines consist of larger letters (height about 2 cm.), the lower four lines — of relatively tightly written smaller letters. The height of the letters in the seventh line is 1 cm. The inscription uses 17 letters of the Greek alphabet, some letters are used once, some numerous (Kaukhchishvili 2000: 227).

T. Kaukhchishvili offered such transcription of the inscription:

...ΛΕΩΣ
ΙΑΝΗΣ
ΦΕΥ...
ΤΡΟΠΟ...
ΝΑΜ.
ΑΝΙΟΝ ΚΤΙΣΑ
ΙΔΙΑΤΡΟΦΙΜΗ
ΔΡΑΚΟΝΤΙΔΙ ΒΑΣ
ΙΛΙΣΗ ΑΦΙΕΡΩΣΕΝ

And restored the text in the following manner:

[βασι]λέως...[τρο]φεύ[ς] [καί ἐπὶ]τροπο[ς] νᾶμ[α] [βαλ]ανεῖον κτίσα[ς] ἰδίᾳ τροφίμῃ Δρακοντίδι βασιλίσ[σ]ῃ ἀφιέρωσεν.

T. Kaukhchishvili’s translation is as follows:

“A king’s... foster-father and commander-in-chief sponsored the making of this underground pipeline and a thermae (or pipeline for thermae) and donated it to Queen Dracontis” (Kaukhchishvili 2000: 227).

D. Braund translated it almost in the same way: “...of ... King, Anagranes, foster-father and steward with his own resources having fitted out (?) the bath-building (?) for his own nurtured Dracontis, queen, dedicated (it)” (Braund 2002: 26).

The inscription, as it appears from the text, is of a donative nature. The king’s only minister and commander-in-chief put the water pipe to the bath and sacrificed it to Queen Dracontis. The queen’s name is of Greek provenance and is confirmed for the first time in Georgian onomasticon.

To secure dating, T. Kaukhchishvili relied on the outline of the letters and attributed the inscription to the 2nd — 3rd centuries CE. The language of the inscription is Koine, written in smooth Greek. Several deviations from the classical norms are also seen. One case of iotacism ει/ι (βαλανεῖον—βαλανίον) is present and, also one σ is used instead of two in the word βασιλίσῃ (Kaukhchishvili 2000: 227).

This inscription is probably related to another one found in Mtskheta, which mentions the King Amazasp. These two inscriptions were connected to each other by D. Braund. The scholar believed that the Queen Dracontis, mentioned in both inscriptions, must be the same person and also, he pointed out that she is the daughter of the king of Armenia, the daughter of Vologases, and also, she is the wife of Amazasp, king of Iberia. In this inscription D. Braund restored the name of the tutor and commander-in-chief¹ Ἀναγράνης. Anagranes is indeed mentioned in his inscription from Mtskheta with the Reference to king Amazasp (see below) and D. Braund's logic is based on a dual title. In both inscriptions the same person has the title τροφεύς and ἐπίτροπος and the word ... ἄνης is definitely seen in front of τροφεύς (Braund 2002: 23—24). It is difficult to determine who these two persons are and which king Amazasp of Kartli we are dealing with.

Another inscription which is connected with the previous one is “**Anagranes’ Inscription from Mtskheta with the Reference to King Amazasp**”.

A sandstone slab with the Greek inscription (field No. 01-6-81-1), discovered by an archeological expedition in 1996 near a Roman-type bath, is kept at the Mtskheta Institute of Archeology. The sizes of the inscription are: width — 32 cm, height — 29 cm, thickness — 8 cm. All four edges of the slab are well processed and not damaged, but according to T. Kaukhchishvili, it is also a continuation of the inscription starting on a well-processed slab — Queen Dracontis’ Inscription from Bagineti (Kaukhchishvili 2000: 227). The inscription was first published by T. Kaukhchishvili (Kaukhchishvili 1998: 11—14).

The letters of the inscription are equal and beautifully drawn (height of the letters — approximately 2,5 cm., width — approximately 2 cm.). It contains eight lines, there are 13—15 letters in each line, except for the eighth line. Here after 10 letters the whole word is spelled in two lines (six letters on the first line, three on the second) with the same capital letters as the whole inscription.

Transcription is as follows:

ΑΡΜΕΝΙΑΚΟΥΟΛΟ-+
ΓΑΙΚΟΥΓΥΝΑΙΚΙΔΕ
ΒΑΣΙΛΕΩΣΙΒΗΡΩΝ
ΜΕΓΑΛΟΥΜΑΖΑΚ
ΠΟΥΑΝΑΓΡΑΝΗΣΟ
ΤΡΟΦΕΥΣΚΑΙΕΠΙΤΡ
ΠΟΣΙΔΙΑΔΥΝΑΜΙ
ΤΟΒΑΛΛΑΝΙΟΝ ΑΦΙΕΡΩ
CEN

T. Kaukhchishvili restored, completed and translated the text as follows:

Reconsruction: Ἀρμενίας Οὐλογαίσου γυνάκι δὲ βασιλέως Ἰβήρων μεγάλου Ἀμαζάσπου Ἀναγράνης ὁ τροφεύς καὶ ἐπίτρ[ο]πος ἰδίᾳ δυνάμει τὸ βαλανεῖον ἀφιέρωσεν.

¹ Braund defined it as “steward”, but scholars mostly agree that it is a tutor of the king, also, commander-in-chief and the only minister of Iberian king.

Completed text: [woman's name in dative + θυγατρί δὲ βασιλέως] Ἀρμενίας Οὐλογαίου γυναικί δὲ βασιλέως Ἰβήρων μεγάλου Ἀμαζάσπου Ἀναγράνης ὁ τροφεύς καὶ ἐπίτροπος ἰδίᾳ δυνάμει τὸ βαλανεῖον ἀφιέρωσεν.

Translation: woman's name in dative + to the daughter of Vologases, king of Armenia, and to the wife of Amazasp, the Great king of Iberia, Anagranes, foster-father and commander-in-chief donated this bath built by his own expenses (Kaukhchishvili 2000: 228).

Thus, the inscription is a donation again. It mentions historical figures: the great king of Iberia, **Amazasp**, and the king of Armenia **Vologases**. Both of these names are well known according to historical sources. Regarding the identification of persons, T. Kaukhchishvili has indicated that **Amazasp II** was the son of **Pharasmanes IV**, who reigned in circa 3rd century. She also mentioned that if this is the Amazasp mentioned in the inscription of Shapur I (242—272), it means that he definitely reigned in the middle of the 3rd century. As for King Vologases (Valarsh) II of Armenia, he ruled the country in 186—198 CE. It is clear from the inscription that the daughter of Vologases (Valarsh) is the wife of the king of Iberia.

T. Kaukhchishvili believes that the name “Anagranes” is Greek (ἄναγρον, ἀνιγρον 1. a sinner in need of religious purification, cast out, cursed; 2. donated, sacrificed + ending ης). The terms denoting the position of Anagranes are: τροφεύς and ἐπίτροπος. ἐπίτροπος is an official, in this case commander-in-chief and the only minister of Iberian king and τροφεύς – an educator, a tutor, a foster-father and a governor, which corresponds to Georgian “*mamamdzudze*” (Kaukhchishvili 2000: 228).

Anagranes mentioned in the inscription is not known from other sources apart from other inscriptions found in the same place. D. Braund believes that the tutor and royal official mentioned in the inscription of the Queen Dracontis from Baginetti and the tutor and royal official Anagranes of this inscription are both the same person (Braund 2002: 23—24). Therefore, Dracontis may be the daughter of the king of Armenia, but his name is lost in this inscription (Braund 2002: 27).

Based on the information about historical figures mentioned and, also on palaeographic data, T. Kaukhchishvili dates the inscription back to the 2nd — 3rd centuries CE. Characteristic signs: two types of writing Α — punctuated and straight, two representations of υ through Υ and V, ε, ο, ζ are rounded, the parts Β, Ρ, Φ are also rounded, μ has widened lateral lines but is angular. Of special interest is the writing of ω — it is connected by two angular broken lines between two parallel vertical lines. There is one ligature (NH) and two cases of iotacism: βαλανιον (= βαλανεῖον) — strength (= power). ἐπίτροπος is an unintentional mistake of the performer, *lapsus calami* (Kaukhchishvili 2000: 228).

For a complete solution of this thorny issue, we consider it necessary to review all the necessary options for the identification of the persons mentioned in the inscription. Queen Dracontis, as well as her tutor and royal official Anagranes, are not known from other sources, hence they can neither help us to identify King Amazasp and king Vologases, nor can they help us to date the inscription accurately.

For the exact identification of Amazasp we must mention all the Amazasps that are known to us from the Georgian narratives. From the “Conversion of Kartli” and “Life of Kartli” we know one Amazasp who is the heir of Arsok and a “co-ruler” of Deruk (“Conversion of Kartli”) or Derok (“Life of Kartli”). Also another Amazasp is known from these two sources — son of Ghadam (Adam) and predecessor of Rev the Just (Abuladze 1963; Kaukhchishvili 1955) The inscription of Kaaba-i-Zardosht of Shapur I also mentions King Amazasp of Iberia, who seems to have reigned in Iberia in the middle of the 3rd century. This Amazasp G. Tsereteli equated with the prince

mentioned in another Persian inscription — Habza (Tsereteli, manuscript)². This also aligns with the identification of T. Mgaloblishvili and S. Rapp (Mgaloblishvili, Rapp 2010: 263—290). It should be additionally noted that Mgaloblishvili and Rapp identified this Amazasp with the Amazasp of the Anagranes inscription (Mgaloblishvili, Rapp 2010: 273). However, since the prince Habza is a Manichaean, they think he may be the third-century king Amazasp, as well as the Amazasp from the Anagranes' inscription, rather than the Amazasp of the "Life of Kartli", the son of Ghadam, since Manichaeism did not exist during the reign of Amazasp, son of Ghadam. Consequently, Mgaloblishvili and Rapp only acknowledge the information from "Life of Kartli" and for them the Amazasp from epigraphic material is only Amazasp III (Mgaloblishvili, Rapp 2010: 273). At the same time, Amazasp III is Parthia's candidate for the throne of Iberia against the pro-Roman Mihrdat II, an anti-king (Mgaloblishvili, Rapp 2010: 275). However, it should be mentioned that Rapp and Mgaloblishvili somehow ignored the importance of king Vologases in dating Anagranes' inscriptions. Thus, their argument is not very strong.

The inscription of Vespasian from Mtskheta mentions Yamazaspuh, who is considered by some scholars to be a prince, although T. Kaukhchishvili's translation clarifies that it is not Amazasp, as it is in the inscriptions of Dracontis and Anagranes, but Yamazaspuh — a female (Kaukhchishvili 2000: 25)¹. Moreover, the context shows that the queen is mentioned here and not the prince. The existence of the names of a woman and a man with the same origin does not seem unusual in Iberia. Therefore, the Yamazaspuh in the inscription of Vespasian cannot be in any way related to the inscriptions of Dracontis and Anagranes.

There is also another Amazasp, mentioned in the inscription of the 2nd century found in Rome. This Amazasp was not a king, he belonged only to the royal dynasty, and he did not reign as a king. Apparently he died during the emperor Trajan's eastern expedition. Consequently, even this Amazasp cannot be the Amazasp mentioned in the inscriptions of Anagranes and Dracontis.

The only possible options left are the Amazasp from the Persian inscriptions and the two Amazasps from "Life of Kartli" and "Conversion of Kartli". In order to solve the connection of the Amazasp of Persian inscriptions to Amazasp mentioned in Georgian narratives, and also to Amazasp mentioned in Anagranes' inscriptions it is necessary to consider two well-established facts:

- Amazasp of Persian inscriptions, probably the same Habza, reigned in the 60s of the 3rd century;
- Amazasp mentioned in the inscription of Anagranes is a younger contemporary of the King Vologases the I of Armenia or of Vologases II of Armenia (aka Vologases V of Parthia), due to the fact that he is married to his daughter.

The younger contemporary of King Vologases of Armenia, be it Valarsh (Vologases) I or Valarsh (Vologases) II, could not be the ruler in the 60s of the 3rd century, as Valarsh II's reign ended in 198 CE and a marriage, supposedly aimed at bringing the two royal families closer together, would take place under his rule and even if afterwards, after 60 years of his reign his daughter would be too old to marry someone. Consequently, Amazasp from the Persian inscriptions cannot be related to the King Amazasp associated with the inscriptions of Anagranes and Dracontis.

Now as for Amazasp I and Amazasp II mentioned in "Life of Kartli" and "Conversion of Kartli". What do we know about them?

We have very little information about Amazasp I. He is referred to as the "co-ruler" of Derok (Deruk). Supposedly, he reigned in 106—116 CE and was the son of Mithridates I (Mihrdat I). He cannot be identified with the person mentioned in the Vespasian stele since this inscription mentions Yamazapuhi, female name not a male name. The brother of Mithridates I is Amazasp,

² Unpublished manuscript is kept on personal archive of G. Tsereteli. S. Rapp and T. Mgaloblishvili found this material from there.

mentioned in the Roman epigram, whose name seems to have been given to his nephew. The younger contemporary of Amazasp I seems to be King Valarsh (Vologases) I of Armenia (117—140) (Bournoutian 2002: 42) who also happened to be a Parthian prince. Romans made Sohaemus king of Armenia after his death. Pharasmanes the Valiant is the successor of Amazasp according to “Life of Kartli” and “Conversion of Kartli”. Pharasmanes is considered to be the contemporary of Hadrian and Antonius Pius and his reign is dated based on this information. However, there is no any proof that Hadrian became emperor in the same year Pharasmanes became the king, therefore it is permissible that Hadrian was a contemporary of late Amazasp I. In this case, the King of Iberia, Amazasp, mentioned in the inscriptions of the Queen Dracontis and Anagranes, and the King of Armenia Vologases (Valarsh) might be contemporaries also. This coincidence makes possible to identify Iberian king Amazasp and Armenian king Vologases mentioned in Dracontis and Anagranes’ inscriptions with Amazasp I and Vologases I (Valarsh I) consequently.

As for the Amazasp II — “Conversion of Kartli” tells us only a name about him. We know his predecessor — Pharasmanes and the successor — Rev the Just. “Life of Kartli” offers a rather extensive narrative about him and according to it, the following important information can be distinguished:

- Before Amazasp II, Pharasmanes the Valiant was a king, then his successor — Adam (Ghadam), who reigned in 161—164 CE³, then Queen Ghadana ruled on behalf of Adam's son, Pharasmanes. It seems that this Pharasmanes reached adulthood and even managed to rule the country in his own name, afterwards his son Amazasp II became the king, hence the lower chronological limit of the beginning of Amazasp II rule does not fall below 180 CE;
- In the first years of Amazasp's reign, his rule was not challenged internally, but he fought several battles against the Ossetians and his nobles and his commander-in-chief (*spaspet*) stood by him;
- Armenians were his ally at first and then they deserted;
- Amazasp turned to Persians after losing alliance with Armenia (?)
- The Ossetians, the “Megris” (western Georgians), the king of the Armenians, the dukes (eristavi) (?) of Amazasp, the “Greeks” (the Romans in this context — N.Ph.) opposed Amazasp II;
- Rev the Just who became king after the defeat of Amazasp is the son of Armenian king and the nephew of Amazasp II.

Let us discuss the possibility that Amazasp of Anagranes’ inscription is Amazasp II of the “Life of Kartli”. Then it turns out that Amazasp married the daughter of the Armenian king, Vologases (Dracontis?) And at the same time, his sister married the Armenian king Vologases. In our opinion, such a dual dynastic marriage is impossible. Even if these dual marriages took place, supposedly Dracontis first married Amazasp, when Iberian king still had a good relationship with the king of Armenia, and Iberian social contract was generally calm, i.e. no one was opposing the king, he was fighting only with external enemies, and Rev the Just's mother, Amazasp's sister, since Rev the Just is a younger contemporary of Amazasp, either married at the same time or after his brother's marriage. More likely that happened afterwards. But in our opinion, a double dynastic marriage is still out of the question. Consequently, either Amazasp II is not Amazasp from the inscription of Anagranes, or Vologases is not the husband of Amazasp's sister, and therefore the father of Rev the Just is not Vologases II⁴, but is another king of Armenia, supposedly, Vologases’ successor — Khosrow I. If this is the case, it turns out that in the first years of his reign Khosrow

³ About the chronology of Adam’s enthronement see (Phiphia 2019: 484—490).

⁴ Toumanoff and S. Rapp are prone to think that Vologases was the husband of Amazasp’s sister, however apart from general chronological synchronicity they do not give us additional arguments.

married Amazasp's sister, and at the end of his reign, after about 15—20 years, after his son became an adult, he enthroned him on Iberian throne.

In the end, the sources we have do not seem to be enough to allow us the identification of Amazasp I or Amazasp II mentioned in the inscriptions of Queen Dracontis with the Amazasp of the queen Dracontis' inscription as well as it does not allow us to identify whether Vologases I or Vologases II is mentioned in these inscription. Both options seem possible. However, some additional comments can be made about this issue (see below).

Now as for the title and personality of Anagranes. D. Braund expressed an interesting opinion in this regard. He pointed out that there was a position of τροφεύς at the court of the Seleucids and Ptolemies, and that influence from these countries on Iberia was evident in Hellenistic period. So, the functions of this official should be the same in Iberia also. In addition, given that the Queen is Armenian, he suggested that Anagranes is her foster father and presumably he himself is of Armenian background: “we cannot assume that a king would always appoint a τροφεύς from within his kingdom: an outsider might well be préférable” (Braund 2002: 30). But in the same article he also thinks it permissible that Anagranes might have been an Iberian (Braund 2002:30).

In this regard, we note that first of all there is no evidence that Anagranes is the queen's tutor, there are only three inscriptions related to this context. The first (see above) directly states that he is the king's foster-father (Kaukhchishvili 2000: 227), In the second it is also explicitly stated that he was the king's foster-father (Kaukhchishvili 2000: 228—229), therefore there is no controversy in this issue. As for his ethnicity, there is nothing controversial here either. D. Braund assumes his Armenian background based only on the fact that he is the Queen's foster-father. On the basis of all information, the establishment of Anagranes' Armenian provenance is not well supported. In addition, it is also noteworthy that Anagranes is not only a foster-father but also a commander-in-chief and the only minister (*epitropos*) of the Iberian king. The *epitropos*, as Seraphita's inscription indicates, is “the achiever of king's many victories” (Tsereteli 1970: 770; Meliqishvili 1970), most likely, the commander – aka spaspes, who is less likely to have been an Armenian in Iberia since Iberia had quite frequent conflict with Armenia.

Another inscription connected with these historical figures is “Anagranes' Inscription Mentioning Iberian Daughters”. During the excavations of Bagineti in 1993 and 1996, two fragments of sandstone slabs were discovered. These slabs were parts of one whole slab (the sizes of both fragments are: 34 × 24 × 8—9 cm.).

According to T. Kaukhchishvili, currently eight lines are preserved. Only the left section of the first four lines is left, and the below four lines are preserved – twice as wide as the top, although it also lacks the right section. The letters are freely written and well differentiated. The letters in all rows are of the same height (3 cm.). It seems that the beginning of the inscription was written more widely. 16 letters are preserved (some letters are used several times), the full alphabet is missing 7 letters (ζ, κ, ξ, π, τ, χ, ψ) (Kaukhchishvili 2000: 228—229).

Transcription of the inscription is as follows:

ΒΑΣΙΛΑ..
ΩΣ. ΑΝ..
ΕΥΣ ΒΟ..
ΟΥ. ΒΑ..
ΦΑΙΗΟΙΑ..
ΙΒΗΡΩΝΘΥΓΑ
ΩΝ ΘΕΟΥΟ...

ΔΕΜΕΓΑΛΟ

T. Kaukhchishvili restored and translated the text in the following manner:

Restored text: Βασιλ[έως]...ως. Ἀν[αγράνης?] [τροφ]εὺς. βο ου. βα... ρηληιοια...Ἰβήρων θυγα[τέρ]. ων θεοῦ <ου> δέ μέγας[υ].

Translation: “Of king’s... foster-father Anagranes (?)... Of god of Iberian daughter, of great...” (Kaukhchishvili 2000: 228—229).

T. Kaukhchishvili believes that if her assumption was correct and AN... ΕΥΣ... is Ἀναγράνης τροφεὺς, the name of the king probably would have been “Amazaspos”.

T. Kaukhchishvili pointed out that the sacrificial inscription probably refers to the king, the daughters of the Iberian (king?), God and something great (μεγάλου), an official of the king must have sacrificed something to the daughters of the king. μέγας here must be defining θεοῦ. As for the beginning of the fifth line (ρηληιοια ...), if this word is a proper name or its ending, T. Kaukhchishvili thinks that it is possible to restore the form in the following manner: Κύριλλα, Κυρίλλα, Κυρίλλοϋς, Μυριλέα. These are female names. It is true that there are many such names for men, but here must be the name for woman or women (Kaukhchishvili 2000: 228—229).

Thus the inscription should have contained the name of the king, then the names of his official and the daughters (or at least one), and then the prayer to the great God. It is difficult to ascertain what was done and what was sacrificed to the king's daughters and what they asked the great God in their prayers (Kaukhchishvili 2000: 228—229).

T. Kaukhchishvili dated the inscription according to the outline of the letters approximately back to the 2nd — 3rd cc. CE based on the round and angular letters (C, O, E, Ω) used parallelly. Also of note is the punctuation mark in second and fourth lines, which is often used from the time of Hadrian (from the 30s of the 2nd century) to the middle of the 3rd century (Kaukhchishvili 2000: 228—229).

This inscription is related to two other inscriptions dated back to the same period — the inscription of the Queen Dracontis and the inscription of Anagranes mentioning the King Amazasp. T. Kaukhchishvili's assumption about the mentioning of the King Amazasp is correct, considering the fact that other inscriptions show that Anagranes was King Amazasp's official.

The meaning of the beginning of one word βο is not specified by T. Kaukhchishvili, in this regard we can say with much certainty that this is the beginning of the word. Many words begin in this way, but our attention is drawn to the fact that statistically most often this combination of letters is found as part of the word “βολῆ”. One of the meanings of this word is “a tax”. Given that Anagranes appears in other inscriptions as a donator, a sponsor of various constructions, it is possible that here this word may have the same meaning. Perhaps, some form of taxing was used to sponsor the construction.

We should pay attention to another aspect — issue of Roman citizenship among Iberian royals since these inscriptions might give us some clue. Kaukhchishvili, while restoring the content of “Queen Dracontis’ Inscription from Baginetti” did not restore one part, more specifically, the ending of the word “ιανης” in the second line. The words searched in the Greek epigraphic database with this combination of letters, are mostly proper names. This is the ending of the following names in dative case: Ἀδριανῆς, Μαρκιανῆς, Ἰουλιανῆς, Ποντιανῆς, Φλαβιανῆς, Τραιανῆς, Βαρβαριανῆς, Οὐλπιανῆς and etc. Our attention was drawn to the fact that it may also be a designation of the Flavius family name. The name of the king, who bore the name of Flavius, is engraved on a large silver plate found in Eastern Georgia dated back to the 2nd — 3rd cc. CE. In this regard, there is an opinion that some of the kings of Kartli were Roman citizens (Dundua 2017: 152—156). The inscription on this silver plate and the inscription of the Queen Dracontis are chronologically

synchronous. In the second line of this inscription the name of the king seems to be mentioned. None of the names of the well-known kings of Iberia mentioned in “Life of Kartli” or “Conversion of Kartli” (Mithridates, Pharasmanes, Khseparnug, Ghadam, Amazasp, Rev the Just, Vache, Bakuri) of the 2nd — 3rd centuries can have the *ιανης* ending in dative case. Therefore, in our opinion, here the only option is Iberian kings’ Roman nomen — Flavius. Note that the silver plate mentioning the king Flavius Dade of Iberia and the inscription of Queen Dracontis, within a wide chronological range (2nd — 3rd centuries), are still synchronous. Therefore, we can speculate that queen Dracontis might be the wife of an Iberian king who himself or his predecessor had Roman citizenship, of some king who is related to king Fravius Dades. The possibility of identification of Flavius Dades and king Amazasp mentioned in other inscriptions should not be ruled out also, however, we are prone to think that these two are different persons. The identity of Dracontis’ husband Amazasp was difficult to establish (see discussion above), we could not rule out neither Amazasp I nor Amazasp II, however, we do know who had a pro-Roman orientation — Amazasp I. Accordingly, this inscription dates all three inscriptions related to Anagranes to the era of Amazasp I.

References

- Abuladze, I. (ed.) 1963. *Moktsevai Kartlisai, Shatberdis krebuli. Dzveli kartuli agiograpiuli literaturis dzegebi (Conversion of Kartli, Shatberdi manuscript. Monuments of Ancient Georgian Hagiographic Literature)*. Vol. I. 5th — 10th cc. Tbilisi: Academy of Sciences of Georgia Press (in Georgian).
- Bournoutian, G. A. 2002. *A Concise History of the Armenian People: from Ancient Times to the Present*. Costa Mesa: Mazda Publishers.
- Braund, D. 2002. Anagranes the ΤΡΟΦΕΥΣ: the court of Caucasian Iberia in the second—third centuries AD. In: Kacharava D., Faudot, M., Geny, É. (eds.). *Autour de la mer Noire. Hommage de Otar Lordkipanidzé*. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 23—34 (ISTA 862).
- Dundua, T. 2017. *Sakartvelos udzvelesi da dzveli istoriis narkvevebi (Essays on Old and Ancient History of Georgia)*. Tbilisi: Meridiani (in Georgian).
- Kaukhchihvili, S. (ed.) 1955. *Kartlis tskhovreba (“Life of Kartli”)*. Vol. I. Tbilisi: Sakhelgami (in Georgian).
- Kaukhchishvili, T. 2000. *Sakartvelos berdnuli tsartserebis korpusi (Corpus of Greek Inscriptions in Georgia)*. Vol. II. *Eastern Georgia*. Tbilisi: Logosi (in Georgian).
- Kaukhchishvili, T. 1998. *Akhali berdnuli tsartsera armtsikhe-baginetidan (New Greek Inscription Discovered in Armaztsikhe-Bagineti) II(8). Essays*. Vol. IV (in Georgian).
- Meliqisvili, G. (ed.). 1970. *Sakartvelos istoriis narkvevebi (Essays in Georgian History)*. Vol. I. *Gruziya s drevneyshikh vremen do 4 v. n.e. (Georgia from ancient times to the 4th century CE)*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo (in Georgian).
- Mgaloblishvili, T. Rapp, S.H. 2010. Manichaeism in Late Antique Georgia? In: Jacob Albert van den Berg, J., A., Kotzé A., Nicklas, T., Scopello, M. (eds.). *Search of Truth. Augustine, Manichaeism and other Gnosticism*. Leiden: Brill, 263—290 (Nag Hammadi and Manichaean Studies 74).
- Phiphia, N. 2019. King Pacorus, Bakur of Lazi. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 484—490.
- Tsereteli, G. *Iveria akh. ts. mesame saukunis tsyaroebhi (Iveria in the 3rd century CE. Iranian Sources)*. On manuscript rights. Unpublished manuscript is kept on personal archive of G. Tsereteli (in Georgian).
- Tsereteli, G.V. 1941. *Armazskaya bilingva. Dvuyazychnaya nadpis', naydannaya pri arkheologicheskikh raskopkakh v Mtskheta-Armazi (Armazi Bilingual Inscription found during Archaeological Excavations of Mtskheta)*. Tbilisi: AN Gruz. SSR (in Russian).

УДК 281.81

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.71.57.034

Д.П. Шульга

**НЕСТОРИАНСКОЕ ХРИСТИАНСТВО В ТАНСКОМ КИТАЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИТАФИИ МИ ЦЗИФЭНЯ)***

Сформулированное выходцем из Антиохийской богословской школы, архиепископом Константинополя Несторием радикальное диофизитство не только вызвало активные споры внутри средиземноморского христианского мира, но и стало отправной точкой для стремительного продвижения евангельских идей в Азию вплоть до Дальнего Востока. Несмотря на то, что «теологумен» Нестория достаточно быстро вышел из богословской практики, мы знаем в западной историографии «сирийских христиан» Шёлкового пути как «несториан». При этом на территории КНР прежде всего через эпиграфические и археологические источники открывается масса новой информации о бытовании на территории Поднебесной «светлого учения» (известного экзонима, происходящего от имени Нестория, в Китае не знали, потому именовали новую религию «景教», где первый иероглиф означает «солнечный свет», «сияние», «блеск», а второй — «учение», «религия»). В настоящей работе автор, опираясь на открытые в последние десятилетия материалы, попытается отчасти реконструировать бытование христианства среди согдийцев, бывших одной из наиболее активных торговых наций на Великом Шёлковом пути. Одной из интересных категорий инвентаря, который мы видим нередко в погребениях согдийцев, являются ромейские монеты (а чаще — имитации таковых разной степени качества). Зачастую подобные «солиды» несут на себе и христианскую символику (впрочем, их общая семантика и функции дискуссионны). Но при этом, например, несторианское вероисповедание семьи Ми Цзифэня доказывают, что несторианская стела, установленная в Чанане отнюдь не одинокий и случайный артефакт. Хотя количество «последователей сияющего учения» в самой империи Тан и вассальных Китаю западных уделах точно оценить невозможно, совершенно точно, что немало христиан оттуда воздействовали на религиозную жизнь Поднебесной.

Ключевые слова: несторианство, Западный Край, Шёлковый путь, эпиграфика, империя Тан.

Сведения об авторе: Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

D.P. Shulga

**NESTORIAN CHRISTIANITY IN TANG CHINA
(ACCORDING TO THE EPITAPH OF MI JIFEN)**

Formulated by a native of the Antioch Theological School, Archbishop of Constantinople Nestorius radical diophysitism not only caused active controversy within the Mediterranean Christendom but also became the starting point for the rapid advancement of evangelical ideas into Asia up to the Far East. Despite

* Статья поступила в номер 11 сентября 2021 г.
Принята к печати 21 сентября 2021 г.

the fact that the “theologoumenon” of Nestorius quickly emerged from theological practice, we know “Syrian Christians” of the Silk Road as “Nestorians” in Western historiography. On the territory of the PRC (People's Republic of China), primarily through epigraphic and archaeological sources, at the same time it is revealed a lot of new information about the existence of a “bright doctrine” on the territory of the Celestial Empire (a famous exonym derived from the name of Nestorius who was not known in China, therefore they called the new religion “景教”, where the first hieroglyph means “sunlight”, “radiance”, and “brilliance”, and the second — “teaching”, “religion”). In this work, based on materials discovered in recent decades, the author will try to partially reconstruct the existence of Christianity among the Sogdians, who were one of the most active trading nations on the Great Silk Road. One of the interesting categories of equipment that we often see in the burials of Sogdians is Roman coins (and more often it is imitations of such of varying degrees of quality). Often such “solids” carry Christian symbols (though their general semantics and functions are debatable). But at the same time, for example, the Nestorian religion of the Mi Jifen family proves that the Nestorian stele installed in Changan is by no means a lonely and random artifact. Although the number of “followers of shining teachings” in the Tang Empire itself and Western destinies vassal to China cannot be accurately estimated, it is quite certain that many Christians from there influenced the religious life of the Celestial Empire.

Key words: Nestorianism, West Land, Silk Road, epigraphy, Tang empire.

About the author: Shulga Daniil Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the international Relations and Humanitarian Cooperation Department, Siberian Institute of Management — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: 630102, Russia, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya St., Siberian Institute of Management — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Несмотря на то, что в отечественной науке изучение несторианства в Западной Азии (Залесская 1998: 18—21) и раннесредневековом Китае было начато еще как минимум в советскую эпоху (Кычанов 1978: 76—85; Никитин 1984: 121—137) и продолжилось в XXI в. (Сальников 2002: 110—117), целый ряд важных источников по данной тематике до сих пор остаются неизвестными для русскоязычных исследователей. Одним из примеров является эпитафия Ми Цифэня (714—805 гг.), обнаруженная в 1955 г. на территории одного из западных пригородов г. Сиань, в районе Тумэньцунь. Несмотря на давность находки, она практически не представлена в отечественной научной литературе (в англоязычных работах подчас фигурирует (Ashurov 2013: 55)), являясь, при этом, ценнейшим источником как для востоковедения, так и для истории христианства. Полное название данного эпиграфического источника звучит как «唐神策军散府将游骑将军守武卫大将军兼试太常卿上柱国米继芬墓志铭», что можно перевести примерно как «Эпитафия Ми Цифэня, командира конной дворцовой гвардии, сановника, высшей опоры государства». Далее автор приведёт художественный перевод текста:

«Носитель запретного для написания¹ имени Цифэнь происходил из аристократического рода княжества Мигу в Западном Крае, имел множество талантов и добродетелей. Дед достопочтенного носителя запретного имени (*имеется ввиду Цифэнь — прим. Д.Ш.*) занимал в своей стране высокий пост помощника министра. Отец, хотя был по происхождению из народа тюркшей, даже находясь далеко [от Поднебесной], жаждал испытать облагораживающее влияние добродетельного царствования, он прибыл в столицу, где удостоился милостей и был приглашён ко двору, получил назначение на должность «левого»² командующего, оберегающего

¹ Запрет на написания имён вводился для императоров, видных сановников и философов как свидетельство почтительности. Вместо имени, принятом при жизни, нередко вводилось «посмертное» имя.

² В Китае и ряде сопредельных с ним стран в древности и средние века имели место «левые» и «правые» должности, отличавшиеся как по региону компетенции, так и по старшинству.

государство. Сын (*имеется ввиду Цзифэнь — прим. Д.Ш.*) воспитывался в китайской традиции и унаследовал таланты и положение отца, поступив в гвардию. [Цзифэнь] с юности проявлял почтение к старшим, уважение к родственникам, ревностно служил государству, он культивировал в себе семь достоинств и четыре добродетели. Его поведение всегда было прямодушным, поступки — честными, он всегда, даже в сложных ситуациях, следовал моральному долгу. Словом, таланты и достойные подражания личные качества были подобны спелым плодам, что склоняют ветви деревьев или глубочайшим озёрам. В почтенном возрасте его сразили недуги. В конце концов, свершивший столькие подвиги и благодеяния ушёл от нас навсегда. В первый год царствования под девизом Юнчжэнь, на девятый месяц в двадцать первый день он скончался в уезде Лицюань в собственном доме. На тот момент ему было девяносто два года. Девятнадцатого числа двенадцатого месяца тело было помещено для временного погребения в столице, Чанане, у Ворот дракона. Вдова, госпожа Ми Ши вскоре последовала за мужем, не выдержав горечи утраты. У усопшего осталось два сына. Старший [по имени Гоцзин] хорошо продвинулся на государственной службе, став одним из «правых» командующих, служил в Нинъюане, а также занимался охраной столицы. Младший [по имени Сююань] окружил себя мудростью и выбрал путь монаха, поселился при храме религии Великой Цинь. Траур по усопшему был долгим. Все предавались неподдельной скорби и соблюдали ритуалы. В конце концов, погребальные мероприятия были завершены в должной форме и была создана эта недостойная эпитафия, лишь отчасти передающая неисчислимые достоинства покойного. Говорится: судьба государства трудна, но беззаветная преданность и чувство долга остаются в веках. Доблестный и могучий всегда обретает славу. Достоин тот, кто даже рискуя жизнью стремится проявлять лучшие качества. Сокрушающий козни становится достойным почёта. Умерший был высокопоставленным военачальником, прожил долгую жизнь в уважении, и ушёл в высокие залы блаженства после болезни. Стойкий и непоколебимый, как сосна и кипарис, он ушёл в чертоги запада. И потому помещена сия эпитафия»³.

Перед нами, казалось бы, достаточно типичный китайский текст, с традиционными метафорами и оборотами. Запад выступает как направление, куда уходят души усопших, а сосна и кипарис являются символом непреклонности. Имеются отсылки к конфуцианству, например, принципу сыновней почтительности (*сяо*). Но четыре иероглифа, в отношении младшего сына, «住大秦寺» представляют для истории христианства в Китае колоссальный интерес. Перевод фразы — «живет в храме [религии] Великой Цинь». Может показаться, что последний топоним вполне ясен и означает Римскую державу (включая и период Восточной империи). Это в основном верно, однако здесь есть ряд нюансов. Еще Ф. Хирт на рубеже XIX—XX вв., проанализировав большое количество письменных источников сформулировал свою точку зрения, согласно которой, Великая Цинь (позже — Фулинь), было не Римской империей со столицей в Риме, а только ее восточной частью, а именно Сирией и

³ Данный перевод на русский язык является, очевидно, первым, так что автор считает необходимым привести также текст на китайском языке, идентичный оригинальному, но с добавлением современных знаков препинания (Гэ Чэньюн 2001: 181—182): 大唐左神策军故散副将游骑将军守左武卫大将军同正兼试太常卿上柱国京兆米府君墓志铭并序。乡贡进士翟运撰并书。公讳继芬，字继芬，其先西域米国人也，代为君长，家不乏贤。祖讳伊西，任本国长史；父讳突骑施；远慕皇化，来于王庭，邀质京师，永通国好。特承恩宠，累践班荣。历任辅国大将军，行左领军卫大将军。公承袭质子，身处禁军；孝以敬亲，忠以奉国；四善在意，七德居心；信行为远迹所称，德义实闾里咸荷。风神磊落，度量宏深；爱以尊年，因婴疾疹。何图积善无庆，奄从逝川去。永贞元年九月廿一日终于礼泉里之私第，春秋九十二。以其年十二月十九日，安厝于长安县龙门乡龙首原，礼也。夫人米氏，痛移夫之终，恨居孀之苦。公有二男，长曰国进，任右神威军散将，宁远将军，守京兆府崇仁府折冲都尉同正。幼曰僧思圆，住大秦寺。皆号慕绝，哀毁过礼；攀恩罔极，闷擗崩摧。虑陵谷迁移，以贞石永固。远奉招纪德，实惭陋于文。铭曰：国步顷艰兮，忠义建名。雄雄英勇兮，膺时间生。尝致命兮，竭节输诚。殄凶孽兮，身授官荣。位崇班兮，是居禁营。寿既尊兮，遽其疾苦。去高堂兮，永归泉户。列松柏于凤城之西，封马鬣于漕渠之浒。

прилегающими районами (Hirth 1913: 200—203). Если принять такую трактовку, то «религия Великой Цинь» может переводиться по смыслу не как «Римская религия», а как, например, «Сирийская религия».

Ф. Хирт и более поздние исследователи чаще всего брали информацию из пяти письменных источников, составленных во II—VI вв. н.э.:

1. «Хоу Ханьшу» за авторством Фань Е (范曄), который жил между 398 и 445 гг., во время правления династии Лю-Сун (劉宋朝);

2. «Вэй Люэ» (краткая история Вэй) был составлен историком Юй Хуаном (魚豢) до 297 г.;

3. Памятник «Цзинь шу», который был составлен в VII в.;

4. «Вэй шу», т.е. История династии Северная Вэй» (北魏朝). «Вэй шу» относится к периоду между 386 и 556 гг., но во многих моментах цитирует высказывания «Хоу Ханьшу» и «Вэй люэ». Автор — Вэй Шоу (魏收);

5. Памятник «Сун шу», был составлен Шен Юэ (沈約), историком династии Лян (梁朝) в VI в.

Все пять китайских источников описывают, кроме прочего, географию Великой Цинь. Согласно данным источникам, Великая Цинь находится в Хайси (海西), т.е. к западу от моря. Кроме того, «Вэй люэ» указывает на то, что страна расположена к западу от Аньси⁴ (安息), Тяочжи и Великого моря (大海). Помимо этих данных, «Хоу Ханьшу» дает более подробную информацию: в 3400 ли (里) к западу от Аньси находится королевство Аман (阿蠻), пройдя 3600 ли к западу от Амана можно добраться до Сибина (斯賓), отсюда нужно повернуть на юг, пересечь реку и отправиться на 960 ли на юго-запад в царство Юйло (于羅). Это крайняя западная граница Аньси, откуда нужно идти вдоль моря на юг, и добраться до Великой Цинь.

Источники также дают информацию о столице Великой Цинь. Согласно «Вэй люэ», она находится в устье реки, «Цзинь шу» добавляет, что протяженность города составляет более ста ли, в «Вэй шу» говорится, что название столицы — Аньду⁵ (安都). В данных пяти источниках есть также некоторые подробности об управлении в Великой Цинь: «Ежедневно король отправлялся во дворцы, чтобы решать вопросы. Он посещал все дворцы в течение пяти дней».

«Хоу Ханьшу» и «Вэй люэ» дают подробности образа жизни в Великой Цинь. Согласно китайским представлениям, жители Великой Цинь окружали города стенами, ставили павильоны (亭) через каждые 10 ли, а почтовые станции (置) через каждые 30 ли, как в Поднебесной, ездили в маленьких экипажах, покрытых белым навесом, под барабанный бой, размахивая флагами. «Вэй люэ» и «Цзинь шу» указывают, что они понимали письменность иноземцев и имели многоэтажные общественные и частные здания. Кроме того, местные жители высокие и добродетельные, напоминают китайцев. Они бреют свои волосы и бороду, а также, как сообщает «Вэй люэ», могут использовать магию.

Все пять источников дают представление о хозяйстве Великой Цинь. Согласно, например, записям «Хоу хань шу», в регионе было много различных видов деревьев, таких как сосны, кипарисы, ивы, бамбук и так далее. Кроме того, жители сажают зерно, разводят лошадей, мулов, верблюдов, ослов и шелкопрядов (Norral 2011: 279—299).

Некоторая причудливость китайских представлений о Средиземноморье в первую очередь объясняется отсутствием прямых сношений и «общением через третьих лиц». Можно утверждать, что опосредованные контакты были весьма масштабными. На это указывают как многочисленные оформленные в античном стиле артефакты, обнаруженные в западных (Jones 2009: 23—32) и центральных (Гэ Чэньюн 2015: 111—125) районах КНР (Гэ Чэньюн 2018: 58—

⁴ Обычно трактуется как китайское название Парфии.

⁵ Дословно — «умиротворённая столица».

69), так и ромейские солиды (Li Qiang 2005: 279—299) и их имитации (Ло Фэн 1993: 17—19). Причем обе категории инвентаря есть даже в степной зоне севернее Китая, на территории современной Монголии (Го Юньян 2016: 115—123).

Отдельным фактором было несторианство. Оно возникло из антиохийского богословия Феодора Мопсуестийского, и постепенно было вытеснено из *Rex Romana* в глубины Азии. Именно это учение, как отмечалось выше, и было названо в Поднебесной «религией Великой Цинь» (У Чансин 2015: 187—215). Однако следует учитывать, что к тому моменту, когда христиане из Сирии дошли до Китая, их собственные представления о жизни в Средиземноморье могли сильно исказиться. К этому также следует добавить, что многие несториане и вовсе были изначально подданными державы Сасанидов.

Помимо дальних расстояний важную роль играли те языки, на которых в Чанань приносили известия о дальней империи на западе. Прибавим к этому еще и свойственную любому народу, особенно в рамках традиционного общества, интерпретацию чужого через привычное. Примечательно, однако, что источники демонстрируют уважение Хань, Тан и других династий к Римской (в т.ч. Восточной) державе (Christopoulos 2012). Очевидно, что интеллектуалы в Поднебесной признавали, что их Среднее государство находится на одном культурном уровне с «Великой Цинь». На это указывает и само выбранное название. Историческое Цинь — западное китайское царство, объединившее к концу III в. до н.э. все другие уделы в первую империю. Потому условный Рим понимался как «великая держава на западе, сопоставимая с Китаем». С раннего средневековья, очевидно, престиж ромейского государства был высок, в том числе, благодаря распространившимся по Великому Шёлковому пути золотым солидам (Го Юньян 2006). Учитывая вышесказанное естественно, что до сих пор остается открытым вопрос, относится ли термин «Великая Цинь» ко всей Римской Империи или только её восточным регионам. Думается, что всё зависело от конкретного источника. При всей дискуссионности дефиниций, эпитафия Ми Цзифэня и иные эпиграфические источники (Ян Гунлэ 2009: 120—121) указывает, что несторианство в империи Тан ассоциировалось именно с Великой Цинь.

Уникальность переведённой автором эпитафии заключается в том, что перед нами одно из свидетельств двойственности позиций христианства в раннесредневековом Китае. С одной стороны, у нас мало свидетельств активного включения собственно «хуася»⁶ в церковную жизнь. Но с другой — можно уверенно говорить о том, что служилые иноплеменники, сделавшие карьеру в эпоху Тан, не просто проявляли интерес к несторианству, но, уже добившись включения в наследственную аристократию, отдавали своих сыновей в монахи (или, как минимум, не порицали это и не препятствовали).

Примечательно, что похожая ситуация повторилась и в эпоху Юань (1271—1368 гг.), после того как бассейн сперва Хуанхэ, а затем и Янцзы, был завоеван монголами. На могильнике Аолуньсуму (городской округ Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР) было обнаружено погребение несторианина Аулабяня Тецзямусы из племени онгутов. Ушедший в тридцать шесть лет, он дослужился до титула *даругачи*, т.е. чиновника, контролировавшего деятельность управленцев, приглашаемых из-за границ империи⁷. Среди последних христиане также присутствовали. Это доказывает расположенный в горах Иньшань несторианский

⁶ Дословно «просвещённые люди ся», самоназвание основного этноса Центральной равнины Китая, происходящее от названия первой полулегендарной династии.

⁷ Монголы с одной стороны не доверяли китайцам, особенно южанам, а с другой не имели достаточно количества собственных чиновников. Потому активно призывали на службу в госаппарат согдийцев, киданей и представителей других народов, обобщённо именуемых «сэмужень», дословно «люди с [разно]цветными глазами».

некрополь Ванмулян, где покоились представители клана Елюй, очевидно, происходившие от каракитаев (Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй 2013: 199—209).

Приведённые выше примеры наглядно демонстрируют, что и в раннее средневековье (при Тан), и в XIV в. христианство было в Поднебесной не только религией торговцев, действовавших на Шёлковом пути, к нему принадлежала и заметная часть высокопоставленных деятелей из числа служилых иноземцев, вполне инкорпорированных в китайское общество. По традиции мы именуемых последователей «религии Великой Цинь» несторианами (Чжан Сюйшань 2006: 76—88), однако реконструировать их христологию, к сожалению, не представляется возможным. При этом совершенно точно, что богословие у них было, так как явно наличествовали храмы и монастыри. Весьма вероятно, что радикальный диофизитский «теологумен» Нестория о «Христородице» был уже забыт, так что по своему вероучению Ми Цзифэн⁸ и его сын—монах, Аулабянь Тецзямусы, «чёрные кидани» из рода Елюй, равно как и христиане-тюрки (Ню Жуцзи 2000: 62—67) были достаточно близки к халкидонскому символу веры.

Литература

- Залесская В.Н. 1998. Христиане на Востоке: Мелькиты. Монофиситы. Несториане. Каталог выставки. В: Пиотровский М.Б. (ред.). *Христиане на Востоке: Искусство мелькитов и инославных христиан*. Санкт-Петербург: Славия, 18—21.
- Кычанов Е.И. 1978. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии. *Палестинский сборник. Филология и история* 26 (89), 76—85.
- Никитин А.Б. 1984. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). В: Литвинский А.Б. (ред.) *Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи*. Москва: ГРВЛ, 121—137.
- Сальников С.К. 2002. Истории распространения несторианства в Китае. *Вестник Челябинского государственного университета* 1, 110—117.
- Ashurov B. 2013. *Tarsākūyā: an analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources*: PhD Thesis. London: SOAS University of London.
- Christopoulos L. 2012. Hellenes and Romans in Ancient China. *Sino-Platonic Papers* 230, 1—79.
- Hirth F. 1913. The Mystery of Fu-lin. *Journal of the American Oriental Society* 33, 193—208.
- Hoppál K. 2011. The Roman Empire according to the ancient Chinese sources. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 51, 279—299.
- Jones R.A. 2009. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China. *The Silk Road* 6/2, 23—32.
- Li Qiang. 2005. Roman coins discovered in China and their research. Eirene. *Studia Graeca et Latina* 51, 279—299.
- Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. 2013. 魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань. *边疆考古研究 Бяньцзян каогу яньцзю* 4, 193—212.
- Го Юньян. 2006. 中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究 *Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций*. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры университета Нанькай.
- Го Юньян. 2016. 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия). *草原文物 Цаоюань вэньу* 1, 115—123.
- Гэ Чэньюн. 2001. 唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 Несторианские верования согдийской семьи в Чанане в период династии Тан. *历史研究 Лиши яньцзю* 3, 181—186.
- Гэ Чэньюн. 2015. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан. *故宫博物院院刊 Гугун боююанькань* 3, 111—125.
- Гэ Чэньюн. 2018. “醉拂林”：希腊酒神在中国 «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. *草原文物 Цаоюань вэньу* 1, 58—69.

⁸ Справедливости ради, следует отметить, что прямых указаний на христианское вероисповедание самого Ми Цзифэня у нас нет. Китайский исследователь Гэ Чэньюн в своей работе 2001 г. считал, что к несторианам принадлежала всё семейство, Б. Ашуров в диссертации несколько осторожнее (Ashurov 2013: 55).

- Ло Фэн. 1993. 关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане. 中国钱币 *Чжунго цянъби* 4, 17—19.
- Ню Жуцзи. 2000. 中国突厥语景教碑铭文献概说 Обзор тюркских несторианских надписей в Китае. 民族语文 *Миньцзу юйвэнь* 4, 62—67.
- Чжан Сюйшань. 2006. 景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае. 世界历史 *Шичзе лishi* 6, 76—88.
- У Чансин. 2015. 大秦景教研究述评 Рецензия на исследование Цзинцзяо в эпоху Великой династии Цинь. 基督教文化学刊 *Journal for the Study of Christian Culture* 34, 187—215.
- Ян Гунлэ. 2009. 《大秦景教流行中国碑》若干史实考析 Анализ некоторых исторических фактов о несторианской стеле в Китае. 史学史研究 *Шисюеши янджу* 2, 120—121.

References

- Zalesskaya, V.N. 1998. In: Piotrovskiy, M.B. (ed.). *Khristiane na Vostoke Iskusstvo mel'kitov i inoslavnykh khristian (Christians in the East. The art of the Melkites and non-Orthodox Christians)*. Saint Petersburg: Slaviya, 18—21 (in Russian).
- Kychanov, E.I. 1978. In *Palestinskii sbornik. Filologiya i istoriya (Palestinian collection. Series: Philology and History)* 26 (89), 76—85 (in Russian).
- Nikitin, A.B. 1984. In: Litvinskiy, A.B. (ed.) *Vostochnii Turkestan i Srednyaya Azia. Istoriya. Kul'tura. Svyazi (East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Communication)*. Moscow: GRVL, 121—137 (in Russian).
- Salnikov, S.K. 2002. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University)* 1, 110—117 (in Russian).
- Ashurov, B. 2013. *Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources*: PhD Thesis. London: SOAS University of London.
- Christopoulos, L. 2012. Hellenes and Romans in Ancient China. *Sino-Platonic Papers* 230, 1—79.
- Hirth, F. 1913. The Mystery of Fu-lin. *Journal of the American Oriental Society* 33, 193—208.
- Hoppál, K. 2011. The Roman Empire according to the ancient Chinese sources. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 51, 279—299.
- Jones, R.A. 2009. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China. *The Silk Road* 6/2, 23—32.
- Li Qiang. 2005. Roman coins discovered in China and their research. Eirene. *Studia Graeca et Latina* 51, 279—299.
- Wei Jian, Zhan Xiaowei. 2013. Archaeological research of the Onguts' heritage and traces of Nestorianism in the Yinshan Mountains. *Bianjiang kaogu yanjiu* 4, 193—212 (in Chinese).
- Guo Yunyan. 2006. *Study of Byzantine coins and their imitations discovered in China*. Tianjin: Graduate School of Nankai University (in Chinese).
- Guo Yunyan. 2016. The characteristics of gold and silver coins from the Turkic Grave in Mongolian Bayan-Nur. *Caoyuan wenwu* 1, 115—123 (in Chinese).
- Ge Chengyong. 2001. The Nestorian belief of a sogdian family in Chang'an in Tang Dynasty. *Lishi yanjiu* 3, 181—186 (in Chinese).
- Ge Chengyong. 2015. Cultural ties between Europe and Asia according to heritage sites from Han to Tang. *Gugong bowuyuankan* 3, 111—125 (in Chinese).
- Ge Chengyong. 2018. “Drunk whisk”: the Greek Wine God in China. *Caoyuan wenwu* 1, 58—69 (in Chinese).
- Luo Feng. 1993. Discussion of imitations of East Roman gold coins produced in Xi'an. *Zhongguo qianbi* 4, 17—19 (in Chinese).
- Niu Ruji. 2000. Review of Türkic Nestorian inscriptions in China. *Minzu yuwen* 4, 62—67. (in Chinese).
- Zhang Xushan. 2005. The spread of Nestorianism to the east and the Greco-Byzantine cultural influence in China. *Shijie lishi* 6, 76—88 (in Chinese).
- Wu Changxing. 2015. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: a Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text. *Journal for the Study of Christian Culture* 34, 187—215 (in Chinese).
- Yang Gongle. 2009. Analysis of some historical facts about the Nestorian stele in China. *Shixyueshi yangju* 2, 120—121 (in Chinese).

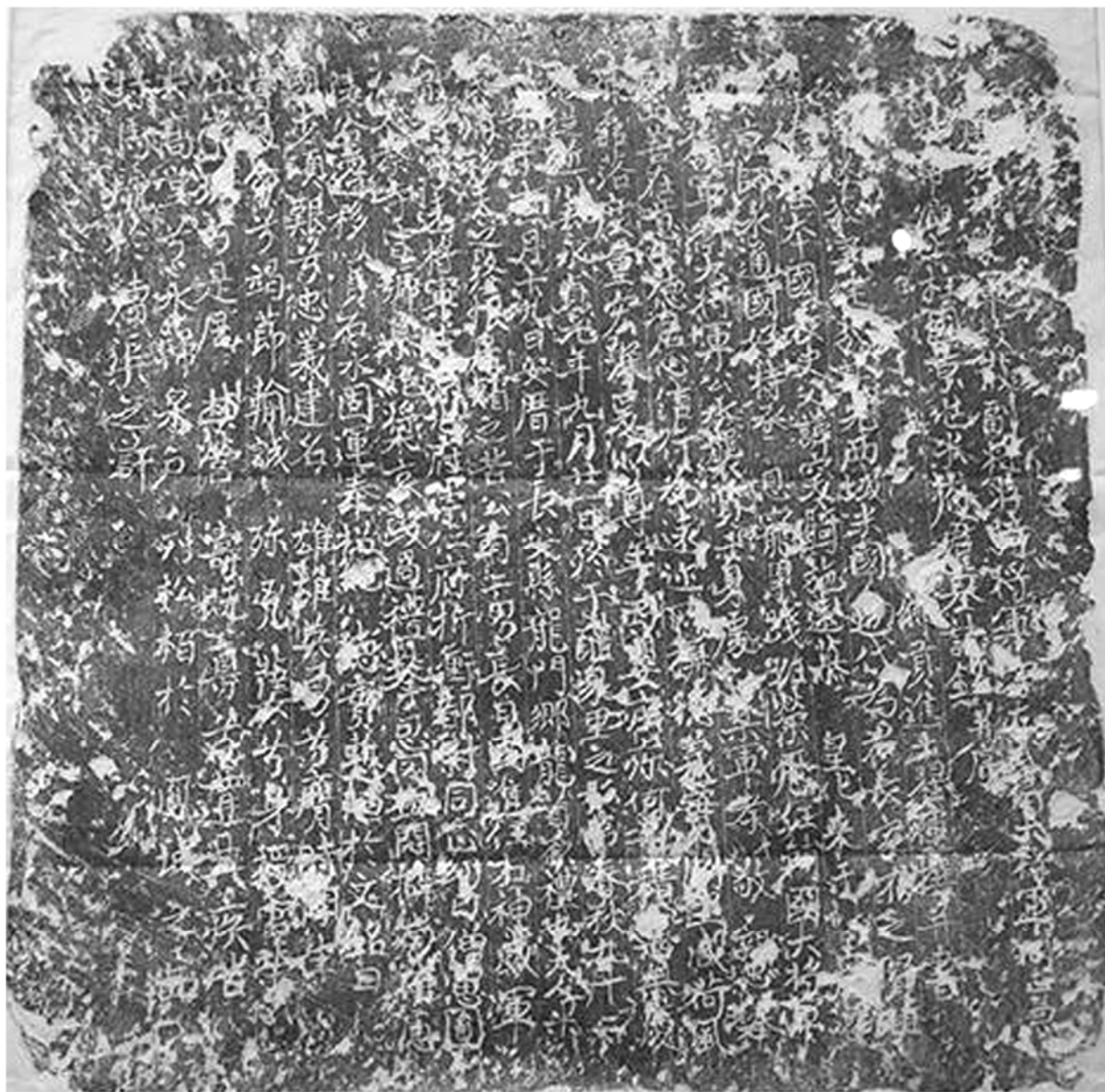

Рис. 1. Эпитафия Ми Цифэня (протирка), представленная на выставке по истории династии Тан в Национальном музее Китая в сентябре 2018 г.

Fig. 1. Epitaph of Mi Jifen (rubbing), presented at the exhibition on the history of the Tang dynasty at the National Museum of China in September 2018.

УДК 904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.28.23.035

М.С. Гаджиев, М.А. Гасанов

**САРКОФАГООБРАЗНЫЙ НАДМОГИЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК
С КУФИЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ДЕРБЕНТА
XI—XII вв.***

В 2020 г. в ходе охранно-спасательных археологических наблюдений в Дербенте был выявлен мусульманский могильник, представляющий обособленный участок некогда обширного средневекового городского некрополя Дербента, располагавшегося за пределами архитектурного выделенного *шахристана*. Данный участок насчитывает свыше 80 саркофагообразных надмогильных памятников, которые условно именуются по их форме «саркофаги» и датируются последней третью XI—XII вв. Среди них представлен единственный саркофаг, на южной продольной боковой стороне которого имеется взрезная надпись — эпитафия, выполненная на арабском языке почерком *куфи*. Текст ее гласит: «Это могила Мухаммада, лудильщика. Да будет над ним милость Аллаха!».

Памятник представляет редкий образец саркофагообразных надмогильных памятников с надписью. Согласно эпитафии, погребенный являлся лудильщиком и эта информация расширяет круг ремесленных специальностей, существовавших в Дербенте XI—XII вв., и служит указанием на специализацию ремесленного труда в обработке цветных металлов, учитывая существование в это время в Дербенте изготовителей медных предметов, медников. Вместе с тем, в тексте эпитафии, очевидно, следует видеть не только указание на профессию, но и прозвище погребенного — Мухаммад ал-Лакхим «Мухаммад Лудильщик». Не исключено, что этот саркофаг был установлен над погребением одного из уважаемых представителей суфийской общины Дербента последней трети XI—XII вв.

Ключевые слова: Кавказ, Дербент, Баб ал-абваб, мусульманский некрополь, надмогильный памятник, эпитафия, арабоязычная эпиграфика, *куфи*.

Сведения об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович¹, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Гасанов Магомедрашид Анварбекович², декан факультета востоковедения Дагестанского государственного университета.

Контактная информация: ¹367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: murgadj@rambler.ru; ²367026, Россия, г. Махачкала, пр. имама Шамиля 16, Дагестанский государственный университет, факультет востоковедения; e-mail: gasanoffrashid@mail.ru.

M.S. Gadjiev, M.A. Gasanov

**SARCOPHAGOUS TOMBSTONE WITH KUFIC INSCRIPTION
OF THE DERBENT MUSLIM NECROPOLIS
OF THE 11th — 12th cc.**

In 2020 during secure and rescue archaeological observations in Derbent, the Muslim burial ground, representing once vast separate section of medieval urban necropolis of Derbent outside the architecturally allocated *shahristan*, was identified. This site has more than 80 sarcophagus-shaped tombstones, which are conventionally referred to by their shape as “sarcophaguses” and dated to the last third of the 11th — 12th

* Статья поступила в номер 11 июня 2021 г.
Принята к печати 10 июля 2021 г.

centuries. Among them there is a single sarcophagus, on the southern longitudinal side of which there is an inset inscription — epitaph, written in Arabic in *Kufi handwriting*. Its text reads: “This is the grave of Muhammad, the tinsmith. May Allah have mercy on him!”.

The monument is a rare example of sarcophagus-shaped tombstones with inscription. According to the epitaph, the buried man was a tinker and this information expands the range of craft specialties that existed in Derbent in the 11th — 12th centuries, and indicates the specialization of handicraft work in the processing of non-ferrous metals, taking into account the existence of manufacturers of copper objects, coppersmiths in Derbent. At the same time, the text of the epitaph shows not only the profession, but also the nickname of the buried man — *Muhammad Lahim* “Muhammad Tinsmith”. It’s possible that this sarcophagus was installed over the burial of one of the respected representative of the Sufi community in Derbent of the last third of the 11th — 12th centuries.

Key words: Caucasus, Derbent, Bab al-abwab, Muslim cemetery, tombstone, epitaph, Arabic epigraphy, Kufic writing.

About the authors: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich¹, Dr. habil. (History), Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Gasanov Magomedrashid Anvarbekovich², Dean of the Faculty of Oriental Studies, Dagestan State University.

Contact information: ¹367030, Russia, Makhachkala, M. Yaragsky st. 75, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: murgadj@rambler.ru; ²367026, Russia, Makhachkala, Imam Shamil Ave. 16, Dagestan State University, Faculty of Oriental Studies, e-mail: gasanoffrashid@mail.ru.

В феврале-марте 2020 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН проводила археологические наблюдения в рамках мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия федерального значения — достопримечательное место «Цитадель и исторический город в крепостных стенах Дербента» – на территории городского парка им. Низами Гянджеви. Парк расположен непосредственно за северной городской оборонительной стеной средневекового города, на участке между оборонительными башнями № 46—50. В результате проведенных работ был выявлен мусульманский могильник, представляющий обособленный участок некогда обширного средневекового городского некрополя, располагавшегося за пределами архитектурного выделенного шахристана (рис. 1). Данный участок насчитывает свыше 80 саркофагообразных надмогильных памятников, условно именуемых по их форме «саркофаги» (а также — «сундуки», «сундукообразные», «полуцилиндрические»), как сгруппированных, так и расположенных обособленно (рис. 2).

Описание надмогильного памятника

Рассматриваемый саркофаг № 40 находится немного обособленно и располагается на четырех каменных плитах разного размера (рис. 2, 3), которые образуют небольшую площадку—постамент размерами около 3,1 × 1,6 м. Размеры плит постамента: восточная поперечная — 160 × 56—73 см; южная и северная продольные — длина 175 см, ширина, очевидно, около 0,6 м (точно не определена из-за установленного сверху на стыке двух плит саркофага); западная поперечная — 137 × 61 см; толщина плит 10—11 см. Судя по другим подобным постаментам, саркофаг накрывает имеющийся узкий просвет между двумя продольными плитами. Массивный корпус саркофага имеет стрельчатую форму с узкими полами в виде ступени. Корпус саркофага имеет незначительные повреждения — обломана верхняя часть восточного края корпуса. Параметры надмогильного камня: корпус саркофага

имеет длину 186—190 см, ширину 62 см, высоту 41—48 см; полы саркофага имеют длину 196 см, ширину 7 см (с учетом ширины корпуса и полов общая ширина памятника составляет 76 см), толщина их — 12 см.

Саркофаг, как и остальные надмогильные памятники данного участка городского некрополя, расположен *in situ* и ориентирован длинной осью почти по линии ЮВ—СЗ в соответствии мусульманскими нормами. Судя по наблюдениям, такие памятники устанавливались над погребениями в каменных ящиках—цистах, сложенных из хорошо отесанных 4—6 прямоугольных плит и имевших ориентацию ту же или в западный сектор. На южной продольной боковой стороне саркофага в верхней части имеется врезная надпись — эпитафия, выполненная на арабском языке почерком *куфи* (рис. 4, 5). Текст ее гласит:

«Это могила
Мухаммада, лудильщика.
Да будет над ним
милость Аллаха!»

هذا القبر لمحمد لاحم رحمه الله —

Датировка памятника

Анализируемый памятник — редкий образец подобных надмогильных саркофагообразных камней с сохранившейся эпитафией. Обычно такого типа памятники не имеют текстов. В этом уникальность выявленного надмогильного памятника. В Дагестане среди около 500 саркофагообразных памятников известно только несколько имеющих тексты. Это четыре памятника в Дербенте (включая рассматриваемый), два — в Кала-Корейше (Дахадаевский район Республики Дагестан), один — в Уркарах (Дахадаевский район Республики Дагестан) и три — в Гимейди (Дербентский район Республики Дагестан).

В сел. Гимейди (вар. Химейди, Хумайди), идентифицируемом с ал-Мухаммадийа ал-Йакуби (ум. 905) и дербентской хроники «Тарих ал-Баб» (начало XII в.) (Генко 1941: 86—87) и где нами было зафиксировано 62 саркофагообразных памятника на двух могильниках, имеются три саркофага с куфической надписью «Аллах», расположенной на торцевой стороне в характерной врезной прямоугольной рамке с трапециевидным выступом сверху (вариант *tabula ansata*). Все три объекта находятся на могильнике, именуемом тюрк. *Шахид дашлар* («Камни шахидов»).

В сел. Уркарах, где ранее было около 20 саркофагообразных памятников, Э.В. Кильчевской был выявлен саркофаг с эпитафией, фотография которого была передана Л.И. Лаврову, позже опубликовавшему текст и частично сделанный им перевод арабской куфической надписи, помещенной в верхней части боковой продольной стороны камня: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного ... Да помилует его Аллах!». Надпись отнесена к XI—XII вв. (Лавров 1963: 276, рис. 10¹; 1966: 77, 275, табл. XI: 62).

В сел. Кала-Корейш зафиксировано около 15 надмогильных саркофагообразных памятников, два из которых на боковой продольной стороне имеют плохо сохранившиеся эпитафии следующего содержания: 1) «Это могила ...к, сына Ибрахима»; 2) «... сын...». Оба текста палеографически датированы А.Р. Шихсаидовым XI—XII вв. (Магомедов, Шихсаидов 2000: 51).

Большое количество саркофагообразных надмогильных камней существовало в Дербенте, немалое количество их содержали надписи. Эти памятники изображены на

¹ В иллюстрации к данной статье надпись воспроизведена не полностью.

известной гравюре 1638 г. с видом Дербента Адама Олеария (рис. 1), побывавшего в городе, осмотревшего северный некрополь города и записавшего, в частности: «По сию сторону Дербента мы застали чрезвычайно много надгробных и могильных плит; их было несколько тысяч штук; они были длиною более человеческого роста, закруглены вроде полуцилиндра и выдолблены, так что можно было лежать в них; на них были высечены арабския и сирийския письма» (Олеарий 1906: 486). Позже эти сведения повторил побывавший в Дербенте в 1671 г. Ян Стрейс (Стрейс 1935: 236).

На сегодняшний день в Дербенте суммарно насчитывается свыше 200 саркофагообразных надмогильных памятников — наиболее многочисленные собрания их, входившие в состав обширного северного городского некрополя, протянувшегося от городских ворот тюрк. *Джарчи-капы* («Ворота вестника») и почти до моря, представлены на открытом в 2020 г. участке в парке им. Низами (св. 80 экз.), в местности тюрк. *Кафирлярин кабирляри* («Могилы неверных»), расположенном к северу и северо-западу от ворот *Джарчи-капы* (несколько десятков саркофагов), и на особо почитаемом мусульманском кладбище тюрк. *Кырхляр* («Сороковник»), находящемся за северной городской оборонительной стеной в 575 м к северу от городских ворот тюрк. *Кырхляр-капы* («Ворота сорока [мучеников]»; араб. باب الجهاد *Баб ал-джихад* — «Ворота священной войны»).

На последнем расположено свыше 40 саркофагообразных надмогильных камней (длина 1,80—3,5 м, ширина 0,5—1,0 м, высота 0,5—0,9 м), на двух из которых (расположенных в центре и наиболее крупных, длиной 3,1 м и 3,5 м) ныне едва видны следы стершихся арабских текстов в стиле цветущего куфи, сделанных в низком рельефе. Текст одной из них записал в 1827 г. Э. Эйхвальд, датировавший памятник XI—XII вв. Надпись гласит: «[Во имя] Аллаха милостивого, мило[сердного] ... Касим. Это могила ... [Ибра]хима, сына ...» (Шихсаидов 1984: 124—127).

Не известно, к сожалению, где находился надмогильный камень с надписью, обнаруженный в Дербенте и публиковавшийся в XIX в. Э.И. Эйхвальдом и Х.Д. Френом, а в наше время переизданный Л.И. Лавровым (Лавров 1966: 71, табл. VII: 43). На торцевой стороне памятника, как и на саркофаге в Гимейди, в рамке типа *tabula ansata* с одним верхним выступом помещена надпись «Аллах», а на продольной стороне в верхней части эпитафия: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это могила Ах..., покорного, ... Да помилует его Аллах!».

Наиболее пространный и информативный надпись высечена на одном из саркофагов почитаемой группы могил, известной под названием Джум-джум и расположенной на южном некрополе Дербента на расстоянии около 300 м к ЮЮВ от ворот Баят-капы южной городской оборонительной стены. Этот саркофаг — один из наиболее крупных (длина 3,45 м, ширина 0,69 м, высота 0,81 м), он имеет рельефные, в стиле цветущего *куфи* надписи на обеих продольных сторонах и врезные куфические надписи на боковых торцевых гранях. Памятник уникален и примечателен тем, что это единственный среди саркофагообразных надмогильных камней, на котором имеется дата — 469 г.х., т.е. в 1076—1077 г.; надпись сообщает, что «это могила Махмуда б. Аби-л-Хасана, сына убитого на пути Аллаха» (Лавров 1966: 61, 266, табл. II: 10—10г; Шихсаидов 1984: 15—20).

Таким образом, саркофагообразные надмогильные памятники, выявленные на территории Дагестана, датируются по палеографическим и эпиграфическим данным XI—XII вв. или уже — последней третью XI—XII вв., учитывая их появление здесь в связи с сельджукской экспансией на Восточном Кавказе (Гаджиев 2018: 10—22; там же библиография). Этим временем датируется и новооткрытый участок с такими надмогильными камнями и входящий в его состав рассматриваемый саркофаг с эпитафией.

Интерпретация памятника

Текст надписи на саркофаге содержит наименование профессии погребенного Мухаммада — согласно эпитафии, он являлся лудильщиком (لاحم *лахим*). И это весьма интересная историческая информация, расширяющая круг ремесленных специальностей, существовавших в Дербенте XI—XII вв. Как известно, лужение было самым тесным образом связано с обработкой цветных металлов, изготовлением медной, бронзовой, латунной посуды, утвари. И упоминание профессии лудильщика в Дербенте может быть указанием на существенную специализацию ремесленного труда в обработке цветных металлов, учитывая существование в это время в Дербенте изготовителей медных предметов, медников (نحاس، صفار *наххас, саффар*) — литейщиков и чеканщиков. Дербентский теолог и мистик Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди (ок. 1065—1145), автор суфийской энциклопедии «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»; написано на рубеже XI—XII вв.), среди своих последователей и преемников, а также передатчиков традиции (*иснад*) суфийского братства в городе называет и медника — *ан-наххас* (Саидов 1963: 5; 1991: 26). Позднее в Дербенте упоминается и квартал ремесленников—медников.

М.-С. Саидов обратил внимание на то, что «большинство имен перечня (*иснада*) проживающих в городе Дербенте, автор начинает именно с ремесленников, торговцев», и перечисляет их (Саидов 1963: 5; 1991: 26). Кроме упомянутого медника, ад-Дарбанди в числе представителей ремесленно-торгового люда города (или «народ/люди/жители ал-Баба», как их именует дербентская хроника XI в. «Тарих ал-Баб» (Минорский 1963: 49, 52, 53, 57, 61—63 сл.) называет также бумагоделателя (изготовитель, продавец книг) (الوراق *ал-варрак*), шелковод (الخزاز *ал-хаззаз*), рыболова (السماك *ас-саммак*), мыловара (الصبان *ас-саббан*), портного (الخياط *ал-хаййат*), лесоруба (الحطاب *ал-хаттаб*), мельника (الدقاق *ад-даккак*), а также проповедника (الواعظ *ал-вауиз*), оратора (الخطيب *ал-хатиб*) и др. (Саидов 1963: 5; 1991: 26). Здесь следует обратить внимание на то, что, как отмечал Е.Э. Бертельс, в среде ремесленников активно действовали суфийские организации, «на суфийские маджлисы, устраивавшиеся дервишскими шейхами, собиралось много слушателей, большинство которых составляли ремесленники и мелкие торговцы», а «сами шейхи были чаще выходцами из тех же кругов ремесленников, на что указывают хотя бы их прозвания: Хаддад (кузнец), Саррадж (шорник), Кассар (строитель) и т.п.» (Бертельс 1960: 523). В числе известных суфийских деятелей были носившие прозвища (*лакаб*) Накшбанд («чеканщик»), Хайям («Палаточник, изготовитель шатров»), Халладж («чесальщик хлопка»), Касаб («мясник»), Джаззар («мясник»), Кулал («гончар»), Табиб («лекарь»), Агтар («аптекарь, парфюмер»), Наххас («медник»), Саффар («медник-литейщик») и др.

Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди в своем сочинении тоже приводит имена ряда известных ему суфийских шейхов, имевших *лакабы*, образованные по производственному принципу, по роду занятий (منسوب، تخصص *мансуб, тахассус*), в их числе: Омар б. Салам Кузнец (الحداد *ал-Хаддад*), Хамдан б. Ахмад Белильщик (тканей) (القصار *ал-Кассар*), Абу Бакр Мухаммад б. Омар Бумагоделатель (الوراق *ал-Варрак*), Абу ал-Хусейн ас-Саид Ювелир (النقاش *ал-Наккаш*), Мухаммад б. Ибрахим Стекловар (الزجاج *аз-Заджадж*), и в том числе суфиев XI в., которых, видимо, лично знал ад-Дарбанди — ал-Хасан б. Али Мельник (الدقاق *ад-Даккак*), Абдул-Аббас Мясник (الجزار *ал-Джаззар*), Абусахл Плотник (النجار *ан-Наджар*), «наш наставник» Абу ал-Касим Бумагоделатель (الوراق *ал-Варрак*), Джафар Шорник (السراج *ас-Саррадж*), Абу Тахир Лесоруб (الحطاب *ал-Хаттаб*) и др. (Саидов 1963: 5; 1991: 26; см.: Аликберов 2003).

Из этого следует, что в тексте эпитафии выявленного надмогильного памятника над могилой Мухаммада, очевидно, следует видеть не просто указание на профессию погребенного, а его лакаб-прозвище — *Лаким* «Лудильщик». Судя по форме памятника, наличию специального постамента, высеченной эпитафии, не исключено, что этот саркофаг был установлен над погребением одного из достойных, уважаемых представителей мусульманской общины и суфийского братства Дербента последней трети XI—XII вв. Вместе с тем, очевидно, что в пассаже, в котором ад-Дарбанди перечисляет представителей *иснада* (см. выше), следует понимать не только и не столько указания на их профессии, а лакабы хорошо известных суфиев, которых он называет не по именам, а по их прозвищам. На эту мысль наводит не только вышеотмеченная традиция давать суфиям прозвища по роду занятий, но и сам контекст сочинения (перечисление известных последователей данной суфийской общины) и тот факт, что в указанном перечне упоминаются бумагоделатель (الوراق *ал-варрак*), мельник (الدقاق *ад-даккак*), лесоруб (الحطاب *ал-хаттаб*), которые далее фигурируют у ад-Дарбанди и под личными именами вместе с прозвищем — «наш наставник» Абу ал-Касим ал-Варрак, ал-Хасан б. Али ад-Даккак, Абу Тахир ал-Хаттаб.

Литература

- Аликберов А.К. 2003. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.)*. Москва: Восточная литература.
- Бертельс Е.Э. 1960. *История персидско-таджикской литературы*. Москва: Восточная литература.
- Гаджиев М.С. 2018. Поселение Пирмешки и его некрополь. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 14. № 2, 10—22.
- Генко А.Н. 1941. Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа. *Труды ИВАН СССР*. Вып. XXXVI. *Труды второй сессии ассоциации арабистов*. 19—23 октября 1937 г., 81—110.
- Лавров Л.И. 1963. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. *Сборник Музея антропологии и этнографии* XXI, 267—298.
- Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 1. *Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения*. Москва: Наука.
- Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р. 2000. *Калакорейш (Крепость курейшитов)*. Махачкала: Юпитер.
- Минорский В.Ф. 1963. *История Ширвана и Дербенда X—XI веков*. Москва: Восточная литература.
- Олеарий А. 1906. В: Ловягин А.М. (пер., комм.). *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*. Санкт-Петербург: А.М. Суворин.
- Саидов 1963: НА ИИАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 21. Саидов М.-С. 1963. Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммада б. Мусы б. ал-Фараджа.
- Саидов М.-С. 1991. Рукопись Абубакра Мухаммеда, сына Мусы, сына ал-Фараджа ад-Дарбанди «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истик и сад тонкостей»). В: Исаев А.А. (сост.). *Рукописная и печатная книга в Дагестане*. Махачкала: ИИЯЛ, 23—47.
- Стрейс Я. 1935. В: Бородин Э. (пер.), Морозова А. (ред.). 1935. *Три путешествия*. Москва: ОГИЗ; СОЦЭГИЗ.
- Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

References

- Alikberov, A.K. 2003. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i yego sufiyskaya entsiklopediya "Raykhan al-khaka'ik" (XI—XII vv.)* (The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Raikhan al-haka'ik" (11th — 12th cc.)). Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

- Bertels, E.E. 1960. *Istoriya persidsko-tadzhikskoy literatury (History of Persian-Tajik literature)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Gadjiev, M.S. 2018. In *Istoriya, arkhologiiya i etnografiya Kavkaza (History, archaeology and ethnography of the Caucasus)*. Vol. 14. No. 2, 10—22 (in Russian).
- Genko, A.N. 1941. In *Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences)*. Iss. XXXVI. *Trudy vtoroy sessii assotsiatsii arabistov. 19—23 oktyabrya 1937 g. (Proceedings of the second session of the Arabist Association. 19—23 October 1937)*, 81—110 (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1963. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)* XXI, 267—298 (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1966. *Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish)*. Pt. 1. *Nadpisi X—XVII vv. Teksty, perevody, kommentarii, vvedeniye i prilozheniya (Inscriptions of the 10th — 17th cc. Texts, translations, comments, introduction and attachments)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Magomedov, M.G., Shikhsaidov, A.R. 2000. *Kalakoreysh (Krepost' kureyshitov) (Qalaqoreysh (The Fortress of Quraishites))*. Makhachkala: Yupiter (in Russian).
- Minorskiy, V.F. 1963. *Istoriya Shirvana i Derbenda X—XI vekov (History of Shirvan and Derbend 10th — 11th cc.)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Oleariy, A. 1906. In: Lovyagin, A.M. (transl., comm.). *Opisaniye puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno (Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back)*. Saint Petersburg: A.M. Suvorin (in Russian).
- Saidov 1963: NA IIAE. F. 29. Op. 1. D. 21. Saidov M.-S. 1963. *Tvorchestvo derbentskogo uchenogo XI v. Abu Bakra Mukhammada b. Musy b. al-Faradzha*.
- Saidov, M.-S. 1991. In: Isayev, A.A. (comp.). *Rukopisnaya i pechatnaya kniga v Dagestane (Handwritten and printed book in Dagestan)*. Makhachkala: IIYAL, 23—47 (in Russian).
- Streys, Ya. 1935. In: Borodina, E. (transl.), Morozova, A. (ed.). 1935. *Tri puteshestviya (Three journeys)*. Moscow: OGIZ; SOTSEGIZ (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R. 1984. *Epigraficheskiye pamyatniki Dagestana X—XVII vv. kak istoricheskiy istochnik (Epigraphic monuments of Dagestan 10th — 17th cc. as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Рис. 1. Дербент. Вид с севера. Гравюра Адама Олеария, 1638 г.

Fig. 1. Derbent. View from the north. Engraving by Adam Olearius, 1638.

Рис. 2. Дербент. Общий вид южного участка выявленного мусульманского могильника, последняя треть XI—XII вв.: *а* — вид с севера, *б* — вид с ЮВ.

Fig. 2. Derbent. General view of southern part of the discovered Muslim burial ground, the last third of the 11th — 12th cc.: *a* — view from the north, *б* — view from SE.

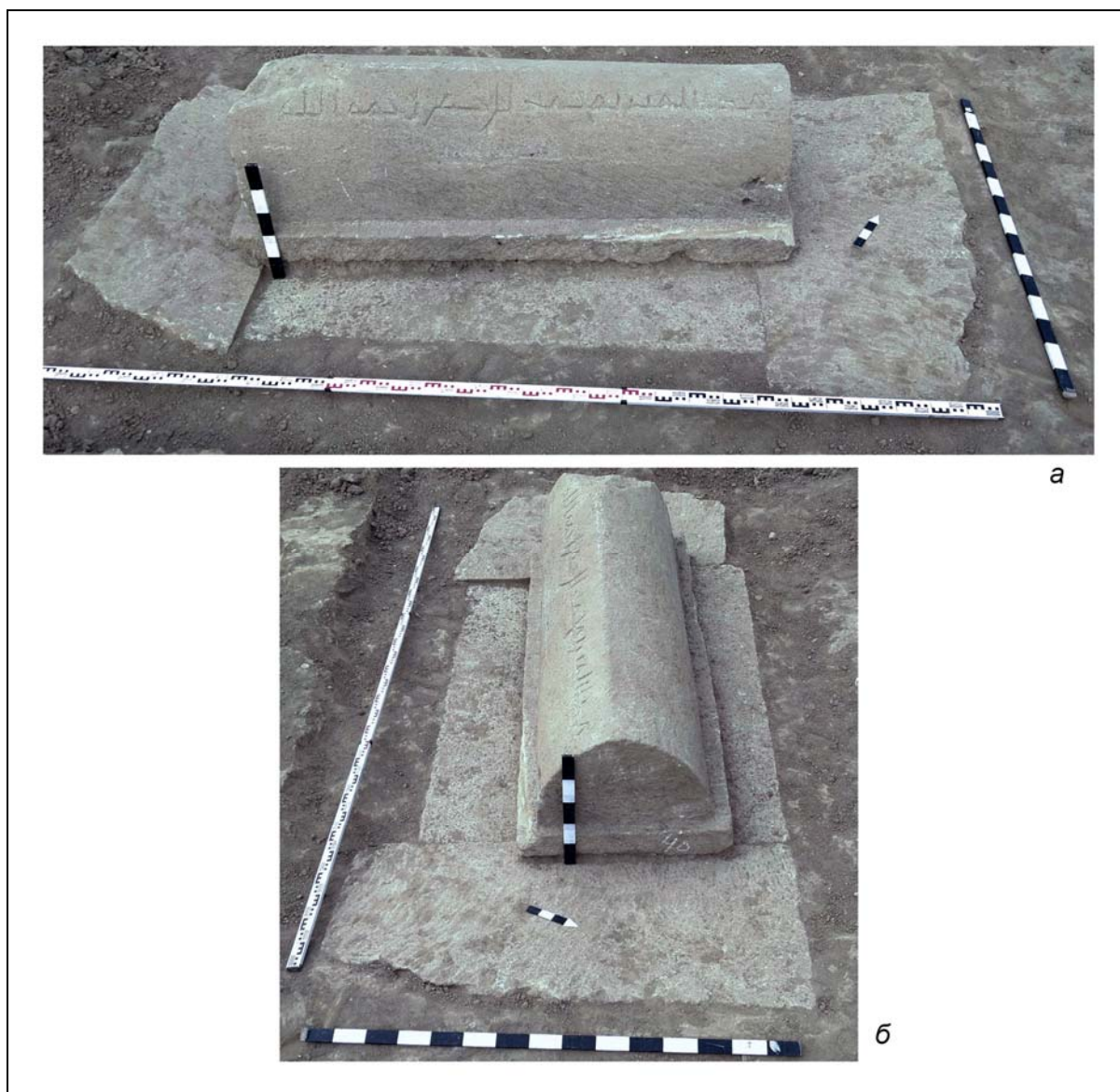

Рис. 3. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 40: *а* — вид с ЮЮВ, *б* — вид с СВВ.

Fig. 3. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th-12th centuries. Sarcophagus-shaped tombstone No. 40: *a* — view from the SSE, *b* — view from the NEE.

Рис. 4. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 40. Куфическая надпись.

Fig. 4. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. Sarcophagus-shaped tombstone No. 40. Kufic inscription.

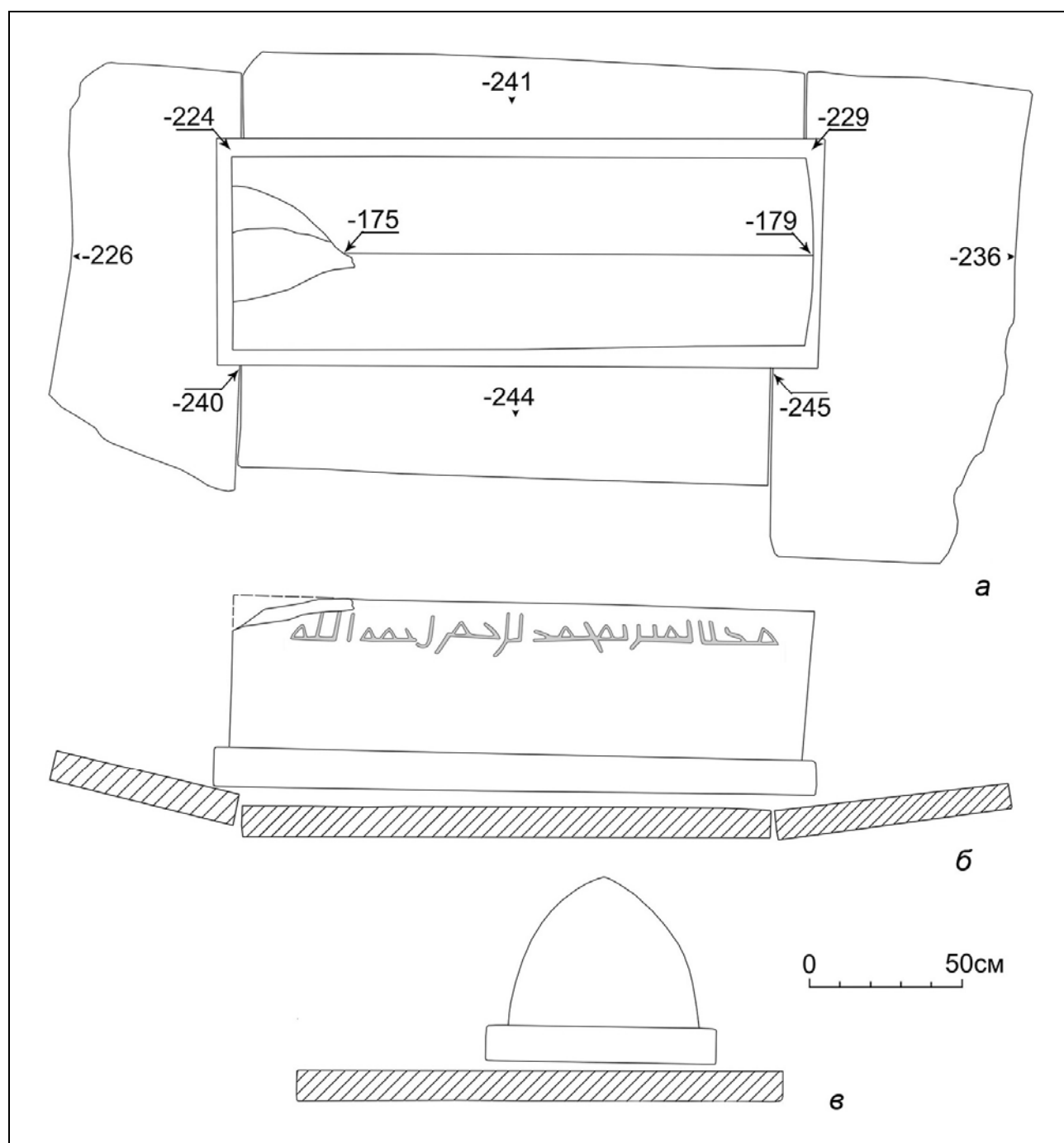

Рис. 5. Дербент. Мусульманский могильник последней трети XI—XII вв. Саркофагообразный надмогильный памятник № 40. План и профили.

Fig. 5. Derbent. Muslim burial ground of the last third of the 11th — 12th cc. Sarcophagus-shaped tombstone No. 40. Plan and profiles.

УДК 930:271

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.25.38.036

Michael Nosonovsky

**HEBREW GRAVESTONE INSCRIPTIONS FROM JEWISH CEMETERIES
IN THE RAYSN REGION (BELARUS AND UKRAINE)***

Hebrew gravestone inscriptions from Jewish cemeteries from the region called *Rayasn* (mostly in current Belarus and partially in Ukraine) are studied as a historical source and a literature genre. The epitaphs express the idea of a connection between the ideal world of Scripture and religious Hebrew books and the world of everyday life of a shtetl or community. This can be traced at several levels. First, at the level of inscriptions' structure, the epitaph includes an indication of the place ("here lies"), time (date), and name, thus tying the deceased to a specific "coordinate system". Second, biblical quotations emphasize the relation of a particular life and death to the situation with that described in the Bible. Third, at the language level, despite the fact that epitaphs are almost always written in Hebrew and not in Yiddish, we are dealing with certain features of Hebrew—Yiddish bilingualism. Hebrew terms could simultaneously be Yiddish lexemes. We observe orthography code-switching between Hebrew consonant spelling and Yiddish phonetic spelling, depending on whether the concept is found in Hebrew holy books or in everyday life. Fourth, epitaphs occupy an intermediate position between the "high", author's literature and canonical religion, on the one hand, and folk literature and religion, on the other hand. The difference between the epitaphs from Ukraine and Belarus is discussed.

Key words: history, epigraphy, East Europe, Hebrew inscriptions.

About the author: Nosonovsky Michael, PhD, University of Wisconsin-Milwaukee.

Contact information: 53211, USA, 3200 N Cramer St., University of Wisconsin-Milwaukee; e-mail: nosonovs@uwm.edu.

М.И. Носоновский

**НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ НА ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ
ИЗ РЕГИОНА РАЙСН (БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА)**

Надгробные надписи на иврите с еврейских кладбищ из района Райсн (в основном на территории современной Беларуси и Украины) рассматриваются и изучаются как исторический источник и литературный жанр. Эпитафии выражают идею связи между идеальным миром Священного Писания и религиозных книг на иврите и миром повседневной жизни местечка или общины. Это прослеживается на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне структуры надписей эпитафия включает указание места («здесь лежит»), времени (даты) и имени, тем самым привязывая покойного к определенной «системе координат». Во-вторых, библейские цитаты подчеркивают связь конкретной жизни и смерти с ситуацией, описанной в Библии. В-третьих, на уровне языка, несмотря на то, что эпитафии почти всегда пишутся на иврите, а не на идише, мы имеем дело с некоторыми особенностями двуязычия иврит—идиш. Термины на иврите могут одновременно быть лексемами идиша. Мы наблюдаем переключение орфографического кода между консонантной орфографией иврита и фонетическим написанием на идиш, в зависимости от того, встречается ли понятие в священных книгах или в повседневной жизни. В-четвертых, эпитафии занимают промежуточное положение между «высокой», авторской литературой и канонической религией, с одной стороны, и

* Статья поступила в номер 05 ноября 2021 г.
Принята к печати 21 ноября 2021 г.

народной литературой и религией, с другой. Обсуждается разница между эпитафиями из Украины и Беларуси.

Ключевые слова: история, эпиграфика, Восточная Европа, надгробные надписи.

Сведения об авторе: Носоновский Михаил Иосифович, PhD, Висконсинский Университет Милуоки.

Контактная информация: 53211, США, 3200 N Cramer St., Висконсинский Университет Милуоки; e-mail: nosonovs@uwm.edu.

1. Introduction

Jewish funeral monuments, such as the gravestones, often called *matzevot* (or *matzeyves*¹) from מצבה, “stele”², are among the most common artifacts of the history of Jewish communities in various regions where these communities have thrived in the past. When a Jewish community emerges, a cemetery is typically among the first communal institutions created. It is often also the last functioning institution when a Jewish community vanishes, and the only reminder of the community after it disappears. Gravestone inscriptions or epitaphs contain memory about both ordinary people and prominent figures of the community. Therefore, the study of Jewish cemeteries and publication of gravestone inscriptions is among the most important tasks in the research of various aspects of the history of Jewish communities.

While our previous studies have concentrated on Hebrew inscriptions from Crimea and Ukraine, the present paper is devoted to the Hebrew epitaphs from the historical region of *Raysn*, mostly coinciding with modern day Belarus.

The territory of the modern Republic of Belarus (sometimes called Byelorussia, *White Russia* in Russian, and in traditional Jewish sources called רייסן *Raysn*) has a long history of Jewish presence. Since the 13th century, what is now called Belarus was a part of the Grand Duchy of Lithuania (*Великое князство Литовское*), where the Old Belorussian (Old Ruthenian, *руски езык*) language was the main spoken language. The official name of this state was the “Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia and Samogitia”, which corresponds to the three historic regions known in Jewish sources as ליטא *Lita* (meaning both Lithuania proper and the broad region where the Lithuanian Yiddish dialect was spoken)³, רייסן *Raysn* (more or less corresponding to modern Belarus, with the word apparently originating from German *Reußen*⁴, historical Ruthenia included also territory of modern Ukraine), and זמוד *Zmud* (Polish *Żmudź*, corresponding to the Lithuanian region of *Žemaitija*, Ruthenian *жемоськая земля*).

The origin of the earliest Jewish communities in *Raysn* remains a controversial issue, since it is difficult to determine to which extent they were related to the Slavic-speaking and other non-Ashkenazic Jews from the East. However, Ashkenazic Jewish communities emerged in what is now

¹ For consistency, we transliterate Hebrew words and names in their Ashkenazic pronunciation based on the Lithuanian Yiddish dialect, which is authentic for Belarus. Thus, מצבה should be *matzeyve* and the plural מצבות *matzeyves*. However, common terms, for which standard Hebrew pronunciation is well known, the latter can be used, e.g., *matzeva*, *matzevot*.

² The Hebrew word מצבה (stele, from the root יצב/נצב “to erect, to establish”) has a remarkable history. In the Hebrew Bible, the word *matzeva* is used for both a mark of a grave (Gen. 35:20, Sam 2, 18:18), any other stone mark (Gen. 31:45—52) or even stones used for idol worship (Dt. 16:22). Aramaic מצבתא (*matzavta*) has a similar meaning, as well as the derived Arabic term مَسْجِدَة *mastaba* (bench). The word *mastaba* is also used to denote ancient Egyptian tombs, otherwise referred to as *Per-Djed*, “house of eternity”, which is a direct parallel to Hebrew בית עולם or Jewish Aramaic בית עלמין *bet-‘olam* or *bet-‘alamin* (“cemetery”, literally, “house of eternity”).

³ The word *Lita* was used for the first time in a fifteenth century responsum (Rosenthal 1904: 118).

⁴ Beider 2015: 200.

called Belarus since at least the 12th century. When the Polish—Lithuanian Commonwealth was created according to the Union of Lublin (1569 CE), the Lithuanian Jews already had many social and cultural characteristics in common with the Polish Jews. These included a broad communal autonomy, privileges from magnates, which allowed Jewish communities to function independently of self-governed magistrates under the Magdeburg Rights, and Yiddish language as a language of everyday life.

Lithuanian Jewish communities participated occasionally in the Council of the Four Lands (a council of Jewish communities which existed from the 16th until the 18th centuries), although Lithuania was not one of the four countries, which formed the Counsel. As far as the Yiddish language, the Lithuanian Yiddish dialect is considered among the three main dialects of Eastern Yiddish (along with the Polish and Ukrainian Yiddish dialects) and it was spoken on the vast territory including most of modern day Belarus and Lithuania.

After the three partitions of Poland in 1772, 1793, and 1795, the Belarusian lands became parts of the Russian Empire. Belarus was often considered a center of Jewish religious learning due to a network of religious academies (*Yeshivas*) established there by the followers of the Vilna Gaon in places like Mir (מיר), Valozhin⁵ (Wołożyn, וואלאזשין), and Navahrudak (Nowogródek, נאָוואַרעדאָק). Belarussian and Lithuanian Jews were often called *Litvaks* (literally, Lithuanians) and considered a distinct ethnic sub-group of Ashkenazic Jews⁶.

During the Second Polish Republic (1918—1939), western provinces of modern Belarus became parts of Poland's Nowogródek, Polesie, Wilno, and Białystok voivodships, while eastern provinces became parts of the Byelorussian Soviet Socialist Republic (BSSR). After the start of World War II and the partition of Poland between the Soviet Union and Nazi Germany in 1939, the so-called “Western Byelorussia” merged with the BSSR.

Although Jewish cemeteries and gravestone inscriptions of Belarus have been studied by many researchers; there is no complete and comprehensive description of existing monuments at this point. One of the first attempts to document Jewish cemeteries in Belarus on the eve of the collapse of the Soviet Union was taken in 1989–1991 by the newly organized Leningrad Jewish University led by V. Dymshits, and M. Kheyfets, whose groups visited more than 95 Belarussian former *shtetlach* (towns) including the cemeteries in Mir (מיר), Valozhyn (Wołożyn, וואלאזשין), Navahrudak (Nowogródek, נאָוואַרעדאָק), Sharshova (Szereszów, שערעשאָב) and Vysokae (Wysokie Litewskie, דליטע וויטאקא), where *matzeyves* (gravestones) dated back to the 1780s were identified⁷. Several field trips were also conducted by Polish historians including D. Sladecki and P. Sygowski from the Catholic University of Lublin in the late 1990s⁸. The cemetery of Druya (Druja, דרויע) was partially documented by a Belorussian team in early 2000s⁹.

A series of field studies was conducted by the Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization (Sefer) including Zhaludok (Żołudek) in 2013¹⁰, Lepel (Lepiel, ליעפליע) in 2014¹¹, Hlybokaye (Głębokie, גלובאָקע) in 2015¹², and Beshankovichy (Bieszenkowicze, ביישינקוביץ) in 2016. These field trips were summer schools for students of Jewish Studies from the former

⁵ We use transliteration of modern Belorussian names of geographic place (which is often different from their Russian names), however, when relevant, we supply Polish and Yiddish names when the term appears for the first time.

⁶ The Lithuanian Yiddish dialect is sometimes called the Northeastern Yiddish dialect (Beider 2015: 61—69).

⁷ Kheyfetz 1994: 47—49. Leningrad Jewish University (since 1999 St. Petersburg Institute for Jewish Studies) was organized in 1989 by Ilya Dvorkin. Documenting Jewish cemeteries in Ukraine and Belarus was among its main activities (Khaimovich 1994: 83; Nosonovsky 1994: 107).

⁸ Sygowski 2010: 283—287.

⁹ Muratov 2009: 86—102.

¹⁰ Kopchenova 2013: 88—266.

¹¹ Amosova 2015: 115—349.

¹² Nosonovsky 2017a: 287—300.

Soviet Union, whose focus was on ethnological studies (typically, documenting the perception of the Jews by their Slavic neighbors) and epigraphic studies of Hebrew gravestone inscriptions. The present chapter is based primarily upon these materials. Information about specific Jewish cemeteries in Belarus can also be found at specialized web-sites¹³.

What information can be obtained from the Hebrew gravestone inscriptions or epitaphs? *First*, Jewish epitaphs from various regions are often used as a source for genealogical and family history research, although, unfortunately, most epitaphs do not include family names until the 20th century. *Second*, epitaphs can clarify certain historical events, such as the foundation of a community and thus serve as an additional (auxiliary) historical source. *Third*, the mass and standard character of the gravestone inscriptions makes them suitable for various statistical studies related to sociology and demography. *Last, but not least*, the very genre of the Hebrew epitaph, which, unfortunately rarely becomes a focus of literary studies, can provide important data on the attitudes towards life and death, mundane and sacred both in canonical Judaism and in folk religious practices¹⁴. In this chapter I will review some of these aspects using the material from several Belorussian Jewish cemeteries documented by the *Sefer* Center.

2. Old Jewish cemeteries in Belarus

A cemetery (*beys-eylomin*, בית עולמין or *beys-kvores* בית קברות), along with a synagogue (*shul*, שול or *beys-kneses*, בית כנסת), and a ritual bath (*mikveh*, מקוה), were among the most important institutions of a traditional Jewish community, without which a self-sufficient community could not exist. Typically, soon after the establishment of the community, Jews sought and received the privilege to have land for their cemetery, which was controlled by a Burial Society (*hevre-kadishe* חברה קדישא). A cemetery was also one of the locations in a traditional magnate's *shtetl* (literally "a small town"), which formed the landscape of the town, along with other Jewish and non-Jewish locations¹⁵. Unlike the synagogue, the *mikve*, and the market square, which, together with the castle, cathedral or church, and magnate's palace, were within the town itself, the Jewish cemetery was located on the outskirts of the town, often across a river or another body of water.

Unfortunately, the Jewish cemeteries of Belarus have less extant old gravestones than in neighboring Ukraine. One of the reasons is in the geological history of these two regions. Unlike Ukraine, Belarus does not have many sources of sandstone or limestone. This is because for millions of years, the territory of today's southern Ukraine was covered by seas and oceans, while Belarus was dry land. Soft sandstone and limestone are sedimentary rocks which are formed on the floors of oceans. They are uncommon in the landlocked country of Belarus. Consequently, when material for gravestone monuments was needed, other materials were used, such as granite¹⁶. Granite is much harder and, therefore, it is much more difficult to carve letters deeply producing a long inscription on it than on limestone. Furthermore, inscriptions on granite last shorter than those upon sandstone or limestone. As a result, Hebrew inscriptions in Belarus are shorter and emerge later than in the Ukrainian regions of Galicia, Volhynia, or Podolia. For the same reason, Belorussian gravestones lack elaborated carved décor, so typical for *matzeyves* in Ukraine, Moldova, Poland, and Romania.

¹³ For example, at the international Jewish Cemetery Project of the International Association of Jewish Genealogical Societies (iajgsjewishcemeteryproject.org: 1), or at JewishGen.Org website (jewishgen.org: 1) or Jewish Heritage Research Group (jhrghelarus.org: 1).

¹⁴ About the genre of Hebrew epitaph see (Wodziński 1998: 23; Reiner 2011: 263—295; Nosonovsky 2017b: 97—102).

¹⁵ About the history of *shtetlach* and their transformation during the Soviet period see (Veidlinger 2013: 1—29).

¹⁶ Kheyfetz 1994: 48.

In addition to shorter and less deeply carved inscriptions, most Belarussian gravestones are also smaller, about one meter or less in height and they have very little ornamentation. There are cases of secondary usage of the old granite stones. In addition, old millstones were sometimes used as *matzevot* due to poor availability of stone and its' relative expensiveness.

Another unusual feature of Jewish cemeteries in Belarus related to the scarcity of appropriate rock stone material is the presence of wooden monuments instead of gravestones. Wooden monuments were cheaper; however, they did not last as long as stone monuments. Therefore, few of them are still extant. The best known examples are oak *matzevot* from the town of Lenin in Gomel oblast'. The town was known under this name since the 16th century¹⁷. There are some claims that the cemetery is dated from 1586¹⁸ (which is stated at the signboard at its entrance), however, there is no substance to this claim.

Apparently, the lack of stone material was not the only reason for the use of wooden monuments. Wooden graves were common also in the areas, where there was no sandstone, such as the cemetery in Polish Chęciny (הענין), a town famous for its local production of stone *matzevot*¹⁹. Since wood is not a durable material, and Jewish cemeteries were running into ruins over the postwar years, only a few wooden *matzevot* are kept in various museums²⁰.

The typical Belarussian Jewish gravestones are stelae about 1 meter high, 0.5 m wide, and 0.2 m thick. Usually the reverse side of the monument is not processed. The upper edge of the stele is often semi-circular, sometimes rectangular with a broken corner. There are usually no decorations on the monuments, with the exception of the most common symbols such as the Star of David (on newer gravestones) or the Menorah (a seven-branched candelabrum), and the hand palms in the priestly blessing jest of the *kohanim*. Often the letters פנ (the abbreviation meaning "Here Lies" or "Here Buried") are inscribed inside the Star of David. Occasionally, other images can appear, such as birds, lions, ornaments etc, usually on gravestones since the end of the 19th century.

Starting at the end of the nineteenth century, 3D sculpture images can appear occasionally upon the gravestones, such as the tree with chopped off branches symbolizing death and grief. A large number of such sculptures are found in Volozhin. The monument on the grave of a family that perished during the pogrom in Orsha (Orsza, ארשא) in October 1905 has the same design. Interestingly, this symbolism is found in the Catholic cemeteries of the time²¹.

Painted polychromatic gravestones are quite rare in Belarus, and in many cases painting is not preserved because colors usually do not stay for a long time. Traces of coloring are found at a number of cemeteries including Grodno, Mir, Belitsa (Bielica, ביליצע), Mikhalishki (Michaliszki, מיכאלישוק), Ruzhany (Różana, ראזשינא), Lipnishki (Lipnisk, ליפנישוק) and Traby (Traby, טראבי)²². A large number of painted monuments is found at the cemetery in Druja.

¹⁷ In 1939, Lenin was renamed briefly by Polish authorities for *Sosnkowicze* apparently due to the allusion with the Soviet leader's name. The name Lenin was restored after the Soviet occupation following the start of World War II in September 1939.

¹⁸ Muratov 2009: 83.

¹⁹ (sztetl.org.pl: 1).

²⁰ This includes museums in Prague, Helsinki, St. Petersburg (JEPS 2015), The Jewish Museum in Amsterdam and the Museum of the History of Religions in St. Petersburg (JEPS 2015).

²¹ Kheyfetz 1994: 49.

²² Sygowski 2010: 294.

Fig. 1. Jewish cemetery in Glubokoe / Hlybokaye / Głębokie: the entrance with the statement that the cemetery was destroyed by the Nazis, the part outside the current fence used as a sand quarry in the Soviet time, and a commemorative structure.

Cases of destruction of Jewish cemeteries during World War II were rare. However, after the end of the war, cemeteries were being profaned on a large scale. This is because many Jewish communities diminished or disappeared due to the physical extermination of Jews in the Holocaust, and due to the closing of synagogues and Jewish institutions, there was a perception of the Soviet authorities that Jewish cemeteries are not needed anymore²³. Many necropolises were desecrated with *matzeyves* pulled out and used as a construction material. Stadiums, housing estates, or farm lands had been arranged at many sites of Jewish cemeteries. Thus, in Hlybokaye, while the main

²³ This standard Soviet practice is documented in the case of the oldest Jewish cemetery in Ostróg (Ukraine), which was destroyed in 1968 on the order of local authorities. The motivation was that the cemetery had been abandoned, and “the graves are not maintained by relatives,” while “there is no other place for the city park”. Furthermore, the cemetery, which was close to a school, had become a site of dangerous crimes; two women were raped there in February and March 1968, according to a letter from a local police chief to the head of the Executive Committee. The remains of six Jews who were buried at the cemetery between 1948 and 1966 were exhumed and brought to a different cemetery (Fishel, Nosonovsky 2017: 79).

part of the cemetery was fenced in the early 2000s, the oldest section was used as a sand quarry and destroyed. According to local inhabitants, the paved road constructed with the sand from the quarry had a bad reputation of being built “upon the bones”, and the quarry was abandoned²⁴ (Fig. 1).

In some places where cemeteries are still in use, modern burials were made on top of already occupied sites, over old graves, which “raises” the level of the cemetery over the terrain in Vitsyebesk (Witebsk, וויטעבסק), Mahilev (Mohylew, מאָליעוו), and Rechitsa (Rzeczyca, רעטשיצע) resulting in multi-layer burials. In some cases, the Jewish cemeteries were converted into Christian ones, even with the construction of a church — for example, the cemetery in Kalinkovich (Kalinkowicze, קאַלענקעוויטש)²⁵.

As far as the oldest Jewish gravestones in Belorussia, there are many contradicting reports on this matter²⁶. For example, Sygowski points out that the dates 1620 in Radun (Raduń, ראָדן) and 1630 in Molchad (Molczadź, מייטשעט) are hypothetical, as well as questionable reading of the date 1684/5 in Kamenka (Kamionka, קאַמיונקע). He claims that the 17th century dates can be discerned clearly in Ruzhany (Różana, ראָזשינאַ) (1634, 1638, 1640, 1654/5, and 1682) in Voupa (Wołpa, וואָלפּ) (1694/5), however, again, these inscriptions have not been published²⁷.

In Hlybokaye, a monument dated with the year 1707/8 was found in 2015 and documented, as it will be described in this chapter. Monuments dated with the 18th century have been found in several necropolis in Belarus including Belitsa, Indura (אַמרוּר), Voupa, Mikhalishki, Molczad, Radun, Navahrudak, Polonets, Zdzieciole, Rozan, Mir, Zhuprany (Župrany, זּוּפּראַן) and Grodno²⁸, as well as Druja²⁹, Shershev and Vysokaye³⁰.

3. Structure and content of a traditional epitaph

Let us now turn to the content of the inscriptions. Besides their shortness, Hebrew epitaphs from Belarus are not significantly different from those in other nearby regions such as Ukraine, Moldova or Poland. Note that the content of epitaphs is not stipulated by the requirements of the Jewish religion. Moreover, the sages of the Talmud questioned the very need to erect a gravestone, since this custom reminded them of idol worship³¹. Still, a tradition of Hebrew epitaphs had formed by the end of the first millennium CE. While not stipulated by the religion in detail, the contents of the epitaphs reflected certain traditional Jewish values and ideas.

Traditional epitaphs are written in Hebrew³², with some influence of Yiddish. As soon as it was necessary to point to some phenomenon that had no parallels in the sacred books, for example, the

²⁴ Nosonovsky 2017a: 289.

²⁵ Kheyfetz 1994: 49.

²⁶ The earliest known Ashkenazi inscription from Ukraine of 1520 belongs to Yehuda b. Jacob from Busk, see (Nosonovsky 1998: 21). In Eastern Poland the earliest extant inscriptions are dated mid-16th century, although in Western Poland (Wrocław) an inscription of 1203 was reported. Several pre-1500 Ashkenazi epitaphs from different places in historical Poland or Lithuania are mentioned in several publications and unpublished archival sources; however, no reliable publications are available (Nosonovsky 1998: 26). The reported 1445 CE matzeva from the destroyed cemetery in Ostróg (Ukraine) was likely dated with 1520 CE (Fishel, Nosonovsky 2017: 84).

²⁷ Sygowski 2010: 297.

²⁸ Sygowski 2010: 297.

²⁹ Muratov 2009: 89.

³⁰ Kheyfetz 1994: 49.

³¹ Rabbinical literature states that “monuments should not to be erected for the righteous, because their words are their memory” (*Bereishit Rabba* 82:10, *Yerushalmi Shekalim* 2:47a, *Mekhilta* 11:7). The tractate *Horayot* 13b lists reading epitaphs among ten activities which distract a learner and weaken his mental abilities.

³² Early Jewish epitaphs of the first millennium in Europe were composed predominantly in Greek or Latin sometimes with a few Hebrew words. However, on the verge of the second millennium, Hebrew gradually becomes the language of epitaphs in Europe and long elaborated epitaphs emerge.

name of a settlement or a surname, the epitaphs switches to typical Yiddish orthography with the letter ‘*ayin* for the phoneme [e], the letter ‘*aleph* for [a], and *komec-alef* for [o]³³.

Most epitaphs have four required elements:

1) An introductory formula פנ נטמן פה — “here lies”; של המצבה זה — “this is the gravestone of”). The introduction marks the grave and it often contains allusions to biblical verses mentioning burial sites, such as Gen. 35:20, Gen. 31:52, and I Kings 23:17.

2) A name of the deceased in its “official form” “X, son/daughter of Y”. The “official name” was the name used to call one to the Torah; it was used in the *ketubbah* (wedding contract) or the *get* (divorce document). The “title», such as רב / רבי “Reb / Rabbi” or הרב מורנו “our teacher Rabbi” precedes the name. Historically, these titles were used in epitaphs throughout the ages; however, they would tend to eventually depreciate, leading to increasingly pompous, often tautological sets of titles. Thus, the word רבי (Rabbi) could refer to virtually any adult man. In order to distinguish a learned person, the tautological construction הרב רבי (*ha-Rav, Rabbi*) was introduced, which, in turn, devaluated and got replaced with the abbreviation מוהרר (*Moharar = moreynu ha-Rav, Rabbi*, “our teacher, the Rav, Rabbi”). Later, in the 19th century, epitaphs could include even more pompous abbreviations ההמוהרר (*hah moharar* or *ha-Rav, Rabbi, Moreynu ha-Rav, Rabbi*). Consequently, it is difficult to obtain meaningful information from such titles, although some hints to deceased social status still can be found.

If the buried was an unmarried young man, he is referred to as בחור; a young woman as בתולה or בחורה (“girl”); a boy as ילד (“boy”). The name of the deceased is followed by the name of their father and frequently the name of the husband in the case of women. The name of the father is followed by זל (blessed be his memory), if he is already gone, or יצו (May his Stronghold and Savior protect him”), if he is still alive. All of the above are standard Talmudic formulae.

The name is often preceded by a brief (or in some cases quite extended) description of the virtues of the deceased. The most typical version, איש תם וישר (“A pure and honest man”) is derived from the book of Job. Female gravestones have אשה חשובה וצנועה (“an important and modest/respected woman”³⁴). Authors of epitaphs excel in variations of laudatory formulas, often including in the epitaph a biblical verse about a character of the same name.

Surnames are rarely used in traditional epitaphs until the 20th century. Most of the Jews of the Russian Empire were given surnames in the 19th century, however, they were used only in contacts with the authorities, and therefore the surnames usually do not appear in internal communal documents and epitaphs. At the cemetery in Hlybokaye, the earliest surnames belong to the first half of the twentieth century: Shverdlin (1909), Guzman (1918), Presman (1919), Foygelman (1920)³⁵. This is similar to most other Belorussian cemeteries, although occasionally family names may appear on gravestones from the mid-19th century. Thus, in Zhaludok we find Nakshter (נאקשטער) in 1857 and Vilenkin (וילנקין) in 1881³⁶.

³³ Nosonovsky 2017b: 100.

³⁴ Apparently, the term חשובה (“important”) could signify a certain social status of a woman in the Talmudic time. Thus, *Pesahim* 108a distinguishes between an ordinary women dependent on her husband and an important woman, the former does not have an obligation to recline during the Passover *Seder*, which men are obliged to do. However, this distinction was lost and already in the 16th century Moses Iserlis states that every woman is treated as an important one. The expression אשה חשובה וצנועה is also mentioned in the Yiddish memoirs by Glückel of Hameln (1646—1724) as an expression in Yiddish.

³⁵ Nosonovsky 2017a: 296.

³⁶ Kopchenova 2013: 263.

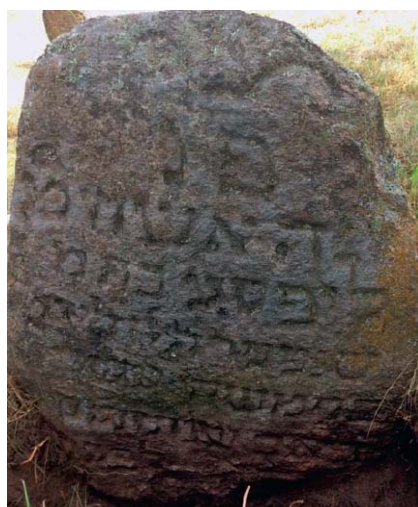
The family names should be distinguished from nicknames and titles marking belonging to *kohanim* or Levites. Thus, in Hlybokaye³⁷: הכהן Cohen (1887), כץ = צדק כהן Katz (on many gravestones of the 18th — 19th centuries), הלוי Levi (1863, 1900), סגל = לוי Segal (“descendant of Levi”, 1822, 1853, 1857), Fig. 2.

פנ
כ מהור
ד קלו קלמן
ב ה'ה
מאזה גמ
דוד כץ
ברח [אדר] ב
תקד

Fig. 2. The gravestone of Kalonimus Kalman, son of Dovid Katz (1764, 14a) in Hlybokaye. The text reads “H[ere] I[lies our] r[espected] t[eacher] Kalo[nimus] Kalman s[on] of the gr[eat] l[ight] Dovid Katz in [the] n[ew] m[onth of Adar the] s[second] [5]524”.

3) Date according to the Jewish calendar. The date is preceded by the words “passed away on”. Sometimes euphemisms are used for the word died, such as “was called to the heavenly assembly”. The year is usually given “by the Minor Era”, i.e. without stating the millennium. The date can be duplicated in a chronogram — a biblical verse with certain letters (acting also as numbers) highlighted to denote the date (Fig. 3).

פנ
האשה מ
ליפסע בת מ
מן שנפטר החיים
חמשה עשר באב
תקמ שנת
לפק

Fig. 3. The epitaph of Lifsa who died on the Fifteenth of Av 5540 (1780), Hlybokaye.

³⁷ Nosonovsky 2017: 296.

4) Final blessing formula. Virtually every epitaph is concluded with the abbreviation תנצבה meaning *תהי נפשו תהי בצרור* (“May his/her soul be bound in the Bundle of Life”). This blessing formula is borrowed from the memorial prayer *Yizkor*, the full phrase being: “May his soul be bound in the Bundle of Life together with the souls of Abraham, Isaac, Jacob, Sarah, Rebecca, Rachel, and Leah, and other righteous ones”. The Talmud says these are the words the angels say as they welcome the souls of righteous people ascending to heaven. This expression is based on a biblical verse, unrelated to death or the afterlife. This illustrates an important principle of the epitaph: biblical material is not adopted directly; instead, it is derived from its interpretation in rabbinic literature. As for the expression *צרור החיים* “Bundle of Life”, M. Fogelman³⁸ conclusively showed its relation to the concept of the rabbinic literature *כיסא כבוד* “Throne of Glory”; from under this “throne” human souls originate and to this throne righteous souls return after death.

Note that in epitaphs from Hlybokaye, especially the early ones, the final blessing is sometimes omitted, which is not typical for Hebrew epitaphs of this period.

The relatively rigid structure is associated with the functional objectives of the epitaph and the gravestone in general. *First*, the gravestone marks the burial spot to avoid accidental entry into the zone of impurity (which is forbidden, for example, to the *kohanim*, the priestly families). Besides that, according to some texts, the soul keeps returning to the grave for a year (until the body fully decomposes), and it is easier to contact it there. This utilitarian function of the gravestone is reflected in the first element of the epitaph, the introductory formula. The *second* function is related to the notion of the epitaph as a prayer, which is why numerous blessings are present in epitaphs. A prayer epitaph must testify for the merits of the deceased and promote an acquittal by the Heavenly Court³⁹. Moreover, the epitaph links the soul of the deceased to the other souls of the Jewish people, placing them in the context of Jewish history. This is why the name and date are sometimes ciphered in biblical verses thus highlighting the similarities between the death of a particular Jacob or Rachel and the Jacob and Rachel of the Bible. The unity of place, date, and name provides for the unification of three “coordinates”: space, time, and individuality (Fig. 4, Hlybokaye).

פנ־הָא
הָרָר יוֹסֵף
בְּמֵהוֹרָר
יְהוּדָאֵלֵיב
זָצַל
לְדִּיּוֹן
תִּקַּם לִפְקֵי

Fig. 4. Epitaph of Yosef, son of Yehuda-Leyb, 22 Sivan (5)540 (1780) with the ligature אָל.

³⁸ Fogelman 1961: 176—180; Reiner 2011: 281—286.

³⁹ The expression *נִתְבַּקֵּשׁ לִישִׁיבָה שֶׁל מַעֲלָה* “was called to the High Court” is one of the euphemisms of death used in the epitaphs; this expression is also used in the *Kol Nidre* prayer for the day of Atonement.

4. Epitaph as a historical source

The specific historical information contained in the epitaphs is limited. However, there are cases when such information can clarify certain events in the history of a community. Thus, in Hlybokaye, an important finding in 2015 was the discovery of several monuments from the first half of the 18th century, dated with the period before 1742, when the bishop of Vilna, Michal Zenkovich, according to some reports, gave the Jews permission to build their own cemetery. However, the new findings clarified that the cemetery was founded before 1742. The old monuments were found on the destroyed western part of the cemetery, outside the limits of the modern cemetery fence, thrown down from the slope and partially covered with earth. It was possible to read several inscriptions relating to the first half of the 17th century, including the following⁴⁰:

פנ
חינה האשה
שמואל הרר בת
זל
תקי
ל

“H[ere] l[ies] a woman Hina, daughter of R[abbi] R. Shmuel b[lessed his] m[emory] [5]510 minor era (1749/50)”

פנ
הה כהרר
שמואל
בה [אפ]רים
זצל
לפרט תקא
ל

“Here lies a respectable Rabbi R. Shmuel, son of R [Ef]raim blessed be memory of a righteous [5]510 minor era (1741)”

פנ
יצחק מהו
מהורר האלופ
יוסף
יצו
רח לפר
ניסן
לפ תקא

“H[ere] l[ies] o[ur teacher] Itzik, the head, o[ur teacher] R[abbi] R[eb] Yosef, ma[y his rock and] s[avior] g[uard him], c[ounting] new month *Nisan* [5]501 (1741) by the M[inor] E[ra]”.

⁴⁰ Nosonovsky 2017a: 291.

פנ
האשה
מ מרים
בת הר אהרן
נפ ג י אייר
תפח
לפק

“H[ere] l[ies] a woman Mrs. Miryam, daughter of R. Aharon, pas[sed away on] Tuesday 10th of Iyyar [5]488 (1728) by the M[inor Era]” (A23).

The oldest monument was found under the slope of the ravine, where a sand quarry was created during the Soviet period (Fig. 7). The monument is a round stone with a hole in the middle and, apparently, was used as a millstone before it was used as a tombstone (Fig. 8). The use of the millstone suggests that the Jewish community in Hlybokaye was small in the beginning of the 18th century and could not afford an original stone for the monument. Note also that the renting of the mills was a typical Jewish occupation in the economic system of the Polish-Lithuanian magnate's town. The inscription on the gravestone: “H[ere] l[ies] learned in the Torah Mr. Sh[lome]-Z[alman] of b[lessed memory] [5]568 by the M[inor] E[ra] (1707)” (Fig. 5)⁴¹.

פנ
התורני מ
שז
זל
תסח
לפק

Fig. 5. The oldest gravestone of Shlome Zalman, 1707 (Hlybokaye).

The name of the deceased is provided by only two letters *shin* and *zayin*. Abbreviation שז, according to reference books, can mean either זלמן שלום Shlomo-Zalman (Scholem-Zalman) or זלמן שניאור Shneur-Zalman. It should be noted that the name Shneur-Zalman is particularly associated with the spread of the Lubavich Hasidism (more precisely, the Chabad movement) in the 19th century, since this was the name borne by the founder of this movement, R. Shneur-Zalman from Lyada (1745-1813). In the 16th-17th centuries, this name was less common.⁴² In epitaphs from Hlybokaye, there are two mentions of this name: Shneur-Zalman Yitzhak, son of Abraham-Shmuel Yakubovich (1921), and Shneur Zalman, son of R. Yosef-Chaim on an epitaph without a date from the section of the cemetery where the gravestones of the 20th century are found.

At the same time, the name *Sholom-Zalman* / *Shlomo-Zalman* and the abbreviation שז are found on several tombstones of 1741/2, 1800, 1807, 1813, 1853, and 1872)⁴³. For example:

יוסף פנ

⁴¹ Nosonovsky 2017a: 292.

⁴² Etymologically, the name *Shneur-Zalman* dates back to the Hebrew-Spanish *Senior* (“senior”) and the Germanic *Zalman* (Solomon). Note that the names of non-Semitic origin זלמן *Zalman* and קלמן *Kalman* are written in consonant spelling (without vowels), as if they were originally Hebrew.

⁴³ Nosonovsky 2017a: 294.

שלמה'ב
ל'ז זלמן
ממדינת
פרוסיא פאמערין
שבט טן נפ

— “H[ere] l[ies] Yosef, son of Shome-Zalman of b[lessed memory] from the land of Pomerania and Prussia, pass[ed away] on 15th of *Shevat*” (Fig. 6). Prussia was one of several countries with which the Jews of Hlybokaye maintained trade ties.

פנ יוסף
ב' שלמה
זלמן
ז'ל
ממדינת
פאמערין
פרוסיא
נפ סו
שבט

Fig. 6. Grave stone of Yosef son of Shlome-Zalman from Pomerania.

Therefore, the abbreviation שז in the oldest epitaph from Hlybokaye was interpreted as Sh[lome]-Z[alman].

The total number of monuments having dates is: 1703—1750 — 9 gravestones, 1750—1799 — 100 gravestones, 1800—1850 — 109 gravestones, 1850—1899 — 74 gravestones. Such a distribution is consistent with the historical evidence that the Jewish community became noticeable and reached impressive proportions during the 18th century.

In addition to proper names, historically important information may be contained in place names. In Hlybokaye, besides the already mentioned Pomerania and Prussia (G154A), these are Lepel (G223, 1928), Velikomir (G47, 1916) and some others. This situation is typical for other epitaphs from Belarus⁴⁴.

⁴⁴ For the index of family names and geographic names in Zhaludok see (Kopchenova 2013: 263), in Lepel see (Amosova 2015: 346), in Hlybokaye see (Nosonovsky 2017a: 314).

5. The genre of the Hebrew epitaph

While the content of the epitaphs is not regulated by the requirements of the Jewish religion, the tradition of Hebrew epitaphs took its shape by the end of the first millennium CE and formed a certain literary genre, which is to some extent similar to non-Jewish epitaphs while to some extent different from them. The content of the epitaphs reflected traditional Jewish values and concepts.

In comparison with more elaborate inscriptions from neighboring Ukraine and Poland, Hebrew inscriptions from Belarus provide limited material about the epitaphs as a literary phenomenon. One interesting question is how Hebrew epitaphs were related to other genres of Hebrew medieval literature. In rabbinic literature, there is a genre called *hesped* (הספד), a lamentation or mourning over the dead. Examples of *hesped* are found in the Talmud (*Mo'ed Katan* 25—28). Epitaphs echo the typical motifs and formulas of *hesped*, which included descriptions of the deceased person's virtues and his family's grief.

Rhymed poetic epitaphs were popular in many communities; however, they were not very common in Belarus. An interesting example is the epitaph of Shaul Grinberg from Zhaludok (1894)⁴⁵, which forms an acrostic with the name “Shaul”.

ציון לנפש שאול גרינברג
שומי ארץ והי לתהו
אל מות נתחברת ותהי כמהו
ולשחת כל בשר יצאתם כאחת
לאסוף גם נפש צדקה לשחת
בלעט אדמה הרסת לא חמלת
נשמת אבינו אמנם לא הללת
צחוק תשחק לך ממרומים
בצל ד לה נחלת עלמים
יום ד אדרייח מרחשוון תרנ"ה
תנצב"ה

Fig. 7. Gravestone of Shaul Grinberg from Zhaludok.

“Mark of the soul of Shaul Grinberg. / Shake, oh the Land, and become deserted / for the death, as / every flesh descends to the earth like one, / it also gathers the soul of a righteous person to the ground, / as earth swallows and mills it without mercy. However, our father's soul does not weep, / it is laughing happily in heaven, / under God's shade, for its eternal destiny. / Wednesday, 1st of new month *Markheshvan* [5]655 (1894 CE). / M[ay his] s[oul be] b[ound in the] B[undle of] L[ife]”.

Poetic Hebrew epitaphs are compared to the genre of *kina* (קִינָה “lamentation” or “elegy”) in the traditional genre system of medieval Hebrew poetry, which, in turn is parallel to the elegy (*risa*) in

⁴⁵ Kopchenova 2013: 101.

the Arabic *qasidah*, known since pre-Islamic times. At the same time, the Hebrew genre is related to the Book of Lamentations and to Hebrew liturgical poetry. Unlike in the Arabic medieval poetry, the Hebrew *qina* (as well as many texts in other genres) was often formed as a combination of biblical quotes and expressions in the so-called “mosaic style”.

Another relevant genre of early modern rabbinical literature is מליצה *melitza* (a term, which can be translated either as “praise” or “rhetoric”). Colorful laudations consisting of biblical and Talmudic expressions are found, for example, in prefaces and approbations to Hebrew books. Sometimes the epitaph itself would be referred to as מליצה *melitza*, which is interpreted as a guardian angel, implying that the epitaph is playing the part of a guardian angel (המליץ, *ha-melitz*) testifying before God and the heavenly court.

Another interesting question is whether the epitaphs should be treated as folk texts and whether they have authors. The question of who is the implied author and implied reader of Jewish epitaphs may seem naïve at first glance. Of course, epitaphs are usually written by the relatives of the deceased (or on their order) with the objective to keep memory of the person and remind about him or her to those who visit the cemetery. However, a more detailed analysis using such narratological concepts as “implied author», “narrator”, and “implied reader” reveals a number of paradoxes. With rare exceptions, the traditional epitaphs are impersonal, that is, the figure of the narrator is missing from it. The text itself is almost never written on behalf of the deceased, and only occasionally on behalf of bereaved relatives.

Moreover, the implied reader, as a rule, is also absent from the Hebrew epitaphs. This is a significant difference with the ancient Roman and Christian epitaphs, which are often addressed to passers-by or accidental readers, reminding them of life’s futility and encouraging them to repent. Even if the Jewish epitaph is addressed to a human reader, it hardly ever contains a didactic motif. Instead, the assumption is that a passer-by might say a prayer in memory of the deceased.

Apparently, an important objective of the traditional Jewish epitaph is mystical. The text should help the deceased’s soul to find its rest in heaven by joining other souls of the Jewish people. Stating the virtues of the deceased serves this goal, rather than impressing passers-by. Once in heaven, the soul is brought to the Heavenly Court, where virtues and behavior towards people and God are judged. It is no coincidence that one of the euphemisms for מת “died” is נאסף “joined [his/her people]”, and the phrase החיים בצרור בצרור צרורה ה/נפשו תהי “let his/her soul be bound in the Bundle of Life [with the souls of our forefathers and the righteous]” have become common formulas of the epitaphs. The Jewish epitaph puts the deceased in the context of Jewish history, compares and matches him/her with the biblical heroes and patriarchs. At the same time it enumerates his/her virtues for the heavenly court to reckon.

The connection between the dead and the survivors works two ways. It is not only praising the merits of a deceased which can help him/her in the heavenly court, but also listing the virtues of the deceased can protect the living, as judgment is also imposed on them every day. This idea is expressed by the formula עלינו יגן זכותו “his merit will protect us”.

An additional technical argument that the epitaphs are not addressed to an earthly implied reader, is the use of complex chronograms and abbreviations, which do not simplify, but complicate the establishment of the date for the reader. A chronogram relates the date of the death to the sacred texts, but it does not make it more convenient for a reader to figure out the date.

The question of the authorship of epitaphs is ambiguous. Often they were compiled to order by semi-professional authors who used already existing material, combined fragments of previous epitaphs adjusting them to a specific situation. There are also cases, when epitaphs had specific authors. Despite this, the epitaphs possess features of folk texts: they do not have any canonical text or distinct authorship: in the modified form one inscription can be used many times on different tombstones. At the same time, from the point of view of their plot and structure, inscriptions are very similar to each other, representing an infinite variation of the same plot (“Someone, who was a righteous person, was buried

here after dying on such a day, may his/her soul be bound in the bundle of life”). Therefore, all the inscriptions are, in a sense, a variation of the same generic epitaph.

Biblical quotes are common in epitaphs, and they are usually meant to emphasize the similarity of a particular death to an archetypal situation described in the Bible. Verses are often quoted about a character with the same name as the late person. However, the citation is often indirect: what is cited is not the Bible *per se*, but various later texts, which cite the Bible. Thus, the blessing formula הַחַיִּים בְּצִרּוֹר צְרוּרָה הַנֶּפֶשׁ תִּהְיֶה “May his/her heart be bound in the Bundle of Life” is based on the biblical verse “but the soul of my lord shall be bound in the bundle of life with the Lord thy God” (1 Samuel 25:29), where the matter is not death, but quite the opposite, protection of a living person. This quote appears in epitaphs because it is featured in the common prayer *Yizkor*, which in turn is based on an interpretation of the הַחַיִּים צְרוּר “Bundle of Life” in rabbinic literature.

Traditional epitaphs are written in Hebrew. Inclusions in other languages are rare, with the exception of rabbinical Aramaic expressions. Epitaphs are almost never written in Yiddish, since Yiddish was the household language and epitaphs were not meant for idle reading⁴⁶. Having said that, Yiddish, which was the mother tongue for the authors of Hebrew inscriptions, is sometimes discernible through this Hebrew. Whenever they needed to refer to a phenomenon with no equivalent in the sacred Hebrew books, for example, a place name or a family name, they would switch to the typical Yiddish orthography.

Later epitaphs from the period of modernization and decline of the traditional society (late 19th-early 20th century) could be bilingual or composed completely in a language other than Hebrew: Russian or Polish, especially during the Soviet period, when knowledge of Hebrew gradually dwindled. Despite that, certain Hebrew elements, such as the initial Hebrew abbreviation פֿ (“here lies”) the final blessing formula תְּנִצְבֶּה were often preserved.

6. Conclusion

To summarize, Hebrew epitaphs express the idea of a connection between the “sacred” world of Scripture and religious Hebrew books and the world of everyday life of a *shtetl* or community. This can be traced at several levels. *First*, at the level of inscriptions’ structure, the epitaph includes an indication of the place (נִטְמֵן פֿה “here lies”), time (date), and name, thus tying the deceased to a specific “coordinate system”. *Second*, biblical quotations emphasize the relation of a particular life and death to the situation with that described in the Bible. *Third*, at the language level, despite the fact that epitaphs are almost always written in Hebrew and not in Yiddish, we are dealing with certain features of Hebrew-Yiddish bilingualism. Hebrew terms could simultaneously be Yiddish lexemes. We observe orthography code-switching between Hebrew consonant spelling and Yiddish phonetic spelling, depending on whether the concept is found in Hebrew holy books or in everyday life. *Fourth*, epitaphs occupy an intermediate position between the “high”, author’s literature and canonical religion, on the one hand, and folk literature and religion, on the other hand.

Epitaphs from Belorussia are usually shorter than those from Ukraine and Poland, apparently, due to the lack of soft stone material appropriate for carving. Thus, in earlier epitaphs, for example, in Hlybokaye, the final blessing formula can be omitted and names can be abbreviated.

⁴⁶ However, the language of the epitaphs is not Biblical Hebrew but is rather a set of standard Hebrew formulas. In the “inherent” (Hebrew/Yiddish) Jewish bilingualism, Hebrew (*loshn-koydesh*) was the language of Scriptures and their realities, while Yiddish (*mameloshn*) served as the household language. This specific distribution of functions between two Jewish languages is what Weinreich called the “internal Jewish bilingualism” (Weinreich 2008: 247). In a traditional Jewish society, Hebrew and Yiddish were not always opposed to each other, but existed in a close symbiosis. In the period preceding modernization, the Hebrew language (studied from the sacred books) served to denote “bookish” realities and referents, while Yiddish (used in everyday life) served to denote everyday realities. This explains a number of features of switching between the phonetic and consonant spelling in epitaphs (Nosonovsky 2008: 53—76).

References

- Amosova, S. (ed.). 2015. *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*. Moscow: Sefer.
- Beider, A. 2015. *Origins of Yiddish Dialects*. Oxford: Oxford University Press.
- Fishel, A., Nosonovsky, M. 2017. Rediscovered Gravestones from a Destroyed Jewish Cemetery in Ostróg: The Case of Two Inscriptions of 1445. *Zutot* 14, 73—87.
- Fogelman, M. 1961. Tehe nišmato z'erura bi-z'eror ha-hayim (May his Soul be Bound in the Bundle of Life). *Sinay* 49, 176—180 (in Hebrew).
- iajgsjewishcemeteryproject.org: 1: Belarus. Available at: <https://www.iajgsjewishcemeteryproject.org/belarus/index.html> (accessed 01.11.2021).
- JEPS 2015: A gravestone with the happy end. Available at: <https://news.jeps.ru/novosti/nadgrobie-s-xeppi-edom.html> (accessed 2.10.2019).
- jewishgen.org: 1: Belarus Cemeteries. Available at: <https://www.jewishgen.org/belarus/tools/cemeteries/index.html> (accessed 01.11.2021).
- jhrghbelarus.org: 1: Jewish Heritage Research Group in Belarus. Available at: http://www.jhrghbelarus.org/Heritage_Cemeteries.php (accessed 01.11.2021).
- Kheyfets, M. 1994. Evreyskoe nasledie Belorussii (Jewish heritage of Byelorussia). In: Dymshits, V. (ed.). *Istoriya evreev na Ukraine I v Belorussii (History of Jews in Ukraine and Byelorussia)*. Saint Petersburg: Jewish University.
- Kopchenova, I. (ed.). 2013. *The Shtetl of Zheludok in Contemporary Cultural Memory*. Moscow: Sefer.
- Kraemer, D. 2000. *The Meanings of Death in Rabbinical Judaism*. London; New York: Routledge.
- Krajewska, M. 1989. Cmentarze żydowskie w Polsce: nagrobki i epitafia. *Polska sztuka ludowa* 1-2, 27—44.
- Muratov, I. 2009. Jewish tombstone epigraphic from Belarus. Jewish cemetery in Druya In: Chlenov, M. (ed.). *Tirosh — Studies in Judaica*. Vol. 9. Moscow: Sefer, 78—103 (Judaica Rossica).
- Nosonovsky, M. 1999 Hebrew epitaphs of the 16th century from Ukraine, *Monuments of Culture: New Discoveries — 1998*. Moscow: Nauka, 16—27 (in Russian).
- Nosonovsky, M. 2006. *Hebrew inscriptions from Ukraine and former Soviet Union*. Washington: Lulu.
- Nosonovsky, M. 2008. Old Jewish Cemeteries in Ukraine: History, Monuments, Epitaphs. In: Chlenov, M. (ed.). *The Euro-Asian Jewish Yearbook — 5768 (2007/2008)*. Moscow: Pallada, 237—261.
- Nosonovsky, M. 2008. The scholastic lexicon in Ashkenazi Hebrew and orthography, Pinkas. *Journal of the Culture and History of East European Jewry* 2, 53—76.
- Nosonovsky, M. 2009. Folk beliefs, mystics and superstitions in Ashkenazi and Karaite tombstone inscriptions from Ukraine. *Markers* 26, 120—147.
- Nosonovsky, M. 2017 Evreyskie nadgrobyne nadpisi iz Glubokogo kak istoricheskij istochnik I yavlenie kul'tury (Hebrew epitaphs from Głębokie as a historical source and as a cultural phenomenon). In: Kopchenova, I (ed.) *Glubokoe: pamyat' o evreyskom mestechke (The Shtetl of Hlybokaye in Contemporary Cultural Memory)*. Moscow: Sefer, 287—300.
- Reiner, A. 2011. Epitath Style of Tombstones from Würzburg Cemetery between 1147—1346. In: Müller, K., Schwarzfuchs, S., Reiner, R. (eds). *Die Grabsteine vom jüdischen Friedhof in Würzburg aus der Zeit vor dem Schwarzen Tod*. Neustadt: Verlagsdruckerei Schmidt, 263—295.
- Rosenthal, H, 1904. Lithuania. *Jewish Encyclopedia*. Vol. 8. Leon — Moravia. New York; London: Funk and Wagnalls Company, 118.
- Shapira, D. 2010. Yiddish — German, Slavic, or Oriental? *Karadeniz Araştırmaları* 6, 127—140.
- sztetl.org.pl: 1: Bielawski K. Terra incognita — Jewish cemeteries and places of martyrdom in Belarus. Available at: <https://sztetl.org.pl/en/tradycja-i-kultura-zydowska/tradycja-i-kuchnia/terra-incognita-zydowskie-cmentarze-i-miejsca-martyrologii-na-bialorusi> (accessed 01.11.2021).
- van der Horst, P.W. 1991. *Ancient Jewish Epitaphs: an Introductory Survey of a Millennium of Jewish Funeral Epigraphy (300 BCE — 700 CE)*. Kampen: Kok Pharos.
- Veidlinger, J. 2013. *In the Shadow of the Shtetl*. Bloomington. Indianapolis: Indiana University Press.
- Weinreich, M. 2008. *History of the Yiddish Language*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wiesemann, F. 2005. *Sepulcra judaica. Bibliographie zu jüdischen Friedhöfen und zu Sterben, Begräbnis und Trauer bei den Juden von der Zeit des Hellenismus bis zur Gegenwart*. Essen: Klartext Verlag.
- Wodziński, M. 1998. *Groby cadyków w Polsce. O chasydzkiej literaturze nagrobnej i jej kontekstach*. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej.

Искусствоведение

Art history

УДК 736; 930.85

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.25.61.037

М.М. Маммаев

СТЕЛА XVI в. ИЗ с. КУМУХ —
ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА *

В статье рассматриваются особенности декоративной отделки надмогильного памятника начала XVI в. из селения Кумух Лакского района Республики Дагестан. Этот памятник привлекал в прошлом внимание искусствоведов, историков, эпиграфистов, но как памятник камнерезного искусства и высокохудожественное произведение исламского искусства оставался подробно не изученным. Исходя из искусной резьбы стелы, четкой, ясной, хорошо продуманной композиции декора, каллиграфически выполненных рельефных арабских надписей в гармоничном сочетании с растительным орнаментом, автор рассматривает ее как высокохудожественное произведение средневекового камнерезного искусства Дагестана. Автор допускает возможность датировки стелы несколько более ранним временем, чем предшествующие исследователи, а именно началом XVI в. с учетом особенностей ее декоративного убранства. Судя по размерам, отделке надмогильного памятника и эпитафии, можно полагать, что погребенный имел высокий прижизненный социальный статус и погиб мучеником (араб. *шахид ас-са'ид*) в сражении в период военного противостояния Гази-кумухских шамхалов и Кабардинских князей.

Ключевые слова: Дагестан, Кумух, исламское искусство, резьба по камню, надмогильная стела, арабская эпиграфика.

Сведения об авторе: Маммаев Мисрихан Маммаевич, доктор искусствоведения, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Контактная информация: 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: misrixan37@mail.ru.

М.М. Mammaev

STELE OF THE 16th c. FROM KUMUKH VILLAGE —
A HIGHLY ARTISTIC WORK OF ISLAMIC ART

The article examines the features of decorative decoration of the tombstone of the beginning of the 16th century from the village of Kumukh (Lak district, Republic of Dagestan). Earlier this stele drew attention of art critics, historians, epigraphists, but as the monument of stone-cutting art and highly artistic work of Islamic art not studied in detail. Proceeding from a skillful carving of the stele, the accurate, clear, well thought decor composition, calligraphic Arab inscriptions in a harmonious combination with a vegetable ornament, the author considers it as highly artistic work of medieval stone-cutting art of Dagestan. The author admits the possibility of dating the stele a little earlier than previous researchers, namely the beginning of the 16th c. taking into account the features of its artistic. Judging by the size, decoration of the stele and epitaph, it can be believed that the buried man had a high lifetime social status and died as a martyr (Arab. *shahid al-sa'id*) in the battle during the military confrontation between the Ghazi-Kumukh shamkhals and Kabarda princes.

Key words: Dagestan, Kumukh, Islamic art, stone carving, stele, Arabic epigraphy.

---

* Статья поступила в номер 15 июня 2021 г.
Принята к печати 10 июля 2021 г.

About the author: Mammaev Misrikhan Mammaevich, Dr. habil. (Cultural Studies), Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 367030, Russia, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: misrixan37@mail.ru.

Селение Кумух Лакского района Республики Дагестан, расположенное в горной зоне — один из древних и широко известных населенных пунктов Дагестана, где в эпоху средневековья было создано немало ценных памятников резьбы по камню, арабской эпиграфики, каллиграфии и орнаментики, представляющие собой высокохудожественные произведения исламского искусства Дагестана. К их числу относится рассматриваемая ниже мусульманская стела начала XVI в. Другое высокохудожественное произведение камнерезного искусства, арабской эпиграфики и орнаментики, датированное 889 г. хиджры / 1484—1485 г., также находящееся в Кумухе, с подробным описанием особенностей декоративной отделки опубликовано нами в 2005 г. в специальной статье (Маммаев 2005: 103—119).

Описываемая стела — надмогильный памятник в виде вертикально поставленной у изголовья могилы погребенного высокой каменной плиты трапециевидной формы (низ несколько уже верха стелы), изготовленной серого мелкозернистого песчаника (рис. 1). Высота ее 143 см, ширина сверху 72 см, ширина внизу 62 см, толщина плиты 11 см. Памятник был зафиксирован нами, сфотографирован, а с его декора снят эстампажный отпечаток еще в 1976 г. С тех пор он оставался неопубликованным по разным причинам. Учитывая большую научно-познавательную и историческую значимость памятника, мы решили опубликовать его подробное описание с анализом особенностей художественной отделки.

Следует отметить, что рассматриваемый памятник давно привлекал внимание ученых. В 1966 г. общее и очень краткое описание его дал искусствовед П.М. Дебиров (Дебиров 1966: 49, 147, рис. 97). Краткое же описание памятника и перевод представленных в его нижней части рельефных арабских надписей в 1984 г. издал востоковед, проф. А.Р. Шихсаидов (Шихсаидов 1984: 293—295, рис. 122). Однако арабские надписи боковых вертикальных полос П-образной орнаментально-эпиграфической полосы остались не переведенными на русский язык из-за трудности чтения.

Только одна фотография стелы, без ее описания была опубликована и нами в 2005 г. (Маммаев 2005: 116, рис. 4) для сопоставления его декора с декором другого кумухского надмогильного памятника с датой 889 г. хиджры / 1484—1485 г., поставленного над могилой «паломника обеих святынь» (Шихсаидов, 1984: 290, рис. 119) (рис. 3).

Как памятник искусной резьбы по камню и как высокохудожественное произведение исламского искусства стела оставалась должным образом не исследованной.

Памятник находится на кладбище, носящем название Табахлу или Гьухъал (Хукал)¹, расположенном за северной окраиной селения Кумух. Сохранность его удовлетворительная. Но под воздействием атмосферных явлений раскрошился левый верхний угол, частично задев декор. В меньшей степени отслоился правый верхний угол. Ниже этого угла с боковой стороны плиты имеется небольшой скол, который слегка затронул декор. Такой же скол имеется и в левой нижней части памятника. Самая нижняя часть стелы на всё её ширину

¹ О кладбище Табахлу см.: (Лавров 1966: 207).

отслоилась от влаги и сырости, сохраняющейся в грунте сравнительно долгое время после дождя или таяния снега².

По верхнему и боковым краям памятника располагается широкая (18,5 см с учетом свободных от декора боковых полос) П-образная орнаментально-эпиграфическая полоса, густо заполненная рельефной арабской надписью и рельефным растительным орнаментом. В средней части орнаментально-эпиграфических полос, с правой и левой сторон, симметрично располагаются два фигурных рельефных картуша (рис. 1, 2: 1), густо заполненных рельефным же растительным орнаментом сложной композиционной структуры и с относительной (свободной) зеркальной симметрией: верхняя и нижняя их половины одинаковые, они совпадают. Относительной симметрии потому, что в элементах орнамента имеются небольшие различия. Аналогичный фигурный картуш с подобной орнаментальной композицией помещен в горизонтальном положении в верхней части П-образной орнаментально-эпиграфической полосы, окаймляющей памятник (рис. 1).

Общая композиционная схема орнамента внутри этих трех картушей одинаковая, но абсолютно не совпадает, имеет незначительные отличия. Это свидетельствует о том, что картуши и орнамент в них выполнены мастером от руки, без трафарета, но по заранее нанесенному на каменную плиту рисунку. Об этом же свидетельствует и то, что размеры всех трех картушей не одинаковые: высота правого из них составляет 30 см, левого — 28 см, длина верхнего горизонтального — 31,5 см. Все это служит показателем высокого мастерства камнереза как орнаменталиста.

Орнамент на боковых (бордюрных) полосах представляет собой мотив, называемый в орнаментике «вьюнок» или «побегун» — волнистый побег стебля со спирально скрученными ответвлениями, несущими трилистники, полутрилистники, листочки разных форм.

Рельефная арабская надпись на П-образной орнаментально-эпиграфической полосе выполнена на фоне растительного орнамента. Но орнамент выполнен на одном уровне, в одной плоскости с рельефной надписью, равномерно и плотно заполняя свободные промежутки между буквами.

Арабскую надпись на П-образной орнаментально-эпиграфической полосе (прерываемую посередине картушами с орнаментом) специалистам-востоковедам Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН и факультета востоковедения Дагестанского государственного университета перевести пока не удалось. Буквы надписи несколько стилизованы, орнамент и надпись настолько переплетены и взаимосвязаны, образуя сложную вязь текста и декора, что трудно отделить их друг от друга. Вероятно, по этим причинам проф. А.Р. Шихсаидов, имевший большой опыт эпиграфиста, не перевел её.

Надписи и орнамент, представленные на памятнике, показывают, что мастер, выполнивший его резьбу, был не только опытным орнаменталистом, но и искусным каллиграфом.

Центральное поле памятника по вертикали, сверху вниз, разделено на 4 участка (рис. 1). На верхнем, самом большом участке, помещен листовидной (каплевидной) формы рельефный медальон (рис. 1, 2: 2), высотой 39 см (своего рода эмблема), заключенный в заглубленный прямоугольник (31,5 × 42,5 см). Медальон густо заполнен сравнительно

² К сожалению, изготовленные из песчаника средневековые надмогильные памятники с. Кумух и других дагестанских селений портятся под воздействием атмосферных явлений. Опубликованные П.М. Дебировым, Л.И. Лавровым, А.Р. Шихсаидовым и нами памятники имеют обломы, сколы, раскошения, образовавшиеся из-за воздействия атмосферных процессов. Чрезвычайно важно сохранить для будущих поколений хотя бы в публикациях подробное описание таких высокохудожественных памятников исламского искусства, подобных рассматриваемому в данной статье.

мелким рельефным растительным орнаментом относительной зеркальной симметрии — правая и левая половины её одинаковые, но абсолютно не совпадают. Имеются незначительные различия в элементах орнамента — трилистниках, полутрилистниках, листочках. Следовательно, и эта орнаментальная композиция выполнена мастером от руки, вероятно, предварительно начертившим её специальным металлическим инструментом с острым рабочим концом или другим инструментом.

По верхним и нижним краям медальона находились многолепестковые рельефные розетки, которые отслоились.

Ниже листовидного медальона в прямоугольнике располагается рельефный круглый медальон, заключенный в четырехугольник (30 × 30 см) (рис. 1, 2: 3). Медальон (диаметром 25 см) плотно покрыт растительным орнаментом в виде восьмиконечной плетенки рельефного растительного орнамента, имеющей в концах 4 трилистника и столько же полутрилистников с удлиненными и заостренными концами. В верхних и нижних углах четырехугольника находятся многолепестковые розетки.

Ниже участка с круглым медальоном расположены два прямоугольника. Внутренние размеры верхнего из них: высота 18 см, ширина 27 см. Размеры нижнего четырехугольника — 20 × 25 см. Четырехугольники плотно заполнены рельефными арабскими надписями, представляющие эпитафии и которые были переведены проф. А.Р. Шихсаидовым. Надпись в верхнем четырехугольнике гласит: «Это могила счастливого мученика»: надпись в нижнем прямоугольнике является продолжением предыдущей: «паломника обеих святынь, Мамма, сына Киласа» (Шихсаидов 1984: 294).

Надписи выполнены от руки в низком плоском рельефе почерком *сульс*. В надписи включены отдельные орнаментальные элементы в виде трилистников, полутрилистников, листочков разных форм, которые заполняют свободные промежутки между буквенной вязью и придают надписям декоративность. В левом углу надписи в верхнем четырехугольнике, представлен небольшой выюнок — волнистый побег стебля, тянущийся снизу вверх и несущий трилистники и полутрилистники; там же расположен горизонтальный выюнок, завершающийся полутрилистником (рис. 1). На обратную сторону надгробия нанесена арабская надпись — трудный для перевода коранический текст.

Как видно из надписи в четырехугольниках, данный памятник был поставлен на могилу духовного лица, совершившего *хадж* — паломничество в Мекку и Медину. Годы его жизни не известны. Памятник А.Р. Шихсаидов датировал ориентировочно серединой XVI в. (Шихсаидов 1984: 295). Возможно, он датируется началом XVI в. с учетом в определенной степени близости его художественной отделки к памятнику 889 г. хиджры / 1484—1485 г. (рис. 3). Общность его с последним проявляется в П-образном оформлении бордюра плиты, в отделке центрального поля медальонами с рельефным растительным орнаментом, в наличии рельефных арабских надписей в прямоугольниках в нижней части стелы, а также в том, что в обеих эпитафиях сообщается о погребенных, являвшихся «паломниками обеих святынь». Оба памятника расположены на кладбище Табахлу.

Известно, что размеры памятника, качество и богатство его художественного оформления служат определенными показателями прижизненного социального статуса погребенного. Судя по очень высокому уровню декоративного убранства рассматриваемого памятника XVI в., он был поставлен на могилу Маммы сына Киласа (как и памятник 889 г.х. / 1484—1485 г. на могиле Умара сына Ахмада — рис. 3) представителю духовной элиты средневекового Гази-Кумуха — важного политического, идеологического, административного и крупного торгово-экономического центра Дагестана, столицы одного из сильных и влиятельных феодальных владений — Гази-Кумухского шамхальства.

Мамма ибн Килас, как и Умар ибн Ахмад, при жизни пользовался, должно быть, большим авторитетом, хорошо владел арабским языком, продолжал дело своего предшественника в укреплении позиций ислама, а до него (до Умара) и дело шейха, сайида, *мударриса* (преподавателя) Ахмада ал-Йамани ал-Газикумухи ад-Дагистани, переселившегося из Йемена в Гази-Кумух, прожившего там долгое время (1432—1450), умершего и похороненного там же в 1450 г. (Шихсаидов 2008: 181—186; 2010: 82—93).

О надписи, помещенной в нижних четырехугольниках, А.Р. Шихсаидов писал, что она «по своему содержанию и формуле сближается с двумя другими надписями (из Кумуха), в свое время зафиксированными Али Каяевым, но ныне не сохранившимися». Приведем здесь одну из этих несохранившихся надписей (ее приводил в своей книге и востоковед Л.И. Лавров (Лавров 1966: 149): «Юноша прекрасный, благородный, самый щедрый, славнейший, прощенный, счастливый, мученик, убитый в сражении с неверными чаркас, Мухаммад сын Уммал Мухаммада, — в месяц мухаррам девятьсот шестидесятого года». Мухаррам 960 г. хиджры приходится на конец декабря 1552 — конец января 1553 г. Далее А.Р. Шихсаидов заключает: «Возможно, Мамма, сын Киласа также был в числе «мучеников» в борьбе «с кафирами» за пределами Дагестана» (Шихсаидов 1984: 294—295). Замечу, что упомянутый Мухаммад сын Уммал Мухаммада являлся братом правителя Гази-кумухского шамхальства Будаи-шамхала.

В этой связи следует отметить, что к середине XVI в. отношения между гази-кумухскими шамхалами и кабардинскими и черкесскими князьями резко обострились в борьбе за гегемонию на Северном Кавказе и в связи с военно-политической активизацией Крымского ханства и Османской Турции. В 1557—1559 гг. обе враждующие стороны старались заручиться поддержкой Москвы. Кабардинские князья просили у Ивана IV Грозного помощи в борьбе против шамхалов, а шамхалы просили у него поддержки в борьбе с черкесскими и кабардинскими князьями. В 1557 г. в русское подданство был принят сильный и пользовавшийся авторитетом кабардинский князь Темрюк Идаров. И этот военно-политический союз в 1560 г. был скреплен браком Ивана IV Грозного с дочерью Темрюка Марией. Иван IV занял сторону Кабарды (История Дагестана 2004: 382—383).

Гази-кумухские шамхалы, выступавшие в этот период союзниками Крымского ханства, совершали неоднократные походы на Кабарду, граница с которой в этот период проходила по Тереку. Одной из целей этих походов являлась и исламизация Кабарды. И не исключено, что Мамма, сын Киласа, был участником похода войск шамхала в Кабарду в начале XVI в., и погиб в одном из сражений «с неверными (т.е. немусульманами) чаркас» и был посмертно удостоен титула «счастливый мученик» (араб. *шахид ас-са'ид*).

Междоусобная борьба феодальных владетелей Дагестана и Кабарды продолжалась и в последующее время. В 1556 г. шамхал Будаи совершил поход в Кабарду. Но в произошедшем сражении его отряд был разбит, а сам Будаи погиб и тоже был удостоен посмертного титула «счастливый мученик», как об этом гласит эпитафия на его надмогильной стеле (Лавров 1966: 209; Шихсаидов 2008: 295). Обращает внимание, что на всех упомянутых трех стелах, относящихся к очень близкому хронологическому диапазону и принадлежавших шамхалу Будаю, его брату Мухаммаду и некоему Мамме сыну Киласа, фигурирует почетный посмертный титул *шахид ас-са'ид*. Замечу, что этот же титул фигурирует в эпитафии на стеле с П-образной полосой некоего Вали-Шаха сына Шакила, погибшего в 915 г. хиджры (апрель 1509 — апрель 1510 г.) при осаде Дербента войсками шаха Исмаила (Gadjiev 2019: 139—144; Гаджиев, Фризен 2020: 1039—1040, рис. 5, 6).

Искусная резьба стелы, четкая и ясная, хорошо продуманная композиция всего декора, взаимосвязь его частей и деталей, мастерски выполненные композиции П-образного

обрамления стелы и медальонов центрального поля, симметрия и соразмерность узорных элементов, каллиграфически исполненные арабские надписи – все это позволяет отнести описанный надмогильный памятник к высокохудожественному произведению средневекового исламского искусства Дагестана.

На мусульманском кладбище Хукал других, так высокохудожественно отделанных памятников, как памятники 889 г. хиджры и описанный нами начала XVI в., отсутствуют. Но имеются стелы, которые декорированы на довольно высоком уровне арабскими надписями, а растительный орнамент в их отделке занимает незначительное место.

Мы уже писали о том, что, в декоративном оформлении надмогильных памятников Кумуха, относящихся к XV в., доминирует растительный орнамент (Маммаев 2005: 103). С XVI в. декор кумухских памятников значительно меняется. В декоративных целях стали очень широко использовать арабские надписи — изречения из Корана, которые наносились на лицевую и обратную стороны памятников, а растительный орнамент в их художественной отделке занимал скромное место. Вырабатывается особый стиль украшения надгробий – так называемый «шамхальский стиль» (Лавров 1957: 382; Дебиров 1966: 50—51). Все это было связано, вероятно, с дальнейшим усилением позиций ислама в средневековом Кумухе и превращением этого селения в очаг распространения мусульманской религии в Дагестане и за его пределами (История Дагестана 1967: 198; Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 336—337), что обусловило прибавление к названию этого исламского центра почетного эпитета *гази* («воитель за веру») и селение стало именоваться Гази-Кумух (История Дагестана 1967: 198).

На рассмотренных выше надмогильных памятниках XV—XVI вв. «паломников обеих святынь» представлены имена представителей духовной элиты средневекового Гази-Кумуха — предшественников известных по данным Назира из Дургели выдающихся ученых и богословов из этого селения (Назир ад-Дургели 2012: 35—38, 130—133).

Средневековые надмогильные памятники из Кумуха и других лакских селений представляют значительный интерес и в том аспекте, что на них представлены начальные образцы традиционного лакского растительного орнамента, получившего впоследствии, особенно в XIX — начале XX в., большое развития и совершенство (Дебиров 2001: 47—59).

Литература

- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. *История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.* Махачкала: ДНЦ РАН.
- Гаджиев М.С., Фризен С.Ю. 2020. Средневековое мусульманское захоронение мужчины с боевыми травмами у стен Дербента. *История, археология и этнография Кавказа* 16.4. 1034—1048.
- Дебиров П.М. 1966. *Резьба по камню в Дагестане.* Москва: Наука.
- Дебиров П.М. 2001. *История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов.* Москва: Наука.
- История Дагестана 2004: Османов А.И. (ред.). 2004. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней.* Т. 1. *История Дагестана с древнейших времен до XX века.* Москва: Наука.
- История Дагестана. 1967. Т. 1. Москва: Наука.
- Лавров Л.И. 1957. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. *Сборник Музея антропологии и этнографии* 17, 373—384.
- Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Ч. 1. *Надписи X—XVII вв.* Москва: Наука.
- Маммаев М.М. 2005. К интерпретации орнаментального декора памятника камнерезного искусства и арабской эпиграфики XV в. из с. Кумух. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 2, 103—119.

- Назир ад-Дургели 2012. Шихсаидов А.Р., Кемпер М., Бустанов А.К. (пер., комм.). 2012. *Улада умов в биографиях дагестанских ученых (Низхат ал-азхан фи тараджим `улама` Дагистан)*. Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения. Москва: Марджани.
- Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.
- Шихсаидов А.Р. 2008. *Очерки истории, источниковедения, археологии средневекового Дагестана*. Махачкала: Дагкнигоиздат.
- Шихсаидов А.Р. 2010. Ахмад ал-Йамани. В: Аликберов А.К., Бобровников В.О. (сост., отв. ред.). *Дагестан и мусульманский Восток*. Москва: Марджани, 82–93.
- Gadjiev M. 2019. A Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent. *Iran and the Caucasus* 23.2, 139–144.

References

- Gadjiev, M.G., Davudov, O.M., Shikhsaidov, A.R. 1996. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa XV v. (History of Dagestan from ancient times to the end of the 15th c.)*. Makhachkala: DNTS RAN (in Russian).
- Gadjiev, M.S., Frizen, S.Yu. 2020. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza (History, archeology and ethnography of the Caucasus)*. 16.4, 1034–1048 (in Russian).
- Debirov, P.M. 1966. *Rez'ba po kamnyu v Dagestane (Stone carving in Dagestan)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Debirov, P.M. 2001. *Istoriya ornamenta Dagestana. Vozniknoveniye i razvitiye osnovnykh motivov (The history of the ornament of Dagestan. The emergence and development of basic motives)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Istoriya Dagestana 2004: Osmanov, A.I. (ed.). 2004. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of Dagestan from ancient times to the present day)*. Vol. 1. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do XX veka (History of Dagestan from ancient times to the 20th c.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Istoriya Dagestana (History of Dagestan)*. 1967. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1957. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)* 17, 373–384 (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1966. *Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish)*. Pt. 1. *Nadpisi X–XVII vv. (Inscriptions of the 10th – 17th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Mammaev, M.M. 2005. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 2, 103–119 (in Russian).
- Nazir ad-Durgeli 2012. Shikhsaidov, A.R., Kemper, M., Bustanov, A.K. (transl., comm.). 2012. *Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh (Nizhat al-azkhan fi taradzhim `ulama` Dagistan)*. *Dagestanskiye uchenyye X–XX vv. i ikh sochineniya (Delight of minds in the biographies of Dagestani scientists (Nizhat al-azhan fi tarajim `ulama` Dagistan). Dagestani scientists of the 10th – 20th cc. and their compositions)*. Moscow: Mardzhani (in Russian).
- Shikhsaidov A.R. 1984. *Epigraficheskiye pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik (Epigraphic monuments of Dagestan 10th – 17th cc. as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R. 2008. *Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana (Essays on the history, source study, archeography of medieval Dagestan)*. Makhachkala: Dagkniгоizdat (in Russian).
- Shikhsaidov A.R. 2010. In: Alikberov, A.K., Bobrovnikov, V.O. (comp., ed.). *Dagestan i musul'manskiy Vostok (Dagestan and the Muslim East)*. Moscow: Mardzhani, 82–93 (in Russian).

Рис. 1. Надмогильная стела XVI в. in situ, сел. Кумух (Лакский район, Республика Дагестан).

Fig. 1. Tombstone of the 16th c. in situ, Kumukh village (Lak district, Republic of Dagestan).

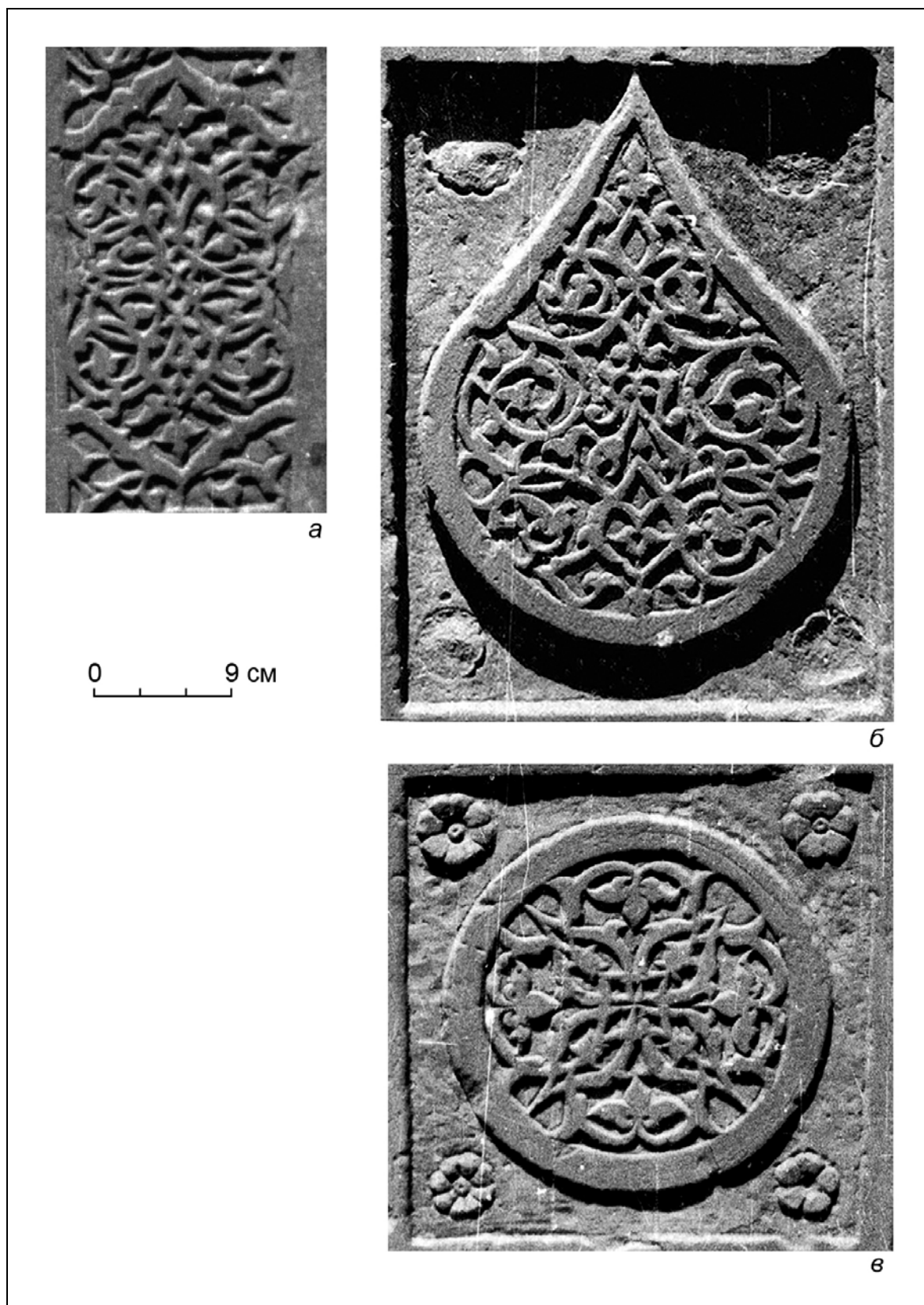
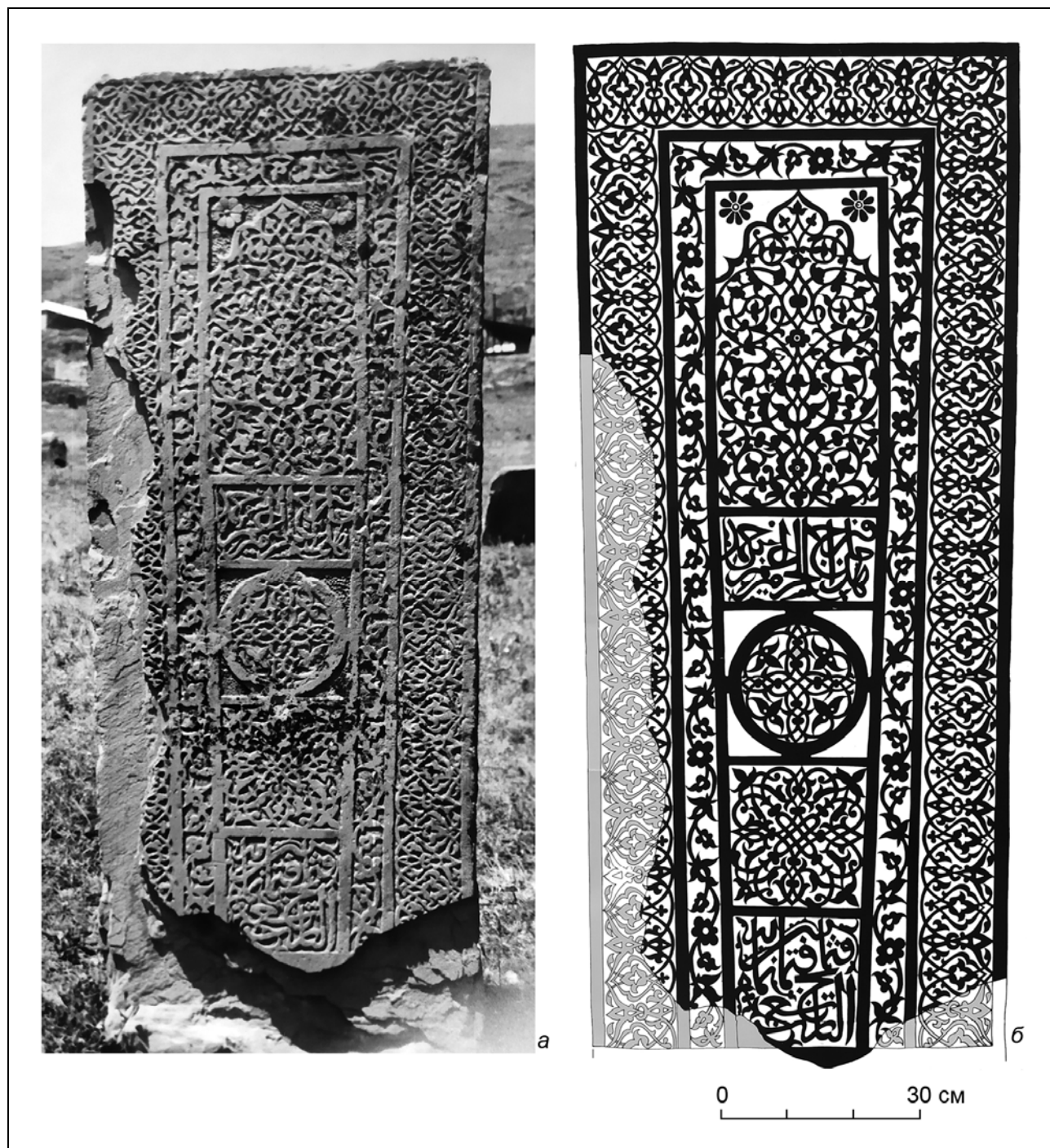

Рис. 2. Надмогильная стела XVI в., сел. Кумух (Лакский район, Республика Дагестан).
Орнаментальные картуши.

Fig. 2. Tombstone of the 16th c. in situ, Kumukh village (Lak district, Republic of Dagestan). Ornate cartouches.

Рис. 3. Надмогильная стела 1484—1485 гг., сел. Кумух (Лакский район, Республика Дагестан):
a — фото in situ, *б* — прорисовка.

Fig. 3. Tombstone of 1484—1485 CE, Kumukh village (Lak district, Republic of Dagestan):
a — in situ, *б* — drawing.

Рецензии и отзывы

Reviews

УДК 811

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.94.59.038

Kutluay Erk

BOOK REVIEW: APATÓCZKY, Á.B., ATWOOD, Ch.P. (EDS.), KEMPF, B. (G.-ED.). 2018. PHILOLOGY OF THE GRASSLANDS: ESSAYS IN MONGOLIC, TURKIC, AND TUNGUSIC STUDIES. LEIDEN; BOSTON: BRILL (THE LANGUAGES OF ASIA. VOL. 17)*

Professor György Kara, a distinguished member of academia, celebrated his 80th birthday recently. His students and colleagues commemorated this occasion with papers on Altaic Studies. The work, which consists of 24 articles, was edited by Ákos Bertalan Apatóczy and Christopher P. Atwood, and guest-edited by Béla Kempf. The main topics discussed in the work are Manuscripts-Texts Analyse, Sino-Mongol Glossaries, Middle Turkic, Middle Mongolian, Oirat, Tungus, Modern Mongolian, Khalka, Kipchak, Morphology.

Key words: review, altaistic, mongolian, philology, analyse.

About the author: Erk Kutluay, PhD (Philology), Ege University, Institute of Turkish World Studies, Department of Turkish Language and Dialects.

Contact information: 35040, Turkey, Bornova/İzmir, Ege University, Institute of Turkish World Studies; e-mail: kutluay.erk@windowslive.com.

Кутлуай Ерк

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АПАТОЦКИ А.Б., ЭТВУД К.П. (РЕД.), КЕМПФ Б. (ПРИГЛ. РЕД.). 2018. ФИЛОЛОГИЯ ПАСТБИЩ: ОЧЕРКИ НА МОНГОЛЬСКОМ, ТЮРКСКОМ И ТУНГУСОВЕДЕНИЕ. ЛЕЙДЕН; БОСТОН: БРИЛЬ (ЯЗЫКИ АЗИИ. Т. 17)

Профессор Дьёрдь Кара, выдающийся академик, недавно отпраздновал свое 80-летие. Его ученики и коллеги отметили это событие докладами по алтайологии. Работа, состоящая из 24 статей, была отредактирована Акошом Берталаном Апатоцки и Кристофером П. Этвудом и приглашенным редактором Белой Кемпф. Основными темами, обсуждаемыми в работе, являются анализ рукописей-текстов, сино-монгольские глоссарии, среднетюркский, среднемонгольский, ойратский, тунгусский, современный монгольский, халка, кипчакский, морфология.

Ключевые слова: обозрение, алтаистика, монгольский язык, филология, анализ.

Сведения об авторе: Ерк Кутлуай, PhD (Philology), Эгейский университет, Институт изучения тюркского мира, кафедра турецкого языка и диалектов.

Контактная информация: 35040, Турция, Боснова/Измир, Эгейский университет, Институт изучения тюркского мира; e-mail: kutluay.erk@windowslive.com.

---

*Статья поступила в номер 14 июля 2021 г.
Принята к печати 01 августа 2021 г.

A large number of works have been published in honor of the birthday of György Kara, a Hungarian Orientalist, philologist, mongolist, and a distinguished member of the Hungarian Academy of Sciences. First of these “Türk Dilleri Araştırmaları, Cilt 10, Festschrift für György Kara, anlässlich seines 65. Geburtstages am 23. Juni 2000, İstanbul-Berlin” edited by Talat Tekin and Mehmet Ölmez. The second is “The Black Master: Essays on Central Eurasia in Honor of Gyorgy Kara on His 70th Birthday, 2005” edited by Agnes Birtalan, Stephane Grivelet, Ruth I Meserve, Giovanni Stary. The third is the work edited by Ákos Bertalan Apatóczy, Christopher P. Atwood, and (guest-edited) by Béla Kempf, which is the subject of our review. The mentioned work consists of 24 articles. To better analyze these articles, we have divided them into two groups: Historical Studies, Modern Studies. These two main headings include the following subheadings: Manuscripts-Texts Analyse, Sino-Mongol Glossaries, Middle Turkic, Middle Mongolian, Oirat, Tungus, Modern Mongolian, Khalka, Kipchak, and Morphology.

1. Historical Studies

1.1. Manuscripts-Texts Analyse

A total of six articles about various fragments, texts, and manuscripts are seen in the work. The first of these is the article entitled “Some Remarks on Page Fragments of a Mongol Book of Taoist Content from Qaraqota” by Otgon Borjigin. The fragments analyzed in this article are the remains of two adjacent leaves in a rectangular xylographic book inscribed with Uyghur-Mongol script. The main value of texts containing interlinear Chinese glosses for the Taoist terms and Chinese personal and place names, is that it is the remainder of the early Mongolian translation of the Chinese Taoist work. Subheadings in the article are the following: Synopsis of the Text, Punctuation, and Orthography, Transcription, Translation of the Text and Notes, Index. Another article is titled “A Mongolian Text of Confession” by Olivér Kápolnás and Alice Sárközi. The analyzed text is a booklet named Tabun čoyča-yin sudur “Sūtra of the five aggregates”. The text consists of the following parts: Veneration to the three jewels and to the thirty-five Buddhas of Confession, List of sins and the punishments, List of virtues and rewards, Request for remission of sins. In the article titled “Kollektaneen zum Uigurischen Wörterbuch: Zwei Weisheiten und Drei Naturen im uigurischen Buddhismus” by Klaus Röhrborn, examines the relationship between the two wisdoms of Mādhyamika Buddhism and the three natures of Vijñānavāda (the two excellent wisdoms “iki törlüg yeg bilgä biliglär”, the three natures or beings “üç törlüg tözlär”). Another article written in this category is Svantesson's article entitled Spelling Variation in Cornelius Rahmn's “Kalmuck Manuscripts as Evidence for Sound Changes”. In this work author analysed the spelling variations found in Cornelius Rahmn's Kalmuck manuscripts, point out some general patterns that are significant for the phonological history of the language, and leaving a detailed interpretation to specialists of the Kalmuck language. Zum Werktitel mongolischer Texte seit dem 17. Jahrhundert by Michael Weiers “On the Working Titles of Post-17th century Mongolian Texts”. In his article Weiers studies and characterizes the particular textual choices of Mongol authors of the period when choosing words to lead off their works, and introduce them to the world. In the process, often making detailed comparisons within his well-founded selection of examples, thereby defining the characteristics of the texts in question, comparing them, and even creating a typology, where appropriate, Weiers also re-interprets them. The article is carefully documented with full information about each of the texts in question, which are then compared in detail in each case to other such texts discussed. Throughout his study, Weiers is very meticulous in his discussions and most of the article is taken up by his comparative individualized discussions. Wu Yingzhe in his

article titled “The Last-Words of Xiao Chala Xianggong in Khitan Script” interprets the “last words” of the tomb owner, which newly found Epitaph of Xiao Chala Xianggong (bilingual inscription in Khitan and Chinese). In this article, referring to the Chinese version and those Khitan words already deciphered, those words which have not been explored yet have been deciphered. Through this bilingual record, the root meanings and their derivations for some Khitan words examined.

1.2. Sino-Mongol Glossaries

The first article on Sino-Mongol Glossaries is the article entitled The Yibu (譯部) Chapter of the “Lulongsai lüe (盧龍塞略)” by Ákos Bertalan Apatóczy. The text analyzed in this article is a chapter incorporated in the Lulongsai lüe, a 17th century comprehensive Chinese military work called the Lulongsai lüe. The article by Pavel Rykin analyzes the Proto-Mongolian Vocabulary in a little-known late 16th — early 17th century Sino-Mongolian glossary in terms of the reflexes of the *VgV and *VxV groups. The two groups are carefully defined by Rykin, with many examples of group derivatives. The stress in the discussion is on improving the reconstruction and understanding of Proto-Mongolian forms and their evolutions. Careful comparisons are made between various Mongolian languages in evaluating the groups and their functions.

1.3. Middle Turkic

Middle Turkic Dialects as Seen in Chinese Transcriptions from the Mongol Yuan Era by Christopher P. Atwood. In this article, the records of the Mongol Yuan dynasty (1271—1368), which preserve some transcriptions of Mongolian and Turkic names, are analyzed. The analysis is classified under three main headings by the author: *Anthroponyms of the Öng'üt (central Inner Mongolia)*, *Anthroponyms of the Naiman (western Mongolia)*, *Selected Western Turkic anthroponyms*. These tables arranged the data from Chinese transcriptions in parallel with alphabetic scripts (Persian or Mongolian). All words have been compared with subtopics like Chinese transcription, Chinese transcription values, Attested alphabetic transliteration, Etymology, and Demonstrated sound changes (Luvsandèndèv 1957: 32).

1.4. Middle Mongolian

The article by Brian Baumann focuses on the allegory and metaphor found in a pre-Classical Mongolian set of verses included in a Sa-sKya-pa treatise on all aspects of salvation. Including. To this end, among another discussion, there is allegory and metaphor apparently directed against women as dirty, smelly and corrupted, and corrupting, as preventing rebirth and salvation. The article discusses the character of this apparent misogyny and its roots in the Buddhist worldview and in monastic asceticism. The paper also looks at the issue of women in other beliefs and belief systems and common elements and differences (Haenisch 1939: 55). “Some Medical and Related Terms in Middle Mongyol” by Volker Rybatzki. In his article, Volker Rybatzki, who by the time of writing was preparing an Etymological dictionary of Middle Mongolian, listed and analyzed Middle Mongolian medical and medically-related terminology, much of which represents old loans in Middle Mongolian. Each example is carefully documented in detail with full source indications and other required information provided (Kara 2009: 27). The article by Elisabetta Ragagnin focuses on the Badəkšaan, “a supernatural creature inhabiting northern Khövsgöl aimag’s high taigas”, according to the Turkic-speaking Dukhan. It is small, blonde, and addicted to reindeer milk.

Ragagnin goes on to discuss the Dukhan and their mythical creature in detail. Ragagnin also discusses related topic such as the etymology of the word Badəkšaan and its likely linguistic origins. Also discussed is a possible connection between the mythical Central Asian toponym of Badaḡšaṅ and Badəkšaan the creature.

2. Modern Studies

2.1. Oirat

Some Aspects of the Language Usage of Darkhat and Oirat Female Shamans Ágnes Birtalan. The article by Ágnes Birtalan focuses on aspects of the language usage of Darkhat and Oirat female shaman, including generalized shamanic usage and a possible specifically female usage. The linguistic and cultural analysis that follows is based on the authors' interviews with shaman and upon her fieldwork. Many terms are discussed in detail and usage among one group of target shaman is compared with usage in others, including usage across languages and cultures. On-going changes in the shaman communities, including political change, are considered by way of background. Proper Names in the Oirat Translation of "The Sutra of Golden Light" Natalia Yakhontova. In her paper, Natalia Yakhontova discusses proper name usage in the Oirat translation of "The Sutra of Golden Light", or Suvanaprabasottama sutra, a major Buddhist text which exists in various versions, including alternative texts due to the vicissitudes of transmission, and in a variety of languages, although the original version was in Sanskrit. She begins by discussing the sutra itself and the various Oirat versions used in the study. Turning to the 150 proper names, applied to various figures in the sutra, major and minor, Yakhontova discusses and compares the names in question by linguistic category, dividing them into original forms and Tibetan-style translations of original forms. The main part of the article consists of a name by name glossary and discussion of all the names by category (Krueger 1978: 65).

2.2. Tungus

"Past Tenses, Diminutives and Expressive Palatalization: Typology and the Limits of Internal Reconstruction in Tungusic" José Andrés Alonso de la Fuente. The article by José Andrés Alonso de la Fuente focuses on various linguistic features of the Tungusic languages (particularly the initial segment in the diminutive suffix), and the impact of these features on such things as philological reconstruction. The features described, the author emphasizes, are not exceptional and must be responded to in reconstruction. The author provides and discusses many specific examples to illustrate his points from a variety of Tungusic languages. Early Serbi-Mongolic-Tungusic Lexical Contact: Jurchen Numerals from the 室韋 Shirwi (Shih-wei) in North China by Andrew Shimunek. In his article, Andrew Shimunek examines the origins of the Manchu-Jurchen numerals 11–19, recognized as of known Mongolic character. and constructs a hypothesis that the numerals represent early lexical contact between Serbi or Xianbei 鮮卑, at the time a wide-spread group in Mongolia and connected areas of Central Asia, and the proto-Mongolic language of the Shiwei (Shirwi) 室韋 then located in North China. After offering his hypothesis, Siemunek follows up by discussing the numerals in question themselves, of which there are two types, one of them an aberrant series with distinctly Mongolic characteristics, type 1, and the other showing the form 10 plus number. He goes on to discuss the sources revealing the type one numerals and the forms that the numerals assume in these sources. In conclusion, he details the full historical and linguistic context for the borrowing. Four Tungusic Etymologies Alexander Vovin. In his article Alexander Vovin examines the

etymologies of four Tungusic words, namely Manchu *Nikan*, 'Chinese,' Oroch and Uita *ilau*, "ritual whittled piece of wood". Oroch *Magiri*, Broad Knife for Cutting Bread, Nanai *sago*, also Kururail *sago*. 'Water' (stale of a rusted color). Each word is discussed in a full comparative context with an in-depth citation of the relevant sources (Louis 1945: 61).

2.3. Modern Mongolian

"On the Phenomeno-Logic behind some Mongolian Verbs" Ines Stolpe and Alimaa Senderjav. Authors Ines Stolpe and Alimaa Senderjav discuss the phonomeno-logic behind some Mongolian verbs, namely *барих*, 'to grasp', and *тавих*, the second with an absolutely huge range of meanings, illustrating the "Mongolian way of thinking." In their article the authors review the theoretical literature and its implications and then go on to a detailed analysis of lists of idiomatic noun-verb forms of the two chosen verbs, including deverbal forms, to illustrate their own points. Also discussed in this section of the paper are other Mongolian verbs and their derivative forms by way of comparison. Brought in for comparative purposes are examples from languages other than Mongolian. In his "Contraction, anticipation et persévération en mongol xalx: quelques réflexions [Contraction, Anticipation, and Perseveration in Khalkha Mongolian, some thoughts] Jacques Legrand discusses the given linguistic features in detail, with many carefully selected examples, particularly of suffixes, and a careful analysis of examples provided comparatively. How the features described are cooperative together in characteristic ways is shown as well.

2.4. Khalka

Pronouns and Other Terms of Address in Khalkha Mongolian Benjamin Brosig. In his Paper, Benjamin Brosig introduces the various Khalkha terms of address and stresses their linguistic and cultural importance in language use, along with the need for proper use, the varying contexts of usage being noted and explained, a theme taken up more than once. After his introduction, Brosig goes on to catalog the various kinds of terms of address and then discusses the inventory of the various terms of address in Khalkha Mongolian by categories, including such things as personal names morphed into terms of address, and compound terms in which an element like *min*, 'my', is added to increase familiarity and immediacy. The paper not only provides many examples of common usage today but even examples of more specialized and complicated usages, carefully explaining the usages including where a choice of forms exists.

2.5. Kipchak

From Tatar to Magyar: Notes on Central Eurasian Ethnonyms in -r Juha Janhunen. In his paper, Juha Janhunen discusses and catalogs the Central Asian ethnonyms, including tribal and clan names, occurring in -r, typical, the author says, of the entire region, extending from Tatar to Magyar. The author attempts to explain why the ethnonym with a final -r is so common in the area stressing coincidence and parallel development as the primary driver of the uniformity. To this end there is a comparative analysis of various ethnonyms of various forms ending in -r, showing how the -r is more often than not functionally different from one -r ethnonym to the other. The examples are organized and discussed by linguistic grouping in full detail. Sino-Mongolica in the Qırǵız Epic Poem *Kökötöy's Memorial Feast* by Saǵımbay Orozbaq uulu Daniel Prior. Daniel Prior is preparing an English translation of the Qırǵız Epic Poem *Kökötöy's Memorial Feast* by Saǵımbay Orozbaq uulu, and draws upon his experience so far to produce notes and annotations on the epic, including a

great deal of information on noted Qirgiz national figure and author Sağımbay Orozbaq uulu, a *Manas*-bard. In his discussion, Prior stresses the Sino-Mongolica side of the epic because of the many common elements existing in Eurasia at the time, and author Sağımbay Orozbaq uulu's own travels to Xinjiang around 1916, where he even learned a little Chinese as well as picking up some story elements to drop into his poem, and contacts also with the Mongolian world of the time including many words he borrows or adapts in his work. Sağımbay Orozbaq uulu's heroes also function in a world that is not only culturally and linguistically, but geographically sophisticated, more so than the comparatively limited geographical world of the *Manas* (Pyrbeev 2001: 300, 413, 415).

2.6. Morphology

The Role of Ewenki VgV in Mongolic Reconstructions Bayarma Khabtagaeva. In her paper, Bayarma Khabtagaeva looks at the Ewenki VgV class of verbs and its use in achieving Mongolian reconstructions. The paper, first of all, establishes the importance of early Mongolic-Ewenki contacts, and stresses, because of the age of the contacts, their potential importance as very old borrowings, for reconstructing early Mongolian forms. The paper then offers a linguistic background for the study, establishing Mongolic-Ewenki connections and their character. Also discussed is the Mongolic intervocalic VGV form. Numerous connected words are also discussed as examples including relevant Ewenki forms, also including early Ewenki borrowings. The Dongxiang (Santa) Ending -ğun and Its Allies Hans Nugteren. Hans Nugteren's paper looks at the Dongxiang (Santa) Ending -ğun and its Allies. The ending -ğun is a specialized ending denoting a generalized location or direction. Nugteren begins by discussing the functions and origin of the suffix, following up with many fully explained examples of usage. In terms of origin, the published etymologies are next fully discussed and explained. This includes a discussion of related forms. This part of the article ends with an alternative etymology, other than the standard published ones. The last part of the article provides tables of usage showing the ending "and its allies" as part of Functional phrases (Chinggeltei 1963: 25; Poppe 1937: 42; Schmidt 1831: 32).

We congratulate the authors and editors who have produced an important work for Altaistic studies by creating this work, which includes outstanding articles. As Ákos Bertalan Apatóczy said *Tümen nasulatughai!*

References

- Pyrbeev, G. Ts. (ed.). 2001a. *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* (Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary). Vol. 1. A—G. Moscow: Academia.
- Chinggeltei. 1963. *A Grammar of the Mongol Language*. New York: Frederick Ungar Publishing Co.
- Haenisch, E. 1939. *Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an*. Leipzig: Harrosowitz.
- Schmidt, I. J. 1831. *Grammatik der Mongolischen Sprache*. St.-Petersburg: Kaiserlichen akademie der wissenschaften.
- Poppe, N.N. 1937. *Grammatika pis'menno-mongol'skogo yazyka* (Grammar writing-Mongolian language). Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Kara, G., Kiripolská, M. 2009. *Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin sang: a Middle Mongol version of the Tibetan Sa-skye legs bshad: Mongol-English-Tibetan*. Leiden; Boston: Brill (Brill's Inner Asian Library 23).
- Krueger, Jh. R. 1978. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Bloomington: Mongolia Society.
- Louis, H. 1945. *Grammaire de la Langue Mongole Écrite*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Luvсандэндэв, А. 1957. *Mongol'sko-russkiy slovar'* (Mongolian-Russian dictionary). Moscow: Izdatel'stvo Inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АГЭ	— Архив Государственного Эрмитажа.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АЕС	— Археология Евразийских степей. Казань.
АМЗТ	— Археологический музей-заповедник. Танаис.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук УССР. Киев.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
АЭ	— Археология эталонов. Танаис.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БИХМ	— Борисоглебский историко-художественный музей.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия.
БЧ	— Боспорские чтения. Керчь.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГУ	— Волгоградский государственный университет.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВЖК	— Высшие женские курсы.
ВКТСМ 1987	— Рыбаков Б.А. (отв. ред.). <i>Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря</i> . Москва: Наука.
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция.
ВУКОПИС	— Всеукраинский Комитет охраны памятников искусства и старины.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации. Москва.
ГИЗ	— Государственное издательство. Москва.
ГИКМ	— Губернаторский историко-краеведческий музей. Оренбург.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИМЮУ	— Государственный исторический музей Южного Урала. Челябинск.
ГЛИАМЗ	— Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Таганрог.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока. Москва.
ГУС	— Государственный ученый совет.
ДАЗ	— Донецкий археологічний збірник. Донецьк.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДГС I	— <i>Древности Геродотовой Скифии I. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях</i> . 1866. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

- ДГС I. Атлас** — *Древности Геродотовой Скифии I. Атлас. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях.* 1866. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ДГС II** — *Атлас. Древности Геродотовой Скифии II. Атлас. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях.* 1872. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ДНУ** — Донецкий национальный университет.
- ДПДР** — Древности Поволжья и других регионов (нумизматический сборник). Москва; Нижний Новгород.
- ДСПК** — Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
- ДФИЦ РАН** — Дагестанский научный центр Российской академии наук. Махачкала.
- ЖМНП** — Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
- Записки ИИМК** — Записки Института истории материальной культуры. Ленинград; Санкт-Петербург.
- ЗООА** — Записки Одесского археологического общества. Одесса.
- ЗООИД** — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИА АН УССР** — Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
- ИА НАНУ** — Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
- ИАИ** — Известия на Националния археологически институт. София.
- ИАК** — Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- ИАЭ СО РАН** — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
- ИВАН СССР** — Институт востоковедения Академии наук СССР. Москва.
- ИИМК РАН** — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
- ИНИОН АН СССР** — Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. Москва.
- ИРАИК** — Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Одесса; София.
- ИТУАК** — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- Кат. Раев 1979** — Раев Б.А. (сост.). 1979. *Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества.* Новочеркасск: Музей истории донского казачества.
- КБ НЦ РАН** — Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук.
- КБН 1965** — Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей.* Москва; Ленинград: Наука.
- КБН 2004** — Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом).* Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
- КБР** — Кабардино-Балкарская Республика.
- КБЧ 1950** — Сербина К.Н. (ред.). 1950. *Книга Большому Чертежу.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- КИО** — Культурно-историческая общность.

КП	— Книга поступлений основного фонда.
КРС	— Крупный рогатый скот.
КС ОАО	— Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград.
КХП	— Культурно-хозяйственные признаки.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Москва.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ	— Музей археологии и этнологии. Уфа.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИДУ	— Музей исторических драгоценностей Украины. Киев.
МИИР	— Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МКТУ	— Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестан (Республика Казахстан).
МРС	— Мелкий рогатый скот.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НА ИИАЭ	— Научный архив Института истории, археологии и этнографии.
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
НА КФ ИА НАНУ	— Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва.
НМРК	— Национальный музей Республики Казахстан. Астана.
НРМБ	— Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа.
НЭ	— Нумизматика и Эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОР ГРМ	— Отдел рукописей Государственного Русского музея. Санкт-Петербург.

- ОР НА ИИМК РАН** — Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
- ОЭСА** — Оптико-эмиссионный спектральный анализ.
- ПА** — Поволжская археология. Казань.
- ПИФК** — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
- ПКМК 2016** — Моисеев М.В. (ред.). 2016. *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567—1572 гг.* Москва: Фонд «Русские Витязи».
- ПСРЛ 1904** — *Полное собрание русских летописей.* 1904. Т. 13. Ч. 1. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.* Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
- ПСРЛ 1965** — Полное собрание русских летописей. 1965. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. Москва: Наука.
- РА** — Российская археология. Москва.
- РАИК** — Российский археологический институт в Константинополе.
- РАИМК** — Российская академия истории материальной культуры. Ленинград.
- РАН** — Российская академия наук.
- РАНИОН** — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов. Москва.
- РГИА** — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
- РГНФ** — Российский гуманитарный научный фонд. Москва.
- РИС 1838** — *Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских.* 1838. Т. 2.
- РК** — Республика Казахстан.
- РК 1849a** — Разрядная книга 7124 года. 1849. *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 2, 1—86.
- РК 1849b** — Разрядная книга 7125 г. 1849. *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 3, 1—140.
- РК 1966** — *Разрядная книга 1475—1598 гг.* 1966. Москва: Наука.
- РК 1974** — *Разрядная книга 1559—1605 гг.* 1974. Москва: Институт истории СССР.
- РК 1975** — *Разрядная книга 1550—1636 гг.* 1975. Т. 1. Москва: Институт истории СССР.
- РК 1981** — *Разрядная книга 1475—1605 гг.* 1981. Т. 2. Ч. 1. Москва: [б. и.].
- РК 1982** — *Разрядная книга 1475—1605 гг.* 1982. Т. 2. Ч. 2. Москва: [б. и.].
- РНФ** — Российский научный фонд. Москва.
- РО** — Рукописный отдел НА ИИМК РАН. Санкт-Петербург.
- РОМК** — Ростовский областной музей краеведения. Ростов-на-Дону.
- РФА** — Рентгено-флуоресцентный анализ.
- РФФИ** — Российский фонд фундаментальных исследований. Москва.
- СА** — Советская археология. Москва.

САИ	— Свод археологических источников. Москва.
САИПИ	— Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
СИРИО	— Сборник Императорского русского исторического общества. Санкт-Петербург.
СМАМЮ 1914	— <i>Сборник Московского архива министерства юстиции. 1914. Т. 6. Псков и его пригороды.</i> Кн. 2. Москва: Печатня А. Снегиревой.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Санкт-Петербург.
СРИО 1892	— <i>Сборник Императорского Русского исторического общества. 1892. Т. 71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560—1571 гг.</i> Санкт-Петербург: Типография А.Л. Катанского и К ^о .
ССПК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТКиДТ 1950	— Зимин А.А. (ред.). <i>Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.</i> Москва; Ленинград: АН СССР.
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
Труды ИИМК РАН	— Труды Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
УАН	— Украинская академия наук. Киев.
УЗ ИВАН СССР	— Ученые записки Институт востоковедения Академии наук СССР. Москва.
ФАН СССР	— Филиал Академии наук СССР.
ЦГАЛИ СПб.	— Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
ЭКЦ ГУ МВД	— Экспертно-криминалистический центр Главного управления Министерства внутренних дел.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
АА	— Archäologischer Anzeiger. Berlin.
ААС	— Acta Archaeologica Carpatica. Warszawa.
ААН	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
ACSS	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston.
ADelt	— Αρχαιολογικόν Δελτίον.
АН	— Atabetül Hakayık. Ankara.
AIECM3	— Association Internationale pour l'Etude des Céramiques Médiévales et Modernes en Méditerranée.
AJA	— American Journal of Archaeology. Boston.
AL	— Abuska Luğati. Ankara.
АО	— Altın Ordu, Kırım Ve Kazan Sahasına Ait Yarlık Ve Bitiklerin Dil Ve Üslûp İncelemesi. Ankara.

- AT** — Altan Tobçi.
AWE — Ancient West and East. Leiden.
AY-II — Altun Yaruk III. Kitap. Ankara.
BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Athènes.
BMC 1876 — Head B.V., Poole R.S. (eds.). 1892. *Catalogue of the Greek coins. Sicily*. London: British Museum (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum).
Boston MFA — Brett A.B. *Catalogue of Greek Coins*. Boston: Boston Museum of Fine Arts.
BPS — Baltic-Pontic Studies. Poznań.
BV — Baytaratü'l-Vâzih. İstanbul.
Caiete ARA — Asociația ARA (Arhitectură. Restaurare. Arheologie) annual reports. București.
CCCHBulg. VII — Prokopov I. (ed.). 2017. *Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria*. Vol. VII. *Numismatic Collections of the museums at Haskovo. Coins and coin hoards from VI to I century BC*. Sofia; Haskovo: ProVias.
CC-G — Codex Cumanicus-German Part.
Chag — Chagatay.
Complexity of Interaction 2015 — Bemmann J., Schmauder M. (eds.). 2015. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).
DFG — Deutsche Forschungsgemeinschaft. Bonn; Berlin.
DLT — Divanü Lûgat-it-Türk. Ankara.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiquae. Helsinki.
ETŞ — Eski Türk Siiri. Ankara.
GH — Golden Horde.
GT — Gülistan Tercümesi. Ankara.
Gulbenkian II — Robinson E.S.G., Castro Hipolito M. 1971. *A Catalogue of the Calouste Gulbenkian Collection of greek Coins*. Pt. 2. Greece to East. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian
HGC 6 — Hoover O.D., Ashton R. 2010. *Handbook of coins of the islands: Adriatic, Ionian, Thracian, Aegean, and Carpathian seas, excluding Crete and Cyprus: sixth to first centuries BC*. Lancaster: Classical numismatic Group.
HŞ — Kutb'un Hüsrev ü Şirin'i. Ankara.
Hsüan-X — Eski Uyurca Hsüan Tsang Biyografisi. Ankara.
HUAS — Huastuanift. Ankara.
Hurter & Liewald — Hurter S.M., Liewald H.-J. 2006. Die Frühesten Typen der Elektronprägung von Kyzikos. Thunfische, Thunfischköpfe und -hinterhälften. *Schweizerische Numismatische Gesellschaft* 85, 5—17.
ICHB I — Teodosiev N. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nakhodki ot Bulgariya (An Inventory of Coin Hoards from Bulgaria)*. Vol. I. *Ot domonetnata epokha do 498 g. sl. Khr. (From the Pre-Coin Era to 498CE)*. Sofia: Nikolai (in Bulgarian).
IICAS — International Institute of the Central Asian Studies. Samarkand.

- IGCH** — Thompson M., Mørkholm O., Kraay K.M., 1973. *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York: American Numismatic Society.
- İKPÖ** — İyi Ve Kötü Prens Öyküsü. Ankara.
- İML** — İbn-i Mühennâ Lûgati. Ankara.
- İMS** — İrsâdü'l Mülûk ve's- Selâtîn. Ankara.
- ISTA** — Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité. Besançon.
- JbRGZM** — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz.
- Jdl** — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin; Boston.
- JHS** — Journal of Hellenic Studies. London.
- Kat. Bonn 2013** — *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum.
- KB** — Kutadgu Bilig. Ankara.
- KE** — Kışaşı'l-Enbiyâ. Ankara.
- KFLT** — Kitabü Fi'l Fıkh Bi-Lisani Türki. İstanbul.
- Kh** — Khorezmian.
- KMES** — Kitab u Mukaddime-i Ebu'l-Leysi's-Semerkindî. Konya.
- KMT** — Kitâb-ı Mecmû-ı Tercümân-ı Türkî ve Acemî ve Mugalî. Ankara.
- LIMC** — Lexicon iconographicum mythologiae classicae.
- Mam** — Mamluk.
- Mayt** — Maytrisimit. Ankara.
- MCA** — Materiale și cercetări arheologice. București.
- ME** — Mukaddimetü'l Edeb. Ankara.
- METY** — Moğolistan'daki Eski Turk Yazıtları. Ankara.
- MG** — Münyetü'l-Ğuzât. Ankara.
- MM** — Mu'înü'l-Mürîd. Ankara.
- MNT** — Mongyol-un niyuca tobčiyan.
- MT** — Middle Turkic.
- NF** — Nehcü'l Ferâdis. Ankara.
- ONS** — Oriental Numismatic Society.
- OT** — Old Turkic.
- PTMD** — Die Personennamen und Titel Der Mittelmongolischen Dokumente, Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki.
- REG** — Revue des Études Grecques. Paris.
- Rosen** — Waggoner, N.M. 1983. *Early Greek Coins from the Collection of Jonathan P. Rosen*. New York: American Numismatic Society (Ancient coins in North American collections 5).
- RPC** — Roman Provincial Coinage. Oxford.
- RSSDA** — Remote Sensing and Spatial Data Analysis.
- SCIVA** — Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București.
- SNG Berry** — Thompson M. 1961—1962. *Sylloge Nummorum Graecorum: The Burton Y. Berry Collection*. New York: The American Numismatic Society.
- SNG Cop.** — Breitenstein N., Schwabacher W. (eds.). 1946. *Sylloge Nummorum Graecorum, Copenhagen*. Pt. 22—24. *Ionia. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum*. Copenhagen: E. Munksgaard.

- SNG France** — Levante E. 1993. *Sylloge Nummorum Graecorum, France*. Vol. 2. *Bibliothèque nationale de France: Cilicie*. Paris: Bibliothèque Nationale de France.
- SNG Kayhan** — Konul K. 2002. *Sylloge Nummorum Graecorum, Turkey 1, The Muharrem Kayhan Collection*. Istanbul; Bordeaux: Ausonius Publications.
- SNG Lockett** — Robinson E.S.G. 1938. *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. III. The Lockett Collection. London: Oxford University Press.
- SNG von Aulock** — von Aulock H., Kleiner G. 1957. *Sylloge Nummorum Graecorum: Deutschland*. Berlin: Mann.
- SRAA** — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura-shi.
- TKT** — Türkçe İlk Kur'an Tercümesi. Ankara.
- Traité I** — Babelon E. 1907. *Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième Partie: Description historique*. Vol. I. Paris: E. Leroux.
- Traité II** — Babelon, E. 1910. *Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième Partie: Description historique*. Vol. II. Paris: E. Leroux.
- UKY** — Uygur Kağanlığı Yazıtları. Konya.
- UPA** — Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn.
- von Fritze I** — von Fritze H., Gaebler H. (Hrsg.). 1907. *Nomisma: Untersuchung auf dem Gebiete der Antiken Münzkunde*. Bd. 1. Berlin: Mayer & Müller.
- Weber** — Weber H. 1926. *Descriptive Catalogue of the Collection of Greek Coins*. Vol. III. Pt. 1. London: L. Forrer.
- Xiongnu Archaeology 2011** — Brosseder U., Miller B.K. (eds.). 2011. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5).
- YKI** — Yenisey-Kırğızistan Yazıtları ve İlk Bitig. Ankara.
- ZPE** — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.
- AEMΘ** — Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»),
сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутствуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет-ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. <i>Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья</i> . Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. <i>Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir</i> . Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). <i>Очерки по истории христианского Херсонеса</i> . Т. 1. Вып. 1. <i>Херсонес Христианский</i> . Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. <i>Medailles Grecques. Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum</i> . Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). <i>АДСВ</i> 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. <i>Dialogues d'histoire ancienne</i> 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. <i>Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.)</i> : дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. <i>Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века)</i> : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре

электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 13 (2021)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и
эпиграфика.
2021. — 1004 стр.

Подписано к печати 28.01.2022

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ — Югра, 628602, Россия

Формат 60×84 $\frac{1}{8}$. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 25.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ — Югра, 628602, Россия

На обложке — фотография курильницы III—II вв. до н.э.,
обнаруженной в ходе раскопок некрополя Глиное в 2011 г.
(фото С.О. Симоненко).

MAIASP. No. 13 (2021)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and
Epigraphy.
2021. — 1004 pp.

Endorsed for print January 28, 2022.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area —
Yugra, 628602, Russia

Format 60×84 $\frac{1}{8}$. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 25.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area —
Yugra, 628602, Russia

The cover — the photo of incense cup of the 3rd — 2nd cc.
BCE discovered during the excavations of the Glinoe
necropolis in the 2011 (photo by S.O. Simonenko)

